BYZANTINOSLAVICA

SBORNÍK PRO STUDIUM BYZANTSKO-SLOVANSKÝCH VZTAHŮ

RECUEIL POUR L'ETUDE DES RELATIONS BYZANTINO-SLAVES

VYDÁVÁ BYZANTOLOGICKÁ KOMISE SLOVANSKÉHO ÚSTAVU

PUBLIÉ PAR LA COMMISSION BYZANTOLOGIQUE DE L'INSTITUT SLAVE

VYCHÁZÍ S PODPOROU MINISTERSTVA ŠKOLSTVÍ A NÁR. OSVĚTY

ROČNÍK II TOME

SVAZEK 1 VOLUME

VYDÁN DNE 15. V. 1930

PRAHA

V GENERÁLNÍ KOMISI FY ORBIS, PRAHA-XII., FOCHOVA 62

VYTISKLA STÁTNÍ TISKÁRNA V PRAZE

1930

OBSAH – TABLE DES MATIÈRES:

ČLÁNKY – ARTICLES:

Str. – Page

(DR = Deutsches Resumé – RF = Résumé en français).

VALERIJ POGORĚLOV: Формы греческих слов в Кирилло-меѳодіевском переводѣ евангелія 1–26

RF: Formes des mots grecs dans la traduction cyrillométhodienne de l'évangile 27

N. TRUBETZKOY: Das »Münchener slavische Abecedarium« 29–31

NIKOLAJ DURNOVO: Das Münchener Abecedarium 32–41

THEODOR SATURNÍK: ΓΟΥΒΕΛΙΑΤΙΚΌΝ 42–46

RF 46

M. A. ANDREEVA: Политическій и общественный элемент византійско-славянских гадательных книг I. 47–72

RF: L'élément politique et social dans les livres de mantique byzantinoslaves 73

N. L. OKUNEV: Портреты королей-ктиторовъ въ сербской церковной живописи 74–96

RF: Les portraits des rois-donateurs dans la peinture religieuse serbe . . . 97

G. ILJINSKIJ: Лебедия Константина Багрянородного 100–107

RF: »Lebedia« chez Constantine le Porphyrogénète 107

G. ILJINSKIJ: † П. А. Лавров (nekrolog) 108–111

DR 112

POSUDKY – COMPTE-RENDUS:

G. Ostrogorsky: Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites (FR. DVORNÍK) 113–116

F. J. Uspenskij: Очерки из истории Трапезунтской империи (M. A. ANDREEVA) 116–118

N. P. Kondakov: Очерки и замѣтки по исторіи средневѣковаго искусства и культуры (M. A. ANDREEVA) 118–121

L. Niederle: Příspěvky k vývoji byzantských šperků ze IV.–X. století (M. A. ANDREEVA) 121–122

M. Andreeva: Очерки по культурѣ византійскаго двора в XIII. вѣкѣ (JAR. BIDLO) 122–132

Géza Fehér: Die Inschrift des Reiterreliefs von Madara (FR. DVORNÍK) 132–135

G. Soyter: Byzantinische Geschichtsschreiber und Chronisten (FR. DVORNÍK) 136–137

VALERIJ POGORĚLOV:

ФОРМЫ ГРЕЧЕСКИХ СЛОВ В КИРИЛЛО-МЕѲОДІЕВСКОМ ПЕРЕВОДѢ ЕВАНГЕЛІЯ.

(Из наблюденій в области древне-славянской переводной литературы. VI.)

В замѣткѣ «Написанія греческих слов в кирилло-меѳодіевском переводѣ Евангелія», помѣщённой в »Slavii« VII, 1928 (стр. 871—884), я старался выяснить, как передавались начертанія и звуки греческих слов, оставленных без перевода, в кир.-меѳ. переводѣ Евангелія. В настоящей статьѣ я попытаюсь опредѣлить, какія формы имѣли эти слова в древнем славянском переводѣ.[1]

В греческом текстѣ одни из этих слов были склоняемыми, другія — несклоняемыми, нѣкоторыя же, как напр. Ἰάκωβ — Ἰάκωβος, то склонялись, то нѣт.

Из числа *склоняемых* слов, слова *женск. рода* с основой на *ā*, которыя в *nom. sg.* имѣли окончаніе *-а* послѣ согласной, в славянском текстѣ постоянно получают окончаніе *-ъ* и склоняются, как славянскія слова ж. р. с основой на *-ā твёрдаго* различія.

N. sg. анна Лк 2_{36} Ἄννα, китезда Io 5_2 Βηθεσδά, китѣсанда Мѳ 11_{21}, кидѣсанда Лк 9_{10} 10_{13} Βηθσαϊδά, голѣгота Мѳ 27_{33} Мр 15_{22} Io 19_{17} Γολγοθᾶ, иоанна Лк 8_3 24_{10} Ἰωάννα, марѣта Лк $10_{38,\,40,\,41}$ Io $11_{20,\,21,\,24,\,30,\,39}$ 12_2 Μάρθα, спира Io 18_{12} σπεῖρα, соусана Лк 8_3 Σουσάννα;
g. sg. отъ кидѣсандѣı Io 1_{45} (кидѣсандѣска *ZO*), кидѣсандѣı 12_{21} ἀπὸ Βηθσαϊδά, мартѣı Io 11_1 Μάρθας, пирѣı Мр 6_8 Лк 9_3 22_{35} πήραν, съ трапезѣı Мѳ 15_{27} Лк 16_{21} ἀπὸ τῆς τραπέζης;
d. sg. къ кидѣсандѣ Мр 6_{45} πρὸς Βηθσαϊδάν, ѣенѣ Мѳ 5_{22} εἰς τὴν γέενναν, 23_{15} γεέννης, къ мартѣ Io 11_{19} περὶ Μάρθαν;
acc. sg. кидѣсандѫ Мр 8_{22} Βηθσαϊδάν, ѣенѫ Мѳ $5_{29,\,30}$ 18_9 Мр $9_{43,\,45,\,47}$, Лк 12_5 γέενναν, змирнѫ Мѳ 2_{11} σμύρναν, литрѫ Io 12_3 (ликрѫ *A*) λίτραν, мартѫ Io 11_5 τὴν Μάρθαν, пирѫ Лк 22_{36} πήραν, порфѵрѫ Лк 16_{19} πορφύραν, спирѫ Мѳ 27_{27} Мр 15_{16} Io 18_3 τὴν σπεῖραν;
l. sg. къ ѣеенинѣ Мѳ 10_{28} ἐν γεέννῃ, къ рамѣ Мѳ 2_{18} (оу Рама *S*) ἐν Ῥαμᾷ, на трапезѣ Лк $22_{21,\,30}$ ἐπὶ τῆς τραπέζης;
i. sg. подъ трапезоѭ Мр 7_{28} ὑποκάτω τῆς τραπέζης;
g. pl. литръ Io 19_{39} (ликръ *A*) λίτρας.

Особенность представляет слово μνᾶ,[2] которое в *n. sg.* имѣет форму: мънасъ ткоѣ Лк $19_{16,\,18,\,20}$ ἡ μνᾶ σου *(var. Sod.* μνας*)*, *acc. sg.* къзъмѣтѣ... мънасѫ

[1] Матеріал собран мною, главным образом, с помощью словарей при изданіях Маріинскаго Ев. (И. В. Ягича) и Саввиной книги (В. Н. Щепкина).

[2] Ср. *O. Grünenthal:* Die Übersetzungstechnik d. altkirchenslav. Evangelienübersetz. A.-f. sl. Ph. XXXI, s. 331.

Лк 19_{24} (мнасъ *A*) ἄρατε τὴν μνᾶν, *g. pl.* сътвори пѧть мънасъ Лк 19_{18} ἐποίησε πέντε μνᾶς, дастъ имъ дєсѧть мънасъ Лк $19_{13,\,16,\,24,\,25}$ ἔδωκεν δέκα μνᾶς. По-видимому, переводчик имѣл в своем оригиналѣ в *n. sg.* не форму μνᾶ, а μνᾶς, которую в таком видѣ и удержал в *n. sg.*, добавивши лишь звук -ъ, но косвенные падежи он произвёл уже от основы на -*ā*, как если бы *n. sg.* звучал мънаса.

Греческія слова, имѣвшія перед конечной -α гласную -ι, получали в *n. sg.* окончаніе -ѣ (кирил. ꙗ), а имѣвшія перед кон. -α гласную ε (писалось αι), получали окончаніе -а, во всѣх же остальных падежах ед. и мн. ч. всѣ эти слова склонялись, как славянскія слова с основой на *ā мягкаго* различія.

N. sg. витаниѣ Io 11_{18} ἡ Βηθανία, власфимиѣ Mp 7_{22} βλασφημία, мариѣ Mθ 13_{55} $27_{56,\,61}$ 28_{1} Mp 15_{47} 16_{1} Лк $1_{27,\,34,\,38,\,39,\,46,\,56}$ 2_{19} 8_{2} $10_{39,\,42}$ 24_{10} Io $11_{2,\,20,\,32}$ 12_{3} 19_{25} $20_{1,\,11,\,18}$ Μαρία (или Μαριάμ), скинопигиѣ Io 7_{2} (-ия *AO*) σκηνοπηγία; галилея Mθ 4_{15} Γαλιλαία, иѹдея Mθ 3_{5} ἡ Ἰουδαία;

g. sg. отъ витаниꙗ Mp 11_{12} Лк 24_{50} Io 11_{1} ἀπὸ Βηθανίας, отъ ефимѣриꙗ Лк 1_{5} ἐξ ἐφημερίας, отъ коустодиꙗ Mθ 28_{11} τῆς κουστωδίας, мариꙗ Mθ 1_{20} Μαριάμ, кесариꙗ Mθ 16_{13} Mp 8_{27} Καισαρείας, отъ самариꙗ Io 4_{7} ἐκ τῆς Σαμαρείας, отъ аримаѳиꙗ Mθ 27_{57} Mp 15_{43} Лк 23_{51} Io 19_{38} ἀπὸ Ἀριμαθαίας, отъ галилеꙗ Mθ 3_{13} 4_{25} 19_{1} 27_{55} Mp 3_{7} Лк 2_{4} 8_{26} $23_{5,\,49,\,55}$ Io 6_{1} $7_{41,\,52}$ ἀπὸ τῆς Γαλιλαίας, отъ июдеꙗ Mp 3_{7} Лк 6_{17} Io $4_{47,\,54}$ ἀπὸ τῆς Ἰουδαίας, Mθ 4_{25} (иѹдея *O*—Ἰουδαίας);

d. sg. марии Mθ 1_{18} Mp 16_{9} Лк 2_{34} Io $11_{19,\,45}$ Μαρίας;

acc. sg. въ витанию Mθ 21_{17} Mp $11_{1,\,11}$ Лк 19_{29} Io 11_{17} 12_{1} εἰς Βηθανίαν, власфимию Mθ 26_{65} bis, Mp 14_{64} Лк 5_{21} (власвимию *AO*) τὴν βλασφημίαν, коустодию Mθ 27_{65} κουστωδίαν, марию Лк 2_{16} Io $11_{28,\,31}$ τὴν Μαρίαμ (и τὴν Μαρίαν), сукомориѫ Лк 19_{4} συκομορέαν (var. -ρίαν), сквзѣ самариѫ Io 4_{4} διὰ τῆς Σαμαρείας, въ галилеѭ Mθ $4_{12,\,23}$ $28_{10,\,16}$ Mp 1_{14} 9_{30} Лк 2_{39} 4_{14} 23_{6} Io 1_{44} $4_{3,\,43}$ εἰς τὴν Γαλιλαίαν, въ июдеѭ Лк 2_{4} εἰς τὴν Ἰουδαίαν;

l. sg. къ витании Mθ 26_{6} Mp 14_{3} Io 1_{28} ἐν Βηθανίᾳ, о власфимии Io 10_{33} (-вимии *A*) περὶ βλασφημίας, по сирии Mθ 4_{24} εἰς τὴν Συρίαν, къ галилеи Mθ 17_{22} 28_{7} Mp 1_{39} 14_{28} 15_{41} 16_{7} Лк 24_{6} Io $7_{1,\,9}$ ἐν τῇ Γαλιλαίᾳ, въ июдеи Mθ 2_{22} 24_{16} Mp 13_{14} Лк 7_{17} 21_{21} 23_{5} Io 7_{1} ἐπὶ τῆς Ἰουδαίας;

i. sg. съ коустодиеѭ Mθ 27_{66} μετὰ τῆς κουστωδίας, съ мариеѭ Mθ 2_{11} Лк 2_{5} μετὰ Μαρίας, сѵриеѭ Лк 2_{2} τῆς Συρίας, между самариеѭ Лк 17_{11} διὰ μέσου Σαμαρείας, галилѣеѭ Лк 3_{1} 17_{11} τῆς Γαλιλαίας, итѹриеѭ Лк 3_{1} τῆς Ἰτουραίας, июдѣеѭ Лк 3_{1} τῆς Ἰουδαίας;

v. sg. марие Лк 1_{30} Μαριάμ, Io 20_{16} Μαρία;

n. pl. власфимиꙗ Mp 3_{28} власфимиѣ Mθ 15_{19} (-вимиѣ *Z*) αἱ βλασφημίαι.

Здѣсь обращает на себя вниманіе послѣдняя форма *(n. sg.)*, тогда как соотвѣтственно с греч. βλασφημίαι мы ждали бы *n. pl.*; причина отступленія от греч. оригинала объясняется, может быть, тѣм, что слова, предшествовавшія

во фразѣ: **любодѣаниѣ**, — **лъжесъвѣдѣниѣ**, — оканчивались на **-ѣ** и по их аналогіи такое же окончаніе дано и этому слову.

Странную особенность представляет оставленіе без измѣненія греческой формы *g. pl.* ἐλαιῶν в выраженіях, встрѣчающихся лишь в тетрах: Лк 19_{29} 21_{37} τὸ ὄρος τὸ καλούμενον ἐλαιῶν **горѣ нарицаемѣи елеонъ**. Хотя Soden в своём изданіи греч. Нов. Завѣта пишет ἐλαιών, но этому противорѣчат другія мѣста Евангелія (Мѳ 21_1 24_3 26_{30} Мр 11_1 13_3 14_{26} Лк 19_{37} 22_{39} Іо 8_1), гдѣ мы читаем τὸ ὄρος τῶν ἐλαιῶν, что в славянском переводѣ передаётся прилагательным, произведённым от того же **елеонъ : елеоньскъ**.

Греческія существительныя женск. р. с основой на $\bar{a}$, оканчивающіяся в *n. sg.* на -η, и в славянском текстѣ соотвѣтственно оканчиваются на **-и** (в позднѣйших списках и **-ии**), к которому в косвенных падежах присоединяются окончанія *мягкаго* различія основ на $\bar{a}$, и таким образом они пріобрѣтают формы склоненія, тождественныя с формами славянскаго склоненія слов типа **сѫдии, ладии**.

N. sg. **ѣдсимани** Мѳ 26_{36} Мр 14_{32} (и **ѣетъсимани** *MS*, **ѣейсимани** *Z*) Γεθσημανῆ, **магдалини** Мѳ $27_{56,61}$ 28_1 Мр $15_{40,47}$ 16_1 Лк 8_2 24_{10} Іо 19_{25} $20_{1,18}$ (и **-лъıни** б. ч. в *ZOA*) ἡ Μαγδαληνή, **саломи** Мр 15_{40} 16_1 (**-мии** *O*) Σαλώμη, **параскевѣи** (и **-ѣии**, **-скеυги** *O*) Мр 15_{42} Лк 23_{54} Іо $19_{14,31}$ παρασκευή;
g. sg. **пистикиѫ** Мр 14_3 (**нардопистикии** *O*), Іо 12_3 πιστικῆς;
d. sg. **магдалини** Мр 16_9 (**-лъıни** *ZOA*) τῇ Μαγδαληνῇ;
acc. sg. **къ витъфаѣиѭ** Мѳ 21_1 Мр 11_1 Лк 19_{29} εἰς Βηθφαγῆ, **за параскевѣиѭ** (**-скеυгиѭ** *O*) Іо 19_{42} διὰ τὴν παρασκευήν, **драгмѫ** Лк $15_{8,9}$ (∧*AOS*) δραχμήν (var. δραγμήν);
l. sg. **по параскевѣии** Мѳ 27_{62} μετὰ τὴν παρασκευήν;
i. sg. **акилиниѭ** Лк 3_1 Ἀβιληνῆς;
g. pl. **драгмъ** Лк 15_8 (∧*AOS*) δραχμάς (var. δραγμάς);
acc. pl. **скиниѫ** Мр 9_5 (∧*AOS*) Лк 9_{33} σκηνάς.

Здѣсь слѣдует отмѣтить сохраненіе греч. ἡ Μαγδαληνή без измѣненія в видѣ **магдалини**, тогда как обыкновенно имена существительныя, обозначающія происхожденіе, получают в женск. родѣ окончаніе **-ıни**; в списках это слово иногда по аналогіи измѣняется в **магдалъıни**. Форму склоненія существительных получило и греч. прилагательное πιστική (Мр 14_3 Іо 12_3), принятое очевидно переводчиком за существительное. Уклоненіе от указаннаго типа склоненія представляют формы слова δραχμή: **драгмѫ**, **драгмъ** Лк $15_{8,9}$ — по *твёрдому* различію, вѣроятно, потому, что это слово было давно уже усвоено народной рѣчью (как названіе монеты) и именно в такой формѣ.

Существительныя женск. рода с основой на согласную *d* представляют в славянском текстѣ слѣдующія формы.

N. sg. **ıродиѣ** Мр. 6_{19} (**-дıа** *A*) Ἡρωδιάς;
g. sg. **ıродиѣдъı ради** Мр 6_{17} Мѳ 14_3 διὰ Ἡρωδιάδα, **отъ тивериѣдъı** Іо 6_{23}

(-рнѣ *A*) ἐκ Τιβεριάδος;
d. sg. иродиѣдѣ Мр 6_{22} τῆς Ἡρωδιάδος, пароисидѣ Мθ $23_{25, 26}$ τῆς παροψίδος;
acc. sg. хламидѫ Мθ 27_{31} τὴν χλαμύδα;
l. sg. о иродиѣдѣ Лк 3_{19} περὶ Ἡρωδιάδος;
i. sg. хламидоѭ Мθ 27_{28} χλαμύδα;
n. pl. акриди Мθ 3_4 Мр 1_6 (-дъ *O*) ἀκρίδες, -δας.

В этих словах любопытно различіе в образованіи формы *n. sg.* и форм прочих падежей. Очевидно переводчик счёл греческую форму Ἡρωδίας тождественной по образованію с формами: Ἠλίας, Ἡσαΐας, Ζαχαρίας и т. п. и дал ей такое же окончаніе, какое получали эти послѣднія; формы же косвенных падежей он образовал от основы греческих косвенных падежей, гдѣ ясно выступает тематическое δ, причём дал им окончанія основ на ā твёрдаго различія. Форма *n. pl.* акриди образована от основ на ŏ, очевидно потому, что греческія формы (без члена) ἀκρίδες, -δας не указывали переводчику грамм. рода этого слова.[1]

Греческія имена существительныя женск. р. *несклоняемыя,* оканчиваются ли они на гласную, или на согласныя ϱ, β, получают формы склоненія от основ на ā твёрдаго различія.

G. sg. отъ тамарꙑ Мθ 1_3 ἐκ τῆς Θάμαρ, отъ рахавꙑ Мθ 1_5 (харакꙑ *S*) ἐκ τῆς Ῥαχάβ, но отъ иерихона Мθ 20_{29} (ерихꙑ *S*) Мр 10_{46} (Λ*AOS*) ἀπὸ Ἰεριχώ;
acc. sg. къ ерихѫ Мр 10_{46} (Λ*AOS*) Лк 10_{30} 18_{35} (ерихѡ *O*) εἰς Ἰεριχώ, Лк 19_1 (ерихѡ *O*) διήρχετο τὴν Ἰεριχώ, къ сарефтѫ Лк 4_{26} εἰς Σάρεπτα. — Очень любопытна форма иерихона — от основ на ŏ муж. рода; смѣшеніе родов произошло, может быть, потому, что в греческом текстѣ в этом мѣстѣ отсутствовал грамм. член. (Формы *S* и *O*, очевидно, позднѣйшія поправки.)

Несклоняемыя слова, оканчивавшіяся на согласныя λ, ϑ, τ, склоняются в славянском текстѣ, как слова с основой на ĭ.

N. sg. рахиль Мθ 2_{18} (-хинль *O*) Ῥαχήλ, елисаветь Лк 1_5 (-тъ *MA*) $1_{7, 13, 24, 36, 40, 41}$ bis Ἐλισάβετ;
g. sg. отъ рѳти Мθ 1_5 ἐκ τῆς Ῥούθ;
d. sg. елисавети Лк 1_{57} τῇ Ἐλισάβετ.

В тѣх случаях, когда переводчик понимал, что греческое слово указывает на происхожденіе лица из извѣстной мѣстности, мы замѣчаем присоединеніе славянскаго суффикса -нꙑни (подобно тому, как ниже увидим, употребляется особый суффикс и для лиц мужскаго пола): *n. sg.* сирофоникиссанꙑни Мр 7_{26}

[1] Ср. *O. Grünenthal:* Die Übersetzungstechnik... (A.-f. sl. Ph. XXXI, s. 331).

(∧*AOS*) Συροφοινίκισσα, **самарѣнꙗнии** Io 4_9 ἡ Σαμαρεῖτις, *g. sg.* **самарѣнꙗнꙗ** Io 4_9 Σαμαρείτιδος.

Имена существительныя *мужескаго* рода с основой на *ā* (послѣ согласной) представляют слѣдующія формы.

N. sg. **варавва** Мр 15_7 Мѳ 27_{16} Io 18_{40} Βαραββᾶς, **июда** Мѳ 1_3 10_4 13_{55} $26_{14,25,47}$ 27_3 Мр $14_{10,43}$ Лк 22_{47} Io 12_4 13_{29} 14_{22} $18_{2,3,6}$ Ἰούδας, **иона** Мѳ 12_{40} Лк 11_{30} Ἰωνᾶς, **каиѣфа** Мѳ 26_3 Καϊάφα, **кифа** Io 1_{43} Κηφᾶς, **клеопа** Лк 24_{18} Κλεώπας, **тома** Мѳ 10_3 Io 11_{16} 14_5 $20_{24,26,28}$ 21_2 Θωμᾶς, **сотона** Мѳ 12_{26} Мр $3_{23,26}$ 4_{15} Лк 11_{18} 13_{16} $22_{3,31}$ Io 13_{27} ὁ σατανᾶς;

g. sg. **отъ каиафꙑ** Io 18_{28} ἀπὸ τοῦ Καϊάφα, **ионꙑ** Мѳ $12_{39,42}$ 16_4 Лк $11_{29,32}$ Ἰωνᾶ;

d. sg. **къ каиѣфѣ** Мѳ 26_{57} Io $18_{13,24}$ πρὸς Καϊάφαν, **июдѣ** Мр 6_3 Io $13_{2,26}$ Ἰούδα, **томѣ** Io 20_{27} τῷ Θωμᾷ, **мамонѣ** Мѳ 6_{24} Лк 16_{13} μαμωνᾷ;

acc. sg. **июдꙗ** Мѳ 1_2 Мр 3_{19} Лк $6_{15,16}$ 22_3 Io 6_{71} τὸν Ἰούδαν, **варавву** Мѳ $27_{17,20,21,26}$ Мр $15_{11,15}$ Лк 23_{18} Io 18_{40} Βαραββᾶν, **тому** Мр 3_{18} Лк 6_{15} Θωμᾶν, **сотонꙗ** Мѳ 12_{26} Мр 3_{23} Лк 10_{18} τὸν σατανᾶν, **въ корвану** Мѳ 27_6 εἰς τὸν κορβανᾶν;

l. sg. **при каиѣфѣ** Лк 3_2 ἐπὶ Καϊάφα;

i. sg. **сотоноꙗ** Мр 1_{13} ὑπὸ τοῦ σατανᾶ;

v. sg. **авва отѥцъ** Мр 14_{36} (∧*AOS*) ἀββᾶ ὁ πατήρ, **симоне вариѡна** Мѳ 16_{17} Σίμων βὰρ Ἰωνᾶ, **сотоно** Мѳ 4_{10} 6_{23} Мр 8_{33} Лк 4_8 σατανᾶ.

Как видно из приведённаго списка форм, эти слова склоняются совершенно по образцу славянских имён существит. мужеск. рода с основой на *ā* твёрдаго различія типа **воєвода**; остановиться слѣдует лишь на звательной формѣ ед. ч. Слово **авва**, повидимому, не сознавалось переводчиком, как звательная форма, и вообще, кажется, было для него неясным; слово же **вариѡна** оставлено в той формѣ, какую оно имѣло в греческом в виду того, что оно являлось как бы приложеніем к звят. формѣ **симоне**.

Если греческія слова такого образованія имѣли перед окончаніем -ας гласную, то в славянском текстѣ они склонялись так же, как и славянскія имена муж. р. с основой на *ā*, но *мягкаго* различія, типа **дрѣводѣлѣ**.

N. sg. **аньдрѣа** (и -ꙗ) Мѳ 10_2 (∧*AOS*) Мр 13_3 Io 1_{41} 6_8 12_{22} Ἀνδρέας, **озиꙗ** Мѳ 1_9 Ὀζίας, **єзекиѣ** Мѳ 1_{10} Ἐζεκίας, **иѡсиа** (и -ꙗ) Мѳ 1_{11} Ἰωσίας, **иєхониа** *O* (**іохониѣ** *A*, **охониа** *S*) Мѳ 1_{12} Ἰεχονίας, **захариѣ** Лк $1_{5,12,18,59,67}$ Ζαχαρίας, **илиѣ** Мѳ 11_{14} $17_{3,11,12}$ Мр 6_{15} $9_{4,12,13}$ 15_{36} Лк 4_{26} $9_{8,30,54}$ Io $1_{21,25}$ Ἠλίας, **исаиѣ** Мѳ 15_7 Мр 7_6 Io 1_{23} $12_{39,41}$ Ἠσαΐας, **мєсиѣ** Io 4_{25} Μεσσίας;

g. sg. **захариꙗ** Мѳ 23_{35} Ζαχαρίου Лк 1_{21} τὸν Ζαχαρίαν, **исаиꙗ** Лк 3_4 4_{17} Io 12_{38} Ἡσαΐου;

d. sg. **аньдрѣови** Io 12_{22} τῷ Ἀνδρέᾳ, **илии** Мѳ $17_{4,10}$ Мр $9_{5,11}$ Лк 9_{33} Ἠλίᾳ, **лусанию** Лк 3_1 Λυσανίου;

acc. sg. **озиꙗ** Мѳ 1_8 τὸν Ὀζίαν, **єзекиꙗ** Мѳ 1_9 τὸν Ἐζεκίαν, **иѡсиꙗ** Мѳ 1_{11} τὸν

Ἰωσίαν, **иєχониѫ** (*O*, **ио-** *AS*) Мθ 1_{11} τὸν Ἰεχονίαν, **аньдрѣѩ** Мθ 4_{18} (**-рєа** *AOS*) Мр 1_{16} (Λ*AOS*, **-рѣа** *Z*) 3_{18} (Λ*AOS*), Лк 6_{14} (Λ*AOS*, **-рѣоу** *Z*) Ἀνδρέαν, **иєремиѫ** Мθ 16_{14} Ἰερεμίαν, **илиѫ** Мθ 16_{14} 27_{47} Мр 8_{28} 15_{35} Лк 9_{19} Ἠλίαν, **мєсиѫ** Io 1_{42} τὸν Μεσσίαν;

i. sg. **иєремиємь** Мθ 2_{17} 27_{9} bis διὰ Ἰερεμίου, **исаиємь** Мθ 3_{3} 4_{14} 8_{17} 12_{17} διὰ Ἡσαΐου;

v. sg. **заχарие** Лк 1_{13} Ζαχαρία.

Здѣсь обращают на себя вниманіе формы *d. sg.* **аньдрѣови** (в тетрах и апракосах), *acc. sg.* **андрєа** (апрак.), и **андрѣа** *Z*, т. е. образованныя как бы от основы на *ŏ*; таковы же и формы *instr. sg.* **иєремиємь** и **исаиємь** (тетры и апрак.). Очевидно, первое имя, как очень распространённое, было усвоено славянской народной рѣчью в той формѣ, какая существует и теперь в славянских языках: болг. и р. Андрей, п. Andrzej, словацк. Ondrej, чш. Ondřej, но срб. Андрија. Что касается форм *i. sg.* на **-емь**, то, быть может, появленіе их объясняется тѣм, что в соотвѣтственных мѣстах в греч. текстѣ стоят формы с окончаніем-ου, т. е. такія, которыя переводчик мог принять за принадлежащія к основам на *ŏ*. Так же объясняется и форма *d. sg.* **лусанию**: при формѣ Λυσανίου переводчик, очевидно, не мог представить себѣ *n. sg.* Λυσανίας.

Слова муж. рода с основой на *ā*, которыя в греческом имѣли окончаніе -ης в *n. sg.*, представляют слѣдующія формы.

N. sg. **иоанъ** Мθ $3_{1,\,4,\,14}$ 4_{12} $11_{2,\,18}$ $14_{2,\,4}$ 21_{32} Мр $1_{4,\,6}$ $6_{14,\,18}$ 9_{38} 10_{35} 13_{3} Лк $1_{13,\,60,\,63}$ 3_{16} $7_{19,\,20,\,33}$ $9_{7,\,49,\,54}$ 11_{1} 20_{6} Io $1_{6,\,15,\,26,\,28,\,32,\,35}$ $3_{24,\,27}$ 4_{1} $10_{40,\,41}$ bis Ἰωάννης, **иродъ** Мθ $2_{3,\,7,\,13,\,16}$ $14_{1,\,3}$ Мр $6_{14,\,16,\,17,\,20,\,21}$ Лк 3_{19} bis $9_{7,\,9}$ 13_{31} $23_{8,\,11,\,12,\,15}$ Ἡρῴδης, **искаріотъ** Лк 22_{3} (Λ*AOS*) Ἰσκαριώτην (в других случаях **искаріотъскъı** Мθ 10_{4} 26_{14} Мр 14_{10} Io 12_{4} 14_{22}), **левъѣинтъ** Лк 10_{32} λευίτης, **тєтрархъ** Мθ 14_{1} (Λ*AOS*) ὁ τετράρχης, **кодрантъ** Мр 14_{32} (Λ*AOS*) κοδράντης;

g. sg. **иоана** Мθ $11_{11,\,12,\,13}$ 14_{8} Мр 1_{6} $6_{24,\,25}$ Лк 7_{28} 16_{16} Io 1_{41} Ἰωάννου, **иоръдана** Мθ $4_{15,\,25}$ 19_{1} Мр 3_{8} 10_{1} Лк 4_{1} Io 1_{28} 3_{36} 10_{40} τοῦ Ἰορδάνου, **ирода** Мθ $2_{1,\,22}$ Лк 1_{5} Ἡρῴδου, **ада** Мθ 11_{23} Лк 10_{15} ᾅδου;

d. sg. **иоаноу** Мθ 3_{13} Лк 3_{2} 7_{18} 8_{51} Io 3_{26} 5_{33}, **иоанови** Мθ 11_{4} Лк 7_{22} Ἰωάννου, **иродоу** Мθ 2_{19} Лк 3_{1} 23_{7}, **иродови** Мθ 14_{6} Мр $6_{18,\,22}$ τῷ Ἡρῴδῃ;

acc. sg. **иоана** Мθ $14_{3,\,10}$ 16_{14} 17_{1} 21_{26} Мр 1_{19} 3_{17} 5_{37} $6_{16,\,17,\,20}$ 8_{28} 9_{2} 11_{32} Лк 3_{20} 5_{10} 6_{14} $9_{9,\,19,\,28}$ 27_{8} τὸν Ἰωάννην, **искаріота** Io 6_{71} (Λ*AOS*) Ἰσκαριώτην (в др. случаях **-искаріотъскаго** Мр 3_{19} Лк 6_{16} (Λ*AOS*), **зилота** Лк 6_{15} ζηλώτην, **иѫрданъ** Мθ 3_{13} τὸν Ἰορδάνην, **кодрантъ** Мθ 5_{26} (Λ*AOS*) τὸν κοδράντην;

l. sg. **о иоанѣ** Мθ 11_{7} 17_{13} Мр 10_{41} Лк 3_{15} 7_{24} περὶ Ἰωάννου, **къ иорданѣ** Мр 1_{9} εἰς τὸν Ἰορδάνην, **къ адѣ** Лк 16_{23} ἐν τῷ ᾅδῃ;

n. pl. **ѵпокрити** Мθ $6_{2,\,16}$ 22_{18} $23_{13,\,15,\,25,\,27,\,29}$ Лк 12_{56} οἱ ὑποκριταί (в других случаях переводится **лицемѣръ** Мθ 6_{5} 7_{5} 15_{7} $23_{14,\,23}$ Мр 7_{6} Лк 6_{42} 11_{44} 13_{15});

acc. pl. **левъѣинтъı** Io 1_{19} λευίτας;

i. pl. **съ ѵпокритъı** Мθ 24_{51} μετὰ τῶν ὑποκριτῶν.

Таким образом, формы славянскаго текста образуются так, что в *n. sg.* греческое окончаніе -ης откидывается, замѣняясь окончаніемъ -ъ, а всѣ прочія падежныя формы ед. и мн. ч. образуются от основ на *ŏ* муж. р., причём в *d. sg.* находим не только окончаніе -ѹ, но и -ови (от основ на *ĭ*) в одних и тѣх же словах (иоанѹ и иоанови, иродѹ и иродови), в *acc. sg.* имена одушевлённых предметов имѣют форму *gen. sg.* (иоана и т. п.), имена же предметов неодушевлённых сохраняют старую форму *acc. sg.*, совпадающую фонетически с *n. sg.*: иорданъ, кодрантъ.

Особыя формы склоненія представляют имена Μανασσῆς и Μωϋσῆς и, очевидно, одинаково с ними произносившіяся Λευΐς и Δεκαπόλις; первыя два и в греческом текстѣ имѣют своеобразное склоненіе.

1. *N. sg.* манасии Мѳ 1_{10} (так в *A*, -сиа *OS*) Μανασσῆς, левьѣии Лк 5_{29} (леѵ̈и *O*) Λευΐς;
acc. sg. манасиѩ Мѳ 1_{10} τὸν Μανασσῆ, левьѣиѩ Мр 2_{14} Лк 5_{27} (леѵ̈иѩ *O*) Λευΐν, — таким образом, склоненіе этих слов совпадает со склоненіем слов женского рода с основами на *ā*, оканчивающихся в *n. sg.* на — η, (см. выше).
2. *N. sg.* моси Мѳ 8_4 (-сии *A*, моѵ̈си *O*), 17_3 (-сии *A*), $19_{7,8}$ 22_{24} Мр 1_{44} (моисн *S*), 7_{10} $10_{3,4}$ Лк 5_{14} Іо 3_{14} (моисн *S*) 5_{45} $7_{19,22}$ 8_5 мосни Мр 12_{19} Лк 9_{30} (моѵ̈сѣи *O*, $_\wedge$*AS*) $20_{28,37}$ Іо 1_{46} (моѵ̈си *O*, моси *S*) Μωϋσῆς;
g. sg. отъ мосѣа Лк 24_{27} Іо 7_{22} ἀπο Μωϋσέως;
d. sg. мосѥови Мѳ 17_4 (моисн *O*, моисии *A*, $_\wedge$*S*), Мр 9_5 Лк 9_{33} (моѵ̈сии *O*, $_\wedge$*AS*), Іо 5_{46} 9_{29} Μωϋσῆ и Μωϋσεῖ;
acc. sg. мосѣа Лк 16_{29} Μωϋσέα;
i. sg. съ мосѣомь Мр 9_4 (-сѥмъ *M*) σὺν Μωσεῖ, Іо 1_{17} διὰ Μωσέως.

Здѣсь форма *n. sg.* также совпадает с соотвѣтственной формой слов женск. р. осн. на *ā*, оканчивающихся в *n. sg.* на -η, но формы прочих падежей, которыя в греческом совпадают с формами слов с осн. на *ĭ* (*n. sg.* на -ευς), и в славянском текстѣ также тождественны с формами от основ на *ŏ*, как и от слов с осн. на *ĭ* (*n. sg.* на -ευς), т. е. мосѥови, как архиѳреови и т. п. Варіанты, представляемые в *d. sg.* апракосами (*AO*) в Мѳ 17_4 моисни и *O* в Лк 9_{33} моѵ̈сии, являются, вѣроятно, позднѣйшими поправками, так как в других мѣстах чтеніе апракосов одинаково с тетрами: мосѥови Іо 5_{46} 9_{29}.

От слова Δεκαπόλις находим лишь формы *g. sg.* отъ декаполѣа Мѳ 4_{25} (так *OZ*, -лѣ *A*, декапелиа *S*) ἀπὸ Δεκαπόλεως, которая также тождественна с формой слов от осн. на *ŭ* (*n. sg.* -ευς) как и соотвѣтственная греч. форма, и *l. sg.* къ декаполи Мр 5_{20} ($_\wedge$*AOS*) ἐν τῇ Δεκαπόλει, которая образована иначе: от осн. на *ĭ*, ср. къ никополи (Супр.), хотя возможно, что славянское написаніе просто передаёт (слав. буквами) греческую форму.

Слова муж. рода с основой на -*ŭ* (*n. sg.* на -ευς) являются в слѣдующих формах.

N. sg. архиереи Мѳ $26_{62,63,65}$ Мр $14_{60,61,63}$ Іо $11_{49,51}$ $18_{13,19}$ ἀρχιερεύς, иереи Лк 1_5 10_{31} ἱερεύς, гнафеи Мр 9_3 γναφεύς;
d. sg. архиереови Мѳ 26_{57} Мр 1_{44} (иереови *AS*), 14_{53} Іо $18_{15,16,22,24}$ πρὸς τὸν ἀρχιερέα, иереови Лк 5_{14} τῷ ἱερεῖ;
l. sg. при архиереи Мр 2_{26} ἐπὶ τοῦ ἀρχιερέως;
n. pl. архиереи Мѳ $21_{15,23,45}$ $27_{1,6,12,20,62}$ Мр $11_{18,27}$ $14_{53,55}$ $15_{1,3,10,11,31}$ Лк 19_{47} $20_{1,19}$ $22_{2,66}$ 23_{10} 24_{20} Іо 7_{32} $11_{47,57}$ 12_{10} 15_{21} 18_{35} 19_6 οἱ ἀρχιερεῖς, иереи Мѳ 12_5 οἱ ἱερεῖς;
g. pl. архиереи Мѳ 16_{21} $26_{47,59}$ Мр 14_{43} Іо 18_3 ἀρχιερέων;
d. pl. архиереомъ Мѳ 20_{18} 26_{14} 27_3 28_{11} Мр 10_{33} 14_{10} Лк $22_{4,52}$ 23_4 Іо 7_{45} τοῖς ἀρχιερεῦσι, иереомъ Мѳ 12_4 Мр 2_{26} Лк 6_4 17_{14} τοῖς ἱερεῦσι;
acc. pl. архиереѧ Лк 23_{13} τοὺς ἀρχιερέας, иереѧ Іо 1_{19} ἱερεῖς.

Формы славянскаго текста образованы от основ на *ŏ*, притом, по большей части, по *мягкому* различію: *n.* и *l. sg.*, *n.*, *g.* и *acc. pl.*, только *d. sg.* и *d. pl.* по *твёрдому* различію.

Слова муж. рода с основой на *-ŏ* являются наиболѣе многочисленными и в славянском текстѣ имѣют также формы от основ на *ŏ*, притом *твёрдаго* различія, если окончанію *-ος* предшествует согласная.

N. sg. а҃нгелъ Мѳ $1_{20,24}$ $2_{13,19}$ $28_{2,5}$ Лк $1_{11,13,19,26,28,30,35,38}$ $2_{9,10}$ 22_{43} Іо 5_4 12_{29} ἄγγελος, а҃пълъ Іо 13_{16} ἀπόστολος, архисѵнагогъ Лк 13_{14} ὁ ἀρχισυνάγωγος, архитриклинъ Іо 2_9 ὁ ἀρχιτρίκλινος, дїаволъ Мѳ 13_{39} Лк $4_{3,5,6,13}$ 8_{12} Іо 6_{70} ὁ διάβολος, наиръ Мр 5_{22} Лк 8_{41} Ἰάειρος, лазаръ Лк 16_{20} (-рь *O*, -зоръ *S*), 16_{25} (-рь *O*) Іо $11_{1,2,11}$ (-рь *O*, -зоръ *S*) 11_{14} $12_{1,2}$ (-рь *O*, -зоръ *S*) Λάζαρος, малхъ Іо 18_{10} Μάλχος, никодимъ Іо $3_{1,4,9}$ 7_{50} 19_{39} Νικόδημος, петръ Мѳ 10_2 $14_{28,29}$ $16_{15,18,22}$ $17_{4,26}$ 18_{21} 19_{27} $26_{33,35,58,69}$ Мр 3_{16} $8_{29,32}$ 9_5 10_{28} 11_{21} 13_3 $14_{29,54,72}$ Лк 5_8 8_{45} $9_{20,32,33}$ 12_{41} 18_{28} $22_{54,55,58,60,61,62}$ 24_{12} Іо 1_{43} 6_{68} $13_{9,24,36}$ $18_{10,15,16,18,25,26,27}$ $20_{3,6}$ $21_{2,3,7,11,17,20,21}$ Πέτρος, пилатъ Мѳ $27_{13,17,22,24,57,65}$ Мр $15_{2,4,9,12,14,15,44}$ Лк 13_1 $23_{3,4,6,12,13,20,24}$ Іо $18_{29,31,33,35,37,38}$ $19_{1,4,6,8,10,11,13,15,19,22,38}$ ὁ Πιλάτος, филипъ Мѳ 10_3 Іо $1_{45,46,47,49}$ 6_7 12_{22} 14_8 Φίλιππος, ѯ҃с Мѳ 1_{16} 2_4 $16_{16,20}$ 23_8 $24_{5,23}$ 26_{63} 28_6 Мр 3_{11} 8_{29} 12_{35} 14_{61} 15_{32} Лк 2_{11} 3_{15} 4_{41} 17_{23} 22_{66} $23_{35,39}$ 24_{34} Іо $1_{20,25,42}$ 3_{28} $4_{25,29,42}$ 6_{69} $7_{26,27,31,41,42}$ 10_{24} 11_{27} 12_{34} 20_{31} Χριστός;
g. sg. отъ акъгоѵста Лк 2_1 παρὰ Αὐγούστου, отъ архисѵнагога Мр 5_{35} Лк 8_{49} ἀπὸ τοῦ ἀρχισυναγώγου, отъ дїаволя Мѳ 4_1 Іо 8_{44} ὑπὸ τοῦ διαβόλου, wтъ ѥгѵпта Мѳ 2_{15} ἐξ Αἰγύπτου, петра Іо 1_{41} 6_8 20_4 τοῦ Πέτρου, до ѯа Мѳ 1_{17} ἕως τοῦ Χριστοῦ, нарда Іо 12_3 νάρδου, сего же титла Іо 19_{20} τοῦτον τὸν τίτλον;
d. sg. къ а҃нѣлоу Лк $1_{18,34}$ πρὸς τὸν ἄγγελον, архисѵнагогови Мр 5_{36} τῷ ἀρχισυναγώγῳ, архитриклинови Іо 2_8 (-ноу *A*) τῷ ἀρχιτρικλίνῳ, дїаволоу Мѳ 25_{41} Іо 13_2 τῷ διαβόλῳ, къ петроу Іо 13_6 20_2 21_{15} πρὸς Πέτρον, петрови Мѳ 16_{23} 17_{24} (-роу *S*), 26_{40} (-роу *O*), 26_{73} Мр 8_{33} $14_{37,66}$ (-роу *O*), 14_{70} 16_7 Лк 8_{51} (-роу *O*) Іо $18_{11,17}$ 21_7 τῷ Πέτρῳ, пилатоу Мѳ $27_{2,58,62}$ Мр 15_{43} Лк 3_1 $23_{1,52}$ Πιλάτῳ, пилатови Мр $15_{1,5}$ Лк 23_{11} Іо 19_{21} τῷ Πιλάτῳ, тѵроу Мѳ 11_{22} Лк 10_{14} Τύρῳ

хⷭ҃ъ Лк $24_{26,46}$ τὸν Χριστόν, **сукаминѣ сеи** Лк 17_6 τῇ συκαμίνῳ ταύτῃ;
acc. sg. **иконома** Лк 16_8 τὸν οἰκονόμον, **лазарѣ** Лк $16_{23,24}$ (**-зара** *A*, **-зора** *S*), **лазара** Io 11_5 $12_{9,10,17}$ (**-рѣ** *Z*) τὸν Λάζαρον, **петра** Мѳ 4_{18} 17_1 26_{37} Мр 5_{37} 9_2 $14_{33,67}$ Лк 6_{14} 9_{28} $22_{8,61}$ Πέτρον, **пилата** Io $19_{31,38}$ τὸν Πιλάτον, **филипа** Мр 3_{18} Лк 6_{14} Io 1_{44} Φίλιππον, **х҃а** Мѳ $27_{17,22}$ Лк 2_{26} 4_{41} 9_{20} 20_{41} 23_2 Io 9_{22}; **аи҃ѣлъ** Мѳ 11_{10} Мр 1_2 Лк 7_{27} τὸν ἄγγελον, **алавастръ** Мѳ 26_7 Мр 14_3 bis, Лк 7_{37} τὸν ἀλάβαστρον, **вусонъ** Лк 16_{19} (**въ оусонъ** *S*, **вусь** *A*, **вуссъ** *O*) βύσσον, **въ єѣупетъ** Мѳ $2_{13,14}$ εἰς Αἴγυπτον, **кинсь** Мѳ 17_{25} 22_{17} Мр 12_{14} κῆνσον, **ливанъ** Мѳ 2_{11} λίβανον, **о матизмъ** Io 19_{24} ἐπὶ τὸν ἱματισμόν, **на всопъ** Io 19_{29} ὑσσώπῳ, (**написа**) **титла** Io 19_{19} (**титьлъ** *ZA* ⩚*S*) ἔγραψε τίτλον;
l. sg. **въ єѣуптѣ** Мѳ 2_{19} ἐν Αἰγύπτῳ, **литостротѣ** Io 19_{13} (**-тѫ** *ZS*, **-та** *A*, **-то** *O*) Λιθόστρωτον, **въ тирѣ** Мѳ 11_{21} Мр 3_8 Лк 10_{13} ἐν Τύρῳ, **о х҃ѣ** Мѳ 22_{42} περὶ τοῦ Χριστοῦ;
i. sg. **съ аи҃ѣлмъ** Лк $2_{13,21}$ σὺν τῷ ἀγγέλῳ, **диѣволомъ** Лк 4_2 ὑπὸ τοῦ διαβόλου, **х҃мь** Io 1_{17} διὰ Χριστοῦ;
v. sg. **лазаре** Io 11_{43} Λάζαρε, **петре** Лк 22_{34} Πέτρε, **теофиле** Лк 1_3 Θεόφιλε, **филипе** Io 14_9 Φίλιππε, **х҃е** Мѳ 26_{68} Мр 14_{65} Χριστέ;
n.-acc. du. **аи҃ѣла** Io 20_{12} (δύο)ἀγγέλους, **апоста҃ла** Лк 22_{14} (οἱ δώδεκα) ἀπόστολοι;
n. pl. **аи҃ѣли** Мѳ 4_{11} $13_{39,49}$ 18_{10} 22_{30} 24_{36} 25_{31} Мр 1_{13} 12_{25} 13_{32} Лк 2_{15} ἄγγελοι, **аи҃ли** Мр 6_{30} Лк 9_{10} 17_5 οἱ ἀπόστολοι, **лъжи хрѣсти** Мѳ 24_{24} Мр 13_{22} ψευδόχριστοι;
g. pl. **аи҃ѣлъ** Мѳ 26_{53} Лк 9_{26} 24_{23} ἀγγέλων, **ироди҃нъ** Мр 12_{13} (**-нъı** *M*) τῶν Ἡρωδιανῶν, **коръ** Лк 16_7 (*ZNik.*, **корьць** *M*, ⩚*AOS*) κόρους;
d. pl. **аи҃ѣломъ** Мѳ 4_6 25_{41} Лк$_{10}$ 20_{36} τοῖς ἀγγέλοις, **апа҃мъ** Лк 24_{10} πρὸς τοὺς ἀποστόλους, **содомомъ** Мр 6_{11} (⩚*AS*) Σοδόμοις, **стратигомъ** Лк 22_{52} πρὸς στρατηγούς;
acc. pl. **аи҃ѣлъı** Мѳ 13_{41} 24_{31} Мр 13_{27} Io 1_{52} τοὺς ἀγγέλους, **апоста҃лъı** Лк 11_{49} ἀποστόλους;
l. pl. **въ пса҃лмѣхъ** Лк 24_{44} ἐν ψαλμοῖς, **въ содомѣхъ** Мѳ 11_{23} ἐν Σοδόμοις;
i. pl. **съ аи҃ѣлъı** Мѳ 16_{27} Мр 8_{38} Лк $12_{8,9}$ 15_{10} 16_{22} μετὰ τῶν ἀγγέλων, **съ ироди҃нъı** Мѳ 22_{16} (**родиѣнинъı** *S*) Мр 3_6 μετὰ τῶν Ἡρωδιανῶν.

В славянском текстѣ сдѣлались словами муж. рода и такія существительныя с основой на *ŏ*, которыя по гречески женскаго рода: *g. sg.* **єѣупта, нарда**, *acc. sg.* **всопъ** — ἡ Αἴγυπτος, ἡ νάρδος, ἡ ὕσσωπος; только слово συκάμινος сохраняет женскій род, так как употреблено в соединеніи с членом и мѣстоименіем, которыя ясно свидѣтельствуют о его родѣ, но зато оно получило форму от основ на *ā*: *d. sg.* **сукаминѣ сеи**. В *acc. sg.* слово **титлъ** употреблено в формѣ **титла** в *M.*, что повидимому описка, так как другіе списки — *ZA* имѣют **титьлъ**. Странную форму представляет слово **вусонъ**, в сущности сохраняющее греч. окончаніе *acc. sg.* βύσσον; хотя в *AO* эта форма исправлена, но что в первонач. переводѣ было именно **вусонъ**, свидѣтельствуют не только написанія *MZ*, но особенно описка *S*: **въ оусонъ**.

Греческія слова с основой на *-ŏ*, которыя имѣют окончаніе -ος послѣ гласной, в славянском текстѣ представляют также склоненіе от основ на *ŏ*, но в большинствѣ падежей по *мягкому* различію.

N. sg. **архилан** Мθ 2_{22} Ἀρχέλαος, **картимеи** Мр 10_{46} Βαρτίμαιος, **вартоломѣи** Мθ 10_3 Βαρθολομαῖος, **закьхеи** Лк 19_2 (**-хеа** *Z*) 19_8 Ζακχαῖος, **июдеи** Io 4_9 Ἰουδαῖος, **келевеи** Мθ 10_3 καὶ Λεββαῖος, **матѣтеи** Мθ 10_3 Ματθαῖος, **назареи** Мθ 2_{23} (**назарѣнинъ** *S*) Io 19_{19} (**назарѣнинъ** *S*), **тадеи** Мθ 10_3 Θαδδαῖος, **фарисѣи** Лк 7_{39} $11_{37,38}$ $18_{10,11}$ ὁ φαρισαῖος;
g. sg. **тивериѣ** Лк 3_1 (**-ра** *S*) Τιβερίου;
d. sg. **кѵринию** Лк 2_2 (**-иоу** *O*) Κυρηνίου;
acc. sg. **картоломѣа** Мр 3_{18} Лк 6_{14} Βαρθολομαῖον, **зеведеа** Мр 1_{20} Ζεβεδαῖον, **матеа** Мθ 9_9 **матѣтѣа** Мр 3_{18} Лк 6_{15} Ματθαῖον, **назарѣа** Io $18_{5,7}$ (**назарѣнина** *S*) τὸν Ναζωραῖον, **тадеа** Мр 3_{18} Θαδδαῖον, **скорьпиа** Лк 11_{12} (**-пиѫ** *AO*, **-фиѫ** *S*) σκορπίον;
l. sg. **при елисеи** Лк 4_{27} ἐπὶ Ἐλισσαίου;
i. sg. **съ зеведеомь** Мθ 4_{21} μετὰ Ζεβεδαίου;
v. sg. **закьхѣе** Лк 19_5 (**-хеоу** *A*) Ζακχαῖε, **фарисею** Мθ 23_{26} (*ΛAOS*) φαρισαῖε;
n. pl. **июдеи** Мр 7_3 Io 1_{19} $2_{18,20}$ 4_9 $5_{10,16,18}$ $6_{41,52}$ $7_{11,15,35}$ $8_{22,33,48,52,57}$ $9_{18,22}$ $10_{24,31,33}$ $11_{8,31,36}$ $18_{20,31}$ $19_{7,12,31}$ 12_{11} Ἰουδαῖοι, **садоукеи** Мθ 16_1 22_{23} Мр 12_{18} Σαδδουκαῖοι, **фарисѣи** Мθ 7_{29} $9_{11,14,34}$ $12_{2,14,24,38}$ $15_{1,12}$ 16_1 19_3 21_{45} $22_{15,34}$ 23_2 $27_{41,62}$ Мр $2_{16,18,24}$ 3_6 $7_{1,3,5}$ 8_{11} 10_2 Лк $5_{17,21,30}$ 6_7 $7_{30,39}$ 11_{53} 13_{31} 15_2 16_{14} 19_{39} Io 4_1 $7_{32,47}$ $8_{3,13}$ 9_{15} $11_{47,57}$ 12_{19} φαρισαῖοι;
g. pl. **отъ июдеи** Io 4_{22} 9_{22} $11_{19,45}$ 12_9 ἐκ τῶν Ἰουδαίων, (**единии**) **отъ садоукеи** Лк 20_{27} τινες τῶν Σαδουκαίων, **отъ фарисѣи** Мр 12_{13} Лк 6_2 7_{36} τινας τῶν φαρισαίων, 17_{20} ὑπὸ τ. φ., Io 1_{24} 3_1 7_{48} 9_{40} 18_3 ἐκ τ. φ., Io 12_{42} διὰ τοὺς φαρισαίους; **стадии** ѕ Лк 24_{13} Io 6_{19} 11_{18} σταδίους 60;
d. pl. **июдѣомъ** Лк 23_3 τῶν Ἰουδαίων Io 5_{15} 8_{31} 13_{33} $18_{14,36,38}$ $19_{14,40}$ τοῖς Ἰουδαίοις, **фарисеомъ** Мθ 22_{41} Лк 11_{42} 14_3 Io 7_{45} 9_{13} 11_{46} τοῖς φαρισαίοις;
acc. pl. **июдеѧ** Io 11_{53} Ἰουδαίους, **садоукеѧ** Мθ 3_7 22_{34} Σαδδουκαίων, **фарисеѧ** Мθ 3_7 τῶν φαρισαίων, **на скорѣпиѧ** Лк 10_{19} ἐπάνω σκορπίων;
l. pl. **июдеихъ** Мθ 28_{15} Io 10_{19} 11_{54} παρὰ Ἰουδαίοις;
i. pl. **съ июдеи** Io 3_{25} μετὰ Ἰουδαίων;
v. pl. **фарисѣи** Мθ $23_{13,14,15,23,25,27,29}$ Лк $11_{39,43,44}$ φαρισαῖοι.

Из этих форм, слѣдовательно, только *i. sg.* (**зеведеомь**) и *d. pl.* (**июдеомъ**, **фарисеомъ**) образованы по твёрдому различію; форма *g. sg.* (и *acc. sg.* у имён одушевлённых) представляет колебаніе: послѣ и находим окончаніе **ѣ**, послѣ **е** — **а** (**тивериѣ**, но **вартоломеа**, **зеведеа**).

Любопытное явленіе представляет форма *acc. sg.* слова σκορπίος: в апракосах является форма женск. р. от осн. на *ā* — **скорьпиѫ** *AO*, **-фиѫ** *S*, в тетрах же муж. р. от осн. на *ŏ* — **скорпии** *MZ*.[1] Я думаю, что совпаденіе всѣх

[1] Ср. *O. Grünenthal:* Die Übersetzungstechnik... (A.-f. sl. Ph. XXXI, s. 331).

апракосов указывает на то, что так было и в первоначальном переводѣ, гдѣ эта форма являлась звуковой передачей греч. формы, причём греческое -ον выражено славянским ѫ, как это мы находим и в другом случаѣ (газофилакиѫ); форма тетров является позднѣйшим исправленіем.

Существительныя муж. рода с основой на *согласныя* представляют слѣдующія формы:

N. sg. иѣемонъ Мѳ $27_{11, 21, 23}$ ὁ ἡγεμών, леѣеонъ Мр 5_9 Лк 8_{30} λεγεών, симонъ Мѳ $10_{2, 4}$ 13_{55} 16_{16} Мр 1_{36} Лк $5_{5, 8}$ 7_{43} Іо 1_{43} 6_{68} $13_{9, 24, 36}$ $18_{10, 15, 25}$ 20_6 $21_{2, 3, 7}$ Σίμων, сумеонъ Лк $2_{25, 34}$ Συμεών, тектонъ Мр 6_1 (∧*AOS*) ὁ τέκτων, хитонъ Іо 19_{23} (∧*AOS*) ὁ χιτών;
g. sg. оѵ иѣемона Мѳ 28_{14} ἐπὶ τοῦ ἡγεμόνος, отъ кентѵриона Мр 15_{45} (сътьника *AO*) ἀπὸ τοῦ κεντυρίωνος, симона Мѳ 26_6 Мр 14_3 Іо 1_{41} 6_8 Σίμωνος, кесарѣ Лк 2_1 (-ра *ZOS*), Іо 19_{15} (-ра *MOS*) καίσαρος;
d. sg. иѣемоноѵ Мѳ $27_{2, 14, 15}$ τῷ ἡγεμόνι, сидоноѵ Мѳ 11_{22} Лк 10_{14} Σιδῶνι, симоноѵ Мр 3_{16} 6_3 15_{21} Лк $5_{4, 10}$ 7_{44} 24_{34} Іо 13_6 20_2 τῷ Σίμωνι, (обьштьника) симонови Лк 5_{10} (κοινωνοί) τῷ Σίμωνι, гла симонови петроѵ Іо 21_{15} (симоноѵ *AOS*) λέγει τῷ Σίμωνι Πέτρῳ, кесареви Мѳ $22_{17, 21}$ Мр $12_{14, 17}$ (-рови *M*, ∧*AOS*), Лк 23_2 (-рови *M*, ∧*AOS*), Іо 19_{12} (-рови *MZ*, -роѵ *A*) καίσαρι;
acc. sg. симона Мѳ 4_{18} 27_{32} Мр 1_{16} 3_{18} Лк $6_{14, 15}$ 23_{26} Іо 1_{42} Σίμωνα, сквозѣ афедронъ Мр 7_{19} (∧*AOS*) εἰς τόν ἀφεδρῶνα, леѣеонъ Мр 5_{15} (∧*AOS*) λεγεῶνα, хитонъ Іо 19_{23} (∧*AOS*) τὸν χιτῶνα, статиръ Мѳ 17_{27} (-рь *AO*) τὸν στατῆρα;
l. sg. въ сидонѣ Мѳ 11_{21} Мр 3_8 Лк 10_{13} ἐν Σιδῶνι;
i. sg. афедрономъ Мѳ 15_{17} (∧*AOS*) εἰς ἀφεδρῶνα, иѣемономъ Мѳ 27_{11} τοῦ ἡμεμόνος;
v. sg. симоне Мѳ 16_{17} 17_{25} Мр 14_{37} Лк 7_{40} 22_{31} Іо $21_{15, 16, 17}$ Σίμων;
n.-acc. du. (дъва на десѧте) леѣеона Мѳ 26_{53} δώδεκα λεγεῶνας;
n. pl. еллини Іо 12_{20} Ἕλληνες;
g. pl. финикъ Іо 12_{13} τῶν φοινίκων;
acc. pl. елькинъı Іо 7_{35} (∧*AOS*) τοὺς Ἕλληνας.

И в этих словах вполнѣ проведено склоненіе от основ на *ŏ* — *твёрдое* в именах, которые по гречески имѣют основу на согласныя *n* и *k*, и *мягкое* в именах с греч. основой на *r;* слово кесарь, наряду с цѣсарь, было воспринято со смягчённым *r* несомнѣнно уже народной рѣчью, как у южных славян, а от них и у русских, так и у западных (ср. чш. císař, польск. cesarz); у сербов и болгар это *r* позднѣе отвердѣло, что отражается и в списках Евангелія; мягкое *r* было, вѣроятно, и в словѣ статирь, по крайней мѣрѣ так его пишут *AO*, так было написано и в *S*, но затѣм исправлено ь на ъ.

Несклоняемыя слова муж. рода греческаго текста принимаются переводчиком за формы *n. sg.*, причём тѣ из них, которыя оканчиваются на согласную, получают в концѣ ъ (или в извѣстных случаях ь), тѣ же, которыя оканчиваются на гласную, большею частью сохраняют тот вид, какой имѣют в греч.

текстѣ, иногда же прибавляется в концѣ *-и*, а затѣм к этому *n. sg.* образуются соотвѣтственныя формы прочих падежей по склоненію основ на *ŏ* (твёрдаго или мягкаго различія). Подобным же образом склоняется и имя Ἰησοῦς, хотя по гречески оно относится к существительным склоняемым; переводчик, или, ещё до него, что вѣроятнѣе, народная рѣчь приняла форму *n. sg.* Ἰησοῦς за основу склоненія и от нея образовала формы всѣх падежей; поэтому в дальнѣйшем привожу их вмѣстѣ с формами несклоняемых слов, оканчивающихся на согласную. (В рукописях это имя почти постоянно во всѣх формах пишется сокращённо — под титлом). Существительныя, оканчивающіяся на *гласную.*

N. sg. иесеи Мθ 1_6 Ἰεσσαί, ное Мθ 24_{38} Лк 17_{27} (*ΛAOS*) Νῶε;
g. sg. (маринѣ иѣковлѣ) иосии матери Мθ 27_{56} (иосиина *O*) (Μαρία ἡ τοῦ Ἰακώβου καὶ) Ἰωσῆ μήτηρ;
d. sg. (братръ иѣкова) иоси (иудѣ и симона) Мр 6_3 (*ΛAOS*) (ἀδελφὸς Ἰακώβου καὶ) Ἰωσῆ (καὶ Ἰούδα καὶ Σίμωνος);
acc. sg. иесеа Мθ 1_5 τὸν Ἰεσσαί;
v. sg. равьви Мθ $23_{7,8}$ $26_{25,49}$ Мр 9_5 11_{21} 14_{45} Іо $1_{39,50}$ $3_{2,26}$ 4_{31} ῥαββί, равуни Мр 10_{51} Іо 20_{16} ῥαββουνί.

Из числа этих существительных особенно обращает на себя вниманіе имя Ἰωσῆ, с которым, повидимому, переводчик не мог справиться и оставил его в неизмѣнённом видѣ, как несклоняемое, и там, гдѣ ожидалась бы форма *g.* и *d. sg.*, поэтому в *O* внесена поправка.
Существительныя, оканчивающіяся на *согласную.*

N. sg. аврамъ Мθ 1_2 Лк $16_{25,29}$ Іо $8_{39,40,52,56,58}$ Ἀβραάμ, исаакъ Мθ 1_2 Ἰσαάκ, иѣковъ (и иа-) Мθ $1_{2,16}$ 10_3 14_{55} Мр 10_{35} 13_3 Лк 9_{54} Іо 4_5 Ἰακώβ, фаресъ Мθ 1_3 Φαρές, есромъ Мθ 1_3 (езромъ *O*, ефромъ *S*) Ἐσρώμ, арамъ Мθ 1_4 Ἀράμ, аминадавъ Мθ 1_4 Ἀμιναδάβ, наассонъ Мθ 1_4 (наасонъ *O*) Ναασσών, воозъ 1_5 (-ѕ *A*) Βοόζ, овидъ Мθ 1_5 (овиодъ *A*) Ὠβήδ, давыдъ Мθ 1_5 12_3 $22_{43,45}$ Мр 2_{25} $12_{36,37}$ Лк 6_3 $20_{42,44}$ Іо 7_{42} Δαυΐδ, соломонъ Мθ 1_7 6_{29} Лк 12_{27} Σολομῶν, роваамъ Мθ 1_7 Ῥοβοάμ, иоасафатъ Мθ 1_8 Ἰωσαφάτ, иѡрамъ Мθ 1_8 (иоарамъ *A*, иоромъ *S*) Ἰωράμ, иоатамъ Мθ 1_9 (иотамъ *S*, иоѳамъ *O*) Ἰωαθάμ, ахазъ (-зѕ *A*) Ἄχαζ Мθ 1_9, амосъ Мθ 1_{10} (-онъ *O*) Ἀμώς, салатиилъ Мθ 1_{12} Σαλαθιήλ, зоровавель Мθ 1_{13} Ζοροβάβελ, авиудъ Мθ 1_{13} Ἀβιούδ, елиакимъ Мθ 1_{13} Ἐλιακείμ, азаръ Мθ 1_{13} (-ръ *S*, азоръ *O*), Ἀζώρ, садокъ Мθ 1_{13} Σαδώκ, ахимъ Мθ 1_{13} (-нъ *A*) Ἀχείμ, елиудъ Мθ 1_{13} Ἐλιούδ, елиезоръ Мθ 1_{13} (елиазаръ *S*, -рѣ *O*) Ἐλεαζάρ, маттанъ Мθ 1_{15} Ματθάν, иосифъ Мθ 13_{55} Ἰωσήφ, гавьрилъ Лк $1_{19,26}$ (гаврилъ *A*, гаурилъ *O*) Γαβριήλ, витлеемъ Лк 2_4 Βηθλεέμ, емаусъ Лк 24_{13} Ἐμμαούς, еммануилъ Мθ 1_{23} (ема- *S*) Ἐμμανουήλ, исъ Мθ $8_{7,18,20,22}$, $9_{9,12}$ $26_{50,55}$ Іо 6_{24} 20_{16} (и т. д.: »saepissime occurrit«) Ἰησοῦς, лотъ Лк 17_{29} Λώτ, назаретъ Мθ 2_{23} Лк 1_{26} Ναζαρέτ, наинъ Лк 7_{11} Ναΐν, натанаилъ Іо $1_{47,49,50}$ 21_2 (-лъ *O*) Ναθαναήλ, сухарь Іо 4_5 Συχάρ;

g. sg. **авелѣ** Мѳ 23_{35} (**-ла** *MZO*, ^*S*), Лк 11_{51} (^*AOS*) Ἄβελ, **отъ аврама** Мѳ 1_{17} Іо 8_{53} ἀπὸ Ἀβραάμ, **до витлеема** Лк 2_{15} ἕως Βηθλεέμ, **до дѣда** Мѳ 1_{17} Мр 11_{10} Лк $1_{32, 69}$ ἕως Δαυΐδ, **отъ нема** Лк 10_{30} 13_{33} ἀπὸ Ἱερουσαλήμ, Мр 3_{22} ἀπὸ Ἱεροσολύμων, **иса** Мѳ 17_{8} 27_{57} Лк 24_{3} Іо 6_{24} 12_{9} τοῦ Ἰησοῦ, **илѣ** Лк 2_{32} Ἰσραήλ, **отъ назарета** Мѳ 21_{11} Мр 1_{9} Іо 1_{46} ἀπὸ Ναζαρέτ, **иѣкова** Мр 5_{37} 15_{40} Іо 4_{12} Ἰακώβου;

d. sg. **иѣковѫ** Мр 6_{3} Лк 8_{51} Ἰακώβου, **исѫ** Мѳ 2_{1} 18_{1} 26_{6} Мр 2_{23} 6_{30} Лк 3_{21} 8_{41} Іо 11_{21}, **исви** Мѳ $8_{5, 28, 34}$ 9_{27} $14_{12, 29}$ 15_{1} $17_{4, 19}$ 21_{27} 26_{17} 26_{49} Мр $5_{15, 21}$ 10_{50} $11_{7, 33}$ Лк 6_{11} $7_{4, 19}$ 8_{35} 9_{33} $10_{25, 29}$ 19_{35} 22_{47} 23_{42} Іо 1_{43} 12_{22} $19_{9, 39}$ 21_{21} τῷ Ἰησοῦ, **къ издраилю** Лк 1_{80} πρὸς τὸν Ἰσραήλ, **издраилеви** Іо 1_{31} τῷ Ἰσραήλ, **близъ салимови** Іо 3_{23} (**-ма** *AO*, ^*S*) ἐγγὺς τοῦ Σαλείμ, **авраамѫ** Лк 1_{55} 3_{8} τῷ Ἀβραάμ; *acc. sg.* **исаака** тон Ἰσαάκ, **фареса** τὸν Φαρές, **есрома** (**езр-** *O*) τὸν Ἑσρώμ, **арама** τὸν Ἀράμ, **аминадава** τὸν Ἀμιναδάβ, **нас'сона** τὸν Ναασσών, **вооза** τὸν Βοόζ, **овида** (**овиода** *A*) τὸν Ὠβήδ, **давъида** τὸν Δαυΐδ, **соломона** τὸν Σολομῶνα, **роваама** τὸν Ῥοβοάμ, **иоасафата** (**иwс-** *O*) τὸν Ἰωσαφάτ, **иорама** (**иwр-** *O*) τὸν Ἰωράμ, **иоатама** τὸν Ἰωάθαμ, **ахаза** τὸν Ἄχαζ, **амоса** τὸν Ἀμώς, **салатиилѣ** (**-ла** *O*) τὸν Σαλαθιήλ, **зорокавелѣ** (**-ла** *O*) τὸν Ζοροβάβελ, **авиѫда** τὸν Ἀβιούδ, **елиакима** τὸν Ἐλιακείμ, **азара** (**азора** *O*) τὸν Ἄζώρ, **садока** τὸν Σαδώκ, **ахина** (**-ма** *O*) τὸν Ἀχείμ, **елиѫда** τὸν Ἐλιούδ, **елиезора** (**елиазара** *O*) τὸν Ἐλεαζάρ, **маттана** τὸν Ματθάν, **иосифа** τὸν Ἰωσήφ — Мѳ 1_{2-15}, **аврама** Мѳ 3_{9} Лк 3_{8} 13_{28} 16_{23} Іо 8_{57} τὸν Ἀβραάμ, **вельзѣвола** Мѳ 10_{25}, **вельзѣволъ** Мр 3_{22} Βεελζεβούλ, **къ виѳлеомъ** Мѳ 2_{8} εἰς Βηθλεέμ, **къ ерѫсалимъ** Лк 13_{22} Іо 5_{1}, **къ имъ, имъ** Мѳ 20_{17} Мр $11_{1, 15, 27}$ 15_{41} Лк $2_{22, 41, 42}$ 4_{9} $9_{51, 53}$ 17_{11} 18_{31} 19_{28} $24_{18, 33, 52}$ Іо 2_{13} Ἱερουσαλήμ (Мѳ 20_{17} Мр $11_{15, 27}$ 15_{41} Лк $2_{22, 42}$ 18_{31} 19_{28} Іо 2_{13} 5_{1} — Ἱεροσόλυμα) Лк 21_{20} τὴν Ἱερουσαλήμ, **иса** Мѳ $26_{4, 50, 57, 59}$ $27_{1, 17, 20,}$ $27_{22, 26, 27, 54}$ 28_{5} Мр 5_{9} 9_{8} $14_{53, 55, 60}$ $15_{1, 16}$ 16_{6} Лк 2_{27} $5_{12, 19}$ 8_{28} $19_{3, 35}$ 22_{63} $23_{8, 20, 25}$ Іо $1_{29, 36, 46}$ 5_{16} $6_{19, 24}$ $9_{47, 55}$ $12_{11, 21}$ $18_{7, 12, 19, 22, 28, 33}$ $19_{1, 13, 16, 18, 20, 23, 33, 42}$ 20_{14}, **исѫ** Іо 17_{3} τὸν Ἰησοῦν, **илѣ** (**илѣ**) Мѳ 2_{6} Лк 1_{54} 24_{21} (**илла** *O*) Ἰσραήλ, **къ капернаѫмъ** Мѳ 4_{13} 8_{5} 17_{24} Мр 1_{21} 2_{1} 9_{33} Лк 4_{31} 7_{1} Іо 2_{12} $6_{17, 24}$ εἰς Καπερναούμ, **назаретъ** Мѳ 4_{13} Лк $2_{39, 51}$ 4_{16} τὴν Ναζαρέτ, **натанаилѣ** Іо $1_{46, 48}$ (**-ла** *O*) τὸν Ναθαναήλ, **иѣкова** Мѳ $1_{2, 15}$ 4_{21} 17_{1} Мр 1_{19} $3_{17, 18}$ 9_{2} Лк 5_{10} 6_{14} 9_{28} 13_{28} τὸν Ἰακώβ (и Ἰάκωβον);

l. sg. **при авиатари** (**-рѣ** *O*) Мр 2_{26} ἐπὶ Ἀβιάθαρ, **о иѣковѣ** Мр 10_{41} περὶ Ἰακώβου, **о вельзѣволѣ** Мѳ 12_{24} (^*AOS*), 12_{27} (^*AOS*) Лк $11_{15, 18, 19}$ (^*AOS*) ἐν τῷ Βεελζεβούλ, **къ виѳлѣеми** Мѳ $2_{1, 5}$, **-мѣ** (**-ми** *A*) Мѳ 2_{16} ἐν Βηθλεέμ, **къ енноне** Іо 3_{23} ἐν Αἰνών, **къ имѣ** Лк $2_{25, 43}$ 9_{31} ἐν Ἱερουσαλήμ, Лк 23_{7} ἐν Ἱεροσολύμοις, **исѣ** Мѳ 27_{55} Мр 5_{27} 10_{52} Лк 7_{3} 23_{26} 24_{19} Іо 1_{37} 18_{5} τῷ Ἰησοῦ, **къ илли** Мѳ 8_{10} Лк 2_{34} $4_{25, 27}$ 7_{9} ἐν τῷ Ἰσραήλ, **къ капернаѫмѣ** Лк 4_{23} Іо 4_{46} 6_{59} εἰς Καπερναούμ;

i. sg. **съ авраамомъ исакомь иѣковомь** Мѳ 8_{11} μετὰ Ἀβραάμ Ἰσαὰκ Ἰακώβ, **съ иѣковомь** Мр 1_{29} μετὰ Ἰακώβου, **даниломъ** Мѳ 24_{15} Мр 13_{14} διὰ Δανιήλ, **иерслмъмъ** Мѳ 5_{35} (^*AOS*) εἰς Ἱεροσόλυμα, **съ исмъ** Мѳ 9_{10} $26_{51, 69, 71}$ Мр 2_{15} 14_{67} Лк 23_{32} Іо 18_{15} τῷ Ἰησοῦ;

v. sg. авраамє Лк $16_{24, 30}$ Ἀβραάμ, вифлеємє Мѳ 2_6 Βηθλεέμ, їмє (bis) Лк 13_{34} Ἰερουσαλήμ, їсє Мѳ 8_{29} Мр 1_{24} 5_7 Лк 4_{34} 8_{28} 17_{13} 18_{38} Ἰησοῦ, їзлю Мр 12_{29} Ἰσραήλ, капєрънаоумє Лк 10_{15} Καπερναούμ, хоразинъ Мѳ 11_{21} Лк 10_{13} Χοραζίν;
l. pl. въ єрѣмѣхъ Іо 2_{23} 4_{45} (Λ*AOS*), 5_2 10_{22} (-мѣ *A*) ἐν Ἱεροσολύμοις.

Как видно из приведённой таблицы, почти всѣ несклоняемыя имена греческаго текста отнесены в славянском переводѣ к *твёрдому* различію, только слова, оканчивающіяся на -λ, склоняются по мягкому различію: авєлѣ, еммануиль, зоровавель, -лѣ, иждраиль, -лѣ, -лю, -леви, -ли, натанаиль, -лѣ, салатииль, -лѣ, хотя и тут представляют исключеніе слова: кельзеколъ, -ла, и даниломъ; из слов на -ρ мягкія окончанія имѣют лишь *n. sg.* сухарь, *l. sg.* при аквилари. В формѣ *l. sg.* представляет форму от основ на *i* вифлеємъ: -ми Мѳ $2_{1,5}$, хотя имѣется и форма на -мѣ Мѳ 2_{16}. Слѣдует ещё замѣтить, что к числу этих слов муж. рода отнесено и два таких, о принадлежности которых к женскому роду свидѣтельствует греческій грамм. членъ: κυκλουμένην ὑπὸ στρατοπέδων τὴν Ἱερουσαλήμ — обыстоимъ вои имъ Лк 21_{20} (Λ*AOS*), τὴν Ναζαρέτ назаретъ (въ немь же бѣ възпитѣнъ) Мѳ 4_{13} Лк 4_{16}.[1] Любопытно далѣе, что в славянском переводѣ почти не отмѣчено то различіе названій Іерусалима, которое существует в греческом текстѣ (то ед. ч. Ἱερουσαλήμ, то множ. ч. Ἱεροσόλυμα), постоянно лишь иерусалимъ, только в *loc.* нѣсколько раз встрѣчаем мн. ч.: въ єрѣмѣхъ Іо 2_{23} (Λ*AOS*), 4_{45} (Λ*AOS*), 5_2 10_{22}.

Подобно тому, как для обозначенія происхожденія лиц женскаго пола употреблялся особый славянскій суффикс -ныни (как отмѣчено выше, стр. 4—5), так и для обозначенія происхожденія лиц мужскаго пола примѣняется в славянском текстѣ особый суффикс -ѣнинъ: изълитѣнинъ Іо 1_{48} (*AOSZ*, издѣнинъ *M*) Ἰσραηλίτης, *n. pl.* иерсълѣне (*SZ*, ерълѣне *AM*) Мр 1_5 οἱ Ἱεροσολυμῖται, *n. sg.* самарѣнинъ Лк 10_{33} 17_{16} Іо 8_{48} Σαμαρείτης, *n. pl.* самарѣне Іо 4_{40} οἱ Σαμαρεῖται, *g. pl.* самарѣнъ Мѳ 10_5 (-ренскъ *O*) Іо 4_{39} τῶν Σαμαρειτῶν, *l. pl.* самарѣнєхъ Іо 4_9 Σαμαρείταις, *n. sg.* назарѣнинъ Мр 10_{47} Лк 18_{37} ὁ Ναζαρηνός, *acc. sg.* назарѣнина Мр 16_6 τὸν Ναζαρηνόν, *l. sg.* о и. назарѣнинѣ Лк 24_{19} περὶ τοῦ Ἰ. τοῦ Ναζωραίου, *i. sg.* съ назарѣниномь Мѳ 26_{71} Мр 14_{67}, τοῦ Ναζωραίου (Ναζαρηνοῦ), *v. sg.* назарѣнине Мр 1_{24} Лк 4_{34} Ναζαρηνέ; (Ναζωραῖος, как выше указано, передаётся формой назарєи, которую однако *S* замѣняет словом назарѣнинъ Мѳ 2_{23} Іо 19_{19}; *A.* наоборот вмѣсто назарѣнинъ часто ставит назарѣи: Лк 18_{37} 24_{19} Мѳ 26_{71}); *d. sg.* кирѣнинѹ Мр 15_{21} (керинѣнинѣ *SA*, кирінеѣ *O*) κυρηναῖον. В нѣкоторых однако случаях мы замѣчаем какое то колебаніе, как будто переводчик не мог опредѣлить, является ли данное слово обозначеніем происхожденія, просто опредѣленіем, или названіем мѣстности. Таково его отношеніе к словам Γαλιλαῖος и τὰ Σόδομα, Γόμορρα; приведу всѣ случаи употребленія их.

[1] Ср. *O. Grünenthal:* Die Übersetzungstechnik... (A.-f. sl. Ph. XXXI, s. 331).

1) **ибо галилѣанинъ есн (естъ)**, καὶ γὰρ Γαλιλαῖος εἶ (ἐστίν) Мр 14_{70} Лк 22_{59} (Λ*AS*, **галилеи** *O*);
галилѣане сии грѣшънѣишіе паче вьсѣхъ галилѣанъ бъишл οἱ Γαλιλαῖοι οὗτοι ἁμαρτωλοὶ παρὰ πάντας τοὺς Γαλιλαίους ἐγένοντο Лк 13_2 (Λ*AS*);
прияѧсл и галилѣане ἐδέξαντο αὐτὸν οἱ Γαλιλαῖοι Іо 4_{45}, **повѣдаѭште емоу о галилеихъ** ἀπαγγέλλοντες περὶ τῶν Γαλιλαίων Лк 13_1 (Λ*AS*);
аште чл҃къ галилѣискъ естъ εἰ ὁ ἄνθρωπος Γαλιλαῖός ἐστι, Лк 23_6 (Λ*AS*);
и тъı бѣ съ ис҃мь галилѣискъıмъ καὶ σὺ ἦσθα μετὰ Ἰησοῦ τοῦ Γαλιλαίου, Мѳ 26_{69}.

Очевидно переводчик признавал за существительное слово Γαλιλαῖος только тогда, когда оно стояло совершенно самостоятельно, хотя и тут странно, что в одном и томъ же чтеніи (Лк 13_{1-2}) сначала передано примѣнительно к греч. формѣ — **галилеихъ**, а затѣм уже славянским образованіем — **галилѣане, -нъ**; когда же это слово стоит рядом с другим существительным, переводчик считает его прилагательным, хотя бы оно по смыслу являлось существительным (Лк 23_6), или даже и грамматически было отмѣчено членом (Мѳ 26_{69}).

2) **изиде лотъ отъ содомлѣнь** ἐξῆλθε Λὼτ ἀπὸ Σοδόμων Лк 17_{29} (Λ*AOS*);
содомлѣнемъ... отърадьнѣе бѫдетъ Σοδόμοις... ἀνεκτότερον ἔσται Лк 10_{12} (содомомъ *A*, Λ*S*);
отрадьнѣе бѫдетъ содомомъ ли гоморѣнемь ἀνεκτότερον ἔσται Σοδόμοις ἢ Γομόῤῥοις Мр 6_{11} (Λ*AS*);
отрадьнѣе бѫдетъ земли содомьскѣи гоморьскѣи ἀνεκτότερον ἔσται γῇ Σοδόμων καὶ Γομόῤῥων Мѳ 10_{15} (Λ*AS*);
аште въ содомѣхъ бѫ силы εἰ ἐν Σοδόμοις ἐγένοντο αἱ δυνάμεις Мѳ 11_{23}; **земи содомьскѣ отрадьнѣе бѫдетъ** γῇ Σοδόμων ἀνεκτότερον ἔσται Мѳ 11_{24} (Λ*AC*).

Судя по тому, что в чтеніи Мр 6_{11} рядом стоят слова **содомомъ ли гоморѣнемь**, слѣдует думать, что **содомомъ, содомѣхъ** (Мѳ 11_{23}) употреблены переводчиком для обозначенія жителей города, хотя в других мѣстах в этом же значеніи употребляются образованія **содомлѣнемъ** Лк 10_{12}, **содомлѣнь** Лк 17_{29}. На самом дѣлѣ, конечно, во всѣх этих случаях греч. Σόδομα и Γόμοῤῥα являются названіями городов, а не жителей (как это проведено и в новѣйших переводах Евангелія: французском, нѣмецком, англійском, сербском, чешском, польском и др.;[1] неправильное пониманіе этих слов переводчиком особенно ярко выступает в чтеніи Лк 17_{29} ἐξῆλθεν Λὼτ ἀπὸ Σοδόμων **изиде лотъ отъ содомлѣнь**.

С другой стороны слово, несомнѣнно обозначающее жителей города —

[1] Лк 10_{12} Sodome sera traitée moins rigoureusement. Es wird der Sodoma erträglicher ergehen. It shall be more tolerable... for Sodom. Да ће Содому бити лакше. Sodomě bude lehčeji. Sodomie lżej będzie.
Лк 17_{29} Lot sortit de Sodome. Lot aus Sodom ging. Lot went out of Sodom. Изиђе Лот из Содома. Lot vyšel ze Sodomy. Wyszedł Lot z Sodomy. и т. п.

Νινευΐτης сохраняет в славянском текстѣ своё греческое образованіе: *d. pl.* **нинєвъѣнтомъ** Лк 11_{30} (Λ*AOS*) τοῖς Νινευΐταις, даже **мѫжи нинєвъѣнтьстии** Мѳ 12_{41} (Λ*AOS*) Лк 11_{32} (Λ*AOS*) ἄνδρες Νινευΐται (-υΐ).

Слова *склоняемыя* средняго рода с основой на *ŏ*, подобно словам муж. р., и в славянском текстѣ имѣют большею частью формы от основ на *ŏ*, и именно твёрдаго различія, если греческому окончанію предшествует согласная.

N. sg. **мѵро** Мѳ $26_{9,12}$ Io 12_5 μῦρον, **сканьдалъ** Мѳ 18_7 (Λ*AOS*) τὸ σκάνδαλον, **собота** Мр 2_{27} Лк 23_{54} Io $5_{9,10}$ 9_{14} τὸ σάββατον;
g. sg. **мѵра** Мѳ 26_7 Лк 7_{37} μύρου, **соботъı ради** Мр 2_{27} Io 9_{16} 19_{31} διὰ τὸ σάββατον;
d. sg. **соботѣ** Мѳ 12_8 Мр 2_{28} 6_2 15_{42} $16_{1,9}$ Лк 6_5 τοῦ σαββάτου;
acc. sg. **кѵминъ** Мѳ 23_{23} τὸ κύμινον, **мѵро** Лк 23_{56} τὸ μῦρον, **пиганъ** Лк 11_{42} (**десѧтинѫ даате отъ мѧтъı и пиганъ и вьсѣкого зелиѣ** ἀποδεκατοῦτε τὸ ἡδύοσμον καὶ τὸ πήγανον καὶ πᾶν λάχανον, Λ*AOS*), **единъ таланътъ** Мѳ $25_{24,25,28}$ τὸ ἓν τάλαντον, **въ соботѫ** Мѳ 24_{20} Лк $6_{1,6,7}$ $13_{14,15}$ 14_1 18_{12} 23_{56} Io $5_{16,18}$ $7_{22,23}$ 19_{31} σαββάτῳ, Мѳ $12_{10,11,12}$ 28_1 Мр $3_{2,4}$ Лк 6_2 24_1 τοῖς σάββασι;
i. sg. **мѵромь** Лк 7_{38} Io 11_2 (**-ромѫ** *M*) τῷ μύρῳ;
n.-acc. du. **дъвѣ лептѣ** Мр 12_{42} (Λ*AOS*) Лк 21_2 δύο λεπτά, **дъва таланъта** Мѳ 25_{22} τὰ δύο τάλαντα;
n. pl. **съканданли** Лк 17_1 (Λ*AOS*) τὰ σκάνδαλα;
g. pl. **съмотрите кринъ сельнъıхъ** Мѳ 6_{28} (**кринъı** *O*) Лк 12_{27} (Λ*AOS*) καταμάθετε τὰ κρίνα τοῦ ἀγροῦ, **въ мѫцѣ трии сатъ** Мѳ 13_{33} (Λ*AOS*) Лк 13_{21} εἰς ἀλεύρου σάτα τρία, **въ единѫ соботъ** Мр 16_2 Io $20_{1,19}$ τῆς μιᾶς σαββάτων, **отъ съкандѣлъ** Мѳ 18_7 (**-далъ** *Z*, Λ*AOS*) ἀπὸ τῶν σκανδάλων, **тъмоѭ таланътъ** Мѳ 18_{24} μυρίων ταλάντων, **пѧть** (**десѧть**) **таланътъ** Мѳ $25_{15,16,20}$ quater, $_{28}$ τὰ πέντε (δέκα) τάλαντα;
d. pl. **неволѣ бо естъ прити сканьдаломъ** Мѳ 18_7 (Λ*AOS*) ἀνάγκη γάρ ἐστιν ἐλθεῖν τὰ σκάνδαλα;
acc. pl. **приемлѫщеи** (**не даетъ ли**) **дидрагма** Мѳ 17_{24} (**-мъı** *S*) οἱ τὰ δίδραχμα λαμβάνοντες (οὐ τελεῖ τὰ δ-μα), **съвержътъ ... вьсѧ съканьдѣлъı** (**съблазнъı** *ZAO*, Λ*S*) Мѳ 13_{41} συλλέξουσιν... πάντα τὰ σκάνδαλα, **въ соботъı** Мѳ 12_5 Мр 1_{21} $2_{23,24}$ Лк 4_{31} 6_9 13_{10} τοῖς σάββασιν, Мѳ 12_2 Лк 14_3 ἐν σαββάτῳ.

Из всѣх слов этого списка только μῦρον и διδράχμα опредѣлённо сохраняют в славянском текстѣ средній род: **мѵро**, **дидрагма** (*pl.*), остальныя или встрѣчаются в таких формах, которыя не позволяют опредѣлить рода: **дъвѣ лептѣ**, **трии сатъ**, **кринъ сельнъıхъ**, **пиганъ** (?!), или имѣют формы муж. рода: **сканъдалъ**, **кѵминъ**, **таланътъ**, или женск. рода от осн. на *ā*: **собота** (друг. списки **сѫбота**); послѣднее слово, очевидно, существовало уже в народной славянской рѣчи в таком видѣ, заимствованное в формѣ множ. ч.: σάββατα — собота. Ещё больше особенностей представляют формы тѣх слов, в которых греческому

окончанію слов средняго рода с осн. на *ŏ* (-ον) предшествовала гласная ι, причём славянское их склоненіе слѣдовало большею частью мягкому различію основ на *ŏ*.

N. sg. **ѥ҃нѣнїе** Мѳ 24_{14} 26_{13} Мр 14_{9} τὸ εὐαγγέλιον, **прѣторъ** Мр 15_{16} (**-рь** *A*) πραιτώριον;
g. sg. **ѥ҃ванѣлиѣ** Мр 1_{1} 8_{35} 10_{29} τοῦ εὐαγγελίου;
d. sg. **прѣмо газофилакиови** Мр 12_{41} (**-ке-** *M*, $_{\wedge}AOS$) κατέναντι τοῦ γαζοφυλακίου, **ѥ҃ѵѣлию** Мр 13_{10} τὸ εὐαγγέλιον;
acc. sg. **ѥ҃ѵа҃ѣлиѥ** Мѳ 4_{23} 9_{35} Мр $1_{14,15}$ 16_{15} τὸ εὐαγγέλιον; **въ газофилакиѣ** Мр $12_{41,43}$ ($_{\wedge}AOS$), Лк 21_{1} εἰς τὸ γαζοφυλάκιον, **къ прѣторъ** Io $18_{28,33}$ 19_{9} (**-рь** *A*) εἰς τὸ πραιτώριον, **сѵ҃дарь** Io 20_{7} τὸ σουδάριον, **на ассарии** Мѳ 10_{29} (**асѵ҃рїи** *A*, $_{\wedge}ZS$) ἀσσαρίου, **лентии** Io 13_{4} λέντιον;
l. sg. **къ газофилакии** Io 8_{20} ἐν τῷ γαζοφυλακίῳ;
i. sg. **лентиѥмь** Io 13_{5} λεντίῳ;
n. pl. **ѥнкенїѣ** Io 10_{22} (**скѧштенїа** *ZAOS*) τὰ ἐγκαίνια;
g. pl. **пѧтиѣ сотъ динарь** Лк 7_{41} (**-рии** *S*) δηνάρια πεντακόσια;
acc. pl. **обоѵ҃ѥнъı къ сандалиѣ** Мр 6_{9} ὑποδεδεμένους σανδάλια.

Форму средняго рода из всѣх этих слов имѣет одно лишь **ѥ҃ванѣлиѥ**; **ѥнкенїѣ** встрѣчается только в *M;* форма *acc. pl.* **сандалиѣ** может быть мужескаго или женскаго рода, но не средняго; формы слова γαζοφυλάκιον представляют колебаніе в родѣ: *acc. sg.* от основы на *ā* — **газофилакиѣ** (гдѣ **ѣ**, может быть, является фонетической передачей греческаго окончанія — ιον, ср. выше, стр. 10 **скорьпиѣ** и стр. 9 **ѵ҃сонъ**); *d. sg.* **газофилакиови** имѣет окончаніе слов муж. рода и притом обыкновенно слов, являющихся названіями лиц, что даёт основаніе думать, что переводчик понимал это слово в данном случаѣ, как происходящее от φύλαξ и означающее *хранителя,* а не *хранилище.*[1] Всѣ прочія слова имѣют формы муж. рода, причём обращает на себя вниманіе то обстоятельство, что одни из них получили окончаніе **-ии** (**ассарии, лентии**), как это мы видѣли выше у соотвѣтственных слов муж. рода, другія же окончаніе **-ъ** (**ь**) (**прѣторъ, динарь, сѵ҃дарь**). Из числа послѣдних слов **динарь** (а, м. б., и **прѣторъ**) вошли, вѣроятно, уже раньше в народную славянскую рѣчь.

К словам средняго рода с основой на согласную *t* отношеніе переводчика было подобно его же отношенію к словам женск. рода с основой на согл. *d:* он отдѣлил форму *n. sg.* с оконч. -μα от форм прочих падежей, гдѣ ясно выступает основная согласная τ, и потому *n. sg.* τὸ καταπέτασμα τοῦ ναοῦ приняло у него форму женскаго рода: **катапетазма ц҃ѫковнаѣ** Мѳ 27_{51} (*O* исправляет на **катапетазмата**, *S* **опона**) Лк 23_{45} ($_{\wedge}S$, в *O* та же поправка); формы же *g. sg.* **темьѣна** Лк 1_{10} τοῦ θυμιάματος, *g. pl.* **олокавтоматъ** Мр 12_{33} ($_{\wedge}AOS$)

[1] Ср. *O. Grünenthal:* Die Übersetzungstechnik... (A.-f. sl. Ph. XXXI, s. 331).

τῶν ὁλοκαυτωμάτων, *acc. pl.* ароматы Мр 16_1 Лк 23_{56} (∧*AOS*) 24_1 ἀρώματα и *i. pl.* съ ароматъı Io 19_{40} μετὰ τῶν ἀρωμάτων очевидно принадлежат муж. роду.

Из *несклоняемых* слов средняго рода в греческом текстѣ находим три: τὸ μάννα, τὸ πάσχα и τὸ σίκερα. В славянском текстѣ они обыкновенно склоняются и именно, как слова женск. рода с основой на *ā*.

N. sg. пасха Мѳ 26_2 Мр 14_1 (∧*AOS*), Лк 22_1 (∧*AOS*), Io 6_4 τὸ πάσχα, пасха иудеиска Io 2_{13} 11_{55} (∧*AOS*) τὸ πάσχα τῶν Ἰουδαίων;
g. sg. пасхъı Лк 2_{41} (-сцѣ *ZS*, -стѣ *A*, -схѣ *O*), Io 11_{55} (∧*AOS*) 12_1 τοῦ πάσχα;
d. sg. параскевѣии пасцѣ Мр 15_{42} (∧*ZAOS*), Io 19_{14} (-хѣ *O*, ∧*S*), παρασκευὴ τοῦ πάσχα, прѣжде праздьника пасцѣ Io 13_1 (-хъı *O*, ∧*A*) πρὸ τῆς ἑορτῆς τοῦ πάσχα;
acc. sg. ѣсѫ манънѫ Io 6_{31} (ман'на *Z*, ∧*S*), 6_{49} (∧*S*), 6_{58} (∧*S*) ἔφαγον τὸ μάννα; пасха ѣсти Лк 22_{15} (∧*AOS*), пасхѫ ѣсти Мѳ 26_{17} (-ха *Z*), Мр 14_{12} (-ха *Z*, ∧*AOS*) 14_{14} (∧*AOS*) Io 18_{28} τὸ πάσχα φαγεῖν, къ пасха Io 2_{23} (∧*AOS*), на пасхѫ Io 18_{39} ἐν τῷ πάσχα, оуготовасте пасха Лк 22_{13} (∧*AOS*), оуготовашѧ пасхѫ Мѳ 26_{19} Мр 14_{16} (∧*AOS*), Лк 22_8 (-ха *Z*, ∧*O*) ἡτοίμασαν τὸ πάσχα, сътворьı пасхѫ Мѳ 26_{18} ποιῶ τὸ πάσχα, пасхѫ жьрѣахѫ Мр 14_{12} (∧*AOS*) Лк 22_7 (∧*AOS*).

Тѣ немногіе случаи, гдѣ пасха имѣет вид существительнаго несклоняемаго, оказываются в чтеніях, находящихся только в тетрах (Лк $22_{13, 15}$ Io 2_{23}), или даже исключительно в *Z*. (что может быть и позднѣйшим исправленіем). Любопытно, что основная согласная χ в *d. sg.* смягчается в ц: пасцѣ; очевидно, в народной рѣчи это слово произносилось со звуком *k*: *packa*, что мы находим в старых русских памятниках, (ср. Кир. Тур. *на паску Богови.* Срезневскій, Матерьялы т. II, стлб. 887) и слышим и теперь в народных русских говорах: *паска, пасочка* (ср. производн. *пáсочница* у Даля, или млр. *пáска, пасκáр*, Малор. — німецк. словар. Є. Желеховский. Львів 1884). Слово сίкερα встрѣчается в таком соединеніи, в котором оно пріобрѣтает значеніе формы *gen. sg.*: Лк 1_{15} вина и сикера не имать пити οἶνον καὶ σίκερα οὐ μὴ πίῃ.

Дѣйствительно неизмѣняемыми остаются в славянском текстѣ только тѣ слова и обороты, которые и в греческом текстѣ носят совершенно чуждый характер, взяты из чужого языка, что отмѣчается и в самом текстѣ Евангелія: ели, ели (вар. елωи елωи) лема савахтани ἠλὶ ηλὶ (вар. ἐλωὶ) λαμὰ σαβαχθανί Мѳ 27_{46} Мр 15_{34}, талитакоумъ ταλυθὰ κούμ Мр 5_{41}, гаввата Γαββαθᾶ Io 19_{13}, голъгота Γολγοθᾶ Мѳ 27_{33} Мр 15_{22} Io 19_{17}, рака ῥακά Мѳ 5_{22} (∧*AOS*).

*

При разсмотрѣніи всѣх приведённых форм склоненія греческих слов в славянском текстѣ, мы замѣчаем, что форма *genetivi* употребляется почти исключительно в соединеніи с предлогами, но почти никогда не встрѣчается в значеніи аттрибутивном, хотя в греческом текстѣ форма *genetivi* по большей

части имѣет именно такое значеніе. Это обстоятельство объясняется тѣм, что греческій genetivus attributivus в славянском текстѣ почти постоянно передаётся прилагательным, причём самая форма образованія такого прилагательнаго зависит с одной стороны от формы того существительнаго, от котораго оно производится, с другой стороны от того оттѣнка в значеніи, которое оно должно выразить. Таким образом, для выраженія происхожденія (так сказать, отчества - Patronymica) или для выраженія принадлежности употребляется суффикс -овъ при производствѣ прилагательных от слов муж. рода с основой на *ŏ* (т. е. греч. слов, оканчивающихся на -ος, -ης, ων (несклон.).

τὸν πατέρα Ἀλεξάνδρου καὶ Ῥούφου **отцꙋ александровꙋ и рꙋфовꙋ** Мр 15_{21}, ὁ τοῦ Ἀλφαίου **альфеовъ** Мѳ 10_3 Мр 2_{14} 3_{18}, τὸν τοῦ Ζεβεδαίου **зеведеова** Мѳ 4_{21} Мр 1_{19} 3_{17} τοὺς δύο υἱοὺς Ζ-ου **оба сн҃а зеведеова** Мѳ 26_{37} 27_{56} 20_{20} Мр 10_{35} Лк 5_{10} Іо 21_2, ὁ υἱὸς Τιμαίου **сынъ тимеовъ** Мр 10_{46} (∧*AOS*), ὁ τοῦ τέκτονος υἱός **тектоновъ сн҃ъ** Мѳ 13_{55} (∧*AOS*), υἱὸς Ἰωσήφ, τοῦ Ματθάτ, τοῦ Ἰωσήφ, τοῦ Ἀμὼς, τοῦ Ναούμ, τοῦ Ἐσλείμ, τοῦ Μαάθ, τοῦ Σεμεΐ, τοῦ Ἰωσήφ, τοῦ Κωσάμ, τοῦ Ἐλμωδάμ, τοῦ Ἤρ, τοῦ Ἰωσῆ, τοῦ Ἐλιεζέρ, τοῦ Ἰωρείμ, τοῦ Ματθάτ, τοῦ Συμεών, τοῦ Ἰούδα, τοῦ Ἰωσήφ, τοῦ Ἐλιακείμ, τοῦ Μελεᾶ, τοῦ Μαϊνάν, τοῦ Ναθάν, τοῦ Δαυΐδ, τοῦ Ἰεσσαί, τοῦ Ὠβήδ, τοῦ Βοόζ, τοῦ Σαλμών, τοῦ Ναασσών, τοῦ Ἀμιναδάβ, τοῦ Ἀράμ, τοῦ Ἐσρώμ, τοῦ Φάρες, τοῦ Ἰούδα, τοῦ Ἰακώβ, τοῦ Ἰσαάκ, τοῦ Ἀβραάμ, τοῦ Ναχώρ, τοῦ Σερούχ, τοῦ Ῥαγαῦ, τοῦ Φάλεκ, τοῦ Ἔβερ, τοῦ Καϊνάν, τοῦ Ἀρφαξάδ, τοῦ Σήμ, τοῦ Λάμεχ, τοῦ Ἐνώχ, τοῦ Ἰάρεδ, τοῦ Καϊνάν, τοῦ Ἐνώς, τοῦ Σήθ, τοῦ Ἀδάμ **іосифовъ. маттатовъ. іосифовъ. амосовъ. наѹмовъ. еслимовъ. маатовъ. семеновъ (семеіновъ *Z*). іосифовъ. касамовъ (ко- *Z*). алмодановъ (ел- *Z*). ировъ. іосіовъ. елиезеровъ. іорамовъ (іе- *Z*). маттатовъ. сумеоновъ (се- *Z*). іюдовъ. іосифовъ, елиакимовъ. мелеанновъ. маинановъ. натановъ. давыдовъ. іессеовъ. овидовъ. воозовъ. салмоновъ. наасоновъ. аминадавовъ. арамовъ. іорамовъ. есромовъ. фаресовъ. іюдовъ. іккововъ. исаковъ (ісаа- *Z*). аврамовъ. наχоровъ (∧*Z*). серуχовъ (∧*Z*). рагавовъ. фалековъ. еверовъ. каинановъ. арфаксадовъ. симовъ (-моновъ *Z*). ламеχовъ. еноχовъ. іареdовъ. каиновъ (каинановъ *Z*). еносовъ. ситовъ. адамовъ.** Лк 3_{23-38} (∧*AOS*), τοῦ Δαυῒδ **дѣдъ** Мѳ 1_{20} 9_{27} 12_{23} 15_{22} $20_{30,31}$ Мр $10_{47,48}$ 12_{35} Лк 1_{27} $2_{4,11}$ $18_{38,39}$ Іо 7_{42}, ἡ μήτηρ τοῦ Ἰησοῦ **мати ис҃ва** Іо $2_{1,3}$, ἡ τοῦ Κλωπᾶ **клеопова** Іо 19_{25}, τῆς γυναικός Λώτ **женѫ лотовѫ** Лк $17_{28,32}$, θυγάτερ Σιών **дъщи сионова** Іо 12_{15} Мѳ 21_5, γεννήματα ἐχιδνῶν **ищѧдиѣ ехидънова** Мѳ 3_7 12_{34} 23_{33} Лк 3_7; (принадлежность) τὸν οἶκον τοῦ ἀρχισυναγώγου **домъ архисѵнагоговъ** Мр 5_{38}, τὴν οἰκίαν Πέτρου **домъ петровъ** Мѳ 8_{14}, τῆς πόλεως Ἀνδρέου καὶ Πέτρου **града аньдрѣева и петрова** Іо 1_{45}, Καισαρείας τῆς Φιλίππου **кесариѭ филиповы** Мѳ 16_{13} Мр 8_{27}, τὴν οἰκίαν τοῦ Φαρισαίου **домъ фарисѣовъ** Лк 17_{36}, Χριστοῦ ἐστε **христови есте** Мр 9_{41} τὰ ἔργα τοῦ Χριστοῦ **дѣла х҃ва** Мѳ 11_2, πύλαι ᾅδου **врата адова** Мѳ 16_{18}, τὴν οἰκίαν Σίμωνος καὶ Ἀνδρέου **домъ симоновъ и аньдрѣовъ** Мр 1_{29}, ἡ μαρτυρία τοῦ Ἰωάννου **свѣдѣтельство іоаново** Іо 1_{19} 5_{36}, τὸ βάπτισμα Ἰωάννου

крѫщение иоаново Мθ 21_{25} Мр 11_{30} Лк 7_{29} 20_4, μετὰ τὸ παραδοθῆναι τὸν Ἰωάννην по прѣдании иоановѣ Мр 1_{14}, τῶν ἀγγέλων Ἰωάννου вѣстьникома иоанновкома Лк 7_{24}, οἱ μαθηταὶ Ἰωάννου оученици иоанови Мθ 9_{14} Мр 2_{18} bis Лк 5_{33} Ιο 3_{25}, τῆς τελευτῆς Ἡρῴδου оумрътвиѣ иродова Мθ 2_{15}, γεννησίων Ἡ-ου рождьства иродова Мθ 14_6, τῆς ζύμης Ἡ-ου кваса иродова Мр 8_{15}, ἐπιτρόπου Ἡ-ου приставьника иродова Лк 8_3, τῆς ἐξουσίας Ἡ-ου области иродовы Лк 23_7, τοῦ ῥήματος (τὴν ἀκοήν, τὸ σῶμα и т. д.) Ἰησοῦ гл҃ъ (слоухъ, тѣло и т. д.) иѣкъ Мθ 14_1 26_{75} 27_{58} bis Мр 6_{14} 15_{43} Лк 5_8 $8_{35,41}$ 10_{39} 23_{52} Ιο 12_3 $13_{23,25}$ 18_{32} $19_{25,38,40}$ 20_{12}, τὴν αὐλὴν (и т. д.), τοῦ ἀρχιερέως дворъ (и т. п.) архиереовъ Мθ $26_{3,51,58}$ Мр $14_{47,54,66}$ Лк $22_{50,54}$ Ιο $18_{10,15,26}$, ὁ νόμος (κ. τ. λ.) Μωυσέως законъ (и т. д.) моиѣовъ Ιο 7_{23} 9_{28} Мθ 23_2 Мр 12_{26} Лк 2_{22} 24_{44}, ἐν τῇ κοιλίᾳ τοῦ κήτους въ чрѣвѣ китовѣ Мθ 12_{40}, οἱ στρατιῶται τοῦ ἡγεμόνος воини иѣмонови Мθ 27_{27}, Σίμωνος симоновъ Мр 1_{30} 4_{38} 5_3 Ιο 6_{71} 13_2, ἐκ φυλῆς Ἀσήρ отъ колѣна асоурова Лк 2_{36}.

Если греческое слово имѣет перед падежным суффиксом -ι или если несклоняемое слово оканчивается на гласныя -ι, ε или α, или согласныя λ, ρ, то словообразовательный суффикс прилагательнаго может имѣть вид -евъ: τοῦ Ματταθίου маттатиевъ, τοῦ Ἰαννά иоаннаевъ, τοῦ Ἰωαννᾶ иоаниевъ, τοῦ Ῥησᾶ рисиевъ, τοῦ Ματταθά маттатаевъ, τοῦ Ἀδδί адъдиевъ, τοῦ Ἠλί илиевъ, τοῦ Μελχί мелхиевъ, τοῦ Νηρί нириевъ, τοῦ Ζοροβάβελ зоровавелевъ, τοῦ Σαλαθιήλ салатиелевъ, τοῦ Μαλελεήλ малелеилевъ Лк 3_{23-37} (∧*AOS*), τοῦ Ἰωνάν ионаневъ Лк 3_{30} τοῦ Νῶε ноевъ Мθ 24_{37} Лк 3_{36} 17_{26}, θυγάτηρ Φανουήλ дъщи фаноулева Лк 2_{36} (-лова *O*), τοῦ Ἰσραήλ издраилевъ Мθ $2_{20,21}$ $10_{6,23}$ 15_{31} 19_{28} $27_{9,42}$ Мр 15_{32} Лк $1_{16,68}$ 2_{25} 22_{30} Ιο 1_{50} 3_{10} 12_{13}; (принадлежность) κρανίου τόπος краниево мѣсто Мθ 27_{33} Мр 15_{22} Лк 23_{33} Ιο 19_{17}, Καίσαρος кесаревъ Мθ 22_{21} bis, Мр $12_{16,17}$ Лк $20_{24,25}$ (и -ровъ ос. *M*), (ср. выше аньдрѣева Ιο 1_{45}).

С тѣм же значеніем употребляется и суффикс *-jь* от слов, которыя оканчиваются на согласныя ν, λ и губныя μ, β, а также на гласную -α (в послѣднем случаѣ вставляется согласная н): ματουσαλα τοῦ Μαθουσάλα Лк 3_{37} (∧*AOS*), Ἰούδας Σίμωνος июда симонь Лк 4_{38} (∧*AOS*), Ιο 12_4 13_{26} (∧*AOS*), ἐν τῇ στοᾷ Σολομῶνος въ притворѣ соломони Ιο 10_{23}, τὴν σοφίαν Σολομῶνος прѣмѫдрости соломонѫ Мθ 12_{42} (∧*AOS*), Лк 11_{31} (∧*AOS*), ἐκ τῶν θυγατέρων Ἀαρών отъ дъштеръ аронь Лк 1_5, ἐν ὁρίοις Ζαβουλὼν καὶ Νεφθαλείμ въ прѣдѣлѣхъ закълониихъ и некталимлихъ Мθ 4_{13} (область завулонѭ и некъфѳталимлѭ *Z*), γῆ Ζαβουλὼν καὶ γῆ Νεφθαλείμ землѣ завулонѣ і невъфталимлѣ *ZO* (заоулонѣ *S*, завлона і невталимѣ *A*) Мθ 4_{15}, τοῦ Ἀβραάμ авраамль Мθ 1_1 22_{32} Мр 12_{26} Лк 13_{16} 16_{22} 19_9 20_{37} Ιο $8_{33,37,39}$, τοῦ Ἰακώβ (-βου) иѣковль Мθ 22_{32} 27_{56} Мр 3_{17} 5_{37} 12_{26} 16_1 Лк 1_{33} 6_{15} 20_{37} 24_{10} Ιο 4_6, εἰς τὴν κολυμβήθραν τοῦ Σιλωάμ въ кѫпѣль силоуамлѭ Ιο 9_{11}; τοῦ Ἀβία авиѣнѫ Лк 1_5 (авиа *O*), τοῦ Θάρα тарань Лк 3_{34}, τοῦ Σάλα салань Лк 3_{35}, γυνὴ Χουζᾶ жена хоузанѣ Лк 8_3 (∧*AOS*).

Прилагательныя того же значенія, образованныя от слов женскаго рода или от слов муж.р. с основой на *-ā*, имѣют словообразовательный суффикс -инъ: ὁ υἱὸς

Μαρίας сѣ҃ъ маринъ Мр 6_3 (Λ*AOS*), Мѳ 1_{16} Лк 1_{41} Іо 11_1, ἡ ѳυγάτηρ τῆς Ἡρωδιάδος дѫщи иродѣдина Мѳ 14_6 (Λ*AOS*), ἀλόης алоүино Іо 19_{39} (алоино *O*), υἱοῦ Βαραχίου сѣ҃а варахина Мѳ 23_{35}, οἴκου Ζαχαρίου домъ захаринъ Лк 1_{40} 3_2, δυνάμει Ἠλίου силоѫ҃ илиноѫ҃ Лк 1_{17} 4_{25}, Ἡσαΐου исаиноѫ҃ Мѳ 12_{42} (Λ*AOS*) 13_{14} (Λ*AOS*), τοῦ Ἰουδά июдинъ Лк 3_{26} (Λ*AOS*), ὁ υἱὸς Ἰωνᾶ сѣ҃ъ ионинъ Іо 1_{43} $21_{15,16,17}$ Лк 11_{32} (Λ*AOS*), ἐκ τοῦ μαμωνᾶ τῆς ἀδικίας отъ мамонины неправѣдъı Лк 16_9 (Λ*AOS*), ἐκ τῆς τοῦ Οὐρίου отъ оүриинъıѫ҃ Мѳ 1_6; такое же образованіе и от имени Λευΐς: левѣинъ Лк $3_{24,29}$ (Λ*AOS*). Нѣсколько прилагательных подобнаго значенія образовано посредством суффикса -ьнъ: τὸ νόμισμα τοῦ κήνσου склѧзъ кинъсънъı Мѳ 22_{19} (-носовъı *S*), νάρδον наръдънъı Мр 14_3 (нар'допистикии *O*, Λ*AS*), σμύρνης змрънно Іо 19_{39} (змүрно *AO*, Λ*S*), ὀψὲ σαββάτων къ вечеръ соботънъı Мѳ 28_1 Лк 4_{16} $13_{14,16}$ 14_5.

Посредством суффикса -ьскъ образуются прилагательныя от названій мѣстностей, народов или извѣстных общественных групп: ἐπὶ τῆς μετοικεσίας Βαβυλῶνος къ прѣселение вавилоньское Мѳ $1_{11,12,17}$, εἰς τὴν χώραν τῶν Γαδαρηνῶν къ странѫ҃ гадариньскѫ҃ Мр 5_1 Лк $8_{26,37}$ ἀπὸ Ναζαρέτ τῆς Γαλιλαίας отъ назарета галилеискаго Мѳ 21_{11} 2_{22} 4_{18} 15_{29} Мр $1_{9,16,28}$ 6_{21} 7_{31} Лк 1_{26} $4_{44,31}$ 5_{17} Іо $2_{1,11}$ 12_{21} 21_2, εἰς τὴν γῆν Γεννησαρέτ на землѭ҃ ѣнисаретъскѫ҃ Мѳ 14_{34} Мр 6_{53} Лк 5_1, εἰς τὴν χώραν τῶν Γεργεσηνῶν къ странѫ҃ ѣрѣсиньскѫ҃ Мѳ 8_{28} (-синскѫ҃ *M*), гергесиномъ *S*), γῇ Γομόῤῥων земи гоморьсцѣи Мѳ 10_{15}, εἰς τὰ μέρη Δαλμανουθά къ странъı далъманоүтанъскъı Мр 8_{10} (Λ*AOS*), τῶν ὁρίων Δεκαπόλεως предѣлъı декапольскъı Мр 7_{31}, ѳυγατέρες Ἰερουσαλήμ дъщери їмскъı Лк 23_{28} 24_{49}, ἐν Βηθλεὲμ τῆς Ἰουδαίας къ видѣлеомѣ июденсцѣмь Мѳ $2_{1,5}$ 3_1 19_1 Мр 10_1 Лк $1_{5,65}$, βασιλεὺς τῶν Ἰουδαίων їѹрь июденскъ Мѳ 2_2 $27_{11,29,37}$ Мр $15_{2,9,12,18,26}$ Лк $23_{37,38,51}$ Іо $2_{6,13}$ 3_1 5_1 6_4 $7_{2,13}$ 11_{55} 18_{33} $19_{3,19,21,38,42}$ 20_{19}, τοῦ Ἰορδάνου иоръданьскаѣ Мѳ $3_{5,6}$ Мр 1_5 Лк 3_3, εἰς τὰ χωρία Μαγδαλά къ предѣлъı магдаланьскъı Мѳ 15_{39} (-линьскъı *AO*, могъдаламъ *S*), ἐκ πόλεως Ναζαρέτ із града назаретъска Лк 2_4, εἰς πόλιν τῆς Σαμαρείας къ градъ самарьскъ Іо 4_5 (-рянскъ *OA*, Λ*S*), εἰς κώμην Σαμαρειτῶν къ вьсь самарѣнъскѫ҃ Лк 9_{52} (Λ*AOS*), τῆς παραλίου Σιδῶνος помориѣ сидоньска Лк 6_7, Мѳ 15_{21} Мр $7_{24,31}$, εἰς Σάρεπτα τῆς Σιδωνίας къ сарептѫ҃ сидоньскѫ҃ Лк 4_{26}, ὁ πύργος ἐν τῷ Σιλωάμ стлъпъ силоѫамьскъ Лк 13_4 (Λ*AOS*) εἰς τὴν κολυμβήθραν τοῦ Σιλωάμ къ кѫпѣли силоѫамьсцѣ Іо 9_7 (-мли *A*, Λ*S*), γῇ Σοδόμων земи содомьсцѣи Мѳ 10_{15} 11_{24} (Λ*AOS*), τῆς Τιβεριάδος тивериѣдьскъı Іо 6_1 (-ска *AO*, Λ*S*), Іо 21_1, Τραχωνίτιδος χώρας трахонитъскоѫ҃ странoѫ҃ Лк 3_1, Τύρου түрьскѫ҃ Мѳ 15_{21} Мр $7_{24,31}$ Лк 6_{17}, τῆς ζύμης τῶν φαρισαίων καὶ σαδδουκαίων кваса фарисѣиска и садүкеиска Мѳ $16_{6,11,12}$ Мр 8_{15} Лк 12_1, τινὸς τῶν ἀρχόντων τῶν φαρισαίων единого кънѧза фарисѣиска Лк 14_1 (етера *A*, нѣкоего *O*, Λ*Z*), (μαθηταὶ) τῶν φ-ων (оүченици) фарисѣистии Лк 5_{33} (Λ*AOS*), τῶν ἀρχιερέων архиерейстии Лк 23_{23} (Λ*AOS*), τῆς κρίσεως τῆς γεέννης отъ сѫда ѣеонъскаго Мѳ 23_{33}, τὸ ἔθος τῆς ἱερατείας обычаю иереискоүмоү Лк 1_9, εἰς τὸ ὄρος τῶν ἐλαιῶν къ горѫ҃ елеонъскѫ҃ Мѳ 26_{30} Мр 14_{26} Лк 22_{39} Іо 8_1, πρὸς τὸ ὄρος τῶν ἐλαιῶν къ горѣ елеоньсцѣ Мѳ 21_1 24_3 Мр 11_1 13_3, τοῦ χειμάρρου τοῦ κεδρών потока кедръска Іо 18_1, βίβλῳ ψαλμῶν кънигахъ псаломъскыхъ

Лк 20_{42}, εἰς τὴν διασποραν τῶν Ἑλλήνων **въ расѣяние елинъско** Io 7_{35}.

Этот же суффиксъ **-ьскъ** находим и при передачѣ греческих прилагательных: ἑλληνικοῖς **елинъсками** Лк 23_{38} Γαλιλαῖος **галилѣискъ** Мѳ 26_{69} Лк 23_{6}, ἡ Ἰουδαία χώρα **июденска страна** Мр 1_{5} Io 3_{22}, ἑβραϊκοῖς **еврейсками** Лк 23_{38} (ср. и ἑβραϊστί **еврейскъı** Io 5_{2} $19_{13,17,20}$ 20_{16}), ἄνδρες νινευῖται **мѫжи ниневѣитьсци** Мѳ 12_{41} Лк 11_{32} (Λ*AOS*), Ποντίῳ **понтьскоумоу** Мѳ 27_{2} Лк 3_{1}, ὁ Σύρος **соурьскъı** Лк 4_{27} (**суринъ** *S*), γυνὴ χαναναία **жена хананеиска** Мѳ 15_{22}.[1]

В производствѣ нѣкоторых прилагательных встрѣчаются и отступленія от указанной системы. Так, нѣкоторыя имена мужескаго рода, оканчивающіяся на -α, образуют прилагательныя не посредством суффикса **-инъ**, а посредством суфф. **-овъ**, **-евъ**, **-(н)jь**: Μελεᾶ **меледанновъ**, Ἰούδα **июдовъ**, Ἰαννά **иоаннаевъ**, Ἰωαννᾶ **иоаналевъ**, Ῥησά **рисиевъ**, Ματταθά **маттатаевъ**, Μαθουσάλα **матоусалъ**, Ἀβιά **авиѣнь**, Θαρά **тарань**, Σάλα **салань**; слѣдует однако указать, что всѣ эти образованія встрѣчаем в одном чтеніи: Лк 3_{23-38}, находящемся только в тетрах и, слѣдовательно, дополненном позже; от тѣх же имён прилагательныя могут быть образованы и иначе: **июдинъ** Лк 3_{26}, так же как при **авраамовъ**, **нѣкововъ** Лк 3_{34} мы обыкновенно находим **авраамль**, **нѣковль** (см. выше), очевидно оба суффикса (и **-овъ** и **-jь**) въ этом значеніи были одинаково употребительны, ср. также **симоновъ** и **симонь**, или древне-русскія *Ярославовъ дворъ* и *городъ Ярославль*. Что касается таких двояких образованій, как **архиереовъ** и **архиерейскъ**, **фарисеовъ** и **фарисейскъ**, то здѣсь различіе суффиксовъ соединяется с различіем в значеніи: суфф. **-овъ** указывает на принадлежность опредѣлённому лицу (в греческом текстѣ единственное число — τοῦ ἀρχιερέως, τοῦ φαρισαίου), тогда как суффикс **-ьскъ** относит признак к цѣлой общественной группѣ (в греч. текстѣ множественное ч. — τῶν ἀρχιερέων, τῶν φαρισαίων). Менѣе ясной является двоякость образованій от слова Σιλωάμ: **стлъпъ силоуамьскъ** ὁ πύργος ἐν τῷ Σιλωάμ Лк 13_{4}, **въ кѫпѣли силоуамьсцѣ** (**-мли** *A*) εἰς τὴν κολυμβήθραν τοῦ Σ-μ Io 9_{7}, но **въ кѫпѣль силоуамлѭ** εἰς τὴν κολ. τοῦ Σ-μ Io 9_{11}. Неясной является также причина, почему от однородных греческих слов различно образуются славянскія прилагательныя, напр., при греч. τῆς Τιβεριάδος находим **тиверьѣдъскъı**, но при греч. Τραχωνίτιδος — **трахонитъскоѭ** (мы ждали бы: **трахонитидьскоѭ**). Греч. τοῦ χειμάῤῥου τοῦ Κεδρών переведено: **потока кедръска**, слѣдовательно форма Κεδρών принята за *gen. pl.* (ср. Vulg. *Cedron*), и прилагательное образовано от основы **кедр**, между тѣм несомнѣнная форма *gen. pl.* (ὄρος) τῶν ἐλαιῶν принята за основу для образованія прилагательнаго **елеоньска**. Слѣдует отмѣтить ещё образованіе прилагательнаго **ехидъновъ** от существительнаго женск. р. ἐχίδνη, гдѣ словообразовательный суффикс **-овъ**, служащій лишь для образованія прилагательных от слов муж. рода, указывает на непониманіе переводчиком грамм. рода греч. слова. Форма **понтьскоумоу** свидѣтельствует о том, что переводчик понимал слово Πόντιος не как лат. собств имя Pontius, а как прилагательное, произведённое от сущ. πόντος.

[1] Ср. *O. Grünenthal:* Die Übersetzungstechnik... (A.-f. sl. Ph. XXXI, s. 339).

Из греческих глаголов только два оставлены без перевода: βλασφημεῖν и σκανδαλίζειν.

Бласвимлѣатъ Мѳ 9_3 βλασφημεῖ (**бласвимисаетъ** *Z*, **хоулитъ** *S*), **ѣко бласфимлѣеши** Io 10_{36} (**бласви-** *ZA*, **бласфимисаеши** *O*), **елико аще бласфимисажтъ** Мр 3_{28} ὅσας δ' ἂν βλασφημήσωσιν (∧*AS*), **иже бласвимисаатъ** Мр 3_{29} (∧*AS*) ὃς δ' ἂν βλασφημήσῃ, Лк 12_{10} τῷ βλασφημήσαντι; **иже аще скандалисаетъ** Мѳ 18_6 (∧*AS*) ὃς δ' ἂν σκανδαλίσῃ, **неже да сканъдалисаатъ** Лк 17_2 (∧*AS*) ἢ ἵνα σκανδαλίσῃ. Здѣсь различіе славянских образованій (**бласвимлѣетъ** и **бласвимисаетъ**) совершенно очевидно зависит от различія греч. форм: гдѣ является суфф. -ησ-, там он удержан и в слав. текстѣ, гдѣ его нѣт в греческом, — нѣт и славянском. Точно также и в формѣ **скандалисаетъ**: она произведена не от основы σκανδαλιζ-, но от основы аориста σκανδαλισ-.

*

Разсматривая всѣ приведённыя формы, мы можем сдѣлать слѣдующія наблюденія:

1. Тѣ греческія слова, которыя ещё до перевода Евангелія были заимствованы народной славянской рѣчью, употребляются в славянском переводѣ в той именно формѣ, какая бытовала у славян: **драгма** (δραχ(γ)μή — мы ждали бы **драгми**), **динарь** (δηνάριον — по аналогіи других слов должно бы было быть **динарии**), *d. sg.* **аньдрѣкови**, *acc. sg.* **аньдрѣа** указывают на *n. sg.* **аньдрѣи** (при греч. Ἀνδρέας — **аньдрѣа**); повидимому, народная этимологія сближала это имя с греч. прилагательным ἀνδρεῖος, ср. имя черноризца **Храбра**, которое, может быть, есть лишь перевод греч. Ἀνδρέας — ἀνδρεῖος. Далѣе **кесарь** (Καῖσαρ), **иерслимъ** (Ἱερουσαλήμ — Ἱεροσόλυμα), **еванѣелие** (εὐαγγέλιον), **собота** (или **сжбота** — τὰ σάββατα), *d. sg.* **пасцѣ** [при **пасха** = гр. πάσχα], **темѣна** — τοῦ θυμιάματος; может быть к этим словам надо отнести и **преторъ** (πραῖτωρ), которое смѣшали затѣм с πραιτώριον. При этом не замѣчается у переводчика никакого желанія вновь эллинизовать эти слова (кромѣ развѣ **пасха**, вм. **паска**).

2. Прочія непереведённыя слова греческаго текста получают формы славянскаго склоненія, даже и тѣ, которыя в греческом являлись несклоняемыми. При этом мы замѣчаем извѣстную систему: всѣ слова *женскаго* рода, независимо от их образованія и форм склоненія в греческом языкѣ, склоняются, как славянскія имена существительныя женск. рода с основой на -*ā*: имѣющія перед окончаніем согласную — по твёрдому различію, имѣющія гласную, особенно ι, — по мягкому. Сюда же отнесены и вообще всѣ слова, имѣющія в греческом текстѣ окончаніе -α, хотя бы они были и средняго рода в греческом: τὸ καταπετάσμα, τὸ πάσχα, τὸ μάννα. Любопытно, что сюда же попали (в формѣ *acc. sg.*) и два слова просто по звуковому впечатлѣнію: греч. -ιον звучало для переводчика, как слав. -ьѫ, и потому явились **газофилакиѫ** (τὸ γαζοφυλάκιον) и **скорьпиѫ** (σκόρπιον). Только три имени женск. рода, кончавшіяся на -λ и -τ, имѣют формы от основ на *i*: **рахиль** ῾Ραχήλ, **елисаветь** ῾Ελισάβετ и **роуть** ῾Ρούθ.

Всѣ слова *мужескаго* рода, за исключеніем слов на -ας и двух слов на -ης, склоняются, как славянскія слова муж. рода с основой на *ŏ*, причём так же не дѣлается различія между греческими склоняемыми и несклоняемыми именами и не обращается вниманія на типы их греческаго склоненія, и так же слова, имѣющія перед окончаніем согласную отнесены к твёрдому различію, имѣющія гласную ι (и ε) к мягкому. Сюда же отнесены и всѣ слова средняго рода, причём в нѣкоторых случаях вслѣдствіе этого является смѣшеніе родов: слова на -μα оказываются в формѣ *n. sg.* женскаго рода, в прочих падежах — мужескаго. Вслѣдствіе этого из греч. слов средняго рода сохраняют свой род и в славянском текстѣ только **мѵро** да **еѵанѣелиѥ**. Греческая форма и тут сохранена в словѣ **кѵсонъ** = βύσσον, может быть, и в словѣ **литостротѫ** Io 19_{13} λιθόστρωτον (так *ZS*, повидимому другіе списки **-тѣ** *M*, **-та** *A*, — **то** *O*, дают позднѣйшія исправленія этого чтенія).

Греческія слова мужсскаго рода на -ας склоняются, как славянскія слова муж. р. с основой на -*ā*; при этом странным кажется то, что слова на -ης от них отдѣлены и отнесены к основам на *ŏ*. Только два слова: Μανασσῆς и Λευΐς представляют формы от основ на -*jā*. Обратное явленіе мы замѣчаем в формѣ *instr. sg.* **иеремиемь, исаиемь** при *n. sg.* Ἱερεμίας, Ἡσαΐας.

По отношенію к словам, рѣдко встрѣчающимся или представляющим малоупотребительныя греческія формы, переводчик руководится при внесеніи их в славянскій текст не общей их основой, выясняющейся из всего склоненія, а той именно формой, которая в данном мѣстѣ находится у него перед глазами: так Ἡρωδιάς = **иродиѣ**, но Ἡρωδιάδος = **иродиѣдъı**, Μωσῆς = **моси**, но Μωσέως = **мосеа**, καταπετάσμα τοῦ ναοῦ = **катапетазма цр҃квиѣ**, но ἀρώματα = **аромать**, Ἡσαΐας, Ἱερεμίας = **исаиѣ, иеремиѣ**, но δι᾽ Ἡσαΐου, Ἱερεμίου = **исаиемь, иеремиемь**, ἔμπροσθεν ναζοφυλακίου = **прѣмо газофилакиови**, но εἰς ναζοφυλάκιον = **въ газофилакиѭ**, ἡ μνᾶς σου = **мънась твоѣ**, но *acc. sg.* и *gen. pl.* от основы на -*ā*: μνᾶν = **мънасѫ**, δέκα μνᾶς = **і҃ мънасъ**; τὴν Ἱεριχώ = **въ ериχѫ**, но *gen. sg.* от основы на -*ŏ*: ἀπὸ Ἱεριχώ = **отъ ериχона**; подобное же отношеніе мы видим и при передачѣ глагольных форм: βλασφημεῖ = **кластимлѣетъ**, но βλασφημήσῃ = **кластимисаетъ**.

Всѣ эти явленія указывают нам на ясное желаніе переводчика придать этим чуждым словам славянскій вид, ославянить их, и надо сказать, что этой цѣли он достигает с большим искусством. Отмѣтим прежде всего его стремленіе избѣгать употребленія несклоняемых слов, которых так много в греческом текстѣ Евангелія и которыя всѣ получили тѣ или другія формы склоненія в славянском переводѣ. Эта черта вполнѣ соотвѣтствует духу славянской рѣчи, как свидѣтельствуют и живые славянскіе языки, особенно в практикѣ их народных говоров; литературная рѣчь конечно устанавливает тут часто искуственно нѣкоторыя ограниченія, однако ср. чш. Fleury, *gen.* Fleuryho, Goethe, *dat.* Goethovi, Sardou, *gen.* Sardoua и т. д., слов. drama, *gen.* -my, или -mata, Göthe, *gen.* Götheho и т. д., польск. Bodouin, *gen.* Bodouina, Göthe, *gen.* Göthego, hrabia, *gen.* hrabego и т. д., русск. нар. пальто, *loc.* в

пальтѣ, *n. pl.* польты и т. п.[1] Чисто славянским оборотом является также обозначеніе принадлежности посредством прилагательнаго, в соотвѣтствіи с греч. gen. attributivo, причём, как указано, переводчик вносит тут довольно тонкое различеніе значенія таких прилагательных, как напр. **архиереовъ** (τοῦ ἀρχιερέως) и **архиерескъ** (τῶν ἀρχιερέων). Гдѣ может, там переводчик даёт чисто славянскія образованія имён народов, как **самарѣнинъ, самарѣнъıни, содомлѣнинъ** и т. п. Слѣдует также остановиться на употребленіи двух форм *dat. sg.* от одних и тѣх же имён муж. р. с осн. на *ŏ*: на -ѹ, и на -ови, напр. **приде къ симоноу петроу** Io 13_2 20_2 ἔρχεται πρὸς Σίμωνα Πέτρον, но **гла симонови петроу** Io 21_{15} λέγει τῷ Σίμωνι Πέτρῳ, **въниде къ пилатоу** Mp 15_{43} εἰσῆλθε πρὸς Πιλάτον, но **прѣдашѧ и пилатови** Mp 15_1 παρέδωκαν τῷ Πιλάτῳ, **посъла и къ иродоу** Лк 23_7 ἀνέπεμψεν αὐτὸν πρὸς Ἡρῴδην, но **оугоди иродови** Мѳ 14_6 Mp 7_{22} ἤρεσε τῷ Ἡρῴδῃ. Как видно из этих примѣров, употребленіе этих форм совсѣм не так произвольно, как может показаться на первый взгляд: при наличности таких дублетных форм, большею частью оказывается, что форма на -ови поставлена там, гдѣ в греческом текстѣ имѣется член, форма же на -ѹ соотвѣтствует греческой формѣ без члена. Обратим вниманіе ещё на одну особенность славянскаго перевода: в то время, как в греч. текстѣ имя собственное, соединённое с причастіем λεγόμενος, ἐπικαλούμενος согласуется с ним в падежѣ: λεγόμενον Βαραββᾶν Мѳ 37_{16} τοῦ λεγομένου Καϊάφα Мѳ 26_3, τὸν ἐπικαλούμενον Ἰσκαριώτην Лк 22_3, — в славянском переводѣ оно всегда стоит в *nom.*: **нарицаемаго варавва, нарицаемаго каиѳа, нарицаемаго искариотъ**, даже вмѣсто *acc.* в зависимости от глагола καλεῖν находим *nom.*: ἐκάλουν αὐτὸ ἐπὶ τῷ ὀνόματι τοῦ πατρὸς αὐτοῦ Ζαχαρίαν **нарица є именемь оѣца своего захарию** Лк 1_{59}.

Таким образом, самый способ ославяниванія греческих слов свидѣтельствует о полном пониманіи переводчиком духа славянской рѣчи в такой же мѣрѣ, как и весь славянскій текст перевода, в котором мы вряд ли могли бы указать ошибки против грамматики или вообще духа славянскаго языка. При этом однако может явиться вопрос, как с этим согласить отмѣченныя нами выше неправильности при передачѣ греческих слов: смѣшеніе родов, неразличеніе типов греч. склоненія и спряженія? На это можно отвѣтить только то, что в сущности по отношенію к *славянской* рѣчи всѣ указанные случаи являются грамматически совершенно правильными. Отступленіями, неправильностями они оказываются с точки зрѣнія *греческаго* языка, греческой грамматики. В этом отношеніи они дѣйствительно свидѣтельствуют о том, что славянскій переводчик не знал, или не обращал вниманія на то, что Ἡρωδιάς и Ἡρωδιάδος принадлежат к одной грамматической категоріи, также как καταπετάσμα и ϑυμιάματος, ἀρωμάτων и т. п., βλασφημεῖν и βλασφημῆσαι; не знал, или не считал нужным обратить вниманія на то, что нѣкоторыя слова на -ος, несмотря на такое своё окончаніе, грамматически являются словами женскаго рода, что

[1] *Jan Gebauer:* Krátká mluvnice česká. Vyd. 4. V Praze 1907, str. 59—65, *Ján Dambor-ský:* Slovenská mluvnica. IV. vyd. Nitra 1924, str. 113—116.

слова на -ον и на -μα принадлежат к среднему роду, (— даже грамматическій член ἡ, или τό не напоминает ему об этом); не знал, что πιστική есть прилагательное, а Πόντιος — существительное, что Κεδρών форма *n. sg.*, а τῶν ἐλαιῶν форма *gen. pl.* Всѣ эти случаи невниманія к явленіям греч. языка, или незнанія их, невольно заставляют усомниться в греческом происхожденіи переводчика (или переводчиков), на чём однако многіе настаивают; невольно вызывают недоумѣніе и вопрос, что за странный это был грек, который, имѣя полную возможность выразить греческое произношеніе, или хотя бы греческое написаніе греческих слов, совершенно ясно старается передать именно славянское их произношеніе, который так усердно ославянивает их формы, который так безупречно владѣет славянским языком, хотя ни о какой грамматической его обработкѣ не могло быть ещё и рѣчи, но который так небрежно относится к родам и формам греческих слов и, наконец, который допускает нѣкоторыя неточности в своём переводѣ вслѣдствіе непониманія или неправильнаго пониманія греческих форм? Конечно, извѣстная доля этих недоумѣній остаётся и в том случаѣ, если мы признаем составителя славянской азбуки и переводчика евангельскаго текста, св. Константина (Кирилла) славянином-византійцем, т. е. славянином византійской, греческой культуры, воспитавшимся в греческой школѣ. Казалось бы, и для такого лица недопустимы нѣкоторыя из указанных нами неправильностей и ошибок. Позволю себѣ однако указать в Житіи св. Константина на один, довольно туманный, намёк, который сам по себѣ кажется нѣсколько неумѣстным, но пріобрѣтает смысл при сопоставленіи с отмѣченными явленіями перевода Евангелія. Именно, там говорится, что ещё в Солуни, мальчиком, св. Константин обратился к «нѣкоемꙋ страньноꙋ», который «бѣ тоꙋ, ꙋмѣа грамотикіѭ» и просил его: «наоꙋчи мѧ хоꙋдожьствоꙋ грамотичьскоꙋ», но безуспѣшно: этот «странен» отказался его учить. Повидимому, это свидѣтельство Житія слѣдует понимать таким образом, что в Солуни св. Константин вообще не имѣл возможности пройти эту первую ступень тогдашняго учебнаго курса, а в Царьград, к царскому двору он явился в таком уже возрастѣ (на 15-м году), что «въ три мѣсеце навыкь граматикию по прочаѧ се ѥть оꙋчениа» т. е. можно сказать, должен был приступить прямо к следующей ступени. Так он остался без теоретическаго изученія греческой грамматики, и довольствовался тѣм практическим знаніем греческаго языка, которое он, славянин, мог усвоить, вращаясь в греческом обществѣ, сначала в Солуни, потом в Царьрадѣ. Этим, очевидно, объясняются и тѣ промахи в переводѣ и в его отношеніи к греческим словам, которые мы отмѣтили в настоящей статьѣ.

FORMES DES MOTS GRECS DANS LA TRADUCTION CYRILLO-MÉTHODIENNE DE L'ÉVANGILE.

(Résumé).

L'étude, au point de vue de leur forme, des mots grecs restés sans traduction dans le texte de l'Évangile nous amène à des observations suivantes:

1° Les mots grecs entrés dans la langue populaire slave avant la traduction de l'Évangile, sont employés dans la traduction slave en leur forme populaire: *dragma* (au lieu de δραχμή, auquel on s'attendrait — *dragmi*), *dinarĭ* (au lieu de *dinarii* = δηνάριον), *pretorŭ* (au lieu de *pretorii* — πραιτώριον), *kesarĭ* (au lieu de *kesarŭ* — Καῖσαρ), *temĭěna* (au lieu de *tymiamata* – g. sg. ϑυμιάματος), *sobota* (ou *sąbota* — τὰ σάββατα); les formes du d. sg. *anĭdrêovi*, de l'acc. sg. *anĭdrêa* font sousentendre le n. sg. sous l'aspect d'*anĭdrêi* (au lieu d'*anĭdrêa* – Ἀνδρέας), de même qu'au d. sg. *pasce* doit correspondre le n. sg. *paska* (au lieu de *pascha* — τὸ πάσχα). Le *ierŝlimŭ* slave ne correspond qu'au Ἱερουσαλήμ grec, mais non au τὰ Ἱεροσόλυμα; probablement la forme populaire possédait dejà les mots *evanĭčelie* et *myro* (εὐαγγέλιον, μῦρον). Le traducteur ne se croit pas obligé de rapprocher ces mots de leurs prototypes grecs.

2° Tous les autres mots grecs reçoivent les formes slaves de déclinaison et de conjugaison, ceux-là même qui dans le texte grec sont invariables. Sous ce rapport un certain système est à observer: tous les mots féminins indépendamment de leur formation et des formes de déclinaison en langue grecque, se déclinent comme des substantifs slaves ayant pour base *ā* (où la terminaison est précédée d'une consonne — dans la déclinaison dure, et d'une voyelle — dans la déclinaison molle). À ce groupe se rapportent généralement tous les mots qui ont dans le texte grec la terminaison -α, quoiqu'ils soient du genre neutre: τὸ καταπετάσμα, τὸ μάννα, τὸ πάσχα — *katapetazma, mana, pascha.* À ce même groupe se sont rangés par hasard sous la forme de l'accus. sing. plusieurs mots par impression d'assonance: le -ον grec sonnait aux oreilles du traducteur comme le *ą* slave, et de là se développèrent les formes: *gazofylakiją* – τὸ γαζοφυλάκιον, *skorĭpiją* – σκόρπιον et *litostratą* – λιθόστρατον. Trois noms féminins terminés par λ et τ ont la forme de la base en *ĭ*: *rachilĭ* — Ῥαχήλ, *elisavetĭ* — Ἐλισάβετ, *routĭ* – Ῥούθ.

Tous les noms masculins, à l'exception de ceux terminés en -ας et deux noms en -ης, se déclinent comme des noms slaves du genre masculin avec une base en *ŏ*, et là, ainsi que dans les substantifs fém., aucune différence n'est faite entre les substantifs grecs déclinables et indéclinables, ainsi qu'entre les catégories de leur déclinaison grecque, de même les noms ayant avant la terminaison une consonne sont classés à la déclinaison dure (à l'exception de certains noms terminés par *r* et *l*), ceux ayant une voyelle — à la déclinaison molle.

Tous les noms grecs du genre neutre sont transmis au genre masculin à l'exception des noms *evanĭčelie* et *myro*, qui conservent le genre neutre, et à l'exception aussi des noms terminés par -α qui, ainsi que nous avons indiqué plus

haut, sont classés parmi les substantifs féminins; il en résulte une confusion de genres: les noms terminés par -μα au nomin. sing. sont féminins, à tous les autres cas – masculins. L'accus. sing. du nom grec βύσσον avait été pris par le traducteur pour un mot indéclinable et pour cette raison la forme en fut conservée (avec un *ŭ* à la fin).

Les noms grecs masc. terminés par -ας sont déclinés comme des noms masc. slaves ayant pour base l'*ā*; chose étrange, les noms terminés par -ης en sont séparés et sont ajoutés aux noms ayant pour base l'*ŏ*. Rien que les substantifs Μανασσῆς et Λευΐς présentent les formes ayant pour base *-jā*.

3° Le génitif attributif grec est rendu par une tournure purement slave: par un adjectif, formé du dit substantif: τὸν πατέρα Ἀλεξάνδρου καὶ Ῥούφου — *otĭcu aleksandrovou i roufovou*, Καίσαρος — *kesarevŭ*, τὴν σοφίαν Σολομῶνος — *prêmądrosti solomonę*, δυνάμει Ἡλίου — *silojǫ iliinojǫ*, τὸ νόμισμα τοῦ κήνσου — *sklęzŭ kinŭsŭny*, βασιλεὺς τῶν Ἰουδαίων — *crĭ ijoudeiskŭ*.

4° Les noms indiquant des habitants de certain endroit reçoivent un suffixe slave — *ênĭnŭ* (pour le féminin — *nyni*) dans les cas où le traducteur s'était rendu compte de la signification du mot: *nazarênĭnŭ* — Ναζαρηνός, samarênyni — ἡ Σαμαρεῖτις.

Ainsi, quant aux mots grecs, nous observons une volonté visible du traducteur à leur donner une forme slave: certaines inexactitudes qui se font remarquer (confusion de genres, de cas et de catégories de déclinaisons grecques) démontrent une connaissance insuffisante du traducteur avec la structure grammaticale de la langue grecque. Cette dernière circonstance doit être rattachée au détail suivant de la biographie du st. Constantin (Cyrille): il n'avait pas eu l'occasion d'étudier à fond la grammaire grecque. Une brillante connaissance de la langue slave, avec toutes les nuances de sa grammaire et de sa lexicologie et une compréhension insuffisante des phénomènes du grec témoignent clairement de ce que ce fut le slave qui avait été la langue maternelle du traducteur; quant au grec, il lui fut connu comme une langue étrangère qui en plus avait été apprise pratiquement et non théoriquement.

N. TRUBETZKOY:

DAS »MÜNCHNER SLAVISCHE ABECEDARIUM«.

Die unten abgebildete Photographie wurde mir im Juni 1929 durch den Beamten der Wiener Nationalbibliothek und Privatdozenten der Wiener Universität Dr. H. Menhardt zugestellt, der sie seinerseits vom bayerischen Orientalisten Professor Dr. Sebastian Euringer mit der Bitte erhalten hatte, das Alter der auf dieser Photographie abgebildeten Alphabete mit Hilfe der Wiener Slavisten festzustellen. Anschließend daran trat ich mit Prof. S. Euringer in Briefwechsel und erfuhr von ihm, daß die Photographie das letzte Blatt einer lateinischen Handschrift des X. Jh. darstellt, die in der Münchner Staatsbibliothek unter der Signatur »Cod. Lat. 14485« bewahrt wird. Ursprünglich befand sich diese Handschrift im Kloster St. Emmeram zu Regensburg, wo sie am Ende des XV. Jh. durch den bekannten Humanisten Conrad Celtis entdeckt wurde. Sie enthält lateinische Gedichte und Schauspiele der Hrotsvitha von Gandersheim, einer deutsch-lateinischen Schriftstellerin und Nonne des X. Jh., und scheint von dieser Schriftstellerin eigenhändig geschrieben zu sein. Zum ersten Male wurde diese Handschrift durch Conrad Celtis selbst im J. 1501 herausgegeben;[1] gegenwärtig besitzen wir eine bessere und genauere kritische Ausgabe von Winterfeld (»Hrotsvithae opera«, in »Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi« Berlin 1902). Was die slavischen Alphabete betrifft, die von einer offenbar fremden Hand am Ende des letzten Blattes dieser Handschrift eingetragen worden waren, so scheint bisher niemand ihren slavischen Charakter erkannt zu haben. Anton Ruland, der die Hrotsvitha-Handschrift in der Zeitschrift »Serapeum« 1857 besprach, erwähnte diesen fremden Zusatz an der Handschrift, faßte aber dabei das cyrillische Alphabet als das griechische auf und ließ das glagolitische Alphabet ganz unbeachtet.[2] Seitdem hat niemand über diesen Gegenstand geschrieben.

Als die obenerwähnte Photographie mir bei den erwähnten Umständen bekannt wurde, erinnerte ich mich unwillkürlich an das »slavische Abecedarium unbekannter Herkunft«, von dem der verstorbene V. Jagić seinerzeit berichtete. Die Vergleichung der Beschreibung des genannten Abecedariums bei V. Jagić mit der Photographie des letzten Blattes der Münchner Hrotsvitha-Handschrift führte mich zur Überzeugung, daß die Worte V. Jagić's sich nur auf diese Handschrift beziehen können. Ich lasse die Worte V. Jagić's folgen: — «У меня находится фотографический снимок, к сожалению не помню кем и откуда мне доставленный, одной пергаменной странички, обнимающей восемь строк

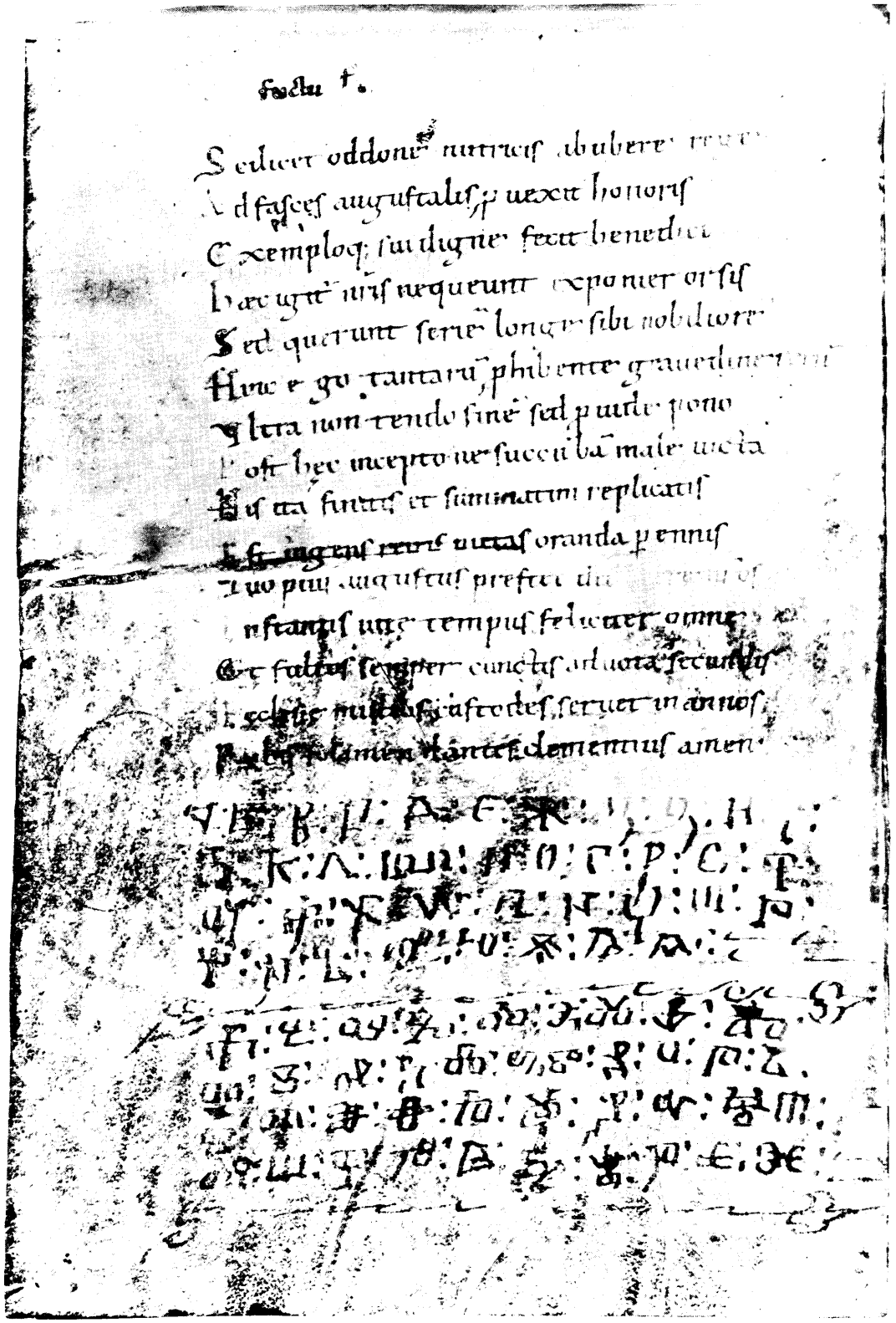
[1] »Opera Hrosvite, illustris virginis et monialis Germane genti Saxonica orte, nuper a Conrado Celte inventa.... Norunbergae 1501.

[2] »Dem letzten Blatte schrieb eine uralte Hand das griechische Alphabet u. s. w. bei« (Serapeum 1857, S. 25).

какого-то латинского текста (стихов?), который, по определению профессора Оттенталя, не моложе первой половины XI столетия. Две трети страницы остались пустыми и были потом восполнены двумя очень грубо изображенными алфавитами: четыре строки кирилловские, четыре же глаголические. В кирилловском алфавите имеется после ж два раза ꙁ, первое с открытой, второе с закрытой головкой; после и, і перед к стоит буква напоминающая отчасти ѣ (но без перекладины); после л вм. обыкновенного м следует какое-то странное неразборчивое изображение; после ѡ изображены два рисунка как будто п и ѯ, дальше ч (в виде чашечки); после ш изображение напоминающее глаголическое ⰲ, потом щ и опять какое-то неразборчивое изображение, далее ѣ и рисунок похожий на глагол. ⰿ; наконец ю, ѫ, ѧ, ѩ. Глаголический алфавит, писанный той же рукой и в то же время, представляет грубоватые рисунки круглой глаголицы; буквы ⰿ, ⰽ и ⰲ изображены по старому типу; после ь следует рисунок напоминающий изображение той же буквы в Ассем. евангелии; потом особый рисунок очень похожий на ⰿ, далее ⰲ ⰲ ш (но вместо ш написано ш), неразборчивое ⰲ; потом опять ш (или ⰲ) и ⰲ (должно быть имелось в виду ⰲ ⰲ), ⰲ, ⰰ, опять какой-то неразборчивый знак, вроде ⰲ; далее ⰲ ⰵ ⰵⰵ» (Энциклопедия славянской филологии, вып. 3, стр. 137).

Die Übereinstimmung dieser Beschreibung mit der von uns nunmehr veröffentlichten Photographie ist so vollkommen, daß sie nicht auf Zufall beruhen kann. Somit darf es für erwiesen gelten, daß die Photographie, die V. Jagić am angeführten Orte beschrieb, dasselbe letzte Blatt der Münchner Hrotsvitha-Handschrift (Cod. Lat. 14485) darstellte, das auch auf der von uns nunmehr veröffentlichten Photographie abgebildet ist. Der einzige Unterschied zwischen der von V. Jagić beschriebenen und der von uns jetzt veröffentlichten Abbildungen besteht darin, daß der den slavischen Alphabeten vorangehende lateinische Text auf der von uns veröffentlichten Photographie 17 Zeilen beträgt, während auf dem Exemplare V. Jagić's der lateinische Text nur 8 Zeilen einnahm. Offenbar war der obere Teil der Photographie, die V. Jagić besaß, aus irgendeinem Grunde abgeschnitten. Dieser Umstand erklärt uns auch, warum V. Jagić die Herkunft der Photographie vergessen konnte: die photographischen Abbildungen der Handschriften der Münchner Staatsbibliothek werden immer mit dem Stempel der Bibliothek mit Angabe der Signatur der Handschrift versehen, wobei dieser Stempel im *oberen Teil* der Rückseite der Photographie gesetzt wird; indem V. Jagić (oder derjenige, von dem er die Photographie erhalten hatte) den oberen Teil der Photographie abschnitt, vernichtete er das Kennzeichen, nach welchem die Herkunft der Abbildung bestimmt werden konnte.

Als ich die Identität der mir zugestellten Abbildung mit dem von V. Jagić beschriebenen slavischen Abecedarium feststellte, ließ ich die Abbildung photographisch reproduzieren und schickte eine photographische Kopie nach Mensk, Herrn Prof. Dr. N. N. Durnovo, da ich wußte, daß dieser sich mit dem Problem der ursprünglichen Zusammensetzung des glagolitischen Alpha-



Das Münchener Abecedarium.

bets befaßt. Die paläographische Analyse dieses interessanten Denkmals überlasse ich somit N. N. Durnovo.

Wann und mit welcher Absicht die slavischen Alphabete auf das letzte Blatt der Hrotsvitha-Handschrift eingetragen wurden, – das bleibt rätselhaft. Im XVI. Jh. hielten sich einige südslavische Protestanten, Mitarbeiter Trubars und Ungnads, in Regensburg auf. Zwei von ihnen, Anton Dalmatin und Stipan Istriani bestellten cyrillische und glagolitische Typen in den Nürnberger und Tübingener Druckereien und druckten slavische Bücher in beiden Alphabeten. Nach der Angabe des Grafen Hugo von Waldendorf (»Alte slavische Drucke auf der Kreisbibliothek zu Regensburg« in den *Verhandlungen des historischen Vereines von Oberpfalz und Regensburg*, XXIX = neue folge XXI, 1874, S. 122–133), besitzt die Regensburger Kreisbibliothek mehrere von diesen alten Drucken: eine glagolitische Ausgabe des Augsburger Glaubenbekenntnis (»Artikuli ili deli prave stare kristianske vere« etc., Tübingen 1562) eine glagolitische Ausgabe der »Loci communi« Melanchtons in der Übersetzung von Dalmatin und Stipan Istriani (Tübingen 1562) und eine cyrillische Ausgabe desselben Werkes mit einer Vorrede von Trubar (ebenfalls Tübingen 1562). Es gab also im XVI. Jh. in Regensburg Leute, die sich für slavische Schrift interessierten, und da die Hrotsvitha-Handschrift sich damals noch in Regensburg befand, so wirft Prof. Dr. S. Euringer (in einem Privatbrief an mich) die Frage auf, ob nicht auch die slavischen Alphabete der Hrotsvitha-Handschrift gerade aus dieser Zeit stammen könnten. Wir glauben aber doch diese Vermutung ablehnen zu dürfen. Die slavischen Alphabete am Ende der Hrotsvitha-Handschrift müssen von jemandem eingetragen worden sein, der diese Alphabete gar nicht kannte und die slavischen Buchstaben mechanisch von einer alten Vorlage abzeichnete. Die Form dieser Buchstaben unterscheidet sich sehr stark von den Typen, die im XVI. Jh. für cyrillische und glagolitische Drucke verwendet wurden, und das setzt ja voraus, daß der Schreiber solche Drucke nicht kannte. Die Eintragung der slavischen Alphabete am Ende der Hrotsvitha-Handschrift braucht überhaupt gar nicht in Regensburg stattgefunden zu haben. Da diese Handschrift auch dramatische Werke der Hrotsvitha enthält, konnte sie auch in anderen Klöstern kopiert werden, in denen man diese Dramen aufzuführen beabsichtigte. Zu diesem Zwecke konnte die Handschrift aus dem Kloster Sankt Emmeram an andere Klöster auch außerhalb von Regensburg geliehen und versandt werden. Somit muß die Frage nach der Herkunft der slavischen Alphabete am Ende der Hrotsvitha-Handschrift offen gelassen werden. Paläographische Erwägungen gestatten nur zu behaupten, daß die Eintragung dieser Alphabete nicht vor dem XII. Jh. stattgefunden hat.

Wien 1929.

NIKOLAJ DURNOVO:

DAS MÜNCHENER ABECEDARIUM.

In der Enzyklopädie der slavischen Philologie 3, 37 erwähnt V. Jagić eine in seinem Besitze gewesene Photographie eines slavischen Abecedariums, das beide slavischen Alphabete, sowohl das kyrillische als auch das glagolitische, enthielt. Doch konnte er sich nicht mehr erinnern, nach was für einer Handschrift diese Photographie angefertigt worden war und wie er in ihren Besitz gelangte. Auf Grund der kurzen Beschreibung der Photographie durch Jagić kann man schließen, daß das Abecedarium von großem Interesse ist. In dem kyrillischen Alphabet kommt der Buchstabe ѣ vor und nach dem Buchstaben ѡ steht der Buchstabe ѻ entsprechend den Akrostichen der ältesten in Versform gekleideten slavischen Gebete und dem Zeugnis des Abecedarium bulgaricum, in welchem dem »*ot*« das »*pe*« folgt. In dem glagolitischen Alphabet[1] sind die Buchstaben ⱘ, ⱄ und ⱍ vom alten Typus; es gibt hier ein ⰵ von gewöhnlicher Zeichnung und ein »spinnförmiges« (»паукообразное«), nach ⰻ folgt ein Buchstabe, der Jagić an das glagolitische ⱡ erinnert, was uns das Recht gibt zu glauben, daß dies nichts anderes ist als der erste Teil des glagolitischen ⱏ, endlich fehlt der Buchstabe ⰾ entsprechend den Akrostichen.[2] Da dieses Abecedarium mein Interesse erweckte, zog ich in Wien und Belgrad Erkundigungen ein, jedoch ohne Erfolg.

Ganz zufällig kam der Professor der Wiener Universität N. TRUBETZKOY auf die Spur dieses Abecedariums. Es zeigte sich, daß dieses Abecedarium auf der letzten Seite einer lateinischen Handschrift (Cod. Lat. 14485) der Münchener Staatsbibliothek verzeichnet ist, so daß es von nun an das Münchener Abecedarium zu nennen ist.

TRUBETZKOY hat mir auch die Photographie des Münchener Abecedariums zugesandt, die die Beschreibung von Jagić, welche sich als nicht ganz genau erwies, zu ergänzen und zu verbessern erlaubt. Im weiteren werde ich mich bei der Beschreibung des Abecedariums nur in einigen wenigen Fällen auf diejenige von Jagić berufen.

Die Handschrift, in welcher das Abecedarium verzeichnet ist, stammt aus dem X.–XI. Jahrhundert. Das Abecedarium selbst jedoch wurde durch eine andere Person bedeutend später geschrieben. Wann dies geschah, ist allerdings schwer zu sagen, da der Schreiber, wie aus der Entstellung sowohl der kyrillischen als auch der glagolitischen Buchstaben zu ersehen ist, weder das eine noch das andere slavische Alphabet gekannt hat und daher – im Gegensatze

[1] Die glagolitischen Buchstaben gebe ich in der kyrillischen Transkription wieder. Über das Abecedarium bulgaricum vgl.: Jagić, ib. S. 136, Taf. VII. Abb. 16.

[2] Vgl.: *А. Соболевскій,* Матеріалы и изслѣдованія. (Статья: Старшія церковнославянскія стихотворенія.) СПбг. 1910.

A. Sobolevskij, Stoffe u. Forschungen (der Artikel: die älteren kirchenslavischen Gedichte).

zu der sonst bei Abschreibern älterer Handschriften anzutreffenden Manier – keinerlei Schreibgewohnheiten in der Darstellung der Buchstaben der beiden Alphabete zum Ausdruck bringen konnte. Infolgedessen können wir nicht die Frage stellen, wann das Abecedarium geschrieben wurde, sondern nur, welcher Zeit die Typen der kyrillischen und glagolitischen Buchstaben, die der Verfasser unseres Abecedariums kopierte, angehören.

Beide Alphabete enthalten je 38 Buchstaben, die voneinander durch Doppelpunkte getrennt sind. Im glagolitischen Alphabet sind zwei Zeichen für den Buchstaben ч vorhanden: das gewöhnliche glagolitische ч und das umgekehrte ш mit hohen Masten, ohne daß die beiden Zeichen durch einen Doppelpunkt von einander getrennt wären.

Die Zahl der Buchstaben entspricht genau der Buchstabenzahl des slavischen Alphabets, die von CHRABR[1] angegeben wird. Doch konnte Chrabr, der 38 Buchstaben zählte, kaum denselben Bestand von Buchstaben im Sinne gehabt haben: in beiden Alphabeten kommt ѧ (d. h. ѣ) vor, aber es fehlt ѫ; gesetzt daß Chrabr in seine Buchstabenzahl von 38 den Buchstaben ѧ eingeschlossen hatte, so wäre wohl auch das Zeichen ѫ in seiner Buchstabenzahl vertreten gewesen; war aber dieses Zeichen von ihm nicht aufgenommen, so würde wohl auch das ѧ in seiner Buchstabenzahl gefehlt haben.

In dem kyrillischen Alphabete kommen die Buchstaben ѕ und ꙋ doppelt vor. Diese Wiederholung läßt sich durch das Bestreben erklären, allen Buchstaben des glagolitischen Alphabets kyrillische Parallelen zu geben: beide ѕ und beide ꙋ entsprechen verschiedenen Buchstaben des glagolitischen Alphabets. Daher kann auch das Fehlen von ѵ im kyrillischen Alphabete außer durch die Annahme, daß dieser Buchstabe schon in dem dem Verfasser des Abecedariums bekannten kyrillischen Alphabete gefehlt hat, noch dadurch erklärt werden, daß der Verfasser des Abecedariums es für ausreichend hielt, für den einen Buchstaben des glagolitischen Alphabets nur eine entsprechende Parallele anzuführen.

Der Bestand des *kyrillischen* Alphabets in unserem Abecedarium ist folgender: 1) а, 2) б, 3) в, 4) г, 5) д, 6) є, 7) ж, 8) з, 9) ѕ, 10) и, 11) і, 12) ћ, 13) к, 14) л, 15) ein sehr verstümmeltes м, 16) н, 17) о, 18) п, 19) р, 20) с, 21) т, 22) оу, 23) ѳ, 24) х, 25) ѡ, 26) ꙋ (im glagolitischen Alphabet entspricht diesem Buchstaben ein besonderer Buchstabe), 27) ein dem lateinischen *u* ähnlicher Buchstabe, der als ein umgekehrtes und entstelltes ꙋ aufgefaßt werden kann, 28) ч, 29) ш, 30) ein Häckchen, das als stark verstümmeltes umgekehrtes ъ angesehen werden kann, 31) щ mit einem hohen Füßchen auf der Zeile, 32) ы, 33) ѣ, 34) stark verstümmeltes ѧ, 35) ю, 36) ꙗ, bei dem statt der linksseitigen

[1] См. Разсужденіе южнославянской и русской старины. (Изслѣдованія по русскому языку, Т. I.)

Лавров, Кирило та Методій, Київ 1928, стр. 137—149.

[1] Vgl. *V. Jagić,* Разсужденія южнослав. и русской старины. (Изслѣд. по русск. яз. I.) (Forschungen über die russische Sprache, B. I).

Lavrov, Kyrillus und Methodius, Kiev 1928, S. 137–149.

vertikalen Linie rechts an den Kopf des Buchstabens eine geneigte Linie angesetzt ist, 37) ѧ von der Form, wie sie bei Sav. vorkommt, mit einem schiefen inneren Querstrich, aber ohne den unteren.

Der Bestand des *glagolitischen* Alphabets (ich gebe ihn in kyrillischer Transkription wieder) ist folgender: 1) а, 2) б, 3) в, 4) г, 5) д, 6) є, 7) ж, 8) ѕ, 9) ein verstümmeltes з, 10) и (auf dem Dreiecke – »иже на трєгольникє«), 11) и (auf dem Kreise – »иже на кроужкє«), 12) ћ, 13) к, 14) л, 15) м, 16) н, 17) statt des glagolitischen *o* ein dem lateinischen *u* ähnlicher Buchstabe, 18) п, 19) р, 20) с, 21) т, 22) оу, 23) ф, 24) х von gewöhnlichem Typus, 25) entstelltes ѡ (aber kein spinnförmiges х!), *26*) ein besonderer Buchstabe, der einigermaßen an das ћ in den Prag. Fragm. S. 27 erinnert, 27) ц, 28) ч, neben welchem ein umgekehrtes ш steht, 29) ъ, 30 ш, 21) и (auf dem Füßchen – »иже на ножкє«), 32) ь, 33) ѣ, 34) ein »spinnförmiges« х, 35) ein Buchstabe, der an das griechische ѱ erinnert, aber mit einem Kreise am unteren Ende des Schweifes; wahrscheinlich eine etwas verstümmelte Darstellung des ersten Teiles des glagolitischen ѫ, 36) ю, 37) ѧ (d. h. ein Buchstabe, der im Ps. Sin. zur Wiedergabe des griechischen γ vor γ und in der Mehrzahl der makedonischen Texte zur Wiedergabe des ę nach Konsonanten verwendet wurde, 38) ѧ (d. h. ein Buchstabe, der in den KBl. allgemein zur Wiedergabe des ę und in der Mehrzahl der makedonischen Texte zur Wiedergabe des ję gebraucht wurde.

Wie man sieht, entsprechen die Buchstaben des kyrillischen Alphabets genau den des glagolitischen mit Ausnahme einer Umstellung im kyrillischen Alphabet (ю und ѫ) und einer Umstellung im glagolitischen (ъ und ш). Außerdem entsprechen dem glagolitischen і (auf dem Füßchen – »иже на ножкє«) und ь an der 31. und 32. Stelle des kyrillischen Alphabets irrtümlicherweise ѱ und ѣ. Dem 26. Buchstaben des glagolitischen Alphabets entspricht im kyrillischen п und dem spinnförmigen х – ѯ.

Einige Buchstabenformen des *kyrillischen* Alphabets repräsentieren sehr altertümliche Typen, die spätestens im XII. Jahrhundert in Verwendung waren: а, dessen Schleife mit dem scharfen Ende nach rechts und nicht nach unten gewendet ist, и mit einem horizontalen Querstrich in der Mitte, symmetrisches ж, ferner ћ, bei dem die obere Linie des Querstrichs entbehrt (nicht durchstrichen ist), н mit einem vom oberen linken zum unteren rechten *Mast* schräg gehenden Querstrich, р mit kleinem Kopfe, ѡ mit hohem Mittelstrich, symmetrisches ч mit einem sehr tiefen runden Becher, щ, in der Zeile stehend, ѫ mit einem Seitenstrich, der vom Kopf ohne Bindestrich ausgeht (vgl. ѫ in Sav.), ѧ mit einem schrägen mittleren Querstrich (kommt nur in Sav. vor). Alle übrigen Darstellungsformen sind für die Datierung nicht charakteristisch.

Im *glagolitischen* Alphabet haben die Formen einiger Buchstaben einen eckigen Charakter: die Schleifen bei г, ж, з, и, л, п, х sind viereckig, bei den anderen Buchstaben sind sie beinahe viereckig (nähern sie sich der Viereckform). Bei all dem erinnern die Buchstabentypen nicht an die der kroatischen eckigen glagolitischen Schrift, sondern entsprechen den alten Typen, so daß

das glagolitische Alphabet trotz seiner Eckigkeit nicht der älteren kroatischen glagolitischen Schrift, wie sie sich etwa in den Wiener Fragmenten, im Fragment des Grškovič oder in den Fragmenten und in der Krkischen Inschrift von Veglia-Krk vorfindet (vgl. andere Darstellungen des ⱋ, ⰾ u. a.), sondern der Schrift der Prager Fragmente, der Einlageblätter des Zogr. oder des Abecenarium bulgaricum nähersteht. Dem alten, vorkroatischen Typus gehören die Darstellungen der Buchstaben ⰰ, ⰱ, ⰵ, ⰸ, ⰻ (auf dem Kreise – »иже на кружке«), ⱨ, ⰽ, ⰾ, ⱁⱂ, ⱘ, ⱏ an. Außerdem gibt es hier Buchstaben, die in der kroatischen glagolitischen Schrift fehlen: das »spinnförmige« Ⱗ, der erste Teil des ⱁⱂ und die Buchstaben ⰰ und ⰰ. Die übrigen Buchstaben sind für die Datierung weniger charakteristisch. Ich erwähne noch die Darstellung des *b* mit einem Schweife, der sich nicht an den linken Mast, sondern an die Mitte zwischen dem linken und dem mittleren wie in Cloz. und Sin. Ps. anschließt; die Form des ⱨ steht am nächsten den Darstellungen dieses Buchstaben im Zogr., in den Wiener Fragmenten und in den Fragmenten des Mihanović; bei ⰰ ruht der obere Teil auf den zwei unteren wie in den Prager Fragm., im Assem. und in dem Ergänzungsblatte der KBl.; bei ⱁⱂ sind beide Teile zusammengeschmolzen wie im Assem., Mar., Ps. Sin. und in den späteren Denkmälern; der zweite Bestandteil (die zweite Hälfte) wird durch horizontale, über den rechten Teil des Buchstaben hinausgehende Striche in 3 Teile geteilt; ⱏ und ⱏ haben die Form eines Achters wie im Kloz., Mar., Assem., Ps. Sin., und Ench. Sin.; ⱏ zeigt eine abgestumpfe Spitze wie in den Prager Fragm., im Ps. Sin., in den Ochr. Ev.-Fragm. u. a.; ⱳ erinnert trotz seiner Verstümmelung an das ⱳ der Wiener Fragmente.

Alle paläographischen Züge weisen darauf hin, daß die Quelle beider Alphabete des Münchener Abecedariums spätestens aus dem XII. Jh. stammt.

Das Münchener Abecedarium ist von großer Bedeutung für die Frage über den ursprünglichen Bestand des slavischen Alphabets. Vor allem bemerken wir, daß die Reihenfolge der Buchstaben des Abecedariums mit der Reihenfolge der Buchstaben der Akrostichen der ältesten slavischen Gebete in Versform (des Konstantin von Bulgarien u. des Jaroslaver Gebetbuches) zusammenfällt. Bis ⱳ inklusive fällt diese Reihenfolge mit der Reihenfolge der Buchstaben im glagolitischen Zahlensystem zusammen. Nach ⱳ besteht zwischen dem letzteren einerseits und den Akrostichen und dem Münchener Abecedarium andererseits ein gewisser Unterschied. Im glagolitischen Zahlensystem folgt unmittelbar nach ⱳ-ⱁⱂ, im glagolitischen Alphabet des Münchener Abecedariums aber ein besonderer Buchstabe, der dem ⱁⱂ nicht ähnlich ist; im kyrillischen Alphabet desselben Abecedariums entspricht diesem Buchstaben ⱂ, in den beiden ältesten akrostichischen Gedichten entsprechen ihm Wörter, die im Anlaut den Buchstaben ⱂ haben; im Abecenarium bulgaricum fehlt ein entsprechender Buchstabe, aber hinter der Bezeichnung »от«, die über dem spinnförmigen Ⱗ steht, jedoch wahrscheinlich dem Buchstaben ⱳ entspricht, folgt die Bezeichnung »ρε«, die über dem Buchstaben ⱏ steht; dieselbe Bezeichnung für einen Buchstaben – »пѣ« – findet sich in der zweiten Redaktion des Traktates CHRABRS. Diese Übereinstim-

mungen scheinen darauf hinzudeuten, daß der rätselhafte 26-ste Buchstabe des glagolitischen Alphabets des Münchener Abecedariums als ⱂ zu lesen ist. Da für den Laut *p* im glagolitischen Alphabet außer diesem Buchstaben schon zwei andere, nämlich ⱒ und ⱔ, vorhanden waren, die dem griechischen π und φ entsprachen, kann man annehmen, daß dieser Buchstabe seinerseits dem griechischen ψ entsprach. Nachdem er früh aus dem glagolitischen Alphabet geschwunden war, wurde er auch in der Ziffernbedeutung durch einen anderen Buchstaben ersetzt. Bei solcher Annahme ist es aber nicht begreiflich, warum er in dem Alphabete nach und nicht vor ω zu stehen kam, warum er nicht in einem einzigen glagolitischen Texte wenigstens zur Wiedergabe des griechischen ψ vorkommt[1] und weshalb statt seiner in der Ziffernbedeutung gerade das ψ gewählt wurde. Die Unverwendbarkeit der einen oder der anderen Zeichen in der Buchstabenbedeutung im slavischen Alphabete hinderte nicht, dieselben in der Ziffernbedeutung zu verwenden. In den glagolitischen Texten, in denen die Buchstaben ѕ, ѣ, ѱ, ѡ nicht vorkommen, werden diese in der Zahlenbedeutung nicht durch andere ersetzt; in der kyrillischen Schrift wurden von altersher die Zeichen ѕ und ҁ, die als Buchstabenzeichen nicht gebräuchlich waren, als Zahlzeichen verwendet und erst später, als das unsymmetrische ч aufkam, wurde die alte Ziffer ҁ durch das neue Zeichen verdrängt. Wenn wir annehmen, daß der 26-ste Buchstabe des ursprünglichen Alphabets nicht ѱ, sondern ein Buchstabe mit der Bedeutung von *p* (oder *ps*) war, so müssen wir ѱ als einen neuen Buchstaben auffassen. Und in der Tat faßte man ihn bis zur letzten Zeit als eine Ligatur von »ш + т« auf; im J. 1926 habe ich vorgeschlagen, ihn als Ligatur von »ш + ч zu deuten. Jetzt aber ist mir sowohl die eine als auch die andere Annahme als wenig wahrscheinlich. Abgesehen davon, daß es Ligaturen von solchem Typus nicht gegeben hat, zeigen die slavischen Handschriften des XI. Jahrhunderts, daß die Slaven, die die Verbindungen *št* und *šč* aussprachen, keine Notwendigkeit gefühlt haben, sie mit *einem* Buchstaben zu bezeichnen, und viele von ihnen, die den Buchstaben ѱ kannten, nichtsdestoweniger vorzogen, zwei Buchstaben zu schreiben oder von Ligaturen von gewöhnlichem Typus Gebrauch zu machen. Die Annahme aber, daß in dem ursprünglichen Alphabete beide Buchstaben vorhanden waren – sowohl der 26-ste Buchstabe des glagolitischen Alphabets des Münchener Abecedariums mit der Bedeutung von *p* oder *ps*, als auch der Buchstabe ѱ –, findet weder in diesem Alphabete selbst, noch in den Akrostichen der ältesten bulgarischen Gedichte, noch in dem Traktate des CHRABR eine Unterstützung. Wenn wir aber annehmen, daß der 26-ste Buchstabe des ursprünglichen slawischen Alphabetes eben das ѱ war, worauf das glagolitische Ziffernsystem und die Wiener Abecedarien, allerdings die späteren, die von Kopitar (glag. Cloz. XXIX) und Kidrič (Novi Zapiski VII, 145) herausgegeben wurden, hinweisen, so kann der 26-ste

[1] Übrigens bemerke ich, daß auch das »spinnförmige« χ, das ohne Zweifel im ursprünglichen glagolitischen Alphabete vorhanden war, in der ganzen glagolitischen Literatur nur einmal vorkommt.

Buchstabe des glagolitischen Alphabets des Münchener Abecedariums als eine Verstümmelung eines glagolitischen Buchstabens erklärt werden, der in der Quelle des Münchener Abecedariums anstatt ѱ deshalb stand, weil der Verfasser den Buchstaben ѱ aus der glagolitischen Schrift nicht kannte, während seine Wiedergabe durch п dadurch erklärt werden würde, daß mit diesem Buchstaben (п) seine Benennung begann, da er selbst im Anlaute der Wörter nicht vorkam (vgl. die Bezeichnungen еръ, ерь, еры oder die spätere Bezeichnung für ѣ – »дервь«).

Was für ein Buchstabe also das Vorbild für den 26-sten Buchstaben des glagolitischen Alphabets des Münchener Abecedariums war, ist schwer zu sagen. Die größte Ähnlichkeit mit ihm hat der Buchstabe ѣ in den Prager Fragmenten. Einen überflüssigen Zug im Vergleich mit dem letzteren im Buchstaben des Münchener Abecedariums bildet nur das Häkchen links oben. Aus welchem Grunde also hat der Verfasser des Abecedariums oder seines glagolitischen Alphabets gerade diesen Buchstaben gewählt? Nicht deswegen, weil dieser Buchstabe einem gewissen Verfasser auf Grund einer für uns unbegreiflichen Tradition der ursprünglichen Aussprache dieses Buchstaben am meisten entsprach? Vgl. in den serbischen kyrillischen Texten bereits im XIV. Jahrhundert die Verwendung des ѣ nicht nur für die Wiedergabe des serbischen ѣ, sondern auch des serbischen ѣ.[1]

Nach ѱ folgt in dem glagolitischen Ziffernsystem ц. Derselbe Buchstabe folgt hinter dem 26-sten Buchstaben des Alphabets sowohl in den beiden Alphabeten des Münchener Abecedariums, als auch in den beiden Akrostichen und in dem Traktate Chrabrs; im Abecedarium bulgaricum folgt ц hinter ѯ, aber zwischen ѯ und ц sind ausgelassen ѡ und ѱ (oder »pe«). Mit dem Buchstaben ц schließt das glagolitische Ziffernsystem und über die weitere Reihenfolge der Buchstaben wie auch über den Bestand des ursprünglichen Alphabets können wir nur auf Grund der Zeugnisse der Abecedarien, Chrabrs und der Akrostichen urteilen.

Die 28-ste Stelle in allen diesen Quellen nimmt der Buchstabe ч ein, der auch in späteren slavischen Alphabeten nach ц folgt. Unklar ist, was das umgekehrte ш neben ч, aber nicht als ein besonderer Buchstabe, im glagolitischen Alphabet des Münchener Abecedariums bedeutet. Dem ч folgt in allen Quellen (wie auch in späteren Alphabeten) außer im glagolitischen Alphabet des Münchener Abecedariums als 29-ster Buchstabe ш. Nach ш steht im kyrillischen Alphabet des Münchener Abecedariums an der 30-sten Stelle ъ; dieselbe Reihenfolge findet sich bei Chrabr. Diese Reihenfolge ist als die ursprüngliche zu betrachten. In dem versifizierten Gebete KONSTANTINS von Bulgarien steht an 30-ster Stelle ein Vers, der mit dem Buchstaben ш beginnt. Da aber der Buchstabe ъ im Anlaut eines Wortes nicht stehen kann, so konnte dieser Vers dem Buchstaben ъ entsprochen haben. In den späteren Abeceda-

[1] Vgl. Byzantino-Slavica I, S. 56–58, 68–69, 78, 79.

rien (u. a. bei Diviš im XIV. Jahrh. und in einem griechischen Verzeichnis der russischen Bezeichnungen der slavischen Buchstaben, das von Banduri herausgegeben wurde)[1] steht zwischen ш und ъ – щ, im Abecedarium bulgaricum – χ vom gewöhnlichen Typus. Sowohl in dem einen als auch in dem anderen Falle liegt eine spätere Interpolation vor. Im glagolitischen Alphabet des Münchener Abecedariums sind die Buchstaben ш und ъ umgestellt.

Den 31-sten Buchstaben des glagolitischen Alphabets des Münchener Abecedariums і (auf einem Füßchen – »иже на ножке«, wobei das Füßchen unterhalb der Zeile hinuntergeht) faßt Jagić als den zweiten Teil des Buchstaben ъі. Vielleicht ist es auch so; in diesem Falle konnte ъ vor і bereits im Originale ausgelassen worden sein, wenn es dort noch keine Umstellung des ш und ъ gegeben hatte (d. h. im Protographon [Urschrift] konnte gestanden haben: ш, ъ, ъі, ѣ usw. mit zwei ъ hintereinander). Der Buchstabe ъі zwischen ъ und ѣ findet sich in allen späteren kyrillischen Abecedarien von dem Abecedarium des Diviš vom J. 1630 und dem Verzeichnis Banduri's ab beginnend. Im kyrillischen Alphabete des Münchener Abecedariums steht zwischen ъ und ъі: ш, während das ѣ nach ъі ausgelassen ist. Im Abecedarium bulgaricum fehlt der Buchstabe ъ, auch ein Vers mit diesem Buchstaben im Anlaut fehlt in den beiden ältesten akrostichischen Gedichten. Man kann annehmen, daß im ursprünglichen Alphabet der Buchstabe ъі als Diphthong nicht enthalten war, in der Buchstabenzahl von 38 Chrabrs aber mitgezählt wurde und hierauf sehr früh, spätestens im XII. Jahrh., im Alphabete die Stelle zwischen ъ und ѣ einnahm.

An der 32-sten Stelle des glagolitischen Alphabets des Münchener Abecedariums steht der Buchstabe ѣ, im kyrillischen ъі, während ѣ ausgelassen ist. In den Akrostichen entsprechen dem Buchstaben ѣ des glagolitischen Alphabets Wörter, die mit dem Buchstaben и beginnen. In den späteren Abecedarien folgt überall nach ъі ebenfalls ѣ, während es im Abecedarium bulgaricum fehlt.

An der 33-sten Stelle steht in beiden Alphabeten ѣ entsprechend den Akrostichen und den späteren Abecedarien, wo ѣ überall unmittelbar nach ѣ steht. Im Abecedarium bulgaricum, in welchem ъі und ѣ fehlen, folgt ѣ unmittelbar nach ъ. Die 34-ste Stelle im glagolitischen Alphabet des Münchener Abecedariums nimmt das »spinnförmige« χ ein, in genauer Übereinstimmung mit den beiden Akrostichen, wo nach den Versen mit dem Buchstaben ѣ im Anlaut Wörter folgen, die mit χв (χвалѫ, χвалами) beginnen; zu diesem Buchstaben dürfte auch die Bezeichnung »χлъ« in der zweiten Redaktion des Traktates CHRABRS gehören; im kyrillischen Alphabete des Münchener Abecedariums steht hier ein verstümmeltes ѧ. Da das griechische δ in den glagolitischen Texten gewöhnlich durch т wiedergegeben wird, so kann man glauben, daß in der ältesten Zeit ebenso auch das kyrillische ѧ gelesen wurde; die Schreibung des kyrillischen ѧ im Münchener Abecedariums in der Übereinstimmung mit dem glagolitischen »spinnförmigen« χ beweist daher nicht, daß diese Überein-

[1] Vgl. Лавров, Кирило та Методій, 1928, стр. 150.

stimmung ursprünglich ist und nicht von dem Verfasser des Abecedariums selbst erdacht wurde. Die Übereinstimmung aber zwischen dem spinnförmigen Ⱖ des Münchener Abecedariums und Ⱖⱏ der Akrostichen weist entschieden darauf hin, daß dieses Ⱖ in dem ursprünglichen slavischen Alphabete einen besonderen, von dem gewöhnlichen Ⱖ funktionell verschiedenen Buchstaben darstellte und unmittelbar nach ⱏ stand.

Die Bezeichnung des Buchstaben »Ⱖⱏⱃⱏ« bezog sich also nicht auf dieses, sondern auf das gewöhnliche Ⱖ, das seine Stelle vor ⱳ einnahm. Das gewöhnliche Ⱖ wurde nur für die Wiedergabe des griechischen χ vor palatalen Vokalen geschaffen, weshalb ihm auch in den beiden Gedichten das griechische Wort »Ⱖⱑⱃⱁⰲⰻⰿⱐⱄⰽⱗⰶ« (oder »Ⱖⱑⱃⱁⰲⱐⱄⰽⱗ«) entspricht. Aus irgend einem Grunde jedoch, vielleicht dank der größeren Einfachheit der Darstellung, hat es sehr früh das spinnförmige Ⱖ, das für die Wiedergabe des slavischen nichtpalatalen Ⱖ (oder nur des slavischen Ⱖⰲ oder des abgerundeten Ⱖ?) erfunden wurde, gänzlich verdrängt. Im Abecedarium bulgaricum, in welchem das spinnförmige Ⱖ nach ⰹ und χ von gewöhnlicher Zeichnung zwischen ⰸ und ⱏ steht, ist die Reihenfolge offenbar gestört. Es ist möglich, daß die Störung der Reihenfolge durch die Ähnlichkeit des spinnförmigen Ⱖ mit dem ⱳ und der Bezeichnung des χ von gewöhnlicher Zeichnung »Ⱖⱏⱃⱏ« mit der Bezeichnung des Buchstabens ⱏ, in der lateinischen Transkription des XII Jahrh. beides gleich *»hier«*, begünstigt wurde.

An der 35-sten Stelle des glagolitischen Alphabets des Münchener Abecedariums steht ein Buchstabe, den ich als den ersten Teil des glagolitischen ⱞ lese; im Abecedarium ist die Darstellung dieses Buchstaben hauptsächlich dadurch verstümmelt, daß die Spitze offen ist; nichtsdestoweniger ist es nicht schwer, in ihm den entsprechenden Buchstaben, wie er in den K. Bl., Prager Fragm. und im Euch Sin. geschrieben wird, zu erkennen. In den beiden ältesten Gebeten in Versform stehen an der entsprechenden 34-sten Stelle, nach den Versen mit Ⱖⱃ im Anlaut und in voller Übereinstimmung mit dem glagolitischen Alphabet des Münchener Abecedariums, Verse, die mit ⱞ (ⱞⰶⰵ) beginnen. In dem Traktate CHRABRS auch (in den beiden ältesten Redaktionen) steht das ⱞ vor dem ⱁ. Mit Rücksicht darauf ist die Reihenfolge der Buchstaben des glagolitischen Alphabets des Münchener Abecedariums an dieser Stelle als die ursprüngliche anzuerkennen.

An der 36-sten Stelle des glagolitischen Alphabets des Münchener Abecedariums steht unmittelbar nach dem ersten Teile des ⱞ der Buchstabe ⱁ. Die gleiche Reihenfolge findet sich in den beiden Akrostichen (die entsprechenden Verse beginnen mit den Worten: ⱁⰽⱏ und ⱁⰶⰵ) und in den beiden ältesten Redaktionen des Traktates CHRABRS. In dem kyrillischen Alphabete des Münchener Abecedariums wurden der 35-ste und der 36-ste Buchstabe des Alphabets umgestellt: an der 35-sten Stelle steht der Buchstabe ⱁ und an der 36-sten der Buchstabe ⱞ (anstatt des im kyrillischen Alphabete fehlenden besonderen Buchstaben für das vokalische Element des Nasallautes oder der durch den Buch-

staben ⱑ wiedergegebenen Verbindung); die gleiche Reihenfolge findet sich auch im Abecedarium bulgaricum, wo der erste Teil des glagolitischen ⱑ als ein besonderer Buchstabe fehlt und dem ⱐ das ⱑ folgt. In den späteren kyrillischen Abecedarien fehlt ⱑ und anstatt seiner steht ѯ, die Bezeichnungen aber, die in diesen Abecedarien die Buchstaben ⱐ und ѯ haben, nämlich »ⱐ« und »ⱐсъ«, zeugen davon, daß hier der Buchstabe ѯ den Buchstaben »ⱑ« ersetzt hat. Auf Grund des Abecenarium bulgaricum, in welchem die Bezeichnung »*yusz*« über dem ⱐ steht, kann man annehmen, daß diese Bezeichnung ursprünglich sich eben auf diesen Buchstaben bezog, während der Buchstabe ⱑ die Bezeichnung »ⱐ« (d. h. ursprünglich »ⱑ«) trug; später, bei der Umstellung der Buchstaben, wurden die Bezeichnungen derselben nicht umgestellt.

Der 37-ste Buchstabe des glagolitischen Alphabets des Münchener Abecedariums ist ⰰ (so gebe ich den Buchstaben wieder, welcher im Anschlusse an Jagić gewöhnlich durch ѧ wiedergegeben wird). Im kyrillischen Alphabet entspricht ihm ⰰ von besonderer Zeichnung, in den beiden ältesten Gebeten in Versform entsprechen ihm Wörter, die mit dem Buchstaben ѧ beginnen. In den Akrostichen ist dies der letzte Buchstabe des Alphabets. Im Abecedarium bulgaricum fehlt dieser Buchstabe.

Der letzte, 38-ste Buchstabe des glagolitischen Alphabets des Münchener Abecedariums ist ѧ (in der Transkription Jagić's – ⱔ), dem im kyrillischen Alphabete ѧ entspricht.

Im Vergleich mit den Akrostichen der ältesten slavischen Gebete in Versform hat das Münchener Abecedarium um zwei Buchstaben mehr, abgesehen davon, daß in den beiden slavischen Alphabeten der Buchstabe ѵ, der die 22-ste Stelle bei den Akrostichen einnimmt, als besonderer Buchstabe nicht vorkommt. Statt des Buchstaben ѵ, auf welchen die beiden Akrostichen hinweisen, gibt es in beiden slavischen Alphabeten des Münchener Abecedariums ein оѵ. Überflüssig sind die Buchstaben: im glagolitischen Alphabet i an der 31-sten Stelle, zwischen ⱛ und ⱏ, und ѧ (ⱔ) an der letzten, 38-sten Stelle; im kyrillischen Alphabet — ⱛ nach ѣ an der 31-sten Stelle und ѧ an der 38-sten; außerdem ѣі an der Stelle des ѣ. Ein solcher Bestand des Alphabets, insofern er sich von dem Alphabete der Akrostichen unterscheidet, ist ohne Zweifel nicht ursprünglich: in dem ursprünglichen stand an der 22-sten Stelle zweifellos nicht оѵ, sondern ѵ,[1] und ѧ (in der Transkription von Jagić ⱔ) hat es kaum gegeben, denn wäre es vorhanden gewesen, so müßte es auch ѯ gegeben haben; indessen fehlt ѧ nicht nur in den beiden Alphabeten dieses Abecedariums, sondern auch im Abecedarium bulgaricum, wo ⱑ vorhanden ist, und bei Chrabr. Deshalb glaube ich, daß Chrabr, wenn er von 38 Buchstaben sprach, die 36 Buchstaben der Akrostichen und die »Doppelvokale« — оѵ und ѣі im Sinne hatte.

*

[1] Vgl. Byzantino-Slavica I, S. 69 und 78.

ERGEBNISSE.

1. Das ursprüngliche glagolitische Alphabet enthielt, ohne die Doppelvokale mitzuzählen, 36 Buchstaben.

2. In diesem Alphabete waren u. a. alle Buchstaben des glagolitischen Ziffernsystems enthalten. Unklar ist es nur, ob der 26-ste Buchstabe des Alphabets der Buchstabe ѱ war, der diese Stelle in dem glagolitischen Zahlensystem einnahm, oder ein anderer, in den glagolitischen Texten nicht vorkommender Buchstabe, dessen Stelle später der Buchstabe ѱ einnahm. Die erstere Annahme erscheint wahrscheinlicher.

3. Der Buchstabe »spinnförmiges« ⰵ gehörte zum Bestande des Alphabets als ein besonderer, von dem ⰵ der gewöhnlichen Zeichnung funktionell verschiedener Buchstabe und nahm in ihm die Stelle unmittelbar nach ⱏ ein.

4. Die Buchstaben ⰰ und ⰾ fehlten im ursprünglichen glagolitischen Alphabete, dagegen waren vorhanden die Buchstaben: der erste Teil des glagolitischen ⱗⰰ, der vor ⱁ die Stelle einnahm, und ein Buchstabe für einen unbestimmten Nasallaut oder nasale Resonanz der Nasalvokale, der am Schlusse des Alphabetes stand.

5. Der Buchstabe ѕ sowie auch die Buchstaben mit Häkchen zur Bezeichnung der Palatalität waren im ursprünglichen kyrillischen Alphabete nicht vorhanden.

6. Der Buchstabe ⱏ kam bereits im ursprünglichen kyrillischen Alphabete vor.

Moskau, 9. VIII. 1929.

THEODOR SATURNÍK:

ΓΟΥΒΕΛΙΑΤΙΚΌΝ.

Byzantský systém daňový, zejména z pozdního středověku, jest dosud málo probadaný obor byzantského práva; mnohé zůstalo dosud nezpracováno, ba nevysvětleno nikoliv snad pro nezajímavost věci, nýbrž spíše pro obtíže, jež se při studiu zmíněného oboru vyskytnou. Prameny – nejčastěji chrysobuly – zmiňují se totiž o jednotlivých daních obyčejně velmi stručně, uvádějíce pouze daňový termín bez bližšího výkladu. Mimo to většina edic řeckých pramenů, jež se týkají otázek daňových, nemá věcných registrů, takže slovní materiál lze shledávati jen velmi pozvolna. Jednou z takových daňových záhad jest „γουβελιατικόν".

Tento daňový termín byl ve vědecké literatuře dosud probírán jenom z jednoho textu a to z řeckého chrysobulu srbského cara Stefana Dušana klášteru Vatopedu na hoře Athonské z r. 1346. Car osvobozuje klášter od řady daní slovy: Ἔτι δωρεῖ ἡ βασιλεία μου, ἵνα καὶ τὸ κεφάλαιον τοῦ ζευγαρατικίου, καὶ τῆς καστροκτισίας καὶ τοῦ ἐννομίου τῶν ζώων τῆς τοιαύτης Μονῆς, οὐδὲν ἀπαιτῆται ἀπὸ πάντων τῶν κτημάτων αὐτῆς, ἀπό τε παροίκων, ξενοπαροίκων καὶ προσκαθημένων, ἢ τὸ λεγόμενον γουβελιατικόν, ὅπερ ἦν σύνηθες ἀπαιτεῖσθαι ἐν τῇ τῶν Ρωμαίων ἀρχῇ.[1] Z tohoto textu bylo usuzováno o podstatě daně „γουβελιατικόν" a pronášeny různé názory. Tak vynikající byzantolog ruský V. G. VASILJEVSKIJ vyslovil mínění,[2] že zmíněná daň bude asi „φόνος", t. j. peněžitá pokuta za usmrcení člověka neboli odklad (Wergeld), jež se také vyskytuje v osvobozovacích formulích řeckých chrysobulů. Opíral svůj názor též etymologicky dokládaje, že kořen slova sluší hledati ve slovanském termínu »губить« a že tedy „γουβελιατικόν" značí totéž, co ruské slovo »душегубство«, tedy řecky „φόνος". Ale sám svému tvrzení úplně nevěřil, neboť zároveň vyslovil pochybnost, zda je slovo správně psáno, zda by se nemělo místo něho čísti „βιγλιατικόν", což znamená daň, vybíranou na obstarávání strážní služby (srov. lat. *vigilia*). Druhý byzantolog ruský B. A. PANČENKO naproti tomu tvrdil, že „γουβελιατικόν" byla daň, která byla vybírána od sedláků, kteří se nově přistěhovali[3] (προσκαθημένοι); přihlížel při tom k čistě vnější stránce, že totiž slovo „προσκαθημένοι" stojí v textu nejblíže k daňovému termínu, o který se jedná, a z toho konstruoval i souvislost věcnou. Avšak to jest pouhá domněnka, která nemůže míti naprosté přesvědčivosti, není-li důvodů jiných. Konstantin JIREČEK omezil se již jen na pouhou registraci daně podotknuv, že jest to sice daň by-

[1] Citováno z díla *Stojana Novakoviće*, Законски споменици српских држава среднега века, Bělehrad 1912, str. 565. Dílo *Regelovo*, Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῆς μονῆς τοῦ Βατοπεδίου, kde listina otištěna na základě nového prozkoumání a kterého se dovolává *Ed. Kurtz* (viz pozn. 6) zůstalo nám nedostupno.

[2] Журналъ мин. нар. просвѣщенія, 1880, srpen, str. 375.

[3] Крестьянская собственность въ Византіи, Sofia 1903, str. 204.

zantská, ale »jinak neznámá«,[4] takže tento daňový termín zůstal i nadále »rätselhaft«, jak to o nich napsal ve svém díle o byzantském právu slavný Zachariae.

Nicméně slovo „γουβελιατικόν" není, abychom tak řekli, unicum svého druhu. V chrysobulu Jana V. Paléologa klášteru Chilandaru[5] z r. 1351 přichází v osvobozovací formuli daňové po druhé. Tato formule jest proti chrysobulu Stefana Dušana, který jsme výše uvedli, rázu obecnějšího: „πρὸς τούτοις εὐεργετεῖ αὐτοὺς ἡ βασιλεία μου, καὶ ἵνα οὐδὲ εἰς δόσιν καθέλκωνται οἱ πάροικοι τῶν κτημάτων αὐτῶν τῶν κεφαλαίων, τῶν ἐν τῇ χώρᾳ τῆς θεοσώστου πόλεως Θεσσαλονίκης ἀπαιτουμένων παρὰ πάντων, τοῦ τε γουβελιατικοῦ καὶ τοῦ καλουμένου ξυλαχύρου...." Konečně můžeme poukázati na třetí exemplář tohoto slova, ač v útvaru poněkud porušeném, který jest v chrysobulu Stefana Dušana z r. 1352, vydaném Xenofonskému klášteru na Athosu. Osvobozovací formule chrysobulu praví, že se klášter zprošťuje „ἀπὸ τε ξευγαρατικίου, καστροκτισίας, διμοδαίου, χαράγματος, ξυλαχύρου, κουβαλιατάκια, ἐξελάσεως ἀνθρώπων...";[6] termín „κουβαλιατάκια" není zde pravděpodobně nic jiného než „γουβελιατικόν" chybně napsané; také listina chrysobulu jest silně porušena. Avšak i když bychom nepřihlíželi k tomuto třetímu výskytu slova, dostačí jeho duplikát, aby padly pochybnosti Vasiljevského o nějaké chybě místo „βιγλιατικόν"; slovo existuje a není vyloučeno, že by se nemohlo vyskytnouti ještě v nějaké jiné, tiskem dosud nevydané listině. Pohříchu ani oba nové texty o podstatě daně nic bližšího nepřinášejí, takže nezbývá, než přikročiti k rozboru slova samého a na jeho základě pak hledati srovnávací materiál.

Podle sdělení, které nám s nevšední ochotou učinil p. Dr. Phaedon KUKULÉS, ředitel historického slovníku v Athénách, může se v řečtině státi, že souhláska κ se foneticky zamění hláskou γ; slovo má prý správně zníti κουβελιατικόν. Kořen slova -κουβελ- znamená pak buď včelí úl nebo obilní míru, zvanou též κοιλόν, tedy nádobu na obilí, takže κουβελιατικόν podle toho by znamenalo buď včelí dávku (μελισσοεννόμιον) nebo dávku obilní, kde měrnou jednotkou její by byla obilní nádoba „κουβέλιον".

Uvedené slovo se vyskytuje v jazyku latinském ve formě *cupella, cupellus,* jež má pravděpodobně týž kořen. Avšak zkoumáme-li četné doklady, jež podává glossarium Du Cangeovo, objeví se výše dvě naznačené možnosti znovu: jsou doklady, že cupella znamená jednak nádobu (srovnej též termín *cupa*, citovaný hojně jako »mensura frumentaria«), ale jednak také včelí úl (cupella apum); nelze ovšem při tom pominouti toho, že příkladů pro prvý význam jest mnohem větší počet, takže význam druhý jest pravděpodobně odvozen z prvého, že úlu se říkalo »cupella«, ježto měl formu dřevěné nádoby. Ale věc se počne vyjasňovati, jakmile začneme zkoumati význam tohoto termínu v pramenech národů, kteří byli sousedy byzantské říše na Balkáně a četné instituce – zejména

[4] Staat und Gesellschaft im mittelalterlichen Serbien, III, str. 71, Sitz.-ber. der Wiener Ak. 1912.

[5] *L. Petit,* Actes de Chilandar, příloha k Viz. Vremeniku XVII, Petrohrad 1911, str. 294.

[6] *Ed. Kurtz,* Nachträgliches zu den Akten des Xenophonklosters. Viz. Vremenik XVIII, odd. III, str. 96.

míry a váhy – od ní převzaly. Tak na př. v chorvatských památkách latinsky psaných nacházíme slovo *cubulus*,[7] ve statutě Dubrovnickém *copellus*;[8] Maďaři také mají ve svých latinských listinách[9] *cubulus*, u Rumunů je zmíněné slovo v útvaru *cîblă*. Slovo přešlo též do slovanských jazyků: Srbové a Chorvati říkají *kabao, kabal, kebel*, Bulhaři *кобелъ*; v církevněslovanských textech se objevuje ve formě **кѣблъ**.[10] Všechny uvedené výrazy znamenají nádobu na obilí (někdy také na víno), ale nenalézáme jich ve významu včelího úlu, zejména ne v textech, jež časově nejsou příliš vzdáleny od výše uvedených tří textů řeckých, tedy od XIV. stol., pokud to lze z pramenů zjistiti. Není při tom ani třeba, abychom se obírali hlouběji jazykovou stránkou věci a zkoumali, jak které slovo z druhého vzniklo – toť konečně náleží filologům; pro naše účely, jak níže bude vyloženo, dostačí pouhá skutečnost, že řecké „κουβέλιον", jsouc *překládáno* do církevní slovanštiny objevilo by se v termínu **кѣблъ**.

Vezmeme-li v úvahu tento předpoklad, pak „κουβελιατικόν" konečně tak velikou vzácností není; zrcadlí se v církevněslovanském termínu **кѣбларьство**, který nacházíme v církevněslovanských chrysobulech, napodobujících více méně chrysobuly řecké, takže lze se pomocí jich pokoušeti o vysvětlení naší záhady a doplňovati jedny druhými. Setkáváme se s ním na př. v chrysobulu Mirči I. Raduloviče, velkého vojevody Uhrovlachie, z 11. května 1399, jímž daruje Strugalskému monastýru vesnici Pulkovce a osvobozuje jej »**отъ вѣчіего вама, втъ свинііего вама, втъ пчеларства, втъ кѣбларства, втъ винарства**...« Podobný text má osvobozovací formule v chrysobulu vévody Vlada Sněgovskému monastýru z 30. června 1441: »**Поимавши отъ вѣчи вамъ втъ свини вамъ, отъ пчеларства, втъ кѣбларства, втъ винарича и втъ бижми, втъ сѣно**«. Abychom uvedli ještě jeden příklad, připomínáme chrysobul Vlada Vladoviče Tismjenskému monastýru z roku 1483. Osvobozovací formule daňová opětně zprošťuje klášter »**втъ вѣчіего вама и втъ свиниего вама и втъ кѣбларства и втъ пчеларства и втъ джжмарства и втъ винарича**...«[11] Jak uvedené listiny, tak jejich osvobozovací formule jsou sepsány podle vzoru byzantského chrysobulu; v jazyku řeckém by na př. formule prvé listiny vyslovovala osvobození „ἀπὸ τοῦ ἐννομίου τῶν προβάτων, τῆς χοιροδεκατείας, τοῦ μελισσοεννομίου, τοῦ κουβελιατικοῦ καὶ τοῦ οἰνομετρίου".

Z uvedených textů jest zároveň viděti, že **кѣбларство**-κουβελιατικόν není dávkou ze včel, poněvadž tato se uvádí vedle něho zvláště (**пчеларство**); ne-

[7] Srv. *Mažuranić*, Prinosi za hrvatski pravno-povjestni rječnik (Záhřeb 1908–1922), heslo *cubulus*.

[8] Viz slovník Dubrov. statutu.

[9] Srv. na př. Mon. Hung. hist. dipl. XX, 500, doklad z r. 1261: ... quaelibet mansio pro censu annuali soluet... de quolibet aratro unum cubulum de avena... a j.

[10] U Rusů také кобелъ, u Čechů kbel, u Poláků gbeł; něm. Kübel.

[11] Srv. *Venelin*, Влахо-болгарскія или дако-славянскіе граматы, Petrohrad 1840, str. 19, 88, 125; další doklad tamže na str. 78 (chrysobul vojevody Vlada z 15. srpna 1437 bojarům Rojně, Radulu, Dragomíru, Albulu a Vlaksanu) a v díle *B. Petriceïcu-Hajdêu*, Archiva istorică a Românieĭ, Tomů I. Partea 1 (Bucuresci 1865), str. 6 (chrysobul vojevody Vlada z 26. července 1490 županu Lacko a jeho synům) a str. 73 (chrysobul velkého vojevody Dana z 16. září 1430).

může se rovněž z téhož důvodu mysliti na dávku z vína (винарство, řec. οἰνομέτριον). Sluší tedy »кѣбларство« považovati za dávku obilní, jak základ slova ukazuje, a týž význam pak hledati v řeckém termínu „κουβελιατικόν". Že »кѣбларство« nic jiného není, může se konečně též dokázati přímo z církevněslovanského chrysobulu Mirči Raduloviče Tismjenskému a Vodickému monastýru z r. 1382.[12] Vojevoda Mirča z Uhrovlachie potvrzuje v něm zmíněným klášterům dosavadní majetek i ... жито wтъ Жалешского сѫдства, ѳ҃ кѣбловь на всѣкo лѣто. И кто бѫдетъ кѣбларь, w томъ да не кѫпрашатъ Господство ми. Z uvedeného textu vyplývá, že sudství (okres) Žaleš podle privilegia bylo povinno odváděti klášteru 470 kbelíků *žita* každý rok; před privilegiem se dávka odváděla uhrovalašským vévodům. Dále se dovídáme, že výběrčí daně – kteří dříve pro ni chodili – zovou se názvem кѣбларь,[13] očividně podle daně (кѣбларство), kterou vybírali; na příště podle privilegia nemají již do věci zasahovati, nýbrž jak dále v chrysobulu čteme, daň se má dodati přímo klášteru. Bylo tudíž кѣбларство, které jinak výběrčí, nazývaní slovem кѣбларь, od sedláků vybírali pro stát, obilní dávkou in natura, měřenou na kbelíky.[14]

Uvedený terminus technicus možno stopovati u Slovanů ještě v dobách pozdějších, než ve stol. XIV. a XV., z nichž pocházejí námi citované chrysobuly. U Chorvatů vystupuje pod názvem »*kablovina*« a znamená opětně dávku obilní, měřenou kbelíkem. Četné doklady toho podává Bosiljevský urbář z roku 1650, v němž zapsány jsou platební povinnosti sedláků tamních vesnic, mezi kterými se jim ukládá, aby odváděli »*kablovine* pšenice kupnenik 1, žita kupnenik 1« atd.[15] Ba ještě v nedávné době poskytovala se na základě starého obyčeje na Podkarpatské Rusi farářům, kantorům a učitelům dávka ze sklizně, kterou jim odváděli přifaření a přiškolení osadníci řecko-katolické církve. Zmíněná dávka opětně podle nádoby se nazývala »*koblina*« (коблина),[16] stejně tak jako chorvatská »kablovina« a církevněslovanské »кѣбларство«.

Shrneme-li dohromady veškeren srovnávací materiál slovní, jak jsme jej pro řešení termínu κουβελιατικόν uvedli a přihlédneme-li též k textům, jež v církevněslovanském jazyku podávají jeho odlesk, nemůžeme než přijíti k závěru, že „κουβελιατικόν" jest *dani obilní.* Ale ta v řeckých osvobozovacích formulích přichází obvykle názvem σιταρκία, k čemu tedy ještě druhý název a jak věc vysvětliti? Po našem názoru možno do jisté míry spatřovati vysvětlení v prvém textu Stefana Dušana, který jsme výše uvedli, kde o zmíněné dani proklouzla jakási poznámka: τὸ λεγόμενον γουβελιατικόν. Z toho možno usuzovati, že

[12] *Venelin*, op. cit. str. 10.

[13] Týž termín přichází též v potvrzovací listině, zvané wрнзмо t. j. řec. ὁρίσμα, vojevody Vlada Tismjenskému monastýru z 5. března r. 1458. Srv. *Venelin*, op. cit., str. 91.

[14] *Venelin*, op. cit., str. 80, vykládá кѣбларство nesprávně jako »dávku z kobyl«. *Jorga*, Geschichte des rumänischen Volkes, sv. I, str. 255 (Gotha 1905) považuje кѣбларство také za dávku z obilí, podotýkaje, že podle nádoby (cîblă) se pravděpodobně zvala rumunsky cîblărit.

[15] Srv. *Lopašić*, Hrvatski urbari (Monumenta historico-iuridica Slavorum meridionalium, sv V., Záhřeb 1894, str. 310–313, 318–320 a j.).

[16] Zrušena byla zákonem ze 14. dubna 1920, č. 290 Sb. z. a n. československého státu.

dotyčný název nebyl jaksi oficielní povahy, že oné dani se jen tak říkalo, že tedy máme snad co činiti s termínem lidovým. To by do jisté míry mohlo vysvětlovati, že se v listinách tak vzácně vyskytuje. Poněvadž v té době, z níž máme jej dochován, σιταρκία se platila penězi, ale vybírala se ještě také in natura, mohlo se snadno mezi lidem vyvinouti rozlišování, a pro plnění naturální vyvinul se pak název, který se podával sám ze způsobu jeho výběru, a této naturální dani se pak říkalo „γουβελιατικόν". Hledíc dále k tomu, že termín přichází dvakráte v listině Stefana Dušana a jedenkráte v listině, určené chilandarskému klášteru, tedy monastýru slovanskému, z druhé strany pak u Slovanů že vzácný není, možno vysloviti domněnku, že název „γουβελιατικόν" jest termínem místní povahy, jenž snad vznikl pod vlivem terminologie slovanské. Možnost vzájemné recepce byla – bylyť kláštery na Athoně prostoupeny jak živlem řeckým, tak slovanským; v blízkosti Chilandaru, jak církevněslovanský překlad jeho katastru z doby cara Stefana ukazuje, byly též slovanské vesnice.[17] V nich běžnou mírou obilní (i plošnou) byl **къблъ**; obilní daň jí měřená měla tedy název **къблаρство**; v řeckém jazyku mělo to správně býti vyjádřeno κουβελιατικόν, jak také ukazuje porušené slovo v druhém chrysobulu Dušanově, avšak fonetickou záměnou hlásky došlo nás v útvaru záhady „γουβελιατικόν", k jejímuž řešení podáváme tento příspěvek.

RÉSUMÉ.

L'auteur de cette étude traite de l'impôt byzantin dit γουβελιατικόν, qui jusqu'à présent on a discuté par un seul texte. L'auteur cite deux nouveaux textes datant, eux aussi, du XIVème siècle, où apparaît ce mot. Le nom exact de cet impôt est κουβελιατικόν, terme dont la racine κουβέλιον désigne une vase à blé; les expressions qui désignent un impôt analogue dans les langues des peuples voisins de Byzance, ont la même signification. Dans les bulles d'or des peuples slaves on rencontre le mot grec κουβελιατικόν sous la forme du **къблаρство** désignant un impôt sur le blé, perçu en nature, ce qui est prouvé par les bulles d'or elles-mêmes, dont la date se rapproche en général de celle des textes grecs. Plus tard, le même mot apparaît chez les Croates sous la forme de *kablovina*, et en Russie Subcarpathique, il a la forme de **ковлина**. Ces différents documents de comparaison, ainsi que les textes slaves nous permettent de croire que le κουβελιατικόν était un impôt perçu sur le blé et payé en nature, donc ce que désignait le mot σιταρκία. Mais c'est un terme d'origine populaire, comme le fait croire aussi l'expression τὸ λεγόμενον γουβελιατικόν, et vraisemblablement un mot d'usage local. Si nous prenons en considération le fait que ce mot n'est pas rare dans les langues slaves, tandis que dans la langue grecque nous ne le rencontrons qu'en certains cas isolés, nous serons peut-être autorisés à supposer que ce terme est dû à l'influence slave.

[17] Srv. *Uspenskij* F. J., Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ XIV в. (Записки имп. новорос. университета, Одесса 1883, томъ 38, str. 22, kde uvedeny názvy vesnic).

M. A. ANDREEVA:

ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ ВИЗАНТІЙСКО-СЛАВЯНСКИХ ГАДАТЕЛЬНЫХ КНИГ.

Введеніе.

Приступая к изученію гадательных книг византійских и славянских с точки зрѣнія исторической, а именно, являются ли онѣ отраженіем политической и общественной дѣйствительности своего времени, считаю необходимым оговориться, что касаюсь в статьѣ только тѣх славянских, точнѣе церковно-славянских источников, которые возникли под непосредственным вліяніем Византіи, и зачастую являлись дословными переводами с греческаго. Поэтому неразсмотренными останутся аналогичныя сочиненія западных славян так же, как и версіи латинскія и еврейскія. Впрочем послѣднія на ряду с древним матеріалом (который будет превлекаться мною для дополненія), имѣющимся и в разбираемых нами источниках, содержат много черт новѣйших, напр. своеобразная расположенность евреев к туркам и распространенію их завоеваній, упоминаніе о рядѣ стран новѣйшаго времени, на ряду с Вавилонским царством и т. д.[1] Это отвлекло бы нас от изученія цикла византійско-славянскаго. Конечно, пользуясь зачастую славянскими списками XVIII-го и даже XIX-го вѣка, нам придется коснуться, спеціально на них не останавливаясь, тѣх новых реальных черт, которыя естественно со временем вносились в эти списки. Эти реальныя черты указывают на живучесть гадательных книг и тот интерес, который онѣ продолжали возбуждать сравнительно до недавняго времени.

Что же касается самих гадательных книг, то в данной небольшой работѣ привлекается цикл их, содержащій гаданія астрологическаго характера, по явленіям природы: по грому и молніи, по положенію луны, измѣненіям ея и солнца, землетрясеніям и атмосферическим или небесным явленіям; т. е. сочиненія носящія названія Громников, Молніянников, Сейсмологіев. Использованы также Колядники, т. е. гаданія о предстоящем годѣ в зависимости от того на какой день недѣли падает Рождество Христово или Первое января; эти сочиненія обыкновенно находятся в непосредственном сосѣдствѣ в рукописях с вышепереименованными.[2]

---

[1] *В. Н. Перетц,* Матеріалы к исторіи апокрифа и легенды. I. К исторіи Громника. Введеніе, славянскіе и еврейскіе тексты. СПбг. 1897. p. 88.

[2] *Ioannis Laurentii Lydi,* Liber de ostentis et calendaria graeca omnia iterum ed. Curtius Wachsmuth. Lipsiae. 1897. p. 57—117; за ними слѣдует простонародный календарь Клавдія Туска. Коледник извѣстен Лиду, но не помѣщен сюда; напр. в славянских рукописях XV и XVI вѣка, хранящихся в Чешском Музеѣ в Прагѣ. Сперанскій, Рукописи П. І. Шафарика в Прагѣ. Москва. 1894. p. 48; 59. Яцимирскій, Рукописи, хранящіяся в заграничных бібліотеках. Музей Королевства Чешскаго. Сборник отдѣленія русск. яз. и словесности Россійской Акад. Н. т. 93. Петр. 1921. p. 787; 796.

Всѣ эти сочиненія тѣсно связаны с астрологіей и часто в рукописях греческих и славянских сопроваждаются астрологическими статьями элементарнаго характера, напр. о значеніи комет и планет у Іоанна Лида, а в славянских и поздне-греческих рукописях о вліяніи зодіака на судьбу человѣка.[3] Конечно они далеки от подлинной астрологіи. Это вполнѣ объяснимо сложностью ея вычисленій, дѣлающих из нея особую дисциплину, которая требует извѣстных знаній и спеціальной обстановки для наблюденій. Эта полу-научная астрологія существовала в Византіи,[4] как особая вѣтвь гаданія.

Остальныя гадательныя книги, Трепетники и Сонники, встрѣчающіяся в позднѣйших греческих и славянских рукописях, почти не содержат политическаго элемента и, вѣроятно, возникли в болѣе простонародной средѣ. Иногда все же встрѣчается попытка связать Трепетники, т. е. гаданія по ощущеніям в различных частях тѣла с астрологическим циклом. Так Jagić приводит отрывок из 73 (12) рукописи Чешскаго Музея, гдѣ всѣ части тѣла распредѣлены под отдѣльные знаки зодіака.[5]

Соціальная среда, повидимому, сыграла рѣшающую роль в опредѣленіи содержанія гадательных книг. Послѣдним объясняется поражающій своим размѣром, всѣподавляющій интерес к политической и государственной жизни, с которым мы встрѣчаемся в византійских гадательных книгах. Это особенно характерно для коллекціи, собранной Іоанном Лидом из болѣе древних и частью латинских источников, по которой вѣроятно гадали не только двор и высшіе слои общества, но и сам Юстиніан и его преемники.[6] Не даром в византійской и славянской литературѣ, Громники ходили под именем царя Ираклія,[7] хотя от грандіозной политической картины царскаго Бронтологія в славянских Громниках, как и в поздне-греческих, сохранилось сравнительно немного. Но и немногое сохранившееся поражает изслѣдователя, неожиданно встрѣчающаго такой интерес к политической жизни. Конечно гадательныя книги Іоанна Лида могли ходить только в высоко образованном обществѣ, и должны были в теченіе вѣков устарѣть — вѣроятно и при византійском дворѣ. Позднѣе по ним гадал только какой либо любитель старины вродѣ Константина Багрянороднаго. На смѣну им явятся болѣе отвѣчающіе современным запросам и удобные Громники. В XII-ом вѣкѣ любитель их Мануил Комнин увлекается астрологіей. Золотой вѣк Бронтологіев и Сейсмологіев прошел. Они переходят в болѣе

[3] *Н. Тихонравов*, Памятники отреченной русской литературы. т. II. СПбг. 1863. p. 402; *Новаковић*, Примери књижевности и језика старога и српско-словенскога. Бѣлград. 1904. p. 616—620.

[4] *F. Boll*, Sternglaube u. Sterndeutung, Leipzig-Berlin. 1918. p. 39 sq.

[5] *V. Jagić*, Opisi i izvodi iz nekoliko južno-slovinskich rukopisa. XVI. Sredorječni liekovi, gatanja i vračanja. Starine X. Загреб. 1878. p. 119.

[6] *Wachsmuth*, Prolegomena. p. XXXIX.

[7] Ibidem, p. XXXIX; Du Cange, Glossarium inf. eet med. graecitatis. βροντολόγιον; Sp. Lambros, Catalogue of the Greak Manuscripts on Mount Athos. Cambridge 1895. t. II p. 46; N° 4294. p. 174. XVII sc. Ἡρακλίου σοφωτάτου Πίναξ τοῦ βροντολογίου; Тихонравов, Памятники т. II. p. 361.

широкіе круги общества и в народ, соотвѣтственно теряют свой первоначальный характер и допускают ряд грубѣйших с точки зрѣнія астрономіи и астрологіи ошибок. Впрочем возможно, что простонародная форма Громников существовала и прежде и вытѣснила «царскую» редакцію, пріяв нѣкоторыя ея черты, в особенности преобладаніе политическаго момента. Правда, при этом политическій элемент зачастую теряет свой реальный характер и совершенно не соотвѣтствует дѣйствительности, превращаясь в историческій пережиток.

ГЛАВА I.

Источники, изданія и разработка вопроса в научной литературѣ.

Прежде чѣм непосредственно перейти к нашей темѣ, необходимо остановиться на разборѣ источников, степени их напечатанности и разработкѣ вопроса в современной научной литературѣ. При первом же взглядѣ картина получается крайне неутѣшительная, в особенности в отношеніи источников византійских и разработкѣ их. Из многочисленных византійских Бронтологіев, Сейсмологіев и Лунников почти ничего не издано, между тѣм их хранится огромное количество в библіотеках западной Европы и Востока. Достаточно перелистать каталог рукописей, хранящихся на Аѳонѣ,[1] чтобы в этом убѣдиться. Между тѣм, как это уже справедливо отмѣтил тридцать лѣт тому назад акад. Перетц,[2] без этого невозможно подойти к разработкѣ богатаго славянскаго матеріала, не говоря уже и о том интересѣ который представляет эволюція Бронтологія и других гадательных книг для византиновѣдѣнія. Эта часть отреченной литературы и народных вѣрованій оставлена до сих пор без надлежащаго освѣщенія. Значительно лучше дѣло обстоит с славянским матеріалом, изданным Тихонравовым, Пертцем, Архангельским, Яцимирским и др. и неоднократно описанным (см. ниже). В приложеніи автор очерка предполагает дать текст хранящихся в Чешском Музеѣ Громников, оставшихся до сих пор неизданными, а именно, рукописи Ходошской и Часослова, написаннаго около 1700-го г.

Что же касается разработки изданнаго греческаго и славянскаго матеріала, то важнѣйшими для византійских гадательных книг являются предисловія Hase[3] и Wachsmuth'a[4] к книгѣ Іоанна Лида «о знаменіях» и небольшая статья Wünsh'a[5] в дополненіе к Лиду. Hase в своем сочиненіи спеціально останавливается на вопросѣ о соотвѣтствіи данных гадательных книг с реаль-

[1] *Lambros*, Catalogue of the Greak Manuscripts of Mount Athos v. I—II. Cambridge. 1895.

[2] *Перетц*, Ш. К исторіи Громника и Лунника. p. 130.

[3] *Ioannis Laurentii Lydi*, de ostentis quae supersunt. ed. C. B. Hase. Bibliotheca classica. v. II. Parisiis. 1828. *Wachsmuth*, Prolegomena. p. VIII; XXXV (Hasius, Praefatio. p. XVIII sq.); p. XVI.; А. Пыпин, Замѣтки по литературной археологіи. Древности. Археологическій вѣстник. Москва. 1867. т. I. вып. 3. p. 116.

[4] *Ioannis Lydi*, de ostentis ed. Wachsmuth, Prolegomena. p. I—LVI.

[5] *Wünsch*, Zu Lydus de ostentis. Byzantinische Zeitschrift. V. 1896. p. 415 sq.

ной дѣйствительностью и приходит к положительному заключенію. Происхожденіе гадательных книг также привлекает его интерес. Он пытается установить непосредственную связь гадательных сочиненій Лида с древне-римскими авгуральными книгами и этрусскими культами. Эти сочиненія испытали значительную переработку в зависимости от насущных интересов своего времени.

Wachsmuth придерживается нѣсколько иной теоріи. По поводу вопроса о римском происхожденіи гадательных книг он высказывается отрицательно. Единственный пережиток этрусскаго ритуала он находит в 47 гл. Лида, предусматривающей случай удара молніи в царскій дворец. Об аналогичном случаѣ упоминается также в кодексѣ Ѳеодосія Младшаго.[6] Особенно Wachsmuth настаивает на том обстоятельствѣ, что большинство способов гаданія, приводимые у Лида, не суть этрусскіе, а халдейскіе, египетскіе и греческіе. В конечном результатѣ изслѣдованія, источниками их обычно оказываются Петозирій и Птоломей, правда в латинской передачѣ, чему впрочем Wachsmuth не придает особого значенія. Особое пристрастіе Лида ко всему этрусскому объясняется тѣм, что послѣдній отводил свой род от этого племени. Болѣе того Лид даже не пользовался римскими источниками, т. е. Бронтологіем Нигидія Фигулы. Сочиненіе это подложное.[7]

Вопрос об авторствѣ Фигулы должен остаться, пока не найдется латинскій подлинник его сочиненія, открытым. Конечно нельзя не согласиться с Wachsmuth'ом, что многое встрѣчающееся в Громникѣ Нигидія, не могло быть ему извѣстно, как современнику Цезаря. Напр., названія мѣсяцев: іюнь, іюль и август; но не остается исключенной возможность, что мы имѣем дѣло с болѣе поздней передѣлкой этого сочиненія.[8] Тогда вполнѣ будет объяснимо столь непонятное на первый взгляд смѣшеніе в Бронтологіи Нигидія двух принципов, именно, мѣсяца луннаго и календарнаго. Из распредѣленія матеріала ясно, что он первоначально был расположен по лунным мѣсяцам, как это было принято в римских сакральных книгах. Поэтому каждый мѣсяц имѣет тридцать дней. Позднѣе для удобства пользующагося приписаны были названія календарных мѣсяцев. Читатель вѣроятно должен был высчитать первый день новолунія в соотвѣтствующем мѣсяцѣ, как это указано в Громникѣ для первых мѣсяцев. Благодаря сложности этой системы а также из-за небрежности переписчиков, первоначальный смысл был утрачен.

Заканчивает Wachsmuth подчеркиваніем специфическаго характера этого рода литературы. Он, повидимому, считает, что сочиненіе Лида возникло в ранневизантійское время.[9]

[6] *Wachsmuth*, Prolegomena, p. XXXVI.

[7] Ibidem, p. XXXVII.

[8] Ibidem, p. XXXVIII; Lydi, de ostentis. c. 28. p. 65$_{17}$. Іюль. ά. Ἐπὶ τῆς σεληνιακῆς νουμηνίας ἐὰν βροντήσῃ, εὐθηνία μὲν ἔσται, τῶν δὲ θρεμμάτων πτῶσις. c. 27. p. 63$_{2}$. Іюнь. Σελ.ά далѣе просто названіе мѣсяца и 1-ое число p. 69$_{25}$. В сочиненіи de mensibus Лид старается найти оправданіе обѣим системам и связать первое число календы с новолуніем. Lydi, de mensibus. Lipsiae, 1898. l. III. p. 44$_{15}$.

[9] *Wachsmuth*, Prolegomena. p. XXXIX sq.

В своей небольшой статьѣ Wünsch издает отрывок, представляющій из себя начало сочиненія Лида о знаменіях, и особенно интересный для нас Бронтологій болѣе поздняго времени, по типу приближающійся к славянским Громникам. Автор не касается общих вопросов, а только комментирует с формальной стороны издаваемый им матеріал.[10] Этим, насколько нам извѣстно исчерпывается литература у византиновѣдов.

Значительно большее вниманіе этому роду отреченной литературы было удѣлено славистами, в особенности русскими, посвятившими спеціальныя работы этому вопросу. Остановлюсь на важнѣйших работах, Пыпина и Пертца. Вполнѣ естественно, что оба историка русской литературы разсматривали гадательныя книги, главным образом с точки зрѣнія их вліянія на русскія народныя вѣрованія и литературу. Вопрос о византійско-славянских взаимоотношеніях и происхожденіи Громников для них был второстепенным.

Пыпин очень строго относится к этому роду литературы, заимствованному почти всецѣло из чужеземных, главным образом византійских, источников. «Она дала пищу этому любопытству в народѣ и вмѣстѣ с тѣм сообщила ему, присущій ей фантастически-суевѣрный характер, от котораго и теперь с трудом освобождается народная мысль».[11] Относительно византійских источников он замѣчает, что «ложныя книги были в самой греческой литературѣ ничтожными остатками от лучших времен, слабым воспоминаніем о старой греческой астрологіи времени Гиппарха и Птоломея. Из всѣх научных вычисленій позднѣйшіе любители астрономіи сохранили только одну календарную внѣшность»... «Из прежней астрономіи остались, наконец, только одни предвѣщательныя умствованія, к которым относятся и Бронтологіи. Произведенія византійской литературы, перешедшія на Русь, создались в переходную эпоху от старой греческой науки к полному господству средневѣковаго мистицизма и поэтому впитали в себя немногіе остатки стараго греческаго знанія».[12]

У Лида собран астрологическій матеріал, имѣющій предвѣщательное значеніе, и содержащій всѣ элементы позднѣйшей византійской популярной литературы. Матеріал этот Лидом почерпнут «из римских календарей и предвѣщательных книг, какія были в ходу еще в послѣднее время в республикѣ и в первое время имперіи, когда в Римѣ пользовалась чрезвычайным успѣхом халдейская астрологическая премудрость». Он был нѣсколько видоизмѣнен сообразно со временем, что наблюдается и в славянских переводах.[13] Заканчивает Пыпин свое изысканіе мыслью, »что русскіе Громники посредством

---

[10] *Wünsch*, Zu Lydus de ostentis. p. 413. *Krumbacher*, Geschichte der Byzantinischen Litteratur, 2 Aufl.. München. 1897. p. 630-1 отреченным книгам нашего цикла посвящено только нѣсколько строчек.

[11] А. Пыпин, Замѣтки по литературной археологіи. Древности. Москва. 1867. т. I. p. 113. Другія сочиненія Пыпина, как Исторія ложных книг и статья в Архивѣ историко-практических свѣдѣній Колачева. т. I. Москва. 1860 нам недоступны.

[12] *Пыпин*, Замѣтки по лит. арх. p. 114, 116.

[13] Ibidem, p. 117.

греческих Бронтологіев, Лида и Фигулы, открывают нам историческую перспективу до греческих книг Рима и до халдейской и египетской премудрости, которую занесли в Рим восточные звѣздочеты, и которая сохраняла авторитет и между византійскими книжниками«.[13]

В разсужденіи маститаго изслѣдователя чувствуется нѣкоторое противорѣчіе. С одной стороны он склонен разсматривать ложныя книги, как извѣстный упадок античнаго знанія, с другой стороны он подчеркивает их связь с языческим культом, слѣды котораго онѣ в себѣ сохраняют. Т. е. предсказанія одновременно являются продуктом упадка научной мысли поэллнистическаго періода и в то же время древними народными вѣрованіями, частью культа.

Нам кажется, что на послѣднее и должно особенно обратить вниманіе, как на самое существенное. Предсказанія, как атрибуты языческаго культа, извѣстны всему античному міру, болѣе того они играют крупную роль в государственном культѣ, как в Римѣ, гдѣ ничего не предпринималось без испрашиванія ауспицій, в число которых, между прочим, входило и паденіе молніи,[14] так и прежде в Вавилонѣ, гдѣ мы встрѣчаемся со всѣми тѣми признаками измѣненій луны, сохранившимися у Лида и в позднѣйших Громниках XVI—XVIII вѣка.[15] В обоих случаях гадают по вопросам государственным. Т. е. имѣется на лицо тот политическій элемент, который столь характерен для нашаго цикла гадательных книг.

Конечно, Пыпин прав, когда указывает на нѣкоторый научный элемент в гадательных книгах; но если это знак упадка науки, или другими словами является ли сочиненіе Лида и позднѣйшій Бронтологій для образованнаго византійца научным? Конечно нѣт, и у нас будет еще случай в этом убѣдиться. Образованный византіец обращался для разрѣшенія своих научных сомнѣній не к Громовнику, а к Аристотелю или к какой либо компиляціи о природѣ, стоящей в непосредственной связи с ним.[16] Возможно, что научныя откровенія в нем искали славянскіе переводчики, да византійское простонародіе.

Научный элемент проник в гадательныя книги, повидимому, в эпоху эллинизма, когда приходящее в упадок язычество начало раціонализировать миѳы и культ. Тогда начали появляться книги о предсказаніях, бывшія до того привилегіей жрецов. Онѣ получили хожденіе в высших классах, гдѣ с этим теченіем боролись языческіе императоры.[17] Естественно, что с побѣдой христіанства все больше стремятся подчеркнуть научный и эмпирическій характер этих книг, что не было так трудно, благодаря их общей астрономической

[14] *Pauly-Wissowa,* Realencyklopädie d. Altertumwissenschaft, Bd. I. Stuttgart. 1896, col. 2316.

[15] *Boll,* Sternglaube u. Sternkunde. p. 5; Lydi, de ost. c. 17; p. 48$_6$ sq.; Перетц, І. К исторіи Громника. p. 60.

[16] *F. Fuchs,* Die höheren Schulen v. Konstantinopel im Mittelalter. Byzant. Archiv. 8. Leipzig-Berlin. 1926. p. 32—33; Андреева, Очерки по культурѣ византійскаго двора в XIII в. Rozpravy Král. Spol. Nauk. Tř. fil.-hist. Nova serie. t. VIII. č. 3. p. 137 sq.

[17] *Пыпин,* Замѣтки по лит. арх. p. 114; Bouché-Leclercq, Histoire de la divination dans l'antiquité. Paris. 1882. t. IV. p. 323 sq.

основѣ. Позднѣе старались их узаконить переносом элементов культа с языческих богов на ангелов, управляющих громом и отдѣльными планетами,[18] и таким образом ввести их из язычества в домашній обиход христіанина. Церковь была по своему права, когда боролась с этим явленіем, т. к. здѣсь не было научнаго знанія, а только слабо прикрытыя языческія вѣрованія. Из разбора сочиненія Іоанна Лида, станет ясно, что оно предназначалось для образованнаго читателя, интересующагося политической жизнью страны, и быть может даже стоящаго у кормила власти. Он искал в сочиненіях предсказаній реальнаго характера.

Большое вниманіе удѣлено гадательным книгам, в частности Громникам и Лунникам, акад. Пертцем, издавшим цѣлый ряд памятников и начавшій систематическое изученіе их. Имѣю в виду его три работы, появившіяся в 1897—1901 г.: Матеріалы к исторіи апокрифа и легенды: I. К исторіи Громника; II. К исторіи Лунника, и III. К исторіи Громника и Лунника.[19]

Как и Пыпин, Перетц касается, главным образом, вопроса вліянія чужеземной апокрифической литературы на русскія народныя вѣрованія, при этом привлекается новый матеріал в видѣ еврейских Громников. Первоисточники для гадательных книг нашего цикла Перетц находит у греков: «К числу сочиненій, нѣкогда имѣвших научную цѣнность, которым с полной наивностью вѣрят, не осмѣливаясь заподозрить достовѣрность их данных и выводов, относятся многочисленные труды астрологов древности и средних вѣков, европейской исторіи и просвѣщенія. Постепенно опускаясь ниже и ниже и усваиваясь малокультурной средой, нѣкоторыя астрологическія сочиненія попадают в разряд народных, болѣе или менѣе распространенных суевѣрій и как таковыя подвергаются гоненію и запрещеніям единственной культурной силы – христіанскаго духовенства.»[20] Справедливо отмѣчен Пертцем постепенный переход этой литературы от высших классов в низшіе слои общества, но к сожалѣнію также оставлено без вниманія связь этих сочиненій с культом и псевдонаучный характер, присущій им еще в древности. Наука играет в них второстепенную роль — сначала, как прислужница языческаго культа, затѣм как прикрытіе для запретных вѣрованій. Особое вниманіе Пертцем удѣлено вопросу о сущности грома,[21] что, повидимому, является лишь наносным элементом, правда, очень древним. Он есть и у Лида, но он не основной, как этого хочет Перетц. Не из этих гипотетических объясненій, а из глубокой религіозной вѣры, возможно вывести практическія правила гаданія.

Наличіе богатаго политическаго элемента отмѣчен изслѣдователем, который также указывает на нѣкоторое измѣненіе в составѣ предсказаній в зависимости

---

[18] *Перетц*, I. p. 6 sq.

[19] Записки Импер. Филолог. факульт. СПбг. Унив. ч. LIV. Петербург. 1899; Извѣстія Отдѣл. Русск. яз. и слов. Акад. Наук. 1901. г. т. VI. кн. I и кн. IV.

[20] Перетц, I. p. 2.

[21] Ibidem, I. p. 3—28.

от времени и мѣста в переводных Громниках еврейских и славянских.[22] Что же касается вопроса о происхожденіи Громников и их связи с античными и восточными греческими книгами, то он оставляет его открытым, так же, как и другой, о том, являются ли эти сочиненія переводом с латинскаго или самостоятельными произведеніями византійскими. Впрочем у него чувствуется желаніе скорѣе связать их с античным греческим міром, чѣм с римским.[23]

Обратимся к разсмотрѣнію тѣх немногих греческих источников, которые до сих пор были изданы. Начнем с комплекса гадательных книг собранных Лидом.

Вопрос о подлинности этих сочиненій или перевода их с латинскаго, как было выше указано, остается открытым. Все же должно отмѣтить, что о переводѣ их свидѣтельствует сам Лид, большой любитель римской старины. Конечно, то обстоятельство, что Лид был любителем всего римскаго и чувствовал себя ромеем, а не греком, хотя и писал по гречески, может говорить не только за, но и против. Всѣ три его сочиненія проникнуты тенденціей свести всѣ традиціи к Риму. Для достиженія своей цѣли он легко мог позволить себѣ натяжку. Таких натяжек много в его сочиненіи о чинах, но почти во всѣх случаях Лид, если не прав полностью, напр. отводя магистра оффиціум и екскувитов от Ромула, то все же отчасти, так как и тот и другой, чин и отряд, римскіе.[24] В нашем случаѣ вопросу о заимствованіи из Рима лучше всего дать такую постановку: во первых, были ли сочиненія дѣйствительно переведены Лидом или кѣм либо до него с латинскаго; во вторых, были ли эти сочиненія на латинском языкѣ дѣйствительно продуктом латинской мысли и остатками римских вѣрованій.

На первую половину вопроса можно замѣтить, что трудно предположить, чтобы всѣ имена латинских авторов, приводимых Лидом, были бы подложными. Конечно, не всѣ приписываемыя сочиненія принадлежат им, но о нѣкоторых из них, как напр. о Нигидіи Фигулѣ, извѣстно, что у него было сочиненіе de divinatio. Болѣе того и почти всѣм остальным упоминаемым авторам дѣйствительно приписываются подобныя же сочиненія.

Сочиненія эти были очень распространены в императорском Римѣ около I-го вѣка нашей эры.[25] Едва ли можно предполагать, что они исчезли безслѣдно, и с частью из них конечно был знаком Лид. Они, вѣроятно, со временем измѣнялись, принимая нѣсколько иную форму, но сохраняли имена авторов. Такія

[22] Ibidem, p. 41, 88, 89.

[23] Ibidem, I. p. 29, 31.

[24] *Lydi*, de magistratibus populi romani libri tres ed. R. Wuensch. Lipsiae, 1903. l. II. c. 24. p. 79_{19} sq; l. I. c. 12; p. 17_{24}.

[25] Этому вопросу посвящает особое сочиненіе »de divinatio« Цицерон; аналогичныя сочиненія писал Нигидій Фигула и цѣлый ряд римских авторов, на которых ссылается и Лид. Wachsmuth, Prolegomena p. XXIII sq. В греческой литературѣ дань времени отдал Птоломей сочиненіем, легшим в основу позднѣйшей астрологіи. Pauly-Wissowa, Real-Encyklopädie d. Altertumwissenschaft. 1897. t. I. col. 1822 sq.; Bouché-Leclerq, Histoire de la divination. t. IV. p. 11.

явныя измѣненія наблюдаются в Бронтологіи Фигулы. Существенно также то обстоятельство, что со временем эти сочиненія неизбѣжно должны были утратить свой первоначальный языческій характер. Этот переход легко замѣтить, как в Бронтологіи Нигидія, так и в Молніянникѣ. Послѣдній сохранил в значительно большей мѣрѣ свой языческій характер. Так напр., он дает ряд мѣр предотвращающих бѣдствія.[26] Итак, если нельзя говорить о простом заимствованіи и переводѣ из латинской литературы, то безусловно должно отмѣтить литературную традицію, идущую из Рима, и вмѣстѣ с тѣм ряд заимствованій от него, хотя бы в частях.

По отношенію к вопросу об автентичности этих сочиненій, хорошо знакомых Риму, дѣло обстоит нѣсколько иначе. Вся культура императорскаго Рима проникнута элементами эллинистическими, т. е. греко-восточными или, прямо восточными. Говорить о строгом римском культѣ богов в эту эпоху не приходится. Старыя римскія божества почитаются с иными. В области философской мысли царствует эклектизм. Это эпоха грандіознаго синтеза, когда религія и мысль человѣческая стремится объять всѣ проявленія умственнаго и религіознаго творчества человѣчества, сглаживая всѣ противорѣчія или просто их пріемля в необычайной терпимости, точно так же, как orbis Romana обнимала всѣ народы Середиземнаго бассейна от кельта до араба, от бритта до армянина.

Естественно, что специфически римскаго в культурѣ и религіи остается мало, или, что оно принимает чуждыя формы. Напр. гаданія этрусскоѕ по молніи расположенное по египетской системѣ прохожденія солнца по зодіаку, находятся у Лида на ряду с халдейской мудростью об измѣненіях вида луны и значеніи других небесных и физических явленій.[27] Все это не римское, но типично для императорскаго Рима, и получило в нем гражданство — самое подлинное римское. Кому же было гадать о судьбах имперіи, как не ея владыкам. Они при этом слѣдовали своей старой традиціи республиканскаго времени, но и пріяли также гаданія вавилонских жрецов, слѣдивших за небом, что бы во время предотвратить гибель своего царства. В Римѣ силен был государственный культ. Он необходимо должен был впитать в себя восточныя гаданія. Если и не всѣ эти чужеземныя вѣрованія проникали цѣликом в официальный римскій культ — в достаточной мѣрѣ уже тогда презираемый в обществѣ, то все же они воспринимались тѣм кругом общества, который непосредственно стоял у власти.

Было бы безцѣльно долго останавливаться на том, какую роль играли предсказанія и опрашиванія судьбы у римских императоров. У язычников они

---

[26] *Lydi*, de ostentis. c. 35. p. 82$_6$ ἄνεμον δὲ νοσοποιὸν ῥεῦσαι μαντεύεται; c. 37. p. 85$_{22}$ θεοχολωσίαν σημαίνει; в Молніянникѣ c. 49, p. 103$_{19}$ εἰ δὲ ἐπὶ τείχους κατὰ τόδε καιροῦ σκηπτὸς ἐκπέσῃ, τὰ αὐτὰ σημαίνει· πόλεμοι γὰρ ἔσονται, ἀλλ' οὐκ εὐτυχεῖς τοῖς πολεμίοις· ἐπισημήνασθαι δὲ χρεὼν ἐκ ποίου κλίματος τοῦ ἀέρος ἐκπίπτοι ἡ φλόξ· ἐπ' ἐκείνου γὰρ φυλακῆς καὶ ἀσφαλείας δέον· καὶ γὰρ ἐξ αὐτοῦ πολεμίων ἔφοδος ἔσται.

[27] Ibidem. c. 17—20; p. 48—54; c. 47—54; p. 101—110.

были всегда в почетѣ. Ими увлекается и Юліан Отступник.[28] Конечно в формѣ, не связанной с жертвоприношеніями, они продолжают существовать у византійских царей и носят офиціальный характер, войдя в обязательный церемоніал.[29] С такими гадательными книгами для правящаго слоя общества, идущими вѣроятно от римскаго времени и переведенными на греческій язык с латинскаго и сильно видоизмѣненными, мы имѣем дѣло и у Лида.

Сочиненіе Лида περὶ διοσημείων, «о знаменіях», начинается с введенія, поясняющаго, что представляет из себя предложенное сочиненіе, и также необходимость его написанія, не взирая на то, что все искусство гаданія встрѣчает противников в обществѣ. Таким противником гаданій является не только церковь.[30] Так историк Агаѳій, современник Іоанна Лида, отнесся в своей книгѣ весьма презрительно к предсказаніям. Он высказывается на эту тему по случаю страшнаго землетрясенія, постигшаго Константинополь в 554 году. В соотвѣтствіи с этим он нападает главным образом на вѣру в пророческое значеніе землетрясеній.[31]

Задача, взятая на себя Лидом — познакомить читателя с затменіями солнца и луны, с различными кометами и их прохожденіями, громом, молніей и иными воздушными знаменіями, с опытом накопленным во время землетрясеній и пожаров, но при этом не с физической стороной этих явленій, которую разби-

---

[28] *Buché-Leclercq,* Histoire de la divination, t. IV. p. 341 sq.

[29] *Lydi,* de mensibus. p. 75₁. καὶ ἀνέφερον τὴν οἰωνοσκοπίαν οἱ ὕπατοι τοῖς αὐτοκράτορσι, δι' ἧς ἐγινώσκετο, ποταπὸς ἄρα ἔσται ὁ ἐνιαυτός.

[30] *Wünsch,* Zu Lydus p. 412 .... φάσκοντες ὡς ψευδὴς καὶ διάφωνος τοῖς παλαιοῖς ἡ περὶ διοσημειῶν ἐξηρεύνεται. καὶ συγγνώμης αὐτοῖς μεταδοτέον [διὰ ταύτην τὴν πλάνην πασί τε] τουτὶ πράττειν ἐπαγγειλάμενοι τῆς μὲν [οὖν τῶν πο]λλῶν δόξης κἀγὼ πρώην ἐτυγχάνον ὤν, καὶ γράμματα μό[να τὰ περὶ τοῦ] τῶν γεγραμμένα τοῖς ἀρχαίοις ἐνόμιζον ... В списках отреченных книг впервые встрѣчается запрещеніе гадательных книг в IX в. у патр. Никифора; обычай гадать осуждался и прежде церковью. Bouché-Leclercq, Histoire de la divin. t. I. p. 92 sq.; J. B. Pitra, Spicilegium solesmensae complectens Sanctorum Patrorum scriptorum. t. IV. Parisiis. 1858. p. 390. 45. Τὴν ἀποκάλυψιν Παύλου καὶ τὰ λεγομένα βροντολόγια καὶ σεληνοδρομία ἢ καλενδολόγιον καὶ τὰ ζωδολόγια, οὐ χρὴ δέχεσθαι. βέβηλα γὰρ εἰσι; V. Jagić, Opisi i izvodi, iz nekoliko južnoslovinskich rukopisu. IX. Slovanski tekstové kanona o knjagama starogo i novago zavjeta pojedno s indeksu lažnich knjiga. Starine. IX. 1877. p. 97.

[31] *Agathiae Myrinaei,* Historiarum libri quinque rec. B. G. Niebur. Corp. Script. Hist. Byz. Bonnae. 1828. l. V. c. 5. p. 287₁₉ ἄλλοι δὲ ἀστέρων φορὰς καὶ σχήματα ἐκλογιζόμενοι, μείζονας συμφορὰς καὶ κοινὴν μονονουχὶ ἀνατροπὴν τῶν πραγμάτων ἐδήλουν καὶ ὑπηνίττοντο. εἴωθε γὰρ ἐν τοῖς δεινοῖς ἀεὶ ὁ τῶν τοιούτων ἀνθρώπων ἐσμὸς ἀναφύεσθαι. ἐψεύσατο δὲ ὅμως εὖ ποιοῦσα ἑκατέρα μαντεία. ἐχρὴν γὰρ, οἶμαι, καὶ ἀσεβείας φεύγειν γραφὴν τοὺς τὰ τοιάδε ὀνειροπολοῦντας, καὶ μηδὲν, ὁτιοῦν πλέον γνώσεως πέρι τῷ κρείττονι καταλιμπάνοντας. В главѣ VI p. 289₁₁ Агаѳій переходит к разсмотрѣнію физических причин землетрясеній; дальше останавливается он на теоріи Анѳимія Тралльскаго. p. 289₁₅ ἔνιοι δὲ τὴν ἐκείνου βεβαιοῦν οἰόμενοι δόξαν, ὅτι δή πνεῦμα παχὺ καὶ καπνῶδες ὑπὸ τοὺς σήραγγας τῆς γῆς περιεργόμενον τὰς τοιάσδε ποιεῖται κινήσεις, προὐτίθεσαν ἐν τῷ λόγῳ τοῦτο δὴ τὰ ὑπὸ Ἀνθεμίου πρότερον μεμηχανημένον. Слѣдует длинное повѣствованіе о том, как раздосадованный Анѳимій расправился с своим сосѣдом, устроив у него в домѣ примѣрную грозу и землетрясеніе; послѣднее проведеніем по трубам пара в подвал сосѣда. (с. VI—VIII. p. 289—294).

рают философы, а с предвѣщательной, дающей людям поученіе о будущем.[32]

Далѣе Лид переходит к значенію солнечнаго затменія. Он подтверждает сказанное им историческими примѣрами: похода Камбиза на Египет, паденія Нерона, возстанія Веспасіана, борьбы Гальбы с Оттоном, при этом ссылается на авторитет латинскаго писателя Апулея. Повѣствуя о значеніи созвѣздія Кастора и Поллукса (у Лида Полидевка) указывает на примѣры Сервія Тулія и Константина Великаго. Также и другія явленія, как появленіе трех солнц и лунныя затменія пріурачиваются к опредѣленным событіям.[33] Измѣненія с свѣтом солнца, иногда у Лида означают нашествіе парѳян, иногда же просто указывают на различныя атмосферическія явленія.[34]

Часть сочиненій Лида до главы 17-ой, гдѣ начинается Лунник, имѣет болѣе самостоятельный характер. В текстѣ указаны источники, какими пользовался в отдѣльных случаях автор. Изобилуют историческіе примѣры, из них нѣкоторые не заимствованы из книг, а взяты автором из личнаго опыта. Напр. полное солнечное затменіе при Анастасіи предвѣщало якобы возстаніе Виталіана.[35] Так же встрѣчается ряд экскурсов научнаго характера и изложеніе или оспариваніе каких либо теорій.[36] Обычно Лид составляет из подобнаго рода экскурсов отдѣльныя главы, служащія вступленіями, к гадательным сочиненіям. В самих же гадательных книгах говорится только о том, что какое либо знаменіе предвѣщает. Иногда дается рецепт предотвратить надвигающееся бѣдствіе. В них совершенно отсутствуют ссылки на опредѣленные историческіе факты а доказательства их истинности. Гадательная книга передает на вѣру готовыя формы, созданныя вѣковым опытом.

Поэтому часть сочиненія Лида о солнцѣ и кометах, особенно интересна, так как знакомит нас с процессом накопленія опыта и превращенія его в сакраментальныя формулы. С слѣдами этого процесса нам придется ниже столкнуться во второй главѣ при разборѣ политических моментов в гадательных книгах и отраженія в них живой дѣйствительности. Введеніе идет до девятой главы, начиная с которой матеріал расположен болѣе строго. Статьи об отдѣльных планетах и кометах уже носят почти исключительно предвѣщательный характер. Все же встрѣчаются еще отступленія об источниках и иногда историческія справки.[36] Текст и здѣсь мѣстами уже вполнѣ отвѣчает

---

[32] *Lydi*, de ostentis, c. 4. p. 91₁. Σπουδὴ δὲ ἡμῖν ἐστὶν περὶ τε ἡλιακῶν καὶ σεληνιακῶν ἐπισκιασμάτων (οὕτω γὰρ τὰς ἐκλειπτικὰς τῶν φῶτων ὀλισθήσεις ἐκεῖνοι καλοῦσι), κομητῶν τε καὶ τῆς κατ' αὐτοὺς διαφορᾶς, αὐλακιασμῶν τε καὶ διαττόντων, ἀστραπῶν τε καὶ βροντῶν καὶ κεραυνῶν καὶ τῶν ἄλλων αἐρίων τερατισμῶν, καὶ τὸ δὴ πέρας περὶ σεισμῶν καὶ ἐμπρησμῶν καὶ τῆς ἐκ τούτων μαντείας, οὐχ ὥστε τὰς φυσικὰς αἰτιάς ἢ τὰ περὶ τούτων εἰπεῖν θεορήματα (φιλόσοφοις γὰρ δὴ περὶ τούτων ἀνείσθω), ἀλλ' εἰ πῶς οἷόν τέ ἐστιν ἐκ τούτων δὴ τῶν διοσημειῶν τὴν τῶν ἐσομένων ἴσως προμανθάνειν ἀποβάσιν.

[33] Ibidem, c. 4. p. 9₁₉ sq; c. 5. p. 11₁₄ sq.

[34] Ibidem. p. 10₁₀ sq.

[35] Ibidem. c. 6. p. 13₁₉ sq.

[36] *Lydi*, de ost., c. 10, p. 32₁₃; p. 35₆.

установившемуся типу гадательной книги и вѣроятно списан или переведен без особых измѣненій. Эта часть напоминает сочиненіе, получившее в славянских переводах названіе астрологіи. Впрочем там значительное мѣсто отведено толкованію значенія зодіака и вліянія его на людей.[37] В позднѣйших греческих собраніях гадательных книг, собственно гадательныя книги, Громники, Лунники и Сейсмологіи, часто сопроваждаются статьями астрономическо-астрологическаго характера, напр. в рядѣ рукописей хранящихся на Аѳонѣ.[38] Как и в славянских рукописях, эти статьи касаются вліянія созвѣздій на жизнь отдѣльных людей. Отличительной же чертой астрологической части сочиненія Лида является исключительный интерес к государственной жизни. Этот интерес к государству, а не к жизни отдѣльных лиц, свойствен вообще древней астрологіи. Он же продолжает существовать в славянских Громниках и Лунниках.

Итак в 9—16 главах Лид останавливается на отдѣльных планетах и приводит предсказанія, связанныя с измѣненіем их вида и положенія. Отдѣльно разбирается Солнце, Венера (Афродита = ἵππευς), о Лунѣ говорилось раньше, приложен Лунник; различныя кометы, Юпитер, и другія планеты. Предсказанія этой части носят также общественно-политическій характер. В концѣ Лид приводит Лунник, не указывая откуда он был им заимствован.[39]

Предсказанія даются на основаніи различных измѣненій луны и других природных явленій, в связи с прохожденіем луны по зодіаку. Начинается Лунник с нахожденія луны в созвѣздіи Козерога. Принимается также в расчет час, в который производится наблюденіе, а иногда число мѣсяца.[40] По отношенію к лунѣ можно отмѣтить слѣдующіе признаки: измѣненіе цвѣта — кровавая, мутная, бурная (с. 18. p. 293) соотношеніе рогов луны и затменія. Кромѣ луны наблюдают и солнце: слабый цвѣт его (с. 17. p. 293), багровый цвѣт, затменіе; из остальных планет, Венеру (ὁ τῆς Ἀφροδίτης ἀστὴρ); также звѣзды: появленіе звѣзды днем, паденіе ночью, если звѣзда мчится с одной части неба в другую; бурность неба; молнію (πρηστὴρ); землетрясеніе, колебанія почвы, раскаты из земли и с неба (ἦχος); также вѣтры и туман (ὁμίχλη). Наличіе этих признаков тѣм интереснѣе, что они сохраняются в пространной редакціи славянских Громников. Идут они из глубокой древности, и всѣ извѣстны хал-

---

[37] *Тихонравов,* Памятники отр. лит. p. 404; *Lambros,* Catalogue. v. II. p. 82. N° 4435. Ζωδολογιον συνταχθὲν ὑπὸ σοφῶν Αἰγυπτίων περὶ τῆς γεννήσεως τοῦ ἀνθρώπου.

[38] *Lambros,* Catalogue v. I. p. 41. N° 511. 75. XVI s.: 1) Βροντολόγιον; 2) Περὶ ἐκλείψεων ἡλίου κατὰ μῆνας ἐν σχέσει πρὸς τὴν γεωργίαν. 3) Ἀρχὴ σὺν Θεῷ τοῦ ἑτέρου βροντολογίου καὶ σεισμολογίου, καὶ εἴ τι ἐν οὐρανῷ καὶ ἐν τῇ γῇ σημεῖα μέλλωσι φαίνεσθαι. 4) Διάφορα ἀστρολογικά; p. 107. N° 1175.

[39] *Lydi,* de ost. c. 17—20; p. 48—54.

[40] Ibidem, c. 17. p. 48$_{14}$. Σελήνη ὑδροχόῳ· εἰ κατὰ τὴν πρώτην ἢ δευτέραν φυλακὴν ἡ σελήνη ἀμυδρὰ φαίνοιτο ... c. 18. p. 49$_{37}$ εἰ δὲ σεισμὸς ἀπὸ πρώτης Μαΐου ἕως δωδέκατης ...

дейским жрецам.[41] Сложность признаков по которым гадают и их неразрывная связь между собою вело к тому, что рѣдко гадали по одному опредѣленному признаку а обычно по цѣлому комплексу явленій. В этом отношеніи среди гадательных книг нѣсколько в сторонѣ по своей опредѣленности стоит Молніянник. Сочиненія, в которых гадается по одному признаку не всегда являются первоначальными, а зачастую представляют из себя извлеченія из болѣе сложных, сложившихся еще в глубокой древности. Впрочем эти сводныя сочиненія иногда бывают и болѣе новыми компиляціями. Предсказанія Лунника отличаются краткостью.

Слѣдующая часть сочиненія Іоанна Лида озаглавлена «о громѣ».[42] Она начинается статьей о природѣ грома. Приводится объясненіе Эпикура и пифагорейцев. Затѣм слѣдует экскурс об обстановкѣ в зависимости от которой нужно толковать значеніе грома. Напр., важно с какой стороны прогремѣло. Особое значеніе придается западной сторонѣ, священной у Гомера, египтян и евреев.[43] Гаданіе также находится в зависимости от фаз луны и прохожденія ея, или солнца по зодіаку. Послѣднее гаданіе — египетское; наконец, по дням, по солнечному, или лунному календарю.[44] В этом перечисленіи Лид исчерпывает главнѣйшіе типы Громников, а затѣм приводит примѣры их. С нѣкоторыми из этих типов нам придется встрѣтиться в поздне-греческих и славянских Громниках. Итак у Лида намѣчаются два основных типа: по распредѣленію гаданій по зодіаку или по календарю (по календарным мѣсяцам).

[41] *Boll*, Sternglaube. p. 3. о гаданіях по бури; p. 5: »Das Erscheinen des Neulichts wurde erwartet und sodann untersucht, wann die Hörner der schmalen Sichel parallel standen, wann sie bis zum ersten Viertel spitz oder stumpf lang oder kurz erschienen, wann endlich ein Horn das andere ausfüllte... Auch die Helligkeit der Hörner und ihr anscheinend unsymetrisches Aussehen, ihr Leuchten durch die Wolken und ihre Stellung zum Horizont ergaben Vorbedeutungen, und desgleichen wurde der Hoch oder Tiefstand des Gestirns am Himmel sowie sein schwaches oder stark wechselndes, ziegelrotes oder gelbes Licht gewertet. Besonderes Gewicht wurde auf die Beobachtung von Mondhöfen und Mondverdunkelungen gelegt. Einfache und doppelte Mondhöfe mit oder ohne scheinbare Öffnungen im Hofring hatten je nach der Himmelsgegend ihrer Erscheinung oder nach dem Monat oder nach einer der drei »Wachen« in die die Nacht eingeteilt war, auch nach der Art des dunklen oder schwarzen Gewölkes, das sich dem Mond nähern konnte, oder endlich nach dem Eintritt eines oder mehreren Planeten oder Fixsterne in den Hof, verschiedene Bedeutung.« Наблюдаются затменія луны, как атмосферическія, так и астрономическія.

[42] *Lydi*, de ostentis. c. 21—41. p. 54—92.

[43] Ibidem, c. 22. p. 55$_{22}$ Πασὰ δὲ βροντή, καὶ τούτων αἱ μετέωροι καὶ διηχέσταται μάλιστα, σημαίνουσί τι, καὶ διαφέροντως ἐκ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους τοῦ κόσμου· τοῦτο δ' ἂν εἴη τὸ νότιον... ὅθεν καὶ πρὸς νότον τὰ ἱερὰ ἀποθύνεσθαι Ἑβραίοις καὶ Αἰγυπτίοις δοκεῖ, τοῦ Κρόνου λέγῳ.... Bouché-Leclercq, Histoire de la div. t. IV. p. 39.

[44] Ibidem, c. 22. p. 56$_{13}$ οἱ μὲν παλαιοὶ τῶν περὶ ταῦτα σπουδαίων πρὸς τήν σελήνην καὶ τὰς ἐν αὐτῃ φάσεις τὸν περὶ βροντῶν σκοπὸν ἀπευθύνουσιν, ἐπεὶ καὶ μᾶλλον ἐπιβέβηκεν αὕτη τῷ γένει τῷ παντὶ καὶ πάντα προσεχῶς διοικεῖται δι' αὐτῆς, ὅθεν καὶ Τύχη πρὸς τινων καὶ Πρόνοια λέγεται· οἱ δὲ Αἰγύπτιοι πρὸς ἥλιον καὶ τοὺς τῶν ἐν οὐράνῳ ζῳδίων οἴκους τὸν στοχασμὸν ἁρμόζειν δισχυρίζονται· καὶ οἱ μὲν καθ' ἑκάστην ἡμέραν τοῦ ἡλιακοῦ μηνός, οἱ δὲ ὡσαύτως ἐφήμερον τὸν σεληνιακὸν μῆνα διαλαμβάνουσι· καὶ οὗτοι μὲν πρὸς τὰ ζῴδια τὸν ἥλιον, ἐκεῖνοι δὲ τὴν σελήνην ἀνιχνεύουσιν.

Первый Громник начинается с нахожденія солнца в созвѣздіи Козерога,[45] при этом отмѣчен и мѣсяц — январь. Постепенно в концѣ Громника названіе мѣсяца вытѣсняет названіе зодіака.[46] Гадается исключительно по грому. Принимается во вниманіе его сила, сопровождается ли он дождем и бывает ли гроза днем. Предсказанія отличаются длиной, но касаются главным образом явленій природных. Меньше мѣста в них удѣлено элементам политическим. Сильно представлен элемент географическій — указано в каких странах должны исполниться предсказанія.[47] В этом, как и в вліяніи зодіака на людей и животных[48] и указаніи на значеніе восхожденія созвѣздія пса,[48] замѣтно сильное вліяніе астрологіи.[49]

Слѣдующій приводимый Лидом Громник приписывается им Нигидію Фигулѣ. С внѣшней стороны Бронтоскопія Нигидія имѣет совершенно иной характер, чѣм египетскій Громник. Возможно, что мы дѣйствительно имѣем дѣло с римским типом этих сочиненій. За это говорит не только приписаніе его Нигидію, но и цѣлый ряд других обстоятельств: расположеніе матеріала, независимо от зодіака, а по календарю, и первоначально даже по лунному; дѣйствіе предсказаній, простирающееся только на Рим.[50] Заглавіе сочиненія слѣдующее: Ἐφήμερος Βροντοσκοπία τοπικὴ πρὸς τὴν σελήνην κατὰ τὸν Ῥωμαίον Φίγουλον ἐκ τῶν Ταγήτος καθ' ἑρμηνείαν πρὸς λέξιν. Оно заключает в себѣ краткія предсказанія на каждый день луннаго мѣсяца, т. е. на тридцать дней, хотя приводится также названіе мѣсяца, — календарнаго. В кратком введеніи указано, что древніе гадали по грому, руководствуясь луной и, принимая во вниманіе дом луны, который по астрологическим вычисленіям находится в созвѣздіи Рака. Начинали всегда считать от новолунія. Это по мнѣнію Лида этрусскій способ гаданія.[51] Что же касается дѣйствительности предсказаній только для Рима, то эта обстоятельство не препятствовало перенесенію их на Константинополь. Новый Рим имѣл тоже сакральное имя, как и древній — Анѳуса (= Флорѣ), и был по преданію посвящен при соблюденіи тѣх же обрядов, как и старый.[52]

---

[45] Ibidem, c. 23—26. p. 57—62; c. 23. p. 57₇. Ὁ ἥλιος αἰγοκέρωτι· μηνὶ Ἰανουαρίῳ.

[46] Ibidem, c. 24—26. p. 59₁₃. Μηνὶ Ἰουνίῳ· εἰ ἐν διδύμοις ἡλίου ὄντος βροντὴν γένεσθαι συμβαίη ....

[47] *Lydi*, de ostentis. c. 23. p. 57₁₃.

[48] Ibidem, c. 23. p. 57₁₁. εἰ δὲ μέχρι τῆς ἐπιτολῆς τοῦ κυνὸς ἡ ἀχλὺς ἐπιμένοι ἐπινόσος ὁ ἐνιαυτὸς ἔσται καὶ σίτου ἐνδεής; *Wünsch*, Zu Lydus. p. 418.

[49] *Boll*, Sternglaube u. Sternkunde. p. 11, 81.

[50] *Lydi*, de ost. c. 38. p. 88₈. Ταύτην τὴν ἐφήμερον βροντοσκοπίαν ὁ Νιγίδιος καθολικὴν ἀλλὰ μόνης εἶναι τῆς Ῥώμης ἔκρινεν.

[51] Ibidem, c. 27. p. 62₁₁. καλῶς ἄν τις ἄρα καὶ τὸν σελήνης οἶκον ἐπιλέξαιτο, ὥστε ἀπὸ τοῦ καρκίνου καὶ ἐνταῦθα τὴν ἐφήμερον ἀπὸ τῆς σεληνιακῆς νεομηνίας κατὰ τοὺς σεληνιακοὺς μῆνας ληψόμεθα τῶν βροντῶν ἐπίσκεψιν· ἐξῆς τὰς τοπικάς, ἐφ' ὧν ῥήγνυνται χωρίων αἱ βρονταί, παρατηρήσεις οἱ Θοῦσκοι παρέδοσαν; *Boll*, Sternglaube. p. 72; Bouché-Leclercq, Histoire div. IV. p. 32 sq.

[52] *Lydi*, de mensibus l. IV. c. 75. p. 126₁₈. Ῥώμη Φλῶρα καὶ ἡ Κωνσταντίνουπολιν ἤγουν Ἄνθουσα; c. 73. p. 125₇ ἱερατικὸν δὲ Φλῶρα οἱονεὶ ἄνθουσα.

Слѣдует Бронтоскопія Фотина Римлянина,[53] как увѣряет Лид, дословный перевод с латинскаго. Авторство Фотина так же сомнительно, как и Нигидія.[54] Гаданія находятся в зависимости от прохожденія луны по зодіаку. Эта черта чисто восточная. При гаданіи принимается во вниманіе, когда был гром: днем или ночью Предсказанія пространны. Почти всѣ географическія названія ведут на восток; есть прямыя указанія на Египет.[55]

Слѣдует третій Громник: «Общія наблюденія над молніями и другими явленіями в соотвѣтствіи с луной, начиная с лѣтняго времени, из Лабеона.»[56] Гаданіе расположено по прохожденію луны по зодіаку. Наблюдается гром, туман и бури (ἀχλύες καὶ βρονταὶ καὶ χαλάζαι), а не молнія. Предсказанія краткія и посвящены исключительно вопросам экономическим и стихійным бѣдствіям. Характер предсказаній отличает третій Громник от прочих гадательных книг. Повидимому, он возник в другой средѣ, вѣроятно среди людей живущих внѣ города и занимающихся сельским хозяйством. Этим сочиненіем завершается серія Громников.

Слѣдующая часть собранія Лида озаглавлена «о молніи» и состоит из пространнаго введенія и Молніянника.[57] Введеніе имѣет четыре главы (с. 43–46). Оно начинается с изложенія необходимых для пониманія этрусскаго способа гаданія по молніи свѣдѣній.[57] К таким принадлежат: во первых, свѣдѣнія чисто географическаго характера о районѣ распространенія гроз и времени года, благопріятных для них. Такими в Италіи являются осень и весна. В смыслѣ района распространенія — запад и в частности Италія особенно страдают от них. Дѣйствительно до сих пор грозы в Италіи часты, в среднем 38 в год.[58] Это выделеніе Италіи в вопросѣ о грозах человѣком живущим и пишущим в Константинополѣ, явно указывает на то, что он пользовался западным латинским матеріалом. Это подтверждается также концом Молніянника, в котором говорится, что ни в Скиѳіи, ни в Египтѣ не бывает гроз.[59] Между тѣм Лид сам приводит египетскую редакцію Громника.

Во вторых, разбираются различные виды молніи с разнообразными названіями. Из них обратим вниманіе на пристир (πρηστῆρ), встрѣчающійся и в сла-

---

[53] *Lydi*, de ost. c. 39–41; p. 88—92.

[54] *Wachsmuth*, Prolegomena. p. XXVI—XXVII.

[55] *Lydi*, de ost. c. 39. p. 88$_{17}$ ὑπονοστήσει δὲ καὶ ὁ Νεῖλος; c. 40. p. 91$_{5}$ εἰ δὲ ἐν νυκτί, Αἰθίοψι καὶ Πέρσαις ὅλεθρος ἐνσκήψει· τὰ δὲ δυτικὰ ὄυτως λιμῶξει, ὡς καὶ εἰς Αἴγυπτον δὶ ἔνδειαν καταφυγεῖν.

[56] Ibidem, c. 42. p. 93—95.

[57] Ibidem, c. 43—52; p. 95—107.

[58] Ibidem, c. 43; p. 95$_{11}$ Τὰς φύσεις τῶν πραγμάτων λέγειν, καὶ ὅπως γίνεσθαι κεραυνοὺς ἡ παλαιότης ὑπολαμβάνει, τοῖς ἀρχαιοτέροις ἀποχρώντος τῆς περὶ τοιούτων θεωρίας διαληφθείσης οὐ τούτου καιρός, οὐδὲ τὸ ἐπάγγελμα τουτὶ προύθηκεν, ἀλλ' ὅπως κατὰ τὴν Θούσκων παράδοσιν ἐπιγνωσθεῖεν οἱ κεραυνοι, τί ἄρα παραδηλοῦσιν ἐκπίπτοντες. — Ibidem, c. 43. p. 95$_{17}$ sq.

[59] Ibidem, c. 52. 107$_{3}$ Καὶ εἴρηται μὲν πρότερον ὡς οὔτε ἐν Σκυθίᾳ οὔτε ἐν Αἰγύπτῳ κεραυνοὶ καταφέρονται· εἰ δὲ τύχον κατενεχθείη κατὰ τόδε καιροῦ ἐπὶ τὰ εἰρημένα κλίματα κεραυνός, ἀγαθά τοῖς ἐκεῖ σημαίνει.

вянских Громниках. Молніи раздѣлены на двѣ группы: длинныя и круглыя.[59a] Так же упоминаются животныя и предметы, которым молнія не вредит: лавр — растеніе Апполона, орел и тюлень (c. 45. p. 98_{15} sq). Наконец объясняется, почему Молніянник придерживается порядка прохожденія не луны, а солнца по зодіаку. Причина лежит в связи Зевса-Геліоса с молніей.[60] Лид не прибѣгает болѣе для поясненій к философіи, а к миѳологіи. Он здѣсь менѣе самостоятелен; возможно, что он пользовался готовой статьей.

При нахожденіи солнца под опредѣленным знаком зодіака всѣ удары молніи в различные предметы пріобрѣтают иной предвѣщательный характер. Иногда принимается в расчет восхожденіе зодіака (κατὰ τὴν ἐπιτολὴν τοῦ καρκινοῦ. c. 49. p. 103_{25}), закат солнца, и, что особенно характерно, часть неба откуда ударила молнія.[61] Послѣднее играло большую роль при опредѣленіи ауспицій римскими авгурами. Этот признак сохранился от языческаго обряда так же, как и рекомендуемыя в Молніянникѣ предохранительныя мѣры. Особенно характерно для языческаго настроенія гадательной книги слова о геніях, покидающих общественныя мѣста, когда в них ударила молнія. Для гаданія особое значеніе имѣет мѣсто, куда попала молнія.[62] Именно различаются: дерево, плодовое дерево, лѣс, море, рѣка, общественное мѣсто, стѣна, святилище, частное жилище, царскій дворец, статуи, портретныя и иныя. Значеніе придается так же и виду молніи (напр., c. 49. p. 103_{19} σκηπτὸς), частому паденію ея. Иногда принимаются в расчет и другія явленія, как вѣтер.

Цикл гадательных книг, собранных Лидом, завершается Сейсмологіем. Эта часть книги озаглавлена «о землетрясеніи» (c. 53—58).

Она состоит, как и в предшествующих случаях, из введенія и самой гадательной книги. В введеніи Лид приводит вкратцѣ мнѣніе современников о землетрясеніях (c. 53, 54. p. 107_4—110_{10}) и так же свое, сложившееся на основаніи наблюденій. В царствованіе Юстиніана послѣдовал ряд сильных землетрясеній в Азіи, в Италіи и даже в столицѣ. На первыя из них ссылается Лид для подтвержденія своей теоріи, что землетрясенія зависят от подземных пещер с сильным земным огнем и от проникновенія туда моря, благодаря чему образуются пары, вызывающіе землетрясеніе.[63]

[59a] *Lydi*, de ost. c. 44. p. 97_1 Διάφορος δὲ καὶ οὐ μονοειδὴς ἡ τῶν κεραυνῶν φύσις. τοὺς μὲν γὰρ ψιλόεντας ἡ παλαιότης καλεῖ, τοὺς δὲ ἀργῆτας, σκηπτούς τε καὶ πρηστῆρας... p. 97_{11}. Это подраздѣленіе заимствовано у Аристотеля.

[60] Ibidem, c. 46. p. 100_{21}.

[61] Ibidem, c. 49. p. 103_{21}. ἐπισημήνασθαι δὲ χρεὼν ἐκ ποίου κλίματος τοῦ ἀέρος ἐκπίπτει ἡ φλόξ.

[62] Ibidem, c. 47. p. 101_{20} εἰ δὲ ἐν πολιτικῷ ἢ δημοσίῳ κατενεχθείη τόπῳ, ἐμφυλίους τε πολέμους καί στάσεις καὶ τοῦ πολιτεύματος ἀνατροπὴν δηλοῖ· αὐτὸν δὲ τὸν τροπὸν, κάθ' οὗ ἐξαιρέτως φέρεται, οὐκ ἀλλοιώσει μόνον, ἀλλὰ καὶ τὴν ἐν αὐτῷ τύχην παντελῶς ἀναβάλῃ.

[63] Ibidem, c. 53. p. 107_{14}. καὶ γὰρ τὸ πῦρ, διεργαζόμενον καὶ ἐξαιραιοῦν τὴν ἐν βάθει γὴν, τουτὶ παρασκευάζει συμβαίνειν· ἀμέλει τά πλησιάζοντα τοῖς ἀναφυσήμασι καὶ ταῖς τῶν θερμῶν ἀναβολαῖς ὑδάτων πυκνότερον σείεται, οἷα τὰ περὶ τὴν Φρυγίαν Λαοδίκειαν καὶ τὴν παρ' αὐτὴν Ἱερὰν πόλιν καὶ τὰ καθ' ἡμᾶς Φιλαδέλφειαν, καὶ καθ' ὅλου τὴν ἐπὶ τάδε Ἀσίαν, καὶ τὰ πλεῖστα

Интересно сопоставить это мѣсто с вышеприведенной цитатой из Агаѳія (см. стр. 56), наводящей на мысль, что мы здѣсь имѣем дѣло с отвѣтом на его обвиненіе. Лид соглашается с теоріей о парѣ (опыт архитектора Анѳимія Тралльскаго, строителя Св. Софіи), но все же видят в землетрясеніях, наряду с их физическими причинами и перст Божій, направляющій их.[64] Землетрясеніе не только справедливое наказаніе людям, но и предсказаніе будущих событій. Прежде чѣм закончить вступленіе этим заявленіем, Лид разбирает еще и различные виды землетрясеній в зависимости от характера волны, продолжительности и силы ея.[65] Иногда эти признаки отмѣчаются в гадательных книгах.

Сейсмологій по увѣренію Лида переведен с латинскаго, составленнаго римлянином Викелліем из стихов Тагета. (Βικέλλιος ὁ Ῥωμαῖος ἐκ τῶν Τάγητος στίχων. c. 54. p. 110_6). Предсказанія находятся в зависимости от прохожденія солнца через зодіак, что типично для египетской редакціи Громника. С египетской редакціей Сейсмологій сближается так же богатой географической номенклатурой стран, связанных с опредѣленным зодіаком. Эта номенклатура встрѣчается также в аналогичном спискѣ, приложенном Лидом к календарю Клавдія Туска. Он заимствован с легкими измѣненіями из Птоломея.[66] Привожу для примѣра страны, упоминаемыя в предсказаніях при прохожденіи солнца через знак Козерога.

Громник. I. c. 23. p. 57_{13}.	Сейсмологій. c. 58 p. 115_{15}	Список стран по зодіаку. p. 160_1. Ptolem. tetrab. lib. II c. 2. fin.
διαφερόντως δέ ταῦτα συμβήσεται ἐπί τε Μακεδονίας, Θρᾴκης, Ἰλλυρίδος καὶ τῆς Ἰνδικῆς, Ἀριανῆς τε καὶ Γεδρωσίας.	ἐπὶ μὲν τῆς ἄνω Ἀσίας πᾶσα ἡ Ἰνδικὴ Ἀριανή τε καὶ Γεδρωσία, ἐπὶ δε τῆς κάτω Φρυγία τε πᾶσα καὶ Ἑλλησποντος, ἐπὶ δὲ τῆς Εὐρώπης, Μακεδονία καὶ Θρᾴκη πρὸς τῷ Ἰλλυρικῳ ἕως Ἴστρου πόταμου.	αἰγοκέρωτι Μακεδονία, Θρᾴκη, Ἰλλυρίς, Ἰνδικὴ, Ἀριανή, Γεδρωσία.

δὲ πρὸς δύνοντα ἥλιον Εὐρώπης, Σικελίαν λέγω καὶ Ἰταλίαν· καὶ γάρ ἡ τῶν σεισμῶν γένεσις πνευμάτων ἐστὶ ξηρῶν διὰ σηράγγων ἰόντων τοῦ δὲ πλεονάσμου αἰτίαι πλείους πρώτη μὲν καὶ μέγιστη ἡ τοῦ καταγείου πυρὸς ἐξαίωσις, δευτέρα δὲ ἡ τῆς θαλάσσης εἰς τοὺς σεραγγώδεις τόπους ἐπιδρόμη.

[64] Ibidem, c. 54. p. 109_{12} Προνοίᾳ δὲ ὅμως καὶ ἐπισκοπῇ τῆς Δικῆς πάντα γίνεται· οὐ γὰρ εἰκῇ, ἐπεὶ τόδε τὸ πᾶν νόμοις μὲν φυσικοῖς συγκροτεῖται, Προνοίᾳ δὲ θεοῦ καὶ λόγῳ σιγῆς ἐπέκεινα διοικεῖται· ὅθεν οὐ μονόν αὐτοὶ καθ' ἑαυτοὺς οἱ σεισμοὶ βλάπτουσι τοὺς καθ' ὧν συμβαίνουσιν, ἀλλὰ μὴν καὶ ἄλλων πόῤῥω ποῦ τόπῳ τε καὶ χρόνῳ μεριζομένων γίνονται μηνταὶ οὐ μετρίων κακῶν.

[65] Ibidem, c. 53. p. 108_{10} τῶν δὲ σεισμῶν οἱ μέν εἰσιν ἐπικλίνται οἱ δὲ βράσται καὶ ἐπικλίνται μὲν οἱ κυματηδὸν ἐπὶ τὰ πλαγία σείοντες, βράσται δὲ οἱ τινάσσοντες καὶ σείοντες ἄνω καὶ κάτω· εἰσὶ δ'αὐτῶν οἱ μὲν ῥῆκται, οἱ δὲ σεισταὶ μόνον, οἱ δὲ ἰζηματίαι...

[66] *Wachsmuth*, Prolegomena. p. XLVI; p. 158 comment.

Из сопоставленія ясно, что автор Сейсмологія также пользовался списком Птоломея, но расширил его в частях, касающихся Азіи и юго-восточной Европы, т. е. тѣх областей, которыя особенно интересовали жителя Константинополя. Возможно, что эти поправки сдѣланы самим Лидом. Он же вѣроятно внес восклицаніе о неизбѣжности голода при варварском нашествіи.[67] При сравненіи остальных стран замѣчается нѣкоторое различіе. Оно настолько незначительно, что может быть объяснимо пользованіем составителя другим списком с таблицы Птоломея.

Предсказанія в Сейсмологіи двух видов: общаго характера и относящіяся к опредѣленным странам, расположенным по зодіаку. Роль зодіака сильно подчеркнута; всегда отмѣчается его вліяніе на пол.[68] Оба эти признака встрѣчаются и в египетском Громникѣ. Из астрологіи также заимствовано особое значеніе луннаго затменія при прохожденіи солнца через созвѣздіе Рака, т. е. дом луны. Это созвѣздіе в Сейсмологіи посвящено Афродитѣ.[69] Добавим, что при землетрясеніях различаются степени его, но что различныя названія этих явленій (σεισμὸς, σαλὸς, κίνημα γῆς) не совпадают с приводимыми Лидом в введеніи. Зато они тождественны с терминологіей Агаѳія.[70]

Итак в коллекціи Лида мы встрѣчаемся уже почти со всѣми, позднѣе столь распространенными у славян, гадательными книгами. Все же трудно установить между ними прямую связь, хотя всѣ элементы гаданій, типы предсказаній и даже основное содержаніе их уже представлены.[70a]

Прежде чѣм перейти к позднѣйшим гадательным сочиненіям, сначала греческим, затѣм славянским, остановимся на основных типах, встрѣчающихся у Лида. Начнем с особенно богато представленных Громников. Их у Лида четыре. Из них по своему содержанію стоит особником Громник Лабеона — книга

[67] *Lydi*, de ost. c. 57. p. 114$_9$ στρατεύμασι δὲ βαρβαρικοῖς οἱ εἰρημένοι ταραχθήσονται τόποι. λιμὸς ἄρα. πῶς γὰρ οὐχί;

[68] Ibidem, c. 55. p. 110$_{18}$ πλείων δὲ ἔσται ἐπὶ τῆς ἀνατολῆς κατ' ἀνδρῶν βλάβη παρὰ τὰς γυναῖκας, ὅτι ἄρρεν ζῴδιον ὁ κριός; c. 55. p. 111$_8$ ταῖς δὲ θήλεσι τῶν ζῴων, λογικῶν τε καὶ ἀλόγων, ἐπιγενήσονται, ὅτι θῆλυ ζῴδιον ὁ ταῦρος. Из Громника александрійской редакціи c. 23. p. 57$_{16}$ ταραχαὶ δὲ καὶ φόβοι τοῖς θήλεσι τῶν ζῴων, λογικῶν τε καί ἀλόγων, ἐπιγενήσονται, ὅτι θῆλυ ζῴδιον ὁ αἰγοκέρως.

[69] Ibidem, c. 56. p. 112$_{17}$ ἐκλείψεις τε σεληνιακαὶ ἔσονται, ὅτι σελήνης οἶκος ὁ καρκίνος. πλείων δὲ ὕβρις γυναιξὶ γενήσεται, καὶ διαφερόντως ταῖς ἑταιριζομέναις, ὅτι θῆλυ ζῴδιον ὁ καρκίνος, καὶ Ἀφροδίτης, ὅτι ταὐτὸν Ἀφροδίτη σελήνη.

[70] *Agathiae*, Hist. l. V. p. 281$_{19}$ sq. (в Константинополѣ) γέγονε μὲν γὰρ καὶ καθ' αὐτὸν μέγιστος ἡλίκος, καὶ ὁποῖος, οἶμαι, οὐπώποτε πρότερον, τῇ τε τραχύτητι τοῦ βρασμοῦ καὶ τῷ μονίμῳ τοῦ σάλου. ἔτι δὲ αὐτὸν φρικωδέστερον ὁ καιρὸς ἀπέδειξε καὶ ἡ τῶν ἐπισυμβάντων ἀνάγκη. ἡνίκα γὰρ ἐκείνου τοῦ ἔτους ἡ τοῦ φθινοπώρου ἔλεγεν ὥρα, ἔτι τε τὰ ὑπὲρ τῶν ὀνομάτων συμποσία ἐτελεῖτο, ἥπερ τοῖς Ῥωμαίοις νενόμισται, κρύος μὲν ἤδη ὑπῆρχεν, ὁποῖον εἶναι τοῦ ἡλίου ἐπὶ τὰς τροπὰς ἐλαύνοντας τὰς χειμερίους, καὶ πρὸς τὸν αἰγοκέρωτα φερομένου. καὶ μάλιστα ἐν τῷ κλίματι δήπου τῷ ὀγδόῳ καλῶς εἶχεν, ὅπερ, οἶμαι, ἐκ τοῦ Εὐξείνου πόντου παρὰ τοῖς ταῦτα σοφοῖς ἐπικέκληται. Настолько подробно описана обстановка, что можно найти и у Лида соотвѣтствующее предсказаніе. Агаѳій пользовался Сейсмологіем другой редакціи.

[70a] *Пыпин*, Замѣтки по лит. арх. p. 116.

для сельскаго хозяина, незанимающагося политикой. В трех остальных политика и общественная жизнь на первом планѣ. Из этих трех два имѣют опредѣленную редакцію: один египетско-александрійскую (солнце в зодіакѣ, таблица Птоломея), другой римскую, ежедневный по лунным мѣсяцам, замѣненным позднѣе календарными. Предсказанія этой редакціи отличаются краткостью. Наконец, третья редакція (прохожденіе луны по зодіаку) носит опредѣленный восточный отпечаток. На основаніи распредѣленія гаданій ясно выступают два основных типа: по расположенію матеріала по календарным мѣсяцам и по зодіаку.

Молніянник у Лида один. Этот тип гадательной книги вообще встрѣчается рѣже чѣм Громники, может быть потому, что в нем сильнѣе сохранился его языческій характер. Гаданіе по молніи, чтобы ни говорили, все же есть в основѣ гаданіе типично римско-этрусское, не столь близкое восточному человѣку, да и болѣе сложное, труднѣе поддающееся наблюденію. Лунник у Лида один. Он — сложной редакціи, прихватывающій цѣлый ряд признаков из других гадательных книг, как Громников, Молніянников и Сейсмологіев. Повидимому, он восточнаго происхожденія, т. к. содержит много повѣрій, идущих из глубокой древности, от халдейских жрецов. Он вѣроятно так же, как второй Громник, египетско-александрійской редакціи. Конечно всѣ эти редакціи прошли через римско-византійскія руки и утратили свой первоначальный характер. Все же преобладаніе опредѣленных національно-религіозных элементов, несмотря на их первоначальную философско-раціоналистическую, а затѣм и позднѣйшую христіанскую обработку продолжает чувствоваться. Наконец у Лида имѣется еще чисто астрологическія статьи о предвѣщательном характерѣ комет и планет.

Переходя к поздне-византійскому времени нам придется по скудости печатнаго матеріала остановиться только на двух Громниках, изданных Wünsch'ом и Jagić'ем и на матеріалах из описей рукописей Ламброса. Эти книги блѣдныя сколки по сравненію с энциклопедіей Лида. Языческія вѣрованія утратили свою прежнюю силу в высших слоях общества, хотя страсть к гаданіям не искоренилась. Гадательныя книги переходят в низы и соотвѣтственно с этим мѣняется, как содержаніе гаданія, так и весь сложный апарат наблюденій. Несмотря на это, политическій и общественный элемент сохраняется в столь значительной мѣрѣ, что поневолѣ приходит на ум мысль о приверженности ко всему прошлому людей, в особенности если эти пережитки имѣют таинственно пророческій характер. Так русскій человѣк еще в XIX вѣкѣ по Громнику гадает о Вавилонском царствѣ эфіопах, и голодѣ у аравлян.

Wünsch издал Громник по рукописи XV вѣка Cod. Ambros. E. 81 supl. miscel.[71] Этот Громник приближается к типу римскаго. В текстѣ предсказаній на октябрь мѣсяц особенно ясно замѣтно сліяніе предсказаній на каждый

[71] *Wünsch*, Zu Lydus. p. 416; язык Бронтологія указывает на его позднее происхожденіе.

день.[72] Слѣды этого процесса сліянія в дальнѣйшей части Бронтологія утрачиваются. Чистота типа исчезла. Гадают по различным признакам: без даты, с указаніем на конец мѣсяца; принимается в расчет зарожденіе и ущерб луны, фазы ея, также сторона свѣта с которой загремит, юг и сѣвер. Привлечены и иные способы гаданія: по паденію молніи; по лунѣ; уменьшенію свѣта луны, затменію, кругу, виду рогов луны, фазам ея; по солнцу: не видно его, не дает свѣта; по звѣздам — паденіе звѣзды днем, если она засверкает прежде, чѣм она упадет; по знамени на небѣ, дождю, засухѣ, тучам и землетрясенію. Т. е. собраны во едино многочисленные гадательные пріемы. Разсматриваемое сочиненіе представляет из себя сводную редакцію из Бронтологія, Сейсмологія и Лунника, типа приведеннаго у Лида.[73] Подобная пространная редакція часто встрѣчается в славянских Громниках.

Другой Бронтологій, изданный Ягичем, отличается краткостью.[74] Рукописи из которой списан Бронтологій не указаны. Перед ним помѣщен был особый Бронтологій, подобный напечатанному у Тихонравова, с перечисленіем дней мѣсяца и указаніем какому зодіаку какой день подчинен. Ничего подобнаго в древнѣйших сочиненіях, гдѣ каждому зодіаку соотвѣтствует цѣлый мѣсяц не встрѣчается. Этот способ гаданія находится, повидимому, в зависимости от таблиц с изображеніями додекаора, зодіака и деканов кругом. (Boll, l. c. p. 74-75). Пользуясь этой таблицей, дни мѣсяца или недѣли могут быть распредѣлены по отдѣльным знакам зодіака. Гаданіе производилось вѣроятно тѣм способом, что сначала по первому Бронтологію отыскивали день мѣсяца, когда была гроза, затѣм находили зодіак которому он подчинен, и читали соотвѣтственное предсказаніе. Такого рода двойных Бронтологіев много в переводной литературѣ. Они занесены в каталоги греческих рукописей.[75] В Бронтологіи Jagić'a система нѣсколько иная, так как гаданіе производится особым образом по первой грозѣ, бывшей в году послѣ восхожденія созвѣздія пса.[76] Как выше было

---

[72] Ibidem, p. 416. α̅ Ὀκτωβρίῳ, ἐὰν φωνὴ βροντῆς ἀκουσθῇ α̅ τοῦ μηνός, ἄνθρωπος μέγας ἀποθνήσκει. καὶ ἐὰν ἐν ξ̅ ἢ ζ̅ ἀκουσθῇ, ὁ ἀρχηγὸς τῆς χώρας τελευτήσει . . . καὶ ἐὰν μετὰ ιε̅ ἕως λ̅ ἀκουσθῇ, πᾶν καλὸν καὶ ἀγαθὸν ἔσται. *Wünsch* (p. 415) указывает, что такого типа громники очень распространены в поздне-греческих рукописях; обыкновенно автор не указан; в Paris. graec. 2286 f. 109 r. Бронтологій приписывается Зораастру.

[73] *Lambros*, Catalogue. t. I. p. 41. N° 511. XVI s. Ἀρχὴ σὺν Θεῷ τοῦ ἑτέρου βροντολογίου καὶ σεισμολογίου καὶ εἴ τι ἐν οὐρανῷ καὶ ἐν τῇ γῇ σημείᾳ μέλλωσι φαίνεσθαι. t. II. p. 62. N° 4335.

[74] *Jagić*, l. c. Starine X. p. 123 sq.

[75] *Lambros*, l. c. t. I. p. 291. N° 3250. XVII. s. 11 „Ἀρχὴν τὸν ζονδίω (= ζωδίων).“12 „Περὶ τῆς βροντῆς“, Ἀρχ. Ἐὰν Κριὸς βροντίσει οἱ ἀπὸ ἀνατολον. t. II. p. 59. N° 4327. XVI sc. Τὰ ζώδια ὁπώσαι ἡμέρε καθ' ἕκαστον τοῦ μηνὸς κυριεῦουσιν.“ Перетц, I. К исторіи Громника. p. 62. J. Σακελλίωνος, Κατάλογος τῶν χειρογράφων τῆς ἐθνικῆς βιβλιοθήκης τῆς Ἑλλάδος. Αθηνυ. 1892. N° 462. p. 91.

[76] *Jagić*, l. c. p. 123. Σημείωσις τῶν ἀποτελουμένων ἐκ τῆς πρώτης βροντῆς καθ' ἕκαστον ἔτος μετὰ τὴν τοῦ κυνὸς ἐπιτολήν; *Lambros*, Catalogue, t. II. p. 62. N° 4335. XVII s. Ἐκ τοῦ γεωργικοῦ; Содержаніе цѣлаго ряда статей находится в зависимости от восхожденія созвѣздія Пса. ξ'. “Σημιώσις τῶν ἀποτελουμένων ἐκ τῆς πρώτης βροντῆς καθ' ἑκαστον ἔτος μετὰ τοῦ κυνὸς ἐπὶ ἀνατολήν.“

сказано, по этому явленію гадали еще в глубокой древности. Громник имѣет только один признак — мѣстонахожденіе луны в зодіакѣ. Предсказанія отличаются краткостью; касаются погоды, хозяйственных и политических вопросов.

При столь недостаточном матеріалѣ трудно сдѣлать какіе либо общіе выводы. Все-же рѣшаюсь отмѣтить почти полное исчезновеніе тѣх типов Громников, с которыми мы встрѣтились у Лида. Если они и сохранились, то измѣненные почти до неузнаваемости. Римскій тип ложится в основу сводной редакціи, гдѣ от него остается только распредѣленіе по календарным мѣсяцам, а не по зодіаку. В славянских переводах гаданіе по зодіаку проникает и в него. Впрочем сохранился и другой, не такой сложный тип. Египетскій — солнечный по зодіаку, терпит еще больше видоизмѣненій. Он ставится в зависимость от особаго календаря, распредѣляющаго дни мѣсяца по зодіаку. Наконец, третій тип Громника-лунный по зодіаку, сохраняется в краткой редакціи, входящей иногда в сельско-хазяйственыя сочиненія. Так у Лида один из Громников этого типа, приписываемый Лабеону, носит спеціальный хозяйственный характер и лишен политических элементов. Впрочем изданный Jagić'ем Бронтологій содержит, как и восточный Громник этого типа, политическо-общественные элементы.

С средневѣковыми Лунниками дѣло обстоит еще хуже, т. к. насколько нам извѣстно, кромѣ приведеннаго Лидом, других не издано. Селиндроміев и разных сочиненій с подходящими именами в рукописях множество, но, как справедливо отмѣчает Перетц,[77] трудно отличить сочиненія чисто календарнаго характера от отреченных. Части Лунников перешли в сводную редакцію поздне-греческаго, затѣм и славянскаго Громника. Тоже должно сказать о гадательных статьях астрологических и Сейсмологіях, которые также до сих пор мало изучены.

Необходимо остановиться еще на одной гадательной книгѣ, не вошедшей в коллекцію Лида, хотя она ему была хорошо извѣстна. Так в сочиненіи о мѣсяцах Лид приводит подробное гаданіе о том, что произойдет, если первое января будет в день Солнца, Луны и т. д. Здѣсь имѣются уже на лицо всѣ предсказанія колядника: гибель архонтов и мятеж, неурожай и обиліе масла и вина, молва и погуба жен.[78] Единственное существенное измѣненіе произошло в наименованіи дней недѣли. В позднѣйших колядниках дни получили иное названіе — христіанское. Наряду с первым январем гадают также по Рождеству Христову и, наконец, по первому сентябрю.[79]

---

[77] *Перетц*, II. К исторіи Лунника. p. 40.

[78] *Lydi*, de mensibus. p. 75₃ ἐπειδὴ γὰρ οἱ φυσικοὶ τὴν μὲν πρώτην τῆς ἑβδομάδος ἡμέραν τῷ Ἡλίῳ ἀναγράφουσι, τὴν δὲ δευτέραν τῇ Σελήνῃ ... p. 75₇ εἰ μὲν συνέβη ἡμέρᾳ Ἡλίου συνδραμεῖν τὴν ἑορτὴν τῶν Καλενδῶν ἤγουν τὴν πρώτην τοῦ Ἰανουαρίου, πολέμους καὶ ἀρχόντων διαφορὰς καὶ τῶν ὑπηκόων δ' αὐτοὺς διχονοίας ἀνέμενον, τοὺς δὲ ξηροὺς καρποὺς ἀφθόνους καὶ φήμας παραδόξους ... p. 75₁₆ ὅταν δὲ Ἑρμοῦ, φθορὰν μὲν νηπίων καὶ νόσους ἐκ ῥύσεως γάστρὸς καὶ ταῖς μέσαις ἐν ἡλικίᾳ γυναιξὶ φθορὰν καὶ λιμὸν ἀπευκταῖον καθόλου ....

[79] Ibidem, p. 61₁ у римлян в отличіе от прочих народов 3 лѣтоисчисленія καὶ μὲν κατὰ τὸν Ἰανουάριόν, ὅταν ὁ ἥλιος ἐν αἰγόκερων παριὼν αὔξησιν ποιῆται τῆς ἡμέρας. πάτριος δὲ ἡ παρ' αὐτοῖς λεγομένη πρώτη τοῦ Μαρτίου μηνὸς, καθ' ἣν καὶ τὰ ὅπλα ἔτι καὶ νῦν Ῥωμαίοις ἔθος κινεῖν, ἡ δὲ πολιτικὴ ἢ μᾶλλον κυκλικὴ ἡ πρώτη τοῦ Σεπτεμβρίου μηνός ...

Греческій текст колядника на первое января и славянскій перевод его дает Jagić.[80] Цѣлый ряд иных славянских колядников сохранился в рукописях и напечатаны Jagić-ем, Тихонравовым, Яцимирским и другими.[81] В смыслѣ содержанія они незначительно варіируются и дают лишь дополнительный матеріал для нашей темы. Главный матеріал для славянскаго времени находим в Громниках и отчасти в Лунниках. Молніянники сравнительно рѣдки.

Перейдем к славянским переводным Громникам, которые сохранились в большом количествѣ в рукописях, начиная с XIV—XV в. Повидимому, они имѣли широкое распространеніе. Шафарик высказывает предположеніе о переводѣ их в болѣе раннее время, еще в царствованіе царя Симеона. Таких болѣе древних переводов пока не установлено.[82] Перечень главнѣйших извѣстных в напечатанном видѣ, так и хранящихся в рукописях, Громников дан акад. Пертцем. Его можно было бы нѣсколько добавить из описанія славянских рукописей, хранящихся в заграничных библіотеках. Матеріал русских рукописей нам менѣе доступен. В виду невозможности дать исчерпывающій список, ограничусь тѣм, что намѣчу посколько это возможно важнѣйшія редакціи Громников. Во всяком случаѣ, имѣющійся на лицо матеріал достаточно характеризует позднѣйшую исторію Громника, когда он оторвался от почвы и принял почти стереотипную форму.

Если у Лида нас больше всего интересует отраженіе политической дѣйствительности в гадательных книгах, то в позднѣйших сочиненіях нас занимают главным образом пережитки и приспособленіе стараго матеріала к условіям новаго времени. Эти измѣненія совершились, как в Ромейской имперіи позднѣйшаго времени, так и в славянских странах — Сербіи, Болгаріи и отчасти в Россіи. Первоначально на Руси ходили главным образом югославянскіе списки и копіи с них. Вопрос в данном случаѣ осложняется еще цѣлым рядом косвенных вліяній при посредствѣ еврейских и западных переводов. Хотя в основѣ их, как замѣчает Сперанскій, лежат тѣже греко-римскія вѣрованія, главной носительницей которых в средніе вѣка была Византія.[83]

Попытку классификаціи Громников в том видѣ, в каком они сохранились до послѣдняго времени дает Перетц. Он насчитывает шесть, редакцій: 1. простѣйшая—предсказанія о громѣ по четырем странам свѣта; 2. «Преданіе о громѣ Моисея Громовидца» — по мѣсяцам, предсказанія кратки; 3. медицинскаго хар-

---

[80] *V. Jagić*, l. c. p. 115. Из Paris. 2286. XIV s. „Τοῦ προφήτου Ἔσδρα Διάγνωσις περὶ τῶν ζ' ἡμερῶν." Ἡμέρα πρώτη τῆς ἑβδομάδος, ἤτοι κυριακῇ, ἐαν γένωνται κάλανδαι Ἰανούαρίων, ἔσται χειμὼν χρήσιμος, ἔαρ ὕγρον, θέρος ξηρὸν, μετόπωρον ἀνεμῶδες. καρποὶ χρήσιμοι, προβάτων δαψιλέα μέλι πολὺ τρυγετὸς καλὸς, νεωτέρων θάνατος. Почти тождественный Календологій напечатан у Du Cange, Glossarium med. et inf. graecitatis, καλανδολόγιον.

[81] Ibidem, p. 115—116; *Яцимирскій*, Мелкіе тексты и замѣтки. Изв. Акад. Н. т. II₂. 1897. p. 357; т. III₁. p. 152; *Тихонравов*, Памятники отреч. лит. p. 377 sq.

[82] Перетц, I. p. 31—32.

[83] *Перетц*, I. p. 43 sq.; *М. Сперанскій*, Из исторіи отреченных книг. I. Гаданіе по псалтири. Памятники древней письменности и искусства. CXXIX. 1899. p. 37.

актера, с соотвѣтствующими совѣтами, список XVIII вѣка; 4. Громник, осложненный добавленіями из Лунника и Сейсмологія; 5. «предсказанія по грому в связи с другими разнообразными явленіями природы, имѣющими прогностическое значеніе; 6. сводный из первых двух редакцій.[84] При этой классификаціи за признаки взяты пространность и степень осложненія текста. Только отчасти приняты во вниманіе формальные признаки. Она не вполнѣ удобна при опредѣленіе связи с греческими Бронтологіями, т. к. в послѣдних при всем их разнообразіи, перешедшем к славянам, всеже чувствуется группировка по основным формальным признакам. Необходимо также установить два типа Громника по содержанію их. Эти два вида проходят почти через всѣ группировки. Именно, тип Громника в котором преобладает или занимает главное мѣсто политическо-общественный элемент и Громник хозяйственный, гдѣ все сводится к предсказаніям метереологически-экономическаго характера. Конечно существует и переходная ступень, напр. при хозяйственной основѣ наличіе политических предсказаній.[85] Итак в извѣстных нам греческих Бронтологіях наблюдались три типа: первый по мѣсяцам, идущій от римскаго Громника; второй по зодіаку, от египетско-александрійскаго и, наконец, третій по положенію луны в зодіакѣ, т. е. тот, который мы условно назвали восточным.

К первой группѣ принадлежат Громники пятой редакціи Пертца, перешедшіе в своей сложной формѣ из Византіи.[86] Аналогичный Громник издан Wünsch'ем. Из славянских Громников этой группы укажем на изданный Пертцем (I. p. 129), по рукописи Румянцев. Музея N° 1735, XVI вѣка. Тот же Громник с нѣкоторыми видоизмѣненіями сохранился полностью в болѣе поздней переработкѣ в рукописѣ Музея Чешскаго N° 23 (серб. 11), Часословѣ, написанном около 1700 года.[87] Привожу для сравненія начало обох Громников.

Перетц, I. 60.

а сѐ громо́в'никь·
Сентꙗбрь·а҃ще сл҃нце помр҃кнетъ·
зрѝ ѐдѝ велѝкъ ц҃рь загѝбнѣ ѝ за ѐго
радѝ мнѝго зла҃ сътворѝ ѝ болѣ́зни ѝ съкѣт'ницы ѐго· ѝзневѣ́рѣтсѧ ѝ дрꙋ́гы ц҃рь
оу́бїе́тъ ѐго – а҃ще лоу́на помр҃кнетъ гн҃ь
велѝка҃· || до́бро бꙋ́дѣ· ѝ жѝто ѝ во́цїе мнѝго
ѝ колѝбици мнѝго изы́дꙋ иж зла҃ сътворꙋ́т·

Часослов. Чеш. Муз. N° 23 (= Serb. 11). л. 150.

а҃се ѝнь громовьнїкь м҃ць сектемврїн· а҃ще
слньце помркнеть и ѡ҃ного ради много
земла҃ на кастоце пометѣтьсе· ѝ болѣзни
забꙋ́дѣть· а҃ще ли м҃ць помркнеть то̀ господамь || добро бꙋ́дѣть жито ѝ ѡ҃вощїе л. 150 об.
мно̀го бꙋ́дѣть ѝ скакавице ѝзидꙋ́ть·

[84] *Перетц*, III. К исторіи Громника и Лунника. p. 128—130.
[85] К второму виду принадлежит Громник Лабеона и Громник I-ой редакціи Пертца.
[86] *Перетц*, III. p. 129.
[87] *А. И. Яцимирскій*, Описаніе рукоп. p. 629—630; *М. Сперанскій*, Рукописи Шафарика. p. 45—46.

К той же группѣ принадлежит и другой Громник из той же рукописи л. 127.

мц҃ь сектемѵри имать дни л҃·Дань имать ч҃ь в҃і, а нощь в҃і лѹна его свѣтить, к҃д҃· дни раждаѣтьсѧ вь први ч҃а днѣ·да аще мѕ бѹдеть лѹна права припаси мнозѣ бѹ҃ть, и вѣро бѹдеть·аще ли полого бѹдеть слѣта·аще възгрмить растѹщи лѹне изькѹ҃билїе·и зр҃авїе человекомь·аще ли на сконьчанїе лѹне вьзгрмить снегь бѹдеть·

Этот Громник представляет из себя варіант перваго Громника из рукоп. N° 1735 Рум. Муз. (Перетц, I. 42). Эта группа сводных Громников дает богатѣйшій матеріал для нашей темы. К тому же типу «по мѣсяцам» принадлежат и отдѣльные краткіе Громники, связанные с гаданіем по лунѣ, предсказывающіе по росту и ущербу луны и также по нахожденію ея направо или налѣво от гадающаго.[88] Наконец, встрѣчаем и среднюю по пространности группу, в которой предсказаніе по грому соединяется с землетрясеніем, напр. (Перетц, II. 123), из Часослова XV вѣка, Іерусалим, патріар. библіотеки, соотвѣтствующій 4 редакціи Пертца и также 2 — «Громникъ Моисея Громовидца».[89]

Второй тип Громника по зодіаку представляет меньше разнообразія в своих редакціях. Пока что можно только намѣтить двѣ группы: 1 двойных Громников-состоящих из двух частей. Из них первая распредѣляет в каждом мѣсяцѣ дни по зодіаку, а затѣм уже слѣдует предсказанія к отдѣльным знакам. 2. простой Громник, гдѣ указан знак зодіака. Иногда указывается соотвѣтсвующій ему мѣсяц. Отличіе от мѣсячнаго Громника становится чисто формальным. Характер предсказанія дѣлается у обѣих групп тождественным. Впрочем это вѣроятно случилось еще в поздне-византійской литературѣ.

Громники первой группы сохранились в значительном количествѣ, так что возможно установить отдѣльныя редакціи. Общая редакція замѣчается в пяти рукописях, хотя заглавія Громников в них различны. Эта редакція восходит к XIV вѣку и вѣроятно является дословным переводом с греческаго. В первой своей части о числах Громовника, онѣ одинаковы, хотя Громник Тихонравова и начинается с марта; встрѣчаются также описки.[90]

---

[88] *Рукоп.* N° 70 Музея Чешскаго. (Serb. 14) XV в. л. 179 появится в I приложеніи. Гаданіе по положенію луны справа или слѣва, как приложеніе к Громнику издано М. Сперанским, Рукописи Шафарика. p. 48 по рукописи N° 73 (Serb. 12) с варіантами из Ходошской (Serb. 14).

[89] Сюда же относятся изданные у Тихонравова, Памятники отреченной литературы т. II. p. 366. К пространной группѣ можно отнести болгарскій Громник XIV в., издан. Яцимирским, Мелкіе тексты и замѣтки по старин.-славянской и русской литер. IX. Изв. Росс. Ак. Наук. т. IV. 1899. p. 430 sq. ѿ громѣ лѣнемь сказанїе; Крѣговникь вьсѣмъ лѣтѹ; А. С. Архангельскій, К исторіи южнославянской и древнерусской апокрифической литературы. Изв. Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наук. т. IV. 1899. p. 137; Мирон, Южнорусскій громник. Кіевская Старина. 1892. март. т. XXXVI. p. 483.

[90] Новаковић издал только число зодіака за декабрь p. 613. adn. 1., но эта часть тождественна в сохранившейся в Ходошской рукописи; д҃і а҃, ѕ҃ (sic.) скорпїа л. 176 Ходошской рукописи.

Новаковић, р. 613.
Нар. библ. бр. 184.

Ѩште вь число ѡвне погрѣмить ѡть вьстока, тлѣнї скажеть и рати кажеть и пагоубоу, и ѡть стрѣва много вльци боудоуть·

№ 70 Праж. Муз.
(Serb.14). Ходошская. л.177 п.

Сказаѥ ѡ громовници· Ѩще въ чис[ло] ѡвне погрѣмї· ѿ въстока тлѣнїе кажѐ ї рати и пагѹба водѣ· и ѿ стрѣва мнóга вльци бѹ̑ть·

Архангельскій, р. 135.
Соф. Библ. № 80. XVI-XVII вв.

Ѩще вь число овне погрѣмить ѿ вьстока· плѣненіе кажеть· и рани и пагубу каржеть (sic)· и ѿ страва много· и вольци бѹдуть·

Тихонравов, II. т. р. 363.

Мр̃т· ч̃и ѡв'е· Ѩще въ числó ѡв'не пóгрьмить ѿ къстока тлн̃· ѡ стрьви м'нозй̃ вльцй̃ ѩвленїа· рáти и телѣсемь гр̃бе'л·

№ 23. Часослов Праж. Муз.
(Serb. 11) ок. 1700 г. л. 145 об.

Ѩще вь число ѿвне погрмить тѡ васемѕ плодѕ тленїе и скрбь· и влци сйти ѿ рáти·

Это одна из самых распространенных редакцій. Отрывки из этого Громника вошли в сводный Громник, изданный Пертцем.

К другой редакціи принадлежит Громник, изданный Ягичем, начинающійся мартом.[91]

Вторая группа; Громников, расположенных по зодіаку: простые. Иногда перед названіем зодіака стоит также мѣсяц, и сочиненіе озаглавлено Грóмнй̃· двнадесатй̃ м̃цомъ· събрано йракл'емь цр̃мь ѿ звѣздозаконїа. (Тихонравов, II t. p. 369). Иногда же наоборот особенно подчеркнуто значеніе зодіака. В другом болѣе позднем спискѣ вышеназваннаго Громника, употребляется выраженіе: Дв̃а ще възгремй̃. (Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Г. Кушелевым Безбородко. Вып. III. СПбг. 1862. p. 154.) Такое нелѣпое искаженіе смысла не есть выдумка славянскаго переводчика, а встрѣчается так же в поздне-греческих рукописях Ἐάν Κριὸς βροντίσει,[92] гдѣ это могло получится благодаря простой опискѣ Κριὸς = Κριῷ. Со временем эта безсмыслица прочно укоренилась. В спискѣ XV в. Іерусалим. патр. библіотики (Перетц, III. p. 109) встрѣчается еще иное выраженіе ѺΩкень царствоу̑. Вѣроятно такія выраженія пустили корни, благодаря всеобщераспространенной вѣрѣ о магическом вліяніи на людей зодіака.

Этими двумя типами, с их подраздѣленіями, исчерпывается пока что имѣющійся переводный с греческаго матеріал. Третій тип по прохожденію луны по зодіаку, повидимому, слился со вторым. Вѣроятно еще у греков существовал также особый краткій тип Громника первой редакціи Пертца, имѣющій свой опредѣленный признак. Гаданіе по сторонам свѣта извѣстно римским и этрусским жрецам.[93]

[91] *Jagić*, l. c. Starine X. p. 119.
[92] *Lambros*, Catalogue. t. I. p. 291.
[93] *Bouché-Leclercq*, Histoire de la divination. t. IV. p. 19 sq.; 208.

Греческій текст колядника на первое января и славянскій перевод его дает Jagić.[80] Цѣлый ряд иных славянских колядников сохранился в рукописях и напечатаны Jagić-ем, Тихонравовым, Яцимирским и другими.[81] В смыслѣ содержанія они незначительно варіируются и дают лишь дополнительный матеріал для нашей темы. Главный матеріал для славянскаго времени находим в Громниках и отчасти в Лунниках. Молніянники сравнительно рѣдки.

Перейдем к славянским переводным Громникам, которые сохранились в большом количествѣ в рукописях, начиная с XIV—XV в. Повидимому, они имѣли широкое распространеніе. Шафарик высказывает предположеніе о переводѣ их в болѣе раннее время, еще в царствованіе царя Симеона. Таких болѣе древних переводов пока не установлено.[82] Перечень главнѣйших извѣстных в напечатанном видѣ, так и хранящихся в рукописях, Громников дан акад. Пертцем. Его можно было бы нѣсколько добавить из описанія славянских рукописей, хранящихся в заграничных библіотеках. Матеріал русских рукописей нам менѣе доступен. В виду невозможности дать исчерпывающій список, ограничусь тѣм, что намѣчу посколько это возможно важнѣйшія редакціи Громников. Во всяком случаѣ, имѣющійся на лицо матеріал достаточно характеризует позднѣйшую исторію Громника, когда он оторвался от почвы и принял почти стереотипную форму.

Если у Лида нас больше всего интересует отраженіе политической дѣйствительности в гадательных книгах, то в позднѣйших сочиненіях нас занимают главным образом пережитки и приспособленіе стараго матеріала к условіям новаго времени. Эти измѣненія совершились, как в Ромейской имперіи позднѣйшаго времени, так и в славянских странах — Сербіи, Болгаріи и отчасти в Россіи. Первоначально на Руси ходили главным образом югославянскіе списки и копіи с них. Вопрос в данном случаѣ осложняется еще цѣлым рядом косвенных вліяній при посредствѣ еврейских и западных переводов. Хотя в основѣ их, как замѣчает Сперанскій, лежат тѣже греко-римскія вѣрованія, главной носительницей которых в средніе вѣка была Византія.[83]

Попытку классификаціи Громников в том видѣ, в каком они сохранились до послѣдняго времени дает Перетц. Он насчитывает шесть, редакцій: 1. простѣйшая—предсказанія о громѣ по четырем странам свѣта; 2. «Преданіе о громѣ Моисея Громовидца» — по мѣсяцам, предсказанія кратки; 3. медицинскаго хар-

---

[80] *V. Jagić*, l. c. p. 115. Из Paris. 2286. XIV s. „Τοῦ προφήτου Ἔσδρα Διάγνωσις περὶ τῶν ζ΄ ἡμερῶν.“ Ἡμέρα πρώτη τῆς ἑβδομάδος, ἤτοι κυριακῇ, ἐαν γένωνται κάλανδαι Ἰανούαρίων, ἔσται χειμὼν χρήσιμος, ἔαρ ὕγρον, θέρος ξηρὸν, μετόπωρον ἀνεμῶδες. καρποὶ χρήσιμοι, προβάτων δαψιλέα μέλι πολὺ τρυγετὸς καλὸς, νεωτέρων θάνατος. Почти тождественный Календологій напечатан у Du Cange, Glossarium med. et inf. graecitatis, καλανδολόγιον.

[81] Ibidem, p. 115—116; *Яцимирскій*, Мелкіе тексты и замѣтки. Изв. Акад. Н. т. II₂. 1897. p. 357; т. III₁. p. 152; *Тихонравов*, Памятники отреч. лит. p. 377 sq.

[82] Перетц, I. p. 31—32.

[83] *Перетц*, I. p. 43 sq.; *М. Сперанскій*, Из исторіи отреченных книг. I. Гаданіе по псалтири. Памятники древней письменности и искусства. CXXIX. 1899. p. 37.

актера, с соотвѣтствующими совѣтами, список XVIII вѣка; 4. Громник, осложненный добавленіями из Лунника и Сейсмологія; 5. «предсказанія по грому в связи с другими разнообразными явленіями природы, имѣющими прогностическое значеніе; 6. сводный из первых двух редакцій.[84] При этой классификаціи за признаки взяты пространность и степень осложненія текста. Только отчасти приняты во вниманіе формальные признаки. Она не вполнѣ удобна при опредѣленіе связи с греческими Бронтологіями, т. к. в послѣдних при всем их разнообразіи, перешедшем к славянам, всеже чувствуется группировка по основным формальным признакам. Необходимо также установить два типа Громника по содержанію их. Эти два вида проходят почти через всѣ группировки. Именно, тип Громника в котором преобладает или занимает главное мѣсто политическо-общественный элемент и Громник хозяйственный, гдѣ все сводится к предсказаніям метереологически-экономическаго характера. Конечно существует и переходная ступень, напр. при хозяйственной основѣ наличіе политических предсказаній.[85] Итак в извѣстных нам греческих Бронтологіях наблюдались три типа: первый по мѣсяцам, идущій от римскаго Громника; второй по зодіаку, от египетско-александрійскаго и, наконец, третій по положенію луны в зодіакѣ, т. е. тот, который мы условно назвали восточным.

К первой группѣ принадлежат Громники пятой редакціи Пертца, перешедшіе в своей сложной формѣ из Византіи.[86] Аналогичный Громник издан Wünsch'ем. Из славянских Громников этой группы укажем на изданный Пертцем (I. p. 129), по рукописи Румянцев. Музея N° 1735, XVI вѣка. Тот же Громник с нѣкоторыми видоизмѣненіями сохранился полностью в болѣе поздней переработкѣ в рукописѣ Музея Чешскаго N° 23 (серб. 11), Часословѣ, написанном около 1700 года.[87] Привожу для сравненія начало обох Громников.

Перетц, I. 60.

Â сѐ громо́в'никъ·
Сентꙗбрь·ащѐ сл҃нце помр҃кнетъ·
зрѝ ѣдѝ велѝкъ ц҃рь загѝбнѣ҃ и за ѣго̀
радѝ мнѝго зла̀ сътво́рѝ и болѣ́ри и съ-
вѣт'ници ѣго̀·ꙗзневѣ́рѣтсѧ и дрꙋ́гы ц҃рь
оу'бꙗ́тъ ѣго̀ ~ ащѐ лоу'на помр҃кнетъ гр҃ь
велѝкы҃·|| до́бро бꙋдѣ́·и жи҃то и во́щѣ мнѝго
и колѝбици мнѝго изы́дꙋ нж зла̀ сътвор҃м·

Часослов. Чеш. Муз. N° 23 (= Serb. 11). л. 150.

âсе ꙗнъ громовьнїкъ м҃цъ сектем҃рїи · ащѐ
слньце помркнетъ и ѡ҃ного ради много
землꙗ на вастоце пометѣтьсѧ · и болꙗри
забꙋдетъ · âщели м҃ецъ помркнетъ то̀ господа-
мъ || добро бꙋдетъ жито и ѡ҃вощїе л. 150 об.
мно̀го бꙋдетъ и скакавице ꙗзидꙋтъ·

[84] *Перетц*, III. К исторіи Громника и Лунника. p. 128—130.
[85] К второму виду принадлежит Громник Лабеона и Громник I-ой редакціи Пертца.
[86] *Перетц*, III. p. 129.
[87] *А. И. Яцимирскій*, Описаніе рукоп. p. 629—630; *М. Сперанскій*, Рукописи Шафарика. p. 45—46.

Совершенно невозможно установить связь для остальных гадательных книг нашего цикла с их византійскими образцами. Этот вопрос подлежит еще изученію; прежде всего требуется изданіе памятников. Пока что можно только отмѣтить, что Сейсмологіи за рѣдким исключеніем слились с Громниками.[94] Другой близкій по смыслу род гаданія по молніи тоже был отчасти воспринят Громниками, хотя и встрѣчаются отдѣльные Молніянники. Такого рода сочиненія издан Тихонравовым (t. II. p. 375) по рукописи XV вѣка. Паденіе молніи расположено по мѣсяцам, и предсказаніе зависит от дня, когда ударило. Из этого ясно, что этот Молніянник ничего не имѣет общаго с древним типом, сохранившимся у Лида.

Остается сказать еще нѣсколько слов о Лунниках. Этого рода сочиненіями изобиловала византійская и славянская литература, но так как на ряду с отреченными книгами между ними часто находились и безобидныя статьи календарнаго типа, то очень трудно опредѣлить имѣющіеся группы, в особенности в их соотношеніи с византійскими книгами. Все же отмѣтим, что, напр., сочиненіе о кругѣ луны и о прогнозѣ по нему, имѣлись в Византіи. Гораздо труднѣе сказать что либо об остальных. Акад. Перетц считает их перешедшими на Русь в XV вѣкѣ и дает им слѣдующую классификацію: 1. «о вліяніи луны на человѣка при рожденіи его»; 2. о свойствах человѣка, родившагося под знаком луны; 3. о вліяніи луны на погоду и 4. на растенія; 5. о значеніи луны в сочетаніи со знаками зодіака и другими планетами; 6. о добрых и злых днях, в зависимости от положенія луны и 7. о врачеваніи и кровопусканіи в разныя фазы луны.[95] Ясно что старый политическій Лунник прекратил свое существованіе, отчасти перейдя в Громники. По лунѣ гадают больше по житейским будничным вопросам. Все же в эти гаданія проникает и общественный интерес, в зависимости от среды в которой они возникли и распространялись. Такой средой для возникновенія и распространенія статей о добрых и злых днях, повидимому, было купечество и служилый класс.[96]

Мнѣ пришлось нѣсколько дольше, чѣм это первоначально предполагалось остановиться на источниках и их классификаціи. К этому принудило их сложность, требующая болѣе критическаго подхода, без котораго рисковано извлекать какія либо данныя для характеристики политических интересов, как образованнаго служилаго византійца VI вѣка, так и обывателя-грека или славянина позднѣйшей эпохи.

---

[94] *Сейсмологій*, как отдѣльное сочиненіе, сохранился у румын и вошел в печатный календарь. Перетц, I. p. 32.

[95] *Перетц*, II. p. 43.

[96] Ibidem, p. 61, 70, 71. Примѣры славянских текстов Лунников, кромѣ Пертца приводятся у Тихонравова. т. II. p. 388—398 и у Новаковић'а. p. 608—615.

L'ÉLÉMENT POLITIQUE ET SOCIAL DANS LES LIVRES DE MANTIQUE BYZANTINO-SLAVES.

(Résumé.)

Cet article n'est que le premier chapitre d'une étude sommaire et n'a pour but que de donner quelques éclaircissements sur les sources. Les sources principales sont: pour les premiers siècles de l'Empire Byzantin le livre »de ostentis« de Jean Lydos et pour les temps postérieurs quelques livres de mantique du cycle astrologique et de nombreuses traductions slaves.

Le livre »de ostentis« contient une collection complète de livres de mantique du cycle astrologique, telle que nous la retrouvons aussi chez les Slaves.

Beaucoup de ces livres ont passé chez les Byzantins de l'Empire Romain.

Ils contiennent des rites très anciens, chaldéens, égyptiens et étrusques, mais ont subi de fréquentes modifications chez les Romains et chez les Byzantins.

Parmi ces livres traitant la prognose suggérée par la lune, les astres, le tremblement de terre, les brontologes tiennent une place prépondérante. On peut en noter trois rédactions: la rédaction romaine (prognose journalière d'après les mois du calendrier, antérieurement lunaire); l'égyptienne-d'Alexandrie (position du soleil dans le zodiaque) et l'orientale (position de la lune dans le zodiaque).

Deux de ces rédactions, la romaine et l'égyptienne, ont survécu après avoir subi d'innombrables modifications. La troisième se retrouve encore dans les brontologes grecs d'une époque plus récente, mais elle paraît le plus souvent s'être fondue avec la deuxième.

Les deux types principaux de brontologes grecs de date postérieure, et des traductions slaves, sont le brontologe d'après les mois du calendrier et d'après le zodiaque. Chaque type peut être divisé en groupes et l'on parvient même parfois à fixer les rédactions d'un brontologe.

Les livres de mantique les plus intéressants pour notre thème sont les brontologes complexes, qui contiennent beaucoup d'éléments politiques et sociaux plus anciens.

Car si l'on peut parler du reflet de la vie politique du VIe siècle dans Jean Lydos, on ne peut guère constater dans les temps postérieurs que des réminiscences de l'ancien tableau. Cependant elles aussi sont fréquemment renouvelées et présentent quelque intérêt.

Les deux chapitres suivants seront consacrés l'un au tableau politique et social du VIe siècle, comme nous le trouvons chez Lydos, l'autre à l'élément politique qui a survécu dans les livres de mantique des Grecs d'une époque plus récente et dans ceux des Slaves.

D'autres de livres mantique, sur la lune, le kalandologion etc. nous fournissent aussi quelques renseignements utiles.

N. L. OKUNĚV:

ПОРТРЕТЫ КОРОЛЕЙ-КТИТОРОВЪ ВЪ СЕРБСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЖИВОПИСИ.

Въ византійской живописи портретныя изображенія во всѣ времена занимали довольно значительное мѣсто. Правда, эти портреты не были въ полномъ смыслѣ тѣмъ, что мы въ настоящее время подъ этимъ словомъ понимаемъ, но они давали все же изображенія *современниковъ*, стремящіяся передать наиболѣе характерныя, индивидуальныя особенности оригинала. Въ этомъ средневѣковые художники достигали нерѣдко высокаго мастерства. Достаточно вспомнить всѣмъ извѣстныя историческія картины, которыя украшаютъ алтарь храма св. Виталія въ Равеннѣ и заключаютъ въ себѣ портреты императора Юстиніана, императрицы Ѳеодоры и лицъ ихъ свиты.[1] Здѣсь все подчинено стилистической концепціи мастера — и постановка фигуръ, и ихъ расположеніе, и характеристика лицъ, но сквозь сѣть этихъ «пріемовъ» ясно выступаютъ черты реалистическія. Особенно это замѣтно въ портретѣ епископа Максиміана, изображеннаго рядомъ съ Юстиніаномъ. Общій складъ лица и форма носа у него такіе же, какъ у другихъ фигуръ, но болѣе узкое лицо, переходящій въ лысину лобъ, рѣдкая растительность на лицѣ, а, главное, цвѣтъ глазъ — сѣро-зеленыхъ — указываютъ на передачу особенностей натуры.

Такое сочетаніе могущественнаго «стиля» съ реализмомъ въ портретныхъ изображеніяхъ характерно для византійскаго искусства во всѣ періоды его исторіи. И, если въ эпоху XI—XII вѣковъ натурализмъ ранне-византійскаго времени въ бóльшей степени поглощается стилемъ, то въ XIII—XIV вѣкахъ онъ воскресаетъ вновь и достигаетъ особеннаго расцвѣта.

Портреты ктиторовъ на мозаикахъ базилики св. Димитрія въ Солуни (VIII в.) еще полны жизненныхъ чертъ,[2] такъ же, какъ и могучая фигура съ квадратной головой императора Василія II Болгаробойцы на миніатюрѣ венеціанской псалтири.[3] Другое мы видимъ, напримѣръ, на мозаикѣ Марторана въ Палермо (1143 г.),[4] гдѣ изображенъ король Рожеръ II, на котораго Христосъ возлагаетъ корону: голова короля не отмѣчена никакими реальными чертами и почти въ точности воспроизводитъ голову стоящаго рядомъ Христа — тотъ же рисунокъ носа, разрѣза глазъ, дугообразныхъ бровей, длинныхъ волосъ, пада-

---

[1] *A. Colasanti:* L'art byzantin en Italie. Milano, s. a. Pl. 18.

[2] *Ch. Diehl:* Les monuments chrétiens de Salonique. »Monuments de l'art byzantin«, IV. Paris, 1918. Pl. XXXII, XXXIII; *Ѳ. Успенскій:* О вновь открытыхъ мозаикахъ въ церкви св. Димитрія въ Солуни. «Извѣстія Рус. Археол. Института въ Константинополѣ», XIV, 1. София, 1909. Табл. VIII, IX и XV.

[3] *J. Ebersolt:* La miniature byzantine. Paris, 1921. Pl. XXIV.

[4] *A. Colasanti*, o. c., pl. 34.

ющихъ на плечи. На портретѣ же ктитора константинопольской церкви Хора (Кахріэ-Джами), Ѳеодора Метохита,[1] исполненномъ мозаикой въ началѣ XIV в., лицо вновь надѣлено характерными портретными особенностями — узкіе, сближенные глаза, длинныя прямыя брови, длинный тонкій носъ, кончикъ котораго опущенъ къ губамъ, длинная и широкая черная борода, на концѣ на особый ладъ подстриженная клиномъ.

Тѣ портреты историческихъ личностей, которые намъ извѣстны, сохранились только въ церковныхъ росписяхъ, на миніатюрахъ рукописей и на рельефахъ. Несомнѣнно, что существовали и станковые портреты, написанные красками на доскахъ, какъ иконы, древнѣйшія изъ которыхъ по существу представляли собой такого рода портреты.[2] Церковныя росписи сохранили изображенія такихъ поясныхъ иконъ-портретовъ, заключенныхъ въ четыреугольныя или круглыя рамы и повѣшенныхъ на стѣну.[3]

Портреты, помѣщавшіеся въ церковныхъ росписяхъ, изображали ктиторовъ храма, его основателей, обновителей или заказчиковъ росписи. Уже въ древнѣйшее время выработалась особая композиція, заключавшая въ себѣ эти портреты. Она помѣщалась обыкновенно въ алтарной апсидѣ и представляла Христа, къ которому святые — патроны церкви — подводятъ ктитора, подносящаго модель храма.[4] Съ теченіемъ времени эта композиція выходитъ изъ обихода, изображенія ктиторовъ помѣщаются въ иныхъ мѣстахъ храма и въ иномъ расположеніи.

Вновь появляется въ росписяхъ эта древняя композиція вмѣстѣ съ возрожденіемъ натуралистическаго портрета, что происходитъ уже въ первой половинѣ XIII столѣтія и чему рядъ примѣровъ мы находимъ въ стѣнописяхъ сербскихъ церквей. Почти въ каждой изъ нихъ изображены ктиторы-основатели или обновители храма, въ большинствѣ случаевъ короли сербской династіи Неманичей. Въ средневѣковой Сербіи болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другой странѣ, дѣло построенія церкви имѣло вотивный характеръ: основанный храмъ становился «задужбиной» — благочестиво-жертвеннымъ приношеніемъ Богу ради очищенія отъ грѣховъ и спасенія души.

Уже самъ основатель сербской династіи, великій жупанъ, Стефанъ Неманя, былъ изображенъ въ качествѣ ктитора, подносящего модель храма Христу въ росписи основанной имъ церкви Успенія Богородицы въ монастырѣ Сту-

---

[1] «Кахріэ-Джами», альбомъ къ XI тому «Извѣстій Рус. Археол. Института въ Константинополѣ». Мюнхенъ, 1906. Табл. LVII, LVIII.

[2] *Н. Кондаковъ:* Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ. СПетербургъ, 1902. 124—126, табл. XLVIII; *J. Strzygowski:* Zwei enkaustische Heiligenbilder vom Sinaï. »Byzantinische Denkmäler«, I. Wien, 1891. Taf. VIII.

[3] *Н. Окуневъ:* «Столпы св. Георгія». Развалины храма XII в. около Новаго Базара. »Seminarium Kondakovianum«, recueil d'études. I. Prague, 1927, 244, тбл. XXIII, 2, 3.

[4] Примѣры — въ церкви св. Виталія въ Равеннѣ (*A. Colasanti*, o. c., pl. 17), въ базиликѣ свв. Косьмы и Даміана въ Римѣ (*A. Michel*, Histoire de l'art. I, 1. Paris, 1905. Fig. 43), въ церкви св. Пракседы въ Римѣ (Ib., fig. 48) и т. д.

деницкомъ.[1] Къ сожалѣнію, эта роспись, исполненная въ самомъ концѣ XII вѣка или въ первые годы XIII-го, была въ этой своей части заново переписана въ XVII, вѣроятно, столѣтіи. Не смотря на это, композиція занимаетъ свое прежнее мѣсто въ росписи и иконографія ея осталась въ главныхъ чертахъ неизмѣнной. Она помѣщена въ западной части церкви, въ нижнемъ поясѣ южной стѣны. Слѣва изображенъ Христосъ, сидящій на престолѣ съ раскрытымъ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ. Къ нему справа подходитъ Богородица, которая за руку подводитъ Неманю несущаго въ лѣвой рукѣ модель.

Вполнѣ хорошо сохранившееся, нетронутое позднѣйшими реставраціями и послѣ студеницкаго древнѣйшее ктиторское изображеніе въ сербской живописи находится въ росписи церкви монастыря въ Милешевѣ, которая была основана королемъ Владиславомъ около 1236-го года. Композиція помѣщена въ западной части храма, въ нижнемъ поясѣ южной стѣны. Въ лѣвой ея части (Таб. I)[2] изображенъ Христосъ, сидящій на украшенномъ жемчугомъ престолѣ. Ноги его покоятся на красной круглой подушкѣ. Онъ смотритъ вправо и вытянутой вправо рукой благословляетъ. Лѣвой рукой онъ придерживаетъ на колѣняхъ раскрытое Евангеліе. Справа ко Христу подходитъ Богородица. Она слегка склоняетъ голову, правую руку держитъ раскрытой передъ собой, а лѣвой ведетъ за руку молодого основателя церкви, *короля Владислава.* Его изображеніе представляетъ собой замѣчательный портретъ современника исполненію росписи. Король представленъ молодымъ человѣкомъ съ розовымъ лицомъ и голубыми глазами. Рыжеватые волосы подстрижены въ скобку, на лицѣ короткіе усики и начинающая пробиваться бородка. На немъ бѣлая туника съ узкими рукавами, украшенная красными кругами съ краснымъ же орнаментомъ внутри. Сверху надѣтъ красный плащъ, застегнутый на правомъ плечѣ. Вдоль бортовъ, подола и ворота плаща нашита желтая кайма. Въ лѣвой рукѣ Владиславъ держитъ модель храма, обращеннаго алтаремъ ко Христу, а потому изображеннаго съ сѣверной стороны.

Какъ разъ во время постройки милешевскаго храма, дядя короля Владислава, святой Савва, глава и основатель сербской автокефальной церкви, на возвратномъ пути изъ Іерусалима умеръ въ Болгаріи, въ городѣ Тырновѣ. Тѣло его было торжественно погребено въ тырновской церкви 40 мучениковъ, а затѣмъ, черезъ годъ (6-го мая 1237 г.),[3] перевезено въ Сербію, въ только что законченный постройкой храмъ Милешевскаго монастыря. Какъ мѣсто упокоенія величайшаго сербскаго святителя, Милешево пріобрѣло особенное

[1] *П. Покрышкинъ:* Православная церковная архитектура XII—XVIII вв. въ нынѣшнемъ Сербскомъ королевствѣ. СПБургъ, 1906. 28, тбл. XIX; *В. Петковић:* Манастир Студеница. Београд, 1924. Рис. 45, 46.

[2] Всѣ снимки исполнены авторомъ и издаются здѣсь впервые, кромѣ фотографій изъ Псачи (Тбл. IX), исполненныхъ Д-ромъ А. Странскимъ, которому авторъ за предоставленіе ихъ для изданія выражаетъ здѣсь свою глубокую благодарность.

[3] *К. Јиречек*: Историја Срба. I. Београд, 1922. 224.

значеніе среди остальныхъ сербскихъ монастырей и стало называться также монастыремъ святого Саввы.[1]

Во время этихъ событій заканчивались работы надъ стѣнописью храма — расписывался, повидимому, притворъ — и на стѣнѣ его былъ помѣщенъ портретъ только что умершаго перваго сербскаго архіепископа (Таб. II).[2] Какъ портретъ, это изображеніе не менѣе замѣчательно, чѣмъ только что описанное изображеніе короля Владислава. Начиная съ конца XIII вѣка почти каждая сербская роспись заключаетъ въ себѣ изображеніе этого святого, но здѣсь мы имѣемъ древнѣйшее его изображеніе, исполненное непосредственно послѣ его смерти и передающее поэтому со всей правдоподобностью его реальныя черты, изображеніе не ставшее еще иконой, а заключающее въ себѣ всѣ особенности настоящаго портрета. Какъ видно на снимкѣ, Савва представленъ пожилымъ человѣкомъ съ длинными, опущенными книзу усами, широкой, окладистой бородой и темными съ просѣдью волосами, подстриженными въ скобку на уровнѣ шеи. На темени у него выбрита большая тонзура. Лицо характеризуется большимъ носомъ съ ясно подчеркнутой горбинкой и большими голубыми глазами, взглядъ которыхъ направленъ мимо зрителя вправо. Какъ неповторяемую и рѣдчайшую въ средневѣковомъ искусствѣ реалистическую черту нужно отмѣтить изображеніе на лицѣ морщинъ, бороздящихъ лобъ и расходящихся вѣеромъ отъ уголковъ глазъ. Святитель облаченъ въ бѣлыя крещатыя ризы, правой рукой онъ благославляетъ, въ лѣвой держитъ Евангеліе. Голова его окружена нимбомъ.

Рядомъ съ этимъ изображеніемъ св. Саввы, на боковой, сѣверной, стѣнѣ притвора помѣщены еще три портрета лицъ, принадлежащихъ къ королевскому дому (Таб. III). Всѣ они обращены въ одну сторону, вправо, къ св. Саввѣ, протягивая къ нему руки съ раскрытыми ладонями. Всѣ они одѣты совершенно одинаково и совершенно такъ же, какъ и Владиславъ на описанномъ выше портретѣ. На нихъ бѣлыя туники, украшенныя красными кругами и красные плащи, застегнутые на правомъ плечѣ. Первая, ближайшая къ св. Саввѣ, фигура въ этомъ групповомъ портретѣ представляетъ человѣка среднихъ лѣтъ съ темными, коротко подстриженными волосами и съ длинной, раздѣленной на два остроконечныхъ конца бородой. На головѣ у него діадема въ видѣ

---

[1] *В. Марковић*: Православно монаштво и манастири у средневековној Србији. Сремски Карловци, 1920. 80.

[2] Г. *В. Петковичъ* („Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор", књига VIII, Београд, 1928, 107) считаетъ, что этотъ портретъ св. Саввы былъ исполненъ при жизни святителя, на основаніи прочитанной имъ около изображенія надписи: «Сава кѵ̑носньи ѿцъ.» Эту надпись намъ прочитать уже не удалось и мы можемъ лишь констатировать фактъ существованія ея слѣдовъ. Эпитетъ «богоносный отецъ» намъ не кажется опредѣляющимъ то обстоятельство, что Савва находится въ живыхъ. Этимъ эпитетомъ православная церковь означаетъ святыхъ основоположниковъ ея установленій, къ которымъ, конечно, былъ сопричтенъ и св. Савва, но уже какъ святой, т. е. послѣ смерти. Ктиторъ съ моделью храма обращается къ нему именно, какъ къ святому, а отнюдь не какъ въ живыхъ еще находящемуся лицу.

узкаго обруча. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ длинный крестъ. Средняя фигура представляетъ человѣка значительно болѣе молодого съ короткими усами и съ короткой, курчавой бородой. Волосы у него подстрижены въ скобку и расчесаны надо лбомъ прямымъ проборомъ съ двумя начесами на лобъ. На головѣ такая же діадема, какъ и у перваго. На третьемъ портретѣ мы видимъ совсѣмъ молодого человѣка съ широкимъ, но довольно короткимъ лицомъ, съ короткими усиками, съ начинающей только расти бородой и съ такой же прической, какъ у предыдущаго. Правой рукой онъ придерживаетъ у груди модель милешевскаго храма. Обращенная алтаремъ къ востоку и къ св. Саввѣ, она изображаетъ храмъ съ южной стороны.

Всѣ три изображенія сильно испорчены тѣмъ, что у нихъ выколоты глаза. Нигдѣ не сохранились и надписи, и возникаетъ вопросъ, кого именно представляютъ эти три фигуры. Естественнѣе всего предположить, что крайняя фигура справа, первая въ процессіи, ближайшая къ св. Саввѣ и старшая по возрасту изображаетъ короля Стефана Первовѣнчаннаго, сына основателя династіи, Стефана Немани, и старшаго брата св. Саввы. Въ такомъ случаѣ, вторая фигура изображаетъ его старшаго сына, Радослава, который занималъ престолъ съ 1228-го по 1234 годъ, а затѣмъ уступилъ его своему младшему брату, Владиславу, второму сыну Первовѣнчаннаго. Владиславъ, такимъ образомъ, представленъ въ третьей фигурѣ и, какъ строителю храма, въ руки ему дана модель.

Роспись, слѣдовательно, заключала два портрета Владислава-ктитора. Въ одномъ случаѣ онъ изображенъ подносящимъ модель своего храма Христу, въ другомъ — св. Саввѣ, новому патрону храма. На обоихъ портретахъ онъ представленъ совершенно одинаково, хотя нѣкоторое различіе въ этихъ двухъ его изображеніяхъ можетъ быть отмѣчено. На второмъ портретѣ, напримѣръ, лицо сдѣлано нѣсколько шире и короче, а лобъ немного выше, чѣмъ на первомъ. Это различье могло произойти отъ того, что изображеніе дано въ другомъ поворотѣ, но правильнѣе предположить, что второй портретъ писанъ другимъ художникомъ.

При такой иденфикаціи этихъ трехъ портретовъ недоумѣніе могло бы вызвать лишь то обстоятельство, что Стефанъ Первовѣнчанный, хотя и изображенъ здѣсь пожилымъ человѣкомъ, все же представленъ много моложе своего младшего брата Саввы. Объясненіе этому можно найти въ томъ, что Савва пережилъ Стефана на восемь лѣтъ, и живописецъ, дѣлая портретъ ранѣе умершаго Стефана, копировалъ его изображеніе, сдѣланное много раньше, подчеркивая вмѣстѣ съ тѣмъ семейное сходство его съ сыновьями.

Рядомъ же съ портретомъ св. Саввы, но съ другой стороны, съ правой, было еще одно портретное изображеніе. Оно на половину уничтожено, такъ какъ при одной изъ позднихъ реставрацій храма была вырѣзана средняя часть этой стѣны притвора, и сохранилась только его лѣвая половина. Оно представляло монаха съ длинной сѣдой бородой, одѣтаго въ темно-синюю мантію съ капюшеномъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этомъ изображеніи мы должны ви-

дѣть портретъ отца св. Саввы и короля Стефана Первовѣнчаннаго, Стефана Немани, принявшаго незадолго до смерти монашество подъ именемъ Симеона и очень скоро признаннаго святымъ.

Роспись милешевскаго храма, такимъ образомъ, заключала портреты всѣхъ представителей династіи, занимавшихъ престолъ, начиная отъ ея основателя и кончая современнымъ исполненію живописи монархомъ, а также портретъ главы сербской церкви, святого Саввы. Черты лица послѣдняго, только что умершаго, были еще совсѣмъ свѣжи въ памяти современниковъ, а потому безъ труда могли быть воспроизведены съ достаточной точностью живописцемъ. Двое другихъ, короли Радославъ и Владиславъ, были въ это время въ живыхъ и ихъ лица, хотя они едва ли позировали художнику, были послѣднему хорошо извѣстны. Не являлся, вѣроятно, плодомъ фантазіи художника и портретъ Стефана Немани: мы упоминали уже о томъ, что въ Студеницкой церкви было изображеніе Немани, исполненное, возможно, при его жизни, и здѣсь была, несомнѣнно, копія этого изображенія. Написаннымъ по памяти могъ быть только портретъ Стефана Первовѣнчаннаго, но и для него навѣрно существовалъ оригиналъ. Этотъ оригиналъ находился либо въ той же церкви Студеницкаго монастыря, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится сдѣланное въ XVII вѣкѣ изображеніе св. Саввы, которое въ древней росписи не могло быть, такъ какъ въ то время Савва не былъ еще епископомъ, либо въ росписи церкви въ Жичѣ, которая была основана Саввой и въ которой былъ коронованъ Стефанъ. Послѣдняя роспись, къ сожалѣнію, въ древнѣйшей своей части изображеній ктиторовъ не сохранила. Въ болѣе поздней живописи, находящейся въ проходѣ подъ башней этой церкви, Стефанъ представленъ также съ длинной черной бородой.[1]

Изъ этого всего мы имѣемъ право заключить, что изображенія королей и св. Саввы въ милешевской росписи были настоящими реалистическими портретами. Это вполнѣ подтверждается тѣми данными, которыя могутъ быть наблюдены въ этихъ изображеніяхъ и на которыя было указано въ ихъ описаніи.

Ктиторскія изображенія въ милешевской росписи, какъ мы только что имѣли возможность въ этомъ убѣдиться, объединены въ двѣ композиціи. Одна изъ нихъ, представляющая древнѣйшій сохранившійся въ сербской живописи примѣръ основной ктиторской композиціи, помѣщена въ нижнемъ поясѣ южной стѣны въ западной части храма. Эта композиція состоитъ изъ двухъ иконографическихъ элементовъ — изъ изображенія Христова и изъ изображенія Богородицы, подводящей къ нему за руку ктитора. Если мы сравнимъ эту композицію съ ктиторскимъ изображеніемъ въ церкви Студеницкаго монастыря, то увидимъ, что послѣднее, хотя и исполнено въ XVII вѣкѣ, въ точности повторяетъ находившееся на томъ же мѣстѣ древнее изображеніе. Оно занимаетъ то же мѣсто на стѣнахъ храма и имѣетъ тотъ же иконографическій составъ.

[1] *В. Петковић:* Спасова црква у Жичи. Београд, 1912. Рис. на стр. 76.

Такого рода ктиторская композиція, надо думать, выработалась въ византійской живописи уже въ теченіе XII вѣка, когда для нея было установлено и опредѣленное мѣсто. Доказательствомъ этому служитъ ктиторское изображеніе, сохранившееся въ росписи церкви Спаса Нередицы въ окрестностяхъ Новгорода Великаго и исполненное въ 1199 году. Оно помѣщается также на южной стѣнѣ, въ западной ея части, въ глубинѣ небольшой плоской ниши. Слѣва изображенъ Христосъ, сидящій на тронѣ, обращенный вправо и благословляющій вытянутой правой рукой. Передъ нимъ стоитъ строитель церкви новгородскій князь Ярославъ Владимировичъ, который въ правой рукѣ держитъ модель храма. Князь одѣтъ въ бѣлую подпоясанную тунику и въ красный плащъ, расшитый бѣлыми двуглавыми орлами въ кругахъ и застегнутый на правомъ плечѣ круглой фибулой. Лѣвая рука его продѣта подъ полу плаща, который образуетъ, благодаря этому, спереди острый уголъ. На головѣ у него высокая шапка съ мѣховой опушкой и круглымъ голубымъ верхомъ.[1]

Говоря объ этомъ изображеніи князя Ярослава, Кондаковъ[2] указываетъ на то обстоятельство, что аркасоліи или плоскія ниши, подобныя той, въ которой помѣщено это изображеніе, устраивались въ греческихъ церквахъ X—XII вв. надъ могилами ктиторовъ церкви, которые погребались въ боковомъ нефѣ, всего чаще въ южномъ, или же въ нартексѣ. Изображеніе Стефана Немани въ Успенской церкви Студеницкаго монастыря находится въ глубинѣ такой же почти ниши, только значительно болѣе высокой и заключающей кромѣ ктиторской композиціи еще изображеніе Воскресенія Христова въ видѣ святыхъ женъ у Гроба, — прообразъ конечнаго воскресенія всѣхъ смертныхъ. Отличіе этой ниши отъ нередицкой состоитъ еще и въ томъ, что она не имѣетъ здѣсь особаго, спеціальнаго, не вызываемаго архитектурной структурой храма назначенія, какъ въ Нередицѣ, а возникла въ результатѣ тѣхъ общихъ строительныхъ пріемовъ, которые примѣнялись въ архитектурѣ цѣлаго ряда сербскихъ церквей XII—XIII вв. и которые, между прочимъ, состояли въ возведеніи сложныхъ пристѣнныхъ пилястровъ, объединяемыхъ между собою пристѣнными арками, и сообща съ этими арками образующихъ плоскія ниши. Если въ Нередицѣ устройство въ стѣнѣ ниши иначе, какъ погребальными мотивами объяснено быть не можетъ, въ Студеницѣ ниша имѣетъ самостоятельное значеніе, не связанное съ помѣщеніемъ у ея основанія гробницы. Однако несомнѣнно, что здѣсь, такъ же, какъ и въ Нередицѣ, подъ ктиторскимъ изображеніемъ находилась его гробница. Не случайно, поэтому, вверху было написано Воскресеніе Христово, что не было вызвано, какъ можно судить по сохранившимся фрагментамъ другихъ композицій, общимъ порядкомъ расположенія въ росписи сюжетовъ. То же самое мы находимъ и въ Милешевѣ. Здѣсь также надъ ктиторской композиціей написано Воскресеніе Христово и въ томъ же иконографическомъ переводѣ, здѣсь также внизу, у стѣны было

[1] *В. Мясоедов:* Фрески Спаса Нередицы. ЛГрадъ, 1925. Табл. LVI.

[2] *Н. Кондаковъ и И. Толстой.* Русскія древности. VI. СПБургъ, 1899, 143—145, рис. 185.

погребеніе, которое, надо полагать, заключало тѣло ктитора. До сихъ поръ въ обоихъ храмахъ въ этомъ мѣстѣ стоятъ каменные саркофаги, давно уже, однако, опустошенные.

Нередицкая ктиторская фреска представляетъ аналогію милешевской, а также и студеницкой, поскольку эта послѣдняя сохранила древнія особенности, не только тѣмъ, что всѣ онѣ занимаютъ одно и то же опредѣленное мѣсто на южной стѣнѣ храма, но главнымъ образомъ своими иконографическими чертами. И въ Нередицѣ, и въ Милешевѣ главныя фигуры — Христосъ и ктиторъ — представлены въ одинаковыхъ положеніяхъ и въ одинаковомъ расположеніи. Въ Нередицѣ только отсутствуетъ Богородица, что, между прочимъ, могло быть вызвано недостаткомъ мѣста, такъ какъ тамъ пространство стѣны въ нишѣ значительно меньше той площади, которую занимаетъ ктиторская композиція въ Милешевѣ, и весь фонъ между фигурами занятъ длиннѣйшей надписью. Какъ увидимъ дальше, и въ нѣкоторыхъ сербскихъ росписяхъ затѣмъ фигура Богородицы пропадаетъ, также вслѣдствіе недостатка мѣста. Кромѣ того, король Владиславъ одѣтъ совершенно такъ же, какъ и князь Ярославъ: такая же бѣлая нижняя туника, такой же красный плащъ, застегнутый на правомъ плечѣ и одинаково украшенный кругами. Эти круги только не заключаютъ еще внутри бѣлыхъ двуглавыхъ орловъ — они появятся въ Сербіи немного позднѣе и мы съ ними встрѣтимся при обозрѣніи другихъ росписей XIII-го вѣка. Совершенно одинаково, наконецъ, въ обоихъ случаяхъ лѣвая рука продѣта подъ нижній край лѣвой полы плаща, которая, благодаря этому, образуетъ спереди острый уголъ.

Все это вмѣстѣ взятое приводитъ насъ къ заключенію, что ктиторская композиція въ томъ видѣ, какъ мы ее наблюдаемъ въ XII вѣкѣ въ Россіи и въ XIII вѣкѣ въ Сербіи, воспроизводитъ одинъ общій болѣе древній образецъ. Этотъ образецъ, внѣ всякаго сомнѣнія, былъ византійскаго происхожденія. Греческое монументальное искусство X—XII его намъ, къ сожалѣнію, не сохранило.

Въ остальныхъ росписяхъ XIII-го вѣка въ Сербіи ктиторскія композиціи занимаютъ то же мѣсто въ росписяхъ храмовъ и имѣютъ тотъ же иконографическій составъ.

Такъ, въ замѣчательной росписи церкви въ Сопочанахъ, исполненной около 1265-го года по заказу короля Стефана Уроша I-го, младшаго сына Стефана Первовѣнчаннаго, занявшаго престолъ послѣ своего брата Владислава, ктиторская композиція находится также въ западной части храма, въ нижнемъ поясѣ южной стѣны. Благодаря большому количеству фигуръ и окну, которое разбиваетъ въ этомъ мѣстѣ поверхность южной стѣны, фигуры размѣщены нѣсколько иначе, чѣмъ въ Милешевѣ. Фигура Христа помѣщена на западной сторонѣ юго-западнаго пилястра. Онъ здѣсь также сидитъ на престолѣ, поставивъ ноги на красное подножьѣ, и держитъ раскрытое Евангеліе. Къ нему обращается съ молитвеннымъ жестомъ Богородица, изображенная рядомъ на южной стѣнѣ, слѣва отъ окна. Справа отъ окна, въ процессіо-

нальномъ порядкѣ изображены три фигуры, слѣдующія за Богородицей и ведущія другъ друга за руки. Двѣ первыя — старцы монахи, третья — король въ красной царской далматикѣ съ ломомъ. Король держитъ въ лѣвой рукѣ модель храма. За нимъ слѣдуетъ королева, помѣщенная уже на западной стѣнѣ, и королевичъ. Послѣдній одѣтъ въ бѣлую тунику, украшенную орнаментомъ въ видѣ опрокинутыхъ зеленыхъ трилистниковъ, и въ красную хламиду.

Эти портреты изображаютъ строителя храма, короля Стефана Уроша I-го, его жену, Елену, бывшую французскую принцессу, и ихъ старшаго сына, Стефана Драгутина. Королю предшествуютъ его умершіе дѣдъ и отецъ: Стефанъ Неманя, въ монашествѣ Симеонъ, и Стефанъ Первовѣнчанный, въ монашествѣ Симонъ.

Кромѣ этой основной композиціи, сопочанская роспись, подобно милешевской, заключаетъ и вторую ктиторскую композицію, помѣщенную также въ притворѣ. Здѣсь изображена Богородица съ Младенцемъ, сидящая на престолѣ, а передъ нею король Стефанъ Урошъ, его жена Елена и два ихъ сына, Драгутинъ и Милутинъ.

Ктиторская композиція въ росписи храма монастыря Градацъ, исполненной немного позднѣе сопочанской по заказу королевы Елены, супруги Уроша I-го, занимаетъ то же традиціонное мѣсто на южной стѣнѣ и состоитъ изъ слѣдующихъ изображеній: въ лѣвой ея части представленъ Христосъ на престолѣ, къ нему справа Богородица подводитъ монаха, который ведетъ за собою подъ руку короля, а послѣдній ведетъ за руку слѣдующую за нимъ королеву. Живопись такъ сильно пострадала, что теперь видны только контуры фигуръ и нѣкоторыя детали. Фигуры изображаютъ монаха Симона, т. е. умершаго короля Стефана Первовѣнчаннаго, короля Уроша I-го и королеву Елену.

Настоящую портретную галлерею заключаетъ въ себѣ роспись церкви въ Арильѣ, исполненная по заказу короля Стефана Драгутина въ самомъ концѣ XIII-го столѣтія. Серія королевскихъ портретовъ занимаетъ обычное мѣсто на южной стѣнѣ и также заключаетъ не только изображенія дѣйствительныхъ ктиторовъ, но и ихъ предковъ, образующихъ вмѣстѣ съ ними процессію, направляющуюся къ изображенію Христа. Это послѣднее помѣщено такъ же, какъ и въ Сопочанахъ, на западной сторонѣ юго-западнаго пилястра. Вслѣдствіе недостатка мѣста здѣсь опущена фигура Богородицы, которая, какъ мы видѣли выше, обычно подводитъ ко Христу ктиторовъ. Кромѣ того, послѣдніе раздѣлены на двѣ группы, по три человѣка въ каждой. Одна группа помѣщена на южной стѣнѣ храма, другая вынесена на южную стѣну притвора. Такое раздѣленіе было необходимымъ, такъ какъ внутри храма въ ближайшемъ простѣнкѣ западной стѣны не было мѣста для трехъ фигуръ и эти три фигуры пришлось помѣстить въ притворѣ. Этимъ въ то же время было достигнуто осуществленіе и еще одной идеи — три послѣднія фигуры, въ числѣ которыхъ находятся дѣйствительные заказчики росписи, направляясь въ молитвенныхъ

позахъ вмѣстѣ съ остальными ко Христу, вмѣстѣ съ тѣмъ оказываются обращенными и къ патрону церкви, св. Ахилію, изображеніе котораго помѣщено на восточной стѣнѣ притвора.

Впереди процессіи выступаетъ покойный дѣдъ обновителя храма, короля Драгутина, король Стефанъ Первовѣнчанный, въ монашествѣ Симонъ (Таб. IV). Лицо его, къ сожалѣнію, испорчено, видна только довольно длинная борода съ просѣдью. На немъ надѣта сѣро-голубая ряса, сѣро-зеленый куколь, концы котораго свѣшиваются на груди, и красный плащъ. По сторонамъ его головы читается надпись:

сѵ̃ти	стє
си	фаѣ
мѡ	кра
(н)ѣ	ѣ

За нимъ слѣдуетъ его сынъ, король Урошъ I-й, отецъ Драгутина, передъ смертью принявшій монашество съ именемъ Симеона (Симона). У него длинная совершенно сѣдая борода. Одѣтъ онъ въ темно-красную рясу и красно-коричневый плащъ. По сторонамъ головы надпись:

сѣѣ	ѕрошѣ
си	краѣ
мє	
шѣ	

Третья фигура этой группы изображаетъ монахиню, вдову Уроша I-го, королеву Елену, которая во время исполненія росписи была еще жива, т. к. извѣстно, что умерла она только въ 1314 г. Монашество она приняла около 1276 г. одновременно съ мужемъ, вынужденнымъ отказаться отъ престола въ пользу сына, Драгутина. То, что она была еще жива, когда расписывался храмъ, видно также изъ того, что надпись съ ея именемъ не заключаетъ эпитета «святая», который имѣютъ всѣ умершіе члены династіи. На ней темно-красныя одежды, а на головѣ сѣрая повязка. Надпись:

ѥ	вѣсє
лє	сръск
на	ѥѕєм
краи	лє:
ца	

Во второй группѣ, находящейся на стѣнѣ притвора, впереди изображенъ младшій изъ двухъ сыновей Уроша I-го, король Стефанъ Урошъ II-й, по прозванію Милутинъ, который, какъ извѣстно,[1] въ 1282 г. получилъ отъ своего

[1] *К. Јиречек:* о. с., I, 242—243.

старшаго брата, Драгутина, верховную власть въ государствѣ. Онъ одѣтъ въ византійскія царскія одежды — далматику и лоръ, расшитые жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. На головѣ у него низкая круглая корона съ пропендуліями. Надпись гласитъ:

стѣ	иѡморьски
фанькр	ѕрѡшьк
алькѕѣ	
срьски	
ѣѕмлѣ	

Вторымъ изображенъ дѣйствительный обновитель церкви, старшій сынъ Уроша I-го, король Стефанъ Драгутинъ. Онъ одѣтъ такъ же, какъ и Милутинъ, и держитъ въ рукахъ модель храма. У головы его надпись:

стєфань
кральиѡ
кѡктитѡрь

«Первымъ ктиторомъ» надпись называетъ Драгутина, повидимому, для того, чтобы указать, что онъ является главнымъ ктиторомъ, начавшимъ украшеніе церкви.[1]

Третья фигура изображаетъ жену Драгутина, Катерину, бывшую венгерскую принцессу. Ея имя также читается въ надписи:

·:· катєлн(а)
краиица

Въ этомъ ряду портретовъ опущены только менѣе значительные представители династіи, старшіе братья Уроша I-го, Радославъ и Владиславъ, занимавшіе престолъ лишь короткое время и вынужденные, вслѣдствіе неспособности къ управленію, добровольно отъ него отказаться. Нѣтъ въ немъ и портрета основателя династіи, Стефана Немани. Его изображеніе изъ за недостатка мѣста на южной стѣнѣ церкви перенесено на сѣверную сторону ея и помѣщено на западной сторонѣ сѣверо-западнаго пилястра. Неманя представленъ въ видѣ старца монаха, молитвенно обращеннаго вправо, т. е. ко Христу, который изображенъ на противоположномъ пилястрѣ и къ которому обращены всѣ ктиторы. Его изображеніемъ открывается здѣсь, на сѣверной сторонѣ храма, другая замѣчательная серія портретовъ, заключающая изображенія всѣхъ сербскихъ архіепископовъ, начиная со святого Саввы, и мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ. Этимъ его личность, какъ перваго и выдающагося дѣятеля

[1] *Покрышкинъ:* (о. с., 34—36, тбл. XXXIV) прочелъ «новый ктиторъ» и полагалъ, что Драгутинъ такъ названъ потому, что былъ только обновителемъ церкви.

въ сферѣ интересовъ сербской церкви, связывается съ возглавлявшими эту церковь іерархами.

Кромѣ того, роспись арильскаго храма заключаетъ портреты сыновей Драгутина и Катерины — Владислава и Урошица. Портреты эти находятся также въ притворѣ, въ сѣверномъ простѣнкѣ западной стѣны. Братья стоятъ рядомъ и обращены лицами къ зрителю (Таб. V). Слѣва стоитъ старшій, справа — младшій. Оба они юные, еще безусые и безбородые. У Владислава длинные волосы, падающіе за спину, у Урошица волосы курчавые, подстриженные на уровнѣ шеи. На головахъ у нихъ стеммы въ формѣ узкаго обруча, унизаннаго жемчугомъ и украшеннаго спереди торчащей вверхъ пластинкой со вставленнымъ въ нее драгоцѣннымъ камнемъ. Оба брата одѣты въ одинаковыя длинныя туники съ узкими рукавами. Туники эти бѣлаго цвѣта съ продольными полосами, попеременно синими и зелеными. На Урошицѣ виденъ узкій поясъ, которымъ туника подпоясана. У Владислава на правомъ рукавѣ, надъ локтемъ, желтая перевязь, расшитая жемчугомъ и цвѣтными камнями. Также расшиты и желтыя поручи. Подолъ туникъ также желтаго цвѣта и украшенъ краснымъ геометрическимъ рисункомъ. Поверхъ туникъ у обоихъ братьевъ надѣты красные плащи, застегнутые на груди фибулами — у Владислава фибула круглая, у Урошица въ формѣ ромба. На плащахъ нашиты желтые съ краснымъ рисункомъ оплечья и такіе же тавліоны. Оплечья, тавліоны и края плащей обшиты жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Плащи надѣты такъ, что оставляютъ правую руку свободной; лѣвая рука просунута подъ нижній край плаща, который въ этомъ мѣстѣ поднятъ до уровня пояса. Братья держатъ руки съ раскрытыми ладонями, подымая ихъ молитвенно по направленію ко Христу-Эммануилу, изображенному надъ ихъ головами въ сегментѣ неба. Христосъ благословляетъ обѣими руками. На фонѣ, въ пространствѣ между головами Владислава и Урошица можно разобрать остатки надписи:

∴ ѓьвла .... ѣ ѯрѡ
дслвѣ· .....
сиове крала стефана

Такимъ образомъ, первоначальная ктиторская композиція, трехфигурнаго состава, въ теченіе XIII-го вѣка развивается въ сербской живописи въ многофигурную и пріобрѣтаетъ процессіональный характеръ. Кромѣ того, иногда росписи, какъ мы видимъ на примѣрѣ Арилье, заключаютъ и отдѣльные портреты, въ данномъ случаѣ младшихъ представителей династіи. Въ XIV вѣкѣ основная ктиторская композиція теряетъ свое традиціонное мѣсто и измѣняетъ свой составъ.

Въ самомъ раннемъ памятникѣ этого столѣтія, въ росписи маленькой церкви Іоакима и Анны, основанной королемъ Милутиномъ, въ 1314-мъ году въ Студеницкомъ монастырѣ, композиція эта занимаетъ еще свое старое мѣсто на южной стѣнѣ, но составъ ея уже измѣненъ. Серія изображеній ограничена только пор-

третами дѣйствительныхъ строителей храма, предки же ихъ болѣе не изображаются. Въ лѣвой части стѣны представленъ Христосъ, стоящій съ раскрытымъ Евангеліемъ. Передъ нимъ справа изображены Іоакимъ, Анна съ маленькой Маріей на рукахъ, а далѣе основатель церкви, король Стефанъ Урошъ II-й Милутинъ и его жена Симонида (Таб. VI и VII).

Въ арильскомъ портретѣ Милутина, самомъ раннемъ изъ всѣхъ сохранившихся, онъ изображенъ съ густой черной бородой, не очень длинной. Въ Студеницѣ борода у него съ просѣдью и много длиннѣе. Характерной портретной чертой Милутина на всѣхъ его изображеніяхъ является особенная форма глазъ, которые очень сближены и имѣютъ косой разрѣзъ съ сильно опущенными наружными уголками. Эту черту можно отмѣтить уже на арильскомъ портретѣ; она существуетъ и на недавно открытомъ фрагментѣ его портрета въ церкви св. Петки въ Призренѣ, который былъ исполненъ въ 1307—8 гг., въ промежуткѣ между арильскимъ и студеницкимъ. Ее затѣмъ мы найдемъ и на позднѣйшихъ портретахъ, но всего лучше она можетъ быть наблюдена въ Студеницѣ, гдѣ изображеніе короля хорошо сохранилось. Здѣсь примѣненъ, кромѣ того, и тотъ выражающій натуралистическія стремленія художника пріемъ, который наблюдается въ портретахъ росписей XIII-го вѣка — вмѣсто обычнаго сѣро-зеленоватаго основного тона лицо имѣетъ красновато-розовый основной тонъ, чѣмъ подчеркивалось то обстоятельство, что зритель видитъ передъ собой изображеніе живого человѣка. Милутинъ одѣтъ въ императорскую далматику съ ломъ, а на головѣ у него надѣта куполообразная корона — митра, отъ которой свѣшиваются по сторонамъ лица пропендуліи. Вся одежда и корона расшиты жемчугомъ и цвѣтными камнями. Въ рукахъ онъ держитъ модель храма. У головы справа читается надпись:

·:· стефанъ оурошъ
помѫти бжиѥ
кр҃а · й самодрь
жць всѣхъ срьбь
скихъ земль й
поморьскйхъ ·

Лицо жены Милутина, королевы Симониды, сохранилось плохо. На ней надѣта тяжелая одежда въ формѣ колокола, безъ складокъ, совершенно покрывающая фигуру. Эта одежда сшита изъ темно-красной матеріи съ желтымъ рисункомъ, составляющимъ ромбовидныя поля, въ которыя вписаны стилизованные цвѣтки лиліи. Широкій воротъ, оплечья, края рукавовъ, подолъ и лоръ расшиты камнями. Рукава очень широки и разрѣзы ихъ спускаются до самой земли. На головѣ высокая, расширяющаяся кверху корона съ зубчатымъ верхомъ. Отъ нея спускаются на цѣпочкахъ по сторонамъ лица украшенія въ видѣ громадныхъ круглыхъ серегъ, закрывающихъ уши и состоящихъ изъ большого драгоцѣннаго камня, вставленнаго въ унизан-

ную жемчугомъ оправу. Въ правой рукѣ Симонида держитъ длинный золотой жезлъ, также богато украшенный камнями. Справа читается надпись:

·:· симонида
помл҃ти бжиѥ
й кралица · ко
мнини палє
ѡлогина҃ ·

Въ росписи церкви въ Старомъ-Нагоричинѣ, исполненной въ 1317 г., портреты Милутина и Симониды находятся на сѣверной стѣнѣ притвора. Они изображены въ фронтальномъ положеніи, вслѣдствіе переноса изображеній на противоположную стѣну, Милутинъ, какъ стоящій впереди, представленъ справа. Онъ одѣтъ въ императорскія одежды и въ лѣвой рукѣ держитъ модель храма и свернутый свитокъ. Модель онъ подноситъ св. Георгію, которому храмъ посвященъ. Справа изображенъ св. Георгій, который подаетъ королю мечъ въ ножнахъ. Живопись очень испорчена.[1]

Портреты Милутина и Симониды мы находимъ затѣмъ въ Грачаницѣ, на Коссовомъ полѣ, расписанной около 1320-го г. Здѣсь они помѣщены на склонахъ арки прохода изъ притвора въ центральную часть храма: король на южномъ склонѣ, королева на сѣверномъ.[2] Милутинъ здѣсь представленъ уже почти совсѣмъ сѣдымъ; очень длинная борода его на концѣ раздѣляется на двѣ узкія пряди; разрѣзъ глазъ менѣе скошенъ, чѣмъ въ Студеницѣ. Симонида изображена совершенно такъ же, какъ и въ Студеницѣ. Летящіе надъ ихъ головами ангелы вѣнчаютъ ихъ коронами. Надписи хорошо сохранились. У Милутина по сторонамъ головы написано:

·:· стєфанъ оугро	самодрьжьць
шь хо҃ѵ бо҃ѵ вѣ҃	всѣхъ срьпьс
рьнь мл҃тию	кихъ земль
бжи҃ю кра҃	и поморьскихъ
	и хтиторь ·

У Симониды надпись читается такъ:

·:· симони	дьци цр҃ьа
да кра	андроника
лица и па	палєѡлога ·
леологина	

[1] *G. Millet:* L'ancien art serbe. Les églises. Paris, 1919. Fig. 6; *Н. Окуњев:* Грађа за историју српске уметности. I. Црква св. Ђорђа у Старом Нагоричину. «Гласник Скопског Научног Друштва», V. Скопље, 1929. 119.

[2] *Н. Кондаковъ:* Македонія. Археолог. путешествіе. СПБургъ, 1909. 206—207, рис. 146, 147; *G. Millet,* о. с., выходная таблица.

Этому ряду при жизни исполненыхъ портретовъ Милутина[1] соотвѣтствуетъ такой же рядъ портретовъ короля, а затѣмъ, съ 1346 г., царя Стефана Душана (1331—1355).

---

[1] Посмертнымъ портретомъ Милутина считается его изображеніе, находящееся также въ Грачаницѣ — на восточной стѣнѣ притвора. Здѣсь изображенъ старецъ-монахъ съ длинной сѣдой бородой, раздвоенной на самомъ концѣ, въ схимническомъ куколѣ на головѣ и съ мученическимъ крестомъ въ правой рукѣ. Изъ надписи мы узнаемъ, что это «сѵ̃и стефанъ|оурошь .. сѵ̃а|го прьвовѣнча|наго кр̃а стефа|на вноукъ», т. е. Милутинъ. Рядомъ же изображена монахиня, королева Елена, жена Уроша I-го и мать Милутина. Представленный между ними Христосъ-Эммануилъ подаетъ обоимъ схимническіе куколи. Надпись не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что рѣчь идетъ о Милутинѣ, внукѣ Стефана Первовѣнчаннаго, но вызываетъ недоумѣніе то обстоятельство, что Милутинъ изображенъ монахомъ въ то время, какъ извѣстно, что онъ умеръ внезапно, не успѣвъ принять пострига. Какъ увидимъ ниже, въ подобномъ же случаѣ, въ Матѣйчѣ, Стефанъ Душанъ, въ росписи, исполненной уже послѣ его смерти, изображенъ въ царскихъ одеждахъ именно потому, что умеръ также не успѣвъ принять монашества. Г. Пера Поповичъ, первый высказавшій недоумѣніе по поводу изображенія Милутина въ Грачаницѣ монахомъ («Старинар», III серија, књ. 4. Београд, 1928. 113—114), такъ же, какъ и г. В. Петковичъ («Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», књ. VIII. Београд, 1928, 108), объясняющій этотъ фактъ тѣмъ, что Милутинъ будто бы былъ канонизованъ очень скоро послѣ смерти и что художникъ избралъ монашескую одежду для его посмертнаго изображенія какъ болѣе подходящую для святого, оба утверждаютъ при этомъ, что портретъ монаха поразительно похожъ на портретъ Милутина-ктитора въ той же росписи, описанный нами выше. Я позволю себѣ не согласиться съ этимъ. Если мы внимательно сравнимъ изображеніе монаха, изданное г. Пера Поповичемъ (о. с., таб. XXII), съ портретомъ Милутина, изданнымъ Millet (L'ancien art Serbe, выходная таблица), то окажется, что, хотя во взглядѣ у обоихъ и есть кое-что общаго (у монаха, однако, не столь скошены глаза), они рѣзко отличаются другъ отъ друга формой бороды. Мы же знаемъ изъ иконописныхъ подлинниковъ какое значеніе при ограниченныхъ средствахъ живописныхъ пріемовъ того времени имѣла форма бороды для передачи портретныхъ особенностей того или другого лица: формой бороды различались иконописные типы. Въ данномъ случаѣ, на всѣхъ портретахъ Милутина (студеницкомъ, старо-нагоричинскомъ и грачаницкомъ) борода не сѣдая, а только съ просѣдью, и написана она такъ, что не представляетъ собою компактной массы волосъ, а распадается на волоски, которые раздѣляются на отдѣльныя пряди и образуютъ (въ Грачаницѣ) почти отъ самаго подбородка два длинные и острые конца. У монаха же въ Грачаницѣ борода значительно длиннѣе, совершенно сѣдая, только на концѣ раздвоена на два закругленные конца, и волосы образуютъ въ ней одну компактную массу. При сравненіи съ портретами другихъ представителей династіи Неманичей, совершенно такую же бороду мы находимъ на посмертномъ портретѣ Уроша I-го — монаха Симеона — въ Арильѣ (см. нашу таб. IV), гдѣ онъ изображенъ рядомъ со своей женой Еленой. Мы считаемъ, поэтому, возможнымъ высказать предположеніе, что на грачаницкомъ портретѣ монахомъ изображенъ не Милутинъ, а его отецъ — Урошъ I, и мы, такимъ образомъ, должны видѣть здѣсь портреты умершихъ родителей строителя церкви, принявшихъ схиму. Этимъ бы объяснилась и передача Христомъ схимническихъ куколей и изображеніе креста въ рукахъ монаха, креста, который дается въ руки только мученикамъ. Мы знаемъ, что послѣдній, по крайней мѣрѣ, годъ жизни Уроша I не былъ вполнѣ мирнымъ — онъ велъ борьбу съ собственнымъ сыномъ, Драгутиномъ, и долженъ былъ бѣжать отъ преслѣдованій послѣдняго. Воспоминаніе объ этомъ легко могло превратиться въ представленіе о мученичествѣ стараго короля.

Наиболѣе ранній изъ этихъ портретовъ находится въ росписи наружнаго притвора церкви въ Сопочанахъ.[2] Въ южной части восточной стѣны этого притвора изображенъ Душанъ въ обычномъ византійскомъ царскомъ облаченіи съ длиннымъ крестомъ въ правой рукѣ и съ «акакіей» въ лѣвой. Онъ представленъ еще молодымъ человѣкомъ, лѣтъ 30-ти, съ небольшой курчавой бородой. Рядомъ съ нимъ справа стоитъ его жена, Елена, а между ними ихъ маленькій сынъ Урошъ, родившійся въ 1337 г., и изображенный здѣсь въ возрастѣ 10-ти или 11-ти лѣтъ. Надъ ихъ головами изображенъ въ небесахъ Христосъ-Эммануилъ, благословляющій обѣими руками. Возрастъ Уроша до извѣстной степени опредѣляетъ время исполненія портрета второй половиной сороковыхъ годовъ XIV-го вѣка.

Слѣдующимъ по времени исполненія былъ, повидимому, портретъ Душана и его семьи, сохранившійся въ росписи церкви св. Николая въ Люботенѣ.[3] Портреты помѣщены здѣсь на сѣверной стѣнѣ средней части храма. Душанъ изображенъ немного старше, чѣмъ въ Сопочанахъ, фигура у него плотнѣе и онъ значительно выше своей жены, которая представлена слѣва отъ него. Справа изображенъ молодой ихъ сынъ Урошъ. Онъ здѣсь значительно старше, чѣмъ въ Сопочанахъ; онъ одного роста съ матерью, въ то время, какъ въ Сопочанахъ онъ былъ ей только до пояса. Вырѣзанная въ камнѣ надпись надъ входомъ, датирующая церковь 1337-мъ годомъ, должна быть относима только къ ея построенію, такъ какъ и въ данномъ случаѣ возрастъ Уроша заставляетъ считать роспись исполненной лѣтъ на 12—13 позднѣе.

Опять въ юго-западномъ углу храма мы находимъ портреты въ росписи Дечанскаго монастыря. Замѣчательный храмъ этого монастыря былъ начатъ постройкой въ 1327 г. при отцѣ Душана, королѣ Стефанѣ Урошѣ III Дечанскомъ, а законченъ въ 1335 г. при Душанѣ, роспись же исполнялась въ теченіе 40-вых годовъ и была закончена въ 1348 г. На южной стѣнѣ представлены: Симеонъ Мироточивый (Стефанъ Неманя), св. Савва, Урошъ II Милутинъ, Стефанъ Дечанскій и Душанъ. На прилегающемъ къ южной стѣнѣ простѣнкѣ

Единственное вѣское свидѣтельство противъ такого предположенія есть надпись, называющая монаха Урошемъ и внукомъ Стефана Первовѣнчаннаго, т. е. Милутиномъ. Однако, по этому поводу, мы должны замѣтить, что многія надписи въ сербскихъ росписяхъ носятъ слѣды позднѣйшихъ поновленій и переписки. Такъ поновлена надпись съ датой о росписаніи церкви въ Старомъ-Нагоричинѣ, обведена заново надпись у портрета Іоанна Оливера въ Лесновѣ и такъ дальше. Въ Лесновѣ, при этомъ, обновитель не смогъ прочитать слово «севастократоръ», оставилъ его не переписаннымъ и это визвало предположеніе о томъ, что слово это было позднѣе стерто. Намъ кажется, что надпись у монаха въ Грачаницѣ была также поновлена, а если это такъ, то не возникло ли слово «вноукъ» въ результатѣ обновленія и не читалось ли тамъ первоначально «сѣнъ»?

[2] *Н. Окуневъ:* Составъ росписи храма въ Сопочанахъ. «Byzantinoslavica», I. Praha, 1929. 136, табл. 20.

[3] *В. Петковић:* Живопис цркве у Љуботену. «Гласник Скопског Научног Друштва». II, 1—2. Скопље, 1927. 114, рис. 3.

западной стѣны изображены — жена Душана, царица Елена, и два царевича. Одинъ изъ нихъ младшій, названъ въ надписи «оѳрошь кр҃а мла|дь» и является, слѣдовательно, сыномъ Душана и Елены. Онъ изображенъ въ царской далматикѣ съ ломромъ и въ коронѣ. Другой, юноша постарше, одѣтый въ расшитый двуглавыми орами плащъ, но безъ короны на головѣ, является, безъ сомнѣнія, младшимъ братомъ Душана отъ другой матери, Симеономъ.[1]

Второй разъ въ Дечанахъ царь Душанъ изображенъ въ притворѣ надъ порталомъ входа въ храмъ и подъ громаднымъ образомъ Христа-Пантократора. Онъ съ протянутыми руками молитвенно обращается ко Христу. У него полное лицо съ небольшими усами и короткой, курчавой, раздвоенной бородкой. Херувимъ протягиваетъ ему свернутый свитокъ. Рядомъ надпись:

стѣфань вь х҃ваѣкрь · и гр҃к
виски кр҃ль все сръскіе
змли пѡморскіе
и хтиторь
мстасѣстіго ·

Противъ Душана съ правой стороны изображенъ въ такой же позѣ Стефанъ Дечанскій. У него длинная, черная съ просѣдью, остроконечная и раздвоенная на концѣ борода. Надпись у него гласитъ:

сты кр҃а ѳрѡшь г҃ все
сръскіе земле и помрь
скіе и хтиторь мѣста сего
стго ·

Въ третій разъ Душанъ и его отецъ изображены вмѣстѣ съ остальными членами рода въ составѣ родословнаго древа Неманичей въ южномъ простѣнкѣ той же восточной стѣны притвора. Портретные черты ихъ здѣсь тѣ же.

Лучше всего сохранившійся и самый выразительный портретъ царя Душана находится въ росписи притвора церкви Лесновскаго монастыря, исполненной въ 1349 году. Онъ занимаетъ всю верхнюю часть сѣверной стѣны.[2] У царя очень крупная, плотная фигура, большая голова, полное лицо съ большимъ носомъ, большіе глаза, небольшая курчавая бородка и на головѣ длин-

[1] Г. В. Петковичъ («Прилози», кн. VIII, 109) видитъ въ изображеніи этого юноши портретъ невѣсты молодого Уроша, сестры Іоанна Палеолога, съ которой Урошъ былъ обрученъ въ 1343 г. Бракъ этотъ, какъ извѣстно, не состоялся, невѣста въ Сербію не пріѣзжала и обрученіе было вызвано лишь временными политическими комбинаціями. Не говоря уже о томъ, что здѣсь изображенъ юноша мужского пола, было бы странно видѣть тутъ изображеніе этой принцессы, которая, къ тому же, была бы представлена значительно старше своего жениха.

[2] *G. Millet*, o. c., fig. 15.

ные волосы. Онъ стоитъ на красной подушкѣ въ обычномъ царскомъ облаченіи между женой и сыномъ. Прекрасно сохранился только портретъ жены его, Елены. Портретъ сына, Уроша, находившійся справа отъ него, не сохранился.

Роспись храма въ Матейчѣ, исполненная во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ XIV в., заключаетъ уже посмертный портретъ Душана. Изображенія ктиторовъ занимаютъ здѣсь мѣста на южной стѣнѣ, но не въ западной ея части, а въ восточной, у самаго алтаря. Всѣ фигуры, какъ это обычно въ XIV вѣкѣ, имѣютъ фронтальное положеніе.[1] Слѣва изображена царица Елена, а рядомъ съ нею, справа, молодой царь Урошъ, ея сынъ. Оба они держатъ между собой модель церкви. Лицо Елены очень испорчено. Изъ подъ высокой короны спускается на ея плечи бѣлая повязка, признакъ ея вдовьяго состоянія. Лицо Уроша сохранилось лучше. Очень юное, оно имѣетъ правильную овальную форму, съ длиннымъ носомъ и маленькимъ ртомъ. У Душана, изображеннаго справа, такая же крупная фигура съ большой головой, какъ и на предыдущихъ портретахъ. Лицо такое же полное, съ длиннымъ носомъ, небольшими усами и бородой. Онъ представленъ въ царскихъ, а не въ монашескихъ одеждахъ, потому что умеръ внезапно, не успѣвъ принять передъ смертью монашества.

Еще одинъ, болѣе поздній портретъ царя Уроша сохранила, повидимому, роспись церкви св. Николая въ селѣ Псача, основанной однимъ изъ сербскихъ вельможъ того времени, севастократоромъ Влаткомъ.[2] Въ западной части сѣверной стѣны этой церкви, рядомъ съ изображеніемъ святыхъ Константина и Елены представлены двѣ фигуры въ царскихъ одеждахъ (Таб. IX, 2). Одна изъ нихъ изображаетъ человѣка среднихъ лѣтъ съ длинными, падающими на плечи волосами и съ длинной, раздѣленной на два острые конца бородой. На немъ обычныя царскія одежды, а на головѣ круглая корона-митра. Въ правой рукѣ онъ держитъ длинный восьмиконечный крестъ, украшенный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, а въ лѣвой свернутый свитокъ. Другая фигура представляетъ старика съ длиннымъ и худымъ лицомъ, съ длинными сѣдыми волосами и съ сѣдой раздвоенной бородой. Ростомъ онъ значительно ниже предыдущаго. Одѣтъ совершенно такъ же, какъ и первый, и держитъ въ рукахъ тѣ же атрибуты. Надписи очень испорчены и не поддаются расшифрованію. По всему вѣроятію первая фигура представляетъ царя Уроша, а вторая короля Вукашина, который сталъ именоваться этимъ титуломъ начиная съ 1366 г. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что оба они, и Урошъ, и Вукашинъ, умерли въ 1371 г., надо притти къ заключенію, что данные ихъ портреты были сдѣланы въ періодъ времени между 1366 и 1371 гг., т. е., когда Урошъ былъ въ возрастѣ отъ 29-ти до 35-ти лѣтъ. Если считать, что черты лица послѣдняго переданы живописцемъ правильно, то это должно было случиться скорѣе

[1] Ib., fig. 14; *Н. Кондаковъ*, Македонія, рис. 141; *Н. Окуневъ*, Сербскія средневѣковыя стѣнописи. »Slavia«, II, 2/3. Praha, 1923. Рис. 4.

[2] *К. Јиречек*, о. с., I, 325; IV, 109–110.

въ концѣ указаннаго періода, чѣмъ въ началѣ, настолько Урошъ выглядитъ на портретѣ пожилымъ.

Кромѣ этихъ портретовъ роспись церкви въ Псачѣ заключаетъ еще замѣчательный групповой портретъ семьи основателя храма, севастократора Влатка. Онъ помѣщается въ западной части южной стѣны и состоитъ изъ семи фигуръ (Таблица IX, 1). Крайняя фигура слѣва (на рисункѣ не видна, такъ какъ закрыта столбомъ) представляетъ женщину, на головѣ у которой надѣто бѣлое покрывало, въ формѣ косынки, тѣсно прилегающей къ головѣ и совершенно закрывающей волосы. Концы этого покрывала падаютъ съ обѣихъ сторонъ на плечи. Костюмъ женщины состоитъ изъ тѣсно прилегающаго къ тѣлу краснаго кафтана безъ рукавовъ и съ большимъ вырѣзомъ для ворота. Нижняя одежда, длинные и узкіе рукава которой видны, бѣлаго цвѣта въ косую клѣтку со вписанной въ каждую клѣтку лиліей. Рядомъ съ нею, справа, стоитъ маленькій мальчикъ, ростомъ ей до пояса, которому она положила правую руку на голову. Слѣдующая фигура направо — старикъ съ длинными сѣдыми волосами на головѣ, раздѣленными прямымъ проборомъ и падающими ему на плечи волнистыми прядями. Длинные усы спускаются внизъ по сторонамъ рта, а борода отъ подбородка раздѣляется на два узкіе и острые конца. На немъ длинный и узкій красный кафтанъ, застегнутый посерединѣ жемчужными пуговицами. Золотой каймой, украшенной жемчугомъ, обшитъ круглый воротъ, поручи и продольный разрѣзъ кафтана спереди. Кафтанъ подпоясанъ чернымъ съ золотыми поперечными полосками ремнемъ, застегнутымъ спереди золотой пряжкой. Длинные концы этого пояса на лѣвомъ боку продернуты подъ петлю и спадаютъ внизъ. У праваго боку за поясъ заткнутъ бѣлый платочекъ. Старикъ правую руку держитъ раскрытой у груди, а лѣвой поддерживаетъ модель церкви. Съ другой стороны эту же модель поддерживаетъ правой рукой человѣкъ среднихъ лѣтъ, плотнаго сложенія и нѣсколько выше старца. Густые темные волосы его подстрижены на уровнѣ шеи. Довольно широкая борода раздвоена отъ самаго подбородка. У него небольшіе, близко поставленные другъ къ другу глаза со слегка косящимъ внутрь взглядомъ. На немъ темно-красный кафтанъ такого же покроя, что и у старика. Золотая кайма на воротѣ немного шире и, кромѣ разрѣза и поручей, она нашита еще по сторонамъ груди, отъ воротника до пояса. На лѣвомъ рукавѣ — такая же золотая поперечная перевязь. Поясъ такой же, какъ у предыдущаго, такъ же застегнутъ и за него заткнутъ слѣва бѣлый платокъ съ красной вышивкой. Лѣвую, свободную руку онъ держитъ у груди.

Модель церкви, которую держатъ ктиторы, обращена къ зрителю сѣвернымъ и западнымъ фасадами. У нея два купола, одинъ надъ средней частью храма, другой надъ притворомъ, двойное окно въ сѣверной стѣнѣ, а въ тимпанчикѣ надъ входомъ погрудное изображеніе св. Николая. Надъ моделью, на фонѣ изображена икона св. Николая, патрона церкви, которому ктиторы подносятъ модель. Она написана въ коричневыхъ иконописныхъ тонахъ и имѣетъ выпуклый бортъ. Св. Николай изображенъ по поясъ въ темной фелони съ

бѣлымъ крещатымъ омофоромъ и съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ, которое онъ придерживаетъ и правой.

Слѣдующая фигура направо представляетъ высокую молодую женщину въ коронѣ, расширяющейся кверху. На корону накинуто сверху бѣлое покрывало, падающее прямыми складками за спину. Изъ подъ короны на лобъ женщины выбиваются мелкіе завитки черныхъ курчавыхъ волосъ, которые сзади спускаются за спину, обрамляя голову. Длинный тонкій носъ, маленькіе глаза подъ тонкими черными дугообразными бровями и маленькій ротъ характеризуютъ лицо. Отъ ушей спускаются длинныя серьги, состоящія изъ одного большого цвѣтного камня въ оправѣ, украшенной жемчугомъ. Костюмъ состоитъ изъ нижней бѣлой одежды съ узкими рукавами, совершенно такой же, какъ и у первой женщины, и изъ краснаго безрукавнаго кафтана, довольно высоко подпоясаннаго широкимъ золотымъ поясомъ, нашитымъ на кафтанъ. Нижняя часть кафтана отъ пояса сшита въ сборку и вдоль каждой сборки нашиты желтыя полосы, украшенныя жемчугомъ. Круглый воротъ, короткій разрѣзъ спереди и вырѣзы для рукъ обшиты золотой каймой. За лѣвой рукой виденъ сзади висящій узкій пристежной рукавъ кафтана. Женщина лѣвую руку держитъ у груди, а кончиками пальцевъ правой касается головки стоящаго у ея ногъ ребенка, ростомъ достигающаго до высоты ея колѣнъ. Послѣдняя фигура представляетъ высокаго юношу съ коротко подстриженными волосами, зачесанными спереди на лобъ. У него такой же, какъ у предыдущихъ, кафтанъ зеленаго цвѣта съ золотой обшивкой. Кожанный поясъ украшенъ кромѣ поперечныхъ золотыхъ бляшекъ поперемѣнно и круглыми. За поясъ у праваго бока заткнутъ бѣлый платочекъ съ красной вышивкой. Правую руку юноша держитъ у груди, а лѣвой взялся за ремень пояса.

Опредѣлить личности описанныхъ фигуръ помогаютъ обрывки надписей, сохранившихся у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Рядомъ со средовѣкомъ читалась надпись «севастократор все српске земле Влатко»,[1] отъ которой въ настоящее время можно разобрать только остатки: «севаст...|..вєср... ..мле...». У головы женщины въ коронѣ читается надпись:

севастократорина
кѧдслва

Она, слѣдовательно, изображаетъ Владиславу, жену Влатка. Старикъ и женщина рядомъ съ нимъ, вѣроятно, являются родителями Влатка, а юноша справа его младшимъ братомъ. Извѣстно, что сынъ Влатка Углеша былъ послѣднимъ сербскимъ кесаремъ и получилъ этотъ титулъ, будучи маленькимъ мальчикомъ отъ царя Уроша при его жизни.[2] Онъ изображенъ, повидимому, въ видѣ старшаго изъ двухъ мальчиковъ, помѣщенныхъ на портретѣ.

Если мы въ теченіе XIV вѣка и позднѣе не встрѣчаемъ болѣе ктиторскихъ

[1] *К. Јиречек*, о. с., IV, 109.
[2] Ib., III., 30.

композицій процессіональнаго характера, какъ въ XIII вѣкѣ, обычай помѣщать портреты ктиторовъ въ церковной росписи не исчезаетъ до конца существованія сербской независимости. Такъ, въ Раваницѣ, расписанной въ 1381 г., портреты строителя церкви князя Лазаря и его жены, Милицы, помѣщены на западной стѣнѣ. Они держатъ между собой модель храма. Внизу между ними изображены ихъ два маленькихъ сына, Стефанъ и Вукъ. Живопись очень испорчена.[1] Въ Любостыньѣ, храмъ которой основанъ княгиней Милицей послѣ смерти Лазаря, т. е. послѣ 1389 г., портреты занимаютъ западную стѣну притвора. Изображены въ сѣверной части — Лазарь и Милица, въ южной — Стефанъ Деспотъ и Вукъ. Лучше всего сохранилось изображеніе Лазаря — у него густые черные волосы, подстриженные на уровнѣ шеи, и борода, раздѣленная на два острыхъ конца.

Въ Каленичѣ рядъ портретовъ находился на сѣверной стѣнѣ притвора. Голова уцѣлѣла только у деспота Стефана Лазевича. Онъ представленъ молодымъ человѣкомъ съ недлинной, но довольно широкой бородкой. У него округлое лицо съ небольшимъ тонкимъ носомъ.[2] Болѣе пожилымъ изображаетъ Стефана его портретъ, написанный на западной стѣнѣ церкви въ Манассіи, законченной постройкой около 1418 г.[3] Здѣсь у него значительно гуще волосы, подстриженные на уровнѣ ушей, а борода длиннѣе. Лицо кажется болѣе худымъ. На немъ красная далматика съ узкими рукавами, вышитая золотыми двуглавыми орлами въ кругахъ и орнаментомъ въ промежуткахъ. На плечи накинутъ плащъ, сшитый изъ такой же матеріи на сѣро-голубой подкладкѣ съ золотымъ и краснымъ ромбовиднымъ орнаментомъ. Маленькая фигурка Христа возлагаетъ на него высокую, расширяющуюся кверху корону, а два ангелочка подаютъ ему мечъ и копье. Въ правой рукѣ онъ держитъ длинный крестъ, а лѣвой подноситъ модель храма изображенію святой Троицы.

Мѣсто, которое занимаетъ ктиторская композиція на стѣнахъ церкви, находится въ связи съ тѣмъ, служила ли данная церковь усыпальницей ктитору или нѣтъ. Всѣ тѣ храмы XIII-го вѣка, о которыхъ выше была рѣчь, были предназначены быть мѣстомъ послѣдняго упокоенія ихъ основателей, которые затѣмъ фактически въ нихъ были погребаемы, какъ обычно, въ юго-западномъ углу внутренней части храма, у ногъ ихъ собственнаго изображенія. Только Стефанъ Драгутинъ не былъ погребенъ въ Арильѣ, какъ это, повидимому, предполагалось, и чему причиной были тяжелыя обстоятельства его борьбы съ братомъ Милутиномъ. Его гробница находится въ маленькой часовнѣ рядомъ съ храмомъ св. Георгія близь Новаго Базара. На южной и западной стѣнахъ этой часовни, построенной между 1314 г., годомъ смерти королевы Елены, жены Уроша I, и 1316 г., годомъ смерти Драгутина, написанъ рядъ

[1] *В. Петковић*: Манастир Раваница. Београд. 1922. Рис. 19.

[2] *В. Петковић Ж.* и *Татић*, Манастир Каленић. »Српски споменици«, IV, Београд, 1926. Рис. 41.

[3] *G. Millet* o. c., fig. 22; *С. Станојевић, Л. Мирковић и Ђ. Бошковић:* Манастир Манасија. Београд, 1928. Табл. XX.

портретовъ представителей династіи Неманичей, съ двухъ сторонъ направляющихся ко Христу. Изображеніе Христа помѣщено въ углу и къ нему слѣва подходятъ умершіе — Стефанъ Неманя, Стефанъ Первовѣнчанный, Урошъ I и королева Елена, а справа живые — Стефанъ Драгутинъ, одинъ изъ его сыновей, его жена, Катерина, и Стефанъ Милутинъ. Это, повидимому, послѣдняя сохранившаяся композиція процессіональнаго характера въ сербской живописи.

Усыпальницей короля Милутина долженъ былъ служить храмъ св. Стефана въ Баньской, гдѣ онъ первоначально и былъ погребенъ. Храмъ этотъ полуразрушенъ и не сохранилъ своей росписи. Король Стефанъ Дечанскій былъ похороненъ въ Дечанахъ и его гробница находится въ традиціонномъ мѣстѣ храма, т. е. въ юго-западной части его. Въ связи съ этимъ и портреты, какъ мы видѣли выше, помѣщены на южной и на западной стѣнѣ. Царь Стефанъ Душанъ былъ погребенъ въ церкви монастыря святыхъ Архангеловъ, въ окрестности Призрена. Какъ показали недавнія раскопки, могила его находилась у южной стѣны, въ западной ея части.[1] Роспись храма не сохранилась, что же касается найденныхъ у гробницы фрагментовъ мраморнаго рельефа, находившагося въ стѣнѣ надъ гробницей и будто бы изображавшаго царя Душана, то обломки эти слишкомъ незначительны, чтобы можно было утверждать это съ полной достовѣрностью, хотя остатокъ головы довольно характеренъ въ смыслѣ реалистической передачи портретныхъ чертъ — полное лицо съ окладистой бородой, большіе глаза, длинные волосы, спереди падающіе на лобъ отдѣльными, какъ бы завитыми кудрями, изборожденный морщинами лобъ.[2]

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ и вытекаетъ наше заключеніе, что основная ктиторская композиція, состоящая изъ портретовъ всѣхъ главныхъ представителей королевскаго рода, образующихъ процессію и направляющихся къ изображенію Христа, входила въ составъ росписей только тѣхъ храмовъ, въ которыхъ должна была находится могила ктитора. Она помѣщалась тамъ же, гдѣ и могила, т. е. въ юго-западномъ углу церкви. Въ остальныхъ случаяхъ (Грачаница, Старо-Нагоричино, Матейчъ, Лесново, Люботенъ и т. д.) портреты королей не были связаны съ опредѣленнымъ мѣстомъ на стѣнахъ церкви, безъ отношенія къ тому были ли короли ктиторами или нѣтъ. По примѣру королей и представители выдающихся владѣтельныхъ родовъ также строили церкви, которыя должны были служить имъ усыпальницами. При этомъ могилы ихъ также устраивались въ юго-западномъ углу церкви, а соотвѣтственно съ этимъ

[1] *Р. Грујић:* Откопавање светих Арханђела код Призрена. «Гласник Скопског Науч. Друштва», III, 1. Скопље, 1928. 262—265, рис. 40.

[2] Ib. рис. 29. Если это голова Душана, то онъ изображенъ здѣсь безъ примѣненія обычныхъ для искусства того времени и того мѣста стилистическихъ и иконографическихъ пріемовъ — не въ императорскомъ, напримѣръ, уборѣ, въ которомъ онъ всегда изображался, т. к. этотъ уборъ требовалъ обязательнаго покрытія головы короной и т. д. Этотъ вопросъ требуетъ еще тщательнаго и всестороннего изученія, такъ же, какъ и весь богатый скульптурный матеріалъ, добытый этими раскопками. Въ результатѣ можно ожидать совершенно новаго освѣщенія вопроса о происхожденіи и развитіи формъ декоративной скульптуры въ этой части Балканскаго полуострова.

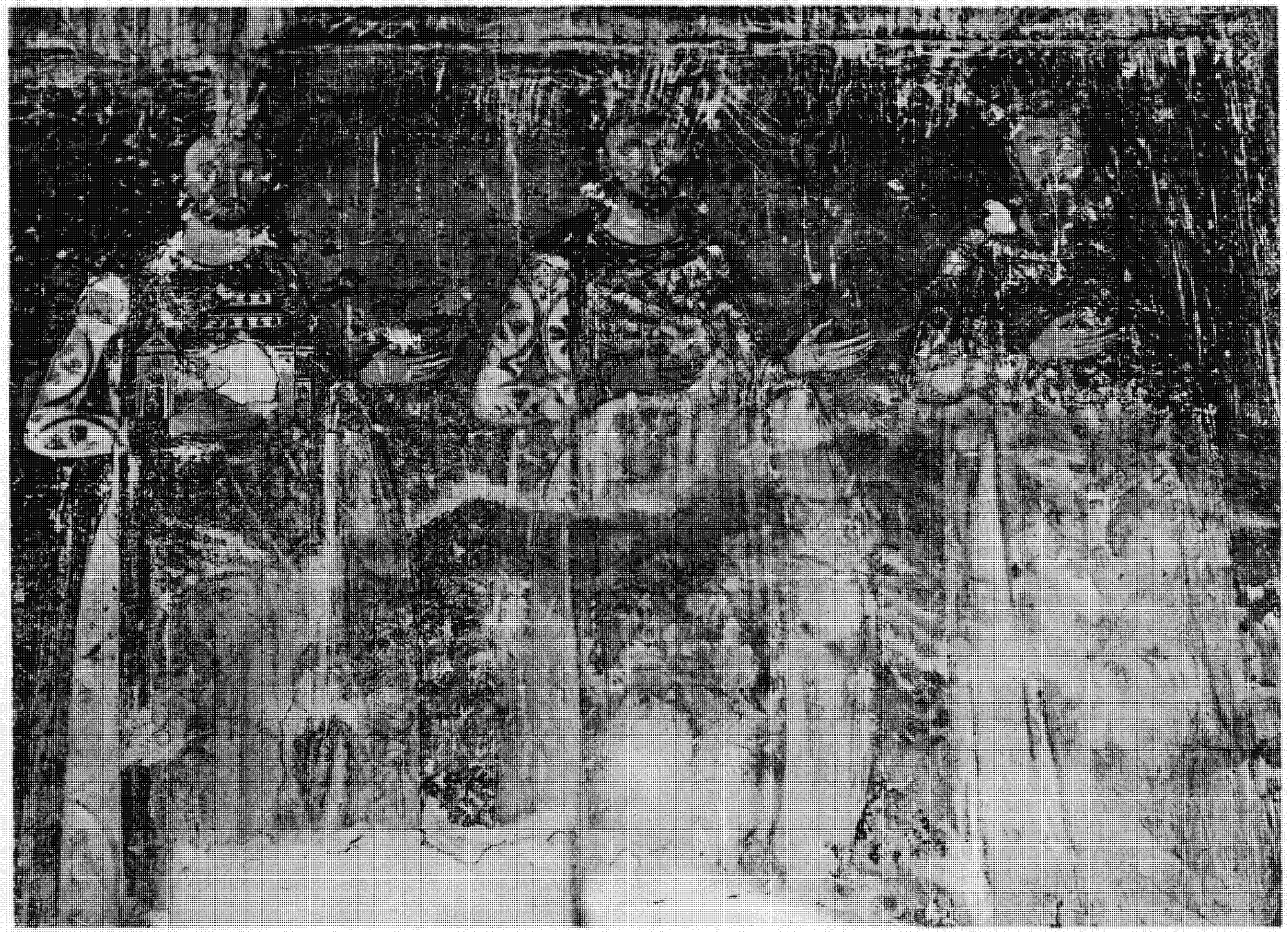
и портреты ихъ помѣщались на южной стѣнѣ. Примѣромъ служитъ семейный портретъ севастократора Влатка въ Псачѣ.

Обычай погребать ктитора въ юго-западномъ углу исчезаетъ во второй половинѣ XIV в. въ сѣверныхъ провинціяхъ Сербіи. Гробница князя Лазаря въ Раваницѣ была устроена у западной стѣны, въ сѣверной ея части, и надъ нею былъ написанъ портретъ князя съ семействомъ. Въ томъ же, повидимому, мѣстѣ храма находилась и могила деспота Стефана Лазаревича въ Манассіи, судя по портрету, помѣщенному въ соотвѣтствующей части западной стѣны.

Реалистическій портретъ существуетъ въ сербской живописи въ теченіе всего времени ея расцвѣта, до тѣхъ поръ, покуда эти портреты изображали *современниковъ*. Изображенія наиболѣе выдающихся въ исторіи сербскаго государства личностей продолжаютъ занимать мѣсто въ церковныхъ росписяхъ и много времени спустя послѣ ихъ смерти и въ этихъ случаяхъ ихъ портреты, являясь въ извѣстной степени копіями основного портрета, исполненнаго при жизни, постепенно теряютъ реалистическія черты, которыя замѣняются особенностями иконописными. Такого рода процессъ выработки иконописнаго типа изъ реалистическаго портрета можно прослѣдить на примѣрѣ изображенія св. Саввы, которое входитъ въ составъ почти всѣхъ сербскихъ росписей, исполненныхъ послѣ его смерти. Мы знаемъ его реалистическій портретъ въ Милешевѣ (Таб. III). Уже на портретѣ въ Арильѣ голова его пріобрѣтаетъ болѣе вытянутую форму, горбатый носъ замѣняется прямымъ, исчезаютъ съ лица морщины, голубые глаза получаютъ общеиконописный карій цвѣтъ, борода удлиняется и расширяется книзу, волосы становятся почти совсѣмъ сѣдыми. Изображеніе въ росписи Милутиновой церкви въ Студеницѣ (Таб. VIII) нѣсколько ближе къ милешевскому, но и здѣсь также нѣтъ ни горбатаго носа, ни голубыхъ глазъ, ни морщинъ, борода длиннѣе и у́же, волосы сѣдѣе. Отъ первоначальнаго портрета остался только общій абрисъ головы и, до нѣкоторой степени, форма бороды. На еще болѣе позднихъ изображеніяхъ, изъ которыхъ нѣкоторые хорошо сохранились, какъ, напримѣръ, въ Лесновѣ или въ Псачѣ, борода святого пріобрѣтаетъ характерную расширенную книзу форму, а внизу прямой горизонтальный срѣзъ, что дѣлается основной иконографической чертой позднѣйшихъ его изображеній.

Милешево. Король Владиславъ подноситъ модель храма Христу.

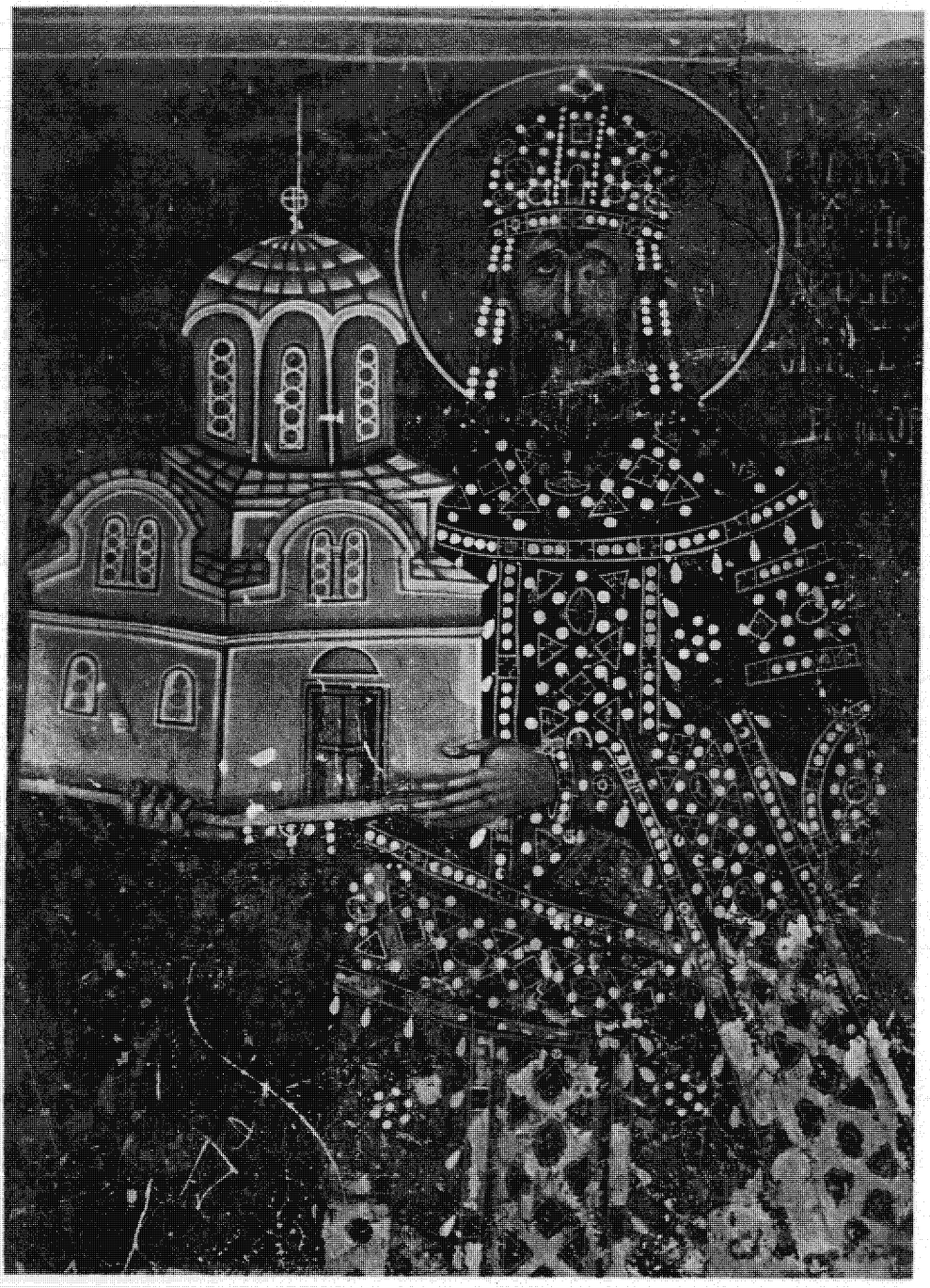
Милешево. Св. Савва.



Милешево. Короли Стефанъ Первовѣнчанный, Радославъ и Владиславъ.

Арилье. Стефанъ Первовѣнчанный, Урошъ I и Елена.

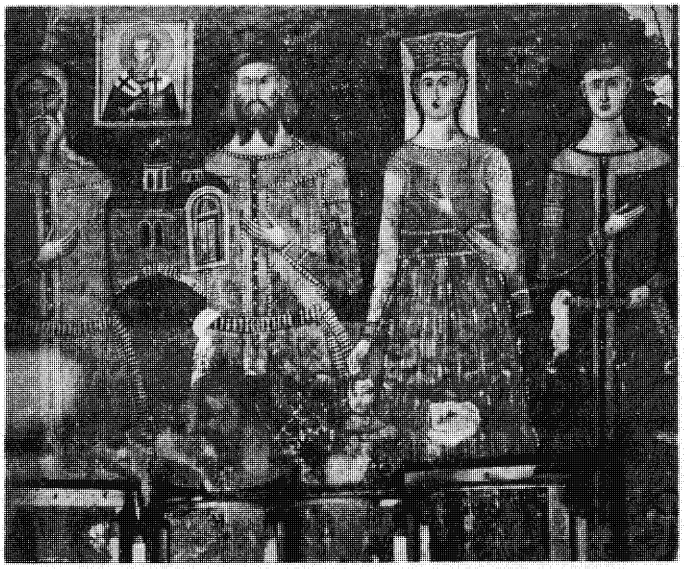
Арилье. Королевичи Владиславъ и Урошецъ.



Студеница. Король Милутинъ.

Студеница. Королева Симонида.

Студеница. Стефанъ Неманя и св. Савва.



1. Псача. Севастократоръ Влатко съ семьей.

2. Псача. Царь Урошъ и король Вукашинъ.

LES PORTRAITS DES ROIS-DONATEURS DANS LA PEINTURE RELIGIEUSE SERBE.

(Résumé.)

Presque chaque église serbe du moyen âge renferme dans sa peinture murale des portraits des donateurs. Au XIIIe siècle ces portraits font part d'une composition spéciale qui a toujours sa place fixée dans le rang inférieure du parti Ouest du mur Sud. Cette composition représente le Christ, debout ou assis sur le trône, et le donateur, tenant le modèle de l'église et ordinairement guidé par la sainte Vierge. Le donateur et les membres de sa famille qui le suivent forment en se rendant vers le Christ une procession. Parfois dans cette procession les ancêtres défunts du donateur le précèdent.

On peut croire que les sépultures des donateurs qui au XIIIe siècle se trouvaient généralement dans la partie Sud-Ouest de l'église avaient déterminé la place de cette composition au-dessus de la tombe. Dans quelques églises (Studenica, Mileševo, Sopočani, Gradac, Dečani) on voit à cette place des sarcophages de pierre à présent vides.

L'usage d'inhumer les donateurs dans cette partie de l'église et de placer leurs portraits au-dessus de la tombe, ainsi que l'usage de représenter les donateurs à côté du Christ, offrant à celui-ci le modèle de l'église était probablement répandu à cette époque dans tout l'orient orthodoxe. Une telle analogie se trouve dans les peintures de l'église russe de Spas-Neredica près de Novgorod (1198) où le prince Jaroslav Vladimirovič est représenté offrant le modèle de l'église au Christ. La composition a les mêmes particularités iconographiques et occupe une place analogue sur le mur Sud.

Le plus ancien exemple conservé d'un portrait du donateur, faisant partie d'une composition indiquée, existe dans l'église du monastère de Mileševo, fondée vers 1236 par le roi Vladislav. Le portrait de ce roi (pl. I) présente une image remarquable d'un contemporain, avec sa jeune figure rose, ses yeux bleus et ses cheveux roux. Son habit princier ressemble de près au costume du prince Jaroslav à Neredica.

Un autre portrait, aussi remarquable par ses traits réalistes, nous montre saint Sava, premier archevêque serbe, mort en 1236 et enseveli un an après à Mileševo (pl. II). Devant lui sont rangés processionnellement les trois rois — son frère aîné Étienne le Premiercouronné et ses neveux – Radoslav et Vladislav. Ce dernier avec le modèle de l'église dans ses mains (pl. III).

Dans l'église de Sopočani la composition fondamentale représentant les donateurs contient les portraits du fondateur de l'église, le roi Ouroš Ier, de sa femme Hélène et de leur fils — Dragutin. Ils sont précédés par deux défunts — le grand-père et le père d'Ouroš Ier.

À Gradac sont représentés Ouroš Ier avec sa femme Hélène et le défunt père d'Ouroš, Étienne le Premiercouronné.

La peinture d'Ariljé, exécutée sur commande du roi Dragutin vers la fin du

XIIIe siècle, présente une vraie galerie de portraits. La procession des membres de la famille du donateur est divisée en deux, étant placée sur les murs Sud de l'église même et du narthex. Le premier groupe est formé par deux rois défunts — Étienne le Premiercouronné et Ouroš Ier — et par la veuve du dernier, la reine Hélène, qui avait pris le voile après la mort de son mari (pl. IV). Le second représente le roi Ouroš II Milutin, le roi Dragutin et sa femme Catherine. En outre nous voyons sur les murs de l'église les portraits du fondateur de la dynastie, Étienne Nemanja, de son fils, saint Sava, des archevêques et des évêques serbes et des deux jeunes fils du roi Dragutin — Vladislav et Ouroš ec (pl. V).

Les peintures du XIVe siècle se bornent ordinairement de représenter les portraits des donateurs réels et c'est par exeption seulement qu'on peut trouver auprès d'eux les images de leurs ancêtres (Dečani, Gračanica). À Studenica, dans la petite église dite »royale« et fondée en 1314, on ne voit que le roi Milutin avec le modèle (pl. VI) et sa femme Simonida, ancienne princesse byzantine (pl. VII).

Dans les églises qui n'étaient pas destinées aux ensevelissements des donateurs les portraits changent leurs places habituelles. À Gračanica les portraits de Milutin et de Simonida se trouvent dans l'arc entre le narthex et l'église, à Staro-Nagoričino — sur le mur Nord du narthex.

Les portraits du tzar Doušan et de sa famille se sont conservés dans les peintures de Sopočani, de Ljouboten, de Dečani, de Lesnovo et de Matejč. Partout ces portraits ont la même tendance de représenter les traits charactéristiques de la figure vigoureuse de ce tzar serbe.

Les dignitaires serbes en suivant l'exemple de leurs rois construisent aussi des églises et les font orner de peintures et de leurs portraits. Nous trouvons un portrait pareil dans l'église de saint Nicolas à Psača, où sont représentés toute la famille du sebastocrateur Vlatko et ses parents (pl. IX, 1). Ce portrait est placé sur le mur Sud du narthex et il est probable qu'à cet endroit même se trouvait le tombeau de la famille. Sur le mur opposé sont peints le tzar Ouroš et le roi Voukašin (pl. IX, 2).

Dans la Serbie du Nord à la fin du XIVe siècle et au commencement du XVe siècle les portraits des donateurs composant une procession disparaissent complètement. Leur place se trouve désormais sur le mur Ouest. Auprès de ce mur on prépare maintenant les tombeaux pour les donateurs (Ravanica, Ljubostinja, Manassia).

Les portraits conservent leur caractère naturaliste tant qu'ils représentent des contemporains. Ce caractère se perd si on représente des personnes mortes depuis longtemps. Dans ces cas les images, étant des copies plus ou moins exactes d'un vrai portrait, reçoivent des traits iconographiques établis par laps de temps. On peut facilement constater ce fait en comparant le portrait de saint Sava à Mileševo (pl. III) à celui de Studenica (pl. VIII).

*

LISTE DES ILLUSTRATIONS.

Planche I. Mileševo. Le roi Vladislav présente le modèle de l'église au Christ.
" II. Mileševo. Le portrait de saint Sava.
" III. Mileševo. Les rois Étienne le Premiercouronné, Radoslav et Vladislav.
" IV. Ariljé. Les rois Étienne le Premiercouronné, Ouroš Ier et la reine Hélène.
" V. Ariljé. Les princes Vladislav et Ourošec, les fils du roi Dragutin.
" VI. Studenica. L'église dite »royale«. Le portrait du roi Milutin.
" VII. Studenica. L'église dite »royale«. Le portrait de la reine Simonida.
" VIII. Studenica. L'église dite »royale«. Étienne Nemanja et saint Sava.
" IX. Psača. 1. La famille du sebastocrateur Vlatko.
2. Tzar Ouroš et roi Voukašin.

G. ILJINSKIJ:

ЛЕБЕДИЯ КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО.

Константин Багрянородный, рассказывая в 38-й главе своего трактата »De administrando imperio« о Drang nach Westen мадьяр, между прочим, сообщает, что они незадолго до своего прибытия в Ателькузу (Бессарабию) остановились неподалеку от Хозарии, в местности, где течет р. Хидмас, alias Хингул. Страна эта называлась *Лебедией* по имени главного воеводы угров Лебедиаса. В соседстве с хозарами угры прожили три года, участвуя во всех их войнах. В благодарность за услуги Лебедиаса, хозарский каган дал ему в жены хозарку знатного происхождения, чтобы он имел от нее детей. Но, по какой-то причине, этот брак оказался бесплодным. После того как угры, разгромленные печенегами, вынуждены были выселиться в Ателькузу, каган вызвал Лебедиаса к себе и предложил ему княжеское достоинство, под условием признания суверенной власти Хозарии. Лебедиас вежливо отклонил эту честь, но посоветовал обратиться с тем же предложением к Альмошу или его сыну Арпаду. Хаган одобрил эту идею. В сопровождении послов государя хозаров, Лебедиас возвратился к своим и передал им предложение кагана. Из двух названных выше кандидатов угры остановили свой выбор на Арпаде.[1]

[1] Ὅτι τὸ Τούρκων ἔθνος πλησίον τῆς Χαζαρίας τὸ παλαιὸν τὴν κατοίκησιν ἐποιεῖτο εἰς τὸν τόπον τὸν ἐπονομαζόμενον Λεβεδία ἀπὸ τῆς τοῦ πρώτου βοεβόδου αὐτῶν ἐπωνυμίας, ὅστις βοέβοδος τὸ μὲν τῆς κλήσεως ὄνομα Λεβεδίας προσαγορεύετο ... Ἐν τούτῳ οὖν τῷ τόπῳ τῷ προρρηθέντι Λεβεδία ποταμός ἐστιν ῥέων Χιδμάς, ὁ καὶ Χιγγυλοὺς ἐπονομαζόμενος ... συνῴκησαν δὲ μετὰ τῶν Χαζάρων ἐνιαυτοὺς τρεῖς συμμαχοῦντες τοῖς Χαζαροῖς ἐν πᾶσι τοῖς αὐτῶν πολέμοις. ὁ δὲ χαγάνος .... διὰ τὴν αὐτῶν ἀνδρίαν καὶ συμμαχίαν τῷ πρώτῳ βοεβόδῳ τῶν Τούρκων Λεβεδίᾳ ἐπονομαζομένῳ γυναῖκα δέδωκε πρὸς γάμον Χαζάραν εὐγενή, διὰ τὸ τῆς ἀνδρίας αὐτοῦ περίφημον καὶ τὸ τοῦ γένους περιφανές, ὅπως ἐξ αὐτοῦ τεκνώσῃ· ὁ δὲ Λεβεδίας ἐκεῖνος ἐκ τινος τύχης μετὰ τῆς αὐτῆς Χαζάρου οὐκ ἐπαιδοποίησεν· οἱ δὲ Πατζινακῖται ... πρὸς Χαζάρους οὖν οὗτοι κινήσαντες πόλεμον καὶ ἡττηθέντες τὴν οἰκείαν γῆν καταλεῖψαι καὶ τὴν τῶν Τούρκων κατοικῆσαι κατηναγκάσθησαν· ἀναμεταξὺ δὲ τῶν Τούρκων συναφθέντος πολέμου καὶ τῶν Πατζινακιτῶν ... τὸ τῶν Τούρκων φοσσάτον ἡττήθη καὶ ... εἰς τὸ δυτικὸν κατῴκησε μέρος ἅμα καὶ τῷ βοεβόδῳ αὐτῶν ... Λεβεδίᾳ, εἰς τόπους τοὺς ἐπονομαζομένους Ἀτελκούζου· ὀλίγου δὲ χρόνου διαδραμόντος ὁ χαγάνος ἐκεῖνος ἄρχων Χαζαρίας ἐμήνυσε ... τὸν πρῶτον αὐτῶν βοέβοδον. Ὁ Λεβεδίας τοίνυν πρὸς τὸν χαγάνον Χαζαρίας ἀφικόμενος ἀνηρώτα τὴν αἰτίαν δι' ἣν ἐλθεῖν πρὸς αὐτὸν μετέμψατο; ὁ δὲ χαγάνος εἶπε πρὸς αὐτὸν, ὅτι διὰ τοῦτο σε πρὸς ἐκαλεσάμεθα, ἵνα ἐπειδὴ εὐγενὴς καὶ φρόνιμος καὶ ἠνδρειωμένος ὑπάρχεις καὶ πρῶτος τῶν Τούρκων ἄρχοντα σε τοῦ ἔθνους σου προβαλώμεθα, καὶ ἵνα ὑπείκῃς τῷ λόγῳ καὶ τῇ προστάξει ἡμῶν. Ὁ δὲ ἀποκριθεὶς πρὸς τὸν χαγάνον ἀντέφησεν, ὅτι τὴν περὶ ἐμέ σου σχέσιν τε καὶ προαίρεσιν μεγάλως ἐναποδέχομαι, καὶ τὴν εὐχαριστίαν ὁμολογῶ σοι προσήκουσαν· ἐπεὶ δὲ ἀδυνάτως ἔχω πρὸς τὴν τοιαύτην ἀρχήν, ὑπακοῦσαι οὐ δύναμαι, ἀλλὰ μᾶλλον ἔστιν ἕτερος ἀπ' ἐμοῦ βοέβοδος, λεγόμενος Σαλμούτζης ... εἴτε ὁ υἱός αὐτοῦ Ἀρπαδής, ἵνα γένηται ἄρχων, καὶ ἔστιν ὑπὸ τοῦ λόγου ὑμῶν· ἐν τούτῳ οὖν τῷ λόγῳ ἀρεσθεὶς ὁ χαγάνος ἐκεῖνος δέδωκεν ἀνθρώπους αὐτοῦ μετ' αὐτοῦ καὶ εἰς τοὺς Τούρκους ἀπέστειλεν, οἱ καὶ συλλαλήσαντες περὶ τούτων μετὰ τῶν Τούρκων, μᾶλλον οἱ Τοῦρκοι τὸν Ἀρπαδὴ γενέσθαι προέκριναν ἄρχοντα ἤπερ Σαλμούτζη τὸν αὐτοῦ πατέρα (ed. Becker, p. 168—170).

В приведенном рассказе первое, что поражает наше внимание, это известие о *Лебедии*. Кроме сочинения Константина, оно не встречается нигде, и поэтому вполне позволительно задать вопрос, в какой степени сообщение венценосного историка соответствует действительности. Но, конечно, мы никогда не решим этой трудной задачи исторической критики, если мы не рассмотрим отдельно географический момент проблемы от топонимического и исторического.

Для географической локализации Лебедии у нас есть только одна точка опоры, — это то известие Константина, что она находится в соседстве с Хозарией и что на ее территории «течет река Хидмас, называемая также Хингулус». Первое название совершенно неясно,[1] но во втором нельзя не узнать Ингула, левого притока Южного Буга: Χιγγυλούς отличается от современного названия этой реки лишь наличностью h, изображенного Константином как χ. Без придыхания это же название сохранилось в названии Συγγούλ, которое наш автор ставит на первом месте после Днепра в своем перечне рек Южной России, помещенном в XLII главе его сочинения.[2] Ведь как остроумно указал БРУН,[3] начальное Σ этого слова по ошибке приписано одним из писцов рукописи под влиянием предшествующего слова. Если бы об этой счастливой коньектуре русского археолога знали KUUN[4] и MARQUART,[5] то они, вероятно, не стали бы искать в обоих названиях Χιγγυλούς и Συγγούλ *Чингул* (*Činhul*), — ничтожную речку, составляющую вместе с Токмаком Молочную. Правда, MARQUART прибавляет, что местность, орошаемая этими реками, и теперь называется *Лепедика*, но откуда он почерпнул это известие, остается неясным.[6] Я не говорю уже о том, что толкование Συγγούλ как *Чингул* невозможно ни с палеографической, ни с лингвистической точки зрения. Может быть, по этой причине MARQUART на последних строках своей книги[7] сам признал, что »Gleichsetzung mit dem Činhul.... ist nicht besonders schlagend und an sich könnte ebensogut die Jeja in Betracht kommen.« Но Ея напоминает по звукам Хингул еще меньше, чем Чингул!

Таким образом, все говорит, что центральной водной артерией Лебедии была река Ингул или, в крайнем случае, правый приток Днепра Ингулец. Но если так, то мы теряем всякое основание помещать Лебедию где-то в Слободской

---

[1] *Ласкин*, Сочинения Константина Багрянородного «О темах» и «О народах» (М. 1892, 142) видит в ней К о д ы м у, приток Буга, но надо сознаться, что между обоими названиями очень мало сходства.

[2] .. μέσον δὲ τῆς τοιαύτης γῆς ποταμοὶ μὲν εἰσι πολλοί δύο δὲ μέγιστοι, ἐξ αὐτῶν, ὅ τε Δάναστρις καὶ ὁ Δάναπρις· εἰσὶ δὲ ἕτεροι ποταμοί, ὅ τε λεγόμενος Συγγοὺλ καὶ ὁ Ὕβυλ (ed. Becker 179).

[3] Черноморье I 106.

[4] Relationes Hungarorum cum gentibus orientalibus I 39.

[5] Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge 32.

[6] В Географическом словаре *Семенова* (III, 37) я нашел только села Л е п а т и х а, большое и малое, в Мелитоп. у. б. Таврической губ., но ни их имя, ни время основания (1795 г.) не дают возможности связывать их с Лебедией.

[7] О. с. 530.

Украйне, как это делает большая часть ученых, ссылаясь на г. *Лебедин* Харьковской губ. и на *Лебедин лес* б. Екатеринославской;[1] другие ученые, в том числе сам великий ШАФАРИК,[2] имея в виду не *Лебедин* Харьковской губернии, а *Лебедянь* Тамбовской, искал мадьярскую Лебедию где-то в области верхнего Дона, но и эта локализация столь же гадательна, как и первая. В виду этого, мы не удивляемся, что уже ГРОТ[3] отнесся скептически к указанным географическим выкладкам, и если тем не менее не решился расстаться с главным аргументом своих предшественников — г. *Лебединым* (Харьк. г.), то лишь потому, что, по его мнению, на ту же местность наводит речка Угрин, отмеченная в книге Большого Чертежа как приток р. Уды, притока Донца.

Но хотя ГРОТ и сомневается в непосредственной связи Лебедии с современными русскими географическими названиями, образованными от основы *Лебед-*, все же и он уверен в славянском происхождении самой *Лебедии*. В свидетельствах Константина Багрянородного, говорит он, «для нас всего важнее то, что у него с пребыванием мадьяр в южных степях России, по соседству с хозарами, связаны имена чисто-славянского происхождения. Из этого факта мы, кажется, имеем полное право сделать вывод, что мадьяры, прибыв по верхнему Дону в южнорусскую степную страну и расположившись рядом с хозарами, вошли тотчас же в самое близкое соприкосновение со славянами (русскими), поселения которыхъ простирались тогда уже на восток по левым притокам Днепра, верхнему течению Оки и даже, вероятно, по верхнему и отчасти среднему Дону».[4] Но откуда происходит самое слово «Лебедия», какой славянский корень лежит в его основании, этот вопрос ГРОТ оставил в своей книге открытым.

Зато это попытался сделать за него Н. Я. ДАНИЛЕВСКИЙ, автор известной книги «Россия и Европа». В особом письме, напечатанном в «Известиях Русского Географического Общества»,[5] он доказывает, что Лебедия есть не что иное, как приморская часть степи между Доном и Днепром и частью у Ингула. Так как Лебедин и Лебедянь расположены к северу от этой области и так как в IX в. их территория была окружена густыми лесами, недоступными для угорских номадов, то ДАНИЛЕВСКИЙ решительно отрицает всякую возможность того, чтобы в имени «Лебедия» могла сохраниться память об указанных топографических названиях. По его мнению, черноморская степь получила название «Лебедии» от высокой травы лебеды (artiplex), которая в таком изобилии произрастает там на местах, взрыхленных лопатой. «Перенесемся, говорит он, в степь: на ней мирными памятниками прошедшего стоят курганы; тогда в IX и прежних столетиях эти курганы непрестанно возникали

[1] *Thunmann*, Untersuchungen 142, *Fessler*, Geschichte von Ungarn I 236, *Карамзин*, ИГР I 77, *Zeuss*, Die Deutschen 750, *Юргевич*, Зап. Од. Общ. Ист. VI 71.

[2] Слав. Древн. II, 1, 390.

[3] Моравия и Мадьяры 214.

[4] О. с. 215.

[5] Т. XIX (1883 г.) 239.

вновь. Это были холмы насыпной земли, да и вокруг них земля вскапывалась для произведения насыпи, — все это, следовательно, заростало лебедой и травой, которая долго сохраняет до осени свой зеленый цвет (листья ее несколько жирны и темны), когда кругом вся степь уже с июня высыхает. Итак те предметы, которые в степи только одни и бросаются в глаза, должны и останавливать на себе взор, — курганы представлялись поросшими высокой зеленой травой, когда все кругом посохло, потемнело, побурело и засохло. Удивительно-ли, что по этому выдающемуся предмету и вся степь названа была славянами страной лебеды, чему историки придали свое окончание, и вышла Лебедия».[1]

В своей ответной реплике, помещенной в той же книжке «Известий Географического Общества».[2] ГРОТ признал предложенное об'яснение ДАНИЛЕВСКИМ имени «Лебедия» не только весьма остроумным и заманчивым, но и правдоподобным. Он готов допустить его тем скорее, что имя *лебеда*, как славянское название травы, с которой угры познакомились так рано, доныне бытует в мадьярском языке: здесь *laboda* означает родственный лебеде вид травы — дикий шпинат. Однако форма корня имени *laboda* позволяет утверждать, что оно могло быть заимствовано мадьярами не только у восточных, но и у западных славян, т. е. тогда, когда они были уже в Паннонии. Следовательно, этот аргумент отпадает. Но и по существу гипотеза, что черноморская степь получила свое название Лебедии по лебеде, которая будто-бы покрывала некогда ее курганы, крайне невероятна: курганов было не так много, чтобы их растительность могла дать название *всей* степи. Может быть, поэтому гипотеза ДАНИЛЕВСКОГО не имела никакого успеха в научной литературе и, кроме ГРОТА, ни с чьей стороны не встретила поддержки. Отверг ее и ЛАСКИН, но его собственная догадка, что Лебедия представляет искажение λιβάδιον «степь» (южной России),[3] едва-ли достигает цели; ведь Константин категорически сообщает, что Лебедия получила свое название по имени мадьярского вождя Лебедиаса, а он не мог носить греческое имя со значением «луг»!

Таким образом, этимология имени Лебедия зависит всецело от толкования имени мадьярского воеводы. Но, насколько мне известно, это имя не было об'яснено сколько-нибудь удовлетворительным образом из корней мадьярского языка. Правда, была попытка связать Лебедиаса с *Eleud*'ом (*Előd*) хроники Анонима,[4] но она не увенчалась успехом по причине вполне естественной: даже самая пылкая фантазия не найдет ничего общего между двумя именами.

При таких обстоятельствах, нам не остается ничего другого, как отправиться на поиски ключа к загадке совсем в другом направлении. Но прежде чем это сделать, нам необходимо установить точно, когда жил Лебедиас. По

[1] О. с. 240.
[2] О. с. 246.
[3] О. с. 142.
[4] *Zeuss*, Die Deutschen 750.

счастью, сделать это не так трудно после превосходного исследования ВЕСТБЕРГА «К анализу восточных источников о восточной Европе».[1] Касаясь в 28 его главе вопроса о времени переселения угров в Ателькузу, ВЕСТБЕРГ, после тщательного анализа генеалогии Арпадовичей (в XL главе сочинения Константина), пришел к выводу, что избрание Арпада мадьярским князем должно было состояться еще во второй четверти IX в., никак не позднее середины его. «А так как выселение мадьяр из Лебедии в Ателькузу произошло по Константину Багрянородному до провозглашения Арпада князем, то пребывание мадьяр в Ателькузе обнимает период приблизительно от 825 г. до 895».[2]

Но если так, то в непосредственном соседстве с хозарами, в области р. Ингула, мадьяры должны были жить в первой четверти IX в., все равно, будем ли мы определять срок их пребывания там 3-мя годами, как это делает Багрянородный, или 30 годами, как предполагает ВЕСТБЕРГ.

Но приблизительно в это же самое время в Хозарии жило и действовало лицо, имя которого обнаруживает некоторое сходство с Лебедиасом, — это *Обадия* или *Обадиас (Obadjah)*, т. е. тот хозарский хаган, который, по свидетельству письма царя Иосифа, окончательно утвердил закон Моисея в стране хозар.[3] Правда, наш источник не дает точной даты царствования Обадии, он только сообщает, что Обадия был одним из потомков того хозарского хагана Булана, который первый принял иудейскую веру, но из контекста письма видно, что последний не был отдаленным предком первого. И потому не без основания ВС. МИЛЛЕР догадывался, что, «из уважения к своим предкам Иосиф кое-что умалчивает в этом месте письма; вероятно, при непосредственном преемнике Булановом, которого имя Иосиф почему-то пропускает, закону Моисея в царском роде угрожала опасность; у нас даже является подозрение, не изменил-ли преемник Булана (быть может, его сын) новой религии, так что Обадии, следующему хагану, пришлось принять энергические меры для ее окончательного водворения. Если это соображение правдоподобно, если между Буланом и Обадией происходила реакция против юдаизма при хозарском дворе, и если Обадия, как указывает Сефер Козерн, был внуком Булана, то этот реставратор юдаизма, по приблизительному рассчету поколений, мог быть современником Гарун-али Рашида, т. е. жил в конце VIII и начале IX в.»[4]

Выводы ВС. МИЛЛЕРА вполне подтвердились хронологическими выкладками ВЕСТБЕРГА. Решая в 23 главе своего упомянутого исследования вопрос «Когда хозары приняли закон Моисея», он пришел к заключению, что Булан, который, по его мнению, не был великим ханом, а майордомом хозарским, жил в середине VIII в.[5] Но если так, то его внук Обадия скорее всего мог жить в первой четверти IX в.

---

[1] ЖМНПр. XIV 1898 г.

[2] О. с. 57.

[3] *Гаркави*, Еврейская библиотека VII, 113; *Graetz* Geschichte der Juden V² 190.

[4] Матерьялы для изучения еврейско-татского языка Спб. 1882, стр. XI.

[5] О. с. стр. 34.

Таким образом, перед нами замечательный факт: в то самое время, когда в области р. Ингула, в ближайшем соседстве с хозарами, жили мадьяры и, под предводительством *Лебедиаса*, принимали деятельное участие во всех их войнах в качестве их союзников, в Хозарии действовал *Обадия* или, точнее, *Обадиас (Obadjah)*. Если оставить в стороне начальный звук имени Λεβεδίας (о котором речь будет ниже), и если допустить, что, по законам тюркской гармонии гласных, *Obadjah* звучало как **Abadjah*, или даже как **Äbädjah*, то сходство между обоими именами покажется прямо поразительным. Случайно-ли это? Мне кажется, что—нет, и что оба имени обозначают одно и то же лицо.

Чтобы убедиться в этом, прислушаемся внимательнее к рассказу Константина о пребывании мадьяр в «Лебедии». Прежде всего ясно, что не особенно большая орда угров, состоявшая не более, чем из 100.000 душ,[1] не могла с оружием в руках пробиться в эту страну: повидимому, она заняла ее по особому соглашению с хозарским хаганом, причем угры обязались оказывать ему помощь во всех его войнах. Но само собою разумеется, что область реки Ингула, где поселились мадьяры, не могла быть res nullius, но, по всей вероятности, принадлежала если не самому хозарскому хагану, то одному из его вассальных князей. С другой стороны, военные действия союзных мадьяр только в том случае могли достигать цели, если они руководились или контролировались хозарским главнокомандующим. Таким верховным вождем вспомогательного мадьярского корпуса мог быть тот вассальный хозарский князь или наместник, в земле которого мадьяры поселились и который носил имя *Лебедиас* по Константину, а по нашему — *Обадиас*.

Когда разразилась печенежская гроза, и мадьяры, отрезанные от Хозарии, принуждены были искать спасения в Ателькузе, то вместе с ними ушел на берега Прута и их верховный предводитель Лебедиас, он же Обадиас. Но вот наступил мир, и связь хозар с мадьярами восстановилась. Не в интересах хозарского правительства было терять таких ценных союзников, какими были мадьяры, и потому хозарский каган показал себя только дальновидным политиком, когда предложил Лебедиасу звание князя мадьяр, под условием признания хозарского верховенства. Но вождь мадьяр отклонил эту честь, посоветовав назначить на свое место Альмоша или его сына Арпада. О дальнейшей судьбе Лебедиаса Константин не говорит ни слова, но нет ничего невероятного в предположении, что мадьярский вождь, связанный узами родства с хозарской аристократией, — как мы знаем он был женат на знатной хозарке, — вернулся на родину, где потом сделался сначала майордомом Хозарии (каким был его дед Булан), а потом и хаганом.

Против предложенных комбинаций мне могут возразить, что сам Константин нигде не говорит, чтобы Лебедиас был хозарином, но везде изображает его как чистокровного мадьяра. Но, во первых, в его рассказе есть маленькое противоречие; в начале 38 гл. он сообщает, что мадьяры управлялись племенными

[1] Так — весьма правдоподобно — определяет численность мадьяр *Данилевский*. О. с. 234.

воеводами и что у них не было общего главы. А несколько ниже он прибавляет, что главным воеводой был Лебедиас. Значит, он и был их главой? Это противоречие легче всего устранить предположением, что Лебедиас был навязан мадьярам в качестве их предводителя *со стороны*. Во-вторых, относительно народности мадьярского вождя Константин мог быть введен в заблуждение своим информатором, недостаточно осведомленным в истинном положении дела в Черноморье в первой четверти IX в.

Кто же был этот информатор? Судя по тому, что Багрянородный сопровождает имя Лебедиаса славянским титулом «воевода» (βοέβοδος), надо полагать, что корреспондентом византийского императора был какой-то славянин. По всей вероятности, он был один из многочисленных арабских пленников.[1] Я догадываюсь, что в устном или письменном сообщении этого славянина речь шла о ὁ τοπος ἀλ"Αβαδίας, resp. ἀλ"Οβαδίας. Как это часто бывает при передаче арабских слов, вторая часть члена *al* была отнесена к следующему за ним слову. Так возникло имя *Λαβαδίας, resp. *Λοβαδίας. Потому-ли, что α в первом слове в обоих слогах произносилось как *ä*, или потому, что и здесь сыграла свою роль народная этимология (из *lebedь?*), но имя *Λαβαδίας, под пером Багрянородного, в конечном итоге получило вид Λεβεδίας.

Если изложенная гипотеза верна, то Константин сообщал чистейшую правду, говоря, что Лебедия получила свое название по имени мадьярского вождя. Он ошибся только в определении национальности этого «воеводы» и не вполне точно (хотя и не по своей вине) передал его настоящее имя — *Обадия*.

Москва.

РЕЗЮМЕ.

Решая вопрос о Лебедии, — так называлась страна, в которой, по свидетельству Константина Багрянородного в 38 гл. его трактата »De administrando imperio«, жили мадьяры до своего переселения в Ателькузу, — автор отделяет географический момент от лингвистического и исторического. Единственной точкой опоры для географической локализации страны, по его мнению, является р. Χιγγυλούς, в которой нельзя не узнать лев. притока Днепра *Ингул*. Следовательно, Лебвдия находилась где-то в бассейне этой реки. Вопреки Шафарику, Данилевскому и Гроту, автор отказывается признать это слово славянским и именно потому, что Константин категорически утверждает, что Лебедия получила свое название по имени предводителя мадьяр Лебедиаса. Принимая затем во внимание, что последний был современником хозарского кагана *Обадии*, — оба жили в первой четверти IX в., — автор считает возможным отожествить того и другого. Повидимому, Обадия, прежде чем сделаться главою хозар, был владельцем или наместником той страны, в которой поселились угры; он же был и их предводителем в тех войнах, которые вели мадьяры

[1] О роли этих пленников, точнее слав. евнухов, как переводчиков у арабов, ср. интересные замечания у *Ламанского* «Славянское житие св. Кирилла», стр. 16.

в союзе с хозарами. Под пером Константина *Obadias* превратился в Λεβεδίας, вероятно, потому, что свои сведения о нем император почерпнул из уст или письма какого-то арабского пленника из славян, сообщавшего о ὁ τόπος ἀλ᾽ Ἀβαδίας. Последние слова Константин или вернее его славянский информатор мог легко превратить в *Λαβαδίας или Λεβεδίας.

RÉSUMÉ.

En donnant la solution du problème de Lebedia, – tel était le nom du pays qui, selon le chapitre 38 du traité de Constantin le Porphyrogénète, »De administrando imperio«, avait été habité par les Magyars avant leur transmigration en Atelcuz, – l'auteur y sépare le moment géographique du moment linguistique et de l'historique. Selon lui, l'unique point qui puisse servir d'appui à la localisation géographique de ce pays, est la rivière de Χιγγυλούς, en laquelle il est facile de reconnaître l'Ingule, affluent gauche du Dnieper. Par conséquent, la Lebedia devait être située dans le bassin de cette rivière. À l'encontre de Šafařík, de Danilevskij et de Grot, l'auteur refuse de reconnaître ce terme pour un mot slave, notamment parce que Constantin affirme catégoriquement que la Lebedia avait reçu sa dénomination du nom d'un chef magyar – Libedias. Vu que ce dernier avait été le contemporain d'Obadias, khan des Chazars, – les deux ayant vécu dans le premier quart du IXe siècle, – l'auteur croit possible de les identifier. Selon toute apparence, avant de devenir chef des Chazars, Obadias avait été possesseur et vice-roi du pays que les Hongrois vinrent habiter. C'est également lui qui fut leur chef dans les guerres que les Magyars firent, alliés aux Chazars. Sous la plume de Constantin, Obadias se transforma en Λεβεδίας, probablement parce que l'empereur avait dû puiser ses informations sur lui de la bouche ou de la lettre de quelque prisonnier arabe d'origine slave qui aurait parlé de ὁ τόπος ἀλ᾽ Ἀβαδίας. Constantin, ou plutôt son informateur slave, aurait pu transformer le dernier mot en *Λαβαδίας ou en Λεβεδίας.

G. ILJINSKIJ:

† П. А. ЛАВРОВ.

Тысяча девятьсот двадцать девятый год, — год славной памяти основателя научного славяноведения ИОСИФА ДОБРОВСКОГО, — нанес тяжкий урон славистике, вырвав из среды ее деятелей целый ряд первоклассных научных сил: вслед за А. И. СОБОЛЕВСКИМ († 24 мая) и И. А. БОДУЭН-де-КУРТЕНЕ († 3 ноября) сошел в могилу (24 ноября) и виднейший из современных русских славистов старшего поколения П. А. ЛАВРОВ.

Его полная неутомимого труда жизнь не богата внешними событиями. Сын профессора Ярославского Юридического Лицея, он 19-летним юношей поступает в 1875 г. в Московский Университет, на Историко-Филологический факультет, где с первых же курсов становится одним из самых прилежных учеников А. С. ДЮВЕРНУА и Н. С. ТИХОНРАВОВА. Еще на студенческой скамье он увлекся изучением славянства, причем, может быть, не без влияния потрясающих событий, которые в то время происходили на Балканском полуострове и которые в конце концов совершенно перекроили его карту, его интересы в этой области навсегда получили южнославянскую ориентацию. Хотя он кончил университет еще в 1879 г., но только с 1887 г. он вступил в число его приват-доцентов, читая курсы по истории славянских литератур и славянской истории, пока, наконец, в 1898 г. не получил кафедры слав. филологии в Одесском Университете. Отсюда в 1900 г. он был приглашен на кафедру в Петербургский университет, после ухода на покой В. И. ЛАМАНСКОГО. Преемником ЛАМАНСКОГО, хотя и не непосредственным, ЛАВРОВ оказался и в Академии Наук, действительным членом которой он был избран в 1923 г. Но только шесть лет судьба позволила ему пробыть на этом посту: он скончался в глубокой старости, не выпуская пера из своей руки чуть-ли не до последнего момента своей семидесяти-трехлетней жизни.

А произведения этого пера столь же многочисленны, сколь и содержательны. Здесь, конечно, нет возможности даже самым беглым образом рассмотреть все 200 слишком работ, из которых слагается его литературное наследие, — я отмечу только те из них, в которых в особенном блеске проявился научный талант почившего ученого, и итоги которых имеют наиболее прочное и постоянное значение. Я имею в виду его исследования в области древнеславянской письменности, в частности, тех ее произведений, которые относятся к ее начальному периоду, озаренному славными именами Кирилла и Мефодия и их первых учеников. Одно из первых мест, — и не только хронологически — занимает среди работ этого рода его монография о Клименте (М. 1895): здесь он не только опубликовал некоторые новые списки произведений этого даровитейшего из учеников Мефодия, но и с большим уменьем рассмотрел их лексику, причем ему удалось открыть в этом отношении не мало точек соприкосновения с т. н. паннонскими житиями славянских первоучителей. Отсю-

да вытекал сам собою вывод, что и последние вышли испод пера Климента. И впоследствии ЛАВРОВ не раз возвращался к этому писателю, то открывая и издавая его неизвестные произведения (Изв. 1898 г. т. III, кн. 4 и 1901 г., т. VI, кн. 3; Archiv für slav. Phil. 1905 г. XXVII), то публикуя высокосодержательные рецензии на разные труды, посвященные Клименту, напр., на книгу БАЛАСЧЕВА (в Виз. Врем. 1899 г.), на «Новые слова Климента» СТОЯНОВИЧА (Изв. 1906 г., т. XI, кн. 1), на монографию ТУНИЦКОГО (ЖМНПр. 1913), то, наконец, подводя общие итоги исследованиям об этом плодовитом болгарском писателе (»Die neuesten Forschungen über den slavischen Klemens« ASPh. 1905, т. XXVII). Не менее ценны были исследования, посвященные ЛАВРОВЫМ т. н. «черноризцу Храбру»: оставляя в стороне его остроумные замечания на «Сказание» в Трудах Слав. Комм. (1896 г., т. II), достаточно напомнить, что ЛАВРОВУ принадлежат заслуга издания «Зографского списка Сказания» (Изв. 1896, I, кн. 3) и открытие другого, еще более ценного Хиландарского, содержащего в себе ценные данные «К вопросу о времени изобретения письмен и перевода Св. Писания» (Zbornik u slavu Jagića, 1908). Другому произведению древнейшей болгарской письменности «Сказанию церковному» ЛАВРОВ посвятил заметку в «Сборнике в память Н. Ф. Красносельцева» (Од. 1898 г.), доказывая, на основании анализа его стиля и лексики, что оно принадлежит перу Константина пресвитера. А словарь его современника Иоанна экзарха ЛАВРОВ рассматривает в обстоятельном разборе сочинения VONDRÁK'a »O mluvě Jana Exarcha Bulharského« (Труды слав. ком. 1896 г., т. II). Но самое блистательное открытие, которое посчастливилось сделать ЛАВРОВУ в области славянской письменности, была его находка в одной афонской рукописи нового неизвестного Жития Наума, бросившего яркий свет на судьбы учеников Мефодия после его смерти и разгрома основанной им в Моравии славянской церкви: можно сказать без преувеличения, что посвященная этому житию работа ЛАВРОВА (Изв. 1907, XII, кн. 4) вписала совершенно новую главу в историю древнейшей славянской письменности. Таким же документальным характером отличаются открытия ЛАВРОВА в сфере болгарской литературы эпохи Петра Симеоновича: кроме новой службы последнему (Jужнослав. Фил., кн. 1, св. 2), здесь уместно вспомнить о «Пергаменных отрывках из бесед Козьмы против богомилов» (РФВ. 1912, т. LXIX).

Но не только корифеи древнейшей южнославянской литературы привлекали к себе пытливый взгляд ЛАВРОВА, но и т. н. «анонимные» произведения не раз встречали в нем добросовестного издателя и исследователя. Из них на первый план следует поставить открытые и изданные ЛАВРОВЫМ «Зографские листки» XI в. (RES 1926, т. VI), которые по чистоте своего древнецерковнославянского языка ничем не уступают лучшим текстам т. н. «моравско-паннонской семьи». Много ценных замечаний относительно языка и письма других древнейших церковнославянских и среднеболгарских памятников ЛАВРОВ успел высказать в своих рецензиях на издание »Glagolita Clozův« VONDRÁK'a (Труды слав. ком. 1895 г., I); Супрасльск. рукописи СЕВЕРЬЯНОВА (ЖМНПр.

1905, т. 360); Гршковичева Апостола ЯГИЧА (1895, Тр. слав. ком. 1895, I), Болонской псалтири ЩЕПКИНА (Отчет о премии Ахматова), Синодика царя Борила ПОПРУЖЕНКО (Лет. Ист.-Фил. Общ. при Новорос. унив. VIII, Виз.-слав. отд. V. 1901) и др. Не мало также труда посвятил ЛАВРОВ изданию апокрифов: кроме целого сборника «Апокрифических текстов» южнославянского происхождения (Спб. 1899), им опубликованы были новый «Охридский список первоевангелия Иакова» (Изв. 1901, VI, кн. 1) и несколько апокрифов из одного сборника Публичной Библ. в Ленингр. (Jужнослав. Фил. 1921, кн. 2). К позднейшим периодам истории южнославянской письменности относятся статьи об Апостоле Верковича (Киев. Изб. 1904), «О новом издании текста Троянской притчи» (Труды слав. ком. 1895, т. I), об апостолах ресавского извода в нек. афонских монастырях (ib.), об югославянской переделке Зонары (Виз. Врем. 1897, т. IV), о южнославянском Прологе (Тр. слав. ком. VI 1907), о Словах воеводы валашского Негоя (Спб. 1904), о месте перевода Александрии первой редакции («Почесть» 1908). Много среднеболгарских текстов ЛАВРОВ напечатал также в приложении к своей докторской диссертации «Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка» (М. 1893). Начаткам новоболгарской литературы посвящены статьи «Дамаскин Студит и сборники его имени дамаскины в новоболгарской письменности» (Од. 1901) и «Одна из переделок Истории славяноболгарской Паисия» (Труды 8-го Арх. С'езда 1895 г., т. II).

Обладая огромной начитанностью в произведениях славянской письменности и перелистовав на своем веку сотни рукописей не только в русских библиотеках, но и в заграничных, с которыми он ознакомился непосредственно во время своих многочисленных странствований по южнославянским землям, ЛАВРОВ всегда обращал любовное внимание и на их внешнюю сторону, т. е. графику. Свой богатый опыт в этой области и громадный матерьял, собиравшийся им в течение многих лет и в значительной степени зафиксированный в огромной коллекции фотографических снимков, ЛАВРОВ использовал прежде всего в своих лекциях по «Югославянской палеографии» (Спб. 1904), а также в обширном атласе, вышедшем в следующем году под назв. «Палеографические снимки с южнославянских рукописей, болгарских и сербских. Вып. I XI—XIV века». Впоследствии этот матерьял он заново переработал и переиздал в капитальном «Палеографическом обозрении кирилловского письма» (Пгд. 1915). Вместе с великолепным «Альбомом снимков с югославянских рукописей» (Пгд. 1916), этот труд является настольным пособием для всякого, кому приходится иметь дело с древнеславянскими манускриптами.

И внешнюю и внутреннюю сторону последних ЛАВРОВ всегда изучал сравнительно с их византийскими образцами и прототипами. Поэтому редкая его работа не представляла интереса для историка византийско-славянских отношений. В этой области ЛАВРОВ всегда чувствовал себя как дома, что̀ и доказал в своей прекрасной оценке «Трудов В. Г. Васильевского по истории славян» (Науч.-лит. сб. Гал. Мат. 1901 г., т. I).

Исследуя могучий поток древнеславянской письменности во всех его прихотливых извилинах, ЛАВРОВ никогда не упускал из виду его первоисточника, т. е. литературной деятельности Кирилла и Мефодия. Я скажу даже более: проблемы кирилло-мефодиевской истории всегда принадлежали к числу тех, которыми он занимался с особенною любовью и отдавал им всю свою душу. Но он долгое время подступал к ним очень медленно и осторожно, главным образом, в связи с издававшимися им разными памятниками славянской письменности, в частности, с сочинениями Климента, к которым он причислял и т. н. «паннонские жития» славянских первоучителей. В 1898 г. он издал прекрасный русский перевод этих житий в «Книге для чтения по истории средних веков» (т. II) П. Н. Виноградова, а в 1899 г. и текст «Жития Мефодия» и Похвального слова св. Кирилла и Мефодия по списку в сборнике XII в.» Но особенно щедро он рассыпал свои остроумные соображения о разных моментах жизни и деятельности Кирилла и Мефодия в своих в высшей степени содержательных рецензиях на труды по кирилло-мефодиевскому вопросу ЯГИЧА (Изв. 1901, т. VI, кн. 1), GOETZ'a (Виз. Врем., т. VIII), PASTRNK'a (Виз. Врем. 1902, т. IX), SNOPK'a (ЖМНПр. 1907, т. X н. с.), WILPERT'a (Виз. Врем. т. XIV), ФРАНКО (ЖМНПр. 1907, т. X н. с.) и др. В 1911 г. он издал среди «Житий херсонесских святых в грекославянской письменности» (М. 1911) приписываемое Константину Философу «Слово об обретении мощей Климента». Эта работа была, так сказать, прелюдией к давно задуманному им критическому изданию всех славянских источников, касающихся Кирилла и Мефодия. И действительно, после многих лет упорного труда ему удалось сдать в печать кодекс последних, но жестокая судьба не позволила ему дождаться выхода в свет своего chef d'oeuvre'a. Смерть пресекла нить его жизни через несколько месяцев после того, как Украинская Академия Наук опубликовала вводную часть его капитального труда, вышедшую под названием «Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві» (см. Byzantinoslavica I 236).

Наконец, добавим, что кирилло-мефодьевские вопросы стоят на первом плане в его обзорах ученой деятельности обоих великих корифеев славистики — ШАФАРИКА (Труды слав. ком. 1898 г., т. II) и ДОБРОВСКОГО (Josef Dobrovský, Sborník statí 1929 и Изв. 1929, т. II, кн. 2). Обе статьи о последнем явились его лебединою песнью: ими он замечательно красиво закончил свое полувековое служение науке, основанной бессмертным чехом.

Москва.

RESUMÉ.

P. A. Lavrov († am 24. November 1929) war der hervorragendste Vertreter der älteren Generation der russischen Slavistik. Geboren in Jaroslavl', studierte er in Moskau, lehrte dann in Odessa und wurde 1900 Nachfolger Lamanskij's in Petersburg. Seine große literarische Tätigkeit ragt besonders auf dem Gebiete der kirchenslavischen Literatur hervor; wichtig sind auch seine Arbeiten zur Geschichte der bulgarischen Sprache und zur Geschichte der slavischen Philologie.

Aus dem unermesslichen Reichtume der kirchenslavischen Literatur studierte Lavrov mit besonderer Vorliebe die südslavischen Denkmäler. Er gab 1895 eine wertvolle Monographie über Klemens von Bulgarien heraus und die Streitfragen, die die literarische Tätigkeit dieses größten Schülers Methods berühren, weckten öfters auch später Lavrovs Aufmerksamkeit. Ebenfalls wichtig sind seine Arbeiten über Chrabr und Johann Exarch, aber besonders verdienstvoll ist seine Entdeckung der Legende vom hl. Naum (1907). Eine merkwürdige Bereicherung des Altkirchenslavischen bedeutet auch Lavrovs Ausgabe der Blätter von Chilandar (1926). Wertvoll sind zahlreiche Rezensionen Lavrovs, die die Ausgaben der altkslav. Denkmäler behandeln. Für das Studium der späteren Periode des Kirchenslavischen sind Lavrovs Ausgaben der südslavischen Apokryphen vorteilhaft.

Seine große Belesenheit in den mittelbulgarischen Handschriften hat ihm ermöglicht, die erste historische Grammatik des Bulgarischen zu schreiben (1893).

Eine andere Gruppe von Lavrovs literarischer Tätigkeit bilden seine Arbeiten auf dem Gebiete der cyrillischen Paläographie; in der ersten Reihe steht da sein zusammenfassendes Werk mit einem prächtigen Album in der Petersburger Enzyklopädie der slavischen Philologie (1915 und 1916).

In den letzten Lebensjahren hat er eine großzügige Synthese seiner langjährigen Studien der cyrillo-methodianischen Zeit vorbereitet; leider ist bisher nur der einleitende Band dieses Werkes erschienen (1928 in der Kijewer Akademie). Alle diese Arbeiten Lavrovs wurden unter steter Berücksichtigung der byzantinisch-slavischen Beziehungen geschrieben.

Lavrov war aber mit besonderer Hingabe auch auf dem Gebiete der Geschichte der slavischen Philologie tätig. Vor allem widmete er großen Eifer dem Andenken der beiden größten čechischen Slavisten – Dobrovský und Šafařík. Zwei Jubiläumsarbeiten über Dobrovský (1929) schließen bedeutungsvoll das Lebenswerk dieses wahren Slavisten.

POSUDKY.

GEORG OSTROGORSKY: STUDIEN ZUR GESCHICHTE DES BYZANTINISCHEN BILDERSTREITES *(Historische Untersuchungen herausgegeben von E. Kornemann und S. Kaehler), Breslau, 1929, Verlag von M. und H. Marcus, in 8°, 113 pages.*

L'ouvrage de M. Ostrogorsky vient très à propos car le problème qu'il traite est un des plus passionnants de l'histoire byzantine. M. Ostrogorsky n'est certes pas le premier à l'étudier. Déjà Schwartzlose essayait en 1890 de donner un aperçu d'ensemble de la lutte engagée à propos du culte des images. (Der Bilderstreit, ein Kampf der griechischen Kirche um Freiheit, Gotha.) Puis le travail de M. Brehier (La querelle des images, Paris, 1904) a marqué, bien qu'il fût trop condensé, un progrès dans l'étude de l'iconoclasme. Mais, abstraction faite des petits travaux ou des articles touchant à ce problème ainsi que des études des historiens byzantins spécialistes des VIIIe et IXe siècles, nous manquons d'un ouvrage récent spécialement consacré à la querelle des images. On regrette presque en lisant l'ouvrage de M. Ostrogorsky que l'auteur ait limité ses recherches à quelques détails seulement, détails qui ont d'ailleurs une grande importance pour la compréhension du problème tout entier.

En trois chapitres M. Ostrogorsky étudie d'abord le traité de l'empereur Constantin V contre le culte des images et les rapports existant entre le traité et le premier concile iconoclaste. (Die Schrift Kaiser Konstantins V. gegen die Verehrung der Bilder Christi und das erste ikonoklastische Konzil.) Il aborde ensuite le second concile iconoclaste (Das zweite ikonoklastische Konzil) et termine par une étude des écrits attribués à Epiphane, écrits qui, d'après lui, constituent le trait d'union entre les deux synodes iconoclastes. (Die pseudo-epiphanischen Schriften gegen die Bilderverehrung als Bindeglied zwischen den ikonoklastischen Synoden von 754 und 815.)

Quelles sont les idées de M. Ostrogorsky? On saura gré à l'auteur d'avoir reconstitué les passages les plus importants du traité de Constantin V tirés des Antirrhetici du patriarche Nicéphore (Migne, P. G., 100) et collationnés d'après le manuscrit Cod. Coisl. 93. La reconstitution qu'en avait déjà donnée en 1901 Melioranskij (Georgij Kiprjanin i dva maloizvěstnych borca za pravoslavie v VIII. věkě. Zapiski ist. filol. fak. imp. pterb. universiteta LIX, Petrograd, 1901) était difficilement accessible aux historiens occidentaux et avait du reste besoin d'être revisée. Le traité en question constitue d'après l'auteur (p. 15) un écrit de propagande en faveur de l'iconoclasme et n'est qu'un parallèle aux conciliabules tenus dans différentes localités sur l'ordre de Constantin pour préparer le terrain au concile de 754. Ostrogorsky estime que, par là, Constantin fait un pas en avant et s'efforce de donner à l'iconoclasme une nouvelle base théologique. L'empereur affirme qu'une véritable image doit être de même nature que l'objet qu'il représente. Il est donc impossible de traduire la nature divine du Christ par une image et si on essayait de le faire, on courrait le danger de vouloir circonscrire la nature divine. Si on représente uniquement la nature humaine, on attribue au Christ une deuxième personnalité et on s'attaque ainsi au dogme de la Trinité. La seule image véritable du Christ, c'est l'Eucharistie.

L'empereur a donc nettement posé le problème iconoclaste sur le terrain christologique. C'est cela qui, d'après Ostrogorski, constitue un progrès: jusqu'alors, en effet, les iconoclastes se contentaient généralement de traiter d'idolâtrie le culte des images et puisaient leurs arguments presqueexclusivement dans les textes de l'Ancien Testament qui interdisent de représenter Dieu. Les ar-

guments christologiques contre les images avaient certes déjà été invoqués avant Constantin, mais jamais la question n'avait été si nettement posée. Mais – et ceci est d'un puissant intérêt – Ostrogorski trouve dans quelques expressions de l'empereur de fortes tendances monophysites. Constantin aurait voulu par là faire des concessions aux monophysites orientaux.

Pourtant le concile n'a pas suivi l'empereur dans cette voie. Tout en ménageant le Basileus, les Pères ont évité celles de ses expressions qui pouvaient être suspectées d'hétérodoxie; ils ont précisé sa terminologie trop flottante et dans leurs décisions ils se sont éloignés autant qu'ils ont pu de tout ce qui aurait pu laisser supposer un accord avec les monophysites.

On voit nettement l'importance des déductions de l'auteur. Si son argumentation est exacte, on devrait faire une revision de nos connaissances relatives à l'iconoclasme. Ostrogorsky nous montre ici des horizons nouveaux. La prétendue collusion de l'iconoclasme et des hérésies christologiques des siècles passés serait un nouveau facteur dont les historiens devraient tenir compte dans leurs recherches ultérieures.

Il me semble que le grand mérite d'Ostrogorsky soit d'avoir ainsi attiré l'attention des historiens sur ce problème. Il est possible que parmi les iconoclastes il y ait eu quelques extrémistes dont les opinions étaient très voisines des idées monophysites et peut-être, y aurait-il moyen, en tenant compte de ce fait, de jeter un peu plus de lumière sur les débuts de l'iconoclasme. Nous serions très reconnaissants à M. Ostrogorsky si, dans l'étude d'ensemble qu'il prépare sur l'iconoclasme, il nous donnait plus de détails sur cette intéressante question.

Reste à savoir, néanmoins, si les tendances monophysites étaient, dans l'iconoclasme, aussi fortes que l'auteur semble le supposer? Seraient-elles vraiment arrivées jusqu'au trône impérial et auraient-elles trouvé en Constantin un protecteur et un porte – parole? Les arguments que l'auteur invoque pour appuyer sa thèse ne paraissent pas tout à fait convaincants. D'abord, nous ne sommes pas sûrs de posséder en entier, ni même dans l'ensemble de ses parties essentielles, le traité de Constantin sur les images. N'oublions pas que la reconstitution de ce traité n'a été possible que d'après un ouvrage de son ennemi acharné, le patriarche Nicéphore. Le zélé défenseur des images n'a certainement pas omis de citer tous les passages du traité constantinien qui pouvaient discréditer le mieux possible l'empereur aux yeux des iconodoules et de la postérité. On sait combien étaient détestés tous ceux qui semblaient adhérer, même de loin, aux hérésies christologiques dont, à Byzance même, il n'était plus question depuis longtemps. La terminologie théologique de Constantin est en outre si vague, comme l'indique M. Ostrogorsky lui-même, qu'on ne peut pas en tirer des arguments décisifs. Nicéphore a-t-il vraiment reproduit fidèlement les paroles de l'empereur? N'a-t-il pas omis des expressions plus orthodoxes? Tous les témoignages concernant Constantin sont malheureusement, sous ce rapport, plus ou moins suspects. Je ne peux vraiment pas me décider à donner une valeur décisive au témoignage de Michel le Syrien, allégué par M. Ostrogorsky comme preuve des tendances monophysites de Constantin. On sait que Michel, monophysite acharné, avait l'habitude d'exagérer les faits qui semblaient plaider sa cause. D'un autre côté, si nous ajoutons foi aux différents «on dit» qui circulaient alors sur Constantin parmi les iconodoules, l'empereur aurait interdit l'appellation de Θεοτόκος. Serait-il donc nestorien?... Somme toute, nous devons constater que la théologie de Constantin était assez flottante et il sera probablement presque impossible, à moins que l'auteur découvre d'autres arguments plus décisifs, de prouver la foi monophysite de l'empereur Constantin V.

Le second chapitre où l'auteur traite les décisions du deuxième concile iconoclaste de

815 ne manque pas non plus d'intérêt. La reconstitution des actes du concile, telle que la donne Ostrogorsky, sera accueillie avec joie par les spécialistes. Quant à moi je n'oserais pourtant pas traiter avec tant de hauteur l'essai que fit le premier M. Daniel Serruys (Mélanges d'archéologie et d'histoire, 1903, pp. 345–351).

Mais ce qu' Ostrogorsky dit des actes du concile de 815 – actes moins riches au point de vue théologique que ceux de 754 – est juste. Pouvons-nous espérer que l'auteur continuera ses recherches dans ce sens et qu'il nous donnera des éditions critiques d'autres documents de l'époque, notamment des écrits encore inédits du patriarche Nicéphore? L'esprit critique dont il fait preuve et la manière consciencieuse avec laquelle il travaille désignent tout particulièrement M. Ostrogorsky pour cette tâche.

Le troisième chapitre relatif aux écrits d'Epiphane sera lu avec intérêt même par les théologiens. La tâche que l'auteur y entreprend est ardue. Il s'agit de plusieurs textes attribués à St Epiphane et qui ont une teinte iconoclaste très prononcée. Ce sont notamment le Testament du Saint, sa fameuse lettre à Jean, évêque d'Aelia, dans laquelle Epiphane raconte comment il a déchiré à Anautha un voile représentant une image du Saint, une autre lettre dogmatique et une troisième, adressée à l'empereur Théodose II. Ces déclarations iconoclastes d'un Père de l'Église du IVe siècleavaient fort impressionné St Jean Damascène et le patriarche Nicéphore, les deux apologistes les plus connus du culte des images, et elles bouleversent encore aujourd'hui les théologiens.

L'éditeur d'Epiphane, Karl Holl, a voulu prouver que tous ces textes étaient authentiques et qu'ils étaient des extraits des trois écrits d'Epiphane contre les images: 1° de son ouvrage contre l'iconodoulie, 2° de sa lettre à l'empereur Théodose, 3° du Testament du Saint. Ostrogorsky pense qu'on devrait plutôt parler de quatre écrits d'Epiphane. Le quatrième serait la lettre dogmatique (K. Holl: Die Schriften des Epiphanius gegen die Bilderverehrung, Sitzungsberichte d. kgl. Preuss. Akademie d. Wiss., 1916, 828 bis 868, et réimprimé dans ses Gesammelte Aufsätze zur Kirchengeschichte, II, 1928, 351–387). L'argumentation de Holl a été généralement reconnue comme exacte. Or M. Ostrogorsky s'élève contre ces affirmations. Il ne reconnait comme authentique que le Testament d'Epiphane. Les autres textes auraient été forgés, d'après lui, par les iconoclastes dans l'intervalle qui sépara les deux conciles pour s'en faire une arme contre le culte des images. Le fait que la lettre d'Epiphane se trouve dans les oeuvres de St Jérôme en latin ne prouve rien. Elle n'y a été insérée que plus tard.

Les arguments d'Ostrogorsky méritent de retenir l'attention de tous ceux qui s'occupent de ces questions délicates, mais ils doivent surtout être examinés par les théologiens. La question est évidemment très compliquée. Si nous avions au moins les actes du premier concile iconoclaste en entier pour pouvoir nous convaincre une fois pour toutes de ce que les textes d'Epiphane en question n'y figurent pas, nous pourrions adhérer sans hésitation à l'argumentation de M. Ostrogorsky et croire que ces écrits ont été fabriqués par les iconoclastes après le premier concile de 754.

Les théologiens verront d'ailleurs une ombre au tableau: d'après M. Ostrogorsky lui-même, l'authenticité du Testament qui paraît être cité dans les actes du dit concile est indiscutable et l'hostilité d'Epiphane contre les images reste entière.

En ce qui concerne la diffusion de l'iconoclasme sous Léon V et Théophile, il serait peut-être exagéré de dire que l'hérésie resta limitée aux environs de Constantinople, où la main des empereurs se faisait le plus sentir. La Vie de Saint Grégoire le Décapolite nous en donne une idée un peu différente. D'après elle, l'hérésie reste encore répandue dans les couvents de l'Asie Mineure, et on trouve même sous Théodore un évêque iconoclaste

en Italie byzantine, à Hydros.

En général, l'étude de M. Ostrogorsky est pleine de vues nouvelles et intéressantes qui méritent une attention particulière de la part des byzantinistes. Espérons que l'auteur nous donnera bientôt une étude d'ensemble sur l'iconoclasme. *Fr. Dvorník.*

Ф. И. УСПЕНСКІЙ, ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРІИ ТРАПЕЗУНТСКОЙ ИМПЕРІИ. *Издательство Академіи Наук С. С. С. Р. Ленинград. 1929. 1—162. 8. IV таблицы.*

Настоящая книга по выраженію ея издателя Жебелева является лебединой пѣснью знаменитаго византиновѣда.

Покойному академику Ѳ. И. Успенскому не суждено было увидѣть своего произведенія напечатанным.

Его очерки — это введеніе в обширный археологическій труд о средневѣковых древностях Трапезунта, богатыя матеріалы для котораго были собраны Успенским во время оккупаціи Трапезунта русскими войсками; но и здѣсь уже даются цѣнныя свѣдѣнія по топографіи и археологіи изучаемой области. Этим вопросам спеціально посвящены главы I, VII и 3 приложенія.

В предисловіи Успенскій указывает на основныя задачи своей работы, а именно, познакомить русскаго читателя с исторіей Трапезунта и отмѣтить общеисторическій интерес его, на первый взгляд, чисто локальной исторіи. В частности для русскаго это особенно поучительно, т. к. Трапезунтская имперія простирала свои владѣнія на южный Крым и находилась в тѣсных сношеніях с Кавказом. Содержаніе прежде напечатанных Успенским статей не вошло в Очерки.

I глава посвящена топографіи города Трапезунта, который Успенскій считает полным выразителем Трапезунтской имперіи, всецѣло зависящей от своей столицы. Эта глава, написанная крупным ученым, изслѣдовавшим памятники на мѣстѣ, представляет значительный интерес, хотя не всегда возможно согласиться с деталями. Особую цѣнность представляет изысканіе о Богородицѣ Златоголовой и происхожденіи этого названія; усыпальницѣ византійскаго императора, находящейся около церкви Б. Зл. Успенскій посвятил раньше статью «Усыпальница царя Алексѣя IV в Трапезунтѣ». Византійскій Временник. т. XXIII. Раскопки Успенскій производил также в монастырѣ св. Евгенія, гдѣ ему удалось установить расположеніе гробницы святого.

Слѣдующія главы, за исключеніем VII, посвящены исторіи Трапезунтской имперіи. Успенскій не дает подробнаго и систематическаго изложенія фактов, которое можно найти у Фалмерейера и в новѣйшей книгѣ Миллера. Он в бѣглом очеркѣ выдѣляет отдѣльные эпизоды, стараясь освѣтить сущность внутренняго кризиса и характерныя основы Трапезунтской имперіи.

Во II главѣ Успенскій занимается младшей линіей Комнинов и основаніем имперіи. Нам кажется, что Успенский нѣсколько преувеличивает значеніе царственного происхожденія рода Комнинов, т. к. прошло почти сто лѣт со смерти родоначальника и единственно-царствующаго члена этой вѣтви рода. Менѣе знатный Ласкарь, но связанный с послѣдней царствовавшей династіей, благодаря браку с дочерью царя Алексѣя III, мог скорѣе привлечь взоры греческаго населенія, как законный наслѣдник. Заключеніе об извѣстности Комнинов в Пафлагоніи и о связи их с Багратидами, как факторы возвышенія их рода, способствующія образованію ими самостоятельной имперіи очень цѣнны. Тут интересно было бы провести параллель с образованіем Епирскаго деспотата, гдѣ как и в Трапезунтѣ образовался могущественный локальный центр, но который не был способен объединить имперіи и продолжал носить свой своеобразный — провинціальный отпечаток. Не вѣнчаніе на царство Ѳеодора Ласкаря патріархом сдѣлало из него объединителя-имперіи — это только слѣдствіе событій. В руках Ласкаря оказалась не окраина, а центральная часть — малоазійскія владѣнія — оплот им-

періи. К нему стеклись, бѣжавшіе из столицы, они перенесли к его двору традиціи центральнаго византійскаго управленія.

В этой же главѣ Успенскій дѣлает экскурс о фрескѣ, сохранившейся в башнѣ Іоанна, под которой Успенскій предполагает мѣстонахожденіе усыпальницы родоначальников Великих Комнинов.

Что же касается вопроса о царском головном уборѣ, который Успенскій хочет приписать севастократору, то с этим едва ли возможно согласиться. Утвержденіе покойнаго академ. Кондакова о наличіи особой формы вѣнца без верха у высших санов подтверждается археологическими памятниками. Так в Боянѣ мы имѣем изображеніе современника Константина Тиха севастократора Калояна в вѣнцѣ с одной камарой спереди, точно такого вида, как он описан у Кодина. (Андреева, Очерки по культурѣ виз. двора, стр. 64; A. Grabar, La peinture religieuse en Bulgarie. 1928, стр. 163 не совсѣм точно передает мою мысль: разница не в цвѣтѣ камней, а в том, что византійскій севастократор носил скіадій.) Туліи подобный вѣнец не имѣет. Описаніе у Анны Комнин едва ли может быт истолковано в желательным для Успенскаго смыслѣ, требуется большая натяжка; φακιόλιον и кесарикій двѣ различныя формя вѣнцов, которыя нельзя смѣшивать. Как извѣстно, цари кромѣ парадной стеммы, носили иныя наряцные вѣнцы-шапки, то же можно сказать о кесарѣ.

Гл. III посвящена правленію Андроника Гида. К сожалѣнію Успенскій не отмѣтил карьеры Андроника Гида на службах у Ѳеодора I Ласкаря, возможно, что поддержка послѣдняго помогла ему захватить престол. Подробно Успенскій останавливается на извѣстіях Ибнельассира (Ибн эл-Атира) и житія святого Евгенія. Мы не усматриваем важных противорѣчій между обоими источниками, как это дѣлает Успенскій.

В слѣдующей IV главѣ Успенскій останавливается на вопросѣ о подходѣ к исторіи Трапезунтской имперіи; ее нельзя разсматривать, как простой отдѣл византійской исторіи: «в Трапезунтѣ преобладают мѣстныя лазитанскія тенденціи, поддерживаемыя в Тифлисѣ и имѣвших поддержку в симпатіях трапезунтских царей». Сильное вліяніе оказывают также в эту эпоху событія монгольскаго міра, в это время Трап. имперія еще выступает в качествѣ соперницы Никейской имперіи; позднѣе, благодаря внутренним раздорам ослабляющим имперію и болѣе тѣсным сношеніям с Константинополем, усиливается вліяніе Палеологов.

По мнѣнію Успенскаго в XIV вѣкѣ совершился перелом, направившій трапезунтскую жизнь по общевизантійскому руслу, т. е. завершилась полная побѣда эллинизма над грузинским элементом; хотя вопрос національности продолжает играть значительную роль и в позднѣйших смутах.

Період Трап. исторіи с конца XIII вѣка до сер. XIV в. (гл. V), Успенскій считает критическим. Одной из причин, способствовавших неблагопріятному положенію дѣл, являлась настойчивое желаніе Палеологов держать Трапезунт в своем подчиненіи.

VI, особенно интересная, глава озаглавлена: «Администрація, военные округа, полузависимая Халдія». Успенскаго привлекает для составленія недавно изданный вмѣсти с Бенешевичем матеріал: «Акты Вазелонскаго монастыря». По словам Успенскаго «мѣстныя особенности, вытекающія из сожительства на территоріи Трапезунтской имперіи разных народностей, а равно вліянія сосѣдних с имперіей народов, должны были наложить особую печать на внутреннюю жизнь Трапезунта и повліять на устройство имперіи, в особенности в період ея созиданія в первой половинѣ XIII в., когда она была нѣкоторое время изолирована от сношеній с корѣнными греческими областями». Болѣе конкретно особенностей Успенскій не указывает; к условіям мѣстным он причисляет развитіе помѣстно-вотчинных тенденцій, что на самом дѣлѣ типично не для одного Трапезунта, а для всей поздне-византійской имперіи. Войска по мнѣнію Успенскаго были исключительно наемными. Остальная тер-

риторія, кромѣ трех банд примыкавших к Трапезунту, была полу-самостоятельной. Особенно подчеркивается Успенским значеніе отдѣльных крѣпостей, служивших опорой для центробѣжных стремленій командовавших ими чинов. Одной из этих крѣпостей — Лимніи, Успенскій посвящает особую главу (VII) и пытается найти ея мѣстоположеніе в устьях р. Ларисы.

VIII глава озаглавлена: «Ликвидація враждебных Константинополю партій». Успенскій отмѣчает важность вопроса о сущности разлада между императорской властью и служилой аристократіей. Он подчеркивает феодальныя стремленія знати к образованію самостоятельных сеніорій и значеніе отдѣльных чинов и санов, дающих носителям их реальную власть. Среди этой борьбы красной нитью проходить усиливающееся греческое вліяніе.

В IX гл. Успенскій разбирает причины, приведшія к паденію Трапезунтской имперіи. К ним кромѣ внѣшних слѣдует приписать: «недостатки имперіи, как в организаціи ея и в отношеніи частей к цѣлому (центрофугальность окраин), так и в отсутствіи политической системы, которая дала бы преобладаніе болѣе численному и однородному элементу населенія над мелкими этнографическими группами». Также необходимо отмѣтить зло, проистекающее из притязанія константинопольских Палеологов удержать Трапезунт под своей опекой. Особенно цѣнны свѣдѣнія из Сумелійскаго хрисовула и попытка опредѣлить торговый путь, слѣдуя показаніям испанскаго путешественника Клавихо.

Послѣдняя глава, X, посвящена паденію Трапезунта. Причину гибели Успенскій видит в упадкѣ эллинизма и в том обстоятельствѣ, что «греческое царство оказалось ниже мусульманско-турецкаго государственнаго образованія». Крупной ошибкой, по мнѣнію Успенскаго, является политика трапезунтских царей, вступивших в коалицію с западными государями и тѣм раздражившх султана.

Книгу сопровождают приложенія: 1. посвящено разбору греческой надписи в церквѣ Іоанна на Скалѣ, что за городской стѣной, 2. двум иконографическим композиціям в колокольнѣ при храмѣ св. Софіи в Трапезунтѣ, именно, изображеніям фигур Космоса, богатаго и бѣднаго в пещерѣ, в сценах Сошествія Св. Духа и Тайной Вечери; наконец, 3. топографіи Акрополя. К книгѣ приложен указатель, составленный проф. Жебелевым, и 4 таблицы с фотографіями важнѣйших трапезунтских памятников.

Очерки Успенскаго представляют не только исключительную цѣнность, как написанные человѣком изучавшим памятники на мѣстѣ, но также и попыткой осмыслить сложную исторію Трапезунтской имперіи и внесеніем в изученіе ея ряда новых важных проблем в области международных отношеній, этнографіи и в особенности администраціи и соціальной исторіи.

М. А. Андреева.

N. P. KONDAKOV, PŘÍSPĚVKY K DĚJINÁM STŘEDOVĚKÉHO UMĚNÍ A KULTURY. Н. П. КОНДАКОВЪ, ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРІИ СРЕДНЕВѢКОВОГО ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ. *Изд. Чешской Академіи наук и искусств. Прага. 1929 г. p. 1-455.*

Посмертное изданіе недоконченнаго сочиненія Никодима Павловича Кондакова, над которым великій ученый работал послѣдніе дни своей жизни, доставляет нам, слушавшим покойнаго учителя, радость еще раз услышать слова, являющіяся синтезом его шестидесятилѣтней научной дѣятельности. Как указывает Л. Г. Нидерле, стараніями котораго сочиненіе *К.* увидѣло свѣт и на родном языкѣ автора: «его (К) работы долгіе годы сохранят свою цѣну, и болѣе того — время ее еще увеличит, и «Очерки» останутся неизмѣнным пособіем при изученіи исторіи искусств и древностей.»

К сожалѣнію рукопись *К.* осталась в незаконченном видѣ. Нѣкоторые отдѣлы своей

работы покойный академик не успѣл написать; в иных мѣстах сохранились только черновые наброски, которые не всегда въ достаточной мѣрѣ обработаны Н. М. Бѣляевым, редактирующим «Очерки». Несмотря на его труд и несомнѣнную любовь к дѣлу, в «Очерках» встрѣчается значительное количество неясностей, часто зависящих от чисто стилистических причин, и иногда крайне досадныя описки и неоговоренности. (напр. стр. 110. Плиній Младшій вмѣсто Старшаго).

Книга *К.* дѣлится на шесть очерков, касающихся отдѣльных вопросов, часто на первый взгляд весьма спеціальных, но в цѣлом создающих у читателя опредѣленный подход к средневѣковым древностям, как восточным, так и западным. «Очерки» не вполнѣ совпадают с курсом, читанным *К.* в Карловом Университетѣ — это только часть его, но мѣстами существенно дополненная.

I главу или очерк *К.* посвящает *древностям восточных кочевников в южной Россіи.* В ней изъясняется важность изученія скиѳосарматских древностей для правильнаго пониманія средневѣкового искусства. При этом отмѣчается культурность кочевников сравнительно с осѣдлым населеніем и особенная крѣпость их быта, способствующая сохраненію художественных форм. Огромную роль в искусствѣ кочевников сыграла религія, породившая магію. Магическій элемент в искусствѣ кочевников является характерной чертой, наряду с увлеченіем изображеніем звѣрей, т. наз. звѣриным стилем. *К.* останавливается отдѣльно на древностях южно-русских, сибирских и пермских.

II. *Искусство средневѣковых варваров в Европѣ. К.* подчеркивает сильное вліяніе искусства и быта варваров на Византію и Западную Европу въ эпоху переселенія народов, именно, на созданіе звѣринаго стиля. Из варваров, побывавших в Византіи и служивших там, особое вниманіе удѣлено готѳам. Далѣе *К.* переходит к разсмотрѣнію древностей варваров эпохи по Р. Х. на территоріи Южной Россіи, Кавказа и Венгріи. Наиболѣе ранним явленіем, зародившагося звѣринаго стиля, по имѣнію *К.* «были и должны были стать первые фазисы прививок варварскаго вкуса к основным культурам Востока, как то: Китая, Японіи и Индіи.»

III. *Древности Болгаріи.* Во время своего пребыванія в Софіи *К.* удалось ближе познакомиться на мѣстѣ с этим отдѣлом древностей. Останавливаясь на отдѣльных памятниках, как напр., на росписѣ древнехристіанской гробницы в Софіи или на плитах с изображеніем звѣрей, *К.* дѣлает весьма поучительные экскурсы (о почитаніи ангелов, связи павлина с фениксем, о двуглавом орлѣ и т. д.; в примѣчаніях к послѣднему вопросу Н. М. Бѣляев не указал важной работы Гейзенберга »Aus Geschichte und Litteratur der Paleologenzeit«. München. 1921; вообще его дополненія из научной литературы отличаются нѣсколько случайным характером). Характерным для болгарскаго искусства, как и для искусства кочевых народов, перешедших в Европу *К.* считает «политическую реакцію в сторону азіатскаго Востока и его преданій.» Это наблюдается въ рядѣ художественных тем, напр. гриф и слон, двуглавый орел.

IV. *О звѣрином стилѣ в средневѣковом искусствѣ.* Этот очерк должен по словам *К.* «способствовать необходимой постановкѣ в наукѣ вопроса о звѣрином стилѣ в его сущности и исторической полнотѣ.» При этом археологу нужно пользоваться историческим методом. Звѣриный стиль получил от греко-римскаго искусства только отдѣльные элементы, но основные его источники находятся в сассанидской Персіи и Средней Азіи. Смысл его исключительно «в наслажденіи художественными формами». Подобный интерес к чудесным звѣрям встрѣчается и в средневѣковой литературѣ. Далѣе слѣдует спеціальное изслѣдованіе *К.* о драконѣ, причем особое вниманіе удѣлено его дально-восточному типу. Другой отрывок посвящен вопросу о символическом значеніи звѣрей; отмѣчается появленіе в эллинистическую эпоху в греко-римском искусствѣ

итереса к міру звѣрей; в связи с этим стоят особаго рода поучительныя сочиненія о животных — физіологи и бестіаріи. Вниманіе *К.* в особенности привлекают сложныя формы сказочных звѣрей, в основѣ их он ищет реальныя черты; так прообраз единорога *К.* находит в носорогѣ и приводит ряд интересных доказательств. В концѣ очерка разбираются характеристики романскаго стиля различными учеными. К II, III и IV очерку приложены отрывки *К.* об отдѣльных памятниках.

V. *Византійскія одежды.* Большой очерк посвящен *К.* византійскому двору, как сосредоточію людей, гдѣ съумѣли путем культурных заимствованій «выработать особый вид одежды и придать затѣм такое значеніе, что византійская одежда и приспособленныя для нея восточныя и византійскія ткани стали образцом для всей Европы в средніе вѣка». В этом очеркѣ *К.* основывается главным образом на Константинѣ Багрянородном и Кодинѣ. К сожалѣнію этот очерк, неимѣющій ничего равнаго себѣ по значенію в литературѣ по основному отдѣлу — о византійских одеждах, дошел в первой своей части о византійских чинах и обрядах только в видѣ чернового наброска, который покойный академикъ не успѣл провѣрить. *К.* также лично не смог приписать необходимыя подсрочныя примѣчанія.

Между тѣмъ Н. М. Бѣляевъ не обратилъ достаточнаго вниманія на несовершенство сохранившагося текста, имѣющагося только в переписанном позднѣе видѣ, и не оговорил ряд мѣст, вызывающих сомнѣнія, иногда же являющимися простыми описками. Напр. об экскувиторах (происхожденіе слова от аккувитора и выдѣленіе их особо наряду с гвардейским отрядом, гдѣ и стилистически чувствуется незаконченность обработки мысли (стр. 191); стр. 184, гдѣ, повидимому, должно было стоять о спаѳарокандидатах, что они со временем получали всѣ привелегіи протоспаѳаріев, а не спаѳаріев (спаѳаріи рангом ниже спаѳарокандидатов); р. 191 слѣдовало указать в примѣчаніи, что мистик обычно считается канцелярским чином, отмѣчая различіе в взглядах *К.* от общепринятых. Излишним нам также кажется внесеніе в текст *К.* разсужденія Д. Ѳ. Бѣляева о Врумаліях, лучше бы его оставить въ примѣчаніи. Наконец совершенно уже ненужным является примѣчаніе 2 на стр. 186 самаго Н. М. Бѣляева, в котором дается разъясненіе о дѣленіи чинов на 7 классов, тѣм болѣе, что автор примѣчанія не только не вполнѣ удачно переводит отдѣльные термины, но и допускает неточности в наименованіи одного из вида чинов οἱ ἐκ προσώπου τῶν σχολῶν вмѣсто τῶν θεμάτων. Кромѣ того он дает чину своеобразное и основанное на явном недоразумѣніи толкованіе. (Объ этом чинѣ см. Bury, The imperial administratiff system in the IX century. p. 46, 138).

Очень подробно *К.* останавливается и на отдѣльных придворных церемоніях, столь характерных для византійской культуры. Затѣм он переходит к разбору различных форм вѣнцов, головных уборов и одежд, причем особенное вниманіе удѣлено многочисленным заимствованіям от варваров. Отдѣльно трактуются также аттрибуты византійских чинов, части конской сбруи и цвѣт одежд, в частности пурпур.

VI. *Византійскія и восточныя ткани средневѣковья.* Послѣдній очеркъ посвящен тканям. В введеніи *К.* указывает на значеніе, которое получают эти памятники, «как историческая основа для научнаго анализа живущаго доселѣ в быту европейских народов кустарнаго, иначе народнаго орнамента». При разборѣ тканей *К.* устанавливает два основных типа эволюціи ткани — римско-эллинистическій (помпеянская живопись) и восточный (персидская сцена охоты). Особо разсматривается растительный орнамент, его элементы и вопрос отраженія эллинистической формы в искусствѣ. Затѣм К. переходит к звѣриным сюжетам; причем особенно подчеркивается магическое значеніе изображенія отдѣльных животных, напр. пѣтуха. Конец очерка посвящен тканям, найденным въ Россіи.

К книгѣ приложены подробное оглавленіе, которое вмѣстѣ с раздѣленіем книги на отставцы с вынесеніем на поля заголовка, значительно облегчает пользованіе ею. В указателѣ имѣются недочеты.

Сочиненіе знаменитаго византиновѣда не только дает новое освѣщеніе исторіи средневѣкового искусства, но также сообщает и устанавливает ряд важнѣйших подробностей изъ археологіи византійской и средневѣковых народов. Эта книга по справедливости должна стать настольной для занимающихся средневѣковым искусством, археологіей и исторіей Византіи.

М. А. Андреева.

L. NIEDERLE, PŘÍSPĚVKY K VÝVOJI BYZANTSKÝCH ŠPERKŮ ZE IV.—X. STOLETÍ. *V Praze. Nákladem České Akademie věd a umění. 1930.*

Настоящій цѣнный очерк извѣстнаго ученаго и археолога Л. Нидерле является единственным в своем родѣ введеніем в исторію византійскаго прикладного-ювелирнаго искусства. Как указывает сам автор, этому вопросу в наукѣ удѣлено лишь незначительное вниманіе. (Так главу посвящает ему Dalton). Поэтому книга *Н.* становится необходимым руководством для каждаго занимающагося этим отдѣлом, как единственный систематическій обзор, привлекающій значительное количество памятников и намѣчающій главнѣйшіе типы различных ювелирных предметов.

I. В введеніи *Н.* останавливается на основных вопросах, разрѣшить которые необходимо прежде чѣм перейти к пересмотру памятников: о значеніи Византіи-Константинополя, как столицы имперіи и торговопромышленнаго центра, оказывавшаго сильное вліяніе на сосѣдніе народы в особенности в IX—XI вв. В Византіи создалось, путем вліянія восточнаго искусства на греческое, свое новое искусство, в котором под чистовосточным богатством форм сохранялась античная основа. Другіе промышленные центры придали византійскому искусству только локальную окраску. О сферѣ вліянія византійскаго искусства, охватывающей восточную славянскую Европу, Придунайскія области, Балканскій полуостров, Истрію, Далмацію, Италію Сицилію, Сѣв. Африку, наконец среднюю Европу и Францію, заходя и за Рейн. Как видно из этого перечня термин византійскій получает очень широкое значеніе и охватывает гораздо больший круг памятников, чѣм это обычно дѣлается.

II. Драгоцѣнности. Признаком византійскаго искусства *Н.* считает роскошь-изобиліе золота, серебра, драгоцѣнных камней и жемчуга, и стремленіе создать при помощи их эффектныя сочетанія цвѣтов. Колоритност отличает византійскія вещи от античных и придает им сходство с восточными, от которых их не всегда легко бывает отличить. Византійскія драгоцѣнности, это - тѣ, которыя были сдѣланы в сферѣ византійскаго вліянія и носят присущій ей характер. Для опредѣленія характера *Н.* приводит нѣсколько признаков: историческій, эпиграфическій и географическій. Затѣм *Н.* дает обзор важнѣйших находок в порядкѣ их мѣстонахожденія.

III. Техника. *Н.* останавливается на видах техники в Византіи и отмѣчает, что там пользовались всѣми техническими пріемами, извѣстными в Греціи, Римѣ и на Востокѣ. Особенно типичны для византійских работ эмаль и niello (чернь по серебру). Затѣм Н. разсматривает отдѣльные техническіе пріемы: opus interrasile, филигрань, зернь, инкрустація (драгоцѣнными камнями), эмаль, niello и др.

Слѣдующая глава IV (Декорація) посвящена орнаментировкѣ и украшенію предметов. На предметах ювелирных встрѣчаем тѣ же мотивы, как в скульптурѣ и в иконографіи, хотя всеже, из за чисто технических причин, преобладает геометрическій стиль. Затѣм *Н.* останавливается отдѣльно на человѣческой фигурѣ и перечисляет сюжеты, звѣрях — звѣриный стиль заимствован с востока, но фигуры звѣрей в византійской трактовкѣ

получают болѣе спокойный и геральдическій характер; растительном орнаментѣ, гдѣ особую роль играют античный аканѳ и эллинистическая лоза; разбирая различные мотивы *Н.* останавливается на процвѣтшем крестѣ, и на геометрическом орнаментѣ, особенно разработанном и перешедшим в Византію с восточных тканей; из мотивов *Н.* упоминает плетеніе, розетки, кресты и др.

Наконец V, самая обширная глава, занимается отдѣльными разными видами ювелирных предметов. Начинает *Н.* 1. с діадем: в кратких словах он разбирает императорскіе вѣнцы и повязки, носимыя владыками и знатью. Большее вниманіе удѣлено *Н.* 2. фибулам: из бывших в древнѣйшее время в употребленіи видов, в Византію перешли крестообразная фибула и круглая (брошь). Отдѣльно *Н.* останавливается на типѣ т. наз. лангобардских и готѳских фибул и считает, что этот тип выработался в греческих мастерских Черноморскаго побережья, а затѣм получил свое окончательное развитіе у германцев. Кромѣ двух упомянутых видов существовал болѣе сложный торжественный тип — императорской фибулы. 3. Булавки. 4. Застежки, пуговицы, пряжки и металическія набойки. *Н.* приводит ряд пуговиц, найденных в Чехіи, Моравіи и Венгріи. Пряжки не представляют такой богатой отдѣлки, как застежки но среди них *Н.* отличает нѣсколько типов. Особенно интересны пряжки в формѣ вытянутаго «U», находимыя в Венгріи; форма их принесена кочевниками, но изготовленіе подобных предметов могло происходить и в греческих мастерских, приспособившихся к варварским вкусам. *Н.* подробно останавливается на разборѣ стиля. Происхожденіе (византійское или варварское) массы нашивных пластинок трудно опредѣлить.

5. Ожерелья и подвѣски. Особое вниманіе удѣлено гривнам-маніакам, носимым при византійском дворѣ. *Н.* различает 5 главнѣйших типов ожерелій; почти всѣ имѣют подвѣски или медальоны с императорским портретом. Подвѣски отличаются необыкновенным разнообразіем форм; на одном видѣ их, крестах, *Н.* останавливается особо и указывает на мѣста их фабрикаціи — Корсунь и Палестину. 6. Браслеты. Наряду с старыми античными и восточными, в византійском искусствѣ появляются новые, нѣкоторые из них возникли в греческих мастерских, другіе заимствованы с Востока. 7. Нѣсколько страниц посвящено *Н.* кольцам, которыя раздѣлены на 3 группы: печатки, свадебные и парадные. 8. Подробнѣе *Н.* останавливается на серьгах, дающих большое разнообразіе форм. Он отмѣчает семь важнѣйших типов и у каждаго из них особыя локальныя формы; из них отмѣтим лунницы.

Заканчивает *Н.* небольшим заключеніем о характерѣ разбираемых им драгоцѣнностей. Главный признак при опредѣленіи византійскаго происхожденія драгоцѣнностей, найденных в области вліянія послѣдней — матеріал и техника, затѣм уже стиль и орнамент. При этом *Н.* полагает, что при сравненіи византійскаго матеріала с варварским сразу же бросается в глаза разница двух художественных міров.

Давая схему развитія византійской техники в ювелирном дѣлѣ *Н.* отмѣчает в IV и V ст. продолженіе старой техники, в V, VI, VII расцвѣт работ с филигранью и стеклом; в VIII и IX появляется эмаль, в X она занимает мѣсто наряду с филигранью. К этому времени относится второй расцвѣт византійскаго ювелирнаго искусства. (Первый при Юстиніанѣ.)

В этой тщательной разработкѣ вопросов византійской техники и попыткѣ установить главнѣйшія типы отдѣльчых предметов лежит особая цѣнность книги маститаго изслѣдователя. *М. Андреева.*

M. ANDREEVA, OČERKI PO KUĽTURĚ VIZANTIJSKAGO DVORA V XIII. VĚKĚ. *Rozpravy král. české společnosti nauk, třída filosoficko-historicko-jazykozpytná. Nová řada (VIII.) č. 3. V Praze 1927, 208 stran, 4°.*

Spisovatelka si vytkla za úkol vybrati z určitých, více méně současných pramenů,

látku týkající se kultury byzantského dvora v době dynastie Laskarovců, vládnoucí v t. zv. císařství nikajském. Látku tuto sestavila v jistý ucelený obraz, ale neprovedla to pouze mechanicky, nýbrž kriticky tak, že příslušné zprávy přiměřeně vysvětlila, mezi sebou srovnala a vymýtila věci nevěrohodné.

Vyloživši v Úvodě význam kultury císařství nikajského a zvláště pak jeho hlavního města Nikaje jakožto přímého pokračování kultury starobyzantské a podavši kritické ocenění svých pramenů, vylíčila hlavní rysy kultury nikajské ve čtyřech velikých a obsažných obrazích, z nichž I. má za předmět zařízení a obřadnosti císařského dvora, II. pojednává o dynastii Laskarovců a zejména o císařích Theodorovi I., Janu III. a Theodorovi II. Obraz III. se obírá složením společnosti kupící se na dvoře nikajském a obraz IV. duševní vzdělaností, jmenovitě vědeckými snahami, uměleckými zálibami i zábavami této společnosti.

Aby odůvodnila své základní hledisko, že nikajská kultura byla přímým pokračováním kultury byzantské, obírá se nejprve otázkou, zdali Laskarovci byli skutečně nástupci cařihradských »basileů«. Rozebravši kriticky zprávy o tom, jak si počínal Theodor Laskaris, později první císař nikajský, při dobytí Cařihradu křižáky (1204), pokládá za pravděpodobnější, že v poslední chvíli obrany byl zvolen a korunován za císaře ještě v Cařihradě ne on, nýbrž bratr jeho Konstantin, který brzy mizí s jeviště dějin. Ač Theodor teprve r. 1206 byl prohlášen za císaře, když se kolem něho jakožto energického vojenského vůdce seskupila vznešená emigrace byzantská, hledající v Malé Asii útočiště, přece možno jej pokládati za přímého oprávněného nástupce byzantských císařů, poněvadž Laskarovci požívali už v Cařihradě veliké obliby, zvláště mezi duchovenstvem a poněvadž v Nikaji se stali ohniskem nejvýznačnějších šlechtických rodů byzantských a duchovenstva »velikého chrámu« (sv. Sofie) s patriarchou cařihradským v čele.

Ač do Nikaje přešel starý dvůr byzantský, přece povaha jeho se v tomto prostředí značně změnila, a to vlivem válečného stavu, v jakém neustále trval, zjednodušením obřadností, přílivem maloasijské šlechty a také příměsí sousedství latinského a tureckého (ze sultanátu ikonského).

Nato pojednává spisovatelka o pramenech, jichž k své práci použila. Jsou to především četné spisy a listy Nikefora Blemmydy, spisy Georgia Akropolity, spisy a listy císaře Theodora II. Laskarise, kronika Theodora Skutarioty, verše Mikuláše Eirenikia, dějepisná díla Georgia Pachymera a Nikefora Gregory, spis Georgia Kyperského, dějepisné dílo Nikety Akominata, Kodinův spis o úřadech byzantských a některé jiné prameny významu podružného.

Vlastní spis se začíná popisem kulturních ohnisek říše nikajské, t. měst Nikaje, Nymfeia a Magnesie a kláštera Sosanderského. Spisovatelka poukazuje na to, že říše nikajská neměla vlastně žádného hlavního města, jakým býval v říši byzantské Cařihrad, že města shora jmenovaná bývala jen dočasnými sídly císaře a jeho dvora. Nikaja a Magnesia byly vlastně důležité posice strategické, vojenské tábory nebo pevnosti, Nymfeion bylo původně jen letní sídlo, ale později nabylo významu podobné dočasné residence, jakou dříve bývala Nikaja. Spisovatelka sestavila v jakýsi přehledný celek různorodé zprávy, vyskytující se o těchto městech v pramenech a osvětlila tím jejich význam zeměpisný, politický a kulturní, jmenovitě co do stavitelství a co do pěstování vědy a filosofie.

Aby ukázala, jak vypadal císařský dvůr, sebrala a sestavila zprávy týkající se dvorských hodností a stráží. Zprávy tyto srovnala se známým spisem císaře Konstantina VII. o obřadech dvora byzantského a s podobným spisem Kodinovým, napsaným někdy v 2. polovici 14. století a přišla ku poznání, že stav hodností doby nikajské se neliší podstatně ani od stavu doby Konstantinovy, ani od stavu doby Kodinovy, ačkoliv

ovšem jsou rozdíly, vyplývající z různosti poměrů různých dob. Snaží se zjistiti, které úřady a hodnosti skutečně existovaly za Laskarovců, uvádí řadu dokladů, že se užívalo na označení hodnostářů a úředníků i jiných terminů, a to nedosti určitě a přesně. Všecko úřednictvo se dělilo na dva stupně, první a druhý. Úředníci prvního stupně sluli »megistani« — velmoži a bývali členy císařské rady čili synkletu. Spisovatelka vypočítává dlouhou řadu jednotlivých hodností v tom pořádku, jak jsou zaznamenány u Kodina a sestavuje zprávy o nich hledící k době Laskarovců. Vypočítavši hodnosti a úřady, přechází k dvorské stráži a pojednává nejprve o *eunuších*. Za Laskarovců se udržovaly ještě jen zbytky dřívějšího jejich význačného postavení. Kdežto u Kodina se jeví už jen pouhými sluhy, za Laskarovců ještě někteří z nich zaujímají postavení dosti vynikající.

K ochraně osoby císařovy byly určeny *scholy*, t. j. sbory šlechtických jinochů, které v bitvě obklopovaly císaře. Scholy byly zároveň školami. Mimo scholy bylo užíváno stráží, složených z cizinců. Byli to zejména *Varjagové*, kteří však už od doby Komnenovců nebyli Normané a Rusové, nýbrž Angličané, Skotové a Dánové. Velmi důležitý byl sbor *Latinů*, čítající několik set mužů a skládající se z těžkooděných, obrněných rytířů, pocházejících z význačných rodin franských. Sbor ten požíval velké vážnosti a konal výborné služby v bitevních srážkách. Podle jeho vzoru řídila se pak i výzbroj rytířů byzantských. Latinové nejednou měli vliv na politické události. Oni hlavně přispěli k povýšení Michala Palaiologa za císaře (1259). Značnou část vojska byzantského tvořili od r. 1240 *Skythové*, t. j. Plavci či Kumáni jakožto lehká jízda. I oni nabyli vlivu politického a přispěli k povýšení Michala Palaiologa. V době Michalově se po prvé objevují ve vojště byzantském také *Turci* ze sultanátu ikonského.

Třetí hlava spisu Andreevové se obírá obřady, a to po pořádku, v jakém se uvádějí v knihách, jednajících o obřadech. Laskarovci se snažili udržeti obřady dvorské, jakých se užívalo v Cařihradě za Angelovců, ale přes to změněné poměry vyžadovaly jisté změny hlavně ve směru zjednodušení, a to jednak pro nedostatek času, jednak i pro menší prostředky peněžité.

Laskarovci trávili větší část života v táboře, který se podobal pohyblivému městu. Císař bydlel v jakémsi malém paláci. Všichni dvořané v něm byli nuceni konati službu vojenskou, jmenovitě v noci službu strážní. Císař provázen jsa náčelníky jednotlivých částí a některými důvěrníky procházel každého dne tábor a míval malé porady s náčelníky. Kdežto ve městě chodíval bez meče (který před ním nosil veliký domestik), v táboře býval opásán mečem. Obřady dvorské byly v táboře zachovávány jen částečně.

Spisovatelka shromáždila poměrně mnoho zpráv o *korunovacích* císařů nikajských. Císař býval nejprve vyzdvižen na štít a provolán od lidu a nato přijal korunu od patriarchy. Při vyzdvižení hlavní podíl mělo vojsko a šlechta. Po vyzdvižení císař si *obouval purpurově červené střevíce*, které prý asi od doby Komnenovců byly hlavním příznakem moci císařské. Střevíce různé barvy byly odznakem různých stupňů dvorských hodností; sebastokrator nosil modro-zelené. Pak se oblékal v purpurovou chlamydu. Po korunovaci měl na hlavě *stemmu* (korunu). Zajímavo, že o posledním císaři latinském Balduinovi II., se zachovala zpráva, podle které měl tytéž odznaky moci císařské, jako císařové nikajští. Hned po vyzdvižení na štít rozesílal císař manifest podepsaný podpisem jeho v červené barvě — znamení to císařské moci — vyzývající obyvatelstvo, aby mu složilo přísahu. Korunovaci bylo možno odložit, ale ne jí vůbec pominouti. Jak vypadala koruna (stemma), vidíme z obrazu Theodora II. a Michala Palaiologa, zachovaných v jednom rukopise mnichovském. Po korunovaci císař v plném rouše císařském, provázen jsa dvořany a stráží, ubíral se v slavném průvodě z kostela do paláce.

Při méně slavných příležitostech nosili

císařové na hlavě jiné pokrývky nežli korunu, na př. *perlovou pyramidu* špičatou (vysokou čepici).

Přecházejíc k otázce přijímání a slyšení *cizích poselstev*, jimž dvůr byzantský odjakživa hleděl imponovati ukazováním dvorské nádhery a bohatství, zaměstnává se spisovatelka názory, jaké v době Laskarovců ovládaly vůdčí osobnosti stran přepychu a šetrnosti při dvoře císařském. Dvůr nikajský vynikal sice opatrnou hospodárností a snahou povznášeti finančními úlevami blahobyt obyvatelstva, ale udržovati stkvělý dvorský lesk pokládal za nezbytný prostředek zahraniční politiky. O tom, jak v době Laskarovců byli přijímáni ve slysení cizí poselstva, podává příklad Pachymeres vypravující o přijetí poselstva Tatarů r. 1257 nebo 1258 — tedy v době strašného návalu tatarského, kterým byl zničen kalifát bagdádský a do základů otřesen sultanát ikonský. Nikajanům se podařilo udržeti Tatary v dobré míře a odvrátiti jejich útok hlavně asi tím, že vyvolali u poslů jejich dojem velikého bohatství a moci, zejména vojenské. Spisovatelka vypočetla diplomatické styky s jinými sousedy, ale po stránce obřadové nalezla zpráv velmi málo. Jednání s poselstvem papežovým bývalo obyčejně spojeno s theologickými disputacemi.

Jinou příležitost k rozvíjení dvorského lesku poskytovala svatba císařova. To osvětlují písňové verše Mikuláše Eirenikia, na oslavu sňatku Jana III. s dcerou Fridricha II. (r. 1244), které vydal a vyložil Heisenberg. Spisovatelka podává obsah jejich a podle nich jaksi rekonstruuje průběh svatebních obřadů. Z nich nejdůležitější jest »prokypsis«, slavné ukazování se císaře (v jakémsi záclonovém stanu) lidu, které spisovatelka pokládá za analogii starého vystupování císařova v hippodromové lóži. Osoby císařské byly při tom osvětlovány; pěny byly písně nazývající císaře sluncem a císařovnu měsícem. »Prokypsis« děje se na prostranství před chrámem, lid císaře a jeho choť pozdravuje a chor pěje. Po ní se oba ubírají obklopeni jsouce dvorskou družinou do paláce za zpěvu choru. Když císař vejde do paláce za záclonu, která nahrazuje dveře, ještě jednou se obrátí a ukazuje se znovu lidu na rozloučenou. Při tom zase se zpívalo. Některé obřady se shodují s obřady zaznamenanými Konstantinem Porfyrogennetem — na př. vyzvání císaře slovem »vejdi« (ανατείλον). Žádost choru, aby císař potěšil a osvítil pokolení Rhomaiů, připomíná loučení císařovo s demy.

Spisovatelka uvádí dále doklady o všedním životě císařově. Dovídáme se, že císař každodenně ráno udílel slyšení nebo přijímal návštěvy. Ale zastával jej také syn. Zajímavo, že nedali jednou mu (následníkovi Theodorovi) ráno ani dospati, neboť už na něho čekal efesský metropolita a j. Spisovatelka přehlížejíc všechny zprávy, dospěla k mínění, že Laskarovci se sice snažili zachovávati staré tradice, oceňujíce jejich státní důležitost, ale přes to se obřadnostmi nevázali přílišně.

Druhý obraz spisu M. Andreevové se obírá dynastií Laskarovců, jimž všichni novější dějepisci přičítají netoliko zásluhu o zachránění a udržení říše byzantské, nýbrž i o podporování rozvoje vzdělanosti, která na jejich dvoře měla své přirozené ohnisko. Dynastii této přísluší vlastně neprávem jméno Laskarovci, neboť jen zakladatel nikajské říše Theodor I. byl z rodu Laskaris. Už jeho nástupce a zeť Jan III. byl z rodu jiného, Duka-Batatzes — avšak poněvadž rod Laskarovců byl pokládán za vznešenější, tedy jméno jeho podrželi i nástupci Theodorovi. Hlava V. jedná o zakladateli dynastie, císaři Theodorovi I. Ukazuje se, že o jeho osobnosti se zachovalo poměrně málo zpráv. Zachoval však popis jeho osobního vzezření. Ač byl malé postavy, měl velikou sílu tělesnou. Gregoras chválí jeho vnitropolitickou správu a péči o budování a opevňování měst. Skutariotovi se zdá to, co provedl Theodor I., takřka nadlidským, ale spisovatelka jeho názor pokládá za idealisaci, poněvadž lid trpěl velikými daněmi. Sku-

tariotes chválí zbožnost Theodorovu – duchovenstvo mu přálo a jeho přízeň byla základem jeho zvolení za císaře a všeobecného uznání.

Theodor I. shromáždil kolem sebe starý cařihradský dvůr císařský. Tito dvořané přenesli do Nikaje kulturní tradice byzantské a přičinili se o vzrůst nového kulturního prostředí i pokolení. U epirského despoty byla pouze šlechta oblastná, kdežto do Nikaje přešly nejvýznačnější staré rody.

Kromě těchto vědomostí podává spisovatelka v této hlavě hlavní fakta týkající se života a politické činnosti Theodora I. před pádem Cařihradu a z doby jeho panování.

Zeť a nástupce Theodora I., Jan III. Duka-Batatzes, doplňoval šťastně vlastnosti svého předchůdce a pokračuje v jeho činnosti výbojné hlavně věnoval své snahy vnitřnímu zřízení a organisaci nově dobytých zemí. Chtějíc náležitě vylíčiti osobnost Jana III. spisovatelka podává stručný přehled jeho vlády, jmenovitě událostí jeho zahraniční politiky, neboť »skoro celá jeho vláda byla zaujata válkami, zvláště v prvním desítiletí.«

R. 1228 po nové šťastné válce s Latiny tito byli úplně vytlačeni z Malé Asie. Od té doby území nikajské nebylo už obtěžováno útoky cizích vojsk, ani ze sultanátu ikonského, a to bylo příčinou veliké obliby dynastie u rolnictva.

Po roce 1228 zahraniční situace se pro císařství nikajské značně zhoršila, zvláště pak v letech 1230–1241. »Skoro každého roku byl Jan na výpravě, a byl-li on v Nikaji, zápasilo někde jeho vojsko a vojevůdcové.« Přijímajíc příznivé posudky Jana III. z dosavadní literatury, spisovatelka hledí sestrojiti jeho charakteristiku na základě zpráv, které o něm podávají spisovatelé s ním současní nebo nepříliš dlouho po něm píšící.

Způsob vnitřní politiky líčí Andreevová především podle zpráv Theodora Skutariota. Nejvíce místa věnuje císaři Theodorovi II. Laskarisovi, zajisté proto, že pro něho jest zachováno mnoho zpráv jednak ve spisech jeho učitele Nikefora Akropolity a Nikefora Blemmyda, jednak ve spisech a cenné korrespondenci samého Theodora II. Theodor proslul jakožto znamenitý vzdělanec své doby, jakožto císař-filosof. Ale jeho zájem o literaturu a vědy nebyl jediný, který jej zaměstnával, neboť jsa vladařem vedle svého otce věnoval mnoho péče i záležitostem politickým a nezanedbával ani zábav, hlavně lovu.

S vladařením Theodorovým nebyli všichni spokojeni – proč, nevíme. Snad to souviselo s jeho zálibou v přepychu, se kterou ani otec nebyl spokojen. Když r. 1254 nastoupil na trůn, očekávali od něho mnoho dobrého vojsko a dvorští hodnostáři, u kterých byl oblíben. Lid však nebyl spokojen s tím, že začal zvyšovati daně. Nedlouho před nastolením Theodora II. otec jeho Jan III. provedl řadu konfiskací majetku movitého a ještě více nemovitého, náležejícího služebné šlechtě. Akropolites vysvětluje všeobecné naděje, které do Theodora byly skládány tím, že dovedl utajovati své city strojenou otevřeností a obezřetností v jednání s lidmi. Theodor sdílel politické názory svého otce, ale užíval jiných způsobů při jejich uskutečňování. Proto všichni začali vládu jeho otce pokládati za dobu blaženou. Proto prý podle Akropolity všichni si přáli brzské smrti Theodorovy.

Spisovatelka chtějíc ukázati na skutečnostech, co vlastně bylo příčinou nespokojenosti s Theodorem, uvádí nejprve odmítnutí, kterého se od něho dostalo učiteli a duchovnímu rádci jeho Nikeforovi Blemmydovi, když byl zvolen za patriarchu, ačkoliv duchovenstvo opětovně se vyslovilo pro něho. Blemmydes ovšem se zdál Theodorovi příliš silnou a samostatnou osobností. Theodor přes to, že byl velice zbožný a zajímal se o theologii, byl silným caesaropapistou a mísil se do věcí církevních. Hájil právo císařovo předsedati synodám a míti rozhodující slovo ve věcech věroučných. Spisovatelka odmítá mínění, že v té věci byl pod vlivem císaře Fridricha, poněvadž tento by nebyl šel tak daleko ve svých nárocích

vůči západní církvi a papeži. Se šlechtou se dostal Theodor v rozpor tím, že na výpravě proti Bulharům rozhodl o válečných operacích s kroužkem svých důvěrníků proti mínění vojenské rady vojevůdců někdy svého otce. R. 1256 prováděl válečnou politiku s napětím takřka posledních sil země, jmenovitě s velikým vyčerpáním poplatníků tak, že pokládal za potřebné ospravedlňovati se proti výtkám Blemmydovým. List, který obsahuje tuto obranu, je zajímavý tím, že v něm líčí svůj denní program, aby ukázal, co starostí a práce jej zabavuje a že přece nesklízí pochvaly.

List, je důležit také tím, že podle něho byla v Nikaji strana, která neviděla zvláštní nutnosti, aby Cařihrad byl brzy opanován a byla mírněji a trpněji naladěna; k ní, jak patrno, náležel i Blemmydes.

Vypočítavši události vnitřní i zahraniční politiky r. 1256 a 1257 spisovatelka obzvláště se obírá oposicí a pronásledováním šlechty, což, jak se zdá, vysvětluje tím, že Theodor II. na úkor hodnostů a dvořanů Jana III. se obklopil kruhem svých mladých milců a je povyšoval na nejvyšší místa. Mezi ty, které postihovala nemilost císařova, náležel i jeho učitel Akropolites. Nejlepší vojevůdce Michal Palaiologos prchl k Turkům. Mnoho význačných šlechticů bylo odsouzeno a přísně potrestáno — mnozí podle všeho nespravedlivě a krutě. Císař Theodor II. zemřel uprostřed tohoto napjatého zápasu. Palaiolog toho využitkoval k svržení dynastie a k uchvácení důstojenství císařského. Nastala úplná reakce šlechty. Literáti a učenci nízkého původu, kteří dosud měli význačné postavení na dvoře císařském ustoupili značně do pozadí.

Třetí obraz práce Dr Andreevové se obírá sociálním složením nikajského dvora. Nejvýše stáli »*megistanové*« — vyšší šlechta, třída převážně vojensko-statkářská, z níž pocházeli nejvyšší úředníci a hodnostáři. Za nimi následovali »*archonti*«, správní úředníci a vojenští důstojníci; mnozí z nich se vyšvihli z nízkých rodů svým vzděláním a schopnostmi; i tito byli převážně původu šlechtického, ale přece ne tak urození, aby mohli dosáhnouti nejvyšších hodností. Pak bylo dvorské *duchovenstvo*, k němuž se družilo duchovenstvo »Velikého chrámu« (sv. Sofie v Cařihradě), jež přešlo do Nikaje. Konečně náleželi ke dvoru *nižší úředníci*, kteří byli do jisté míry i sluhy.

Megistanové se dělili ve 2 skupiny, t. na příbuzné císařovy a vyšší služebnou třídu. Členům císařské rodiny přiznává Blemmydes dědičné právo na panování, a to v jednotlivých částech říše na účet její celistvosti. Právo dědičnosti bylo přiznáváno i postavení, jaké jednotlivé jiné rody zaujímaly při dvoře. Spisovatelka pokládá tento názor za charakteristický pro dobu 13. století. Proto se velice cenilo příbuzenství s vysokými rody a zvláště s dynastií. Příslušnost k třídě megistanů poskytovala právo na nejvyšší úřady a hodnosti. Které rody za Laskarovců stály v popředí, vypisuje autorka z Pachymera.

Megistani (a také archonti) měli větší zálibu ve válce, lovu a podobném zaměstnání nežli ve vědách a umění, ač jimi neopovrhovali. Ovšem z jejich středu nevyšel žádný spisovatel a umělec.

V třídě *archontů* bylo možno snáze postupovati lidem nižšího původu. Jedním z nejvýznačnějších představitelů stavu archontů byl proslulý spisovatel Georgios Akropolites, osobní tajemník Jana III., jemuž spisovatelka věnuje zvláštní odstavec. Mimo Akropolitu uvádí ještě několik jiných archontů, jmenovitě těch, o nichž se zachovaly zprávy, že se obírali literaturou, vyučováním nebo byli sekretáři (= grammatiky).

Co se týče *duchovenstva* spisovatelka podává zprávy o jednotlivých patriarších a o biskupech, kteří měli styky se dvorem a zvláště s císařem. Byli to jmenovitě filadelský biskup Fokas, sardský metropolita Andronikos, efesský metropolita Nikeforos a kyzický biskup Georgios Kleidos. Se všemi těmito biskupy, lidmi učenými, dopisoval si Theodor II. V souvislosti s těmito zprá-

vami pojednává spisovatelka hned na to o Nikeforu Blemmydovi, jehož spisy byly nejdůležitějším pramenem její práce. Překvapoval »encyklopaedičností svých vědomostí«, ale neměl velikého vlivu na své současníky pro svou tvrdou povahu, která jej činila sebevědomým i proti těm, kdo svým postavením nad ním vynikali.

O dvořanech nižšího stupně čili o služích spisovatelka nemá žádných konkretních dokladů a zabývá se v odstavci jim věnovaném pouze karierou dvou povýšenců, t. Konstantina Margarita a Georgia Muzalona.

Čtvrtý obraz jednající o duševních zájmech a zábavách dvora pojednává ve čtyřech obsažných kapitolách 1. o úrovni vzdělanosti 13. století, 2. o vědeckých, bohovědných a literárních zájmech nikajského dvora, 3. o kruhu císaře Theodora II. a 4. o hudbě, divadle, lovu i jiných tělesných zábavách.

Spisovatelka poukázavši na to, jak Řekové 13. století pořád ještě se honosili svou vzdělaností nad jinými národy, jmenovitě nad západními Latiny, hledí ukázati úroveň tehdejší řecké vzdělanosti na jednotlivých jejích význačných představitelích, a to především na postupu učení Nikefora Blemmyda. Béře však ku pomoci i Georgia Kyperského a Georgia Akropolitu.

Blemmydes byl syn lékaře, který prchnuv z Cařihradu se usadil v Pruzii-Bruse. Tehdejší vyučování bylo úplně v rukách duchovenstva. Základem učení byla grammatika. Blemmydes se jí učil 4 léta — t. j. asi do 16 let. Jakožto žák neobyčejně pilný rozmlouval často soukromě se svým učitelem. Přestěhovav se se svým otcem do Nikaje učil se tam dále poetice i rhetorice a částečně i logice čili organice. Na to (ve věku 17 let) odešel do Smyrny a tam se učil medicíně, theoreticky i prakticky. Poetika záležela ve čtení a vykládání antických spisovatelů, zejména Homéra. Také Sofokles býval předmětem vyučování. Rhetorice se učilo podle starých římských učebnic Hermgenovy a Authoniovy. V logice se učilo její části analytické. Naučiti se grammatice, t. j. čísti, správně mluvnicky mluviti a psáti, bylo možno i v Pruzii, ale poetice a rhetorice již ne. To bylo možno pouze v hlavním městě. Většina šlechty a dvořanů měla pouze vzdělání grammatické. Vyššího vzdělání bylo možno nabýti v dvorské škole.

Spisovatelka vyloživši, co učinili Laskarovci ve prospěch pokroku vzdělanosti, zvláště zřizováním knihoven a opatřováním knih (opisováním), podává vědomosti o dvorských školách, pokud se zachovaly v jejích pramenech. Ke konci vlády Theodora I. byla zřízena dvorská škola v Nymfeiu. Blemmydes, který byl do ní povolán, nebyl s ní spokojen a sám si hledal učitele, který by mu poskytl vyššího vzdělání, poněvadž poskytovala jen grammatiku. Po 10 letech, když se v ní učil Georgios Akropolites, měla už rhetoriku, jakožto úvod k filosofii. Ale učitel její (Heksapteprig) byl sice dobrý řečník, ale v učení rhetoriky se valně nevyznal a zemřel dříve, nežli mohl jí své žáky vyučiti. Proto jeho žáci byli nuceni hledati si učitele ve vzdáleném klášteře — Nikefora Blemmydu. Dokonalejší se stala tato škola za vlády a přičiněním císaře Theodora III., jenž založil chrám zasvěcený sv. Trifonovi a při něm zřídil t. zv. scholy grammatiků a rhetorů — schola byl jakýsi šlechtický pensionát nebo internát, jehož chovanci byli určeni k službě vojenské, a také nejednou přerušeno bylo jejich vyučování, poněvadž byli posláni na válečné tažení. Přáním císařovým bylo, aby po dosažení rhetoriky se někteří žáci věnovali ještě vyššímu učení filosofie, poněvadž duševní vzdělání pokládal za důležitější prostředek obrany proti vnějším nepřátelům nežli výcvik tělesný. Císař potřebuje nejen vojínů, nýbrž i učených pomocníků k vladaření. Ze šesti žáků, poslaných do dvorské školy, pouze jeden byl tak způsobilý, že císař jej dal učiti i poetice a filosofii. K rhetorice se družila organika (část logiky), jíž se učilo podle Aristotela.

Po těchto vědomostech vybraných z pramenů následuje odstavec, ve kterém se krátce podává to, co možno všeobecně říci o dvor-

ské škole nikajské: Žáků nebylo mnoho. Obyčejně se obmezovali jen na grammatiku, výjimečně učilo se též poetice. Za Theodora II. byla sice škola rhetorská, ale obyčejně se rhetorice učilo soukromě. Vyučování ve scholách se rovnalo obyčejnému vyučování ve městech. Škola rhetorů zanikla asi se smrtí Theodora II. V době Michala Palaiologa neučilo se už rhetorice a filosofii v Nikaji. Skoro všichni, kdo se učili filosofii, šli do státní služby. V celku nepodařilo se Laskarovcům osvětu (vzdělanost) přivésti na bývalý stupeň jejího rozkvětu, ač se o to horlivě starali.

Kdo chtěl dosíci dokonalejšího vdělání, byl nucen jíti do území zabraného Latiny. Tak to učinil Blemmydes, který odešel k »mistru« Prodomovi, který žil v latinském území Malé Asie na Skamandru. Učil se u něho syllogistice, fysice, arithmetice a gramice (t. j. umění kreslířskému, jehož bylo potřebí ke geometrii a astronomii). Z arithmetiky poznal jen část podle učebnice Nikomachovy a Diofontovy, poněvadž Prodromos sám více neuměl. Z fysiky se učil optice a katoptrice (snad nauce o zrcadlech). Nejvíce mluví Blemmydes sám o tom, jak se učil astronomii, ve které se Prodromos vyznal asi nejvíce. Pomůckou mu byly nákresy. Astronomie kvetla pak ve 14. století na půdě byzantské.

Po mathematice se Blemmydes učil syllogistice, pak fysice podle Aristotela, ale neukončil jí, poněvadž Prodromos jí celé neuměl. Pak se Blemmydes učil už samostatně — filosofii, jejíž částí byla fysika. Studoval filosofii vnitřní t. j. antickou a vnější t. j. metafysiku, těsně spojenou s theologií. S tím zároveň začal studovati i Písmo a spisy svatých otců. Jako na západě, i v říši nikajské a zvláště na dvoře císařském pokládali filosofii za službu theologie a tuto za vrchol vědeckých studií. Císař Theodor II. prošel týmiž stupni studia jako Blemmydes. Spisovatelka zjišťuje jednotlivé obory jeho studia a uzavírá tím, že »Theodor proniká do všech hlubin vědění ve všech oborech, probíraje jak theorii paprsků, tak i theorii jejich odrazů, zjištěné i nezjištěné, t. j. badání prapříčin. Theodor hoří touhou poznati přírodu, ale užívá k tomu ještě starých scholastických předpokladů«. V tomto hledání vědění vůdci byli antičtí filosofové a pak theologie. Kdo dovedl Písmo vykládati, tomu náležela hodnost »filosofa«. Náčelník filosofův byl úředním obráncem pravé (byzantské, pravoslavné) víry. Blemmydes tak vysoko nedospěl, ač se o to znažil, ač usilovně studoval Písmo, otce církevní i starořecké filosofy. Hlavou filosofův byl Demetrios Karykes, který měl hodnost sebasta.

Na důkaz, že vyšší vzdělání bylo mezi dvořany nikajskými velmi řídkým zjevem, uvádí spisovatelka případ Blemmydův jakožto učitele vyšších nauk. Poněvadž jiného učitele nebylo, byli nuceni žáci jej vyhledávati v nepřístupném jeho klášteře a žíti tam přísným »asketickým« životem mnišským. Tento život se nelíbil pěti mladíkům, kteří od císaře Jana III. byli vybráni, aby se u Blemmydy učili, tím spíše, že učitel byl tvrdé povahy a žáci nevalně toužili po vzdělání.

Ač vzdělání nebylo soustavné a dvořané neradi se učili, přece vládl na dvoře nikajském značný vědecký diletantism, kterým šlechta i archonti vynikali nad současné »Latiny«. Cenili knihy a zvláště antické památky. Jistá záliba ve vědách se projevovala disskusemi, které byly vedeny v kroužku důvěrníků obklopujících císaře. Jest zpráva zejména o diskussi vedené o zatmění slunce, které nastalo r. 1239 a zase r. 1241. Značnou vážnost k vědeckým studiím a jejich představitelům projevovala císařovna Irena, manželka Jana III. Proslulými se staly zvláště disputace s latinskými učenci a theology. Byla to zejména disputace s náčelníkem poselstva císaře Fridricha II., markrabětem Berchtholdem z Hohenburku, se kterým disputoval sám následník trůnu, pozdější císař Theodor II. Tento sám o ní obšírně vypravuje v jednom ze svých listů. Zpráva Theodorova je zajímavá nejen pro kulturní stav tehdejších Řeků, nýbrž i pro poznání

vzdělanostní úrovně západníků. V poselstvě bylo kromě jeho náčelníka ještě několik jiných vzdělanců, kteří prý prošli západním kvadriviem. Ale Theodor shledal, že se jim mnoho nedostávalo u porovnání s Řeky. Neznali prý arithmetiky a geometrie, leda pouze planimetrii, místo astronomie znali pouze astrologii, ale nevalně. Nevšímali si meteorologie (část Aristotelovy fysiky). S ethikou nakládali libovolně a o politice neučinili ani zmínky. Z rhetoriky-dialektiky znali málo a v organice (logice) dělali mnoho chyb.

Spisovatelka poukazujíc na to, že v 13. století, v době Laskarovců a Palaiologovců Řekové začali podléhati vlivu latinského západu i co do světového názoru a náboženství, uvádí na doklad toho nářek samého Theodora II. na vzmáhající se barbarisaci byzantské společnosti, záležející zvláště v tom, že Řekové (t. j šlechta) si neváží filosofie, kdežto barbaři t. j. západníci ji velice cení tak, že Theodor má obavu, aby filosofie se vůbec nepřestěhovala k barbarům. Spisovatelka poukazuje na to, že jazyk řecký doby Palaiologů přijal mnoho výrazů původu západního. Mnohem více toho ovšem bylo v jazyce lidovém, kterým se ostatně mluvilo i na dvoře a jehož vlivu podléhal jazyk literární.

Vedle velikého počtu lidí (dvořanů a šlechty) lhostejných k naukám, vědění a literatuře, byla přece řada jiných, kteří ve snaze zalíbiti se císaři zajímali se o to aspoň didilettantsky. Ostatně dilettanty byli sami císařové Theodor I. a Jan III. Milovníci věd si mezi sebou dopisovali o otázkách vědeckých. Jan III. však k tomu užíval svých tajemníků a písařů, jako byl Georgus Akropolites. Jejich úkolem bývalo nezřídka sestavovati listy, nařízení a privilegia vyšším, rhetorickým slohem. Z plodů tohoto rázu byly zejména odpovědi na čtyři řecké listy Fridricha II. Janovi III. Blemmydes si dopisoval s císařem Janem III. Spisovatelka podávajíc obsah této korecpondence hodnotí ji příznivě, jako plod poetický, plný svěžesti a skutečného citu.

Spisovatelka se tím dostává vůbec k dvorské poesii, která byla převážně duchovní.

Vedle zájmu o vědění a rhetorickou literaturu spisovatelka uvádí také doklady pro zájem a znalost rytířských románů v kruzích dvorských. Kruhy tyto znaly též různé lidové pověsti a báchorky. Zcela pochopitelno, že byl znám t. zv. Fysiolog, tehdejší domácí příruční kniha přírodopisu, ale zajímavá jest narážka Blemmydova, ze které možno souditi, že tento neměl příznivého mínění o ní. Blemmydes však napsal pojednání o dělání zlata. Vedle alchymie těšila se velikému zájmu astrologie.

Theodor, ač byl jistě nejosvícenějším člověkem své doby, dal se přece oklamati smyšlenou historií o tom, že jeho přítel a důvěrník Tribides, zavražděný svými soupeři, byl rozsápán báchorkovým »tragelafem«, jakousi zvířecí zrůdou, o které se tvrdilo, že se potuluje někde v Thessalii a Makedonii. Že se věřilo v čarodějství a že čarodějníci byli trestáni, bylo tudíž zcela přirozeným zjevem v těch dobách.

V hlavě nadepsané »Kroužek Theodora II. Laskarise« spisovatelka, líčící jej hlavně podle listů Blemmydových a Theodorových, nejprve ukazuje, jaký obsah měly a jak sestaveny bývaly tyto listy. Bývala to sepsání, v nichž vlastní obsah býval velice zatemněn rhetorikou.

Členy kruhu Theodorova spojoval jednak zájem o vědění, jednak i city přátelství, které Theodor projevoval často drobnými dary a úsluhami. Zajímavo však, že dovedl přesně rozeznávat zájem osobní od státního.

Dále líčí spisovatelka, jaké předměty a otázky zajímaly Theodora a jeho přátele. Jako theology je zajímala nejvíce otázka sporná s církví západní o vycházení Ducha sv. tak, že všichni tři psali o ní traktáty. Traktát Georgia Akropolity, ač polemisuje s Latiny a hájí dosavadní formuli řeckou, přece také je umírněný. Končí výzvou, aby Latinové a Italové obnovili své staré přátelství s Řeky jakožto svými učiteli a připomíná, že obojí se nazývali kdysi Rhomaioi

Spisovatelka vidí v tomto místě příznačný projev latino-filského směru, kterého se držel Michal Palaiolog a který vedl k církevní unii. Akropolites sám k této straně náležel — měla své přívržence hlavně v šlechtě.

Nedlouho po nastolení Theodorově za císaře změnily se jeho dosud asketické názory a on se začal velmi horlivě zabývati literaturou antickou, zvláště pak Homérem. Zároveň se změnil i kruh jeho soudruhů a přátel. Spisovatelka přičítá změnu tuto jednak smrti manželky Theodorovy, jednak vlivu vnitřní politiky Theodorem prováděné. Jak byl Theodor zaujat a nadšen Homérem, možno posouditi z toho, jak líčí svou návštěvu Troje. Spisovatelka vidí ve způsobu líčení rys humanistický. Není pochyby, že v zájmu a zanícení Theodorově o Homéra a vůbec o antické památky kulturní dlužno spatřovati červánky pozdějšího hnutí renaissančního a humanistického.

Ve spojení s obratem Theodorovým směrem k antice byla také zvýšena jeho záliba v hudbě, zpěvu a divadle, kteréžto věci sice se připouštěly ve společnosti byzantské, jmenovitě na dvoře císařském, ale pokládalo se za nepřípustné užívati jich přes jistou míru. To platilo i o přílišném zpěvu církevním. Theodor se bavil hudbou zvláště na cestách. Jiné zábavy prováděli kočující šaškové, kteří předváděli všeliké sólové nebo i sborové výstupy, představující směšné figurky ze života lidového.

Jiný druh zábav bývaly osobní zápasy a souboje, které v době Palaiologovců byly vystřídány západnickými turnaji. Při této příležitosti podává spisovatelka doklady k tomu, jak se ve dvorské společnosti byzantské cenila tělesná síla a obratnost, zejména pak u samých panovníků. Blemmydes v 8. hlavě svého »Obrazu císaře« jedná o tom, jak císař, budoucí vojevůdce, se má cvičiti a otužovati za tím účelem.

Velmi oblíbenou zábavou byl lov, zvláště za pomoci sokolů, pak jízda na koni. Zvláštním druhem zábavy byla hra zvaná tzikanion, přejatá od kočovníků, pro kterou byly zřizovány zvláštní budovy — tzikanisteria. Podle Pachymera byla to hra míčem na koních.

M. Andreevová nazvala svůj spis »Očerki« — obrazy, nárysy. Tím chtěla nepochybně naznačiti, že neměla v úmyslu podati jednotný a celistvý nebo dokonce genetický obraz byzantské dvorské vzdělanosti v 13. století. Podle Úvodu nechtěla podati více, nežli z určitého počtu pramenů vybrati materiál týkající se této věci, spořádati jej a vysvětlujíc jej poskytnouti čtenářům představu o zřízení, poměrech a kulturních zájmech, jaké vládly na dvoře Laskarovců (hlavně v Nikaji).

Methoda práce jest taková, že spisovatelka z největší části sestavuje jednotlivé zprávy pramenů podle určitých kategorií nebo předmětů aniž by je organicky mezi sebou vázala. Nečiní to jen mechanicky, nýbrž kriticky, t. j. oceňuje mnohé zprávy co do jejich věrohodnosti, zejména tam, kde se vyskytují v nich rozpory a přičiňuje od případu ku případu potřebné výklady věcné, ale přes to jest viděti, že nechtěla podati více nežli jen faktový materiál.

Disposice její práce byla ovšem příčinou, že některé věci zbytečně opakuje na dvou nebo i několika místech. To se pozoruje nejvíce při srovnávání jednotlivých míst obrazu III. a IV., neboť leccos z toho, co se uvádí v kapitolách věnovaných osobnostem jednotlivých Laskarovců znovu se vyskytuje při pojednání o vědeckých a literárních snahách panujících na dvoře císařském. Tak o Theodorovi II. Laskarisovi se pojednává jednak v hlavě VII., jednak v hl. VIII. a pak zase v hlavě XI. Jmenovitě to, co na str. 115—116 se praví o milcích Theodorových a o aristokracii, patří vlastně na str. 107 a 109—110. Leccos z toho, co je uvedeno v hlavě »Kroužek Theodora II. Laskarise«, náleží vlastně do kapitoly o »Úrovni vzdělání XIII. století«. Vůbec zvláštní pojednání o jednotlivých osobnostech císařů Laskarovců není vhodné, poněvadž nelze dosti přesně vymeziti látku, která by tam měla býti podána. Jedná se tam příliš mnoho o politice zahra-

niční i vnitřní, a přece kdyby toto thema mělo býti uspokojivě vyčerpáno, nestačila by na to veliká kniha. To, co se v hlavě věnované Theodorovi II. Laskarisovi praví o jeho poměru k aristokracii, patřilo by spíše do kapitoly o sociálním složení byzantského dvora. Také historie o »tragelafovi« patří vlastně z kapitoly o vědění do kapitoly, kde se jedná o zápase císařově s aristokracií. Zápas Theodorův s aristokracií se jednostranně redukuje na jeho osobní vlastnosti, ale hlubší nahlédnutí do vnitřního vývoje nezbytně nutí badatele hledati příčiny ve všeobecném vývoji společnosti v souvislosti s poměry hospodářskými a zahraniční politikou. Spisovatelka se toho sice také dotýká, ale není vidět, čemu vlastně přičítá význam základní.

Skoro všecky tyto výtky a námitky lze ovšem redukovati na otázku, zdali spisovatelka svůj spis správně koncipovala nebo jasněji zdali to pojetí, na základě kterého svůj materiál spořádala a zpracovala jest správné. Poněvadž pojetí jest vůbec základní otázka dějepisné práce a jest vždycky více nebo méně individuální, bylo by možno s vyššího hlediska dokázati, že její práce daleko nevyhovuje vysokým požadavkům, jaké věda dnes klade na spisy takového programu a obsahu jako jest spis M. Andreevové. Ale s druhé strany zase s hlediska poněkud skromnějšího a méně náročného možno její práci obhájiti jako *velmi cenný* příspěvek ku poznání byzantské společnosti 13. století. V historické literatuře vyskytují se spisy obojí povahy a také mnoho prací povahy smíšené a přechodní. Spisy povahy skromnější by bylo možno nazvati polotovary, které sice nejsou díly dokonalými, ale tvoří základ a nezbytnou pomůcku k dílům vyššího slohu. Takové spisy jsou velice vítány, zvláště jestliže kriticky očišťují, vybírají a pořádají materiál, který pracně dlužno shromažďovati z pramenů rozptýlených a nesnadno přístupných. Práce M. Andreevové náleží k takovýmto polotovarům, které s prospěchem vědy plní úkol svůj a dlužno jim přičísti značnou zásluhu. Spis M. Andreevové se vyznačuje kritickým smyslem, který spisovatelka v četných případech dokazuje tím, že přesně zjišťuje fakta a odmítá to, pro co nelze najíti náležitých dokladů. Je to práce vědeckého začátečníka, který při širokém svém programu se musel obmeziti na kritický výběr a spořádání materiálu, ale ukázal, že má jemný smysl, velikou sčetlost, značný rozhled a schopnost zvládnouti materiál neobyčejně hojný. Spisovatelka nepoužila sice všech možných pramenů, ale i ten repertoir, který tvoří podklad jejího líčení je úctyhodný. Práce její v celku vzatá jest s to buditi veliké naděje v další její vědecké badání. *J. Bidlo.*

GÉZA FEHÉR, DIE INSCHRIFT DES REITERRELIEFS VON MADARA. *Bulgarisches National-Museum in Sofia, 1928. S. 144. Preis 150 Leva.*

L'étude de M. Fehér sur la fameuse inscription de Madara sera accueillie avec plaisir par tous ceux qui s'occupent de l'histoire ancienne bulgare et des relations de la Bulgarie avec l'empire byzantin. L'auteur nous présente ici un document précieux qui va enrichir nos connaissances relatives à la vieille Bulgarie. Ce n'est pas à vrai dire un document inconnu. *Fr. Kanitz* avait déjà admiré «le chevalier de Madara», sculpté dans le rocher de grès qui aujourd'hui encore, après tant de siècles, attire les regards du voyageur solitaire qui s'est aventuré dans ces régions peu connues. Il avait pris ce monument pour une sculpture de l'époque romaine et l'inscription qui l'entoure pour une inscription latine (Donau-Bulgarien und der Balkan, II. Aufl., III, Leipzig, 1882, p. 112—114). Jireček qui s'était occupé à son tour de cette inscription a eu plus de chance. Il a établi au moins qu'il s'agissait en réalité d'une inscription grecque (Arch. epigr. Mitteilungen aus Österreich-Ungarn, Wien, X, 1886, 196). Enfin Škorpil qui a rendu de si grands services à l'archéologie bulgare, a essayé, en 1895, d'établir une copie de

cette inscription.[1] Il a publié le résultat de son travail l'année suivante dans les mêmes »Mitteilungen« (XIX, 1896, 247). Le résultat fut malheureusement très maigre. La seule chose qu'il put établir d'une façon sûre, ce fut l'origine protobulgare de la sculpture et de l'inscription. L'inscription elle-même est tellement mal conservée qu'il l'avait déclarée indéchiffrable. Aussi les savants bulgares l'avaient-ils complètement abandonnée. Le moulage que le Musée National en fit faire en 1905 ne réussit pas à exciter la curiosité des historiens. M. Fehér, lui, a jugé bon de l'étudier à son tour; pour la déchiffrer, il a dû avoir recours à tout son savoir et quelquefois même – on peut bien le dire sans lui en faire grief — à sa fantaisie. Nous devons l'en féliciter, car il a réussi.

L'inscription est sculptée autour du monument qui représente un cavalier tenant dans sa main un calice et perçant de sa lance un lion. Un chien suit son maître. À gauche du cavalier ne subsistent que quelques traces de lettres. A droite l'inscription est mieux conservée. On distingue encore trois colonnes en bas de la sculpture. Voilà comment M. Fehér interprète l'inscription.

Sur la partie supérieure il lit:

à gauche	à droite
L'empereur Nicéphore	L'empereur Léon
Nicéphore	.....
.....	alla trouver Terbel;
attaqua	en l'empereur avec le
	nez coupé n'ont eu mes aïeux,
	(les aïeux) de Kišin qui est institué par
	Dieu aucune confiance.
	À cette époque était Kišin, le khagan,
	son frère, devant Andrinople,
	qui a été pris par le l'admirable,
	l'empereur
	oh Dieu
	Kišin
	Un copieux «boire-manger» (ešmedeme) a donné Kišin.

La première colonne de l'inscription inférieure:

le chan
300 pièces d'or
il distribua 1900 pièces d'or: au kha-
gan Kišin... pièces d'or, à...
300 pièces d'or donna le bien aimé
Chan Krumyš qui est institué par Dieu tekü sektem.
...j'ai donné et je donnerai encore cette année un copieux Ešmedemes
que nous offrons au Chan Krumyš. L'empereur
invita le chan Krumyš à l'entente. Après
avoir reçu... pièces d'or mon père offrit ešmedeme et

[1] M. Fehér est, d'ailleurs, dans son ouvrage, très sévère pour M. Škorpil. Mais s'il est vrai qu'il a le grand mérite d'avoir déchiffré l'inscription, les corrections qu'il a apportées à la lecture de son prédécesseur ne sont pas tellement nombreuses pour autoriser une telle rigueur. M. Fehér doit surtout son succès à sa connaissance profonde de l'histoire et de la philologie tant protobulgare que grecque.

traduit fortifications de frontière...
.....
à Tuta Naiman donna... pièces d'or...
Chan Krumyš, mon père..., les
accords ont été violés...

Seconde colonne:

Donna le chan Krumyš... pièces d'or
.....
mon père me confia la dignité de
Kanar
.....
à... ren, à cette époque ešmedeme
le chan Omurtag
Krumyš

Troisième colonne:

Melemir
a été élevé
Svinik finit
ses jours et l'institué par Dieu
le chan Omurtag
le pleura bien.
L'institué par Dieu, le pareil à Dieu, le chan
Melemir...

Comme on le voit d'après cette interprétation, l'inscription de Madara est bien endommagée. Nous pouvons nous faire facilement idée des difficultés qu'a rencontrées M. Fehér en procédant à la reconstitution des débris de ce monument vénérable. Les lettres qui composent ces vestiges séculaires ne sont d'ailleurs pas même lisibles d'une façon claire. Dans la première colonne de la partie supérieure par exemple, ne se sont conservées que les lettres ς ὁ βασιλ et quelques débris. On devine le nom de l'empereur Nicéphore uniquement parce qu' aucun des noms des autres souverains byzantins de cette époque (début du IXe s.) ne se termine par un ς. Un exemple classique de cette laborieuse reconstitution nous est donné par la tentative qu'a faite M. Fehér pour retrouver les lettres qui manquent dans la deuxième colonne de la même inscription (passage relatif à Kišin). On est sûr de trouver aux lignes 8 et 9 les lettres

Κισινας ϙ... αγο.
....βτουεναδϙ

Pour deviner le reste, M. Fehér a profité de ce que Théophane nous dit sur le siège d'Andrinople par Krum, siège dont il paraît être question ici. Théophane note (ed. de Boor p. 503) que cette opération avait été confiée par Krum à son propre frère. Comme la charge de khagan est la plus haute distinction à la cour bulgare, on peut bien en conclure que le nommé Kisinas a été khagan et était le propre frère du fameux Krum. Nous pourrions continuer à énumérer beaucoup de difficultés analogues que l'auteur a essayé de surmonter en se livrant à des combinaisons généralement très ingénieuses, parfois même surprenantes er hardies. Il est naturellement impossible de contrôler en détail son interprétation et nous sommes obligés de nous fier à l'exactitude de ses transcriptions. Or, les interprétations de M. Fehér pourraient être sérieusement mises en doute, étant donné leur apparence particulièrement hardie. Néanmoins, nous gardons confiance si nous réfléchissons que quelques noms figurant dans cette inscription sont traduits d'une façon tout à fait sûre. Ce sont des noms de personnages historiques qui ne nous laissent aucun doute sur la date du texte et qui nous permettent d'en deviner le sujet. Ce sont, en effet, ceux de l'empereur Justinien (ὁ Ῥινοκομημένος), de l'empereur Léon et de Krum. Le nom même d'Omurtag semble être sûr (surtout dans la troisième colonne de l'inscription inférieure). Les faits historiques de l'époque, faits que nous connais-

sons suffisamment par d'autres sources, et auxquels doit se rapporter aussi la présente inscription, semblent autoriser les combinaisons si ingénieuses de M. Fehér.

L'inscription concerne donc Krum que figure d'ailleurs le cavalier autour duquel elle a été gravée. Elle vante les exploits militaires de ce personnage, le dernier surtout: la prise d'Andrinople. Elle nous conte, en outre, ses tractations avec les Byzantins — notamment avec Léon qui avait voulu lui tendre un piège en l'invitant à une entrevue — et ses générosités à l'égard de ses fidèles. D'après Fehér, l'inscription a été gravée par son frère et successeur Kišin. Il y a là un fait nouveau, qui surprendra les historiens bulgares. Ce que laissaient jusqu' alors supposer le Ménologe de Basile et son Prologue slave — à savoir qu'on devrait insérer entre le règne de Krum et celui de son fils Omortag le règne d'un autre chan qui nous est par ailleurs inconnu et que ses deux documents nomment Τζόκος ou Дгкгмъ — semble maintenant devenir un fait certain. Aussi ce que M. Fehér en dit dans l'appendice II (pp. 139 et suiv.) mérite-t-il une attention particulière de la part des historiens bulgares. Kišin serait d'ailleurs mort bientôt après son avènement, n'ayant même pas eu le temps de tenir sa promesse, c'est-à-dire d'offrir encore de riches ešmedemes, des banquets, en l'honneur du glorieux mort. Cette promesse est néanmoins passée à l'état de réalité grâce à son successeur Omortag, qui a fait ajouter à l'inscription de Kišin les deux premières colonnes de la partie inférieure. L'inscription a enfin été allongée par le successeur d'Omortag, Malamir, qui y a ajouté une troisième colonne. Nous apprenons par là quelques autres faits nouveaux. D'abord que les Byzantins ont offert au moins une fois la paix à Krum et qu'ils l'ont obtenue moyennant un tribut; ensuite que le fils d'Omortag Svinik (Ζβινίκας et non Zviniza, Zviniz comme l'appelaient les Byzantins était mort jeune durant le règne de son père et que Krum avait élévé son fils Omortag à la charge de «kanar» ce qui d'après M. Fehér signifierait «celui qui fait couler le sang», c'est-à-dire le juge suprême.

L'explication que donne M. Fehér de quelques noms vieux-bulgares, est très intéressante. Il faut lire ce qu'il dit du mot «ešmedeme» ce qui, d'après lui, signifie un banquet en l'honneur d'un mort (pp. 48 et suiv.). Il faut également noter son explication du mot énigmatique de «tekü sektem» que nous y découvrons. Il y voit l'indication de la date d'avénement de Krum, le neuvième mois de l'année du mouton, c'est-à-dire Septembre 804 (pp. 72 et suiv.). Ce qu'il écrit à propos du titre de ὁ ἐκ θεοῦ ἄρχων que l'inscription attribue ici au chan Malamir est juste (p. 120). C'est une nouvelle preuve que les titres grecs attribués aux chans bulgares par la chancellerie byzantine n'étaient que des traductions de titres vieux-bulgares. Nous trouvons d'ailleurs dans notre inscription une traduction verbale du vieux titre bulgaro-turc «tängri jaratmyš qagan» ἐκ Θεοῦ εἰσθεσάμενος ἄρχων, généralement abrégé par la suite en ὁ ἐκ Θεοῦ ἄρχων. L'auteur trouvera d'ailleurs dans l'inscription de Philippes que j'ai publiée dans le «Bulletin de Correspondance Hellénique» en 1928 (Deux Inscriptions gréco-bulgares de Philippes, p. 114) un autre exemple pour la forme εὐθοίνεις (Βουλγαρεῖς).

Nous pouvons être à vrai dire reconnaissant à M. Fehér qui nous a rendu accessible par son travail un document d'une haute valeur pour les byzantinistes et les slavisants. Il serait à souhaiter que les archéologues bulgares continuent leurs recherches, car il semble plus que probable que les inscriptions de ce genre aient été assez nombreuses en Bulgarie. L'heureux résultat auquel est arrivé M. Fehér nous montre à quel point l'histoire des relations entre Slaves et Byzantins peut être éclaircie et expliquée par les monuments vieux-bulgares.

Fr. Dvorník.

GUSTAV SOYTER, BYZANTINISCHE GESCHICHTSSCHREIBER UND CHRONISTEN. *Ausgewählte Texte mit Einleitung, kritischem Apparat und Kommentar. (Kommentierte griechische und lateinische Texte herausgegeben von J. Geffcken, 5), Heidelberg, 1929, C. Winter, VIII-64 pages, in 12°.*

L'intérêt que les études byzantines suscitent à l'époque actuelle dans la jeunesse universitaire notamment, rend de plus en plus nécessaire l'édition d'une anthologie des textes byzantins, accompagnée d'un résumé critique et d'un commentaire qui servirait d'introduction à ce genre d'études. Une telle anthologie rendrait de grands services aux débutants et à ceux qui sans pouvoir se livrer à fond aux études byzantines voudraient pourtant se faire une idée de la littérature grecque du Moyen Âge. On a salué avec sympathie en 1920 un des premiers essais de ce genre entrepris par J. B. Bury qui, à l'usage des étudiants, publia dans les «Texts for students» (No. 18, London, Society for promoting Christian knowledge), quelques extraits des œuvres de Constantin le Porphyrogénète relatifs à l'établissement des Slaves dans les Balkans. (The early history of the slavonic settlements in Dalmatia, Croatia and Serbia). Ces textes accompagnés d'une introduction critique et bibliographique peuvent être très utiles aux professeurs et aux étudiants des universités slaves. Pourtant, cette tentative de Bury ne concerne qu'un seul auteur byzantin. Nous attendons toujours avec impatience la Chrestomathie byzantine que nous a promise la Collection Budé et dont la publication a été confiée à une personnalité telle que M. Grégoire. Le petit livre de G. Soyter vient donc très à propos. En quatre pages d'introduction l'auteur donne toutes les indications essentielles sur la bibliographie de l'histoire byzantine, sur la paléographie grecque, la critique des textes, et l'évolution de la langue grecque. La bibliographie aurait certainement pu être plus riche; les débutants y trouveront pourtant tout ce qu'il y a de particulièrement essentiel. J'aurais seulement préféré y voir citées, à côté de l'histoire byzantine d'Uspenskij, celles de Vasiljev – plus accessible parceque publiée en anglais – et de Kulakovski.

Le choix de textes fait par M. Soyter est très heureux. Il ne se limite pas aux extraits des historiens et chroniqueurs byzantins. Il donne aussi quelques extraits d'écrits hagiographiques et autres, ainsi que quelques documents d'ordre juridique (A. Geschichtliche Erreignisse, B. Kulturbilder, C. Erlasse und Urkunden). On peut ainsi se faire une idée assez complète des genres littéraires les plus en vogue à Byzance. Les vingt extraits de dix-sept historiens et chroniqueurs, présentés chronologiquement, illustrent d'une façon assez instructive toute l'histoire byzantine, depuis les origines jusqu'en 1453. Bien entendu, le choix aurait pu ici aussi être plus varié et plus riche, mais tel qu'il est, on peut le juger satisfaisant. M. Soyter a bien fait de choisir tant de textes relatifs à des combats. Ils donnent au moins une idée des efforts surhumains que l'Empire a dû faire surtout jusqu'au dixième siècle, pour sauver son existence menacée par les Goths, les Avares, les Bulgares, les Arabes et les Slaves (bataille de 553 contre les Goths; l'invasion avare racontée par Theophylactos Simokattès; le retour victorieux de Héraclios après la défaite des Perses; les victoires arabes aux environs de l'année 640; l'invasion bulgare; l'attaque des Slaves contre Patras en 805). Il est pourtant regrettable qu'il ait omis un des documents les plus curieux du VIIe siècle, les Miracula Sancti Demetrii, texte qui nous montre d'une façon si éloquente l'angoisse des populations de l'empire à cette époque de suprême danger. C'est un document très intéressant qui nous révèle la foi naïve du peuple, sa piété et sa confiance dans le Saint national, et qui, en même temps, constitue une source précieuse de renseignements sur l'histoire des Slaves macédoniens.

Le choix des textes qui illustrent la vie

intellectuelle de l'empire est très heureux. Fondation du couvent de Theodosios à Jérusalem; récits de Malalas sur Théodorich et sa veuve, de Procopios sur l'introduction de la sericiculture dans l'empire, de Zonaras sur Cassia; une réception impériale d'après le livre des Cérémonies; enterrement impérial; procession solennelle du Dimanche des Rameaux; les moines du Mont Olympe d'après le récit de Psellos; relation de voyage de Constantinople à Nicée par Nicolas Mesaritès). En ce qui concerne les documents (papyrus, chrysobulles), on appréciera surtout un extrait de la lettre grecque expédiée en 1250 par Frédéric II à Ducas.

L'appareil critique qui accompagne les textes repose en général sur les anciennes éditions. On y trouve pourtant plus d'une correction et plus d'un complément. L'auteur nous donne même une nouvelle édition de Georges Phrantzès (pp. 306–308 de l'éd. Bonn) et d'un chrysobulle d'Alexis I Comnène (liste de donation faite au couvent de S. Jean de Patmos, en 1087). La nouvelle édition de ce dernier document surtout est intéressante.

Somme toute, le petit livre de M. Soyter est plein d'intérêt et il mérite d'être très chaleureusement recommandé à tous ceux qui veulent se faire une idée d'ensemble de la litrérature byzantine et qui veulent s'initier aux études concernant l'histoire du «Bas-Empire». Il a sa place imposée dans tous les séminaires d'histoire et de philologie grecque. *F. Dvorník.*

E. ŠMURLO, LE SAINT-SIÈGE ET L'ORIENT ORTHODOXE RUSSE 1609–1654, *Publications des archives du Ministère des affaires étrangères, Première série, no 4, Prague, 1928, Éditions «Orbis», prix 70 francs fr., pp. VIII, I, 354, II, 261.*

Le travail de M. Šmurlo, ancien délégué à Rome de l'Académie des sciences de St. Petersbourg, est une publication critique de documents pour la plupart inédits et concernant les relations de la Curie romaine avec la Russie dans la première moitie du XVIIe siècle. Ces documents ont été pour la plupart extraits des archives de la Congrégation «de Propaganda Fide». D'autres proviennent des Archives du Vatican, des Archives de la famille Boncompagni-Piombino, des Archives de la Congrégation de Saint-Jérôme, des bibliothèques du Vatican, Nationale (Victor-Emmanuel), Vallicelli etc. Les documents les plus importants sont ceux des Archives de Propaganda Fide difficilement accessibles. L'auteur a eu la chance de pouvoir, à partir de 1905, les explorer pendant huit ans grâce à une autorisation spéciale que le pape Pie X lui avait lui-même accordée. L'ouvrage est écrit en russe, mais le résumé français qui l'accompagne est assez détaillé pour que même ceux qui ne peuvent pas suivre le texte russe soient en état d'utiliser les documents sans difficultés.

Dans la première partie l'auteur nous donne une introduction détaillée aux différentes séries de documents qu'il publie in extenso dans la seconde. La première série se rapporte aux événements compris entre 1606 et 1620. L'auteur résume les événements dans trois chapitres qu'il intitule: *La guerre de Moscovie (1609–1611), Le couronnement du prince royal Wladislaw, sacré tsar de Moscovie (1617), Après l'armistice de Deroulino.* Dans une *Introduction* qui précéde ces chapitres l'auteur essaye de tracer en quelques lignes le cadre dans lequel se déroulent les évènements qu'il veut mieux mettre en lumière par les documents nouveaux (pp. 6–8, 283–286). Il laisse, bien entendu, de côté les évènements qui précédèrent l'année 1609, début de la campagne menée contre la Russie par le roi de Pologne Sigismond III. Il ne fait qu'une courte allusion au règne du faux Dimitrij et aux espoirs, vains bien entendu, qu'à Rome on avait mis dans son règne. L'appui que Rome et les Jésuites avaient accordé à cet imposteur, fut, au contraire, plutôt nuisible à la cause de Rome en Russie.

«Le terrible danger qui menaçait la religion orthodoxe et enfin le sentiment mêlé d'horreur et de dégout que le souvenir de l'époque des troubles soulevait dans les esprits, voilà les circonstances qui concourent à creuser et à maintenir un si profond abîme entre la Russie et le Saint-Siège ... Les Russes se barricadèrent de leur côté derrière la seule issue qui aurait permis aux uns et aux autres de se rencontrer sur un terrain d'entente.» L'auteur aurait pu insister davantage sur la situation dans laquelle se trouvait alors le Saint-Siège. On comprend facilement tous ses efforts de propagande catholique en Russie et tout ce qu'il fit pour affermir l'Union de Brest si l'on pense aux grandes pertes que l'Église catholique avait éprouvées dans les pays occidentaux par les progrès de la Réforme protestante. Les succès en Orient devaient réparer les pertes subies ailleurs. Il est assez instructif de voir comment l'auteur essaie d'analyser ces efforts et comment il explique l'insuccès final de toutes ces tentatives. Il a bien, à l'égard de l'action de l'Église catholique en Pologne à cette époque, quelques mots qui ne paraissent pas très justifiés, mais, en général, ses appréhensions sont intéressante et elles revèlent assez bien aux occidentaux l'angle sous lequel un oriental orthodoxe envisage ces questions.

Parmi les documents de la première série on trouve surtout sept pièces qui se rapportent au couronnement du prince royal Wladislaw, pièces tirées des Archives du Vatican. Dans sa lettre, datée du 6 Avril 1617, le prince Wladislaw, avant sa campagne destinée à lui assurer le trône russe, expose au pape les difficultés qui pourraient se présenter, dans une période qu'il croit très prochaine, à l'occasion de son sacre à Moscou. Prévoyant que le peuple orthodoxe russe exigera que le couronnement soit fait par le métropolite orthodoxe, il veut s'assurer le consentement au moins tacite du Saint-Siège au cas où il ne pourrait s'assurer autrement le trône convoité. La lettre est très habilement composée et elle laisse à peine entrevoir la véritable pensée du prince. La correspondance qui s'ensuivit entre le cardinal Borghese et le nonce de Pologne Diotellevi, nous témoigne qu'on avait bien saisi à Rome la véritable pensée du prince. La chancellerie du Saint-Office, par la bouche du cardinal Bellarmin, répondit qu'il n'était pas permis à un prince catholique de se faire couronner par un prélat schismatique; mais néanmoins on se montre assez favorable au dessein du prince. Le nonce insistera auprès de Wladislaw pour que le couronnement soit célébré par un évêque latin. Si cela n'est pas possible, la cérémonie pourra être célébrée par un prélat uniate et le roi pourra communier sous les deux espèces. Dans le cas où le sacre aurait lieu de façon illégale, c'est-à dire malgré tout par un évêque schismatique, le nonce devra se borner à une protestation. Ce petit détail est certainement intéressant. Il nous prouve combien on tenait, à Rome, à ce que la Russie revint sous l'autorité du pape. On croyait que la Russie allait être bientôt gouvernée par un prince catholique et que le retour de la Russie à l'union avec l'Église romaine était assez prochain. En commentant ces faits l'auteur ne peut pas s'abstenir, à l'égard de cette politique romaine, de quelques remarques un peu malicieuses qu'il ne faudrait pourtant pas prendre au tragique.

Les chapitres qui suivent sont d'une grande importance pour la connaissance de la situation de l'Église uniate en Pologne. (*Chap. IV. La Sainte Congrégation de Propaganda Fide et l'Église uniate en Pologne, Chap. V. Mesures adoptées pour soutenir l'Église uniate, Chap. VI. Mesures adoptées pour soutenir l'Église uniate-fin: Séminaire russe, Chap. VII. Union universelle, 1624–1629, Chap. VIII. Le diocèse de Smolensk, La Congrégation de Propaganda Fide aux portes de la Moscovie.*) Les rapports que les évêques de rite latin avaient envoyés à la Congrégation et que l'auteur nous donne au moins en extraits (pp. 202 et suiv.) dépeignent la situation de l'Église

uniate en Pologne sous le jour le plus sombre. Nous pouvons nous faire par là une idée des conditions dans lesquelles a été conclue cette Union de Breste de 1596 et combien ont été vains les espoirs qu'on plaçait en elle. Les èvêques latins de Pologne se plaignent que les uniates ne fussent pas très nombreux, que l'Union progressât très lentement, malgré l'appui du gouvernement polonais, que les évêques uniates eux-mêmes se desintéressassent de l'Union. Le niveau du clergé uniate était très bas, il ne jouissait auprès des fidèles que d'une autorité très restreinte. Le rapport de l'évêque de Léopol Prochnicki est le plus pessimiste de tous. Le prélat conclut ainsi: »... ut exinde iam colligere liceat, multum errasse eos, qui hanc unionem procuraverant. Satius namque erat schisma sensim eradicandi ipsum, ut sic dicam, catholicismum introducere, quam languidam istam et mutabilem unionem plantare« (p. 205). Les rapports des évêques uniates confirment pour la plupart des plaintes des évêques latins. Mais, ils nous disent en même temps quelles étaient les raisons principales de ce triste état de choses. Ils accusent sans ambages les fidèles de rite latin de ne pas favoriser l'Union: »Catholici latini ritus saeculares fere omnes et maior pars ecclesiasticorum non tamen non iuvant nos in promovenda unione, sed favent schismaticis aliqui aperte, clam aliqui, vel aliis modis impediunt nos in promovenda unione« (métr. Rucki, p. 206). Les évêques latins ne considéraient pas leurs collègues de rite oriental comme leurs égaux. Les églises uniates étaient moins bien dotées que les églises latines, les évêques uniates devaient se contenter, pendant les cérémonies officielles, d'une place secondaire, derrière les suffragants latins; ils devaient même présenter chaque année un rapport sur l'administration de leur propre diocèse à l'évêque latin qui y résidait. Le peuple était obligé de payer la dîme deux fois, au clergé uniate et au clergé latin; les seigneurs latins exigeaient qu'on célébrât les fêtes d'après le calendrier grégorien, qu'on jeunât d'après les prescriptions de Rome, etc. Le nonce Lancellotti confirme malheureusement toutes ces accusations dans les dépêches qu'il envoie à la Congrégation (voir les documents publiés dans la deuxième partie du livre, pp. 12 et suiv.). Pour appuyer sa thèse, il cite la parole d'un zélé prélat polonais avec lequel il a eu une conversation au sujet de l'Union: »Brevi fore ut Sedes Apostolica huius unionis poeniteat.« Il faut dire que le Saint-Siège s'efforçait de soutenir les prélats uniates contre leurs confrères polonais. On rappelait sans cesse à ces derniers la convention de 1620, d'après laquelle la priorité du métropolite uniate vis à vis des suffragants latins avait été retablie; on adressait de sévères remontrances à l'évêque de Vilna dont l'attitude à l'égard de ses confrères uniates était des plus intransigeantes; on s'efforcait de procurer au métropolite uniate la dignité de sénateur. La plupart de ces efforts ne furent, d'ailleurs, pas couronnés de succès. La double dîme elle même resta en vigueur. Il est intéressant surtout de lire les différentes décisions d'ordre disciplinaire de la Congrégation en ce qui concerne les relations entre Latins et Uniates (II, pp. 17 et suiv.). En cas d'impossibilité de recevoir les Saints sacrements de la main d'un prêtre de leur rite les fidèles pouvaient recourir au prêtre de l'autre rite. Mais toutes ces mesures n'ont pas eu le succès qu'on en attendait. Les Polonais les ignoraient tout simplement. Le décret de la Congrégation du 7 Février 1624 interdisant le passage des uniates au rite latin, ce qui aurait signifié l'absorption des uniates par les catholiques romains, n'eut en particulier aucun effet pratique. Il fut accueilli en Pologne avec malveillance et le roi s'y opposa, de sorte que le nonce préféra ne pas le publier. Il fut interdit seulement aux membres du clergé et aux élèves du Collège des Jésuites de passer au rite latin. Les efforts du métropolite uniate Rutski furent donc presque vains. Le roi

de Pologne ne voulut même pas reconnaître, comme successeur du métropolite, Raphael Korsak, que Rutski avait choisi d'accord avec Rome pour contrecarrer les difficultés qui auraient pu se faire jour à sa mort, étant donné que les orthodoxes qui avaient désormais une hiérarchie, établie par le patriarche de Jérusalem, Théophane, relevaient de plus en plus la tête.

Le plus grand mal dont ait souffert l'Église uniate était le manque d'écclésiastiques instruits. Le métropolite Rutski s'efforçait alors de convaicre la Congrégation de la nécessité de fonder un séminaire spécial pour l'éducation du clergé uniate. Les prêtres sortant de ce séminaire devaient se vouer aux missions parmi la population russe. Ils auraient pu, plus tard, dans l'idée du zélé métropolite, franchir les frontières de la Moscovie et devenir des apôtres de l'Union même en Russie. Les documents que l'auteur publie (II, pp. 24 et suiv.), nous montrent avec quel empressement on avait saisi à Rome cette idée. Mais les difficultés qui se révélèrent, furent surtout d'ordre matériel; elles étaient graves, étant donné les dispositions manifestées par le clergé latin à l'égard des uniates. Le pessimisme du nonce Lancellotti était justifié, comme les faits le démontrent. Malgré la meilleure volonté de la Congrégation qui était pourtant prête à des sacrifices pécuniaires pour assurer l'érection du séminaire, il ne fut inauguré que beaucoup plus tard, au début du XVIIIe siècle, et non pas à Minsk, mais à Léopol.

Le métropolite Rutski voyait bien que l'avenir de l'Église uniate serait toujours en péril si l'on ne réussissait pas à ramener à l'Union tous les orthodoxes russes de l'empire polonais. Le pape Urbain VIII semblait favorable à cette idée. Rutski expédia donc son mandataire, le Basilien Jean, à Kiev pour entrer directement en pourparlers avec le métropolite orthodoxe Job Boretski et l'archevêque Melèce Smotrinski. Les documents concernant ces pourparlers et l'attitude que Rome a prise vis à vis d'eux sont particulièrement nombreux (II, pp. 33. Vingt trois textes contenant des rapports sommaires des pourparlers, lettres de Rutski, décisions de la Congrégation, lettres du secrétaire de la Congrégation, Ingoli, au nonce Santa Croce, réponses du nonce, etc.). Il est curieux de connaitre les conditions auxquelles les orthodoxes se déclaraient prêts à reconnaître le pape. Ils espéraient en effet arriver à un accord sur toutes les questions d'ordre dogmatique et se déclaraient même prêts à reconnaître le pape sous certaines conditions. Ils tenaient pourtant absolument à rester sous l'autorité du patriarche de Constantinople. Ils proposaient donc la création d'un patriarcat spécial analogue au patriarcat russe, le nouveau patriarche devant rester sous l'autorité directe du patriarche de Constantinople et sous l'égide directe du pape. Le premier patriarche serait nommé par le pape, mais ses successeurs seraient désignés par les conciles provinciaux russes. On demanderait seulement au Pape de donner sa sanction, pure condition de formelle. La Congrégation s'élévait surtout contre cette dépendance du nouveau patriarche par rapport à Constantinople. Elle jugeait néanmoins le projet d'une façon assez favorable. On n'aboutit d'ailleurs pas. Sous l'influence des laïques le haut clergé orthodoxe change bientôt d'attitude et la seconde mission de Rutski à Kiev aboutit à un échec.

Les pourparles furent repris en 1628. Les uniates et les schismatiques décidèrent de se réunir en un congrès mixte où l'on examinerait les conditions d'un rapprochement. Cette conférence devait avoir lieu à Léopol. Une réunion des uniates convoquée à Vladimir et une réunion des schismatiques à Kiev devaient précéder la conférence de Léopol. Mais l'attitude qu'on avait prise à Rome à l'égard de cette conférence commune n'était pas précisément favorable. On exigeait des orthodoxes une déclaration préalable de soumission à l'Église catholique. La réunion devait éviter toutes les questions d'ordre dogmatique et se limiter à un exposé de

la doctrine catholique. Nous voyons clairement ici les différences entre le point de vue orthodoxe ou celui des uniates et l'opinion qu'on avait à Rome, loin du théâtre où devaient se dérouler ces différents actes. Toutes les craintes furent, du reste, vaines, car le peuple orthodoxe s'opposa d'une façon résolue à une entente entre orthodoxes et uniates et les évêques orthodoxes durent battre en retraite. La réunion de Léopol ne put pas se tenir comme on l'avait souhaité. Aussi les espoirs qu'on mettait dans la création d'un diocèse uniate de Smolensk, à proximité de la Moscovie, furent-ils déçus. Les soucis d'ordre matériel préoccupèrent l'archevêque Creusa et les vieilles rivalités du haut clergé latin vouèrent tous ces efforts à un échec.

Les deux chapitres suivants contiennent les rapports de deux missionnaires sur la Russie. (*Chap. IX. Le missionnaire Orsini, 1626. Chap. X. Le missionnaire Jansen, 1630 à 1633.*) Ces deux missionnaires n'ont jamais été en Russie – Orsini travailla en Perse et Jansen en Hollande et au Danemark – mais ils recueillirent tout ce qu'ils pouvaient apprendre sur ce pays et ils présentèrent ces renseignements à la Congrégation. Leurs rapports n'ont pas une grande valeur pour nous, mais ils nous montrent cependant avec quel intérêt Rome suivait le développement de tout ce qui touchait à la Russie et avec quels soins scrupuleux on enregistrait tout ce qui pouvait être utile à une action éventuelle. De même en ce qui concerne les rapports d'autres missionnaires (de Luca, Tomasso Vitali, Domenico Germano. *(Chap. XIV. La Moscovie, route de Perse et d'Arménie.)* L'éditeur aurait pu grouper tous ces rapports de missionnaires sans se préoccuper de l'ordre chronologique. Le résultat aurait été plus logique. On comprendra l'alarme que jetèrent à Rome les nouvelles, fausses d'ailleurs, d'après lesquelles des mercenaires français se trouvaient dans l'armée russe qui, en 1634, assiégeait Smolensk. L'enquête du nonce Visconti a d'ailleurs prouvé que ces craintes étaient sans fondement. (*Chap. XI. Les mercenaires français dans l'armée russe.*) De même l'autre nouvelle qui s'était répandue à Rome en 1639, à savoir que des écoles calvinistes devaient être érigées à Moscou, Kiev et Nowogrodek. *(Chap. XV. Les écoles calvinistes à Moscou, Kiev et Nowogrodek, 1639.)* Les enquêtes menées à ce sujet ont montré la fausseté de ces rumeurs. Nous leur devons au moins quelques renseignements sur les méthodes d'enseignement suivies en Russie à cette époque.

Les chapitres XII et surtout XIII sont parmi les plus importants du livre de M. Šmurlo. Les nombreux documents (12) du chapitre XII concernent les «*Articles de pacification*» que le nouveau roi Wladislaw fut obligé de signer, avant son élection, le Ier Novembre 1632. Ces articles marquent l'offensive des schismatiques du royaume de Pologne. Il est donc compréhensible qu'à Rome on en ait été plus que bouleversé et qu'on se soit efforcé d'en rendre l'application illusoire. Les documents que l'éditeur met sous nos yeux illustrent pour nous d'une façon très instructive l'émoi que cette nouvelle provoqua à Rome. Pourtant, le chapitre suivant est encore plus intéressant *(Chap. XIII. Union universelle, 1634–1648).* En attendant les esprits s'étaient un peu calmés. La révision des articles de pacification ne satisfit ni les catholiques ni les orthodoxes. Pour sortir de la situation souvent équivoque, dans laquelle se trouvaient les prélats orthodoxes vis-à-vis de leurs confrères catholiques et uniates, les évêques orthodoxes commençaient à se réconcilier avec l'idée d'une union universelle qui mettrait définitivement fin à cette situation embarrassante. Les 35 documents que l'auteur ajoute à ce chapitre constitue l'une de plus intéressantes parties de son travail. Tous ceux qui auront l'occasion de s'occuper de cette importante période de l'histoire de l'Église, seront tenus d'étudier ces documents. Ils constituent aussi une base pour ceux qui travaillent d'une manière pratique à l'oeuvre du rapprochement des Églises. Nous enregistrons

des détails assez curieux sur l'action du palatin de la Volhynie, Adam Alexandre Sanguszko, qui jouait le rôle de médiateur entre les prélats orthodoxes et la Congrégation, sur la mission de son envoyé, le Père Damascène, sur les vrais sentiments du patriarche orthodoxe Pierre Mohila, qui se révèle ainsi à nous comme un chaleureux avocat de la cause de l'Union, sur le roi Wladislaw qui s'intéressait à la chose surtout à cause de son importance politique et, enfin, sur la position prise par le Saint-Siège à l'égard des propositions assez avancées des orthodoxes. On voie en lisant ces documents combien pouvait sembler prochaine la conclusion d'un accord durable. Il est curieux de voir pourquoi on ne voulait pas accorder à Rome l'érection d'un patriarcat pour les futurs uniates. C'était par peur de mécontenter le patriarche oecuménique avec lequel on espérait pouvoir s'entendre aussi. L'idée fut reprise en 1643 sur l'initiative de l'évêque uniate de Cholm. Cette partie des pourparlers est encore plus intéressante. Cette fois-ci, c'est le palatin Adam Kisl qui sert d'intermédiaire. Le résumé italien de la note du métropolitain Mohila (doc. no 93, II, pp. 157 et suiv.) prouve que l'idée de l'Union avait fait de grands progrès, malgré la réserve qu'on s'imposait à Rome. Les pourparlers furent continués même après la mort de Mohila et seule l'insurrection cosaque à laquelle est consacré le dernier chapitre du livre *(Chap. XVIII. L'Union et l'insurrection des cosaques. 1648–1654)*, mit fin à ces tentatives.

Le Chap. XVI (Jurij Križanić, 1618–1683) ne nous apporte pas beaucoup de documents nouveaux, mais le commentaire sur le fameux missionnaire croate Križanić que l'auteur nous présente ici mérite une attention particulière. L'auteur parle de cet utopiste et patriote slave avec le plus grand enthousiasme. On voit combien l'action, infructueuse pourtant, de ce missionnaire slave en Russie influence encore aujourd'hui les esprits orthodoxes. Les pages que l'auteur lui consacre méritent d'être lues par tous ceux qui veulent consacrer leur forces à travailler parmi les orthodoxes slaves.

Le chap. XVII *(Le «fils» du tzar Vasili Šouiski – Timothée Akudimov –, 1648)* contient quelques détails curieux sur cet imposteur qui sut circonvenir le Saint-Siège même en se proclamant fils du tzar Vasili Šouiski.

En général, le livre de M. Šmurlo est un bon travail qui projette beaucoup de clarté sur l'histoire de l'Église uniate en Pologne. Il nous fait mieux comprendre l'échec définitif de cette Union de Brest dans laquelle Rome avait jadis mis tant d'espoirs. Nous voyons d'après les documents nouveaux que les catholiques latins eux-mêmes y ont été pour beaucoup. Il explique aussi pourquoi le nom de l'Union a été, depuis, si mal vu des orthodoxes. Au fond, toutes ces tentatives ont plutôt accru encore les différences existant entre orthodoxes et catholiques. Le point de vue de l'auteur est quelque fois curieux pour ceux qui ne connaissent pas assez la mentalité orthodoxe. On corrigera facilement quelques inexactitudes qui trahissent des sentiments un peu trop critiques à l'égard de l'action de la Propagande. Il est bon pourtant que ces questions soient ainsi traitées d'un point de vue russe. Les appréhensions de l'auteur peuvent avoir une certaine portée pour l'avenir des relations entre les Latins et les orthodoxes. Ceux qui veulent travailler à un rapprochement de ces deux mondes y trouveront plus d'une indication utile sur les fautes à éviter et sur la route à suivre dans l'avenir. *F. Dvorník.*

HILDEGARD SCHAEDER, MOSKAU DAS DRITTE ROM. *Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der slawischen Welt. (Osteuropäische Studien, herausgegeben vom Osteuropäischen Seminar der Hamburgischen Universität. Heft I.) Hamburg. 1929. S. 1–124; Quellen u. Literatur S. 125–140, 8.*

Книга г-жи HILDEGARD SCHAEDER

представляет собою основательную и старательную сводку почти всего главнаго матерьяла и литературы по вопросу о Третьем Римѣ. По приложенному в концѣ списку и подстрочным примѣчаніям, видно, что автором использовано множество книг по исторіи древне-русских политических идей, а также привлечен для сравненія ряд наиболѣе важных изслѣдованій по исторіи западно-европейских средневѣковых политических ученій.

Монографія начинается изложеніем византійскаго ученія о «Новом Римѣ», его видоизмѣненія в Болгаріи и путей перенесенія его на Русь. Затѣм идет повѣствованіе о впечатлѣніях, произведенных на русское національное самосознаніе Флорентійской уніей и паденіем Царьграда и об отраженіях их в русской письменности. Также излагаются исторія возникновенія царскаго титула и ученія школы преп. Пафнутія Боровскаго и Іосифа Волоколамскаго. От этих исторических и литературных явленій, имѣвших в данном вопросѣ подготовительное значеніе, автор переходит к разбору самой теоріи Третьяго Рима в Хронографѣ 1512 г. и у старца Филоѳея: производится сравненіе с текстом хроники Константина Манассіи и с ея болгарской передѣлкой, приводятся доказательства значительной разницы между мыслями послѣдней и болѣе глубоким построеніем русскаго хронографа, высказываются предположенія об источниках новых отличій у старца Филоѳея. Далѣе излагаются событія и теоріи как-бы вытекающія из идеи 3-го Рима: царское вѣнчаніе, легенды, стремящіяся къ обоснованію царской власти: о кесарѣ Августѣ, мономаховых регаліях, бѣлом клобукѣ и др., ученіе о Св. Руси, установленіе патріаршества. Послѣдняя часть книги посвящена событіям и идеям, предвѣщавшим, по мнѣнію автора, конец міровозрѣнія 3-го Рима: критикѣ Крижанича, реформѣ п-ха Никона, основанію СПБ-га; самая послѣдняя глава говорит о возрожденіи московских идей в теоріях славянофилов и Константина Леонтьева.

Книжка обладает значительными достоинствами, не только как хорошая сводка существующей литературы разбираемаго вопроса, но и вслѣдствіе умѣнія самостоятельно критически разобраться в рядѣ подробностей.

Однако, в ней имѣется и ряд пробѣлов, вызывающих нѣкоторыя возраженія.

Прежде всего г-жа SCHAEDER слишком мало останавливается на подготовительном значеніи Кіевскаго періода для исторіи развитія московских политических идей. Она только вскользь и мимоходом, не совсѣм внимательно, обращается к источникам этого времени, дѣлая поэтому нѣкоторые промахи: напр., Повѣсть Временных Лѣт она называет первой русской лѣтописью[1] (несмотря на то, что новѣйшія изслѣдованія А. А. Шахматова, Истрина и др. доказали существованіе предшествовавших ей сводов); цитуя вступленіе во «Временник князей земля Руския», она ссылается только на Воскресенскую лѣтопись[2] (между тѣм как оно особенно характерно для Новгородской I-й младшаго извода, а, может быть, и для Кіевскаго свода, предшествовавшаго Повѣсти Временных Лѣт).

И по существу она недооцѣнивает подготовительное в исторіи идей 3-го Рима значеніе нѣкоторых литературных теченій древнѣйшаго періода, стремившихся изображать русскую государственность по образцу византійской. Так упомянутое у г-жи SCHAEDER (на стр. 14, прим. 4) сравненіе Кіева с Римом во введеніи во «Временник князей земля Руския» получает болѣе широкое значеніе, если принять во вниманіе его распространенность в нѣскольких древних лѣтописных сводах. Также замѣченное ею (на стр. 27) сравненіе Св. Владиміра с имп. Константином Великим встрѣчается не только в Повѣсти Временных Лѣт, но и в похвалѣ князю Владиміру митрополита Иларіона и в Несторовском «Чтеніи о житіи

[1] На стр. 16 и 27-й.

[2] Стр. 14, прим. 4.

Бориса и Глѣба». Ея утвержденіе (на стр. 33 и прим. 1) о полном отсутствіи в Кіевском періодѣ употребленія слова «царь», «цесарь» в примѣненіи к русским князьям невѣрно, ибо оно встрѣчается напр. в лѣтописях XII в. (Ипат. 6659/1151 г. и 6662/1154 г. и др.), в чинѣ вѣнчанія на княженіе Константина Всеволодовича (Лавр. л. 6781/1205) или в Мартовской служебной минеѣ XI в.[1] Надо прибавить также: употребленіе терминов «единовластецъ», «самовластецъ», «самодержецъ», построеніе лѣтописцами идеи князя по внутреннему содержанію в малом видѣ по образу и подобію византійскаго императора, зародыши в домонгольском періодѣ идей об особом призваніи Россіи и о «Святой Руси» и т. д.[2]

Литература об идеях Московской Руси и ея источники использованы автором полнѣе, даже очень полно, но и тут есть пробѣлы. Так недостаточно использована богатая сокровищница политических идей московских лѣтописей и Степенной Книги (напр. о Святой Руси, Новом Израилѣ и особой богоизбранности Русскаго народа) и не принята во вниманіе часть важнѣйших изслѣдованій о них, напр. А. Е. Пρснякова, не обращено должнаго вниманія на памятники исторіи смутнаго времени, главнѣйшее изслѣдованіе о которых С. Ф. Платонова не упомянуто в спискѣ литературы. Глава, посвященная большому вопросу о Св. Руси, излагается почемуто почти исключительно на основаніи сочиненій кн. Курбскаго. Заключительная глава об идеѣ Третьяго Рима в XIX в. составлена односторонне: о славянофилах говорится со слов их врага Герцена, главное же вниманіе посвящено мрачной теоріи Константина Леонтьева, видимо, для эффектнаго окончанія сочиненія в похоронном стилѣ, между тѣм игнорируется обширная разработка в русской художественной, философской и иной литературѣ круга идей 3-го Рима в положительном смыслѣ.

Можно отмѣтить также ряд мелких недостатков: Так на стр. 93 слово «Черкассы» переводится как Бѣлоруссы, между тѣм «Черкассами» именовались Малороссы (Украинороссы); выраженіе «Владиміръ красное солнышко» переведено словами: «Vladimir, die rote kleine Sonne», хотя «красное» означает в данном случаѣ красивое, а не красное по цвѣту, слово же «солнышко» означает любимое, дорогое солнце, а не маленькое.[3]

Однако, несмотря на эти недостатки, книга г-жи SCHAEDER представляет собою весьма цѣнный и удобный для пользованія вклад в науку исторіи русских политических идей. *М. В. Шахматов.*

ŠIŠIĆ F., O HRVATSKOJ KRALJICI MARGARETI. *Preštampano iz revije »Dubrovnik« I, 1929, 8°* стр. *54. Dodatak:* KARAMAN LJ., ISKOPINE U SV. STJEPANU U DUBROVNIKU, стр. *55—63.*

Цар Константин Порфирогенит завршује свој одељак о Дубровнику у 29. глави списа »De administrando imperio« овим речима: „ἐν δὲ τῷ αὐτῷ κάστρῳ (sc. Ῥαουσίῳ) κεῖται ὁ ἅγιος Παγκράτιος ἐν τῷ ναῷ τοῦ ἁγίου Στεφάνου τῷ ὄντι μέσον τοῦ αὐτοῦ κάστρου.“ (Ed. Bonn. 137). Та црква Св. Стефана у Дубровнику постала је предмет веома замршене легенде, коју је врло пажљиво расветлио Ф. Шишић у овој студији, израђеној сигурним историјским методом. Повод за састављање списа с овом садржином дали су му добронамерни дилетанти, који су на основу најпознијих изданака ове легенде поставили лакомислену тврдњу, да је стародавну црквицу Св. Стефана обновио 948. год. хрватски краљ Стефан Мирослав са својом женом Маргаретом, која да је касније крај ње живела, а кад је умрла, ту да је сахрањена. *Ш.* је пажљиво претресао све најстарије изворе за историју Дубровника а особито

[1] И. Срезневскій: Свѣд. и Зам. о малоизв. и неизв. пам. (Сб. Отд. рус. яз. и слов. и. ак. наук, т. XII, № 1, 1874 г., стр. 194).

[2] См. мои Опыты по исторіи древнерусских политических идей, Прага 1927, т. I, стр. 53—72, т. II, стр. 409—425.

[3] На эту ошибку обратил мое вниманіе проф. А. В. Соловьев.

оне који спомињу ову црквицу. Тако је дао у овој студији много више него што би се по натпису очекивало. Прегледао је и редом растумачио Константина Порфирогенита, Барски родослов (Попа Дукљанина), фрагменте из Милеција (првога дубровачкога историчара песника), Јована Равењанина (с. 1350–1410) и Лудовика Туберона (1459–1527). Они још ништа не говоре о краљу Стефану и краљици Маргарети. *Ш.* је само критички расветлио њихове вести о оснивању и судбини Дубровника, нарочито за прва времена његова развоја, док је био у сенци византинске власти. Тако овај одељак његове студије представља опширан и поуздан коментар уз најстарије изворе о Дубровнику.

Босанског краља Стефана и његову жену Мару унео је у развој Дубровника, као јако важне личности, тек безимени летописац, који је писао при крају XV в. Он баца овога измишљеног краља Босне у IX в. (815 год.) и тврди да је он подигао цркву Св. Стефана у Дубровнику, те, осим тога, поклонио Дубровчанима Жупу, Бргат, Шумет, Ријеку и Затон. То су све грубе неистине, измишљене с јасном сврхом да баце у што даљу старину дубровачку власт над тим земљама. *Ш.* је могао с лакоћом и пуном убедљивошћу доказати, да се ова смела маштања још највише слажу тек с догађајима из XIV в. и још најбоље даду применити на српског владара Стефана Душана, када се, наравно, одбију легендарна претеривања.

Знаменити дубровачки историчар Никола Рањина (с. 1490– после 1577) преписао је, углавном, у својим Летописима за најстарије доба безименог летописца па и његове вести о босанском краљу Стефану и његовој жени Мари, али, чини се, с неком мудром сумњом. О гробу краљице Маре нема код њега још ништа. Тек када је 1571 год. обнављана црква Св. Маргарете у Дубровнику, онда је унесена у натпис о обнови обазрива тврдња, да је стару цркву била подигла босанска краљица Маргарета. Легенда је изменила име краљице Маре начином који је у њој уобичајен. Није никакво чудо што је после ове измишљотине приписана црква Св. Стефана босанском краљу Стефану као његов гроб. О том говори натпис који је подигао 1590 год. Јуније Матејев Градић и у ком се вели да је цркву подигла краљица Босне Маргарета, а међу костима, које су сабране из гробова пред црквом и пренесене тада у један гроб, биле су, по причи, и кости краља Стефана. За кости краљице Маргарете као да се веровало да су у цркви светитељке њена имена. Први је пренео и њен гроб у цркву Св. Стефана Серафим Раци (1531—1611), познати несамостални историчар Дубровника. Његов савременик Мавро Орбини († 1614) знао је међутим толико историју Босне да није могао тврдити, како је краљица Маргарета била жена неког босанског краља Стефана. Но легенде се ипак није могао сасвим одрећи, него само донекле, како се то често чини, па је због тога направио од краљице Маргарете жену краља Крешимира II, који влада Хрватском и Босном; ова његова теза је тек у настајању, јер на рубу још пише: »Margareta Regina di Bosna more à Rausa« (347). Хрватска је, дакле, унесена у легенду бојажљиво и непотпуно. Није јасан на овом месту ни Јаков Лукари (1551—1615), који је издао своје Летописе 1605 год., јер он говори о краљу Стефану као краљу Далмације. Јасан је, међутим, тамо где тврди да је краљица Маргарета положена у цркви Св. Маргарете.

Легенда о краљици Маргарети бујно се развијала; први дубровачки историчари избацивали су из ње само оно што им се чинило сасвим невероватно. Много радикалније желео је поступати са свима невероватним причама из дубровачке прошлости – па и с овом – Јуније Растић (1669—1735), али никако није испунио своја крупна обећања о историчарској критичности. Невероватне легенде само је површно рационализирао, јер се није могао одлучити да она места у прошлости Дубровника, која оне испуњавају, остави празна. Тако је од босанског

краља Стефана начинио »re di quella parte della Bossina, che si chiama Croazia Bianca« (Monumenta, XXV, 27), да би тако измирио Орбинија с осталим писцима. Иначе се много трудио да и ову легенду начини научно што укуснијом. Његов тон, пун самопоуздања, и позивање на сигурне изворе (али само за касније времена) збунили су добронамерне дилетанте да траже у Дубровнику гроб једног хрватског краља и његове жене. Што су хтели, они су и нашли! Чак су о том и натписе поставили код остатака цркве Св. Стефана, где су тврдње позне легенде у камен урезали. *Ш.* је историјским доказима несумњиво утврдио да у целој тој легенди нема ни труни истине, док је Љубо Караман у додатку доказао на основу одличних опажања о архитектури и украсима ископаних цркава да мала црква Св. Стефана није опкољена већом у X в., него тек крајем XI или у XII в.

Тако је разбијена легенда настала око цркве Св. Стефана у Дубровнику, коју спомиње још цар Константин Порфирогенит. Она није обновљена у X в., него много касније. О гробовима хрватског краља Стефана и његове жене Маргарете у њој не може бити ни говора. *Никола Радојчић.*

Dr. ALEXANDR SOLOVJEV, ЗАКОНОДАРСТВО СТЕФАНА ДУШАНА ЦАРА СРБА И ГРКА (Skoplje 1928). Stran 250 velké 8°.

Spis autorův, který vyšel jako druhé číslo knihovny vědecké společnosti ve Skoplji, jest velmi zajímavou studií o zákonodárství slavného srbského cara Stefana Dušana. O tomto thematu bylo již mnoho psáno: připomínáme si ze starší doby úvahy Florinského, Zigela, Jirečka, Novakoviće; ale také v nové době vracelo se k tomuto thematu mnoho badatelů (Leblov, Kostrenčić, Dolenc, Radojčić a j.), kteří z odkazu velikého cara čerpali zprávy o starém srbském právu, obírajíce se jím s různých hledisek.

Spis prof. Solovjeva vrací se svou osnovou k starému problému: jest zkrácený slovanský překlad syntagmatu Matěje Vlastara, dále vlastní zákoník cara Stefana Dušana a konečně t. zv. »Zákon cara Justiniana« (sbírka starosrbských předpisů o nevelikém počtu článků, jež zřejmě ukazují stopy byzantského Νόμος γεωργικός) jednotným zákonodárným dílem Stefana Dušana, či jest každá z uvedených památek samostatná, na druhých dvou naprosto nezávislá, ačkoli se v rukopisech obyčejně vyskytují pohromadě?

První možnost zdá se na prvý pohled samozřejmou, ale obtíž vězí v tom, že existuje ještě slovanský překlad Syntagmatu nezkrácený, takže je nutno připustiti téměř současný, nebo aspoň v krátkém čase za sebou jdoucí *dvojí* slovanský překlad: napřed nezkrácený v dosti obsáhlých rozměrech a po něm zkrácený, vytvořený vynecháním četných míst z původního nezkráceného, tedy práci kompilační, náležející výlučně srbské právní literatuře, ježto řecký zkrácený text Syntagmatu neexistuje. Myšlenku, že všechny tři památky tvoří jedno zákonodárné dílo Dušanovo, obhajoval zejména ruský profesor FLORINSKIJ; naproti tomu ZIGEL mínění tomu odpíral, ukazuje na odpory mezi Dušanovým zákoníkem a zkráceným Syntagmatem. Naposledy převládlo mínění NOVAKOVIĆOVO, jenž sice neviděl mezi památkami žádného rozporu, ale má za to, že zkrácené Syntagma bylo pořízeno teprve za despota Štěpána Lazareviće mezi lety 1402 až 1427 a tehdy spojeno se zákoníkem Dušanovým, na němž v té době podniknuta stylistická revise, a »Zákonem cara Justiniana«. Toto mínění zůstalo i pro dnešní odborníky směrodatným, ač se v jednotlivostech stavěli na odchylná hlediska.

Dílo prof. Solovjeva podrobuje uvedenou otázku nové revisi. Dělí se na dvě základní části: prvá podává paleografický a historický rozbor, kdežto druhá týká se vnitřní stránky, provádějíc důkaz, že normy všech tří památek se vzájemně doplňují. Z popisu rukopisů, obsaženého v prvé části, jest zajímavé, že se autoru podařilo objeviti ještě *dva*, v literatuře *dosud neznámé rukopisy* Du-

šanova zákoníka: jeden jest v majetku JOVANA VUJIĆE v Sentě a byl nalezen od Dr. Božky Petroviće v cerkvi jedné baraňské vesnice. Pochází z XV. stol. a shoduje se jednak s rukopisem bystřickým, ale částečně také s athonským, jež oba jsou známy v literatuře; autor nazval rukopis *baraňským*. Druhý rukopis nelezl v bibliotéce zesnulého slavisty prof. Dr. VALTAZARA BOGIŠIĆE v Cavtatě; z rukopisu je zřejmo, že v XVIII. století náležel obci Grbalské župy (mezi Kotorem a Budvou), od čehož jej autor pojmenoval *grbalským*. Podle domněnky autorovy jest zmíněný rukopis asi »Ljubišovým«, jak jej Bogišić nazývá ve svém díle »Pisani zakoni na slov. jugu«; po smrti majitele St. M. Ljubiše jej Bogišić pravděpodobně získal od dědiců. Avšak nejzávažnější objev, který jest silným vnějším důkazem pro jednotnost všech tří památek, jest ovšem *rukopis chilandarský*, který autor nalezl na Athoně. Rukopis byl sice znám v literatuře, viděl jej na Athoně V. J. GRIGOROVIČ v r. 1843, ale od té doby byl nezvěstný. Prof. Solovjev jej znovu opsal a ve svém spise otiskl prvý list, který v rukopisech obyčejně chybí; z něho vychází na jevo zajímavá okolnost, jeť na něm uvedeno »Сѣи законныѭ Благочтивааго и христолюбиваго господина цр҃а Стефана«; za ním následuje zkrácené Syntagma s druhými dvěma památkami. Rukopis tedy jest jaksi dokladem toho, že všechny tři památky jsou »zákoníkem Dušanovým«. Autor přivádí ještě další důkazy, jednak ty, jež uváděl Florinskij, jednak i vlastní. Novakovićovo mínění tím padlo, a to tím spíše, že též jeho názory o předělávání zákoníku, na nichž zakládal svoje pozdější vročení celého souboru uvedených tří památek, se ukázaly klamnými, neboť proměny v textu se objevily také v starších rukopisech (chilandarském a baraňském), tedy se dály již za doby Dušanovy.

Po kapitolách, věnovaných rukopisům, pojednává autor o významu byzantského práva ve státě Dušanově; zmiňuje se o jeho recepci, zabývá se tradicí byzantského práva, pojednává o caru Dušanovi jako následníku řecko-římských císařů a na konci přidává kapitolu o významu byzantského práva na křesťanském východě, t. j. na Rusi a v Arménii. V tomto druhém díle provádí podrobně důkaz, že právní normy celé sbírky jsou ve vzájemné souvislosti. Látka je podrobně probírána ve 4 oddílech: církevní, občanské, trestní, státní a procesní právo. V závěru vylíčen pozdější osud Dušanova zákonodárství a připojen seznam obsahu zkráceného Syntagmatu i text »zákona cara Justiniana« podle baraňského a chilandarského rukopisu.

Je věcí, které nelze popírati, že vnější stránka, zejména objev rukopisu *chilandarského* s titulním listem, ukazuje na souvislost všech tří památek jakožto zákonodárného díla Dušanova; také snahu autorovu v II. díle sluší náležitě oceniti. Mínění Florinského znovu obživlo. Nicméně zůstává ještě ledacos nerozhodnuto. Nelze pochybovati o tom, že Dušanův zákoník jest svým rázem i duchem mnohem bližší starému srbskému právu, třebas má stopy byzantského vlivu, než zkrácený Vlastarův Syntagmat. Co do práva soukromého jest Syntagmat do důsledků ovládán zásadou individuality, naproti tomu staré srbské (a slovanské) právo soukromé vůbec má silně uplatněnou zásadu kolektivity; tato okolnost není Dušanovu zákoníku neznáma (srv. čl. 66, 67, 70, 71). Doplňuje-li se pak jedna památka druhou, jest postup takový sice možný, neboť méně dokonalé právo se dokonalejším vždy dá doplniti, ale v daném případě se slučují dva *naprosto protichůdné* právní systémy. Kdyby obě památky tvořily jeden zákonodárný celek, tedy zákonodárce znalý práva domácího, jak narážka v Dušanově zákoníku ukazuje, by přišel k poznání, že ve Vlastarově Syntagmatu má normy, kterých pro právní poměry, v nichž žije, nepotřebuje (při kolektivistickém základě soukromého práva odpadá na př. právo dědické), na druhé straně pak, že se mu jistých norem nedostává (na příklad

v právu obligačním četné t. zv. kontrakty nepojmenované), ač pro praktickou potřebu by tam měly býti. Nesmí nás tuším másti, že se v pramenech vyskytují doklady, ukazující na recepci byzantských norem; jsou to vesměs doklady týkající se klášterů, o nichž přirozeně platilo »ecclesia vivit lege romana«. Naproti tomu lze uvésti z obyčejového práva doklady o tom, že byzantská norma, přišla-li do kolise s normou práva slovanského, vyzněla buď naprázdno, nebo podlehla zmírnění; domácí právo tudíž kladlo odpor. Dá se to sledovati i na samém zákoníku Dušanově a na jiných srbských památkách. Tím možno po našem názoru také vysvětlovati poměrný nedostatek dokladů, ukazující na recepci byzantského práva soukromého v konkretním případě. Jako zákoník, platný pro *každého*, Vlastarův Syntagmat se mohl stěží uplatňovati, aspoň co do své podstatné části, t. j. práva soukromého.

Padá však zde ještě jedna okolnost na váhu. S uvedenými třemi památkami vyskytuje se pospolu, obyčejně hned za zkráceným Syntagmatem, ještě poenitentiální nomokanon Joanna Nesteuty. Pokládají-li se 3 památky za zákoník, pak nutno si položiti otázku, proč se vylučuje čtvrtá, jejíž důsledné pořadí za zkráceným Syntagmatem nemusí býti nahodilé. Celkový soubor by pak ukazoval na sbírku soukromou, neboť světský soudce by nemohl Nesteutova nomokanonu potřebovati, nemaje práva ukládati církevní epitimie. Odloučí-li se naopak od ostatních, tedy zůstává jistou přehradou, oddělující Syntagmat od Dušanova zákoníku. Také slovo »изьбраѧом«, na které se klade zvláštní důraz toho, že máme před sebou práci legislativní, připouští ještě jiný výklad. Je známo, že Vlastarův Syntagmat v řeckém originálu byl velmi oblíbenou pomůckou, jsa uspořádán co do látky podle abecedy. Tuto praktickou cenu ve slovanském překladě ztratil, ježto je to jenom překlad podle schematu řeckého a nikoliv úprava díla podle písmen slovanských. Církevní látka byla tím nepřehledně rozkouskována, stala se pro potřebu praktickou bez užitku; pro rychlou informaci bylo radno raději sáhnouti ke Kormčí knize. Naproti tomu materiál světského práva nebyl tak obsáhlý; proto nutnost, vybrati potřebnou látku, kterou se řečtí občané řídili, mohla býti diktována též zájmem soukromým, zejména zájmem duchovních vrchností, které se řídily právem řeckým a mohly dáti opatřiti slovanský výtah z důvodů praktických (»aby se v něm rychle hledalo« — ꙗко вꙑскорѣ обрѣтати), pokud četné chyby a překladové neobratnosti nebyly na překážku jeho užívání zase s této stránky. Nesluší konečně přehlížeti, že různá jemná odlišování Syntagmatu (na př. culpa, culpa levis, negligentia, a j.) jsou v právu soukromém příznakem velmi vyvinutého práva, ale také obchodu; jiná ustanovení ukazují na vysoký stupeň vývoje práva městského. Ráz slovanského práva soukromého jest naproti tomu zemědělský a primitivní, tudíž obecně závazná aplikace Syntagmatu sotva se mohla potkati s úspěchem.

Výše uvedené námitky nemají býti nikterak výtkou velmi pěkné knize Solovjevově, nýbrž jen mají naznačiti, že ke konečnému vyřešení věci – dojde-li k němu vůbec – jsou v cestě ještě různé překážky. Uvedli jsme jen některé přihlížejíce hlavně k právu soukromému; vyskytnou se jistě ještě další. Přes to nutno spis autorův vítati: otřásl dosud platnou theorií Novakovićovou a přinesl zajímavé novoty, ač o věci již v literatuře mnoho psáno.

Theodor Saturník.

М. Н. СПЕРАНСКИЙ, ТАЙНОПИСЬ В ЮГОСЛАВЯНСКИХ И РУССКИХ ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМА. *Ленингр. 1929. (Энциклопедия славянской филологии, вып. 4. з.)*

Предметом монографии акад. М. Н. СПЕРАНСКОГО является исследование различных криптографических систем, практиковавшихся в югославянской письменности с XIV в., а в русской даже с XIII в. — по XVIII

в. включительно. Со свойственной ему строгой документальностью, автор сначала рассказывает, как славянские книжники с целью скрыть свое имя или то или другое известие заменяли кирилловский алфавит иным, напр., глаголическим, греческим, латинским, турецким, пермским, потом описывает тайнопись посредством деформации, т. е. видоизменения отдельных буквенных начертаний, далее раскрывает секреты «литореи», т. е. условной замены однех букв другими, затем изучает разные способы цифирной (счетной) тайнописи, чтобы перейти в заключение к обзору разных приемов обратного и фигурного письма и монокондила (т. е. лигатуры). Не смотря на то, что почти все эти разновидности и типы криптографии встречаются как в южнославянских письменных памятниках, так и в русских, акад. СПЕРАНСКИЙ рассматривает их не вместе, но в разных отделах, хотя и параллельно. Благодаря этому, без всякого ущерба для точности своего всегда строго выдержанного сравнительного метода, он подвел в весьма наглядной форме баланс тому, что̀ внесли в славянскую криптографию южные славяне и что̀ — их восточные собратья. При изучении суммы вкладов тех и других, автор тщательно отмечает все случаи влияния южнославянской тайнописи на русскую и, наоборот, последней на первую. Но что̀ особенно делает работу акад. СПЕРАНСКОГО интересной для читателей »Byzantinoslavica«, так это его положение, что славянские системы тайнописи в большинстве случаев находятся в прямой или косвенной зависимости от грековизантийских: за исключением некоторых случаев «литореи» или «риторского письма», для редкой разновидности тайного письма нельзя указать аналогии в греческой палеографии. Следовательно, и на славянской криптографии подтверждается наблюдение, что славянское письмо есть кость от кости и плоть от плоти греческого.

С внешней стороны книга издана прекрасно. Она украшена 87-ю фотографическими снимками с самых разнообразных тайнописных фигур и целых систем. Огромное множество их появляется в печати впервые. Уже один приложенный к книге указатель использованных рукописей дает наглядное представление об обилии нового, свежего фактического матерьяла, пущенного в научный оборот акад. СПЕРАНСКИМ. В этом отношении его труд далеко оставляет за собой известную книгу д-ра Драг. КОСТИЋА «Tajno pisanje u južnoslavenskim ćiriloviskim spomenicima» (Глас Српске Акад. XCII).

Москва. *Г. Ильинский.*

СБОРНИК СТАТЕЙ В ЧЕСТЬ АКАДЕМИКА А. И. СОБОЛЕВСКОГО, *изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академией Наук по почину его учеников, под редакцией академика В. Н. Перетца. Ленинград 1928.*

В длиннейшем списке научных заслуг А. И. СОБОЛЕВСКОГО, которые так лапидарно ярко и многозначительно очертили его ученики и почитатели в своем приветственном обращении к юбиляру, — ныне, увы, уже покойному! — случайно пропущена одна в высшей степени характерная особенность его научного творчества, — это его постоянное стремление рассматривать факты славянской письменности и отчасти языков на широком фоне византийско-славянских культурных отношений. Не говоря уже о работах А. И. СОБОЛЕВСКОГО в области палеографии, где факты славянского письма всегда рассматриваются в связи с соответствующими греческими, и оставляя в стороне его исследования и лекции по истории русского языка, при изучении памятников которой СОБОЛЕВСКИЙ никогда не терял из виду их греческих оригиналов, — достаточно напомнить такие его труды, как «*Греко-славянские этюды*» и «*Кирилло-Мефодьевские вопросы*», чтобы удостовериться в том, что в короне его открытий византийские брилльянты занимают одно из первых мест.

При таких обстоятельствах, неудивитель-

но, что среди ста девяти статей, которые вошли в состав Сборника и которые принадлежат перу самых различных ученых,[1] значительный процент составляют такие, которые в одинаковой степени могут заинтересовать как слависта, так и византиниста. Это преимущественно — те статьи, темами которых являются разные вопросы древнеславянской письменности.

Сюда относится прежде всего статья Н. ДУРНОВО о загадочном «*Райградском Сборнике*» (стр. 310—313). Изучив памятник на месте его хранения, автор пришел к выводу, что рукопись в конце X в. попала в руки славянина, хорошо знакомого как с кириллицей, так и с латинским письмом. Этот славянин переписал один лист рукописи, вставив в него слово латина; позже, в конце XI или в XII в. рукопись опять была в руках славян, писавших кириллицей македонского типа и знакомых с латиницей. Кто были эти писцы по национальности, и имели-ли они какое-нибудь отношение к славянской церкви Мефодия, автору, к сожалению, выяснить не удалось.

Еще более важные данные сообщает Н. ТУНИЦКИЙ «*О тексте болгарской рукописи Публ. библ. F. n. I.* No 74» (стр. 394–397). Мы знакомимся здесь с весьма оригинальным среднеболгарским списком Цветной Триоди XII в., некогда принадлежавшим Янко Шафарику, племяннику знаменитого слависта. Этот список носит на себе печать глубокой старины не только в письме (следы глаголицы, архаические начертания некоторых букв), но и в морфологии и лексике. Все это роднит памятник с самыми ранними произведениями слав. письменности, что́ и дает нашему автору право признать его остатком древнейшего перевода Цветной Триоди, совершенного в Македонии в конце IX и начале X в.

В восточную Болгарию того же времени переносит «*Заметка о времени происхождения Учительного Евангелия Константина Болгарского*» (стр. 459—465) А. МИХАЙЛОВА. Пытаясь решить проблему на основании распорядка входящих в состав Евангелия бесед, автор принужден сознаться, что его задача неразрешима, так как Константин писал свое произведение втечении многих лет и, при соединении «бесед» в одно целое, спутал их первоначальную последовательность. Впрочем, принимая во внимание, что Учительное Евангелие состоит из 51 беседы и что, следовательно, оно составлено для года в 51 неделю, МИХАЙЛОВ склоняется к мысли, что Учительное Евангелие Константина болгарского было написано в 897 г.

Интересное открытие сделал Д. АБРАМОВИЧ: в известном списке Златоструя XII в. Публ. Библ. он нашел неизвестный «*Отрывок Хроники Иоанна Малалы*» (стр. 19—24). По наблюдениям автора, этот отрывок отличается особенностями своего перевода от того текста Хроники, который дошел до нас в составе т. н. Еллинского летописца разных редакций.

Другому важному памятнику древнейшей церковнославянской письменности посвящены «*Заметки о 13 словах Григория Назианзина, pkn. XI в.*» И. ФАЛЕВА (стр. 245—249). Автор отмечает длинный ряд неточностей в издании этого памятника БУДИЛОВИЧА, а также дает краткую характеристику письма и языка рукописи, которая, по его мнению, была списана где-то в юго-западной Руси с оригинала, близкого по языку к Супрасльской рукописи.

В восточную Болгарию ведут также пути славянского перевода «*Жития Саввы Освященного*». Так, по крайней мере, заставляют думать «Заметки» В. ВИНОГРАДОВА о его лексике (стр. 349—353). Мало того, автору удалось найти в его языке даже такие словарные особенности, которые несомненно роднят его с т. н. церковнославянскими текстами моравского происхождения. От окончательного мнения о месте возникновения перевода памятника автор воздерживается.

[1] Среди них, по непонятным для нас причинам, отсутствуют чешские и югославянские имена.

Чрезвычайно интересную «*Легенду о происхождении павликиан*» (стр. 503–507) опубликовал (по списку одного карпато-русского сборника XVII—XVIII в.) Ю. ЯВОРСКИЙ, снабдив текст ценными комментариями. Родоначальником богомильства здесь выставлен дьявол Паил, служивший будто бы в качестве секретаря у Василия Вел. и преданный проклятию Иоанном Златоустым. Ученики Паила Субботин и Шутина бежали в Болгарию, где и распространили его учение. Переполненный вопиющими анахронизмами, рассказ, разумеется, лишен всякого исторического значения, но все же он очень любопытен, как произведение болгарской литературной мысли, пытавшейся истолковать явление в стиле и духе столь знакомых ей апокрифических форм.

К апокрифическому «*Деянию ап. Фомы*» в строгом смысле этого слова приводит некоторые новые данные и соображения С. БАЛУХАТЫЙ (стр. 57—62). По его наблюдениям, изданные списки «Деяния ап. Фомы» представляют два самостоятельные рассказа, причем ни один из них не может считаться простой версией другого. Основная, наиболее обычная редакция дает соответствие лишь началу и концу того апокрифа, который в греческом оригинале приводится полностью. Менее распространена была в славянской письменности другая редакция «Деяния», списки которой получили некоторую популярность преимущественно у южных славян в XVI в.

Вопрос о взаимном отношении апокрифов «*Аристотелевы врата*» и «*Тайная Тайных*» решает, — и, по нашему мнению окончательно, — М. СПЕРАНСКИЙ (стр. 15—18). Автор приводит веские данные, что «Аристотелевы врата», осужденные Стоглавом как апокриф, и «Тайная тайных» представляют не одну и ту же книгу, как обыкновенно принято думать, и как одно время полагал сам автор, а разные: в то время как первый памятник есть гадательная книга в точном смысле этого слова, вторая является чем-то вроде царственного «Домостроя».

Некоторые новые соображения «*К вопросу о путях распространения легенд о мудром Соломоне*» представил А. БАГРИЙ (стр. 241–244): он подчеркивает здесь огромную роль, которую мог играть Кавказ как передаточный пункт в деле литературного общения Востока с Западом: его разноплеменное, разноязычное и разноисповедное население не только перерабатывало попадавшие на его территорию сказания, но нередко передавало в таком измененном виде своим северным и западным соседям.

Другое Сказание, — «*Сказание о 12 снах царя Шахаиши*» послужило предметом статьи П. ПОТАПОВА (стр. 120—129). Она содержит в себе новое издание этого замечательного произведения древнеславянской письменности по списку Нар. библ. в Софии с вариантами по рукоп. Пловдивск. Нар. Библ. Оба списка принадлежат к сербской редакции, но носят на себе явные следы среднеболгарского оригинала. Последнее обстоятельство дает полное право автору выразить сомнение в правильности как мнения ВЕСЕЛОВСКОГО, что «Сказание» пришло на Русь с востока, так и к гипотезе РЫСТЕНКА, что его подарили русским сербы.

«*Народные заговоры в церковных Требниках*» издает С. РОЗАНОВ (стр. 30—35). Речь идет здесь, главным образом, о заговоре «От запора воды», найденном им в одном сербском Требнике Библиотеки Всесоюзной Академии Наук; в текстуальном отношении он довольно близок к греческой молитве „Περὶ δυσουρίας", сохранившейся, между прочим, в одном Евхологии Парижской Национальной Библиотеки.

Для истории славянорумынских отношений не лишена интереса заметка М. СЕРГИЕВСКОГО «*К истории славянорумынской письменности XVII в.*» (стр. 323—326). Автор доказывает в ней, что славяно-румынский словарь XVII в. Ленингр. Публ. Библ. находится в генетической зависимости от такого же лексикона Библио-

теки Общ. Ист. и Др. росс., который был составлен около половины XVII в. в Молдавии на основе Словаря Памвы Берынды.

Очень интересна статья Н. СЫЧЕВА *«На заре бытия Киево-печерской обители»* (стр. 289—294). Указывая, что в лице Антония и Феодосия, а также явившихся из Цариграда греческих зодчих и варяга Шимона, пожертвовавшего обители венец и золотой пояс, соединились представители трех культур — славянской, греческой и скандинавской для совместной работы по созданию Печерского храма, автор пытается об'яснить предание, что эта церковь была построена на месте, чудесно освобожденном от росы, варяжским влиянием. В частности, он напоминает, что в одной скандинавской легенде епископу Аутберту помогает отыскать границы будущего храма ночная роса, которая, выпав в изобилии вокруг, оставила сухим место, назначенное для построения храма.

В. ПЕРЕТЦ в статье *«Слово о полку Игореве и исторические библейские книги»* (стр. 10—14) отмечает следы влияния библейского стиля в языке древнерусской «героической поэмы». Хотя автор и далек от мысли видеть в довольно многочисленных случаях библейских реминисценций в стиле «Слова» доказательство непосредственного заимствования или подражания автора «Слова» хотя бы только историческим книгам Библии, все-таки, он не сомневается, что певец Игоря «в своем творчестве, как и летописец, шел в колее стилистических правил, данных библейскими книгами, используя не только детали, но и крупные композиционные единицы, встречавшиеся в богатой и разнообразной библейской письменности.»

Н. КАРИНСКИЙ характеризует *«Паремейник 1271 г. как источник для истории Псковского письма и языка»* (стр. 233–237), ссылаясь, главным образом, на три случая замены з через ж: съжижеть, въдрожжи и жемла; но основа *žiž-* встречается во многих слав. рукописях, не имеющих ничего общего с Псковом; ср. жижитель (Мин. 1097 г., Минея XIII в., Шиш. Ап.), жижительскын (Жит. Феод. Студ.), жижительско (Выголекс. Сб.) и др.; въдрожжи нельзя отделять от подражити Супр. ркп. и слов. *drožiti*; следовательно, остается только жемла, которое может быть случайной опиской.

С. КУЛАКОВСКИЙ изучает состав *«Сказания о чудесах иконы Богоматери римляныни»* (стр. 470—475). Речь идет о памятнике, переведенном с греч. языка и существовавшем на Руси еще в XIV в. Автор подробно останавливается на источниках и отдельных элементах «Сказания».

В статье *«К литературной истории повести о мученике Исидоре Юрьевском»* (стр. 218—221) И. ФЕТИСОВ определяет отношение пространной редакции Жития этого святого, составленного Варлаамом между 1558 и 1563 г., к краткой, написанной не ранее 1474 года. Оказывается, что первая представляет не что иное, как витиеватое распространение второй посредством всякого рода амплификаций и трафаретных стилистических приемов, заимствованных из других житий.

А. СЕДЕЛЬНИКОВ привел убедительные доказательства, что *«книга, глаголемая райской»*, упоминаемая кн. Курбским в одном его сочинении, есть не что иное, как особый вид «Златоуста», прямо названный «Раем» в одной рукописи Моск. Ист. Музея (стр. 95—99).

П. СИМОНИ в статье *«Старинные трактаты о письме заставок»* (стр. 81—86) печатает руководство о рисовке и раскрашивании заставок, найденное им в Арзамасском Сборнике 1669 г. Не смотря на следы разновременных местных прослоек, в этом трактате ясно проглядывает первоначальная греко-византийская основа техники письма.

В статье А. ДМИТРИЕВСКОГО *«Хождение патриарха Константинополя на жребяти в неделю ваий в IX—X вв.»* (стр. 69—76) мы знакомимся с греч. чином «Хождения», найденным автором в одной

рукописи Дрезд. библ. Сравнивая его с гораздо более поздним русским чином, автор отмечает целый ряд отличий: из них самое интересное то, что в то время как в византийском обряде император не принимает никакого участия в торжестве, в русском царь лично ведет под уздцы осла, на котором едет патриарх.

После исследования М. ТИХОМИРОВА «*К вопросу о выписи о втором браке царя Василия III*» (стр. 91–94) нельзя сомневаться, что автором этого любопытного памятника XVI в. является старец афонской ксиропотамской обители Паисий, написавший «грамоту о московских событиях по памяти в 1545—1547 г.»

До сих пор мы говорили о статьях по истории славянской письменности, но в рассматриваемом Сборнике нашли себе место и статьи по археологии и истории. Такова, напр., статья Н. ЛИХАЧЕВА «*Моливдовул с изображением Влахернитиссы*» (стр. 143–147), в которой издан снимок свинцовой печати с изображением влахернской Богоматери типа «Умиления». В связи с этим автор отказывается от своего мнения, что иконы этого рода впервые возникли на Западе и через Византию перешли на Русь.

Очень интересна статья А. СПИЦЫНА «*Древности антов*» (стр. 492—495). Автор видит эти древности в остатках культуры, найденных на пространстве от низовьев Днестра до верховьев Дона и относящих к VI—VII вв.; эта культура выступает в виде кладов вещей, многочисленных и богатых; впрочем, в данном районе известны и могильники с теми же вещами, а также и городища. Как и следовало ожидать, на многих предметах рассматриваемой культуры лежит печать несомненного византийского влияния.

Взгляд, так сказать, с птичьего полета на *состояние Балканского полуострова в XIII веке* бросает Ф. УСПЕНСКИЙ (стр. 398–400). Автор указывает, что для балканских славян, после завоевания Царьграда латинянами, наступил исключительно благоприятный момент, чтобы захватить в свои руки гегемонию на Балканском полуострове. Однако, они им не воспользовались, во-первых, потому, что болгарские Асени оттолкнули от себя греков своей слишком эгоистической политикой; во-вторых, потому, что Сербия, подпавшая под сильное влияние Угрии, не оказала необходимой поддержки болгарам в их ожесточенной борьбе на два фронта с греками и латинянами.

Этюдом покойного русского византиниста мы и закончим наш обзор статей «Сборника», об'ясняющих византийско-славянские отношения не всегда одинаково удачно, но всегда с одинаковой деловитостью, точностью, ясностью и документальностью, которые всегда были так характерны для научного творчества их вдохновителя-маэстро.

Москва. *Г. Ильинский.*

П. А. ЛАВРОВ, МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. *Труды славянской комиссии Академии Наук. Том I. Ленинград 1930.*

К числу наиболее важных и неотложных постулатов славянской науки принадлежит полное, критическое и дипломатически-точное издание *всех* источников, касающихся деятельности славянских апостолов, Кирилла и Мефодия. Такое издание необходимо не только для лингвистов, филологов и литературоведов, но и для историков культурных и политических судеб славянства. Ведь хартии, на которых записаны труды и дни славянских первоучителей, являются документами той знаменательной эпохи в жизни славянских народов, когда они, только что выйдя из Sturm- und Drangperiode своего великого расселения, стали создавать самостоятельные государственные организации, группируясь как бы в две планетные системы: западную и восточную. Все силы и процессы, которые действовали

в этот переходный момент славянской истории, как в фокусе, отразились в жизни Кирилла и Мефодия, и вот почему их творческая деятельность уже давно признана одной из самых важных точек отправления славянского культурно-исторического процесса.

А если так, то чрезвычайно важно, чтобы для облегчения изучения «начала всех начал» славянской письменности были собраны в один обширный кодекс все дошедшие до нас документы, и притом так, чтобы исследователь был навсегда освобожден от необходимости обращаться к оригиналам. Имея в руках такой кодекс, славист мог бы ступать в лабиринте кирилло-мефодьевских вопросов гораздо более уверенными шагами, чем это он делает теперь, пользуясь источниками, рассеянными в самых разнообразных изданиях и напечатанными нередко крайне неточно. Конечно, собрать в единое целое и издать с палеографическою точностью документы, разбросанные по всей Европе на огромном пространстве от Лондона до Афона, от Москвы до Лиссабона, от Рима до Ленинграда и от Парижа до Рыльского монастыря является в настоящее время почти невозможным делом, только одной сладкой мечтой, но зато мы должны тем более радоваться всякой попытке хотя бы частичного выполнения этой великой задачи посредством свода в один кодекс, по крайней мере, *отдельных групп памятников*.

Такую попытку и сделал незабвенный П. А. ЛАВРОВ в своем посмертном труде, заглавие которого мы выписали выше. Он напечатан в I томе «Трудов Славянской Комиссии Академии Наук» под широким, но вполне отвечающим делу названием: «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности». Как видно из заглавия, ЛАВРОВ в своей последней книге был далек от мысли представить полное собрание всех источников, касающихся солунских братьев, но на первых порах он ограничился только славянскими, но и это одно составляет его немаловажную заслугу: ведь издание БОДЯНСКОГО, крайне неточное и совершенно устаревшее в методическом отношении, осталось неоконченным; публикация PERVOLF'a (в »Fontes rerum bohemicarum«) также далека от акрибии и уже давно составляет библиографическую редкость. А книжка ЯСТРЕБОВА — »*Сборник источников для истории жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, апостолов славянских*« (Спб. 1911) представляет простую перепечатку ранее изданных памятников — исключительно ad usum scholarum, и потому не может возбуждать к себе большого интереса со стороны специалиста. Напротив, труд П. А. ЛАВРОВА представляет плод многолетних самостоятельных изысканий в области Quellenkunde кирилло-мефодьевской истории, и в этом отношении он является в высшей степени отрадным событием в жизни нашей науки.

Но выражаясь так, я тотчас должен сделать одну важную оговорку. Хотя П. А. ЛАВРОВ и воспользовался для своего издания огромным рукописным матерьялом, и хотя он обработал его во всеоружии своих обширных знаний, но, все-таки, нельзя сказать, чтобы ему удалось оставить после себя такой труд, к которому приложимо было бы то, что французы называют édition définitive. Нет, и после книги П. А. нам придется не один раз обращаться к оригиналам, и после его «мозольного», как выражаются поляки, труда не будут излишни новые опыты суммарного издания хотя бы только славянских источников для истории Кирилла и Мефодия.

Правда, в отношении полноты матерьяла и будущие издатели едва-ли дадут более того, что принесла с собой книга ЛАВРОВА. Можно сказать без преувеличения, что от внимания почившего академика не ускользнул ни один мало-мальски важный памятник: перед читателем в длинном порядке следуют одни за другими: моравско-паннонские жития, похвальные слова, церковные службы, Сказание об обретении мощей Кли-

мента, Успение Кирилла, Солунская легенда, отрывок из Пролога к Богословию Иоанна экзарха, Славословие в Синодике царя Бориса, Сказание о письменах, отрывок из трактата Константина Философа о письменах, Сказание о переводе Св. Писания, Написание о правой вере Константина Философа, Житие Наума, Житие Климента Охридского, Проглас Евангелия и Азбучная молитва. Подбор текстов можно было бы признать абсолютно-полным, если бы издатель к перечисленным памятникам присоединил еще упоминания о Кирилле и Мефодии в месяцесловах, которые так часто присоединяются к древним рукописным богослужебным книгам. Эти «Памяти» интересны не только как матерьял для суждения о прочности кирилломефодьевских традиций к славянской письменности, но даже иногда как драгоценные исторические свидетельства. В доказательство я сошлюсь хотя бы на характеристику Мефодия в Месяцеслове Охридского Апостола: оучитєлъ словѣньскоу жзыкоу иже прѣложи къскрѣсна, ставлъ ѱати ѿ грѣческа въ слокѣнєскъ жзыкъ (КУЛЬБАКИН, Охр. Ап. 128). Такого рода «статейки» были бы не лишни в кодексе ЛАВРОВА.

Если исключить этот маленький пробел, то в общем труд ЛАВРОВА придется признать самым полным собранием славянских письменных кирилло-мефодьевских источников из всех, какие только ученый славист когда-либо видел на полках своей библиотеки.

Зато большие недоумения вызывает классификация или, лучше сказать, систематика этих памятников, поскольку она отразилась в порядке изданных текстов. Трудно сказать, какому принципу следовал ЛАВРОВ, располагая их в своей книге. Наиболее научным критерием была бы их относительная древность: в порядке хронологического старшинства на первом месте должны были бы быть поставлены «Сказание об обретении мощей св. Климента» и «Написание о правой вере», как творения, вышедшие, по мнению самого ЛАВРОВА, из под пера изобретателя славянской письменности; затем должны были бы следовать произведения непосредственных учеников Кирилла и Мефодия: моравско-паннонские жития, похвальные слова и службы и т. п., далее сочинения кружка царя Симеона и т. д. У ЛАВРОВА мы не видим ничего подобного: памятники разбросаны в книге в самом живописном беспорядке. Правда, пространные жития Кирилла и Мефодия и похвальные слова поставлены во главу угла, но зато Славословие из памятника XIII в. предшествует «Храбру»; трактат «О письменах» ученика Евфимия напечатан раньше «Жития Наума», написанного учеником Климента; апокрифическая Солунская легенда фигурирует впереди «Пролога» Иоанна экзарха и т. д.

Среди XVII глав, которые составляют собой перечисленные памятники, бросается в глаза отсутствие Сказания о Кирилле и Мефодии в нашей Первоначальной Летописи. Но акад. ЛАВРОВ не забыл его включить в свою книгу, но не в качестве самостоятельной статьи, а в качестве дополнения к проложным статьям. Для меня совершенно непонятно, какие соображения заставили его так поступить. Ведь по своей композиции этот рассказ имеет мало общего с проложными сказаниями, во всяком случае, отнюдь нельзя считать доказанным, что бы составитель Киевской летописи заимствовал его из Пролога. Выделения в самостоятельную главу, по моему мнению, заслуживала бы также дополнительная статья к Житию св. Кирилла в рукописи б. Московской Духовной Академии с упоминанием о русской грамоте, явленной Кириллу, и о Войтехе. Эту легенду, в pendant Солунской, Болгарской, Моравской, Чешской и Итальянской, можно было бы даже назвать «Русской».

Но не только архитектоника труда ЛАВРОВА, но и техническая сторона его выполнения не свободна от некоторых недостатков — недостатков, которые тем более досадны, что их можно было бы легко из-

бежать. Сводное издание памятников предполагает единство их методических и технических приемов: opera omnia, как известно, издаются по общему плану и одинаковым способом. К сожалению, этого единства метода мы и не видим: в то время как одни тексты печатаются церковнославянской азбукой, другие – русской гражданкой (с добавлением некоторых церковнославянских букв), причем невозможно догадаться, что заставляло ЛАВРОВА избрать тот или иной алфавит в каждом конкретном случае; можно быть уверенным, что только не древность памятника. Иначе невозможно понять, почему, напр., Пространное Житие Кирилла напечатано гражданкой, а Пролог Иоанна экзарха церковнославянским. Этот произвол наблюдается также и в способах воспроизведения графики памятников: они довольно различны и, напр., в то время как Житие Кирилла в русском аспекте напечатано с раскрытием титл и без соблюдения надстрочных знаков (кроме ударения), то же Житие в южнославянском костюме представлено читателю со всеми палеографическими аксессуарами: титлами, значками и пр. Между тем оба вида Жития текстуально настолько близки друг к другу, что для меня является даже большим вопросом, следовало-ли их издавать отдельно, и не целесообразнее было бы свести их в один текст. Еще хуже то, что отмечаемая непоследовательность ЛАВРОВА простирается и на критический аппарат, которым сопровождаются издаваемые памятники: в то время как одни тексты как, напр., Житие Кирилла снабжаются обильными разночтениями из других рукописей, другие, напр., проложные жития иллюстрированы сравнительно скудным количеством вариантов.

Как издание преследующее прежде всего строго-научные цели, кодекс ЛАВРОВА должен был бы содержать в себе тексты, напечатанные *исключительно* по оригиналам или (в крайнем случае) по фотографическим снимкам. И действительно громадное большинство изданных текстов вполне отвечает этому постулату. Но и здесь нет правила без исключения: некоторые источники, как, напр., рассказ Первоначальной Летописи, проложное житие Кирилла Яцимирского и глаголических служб перепечатаны по предшествующим изданиям. Особенно следует пожалеть, что так случилось с последними, т. е. с глаголическими officia: они заимствованы из совершенно устаревшего и крайне неточного издания ВОРОНОВА.

Вообще труд ЛАВРОВА лишен т. и. «научного педантизма», и это очень жаль, так как, если где, то именно в изданиях памятников такой педантизм составляет не роскошь, а прямую необходимость. Издатель в этом отношении так либерален, то, печатая известный текст, он не всегда указывает точно даже N° рукописи, под которым зарегистрирован в библиотеке оригинал.

С таким же отсутствием «педантизма», с каким изданы тексты, написано автором и «Введение» к ним. Мы ожидали бы в нем полную характеристику всего рукописного капитала, на который он воздвиг свое здание, но, в действительности, мы находим здесь лишь беглые замечания о том или другом памятнике, причем некоторым из них посвящено только несколько строк. За исключением моравско-паннонских житий и служб, при других статьях мы не находим даже польного перечня списков; литературные и библиографические указания не только бедны, но иногда и крайне неточны; напр., на стр. XL сообщается, что «Успение Кирилла» было напечатано А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГОМ в книге VI 1858 г., но при этом не указано главного, — в каком же журнале. На первых же строках книги встречаемся с досадным недосмотром: Кирилл и Мефодий посылаются в Моравию «во второй половине X в.»

Наконец, большим недостатком труда ЛАВРОВА является отсутствие в нем полного словаря изданных памятников. Так как все они являются *древнейшими* произ-

ведениями славянской письменности, и притом — что особенно важно — *оригинальной* и, по большей части, *повествовательной*, то полный index всех встречающихся в них слов и форм представлял бы капитальное вложение в строительство здания древнецерковнославянского словаря, окончания которого с таким нетерпением ожидает наша наука.

Отмечая все эти недостатки и недочеты труда ЛАВРОВА, я и в мыслях не имею желания ослабить его крупное научное значение. Я хочу только констатировать, что он далек от идеала «окончательного издания», но как издание кирилло-мефодьевских текстов *предварительное* или, так сказать, *прелиминарное* он имеет громадную ценность и, без сомнения, не раз окажет незаменимую услугу не одному труженнику на ниве славянской филологии.

Москва. *Г. Ильинский.*

PŘEHLED LITERATURY BYZANTSKÉ *napsal* KAREL MÜLLER *(vydala Jednota čes. filologů v Praze 1929, str. 88 vel. 8°).*

Česká literatura má dosud velký nedostatek příručních knih, které by českému akademickému dorostu a širší obci filologů a historiků usnadňovaly studium věcí byzantských a byzantsko-slovanských. Svou cenu si zde stále zachovávají především dvě neveliké, ale výborné práce JAROSLAVA BIDLA, stať o studiích byzantologických v ČČH 1902 a synthetický obraz »*Kultura byzantská*« ve sbírce Za vzděláním 1917. Gymnasijní profesor KAREL MÜLLER zabývá se již po léta propagací byzantské kultury. Již roku 1907 a 1908 uveřejnil v programu gymnasia v Jindřichově Hradci spisek »Význam říše byzantské v dějinách lidstva«, a v nedávné době jej úplně přepracoval, a vydal v nakladatelství »Vesmíru« ve dvou svazečcích sbírky »Z dílny osudu« č. 12. a 14. pod názvem *Obrazy z dějin říše byzantské;* je to vlastně populární přehled byzantské historie (o 338 str.), dobře informovaný o příslušné historické literatuře, ale bez vyšších nároků vědeckých i stilistických. Také byzantskou literaturou zabýval se prof. MÜLLER již delší dobu a také z ní překládal (román o Kallimachovi a jiné). Jednota českých filologů i prof. MÜLLER zaslouží tedy uznání za to, že daly českému akademickému dorostu do rukou tento krátký informační přehled byzantské literatury, který rovněž nečiní nároků na hodnotu samostatného díla, nýbrž je kompilací, založenou na díle Krumbacherově, s použitím novější příslušné literatury, jehož dobrou vlastností je upřímné zaujetí pro velké hodnoty byzantské literatury a smysl pro jasnou přehlednost výkladu.

Spisovatel v úvodě nejprve zdůrazňuje světový význam byzantské kultury, zejména pro Slovany, a podává krátký obecný výklad o historických předpokladech literárního vývoje byzantského (do strany 19). Literaturu samu neprobírá podle pořádku časového, nýbrž *methodou eidografickou,* při čemž se v rozdělení látky přidržel KRUMBACHERA. Probírá tedy nejprve literaturu umělou a potom literaturu lidovou. Oba ty směry dělí zase na dvě hlavní skupiny, totiž na literaturu básnickou a prosaickou. Umělá literatura básnická je rozdělena v tyto kapitolky, někdy jen jednostránkové či dvojstránkové: 1. poesie hymnická, 2. epická, 3. lyrická, 4. dramatická, 5. epigram, 6. enkomion, 7. poesie satirická, 8. didaktická a příležitostná. Umělá literatura prosaická je seřaděna takto: 1. theologie, 2. dějepisectví a kronikářství, 3. filosofie, 4. řečnictví a epistolografie, 5. filologie a ostatní vědy. Lidová poesie je seskupena takto: 1. »bájivá a historická poesie na podkladě národním«, 2. romantické básně o látkách antických, 3. romantické básně o látkách středověkých, částečně západních, 4. básně rozmanitého obsahu, 5. báje zvířecí. Lidová literatura prosaická není rozdělena na menší skupiny. Od KRUMBACHEROVA systému se liší MÜLLEROVO rozdělení tím, že na první místo postavilo umělou literaturu básnickou a že ji roztřídilo na četné menší skupiny, kdežto KRUMBACHER rozdělil uměl-

lou literaturu básnickou jenom na dvě skupiny, »Kirchenpoesie« a »Prophanpoesie«. Roztřídění látky podle literárních druhů má své výhody, zejména pro informaci začátečníků, ale ovšem rozbíjí úplně historické dění literárního vývoje a svádí autora nejednou k výkladu rázu školáckého. Rozbití látky by se bylo mohlo vynahraditi závěrečnou historickou synthesou, ale místo takového celkového přehledu literárních dějin »se ptačí perspektivy« nalézáme jednostránkový závěr (87—88), který celkem nic nepřináší, než opakování povšechných vět úvodu o nesporné ceně byzantské literatury.

Kromě nedostatku vyšší historické perspektivy projevuje se u autora také nedostatek srovnávacího rozhledu literárněhistorického. Autor sice věří v krásy byzantské literatury, ale přes to nedovede v sobě zapříti klassického filologa, který měří literární hodnoty středověké klassickými díly antiky, a pak ovšem nalézá ku př., že »byzantský román milostný je zhoršeným vydáním alexandrijského románu sofistického, jsa právě tak drsný a kluzký a ještě hrubší než onen« (strana 26), nebo že »satira byzantská není ovšem bujnou satirou Archilochovou... ani drsnou satirou Luciliovou« (34) a pod.; zato spisovatel jen málo dbá nebo vůbec nedbá srovnání s literaturami středověkými, zejména se středověkou literaturou latinskou (výjimkou ku př. na str. 27 sám uvádí proti nedostatku intimní lyriky v byzantské literatuře Danta a Petrarku).

Kapitolky o theologii a o historiografii a kronikářství, filosofii i o literatuře naukové podávají vlastně jen snůšku jmen; jsou tu však velké mezery při výkladě o těch osobnostech, jejichž díla mají zvláštní význam pro Slovany. Po té stránce zejména nemile překvapuje kapitolka o literatuře theologické, neboť přece každému, kdo je jen trochu informován o slavistice, musí býti známo, jak základní význam mají překlady a zpracování byzantských otců církevních pro literaturu církevněslovanskou, a to již v samých jejich počátcích; ale MÜLLER nepřipomíná ani věci tak základní, jako je zpracování »Pramenu poznání« Jana z Damašku v »Bogosloviji» JANA EXARCHA (str. 40). Tento nedostatek slavistické orientace je patrně také příčinou toho, že nevěnoval pozornost literatuře *sektářské* v Byzantsku, nebo že dokonce ani u Prokopia (44) ani u Konstantina Porfyrogenneta (56) nepřipomíná důležitosti jejích zpráv pro historii Slovanů! Rovněž ovšem nic o významu Justiniana Vel. (59) pro dějiny práva slovanského. A při tom ku podivu osoby tak významné i pro samu historii byzantské literatury, jako Konstantin VII. a Justinián I., dopadly příliš chudě. Podobně bolestné mezery najdeme ovšem také v odstavcích o vulgární řecké poesii, kde zase ani slůvka o tom, co znamená ku př. »Trojská válka«, nebo Alexandreidy byzantské pro literaturu církevněslovanskou, o méně rozšířených dílech ani nemluvíc. Nejchuději dopadla lidová literatura prosaická (82—86); zde jako by se už spisovateli nedostávalo místa nebo času. Nelze také zamlčeti, že často charakteristiky jednotlivých děl jsou mlhavé, nevýrazné a málo jadrné, takže budí dojem, jako by většinou byly brány z několikáté ruky a nespočívaly na přímé četbě pramenů.

Předností knížky jsou hojné údaje bibliografické. Ale i ony jsou většinou brány jen z KRUMBACHERA, a proto jen málokdy přesahují rok 1897. Slavistické údaje bibliografické jsou ovšem od základů neúplné a nesystematické; podivné je také, že tituly některých děl ruských (ku př. na str. 43) jsou citovány jen česky; vypadá to tak, jako by i ony byly jen přeloženy z KRUMBACHERA, který je ovšem cituje německy.

Úhrnem tedy MÜLLERŮV »Přehled« může posloužiti při první orientaci o byzantské literatuře a poskytuje čtenáři řadu jmen spisovatelů a názvy jednotlivých spisů, jakož i soupis vydání textů a význačných starších speciálních prací o byzantské literatuře, ale nepřináší skutečných dějin literatury ani v malém měřítku a důrazně nám připomíná, jak bychom potřebovali vědecké historickoliterární příručky byzantologické. *M. W.*

ZPRÁVY.

CORPUS BRUXELLENSE. Tous les byzantinistes sont agréablement surpris en apprenant que la direction de la revue *Byzantion* a conçu le projet de rééditer les œuvres des historiens et des chroniqueurs byzantins. C'est en effet un vaste et hardi projet dont la réalisation demandera un certain temps. Nous devons féliciter la direction de la revue et surtout M. Grégoire qui, grâce à ses nombreuses relations, a réussi à trouver des mécènes dont les dons généreux faciliteront la réalisation de cette heureuse entreprise. Les travaux préparatoires doivent être assez avancés, car on annonce déjà la publication assez prochaine du premier volume de la nouvelle collection. Ce volume contiendra la *Chronographie* de Pachymère, publiée par les soins du R. P. V. Laurent, des Augustins de l'Assomption. Il n'est pas nécessaire de souligner l'importance de cette entreprise, qui fera époque dans les études byzantines si elle est menée à bonne fin. Une réédition des historiens et chroniqueurs byzantins s'imposait depuis longtemps. On connait les nombreux défauts de l'édition de Bonn dont il faut néanmoins se servir faute de mieux. Depuis l'époque ou fut donnée cette édition, un grand nombre de textes ont été publiés dans différentes collections, de sorte qu'il faut se procurer toute une bibliothèque si on veut avoir, à peu près au complet, les sources de l'histoire byzantine et les recherches scientifiques s'en trouvent énormément compliquées. La plupart de ces publications sont, bien entendu, épuisées et introuvables où ne peuvent être acquises qu'à des prix exorbitants. Il y a peu de bibliothèques qui puissent se vanter de posséder toutes ces collections. Il serait donc à souhaiter que le *Corpus Bruxellense* ne se limite pas à la réédition des *Byzantines* du Louvre et de Bonn, mais qu'il comprenne le plus grand nombre possible de textes. Constatons d'ailleurs avec satisfactions que la direction se propose d'y insérer des écrits hagiographiques présentant un intérêt historique. L'hagiographie byzantine sera enfin «découverte» et pourra être appréciée par les historiens.

On critiquera peut-être l'autre projet de la direction: faire ajouter à chaque édition une traduction en langues française, allemande, anglaise ou italienne. Cette variété polyglotte ne sourira pas à bien des gens. Il est pourtant indispensable d'éditer aujourd'hui les textes grecs avec une traduction. Les études grecques sont, en effet, trop négligées dans l'enseignement moderne, et la connaissance du grec devient de plus en plus rare surtout dans certains pays, ce qui fait, du reste, que les excellentes éditions de la bibliothèque teubnerienne ne peuvent être utilisées que par des spécialistes. N'est ce pas, d'ailleurs, souvent la traduction qui nous révèle si l'éditeur a été vraiment à la hauteur de sa tâche et s'il a bien saisi la pensée de l'auteur. Si donc il faut une traduction, pourquoi la ferait-on uniquement en latin? La méthode que veut suivre le nouveau *Corpus* a déjà été employée, et avec succès, par d'autres collections, notamment par la Patrologie orientale de Graffin. Il serait en outre à souhaiter que les *index* qu'on veut ajouter à la fin de chaque édition soient aussi complets que possibles. C'est surtout par eux que les textes deviennent maniables et utilisables.

On se fera une idée exacte de cette entreprise gigantesque quand la direction en aura présenté un plan détaillé. Nous ne pouvons que lui exprimer aujourd'hui nos meilleurs voeux pour la complète réussite de cette œuvre si importante pour le développement des études byzantines.

F. Dvornik.

OEUVRES COMPLÈTES DE GEOR-

GES SCHOLARIOS. Le défunt archevêque d'Athènes, Mgr. Petit, avait préparé depuis plusieurs années l'édition complète des oeuvres de Georges Scholarios, devenu, après 1453, patriarche de Constantinople sous le nom de Gennade. Cette oeuvre immense dans laquelle le savant prélat avait été secondé par M. Xénophon A. Sidéridès, érudit de Constantinople, est restée inachevée la mort ayant surpris Mgr. Petit en 1927. C'est le Père Martin Jugie des Augustins de l'Assomption qui a recueilli le précieux héritage pour le rendre public. On doit s'en réjouir, car l'oeuvre de Georges Scholarios mérite bien de sortir enfin des manuscrits et d'être rendue accessible aux théologiens tant catholiques qu'orthodoxes. Scholarios est le dernier des théologiens et des philosophes byzantins. Par la vigueur et la plénitude de sa pensée, par l'abondance et la variété de ses écrits, il mérite une place d'honneur parmi eux. On connait son admiration pour le grand théologien de l'Église occidentale, St. Thomas d'Aquin, dont il a traduit plusieurs ouvrages, notamment les deux Sommes. Les deux premiers volumes de la publication de Mgr. Petit et du Père Jugie sont déjà parus. *(Oeuvres complètes de Gennade Scholarios* t. I et II, 1927, 1929, Paris, Maison de la Bonne Presse, 55 frans or par vol.). Le premier volume contient les oeuvres oratoires de Scholarios et ses Traités théologiques sur la Providence et sur l'âme. Le second, ses Traités polémiques sur la procession du Saint-Esprit. On trouvera dans ses traités plusieurs passages qui intérêssent même les historiens, notamment les discours que le futur patriarche prononça à Florence lors du concile pour l'Union des Églises (1439) et qui nous donnent une idée plus exacte de l'attitude des Grecs à l'égard de cette question de l'Union (t. I, pp. 295 et suiv.). Nous apprenons par exemple ainsi que Gennade lui-même en était partisan. Il ne changea d'avis que plus tard et quand le leader des anti-unionistes, Marc d'Ephèse (1444), l'eut désigné pour le remplacer à la tête de son parti, il accepta et devint un adversaire acharné de l'Union. Ses relations avec les «Latins» l'ayant néanmoins rendu suspect aux yeux de ses compatriotes, il se vit obligé de rédiger un discours justificatif contre l'accusation de latinisme, discours dont la composition doit être placée à l'époque qui précéda le concile (pp. LV, 375 et suiv.).

Le deuxième volume jette également quelque lumière sur les conférences contradictoires qui eurent lieu à Constantinople après le concile de Florence et sur le rôle qu'y joua Scholarios (t. II, pp. XXIV et suiv.). Dans ses traités théologiques, Scholarios sort de la banalité d'argumentation employée jusqu'alors par les théologiens byzantins dans leurs nombreux écrits polémiques contre les Latins et il montre assez d'originalité. Sa critique de la théorie de Saint Augustin sur les processions divines mérite en particulier de retenir l'attention des théologiens catholiques. Quant aux images et aux comparaisons qu'il tire des créatures elles sont généralement assez curieuses.

On saura grè au Père Jugie d'avoir songé à insérer dans le premier volume une courte biographie de Mgr. Petit. La bibliographie des ouvrages de ce savant rendra surtout service aux byzantinistes. Dans la courte biographie de Scholarios, l'éditeur mentionne aussi un détail qui intéressera les historiens tchèques (t. I, p. XII). Gennade Scholarios joua un certain rôle dans l'affaire de l'ambassade des Hussites, arrivée à Constantinople en 1451 pour conclure l'union avec l'Église orientale. Quand le chef de l'ambassade, le prêtre anglais Constantin Platris, demanda à être instruit de la foi grecque, on lui donna pour catéchiste Gennade, qui avait quitté le monde dès 1450 et qui vivait dans le monastère de Kharsianitès.

La publication des ouvrages de Scholarios est une vaste entreprise. L'éditeur es-

père pouvoir donner au moins un volume par an. La publication qui comprendra en tout huit volumes se fera dans l'ordre suivant:

Tome III: Suite des écrits polémiques contre l'union de Florence. Traités sur le palamisme. Oeuvres apologétiques à l'adresse des Musulmans et des Juifs. Questions quotlibétiques sur divers sujets théologiques. Oeuvres ascétiques, pastorales et liturgiques.

Tome IV: Résumé de la Somme contre les Gentils et de la première partie de la Somme théologique de St Thomas d'Aquin.

Tome V: Résumé de la I^{a} II^{ae} de la Somme théologique de St Thomas. Traduction et commentaire du «De ente et essentia» de St Thomas. Traduction du Commentaire du «De anima» d'Aristote, du même.

Tome VI: Écrits polémiques contre Pléthon. Commentaires sur l'Isagoge de Porphyre, les Catégories d'Aristote, le livre «De interpretatione».

Tome VII: Commentaires sur la Physique d'Aristote. Opuscule sur le bonheur d'après Aristote et Plotin. Traductions des Prolégomènes de St. Thomas aux deux premiers livres d'Aristote; de l'opuscule «De sophismatibus»; du «De sex principiis» de Gilbert de la Porrée; d'Extraits de la «Dialectique» de Pierre d'Espagne.

Tome VIII: Lettres. Grammaires. Varia.

F. Dvorník.

LES DONNÉES DES HISTORIENS ARABES ont souvent une importance capitale pour l'histoire byzantine et l'étude des rapports existant entre l'Empire et les Slaves. Il serait à souhaiter que les historiens et les géographes arabes soient étudiés davantage par les spécialistes. On apprendra avec satisfaction que l'ouvrage capital de *M. Vasiljev*, actuellement professeur à l'Université de Madison, Византія и Араби, doit être prochainement publié en français sous la direction de «Byzantion», avec la collaboration de l'auteur, de MM. A. Abel et Cl. Backvis. L'ouvrage russe est en effet inaccessible à un grand nombre de spécialistes occidentaux. Plusieurs de ses données doivent d'ailleurs être rectifiées et complétées car, depuis 1900—1902, un grand nombre de documents nouveaux ont été publiés qui permettront à l'auteur de mieux mettre en lumière les problèmes que posent les rapports entre Byzantins et Arabes au IXe siècle. Nous ne pouvons que féliciter la direction de la revue «Byzantion» de cette heureuse idée.

Les spécialistes sauront apprécier également l'entreprise de la Librairie orientaliste de Paul Geuthner (Paris 9, 13 rue Jacob) qui a décidé de réimprimer les volumes épuisés de *Maçoudi, Les Prairies d'or*, dont l'édition avait été commencée en 1861 par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. On sait que ce fameux ouvrage contient de très précieux renseignements sur les Slaves (notamment les vol. III et IV). Les slavisants accueilleront en outre avec sympathie les éditions des traductions françaises des géographes arabes surtout de Al-Ya Kubiä, Al-Bakri et Ibn Rosteh qui doivent être publiées par la même librairie, sous la direction de G. Ferrand, dans la «*Bibliothèque des géographes arabes*». Espérons que les ouvrages annonçés seront bientôt entre nos mains.

L'ouvrage publié en 1927 à Berlin par G. Jacob (Arabische Berichte von Gesandten an germanische Fürstenhöfe aus dem 9. und 10. Jahrhundert) nous montre d'ailleurs un peu l'importance des écrivains arabes en ce qui concerne l'histoire des IXe et Xe siècles. M. G. Jacob dont on connaît la compétence dans les questions orientales y donne la traduction allemande des relations de voyage de Ja'qubi et Tartuschî. Tous les deux s'étaient rencontrés à la cour d'Otton le Grand en 973. Ces écrits conservés par Bekri et Qazwînî contiennent d'intéressants renseignements sur les pays slaves qu'ils ont traversés. M. Jacob ajoute à ces deux rapports un extrait de l'ouvrage d'Ibn Dihja qui nous a conservé certains détails sur l'am-

bassade envoyée vers 854 par Abdurrahmân II de Cordoue auprès d'un roi «normand», probablement Eric I, et conduite par le poête arabe Al-Gazâl. Un extrait des récits de voyage du Byzantin Laskaris Kananos (1397—1448) dans les pays allemands et baltiques complète cette publication qui rendra service aussi aux historiens slaves. *F. Dvorník.*

FR. DÖLGER, DER KODIKELLOS DES CHRISTODULOS IN PALERMO. *Ein bisher unbekannter Typus der byzantinischen Kaiserurkunde. Archiv f. Urkundenforsehung. 11. 1929.*

F. Dölger издатель регест и знаток по византійским грамотам, в своей небольшой работѣ подробно на останавливается типѣ, сохранившейся в Палермѣ грамоты Алексѣя I Комнина от 1109 г. и видит в ней кодицилл, т. е. грамоту о назначеніи, торжественно передаваемую на аудіенціи царем производимому сановнику. Основную работу сопровождают четыре экскурса: 1. о санѣ протоновелиссима; 2. о царских грамотах XI и XII вв., со стороны их формы; 3. о чинѣ ἐπὶ τοῦ κανικλείου, гдѣ *Д.* привлекает для разъясненія происхожденія имени чина мѣсто из сочиненія Іоанна Лида «о чинах»; он также спеціально останавливается на вопросѣ о личном составѣ императорской канцеляріи. (Мнѣніе *Д.* о полном уничтоженіи сложнаго канцелярскаго аппарата Комнинов в эпоху Никейской имперіи, нам кажется недостаточно обоснованным.) Наконец 4. о матеріалах и условіях работы для занимающагося византійской дипломатикой — впечатлѣнія от поѣздки автора на Аѳон. К статьѣ приложены снимки с нѣсколькихъ грамот.

Работа *Д.* является цѣнным вкладом в изученіе исторіи византійской администраціи и также дипломатики, как византійской, так и тѣсно с ней связанной южно-славянской. *M. A.*

K DĚJINÁM BYZANTSKÉHO LÉKAŘSTVÍ. Štěpán Dečanský vzbouřiv se okolo r. 1310 proti svému otci králi Milutinovi, byl od něho přemožen, oslepen a vyhnán i s rodinou do Cařihradu. Milutinův tchán, císař Andronik II. (1282—1328), mu určil za bydliště nejlepší cařihradský klášter Pantokratora, založený v I. polovici XII. století. Tam dlel Štěpán Dečanský i se svými syny, zvl. se starším synem Štěpánem Dušanem, pozdějším carem, po sedm let; potom se vrátil do vlasti. Klášter Pantokratorův byl proslulý svou nemocnicí, která značně předstihovala podobné církevní charitativní instituce na Západě. V poslední době mu věnoval pěkný popis CHARLES DIEHL ve své knize La société byzantine à l'époque des Comnènes (Paris 1929, str. 52). Tento popis Diehlův osvětluje s lékařského stanoviska MUDr. LAZAR STANOJEVIĆ v čl. Болнишко уређење у једном средневековном манастиру (Медицински Преглед V, Beograd 1930, s. 117—120). *W.*

JAKO PŘÍŠTÍ SVAZEK PATROLOGIAE ORIENTALIS (R. Graffin-F. Nau, Paris, Firmin-Didot) vyjde *Le traité De Autexusio de Méthode d'Olympe)* **сватаго меѳодыа ⟨ἐπ̂⟩ па ѳилипийскаго и мѫченика ѡ бозѣ и ѡ вещи и ѡ самовластьствѣ.** - ΜΕΘΟΔΙΟΥ ΠΕΡΙ|ΤΟΥ ΑΥΤΕΞΟΥΣΙΟΥ) ve vydání *A. Vaillanta.* Církevní otec sv. Method, biskup nejprve patarský a olympský (v Lykii), pak tyrský (ve Fénicii), byl jedním z hlavních polemistů III. st. († asi 312). Byl do jisté míry pod vlivem Platonovým, na němž byl zejména a značně závislý formálně. Jeho polemiky, psané s oblibou ve formě platonského dialogu - dialog Συμπόσιον τῶν δέκα παρθενῶν nese stopy vlivu Platonova Symposia mimo název i ve svém rozvrhu — dosáhly značného rozšíření a vlivu na církevní otce IV. st. (i mimo ně: na shody a některé vnější podobnosti mezi právě jmenovaným Metodovým dialogem a Boccaciovým Decameronem upozornil Н. Барсовъ ve *Вѣстникѣ Европы* XXVIII (1893), V, 830—849: «Декамеронъ» и «*Пиръ десяти*

дѣвъ»). Obracel se proti pohanským a kacířským učením své doby, hlavně proti těm, jichž střediskem byl právě Tyr; dialog »*O svobodné vůli*« je namířen proti valentiniánům. Z celého jeho díla zachovalo se v řeckém originálu málo, a i toto málo je hlavně ve zlomcích: jen Symposion je celé. Naproti tomu patristická literatura církevně-slovanská má z Methoda překladů řadu, a to právě těch Methodových spisů, jež buď vůbec řecky zachovány nejsou nebo jsou řecky zachovány jen zlomkovitě. Odtud význam těchto církevněslovanských textů pro patristickou literaturu vůbec a důvod, proč *Patrologia orientalis* vydává tento slovanský text. Περὶ τοῦ αὐτεξουσίου, řecky zachovaný jen zlomkovitě, byl již studován m. j. Bonwetschem, jenž řeckým překladem ze slovanského překladu chtěl pořídit doplňky zachovaných částí řeckého textu. Bonwetsch nebyl však slavista, což vysvětluje jazykové nedostatky jeho pokusu. Vaillantovo vydání podá souběžně text csl. a text řecký, k nimž připojí po zvyku *Patr. orient.* francouzský překlad. Text slovanský je založen na dvou ruských rukopisech XVI. st. poměrně dobře zachovávajících překlad původní; text řecký, pokud je zachován, je podle Bonwetsche. Oba texty doprovází bohatý kritický aparát obsahující varianty každého textu s výkladem, poznámky a místy i opravy textů, pomocí nichž v částech řecky doložených stanoví Vaillant překladatelskou techniku slovanského překladatele a nejednou i míru, do níž svému originálu rozuměl. Svazek bude doplněn slovníkem csl.-řeckým a seznamem slov řecko-csl. Rozbor jazyka v úvodu, hlavně rozbor slovníku potvrzuje, že překlad byl pořízen na půdě bulharské na konci X. nebo poč. XI. st. *J. F.*

SVĚDECTVÍ SLOVANSKÝCH TEXTŮ O JEŽÍŠOVI A O POČÁTCÍCH KŘESŤANSTVÍ byla věnována schůze Société des Slavisants v Paříži, která se konala dne 17./III. 1930 za předsednictví H. Grégoira, profesora bruselské university. Šlo o knihu R. EISLERA Ἰησοῦς βασιλεύς οὐ βασιλεύσας (Heidelberg, Winter, 1929, 2 sv. in 8°, XLIX+542 str. a 769 str.), o níž podal R. Eisler sám dlouhý, obsažný a velmi zajímavý autoreferát se zvláštním zřetelem ke slovanským textům, jichž použil. Po něm promluvil A. VAILLANT, jenž zběžně ověřil Eislerovy závěry a částečně i methodu se stanoviska slovanské filologie na několika stránkách rukopisných fotografií pařížského Slovanského ústavu, a M. GOGUEL, jeden z hlavních odpůrců Eislerových mezi historiky počátků křesťanství. Eislerovo dílo vyvolalo hned po svém vydání živou diskusi. Avšak až dosud byla polemika o něm vedena s obou stran argumenty převážně, ne-li výlučně historickými, při čemž slovanské texty, v nichž je vlastní základ Eislerovy konstrukce, zůstaly poněkud stranou. Zásluha pařížské Société des Slavisants spočívá v tom, že v diskusi uplatnila zřetele filologické. A právě v tomto problému slovanská filologie může hráti úlohu důležitou.

Eislerovu thesi je možno shrnouti takto: dílo JOSEFA FLAVIA, známé pod názvem Περὶ ἁλώσεως, bylo napsáno původně aramejsky či hebrejsky pro potřeby židovské (r. 71) a později Josefem a jeho *servis literatis* přeloženo do řečtiny a vydáno u příležitosti triumfu Titova (r. 72). Slovanský text tohoto díla, zachovávající důležitou versi řeckou, je znám teprve od r. 1866, kdy A. POPOV vydal první výňatky ze slovanské verse tohoto díla, výňatky týkající se Jana Křtitele a Ježíše; potom J. J. SREZNEVSKIJ vydal r. 1879 jiná místa téhož textu. Ukázalo se, že existuje 17 ruských rukopisů díla Josefa Flavia, a to vesměs z *konce XV. nebo poč. XVI. st.* Tyto texty jsou opisy církevněslovanského překladu, který byl pořízen v *letech 1250—1260* ze tří řeckých nedochovaných rukopisů (hlavní z nich byl v Cařihradě ještě za latinského císařství 1204—1261). Překlad církevněslovanský vznikl *na Litvě*, odtud hnutí, jehož Josefova kronika byla nástrojem, totiž »židovská herese« (ересь жидовствующих) pro-

sáklo ke konci XV. stol. nejprve do Novgorodu a pak do Moskvy. Ve všech těchto třech státech představovala tato herese nástroj určité politiky církevní rovnováhy. V Moskvě se rozšířila nejen mezi nejvyššími osobami a církevní hierarchií (jako v Novgorodě byl i v Moskvě stoupencem této herese jeden čas i sám metropolita), nýbrž i v samé gosudarově rodině. Ivan III. Vasiljevič (1462—1505) využil této herese k tomu, aby zabránil sjednocení pravoslaví s katolictvím podle dohody koncilu florentského. Rozkvět tohoto hnutí trval až do persekuce (r. 1502). Ale i po přísném pronásledování zachovaly se zbytky »subbotnikov« v Rusku až dodnes; před válkou se odhadoval počet jejich stoupenců mezi sedláky na 100.000.

K tomuto učení »židovstvujuščich« se připínají zachované ruské rukopisy Josefova díla *O dobytí Jerusalema.* Rukopisy ty z velké části opsal a srovnal A. J. BERENDTS, profesor evangelické theologie na universitě v Dorpatu (Tartu). Berendts přeložil do němčiny výňatky Popovovy a Sreznevského (1906) a podle vlastního materiálu též I.-IV. knihu. S tímto přeloženým materiálem pracoval R. EISLER, jehož závěry jsou založeny na pronikavé a radikální vnitřní kritice slovanského textu. Vycházejí ze dvou postulátů: 1.) Josef Flavius psal ve smyslu Kristovi a křesťanství nepřátelském; 2.) jeho text, jenž má vedle evangelií a celé křesťanské tradice historickou hodnotu textu psaného se stanoviska druhé strany, musil jako text židovský projíti celou středověkou censurou křesťanskou, církevní i opisovačskou, která korigovala jeho smysl a často ve smyslu křesťanském obracela na ruby. Je proto třeba před upotřebením zachovaného slovanského textu Josefa Flavia podrobiti tento text vnitřní, obsahové kritice, jež oddělí zrno od plevele a vycedí z textu, jenž mluví jedněmi ústy pro Krista i proti němu, to, co v něm bylo původně, přede všemi interpolacemi, korekturami a retušemi. Zde může EISLER postupovat, bořit a stavět jen cestou pravděpodobnosti, na základě Josefova poměru ke křesťanství, se zřetelem k historické situaci v Judei a k pramenům pozdějším. Eislerova kritika pramenů dospívá nejednou ke znění opačnému, než je to, jež je zachováno v textu, a to prostou hrou záporných částic, jež jednou vylučuje, jindy restituuje; na oporu tohoto svého postupu ukazuje však Eisler na případy jistých hebrejských textů; v nichž křesťanská censura postupovala právě tak, ovšem ve směru opačném, totiž vymycujíc vadná slova nebo celá místa a nezřídka odstraňujíc právě záporové částice. Závěry, k nimž takto EISLER dospívá, jsou ovšem v přímém rozporu se svědectvím evangelií: Kristus nebyl ani Bůh, ani Mesiáš; byl to politický vůdce židovský, jenž bojoval, jako jiní před ním, proti Římanům za politickou nezávislost Judee, a po své nezdařené velikonoční revoluci byl Římany ukřižován se svými dvěma stoupenci. Tento závěr, jeho rozpor se svědectvím evangelií i s dosavadní orientací badání o dějinách křesťanství, které počítalo s evangelii jako s vážným pramenem historickým, to vše bylo od první chvíle proti Eislerovi. A proto Eisler svou původní nedlouhou studii o svědectví slovanských textů Josefa Flavia rozšířil o celý ohromný aparát historický, aby potvrdil své původní závěry. Tak vzniklo z jeho práce dílo rozměrů monumentálních.

K tomuto historickému aparátu, k němuž se nese hlavní pozornost polemiky, se na schůzi Société des Slavisants opět vrátil M. GOGUEL, kdežto A. VAILLANT položil důraz na význam filologické kritiky inkriminovaných textů samých a tím postavil problém do světla, jež mu dosud nejvíce chybělo. VAILLANT mohl prozatím potvrditi jen přesvědčení, že církevněslovanský text je skutečně překlad z řečtiny, a sice překlad hodně volný; ale všech příslušných filologických argumentů Eislerových Vaillant nepřijal. Je zřejmé, že problém je choulostivý a že potřebuje důkladného filologického ohledání všech 17 ruských rukopisů a jejich kritického vydání. To je primum neces-

sarium, bez něhož každý soud je předčasný. Toto vydání prý začal V. ISTRIN, ale je obava, že ho nebude moci dokončiti. A. VAILLANT projevil úmysl pořídit toto vydání v tom případě, že se pařížskému Slovanskému ústavu podaří získati všechny příslušné fotografie rukopisů.

Eislerova kniha vyjde v tomto roce v anglickém vydání v Londýně a New-Yorku pod názvem The Messiah Jesus. K diskusi o ní viz ještě m. j. EISLERŮV článek v Revue d'histoire des religions XCIII (1926) s replikami M. GOGUELA a P. L. COUCHOUDA, a jeho článek v RES VII (1927); dále Revue biblique 1930 (29—46), Revue des Études Juives 1929 (113—131), Revue historique 1929 (217—267), kde jsou Eislerově práci věnovány vesměs samostatné články; pak WINDISCH v Theologische Rundschau 1929, 275 a j. *J. Frček.*

DĚJINY CÍRKEVNĚSLOVANSKÉHO ZPĚVU jsou velmi důležitý obor byzantskoslovanských studií, a to nejen pro historika hudby, nýbrž i pro filologa. Vzpomeňme jen, kolik církevněslovanských textů liturgického rázu bylo určeno k chrámovému zpěvu nebo aspoň k recitaci! Proto u četných církevněslovanských textů jazyková stránka souvisí i s jejich hudebním určením (na př. slovosled, stavba vět, fraseologie, výběr slov). Vymezení byzantských vlivů v církevněslovanském zpěvu je tedy neméně důležité nežli shledání složek domácích. Proto jsme uvítali s velkým zájmem nový sešit velkého souborného díla *Handbuch der Musikwissenschaft* (řídí prof. E. Bücken z university v Kolíně n. R., vydává »Athenaion«, Wildpark-Potsdam), věnovaný tomuto předmětu. Je to spis dra PETRA PANOVA *Die altslavische Volks- und Kirchenmusik* (1930, str. 32 fol.). Bohužel, byli jsme zklamáni. Panov (píše se »Panoff«) probírá (na 12 stranách!) slovanskou lidovou hudbu, při čemž se omezil jen na Bulhary, Srby a Rusy, kdežto »jiné jihoslovanské kmeny, Chorvaty, Slovince, Čechy atd.« (!) prostě vyloučil, poněvadž »přijali více či méně západní orientaci«, a Poláky a ostatní západní Slovany vůbec nejmenoval. Ale i v tomto omezení je dr. Panov tendenční: pochopitelně nejvíce místa věnuje rozboru melodií bulharských, kdežto srbské hudbě věnuje 1½ stránky a tvrdí, že srbské lidové písně co do formální, rythmické a melodické pestrosti daleko ustupují bulharským a makedonsko-bulharským; a jako hlavní charakteristický rys velkoruských melodií uvádí jejich velkou jednoduchost a jejich podobu s hudbou turecko-tatarskou, kdežto maloruské písně jsou odbyty na několika řádcích, poněvadž prý většinou dospěly k stereotypním formám, málo odlišným od hudby západoevropské, a o Bělorusech nemluví vůbec. Jedinou předností této povrchní a tendenční kapitoly jsou notové příklady - melodie lidových písní, přepsané z desek stát. fonogrammového archivu v Berlíně. Jsou to většinou zápisy prof. Schünemanna, pořízené za války v zajateckých táborech.

Druhá kapitola dra. Panova je věnována hudbě církevní. Na rozdíl od prvé je věnována hlavně hudbě ruské a je založena na ruské hudebně-vědecké literatuře, zvl. na dílech D. RAZUMOVSKÉHO a ST. SMOLENSKÉHO. Avšak neprobírá všecky stránky církevní hudby. Je to vlastně studie hudebně-paleografická: vykládá sematickou notaci, t. zv. »znamennyj rozpěv,« t. j. písmo notové bez not, pomocí zvláštních značek »krjukí«. Evropské notové písmo proniklo v ruské církev. hudbě teprve koncem XVIII. století, ale starověrci se drželi »krjuků« až do nejnovější doby. Je to systém neobyčejně složitý, ale také neobyčejně jemný a výrazný: dopouštěl vyznačení velmi rozmanitých přednesových možností a svědčí o velké vyspělosti církevní hudby ruské a o velké hudební kultuře jejích theoretiků v XVI.-XVII. století. Také po stránce grafické byly výkony církevněslovanské v tomto oboru vynikající, jak ukazuje krásný snímek z rukopisu rusko-církevněslovanského Hirmologia Jana z Damašku (z XVIII. století),

i jiné obrázkové přílohy. Ze snímků starších typů krjuků, (těchto značek se užívalo od nejstarších počátků církevněslovanské hudby; Panov klade počátek jejich historie do XI. st.) je viděti, že to, co filologové někdy vykládali v církevněslovanských rukopisech jako prosté nadřádkové značky, jako akcenty a přídešníky - byly vlastně značky hudební! Po té stránce bude třeba revidovati leckteré výklady filologů o značkách v liturgických textech církevněslovanských, a probrati s tohoto hudebně-vědeckého hlediska také výklady církevněslovanských gramatiků. Dynamické a agogické značky, které obsahuje »znamennyj rozpěv«, jsou konečně také velmi poučné pro linguistu, který studuje melodii řeči a ostatní hudební stránky věty. Tím více jest litovati toho, že těmto důležitým věcem nebylo věnováno více místa, že jejich zpracování nebylo zde ani důkladné ani srovnávací, zejména pak, že dr. Panov vůbec nepřihlíží k hudbě byzantské.[1] I v této kapitole jsou nejlepší věcí notové přílohy, které srovnávají znění církevních zpěvů z fonogrammových desek s notací krjuků, a přepisy krjuků do moderní notace. Vůbec ve spisku Dra Panova, jako bohužel i v některých jiných svazcích bohatě vypraveného Handbuchu der Musikwissenschaft, zevnější roucho daleko převyšuje vědeckou cenu obsahu. *M. W.*

POČÁTKY KYRILICE byly nově osvětleny novými VÝKOPY V PRĚSLAVI, které podniká Národní museum v Sofii od r. 1927 na památku millenia cara Symeona. Nejzávažnější z nových nálezů jsou základy a stěny chrámu jižně od vnitřního města nedaleko řeky Tiče. Chrám byl uvnitř bohatě vyzdoben mramorem i keramickým obložením. Obzvláště zajímavé jsou však nálezy epigrafické, o nichž referuje jejich nálezce KR. MIJATEV, v novém slavistickém časopise bulharském Bъlgarski pregled, řízeném prof. ST. ROMANSKÝM (Sofija, 1929, I., kn. 1., str. 100—125): *Симеонова църква въ Преславъ и нейнятъ епиграфиченъ материалъ* (s obrázky). MIJATEV nalezl jednak nápisy na stěnách, jednak nápisy na zlomcích keramických dešticek. Je to materiál nevelký rozsahem, ale velmi cenný. Z Přeslavě byly dosud známy jen jisté nápisy latinské, ale ani řádek starobulharský. Teprve nové výkopy přinesly také epigrafický materiál slovanský. Je to ovšem materiál skromný: 1. Pokud jde o nápisy na stěnách, nebyly to oficielní, monumentální nápisy, které by organicky patřily k nástěnné výzdobě chrámu, nýbrž nahodilé zápisy, vyryté zběžně do stěn, nevelké (1 cm), ve výši ruky dospělého člověka ($1^1/_2$ — 2 m od země), pocházející patrně od zedníků. Byl tu nalezen především nápis *hlaholský*, slovo »*tigibъ*«, snad nějaké jméno turansko-bulharské. Pod ním pak byly nalezeny dva řádky *kyrilské*, tohoto znění: цькы сѧтаго иоана дѣлан... паѵломь хартофѵлаѯомь. Jméno Pavla chartofylaka bylo dosud neznámo; hodnost chartofylaka byla dosud známa jen z patriarchátu cařihradského. 2. Na keramických dešticích, většinou velmi zlomkovitých, jsou jen jednotlivá písmena nebo slabiky, ale ani jedno celé jméno, celé slovo. Také na keramice blízkého kláštera *Patlejna* byly nalezeny písmeny hlaholské i kyrilské, které mají tvary shodné s přeslavskými nálezy.

MIJATEV soudí, že všecken tento nápisný materiál náleží době cara Symeona. Vyvozuje to z té okolnosti, že je tu hlaholice vedle kyrilice, což prý by v pozdější době bylo sotva možné, jakož i z toho, že chrám, k němuž nalezené nápisy patří, má atrium, kterážto archaická zvláštnost půdorysu nutí klásti vznik tohoto chrámu do doby velmi starobylé, neboť atrium má i basilika v Plisce, založená snad Borisem; atrium bylo potřebné v počátcích bulharského křesťanství jako shromaždiště novokřtěnců; mimo to i velkolepý ráz chrámu a jeho výzdoby prý ukazuje na dobu Symeonovu. Vycházeje z tohoto datování, prohlašuje MIJATEV nale-

[1] Byzantské hudbě - podle plánu Handbuchu - připadne místo patrně ve svazku, věnovaném hudbě středověké, za jehož autora je ohlášen doc. H. Besseler z Freiburku.

zené hlaholské slovo *tigibъ* za nejstarší hlaholskou památku vůbec, a kyrilské nápisy za nejstarší památky tohoto písma, které značně převyšují stářím dosud nejstarší datovanou památku kyrilskou, nápis cara Samuila z roku 993.

K těmto vývodům MIJATEVOVÝM třeba říci, že *datování celého nálezu* — chrámu, keramiky i nápisů — do doby před smrtí cara Symeona (927) je sice důvtipné, ale nikterak není dokázáno. Především není jisto, zdali písmena na keramikových deštičkách jsou současná s kyrilským nápisem na stěně; charakter písma na deštičkách je naopak odlišný od rázu nápisu; písmena na deštičkách jsou stojatá, ustav — písmena nástěnná jsou nakloněna, většinou napravo; písmena na deštičkách jsou většinou stínována — písmena nástěnná, jak se zdá, nikoliv: zkrátka nápis nástěnný má zřejmě ráz zběžný, méně ozdobný a méně pečlivý. Není také jisto, zdali nápis nástěnný vznikl současně se stavbou chrámu. Je dále pochybné, zdali všechna písmenka na keramice pocházejí z nápisů slovanských; některá jistě ano, ku př. nápis na obr. 4, 2, jak ukazuje slabika ⱀѣ . . .; ale některá, ku př. většina zlomků na obr. 5., ne-li všechny, pocházejí patrně z nápisů řeckých. Že nejdůležitější nápis — ony dva nástěnné řádky kyrilské — pochází z doby Symeonovy, není sice z hlediska linguistického vyloučeno, ale nelze toho také dokázati. MIJATEV sám vychází vlastně z datování širšího, připomínaje i dobu Symeonova syna Petra, do r. 969, do výpravy Jana Tzimischa, a jen nepřímými důvody období po smrti Symeonově vylučuje. A konečně vůbec datování nálezů do X. století se opírá vlastně jen o pozdější neblahé osudy Přeslavě, tedy o důvody nepřímé, ale přímo se dosud dokázati nemůže.

S hlediska paleografického ovšem by datování nápisů do doby Symeonovy nepřekáželo dosavadním našim názorům na počátky slovanských písem. Učiměť již dlouho domněnce, že kyrilice vznikla v době Symeonově a na jeho dvoře, buď přímo Symeonovou prací aneb aspoň na jeho podnět. Právě tvary písmen na uvedených nálezech ukazují, že většina kyrilských písmen je prostým převzetím tvarů řeckých a že tedy sestavení kyrilice nebylo zdaleka tak nesnadným činem jako sestavení hlaholice. Z neřeckých písmen máme v dvouřádkovém nápise ц, ѣ, ы, ѧ, ѣ, ѥ; na deštičkách ѣ, ч, ц, ѧ, ї, ѩ. Zajímavé je, že tu vůbec nemáme ani tvrdého jeru ani nosovky ѫ. Velmi vážnou námitkou proti současnému datování nápisu i keramiky je odchylný tvar nosovky ѧ na nápisu proti obvyklému ѧ na keramice. Ve spojení s tím je poučný tvar цѣркы na nástěnném nápise proti literárnímu црькы; tento neliterární tvar, podobně jako сѧтаго místo свѧтаго, ukazuje lidový původ tohoto nápisu, reprodukujícího patrně věrně výslovnost svého písaře — Bulhara.

Obě nejdůležitější písmena na nástěnném nápise, totiž ѧ a ы (nikoliv ъı!) jsou odchylná nejen od obvyklého rázu kyrilského písma, ale také od nápisu cara Samuila. Od něho se přeslavský nápis také liší svým nakloněním a zběžným provedením; shoduje se s ním v jednotnosti rytých tvarů, prostých všech ozdob. Ráz písma přeslavského nápisu připomíná písmo *Savviny knigy*; nosovka ѧ je ovšem v Savv. kn. dole zavřená, tedy ѧ. Totéž je i v Suprasl., v němž ѧ znamená *ę*, ѧ = *ję*. ы místo ъı je v stslov. rukopisech vzácné (Savv., Supr.); častěji se vyskytá až *v pozdějších* textech církevněslovanských, nejdříve asi v Zografských lístcích P. A. Lavrova, které se kladou do XI. století, od nichž však se přeslavský nápis liší celým charakterem písma (KARSKIJ, Слав. кир. палеогр. 1928, 203 n.; LAVROV, Палеогр. обозр. кирилл. пис. 1915, 15 n. LAVROV, Les feuilles du Zograph, RÉtSl VI, 5 n.). Všecky tyto okolnosti poněkud ztěžují datování nápisu do doby Symeonovy.

Za nejzajímavější na celém dosavadním nálezu však pokládáme slovo, psané na stěně *hlaholicí*, a jednotlivá písmena *hlaholské* na keramice. Je nám to důkazem toho, že sice hlaholice byla známa i na přeslav-

ském dvoře, ale že rozšířenější než ona tam byla kyrilice. Bylo tedy v Přeslavi *dvojí písmo vedle sebe*, ale kyrilské bylo oblíbenější, jsouc vlastním výrazem východobulharské, přeslavské kulturní obce, jak jsme to vyložili před lety ve stati »Bulhaři a Cařihrad před tisíciletím« (1915).

Poslední slovo o této paleografické stránce přeslavských výkopů bude lze říci až po skončení archeologických prací a po uveřejnění dokonalejších snímků, než jaké nám byly k disposici v článku KR. MIJATEVA.

M. W.

KOZMA PRESBYTER, zaujímající vynikající místo mezi starobulharskými spisovateli svým »Slovem na eretiky« čili »Besědou na novojavivšuju sę eresь Bogomilu«, je předmětem literárněhistorického náčrtu M. G. POPRUŽENKO v I. svazku revue Bъlgarski Pregled (Sofija 1929, str. 22—38.). Popruženko vydal již r. 1907 v Petrohradě text Kozmův, a nyní se vrací k některým otázkám spojeným s činností tohoto výmluvného kazatele, čili jak ho Popruženko moderně nazývá, »jednoho z nejranějších bulharských publicistů«. POPRUŽENKO totiž připravuje nové, kritické vydání Kozmových řečí, poněvadž ani jeho dřívější vydání ani jiné otisky nebyly úplné. Proto také literárně-historické i historické problémy Kozmova života a díla nejsou dosud rozřešeny (viz mou kritiku nezdařené disertace ST. GEORGIEVA *Les Bogomiles et presbyter Kozma* v ČČM 1921, str. 148—160). Při chystání nového vydání musí si POPRUŽENKO řešiti některé sporné otázky, o nichž v tomto článku podává předběžnou zprávu. Tak především ze dvou názvů Kozmových řečí za starší pokládá název »Beseda na eresь Bogomilu« (kdežto druhý nepochází od Kozmy samého), ale tento název »Beseda . . .« nevystihuje plně obsahu, neboť spis Kozmův není věnován jen polemice proti bogomilům, nýbrž má širší program náboženskovýchovný. Ve výkladech Kozmových není přesného systému, ale srovnávacím studiem různých míst textu lze dojíti k názoru, že Kozmovu skladbu lze děliti na dvě části, které byly psány za různého psychologického stavu a tedy z různých pohnutek. V té formě, v jaké nás Kozmův spis došel, jsou patrně spojeny v jeden celek dva různé spisy, t. j. »beseda« a »poučenije«; Kozma »beseduje« o bogomilech, a »poučuje« o mniších a jejich životě; »beseduje« vzrušeně a přísně, »poučuje« mírně. První tedy skladba Kozmova byl traktát proti bogomilům; druhá jeho skladba byla vlastně řada »slov« »poučiteľného« rázu, t. j. mravoučná kázání. Původně každý z těch spisů byl rozšiřován samostatně; spojení obou bylo provedeno teprve později, a pak teprve změněn titul.

Pokud se týče datování Kozmova života, POPRUŽENKO upozorňuje na Kozmovu připomínku Jana exarcha, »jegože i ot vas saměch mnozi znajut«. Psal tedy Kozma blízko doby Jana exarcha, jehož jistě osobně znal a jehož pokládal za svůj ideál. Neznáme však roku, kdy zemřel Jan exarcha. Nicméně z této souvislosti vyplývá, že Kozma nebyl příliš vzdálen době cara Symeona; POPRUŽENKO míní, že se spisovateli té doby se Kozma shoduje i jazykově a zvl. citáty z Písma. Kozma prý znal dokonale literaturu doby Symeonovy, a to i ty spisy, které se nám zachovaly jenom v pozdějších přepisech, ale které prý vznikly již v době Symeonově, neboť v různých »zlatostrujích«, »izmaragdech«, »pčelách« atd. nalézá POPRUŽENKO výrazy, obrazy a obraty, které jsou doslovně tak i u Kozmy.

Psychologickým rozborem Kozma se ukazuje jako nadaný muž, plamený vlastenec, velmi vzdělaný a nadšený křesťan, který se zármutkem pozoruje , »seliky bědy ratnya i mnogo zolъ nastaęštich zemli sej« »v lěta pravověrnago cr̄ę Petra«, a proto se dal do psaní, aby varoval a napravil své vrstevníky a spolupůsobil tak k návratu slavnějších časů.

Potud POPRUŽENKO. Jeho zajímavé vývody jsou pravděpodobné, pokud jde o rozdělení zachovaného díla Kozmova ve

dva spisy; pokud jde o vztah Kozmův k literatuře symeonovské, a o daleké závěry, POPRUŽENKEM z toho vyvozované, třeba vyčkati ohlašovaného nového vydání a kritického rozboru, který má autor připraven k tisku; ale předběžná formulace těchto závěrů budí pochybnosti.

M. W.

V. N. ZLATARSKI, připravuje pokračování svých monumentálních Dějin bulharského státu, dospěl k osudné době starých bulharských dějin, k době ztráty politické nezávislosti od r. 1018 do konce XII. století. Z těchto přípravných prací uveřejnil studii o politickém položení severního Bulharska v oné době: *Политическо положение на северна България презъ XI. и XII. вѣкове,* zvl. ot. z Известия на Историческо Дружество, кн. IX., Sofia 1929, str. 50. Otázkou o administrativní úpravě, kterou dal Basileios II. Bulgaroktonos pokořeným zemím bulharským, zabýval se v poslední době N. Bănescu v bulletinu rumunské Akademie (1923) a P. Mutafčiev. Zlatarski vychází z kritiky výkladů Bănescových a opírá se o hojný materiál, zvl. z byzantských kronikářů.

Z POZŮSTALOSTI FRANTIŠKA HÝBLA, předčasně zesnulého historika českého, byly vydány *Dějiny národa bulharského,* díl I., v Praze 1930, nákl. Historického klubu, stran 302 vel. 8°. Rukopis byl autorem zanechán úplně připraven k tisku, takže nepotřeboval doplňků ani oprav, pouze úpravu bibliografických údajů. Péče o vydání byla svěřena Janu Slavíkovi. Dílo Hýblovo je pozoruhodné i vedle vynikajících výkonů bulharské historiografie, zvl. Zlatarského, jako samostatný český pokus o celkový přehled bulharských dějin, který má po padesáti letech nahraditi slavné Dějiny Konstantina Jirečka (vyd. v Praze 1876). Vydaný první díl sahá od předslovanských dob poloostrova balkánského až do XVIII. století, do doby Kateřiny Veliké. Věcem byzantsko-slovanským připadlo v něm poměrně dosti místa. Proto zde bude o něm později podrobněji referováno. *W.*

П. МУТАФЧІЕВ, ПРОИЗХОДЪТЪ НА АСѢНЕВИЦИ. «*Македонски Прегледъ*» *год IV. кн. 4. 1928. Софія.*

Проф. Мутафчіев в своей интересно написанной статьѣ занялся пересмотром вопроса о происхожденіи династіи основателей II-го болгарскаго царства и выставил новую теорію о родственной связи Асѣновцев с княжеским русским домом. Мутафчіев дает новое освѣщеніе событій 1186 г. Так он вполнѣ основательно считает, что Калоян и Петр не были простыми стратіотами; они играли значительную роль в подготовкѣ возстанія; также Мурафчіев критически относится к роли валашскаго элемента в возстаніи. Большое значеніе Мутафчіев приписывает русскому элементу, обитавшему за Дунаем — бродницам и берлядинцам, и подробно останавливается на русско-болгарских отношеніях. Подтвержденіе для тѣсной связи между русскими и болгарами и наличія русской колонизаціи в «Подунавіи», Мутафчіев находит в номенклатурѣ придунайских городов и поселеній. Особенно Мутафчіев останавливается на фактѣ пріема болгарами в свои предѣлы русских князей-изгоев. Одним из них был Мономахович Василько. Из Мономаховичей Юрій Долгорукій был женат на внучкѣ половецкаго хана Асѣни. Мутафчіев не рискует прямо связать Асѣновцев с Мономаховичами, но всеже считает возможным искать их родство с знатными русскими, бывшими в непосредственных сношеніях с половцами. Доказательство для этого Мутафчіев находит в популярности Асѣновцев в Придунайской Болгаріи и также в том фактѣ, что Іоанн Асѣнь II ребенком был увезен в Россію.

М. б. мысли Мутафчіева нѣсколько смѣлы и требуют еще болѣе вѣских подтвержденій, но крайне важно выдвиженіе вперед связи болгар с русскими и половцами и также вопроса о русской колонизаціи Поду-

навія, который до сих пор еще не был достаточно изслѣдован. *М. А. Андреева.*

L'INSTITUT ARCHÉOLOGIQUE BULGARE a publié le cinquième volume de ces Izvestija (Известия на българския археол. Институтъ, pp. 433, nombreuses illustrations et planches, prix 400 Leva). Le volume contient un nombre remarquable de travaux traitant de l'archéologie, de l'histoire et du folklore. Notons tout spécialement les études suivantes: Filov, Une statuette de terre d'Artemis du Sud de la Thrace; S. Bobčev, Nicopolis ad Istrum; G. Gazarov, Monuments antiques de la Bulgarie; K. Mijatev, Le cavalier de Madara; G. Fehér, Les restes de la langue des protobulgares du Danube; Radoslavov, Les titres des chans bulgares; N. Brunov, A propos de l'architecture de l'époque des Paléologues à Constantinople; N. Mušmov, Quelques sceaux du Moyen Age, récemment découverts en Bulgarie; Takenberg, Quelques trouvailles germaniques en Bulgarie. Nous aurons prochainement l'occasion de revenir plus longuement sur quelques études touchant les questions byzantino-slaves et présentant un intérêt spécial. *F. Dvorník.*

BIBLIOTHÈQUE HISTORIQUE BULGARE. Signalons ici l'entreprise de MM. Zlatarski et Nikov, de l'Université de Sofia qui ont décidé de publier une sorte de revue intitulée «Blgarska istoričeska biblioteka».

Cette «Bibliothèque historique» doit paraître quatre fois par an et a pour but de traiter des questions concernant l'histoire bulgare. Nous donnerons prochainement le compte-rendu détaillé de quelques articles rentrant dans le domaine de notre revue. *D.*

STANOJE STANOJEVIĆ, vynikající historik srbský, shrnul své studie o srbských listinách, které vycházely v letech 1912—1928 v Glasu Srpske Kralj. Akademije (sv. 90—132) ve zvláštním otisku, který vydal objemnou knihu, nadepsanou *Студије о српској дипломатици* (Beograd 1928, str. 521 vel. 8°). Tyto studie vyrostly vlastně v soubornou nauku o diplomatice; probírat se v nich: invokace, intitulace, inscribce, salutace, arenga-prooemium, promulgace—notifikace, intervence—petice, exposice—narace, disposice, sankce, koroborace, aprekace, podpis, osoby zúčastněné při psaní listin (dijak, gramatik, notar, nomik, logothet), svědkové, pečeť a datování listin. Uvnitř jednotlivých oddílů je materiál roztříděn teritoriálně: Dubrovník — Bosna — Hum — Raška — Zeta. V každé kapitole se nejprve stručně oceňuje obsahový, historický význam jednotlivých částí, a potom následuje podrobný rozbor formální s velmi hojnými doklady, čerpanými hlavně z Miklosichových Monumenta serbica a z Pucićových dubrovnických památek, ale také z jiných pramenů, a s bedlivým zřetelem srovnávacím; rozumí se, že srovnávání s byzantskými listinami není opomíjeno. Hojné doklady Stanojevićovy, uvnitř jednotlivých zeměpisných skupin chronologicky srovnané, ukazují názorně vývoj všech znaků srbských listin. Tyto výklady mají vedle historického významu také velkou zajímavost pro filologa, zejména pro dějiny spisovného jazyka. Je tu mnoho zajímavého materiálu pro syntax, stilistiku a lexikologii; po stránce linguistické bude tedy třeba doplniti výklady Stanojevićovy. *W.*

NIKOLA RADOJČIĆ, profesor university v Lublani, uveřejnil již řadu cenných monografií k dějinám jihoslovanské historiografie. Z posledních jeho prací zaznamenáváme aspoň jednu, která zapadá do programu tohoto časopisu. Je to přehled historické práce známého arcibiskupa a karloveckého metropolity Štěpána Stratimiroviće, vrstevníka Dobrovského, Kopitarova i Šafaříkova: *Историјске студије митрополита Стефана Стратимировића* (u Glasniku Istoriskog društva v Novom Sadu, Књ. II. sv. 3., Sremski Karlovci 1929, str. 317—364). Je zajímavé, že se Stratimirović, ačkoli byl v historiografii samouk, již po-

koušel o výklad slovanských jmen u Konstantina Porfyrogenneta (str. 329 n.).

D. N. ANASTASIJEVIĆ, profesor byzantských dějin v Bělehradě, vydal jako zvláštní brožurku *Две старе оцене* (Beograd 1930, str. 18 vel. 8°), ve které rozbírá vydání St. Stanojeviće a V. Ćoroviće, Одабрани извори за српску историју I. Доба од VI—X века (Beograd 1921) a studii P. Popoviće O хронологији у делима св. Саве (Glas 1924); srov. Byz.-slav. I., 246. *W.*

V. M. ISTRINOVA díla *Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе* vyšel po prvních dvou dílech (I. Текстъ, 1920; II Изслѣдованіе, 1922) nyní díl třetí, obsahující slovník (III. Греческо-славянский и славянско-греческий словари) (Ленинград, Ак. Н. СССР, 1930; 348 стр.). Podrobnější referát přineseme později. *F.*

K POZDĚJŠÍM DĚJINÁM JAZYKA CÍRKEVNĚSLOVANSKÉHO zajímavý příspěvek podal IVAN OHIENKO v inaugurační přednášce, pronesené na pravoslavné theologické fakultě varšavské university v březnu 1926: *Język cerkiewnosłowiański na Litwie i w Polsce w ww. XV—XVIII* (Prace filologiczne, tom XIV, 1930, str. 525 až 543, též zvl. ot.). Ohienko ukazuje na svědectvích soudobých pozorovatelů, jako byli Skorina, Matouš Hosius, Petr Skarga, J. Vyšeńskyj, P. Berynda a j., jak známost církevněslovanského jazyka na Litvě a v Polsku mezi pravoslavnými upadala, a to nejen mezi lidem, nýbrž i mezi duchovenstvem, a jak se tento jazyk vzdaloval mluvy živé. Tento historický výklad, ve věci správný, měl by býti podepřen fakty linguistickými. *W.*

В. СІЧИНСКІЙ, АРХІТЕКТУРА СТАРОКНЯЗІВСЬКОІ ДОБИ. *X—XIII ст. Украинське Мистецтво. Прага. 1926.*

В своей небольшой работѣ г-н Січинскій пытается дать характеристику украинскаго, т. е. южно русскаго искусства в X—XIII вв. Эту эпоху Січинскій почемуто называет старокняжеской, хотя совершенно непонятно, чѣм отличался князь кіевскій второй половины XIII в. от князя XIV в. Кіев гораздо раньше, еще в XII в., потерял значеніе столицы. Січинскій дает подробный перечень южно-русских памятников, указывая на вліянія, как византійскія, так и романскія. Несмотря на это Січинскій старается убѣдить читателя в том, что древне-русское—украинское искусство является оригинальным плодом творчества мѣстных мастеров, воспитанных на богатой художественными традиціями почвѣ. Так Херсон впитал в себя много варварскаго элемента и создал свое искусство. В чем заключались его отличительныя черты Січинскій не поясняет.

Не отрицая наличія сильнаго творческаго элемента в древне-русском искусствѣ Юга, все же автор рецензіи полагает, что для выясненія его характера было бы необходимо болѣе основательное сравненіе с имѣющимся византійско-восточным матеріалом и также привлеченіе памятников сѣверно-русскаго искусства, значительно лучше сохранившихся.

Цѣнность брошюры значительно выигрывает от приложенія многочисленных таблиц. Большой полностью также отличается библіографія. *М. А. Андреева.*

ВОЛОДИМИР СІЧИНСКИЙ, РОТОНДИ НА УКРАІНІ. *Українська архітектура. Відбитка з науковего збірника за 1929 р. Историчной секції Українськоі Академії Наук Київ. 1929.*

Автор брошюры взял на себя трудную задачу вывести из имѣющагося на лицо матеріала теорію о типичности ротонды для «украинскаго» искусства и перенесеніи этой архитектурной формы в сосѣднія страны. Матеріал на котором основывается Січинский недостаточен и зачастую болѣе чѣм сомнителен. Что же касается памятников, привлекаемых для сравненія, то пе-

речень их неполный; кромѣ того Січинский довольно поверхностно отнесся к их изученію. *M. A.*

TYZ PRACÍ A. A. DMITRIJEVSKÉHO, známého ruského liturgisty, jež byly ukončeny a z části vydány za války a po ní, jsou právě tak významné pro studium literárních vlivů byzantských na literaturu církevně slovanskou jako neúplně známé a těžko přístupné. Z byzantinologické ruské bibliografie, již ve *Slavii* (VII) uveřejnil *I. Sokolov*, je již známo, že Dmitrijevskij vydal ze svého neobyčejně cenného — byť ne vždy textově bezvadného ani dosti úplného a souměrného — výpisu z většinou neznámých byzantských rukopisů *(Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго востока)* první svazek druhého dílu Typik (SPb. 1917, nákladem Православ. палест. общ., tiskem Kirschbauma, VIII + VIII + 768 + IV str. in 8°[1]. Nyní S. Salaville ve své liturgické hlídce (Bulletin liturgique) v *Échos d'Orient* (avril-juin 1929) podává tyto další informace o posledních publikacích a pracích A. Dmitrijevského: Ze své práce *Церковныя торжества в дни великих праздников на православном Востоке с русскими паломниками по Святой Земле и на Афонской Горе*, jejíž první díl vyšel r. 1909 v Petrohradě (XII + 312 str. in 8°), vydal Dmitrijevskij druhý díl r. 1924 (192 str. in 8° s četnými obrazovými přílohami (v Leningradě nákladem, praví Salaville, «Société russe de Palestine» = (Православ. палест. общ.?). S. Salaville uvádí takto obsah druhého dílu: I. Pâques à Jérusalem (1—28). II. Fête de l'Ascension au Mont des Oliviers (29—45). III. Fête de la Sainte Trinité au mont Sion et au Chêne de Mambré à Hébron (46—83). IV. Fête du grand martyr et thaumaturge Pantéleimon au monastère athonite de Saint-Pantéleimon (84—123). V. Fête de la Transfiguration au Thabor (124—154). VI. Fête de la Dormition à Gethsémani (155—171). VII. Fête de l'Exaltation de la Croix à Jérusalem (172—179). VIII. Fête en l'honneur de saint Jean l'Évangéliste à Patmos (180—189). S. Salaville praví, že ».... tato sbírka ... pojí popis novějších místních obřadů s učenými připomínkami dřívějších zvyků a počátků«, a z obrazových příloh chválí zejména dokumentární hodnotu reprodukce slavnostního přijetí zografského higumena u klášterních vrat, svátečního průvodu z kostela do refektáře a svátečního obřadu »Vzývání Nejsvětější«.

Pro leningradské posluchače vyššího oddělení theologie vydal Dmitrijevskij na stroji psané své přednášky *(Наука о православном богослуженіи)*, o nichž praví S. Salaville, že, soudě podle 5.—12. svazku, je to hlavně použití textů vydaných v *Описаніи* spolu se zcela novými údaji, hlavně o sňatku a svěcení vody, jež by si zasloužily největší známosti. Těchto osm svazků je věnováno obřadům křtu, zasnoubení a sňatku, pokání, svěcení vody, athonitskému obřadu pannychií a denním službám.

Seznam vydaných a rukopisných prací A. Dmitrijevského byl vydán u příležitosti jeho padesátileté vědecké činnosti r. 1928 jeho přáteli a žáky na psacím stroji v omezeném počtu exemplářů.

Toto vydávání na psacím stroji se zdá být výmluvnou ilustrací obtíží, jež vážně ohrožují publikování významného díla Dmitrijevského, z něhož S. Salaville oznamuje dva nové svazky, mající doplnit první svazek Εὐχολόγια z jeho *Описанія*.[2] Dmitrijevskij chystá prý rovněž kritickou studii o J. Goarovi a jeho klasickém Euchologiu (1. vyd. v Paříži 1647, druhé, změněné a stručné Εὐχολόγια obsahuje však vedle výpisů z rukopisů východních knihoven také excerptum (označ. Прибавленіе, str. 993—1052) ze známého euchologia pařížské Bibl. Nationale, Coislin 213 (z r. 1027), jež je jedno z nejstarších zachovaných byzantských euchologií vůbec.

[1] Č. 1 Τυπικά I. (1895), č. 2 Εὐχολόγια (1901); toto je tedy č. 3 Τυπικά II₁ (1917).

[2] *J. Sokolov* se zmínil ve Slavii (VII, 414) o Dmitrijevského materiálu ze Sinaje, Athonu a j., vztahujícím se k jihoslovanskému euchologiu. Dosud vydaný svazek

nější, posmrtné vydání v Benátkách 1730), s použitím Allatiovy korespondence s Goarem, zachované v paleografickém museu leningradské Akademie; část této studie byla již předložena rusko-byzantinské komisi leningradské Akademie.

J. F.

† KAREL KADLEC O F. J. USPENSKÉM. Doplňkem k nekrologům K. Kadlce a F. J. Uspenského, uveřejněným v I. roč. tohoto časopisu, třeba upozorniti na obšírnou Kadlcovu stať »*Ruský Archeologický institut v Cařihradě a jeho ředitel F. J. Uspenskij*«, uveřejněnou ve XX. ročníku Věstníku České akademie, která vyšla také ve zvláštním otisku (v Praze 1911, stran 59). Kadlec podrobně referuje o veškeré činnosti Institutu, zejména o jeho exkursích a publikacích, od jeho založení 1895 až do r. 1909. Referát je pln zasloužené chvály o činnosti cařihradského Institutu a svědčí o Kadlcově hlubokém zájmu o studia byzantsko-slovanská a o jeho rozsáhlých znalostech v tomto oboru. Ke konci podává Kadlec (od str. 51) životopis Uspenského, jehož charakterisuje jako »neúnavného organisátora práce« a »prvního ruského byzantologa«. *W.*

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА Ф. И. УСПЕНСКОГО *(1845—1928). Ленинград 1929, 78 стр.*

Центральное место в этом сборнике речей в память великого русского византиниста занимает «Общий очерк научной деятельности» В. П. БУЗЕСКУЛА (стр. 25—52). Автор со свойственным ему мастерством воскрешает в памяти читателя ряд бесшумных и тихих, но полных глубокого научного и общественного значения завоеваний, которые Ф. И. УСПЕНСКИЙ сделал на поле византиноведения и в смежных с ним областях втечении свыше пятидесятилетней творческой деятельности. Счастливо соединяя в себе муравьиное трудолюбие с полетом орла, УСПЕНСКИЙ оставил после себя огромное научное наследие, на проценты которого будет жить не одно поколение византинистов. Акад. БУЗЕСКУЛ мог в своей речи наметить лишь основные моменты созидания этого научного капитала, но и то, что мы находим в ней, дает яркое представление об этом энциклопедическом уме, чувствовавшем себя всегда как дома в области и политической истории, и экономической, и археологии, и искусства, и богословия, и литературы и даже философии. Но что этот необычайно широкий размах научного творчества нисколько не препятствовал УСПЕНСКОМУ быть великолепным организатором и мощным мотором целых научных учреждений, это доказывают речи ак. С. А. ЖЕБЕЛЕВА и профессоров В. Н. БЕНЕШЕВИЧА и А. И. МАЛЕИНА, поочередно характеризующие деятельность Успенского то как директора Русского Археологического Института в Константинополе, то как основателя русско-византийской Комиссии Академии Наук, то как руководителя кружка друзей греческого языка и литературы. В начале сборничка приведены главные хронологичекиес даты восьмидесятитрехлетней жизни Ф. И. УСПЕНСКОГО и полный перечень его изданных (227 NN!) и посмертных работ, еще не успевших попасть на печатный станок. Из opera posthuma особенно радостные ожидания возбуждает, кроме последних двух частей монументальной истории Византийской империи, монография «Восточный вопрос и великая европейская война», — как историко-философское и историко-политическое credo почившего ученого.

Как ни содержательны перечисленные статьи, все же нельзя сказать, чтобы оне давали *полный* портрет Ф. И. УСПЕНСКОГО; к великому сожалению, мы не находим среди них такой, которая характеризовала бы его *как слависта*. А между тем и по количеству работ, посвященных разным вопросам славяноведения, и по удельному весу сделанных в них открытий, и по широте проявленных в них интересов, – научная деятельность УСПЕНСКОГО является твор-

чеством в такой же мере слависта, как и византиниста![1]

Москва. *Г. Ильинский.*

I. BIANU-N. CARTOJAN, ALBUM DE PALEOGRAFIE ROMÂNEASCĂ *(scrierea chirilica). Bucureşti 1929. XXXV tabulek a 4 str. in folio.*

Kyrilské písmo má pro Rumuny právě takový význam jako pro jižní a východní Slovany, neboť bylo u nich v užívání od počátků křesťanské kultury až do roku 1856. S hlediska paleografického vyložil krátce historii kyrilice u Rumunů EM. KAŁUŻNIACKI, býv. slavista university v Černovicích, v Jagićově Enciklopedii slavj. filologii: *Кирилловское письмо у Румынъ* (Вып. 4. 2, Петроград 1915, str. 22; připojeno k paleografii P. A. LAVROVA). Mimo to kratší zmínky nalézáme o tomto předmětu v paleografických učebnicích KARSKÉHO a SOBOLEVSKÉHO. Nyní N. CARTOJAN, profesor dějin rumunské literatury v Bukurešti, spolu s I. BIANEM, předsedou Rumunské Akademie, vydali toto album hlavně pro potřebu posluchačů university a archivní školy. Snímky, technicky pěkně provedené, jsou rozděleny do tří skupin: rukopisy, listiny, dopisy. V čele snímků rukopisných je žaltář Scheianský a kodex Voroněžský, oba ze XVI. století. Přítomné album se tedy omezuje na památky, psané jazykem rumunským, a nechává stranou velkou skupinu t. zv. památek rumunsko-slovanských, t. j. památek, psaných církevněslovanským jazykem na území rumunském, tedy je věnováno té látce, které ovšem KAŁUŻNIACKI i jiní slavisté si všímali málo. Ale právě snímky z rumunských rukopisů XVI. a XVII. století potvrzují úsudek KAŁUŻNIACKÉHO, že mezi rumunskými a soudobými rumunsko-slovanskými památkami není podstatných grafických rozdílů.

M. W.

[1] Этот пробел восполнен теперь прекрасной статьей *Weingart'a* в 1 N настоящего журнала.

ILIE BĂRBULESCU, slavista university v Jaşích, vydal opět (viz Byz.-slav. I, 215 až 220) objemné dílo: *Individualitatea limbii române şi elementele slave vechi* (Bucureşti 1929, str. VIII a 534 vel. 8°). Probírá tu nanovo a podrobněji svou theorii o počátcích rumunského národa a o poměrně pozdním pronikání slovanských elementů do rumunštiny, kterou vyložil krátce již r. 1907 ve Zborniku Jagićově (str. 433—448). Jádrem knihy je rozbor slovanských slov v rumunštině, probíraný v devíti kapitolách podle jednotlivých slov. hlásek (slova s jery, s nosovkami, slova s *—y—*, *—ě—*, *trъt*, *tlъt*, *trьt*, *tlьt*, slova se suf. *—ěninъ*, *—janinъ*, se skupinou *vьn—*, slova s *l* epenthetickým, akcentuace slovanských slov); je to rozbor který dělá prof. BĂRBULESCU již od let, již od své první větší práce, *Fonetika ćirilske azbuke u pisanju rumunjskoga jezika* (Zagreb 1899), jenže nyní, po 30 letech, je tento rozbor ovšem daleko podrobnější; při výkladech jednotlivých slov přihlíží BĂRBULESCU také k formám byzantské řečtiny. Těmto devíti kapitolám předeslal obšírný úvod historicko-filologický, kde probírá všecky dosavadní theorie o počátcích rumunského národa a styků rumunsko-slovanských (str. 1—125). Zejména zde BĂRBULESCU rozvíjí starší názory (již od ŠAFAŘÍKA počínající) o kmeni a dialektě *dáko-slovanském*, neboť jeho theorii o způsobu přechodu slovanských slov do rumunštiny by vyhovovalo nejvíce, kdyby se mohlo tvrditi, že slovanská slova byla Rumuny převzata (po X. stol.) od *Dáko-Slovanů*. O jazyce těchto Slovanů nemáme ovšem žádných bezpečných dokladů, a je tedy velmi odvážné, jestliže BĂRBULESCU rozvíjí starší domněnku (Jagićovu a Vondrákovu) o tom, že *Savvina kniga* vznikla na území dáckých Slovanů (str. 45 n.; viz JAGIĆ, Entstehungsgeschichte 266), ba že u nich vznikl také *Codex Suprasliensis*. To jsou jen dohady, jichž dosud nelze dokázati a s nimiž se tedy nemá operovati na oporu jiné theorie. Záhadu vzniku obou velkých kyrilských památek neobjasnily definitivně ani poslední práce POGOREĽOVA

o Savvině knize (Sbor. fil. fak. v Bratislavě 1927) ani MARGULIÉSOVA o kodexu Supraslském (v Heidelberku 1927), jichž BĂRBULESCU patrně neužil. *M. W.*

PAMÁTCE JANA BOGDANA, vynikajícího rumunského slavisty z bukurešťské university, známého vydavatele rumunských listin a kronik a kroniky Manasseovy († 1. VI. 1919), věnoval P. P. PANAITESCU svou studii *Ioan Bogdan şi studiile de istorie slavă la Români*, extras din »Buletinul comisiei Istorice a României«, vol. VII., Valenii-de-Munte 1928, str. 32 vel. 8°. Panaitescu probírá podle odborů literární činnost Bogdanovu, v níž první místo náleží zajisté pracím edičním, a chválí také jeho zásluhy organisační v oboru historicko-filologických studií rumunsko-slovanských. K článku je připojena podrobná bibliografie prací Bogdanových; měla však býti uvedena také veškerá data životopisná. *W.*

CHARLES DIEHL HOSTEM KARLOVY UNIVERSITY. Na pozvání Karlovy university přijel do Prahy přední byzantolog francouzský, aby zde proslovil tři přednášky ve velkém amfitheatru filosofické fakulty, a to: dne 5. května 1930 »Poslední císař římský: Justinián I.«; dne 7. května »Dva císařové X. století: Konstantin VII. a Basileios II.«; dne 9. května »Manuel Komnenos«. Budiž zde krátce uvedena životopisná data velikého francouzského učence: Charles Diehl se narodil 4. července 1859 v Strasbourgu, licenciátem byl 1879, členem École Française de Rome 1881—1883, členem École Française d'Athènes 1883—1885, doktorem 1888, prof. university v Nancy 1891—1899, v Paříži od 1907; membre de l'Institut 1910. Má mnoho vyznamenání a hodností francouzských, rumunských, řeckých i ruských; je také členem Akademie nauk v Leningradě. Vzácný host byl vděčně pozdraven také od českých posluchačů. Na jeho přednáškách byla předmětem podivu zejména jejich mistrná forma, umění historické evokace doby i charakteristiky velkých osobností, jakož i hloubka historických perspektiv. *M. W.*

DIEHLŮV SBORNÍK. Přátelé a žáci Karla Diehla, člena Institut de France a profesora pařížské university, hodlají uctíti sborníkem prací čtyřicetileté výročí vědecké činnosti, jež K. Diehl dovršil 4. července m. r. Sborník je chystán péčí Jana Ebersolta a Rudofa Guillanda. Vyjde v prvních dnech příštího července v nakladatelství Leroux ve dvou svazcích rozsahu asi 600 str. (za 350.-frs), obsahujících celkem 46 příspěvků, z nichž věcí byzantino-slovanských se týkají tyto:

Dvorník: La lutte entre Byzance et Rome à propos de l'Illyricum au IXe siècle.

Filov: Chapiteaux de marbre avec décoration de feuilles de vigne en Bulgarie.

Igor Grabar: Le patriarcat de Peč a-t-il été reconnu par l'Église de Constantinople?

Okunev: Fragments de peintures de l'église Sainte Sophie d'Ochrida.

Petković: Un peintre serbe du XIVe siècle.

Protić: Les origines sassanides et byzantines de l'art bulgare.

Vasić: La date de l'église Saint Georges à Mlado Nagoricino.

Diehlovo jméno má se stejným úmyslem vepsáno v čele i 4. ročník *Byzantionu*. *J. F.*

A BIBLIOGRAPHY OF THE WORKS OF J. B. BURY *compilled with a Memoir, by Norman H. Baynes. Cambridge. At the University Press. 1929. p. I. 184 in 8°.*

Обычно у занимающихся исторіей Византіи сложилось представленіе о J. B. Bury, как исключительно о византиновѣдѣ. Живо написанная книга его ученика N. H. Baynes знакомит нас с разносторонней дѣятельностью и обоятельной личностью покойнаго ученаго. Bury не только выдающійся византиновѣд, сдѣлавшійся безсмерт-

ным своими трудами, но и крупный филолог–классик и историк, создавшій свою философію исторію.

Книга *B.* состоит из двух частей. I. озаглавленная Memoir, посвященна біографіи Bury и знакомит вкратцѣ читателя с жизнью ученаго, а в особенности с его творчеством, идеями и их эволюціей. II часть представляет из себя полную библіографію многолѣтних трудов Bury (1881—1928).

Занимающійся славянско-византійскими отношеніями найдет в книгѣ нѣсколько указаній о дѣятельности в этой области Bury, в частности библіографію по вопросу о болгарском лѣтоисчесленіи. Статья Bury по этому вопросу вызвала горячую полемику, в которой принял участіе проф. В. Н. Златарскій.

Нельзя не привѣтствовать появленіе книги *B.*, который не ограничился одной, правда, крайне цѣнной библіографіей трудов покойнаго учителя, но и сумѣл передать нам его образ. *M. A.*

BYZANTOLOGICKÁ KOMISE PŘI PRAŽSKÉM SLOVANSKÉM ÚSTAVĚ kooptovala dne 19. listopadu 1929 za své členy pp. MICHALA LASKARISE, univ. prof. v Soluni a Dra. NIKOLAJE BĚLJAJEVA, tajemníka Seminaria Kondakoviana v Praze. Je tedy nyní složena takto: Jaroslav Bidlo (předseda), Nikolaj Běljajev, František Dvorník, Aleksandr Kalitinskij, Michal Laskaris, Matyáš Murko, Nikolaj Okunev, Theodor Saturník, Miloš Weingart (referent a redaktor).

PRO NEDOSTATEK MÍSTA musily býti odloženy referáty o těchto knihách: R. Jakobson, Nejstarší české písně duchovní (v Praze 1929), Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Ludmile, uspořádal Josef Vajs (v Praze 1929, nákl. České akademie); N. Cartojan, Cărţile populare în literatura românească, vol. I. Epoca influenţei sud-slave (Bucureşti 1929). *M. W.*

VÝTAHY Z ČASOPISŮ.

BULLETIN DE CORRESPONDANCE HELLÉNIQUE. *52e année, Juillet-Décembre 1928, Paris Boccard 1928 (str. 225—528).*

P. de la Coste-Messelière: Tête nouvelle du trésor des Athéniens (str. 225—230).

Van Essen: Notes sur quelques sculptures de Delphes (str. 231—244).

Frederik Poulsen: Portrait d'un philosophe néoplatonicien trouvé à Delphes (245—255).

R. Flacelière: Remarques sur les Sôtéria de Delphes (str. 256—291).

Fernand Chapouthier: Une table à offrandes au palais de Mallia (str. 292 — 323).

R. Joly: La salle hypostyle du palais de Mallia (str. 324—346).

J. Charbonneau: Notes sur l'architecture et la céramique du palais de Mallia (str. 347—387).

Henri Seyrig: Notes thasiennes. I. Les combats de gladiateurs à Thasos. II. Tessère d'un juge thasien (str. 388—394).

A. Salač: Le Grand Dieu d'Odessos-Varna et les mystères de Samothrace (str. 395—398).

S. Lambrino: Inscription de Priène (str. 399—406).

Louis Robert: Études épigraphiques. Première série (str. 407—425).

Louis Robert: Notes d'épigraphie hellénistique (XXIX—XXXIII) (str. 426 —443).

Y. Béquignon: Études thessaliennes. II. La retraite de Philippe V en 198 et l'incursion étolienne en Thessalie (str. 444 —465).

Chronique des fouilles et découvertes archéologiques dans l'Orient hellénique (1928) (str. 466—510).

Table alphabétique par noms d'auteurs (str. 512).

Table d'illustrations (str. 513—516).

Index analytique (str. 517—528).

BYZANTINISCHE ZEITSCHRIFT. *XXVIII. 3. und 4. (Doppel-) Heft. Leipzig 1928.*

Inhalt des achtundzwanzigsten Bandes. Autorenverzeichnis.

Otmar Schissel: Ἀπόφθεγμα bei Froilos von Side (str. 241—250).

Vittorio de Falco: Altri Scolii di Giovanni Pediasimo agli Analitici (str. 251—269).

D. A. Zakythinos: Poèmes inédits de Ciriaco d'Ancona (str. 270—272).

N. Iorga: Quelques observations sur l'histoire de Byzance. 1. Influences orientales sur Byzance (str. 273—275). Autor pokračuje zde v úvahách — znovu podnícených A. Heisenbergem na historickém sjezdu v Oslo — o povaze a rozsahu východního vlivu na Byzanc. Kdežto Heisenberg přičítá tomuto vlivu jen byzantský císařský absolutismus a jeho pompu, Iorga jej vidí i v postavení, jež zaujímá náboženství v byzantském životě. V Římě náboženství bylo tvořeno a modelováno politickou mocí, jejímž bylo vlastně konečným výsledkem; v Byzanci naproti tomu, jako na východě vůbec, byl sám princip panovnické moci mimo zemi a král byl obrazem boha. V obrazoborcích neslo náboženské cítění v Byzanci stopy abstraktního myšlení semitského a k východu byla Byzanc poutána i tím východním produktem, jímž je křesťanství. Byzanc byla synthesa, pro niž rozhodující byl stav, v němž přijala jednotlivé vlivy. Vlivy východní, jež z řeckého ducha udělaly ducha byzantského, trvaly jen do XI. století, do nastolení Komnénů, s nimiž vítězí typ západního rytíře a návrat k vlastnímu, předbyzantskému řeckému světu. 2. Les problèmes de l'art byzantin (str. 275—277). Pro další badání o dějinách byzantského umění je třeba soupisu památek a jich datování.

H. I. Bell: The administration of

Egypt under the ʿUmayyad Khalifs. (Čteno na sjezdu orientalistů v Oxfordu v srpnu 1928) (str. 278–286).

A. Andréadès: Deux livres récents sur les finances byzantines. (Fr. Dölger, Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung des X. und XI. Jahrh.- Georg Ostrogorsky, Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrh.) (str. 287–323). Obsahuje jako Appendice: Machairos et le Kapnikon (str. 321–322). Ostrogorsky, praví Andréadès, odmítá »slovanskou teorii« Vasil'evského a Uspenského, podle níž svobodný majetek v byzantské říši byl důsledkem vlivu slovanské invase, jež si zachovala slovanský útvar vlastnický. Ostrogorsky připomíná, že svobodní sedláci existovali v Byzantsku dávno před slovanskou invasí v justiniánských novelách a od nich až do dob Konstantinových. Andréadès pak ukazuje z textu vydaného W. Ashburnem (A byzantine Treatise of taxation, Journal of Hellenic Studies XXXV, 1915), že byzantské společenství se hluboce liší od společenství slovanského. Ostrogorsky se řadí k názorům Pančenkovým, podle nichž – proti tomu, co myslili Vasil'evskij a Uspenskij – majetek v Byzantsku byl osobní a dědičný. Pančenko šel však příliš daleko, když popíral existenci byzantské obce: měl totiž na mysli společenství slovanské, jež neslo s sebou společenství majetku. A tu, ač není možno mluviti v Byzantsku o zemědělském komunismu, přece jen tam existovalo společenství κοινότης, jehož smysl byl fiskální. Celá ves tvořila totiž daňovou a správní jednotku.

J. Méliopoulos: Περὶ τῶν ἐν τῇ περιφερείᾳ Χαλκηδόνος βυζαντινῶν ναῶν. Α΄ Περὶ τοῦ ναοῦ τῆς ʿΑγίας Εὐφημίας. Β΄ Περὶ τοῦ ναοῦ τῆς ʿΑγίας Βάσσης. Γ΄ Μονὴ τοῦ Μιχαηλίτζη. (Str. 324–331).

Fr. Dölger: Die Kaiserurkunden des Johannes-Theologos-Klosters auf Patmos (str. 332–371).

W. R. v. Zaloziecky: Zur Frage des byzantinischen Ursprungs der fünfschiffigen Kreuzkuppelkirchen. 1. Kreuzkuppelartiges Übergangsbauten. 2. Fünfschiffige Kreuzkuppelkirchen. (Str. 372 – 391). Studie je věnována stylovému vývoji těchto památek ve starém Rusku a vnitřním podmínkám tohoto vývoje. Byzantská chrámová stavba kopulovitá vznikla tak, že klenutá a kopulovitá architektura pozdní antiky splynula ve východořímské říši – a jen tam – s rysy architektury prvokřesťanské. Autor odmítá východní vliv na tyto stavby. Kostel sv. Sofie v Kijevě není ani dílem nějaké domácí původní architektury, ani důsledkem řecko-východního maloasijského přetvoření cařihradského chrámového pětilodního typu s křížovou klenbou, ani výsledkem nějakých vlivů románských. Řadí se naopak bezprostředně k architektuře cařihradské a jejímu pětilodnímu typu. Tato umělecko-historická koncepce souhlasí ostatně i s celým historickým, politickým, kulturním a myšlenkovým vývojem východní Evropy a především starého Ruska gravitujícího jako celá východní Evropa kolem Byzance.

V. Lebedeva: Zwei Bleisiegel eines Pothos des X.–XI. Jahrhunderts (str. 392–395).

II. Abteilung. Recense (str. 396–418). M. j.

Th. I. Uspenskij: Исторія византійской имперіи. Bd. I, II, 1. Hälfte. 1913, 1927. *(Julius Moravcsik).*

V. N. Zlatarski: История на Българската Държава прѣзъ срѣднитѣ вѣковѣ. Том I, Първо Българско Царство, часть 2. Отъ славѣнизацията на Държавата до падането на първото царство. Sofia 1927. *(A. A. Vasil'ev).* Recensent praví, že i toto dílo nechává dojem, že v otázce zavedení slovanské bohoslužby a slovanské řeči jako oficielního jazyka Bulharska do té doby dvojnárodního a dvojjazyčného není dosud vše rozřešeno; tak na př. otázka organisace bulharské církve po r. 870 není dosud jasná. Nejasné

také zůstává korunování Symeona patriarchou Nikolaem Mystikem po Symeonovu setkání s císařem v paláci blachernském.

V. Sičynskyj: Architektur der altfürstlichen Epoche (Architektura staroknjazivskoji doby). Prag 1926. *(W. R. Zalozieckyj).* Recense končí: »Es ist zu bedauern, dass auf dem schönen Unterbau, in dem S. das Material uns sorgfältig vorgelegt hat, sich keine von wissenschaftlich fundierten Gesichtspunkten geleitete Arbeit erhebt.«

III. Abteilung. Bibliografie a zprávy (str. 419—480).

BYZANTINISCHE ZEITSCHRIFT. *XXIX, 1. und 2. (Doppel-) Heft. Leipzig-Berlin 1929.*

I. Abteilung. K. Kumaniecki: Des Nektarios von Casole Verse über seine Vorgänger in der Abtswürde (str. 1 — 3).

M. Leumann: Der Name Ξιφιλινος (str. 4—5).

B. Granić: Die rechtliche Stellung und Organisation der griechischen Klöster nach dem justinianischen Recht (str. 6—34). Quellen. Literatur. 1. Das Rechtsverhältnis der Klöster zur kirchlichen Gewalt, insbesondere zu der ordentlichen Jurisdiktionsgewalt des Erzbischofs. (Na pokračování.)

II. Abteilung: Recense. (str. 35—85) M. j.: *G. Millet:* Monuments de l'Athos. I. Les Peintures. (Monuments de l'art byzantin V.) Paris 1927. *(E. Weigand.)*

III. Abteilung. Bibliografie a zprávy (str. 86—160).

BYZANTION. *Tome IV* (1927—1928). Paris-Liège 1929.

Věnování Karlu Diehlovi.

Ch. Diehl: Remarques sur deux chartes byzantines de Patmos (str. 1 — 6).

D. Anastasievič: La date du typikon de Tzimiscès pour le Mont Athos (str. 7—11). R. 970.

L. Bréhier: Notes sur l'histoire de l'enseignement supérieur à Constantinople (suite) (str. 13—28).

Roger Goossens: L'ὀδοντοτύραννος, animal de l'Inde (str. 29—52).

E. Hanton: Lexique explicatif du Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure (str. 53 — 136).

L. Hauptmann: Les rapports des Byzantins avec les Slaves et les Avares pendant la seconde moitié du VIe siècle (str. 137—170). - V VI. st. Avaři »určovali v podstatě právě tak politiku Byzance na Dunaji, jako povahu a rytmus stěhování Slovanů«. Autor chce vyložiti národopisnou situaci vně Byzantska v VI. st., diplomatické přesuny, jež doprovázely usazení Avarů, cestu a etapy avarského stěhování a vztah mezi událostmi na dolním Dunaji a v Alpách. - Při prvním bodě vykládá, rozebírá a hodnotí m. j. Jordanisovy údaje o sídlech Slovanů v Skythii (Getica, kap. V) a dochází k závěru, že tyto údaje, jež ve skutečnosti pocházejí od Cassiodora, jsou bezcenné. Spolehlivá je jen zpráva Prokopiova, že Slovanům patřila největší část druhého břehu Dunaje. Vzhledem k tomu, že od nastoupení Justiniánova (527) Slované vpadali střídavě do Thracie a Illyrica, je možno soudit, že v té době byli nejen v Moldavii a Velkém Valašsku, nýbrž i v Malém Valašsku. Naproti tomu v jižních Uhrách Slovanů tehdy ještě nebylo. Tam dospěli na jedné loupežné výpravě až r. 551 překročivše Dunaj asi dík Gepidům, kteří prokázali podobnou službu několik měsíců předtím 12.000 Kutrigurů. Domněnka, že tito Slované byli předtím usazeni v Bačce a Banátu je nesprávná. »V první polovině VI. st. Slované obklíčovali Langobardy a Gepidy po celé délce hranic od Moravského pole horními Uhrami (Sedmihradskem?) až k dolnímu Dunaji.« S Kutrigury a Anty podnikali Slované od r. 527 útoky proti Byzanci; podnikali je pak bez Antů, když Justinián získal Anty značným poplatkem a darem

města Tyras pod podmínkou, že uzavrou Bulharům dunajskou cestu. Kutrigursko-slovanské nájezdy na Byzanc přestaly, když po hrozném vpádu v r. 558—559 císař proti Kutrigurům podnítil jejich soukmenovce Utigury. Oba bulharské kmeny se střetly tak prudce, že tím rokem přestalo pro Byzanc bulharské nebezpečí a tím i nájezdy Slovanů, kteří pak, jako před Justiniánem, upadli do úplné válečné nečinnosti, z které je vytrhli až Avaři. - Autor se zastavuje u snah Avarů po samostatném území jiném než jižní Rusko, v němž se usadili u dveří Byzantska, líčí jejich nezdařené jednání s Justiniánem o Dobrudžu, jich nezdařený útok na Franky po smrti Chlotara I. a jich konečné pokoření Justinem. Líčí podmínky spojenectví langobardsko-avarského a marné úsilí avarského chána Bajana o dobytí Sirmia, jež zatím padlo do rukou Byzantských. Staví se proti obecnému mínění, že v této situaci Avaři žádali na Langobardech Pannonii a že Langobardi opustili Pannonii pod avarským nátlakem. Pro něho langobardský odchod se stal v plné dohodě a přátelství s Avary a sice v důsledku nemilosti Narsesovy. Avaři a Langobardi si rozdělili cíle tak, že Langobardům připadla Italie a Avarům Byzantsko. Tato avarská akce měla v zapětí porážku avarského vojska Tiberiem, z níž se Avaři zvedli až tehdy, když se byzantské vojsko octlo ve velmi vážné situaci v perské válce. Tehdy po zesílení císařovu a po smíru s Tiberiem chán Bajan přijal byzantskou výzvu k trestné výpravě proti valašským Slovanům, kteří, jak se zdá, útočili od r. 574 na Byzanc. V líčení této výpravy a jejích důsledků přijímá Hauptmann údaj Jana Efezského, že Slované byli poddanými avarského chána, ale koriguje jeho chronologii. Slovanský vpád umisťuje mezi léta 579—583 a celý vývoj událostí rekonstituuje takto: »R. 579 vzpoura valašských Slovanů, poddaných Avarům a jich usazení na půdě byzantské. Rozhořčení chána, jenž chtěl téměř vnutiti svoji pomoc císaři, bylo pokrytectvím, protože Slovany zřejmě podnítil on sám, a sice proto, aby si dík útoku z boku na dolním Dunaji usnadnil výpad proti Smirniu. Tiberius vytušil úskok a odmítl chánovu nabídku pod různými záminkami; zatím chán Bajan tímto vyjednáváním získal čas, takže most přes Sávu byl hotov dříve, než císař mohl zasáhnouti. Pak odložil masku a novým poselstvím rozhodně žádal vydání Smirnia.« Císař odmítl. Bajan oblehl tedy Smirnium a zatím co Byzanc byla zabrána perskou válkou za tři léta (579 až 582) ho dobyl. Odtud ovládal avarský chán napříště celý Balkán, zaplavený barbary. Byzantská protiofensiva začala až r. 591, po pro Byzanc úspěšně skončené válce perské. Avaři ustoupili a v následujících letech se omezili na diplomatické protesty proti byzantským útokům na valašské Slovany v jich vlastní zemi. - H. znovu zkoumá otázku, kudy vnikli Slované do uherské nížiny, zda z východu přes Banát (obecný názor posledně hájený Ramovšem) či ze severu, přes Moravu a západní Slovensko (Niederle). Praví, že rozklad franského panství na východě po smrti Theodebertově způsobil vzájemně různé pohyby obou křídel slovanské fronty obklíčující uherskou nížinu: levé křídlo sahající k ústí Dunaje a tvořené valašskými Slovany, bylo přitahováno k jihu, kdežto pravé křídlo dosahující výše čáry Vídeň-horní Tisa, lákala Pannonie a Noricum. Že slovanský vpád do uherské nížiny šel ze severu, dosvědčují i stopy Slovanů v Dolním a Horním Rakousku. Autor zde cituje práce Strnadtovy (na 344 slovanských názvů hor, řek a míst v Horním Rakousku, mezi nimi i jména slož. s Wind-, jež Strnadt spojuje nikoliv s Wind-vítr, nýbrž s Winden-Vendové). Tehdejší národnostní rozložení a rozvrstvení ukazuje tedy, že spíše než z východu přes Banát a až po odchodu Langobardů z jich uherských sídel (jaro 568) Slované pronikli do uherské nížiny a do Horního Rakouska ze severu po úpadku franské moci p ř e d příchodem Bavorů do Hor. Rakouska; slovanská fronta se dala do pohybu tedy nejprve na svém pravém křídle

a sice po smrti Theodebertově r. 548, tudíž před příchodem Avarů do uherské nížiny, kam byli zatlačeni Byzancí. Hlavní tábor avarského vojska byl na dvě století mezi Dunajem a Tisou. Avaři neodvažujíce se v prvních dobách svého uherského pobytu jíti proti Byzanci, obrátili se proti středoevropským Slovanům. Rychlé úspěchy tímto směrem získané dodaly chánovi odvahy již r. 599 k novému útoku na Balkán. Jeho novým neúspěchům vůči Byzanci učinila konec smrt Maurikiova. Po ní Avaři si podmanili Slovany valašské a černomořské Bulhary. Odtud za Phocase byla cesta již volná přes Dunaj; když se tento příval zastavil, balkánský poloostrov byl až hluboko do Řecka slovanský. Na severu však byli Slované rozražení avarským posunem sledujícím chánova vojska. Nejpozději od druhé poloviny VII. st. (po Samovi) největší část avarského obyvatelstva se usadila podél Dunaje, odkud vytlačila úplně Slovany i slovanská jména místní. Klín mezi jihozápadní a severozápadní Slovany byl tedy již vražen před příchodem Maďarů, končí Hauptmann, a v důsledku, aspoň nepřímém, politiky Maurikiovy.

D. C. Hesseling: Une nouvelle version du Roman de Digénis Akritas (str. 171—178).

M. Kandel: Quelques observations sur la Devastatio Constantinopolitana (str. 179—188).

N. A. Mouchmov: Un nouveau boullotirion byzantin (str. 189—191).

L. N. d'Olwer: Note sur le commerce catalan à Constantinople en 1380 (str. 193—195).

Gertrude Redl: La chronologie appliquée de Michel Psellos (str. 197—236).

Vladimir Valdenberg: La philosophie byzantine aux IVe—Ve siècles (str. 237 — 268).

G. Vernadskij: Relations byzantino-russes au XIIe siècle (str. 269—276). Byzantský právní názor připouštěl v pravoslavném světě jen zástupce císaře nebo patriarchy a nikoliv nějakou moc od nich nezávislou. Odtud byzantské stanovisko vůči Rusku, kde byzantský císař se cítil zodpověden za nepořádky, kde jednotlivá knížectví jsou v byzantských pramenech kvalifikována jako říšské okresy a kde ruská knížata, jež Byzanc považovala za pouhé zmocněnce císařovy, dostávají v byzantských pramenech byzantské tituly (ἄρχων, δυνάστης, ἡγεμονεύων a jiné.) Tato fikce byzantských právníků zůstávala často jen fikcí. Skutečná situace v Rusku byla jiná: ruská knížata nebyla nikterak ochotna uznati svoji moc za prostou delegaci byzantské moci císařské, v kijevské literatuře pak moc každého knížete byla považována za moc danou Bohem. Fikce stávala se však konkrétním programem byzantské diplomacie v dobách síly císařství a stala se jím zejména za mezinárodně skvělé vlády Manuela Komnéna. Jeho diplomacie se snažila získat vliv a soustředit kolem Byzance různé panovníky západu i východu. Manuel se ve své ruské politice stále mísil do vztahů mezi jednotlivými knížaty, s nimiž uzavíral spolky dvojího druhu: bylo to buď spojenectví συμμαχία, jež bylo na př. nabídnuto kijevskému knížeti Rostislavovi r. 1165, nebo vasalství, v němž byly opět dva stupně: ὑπόσπονδος a λίζιος, z nichž druhý, stupeň vysloveně jšího vasalství („δοῦλος ἐθελόδουλος") byl postavením Moravana Boguty; v případě knížat ruských není tohoto druhého výrazu užito ani Kinnamem ani Nicetasem Acominatem. Tato nová feudální forma staré byzantské politiky nezachránila ostatně výsledků, jichž Manuel dosáhl.

Dr. Niko Županić: Les Serbes à Srbčište (Macédoine) au VIIe siècle (str. 277—280). Jagić popíral správnost zprávy Porfyrogennetovy, podle níž balkánští Srbové jsou příbuzní Bílých Srbů a přišli ze země Βοϊκι v sousedství Bílého Chorvatska, tedy na sever od Uher a na východ od Franků. Jagićovy důvody byly jazykové (jazyková jednota jihoslovanská) a hmotné: nemožnost, aby všichni Srbové po svém pří-

chodu na jih našli místo v malém okrsku Srbčišti (τα Σέρβλια), jež jim podle Porfyrogenneta Heraclius vykázal. Županić však právě v této podrobnosti nachází důkaz o věrnosti zprávy Porfyrogennetovy a vysvětlení celého procesu. Srbský proces byl asi obdobný procesu bulharskému. Jako turečtí Bulhaři, byli asi i Srbové organisováni vojensky, sloužíce Byzantským proti Avarům; jako Bulhaři byli usazeni původně ve vojenském táboře, z něhož se hnuli k severu, směrem ke svým sídlům, jako kdysi Herulové, ale na cestě se zastavili, stali se vládnoucí vrstvou a konečně přijali místní řeč a splynuli s domácím obyvatelstvem. Tím Ž. přijímá i Porfyrogennetovy údaje o severním původu Srbů a datum jich příchodu za Herakla.

E. Patzig: Malalas und Diktys führen zur Lösung eines archäologischen Problems (str. 281–300).

K. A. C. Creswell: La mosquée Al Aqṣā et la Néa de Justinien (str. 301 – 311).

B. Filow: Die Miniaturen des Evangeliums Iwan Alexander's in London (str. 313–319). Předneseno na II. mezinárodním byzantologickém sjezdu v Bělehradě. Bližší srovnání s pařížským řeckým evangeliem č. 74, na něž upozornil Millet. Miniatury obou rukopisů nebyly kopírovány z téhož vzoru.

Ljubo Karaman: Deux portraits de souverains yougoslaves sur des monuments dalmates du haut moyen âge (str. 321–336). Jeden z nich je na reliefové desce baptisteria ve Splitu a druhý na fresce v kapli ve Stonu u Dubrovníku. Studie zjišťuje osoby, jež oba portréty zobrazují a dochází k závěru, že splitská deska zobrazuje některého chorvatského krále z 2. pol. XI. st. a stonská freska některého srbského krále dioklitského, Michaela nebo někoho z jeho nástupců.

H. Grégoire et M.-A. Kugener: Quand est né l'empereur Théodose II? (str. 337–348).

Fr. Stelè: La vierge protectrice à Graz (str. 349–362).

N. Baklanov: Deux monuments byzantins de Trébizonde. I. L'église de de St. Eugène. II. La Chrysocéphalos (str. 363–391).

N. Brounov: La Sainte-Sophie de Trébizonde (str. 393–405).

M. Alpatov: Les reliefs de la Sainte-Sophie de Trébizonde (str. 407–418).

N. Protassoff: Monuments de Dževizlyk (str. 419–425).

A. Grunzweig: Un exemple de vente directe de drap flamand dans le Levant (str. 427–429).

F. Vercauteren: Note sur les rapports entre l'Empire franc et l'Orient à la fin du IXe siècle (str. 431–435).

H. Grégoire: Inscriptions historiques byzantines (str. 437–468).

P. Graindor: Pamprépios(?) et Théagénès (str. 469–475).

H. Grégoire: L'étymologie de «Labarum» (str. 477–482).

Chronique. - A. Bulletins régionaux. Les études byzantines en Russie (1924 – 1929) *(Vl. Valdenberg)* (str. 483–504). Roumanie. *(N. Banescu)* (str. 504–509).

B. Bulletins spéciaux. Bulletin de l'art byzantin (1924–1928). *(G. A. Sotiriou)* (str. 510–539). Chronique de droit byzantin (1926–1927–1928). *(P. Collinet)* (str. 540–543). Bulletin papyrologique III (1927–1928) *(M. Hombert)* (str. 544–568).

Recense (str. 569–782).

Zprávy (str. 783–812).

Obsahy časopisů (813–823).

Bibliografie (str. 825–840).

Knihy došlé redakci (str. 841–842).

Obsah (str. 843–846).

ÉCHOS D'ORIENT. *32e année, no 154,* Avril-Juin 1929.

V. Laurent: Un polémiste grec de la fin du XIIIe siècle. La vie et les oeuvres de Georges Moschabar (str. 129–158).

V. Grumel: Les textes monothélites d'Aétius (str. 159–166).

S. Salaville: Fragment inédit de traduction grecque de la Règle de saint François (str. 167–172).

S. Salaville; Bulletin de liturgie (suite). IV. Fragments liturgiques sur papyrus. Manuscrits liturgiques. Euchologes et sacrementaires. Lectionnaires et Typika. V. Calendrier et Heortologie. (Str. 173–208). Tam m. j. zprávy o posledních vydaných a připravovaných pracích *A. A. Dmitrievského* (viz naše bibliogr. zprávy) a tyto recense: *Mgr. Ambr. Stavrinos,* Ἡ ἱερολογία τοῦ γάμου ἀπὸ τοῦ τέλους τοῦ ἑνάτου μέχρι τοῦ τέλους τοῦ δεκάτου ἕκτου αἰῶνος. 1923, Constantinople, Imprimerie patriarchale, 170 pp. in 8°. Doplňuje materiál publikací Dmitrievského krátkým srovnáním s údaji Symeona thesalského a s římským rituálem). *V. P. Vinogradov:* Oustavniya Tchteniya (Propovied Knigi). Istoričesko-gomiletičeskoe izsledovanie: I. Oustavnaya reglamentatia Tchteniy v greceskoy tserkvi. Sergiev Posad 1914, in 8°.

S. Salaville: Quelques récentes publications d'épigraphie chrétienne (str. 209–214).

J. Lacombe: Chronique des Églises orientales (str. 215–233).

Bibliographie (str. 234–256). M. j. *N. Banescu:* La domination byzantine sur les régions du Bas-Danube. Bucarest 1927, 13 pp. (*V. Laurent*). *Christo M. Macri:* Des Byzantins et des étrangers de Constantinople au moyen âge. In 16°. 128 pp., Paris 1928 (*R. J.*). *St. Stanojević, L. Mirković, Dj. Bosković:* Le monastère de Manasija. (Musée National de Belgrade: Monuments Serbes, V) Belgrade 1928, in 4°, 59 pp. (*S. Salaville*).

ÉCHOS D'ORIENT. *32e année, no 155,* Juillet-Septembre 1929.

S. Salaville: Τεσσαρακοστή, Ascension et Pentecôte au IVe siècle (str. 257–271).

V. Grumel: Recherches sur l'histoire du monothélisme. III. Du monénergisme au monothélisme (suite). 4. Àction et rôle d'Honorius. (A suivre). (Str. 272–282).

V. Grumel: Le »Napisanie o pravêj vêrê« de Constantin le Philosophe (str. 283–294). Viz M. Weingart, Bzsl. I, 244–245.

V. Laurent: Sceau inédit du métropolite d'Asmosata Nicolas (str. 295–298).

S. Salaville: Bulletin de publications roumaines (str. 299–315).

R. Janin: Les orthodoxes et l'Encyclique «Mortalium animos» (fin) (str. 316–327).

K. Tchernorizetz: Prodromes de renaissance dans l'Église bulgare (suite). II. L'Église et l'École (str. 328–352).

J. Lacombe: Chronique des Églises orientales (str. 353–365).

Bibliografie (str. 366–384).

ÉCHOS D'ORIENT. *32e année, no 156,* Octobre-Décembre 1929.

R. Janin: Les novatiens orientaux (str. 385–397).

V. Laurent: Les chrétiens sous les sultans (1553–1592). Un recueil de documents turcs (str. 398–406).

E. Dalleggio d'Alessio: Une inscription inédite d'Arab-Djami (str. 407 – 413).

M. Jugie: La Confession orthodoxe de Pierre Moghila à propos d'une publication récente (str. 414 – 430).

V. Laurent: Un nouveau monument hagiographique. La vie de Syméon le Nouveau Théologien (str. 431-443). Řecký text.

S. Salaville: Bulletin de liturgie (suite). VI. Hymnographie et Musique. VII. Arts liturgiques (str. 444–464).

K. Strannik: Le jubilé de la science bulgare (str. 465–485).

Bibliografie (str. 486—503).
Tables des matières (str. 504—512).

ИЗВЕСТИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И СЛОВЕСНОСТИ. 1929. Томъ II, книга 1. Ленинград 1929.

Е.Ф. Карский: Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи (str. 1—75).

Н. П. Гринкова: Очерки по русской диалектологии. V. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии (str. 76—116).

В.М. Попов: К определению типа русского наречия в верховьях Западной Двины (str. 117—121).

Л. А. Булаховский: Грамматическая аналогия и родственные ей явления в истории чешского количества (str. 122—158).

А. И. Соболевский: Славяно-скифские этюды. IX—XVIII (str. 159—173).

А. И. Соболевский: К Слову о полку Игореве (str. 174—186).

А. И. Соболевский: Поп Сильвестр и Домострой. I. Кто был благовещенский поп Сильвестр (str. 187—189). II. Кому принадлежит Домострой (str. 190—195). III. Два слова о «посланіяхъ» Сильвестра (str. 195 — 196). IV. Житие св. Ольги (str. 196—202).

Н. К. Козмин: Из переписки Н. А. Полевого с А. А. Бестужевым (str. 203 — 213).

В. Е. Вальденберг: Понятие о тиранне в древнерусской литературе в сравнении с западной (str. 214—236). Staroruská teorie o tyranu je svébytná; vliv západní na ni byl právě tak slabý jako vliv byzantský, jenž ostatně nemohl být významný již proto, že v byzantské literatuře učení o tyranu bylo rozvito velmi málo. O byzantském vlivu na ruské učení o tyranu je možno hovořiti nejvýše v tom smyslu, že Byzanc dala ruské literatuře nebo v ní posílila ten životní názor, který pro většinu Rusů v učení o tyranu dostal hlavní základ. Jinak však ruská teorie byla ustrojena úplně samostatně.

П. И. Рулин: Первая комедия Сумарокова (str. 237—269).

Н. Е. Ончуков: Запрещенные песни о Константине и Анне (str. 270—293).

В. И. Чернышев: Русская песня у Островского. Дополнения и заметки к статье Г. Т. Синюхаева: «Островский и народная песня» (И. О. Р. Я. С., 1923, Т. XXVIII) (str. 294—319).

А. Лященко: Летописное сказание о мести Ольги древлянам (str. 320-336).

Ф. Петрунь: К библиографии печатных трудов В. И. Григоровича (str. 337—345).

Recense a bibliografie (str. 346—376).

Jan Frček.

ΈΠΕΤΗΡΙΣ ΈΤΑΙΡΕΙΑΣ BYZANTINΩN ΣΠΟΥΔΩΝ. *(Annuaire de la Société d'Études byzantines)*, tomes I à VI, Athènes 1924—1929.

La Société d'Études byzantines d'Athènes publie depuis 1924 cet Annuaire dirigé par l'infatigable secrétaire de la Société, M. Phédon Koukoulès. Tous les articles sont en grec mais à partir de la deuxième année un résumé en français est joint à chaque volume. Les six volumes de cet Annuaire contiennent un certain nombre de travaux qui touchent plus ou moins directement aux relations de Byzance avec les Slaves, et qui méritent par conséquent d'être signalés dans cette revue.

Le Professeur K. AMANTOS dans son article *Remarques de géographie mediévale*, tome I, pp. 41—54, étudie entre autres le sens des termes Ἑλλὰς, Μακεδονία, Θρᾴκη, Στρυμών, Θεσσαλονίκη, Ἀχελῶ (pour Ἀγχίαλος) chez les écrivains byzantins. Le mot Ἑλλὰς était souvent employé dans un sens beaucoup plus large et comprenait en dehors de la Grèce proprement dite, l'Épire et la Macédoine, quelquefois même les autres possessions byzantines dans la péninsule balcanique. C'est dans ce sens large qu'il faut interpréter le mot Ἑλλάς dans les cé-

lèbres passages de Ménandre et d'Euagrios sur les incursions slaves dans l' Ἑλλὰς. Le terme Θεσσαλονίκη signifie parfois non pas *la ville*, mais *le thème* de Thessalonique; c'est notamment dans ce sens qu'est employé, selon M. Amantos, le mot Θεσσαλονίκη dans le passage de Théophane (éd. *De Boor*, I, 364) sur l'expédition de Justinien II contre les Bulgares et les Slaves.

M. J. BOYADJIDES, donne un travail inachevé sous le titre: *La Chronique des Météores. Analyse historique et interprétation*, tome I, pp. 138—175 et tome II, pp. 149—182; dans la première partie de cette étude l'auteur expose l'histoire de la Théssalie de 1271 à 1393 y compris, bien entendu, la domination de la dynastie serbe des Neemanides; la seconde partie du travail de M. Boyadjides est consacrée à l'histoire des monastères près de la ville de Σταγοί, monastères que l'auteur croit avoir été fondés au XIIe siècle et non pas comme on l'admettait généralement sous le règne du Neemanide Syméon (1355—1369).

L'article de M. G. TIPALDOS *Les Byzantins avaient-ils des armoiries*, tome III, pp. 206—222 mentionne à la p. 212 l'hypothèse de Paul Lambros sur l'origine byzantine de l'écusson de la Serbie, hypothèse pleinement confirmée maintenant après le beau travail de M. STANOJEVIĆ *О српском грбу*.[1]

Une brève notice est consacrée par M. LASCARIS à *Théodore Ange, fils du sébastocrator Jean de Thessalie* et frère de la première femme du roi de Serbie Étienne Uroš II Milutin (tome III pp. 223—224).

Dans une curieuse note M. PH. KOUKOULÈS cherche l'etymologie du mot néogrec μπολιάρης (tome III, pp. 333—334). Ce mot qui signifie *mendiant* (et qui par conséquent n'a rien de commun avec le slave **болгринъ**) provient selon M. Koukoulès des ἔμβολοι (arcades) des villes byzantines.

L'historien des rapports greco-slaves trouvera quelque chose à glaner dans le *Catalogue des manuscrits datés de la Bibliothèque patriarcale du Caire* par M. G. CHARITAKIS (tome IV, pp. 109—204); en effet le manuscrit N° 58 du catalogue de Charitakis contient une compilation sur »l'origine et la conversion des Russes« par Dionysios, archimandrite du monastère d'Iviron (Mont Athos). Ce récit, qui selon l'auteur lui-même »a été composé à l'aide de livres slaves en 1668«, semble avoir été redigé a Moscou pendant le voyage en Russie du patriarche d'Alexandrie Païsios. Notons aussi le manuscrit N° 62 (du catalogue de Charitakis) qui a été copié vers 1696 par le hiéromonaque Anastasios originaire (?) de la Russie Blanche (Ἀναστασίου ἱερομονάχου τοῦ ἐκ τῆς Λευκῆς Ῥωσσίας).

Sous le titre *Chartes byzantines du monastère de Vatopédi au Mont Athos* (tome IV, pp. 211—248) l' amiral M. GOUDAS publie onze actes grecs de ce monastère. Parmi ces actes il faut noter (pp. 234—237) un chrysobulle en grec d'Étienne Douchan du mois d'Avril 1348, déjà auparavant publié par le moine Arkadios de Vatopédi dans la revue Γρηγόριος ὁ Παλαμᾶς, III (1919), pp. 218—221. L'importance que cet acte présente pour l'histoire serbe a été mise en lumière dans notre article *Повеље српских владалаца у грчким публикацијама*, dans la revue *Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор*, VIII (1928), pp. 185 à 192.

De son côté l'archimandrite CHRISTOPHE KTENAS publie (tome IV, pp. 289—291) les *Chrysobulles du monastère de Dochiariou au Mont Athos* parmi lesquels figure (pp. 289-291) un chrysobulle en grec d' Étienne Douchan déjà auparavant publié par FLORINSKIJ, *Авонскіе акты*, p. 100 et par NOVAKOVIĆ, *Законски Споменици српских држава средњега века*, pp. 560—561.

Nous ne faisons que noter la très faible étude du colonel FR. MURATY, *Jean Hu-*

[1] Dans le journal Политика de Belgrade du 6 Janvier 1930. L' article de M. Stanojevič paraitra prochainement sous une forme plus développée dans la revue Старинар.

nyadi et le siège de Belgrade par Mahomet II en 1456, tome IV, pp. 267—279.

Un travail intéressant est celui de M. D. ZAKYTHINOS sur *Michel Marulle Tarchaniote, poète grec de la Renaissance*, tome V, pp. 200—242. Ce poète (1453—1500) dont les vers latins étaient fort admirés par ses contemporains et à qui Ronsard consacra une épitaphe, séjourna à Raguse (il chanta cette ville dans une poésie *De laudibus Racusae)* et en Russie, où il entra au service militaire des princes de Moscou. M. Zakythinos pense que Marulle, de même que tant d'autres Grecs, se rendit en Russie à la suite du mariage de Sophie Paléologue avec Ivan III.

L'article de M. J. PAPADOPOULOS, *Quelques mots sur le monastère d'Ikosiphinissa*, tome V, pp. 379—388 réunit les renseignements sur le monastère Ikosiphinissa ou, selon son nom slave, Kosinica près de Drama, dont la fondation est attribuée par une tradition douteuse au roi de Serbie Étienne Uroš II Milutin (Cf. l'article de VL. PETKOVIĆ dans la *Народна Енциклопедија* de STANOJEVIĆ, I, p. 214).

Non sans intérêt pour l'histoire religieuse des Slaves orthodoxes est le travail de l'archimandrite CHRISTOPHE KTENAS, *Le Prôtos de la Sainte Montagne et la* Μεγάλη Μέση *ou Synaxis* (tome VI, pp. 233 à 281) accompagné de dix documents inédits.

Parmi les compte-rendus notons les suivants: M. WEINGART, *Byzantské kroniky* par M. LASCARIS, tome II, pp. 330-341; *Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov* par G. SOTIRIOU, tome III, pp. 349-351; М. ЛАСКАРИС, *Византиске Принцезе у средњевековној Србији* par G. SOTIRIOU, tome III, pp. 354—358; A. GRABAR, *La peinture religieuse en Bulgarie* par A. XYNGOPOULOS, tome V, pp. 393 à 399; A. GRABAR, *Recherches sur les influences orientales dans l'art balcanique* par G. SOTIRIOU, tome VI, pp. 400—406 (critique approfondie de la thèse de Grabar).

M. Lascaris.

ERRATA.

Dans le compte-rendu du Mr. M. LASKARIS (Byzantinoslavica I, 1929, p. 221-226) il faut corriger quelques fautes:

Page	221,	col. B,	ligne 34,	au lieu de	*cettes*	il faut lire	*celles*
„	222,	A,	34,	„	*exercés*	„	*exercées*
„	222,	B,	7,	„	*ont en*	„	*ont eu*
„	222,	B,	22,	„	*cette*	„	*celle*
„	222,	B,	22-23,	„	*de la Valachie*	„	*de la Valachie. La Valachie,*
„	222,	B,	44,	„	*Сф. Лапло*	„	*Cf. Лапло*
„	222,	B,	47,	„	*Ф. Дьяконовъ*	„	*Cf Дьяконовъ*
„	223,	A,	5-6,	„	*logothète, (vistiar)*	„	*(logothète, vistiar)*
„	223,	A,	23,	„	*il n'y a pas en*	„	*il n'y a pas eu*
„	223,	B,	16,	„	πρωτοσπαθάριος	„	πρωτοσπαθάριος
„	224,	A,	39,	„	*lanque*	„	*langue*
„	224,	B,	23,	„	*ou*	„	*où*
„	224,	B,	41,	„	*p. 123.*	„	*p. 120.*
„	225,	A,	11,	„	*lanque*	„	*langue*
„	225,	B,	10,	„	*avoir*	„	*savoir*
„	226,	A,	9-10,	„	*et XVe siècles*	„	*et du XVe siècle*

LE TROISIÈME CONGRÈS DES ÉTUDES BYZANTINES À ATHÈNES 1930.

Conformément à l'invitation du Gouvernement Hellénique faite au 2e Congrès des Études Byzantines réuni en 1927 à Belgrade et à la suite de la résolution prise par ce même Congrès d'après laquelle le 3e Congrès International des Études Byzantines devait être convoqué en Grèce, nous avons l'honneur de faire savoir que ce Congrès aura lieu à Athènes *du 12 au 18 Octobre 1930.*

En dehors des communications scientifiques, seront organisées, au cours du Congrès, des excursions scientifiques à Thessalonique, à Mistra et à d'autres centres de la civilisation grecque du Moyen Âge.

Toutes les facilités possibles seront faites aux congressistes afin de leur assurer, pendant leur séjour, tous les conforts dans les meilleures conditions économiques.

Les adhésions et les résumés dactylographiés des communications doivent parvenir si possible avant le *1er Juillet 1930* au Bureau du Congrès. Il serait désirable qu'ils soient rédigés en grec, en français, en allemand, en anglais, ou en italien.

Le Comité d'organisation du Congrès s'est constitué comme suit:

Le Président du Comité	Le Secrétaire Général	Les Vice-Présidents
Prof. Simos Ménardos.	*Prof. Anast. C. Orlandos.*	*Prof. Dem. Pappoulias.*
		Ant. Bénakis.

Pour tous renseignements complémentaires on s'adressera au

BUREAU DU 3e CONGRÈS INTERNATIONAL DES ÉTUDES BYZANTINES
ILIOU MELATHRON, 10 RUE DE L'UNIVERSITÉ
ATHÈNES.

*

SECTIONS DU CONGRÈS:

I. *LITTÉRAIRE.* Président: G. HADJIDAKIS, Professeur à l'Université d'Athènes, Membre de l'Académie.

1. Littérature Grecque (médiévale et moderne).
2. Rapports entre la littérature byzantine et les littératures slaves, orientales, franques etc.
3. Études linguistiques et lexicographiques.

II. *HISTORIQUE.* Président: AD. ADAMANTIOU, Professeur d'art byzantin à l'Université d'Athènes.

1. Histoire de l'Hellénisme médiéval (politique et de la civilisation). Historiographie byzantine.
2. Relations de Byzance avec les peuples Slaves, Orientaux, Francs etc. Ethnographie.
3. Histoire de l'Église de Constantinople. Relations des autres Églises avec celle de Byzance au Moyen Âge.
4. Jurisprudence byzantine.
5. La médecine et les autres sciences à Byzance.

III. *ARCHÉOLOGIQUE.* Président: G. SOTIRIOU, Professeur d'archéologie chrétienne à l'Université, Directeur du Musée byzantin, Membre de l'Académie.

1. Survivances de l'art classique dans l'art chrétien. Art chrétien primitif, art byzantin, art orthodoxe après la prise de Constantinople.
2. Sigillographie, numismatique, héraldique etc.
3. Épigraphie chrétienne et byzantine. Paléographie.
4. Musique byzantine (histoire, sémantique, art musical).

VÝMĚNOU DOŠLY DO 1. V. 1930 TYTO ČASOPISY:

PRAHA:

Národopisná společnost československá: Národopisný věstník československý roč. XXI. 1928 č. 1, 2, 3, 4, roč. XXII. 1929 č. 1, 2–3, 4.

BRNO:

Matice Moravská: Časopis Matice Moravské roč. 53., sešit 1–2, 3–4.

TURČ. SV. MARTIN:

Matice Slovenská: Sborník Matice Slovenskej roč. VII. 1929, sešit 1–2, 3–4. Slovenské Pohľady roč. XLV. 1929, čís. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, roč. XLVI. 1930, čís. 1, 2, 3.

KRAKÓW:

Lud Słowiański 1929 sv. I., sešit 1.

LWÓW:

Organ Polskiego Towarzystwa Etnologicznego, wydawany przez Polskie Towarzystwo ludoznawcze we Lwowie: »LUD«, roč. II., sv. VIII., sešit 1–2, 3–4.

BEOGRAD:

Ruski Archiv, roč. VII. 1930.

LENINGRAD:

Akademija nauk SSSR.: Izvestija po russkomu jazyku i slovesnosti. 1929 Sv. II. kniha 1., 2.

PARIS:

Échos d'Orient: roč. 32, č. 155, roč. 33, č. 157.
Prieuré d'Amay-sur-Meuse, Belgique Irénikon, 1929 sv. VI., č. 5, 1930 sv. VII. č. 1.

Str. – Page

E. Šmurlo: Le Saint-Siège et l'Orient orthodoxe russe 1609—1654 (FR. DVORNÍK) 137–142

Hild. Schaeder: Moskau, das dritte Rom (M. V. ŠACHMATOV) 142–144

Fr. Šišić: O hrvatskoj kraljici Margareti (NIK. RADOJČIĆ) 144–146

Al. Solovjev: Законодарство Стефана Душана (TH. SATURNÍK) . . . 146–148

M. N. Speranskij: Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма (G. ILJINSKIJ) 148–149

Сборник статей в честь акад. *А. И. Соболевского* (G. ILJINSKIJ) . . 149–153

P. A. Lavrov: Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. I. (G. ILJINSKIJ) 153–157

K. Müller: Přehled literatury byzantské (M. WEINGART) 157–158

ZPRÁVY – BIBLIOGRAPHIE ET CHRONIQUE 159–176

podávají par:

M. A. ANDREEVA, FR. DVORNÍK, J. FRČEK, G. ILJINSKIJ, M. WEINGART.

Corpus Bruxellense – Œuvres complètes de Georges Scholarios – Les données des historiens arabes – Fr. Dölger, Der Kodikellos des Christodulos in Palermo – K dějinám byzantského lékařství – Patrologia Orientalis (Méthode d'Olympe) – Svědectví slovanských textů o Ježíšovi a počátcích křesťanství (Josephus Flavius, R. Eisler) – Dějiny církevněslovanského zpěvu (P. Panov) – Počátky kyrilice a výkopy v Přeslavi – Kozma presbyter – V. N. Zlatarski – Z pozůstalosti Fr. Hýbla – P. Mutafčiev: Proizchodъtъ na Asěnevici – L'Institut archéologique Bulgare – Bibliothèque historique Bulgare – St. Stanojević: Studije o srpskoj diplomatici – N. Radojčić – D. Anastasijević – V. M. Istrin – I. Ohienko – V. Sičynśkyj, Architektura staroknjazivśkoï doby, Rotondy na Ukraïny – A. Dmitrijevskij (ruská liturgika) – K. Kadlec – F. I. Uspenskij – Bianu-Cartojan: Album de paleografie rom. – J. Bărbulescu – Památce J. Bogdana – Ch. Diehl – Diehlův Sborník – J. Bury – Z Byzantologické komise S. Ú.

VÝTAHY Z ČASOPISŮ – EXTRAITS DES PÉRIODIQUES 177–186

(JAN FRČEK et M. LASKARIS)

Bullerin de Correspondance Hellénique – Byzantinische Zeitschrift – Byzantion – Échos d'Orient – Izvestija po russkomu jazyku i slovesnosti – Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν.

Errata 186

Le IIIème Congrès des études byzantines à Athènes 1930 187

Časopisy došlé výměnou 188

10 příloh na křídovém papíře – 10 tables

ZPRÁVA Z REDAKCE.

1. »Byzantinoslavica« vycházejí pololetně, v dubnu a v listopadu, ve svazcích asi po 10 tisk. arších vel. 8°. Dva půlletní svazky tvoří ročník.

2. Každý svazek přináší články, posudky a bibliografické i jiné odborné zprávy.

3. Příspěvky budou uveřejňovány ve všech slovanských jazycích nebo francouzsky nebo německy. Články slovanské budou opatřeny výtahem francouzským nebo německým.

4. Páni autoři se *snažně* žádají, aby resumé zaslali *současně* se svým článkem.

5. Páni autoři se žádají, aby se *předem* dohodli s redakcí o thematu i rozsahu svých článků i ostatních příspěvků.

6. Páni autoři se žádají, aby posílali rukopisy psané pokud možno na stroji nebo aspoň dobře čitelné.

7. Všecky zásilky redakční (korespondenci, rukopisy, recensní výtisky) račte adresovati:

AVIS DE LA RÉDACTION

1° Les «Byzantinoslavica» paraîtront deux fois par an en un volume d'environ 160 p. in 8° (en avril et en novembre). L'année sera composée de ces deux numéros semestriels.

2° Chaque volume contiendra des articles des compte-rendus critiques, une bibliographie et des notes sur des sujets spéciaux.

3° Les articles, les compte-rendus et les notes seront publiés dans l'une ou l'autre des langues slaves, ou en français ou en allemand. Les articles parus en langue slave seront accompagnés d'un résumé français ou allemand.

4° MM. les auteurs sont *instamment* priés de bien vouloir envoyer le résumé *en même-temps* que le manuscrit de l'article.

5° MM. les auteurs sont priés de bien vouloir se mettre d'accord au préalable avec la rédaction en ce qui concerne le sujet et l'étendue des articles et d'autres manuscrits.

6° MM. les auteurs sont priés de bien vouloir envoyer des manuscrits autant que possible dactylographiés, ou au moins lisibles.

7° Tous les envois à la rédaction (correspondance, manuscrits, ouvrages pour compte-rendus), doivent être adressés à:

PROF. MILOŠ WEINGART, PRAHA VII,
ŠTERNBERKOVA 1350.

Roční předplatné
Kč 80·— přijímá komisionář

Prix de l'abonnement annuel
Kč 80·— en commission à

»ORBIS«, PRAHA-XII, FOCHOVA 62,

nebo každé knihkupectví.

ou dans chaque librairie.

BYZANTINOSLAVICA – II. • 1. – 1930

BYZANTINOSLAVICA

SBORNÍK PRO STUDIUM BYZANTSKO-SLOVANSKÝCH VZTAHŮ

RECUEIL POUR L'ETUDE DES RELATIONS BYZANTINO-SLAVES

VYDÁVÁ BYZANTOLOGICKÁ KOMISE SLOVANSKÉHO ÚSTAVU

PUBLIÉ PAR LA COMMISSION BYZANTOLOGIQUE DE L'INSTITUT SLAVE

VYCHÁZÍ S PODPOROU MINISTERSTVA ŠKOLSTVÍ A NÁR. OSVĚTY

ROČNÍK II TOME

SVAZEK 2 VOLUME

VYDÁN DNE 31. XII. 1930

PRAHA

V GENERÁLNÍ KOMISI FY ORBIS, PRAHA-XII., FOCHOVA 62

VYTISKLA STÁTNÍ TISKÁRNA V PRAZE

1930

BYZANTINOSLAVICA

RECUEIL POUR L'ÉTUDE DES RELATIONS BYZANTINO-SLAVES

PUBLIÉ PAR LA COMMISSION BYZANTOLOGIQUE
DE
L'INSTITUT SLAVE

RÉDACTEUR ADMINISTRATIF
MILOŠ WEINGART

TOME II.

PRAGUE 1930
COMMISSIONAIRE: »ORBIS«, PRAGUE-XII, FOCHOVA 62
IMPRIMERIE DE L'ÉTAT À PRAGUE

BYZANTINOSLAVICA

SBORNÍK PRO STUDIUM BYZANTSKO-SLOVANSKÝCH VZTAHŮ

VYDÁVÁ BYZANTOLOGICKÁ KOMISE
PŘI
SLOVANSKÉM ÚSTAVĚ

VÝKONNÝ REDAKTOR
MILOŠ WEINGART

ROČNÍK II.

V PRAZE 1930
V GENERÁLNÍ KOMISI FIRMY »ORBIS«, PRAHA XII
TISKEM STÁTNÍ TISKÁRNY V PRAZE

OBSAH – TABLE DES MATIÈRES:

DR = Deutsches Resumé – RF = Résumé français. Str. – Page

M. A. ANDREEVA: Политическій и общественный элемент византійско-славянских гадательных книг, гл. I. 47–72
RF: L'élément politique et social dans les livres de mantique byzantino-slaves, ch. I 73
– idem – гл. II 395–414
RF: chap. II 414
† NIK. BĚLJAEV: Образъ Божьей Матери Пелагонитисы 386–392
RF: L'image de la Sainte Vierge Pelagonitisa 392
NIK. DURNOVO: Das Münchener Abecedarium 32–41
ROBERT EISLER: Die slavische Übersetzung der Ἅλωσις τῆς Ἱερουσαλήμ des Flavius Josephus 305–373
G. IL'INSKIJ: Лебедия Константина Багрянородного 100–107
RF: »Lebedia« chez Constantine le Porphyrogénète 107
G. IL'INSKIJ: † П. А. Лавров (nekrolog) 108–111
DR 112
NIK. OKUNEV: Портреты королей-ктиторовъ въ сербской церковной живописи 74–96
RF: Les portraits des rois-donateurs dans la peinture religieuse serbe . . 97
VALERIJ POGORĚLOV: Формы греческих слов в кирилло-меѳодіевском переводѣ евангелія 1–26
RF: Formes des mots grecs dans la traduction cyrillométhodienne de l'évangile 27
LINOS POLITIS: Griechische Handschriften der serbischen Kaiserin Elisabeth 288–304
V. RŽIGA: Новая версия легенды о земном рае 374–384
RF: Récit de deux moines de Novgorod 384
TH. SATURNÍK: ΓΟΥΒΕΛΙΑΤΙΚΌΝ 42–46
RF 46
A. SOLOV'EV: Греческіе архонты в сербском царствѣ XIV вѣка . 275–286
RF: Les archontes grecs dans l'empire serbe 286
M. SPERANSKIJ: По поводу нового издания Писаний Саввы сербского 259–273
RF: A propos de la nouvelle édition des oeuvres de S. Savva 273
K. ŠKORPIL: Надписи отъ първото българско царство въ черноморската область на балканския полуостровъ. - Уводъ. Часть I. . . 189–196
(Inscriptions de l'époque du premier empire bulgare dans la région de la Mer Noire, I.)
K. ŠKORPIL: Стратегически постройки въ черноморската область на балканския полуостровъ, часть I. 197–230
(Constructions militaires stratégiques dans la région de la Mer Noire – péninsule balcanique.)

N. TRUBECKOJ (Trubetzkoy): Das »Münchener slavische Abecedarium« 29–31
V. N. ZLATARSKI: Единъ гръцки фалсификатъ, който се относя къмъ българската история 231–257
RF: Une falsification byzantine, concernant l'histoire de la Bulgarie . . . 257

POSUDKY – COMPTE-RENDUS:

Acta conventus Pragensis pro studiis orientalibus anno 1929 celebrati (FR. DVORNÍK) 457–462
M. Andreeva: Очерки по культурѣ византійскаго двора в XIII вѣкѣ (JAR. BIDLO) 122–132
A. Andriotis: Kritobulos o Imbrios (M. LASKARIS) 425
G. Fehér: Die Inschrift des Reiterreliefs von Madara (FR. DVORNÍK) . . 132–135
V. Grecu: Origina chronicelor românești (M. LASKARIS) 425
O. Halecki: Un empereur de Byzance à Rome (M. ANDREEVA) . . . 420–421
Roman Jakobson: Nejstarší české písně duchovní (M. WEINGART) . . . 447–453
E. Karskij: Русская правда (G. IL'INSKIJ) 436–440
N. Kondakov: Очерки и замѣтки по истории средневѣкового искусства и культуры (M. ANDREEVA) 118–121
K. Konstantopulos: Byzantiaka molybdobula (M. LASKARIS) 424
P. Lavrov: Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности, I. (G. IL'INSKIJ) 149–153
Матеріялы з исторії визант.-словьянскої літератури та мови (»Žitie Nifonta«, vyd. A. Rystenko.) (M. WEINGART) 442–447
K. Mijatev: Новооткритиятъ оловенъ печатъ на български архиепископъ (M. LASKARIS) 421–424
K. Müller: Přehled literatury byzantské (M. WEINGART) 157–158
L. Niederle: Příspěvky k vývoji byzantských šperků ze IV.–X. století (M. ANDREEVA) 121–122
N. Nikolskij: Повесть временных лет (G. IL'INSKIJ) 432–436
G. Ostrogorsky: Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites (FR. DVORNÍK) 113–116
Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Ludmile, uspoř. *Jos. Vajs* (MILOŠ WEINGART) 453–457
Сборник статей в честь акад. *А. И. Соболевского* (G. IL'INSKIJ) . . 153–157
A. Seliščev: Полог и его болгарское население (G. IL'INSKIJ) 440–442
H. Schaeder: Moskau, das dritte Rom (M. V. ŠACHMATOV) 142–144
Al. Solov'ev: Законодарство Стефана Душана (TH. SATURNÍK) . . . 146–148
G. Soyter: Byzantinische Geschichtsschreiber und Chronisten (FR. DVORNÍK) 136–137
M. Speranskij: Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма (G. IL'INSKIJ) 148–149
Fr. Šišić: O hrvatskoj kraljici Margareti (N. RADOJČIĆ) 144–146

E. Šmurlo: Le Saint-Siège et l'Orient orthodoxe russe 1609—1654 (FR. DVORNÍK) 137–142
La technique d'édition dans deux collections de textes liturgiques grecques (J. FRČEK) 426–431
F. Uspenskij: Очерки из истории Трапезунтской империи (M. ANDREEVA) 116–118
A. Vasiliev. History of the Byzantine empire, vol. II. (M. ANDREEVA) 416–420

ZPRÁVY – BIBLIOGRAPHIE ET CHRONIQUE

podávají: par:

M. A. ANDREEVA, N. BĚLJAEV, FR. DVORNÍK, J. FRČEK, G. IL'INSKIJ, J. KURZ, M. WEINGART.

Vol. 1. 159–176

Corpus Bruxellense – Œuvres complètes de Georgios Scholarios – Les données des historiens arabes – Fr. Dölger, Der Kodikellos des Christodulos in Palermo – K dějinám byzantského lékařství – Patrologia Orientalis (Méthode d'Olympe) – Svědectví slovanských textů o Ježíšovi a počátcích křesťanství (Josephus Flavius, R. Eisler) – Dějiny církevněslovanského zpěvu (P. Panov) – Počátky kyrilice a výkopy v Přeslavi – Kozma presbyter – V. N. Zlatarski – Z pozůstalosti Fr. Hýbla – P. Mutafčiev: Proizchodъtъ na Aseněvici – L'Institut archéologique bulgare – Bibliothèque historique bulgare – St. Stanojević: Studije o srpskoj diplomatici – N. Radojčić – D. Anastasijević – V. M. Istrin – I. Ohienko – V. Sičyńskyj, Architektura staroknjazivśkoï doby, Rotondy na Ukraïny – A. Dmitrijevskij (ruská liturgika) – K. Kadlec – F. I. Uspenskij – Bianu-Cartojan: Album de paleografie rom. – J. Bărbulescu – Památce J. Bogdana – Ch. Diehl – Diehlův Sborník – J. Bury – Z Byzantologické komise S. Ú.

Le IIIème Congrès des études byzantines à Athènes 1930 187

Vol. 2. 463–477

Collection d'études byzantines et néo-grecques – Oriens Christianus – F. Stiebitz: Studie o slovesném vidu v řečtině novozákonní – V. Pogorělov: Napisanija grečeskich slov v kir.-meth. perevodě evangelija – O. Grünenthal: Das Eugenius-Psalterfragment – St. Romanski: Imena na někoi makedonski gradove – M. Laskaris: Vatopedskata gramota na car' Ivan Asěnja II. – Opisanie rukopisnogo otdelenija bibl. Akademii nauk SSSR – Polémique de Théodore II. Laskaris avec Nicéphore Blemmydes – Le commerce byzantin avec les pays tchèques aux IXe et Xe siècles – Le congrès pour l'étude de l'Orient chrétien – Byzantské emaily Závišova kříže ve Vyšším Brodě – La sainte face de Laon («Zografika») – Něskol'ko zaměčanij k rec. na knigu N. P. Kondakov, Očerki i zamětki – N. Okunev: Monumenta artis serbicae – L'art byzantin chez les Slaves, recueil dédié à la mémoire de Th. Uspenskij, sous la direction de G. Millet – Účast ČSR na byzantologickém kongrese v Athénách – † Nik. Běljaev.

VÝTAHY Z ČASOPISŮ – EXTRAITS DES PÉRIODIQUES
(J. FRČEK, M. LASKARIS, D. A. ZAKYTHINOS.)

Vol. 1. 177–186

Bulletin de Correspondance Hellénique – Byzantinische Zeitschrift – Byzantion – Échos d'Orient – Izvestija po russkomu jazyku i slovesnosti – Epeteris etaireias Byzantinon spudon.

Vol. 2. 478–482

Bulletin de correspondance hellénique – Échos d'Orient – Izvestija po russkomu jazyku i slovesnosti — Ellenika.

Časopisy došlé výměnou 188, 483

Přílohy 10 + 16 Tables.

SEZNAM PŘISPĚVATELŮ II. ROČNÍKU:
LISTE DES AUTEURS DU IIe TOME:

Andreeva M. A., Praha-Beograd 47—73, 395—414; 116—118, 118—121, 121—122, 416, 420 420—421, zpr.[1], zpr.[2]
† Běljaev, Nikolaj, Praha . . . . . 386—392; zpr.[2]
Bidlo, Jaroslav, Praha . . . . . 122—132
Durnovo, Nikolaj, Moskva . . . . . 32—41
Dvorník, František, Praha . . 113—116, 132—135, 136—137, 137—142, 457—462, zpr.[1], zpr.[2]
Eisler, Robert, Paris . . . . . 305—373
Frček, Jan, Paris-Brno . . . . . 426—431; zpr.[1], zpr.[2]
Il'inskij, G. N., Moskva 100—107, 108—112; 148—149, 149—153, 153—157, 432—436, 436—440, 440—442; zpr.[1], zpr.[2]
Kurz, Josef, Praha . . . . . zpr.[2]
Laskaris, Michel, Thessalonique . . . . . 421—424, 425; zpr.[1], zpr.[2]
Okunev, Nikolaj, Praha . . . . . 74—97
Pogorělov, Valerij, Bratislava . . . . . 1—28
Politis, Linos, Athènes . . . . . 288—304
Radojčić, Nikola, Ljubljana . . . . . 144—146
Ržiga (Říha), Vjačeslav, Moskva . . . . . 374—385
Saturník, Theodor, Praha . . . . . 42—46; 146—148
Solov'ev, A. V., Beograd . . . . . 275—287
Speranskij, M. N., Moskva . . . . . 259—274
Šachmatov, M. V., Praha . . . . . 142—144
Škorpil, Karel, Varna . . . . . 186—196, 197—230
Trubeckoj (Trubetzkoy), N., prince (Wien) . . . . . 29—31
Weingart, Miloš, Praha . . . . . 157—158, 442—447, 447—453, 453—457; zpr.[1], zpr.[2]
Zakythinos, D. A., Paris . . . . . 480—482
Zlatarski, V. N., Sofija . . . . . 231—258

KAREL ŠKORPIL (Varna):

НАДПИСИ ОТЪ ПЪРВОТО БЪЛГАРСКО ЦАРСТВО ВЪ ЧЕРНОМОРСКАТА ОБЛАСТЬ НА БАЛКАНСКИЯ ПОЛУОСТРОВЪ.

Уводъ.

На Балканския полуостровъ се срещатъ гръцки и латински надписи; последнитѣ — наймного по мѣста, които, поради стратегическото значение сѫ били заети отъ римскитѣ военни власти, каквото е на първо мѣсто долното течение на р. Дунавъ.

Освенъ тия два вида надписи, съ малки изключения, не се срещатъ надписи на други народи, които обитавали или минавали презъ Балканския полуостровъ; затова прави впечатление, сравнително доста голѣмото число надписи, които сѫ намерени, съ малки изключения, въ североизточната часть на балканския полуостровъ, които сѫ писани на гръцки и, които принадлежатъ на българския народъ, който е завоювалъ тия страни въ втората половина на VII-мия вѣкъ и се закрепилъ тукъ въ съюзъ съ Славянитѣ, почти до края на X-тия вѣкъ; цѣлото това време е изпълнено съ богата и славна история на първото българско царство, както въ военно, така и въ културно отношение, но и съ съсипателнитѣ борби между двата различни национални елемента, които сѫ били една отъ главнитѣ причини за пропадане на първото царство.

Единъ отъ любопитнитѣ плодове на тая епоха сѫ надписитѣ. Остава въпросъ: обичаятъ, да се пишатъ надписитѣ, да-ли е донесенъ отъ старото отечество на прабългаритѣ, или се е родилъ подъ влияние на съседния визаинтийски културенъ центъръ? Вѣроятно е второто, за което говори фактътъ, че този обичай не се явилъ веднага следъ дохождането на българитѣ въ тия страни, но 130 години по късно, когато византийското влияние е заловило вече много здрави корени между българитѣ, и после и гърцкиятъ текстъ въ надписитѣ.

Първиятъ такъвъ надписъ е намѣренъ при с. Правища презъ 1707 г. и преписанъ отъ французина ВИЛУАЗОНЪ, сега изгубенъ;[1] вториятъ е откритъ въ гр. Шуменъ презъ 1831 г. отъ пѫтешественика БЛАКЕНБУРГЪ, сѫщо изгубенъ;[2] третиятъ преписанъ отъ ХР. ДАСКАЛОВЪ въ църквата «Св. 40 Мѫченици» въ гр. В. Търново издаденъ въ 1859 г.[3]

---

[1] C. I. G. T. IV. стр. 318, 8691 A.

[2] C. I. G. T. IV. стр. 319, 8691 B.

[3] «Открытія въ древней столицѣ болгарской Терновъ» въ «Чтенія въ имп. общ. исторіи и древностей при Москов. университетѣ. Кн. 2.

Други два надписа отъ този родъ е публикувалъ КАНИЦЪ;[4] ИРЕЧЕКЪ споменува за новъ надписъ, за който е чулъ въ Шуменъ, че е зазиденъ въ една турска кѫща.[5]

Наймного старобългарски надписи сѫ намѣрени отъ К. ШКОРПИЛЪ въ околностьта на развалинитѣ до с. Абоба прѣзъ 1886—1895 г.[6]

Надписътъ около Мадарския релиефъ е преписанъ отъ К. ШКОРПИЛЪ презъ 1895 г.[6]

Надписи отъ сѫщия видъ, повечето въ фрагменти сѫ намѣрени при разкопкитѣ въ Абоба-Плиска 1899 и 1900 г.;[7] въ ново време е намѣренъ единъ фрагментъ при разкопкитѣ въ Мадара, единъ фрагментъ въ чифлика Теке Козлуджа (Новопазарско) и единъ фрагментъ въ с. Калугерца (Новопазарско).

По съдържанието си надписитѣ могатъ да се раздѣлятъ на нѣколко групи, както е направилъ Т. УСПЕНСКИ.[8]

По времето си, първитѣ надписи се падатъ презъ царуването на Крума (803—814 г. сл. Хр.); наймного сѫ отъ Омортага (814—831 г.); Маламира (831—836 г.), Пресияна (836—852), Бориса (852—889 г.) и Симеона (893—927 г.).

Часть I.

СТЪЛБОВЕ СЪ ИМЕНАТА НА ГРАДОВЕ.[1]

(Табл. 1.)

Надписитѣ сѫ написани върху цилиндрическа повърхность на стълбове; тѣ сѫ кратки и съдържатъ само по две или три думи.

По еднообразния си типъ, по характера на писмото и еднообразния начинъ на тѣхното написване, е ясно, че тѣ произлизатъ отъ едно и сѫщо време и изглежда, че тѣ повечето сѫ писани отъ единъ и сѫщи майсторъ.

Всички тия паметници сѫ били намѣрени, съ малки изключения, въ развалинитѣ на християнската базилика въ Абоба-Плиска и отъ части сѫ били разпърстнати въ близската околность на развалинитѣ. Единъ отъ тѣхъ е билъ пренесенъ и въ столицата на второто българско царство В. Търново, гдето е билъ употрѣбенъ при постройката на църквата Св. 40 мѫченици презъ 1230 г.

---

[4] »Donau Bulgarien« III. 255.

[5] АЕМ. X. стр. 194.

[6] АЕМ. XV. стр. 98. № 26; XVII стр. 192 № 53, стр. 199 № 71—73, стр. 208 № 98; XIX, 2, стр. 237—248 (Altbulgarische Inschriften), преведена въ Отчета на Варненската гимназия за 1900—1901 г.

[7] Извѣстія рус. археол. института въ Константинополѣ. X. Глава VI.

[8] Извѣстия рус. археол. институтъ X. Глава VI.

[1] Абоба-Плиска стр. 173—189. Табл. XLII.

Надписитѣ съдържатъ имена на градове (κάστρον) и имена на полесражения (πόλεμος).

Всичкитѣ градове, на които имената сѫ написани върху стълбоветѣ, сѫ тракийски отъ долнитѣ течения на рѣкитѣ Тунджа и Марица къмъ Черно море и край Мраморно море. Градоветѣ можемъ да раздѣлимъ на две групи: Градове на северъ отъ Странджа Планина и на югъ отъ нея.

Отъ първата група край брѣжнитѣ градове сѫ:

1. + Κάστρον] Μεσ[ημβρίας) (Табл. 1. ф. 1.)[2]
2. + Κ[άστρον] Ἀ[γχιαλέω]ν (Табл. 1. ф. 2.)[3]
3. + Κά[στρον] Σοζοπό[λεως (Табл. 1. ф. 3.)[4]

тѣ сѫ градоветѣ: Месемврия, Анхиалъ и Созополъ. Отъ тритѣ стълба сѫ били намѣрени само фрагменти въ развалинитѣ на базиликата при разкопкитѣ въ Абоба-Плиска.

За надписа Ἀ[γχιαλέω]ν има разни мнения: Т. УСПЕНСКИ предполага и Ἀ[γαθοπόλεως] на Черноморския брѣгъ,[5] а В. ЗЛАТАРСКИ Ἀ[γαθο]ν[ίκης][6] на южнитѣ склонове на Сакаръ Планина, въ мѣстностьта Кючюкъ Стамбулъ до с. Саранли (Харманлийска околия).[7] Буквата «ν» въ края, а не по срѣдата, говори въ полза на града Ἀ[γχιαλέω]ν.

Отъ градоветѣ на югъ отъ Странджа Планина, еднитѣ сѫ до брѣга на Мраморно море, другитѣ по порѣчието на р. Еркене, а третитѣ по р. Марица и долното течение на р. Тунджа.

Къмъ първитѣ принадлежатъ:

4. + Κάστρον Ῥεδεστοῦ (Табл. I. ф. 4.)[8] — сегашниятъ гр. Родосто.
5. + Κ[άστρο]ν [Πάνιο]ν или [Δαονιο]ν (Табл. I. ф. 5.)[9]

— между гр. Ерекли и гр. Силиврия.

6. К. ИРЕЧЕКЪ споменува отъ гр. Шуменъ

+ Κάστρον Θεοδωρουπόλεως;[10]

Отъ покойния адвокатъ Стателовъ въ гр. Шуменъ, има сведение, че надписътъ е билъ + Κάστρον Θεοδοσπόλεως,— градътъ на западъ отъ гр. Родосто.

Отъ порѣчието на р. Еркене произлизатъ:

7. [+ Κάστρον] Βιζύης (Табл. I. ф. 6.),[11] намѣренъ въ с. Дол. Илджикъ.

---

[2] Абоба-Плиска стр. 175 Табл. XLII. ф. 5.

[3] Абоба-Плиска стр. 175 Табл. XLII ф. 3; Табл. XXXIX ф. 1 (9, 10).

[4] Абоба-Плиска стр. 174. Табл. XLII. ф. 2.

[5] Абоба-Плиска стр. 175. № 3.

[6] В. Златарски: История на първ. бълг. царство I. 432.

[7] Паметници изъ Българско: I Сакаръ планина, стр. 36. Карта стр. 49.

[8] АЕМ. X. стр. 194; XVII. стр. 188; Свѣтлина VI. кн. III; Извѣстія Инст. VII. стр. 6; Абоба-Плиска стр. 177. Табл. XLII. ф. 15.

[9] Абоба-Плиска стр. 176. Табл. XLII. ф. 11.

[10] АЕМ. X. 194.

[11] АЕМ. XVII. стр. 188; Свѣтлина VI (1896) кн. III; Абоба-Плиска стр. 176. Табл. XLII. ф. 10.

Сегашниятъ гр. Виза.

8. + Κάστρ[ον] Ἀρκαδι[ουπόλεως] (Табл. I. ф. 7.),[12] намѣренъ въ северния корабъ на базиликата. Сегашниятъ гр. Люле Бургасъ.

9. + Κάστρον Βουρδίζου (Табл. I. ф. 8.)[13]

По сведения е намѣренъ въ базиликата (Клисе-ери), сега въ Софийския Нар. Музей. Градъ Вурдиса, отпосле Вулгарофигонъ, сега гр. Баба-ески.

10. + Κάστρον] [Νι]κιου (Табл. I. ф. 9.),[14] намѣренъ до развалинитѣ на двореца въ Абоба-Плиска. Градъ Малка Никия (славянски Никица), на пѫтя отъ гр. Баба-ески за гр. Одринъ.

Отъ порѣчието на р. Марица произлизатъ:

11. +Κάστρον Διδυμοτείχου (Табл. I. ф. 10.),[15] намѣренъ въ базиликата Абоба-Плиска, пренесенъ въ с. Суютли, сега въ Софийския Нар. Музей. Сегашниятъ гр. Димотика, близо до устието на лѣвия притокъ Казълъдели въ р. Марица.

12. [+ Κάστρον] Σκουτάρ[εως] (Табл. I. ф. 11.),[16] намѣренъ въ жилищнитѣ постройки въ Абоба-Плиска. Развалинитѣ до сегашнитѣ села Юскюдаръ и Лефка на северозападъ отъ гр. Одринъ.

13. [+ Κάστρον Β]ούκελ[λον (Табл. I. ф. 12.), намѣренъ въ чифлика до с. Теке Козлуджа, сега въ Шуменския Музей. Развалини на крепость до с. Фикелъ се намиратъ надъ дѣсния брѣгъ на р. Тунджа, на северъ отъ гр. Одринъ.

Освенъ гореказанитѣ надписи сѫ намѣрени фрагменти при разкопкитѣ въ Абоба-Плиска: въ развалинитѣ на базиликата:

14. [+ Κάστ]ρον [.....]

15. [+ Κάστρον..] ουδρ [...;[17]

въ развалинитѣ на дворцитѣ:

16. [+ Κάστρον.....]ουδίου

17. [+ Κάσ]τρο[ν.....] ίου

които немогатъ да се попълнятъ. Последниятъ може би, е гр. Силиврия.

---

[12] Абоба-Плиска стр. 174. ф. 34. Табл. XLII ф. 1.

[13] *Kanitz* »Donau Bulgarien« III. стр. 255; АЕМ. X. стр. 194, XVII. стр. 158; Свѣтлина VI. кн. III; Абоба-Плиска стр. 176 Табл. XLII ф. 13. Булгарофигонъ; 893 г. победа на Симеона върху Византийцитѣ.

[14] Абоба-Плиска стр. 175. Табл. XLII. ф. 7.

[15] АЕМ. XVII. стр. 188; Свѣтлина VI. кн. III; Абоба-Плиска стр. 177. Табл. XLII ф. 14.

[16] Абоба-Плиска стр. 178 ф. 35, Табл. XLII. ф. 18. Ѳ. Успенски увежда този надписъ въ надписитѣ съ мѣстата на полесраженията.

[17] Четене на тоя фрагментъ отъ Успенски (Абоба-Плиска стр. 175

κάστρον τ]οῦ Δρ[ίστρου]

неотговаря на общия текстъ въ надписитѣ, нито гр. Силистра въ географско отношение непринадлежи къмъ всички други градове въ Тракия.

18. Фрагментъ на стълбъ отъ с. Насърлие само съ първия редъ + Κάστρον [.....], може да означава новъ градъ, но може би да е горната часть на надписа № 7.

+ Κάστρον Βιζύης, споредъ едно сведение отъ сѫщото село.[18]

Отъ стълбоветѣ съ имената на мѣстата за сражение (πόλεμος) е напълно запазенъ само единъ надписъ:

19. + πόλεμος τῆς Σέρας (Табл. I. ф. 13.),[19] намѣренъ до развалинитѣ на базиликата въ Абоба-Плиска, сега въ Софийския Нар. Музей. Сражението до гр. Сѣръ.

20. π]όλεμος [τ]ῆς Το[ῦ..... (Табл. I. ф. 14.),[20] намѣренъ до дворцитѣ въ Абоба-Плиска. Отъ името на мѣстото на сражението сѫ запазени само остатъци на три букви, които би могли да се попълнятъ на Τοῦτζα, рѣката Тича (Гол. Камчия), която е била свидетель на сражението между дветѣ съседни държави.

21. πόλ]εμ[ος τῆς.....][21]

Предъ всичкитѣ надписи, запазени въ началото си, има по едно кръстче, дълбано едновременно съ надписитѣ, отъ което може да се заключи, че такиви кръстчета е имало при всичкитѣ тия надписи.

Върху нѣкои отъ стълбоветѣ се срещатъ и голѣми релиефни *кръстове* съ разширени крайща. Тѣзи кръстове сѫ правени заедно съ стълбоветѣ, а отпосле стълбоветѣ сѫ използувани за надписи и затова нѣкои отъ тѣхъ сѫ писани наопаки и стълбоветѣ тогава сѫ били поставени съ горния си край на долу. Такъвъ случай има при стълбоветѣ + Κάστρον Βουρδίζου и + Πόλεμος τῆς Σεράς.

При стълба + Κάστρον Πάνιον надписътъ е написанъ отъ дветѣ страни, на релиефния кръстъ. И върху стълба + Κάστρον Διδυμοτείχου надписътъ е писанъ наопаки, което ясно личи отъ камънарския знакъ «Ф Р», който е едновременъ съ стълба и първоначално е написанъ върху долната му подушка, която е запазена.

Отъ обръщане на нѣкои отъ стълбоветѣ при написване надписитѣ, съ горнитѣ имъ части на долу, е ясно, че надписитѣ не сѫ едновременни съ стълбоветѣ и релиефнитѣ кръстове върху тѣхъ, и че писачътъ не е обърналъ внимание на архитектурния строежъ на стълба.

*

За произхождението, и за времето на надписитѣ съ имената на градоветѣ, има до сега две мнения:

---

[18] Абоба-Плиска стр. 176. Табл. XLII. ф. 12.

[19] »Donau Bulgarien« III. стр. 356; АЕМ. XIX. стр. 237; Абоба-Плиска стр. 178. Табл. XLII. ф. 16.

[20] Абоба-Плиска стр. 178. Табл. XLII. ф. 17.

[21] Абоба-Плиска стр. 179. Табл. XLII. ф. 19.

К. ИРЕЧЕКЪ ги смѣта за знакове на победата отъ походитѣ на КРУМА въ Тракия прѣзъ 813 г. и предполага, че тѣ сѫ били поставени, въ видъ на колонада, предъ царския дворецъ въ столицата. Мнението на К. ИРЕЧЕКЪ възприема проф. В. ЗЛАТАРСКИ и го подкрепва съ нови доклади.

Т. УСПЕНСКИ предполага, че надписитѣ означаватъ имена на градоветѣ, които сѫ били отнети отъ ц. СИМЕОНА презъ 923 и 924 г. отъ византийската империя.

Нѣма съмнение, че първото предположение на К. ИРЕЧЕКЪ, подкрепено отъ В. ЗЛАТАРСКИ, е по-вѣрно. Надписитѣ върху стълбоветѣ означаватъ градоветѣ, превзети отъ КРУМА, при похода му срещу Византия презъ 812 и 813 год.

Месемврия е била превзета презъ 812 г., Анхиалъ, и вѣроятно, и Созополъ сѫ били напустнати отъ гражданитѣ и заети отъ българитѣ сѫщата година. Стълбоветѣ на тритѣ града сѫ запазени.

Следъ победата си при Версиникия надъ византийския императоръ, КРУМЪ е превзелъ крепоститѣ около Одринъ, между тѣхъ Скутарионъ и Вукелонъ, и на пѫтя за къмъ Цариградъ — Малка Никая, Бурдизъ и Аркадиополъ.

Следъ коварното покушение подъ стенитѣ на Цариградъ срещу КРУМА, той е унищожилъ градоветѣ близо до Мраморно море — Регионъ (Малко Чекмедже), Атира (Голѣмо Чекмедже), Силиврия, Даонисъ (Ески Ерекли), Ираклея (Ерекли), Редесто (Родосто), Панионъ (Панизо), Апросъ (на западъ отъ Айнарджикъ), Хексамилъ (до входа на Галиполския полуостровъ) — и достигналъ до найтѣсното мѣсто на Дарданелитѣ срещу азийския градъ Абидосъ; отъ тамъ се е върналъ къмъ долното течение на р. Марица и при похода си къмъ Одринъ е разрушилъ гр. Димотика.

Отъ последнитѣ заети градове отъ КРУМА сѫ запазени стълбоветѣ или тѣхнитѣ фрагменти съ надписитѣ: Редесто, Панионъ (или Даонионъ), Димотика, Силиврия (?). Къмъ тѣхъ принадлежи и гр. Теодосполисъ между Редесто и Апросъ, който не се споменува между горнитѣ градове.

Само гр. Виза е вънъ отъ похода на Крума, и е билъ или напуснатъ, или превзетъ отъ нѣкоя войскова часть на Крума.

Нѣма съмнение, че стълбоветѣ сѫ донесени отъ Тракия въ столицата Плиска още презъ времето на КРУМОВИЯ походъ и върху тѣхъ единъ и сѫщи майсторъ въ столицата е написалъ имената на превзетитѣ градове, а за да се означи че тѣ сѫ християнски, предъ надписитѣ сѫ били поставени по едно кръстче, следъ което стълбоветѣ, както предполага К. ИРЕЧЕКЪ, сѫ били издигнати, въ видъ на колонада, предъ палатитѣ въ Плиска.

Дали и стълбоветѣ сѫ донесени отъ сѫщитѣ градове, на които имената сѫ написани върху тѣхъ, неможе да се твърди, но нѣма съмнение, че тѣ сѫ донесени отъ Тракия; за това ясно говори ТЕОФАНЪ при ограбването на двореца Св. Мамантъ, като споменува, че сѫ били откарани на кола между други и «много изящни мраморни стълбове».

При постройката на базиликата въ Плиска отъ ц. БОРИСА, сѫ били използувани стълбоветѣ отъ триумфалната колонада предъ дворцитѣ, за да разгласяватъ нова победа въ културно отношение.

Отъ палатитѣ не сѫ били вдигнати всичкитѣ стълбове за базиликата, защото сѫ били намѣрени тѣхнитѣ фрагменти и до палатовитѣ постройки въ вѫтрешната крепость на столицата. Отъ това е явно, че стълбоветѣ не сѫ били нарочно донесени за църковната постройка.

За сражението при гр. Сѣръ, на стълба съ надписъ + Πόλεμος τῆς Σέρας, предполага В. ЗЛАТАРСКИ, че то се отнася къмъ 808 г. между българи и ромеи, въ което, споредъ ТЕОФАНА, загинали много византийски войници, заедно съ стратези и архонти.

(Следва.)

KAREL ŠKORPIL (Varna):

INSCRIPTIONS DE L'ÉPOQUE DU PREMIER EMPIRE BULGARE DANS LA RÉGION DE LA MER NOIRE (PÉNINSULE BALKANIQUE).

Le Résumé sera annexé à la fin de cet article dans le IIIe tome (1931).

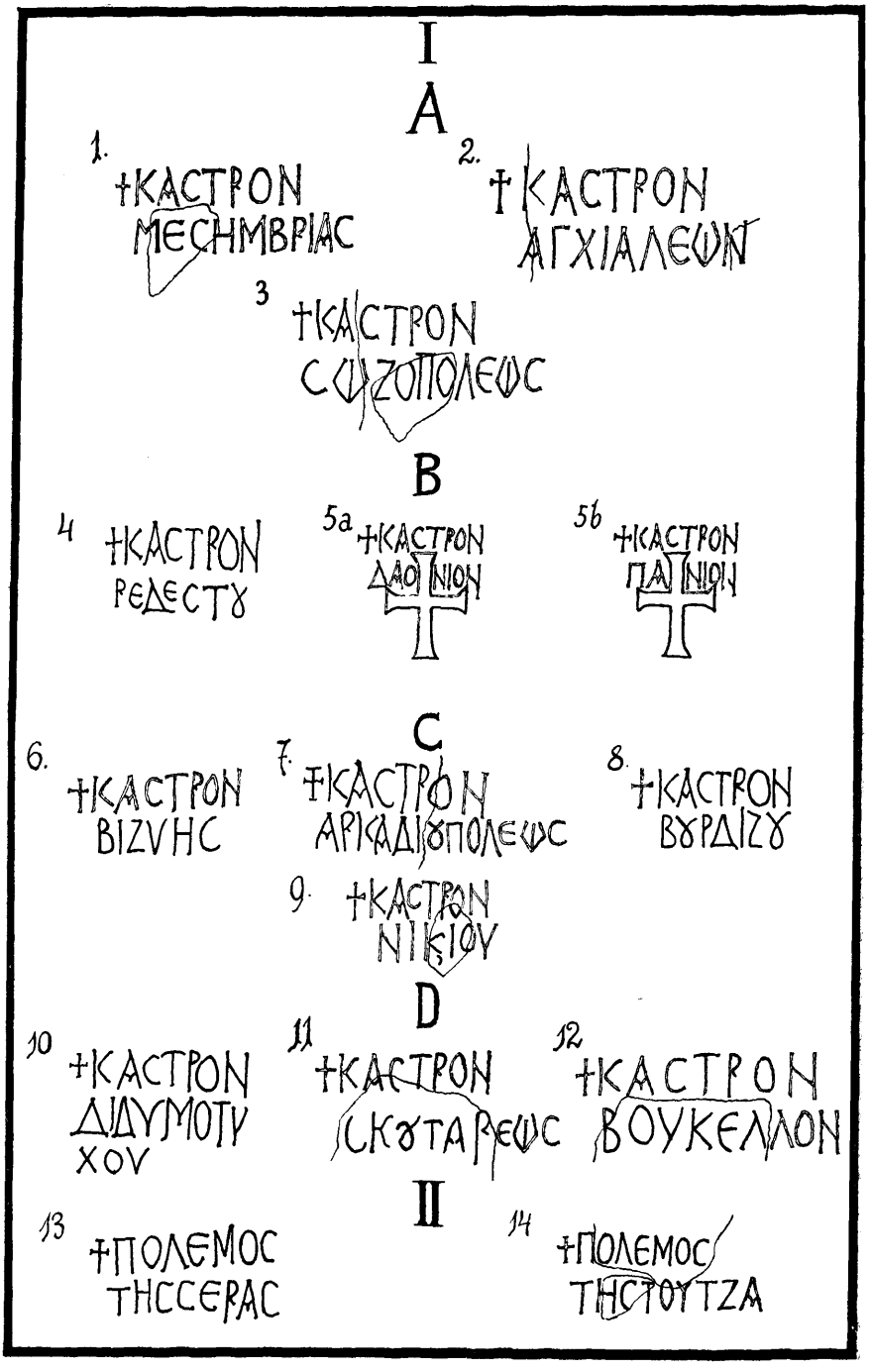
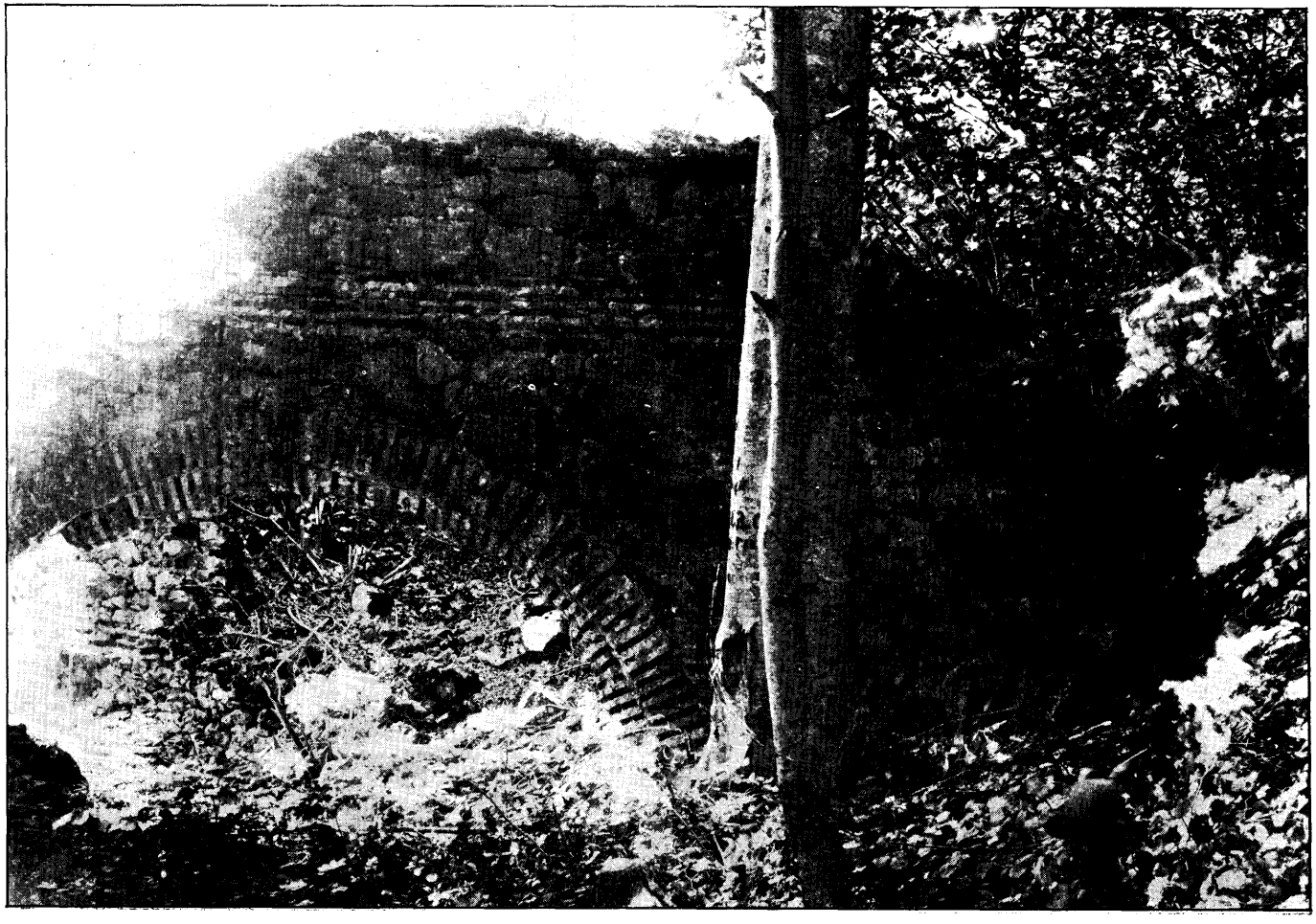
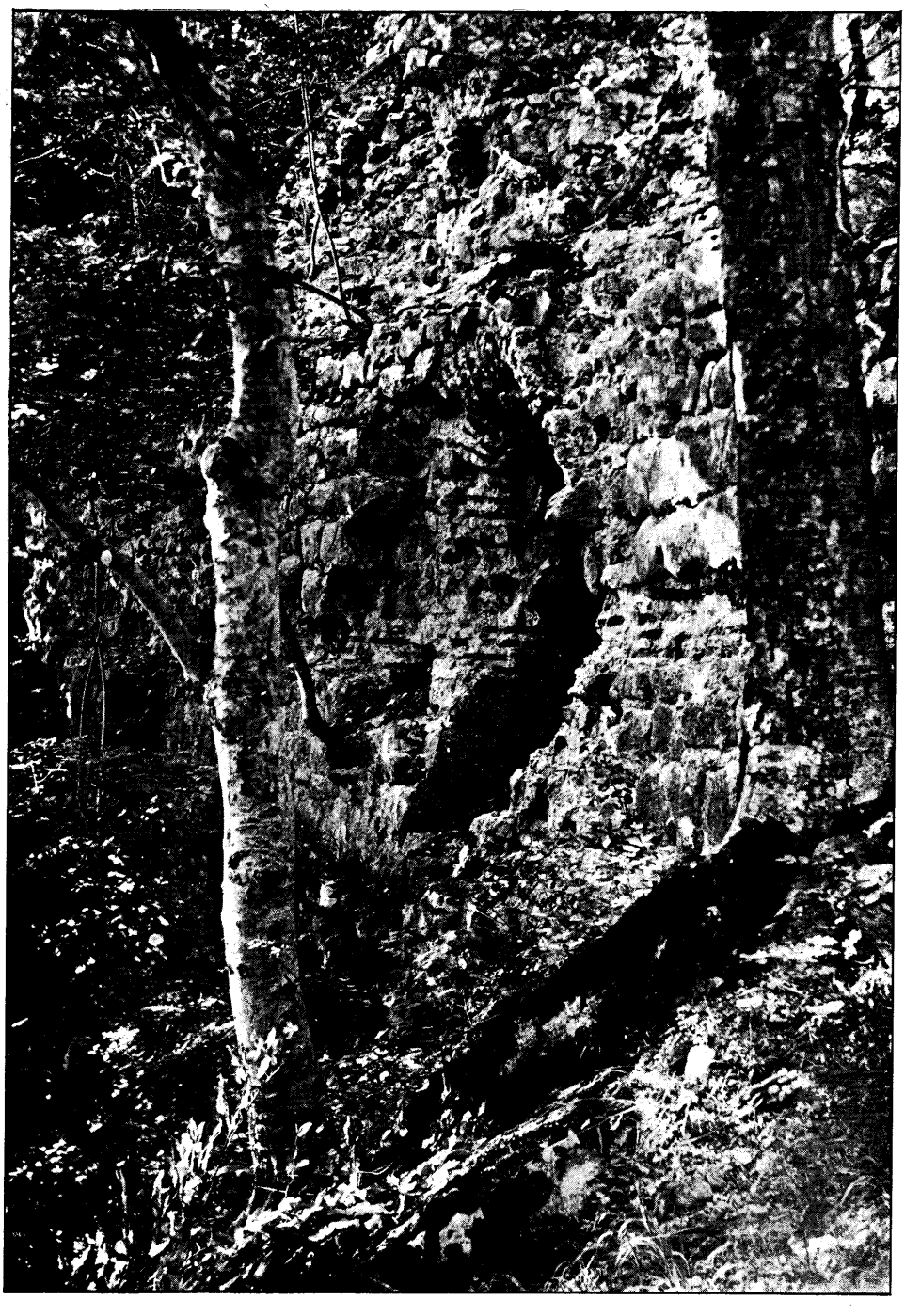

I
A
1.
†ΚΑCΤΡΟΝ
ΜΕCΗΜΒΡΙΑC
2.
†ΚΑCΤΡΟΝ
ΑΓΧΙΑΛΕΩΝ
3
†ΚΑCΤΡΟΝ
CΩZΟΠΟΛΕΩC
B
4
†ΚΑCΤΡΟΝ
ΡΕΔΕCΤΟ
5a
†ΚΑCΤΡΟΝ
ΔΑΟΝΙΟΝ
5b
†ΚΑCΤΡΟΝ
ΠΑΛΑΙΟΝ
C
6.
†ΚΑCΤΡΟΝ
ΒΙΖΥΗC
7.
†ΚΑCΤΡΟΝ
ΑΡΚΑΔΙΟΠΟΛΕΩC
8.
†ΚΑCΤΡΟΝ
ΒΟΡΔΙΖΟ
9.
†ΚΑCΤΡΟΝ
ΝΙΚΙΟΥ
D
10
†ΚΑCΤΡΟΝ
ΔΙΔΥΜΟΤΥ
ΧΟΥ
11
†ΚΑCΤΡΟΝ
CΚΟΤΑΡΕΩC
12
†ΚΑCΤΡΟΝ
ΒΟΥΚΕΛΛΟΝ
II
13
†ΠΟΛΕΜΟC
ΤΗCCΕΡΑC
14
†ΠΟΛΕΜΟC
ΤΗCΤΟΥΤΖΑ

Табл. 1.



Обр, 2,

Обр. 3.



Обр. 4.

KAREL ŠKORPIL (Varna):

СТРАТЕГИЧЕСКИ ПОСТРОЙКИ ВЪ ЧЕРНОМОРСКАТА ОБЛАСТЬ НА БАЛКАНСКИЯ ПОЛУОСТРОВЪ.

Уводъ.

Отъ тритѣ южноевропейски полуострови, които сѫ влизали въ територията на великата римска империя, найдостѫпниятъ, за неприятелскитѣ нападения, отъ северната страна, е билъ Балканскиятъ.

Западнитѣ два полуострова сѫ били пазени отъ северъ съ високи планини и съ това сѫ били по суша почти недостѫпни; Балканскиятъ полуостровъ е билъ почти напълно открытъ въ северната си широка (170 нем. мили) основа, гдето е пазенъ отъ течението на р. Дунавъ и притока ѝ р. Сава, които непредставляватъ никакво мѫчно припятствие, за нахлуване на полуострова, каквото представляватъ Пиренеитѣ и Алпитѣ при западнитѣ два полуострова.

Източната часть на Балкана и Балканския полуостровъ е играла важна историческо-стратегическа роль, съ проходитѣ си, и съ важнитѣ пунктове на лѣвия брѣгъ на Понта, отъ първитѣ исторически времена на полуострова. Тукъ е миналъ *Дарий* противъ *Скититѣ* (513 г. пр. Хр.), презъ тукъ сѫ били походитѣ на *македонцитѣ, римлянитѣ* и *византийцитѣ* за новитѣ завоювания и за закрепване на северната граница на империитѣ имъ, презъ тукъ сѫ били нахлуванията на народитѣ срещу изт. часть на римската империя до закрепването въ тия страни на *българско-славянския елементъ* и войнитѣ на този елементъ съ мощната византийска империя; презъ тукъ сѫ минавали *турцитѣ* за новитѣ си завладявания, тукъ се отбранявали тѣ срещу *Русия* и тукъ тѣ сѫ изгубили постенено, почти напълно, своитѣ европейски владения.

Първата главна отбранителна линия на Балканския полуостровъ е била край-дунавската, обаче при постоянитѣ нападения върху империята, и дунавската линия съ многобройнитѣ римски изкуствени укрепления, е била недостѫтъчна.

Владетелитѣ на полуострова сѫ били принудени да засилатъ дунавската линия съ нова, върху по-сигурна база — балканската планина, — която въ източната половина на Балканския полуостровъ се изпречва въ видъ на могѫща преграда, на пѫтя къмъ Бѣлото и Мраморното морета. Въ балканската верига найдостѫпното мѣсто за минаване е била

найнизката ѝ източна часть съ своитѣ северни и южни разклонения.

Това е и причина за създаване на сложна укрепителна система, която нѣма съперникъ въ стратегическото изкуство на свѣтовната империя.

За главна опора на балканската отбранителна линия е служилъ главниятъ балкански гребенъ. Началото на изкуствена крепостна балканска линия се намира на морския брѣгъ, на дѣсния брѣгъ на устието на р. Ликарница (Чифте дере), на мѣстото на сегашното село Гоезекянъ (Козекъ).

Още при сѫществуването на балканската отбранителна линия е почнала, да се създава трета отбранителна линия и, то, специално за отбраната на византийския полуостровъ и на Цариградъ, за база на която е служила Странджа планина. Прегрaдната стена, построена отъ императора АНАСТАСИ I. (491—518 г. сл. Хр.), и известна подъ името «Анастасиева стена», която препречва византийския полуостровъ отъ с. Караджакьой до Черно море, до гр. Силиврия, на брѣга на Мраморното море, като образува последното изкуствено припятствие къмъ Босфорския проливъ.[1]

Следъ образуването на българо-славянската държава (679 г. сл. Хр.), балканската отбранителна линия губи напълно своето стратегическо значение и Странджанската отбранителна линия остава единствена охрана на византийската столица.

Споредъ горното, въ източната часть на Балканския полуостровъ, има три отбранителни системи:

1. *Дунавската,* която за източната половина на полуострова, се почва до устието на р. Тимокъ (Timacus) и се свършва до устието на Георгиовския дунавски каналъ. За съкращението на тази линия, сѫ построени, въ разни времена, две изкуствени прегради, между р. Дунавъ и Черно Море, отъ гр. Черна вода (Axiopolis) до гр. Кюстенджа (Tomis).

2. *Балканската,* която се почва пакъ до р. Тимокъ, въ западния край на Балканската верига (Haemus mons) и върви по главния ѝ гребенъ, до източния му край, който се свършва съ носа Емине (Haemi Prom.). За нея има предание, че тя е граница на две царства (с. Караманджа).

3. *Странджанската,* която непредставлява опредѣлена линия, съ изключение на Анастасиевата стена, но разиръстнати крепости въ планината между р. Тунджа (Tonzus) и Черноморския брѣгъ.

Описания на прегрaднитѣ стратегически постройки въ Добруджа — Траяновитѣ окопи (Голѣмъ и Каменен), — и на Анастасиевата стена се срещатъ вече въ разни списания, обаче найважната и найсложната отъ тѣхъ — *балканската* — до сега, съ малки изключения, е почти неизвестна.

---

[1] Друга прегрaдна стена върви презъ Херсонесъ. Тя била построена отъ по-стария Милтнадъ между Хелеспонтъ и Сароския заливъ. Трпжгълникътъ на изтокъ отъ Анастасиевата стена къмъ Босфора носи отъ тогава названието «тракийска делта».

Настоящето описание е само часть отъ голѣмъ трудъ за «Стратегическитѣ постройки въ източната часть на Балканския полуостровъ», материалитѣ за които събирамъ отъ 1883 година. Описътъ на тѣзи постройки, съ карти, планове и детайлни рисунки, ще бѫде издаденъ като V-та часть на «Описа на старинитѣ въ Черноморската область».

За южната граница на Дунавската система взимамъ рѣкитѣ Провадийската рѣка съ притока ѝ Каменица (Канарадере); къмъ нея трѣбва да се причисли и Ломско до р. Янтра.[2] За южната граница на балканската часть взимамъ рѣкитѣ Айтошка рѣка и Карнабатското Азмакъ дере (р. Мърсилъ) и горното течение на р. Тунджа.

Отбранителнитѣ срѣдства въ тритѣ системи се явяватъ въ видъ на прегради стени (Герме, прегради), землени окопи (Еркесия, пресечена земя), крепости, наблюдателни позиции и мрежа стратегически пѫтища. Пѫтищата сѫ били важни жили за военнитѣ действия и за търговския животъ на полуострова.

Освенъ стратегическитѣ постройки, въ източната часть на Балканския полуостровъ, се явяватъ погранични окопи на новосъздаденото Българо-славянско царство.

Такиви сѫ:

1. Пограниченъ окопъ нареченъ «Малката преграда» (Кючукъ Герме)[3] между р. Дунавъ, на югъ отъ гр. Черна Вода и Черно море до гр. Кюстенджа въ Добруджа.

2. Пограниченъ окопъ «Еркесия» (пресечена земя)[4] отъ Бургашкото Мандренско езеро, презъ р. Тунджа, на югъ отъ гр. Ямболъ, до гр. Сейменъ на р. Марица.

Пограничнитѣ български окопи сѫ безъ кули, безъ порти, които, ако е имало такиви, сѫ били дървени, и затова напълно изчезнали.

I.

ГЛАВНАТА ПРЕГРАДНА ЛИНИЯ ВЪ ИЗТОЧНО-БАЛКАНСКАТА КРЕПОСТНА СИСТЕМА.

Прегрaдната балканска линия, неможе да се смѣта като погранична (limes), но като отбранителна. Прегрaдната линия не върви по главния балкански гребенъ, който се почва надъ Черноморския брѣгъ съ носа

---

[2] Описъ на старинитѣ по течението на рѣка «Русенски Ломъ» отъ Кар. Шкорпилъ. София 1914.

[3] Въ Сборникъ въ честь на Василъ Н. Златарски 1925. *К. Шкорпилъ* «Пограниченъ бълг. окопъ между р. Дунавъ и Черно Море».

[4] Археол. и истор. изслѣдования въ Тракия (Пловдивъ 1885) стр. 4; — Slovanský Sborník III. 1884; Абоба-Плиска стр. 538; *K. Jireček.* Cesty po Bulharsku. Praha 1888, стр. 502.

Емине, но върви по сверните му подножия, на мѣста преминава и на сверните балкански клонове (Гулишката планина), на мѣста и по главния гребенъ или по единъ отъ двата му склона.

Прегрaдната линия отъ брѣга на Черно море до пролома на р. Елешница е почти непрекѫсната, като пограничи римски прегради (на пр. Limes rhoeticus) и се състой отъ части отъ изкуствени стени, а отъ части отъ землени насипи съ ровове, снабдени съ зидени кули на известни, не на всѣкѫде еднакви, разтояния. На мѣстата гдето минава пѫть има кастели въ самата прегрaдна линия, или близо до нея.

На западъ отъ пролома на р. Елешница отбранителната балканска линия се явява въ видъ на отдѣлни прегрaдни стени — затвори — въ балканскитѣ проходи, подъ название прегрaда или герме и то като прости стени съ порта, или съ малки кастели, които сѫ служили за укрепени порти, или съ малки кастели близо до прегрaдитѣ, които сѫ служили за гарнизони, за пазене на проходитѣ и затворитѣ имъ и за наблюдателни позиции.

Римско-византийската прегрaдна линия е служила и за първата южна граница на новосъздадената, въ 679 г., Българо-славянска държава. Въ крепостнитѣ постройки виждаме и по-нови български елементи (окопи). Нови отбранителни постройки на новата държава сѫ и крайморскитѣ прегради противъ десантитѣ на византийската войска (Денисъ герме).

Освенъ прегрaдната балканска линия въ източнитѣ клонове на балкана, и въ главния балкански гребенъ, отъ дветѣ страни на прегрaдата има многобройни крепости, които допълватъ прегрaдната линия и съ нея сѫ образували цѣла сложна система за отбрана на империята.

Една часть отъ тѣзи крепости сѫ имали пълна връзка съ прегрaдната линия, като сѫ служили отчасти за жилища на войскитѣ, които сѫ били назначени да охраняватъ прегрaдната линия, но и като самостоятелни позиции за подкрепа на балканската отбранителна линия.

Като примѣръ на крепоститѣ въ римско-византийската балканска система, оказвамъ на найзапазената до сега отъ тѣхъ,

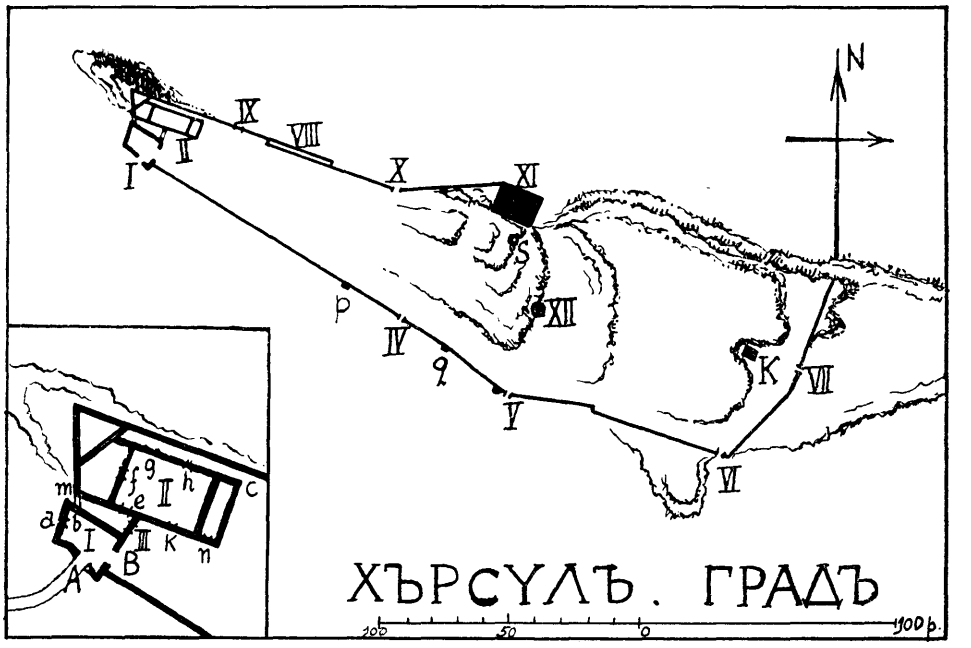
Хърсулъ градъ (Кипиловски Хисаръ),

който е свързанъ съ балканската прегрaда въ Сливенския проходъ, наречена «Демиръ капу» (Желѣзни Врата). Обр. 1—4.

Казанитѣ крепости и прегрaдната линия сѫ строени едновременно и по единъ и сѫщи начинъ, което ясно показва тѣхната тѣсна връзка при отбраната на балканитѣ.

Отъ главния балкански гребенъ, на северъ отъ в. Демиръ-Капу (1100 м.), се спуска единъ тесенъ гребенъ между изворнитѣ мѣста на Старата рѣка и р. Сеганица, който свързва главния гребенъ съ планинска група между дветѣ рѣки; въ групата се издига скалистъ върхъ

Камъкътъ (Соргунлукъ), Дрѣновата могила и Табаница, между р. Курудере и Асаръ дере, притоци на р. Сеганица и върхъ Асаръ между последнитѣ две рѣки. Върху последния върхъ сѫ развалини на крепость. Крепостьта се издига надъ пѫтеката, която води отъ с. Кипилово, презъ с. Раково, направо за гр. Сливенъ.



Обр. 1.

Крепостьта е разположена върху скалистъ върхъ, който само отъ юго-западната му страна е свързанъ съ планинската група, между р. Сеганица и притока ѝ — Асаръ-дере. На повървностьта на крепостьта се образуватъ две скални стѫпала въ източната ѝ половина, които сѫ по-низки отъ западния теренъ на крепостьта (обр. 1).

Формата на крепостьта е продълговата отъ западъ къмъ истокъ, на дължина 260 кр., а найширока е при източния ѝ край (78 кр.).

Найздравото укрепление се намира отъ западната, найлесно достъпната страна, което на ширина е 35 кр., съ особени крепостни постройки, които сѫ пазили главната крепостна порта.

Южната отъ постройкътѣ I има форма на неправиленъ четиреѫгълникъ, до 10 м. дължина и до 8 м. ширина и е залепена до югозападния ѫгълъ на крепостьта. Въ южната ѝ, незначително заобл ена пречупена на вѫтре стена, е главната външна крепостна порта A (обр. 2) а въ из-

точната ѝ стена е втората вѫтрешна порта B. Постройката представлява входното отдѣление на крепостьта. Външната порта е 4,0 м.,[1] а вътрешната 4,5 м. широка. Въ западната стена на входното отдѣление има прозорче (a), въ видъ на бойница, отвѫтре 1,1 м. широко и отвънъ около 0,2 м. До западния край на северната стена има долапче (b) 1,0 м. широко и дълбоко, отгоре отворено, вѣроятно за огнище. Тази входна часть е найзапазена; югозападния ѝ ѫгълъ отъ външната страна е строенъ отъ голѣми дѣлани камъни и стенитѣ сѫ строени пластообразно отъ камънни и тухлени пластове; първитѣ на височина 0,6 м., а другитѣ 0,45 м. сѫ сложени отъ четири реда тухли съ дебели прослойки хоросанъ; тухлитѣ сѫ квадратни до 0,34 м. страна и около 0,045 м. дебели. По дветѣ лица на стенитѣ, особено отъ външната страна сѫ запазени остатъци на мазилка. Портитѣ отгоре сѫ съ цилиндрически сводове отъ сѫщитѣ тухли съ дебели прослойки хоросанъ. Портитѣ сѫ засипани, тѣхната височина е била 2,8 м., и надъ сводоветѣ имъ сѫ запазени стенитѣ още до 2,5 м. височина. Крепостнитѣ стени сѫ имали отъ външната страна цоклъ ок. 0,25 м. широкъ.

Втората поголѣма постройка II е била вмѫкната въ северозападния ѫгълъ на крепостьта, който се издига върху единъ скалистъ носъ; самиятъ ѫгълъ е заостренъ и препреченъ съ една стена, въ видъ на триѫгълникъ, вѣроятно ѫглова кула. До триѫгълния ѫгълъ има втора постройка, отъ правоѫгълна форма, 25 кр. дълга, край северната крепостна стена, и 9 кр. широка; северната стена на постройката е самостоятелна, а между нея и крепостния зидъ се образува тѣсно коридорче (c); съ единъ напреченъ зидъ. Постройката е раздѣлена на две отдѣления, отъ които източното d е само 4 кр. широко. Въ западното отдѣление личатъ три входа (e, f, g) и две бойници(h, k) а въ източното — само единъ входъ (n). Между дветѣ постройки — входната и северната — се образува коридорче (III), и на западния му край, въ крепостната западна стена, има малка порта, 1,35 м. широка, съ цилиндрически сводъ (m) (обр. 3).

Южниятъ крепостенъ зидъ върви отъ входното отдѣление почти въ права линия (160 кр.) и се пречупва въ източната часть (115 кр.). Въ западната му часть се намира малка порта (IV), напълно запазена съ цилиндрически сводъ, 0,95 м. широка и 2 м. висока, въ крепостната стена 2,65 м. дебела (обр. 4). Отъ дветѣ страни на портата (по 15 кр.) има, отъ външната страна на крепостния зидъ, подпорни пиластри (p, q). До пречупката на южния крепостенъ зидъ има втора порта (V) 2,0 м. широка, която е пазена съ една полукръгла кула съ диаметъръ 5,5 м, отъ западната страна на портата; отъ портата е слизалъ коларски пѫть по южния склонъ на крепостьта.

[1] Портата е почти напълно засипана.

Третата порта, VI, 2,3 м. широка, се намира до източния край на крепостната стена; и отъ тази порта е слизалъ коларски пѫть, подъ скалната издатка, на западъ отъ портата.

Източниятъ крепостенъ зидъ (78 кр.) е много унищоженъ и въ него, 32 кр. отъ северния му край. личатъ остатъци на малка порта (VII).

Северниятъ крепостенъ зидъ е запазенъ въ западната си половина; въ източната половина не личатъ стени и тя е била естествено пазена съ скалисти спускове. Северниятъ зидъ въ западната половина, почти въ срѣдата, на дължина 25 кр. е билъ двоенъ (VIII) и то вѫтрешниятъ на дебелина 2,0 м. и външниятъ 0,95 м. и между тѣхъ ширина 1,5 м. Между двойния зидъ и западната крепостна постройка има запазена порта (IX) 1,17 м. широка. Друга порта (X), 3,5 м. широка, съсипана, се намирала до пречупката на зида, отъ която слиза коларски пѫть по северния склонъ въ долината на р. Сеганица. На края на запазената часть на северния крепостенъ зидъ се намиратъ развалини на една голѣма постройка (XI), 17 кр. дълга и 12 кр. широка, почти въ източно направление, по предание църква (Сеганица църква).

Надъ горното стѫпало въ източната часть на крепостьта, въ срѣдата надъ скалния спускъ, се намиратъ развалини на кръгла кула (XII) и до южната страна на голѣмата постройка е кладенецъ (s), сеченъ въ скалната почва. На западъ отъ източната крепостна порта, на края на долното стъпало въ скалната почва е сечена щерна (k), сега засипана, която по предание е била много дълбока; въ нея, по предание сѫ заровени царски скѫпоценности.

По предание Хърсулъ-градъ е служилъ за лѣтна и ловджийска резиденция на Търновскитѣ царе презъ времето на второто българско царство.

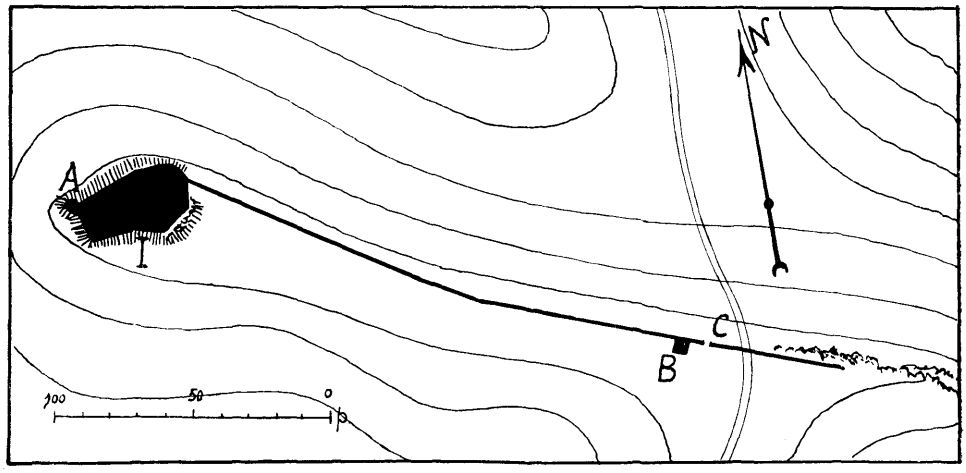
Сливенска Демитъ-Капия (обр. 5).

Преградната стена Демиръ-Капия, която е въ връзка съ крепостьта Хърсулъ градъ, се намира на гребена, който слиза отъ главния балкански гребенъ къмъ с. Стара рѣка, по средата между главния гребенъ и върха Мадена.

На найвисокото мѣсто на прохода, отъ което се отдѣлва гребенътъ къмъ с. Стара рѣка, въ кръгла на водораздѣла на рѣкитѣ Янтра, Луда рѣка и Тунджа, гдето главниятъ гребенъ, надъ изворитѣ на Раковската рѣка, извива къмъ северъ, се намира «Нова Демиръ-Капия» съ две турски табии, насочени къмъ северъ.

Преградната стена е разположена по гърба на единъ кръсъ напреченъ рътъ къмъ Старорѣшкия. На северозападния край на напречния рътъ, върху малка площадка, на найвисокото му мѣсто, съ широкъ изгледъ, е разположенъ малъкъ кастелъ (I), който е служилъ за пазителитѣ на прохода и за наблюдателенъ пунктъ. Кастелътъ е отъ неправилна

форма, построенъ споредъ естественитѣ граници на площадката, продълговатъ отъ западъ къмъ изтокъ (40 кр.), до западната крепостна стена 15 кр. широкъ, като се разширява къмъ изтокъ до 23 кр. Въ северозападния му ѫгълъ има кръгла кула (А) съ крепостна постройка отъ вѫтрешната страна на ѫгъла. Склоноветѣ на кастела сѫ стръмни и отъ югоизтокъ скалисти.



Обр. 5.

Прегражданиятъ зидъ слиза отъ източната крепостна стена по гърба на ръта до Сливенския пѫть (220 кр.), въ югоизточно направление. На западъ отъ Сливенския пѫть (27 кр.) сѫ остатъци на квадратна кула (В) съ страна 5,5 м., която е залепена до прегражданията зидъ отъ южната му страна; до кулата е имало порта (С), по предание, окована съ желѣзо. Отъ Сливенския пѫть стената продължава къмъ изтокъ (90 кр.) и се губи по стръмния склонъ.

I-ва часть.

Прегражданата линия отъ Черноморския брѣгъ до пролома на рѣка Елешница (Делиджи дере).[1]

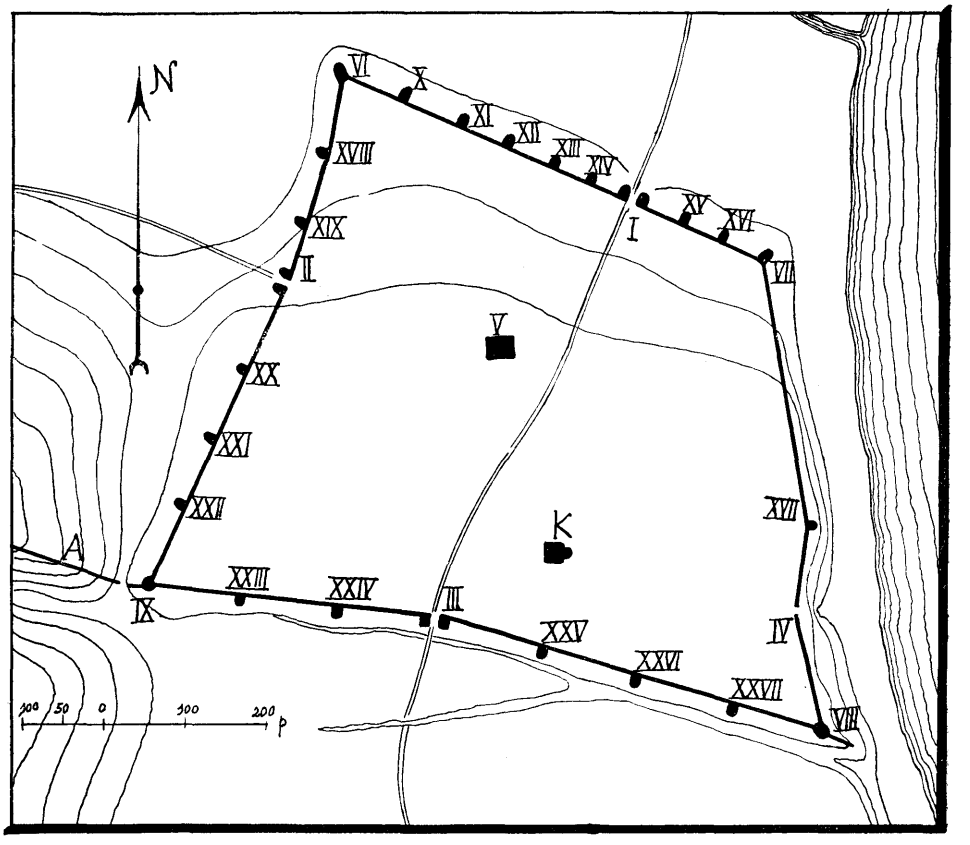
А.

Началото и морската база на прегражданитѣ стени се намира до южния ѫгълъ до устието на р. Ликарница (Чифте дере, Козако-дере (Boué), Чифутъ дере, Куру Камчи, Черта) въ Черно Море.

[1] Картата ще бѫде прибавена къмъ втората часть.

1. *Крепостьта въ с. Гьозекянъ*[2] (обр. 6).

На това мѣсто Месемврийскитѣ моряци основали нова морска колония Naulochos; на римската карта Tabula Peutingeriana тукъ е отбелязана станцията Templo Jovis[3] на пѫтя Odessos-Ancialis. Сегашното име на селото е изкривена форма на името на средновѣковната крепость Козякъ (Κοζέακος).



Обр. 6.

Крепостьта въ последната си форма и строежъ, е била строена едновременно съ прегражднитѣ стени.

Формата на крепостьта е била неправиленъ четвѫгълникъ, странитѣ на който се пречупватъ споредъ терена, съ изключение на север-

[2] Сборникъ VIII стр. 36—41, планъ фнг. 20, положение ф. 22. Гьозекянъ при Молтке «Козакъ-кьой».

[3] Сборникъ III. стр. 13—14; Римлянитѣ я наричали и »Finis Haemi«.

ната, която въ равния теренъ е права; найдългата стена е южната (850 кр.), после западната (675), източната (600 кр.) а северната (575 кр.)

Ясно личатъ остатъци на три порти пазени съ по две кули — северна (porta dekumana) (I), западна (II) и южна (III), които не се падатъ по срѣдина на стенитѣ. Въ източната стена, къмъ морския брѣгъ е имало по предание две порти, отъ които личатъ следи само при южната (IV). Кули е имало по четиритѣ ѫгли на крепостьта и въ крепостнитѣ стени; първитѣ сѫ били крѫгли, другитѣ издадени и закрѫглени, а кулитѣ до портите сѫ били отъ сѫщата форма или четиростени (южната порта).

Южната стена на крепостьта лежи въ продължение на балканската отбранителна преграда, която слиза и отъ юго-източната кула на крепостьта, къмъ морския брѣгъ; последниятъ зидъ е съ дебелина 3,1 м. и е съграденъ само отъ камъни.

Строежътъ на крепостнитѣ стени е сѫщиятъ, както при постройкитѣ въ балканската отбранителна линия (вижъ подолу) и то, пластообразно отъ каменни и тухлени пластове отъ по нѣколко реда квадратни и правоѫгълни тухли.

За снабдяване съ вода е служилъ водопровода отъ склона на в. Янкутепе съ единъ резервоаръ близо до изворитѣ,[4] нареченъ «Башъ чешмеси».

Освенъ това е била прекарана вода въ крепостьта отъ Еникьойската рѣка, чрезъ единъ каналъ по подножието на Янку-тепе,[5] 0,57 м. широкъ и до единъ метъръ високъ, построенъ отъ прости камъни и покритъ съ каменни плочи; каналътъ е билъ първоначално измазанъ съ хоросанъ съ нарченца тухли, отгоре съ праховъ хоросанъ; на мѣста каналътъ е покритъ и съ цилиндрически сводъ отъ прости камъни.

Споредъ сведения отъ учителя на селото (презъ 1899 г.), близо до развалинитѣ на храма (V) е билъ намеренъ резервоаръ отъ водопровода отъ Янку-тепе, строенъ съ тухли и измазанъ съ праховъ хоросанъ, ок. 1,5 м. високъ, въ квадратна форма, съ страна ок. 4 м., съ една правоѫгълна и една полукрѫгла ниша, съ единъ каналъ отъ водопровода и две разклонителни каналчета. За подпорка на покрива на резервоара сѫ служили 5. каменни стълбчета въ ѫглитѣ по единъ, и единъ въ срѣдата.

Изтокътъ на канала отъ Еникьойската рѣка се е намиралъ въ морския брѣгъ подъ крепостната стена, подъ двора на кѫщата на селенина Бакооглу. (Бакалъ-оглу.)

*

Балканската преградна стена се почва до самия морски брѣгъ и се е изкачвала по доста стръменъ склонъ до югоизточната кула на кре-

[4] Сборникъ VIII стр. 40; фиг. 21.

[5] в. Чекенесъ.

постьта въ с. Гьозекянъ и продължава, като южната стена на сѫщата крепость до югозападната ѝ кула. Отъ последната кула слиза въ сухото долче, което образува ровъ на западната крепостна стена, почти въ първоначалното си направление, и отъ долчето се изкачва стръмно по ръта Ески-Бааларъ (Старитѣ лозя), който се спуска на североизтокъ отъ в. Янку-тепе, надъ водопровода, който остава запазенъ отъ прегрaдната стена. Върху самия върхъ на Ески-Бааларъ прегрaдната стена извива къмъ югозападъ и пресича пѫтя Хисаръ-йолъ, който води къмъ срѣдновѣковната крепость Козякъ-Калеси, и край пѫтя Деринъ-йолъ, излиза върху Янку-тепе, гдето извива къмъ западъ и после слиза по северозападния склонъ на Янку-тепе въ долината на Еникьойската рѣка, недалеко отъ устието ѝ въ р. Ликарница.

Остатъци на прегрaдната стена се познаватъ ясно по ръта Ески-Бааларъ, изчезватъ на върха му, а отново ясно личатъ по склона, и по върха на Янку-тепе; по северозападния му склонъ изчезватъ.

Въ Еникьойската долина, на дѣсния брѣгъ на рѣката, остатъцитѣ на прегрaдната стена напълно сѫ измити отъ рѣката.

2. *Кастелъ «Кале Герме»*. (Обр. 7.)

На лѣвия брѣгъ на Еникьойската рѣка прегрaдната стена ясно личи въ северозападно направление на разтояние 315 кр., до югозападната (IV) кула на кастела «Кале герме». Въ тази часть на стената сѫ запазени остатъци на три зидени кули (I—III), отъ квадратна форма, въ самия зидъ, издадени еднакво отъ дветѣ му страни и на разтояние ок., по 90 кр. една отъ друга.

Кастелътъ, нареченъ «Кале Герме» се намира на лѣвия брѣгъ на Еникьойската рѣка до последната воденица (М) на тази рѣка, въ равно мѣсто, до източното подножие на ръта Гермето, който се вдава отъ западъ въ ѫгъла между долинитѣ на Еникьойската рѣка и р. Ликарница.

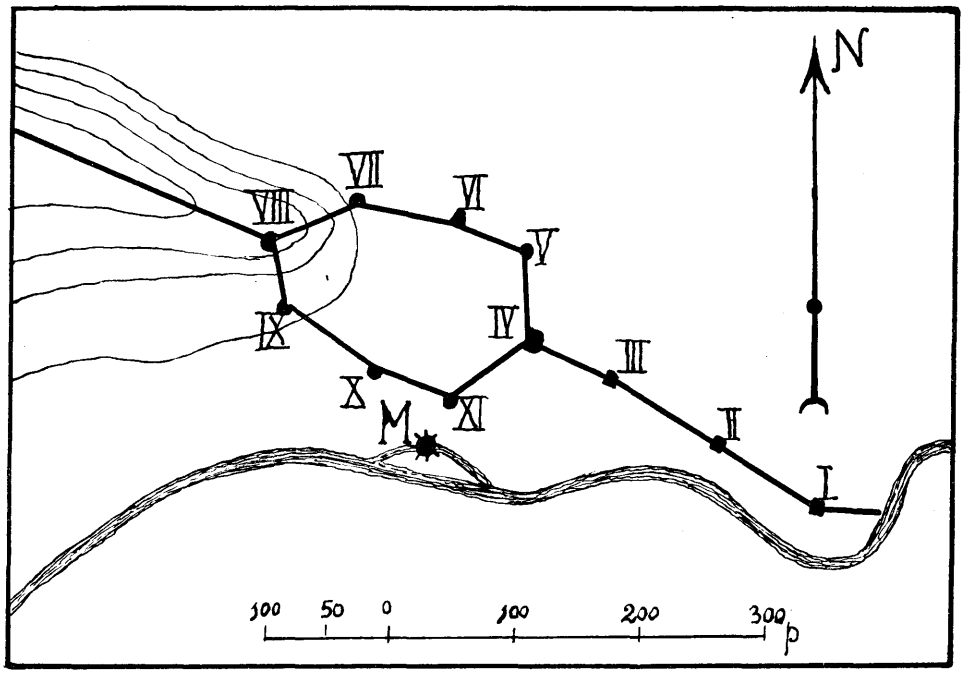
Кастелътъ е почти напълно съсипанъ; той е ималъ форма на осмоѫгълникъ, симетрично разположенъ къмъ диагоналата, която е въ направлението на прегрaдната стена и незначително се стѣснява къмъ северозападния му ѫгълъ. Въ 8 тѣхъ върхове на кастела е имало крѫглести кули (IV—XI).

Прегрaдната стена продължава отъ северозападната кула на Кале Герме по гребена на ръта Герме, надъ северния му склонъ, като слиза и въ долината на р. Ликарница. На югозападъ и на югъ отъ с. Ходжакьой препречва кѫсо долче въ северния склонъ на ръта, въ видъ на земленъ окопъ въ направление 70° С З, съ рова къмъ северната страна.[5а] По на

[5а] По последнитѣ сведения, отъ управителя на горското стопанство г-инъ Сокачевъ, на западъ надъ долчето, е открита малка порта въ прегрaдната стена.

западъ личи стена по северния склонъ на ръта въ мѣстностьта Инджe-Кавакларъ и продължава и презъ шосето Варна-Бургасъ.

На югозападъ отъ с. Айваджикъ, надъ мѣстностьта Сармусакъ-тарла (Чесънова нива), окопътъ върви по срѣдата на северния склонъ на ръта въ гѫста гора. Ровътъ е издълбанъ въ склона отъ южната страна на



Обр. 7.

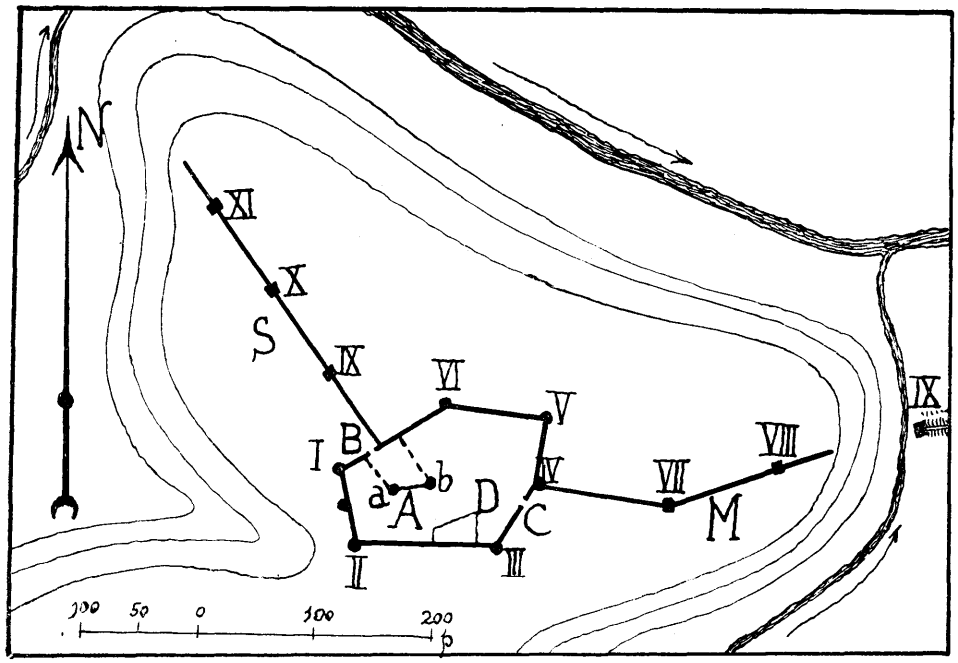
насипа, съ широчина 2,5 м. на дъното; ширина на короната на насипа е 2,5 м., а насипътъ до 4 м. високъ.

Окопътъ се свършва съ една зидена кула надъ устието на р. Яйладере въ р. Ликарница надъ високия брѣгъ; кулата е квадратна съ страна 9 кр. и е строена пластообразно отъ камъни и тухли. Въ коритото на Яйла-дере се търкали часть отъ надналия зидъ отъ преградата, на дължина 5,0 м. и до 1,8 м. височина; въ зида личатъ каменни и тухлени пластове; каменниятъ пластъ е 1,25 м. високъ и строенъ отъ 8 реда полуработени каменни редове; една часть въ този пластъ е заместена, при поправката му, съ тухленъ пластъ отъ 7 реда тухли, на височина 0,71 м. Тухленитѣ пластове въ крепостния зидъ се състоятъ отъ 5 реда тухли съ дебели прослойки хоросанъ (до 0,06 м.).

Камънитѣ редове въ каменния пластъ сѫ редовно нареждани отъ мѣстенъ материалъ и фугитѣ сѫ грижливо измазали съ хоросанъ.

3. *Караманджа Кале.* (Обр. 8.)

На края на гребена, който се спуска отъ крепостьта Чобанъ-Кале между притоцитѣ на р. Ликарница — Яйла дере (източна) и Кози рѣка (Еркешка р.), се намиратъ развалини на крепость въ прегрaдната линия — Караманджа Кале.



Обр. 8.

На края на гребена се образува по-широко плато стѣснено отъ югъ съ сухъ долъ къмъ Кози рѣка.

Крепостьта е разположена до южния край на платото, до стѣсненото мѣсто, върху найвисокото мѣсто на платото.

Формата на крепостьта е неправиленъ шестоъгълникъ, снабденъ съ кули (I—VI) въ върховетѣ му. Найдългиятъ диагоналъ между северо-източната и югозападната кула е 210 кр.

Въ крепостьта личатъ развалини на две постройки, залепени до крепостнитѣ стени: едната А до северозападната стена, до мѣстото, гдето се почва прегрaдната стена, и вѣроятно е била въ връзка съ тая стена; постройката е била 15 кр. широка, край крепостния зидъ, и до 45 кр. дълга; въ крайщата на южния ѝ зидъ е имало по една кула (a, b). По предание въ крепостната стена, на западъ до прегрaдната стена е имало крепостна порта (В) и пристройката е служила за портовата входна

часть. Втора порта (C) по предание е имало на югъ до югоизточната кула и до прегрaдната източна стена.

Втора постройка (D) въ крепостьта е залепена до южната ѝ стена; постройката е била 37 кр. дълга край стената, и до 30 кр. широка.

Крепостьта е въ самата крепостна линия. Отъ югоизточната ѝ кула (IV) се почва източната часть на прегрaдната стена (M), върви въ източно направление по Ченгене тарла (Циганска нива) въ незначително чупена линия, съ кули въ пречупкитѣ (VII—VIII), 270 кр. и се спуска въ долината на Яйла-дере, въ която се търкаля по горе описания фрагментъ на прегрaдната стена. Отъ дветѣ кули сѫ останали развалини, отъ които личи, че тѣ сѫ били квадратни.

Северозападната часть на прегрaдната стена (S) се почва до северозападната крепостна стена, 40 кр. отъ западния ѝ край. Стената върви по платото (300 кр.) и после се спуска по склона къмъ Кози рѣка; въ стената личатъ остатъци на три кули (IX—XI).

Въ крепостьта сѫ намѣрени монети отъ Юстиниана.

*

Прегрaдната стена отново се показва на лѣвия брѣгъ на Кози рѣка, на източния край на ръта, върху който е разположено с. Караманджа, върви въ права линия по срѣдата на селото въ северозападо-западно направление (650 кр.), следъ което се чупи къмъ северозападъ. Въ селото има развалини на петь кули и то по една на двата края и три между тѣхъ. Дебелината на прегрaдната стена е 2,5 м. Презъ 1890 г. стената е била още добре запазена на височина до 1,8 м. и е била строена пластообразно. На едно мѣсто тухлениятъ пластъ е билъ 1,6 м. високъ отъ 12 реда квадратни тухли, съ страна 0,33 м. и 0,045—0,06 м. дебели, съ дебели прослойки хоросанъ (до 0,15 м.). Въ обора на единъ Татаринъ е билъ запазенъ зидъ съ цоклъ 0,35 м. широкъ, строенъ по дветѣ лица на пластове отъ квадрови дѣлани камъни, отъ които сѫ били запазени 8 пласта и отъ вътре изливанъ съ реченъ моллусъ, смесенъ малко съ хоросанъ; на едно мѣсто, гдето сѫ паднали лични камъни, моллусъ се е изсипалъ, отъ което е ясно, че тукъ е била по-нова поправка на стената. На други мѣста вѫтрешностьта на стената е здраво изливана съ хоросанъ съ парченца тухли. Кулитѣ сѫ четиростенни издадени навънъ отъ стената само отъ северната ѝ страна до 6 м.; широчина на кулитѣ е до 8,5 м. Въ кулитѣ е имало врати отъ южната имъ страна, до единъ метъръ широки.

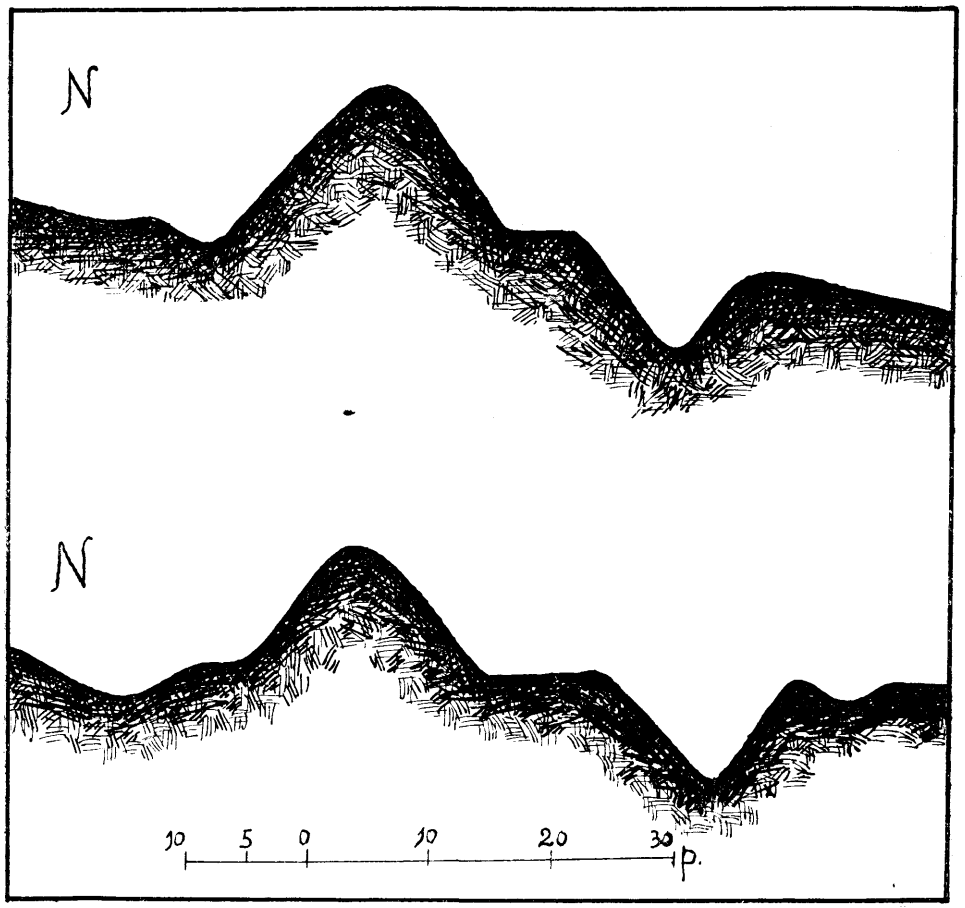
Край прегрaдната стена се намиратъ монети на имп. Юстиниана.

За затвора съ кули въ с. Караманджа пише St. CLAIR-BROPHY «A residence in Bulgaria» (London 1869).

*

Прегрaдната линия, на западъ отъ с Караманджа е въ видъ на окопъ, и върви къмъ мѣстностьта наречена «Дѣдови ниви», на пѫтя отъ с. Караманджа за с. Еркечъ.

Отъ южната страна на прегрaдата (гермето), на западъ до речения пѫть, се намиратъ развалини на една постройка, продълговата край пре-



Обр. 9, 11.

градата 15 кр. и 12 кр. широка. До постройката окопътъ напълно изчезва, на длъжина 26 кр. и той въ тия мѣста не е билъ насипанъ. Презъ просека въ линията минава още днесъ пѫть за Малкото Градище. Отъ пресеченото мѣсто прегрaдната линия върви въ югоизточно-източно направление, въ видъ на окопъ, на разтояние 650 кр., край дола Юрта, и завива въ видъ на дѫга 250 кр. дълга. Въ завоя, 85 кр. отъ пресече-

ното мѣсто, сѫ развалини на една кула, изпѫкнала на сѣверъ отъ прегрaдния окопъ. Окопътъ продължава по слабъ наклонъ (550 кр.) и се спуска после въ сухо долче, наречено Фиданъ-бунаръ.

Разрѣзи на окопа (обр. 9).

Отъ пресеченото мѣсто къмъ изтокъ е насипътъ, а отъ северната му страна ровъ повечето засипанъ; между насипа и рова има берма. Въ завоя на окопа насипътъ има заоблена корона, и е до 5 м. високъ и на северъ до насипа плитъкъ ровъ, около 4 м. широкъ; на южната страна на насипа има берма 5 м. широка и другъ ровъ до 4 м. дълбокъ и около 10 м. широкъ.

4. *Малкото Еркечко Градище* (обр. 10).

Макаръ, че «Малкото Еркечко Градище» не е вмѫкнато въ самата прегрaдна линия, и се намира на югъ отъ нея, трѣба то, да се смѣта като нераздѣлна часть отъ прегрaдата.

Между Тахталийската рѣка (притокъ на Еркечката р.) и р. Ликарница се протака планински гребенъ Тахтали, който се снишава отъ в. Церова Чука (405 м.) и се стѣснява между дветѣ рѣки.

Почти въ срѣдата на гребена между найвисокото му мѣсто (Церова Чука) и източния му край, върху който е разположено с. Караманджа, върху едно стѣснение на гребена съ две противоположени долчета, се намиратъ развалини на единъ кастелъ. На срещния брѣгъ на Еркечката рѣка се намиратъ развалини на голѣма крепость, наречена «Чобанъ Кале», надъ единъ завой на рѣката.

Кастелъ Малкото Градище има форма почти на квадратъ съ 45 кр. дължина и 42 кр. ширина. Въ ѫглитѣ му има по една кръгла кула (I—IV); странитѣ му сѫ обърнати къмъ свѣтовнитѣ.

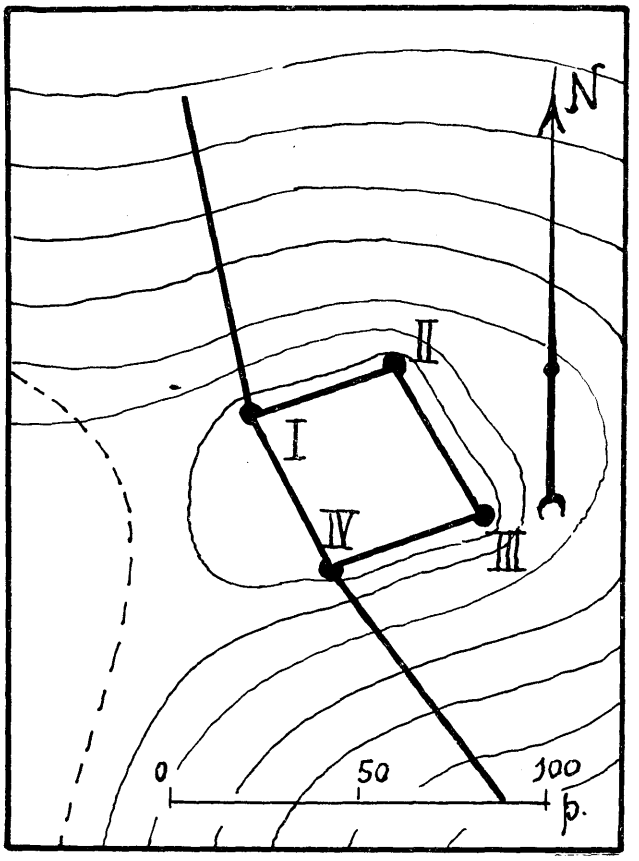
Отъ северозападната и югоизточната кули на кастела се спускатъ прегрaдни стени, напреки на гребена, които сѫ почти напълно съборени, както сѫ и крепостнитѣ стени на кастела.

*

Прегрaдниятъ окопъ продължава на западъ отъ долчето Фиданъ бунаръ, въ видъ на незначително вълнообразна линия на северозападъ, по единъ почти хоризонталенъ теренъ. На склона къмъ Фиданъ бунаръ е имало две кули на разтояние 170 кр., които сѫ напълно съборени, въ видъ на могилки съ диаметъръ 20 кр.; кулитѣ сѫ имали квадратна форма. Отъ по западната кула, окопътъ върви по Русковъ рътъ 1280 кр., по почти хоризонталенъ теренъ; на края на тази часть на окопа се отдѣлва отъ него новъ прегрaденъ зидъ къмъ прегрaдната крепость «Бѣлото Градище». Въ прегрaдния окопъ по Русковъ рътъ личатъ развалини на четири зидени кули на разни разтояния една отъ друга (140—360 кр.), запазени въ видъ на могилки съ квадратна форма (страна по

9 м.); отъ разни разтояния се вижда, че две отъ кулитѣ сж напълно пропаднали.

Разрѣзътъ на окопа върху Русковъ ръть (обр. 11) е сложенъ: Насипътъ съ заоблена корона (до 4 м. широка) е до 5 м. високъ; на северната страна на насипа е берма, 3,5 м. широка и ровъ, до 8 м. широкъ;



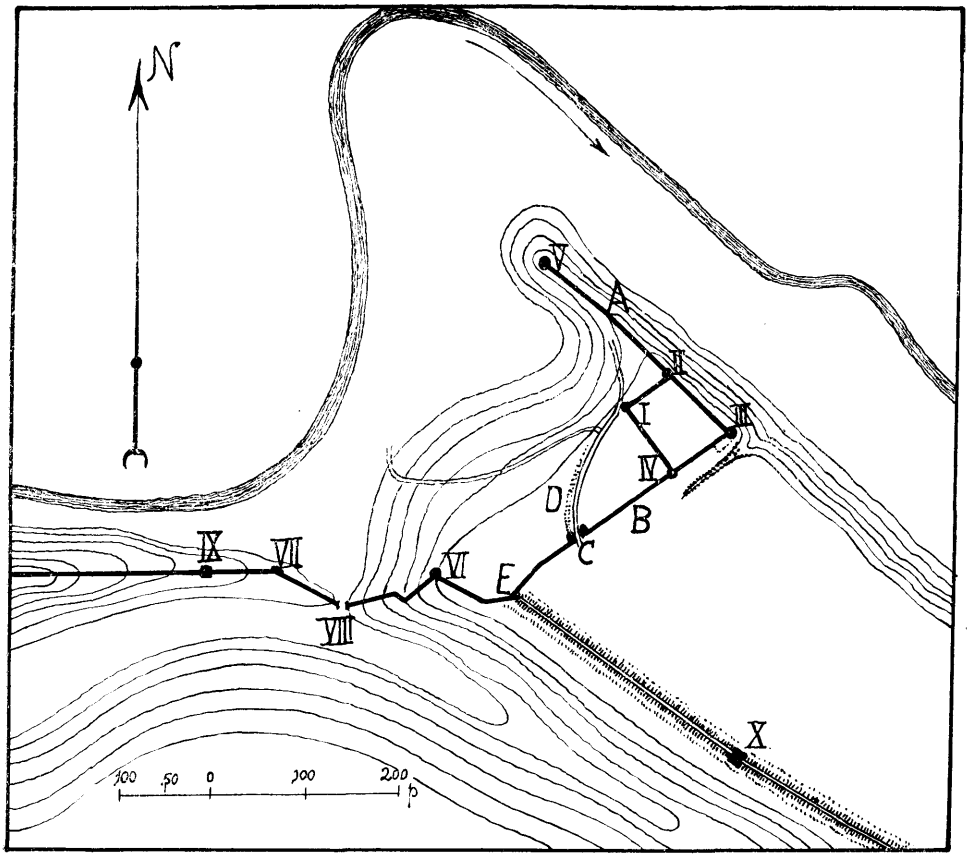
Обр. 10.

на южната страна на насипа е втора берма до 9 м. широка, и ровъ до 5 м. дълбокъ и около 10 м. широкъ, и надъ него незначителенъ насипъ до 2 м. широкъ.

Явно е, че първоначално при насипитѣ съ двойни ровове, е билъ само ровъ отъ северната страна противъ атакитѣ на северния неприятель, и после е билъ изкопанъ ровъ и отъ южната страна на насипа противъ южния неприятель, види се следъ превземането на прегрaдната линия отъ българитѣ.

5. *Бѣлото Градище* (обр. 12).

На североизточния склонъ на в. Церовата Чука се образуватъ сухи долове — източниятъ Русковъ долъ и западниятъ Будуровъ долъ, които се сливатъ въ едно общо устие Срѣдулитѣ до долината на р. Ликарница. Русковъ долъ върви на югъ подъ западната часть на прегрaдната стена, между Фиданъ бунаръ и Срѣдулитѣ.



Обр. 12.

Срещу Срѣдулитѣ р. Ликарница образува голѣмъ завой, изпѫкналъ къмъ северъ и въ този завой се вдава единъ остъръ скалистъ носъ, нареченъ Бѣлата Чука, на края на едно плато, което отъ дветѣ му страни се спуска въ долината. Въ северния ѫгълъ на платото се намиратъ развалини на крепость Бѣлото Градище.

Крепостьта не лежи въ самата прегрaдна стена, но на северъ отъ нея. Формата на крепостьта е трапецъ, на който върховетѣ сѫ обърнати

къмъ свѣтовнитѣ страни и сѫ снабдени, вѣроятно съ закрѫглени, кули (I—IV). Страната обърната къмъ Бѣлата Чука е 57 кр., а противоположната, обърната къмъ платото, 70 кр.; другитѣ две страни иматъ по 87 кр. До източния ѫгълъ крепостнитѣ стени сѫ засилени и по предание тукъ е била крепостна порта отъ страна на платото. Предъ югоизточната стена (20 кр.) има окопъ.

Отъ крепостьта се отдѣлватъ две преградни стени. Едната (A) е въ продължение на североизточната крепостна стена къмъ Бѣлата Чука, по тѣсна ивица къмъ носа (195 кр.); стената е почти напълно унищожена и на края ѝ, върху малка площадка на Бѣлата Чука, има остатъци на кула (V).

Втората стена (B) е въ продължение на югоизточния крепостенъ зидъ, 210 кр. до главната преградна линия на Русковъ рътъ. Въ втората преградна стена 2,5 м. дебела има развалини на порта C, пазена съ две странични кули, издадени отъ стената къмъ северозападъ. Презъ портата е слизалъ пѫтъ къмъ носа Бѣлата Чука и къмъ долината на р. Ликарница; край него отъ портата личи каменень насипъ D, (80 кр.).

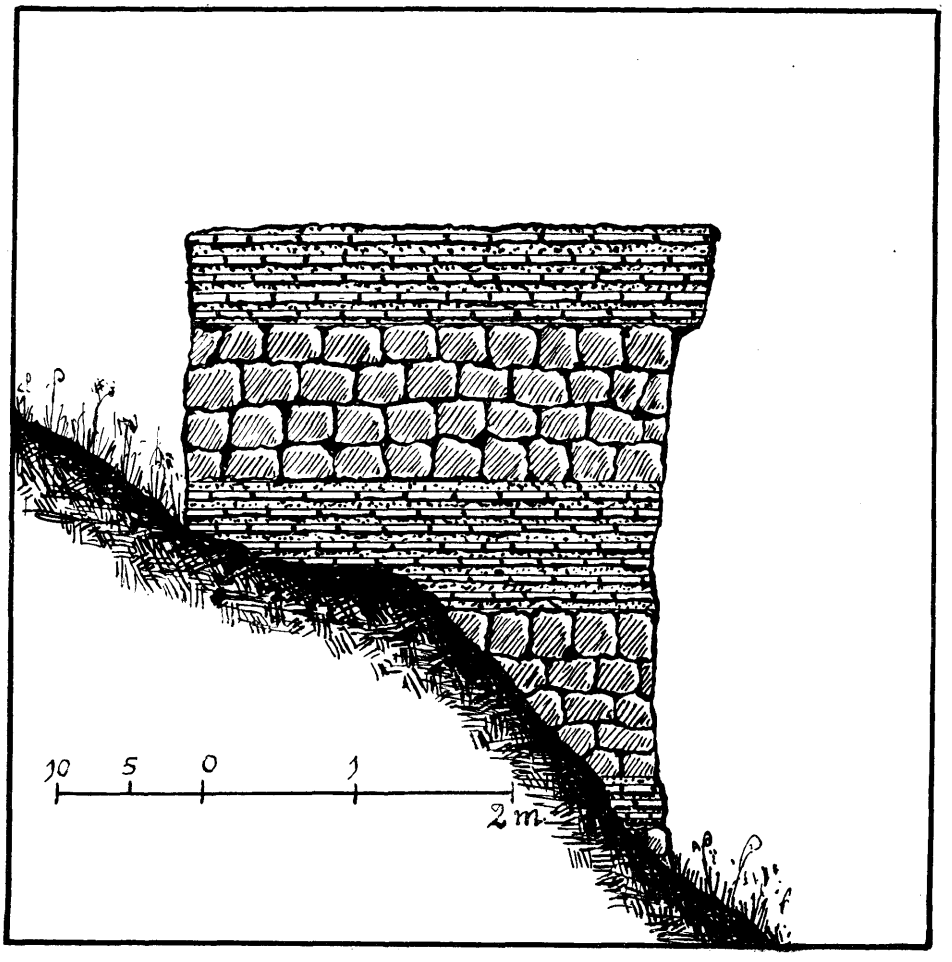
Изгледътъ отъ крепостьта е незначителенъ по долината на *р. Ликарница.*

Главниата преградна стена, отъ мѣстото гдето се свързва съ преградната стена (E) къмъ Бѣлото Градище, продължава въ една чупена линия (210 кр.) до пролома Срѣдулитѣ, който е само 12 кр. широкъ; въ тази часть на стената е имало само една кула по средата ѝ (VI).

Отъ Срѣдулитѣ преградната стена се изкачва върху тѣсенъ Будуровъ рътъ между Будуровъ долъ и долината на р. Ликарница. Надъ Срѣдулитѣ 65 кр. е найзапазената часть на преградната стена (VII) по цѣлото ѝ протежание. Стената (обр. 13) е построена пластообразно отъ камъни и отъ тухли; отъ долу е камена основа, изравнена отгоре съ три реда тухли, на височина 0,3 м. съ широки прослойки хоросанъ отгоре и отдолу пласта и между редоветѣ. Отгоре е каменень пластъ 1,13 м. високъ отъ прости камъни нареждани пластообразно и после следва втори тухленъ пластъ 0,82 м. високъ, отъ 7 реда тухли; втори каменень пластъ е 1,05 м. високъ, а отъ трети тухленъ пластъ сѫ запазени петь и остатъци на шестия редъ тухли. Тухлитѣ сѫ втискани въ хоросановитѣ редове, които сѫ 0,057—0,06 м. дебели; тухлитѣ сѫ квадратни съ страна 0,36 м. и 0,06 м. дебели и върху едната имъ стена има само рѫчни знаци. Часть отъ стената е запазена и надъ Срѣдулитѣ, 1,5 м. надъ сухото имъ корито. Отдолу камениятъ пластъ е 2,3 м. дебелъ и върху него тухленъ пластъ отъ шесть реда тухли и отгоре остатъци на втория каменень пластъ; тухлитѣ сѫ квадратни (страна 0,33—0,36 м.) и правоѫгълни (0,34×0,2 м.). Хоросанъ е въ дебели прослойки между пластоветѣ и тухленитѣ редове и е смесенъ съ голѣми парченца тухли и на мѣста и съ

тухленъ прахъ и дребни рѣчни кремъчета. Дебелина на стената не е напълно запазена; надъ Срѣдулитѣ е била 3 м., а на Будуровъ рътъ повече отъ 3 метра.

Устията на доловетѣ не сѫ били застроени съ стена, по напълно свободни, както се вижда до Срѣдулитѣ, гдето е запазено лицето на сте-



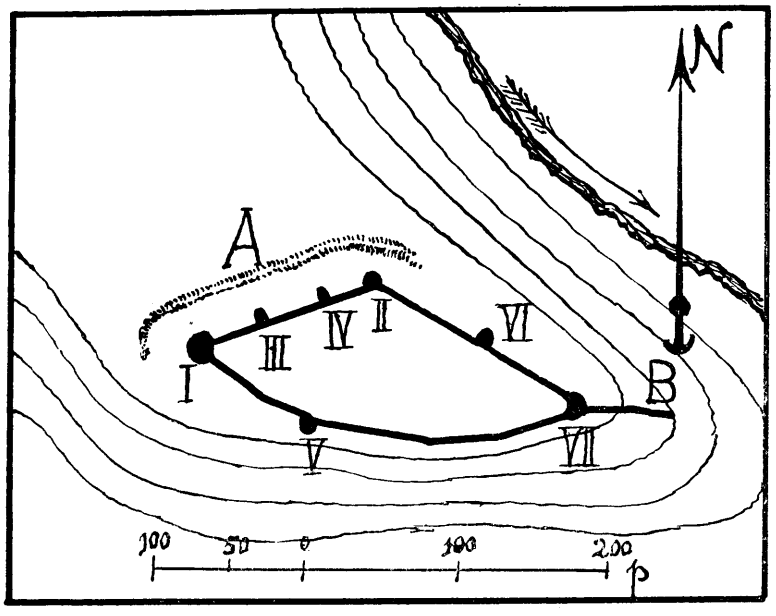
Обр. 13.

ната (VIII) по дебелината ѝ къмъ пролома, 1,5 м. надъ коритото му. Широчина на пролома между дветѣ части на стената е била 8 м.

Каква е била височина на прегрaдната стена неможе да се опредѣли; ако имаме предъ видъ византийскитѣ крепостни постройки отъ сѫщото време, то височината на стената е била до 10 м., значи надъ основата

е имало петь камени и петь тухлени пластове. Вѫтрешностьта на стената е отъ по-дребни ломени камъни, изливани съ хоросанъ.

Постройка на зида се управлява отъ терена, по който той върви, отъ който зависатъ и пречупкитѣ въ него, безъ да иматъ тѣ стратегическо значение.



Обр. 14.

Въ каменнитѣ пластове, камънитѣ сѫ рѣдко обработени и пластообразно нареждани, но фугитѣ винаги сѫ били грижливо измазани съ хоросанъ; забелязватъ се и поправки въ каменнитѣ пластове или отъ обработени камъни или отъ тухлени редове. Всѣки каменненъ пластъ отгоре е изравненъ съ дебелъ пластъ хоросанъ, въ който сѫ втиснати тухли отъ първия редъ на тухления пластъ по цѣлата дебелина на стената.

Прегрaдната стена, отъ запазената ѝ часть върви по тѣсния гребенъ на Будуровъ рътъ, но е почти напълно съборена и измита. Остатъци на една кула (IX) личатъ 60 кр. на западъ отъ запазената стена; отъ кулата къмъ западъ личатъ следи на стената още 270 кр.

6. *Адама-буруна Градището* (Бурунъ Градището).[6] (Обр. 14.)

На истокъ отъ с. Гулица се издига двоенъ върхъ «Могилитѣ (източната му часть Стайкова чука) и отъ него се спуща рътъ между доли-

[6] Сборникъ VIII стр. 56.

нитѣ на Пиздица долъ и Ласковъ долъ; други ръть Адама бурунъ се спуща между Пиздица долъ и долината на р. Ликарница (тукъ наречена Голѣма рѣка). На края на последния ръть сѫ остатъци на крепость Адама-буруна Градището.

Формата на крепостьта е неправиленъ тримѫгълникъ съ пречупени страни (освенъ северната, която е права), въ видъ на клинъ съ върха си къмъ югоизтокъ. Северната найдостѫпна страна отъ северозападъ е найздраво укрепена (78 кр.) и е снабдена съ две мѫглови кули (I—II) и две по срѣдата ѝ (III—IV) на разтояние 17 кр. една отъ друга; помежду последнитѣ е била по предание крепостна главна порта. Предъ крепостната стена, на разтояние 32 кр., личи ровъ А до 5 м. дълбокъ, съ плоско дъно, 5 м. широко.

Отъ другитѣ две страни има развалени на крепостни зидове надъ стръмнитѣ спускове — югозападниятъ 180 кр., а североизточниятъ 135 кр., съ следи по една кула (V—VI), а до сливанието имъ остатъци на една голѣма кула (VII), вѣроятно полигонална; отъ последната е слизалъ прегражденъ зидъ (В) къмъ полянката между стока на дветѣ долини; на полянката сѫ развалини на една църква 27 кр., дълги и 13 кр. широки; развалини на друга църква се намиратъ на североизтокъ отъ крепостьта.

Отъ крепостьта произлиза голѣмъ квадровъ камъкъ (1,8 × 0,66 × 0,2 м.), пренесенъ въ една частна кѫща въ с. Гулица.

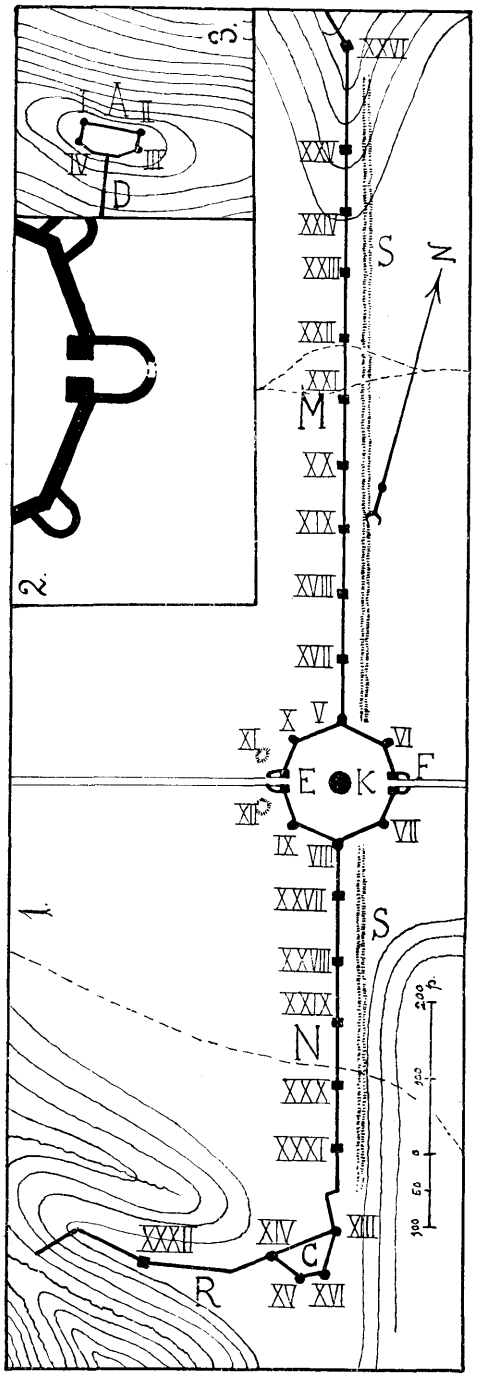
Крепостьта се намира на северъ отъ прегражданата линия, но нѣма съмнение, че тя принадлежи къмъ нея.

Връзка между прегражданата линия между стената на югъ отъ Адама-бурунъ — калето и прегрaдитѣ Хемски порти между с. с. Белибе и Гулица мѫчно може да се определи. Вѣроятно прегрaдата е продължавала по склоноветѣ на планината надъ лѣвитѣ брѣгове на р. Ликарница и притока ѝ р. Смърдешка до на среща югоизточния край на ръта Гермето, върху който сѫ разположени Хемскитѣ порти.

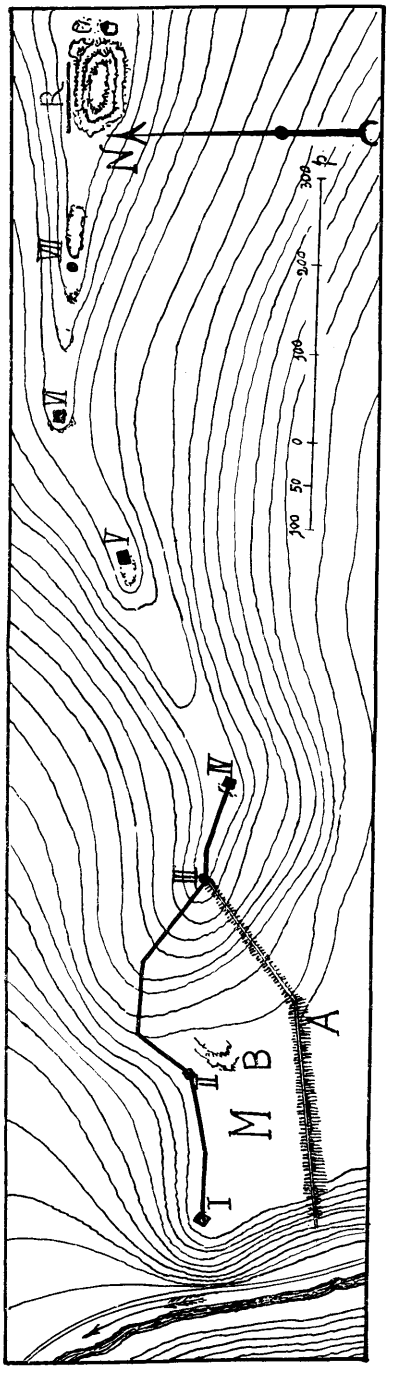
7. *Хемски порти* (Πύλαι τοῦ Αἵμου).[7] (Обр. 15.)

Гулишката планина се издига, като самостоятеленъ гребенъ на северъ отъ главния балкански гребенъ, като се почва на изтокъ съ плоския върхъ Стара Гулица (527 м.) и върви въ югозападо-западно направление до пролома на р. Елешница (Делиджи дере), всичко до 15 Км. дължина. Почти по срѣдата на планината се издига вършина Перченликъ или Чука Перченлика. Отъ Перченлика се спуска единъ ръть къмъ югоизтокъ, който образува водораздѣла на р. Елешница и р. Ликарница, нареченъ

[7] Сборникъ III. стр. 14; VIII. стр. 47—51; Изследвания въ Тракия стр. 23; Heerstraße стр. 147.


3.
A
II
IV
III
D
2.
S
N
XXVI
XXV
XXIV
XXIII
XXII
XXI
M
XX
XIX
XVIII
XVII
X
V
XI
VI
E
K
F
XII
VII
IX
VIII
1.
XXVII
XXVIII
XXIX
N
XXX
XXXI
XXXII
XIV
XIII
C
R
XV
XVI
200 p.
100
50
0
50
100

Обр. 15.


R
N
C
VIII
VII
V
IV
III
II
I
A
B
M
300 p.
200
100
0
50
100

Обр. 16.

Гермето (Преградата), между с. с. Гулица и Белибе, и се протака къмъ югъ на притоцитѣ на втората рѣка — р. Смърдешка и Герме дере.

Хемскитѣ порти се състоятъ отъ три крепости и отъ единъ прегражденъ зидъ помежду тѣхъ. Северната крепость е (A) разположена върху Чука Перченлика, която се издига въ видъ на продълговата, отъ западъ къмъ изтокъ, могила въ Гулишкия гребенъ, ок. 30 м. надъ гребена. Крепостьта има продълговата, почти правоъгълна форма, и само южната дългата и стена е на външъ издута; дължината ѝ е ок. 50 кр., а ширината 20 кр. Въ четиритѣ ъгли на крепостьта има кръгли кули (I—IV); споредъ предание въ срѣдата на западната тѣсна стена е имало порта. На северъ подъ крепостьта е стърменъ склонъ, покритъ съ гъста гора, а по южния по-полегатъ склонъ се спуска прегражда стена (D), отъ срѣдата на южната крепостна стена. По западния край на върха минава пътъ, нареченъ Бѣлчовъ пътъ, който съединява Гулишката седловина и махалата Божуровецъ (Кехманлъкъ) на северъ отъ Гулишката планина. Чуката Перченлика (Перченликъ кайра, Перченликъ или Перчемликъ) се пада почти по срѣдата на Гулишкия гребенъ, и крепостьта върху нея е служила като наблюдателенъ пунктъ за Хемскитѣ порти. Изгледътъ отъ крепостьта е единъ отъ найширокитѣ: Къмъ северозападъ се вижда Смѣдовско-Преславската планина и предъ нея Чатарлъшската планина; на лѣво се вижда. Капу-баиръ съ Мънастирския върхъ а предъ тѣхъ Ченгелскитѣ върхове до пролома на р. Елешница (Делиджи дере), който ги отдѣлва отъ Гулишката планинска група. На дѣсно отъ Смѣдовската планина се издига върхъ Драгоша надъ с. Кълново, отъ който се почва южниятъ клонъ на Провадийската планина съ върха Карабурунъ и срещу него, на дѣсния брѣгъ на р. Тича, върхъ Арковна, отзадъ съ Истенлишката група. Въ Провадийската планина се вижда Дамналийския Хисаръ и предъ нея скалната стена надъ с. Муруна Чифликъ. Надъ пролома на р. Елешница се издига върхъ Дебелецъ съ Сиври-ташъ до с. Кара Ахмедъ махала и група върхове до Бѣлчовата чука. Отъ задъ се подава платото надъ с. Мадара и задъ него на самиятъ хоризонтъ възвишение Стана надъ Абобското поле.

Къмъ западъ се виждатъ планинитѣ надъ Ришката котловина, чакъ до Сливенския Чаталъ Балканъ. Къмъ югъ се протака гребенъ на Голѣмата Айтошка и Еминска планини и на югъ задъ тѣхъ южнитѣ балкански предпланини съ върхъ Биберна на края, и задъ тѣхъ се виждатъ Ямболскитѣ Бакаджици и по хоризонта Странджа планина. Къмъ изтокъ до с. Гьозекянъ се издига в. Янку-тепе и долината на р. Ликарница съ прегражната линия; на лѣво Авренската планина и Добруджанскитѣ възвишения и Провадийскитѣ скали.

Главното укрепление — собственитѣ Хемски порти, се намира на седловината подъ северния склонъ на Чука Перченлика; то има форма

на правиленъ осмоѫгълникъ, съ страни по 60 крачка, съ диагональ по посока на прегрaдната стена, раздѣленъ на две симетрични половини. Въ ѫглитѣ на осмоѫгълника има ягки закрѫглени кули (V—X) съ диаметъръ около 7,0 м., съ изключение на източния и западния ѫгълъ, въ които е имало порти (E, F).

Портитѣ сѫ били пазени съ по две ягки четиростенни кули, издадени отъ дветѣ страни на крепостнитѣ зидове, а предъ портитѣ е имало особени крепостни пристройки, издадени вънъ отъ крепостьта и закрѫглени отъ външната страна, гдето е имало външни порти, значи портитѣ сѫ били двойни (обр. 15_2). Предъ западната порта на 30 кр. се виждатъ две могилки симетрично разположени къмъ осьта на портата XI—XII.

До срѣдата на крепостьта има остатъци на постройка, може би самостоятелна кула, съ диаметъръ 22 кр. (K).

Южната крепость (C) има форма на неправиленъ четироѫгълникъ, почти трапецъ. Основате е 100 кр. дълга, и е часть отъ прегрaдната стена и крепостьта, която е издадена къмъ югоизтокъ отъ тая стена, въ видъ отѫпенъ клинъ, съ външна ширина 26 кр. Въ четиритѣ ѫгли има закрѫглени кули (XIII—XVI) и по предание въ външната тѣсна стена е имало порта.

Тритѣ крепости сѫ били свързани съ прегрaдна стена, почти въ една права линия отъ северъ къмъ югъ. Северната часть на прегрaдната стена (M) е свързана съ северната кула на срѣдната главна крепость и върви 880 кр. въ северно направление; въ развалинитѣ на стената се познаватъ развалини на десеть квадратни кули (XVII—XXVI) съ страна 8 м., еднакво издадени отъ дветѣ страни на прегрaдната стена. Първитѣ 9 кули сѫ на еднакво разтояние, по 85 кр., а последната е на по-голѣмо разтояние; последнитѣ три кули сѫ вече по склона на Чука Перченлика; отъ последната кула стената се пречупва и по склона, до северната крепость, е почти напълно унищожена. Въ запазенитѣ части неличатъ остатъци на порти. Презъ северната часть на запазената стена минава сегашния пѫть отъ с. Гулица за с. Белибе.

Южната часть на прегрaдната стена (N) е свързана съ южната кула на срѣдната крепость и въ права линия, върви до североизточната кула на южната крепость на дължина 500 кр., гдето изменява направлението си, почти на западъ. Въ казаната часть се намиратъ развалини на петь кули (XXVII—XXXI), по формата, и на сѫщитѣ разтояния, както въ северната часть; между последнитѣ две южни кули, стената е пречупена.

Отъ югозападната кула на южната стена прегрaдната стена (R), върви къмъ западъ въ чупена линия, — на дължина повече 300 кр. и се вмъква въ ѫгъла на две долчета, отъ които водитѣ текатъ къмъ Кайма-адаси-дереси. Върху нея е имало една кула (XXXII).

Отъ източната страна на прегрaдната стена между крепоститѣ

е имало ровъ (S), който първоначално е билъ дълбокъ и широкъ, но сега повечето е засипанъ и подобре се познава по склона на Чука Перченлика.

Прегрaдната стена е запазена въ видъ на насипъ до 2 м. високъ. Прегрaдната стена и крепоститѣ сѫ били строени, както крепостнитѣ постройки въ балканската линия и то отъ каменни и тухлени пластове; тухлитѣ сѫ повечето квадратни съ страна 0,34—0,35 м. и дебели 0,045—0,055 м., порѣдко се срещатъ правоѫгълни 0,34 м., дълги, 0,2 м. широки и 0,045 м. дебели. Камъкътъ е мѣстенъ и простъ, ломенъ.

Хемскитѣ порти се споменуватъ нѣколко пѫти въ историята. ИРЕЧЕКЪ (АЕМ. X. 178) полага Хемскитѣ порти до с. Караманджа.

8. *Ниазларското Герме* (Ниазларска Гермя, Ниазларъ Калеси). (Обр. 16.)

Долината на р. Елешница (Делиджи-дере, Кѫркъ-гечидъ су), на западъ отъ с. Белибе е стѣснена съ западния край на Гулишката планина, нареченъ Ниазларъ и съ скалния гребенъ Ярмасъ кая надъ срещния лѣвъ брѣгъ на рѣката. В. Ниазларъ е отдѣленъ на северъ отъ в. Картала чрезъ дола Буково кладенче, който разцепва Гулишката планина въ западната ѝ часть.

По гребена на Ниазларъ е преградна стена, краятъ на почти непрекѫсната изкуствена преграда отъ брѣга на Черно море.

Прегрaдната стена се почва на западния понизски край на гребена, нареченъ Хоро-мейданъ, съ една голѣма кула (I), на която развалинитѣ, въ видъ на купа, сѫ до 8 м. високи, се издигатъ на северозападния носъ надъ долината на р. Елешница.

Кулата е била квадратна съ върхове обърнати къмъ свѣтовнитѣ страни. Прегрaдната стена се почва до източния върхъ на кулата, и върви по почти равно мѣсто (105 кр.) и после се изкачва (50 кр.) по стърменъ теренъ къмъ втората кула (II). На едно мѣсто е открито северното лице на прегрaдната стена, отъ простъ ломенъ камъкъ, въ тънки пластове съ хоросанъ, който по лицето е измитъ. Отъ втората кула стената се пречупва къмъ североизтокъ и върви по почти равенъ теренъ 70 кр., отново се пречупва къмъ изтокъ (80 кр.) и югоизтокъ (110) и върви по стърменъ склонъ къмъ третата кула (III), къмъ западния край на повисоката часть на Ниазларския гребенъ; по почти хоризонталенъ теренъ (100 кр.) достига нова кула (IV), построена върху малка скала, гдето се свършва прегрaдната стена Къмъ изтокъ продължава тѣсенъ и скалистъ гребенъ, като образува естествена преграда и върху него има само остатъци на зидени кули, първата (V) на разтояние 280 кр., а втората (VI) 170 кр. съ вѫтрешенъ диаметъръ 6 кр. Между последнитѣ две кули теренътъ е вдлъбнатъ къмъ срѣдата и тукъ минава пѫть отъ с. Белибе за с. Кара Ахмедъ-махле, и вѣроятно е минавалъ, по

предание, и старъ пѫть. Отъ последната кула продължава скалистиятъ гребенъ по стѫпала къмъ изтокъ (190 кр.) къмъ скалиста вършина върху гребена, до която има остатъци на постройка, може би на още една кула (VII). На изтокъ 150 кр. е вършината Орта-Кая (Срѣденъ камъкъ), която се издига до 30 м. надъ гребена и по северното ѝ подножие сѫ остатъци на стена, 65 кр. дълга. Съ вършината се свършва преградата. Строежътъ на стената е пластообразенъ отъ камъни и тухли, които сѫ почти квадратни (0,315 × 0,34 м.) и 0,048 м. дебели; хоросанъ е смесенъ съ дребни кремъчета. На изтокъ подъ вършината е издълбанъ въ единъ скаленъ блокъ улукъ за легло на хоризонтална греда.

Отъ кулата III слиза по стръмния склонъ къмъ югозападъ окопъ A (160 кр.) и после по равенъ почти теренъ продължава къмъ западъ (260 кр.) до западния склонъ надъ р. Елешница и по него се спуска къмъ рѣката; въ долина на рѣката, окопътъ е пресеченъ и презъ това мѣсто е минавалъ старъ пѫть край рѣката.

Преградната стена между кулитѣ I—III, окопътъ и стърмнината къмъ долината, образуватъ крепость (M). Върху короната на насипа, до 20 кр. широка, е насипанъ другъ насипъ 9 кр. широкъ и до 2,5 м. високъ.

Въ срѣдата на крепостьта се издига скална вършина (B) и до северозападния ѫгълъ въ крепостьта има издълбанъ кладенецъ, сега засипанъ. Изворна вода има и въ долината, до лѣвия брѣгъ на рѣката.

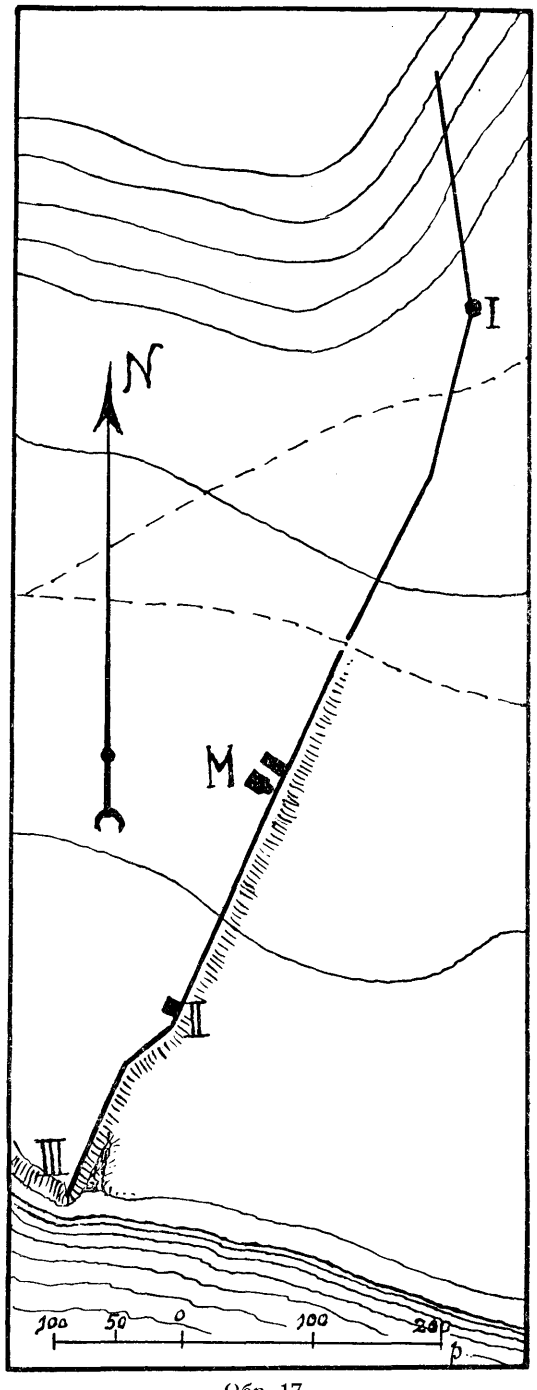
Скалитѣ на Ниазларската преграда сѫ отъ мегъ пѣсечникъ и въ тѣхъ се срещатъ следи отъ изкуствена обработка; изкуствени квадратни дупки съ страна ок. 0,2 м. и до 0,05 м. дълбоки, и изтрити стѫпала. Подобно и въ срещната стена Ярмасъ-Кая се срещатъ изкуствени издълбатини (пещера и корито).

Западната половина на Гулишката планина, отъ в. Перченликъ до р. Елешница е била естествена преградна стена, само въ западния си край снабдена съ изкуствени стратегически постройки.

Съ Ниазларската преграда се завършва найинтересната часть на балканската преградна линия, която почти непрекѫснато се простира отъ морския брѣгъ, и на която стратегическата база е долината на р. Ликарница, като се простира по рътоветѣ надъ дѣсния ѝ брѣгъ и близо до изворитѣ ѝ преминава къмъ гребена на Гулишката планина, на която западната половина служи за планинска база на отбранителната линия. Цѣлата дължина на преградната линия отъ морето до р. Елешница е 43 Км.

B.

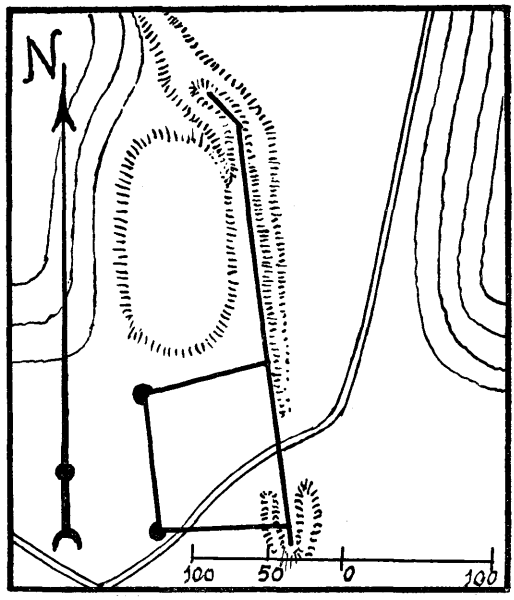
Освенъ главната преградна линия се срещатъ отдѣлни малки прегради по главнитѣ балкански проходи, на югъ отъ главната линия.



Обр. 17.

1. *Преградата «Керемисъ» до с. Св. Власъ*[8] (обр. 17).

На изтокъ отъ с. Св. Власъ (Мънастиркьой) надъ западния брѣгъ на рѣчката Паша мезаръ, до развалинитѣ на единъ мънастиръ Влахерна, който по предание, е далъ името на селото, се намиратъ остатъци на преградна стена. Стената се спуска по склона на върха Кедра, въ южно направление на разтояние 820 кр. и е имала дебелина до 2,5 м.



Обр. 18.

Стената е строена отъ прости ломени камъни и е била снабдена съ кули. На северъ отъ развалинитѣ на мънастира личатъ две кули; стената продължава презъ развалинитѣ на мънастира (М), на който оградата е залепена до нея, до морския брѣгъ, надъ устието на рѣката; въ тази часть на стената сѫ развалини на голѣма квадратна кула (II), съ страна ок. 8 м., а на края на стената на друга кула (III).

2. *Голѣма желѣзна врата — Буюкъ Демиръ-Капу.*[9]

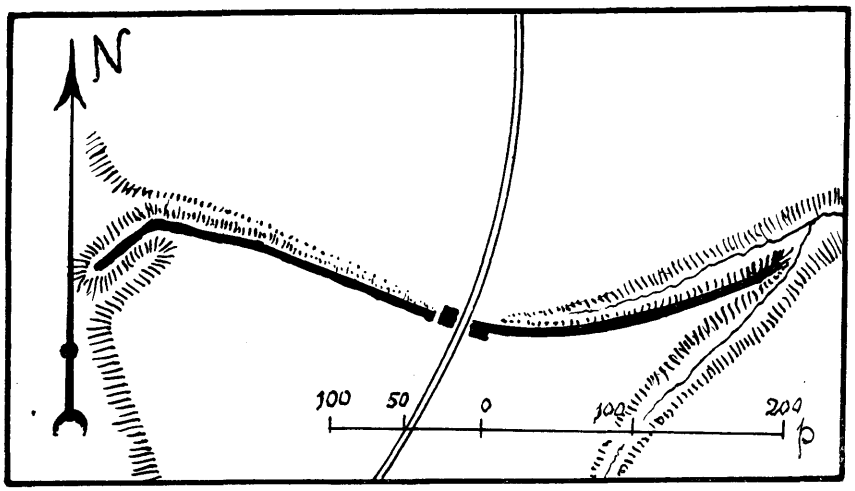
На мѣстото, гдето се отдѣлва южниятъ Демиръ капийски клонъ отъ Светоилийския гребенъ (Еминski), върху една седловина на найтѣсното мѣсто на клона, до началото му, на водораздѣла между долинитѣ Кариезъ и Козлукъ-дере (Зема), сѫ развалини на найизточната преграда

[8] Сборникъ III. стр. 16, фиг. 5.
[9] Сборникъ VIII стр. 35.

въ главния балкански гребенъ, известна като Демиръ капия или просто Капията.

Отъ преградата е останалъ само каменен насипъ, който отъ мѣстото, гдето е била проста порта, слиза по склоноветѣ къмъ дветѣ долини, като изчезва на разтояние 200 кр. подъ портата.

Преградата е била на правия пѫть, който е водилъ отъ гр. Месемврия



Обр. 19.

въ крепостьта въ с. Гьозекянъ, презъ преградата до с. Св. Власъ, презъ устието на р. Кариесъ и се е изкачвалъ по Демиркапийския гребенъ къмъ Демиръ капия, отъ гдето е слизалъ по гребена Джелепъ-йолъ къмъ устието на Банската рѣка (Вая).

Малката и Голѣмата Капия[10] (обр. 18, 19).

На пѫтя отъ гр. Месемврия направо презъ балканския Еминъски гребенъ и край Еникьойското Кале Герме, за града на мѣстото на село Гьозекьянъ, по подножието на в. Янку тепе, край р. Ликарница (Чифтедере) се намиратъ две прегради стени.

3. *Малката Капия* (обр. 18)

е затваряла пѫтя на билото на Еминската планина. Преградата се състои отъ една малка крепость и прегради стена. Крепостьта е имала

[10] Сборникъ III 16, 17; VIII 32—34 фиг. 18, 19.

форма почти на правоѫгълникъ съ 90 кр. длъжина и 60 кр. ширина, върху плоско мѣсто между два дола — Горчакъ Хасаръ дере (къмъ с. Кашлѫ дере) и Ксада къмъ югоизтокъ. Въ западнитѣ ѫгли на крепостьта личатъ развалини на кули. Източниятъ зидъ на крепостьта представлява прегрaдната стена, която продължава къмъ северъ до 200 кр. Крепостьта е служила за самата порта; една отъ портитѣ е била въ срѣдата на източната крепостна стена.

На североизтокъ на крепостьта се издига върхъ Гьозъ тепе, както показва самото название (гьозъ = око), съ широкъ изгледъ, който е служилъ за наблюдателна станция. На самия върхъ Гьозътепе сѫ развалини на постройка 70 кр. дълга и 45 кр. широка, съ кули въ ѫглитѣ, които сѫ обърнати къмъ свѣтовнитѣ страни и една кула личи въ северозападната стена; портата е била въ югоизточната стена, по срѣдата ѝ.

4. *Голѣмата Капия* (обр. 19)

се намира на мѣстото, гдето Органджийската седловина се свързва съ Еминския гребенъ. Голѣмата капия е въ видъ на напреченъ прегрaденъ зидъ между доловетѣ на Харами дере (притокъ на Еникьойската рѣка и на р. Дрищела (Дрестела), къмъ Св. Влаския заливъ, на дължина 450 кр., въ една изкривена линия.

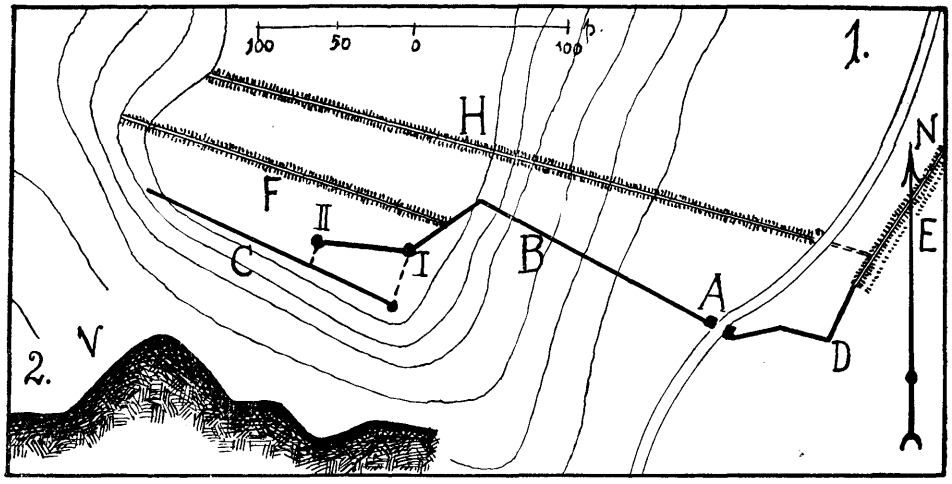
На найвисокото мѣсто на прегрaдната стена, почти въ срѣдата ѝ, личатъ остатъци на проста порта. Портата е била пазена съ две кули и, вѣроятно, е имало и една тѣсна порта за пешаци. Отъ северна страна личи ровъ съ берма, 4 кр. широка, край стената; ширина на рова до 12 кр. Прегрaдната стена, 2,0 м. дебела, е била строена съ простъ ломенъ камъкъ.

5. *Айваджикското Градище* (Синѣшко Градище) (обр. 20).

Шосето Варна-Бургасъ, на югъ отъ с. Айваджикъ (Варненска околия), и на югъ отъ р. Ликарница, минава по гребена Гермето, който чрезъ една тѣсна ивица между доловетѣ на р. Алчакъ-дере (къмъ изтокъ) и на Кечи-дере (Герчовъ кладенецъ къмъ западъ) е свързанъ съ Еминския гребенъ. До найтѣсното мѣсто между доловетѣ сѫ развалини на прегрaдна стена «Градището». Остатъци на портата А се намиратъ на сегашното шосе; личатъ развалини на дветѣ странични кули. Отъ портата се изкачва прегрaдната стена (В) въ чупена линия (220 кр.), въ северозападно направление, къмъ североизточната кула (I) на малка крепость на платото на върха.

Отъ прегрaдния зидъ сѫ запазени остатъци до западния му край (70 кр.). Отъ крепостьта сѫ запазени развалини на северната ѝ стена (60 кр.), съ две крѫгли кули на края ѝ (I—II); югозападната ѝ стена е

продължение на прегрaдната стена (C), която върви по склона на върха къмъ долината на р. Кечи-дере (Кечовската рѣка). Западната стена (13 кр.) и източната (26 кр.) сѫ напълно унищожени. Прегрaдната стена на изтокъ отъ портата (D) въ пречупена линия личи на разтояние 87 кр. и продължава въ видъ на окопъ (E) (герме), надъ южния склонъ на ръта



Обр. 20.

Гермето, къмъ изтокъ, къмъ Еникьойската крепость Кале Герме. Окопътъ, на който отбранителенъ фронтъ е обърнатъ къмъ югъ, е построенъ въ по-ново българско време, когато прегрaднитѣ постройки на нѣколко мѣста сѫ били обърнати въ отбранителни позиции на новата държава противъ византийската империя. Айваджикското Градище на западния край на окопа е било използувано за новата защита и засилено съ два реда окопи, успоредни съ прегрaдната стена и отдалечени 50 кр. единъ отъ другъ, наречени «Топракъ Герме» (Землени прегради). Южниятъ отъ окопитѣ (F) е допълнение на прегрaдната стена по платото на височината (125 кр.). Северниятъ окопъ (H) е продължение на главния окопъ, изкачва се отъ сегашното шосе, 60 кр. на северъ отъ портата по източния склонъ на възвишението и се изгубва до западния му склонъ.

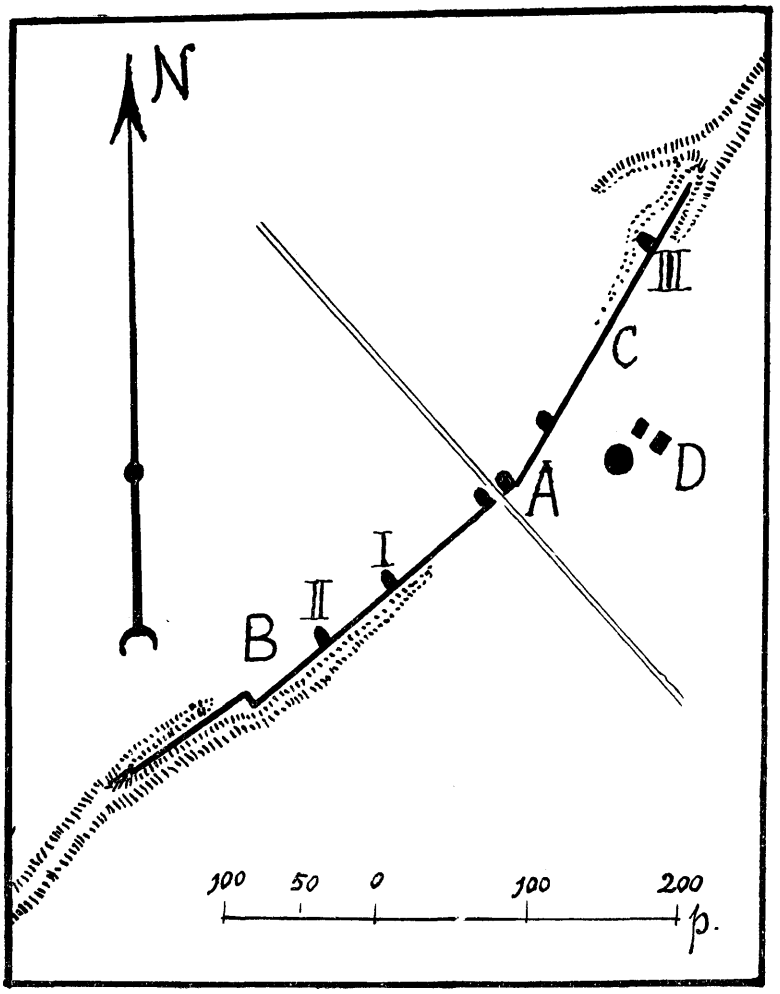
Окопътъ е снабденъ съ берма и съ ровъ отъ южната му страна. Разрѣзъ (обр. 20_2) на окопа (E) на мѣстото Чумлекъ кая: Основа на насипа 22 кр., ширина на бермата 7 кр., а на рова 10 кр.

6. *Гермета до с. Къшла-кьой.*

Върху главниятъ балкански гребенъ, на правия балкански пѫть отъ с. Къшла дере за с. Кайрякъ-кьой, между доловетѣ Сарѫ-гечитъ-дере

(къмъ Еникьойската р.) и Кузгунъ-дере, мѣстностьта се нарича «Гермета» съ развалини на прегради стени.

Споредъ сведения, непровѣрени, има преграда наречено «Къзъллъшко Герме и до с. Къзъллъкъ.



Обр. 21.

7. Калгамачъ-Герме (обр. 21).

На главния пѫть, който е водилъ отъ гр. Маркианополъ до гр. Анхиалъ презъ Хемскитѣ порти, на сегашния пѫть отъ с. Гулица за с. Калгамачъ, на северъ отъ последното село, на водораздѣла на рѣкитѣ Ли-

карница и Елешница, се намиратъ развалини на преградна стена, наречени Калгамачъ Герме. Стената се намира на тѣсно мѣсто между два дола, напречни на водораздѣла.

Простата порта (A) се е намирала на равно мѣсто на гребена и между две, на северозападъ издадени и закржглени кули отдалечени 40 кр. Преградната стена (B) се спуска отъ портата по доста стръменъ склонъ къмъ югозападъ (195 кр.) съ две кули (I—II) на разтояние (56 кр. една отъ друга), пречупва се (10 кр.) и по полегатия теренъ се изчубва (90 кр.) надъ долчето.

Отъ портата къмъ североизтокъ, се спуска стената (C) къмъ противоположното долче (180 кр.); въ тази часть на стената личатъ остатъци на една кула, 60 кр. отъ края ѝ (III).

На югоизтокъ, задъ портата, се намиратъ развалини на постройки (D).

Остатъци на стария пѫть личатъ къмъ северъ отъ преградната стена.

(Следва).

KAREL ŠKORPIL (Varna):

CONSTRUCTIONS MILITAIRES STRATÉGIQUES DANS LA RÉGION DE LA MER NOIRE (PÉNINSULE BALKANIQUE).

Le Résumé sera annexé à la fin de cet article dans le IIIe tome (1931).

V. N. ZLATARSKI (Sofia):

ЕДИНЪ ГРЪЦКИ ФАЛСИФИКАТЪ, КОЙТО СЕ ОТНАСЯ КЪМЪ БЪЛГАРСКАТА ИСТОРИЯ.

Предметъ на настоящето изследване е единъ разказъ на гръцки, който е известенъ отдавно и е претърпѣлъ досега три издания. Пръвъ, който съобщи за неговото сѫществуване, бѣше известниятъ руски ученъ епископъ ПОРФИРИЙ УСПЕНСКИ. Още презъ времето на своето първо пѫтуване по атонскитѣ мънастири и скитове въ 1845 година, той го намѣрилъ въ края на стария рѫкописенъ уставъ (τύπικον) на голѣмия атонски мънастирь Ватопедъ. Въ своя обширенъ трудъ «Востокъ христіанскій» еп. П. УСПЕНСКИ на две мѣста се ползува отъ тоя разказъ: 1. въ изложеннето историята на Атоно-иерисовската епархия на полуостровъ Халкидика,[1] гдето той го привежда почти цѣлъ въ руски преводъ съ изключение на двата официални документа: κηροβούλλιον θέσπισμα τοῦ βασιλέως Ἀλεξίου Κομνηνοῦ и ἕτερον συνοδικόν, и го предхожда съ следнитѣ фрази: «ранѣе 1262 года въ Аѳоноіерисовской епархіи произошло крупное событіе, которое и разсказывается здѣсь съ ручательствомъ за историческую достовѣрность его»; и още: «въ первой половинѣ XIII-го вѣка, съ 1221 года по 1245-й, Аѳонъ съ епархіальнымъ городомъ его Іериссо находился подъ властію болгарскаго царя Асѣня II-го», и 2. въ Историята на Атонъ, гдето той говори за времето, когато Света Гора се намирала подъ властьта на българскитѣ царе Иванъ Асѣня II (1218—1241) и Коломана I (1241—1246);[2] тамъ той помѣстя тоя разказъ съ следната бележка: «Это известіе заимствовано мною изъ древняго рукописнаго устава аѳоноватопедскаго. Такъ какъ въ немъ каллипольское событіе оповѣщено съ такими подробностями, какихъ нѣтъ у говорившаго о немъ византійскаго историка Акрополита и съ наименованіемъ дѣйствовавшихъ лицъ, которыхъ годы священнослуженія, годы извѣстные, опредѣляютъ время онаго событія, то я передаю здѣсь въ русскомъ переводѣ аѳоноватопедскій разсказъ о немъ». Тукъ преводътъ е пъленъ, безъ пропуски и дори намѣсти се различава отъ първия, обаче не навсѣкѫде е точенъ. Гръцкиятъ текстъ на разказа билъ намѣренъ между останалото следъ смъртьта му книжовно наследство и бѣ издадено отъ руската Академия на наукитѣ по-късно заедно съ други паметници.[3]

[1] Востокъ христіанскій. Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты въ 1845 году. Часть 1-ая, отдѣл. I. Кіевъ 1877, стр. 46—48.

[2] Исторія Аѳона. Часть III, отдѣл. 2-ое. I Судьба его съ 911 по 1861 годъ. С.-Петербургъ 1892, § 65, стр. 82—85.

[3] *Пакъ тамъ*, отдѣл. 2-ое. II Оправданія исторіи Аѳона, стр. 618—620.

Второ издание на нашия разказъ направилъ Dr. A. D. MORDTMANN въ своята статия Ἱστορικὰ ἔγγραφα περὶ τοῦ Ἄθω[4] по единъ ржкописъ отъ XVI. вѣкъ. Въ тоя ржкопись, притежание на нѣкого-си иеромонахъ Макария, хиоски живописецъ, между другитѣ статии има една подъ надсловъ: Διήγησις μερικὴ τῶν ἐπιστολῶν Ἀλεξίου βασιλέως καὶ Νικολάου Πατριάρχου γενομένη κατὰ διαφόρους καιρούς, която заема стр. 730 до 749 и въ която е помѣстенъ и нашиятъ разказъ.[5] Обаче последниятъ въ тая статия е разбитъ на три части, влѣзли въ нея като отдѣлни, независими едно отъ друго съобщения и поставени въ разни мѣста. Така *първата* часть — отъ началото до думитъ: ὕστερον κῦρ Μανουὴλ τὸν Δισύπατον (включ.) е поставена въ края на казаната статия (§§ 42—45)[6] подъ надсловъ: Ἑτέρα διαταγὴ κανονικὴ περὶ τοῦ μὴ δεῖν χειροτονεῖσθαι ἐπίσκοπον ζῶντος τοῦ Πρώτου καὶ μήτε παραίτησιν δόντος μήτε καθαιρεθέντος; *втората* часть — κηροβούλλιον θέσπισμα τοῦ βασιλέως Ἀλεξίου Κομνηνοῦ, която се привежда, както ще видимъ, за подтвърдение на това, което е казано въ първата часть, подъ надсловъ: θέσπισμα βασιλικόν е поставена напредъ въ сжщата статия (§ 22),[7] и най-сетне *третата* часть — ἕτερον συνοδικόν съ сжщия надсловъ е дадена подъ § 40.[8] Какъ се обяснява това разкжсване на нашия разказъ? Нѣма никакво съмнение, че съставителтъ на статията Διήγησις μερικὴ е ималъ подъ ржка нашия разказъ, но той, безъ да обърне внимание на това, че отъ думитѣ: ἀφορισμῶν παρακολουθησάντων κτλ. до края се говори за работи, които нѣматъ никакво отношение къмъ предидущето, и се явяватъ тамъ личности, напр. οἱ βασιλεῖς ἐκεῖνοι, за които и дума не става преди това, и изобщо безъ да вникне въ вжтрешната връзка на тритѣ части, счелъ, че последната часть (ἕτερον συνοδικόν) представя отъ себе си сжщо така нѣщо отдѣлно, самостойно, както и предходната наредба на Алексия I Комнина, още повече че това συνοδικόν не се отнася къмъ времето на Алексия I, и поради това ги поставилъ по разни мѣста. Относно самия текстъ на тритѣ части А. MORDTMANN нищо не съобщава; за θέσπισμα βασιλικόν, «която подтвърдявала привилегиитѣ на Атонъ» (стр. 62), забелязва само, че тя «била издадена въ 3-и индиктионъ (1109), съгласно съ ржкописа на

---

[4] Напечатана въ Ὁ ἐν Κων-πόλει Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς Σύλλογος. Παράρτημα τοῦ Κ'-ΚΒ' τόμου. Ἐν Κων-πόλει 1892, сел. 61—72.

[5] Споредъ сочкитѣ у *A. Mordtmann'a* тая статия била издадена у Μανουὴλ Ι. Γεδεών, Ὁ Ἄθος, ἀναμήσεις, ἔγγραφα, σημειώσεις. Ἐν Κων-πόλει 1885, сел. 100 к. ἑ. и у Διονύσιος Πίστη, Περιγραφικὴ ἱστορία τοῦ ἁγίου Ὄρους Ἄθω. Ἐν Θεσσαλονίκῃ 1890, сел. 85—86, само че известията не сж въ сжщия редъ, както въ ржкописа на A. Mordtmann'a. За съжаление ние нѣмаме подъ ржка нито едното, нито другото съчинение и поради това не можихме да направимъ нужнитѣ слички.

[6] Въ ржкописа стр 748—749, у Mordtmann'a, стр. 72.

[7] Въ ржкописа стр. 738, у Mordtmann'a, стр. 66—67.

[8] Въ ржкописа стр. 747—748, у Mordtmann'a, стр. 71—72.

Московската Синодална библиотека, но що за ржкописъ е тоя последниятъ, нищо не казва. За нашия разказъ той пише следното: «Ἡ κανονικὴ διαταγὴ (стр. 748—749) разяснява отношенията на царь Иванъ Асѣня къмъ императоръ Теодора Ватаци и особено църковната история на търновския престолъ. Срѣщата на царетѣ въ Лампсакъ (?) е станала въ 1235 година» (п. т.), и следъ това привежда in extenso, какво казватъ по това събитие Никифоръ Григора и Георги Акрополитъ въ своитѣ истории; грѣшката Теодоръ Ватаци вмѣсто Иванъ Ватаци и Лампсакъ вмѣсто Каллиополь схващаме като lapsus calami.

Третото издание на нашия разказъ излѣзло изъ-подъ ржката на PH. MEYER въ книгата му Die Hauptkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig 1894, S. 187—189, подъ надсловъ: Εἴδησις, ὅτι οὐδεμίαν ἐξουσίαν ἔχει ὁ Ἱερισσοῦ ἐπίσκοπος εἰς τὸ ἅγιον ὄρος Ф. МАЙЕРЪ стъкмилъ своето издание възъ основа на текста въ два ржкописа: 1. въ ржкописа на «келията Св. Троица» (κέλλιον τῆς Ἁγίας Τριάδος), която се намира надъ гр. Карея, стр. 110 и сл. и 2. въ ржкописа на Иверския мънастирь № 388, листъ 985b отъ XV. вѣкъ, и то само до думитѣ: ὕστερον κῦρ Μιχαὴλ τὸν Δισύπατον (включ.). Вториятъ ржкописъ билъ твърде развалень и погрѣшенъ, но той «съдържалъ, освенъ подписъ, и бележка, че е преписанъ отъ стария типикъ (τύπικον) на Ватопедъ», т. е. отъ сѫщия ржкописъ, отъ който и еп. П. УСПЕНСКИ направилъ своя препись. Поради това лошо състояние на Иверския ржкописъ Ф. МАЙЕРЪ взелъ текста отъ първия ржкописъ, времето на който за жалость той не опредѣля. Освенъ това въ Иверския ржкописъ веднага следъ посоченитѣ думи следвалъ другъ текстъ подъ надсловъ ἕτερον συνοδικόν, който, споредъ Ф. МАЙЕРА, се намиралъ въ връзка съ предходния текстъ, съ други думи казано, това, което A. MORDTMANN не забелязалъ, PH. MEYER твърде добре схваналъ. Сѫщия συνοδικόν Ф. МАЙЕРЪ намѣрилъ въ ржкописъ пакъ въ Иверския мънастирь № 382, който произлизалъ отъ XVII. вѣкъ, л. 979a. По тия два Иверски ржкописа той издалъ текста въ третата часть на нашия разказъ.[9] Но и МАЙЕРЪ не можилъ, както и МОРДТМАНЪ, или по-добре, съставительтъ на обнародваната отъ него статия, да опредѣли, где се е свършвалъ συνοδικόν'ътъ, както това е строго разграничено у еп. П. УСПЕНСКИ, и поради това той не само слѣлъ синодалното постановление съ заключителната часть на нашия разказъ, но и, като изхвърлилъ надслова ἕτερον συνοδικόν, присъединилъ го къмъ другата, предната часть, смѣтайки го като часть отъ разказа, а не като отдѣленъ документъ, който билъ вмъкнатъ, за да подкрепи казаното въ първата часть. Другъ дефектъ въ изданието на Ф. МАЙЕРА се заключава въ това, че въ него нѣма θέσπισμα τοῦ βασιλέως Ἀλεξίου Κομνηνοῦ, която, оче-

[9] *Ph. Meyer,* каз. съч., стр. 275—276.

видно, е липсвала и въ рѫкописитѣ, отъ които той заимствувалъ нашия разказъ, или пъкъ, ако тя е била отдѣлена, както въ рѫкописа на МОРДТМАНА, МАЙЕРЪ не е могълъ да се досети, че тя е влизала така сѫщо въ нашия разказъ.

Сравнивайки и тритѣ издадени текста, които сѫ съвсемъ независими единъ отъ другъ, ние дохождаме до заключение, че по съдържание текстътъ у еп. П. УСПЕНСКИ несъмнено стои най-близко до първоначалния, т. е. до тоя, който се намиралъ въ края на стария Ватопедски рѫкописенъ уставъ (τύπικον); но текстътъ на еп. П. УСПЕНСКИ има други недостатъци, именно, въ него има нѣколко блѣзни, които ще трѣба да се обяснятъ съ това, че епископътъ или се е затруднилъ причетението на гръцкия текстъ, или пъкъ не е счелъ пропуснатитѣ отъ него думи за сѫществени, и затова оставилъ тия блѣзни, които ще покажемъ по-долу. Посоченитѣ тукъ недостатъци на тритѣ издания тъкмо ни накараха да дадемъ единъ своденъ текстъ, съставенъ възъ основа на издаденитѣ, като посочваме подъ линия всички разночетения и пропуски.

Що се отнася до вопроса: ималъ ли е нашиятъ разказъ особенъ надсловъ, то, като имаме предъ видъ двата различни надслова у МОРДТМАНА и МАЙЕРА, заключаваме, че въ първоначалния текстъ е нѣмало никакъвъ надсловъ, иначе еп. П. Успенски не би пропускалъ да го предаде.

Съкращения: *У* = Успенски; *Мр.* = Мордтманъ; *М* = Meyer.

Ἐπὶ τῆς βασιλείας τοῦ Ἀσάνη κῦρ Ἰωάννου, τοῦ βασιλεύοντος κατὰ τὴν Ζαγορὰν καὶ κρατήσαντος καὶ πολλὰ τῶν Ῥωμαίων κάστρα, γέγονε ἡ ῥηθησομένη πρᾶξις.

Πατριαρχεῖον εἰς τὸν τόπον αὐτοῦ σπουδάσαντος γενέσθαι καὶ διὰ τοῦτο πολλὰ τὴν ἐκκλησίαν καταναγκάσαντος εἰς τοῦτο, ἐπειδὴ τὸ ἐνδόσιμον παρὰ τῆς ἐκκλησίας εἴληφεν οὗτος, καὶ πατριάρχην ἐπεκηρύχθη κατὰ τὴν Ζαγορὰν τοπικὸν γίνεσθαι. Πρῶτος ἐν αὐτῇ ὁ πρότερον χρηματίσας μιτροπολίτης Φιλίππων Γρηγόριος πατριάρχης καθίσταται, ὃ δῆτα καὶ μητροπολίτην Θεσσαλονίκης παρὰ κανόνας πεποιηκώς, σπουδὴν ἔθετο πᾶσαν καὶ τὸν ἐπίσκοπον Ἱερισσοῦ καταστῆσαι μητροπολίτην, βουλόμενος τὸν, ὃν πεποίηκε Θεσσαλονίκης, Μιχαὴλ τὸν Πρατάνον λεγόμενον, πάντῃ τῆς κατὰ τὴν τοιαύτην ἐπισκοπὴν ἐνορίας αὐτοῦ ἀποστῆσαι. Τῶν ἰδίων οὖν ὁ τοιοῦτος Θεσσαλονίκης ἀντεχόμενος ἐγκαλέσας τὸν πατριάρχην αὐτοῦ πρὸς τὸν βασιλέα ἀπῆει. Οἵ γε μὴν κατὰ τὸ Ἅγιον ὄρος τοῦ Ἄθω ἀσκούμενοι μοναχοί, εἰς τρισχιλίους συναχθέντας, λογάδες τε ἅπαντες καὶ τῇ κατὰ θεὸν ἀναχωρήσει καὶ ἀσκήσει πάλαι προκόψαντες, μήτε τὸν πατριάρχην δεχόμενοι μήτε τὸν παρ᾽ αὐτοῦ χειροτονηθέντα Θεσσαλονίκης, ἐπίσκοπον Ἱερισσοῦ ἢ μητροπολίτην παρὰ τούτου τοῦ πατριάρχου ἢ παρὰ τοῦ Πρατάνου Μιχαὴλ οὐκ ἠνείχοντο χειροτονηθῆναι. Διὰ ταῦτά τοι καὶ οὗτοι πρὸς τὸν βασιλέα ἀπελθόντες κατὰ τὴν Καλλιούπολιν τηνικαῦτα εὑρισκόμενον, — καθ᾽ ὃν δηλονότι καιρὸν τοὺς τῆς θυγατρὸς αὐτοῦ Ἑλένης γάμους ἐτέλει μετὰ τοῦ υἱοῦ τοῦ ἀοιδίμου βασιλέως κῦρ Ἰωάννου Δοῦκα τοῦ Βατάτζη, εὑρισκομένου ἐκεῖσε καὶ τοῦ πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως κῦρ Μανουὴλ, τοῦ πρότερον χρηματίσαντος μητροπολίτου Ἐφέσου, — τὰ τῆς ὑποθέσεως εἰς ἔγκλησιν ἐποιήσαντο, λόγους κατά τε τοῦ πατριάρχου Ζαγορᾶς καὶ τοῦ διαληφθέντος Θεσσαλονίκης ἐνώπιον καὶ ἀμφοτέρων τῶν βασιλέων καὶ τοῦ Κωνσταντινουπόλεως σφοδρῶς ἄγαν ποιούμενοι· δίκαια τά τε ἄλλα προβαλλό-

1. τοῦ при Ἀσάνη изпус. Мр М | βασιλεύσαντος Мр || *2.* κάστρη Мр М | γέγονε καὶ У || *4.* παρὰ изпус. Мр М || *5.* πατριάρχης Мр М | τοπικῶς Мр М | γενέσθαι М | *6.* προτήτερα Увм. πρότερον | Φιλιππουπόλεως μητροπολίτης У || *7.* Ὃς δήτις πατριάρχης καὶ У | Θεσσαλονικέως У | πεποίηκεν У || *8.* καὶ ἐπίσκοπον Ἱερισσοῦ καταστῆσαι βουλόμενος Мр М, което е изопачено, защото при τὸν, ὃν и при следната фраза: πάντῃ – ἀποστῆσαι, това четене ще остане непонятно || *9.* и *10.-11.* Θεσσαλονικέως У || *9.* πάντη М || *11.* ἐγκαλέσων Мр М || *12.* τὸν Ἄθωνα У || *13.* τε изпус. Мр | ἀναχωρήσει καὶ изпус. Мр М | πάλαι изпус. Мр М || *14.* ἐδέχοντο Мр М | Θεσσαλονικέως У || *15.* οὔτε ἐπίσκοπον Мр М | μητροπολίτην изпус. Мр М || *16.* οὐκ нѣма Мр М | ταῦτα καὶ М || *19.* κῦρ Ἰωάννου изпус. Мр М | Ἰωάννη У | εὑρισκόμενον ἐκεῖ Мр || *20.-21.* τοῦ πρότερον – Ἐφέσου изпус. Мр || *21.* λόγον Мр М || *22.* διαληφθέντος изпус. Мр М | Θεσσαλονικέως У | ἐνώπιον ἀμφοτέρων Мр М || *23.* ποιουμένου? М | τὰ изпус. М | προβαλλομένου? М.

μενοι καὶ δὴ καὶ τὸ καθάπαξ γεγονὸς κηροβούλλιον θέσπισμα τοῦ ἐν βασιλεῦσιν ἀοιδίμου κῦρ Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ. Οἵτινες ἄρα μοναχοὶ καὶ ἐκ περιουσίας ἐδικαιώθησαν· καὶ γὰρ μηδὲ ἓν ἔχειν δίκαιον εἴρηται κατὰ τὸ Ἅγιον ὄρος τὸν ἐπίσκοπον Ἱερισσοῦ, ὃ τότε Κωνσταντινουπόλεως μετὰ τῆς περὶ αὐτὸν ἐνδημούσης τῶν ἀρχιερέων συνόδου κέκρικε κατὰ τὴν περίληψιν τοῦ διαληφθέντος βασιλικοῦ προστάγματος, τὸν Ζαγορᾶς δὲ πατριάρχην ἀπεφήναντο μηδόλως χωρεῖν κατὰ τὴν μὴ ὑποκειμένην τῇ αὐτοῦ ἐκκλησίᾳ μητρόπολιν καὶ χειροτονίαν ποιεῖν ἢ ἄλλο τι ἐκκλησιαστικὸν διαπράττεσθαι. Καὶ μάλιστα ὁ τότε Φιλαδελφίας εὑρισκόμενος μητροπολίτης Φωκᾶς ζηλώσας εἰς καθαίρεσιν τελείαν διηγέρθη τοῦ τῆς Ζαγορᾶς πατριάρχου. Διὰ ταῦτα καὶ ὑπὲρ τοῦ μὴ καθαιρεθῆναι τὸν αὐτοῦ πατριάρχην ὁ βασιλεὺς Ἀσάνης ὑπόθεσιν κεκινηκὼς τὸν Θεσσαλονίκης καθαιρεθῆναι μᾶλλον ἐψηφίσατο, ὡς παρὰ κανόνας καὶ παρὰ τὴν τοῦ Κωνσταντινουπόλεως γνώμην χειροτονηθέντα· ὃ δὴ καὶ γέγονε. Ὁ μὲν οὖν Κωνσταντινουπόλεως αὐτίκα, παρόντων καὶ ἀμφοτέρων τῶν βασιλέων, ψήφους ποιεῖται καὶ χειροτονεῖ Θεσσαλονίκης μητροπολίτην τὸν ἁγιώτατον καὶ ὁμολογήτην γενόμενον ὕστερον κῦρ Μανουὴλ τὸν Δισύπατον.

Κηροβούλλιον θέσπισμα τοῦ βασιλέως Ἀλεξίου Κομνηνοῦ.

Θεσπίζομεν τοίνυν τὸ Ἅγιον ὄρος εἶναι ἐλεύθερον καὶ μηδεμίαν φορολογίαν ἢ ἐπήρειάν τινα ἔχειν τοὺς ἐν αὐτῷ μοναχοὺς ἕως τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος· μνημονεύειν δὲ τῶν βασιλέων καὶ ὑπὲρ ὅλου τοῦ κόσμου ἀπερισπάστως εὔχεσθαι. Καὶ διορίζομεν καὶ τοὺς ἐπαρχιῶν ἄρχοντας καὶ πλησιοχώρους· μηδεμίαν κοινωνίαν ἐχέτωσαν οἱ πολιτικοὶ ἄρχοντες ἐν τῷ Ἁγίῳ ὄρει, ἀλλ᾽ οὐδὲ ἐπίσκοπόν τινα ἐθέσπισαν οὐδὲ ἡμεῖς θεσπίζομεν εἰς τὸ Ἅγιον ὄρος διὰ τὰ καὶ τὰ καὶ διὰ τὰς προλήψεις τὰς λεγομένας κατὰ τῶν ἐπισκόπων καὶ διὰ τὸ μὴ δεσμεύειν τὰς ἐκκλησίας καὶ ἐντολὰς διδόναι τοῖς πρεσ-

---

1. κηροβούλλειον У κηροβούλιον Mp || *2.* κυρίου M || *3.* ἱερατικόν вм. εἴρηται Mp M || *4.* ἐνδημούσης изпус. Mp || *6.* ἀπεφήνατο Mp || *6.-7.* κατὰ τῶν μὴ ὑπκειμένων .... μητροπόλεων Mp M || *7.* χειροτονίας Mp M | τι изпус. Mp || *8.* μητροπολίτης изпус. M || *8.-9.* Φωκᾶς ζηλώσας изпус. У || *10. 11.* Ἀσάνης, ὃ λέγεται, κεκινηκὼς Mp M || *11.* Θεσσαλονικὲως У | ἐψηφίσαντο M | κανόνα У || *12.* καὶ изпус. M | γεγονός Mp M || *13.* οὖν изпус. Mp M || *13.-14.* βασιλέων ψήφῳ πάντων χειροτονεῖ Mp βασιλέων ψηφωσάντων, χειροτονεῖ M || *14.* Θεσσαλονικέως У | χειροτονεῖ κατὰ τὴν Θεσσαλονίκης μητρόπολιν M || *15.* τὸν δισύπατον У || *16.* κηροβούλειον У | κηροβούλλων – Κομνηνοῦ у Mp=θέσπισμα βασιλικόν || *17.* οὖν τοίνυν καὶ ἡμεῖς εἶναι τὸ ἅγιον Mp || *18.* ἔχειν οἱ μοναχοὶ ἕως Mp || *19.* εὔχεσθαι· διορίζομεν Mp || *21.* τινα изпус. Mp | ἐθίσπισαν ..... οὔτε ἡμεῖς У | μὴν вм. ἡμεῖς Mp || *22.* εἰς τὸ Ἅγιον ὄρος изпус. У | προσλήψεις У | *22.-23.* τὰς λεγομένας – ἐπισκόπων у Mp.=αὐτῶν || *23.* δίδειν У.

βυτέροις καὶ ἐπιτιμᾶν αὐτοὺς· ἀλλὰ μίαν κεφαλὴν καὶ μίαν δεσποτείαν, τὸν Πρῶτον, ἐχειροτόνησαν κἀκεῖνοι καὶ ἡμεῖς. Οἱ δὲ καταφρονοῦντες αὐτὸν ἔστωσαν ὑπὸ τὴν ἡμετέραν ἀγανάκτησιν.

Εἶχε δὲ καὶ (τὴν ὑπογραφὴν?) δι᾽ ἐρυθρῶν γραμμάτων τῆς θείας καὶ βασιλικῆς χειρὸς:

Μηνὶ Ὀκτωβρίῳ, ἰνδικτιῶνος γ΄.

Ἕτερον συνοδικόν.

Δικαιοῖ δὲ καὶ ἡ ἱερὰ τῶν ἀρχιερέων σύνοδος παρ᾽ οὐδενὸς τῶν ἀρχιερέων τοὺς ἁγιορείτας ἄρχεσθαι, γενέσθαι δὲ καὶ τὸν ἐπίσκοπον Ἱερυσσοῦ παρὰ τοῦ μητροπολίτου Θεσσαλονίκης ἐπέτρεψε διὰ τὸ μὴ τὴν τοιαύτην μητρόπολιν Θεσσαλονίκης τῶν αὐτῆς ἐκκλησιαστικῶν στερεῖσθαι δικαίων, μηδεμίαν ἄδειαν ἔχοντα, ὡς ἐπίσκοπον, ἐν ταῖς εὑρισκομέναις σεβασμίαις μοναῖς κατὰ τὸ Ἅγιον Ὄρος· ἀλλ᾽ ὅτε χρεία τις γένηται ἱεροτελεστίας καὶ καθιερώσεως ναοῦ προσκαλούμενος εἰσέρχεσθαι, εἰ ἄρα καὶ τὰ καθάπαξ δόξαντα τῇ ἱερᾷ συνόδῳ φυλάττων φαίνεται ὁ τοιοῦτος ἐπίσκοπος· εἰ δὲ παραβαίνοντα ταῦτα θεάσονται, ἐξ ἑτέρου ἀρχιερέως κατὰ προτροπὴν τοῦ κατὰ τὸ Ἅγιον ὄρος ὁσιωτάτου Πρώτου, τὰς ἱεροτελεστίας ἐν ταῖς διαληφθείσαις τοῦ Ἁγίου ὄρους μοναῖς διαπράττεσθαι; †

Ἀφορισμῶν παρακολουθησάντων εἰς ταῦτα καὶ ἀναθεματισμῶν, ὥστε μηδὲν ἐκ τούτων ἀνατραπῆναι ἢ τὸ καθόλου ἀκυρωθῆναι ταῦτα, παρὰ τὸν καιρὸν ἐκεῖνον πραχθέντα καὶ τελεσθέντα καὶ τῇ τοῦ Κωνσταντινουπόλεως ὑπογραφῇ καὶ τῶν περὶ αὐτὸν ἀρχιερέων βεβαιωθέντα καὶ ἐξασφαλισθέντα, οἱ βασιλεῖς ἐκεῖνοι δι᾽ ἐρυθρῶν γραμμάτων πιστωσάμενοι, εἰς αἰῶνα τὸν ἅπαντα συντηρεῖσθαι παρεκελεύσαντο, ὡς μέγας ἐκεῖνος λογοθέτης ὁ Ἀκροπολίτης, χρονικὴν ἱστορίαν γράφων, ἀρξάμενος τὴν ὑπόθεσιν ἀπὸ τῶν Λατίνων τῆς Κωνσταντινουπόλεως ἁλώσεως, ἀψευδῶς δι᾽ ἐγγράφων παρέδωκεν.

т. е.

«Въ царуването на господинъ Иванъ Асѣня, който господарувалъ въ Загора и завладѣлъ много ромейски крепости (-градове), станало едно събитие, което ще бѫде тукъ разказано.»

---

2. ἐκεῖνοι Мр ‖ *4.-5.* изпус. Мр ‖ *6.* ἕτερον συνοδικόν изпус. М ‖ *7.* ἡ изпус. У | ἱερὰ τῶν ἀρχιεπισκόπων М ‖ *8.* ἁγιορῖτας Мр | καὶ τὸν изпус. Мр καὶ изпус. М τὸν изпус. У ‖ *11.-12.* ἱεροτελετίας У ἱεροτελεστείας Мр | ἢ καθιερώσεως Мр | καὶ καθιδρύσεως У ‖ *14.* θεάσωνται Мр | ἐξ Мр | Ἅγιον изпус. Мр ‖ *15.* ὁσιωτάτου изпус. Мр | ἱεροτελετίας У ἱεροτελεστείας Мр | διαληφθείσαις изпус. Мр ‖ *17.* καὶ изпус. М | εἰ вм. εἰς У | ἀναθεματισμάτων М ‖ *17.-18.* ἀναθεματισμῶν -- ἐκεῖνον изпус. У ‖ *19.* τῇ изпус. У М ‖ *20.* ἀσφαλισθέντα Мр | οἱ δὲ Мр ‖ *22.-23.* ἀπο τῆς Λατίνων Мр М ‖ *23.* παραδέδωκε Мр.

«Тъй като той (Иванъ Асѣнь) се постаралъ да има въ неговото мѣсто (столица) патриаршески домъ (палатъ) и поради това силно принудилъ църквата къмъ това, следъ като той отнелъ отъ църквата данъка, то и било оповестено, че въ Загора става мѣстенъ патриархъ. Пръвъ се поставя въ нея за патриархъ Григорий, по-рано титулуванъ филипийски митрополитъ, който, наистина, следъ като рѫкоположилъ и солунския митрополитъ противъ канонитѣ, положилъ всичко старание и иерисовския епископъ да постави за митрополитъ, като искалъ, щото тоя, когото той рѫкоположилъ за солунски (митрополитъ) на име Михаилъ Пратанъ, съвсемъ да се откаже отъ своята власть въ тая епископия. Обаче, солунскиятъ, застѫпвайки се за правата си, отишълъ при царя, като се оплакалъ противъ неговия патриархъ. Сѫщо и подвизаващитѣ се на Света Гора Атонска монаси, като се събрали (на брой) три хиляди, всички избрани и отдавно преуспѣли заради Бога въ отшелничество и подвижничество, не приемайки нито патриарха, нито рѫкоположения отъ него солунски (митрополитъ), не дозволявали, щото иерисовскиятъ епископъ или митрополитъ да бѫде рѫкоположенъ отъ тоя патриархъ или отъ Михаила Пратана. Поради това и тѣ, като дошли при царя, който се намиралъ тогава въ Каллиополь, — въ това време тъкмо той правѣлъ свадбата на дъщеря си Елена съ сина на приснопаметния императоръ господинъ Ивана Дука Ватаци, тамъ се намиралъ и цариградскиятъ патриархъ господинъ Мануилъ, който по-рано носѣлъ титла митрополитъ ефесски, — това, което се отнасяло до главния въпросъ, тѣ изложили въ жалба, като говорѣли твърде силно противъ загорския патриархъ и казания солунски (митрополитъ) въ присѫтствието и на двамата царе и на цариградския (патриархъ); тѣ представили и други оправдания както и веднажъ завинаги издадената восъкопечатна наредба на приснопаметния между царетѣ господинъ Алексия Комнина. И наистина, тия монаси напълно били оправдани; а понеже (тамъ) било казано, че иерисовскиятъ епископъ нѣма нито едно право върху Света Гора, тогавашниятъ цариградски патриархъ заедно съ постоянно намиращия се около него архиерейски синодъ отсѫдилъ съгласно съ смисъла на казаната императорска заповѣдь; за загорския пъкъ патриархъ се изказали: той по никой начинъ да не навлиза (да се не мѣси) въ неподчинена на неговата църква митрополия и да не извършва хиротония, или да се занимава съ друга нѣкоя църковна работа. И особено тогавашниятъ филаделфийски митрополитъ Фока, който се намиралъ (тамъ), изпълненъ отъ ревность, билъ настроенъ за окончателното низвержение на загорския патриархъ. Поради това, че и царь Асѣнь настоялъ силно да не се низвергва неговиятъ патриархъ, решено било по-скоро да бѫде низвергнатъ солунскиятъ (митрополитъ) като такъвъ, който билъ рѫкоположенъ противъ канонитѣ и противъ мнението на

цариградския (патриархъ), което, наистина, и станало. Следъ това цариградскиятъ веднага, въ присѫтствието и на двамата царе, направилъ изборъ и рѫкоположилъ за солунски митрополитъ светейшия господинъ Мануила Дисипата, който по-сетне стана изповѣдникъ.»

ВОСЪКОПЕЧАТНА НАРЕДБА НА ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСИЯ КОМНИНА.

«Поради това нареждаме: Света Гора да бѫде свободна, и монаситѣ въ нея да нѣматъ никакъвъ данъкъ или какъвъ-да-е свърхналогъ до скончание вѣка; а да поменуватъ царетѣ и да се молятъ безпрѣчно за цѣлия свѣтъ. И постановяваме за областнитѣ и погранични началници: гражданскитѣ началници да нѣматъ никакво общение на Света Гора, но нито (нашитѣ предшественици)[10] сѫ наредили нѣкой епископъ, нито ние нареждаме поради това и това, и поради казванитѣ противъ епископитѣ предразсѫдъци и поради това, щото тѣ да не свързватъ църквитѣ и да не даватъ заповѣди на свещеницитѣ и да ги не наказватъ; но както тѣ сѫ рѫкоположили единъ глава и единъ владика — Прота, така и ние. А ония, които го презиратъ, нека бѫдатъ подъ нашето негодуване.»

Имаше (и подписа) съ червени писмена на божествената и императорска рѫка:

Месецъ октомврий, индиктионъ 3-и.

ДРУГО СИНОДАЛНО (ПОСТАНОВЛЕНИЕ).

«А и свещениятъ архиерейски синодъ счита за справедливо, щото светогорцитѣ да не се управляватъ отъ нѣкой архиерей, а заповѣдалъ, щото иерисовскиятъ епископъ да зависи отъ солунския митрополитъ, та чрезъ това да не се лиши тая митрополия на Солунъ отъ църковнитѣ си права, безъ той, като епископъ, да има нѣкаква свобода (на действие) въ намиращитѣ се на Света Гора свещени мънастири; ала когато се явява нѣкоя нужда за свещенодействие и освещаване на храмъ, поканенъ нека да дойде, ако тоя епископъ, разбира се, се явява пазитель на това, което веднажъ завинаги е решилъ свещениятъ синодъ; ако ли пъкъ забележатъ, че той престѫпва (т. е. нарушава) това, нека отъ другъ архиерей, по покана (соб. подбуда) на преподобнейшия светогорски Прота, да се извършватъ свещенодействията въ казанитѣ светогорски мънастири.»

Следъ като последвали при това отлѫчки и проклинания, така че да не се унищожи нищо отъ това, което въ онова време било направено

[10] Споредъ попълването на еп. *П. Успенски.*

и свършено и съ подписа на цариградския патриархъ и на архиереитѣ около него било подтвърдено и обезопасено (т. е. осигурено), — царетѣ, като (го) завѣрили съ червени писмена (т. е. съ подписитѣ си), заповѣдали да се спазва то презъ всички вѣкове, както известниятъ великъ логотетъ Акрополитъ, пишейки лѣтописна (sic) история, като почналъ изложението отъ превземането на Цариградъ отъ латинцитѣ, нелъжливо писмено предалъ.»

Епископъ ПОРФИРІЙ УСПЕНСКИ не само приема, както и другитѣ двама издатели, за автентиченъ горния разказъ, но още твърди, че той предава събитието, което се разказва въ него за атоноиерисовската епархия, както видѣхме, «съ гаранция за историческата му достовѣрность» и счита, какво горниятъ разказъ съ своитѣ подробности ще подпълни изложението на византийския историкъ ГЕОРГИЯ АКРОПОЛИТА за каллиополското събитие. Обаче, ако той се бѣ отнесълъ по-сериозно и критически къмъ съдържанието на приведеното атоноватопедско известие и бѣ по-внимателно вникналъ въ него, то надали би далъ на тоя разказъ такова голѣмо историческо значение и такава самоувѣрена гаранция за историческата му достовѣрность. Въ самия разказъ се разправя не за едно само събитие въ връзка съ историята на иерисовската епархия или съ това, което е станало въ Каллиополь (днеш. Галиполи), а за много и твърде важни известия, на които почтениятъ ученъ епископъ не обърналъ надлежното внимание, за да опредѣли тѣхнитѣ съотношения и връзки. Ние тукъ ще разгледаме всѣко известие отдѣлно и ще се опитаме да изтъкнемъ, доколко то исторически е вѣрно.

*

Не подлежи на никакво съмнение твърдението, че презъ първата половина на XIII. вѣкъ Атонъ или Света Гора се намирала подъ върховната власть на българския царь ИВАНЪ АСѢНЯ II, защото то се подкрепя изрично и отъ друго домашно известие: въ житието на св. Петка, написано отъ търновския патриархъ ЕВТИМИЯ (1375—1393), се право казва, че Иванъ Асѣнь ... «завзелъ цѣлата Македонска область (т. е. днеш. западна Тракия и източна Македония) още и Сѣръ заедно съ цѣлата Атонска, или още по-право да се каже, Света Гора» и т. н.[11] съ тая само разлика, че това разширение властьта на българския царь се отнася не къмъ 1221 год., както пише еп. П. УСПЕНСКИ, а следъ знаменитата победа на Ив. Асѣня II при Клокотница на 9. мартъ (с. с.) 1230 год.[12]

[11] *Е. Kalužniacki,* Werke des Patriarch von Bulgarien Euthymius. Wien 1901, S. 70: ... и вьсѣ македонское обѣмшоу одрѣжанїѣ и нще же и Сѣрь, тако и съ всею Ѧдонскою, паче же, истиннѣѥ рещи, Светою горою и т. н.

[12] *В. Н. Златарски,* Търновскиятъ надписъ на Иванъ Асѣня II. Българ. Истор. Библиотека, год. III (1930), кн. 3, стр. 56—64.

надъ епирския деспотъ, тогава солунски императоръ, ТЕОДОРА КОМНИНЪ (1214—1230), когато държавата на последния била унищожена и повечето му владѣния били присъединени къмъ българското царство; само Солунъ, Епиръ и северна Тесалия образували отдѣлно солунско деспотство начело съ деспотъ МИХАИЛА АНГЕЛЪ, братъ на Теодора Комнинъ и зетъ на Ив. Асѣня II, който преминалъ подъ протектората на българския царь.[13] Веднажъ установена тая дата, всички понататъшни данни на нашия разказъ падатъ сами по себе си и губятъ историческото си значение.

ИВАНЪ АСѢНЬ II, както е известно, се стремилъ да възобнови българската патриаршия въ Търново, но да е принуждавалъ църквата, разбира се, цариградска къмъ това, и то чрезъ това, че престаналъ да ѝ плаща нѣкакъвъ-си данъкъ, което било ужъ главната причина да се оповести, че въ Загора, т. е. България, се поставялъ мѣстенъ патриархъ, подобно нѣщо историята не знае. Въ настояще време вече е точно установено, че следъ като скѫсалъ връзкитѣ си съ римския първосвещеникъ, папа ГРИГОРИЯ IX (1227—1241), поради вѣроломното унищожение на съюза отъ 1228 год. между българския царь и латинската империя, а следъ Клокотнишката победа и формално премахналъ църковната уния съ римската църква въ 1232 год., Иванъ Асѣнь II се опиталъ да възстанови връзкитѣ съ източната, респк. съ цариградския патриархъ, който въ това време живѣелъ въ Никея, на условие, щото последниятъ да признае независимостьта на българската църква, както това било презъ първото царство, начело съ патриархъ; обаче отъ страна на патриарха били поставени чрезъ патриаршеския екзархъ, анкирския митрополитъ ХРИСТОФОРА, въ 1233 год. такива тежки условия, че Ив. Асѣнь II не само не ги приелъ, но и намѣрилъ за добре да скѫса всѣкакви следъ това сношения съ цариградския патриархъ и самоволно да нареди, щото въ 1234 год. съборътъ на българскитѣ епископи да прогласи автокефалностьта на българската църква, а новоизбранията български архиепископъ да бѫде издигнатъ въ патриаршеско достоинство безъ участието и санкцията нито на патриархъ, нито на папа.[14] При такова развитие на събитията не може и дума да става за нѣкакво принуждаване отъ страна на Ив. Асѣня II спрѣмо цариградската църква; напротивъ, по-скоро цариградскиятъ патриархъ е искалъ да използува стѣсненото положение на българския царь следъ скѫсването на връзкитѣ му съ папата, за да го принуди да приеме всички поставени условия за подчиненото положение на българския свещеноначалникъ къмъ него —

---

[13] *В. Г. Васильевскій*, Обновленіе болгарскаго патріаршества при Іоаннѣ Асѣнѣ II въ 1235 году. ЖМНПр. ч. 238 (1885), стр. 27—29.

[14] *Пакъ тамъ*, стр. 48—53. По тоя въпросъ подробно вж. *П. Никовъ*, Църковната политика на Иванъ Асѣня II, въ Българ. Истор. Библиотека, год. III (1930), кн. 3, стр. 79—89.

патриарха. По-сетне, когато, въ 1235 год. Иванъ Асѣнь II използувалъ политическото положение на Балканския полуостровъ, за да образува православната коалиция противъ латинската империя следъ сключването на политически съюзъ съ никейския императоръ ИВАНА ВАТАЦИ (1222—1254) и вѣнчавката на дъщеря си ЕЛЕНА съ Ив.-Ватациева синъ ТЕОДОРА, той, споредъ разказа за обновата на българската патриаршия, помѣстенъ въ българския Синодикъ, силно настоявалъ, и то предъ Ивана Ватаци, а не предъ цариградската църква, за признаване възобновената българска патриаршия,[15] обаче да изказвашъ силно желание за нѣщо още не значи да принуждавашъ къмъ него, още повече като се знае, че тая възобнова станала съ доброволното съгласие и благословението както на тогавашния цариградски патриархъ ГЕРМАНА II (1222—1240), тъй и на другитѣ източни патриарси, за което билъ съставенъ и надлежниятъ актъ-грамота.[16]

Сѫщо така ИВАНЪ АСѢНЬ II не е могълъ да престане да плаща данъкъ на цариградския патриархъ, защото до 1234 год. българската църква не е била подчинена на последния. Наистина, ГЕОРГИ АКРОПОЛИТЪ, като описва царската свадба въ Лампсакъ въ 1235 год., пише, че станало следното важно събитие: «За да се още повече отблагодари на българския управитель Асѣня за роднинството и приятелството, по императорско и съборно опредѣление *подчиненията на цариградския патриархъ търновски архиерей* тогава билъ почетенъ съ независимость и прогласенъ за патриархъ.»[17] За сѫщото събитие НИКИФОРЪ ГРИГОРА, по-късенъ византийски историкъ, забелязва следното: «Въ това време и търновскиятъ епископъ получава завинаги независимость, а *дотогава той билъ подчиненъ на архиепископа на Първа Юстиниана* поради това, че старинниятъ родъ на народа е оттамъ».[18] Отдавно бѣ обърнато внимание върху тия две пѫтемъ направени бележки на Г. Акрополита и Н. Григора, и и дветѣ тия известия твърде справедливо се

[15] Вж. «Синодикъ царя Борила» по новото издание на *М. Г. Попруженко*. Български Старини, кн. VIII (1928), стр. 84: паче же ѝ възыскавѣ с мнѡгымь желанїемь обновивѣ па рїа р шьство блъгар скаго цр҃тва; п. т. стр. 85: .... тѡ желаетъ велми дароватисѧ цр҃твоу їгѡвоу.

[16] *Пакъ тамъ*, стр. 82, 84—87: не тъкмо словомь, нѫ ѝ ржкописанїемь германа патрїарха ѝ въсѣхъ єп҃кпъ въсточныихъ ржкописанїе свое положивше въ сиггили печатлѣвше, въдашѫ блгочьстивомоу цр҃ю и патрїархоу новосі҃енномоу тогда Іѡакимоу въ вѣчное поминанїе неѡ҃емлемо. — Ср. Споменик срп. Акад. LVI (1922), други разред 48, стр. 31. Подробно вж. *П. Никовъ*, п. т., стр. 89—98.

[17] *G. Acropolites*, ed. A. Heisenberg. Lipsiae 1903, vol. I, p. 50, 25–51, 3: τότε καὶ ὁ Τρινόβου ἀρχιερεύς, ὑπὸ τὸν Κωνσταντινουπόλεως τελῶν, αὐτονομίᾳ τετίμηται καὶ πατριάρχης ἀναγορεύεσθαι κέκριται βασιλικῷ καὶ συνοδικῷ τῷ θεσπίσματι, χάριτας τῶν προυχόντων ἀποτινύντων τῷ Βουλγάρων ἄρχοντι Ἀσὰν τοῦ κήδους ἕνεκα καὶ φιλίας. — Ср. *Jos. Müller*, Byzantin. Analecten въ Sitzungsber. d. Wiener Akademie, Hist.-philol. Classe IX (1852), S. 393.

[18] *N. Gregoras*, ed. Bon., vol. I, p. 30, 3–6: τηνικαῦτα δὲ καὶ ὁ τοῦ Τερνόβου ἐπίσκοπος αὐτονομίαν λαμβάνει διηνεκῆ, τῷ τέως ὑπὸ τὸν ἀρχιεπίσκοπον τῆς πρώτης τελῶν Ἰουστινιάνης, διὰ τὴν τοῦ ἔθνους ἐκεῖθεν ἀρχαίαν συγγένειαν.

считаха еднакво погрѣшни.[19] И наистина, преди 1234 год. България въ църковно отношение не е могла да бѫде подчинена на Първа Юстиниана, т. е. на Охридската архиепископия, защото Н. Григора, като добре е знаелъ, че българската църква дотогава не е била подчинена на цариградската патриаршия, допускалъ такова подчинение, и то «по една само невѣрна догадка, както обяснява В. Г. ВАСИЛЬЕВСКИ, основана върху титлата на охридския архиепископъ («на цѣла България»), защото при обсѫждането на въпроса за посвещаването на новия търновски архиепископъ никому и на умъ не дошла необходимостьта за участието на охридския архиепископъ»,[20] и изобщо презъ всичкото време на подготвянето и извършването на самото събитие — прогласяването и признанието на обновената българска патриаршия — нийде не фигурира дори името на охридския архиепископъ. Сѫщо така българската църква не могла да бѫде подчинена и на цариградския патриархъ, защото до 1232 год. все още сѫществувала, макаръ и номинално, унията съ римската църква, която носѣла канонически и иерархически характеръ, а пъкъ отъ 1232 до 1235 год. тая подчиненость е сѫществувала, може би, само въ очитѣ на ромеитѣ, защото воденитѣ презъ 1232—33 год. преговори по въпроса за обсега на правата на българския архиепископъ като автокефаленъ глава на българската църква не довели до никакви резултати и предизвикали, както се каза, самоволното прогласяване независимостьта на българската църква начело съ патриархъ, и поради това нѣмало защо ИВАНЪ АСѢНЬ II да престава да плаща нѣкакъвъ-си данъкъ на цариградската църква, защото такъвъ не е сѫществувалъ, а следов. това не е могло да се счита като главна причина за признанието патриаршеското достоинство на българския свещеноначалникъ. Оттука ясно става, че авторътъ на разгледвания разказъ, може би, подъ влиянието на невѣрното известие на Г. Акрополита, чиято история, както ще видимъ по-долу, му била позната, е измислялъ исторически факти.

По-нататъкъ. Името на първия български (търновски) патриархъ презъ второто царство съвсемъ не е било Григорий, а ИОАКИМЪ, който билъ избранъ за архиепископъ отъ събора на българскитѣ епископи въ 1233 год., следъ като дотогавашниятъ такъвъ Василий се отказалъ отъ катедрата си и се оттеглилъ на Св. Гора,[21] и въ 1234 год., както се каза, билъ прогласенъ и посветенъ отъ сѫщия съборъ за патриархъ, а въ 1235 год. въ Каллиополь било признато отъ цариградския патриархъ ГЕРМАНА II въ съгласие съ другитѣ източки патриарси патриаршеското му достоинство. Отъ списъка на българскитѣ патриарси, който се намира

[19] *Е. Голубинскій*, Краткій очеркъ православныхъ церквей и пр. Москва 1871, стр. 280—281.

[20] *В. Г. Васильевскій*, пакъ тамъ, стр. 211—212.

[21] *Пакъ тамъ*, стр. 51—52.

въ българския Синодикъ, не е мѫчно да се установи, че никога не е имало търновски патриархъ съ име Григорий,[22] а още повече бивши филипийски митрополитъ, следов. тая личность или тоя търновски патриархъ се явява фиктивенъ, а оттука само по себе си изтича, че и всички приписвани нему действия сѫ така сѫщо фиктивни, а именно, никакъвъ търновски патриархъ не е рѫкополагалъ МИХАИЛА ПРАТАНА[23] за солунски митрополитъ, нито пъкъ е употрѣбявалъ старание да издигне иерисовския епископъ въ митрополитъ. Не е могълъ въ даденото време който и да билъ търновски патриархъ да рѫкополага солунски митрополитъ вече и поради това, че отъ края на 1232 или въ самото начало на 1233 год. въ Солунъ се намиралъ и изобщо въ владѣнията на МАНУИЛА АНГЕЛЪ, деспотъ солунски, анкирскиятъ митрополитъ ХРИСТОФОРЪ, който билъ изпратенъ отъ цариградския патриархъ като неговъ замѣстникъ и екзархъ по желанието на самия деспотъ Мануила и на западнитѣ, т. е. европейскитѣ, гръцки епископи, за да нареди работата по преминаването имъ отново подъ ведомството на цариградската патриаршия. Присѫтствието на патриаршеския екзархъ тъкмо въ това време въ Солунъ, койтоималъ пълномощия не само да рѫкополага епископи и митрополити, но дори да посветява и търновския патриархъ, никога не би позволило подобно едно рѫкоположение отъ страна на търновския патриархъ, особено пъкъ следъ като дѣлото за примирението и присъединението на западнитѣ гръцки епископи къмъ цариградския патриархъ било окончателно уредено.[24] Но дори ако допуснемъ, че поставянето на солунския митрополитъ е станало между 1230 и 1233 год., все пакъ ще трѣба да приемемъ, че то не е могло изобщо да стане, 1. защото българскиятъ свещеноначалникъ не е билъ още тогава прогласенъ за патриархъ и 2. той е билъ все още униатъ, поставеникъ на папата, а като такъвъ той не е могълъ да поставя православни гръцки митрополити.

Поради това особено невѣроятно и дори нелогично се явява и твърдението на нашия разказъ, какво току що поставениятъ солунски митрополитъ МИХАИЛЪ ПРАТАНЪ отишълъ въ 1235 год. въ Каллиополь да се оплаква предъ ИВАНА АСѢНЯ II противъ «неговия патриархъ», т. е. противъ това, който го е поставилъ — търновския патриархъ, и то защото последниятъ искалъ да издигне иерисовския епископъ въ митрополитъ, чрезъ което солунскиятъ се лишавалъ отъ правата си. Но това твърдение на нашия разказъ само по себе си пада, щомъ като се установява, че търновскиятъ патриархъ не е могълъ да поставя изобщо солун-

---

[22] Вж. Синодикъ царя Борила, пакъ тамъ, стр. 91.

[23] Еп. *Порфирий Успенски* навсѣкѫде пише това име «Протанъ», когато въ гръцкия текстъ то е написано Πρατάνης (Μιχαὴλ τὸν Πρατάνην; παρὰ τοῦ Πρατάνου Μιχαήλ).

[24] *В. Г. Васильевскій*, п. т., стр. 35—48. — *Ed. Kurtz*, Christophoros von Ankyra als Exarch des Patriarchen Germanos II. Byzan. Zeitsch. Bd. XVI (1907), S. 120—142.

ски митрополитъ въ даденото време, па и самата личность, Михаилъ Пратанъ, се явява твърде загадъчна. Следъ солунския митрополитъ КОНСТАНТИНА МЕСОПОТАМИТА, който бѣ отказалъ въ 1223 год. да короняса ТЕОДОРА КОМНИНА за императоръ, последователно единъ следъ другъ сѫ управлявали солунската епархия двама митрополити, НИКИТА и НИКОЛАЙ,[25] които сѫ завземали солунската митрополитска катедра отъ 1223 до 1233 година, а отъ тая година, споредъ едно писмо на охридския архиепископъ ДИМИТРИЯ ХОМАТИАНА (№ 106), солунски митрополитъ билъ ЙОСИФЪ, който въ 1233 год. се явява само *нареченъ*, а презъ пролѣтьта на 1234 год. билъ вече посветенъ за митрополитъ; споредъ твърде сполучливото предположение на М. ДРИНОВА, той ще да е билъ рѫкоположенъ отъ патриаршеския екзархъ ХРИСТОФОРА, анкирския митрополитъ, и несъмнено той е билъ съвременникъ на събитието — възобновата на българската патриаршия въ Търново,[26] тъй че и МИХАИЛЪ ПРАТАНЪ се явява сѫщо така фиктивна личность,[27] както и поставилиятъ го загорски патриархъ ГРИГОРИЙ, който се явява като deus ex machina между търновскитѣ патриарси.

Не по-малко невѣроятно е и съобщението, какво монаситѣ отъ св. Атонска Гора, като не признавали нито загорския (търновския) патриархъ, нито рѫкоположения отъ него солунски митрополитъ и като не искали, щото иерисовскиятъ епископъ или митрополитъ да се рѫкополага нито отъ сѫщия патриархъ, нито отъ МИХАИЛА ПРАТАНА, събрали се на брой *три хиляди* души и отишли при царь ИВАНА АСѢНЯ II, когато тоя се намиралъ въ Каллиополь по случай свадбата на дъщеря си Елена, гдето присѫтствувалъ и тогавашниятъ цариградски патриархъ

---

[25] *В. Г. Васильевскій*, пакъ тамъ, стр. 215, бележка. — *L. Petit*, Les évêques de Thessalonique въ Échos d'Orient, t. V (X. 1901 – IX. 1902), p. 31, N° 54.

[26] *М. С. Дриновъ*, О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана, какъ историческомъ матеріалѣ. Виз. Врем. т. II (1895), стр. 17 и бел. 3; Съчинения, т. I, стр. 623, бел. 43. – Ср. *Ed. Kurtz*, п. т., стр. 128.

[27] *L. Petit* (п. т.), като излиза отъ мисъльта, че «ces détails (на атоноватопедския разказъ), absolument nouveaux, nous sont fournis par une curieuse pièce contemporaine, dont l'authenticité, malgré la confusion de deux patriarches Germain et Manuel, ne paraît pas douteuse», приема, че Михаилъ Пратанъ билъ наистина историческа личность и несъмненно солунски митрополитъ, дори опредѣля и времето на неговото митрополитствуване — наскоро следъ Клокотнишката битка въ 1230 год. до 1235 год., безъ да се попита, дали до 1234 год. е имало въ България патриархъ. Но най-странното е това, гдето L. Petit можалъ да забележи въ нашия разказъ само едно смѣшение на двамата патриарси — Германа и Мануила, а пъкъ другитѣ несъобразности и анахронизми, които изключватъ всѣка възможность да се предполага, че нашиятъ разказъ е билъ съвременен на събитията, които се разказватъ въ него, не обърнали вниманието му, а главното е това, че за L. Petit останало неизвестно сѫществуването на посоченитѣ двама истински солунски митрополити, Николая и Йосифа, които ясно биха му доказали, че за фиктивния Михаила Пратана нѣма мѣсто между истинскитѣ солунски митрополити за времето отъ 1223 до 1235 година.

МАНУИЛЪ, бивши ефесски митрополитъ, за да се оплачатъ въ силни думи противъ неканоничнитѣ действия на търновския патриархъ и противъ незаконното рѫкоположение на солунския митрополитъ. Невѣроятностьта на това съобщение се доказва съ неговата недопустимость и невъзможность. Отиването на *три хиляди* светогорски монаси въ Каллиополь въ 1235 год., когато тамъ, наистина, се намирали Ив. Асѣнь II и Ив. Ватаци по случай вѣнчавката на децата имъ и сключването на военно-политически съюзъ противъ латинската въ Цариградъ империя, не е могло да се смѣта за маловаженъ фактъ и особено като се вземе подъ внимание неговата цель, диаметрално противоположна на това, което е ставало тогава въ Каллиополь, и поради това то непремѣнно би било отбелязано отъ близкия по време съвременен византийски историкъ, Георгия Акрополита; а между това последниятъ, който описва най-подробно всичко, каквото ставало въ 1235 год. както въ Каллиополь, тъй и въ Лампсакъ,[28] нищо не споменува за подобно дохождане на каквито и да било светогорски монаси съ означената по-горе цель. Наистина, авторътъ на синодиковия разказъ за възобновата на българската патриаршия съобщава, че ИВАНЪ АСѢНЬ II пристигналъ въ Каллиополь, придруженъ отъ митрополити и епископи и отъ «**въсѣчьстныѫ мниχы сѫтыѫ горы**»,[29] обаче тия светогорски монаси се явили тамъ, не за да протестиратъ противъ търновския патриархъ или противъ рѫкоположения отъ него солунски митрополитъ, както твърди нашиятъ разказъ, защото подобенъ протестъ не би билъ допуснатъ при ония важни политически и църковни събития, каквито ставали тогава въ Каллиополь и Лампсакъ, а за да вематъ участие въ прогласяването автокефалностьта на българската църква и въ признаването партиаршеското достоинство на нейния свещеноначалникъ отъ цариградската и другитѣ източни църкви. Къмъ недопустимостьта и невъзможностьта на разгледваното съобщение се прибавя и грубиятъ анахронизъмъ, че при вѣнчавката на царскитѣ деца въ 1235 год. въ Каллиополь (sic!) присѫтствувалъ и тогавашниятъ цариградски патриархъ МАНУИЛЪ. Съ такова име близки по време имало двама патриарси: единъ МАНУИЛЪ I Сарантиносъ (Харитопулъ), който е заемалъ патриаршеския престолъ отъ 1215 до 1221 год., т. е. презъ единъ периодъ, когато и дума още не било ставало нито за български патриархъ, нито за браченъ съюзъ между Търново и Никея, и другъ МАНУИЛЪ II, който билъ издигнатъ до патриархъ не отъ ефесската митрополия, а изъ срѣдата на придворнитѣ свещеници и е заемалъ патриаршеския престолъ отъ 1244 до 1254 год.,[30] когато вече царь Ив.

---

[28] *G. Acropolites*, ib., p. 50,9–51,3.

[29] Синодикъ царя Борила, п. т., стр. 86.

[30] *В. Г. Васильевскій*, п. т., стр. 215, бележка.

Асѣнь II не е билъ живъ, следов. авторътъ на нашия разказъ и тукъ не можилъ да скрие своята недобросъвестность и своята фалшивость.

Но въ своитѣ измислици авторътъ не се ограничилъ само съ това. Споредъ него, светогорскитѣ 3000 монаси въ своитѣ оплаквания се позивали на нѣкаква-си «восъкопечатна наредба», т. е. писмена наредба, къмъ която билъ прикаченъ восъченъ печатъ, издадена отъ императоръ АЛЕКСИЯ I КОМНИНЪ (1081—1118), като при това казва, че тия монаси били напълно оправдани, защото въ наредбата било казано, какво «иерисовскиятъ епископъ нѣмалъ никакво право на Света Гора», и въ края на разказа привежда и самата наредба или по-скоро часть отъ нея. Твърде е възможно, че Алексий I Комнинъ да е издалъ подобна наредба,[31] въ която се подтвърдявали свободата и привилегиитѣ на светогорскитѣ монаси и се говорило за независимостьта на Света Гора както отъ гражданскитѣ, тъй и отъ духовнитѣ власти, респек. отъ епископската власть, и за единовластието на Прота, който стои на чело въ управлението на атонскитѣ монастири; въ нея обаче и дума не става нито за загорския патриархъ, нито за солунския митрополитъ, нито пъкъ за иерисовския епископъ, тъй че не може да се установи по съдържанието на наредбата, отъ какво собствено монаситѣ сѫ се оправдали, както мѫчто може да се каже, въ какво и отъ кого сѫ се обвинявали тѣ въ Каллиополь.

Не съ по-голѣма логичность и истина се отличава и следващиятъ пасажъ за решението на архиерейския съборъ, който ужъ билъ свиканъ въ Каллиополь отъ цариградския патриархъ. Това решение било взето ужъ съгласно съ смисъла на императорската наредба, т. е. че никой епископъ не може да има власть надъ Света Гора, а понеже въпросьтъ се отнася до иерисовския епископъ, който собствено стои на пръвъ планъ въ нашия разказъ, то и авторътъ твърди, че иерисовскиятъ епископъ нѣмалъ никакво право върху Света Гора. Едновременно архиерейскиятъ съборъ се билъ изказалъ, щото загорскиятъ патриархъ да се не мѣси въ неподчинена на църквата му митрополия, да не рѫкополага, разбира се, тамъ и изобщо да не се занимава съ друга никаква църковна работа; дори присѫтствуващиятъ тамъ филаделфийски митрополитъ Фока билъ ужъ предложилъ окончателно до низвергнатъ загорския патриархъ, и само поради силнитѣ настоявания на ИВАНА АСѢНЯ II това не станало, а билъ низвергнатъ само солунскиятъ митрополитъ (разбира се, МИХАИЛЪ ПРАТАНЪ) като такъвъ, който билъ неканонично рѫкоположенъ и безъ

[31] Въ наредбата не е означена годината на издаването ѝ, а само месеца и индиктиона — октомврий 3-и индиктионъ, който за-презъ царуването на Алексия I Комнинъ отговаря на 1095 и 1110 години септемврийски, а понеже наредбата е издадена презъ месецъ октомврий, то тя се отнася къмъ 1094 или 1109 година. *A. Mordtmann,* както се каза, приема 1109 год. съгласно съ ржкописа на Московската Синодална библиотека.

съгласието на цариградския патриархъ. За да подкрепи и удостовѣри всички тия твърдения, авторътъ на нашия разказъ привежда и самото съборно постановление in extenso, разбира се, постановлението на събора въ Каллиополь на 1235 год., макаръ той да не се изказва изрично за това, а го е озаглавилъ само съ ἕτερον συνοδικόν, подъ което впрочемъ би могло да се разбира и постановление на другъ архиерейски съборъ. Но въ това съборно постановление — дори да допуснемъ, че е имало, наистина, архиерейски съборъ въ Каллиополь въ 1235 год. и че на него е било взето такова решение, — въпросътъ пакъ се отнася само до отношенията на иерисовския епископъ къмъ светогорскитѣ мънастири и нито дума не става както за загорския патриархъ, тъй и за ограничение на църковнитѣ му права; а пъкъ предложение, като това на филаделфийския митрополитъ, е могла да скрои само силната фантазия на единъ шовинистъ, който не си е давалъ отчетъ за характера и смисъла на събитията, които ставали въ Каллиополь и Лампсакъ презъ 1235 год. Че това предложение е измислица на нашия авторъ, показва и това обстоятелство, че присѫтствието на филаделфийския митрополитъ ФОКА въ Каллиополь презъ 1235 год. се явява така сѫщо невъзможно, защото тоя Фока е билъ такъвъ и е действувалъ много по-късно, къмъ края на царуването на ИВАНА ВАТАЦИ (1253—54),[32] следов. нашиятъ авторъ тукъ е заимствувалъ както името, тъй и личността на филаделфийския митрополитъ направо отъ Г. АКРОПОЛИТА и произволно го вписалъ въ своя разказъ, безъ да се стѣсня̀ва, че хронологически това е недопустимо. Сѫщо така въ съборното постановление нищо не се говори за низвержението на солунския митрополитъ МИХАИЛА ПРАТАНА, а само се подтвърдява зависимостьта на иерисовския епископъ отъ него като иерархическо право на солунската митрополия. Че подобно решение е нѣмало, показва и другъ единъ анахронизъмъ: въ нашия разказъ се изтъква, че вмѣсто низвергнатия солунски митрополитъ билъ избранъ и веднага рѫкоположенъ още въ Каллиополь и въ 1235 год. МАНУИЛЪ ДИСИПАТЪ. Както се каза по-горе, следъ Константина Месопотамита единъ следъ другъ сѫ били солунски митрополити НИКИТА, НИКОЛАЙ и ЙОСИФЪ,[33] който е билъ съвременникъ на събитията отъ 1235 год. Дали следъ Йосифа е имало другъ митрополитъ, остава засега неизвестно; знае се само положително, че МАНУИЛЪ ДИСИПАТЪ, който

---

[32] *G. Acropolites*, ib., p. 92,4 et 96,19 et squ.

[33] *В. Г. Васильевски* (п. т., стр. 216, бел.), позивайки се на *Le Quien* (Oriens christianus, vol. I, p. 50), твърди, че солунски митрополитъ съ име Мануилъ носѣлъ предшественикътъ на Константина Месопотамита, обаче отъ списъка на *L. Petit* (п. т., стр. 30) това не може да се установи, защото предшественици на Месопотамита били Иванъ, бивши атински, и Хрисанта преди второто му заемане на солунската катедра.

още е познатъ съ презиме ОПСАРА[34] или ПСАРА,[35] се явява на историческата сцена сѫщо много по-късно — въ 1261 год.[36] и после въ 1267 и 1276 год.,[37] следов. и той не е могълъ да бѫде избранъ и рѫкоположенъ за солунски митрополитъ въ 1235 год. и въ присѫтствието на Ив. Асѣня и Ив. Ватаци, и то въ Каллиополь, защото въ посоченитѣ години нито единиятъ, нито другиятъ отъ тия владѣтели не сѫ били между живитѣ.

Най-сетне нашиятъ разказъ се завършва съ единъ пасажъ, отъ съдържанието на който може да се заключи, че въ края на краищата билъ съставенъ официаленъ актъ за всичко, каквото било извършено въ Каллиополь, подписанъ, споредъ думитѣ на автора, отъ цариградския патриархъ и неговитѣ архиереи и скрепенъ съ червенитѣ подписи на двамата царе, които заповѣдали да се спазватъ навѣки решенията на събора. Но, както изглежда, авторътъ като че ли самъ се съмнявалъ, че читателтъ ще повѣрва на горнитѣ съ нищо не подкрепени негови увѣрения, защото, очевидно, никога не е сѫществувалъ подобенъ актъ, иначе той не би се забавилъ да приведе извадки отъ него, и поради това за по-голѣма авторитетность прибавя, какво всичко това *нелъжливо* (ἀψευδῶς) предалъ писмено известниятъ велики логотетъ АКРОПОЛИТЪ въ своята лѣтописна (sic) история. Обаче за голѣмо очудване въ историята на Георгия Акрополита освенъ за вѣнчавката на царскитѣ деца, военно-политическия съюзъ на Ив. Асѣня съ Ив. Ватаци и за признаването и издигането на българския свещеноначалникъ въ санъ патриаршески, за нищо друго не се споменува отъ това, което съдържа нашиятъ разказъ. Авторътъ му, очевидно, билъ запознатъ съ историята на Г. Акрополита, но отъ нея той е заимствувалъ само имена и лица, които сѫ нѣмали и по време, и по дейность никакво отношение къмъ излаганитѣ отъ него факти и събития, каквито сѫ имената на филаделфийския митрополитъ Фока и на солунския митрополитъ Мануила Дисипата, които сѫ играли известна историческа роля, както се посочи по-горе, много по-късно, а пъкъ за загорския патриархъ Григория и за поставения отъ него незаконно солунски митрополитъ Михаила Пратана у Г. Акрополита и поменъ нѣма. Всичко това ясно свидетелствува, че авторътъ на нашия разказъ не е признавалъ никаква хронология, нито последователность и връзка между събитията, а безогледно и безразборно внасялъ въ из-

[34] *G. Acropolites*, ib., p. 178, 11 et additamenta: καὶ τὸν τῆς Θεσσαλονίκης Μανουὴλ τὸν τοὐπίκλην Δισύπατον, ὃν καὶ ὡς ἐκ νεότητος ἰχθυοφαγεῖν ἀσπαζόμενον ἀρετῆς ἀντιποιήσει καὶ πόθῳ ὑψηλοτέρας διαγωγῆς Ὀψαρᾶν ἐκάλεσαν οἱ συμφοιτηταὶ καὶ συνήλικες.

[35] *G. Pachymeres*, ed. Bon., vol. I, p. 102, 5–6: Μανουὴλ ὁ Θεσσαλονικεὺς ὁ τοὐπίκλην Ψαρᾶς καὶ Δισύπατος.

[36] *G. Acropolites*, ib., p. 176, 22–179, 17; p. 299–300, § 56. — *G. Pachymeres*, ib., p. 101, 13–102 17; p. 118, 7 et squ.

[37] *И. Е. Троицкій*, Арсеній и Арсениты. С.-Петербургъ 1872, стр. 28 и 174. — *Васильевскій*, п. т., стр. 215—216, бележка.

мисления си разказъ имената на исторически лица, чрезъ които той е искалъ да му придаде исторически характеръ и да го представи за достовѣренъ. При такова заключение ние мислимъ, че съвсемъ е неумѣстенъ въпросътъ: не е ли ималъ той подъ рѫка нѣкоя по-подробна история на Г. Акрополита, която не е дошла до насъ, и отъ която е почерпалъ подробноститѣ внесени въ нашия разказъ,[38] защото такава история до днесъ не е открита и надали нѣкога ще се изнамѣри, особено следъ пълното издание на всички съчинения на Г. Акрополита отъ проф. А. ХАЙЗЕНБЕРГА.

Направениятъ тукъ анализъ на съдържанието на нашия разказъ, мислимъ, е достатъченъ, за да покаже, че въ него имаме нищо друго, освенъ единъ *фалсификатъ*, който трѣба да се изхвърли отъ срѣдата на историческитѣ паметници и документи. Твърдението, че той е билъ съвременъ на събитията, разказвани въ него,[39] а сѫщо и изказанитѣ колебливи мнения относно автентичностьта на нашия разказъ въ смисълъ, че въпрѣки явната негова легендарность, фактически невѣрности и голѣмата бъркотия въ имена и хронология, все пакъ трѣба да се допусне въ него «истинска историческа основа» или «исторически фактъ», особено по въпроса за ограничение правата на загорския (= търновския) патриархъ, или че наистина е станалъ, ако не въ Каллиополь, то поне въ Никея или на друго мѣсто такъвъ архиерейски съборъ, на който се е искало още въ 1235 год. низвержението на загорския патриархъ,[40] — тия мнения не могатъ да се приематъ, защото главната и основна мисълъ на нашия авторъ не е била да ни представи, при какви обстоятелства е станала възобновата на българската патриаршия и на какви условия е било признато патриаршеското достоинство на българския свещеноначалникъ, — за тѣхъ той малко се интересува и се изказва съвсемъ накратко — а пъкъ сведенията му, които иматъ нѣкое отношение къмъ тия въпроси, сѫ отъ такова естество, както видѣхме, че тѣ не вдъхватъ никакво довѣрие и повечето сѫ нищо друго освенъ измислици на самия авторъ. Основната мисль и главната цель на нашия разказъ сѫ били съвсемъ други, както ще видимъ, и се намиратъ въ права връзка съ отношенията на иерисовския епископъ, за когото се често споменува въ него, къмъ светогорскитѣ мънастири.

*

Но като дохождаме да такова отрицателно заключение, неволно се поражда въпросъ: по какъвъ поводъ или причина и съ каква цель е билъ

[38] *Ph. Meyer*, п. т., стр. 53, бел. 3.

[39] *L. Petit*, п. т., стр. 31.

[40] *В. Г. Васильевскій*, пакъ тамъ, стр. 216, бележка. — *Ph. Meyer*, пакъ тамъ, стр. 49—53. — *П. А. Сырку*, Время и жизнь патріарха Евѳимія Терновскаго. С. Петербургъ 1898, стр. 308—315. Особено разсѫжденията му за автентичностьта на нашия разказъ.

съставенъ, или по-добре, е билъ изкованъ тоя фалсификатъ и кога?

Отъ съдържанието на нашия разказъ, а главно отъ приведенитѣ въ него като доказателства документи не е мѫчно да се установи, че това, което най-много е интересувало неговия авторъ, е въпросътъ *за независимостьта,* или по-право, *за неподчинеността на Св. Гора подъ юрисдикцията на иерисовския епископъ,* който се наричалъ още *светогорски.*[41] Тоя тъкмо въпросъ и съставя главната и основна мисъль на автора на нашия разказъ, която той тъй явно и усърдно прокарва презъ цѣлия разказъ и която иска да докаже документално. Отъ установяването на тоя фактъ може да се извади само едно заключение, а именно, че между иерисовскитѣ епископи е имало такива, които сѫ се домогвали и сѫ постигали да разширятъ властьта си върху светогорскитѣ мънастири. Но да се разбере, че така е било, ще трѣба да се обърнемъ къмъ нѣкои факти отъ историята на Св. Гора.

Както е известно, до началото на XIV. вѣкъ всички светогорски мънастири, безъ да се изключаватъ и славянскитѣ — българскиятъ Зографъ и сръбскиятъ Хилендарь, имали общо съборно управление въ тъй наречения ПРОТАТЪ, който се съставялъ отъ представители на всички мънастири начело съ ПРОТЪ, назначаванъ и утвърждаванъ отъ императора, и ималъ постоянното си мѣстопребивание въ градчето Карея, и дотогава представяли една напълно независима монашеска община-република. Понеже въ всички мънастири, голѣми и малки, па дори и въ скитоветѣ, се извършвало богослужение, то иеродякони и иеромонаси за тѣхъ се рѫкополагали отъ иерисовско-светогорския епископъ. Поради това тоя епископъ ималъ свой тронъ въ протатската църква въ Карея и тамъ заемалъ първо мѣсто предъ Прота. Това положение обаче, при отъ вѣкове сѫществуващата автономия на светогорската мънастирска община, пораждало често недоразумения между епископа и Прота, които достигнали до тамъ, че монаситѣ решили, щото тѣ сами да си избиратъ Прота и да го поставятъ на първо мѣсто предъ епископа, да бѫдатъ сѫдими и управлявани отъ него духовно, а самъ той да управлява и да се разпорежда *своеволно* (ὑφ' ἑαυτοῦ) и дори да не получава благословение за това нито отъ патриарха, нито отъ другъ нѣкой архиерей. Понеже това било противно на църковния уставъ и, за да се тури край на тия недоразумения, върховниятъ покровитель на Св. Гора, императоръ АНДРОНИКЪ II ПАЛЕОЛОГЪ (1280—1328), безъ да нарушава неприкосновеността на всички вѫтрешни права и привилегии на светогорскитѣ мънастири и следъ като получилъ съгласието на тогавашния патриархъ, съ грамота, издадена презъ ноември на 1312 год., подчинилъ светогорския Прота подъ юрисдикцията на цариградския патри-

[41] Че тази е била основната мисъль се види и отъ надсловитѣ, дадени въ рѫкописитѣ. Вж. тукъ по-горе, стр. 2 и 3.

архъ. Оттогава Протътъ получавалъ отъ последния надлежното благословение и утвърдение, а не отъ иерисовския епископъ или отъ другъ нѣкой архиерей; сѫщо тогава Протътъ се сдобилъ съ право да извършва свещенодействията съ набедреникъ съгласно съ грамотата на тогавашния патриархъ НИФОНА (1311—1315), който пръвъ благословилъ и утвърдилъ съвременния нему Прота, иеромонахъ киръ ТЕОФАНА, и му далъ тая привилегия, която да се предава неотстѫпно и на неговитѣ преемници.[42]

Съ тоя актъ, обаче, недоразуменията, както изглежда, не били отстранени, защото съ него архиерейскитѣ права на иерисовския епископъ надъ Св. Гора не били отнети. И, наистина, презъ 1368 год. иерисовско-светогорскиятъ епископъ се оплакалъ писмено на патриархъ ФИЛОТЕЯ (1364—1376), че Протътъ на светогорскитѣ мънастири, който ималъ намѣрение да му отнеме нѣкои архиерейски права, понеже се решилъ да пуща на Св. Гора лица, рѫкоположени отъ сърби, изнесълъ трона му отъ Карейската църква и не му позволявалъ да държи тамъ пастирския си жезълъ, нито да свещенодействува, нито да се споменува името понапредъ на епископа, а после на Прота, а, наопаки, нито дори да ходи по Св. Гора безъ негово съгласие и дозволение, нито пъкъ да извършва хиротония. Следъ като жалбата на иерисовския епископъ била разгледана и обсѫдена въ архиерейския синодъ при патриаршията, патриархъ ФИЛОТЕЙ презъ априлъ на 6-ия индиктионъ, 6876 (= 1368) год. на името на сѫщия епископъ издалъ грамота, въ която, като се признаватъ всичкитѣ му архиерейски права надъ Св. Гора, «каквито иматъ всички архиереи въ своитѣ църкви, и да ги прилага той безпрѣчно, безъ да среща на Св. Гора отъ никого нито задръжка, нито разпитъ, и да постѫпва като истински светогорски архиерей споредъ наредбата на свещенитѣ канони,[43] защото така е било по-рано», патриархътъ съборно заповѣдва, казаниятъ епископъ «безпрѣчно да ходи по Св. Гора, когато той иска, като въ своя епископия, и да свещенодействува тамъ, гдето и когато пожелае, и да държи пастирския си жезълъ както тамъ навсѣкѫде, така и въ Карея, и да се поменува по-напредъ той, а после Протътъ, и да си има въ Карея тронъ, защото тамъ го е ималъ отъ старо време всѣки светогорски архиерей, сѫщо и хиротонии тамъ да ставатъ

[42] Вж. грамотата на Андроника II у *еп. Успенски*, п. т., ч. III, отдѣл. 2, стр. 142—146 и гръцкия ѝ текстъ, стр. 650—654. — *Ph. Meyer*, п. т., стр. 53—56, гръцкия ѝ текстъ, стр. 190—194. — Грамотата е издадена презъ ноември 11. индиктионъ, въ 6821 год. отъ С. М. 11-иятъ индиктионъ се продължавалъ отъ 1. IX. 1312 до 31. VIII. 1313 год. отъ Хр., но понеже грамотата била издадена презъ н о е м в р и й, то тя се отнася къмъ 1312, а не къмъ 1313 год., както стои у еп. Успенски.

[43] Тукъ се има предъ видъ 8-то правило на IV вселенски съборъ въ Халкидонъ, което и самъ патриархътъ изрично привежда въ грамотата си и въ което се казва, че клирицитѣ ... отъ мънастиритѣ трѣба да се подчиняватъ на мѣстния епископъ и да не смѣятъ да се отцепватъ дързновенно.

споредъ обичая, т. е. въ голѣмитѣ мънастири ржкополаганитѣ да се избиратъ отъ игумена и другитѣ свещеници, и тия да ги изпитватъ и да свидетелствуватъ за тѣхъ, а после да ги представятъ на епископа за ржкополагане, а въ външнитѣ исихастирии и келиитѣ пакъ той да ржкополага, но съ знанието на Прота и изобщо да извършва всѣко архиерейско действие на Св. Гора безпрѣчно тъй, щото да го не спира нито Протътъ, нито другъ нѣкой». Грамотата се завършва съ следнитѣ думи: «И тъй всичко това трѣба да бѫде споредъ настоящата заповѣдь на нашата мѣрность така, щото той (иерисовскиятъ епископъ) да не срѣща никаква задръжка или осѫждане, но всичко да върши безпрѣчно, и да налага тежка епитимия за отлѫчка на всѣкиго, който поиска да му отнеме дори едно какво-да-е отъ придаденитѣ нему права».[44]

---

[44] *Еп. Успенски*, пакъ тамъ, стр. 188—190 и гръцкия текстъ, стр. 665—667; сѫщо *Miklosich et Müller*, Acta Patriar. Con-politani, vol. I, стр. 555—557. — Въ оплакванията на иерисовския епископъ между другото се казвало, както видѣхме, че Протътъ «решилъ да пуща на Св. Гора лица, ржкоположени отъ сърби». За да стане ясна тая фраза, ще трѣба да се има предъ видъ следното. — Както е известно, следъ самоволното учредяване на патриаршеството въ Сърбия, което станало, споредъ сръбския лѣтописецъ, «безчинно» и «не по закону», отъ своеобразно съставения при Стефана Душана църковенъ съборъ въ 1346 год., цариградскиятъ патриархъ Каллистъ (1350—54 и 1355—64) отказалъ да признае действията на тоя съборъ за законни и въ 1352 год. анатемосалъ новия патриархъ и новия сръбски царь и произнесълъ изобщо отлѫчка върху сръбската църква, като прекратилъ и всѣки сношения съ нея (вж. *Т. Д. Флоринскій*, Южные славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка. Выпускъ 2-ой. С. Петербургъ 1882, стр. 126—129. — *К. Јиречек*, Историја Срба. I, Београд 1922, стр. 287). Въ силата на императорската наредба отъ 1312 год. това патриаршеско постановление било разпространено и върху Св. Гора, т. е. било забранено да се приематъ въ светогорскитѣ мънастири лица, ржкоположени отъ представители на отлѫчената сръбска църква; но светогорскиятъ Протъ, както изглежда, стремейки се къмъ пълна независимость, не изпълнявалъ това постановление. Сръбската църква се домогвала да се освободи отъ тая отлѫчка и затова при преемника на Каллиста, патриархъ Филотея, направила постѫпки въ Цариградъ за възобновяване общението си съ цариградската църква. Обаче въ 1368 год. тоя въпросъ не билъ още разрешенъ, както това се види отъ думитѣ на патр. Филотея, който въ грамотата на иерисовския епископъ пише: «Що се отнася до ржкоположенитѣ отъ сърбитѣ, то нашата мѣрность чрезъ настоящата сигиллиодна грамота заповѣдва, щото никой отъ светогорцитѣ да ги не приема с е г а, докато не се върнатъ изпратенитѣ отъ насъ тамъ (въ Сърбия) пратеници, за да разузнаятъ, присъединили ли сѫ се тѣ къмъ светейшата наша Велика църква божия и подчиняватъ ли й се тѣ. Следъ завръщането имъ ще бѫде това, което трѣба да бѫде». Но въ прибавката къмъ сѫщата грамота Филотей като да се поправя и допълня, пишейки: «Що се отнася до хиротонията на сърбитѣ, то светогорцитѣ да я не признаватъ не отсега, а откакъ тѣ се отдѣлиха отъ общение съ насъ и завладѣха църквитѣ, които принадлежатъ намъ и сѫ подведомни на нашата Велика и съборна църква: оттогава тѣ не се приематъ нито тукъ (въ Цариградъ), нито нѣкѫде другаде. Но, понеже тѣ пожелаха сега отново да се съединятъ съ насъ, и ние изпратихме при тѣхъ пратеници за възсъединение, то нашата мѣрность заповѣда да не се приема никой отъ тѣхъ, докле не се върнатъ пратеницитѣ и докле не се научимъ, какво и какво ще бѫде» (*еп. П. Успенски*, п. т., стр. 190). Отлѫчката била снета отъ сръбската църква само въ 1375 год. при князь Лазаря отъ сѫщия патриархъ Филотея.

Не подлежи на никакво съмнение, че издаването на тая патриаршеска грамота, чрезъ която не само се възстановявали и подтвърдявали, но се и донѣйде разширявали правата на иерисовско-светогорския епископъ, е предизвикало съставянето на нашия разказъ. Неговиятъ авторъ, който е билъ несъмнено светогорски монахъ отъ мънастиря Ватопедъ, очевидно, искалъ да отхвърли съобщаванитѣ въ нея съборно решение и патриаршеска заповѣдь и да имъ противопостави исторически доказателства, съ които да обори правата на иерисовския епископъ надъ Св. Гора. Затова той се заловилъ да докаже съ разни измислици незаконния произходъ на тия права. За тая цель той си послужилъ съ отрицателнитѣ възгледи за положението на търновския патриархъ, които сѫ се породили въ цариградската църква въ едно време, когато сѫ се оспорвали пълната независимость на българската църква и истинскиятъ обсегъ на правата, които били признати за търновския патриархъ, а това е било срѣдата на XIV. вѣкъ при цариградския патриархъ КАЛЛИСТА (1350—1354 и 1355—1364). Тоя патриархъ, възъ основа на едно съчинение на патриархъ ГЕРМАНА II, въ своето известно послание до св. ТЕОДОСИЯ ТЪРНОВСКИ и неотлѫчния отъ него ученикъ РОМАНА отъ декемврий 1355 год. доказвалъ, че когато въ 1235 год. се признавало патриаршеското достоинство на търновския патриархъ, последниятъ не билъ почетенъ за равноправенъ съ другитѣ вселенски патриарси, че той билъ подчиненъ на цариградския и дори му плащалъ данъкъ и други налози и че цариградскиятъ патриархъ ималъ право до го вика на сѫдъ и дори да го лиши отъ патриаршеския му санъ; по-нататъкъ КАЛЛИСТЪ посочвалъ още и това, че търновскиятъ патриархъ билъ издигнатъ въ тоя санъ при патриархъ ГЕРМАНА II (въ 1235 г.), само да не би тогавашниятъ български царь ИВАНЪ АСѢНЬ, който силно настоявалъ за това, нѣкакъ да се наскърби.[45] — Ако въ нашия разказъ нищо се не говори за това, какъ е станала възобновата на българската патриаршия, а се изтъква само, че било оповестено, какво въ Загора се поставялъ мѣстенъ патриархъ, и то защото Иванъ Асѣнь искалъ да има патриаршия и, за да принуди цариградската църква къмъ това, престаналъ да плаща данъкъ на цариградския патриархъ; че филаделфийскиятъ митрополитъ ФОКА

[45] Това послание на гръцки е издадено отъ *Miklosich-Müller*, Acta P. C. vol. I, p. 436–442. Но преди това С. Н. Палаузовъ издаде славянския му преводъ, който се намира въ единъ ржкописъ отъ XV. вѣкъ на Петроградската Публична библиотека (F, отдѣл. I, № 211, стр. 414 и сл.), обаче въ непълненъ видъ — само първата половина (вж. Извѣстія II-го отдѣленія Академіи Наукъ, т. VII (1858), вып. 2-ой, стр. 155—163. Отдѣл. оттискъ С. Петербургъ 1858, стр. 1—21: «Грамота патріарха Каллиста, какъ новый источникъ исторіи болгарской церкви»). — За това послание вж. *К. Радченко*, Религиозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ. Кіевъ 1898, стр. 179—182. — По-подробно вж. *П. А. Сырку*, каз. съч., стр. 278—292. — Сѫщо и рецензията на *М. С. Дринова* върху книгата на Сырку въ «Съчинения», т. III (1915), стр. 427—435.

направилъ предложение на предполагаемия архиерейски съборъ въ Каллиополь дори да се низвергне търновскиятъ патриархъ, и че, ако това не станало, то то се длъжало на силното настояване на царь Асѣня, то ясно става, че авторътъ му билъ запознатъ съ съдържанието на споменатото послание на патриархъ Каллиста и се възползувалъ отъ него за построението на своя разказъ.

И наистина, въ историята на Г. АКРОПОЛИТА, която нашиятъ авторъ е ималъ, както видѣхме, подъ рѫка, той прочелъ, че властьта на ИВАНЪ АСѢНЯ II се е простирала и върху Халкидика следъ Клокотнишката битка (1230 г.) и че на царската среща въ Каллиополь (1235 г.) било признато патриаршеското достоинство на търновския партиархъ, а пъкъ отъ споменатото послание на Каллиста той узналъ, че търновскиятъ патриархъ билъ не само неравноправенъ съ цариградския, но и нему подчиненъ, подсѫденъ и всѣкога могълъ да бѫде отъ него лишенъ отъ сана му. Всички тия данни били достатъчни за автора на нашия разказъ, за да съчини всичкитѣ измислици, на които тукъ по-горе посочихме. Така, на непризнавания отъ цариградския патриархъ за равноправенъ загорски патриархъ той приписалъ неканонични действия, които състояли въ това, че загорскиятъ патриархъ ужъ рѫкоположилъ за солунски митрополитъ една фиктивна личность, нѣкого-си МИХАИЛА ПРАТАНА, и положилъ всичкото си старание, щото иерисовския епископъ да издигне въ митрополитъ и чрезъ това, едно, да го освободи отъ зависимостьта му отъ солунския митрополитъ и, друго, да разшири и закрепи властьта му и надъ Св. Гора. Но, като кара съвсемъ нелогично Михаила Пратана да се застѫпва за своитѣ права противъ рѫкоположилия го загорски патриархъ, а светогорскитѣ монаси въ единъ невѣроятенъ брой (3000 души) да отиватъ въ Каллиополь, за да протестиратъ противъ незаконнитѣ действия на загорския патриархъ и при това да се позиватъ на съмнително издадената отъ АЛЕКСИЯ I КОМНИНЪ наредба, гдето се казвало ужъ, че «иерисовскиятъ епископъ нѣма никакво право на Св. Гора», нашиятъ авторъ, очевидно, искалъ да покаже, че претенциитѣ изобщо на иерисовскитѣ епископи да иматъ подъ властьта си и Св. Гора и да първенствуватъ въ нея изтичали отъ незаконенъ изворъ — отъ загорския патриархъ; а за да посочи, че тия претенции още въ XIII. вѣкъ били отхвърлени и осѫдени като неправилни и поради това тѣ нѣматъ никаква историческа основа, той съгласно съ Каллистовото послание анахронически кара 1. цариградския патриархъ въ Каллиополь още въ 1235 год. да свиква архиерейски съборъ, за да изпълни исканията на дошлитѣ тамъ светогорски монаси и да ограничи правата на загорския патриархъ, 2. филаделфийския митрополитъ — да предлага на тоя съборъ окончателното низвержение на търновския патриархъ и 3. българския царь Иванъ Асѣня силно да настоява да не се приема това предло-

жение и да се приложи то само върху незаконно рѫкоположения солунски митрополитъ, което било извършено ужъ още тамъ, въ Каллиополь, отъ цариградския патриархъ чрезъ избора и рѫкоположението на МАНУИЛА ДИСИПАТА. Така съ измислени факти и събития, които не само никога не сѫ ставали, но и не могли да станатъ, авторътъ на нашия разказъ се опиталъ исторически да обори признатата отъ патриархъ ФИЛОТЕЯ въ 1368 год. пълна юрисдикция на иерисовския епископъ надъ Св. Гора и да възстанови нарушената вѣковна автономия на светогорскитѣ мънастири.

Що се отнася до времето, когато е билъ съставенъ нашиятъ разказъ, самъ еп. П. УСПЕНСКИ пише, че го заимствувалъ «изъ древняго рукописнаго устава аѳоноватопедскаго» или че го намѣрилъ «въ одной аѳоно-ватопедской рукописи древней», но докѫде се простира древността на рѫкописа, той не опредѣля. За съвременността му съ събитията, които сѫ изложени въ него, не може и дума да става, защото самъ авторътъ нарича ИВАНА ВАТАЦИ «приснопаметенъ» (ἀοίδιμος), т. е. когато разказътъ билъ съставенъ, тоя императоръ билъ вече умрѣлъ, а оттука става явно, че разказътъ билъ писанъ не въ 1235 год. или наскоро следъ тая година, а много по-късно и отъ 1254 год., къмъ която се отнася смъртьта на Ив. Ватаци, следов. нашиятъ разказъ е билъ съставенъ следъ 1254 година. Обаче отъ посочената негова вѫтрешна връзка отъ една страна съ посланието на патриархъ КАЛЛИСТА отъ декемврий 1355 год., а отъ друга — съ грамотата на патриархъ ФИЛОТЕЯ отъ априлъ 1368 год., не е мѫчно да се установи като несъмнено, че нашиятъ разказъ е могълъ да бѫде съставенъ не по-рано отъ 1356 и наскоро следъ 1368 год. или съ други думи, той трѣба да се отнесе къмъ последната четвърть на XIV. вѣкъ.

София, 28. V. 1930.

РЕЗЮМЕ.

Предметъ на горната статия съставя единъ разказъ на гръцки езикъ, който се намира въ края на единъ старъ рѫкописенъ уставъ (τύπικον) на Атонъ, именно, говори за отношенията на епископа на иерисовската епископия на полуостровъ Халкидика къмъ атонскитѣ монастири, като засѣга и въпроси отъ историята на българската църква, именно, за възобновата на българската патриаршия въ XIII. вѣкъ при царь Иванъ Асѣня II (1218—1241) и нейнитѣ отношения къмъ солунския митрополитъ и иерисовския епископъ. Авторътъ на статията разгледва тритѣ, независими едно отъ друго, издания на тоя разказъ (направени отъ руския епископъ П. Успенски, А. Мордтмана и Ф. Майера) и възъ основа на тѣхъ възстановява първоначалния му гръцки текстъ, придруженъ съ

критически апаратъ и превода му. — По-нататъкъ, като анализира съдържанието на разказа и изтъква и доказва неговата легендарность, фактически невѣрности и несъобразности, а сѫщо и голѣмата бъркотия въ хронологията и историческитѣ личности, авторътъ дохожда до заключение, че въпросниятъ разказъ, чийто авторъ билъ нѣкой монахъ въ Ватопедския монастирь, не е нищо друго освенъ единъ фалсификатъ, който трѣба да се изхвърли отъ срѣдата на историческитѣ паметници и документи, като въ сѫщото време оборва и изказанитѣ досега мнения, които допущатъ въ него «истинска историческа основа», или «исторически фактъ», а нѣкои го считатъ дори за съвременъ на разказанитѣ въ него събития. — Следъ това авторътъ на статията извежда, че причина, която е предизвикала съставянето на тоя фалсификатъ, било обстоятелството, че въ срѣдата на XIV. вѣкъ била нарушена вѣковната автомия на атонската монашеска община, която въ силата на грамотата, издадена презъ априлъ 1368 година отъ патриархъ Филотея (1364—1376), напълно била подчинена подъ юрисдикцията на иерисовския епископъ, и заедно съ това се признавали всичкитѣ архирейски права на последния върху Атонъ. Поради това основата мисъль на разказа е да обори това нарушение правата на атонскитѣ монастири, което имало своето начало въ незаконнитѣ действия на загорския (т. е. търновския) патриархъ, и да докажа документално исконната независимость на сѫщитѣ монастири, които имали общо съборно управление въ тъй наречения *Протатъ*, съставянъ отъ представители на всички монастири начело съ Прота (Πρῶτος), който се назначавалъ отъ византийския императоръ и стоялъ по-горе отъ иерисовския епископъ. Авторътъ на статията, като изтъква вѫтрешната връзка на въпросния разказъ отъ една страна съ посланието на патриархъ Каллиста (1350—54 и 1355—64) до св. Теодосия Търновски отъ декемврий 1355 год., а отъ друга — съ споменатата грамота на патриархъ Филотея отъ априлъ 1368 год., найсетне извежда, че разказътъ билъ съставенъ презъ последната четвертъ на XIV. вѣкъ.

UNE FALSIFICATION BYZANTINE, CONCERNANT L'HISTOIRE DE LA BULGARIE.

(Résumé.)

Le sujet de l'article précédent est un récit en grec, qui se trouve à la fin d'un vieux règlement manuscrit à Athos, où l'on mentionne les rapports de l'évêque d'Ierissos de la péninsule Chalquidique à l'égard des couvents d'Athos, concernant aussi des questions sur l'histoire de l'église bulgare: la restauration du patriarchat bulgare au XIIIe siècle sous le règne d'Ivan As-

sen II (1218—1241) et les relations de cet institut avec l'archevêque de Salonique et l'évêque d'Ierissos. L'auteur de l'article examine les trois éditions, indépendantes l'une de l'autre, de ce récit (faites par l'évêque russe P. Uspenskij, par A. Mordtmann et par Ph. Meyer) et, les ayant pour base, il restitue le texte primordial, en le faisant accompagner d'un appareil de critique et d'une traduction en bulgare.

Plus loin, en analysant le contenu, il signale et prouve que le récit est fabuleux, qu'il abonde en fautes de faits et en absurdités, et que la confusion dans la chronologie et les personnages historiques en est grande; après quoi il conclut que le récit en question, dont l'auteur a été quelque moine du couvent Vatopède, n'est qu'une falsification, qui doit être éliminée des monuments et des documents historiques, et il combat en même temps les opinions jusqu'alors exprimées, qui laissent voir dans ce récit « une vraie base historique » ou « un fait historique », et dont quelques unes le considèrent même comme contemporain aux évènements qu'il raconte.

Puis l'auteur de l'article conclut, que la raison qui a provoqué la composition de cette falsification a été la circonstance que vers la moitié du XIVe siècle, l'autonomie séculaire de la commune d'Athos a été détruite: le diplôme, publié au mois d'avril 1368 par le patriarche Philothée (1364—1376) la rend définitivement soumise à la juridiction de l'évêque d'Ierissos, tout en reconnaissant les droits pontificaux de ce dernier sur Athos. Voilà donc pourquoi la pensée fondamentale du récit est de combattre cette infraction des droits des couvents d'Athos, laquelle résulte des actes illégitimes du patriarche de Zagora (ou de Tirnovo) et de prouver par des documents l'indépendance traditionnelle des mêmes couvents, qui ont eu un gouvernement commun et des conciliabules à Protatos, composé de représentants de tous les couvents à la tête de Protos, qui était nommé par l'empereur byzantin et qui surpassait l'évêque d'Ierissos. L'auteur de l'article, en signalant le rapport intérieur du récit en question d'un côté avec le message du patriarche Callistos (1350—54 et 1355—64) à St Théodosios de Tirnovo du mois de décembre 1355, et d'un autre — avec le diplôme mentionné du patriarche Philothée du mois d'avril 1368, conclue enfin, que le récit a été composé pendant les dernières 25 années du XIVe siècle.

M. SPERANSKIJ (Moskva):

ПО ПОВОДУ НОВОГО ИЗДАНИЯ ПИСАНИЙ САВВЫ СЕРБСКОГО.[1]

Новый том «Зборника» начинает собою и новую серию изданий Сербской Академии наук — Сочинения старых сербских писателей. Вполне естественно, серия открывается писаниями старшего крупнейшего писателя старой сербской литературы и крупнейшей личности старой сербской истории — Саввы архиепископа († 1235 или 1236).

План издания трудов Саввы построен проф. ВЛ. ЧОРОВИЧЕМ так: 1. несомненно принадлежащие Савве сочинения (Хиландарская грамота 1198—9 г., Типики: Хиландарский, Карейский, Студеничский, Житие Симеона [отца Саввы], Служба тому же Симеону); 2. сочинения, ему приписываемые, но в том виде, в каком они сохранились, ему не могущие быть усвоенными (Подтвердительная грамота о Хиландарском винограднике, извлечение из грамоты об учреждении сербских епископий, Врачанская грамота, Устав хотящим держать псалтирь), и 3. произведения, в появлении коих предполагается участие Саввы, сомнительные (отрывок Поучения в Никодимовом Типике, беседы, внесенные в Доментиановы Жития, перевод Номоканона и «Книг законных» и Похвала Симеону в Житии последнего, сост. Доментианом). Последняя группа в издание, разумеется, не вошла. В обширной вводной статье (стр. I—LXIII) проф. В. ЧОРОВИЧ, помимо обычных в таких случаях сведений о рукописях, на основе которых построено издание, дает критический обзор литературы, сюда относящейся, поскольку она касается литературной деятельности Саввы. Ввиду важного значения этой деятельности, давно уже служившей предметом исследования историков литературы, ему приходится считаться с различными в частностях оценками этой деятельности в существующей научной литературе.

Он это и делает в сжатом виде, в то же время высказывая и свои взгляды касательно тех или иных стоящих на очереди вопросов. С этими вопросами приходится ему иметь дело, естественно, преимущественно во второй и третьей из установленных им групп. Для нас особый интерес среди этих вопросов представляет вопрос об отношении Саввы и его трудов к русской старой письменности: некоторые точки соприкосновения между ними намечались и истолковывались, как в сербской научной литературе, так и в русской, в частности у ДРАГ.

[1] *Вл. Ђоровић.* Списи св. Саве. — Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. Одељење прво, књ. XVII. Дела старих српских писаца. Књ. I. (Београ.-Ср. Карловци 1928), 8° LXIII, 254, I ненум. — Ср. реф. »Byzantinoslavica« I, 245–246.

КОСТИЧА («Да ли се сачувало што од Савине Службе и Похвале св. Симеону?» — в «Зборнике» в честь А. Белича [Беогр. 1921, стр. 158—164], А. И. СОБОЛЕВСКОГО [Сборник ОРЯС Ак. Н., т. 88, 3, стр. 179—180], недавно у МЕНЯ [Изв. ОРЯС, XXVI (1921), 177 и сл.].

В данном случае речь идет главным образом о *руссизмах* в Хиландарском Типике, в сербской Кормчей (типа известной Иловицкой 1262 г.) и «Книгах законных», прикосновенность к которым (не говоря, конечно, о Типике) Саввы высказывалась нами, и руссизмы объяснялись тем, что в этих предприятиях, организованных Саввой на Афоне или в Константинополе, принимали, вероятно, участие и русские по национальности сотрудники. Чорович (стр. XIII и XLVII) оба случая — Хиландарский Типик и участие Саввы в выработке текста Номоканона — рассматривает отдельно (против чего по существу, разумеется, возразить ничего нельзя), при чем дает *свое* объяснение для руссизмов в текстах, не соглашаясь с мнением А. И. СОБОЛЕВСКОГО и моим (мнение С-го принято мной с некоторым ограничением).

По отношению к руссизмам Хиландарского Типика, он говорит: «Ми држимо да је то мишљење најмање оправдано» (стр. XIII), находя недостаточным на основании нескольких заимствований в словаре, хотя бы то были слова *исключительно* (курс. В. Ч.) русские по употреблению, делать заключение о русском переводе самого текста, при наличии в нем несомненных особенностей — в фонетике и формах — сербских и вообще югославянских. Заимствования в данном случае, думает Ч., могут иметь иное объяснение: Савва в молодости первое время своей монашеской жизни проводил, как известно, на Афоне в русском монастыре: разве он не мог усвоить в своей (сербской) речи кое-чего из русской и применить (бессознательно, по привычке? — М. С.) в своем письменном труде? Это, по мнению В. ЧОРОВИЧА, дело — самое естественное. То же могло случиться и с другими сербами, жившими совместно с русскими монахами.

Это остроумное объяснение Чоровича, защищая непосредственное участие Саввы в переводе и переработке Евергетидского Типика, могло бы быть принято за наиболее удачное, если бы оно было им более прочно обосновано; но им, во первых, в данной заметке не приведено доказательств того, что указанные Соболевским слова (обуча, больница, печаловати, каша) действительно *не исключительно русские:* говоря о них, он органичился утверждением: «а оне (т. е. «руске речи») то (т. е. «искључиво руске») нису»; во вторых, обещает вопрос о роли Саввы в переводе Типика разъяснить в другом месте.[2] Поэтому,

[2] «Да ли је *читав* превод спремио сам Сава или неко други по његову упутству, расправљаћемо на другом месту, у нашој великој монографији о св. Сави, где ће бити обраћена нарочита пажња почецима стварања наше старе књижевности и првим споменицима наше српскословенске рецензије.» (Стр. XIII.)

оставляя пока вопрос об обстоятельствах и условиях перевода Хиландарского Типика открытым, будем ждать опубликования обещанной большой работы, судя по теме, обещающей быть весьма важной и для решения вопроса о руссизмах.

Что касается Кормчей, то и к ней Ч., повидимому, склонен приложить то же объяснение ее руссизмов, что и к Типику, сославшись на приведенное им выше: смешение в одном тексте (имеется в виду, именно, Иловицкая Кормчая 1262 г. в Загребской Академии Наук) македонизмов и руссизмов ясно, по его мнению, указывает на Афон, как на место, где явился протограф этой Кормчей, и опять уклоняется от полного ответа на вопрос, опять ссылаясь на будущий свой труд, упомянутый выше, добавив, впрочем, что «највећи део језичних особина Иловачке Крмчије налазимо и у осталим нашим споменицима прве половине XIII века» (стр. XLVII).

Если это удастся доказать проф. ЧОРОВИЧУ убедительно, мы будем ему весьма обязаны решением такого трудного вопроса, каков о руссизмах в югославянских памятниках: это подвинет решение вопроса не только о появлении Кормчей с толкованиями в славянской письменности, но и других аналогичных в этом отношении памятников, каков, напр., славянорусский Пролог (Синаксарь). А пока ограничимся одним замечанием, которое, быть может, не будет лишним и для Ч. в его работе, нами ожидаемой. Как в Прологе, так и в Кормчей (Иловицкой) руссизмы касаются, во первых, *не словаря* (как в Хиландарском Типике), а фонетики и морфологии текста (см. у В. ЯГИЧА, Starine, VI, 80 и сл.; ср. Изв. ОРЯС XXVI, 174), и все категории руссизмов быть объяснены невыработанностью сербской графики не могут (каковы: полногласие и смягчение зубных); во вторых, эти странные для сербского уха и сербского извода формы в Иловицкой Кормчей (как и в Прологе) не рассеяны по всему тексту, а встречаются *группами* в определенных местах рукописи (преимущественно в начале ее, что̀ и навело Ягича на мысль, что, пиша эти страницы, писец не выработал еще павыка переводить на сербскую графику графику своего несербского оригинала). В этом случае приведенная выше догадка ЧОРОВИЧА о происхождении руссизмов едва ли приложима. В остальном относительно этой стороны деятельности Саввы мы с Чоровичем, повидимому, не расходимся. Следует согласиться и с возражениями Чоровича Др. КОСТИЧУ (см. «Зборник» в честь А. Белича [Беогр. 1921], 156—164) в определении взаимоотношений сербской и русской литератур XII—XIII вв.: теоретические построения КОСТИЧА не оправдываются фактами, которые не позволяют говорить, будто бы сербская литература в XIII в. оказалась сильнее русской того же времени, а потому, де, и не могла испытывать на себе

влияния русской;[3] а потому он остается при высказанном еще М. ПЕТРОВСКИМ (Изв. ОРЯС, XIII [1908], 81—133) и мною взгляде на отношения «Похвалы Владимиру» (Илариона киевского) к труду Доментиана и в «похвале» у последнего не находит следов якобы не дошедшего до нас труда самого Саввы (стр. LI—LV).

По отношению к текстам Карейского Типика (он издан, стр. 5—13, с греческим его переводом под строкой по старейшему, вероятно, современному самому Савве оригиналу, носившему оффициальный характер),[4] равно как и по отношению к «Сказу хотѣщому дрьжати псалтирь сь» в объяснительной статье Чоровича — какая-то неясность или, может быть, прямо путаница, происшедшая от чьей-то ошибки, исправить которую можно только проверкой вновь по рукописи библиотеки Сербск. Акад. Наук № 51 (110 — по Каталогу Л. В. СТОЯНОВИЧА, стр. 186—7). Как тот, так и другой тексты уже давно были изданы: первый — Ю. ДАНИЧИЧЕМ в «Književnik'e» (III, 1866 г., стр. 139—142), второй — архим. Дучичем (сперва в Гласнике Срп. Уч. Друш., LVI, 53—55, затем в его «Книжевни радови», IV [1895], 55—60) по одной и той же рукописи Сербской Ак. Н. (куда она перешла с тем же номером от Српск. Уч. Друш.) № 51. Об этой рукописи ДАНИЧИЧ говорит, как о писанной «тек у наше вријеме»;[5] это за ним повторяет теперь и В. Чорович, называя рукопись (она обозначена у него «Д») «сасвим нови, али добар препис из XIX века, сад у своини С. К. Академије» (стр. V, со ссылкой на Каталог СТОЯНОВИЧА).[6]

Между тем у Л. В. СТОЯНОВИЧА (Каталог рукописа и старих штампаних књига Српске Кр. Академије, Беогр. 1901) на указанных страницах (м. пр. и Чоровичем) под № 51 находим: «Одломак зборника, на хартији, 8°; 37 листа, српске реценсије, *XV или XVI века*», где после ряда статей канонического характера на л. 31а, действительно, находим: «Начело прѣмудрости страх господнь», т. е. Карейский Типик, изданный Даничичем якобы по той же рукописи № 51, но XIX века, а ниже (л. 35а) «Сказь хотѣщомоу дрьжати псалтирь сь», т. е. текст, изданный у Дучича и теперь повторенный Чоровичем, но с повторением и указания на то, что это «препис из једног српског рукописа С. К. Академије», и, ясно, тожественный с «преписом» у ДАНИЧИЧА.

Не допуская мысли, чтобы ЧОРОВИЧ, при издании им «Сказа», не имел в руках самой рукописи, приходится остановиться в недоумении:

---

[3] При этом Ч. (стр. LIV) принимает соображения и факты, приведенные мною в упомянутой выше статье в Изв. ОРЯС.

[4] При нем сохранилась даже печать с именем Саввы на ней.

[5] Ср. его же фразу ниже: «мислим да не могу бити погрјешке («давью» — «даваю») писца биоградског пријеписа, ако је он, како судим по хартији и писму, живио нашега вијека» (стр. 140).

[6] Ср. у него же ниже (стр. XLI) цитату из Даничича.

не мог же Л. В. СТОЯНОВИЧ, несомненно опытный палеограф и имевший в руках рукопись № 51 при ее описании, принять за XV—XVI век копию, хотя бы и хорошую, XIX века! Не понятно, как и Даничич, также имевший в руках рукопись и «по хартији и писму» считавший ее писанной «тек у наше вријеме», мог отождествить ее с рукоп. № 51 Српског Уч. Друштва, относящейся, по СТОЯНОВИЧУ, к XV или XVI веку. Если здесь нет каких либо привходящих, нам не известных моментов в истории рукописи, разрешить это недоумение без непосредственной новой справки с рукописью — Академической библиотеки № 51 — нельзя. Конечно, от этой частности, в какую бы сторону она ни разъяснилась, существо дела не меняется по отношению к тексту Карейского Типика, известного нам чуть не по собственноручной записи Саввы.

Но несколько иначе обстоит дело с «Уставом за држање псалтира» (как Ч. назвал «Сказь хотѣщомоу дрьжати псалтирь сь»): Чоровичу должен был занести его во вторую из намеченных им группу, так как он ему доступен был по единственному сербскому тексту из той же рукописи № 51 Серб. Ак., при том, повидимому, не сохранившему конца (как правильно предположил ЧОРОВИЧ). Воспользоваться русскими текстами той же статьи, даже изданным целиком, проф. ЧОРОВИЧ не имел, в силу обстоятельств, возможности (см. стр. XL); ему пришлось судить о них только по выдержкам, приведенным в Описании рукописей Московской Синод. библиотеки.[7] А между тем русские тексты и по составу и по древности в данном случае имеют большое значение, и из них прежде всего целиком напечатанный из б. Новгородской Софийской библиотеки — XIV века.[8] Текст этот помещен в начале рукописи пред самой Псалтирью (как и в Синод. 350/406, XV в.)[9] Текст статьи по разным рукописям озаглавляется различно: «Сказание о псалтыри» (Соф.), или: «Сказание о том, како пѣти псалтирь с молитвами» (Син. 325), или же: «Уставъ свѧтыхъ отьць богомъ прѣданъ всѣмъ хотѧщим дръжати псалтырь в молчанин живѫщим иноком и бѣлцем богобоꙗзнивымъ»

[7] Это — N°N° 350 (по *Горскому* и *Невоструеву*, 406) и 325 (431 по Г. и Н.), отчасти рукоп. Волок. монастыря (Епархиальной библ., теперь Истор. Муз. в Москве) N°N° 143 и 179.

[8] Он напечатан был *И. К. Куприяновым* в Ж. М. Н. П. 1855 г., XII, 157—169, о чем знает и Чорович по ссылке в Опис. рук. Моск. Синод. Библ. (III, 1, стр. 413). Эта рукопись числится за N° 60 Соф. библ. (теперь в Ленингр. Публ. Библ.) и относится не к XIII—XIV веку (как у *Куприянова*), а к середине XIV-го (по *И. Срезневскому*, Древние памятн. русск. письма и языка, изд. 2., столб. 208, «около 1350 г.»; ср. *Д. И. Абрамович*, Софийская библиотека, I (1905), стр. 103 (с опечаткой: XVI вм. XIV); см. также *Вяч. И. Срезневского*, Древнеславянский перевод псалтыри (СПб. 1877), стр. 61, где дана и довольно большая выписка из Соф. рук. по подлиннику из интересующей нас статьи.

[9] В другом Син. (325—431) — так же, но после обычных статей (чины и службы) и статьи о составлении псалтири (л. 202 об.). Этот текст принадлежит также к древним, но моложе Соф. (он — конца XIV в.).

(Син. 350). Как видим, заглавие сербского текста («Сказь хотѣщому дрьжати псалтирь сь») более находит себе соответствия в последнем из русских текстов. В то же время не лишнее обратить внимание на то, что эта «вводная» к Псалтири статья есть, судя по рукописям, только одна из нескольких, предшествующих тексту самих псалмов и имеющих то же назначение — дать руководство к употреблению псалмов; между тем в сербской рукописи статья эта вне такого комплекса: ей предшествует Карейский типик, ближайшего отношения к Псалтири не имеющий.[10]

Эта «литературная компания», быть может, не лишена интереса для установления личности составителя (или писца) интересующей нас статьи.[11] Эта «литературная компания» — группа вводных статей к чтению или пению псалтыри — в разных рукописях разная по составу, и статьи в ней — не в одном и том же порядке; так: в *Соф.* только две статьи. 1. Сказание о псалтыри (наша статья) и 2. А се о томь, како бысть псалтирь съставленъ (Нач.: Наченъшю Давиду царствовати по Саулѣ);[12] в *Син. 325:* 1. Како бысть съставленъ псалтырь, 2. Сказание о том, како пѣти псалтырь (наша статья), 3. Слово Иоанна мниха о псалтири (Нач.: Святи отьци уставили против единому псалму);[13] в *Типогр.* пс. XIV в *47 (50):*[14] 1. Сказание о томь, како съставленъ бысть псалтирь Давидомъ, 2. Сказание хотящим дръжати псалтыръ сии съ молитвами (наша статья), 3. «Ниже уставъ . ѕ̃ . днии да держать» (без заглавия, но в виде отдельной статьи то же, что̀ читается в конце сербской статьи и Соф.; см. ЧОРОВИЧ, 202, КУПРИЯНОВ, 165), 4. «Святии отци уставиша противу единому псалму» (без заглавия, но отдельно то же, что «Слово Иоанна мниха»; см. Син. 325 и Соф.); *Типогр. 48 (32),* XIV в.:[15] 1. Устав Святыя горы, како подобаеть изпѣвати псалтырь (наша статья, но без начала), 2. Сказание о составлении псалтири (без заглавия, редакция сокращенная); *Типогр. 50 (30),* XIV—XV в.:[16] 1. Сказание хотящим держати псалтирь (наша статья) и 2. Молитва перед

---

[10] См. *Л. Стояновича*, Каталог, стр. 187.

[11] *Вяч. И. Срезневский*, ук. соч. стр. 62, говоря о Соф. N° 60, полагает, что самая рукопись «писана каким-то мнихом Саввою, который к сказанию о псалтыри прибавил несколько слов от себя, как бы в наставление другим инокам» (следует выписка из нашей статьи).

[12] За ней, как и в большинстве списков, — молитва «начинающе псалтирь».

[13] Эта коротенькая статья входит в состав «Сказания о псалтыри» в конце Соф.

[14] Другие сигнатуры рукописи 35 . 1308 . 103 . 13; см. *В. А. Погорелов*, Библиотека Моск. Синод. Типографии, ч. I, вып. 3 (Псалтири, М. 1901), стр. 31—32.

[15] *Погорелов*, ук. соч., 41; другие сигнатуры рукописи: 43 . 33 . 1248. *И. Д. Беляев* (описывавший рукописи Типогр. библ. — рук. б. Рум. Муз. 1575) относил рукопись к XIII в.

[16] Другие сигнатуры: 36 . 1312 . 107; *Погорелов*, ук. соч., 54. Статья без первых слов, не читающихся вследствие сильной темноты пергамина в этом месте рукописи.

началом псалтири (Нач.: Тресвятая Троице, боже всего мира, поспѣши); *Син. 350,* конца XV в.: 1. (без заглавия) Предисловие в начало псалмов, Василия Вел. (Нач.: Всяко писание богодухновенно), 2. То же, Иоанна Злат. (Нач.: Ничто же лучше отъ еже всегда молитвою бесѣдовати), 3. Сказание о псалмѣхъ Давидовѣх (Нач.: Наченшу Давиду царствовати . . . ; см. Соф., Син. 235 и др.), 4. Устав святых отець богомъ прѣданъ (наша статья), 5. Чинъ, егда кто хощет пѣти псалтирь, 6. Правило еже даде ангелъ великому Пахомью, 7. Уставъ о соборномъ согласии; *Ленингр. Публ. Библ. Ф. I. № 738* (собр. БУСЛАЕВА, № 44), XV в.: 1. Евсевіа, архіеп. Памфіліскаго сказаніе о псалмох (Нач.: Книзѣ псаломстѣй съи есть разделение), 2. Сказание Іоанна мниха о псалтыри, за колико поклонов есть (Нач.: Святіи отци уставиша), 3. без заглавия: «Святый же Ѳеодоръ, етда всѣко почитаніе . . .» (тоже, что в Соф. слитно с предыдущей статьей), 4. Василия Вел. — то же, что в Син. 350, 5. И друго пакы (Нач.: Никыя же бо иныя книгы тако бога славят . . .), 6. Сказание преподобнаго и богоноснаго отца нашего Савы о псалтири, како должно есть пѣти и по силѣ дръжати правило свое келейное (наша статья);[17] *Ленингр. Публ. Библ. Ф. I. № 737* (собр. БУСЛАЕВА, № 43) XVII в.:[18] 1. Поучение Савы мниха (Нач. Аще ли, брате, бодръ еси,[19] 2. Синайския горы устав святаго Савы мнихом и бѣльцемъ, как псалтирь пѣть (наша статья).

В приведенном перечне «вводных» статей к псалтири мы видим одну особенность: в разных списках отдельные одинаковые по заглавиям статьи различного состава: иногда то, что объединено в одних в виде цельной статьи, по частям встречается и отдельно и также в виде отдельных статеек — ясное указание на компиллятивность и самой статьи о держании псалтири. Эта же компиллятивность видна будет и в самой статье, если присмотреться к ее содержанию. Так, «Сказание о псалтири» в том виде, как оно читается в Софийской рукописи (беру ее, как наиболее полную и старшую) без труда разлагается на такие составные части: 1. С начала и кончая словами: «тъ же псалтирь сь есть» (ср. у ЧОРОВИЧА, 199, 1—17),[20] 2. «Да будеть вѣдомо всякому хотящему держати псалтирь сии . . . на день псалтирь воспѣваеши» (ЧОРОВИЧ, 199, 17—20; 200, 1—21); 3. «Аще ли работавъ . . . да вы створите имъ при-

[17] Рукопись по языку восходит к среднеболгарскому оригиналу.

[18] Что здесь имеется в виду Савва Освященный (Иерусалимский), видно из того, что ниже (л. 141) дано изображение Саввы Иерусалимского, перед «Сказанием о 12 месяцах» (Святцы по Иерусалимскому уставу св. Саввы). Печатная псалтирь 1636 г. с рисунками на полях; недостающее дополнено рукописно еще в XVII в.

[19] К тексту дана миниатюра, изображающая Савву (с нимбом вокруг головы), сидящего в глубоком кресле перед толпой. К миниатюре — подпись: «Сава мнихъ оучить народы».

[20] В этом куске с первых же слов совпадение с Хиландарским Типиком, кончая словами: «яко богопарни орли» (см. у *Чоровича,* 15, 6—24).

купъ (ЧОРОВИЧ, 200, 21—202, 3);[21] 4. «Син же уставъ .ѣ. днии да держится... от богоявления до великаго поста по.к̃.» (ЧОРОВИЧ 202, 4—10, дальнейшего в сербском тексте нет); 5. «А Иоаннъ мнихомъ повѣдаеть... и безъ крѣпости».[22]

Вот в этой-то третьей из выделенных нами частей «Сказания» мы и встречаем имя «*мниха Саввы*». В сербском тексте оно упоминается дважды: «а мене грѣшшнаго помени инока Савоу» (ЧОРОВИЧ, 201, 3) и: «аз же недостоини и лѣниви и хоуди мних Сава» (там же, 201, 25). В тех же местах читается это имя в Типогр. 50 (30), но в Соф. — только в первом месте,[23] также в Волок. сп. XVI в. 143; в других известных мне русских (перечисленных выше) списках статьи имя это отсутствует вовсе, хотя фразы, где оно находится, от этого в остальном и не изменились.[24] Но в одном случае, именно, в Типогр. 47 (29), XIV в., в интересующей нас статье (представленной здесь со значительными пропусками механического свойства) в первом месте (второе вовсе отсутствует) вместо имени Саввы, находим имя *Леонтия писца*.[25] Наконец, для характеристики интересующего нас отрывка, следует отметить, что в некоторых (поздних, впрочем) списках во фразе: «аз бо грѣшни прѣписахъ псалтирь сьи», читается иначе: «аз бо грѣшныи *написах* (или: преписахъ) *сіе правило*».[26]

Я умышленно несколько подробнее остановился на русских списках нащей статьи: при единственном (и то не старше XV или XVI в.) сербском тексте они получают значение при решении вопроса: был ли Савва сербский автором или, вообще, составителем этой статьи?[27] А вопрос этот, не смотря на решение его в положительную сторону ЧОРОВИЧЕМ,[28] для меня остается еще не решенным окончательно.

---

[21] М. б. эту часть следовало бы начать ниже, со слов: «аще ли еси брате бодръ», на что указывать могло бы заглавие «Поучение Савы» в Типогр. 50 (30) и Л. П. Б. 737, но смысл и строение фразы скорее говорит за принятое нами начало этой части.

[22] Статейка, выделенная под 5 пунктом, встречается и отдельно (см. Син. 235. по Г. и Н. 13, в псалтири 1295 г.). В позднем (XVIII в.) тексте рукоп. б. Троиц. Л. № 85 она также отдельно, но с иным заглавием: «О подвизѣ псалтырнаго гранесловия» (л. 14). В рукоп. Л. П. Б. 738 опять иначе: см. выше.

[23] Так же в сп. XVI в. б. Троиц. Л. № 61, л. 24, и Л. П. Б. 738, л. 17.

[24] См. в Син. 350 по Описанию рукоп. Син. библ., III. 1, стр. 414. То же видим и в других, сравнительно поздних текстах, каков, напр., б. Троиц. Л. № 50 (XVI в.), л. 7 и сл.; то же в б. Троиц. Л. № 85 (XVIII в.), л. 16 об.

[25] См. *Погорелов*, ук. соч., стр. 32.

[26] Так в рукоп. 143 (XVI в., л. 34 об.) и 179 (1562 г., л. 3) б. Волок. мон. (Истор. Муз.), при чем в предыдущем абзаце (Чоров., 201. 2—4 Соф.) упомянут и Савва; см. Опис. Синод. Моск. рук., III, 1, стр. 569; ср. у Чоровича, XLI. Тоже в Л. П. Б. 738, л. 18.

[27] Не говорю уже о том, что Чорович при своей работе не мог привлечь в достаточной степени русские тексты, как он сам сообщил.

[28] Вот слова *В. Чоровича:* «За мене је Савино ауторство тога списа (т. е. Устава о псалтири) ван сумње (стр. XLIV).

Самое имя Саввы, как мы видим, в текстах, где оно встретилось, не снабжено более точными указаниями, по которым можно бы судить, какое общественное положение занимал этот Савва? Одно только можно о нем сказать, что он был «мнихом»: этот «титул» довольно устойчиво присоединяется к его имени в наших текстах; но это нам положительного ничего не дает для решения нашего вопроса: монахов с таким именем было, конечно, много, были между ними и известные как в славянской, так и в византийской истории и литературе; припомним не только Савву сербского, но хотя бы еще и его племянника архиеп. Савву II (1262—1270), также бывшего долгое время «мнихом», при том так же на Афоне, или Савву Освященного, создателя знаменитой Лавры и т. н. Иерусалимского Типика[29] (где указания на правила пользования псалтирью, как и в нашей статье, занимают видное место). Отсутствие же более точных указаний о личности Саввы и было причиной различных отожествлений этого «мниха» Саввы с известными и другими, менее знаменитыми Саввами,[30] или поводом к отказу от попытки выяснить точнее личность этого Саввы (И. В. ЯГИЧ в Archiv f. sl. Ph., VIII, 164). И русские тексты нашей статьи в этом отношении большой помощи оказать не могут, в общем давая так же, как и сербский, только «мниха» Савву; но они еще несколько и осложняют дело: в списке Типогр. 47 (29), XIV в., как мы видели, вместо мниха Саввы находим *Леонтия писца,* т. е. Савва других списков (может быть, и оригинала, с которого писался Типогр. 47) был понят в смысле *писца* рукописи (а не составителя статьи), и Леонтий, действительно писавший Типогр. 47, счел себя в праве, списывая с рукописи Саввы, заменить его имя своим; составить себе такое представление о Савве было не трудно, исходя из самого текста статьи, где читается: «азъ бо грѣшныи *преписахъ* (вар. — написахъ) псалтырь *сии*.

Иное понимание роли мниха Саввы по отношению к этой статье видим в Типогр. 50 (30), XIV—XV в.; здесь со слов: «Аще ли еси, брате, бодръ . . .», начата отдельная статья; а так как именно в этой части сказания о псалтири (это у нас «третья часть» — см. выше) как раз и упоминается, даже дважды, «мних Савва», то и явилось при ней заглавие: «Поучениѥ Савы», впрочем, опять-таки без более подробного его титула, взятое из текста; иначе: Савва сочтен автором ниже следующей части «Сказания».

Позднее видим, под влиянием такого представления о Савве, и изме-

[29] Ср. выше в рукоп. Л. П. Б. 738, статейку шестую в перечне.

[30] Напр. *Куприянов* хотел в нем видеть (совершенно не основательно) Савву, одного из славянских «седмочисленников», учеников Кирилла и Мефодия, *Вяч. Из. Срезневский* считал его писцом Соф. рукописи N° 60, приписавшим кое-что к тому, что он нашел в своем подлиннике.

нение самого текста: вместо «написах псалтирь сии», как будто указывавшего только на писца, явилось «написах сіе правило». Т. о. наблюдение над рядом русских текстов показывает, что с именем Саввы уже в XIV веке не соединялось определенного о нем представления, потому что и в то время, как и в наше, о нем, проме имени, ничего известно не было, а потому его понимали различно: то это был автор статьи, то только писец рукописи; если его имя сохранялось в списках, то этим мы обязаны механическому отношению (а может быть, и привычному уважению) к написанному, но и это не всегда соблюдалось: его имя либо заменялось иным, либо вовсе опускалось. Но, повидимому, представление о каком-то ближе не известном Савве, как не чуждом книжности, дано было в самой статье: этот Савва слышал и видел «сицевый» (т. е. с присоединением вводных или вводной статьи) псалтирь греческий, (а славянские ему известные списки таких статей или такой статьи не имели) и, так как он разумел «добрѣ греческы»,[31] потщался и «елико мощно постигши изложил (разумеется, по славянски) и предал вам (т. е. своим сожителям, соотечественникам) истинным торжникам, да вы сотворите им прикуп».

Что же он перевел с греческого на славянский, ясно: это были следующие далее правила: «Сии же устав . ѳ̃ . днїи да держится . . .» Т. о. из содержания статьи выходит, что Савва перевел с греческого статью (или статьи) к псалтири, вставив в свой перевод сведения о поводе и обстоятельствах этого перевода, при чем естественно было ему назвать и себя своим сожителям по монастырю.

Вот самое большее, что можно для объяснения личности Саввы извлечь из статьи: такое лицо существовало, жило оно не позднее середины XIV в. (дата старейшего русского списка) в монастыре, знал Савва по гречески, был славянином, человеком книжным, почему и мог сделать перевод Устава о псалтири. Можно, пожалуй, идти и дальше, но уже в виде предположений, в установлении физиогномии этого Саввы: Савва, как знавший не только по славянски, но и по гречески, жил, вероятнее всего, на Афоне или в Константинополе, скорее на Афоне, где обе народности, греческая и славянская жили вместе, часто в одном и том же монастыре. Повидимому, — продолжим предположения — он видного места в церковной иерархии не занимал, никакими особенными качествами (напр., особым подвижничеством, святостью) среди своих товарищей по монастырю не выдавался:[32] ни в XIV в., ни

---

[31] Другие тексты читают, кажется, правильнее: понѣже неразоум'нь бѣхь добрѣ грьчьски (*Чоровић*, 201, 27—28). В таком случае смысл будет иной: «хотя и не знал хорошо по гречески (но все же греческую речь понимал), всетаки, боясь упрека, потщался . . .»

[32] В противном случае, это чем либо отразилось бы при упоминани о нем у потом-

позднее, ни на Руси, ни у югославян ничего не знали, кроме имени, переписывавшие его перевод, и сохраняли — и то не всегда — это имя переводчика полезной статьи.

Ввиду всего сказанного, полагаю, что И. В. ЯГИЧ в значительной степени был прав, отказавшись от решения вопроса о личности «мниха Саввы». Проф. ЧОРОВИЧ (помимо сходства имен и того обстоятельства, что «Устав о псалтири» оказался в одной и той же рукописи и непосредственно рядом с Карейским Типиком Саввы сербского) попытался в самом тексте статьи найти основание, чтобы связать «Устав» с писательской деятельностью, именно, Саввы сербского, указавши на текстуальное совпадение в начале «Устава» с начальными строками Хиландарского Типика, труда, несомненно, принадлежащего тому же Савве сербскому, и объясняя это совпадение замеченной им у Саввы сербского манерой переносить целые места из одного из своих сочинений в другие. Но насколько достаточно этих доводов, чтобы отождествить того и другого Савву? Повидимому, не достаточно, и вот на каких основаниях. Цитата: «Богоноснии и преблаженнии... възлетавше яко богопарнии орли» (ЧОРОВИЧ, 199, 1—9) из «Устава», совпадающая с находящейся в Х. Типике (там же, 15, 6—24), еще не доказывает непременно авторства Саввы сербского и по отношению к «Уставу»: в самом Хиландарском Типике (хотя он в целом и есть труд Саввы сербского) она заимствована составителем из «Указа о пении псалтири», обычного и в так наз. Псалтири следованной, и встречаемой и в обычных простых Псалтирях, в качестве одной из вводных статей.[33]

Поэтому-то в Х. Типике, как раз в этом месте нет соответствия с его греческим прототипом — Типиком Евергетидским (см. у ЧОРОВИЧА греческий текст, ср. у ЯГИЧА, Типик Хиландарски и његов грчки извор, Споменик, XXXIV, 4—5); перерабатывая этот последний для своего монастыря, Савва сербский дополнил свой основной источник (как он делал и в других случаях) заимствованием из хорошо, конечно, ему известных текстов псалтири с вводными статьями, т. е. и Савва сербский и «мних» Савва имели в виду одну и ту же греческую статью из числа нескольких «вводных» к Псалтири: один взял из нее большую цитату,

---

ков, и в заголовке Типогр. 50 (30) не ограничился бы одним именем, а прибавил бы какой нибудь эпитет, вроде: «преподобный», «святый» и т. п., или титул: «игумен», «епископ» или что либо подобное. Называется же он просто «мнихом», как видно из заглавия и надписания миниатюры Л. П. Б. 737 (хотя на миниатюре он изображен с нимбом) или приводится без всякого указания его звания, как в рук. Типогр. 50 (30). Судя по рукоп. Л. П. Б. 738, его не прочь были иногда отождествить с Саввой Освященным (см. выше).

[33] А эти последние, греческие по происхождению, повидимому, до того постепенно накоплялись в обычных псалтирях, как это можно было наблюдать в «литерат. компании».

другой — целиком перевел ее.[34] Это тем более вероятно, что в этом отношении дает любопытное указание русский текст псалтири Типогр. 48 (32) XIV в.: здесь наша статья озаглавлена: «Оуставъ стыа горы, како подобаетъ йспѣкати плтрь .....»[35] (л. I об.). Следовательно, наша статья в своей первоначальной, вероятно, редакции есть ничто иное, как правила, установившиеся на св. Горе, для пения псалтири монахами, вошла, как в рукописи обычной Псалтири, так и, позднее, в так наз. Псалтири с восследованием, весьма распространенные в монашеском обиходе. Т. о. сходство цитат, которому ЧОРОВИЧ придал такое решающее значение для авторства Саввы сербского, получает *иное* объяснение, не менее обосновываемое, — в общности источника у двух одноименных писателей: Саввы сербского и неизвестного переводчика «мниха» Саввы.

После такого объяснения причины сходства разбираемых цитат в Типике и «Уставе», остальные (косвенные) доводы ЧОРОВИЧА едва ли нуждаются в оценке: они могли бы иметь значение только в качестве подкрепления основного положения.[36] Предлагая такое толкование сходства указанных цитат, я отнюдь не считаю вопрос о «мнихе Савве» решенным, но думаю, что и в этом случае И. В. ЯГИЧ был прав в своей острожности при анализе взаимоотношений между Типиками Хиландарским и Евергетидским, наткнувщись на заинтересовавшую ЧОРОВИЧА и меня цитату: в разборе первой главы X. Типика он, как известно, о лишнем у Саввы против подлинника выразился так: «Тешко је рећи, чији је управо тај додатак. Ако је уметнуо сам св. Сава, још би се могло питати, да ли га је сам и саставио или готова нашао у какову панегирику на монашки живот» (Споменик, XXXIV, 4).

Высказывая свое предположение, я попытался только наметить путь, которым мы можем приблизиться к решению вопроса о Савве «мнихе».

---

[34] Ввиду текстуальной связи между славянским текстом «Устава о псалтири» и текстом Саввы сербского, не исключено предположение, что Савва сербский имел перед собою уже славянский текст Саввы «мниха»; если бы это можно было доказать, мы имели бы еще одну деталь для жизни «мниха» Саввы: он был старше или, по крайней мере, старшим современником, Саввы сербского.

[35] В позднем сравнительно списке (Троиц. Л. № 50, XVI в.) статья носит распространенное, но восходящее, повидимому, к более близкому к первоначальному заглавие: «Уставъ св. отець богомь прѣданъ всѣм хотѧщимь дрьжати псалтирь в молчаніи живущимь инокомъ и бѣльцемь боробознивымъ» (л. 7). В сп. Л. П. Б. 737 — путаница: «Синайския (?) горы устав св. Савы....»

[36] Кстати приведу аналогичный случай нахождения произведения Саввы вместе с интересующей нас статьей: в Псалтыри б. Троиц. Л. (теперь библ. им. Ленина в Москве) № 61 (881), XVI в., 8°, нашему «Уставу» (с именем Саввы в тексте) предшествует извлечение из Типикона Саввы Иерусалимского. Неужели этого одного достаточно, чтобы отождествить того и другого Савву и «Устав о псалтири» приписать Савве Освященному, как этого, кажется, хотел писец рукоп. Л. П. Б. 738?

а следовательно, и к вопросу об авторстве Саввы сербского касательно «Устава о держании псалтири»: путь этот ведет нас в историю Псалтири в монашеском обиходе еще в Византии (точне, быть может, на Афоне); греческий текст, соответствующий нашей цитате и самой статье, которую переводил «мних» Савва, должен иметь здесь решающее значение; мне он остался неизвестен, как его не нашел и И. В. ЯГИЧ, а потому вместе с ним я должен повторить: «остављам другим, којима је боље позната богата садржина грчке патристике...» Хорошо, поэтому, поступил проф. ЧОРОВИЧ в том, что «Устав о псалтири» занес в число неподлинных трудов Саввы сербского (что̀ я тем охотнее бы сделал после высказанного мною); но он, и с своей точки зрения, правильно занес его в эту категорию и по другой причине: по сербскому единственному тексту, помещенному в рукописи без конца последней статьей он не мог решить, содержит ли его рукопись текст «Устава» полностью. Действительно, русские ее тексты — в том числе и старейший, Софийский — идут дальше сербского, имеют, повидимому, окончание: за текстом «Устава» непосредственно идет отдельная статья о составлении псалтири, имеющая свое заглавие: «А се о томь како бысть псалтырь съставленъ.»

Вот этот небольшой кусок, недостающий в изданном ЧОРОВИЧЕМ сербском списке:

> а въ гд҃ьскыа праздьникы или въ инъ праздьникъ · тогда имаши пѣнье чресъ нощь сѵ̑моу̑ томоу̑ · и постави си оустав҃ъ · токмо мефимо̑ ѿпои вечеръ · а въ д҃нь часы · та̑ · мо̑ · сию начинающе п҃лтрь · прест҃аа тр҃це бе всего мира · по томь колико должьни соуть мниси поклоненыа творити · да кланѧетѣ̀ въ великыи по̑ · т҃ · на дн҃ь а в малаа поста · с҃ · а ѿ петрова говѣныа до филипова · на зоутрьни · на часѣхъ · на вѣ҃рни по · к҃ · а ѿ рж҃ь до бо҃гавленыа по · ѳ҃і · а ѿ бо҃гавленыа до великаго поста по · к҃ · а иѡанъ мниѫомъ повѣдаѥть ѡ пл҃три и ѡ поклонѣ · сти҃и ѡц҃и оустависи противоу ѥдиномоу ѱалмоу · ѳ҃ · поклона, а всю проити за полъ · ѳ҃ · тысѧчи · ѥгда же сѵ̑ты҃и феѡдоръ оустави всѧко пѣнье · [37] тогда и псалтырю оустави за · к҃ · поклона ѥдинъ п҃лмъ · а всю п҃лтрю за ѧ҃ѳ҃ нъ[38] стоѧче, а сѣдѧщи за · т҃ · п҃лтрь бо наричетѣ̀ доблесть и дерзость къ бо҃у · ѡ спс҃ньи д҃ши своеа · велика бо мьзда въ постѣ̀ и въ поклонѣ̀ и въ гла҃ньи псалтырномь · пишеть бо сѧ тако · вѣ҃ра безъ дѣлъ м҃ртва ѥсть · а дѣла безъ вѣ҃ры а ѡбоѥ безъ любве и безъ млт҃нѣ̀ и безъ кротости. — (Соф. N° 60).

И приведенный отрывок «Устава», как было видно из сказанного раньше, носит такой же составной характер, как и вся статья: часть его

[37] Другие списки прибавляют: и почитание.
[38] Др. сп.: проити всю псалтирю.

с именем какого-то Иоанна, как было отмечено выше, ходила и отдельно, так же, как часть нашей статейки с именем Феодора: последняя известна нам и по югославянскому списку XVI в. (рукоп. Гильферд. № 42, в Ленингр. Публ. Библ.). Привожу ее целиком по этому списку в качестве материала для дальнейшего исследования о мнихе Савве.

Оуставь сѣтго wца нашего ѳеѡра игѹмена стоудитьскаго.

Покланаитесѫ мнисы вь великыи пость · т̃ · на и̂ь поклона · а в [м]алне посте · с̃ · поклона на вьсѣкь дн̃ь · а прочіи по̂ на вьсакь дн̃ь поклона · к̃ · на wбѣдни · к̃ · на вѣрии · к̃ · · Я се Иwвьнь мныхь повѣдаеть w ѱлтиры и̂ w поклонѣ и w постѣ · сѣтыи wц̃и ѹставыли противѫ единомоу ѱлмоу · и̂ · поклона, а вьсоу ѱлтироу за польwсемѫ тысѫще · Єгда сѣты ѳеwдорь ѹставы и вьсако пѣние и почитание, тоа ѹставы и ѱлтирь за · к̃ · поклонь єдинь ѱлмь, а вьсѣ протыи за три тисѫще стоещи, а сѣдѫщи за · т̃ · ѱлтрь нарѣтсѫ доблесть и дрьзость ка богѹ w спасени дш̃е своеѫ · велика маа̂ ка постѣ и поклонѣ и вь глании ѱлтрнѣмь и вьсакомь пѣнии и ка съпwчитании книжнихь словесь дш̃и сп̃ение (л. 215 об. — 216).

Поэтому решить, где собственно кончалась обработка мниха Саввы, при данных средствах представляется затруднительным до новых исследований; не исключено предположение, что на долю Саввы пришелся не только перевод той части, где он оставил по себе память, но и собрание воедино нескольких мелких статеек, касающихся псалтири, под общим названием «Устава о псалтири», если это не было сделано еще в греческом «Уставе св. Горы», упомянутом выше; в таком случае Савва мог, имея рассеянные мелкие статейки, уже бывшие в переводе, по разным рукописям, собрать, руководясь собранием их в греческом тексте, и дополнить статьей, которой он не нашел в переводе.

Заканчивая свои замечания по поводу издания, приготовленного проф. ЧОРОВИЧЕМ, ограничимся указанием на то, что научная ценность издания его увеличивается еще теми двумя словарями к писаниям Саввы сербского, которые присоединены в конце книги (стр. 202—243): первый, сербско-греческий, дает значительные дополнения к известному «Речнику из књижевних старина српских» (1863) Ю. ДАНИЧИЧА, второй, греко-славяно-сербский, важен, конечно, для семасиологии старославянского литературного языка в его сербском изводе.

РЕЗЮМЭ.

Изложивши кратко план издания сочинений Саввы, выработанный проф. Вл. Чоровичем, автор статьи остановился на второй (сочинения, приписываемые Савве) и третьей (сочинения, в появлении которых предполагается участие Саввы) группах.

Здесь он затронул вопрос об отношениях Саввы к русской письменности: он остается при своем прежнем объяснении руссизмов в произведениях Саввы (Типик Хиландарский) и его переводах (Кормчая), предполагая в числе сотрудников Саввы русских по национальности, тогда как Ч. (обещая это доказать в готовящемся им большом труде о сербском литературном языке) предпочитает в этих руссизмах видеть отражение живой сербской речи, как результат совместной жизни Саввы и его сотрудников с русскими монахами (на Афоне или в Константинополе). Поэтому, до появления обещанного труда проф. Чоровича автор статьи предпочитает вопрос о руссизмах у Саввы считать открытым.

Главным же образом в статье обращено внимание на «Устав о псалтири», решительно приписываемый Чоровичем Савве Сербскому. Находя не достаточным материал, привлекаемый Ч-ем (главным образом единственная сербская, при том дефектная, рукопись XV—XVI в. Серб. Акад. Наук № 51), и аргументы не достаточно убедительными, автор статьи пересматривает ряд русских старших текстов «Устава» и приходит к иному выводу: Савва, называемый в «Уставе», не может быть отождествлен с Саввой Сербским; это был неизвестный компиллятор-переводчик, собравший в месте (или нашедший в готовом виде) несколько статеек, служащих руководством для употребления псалтири, в греческих текстах и переведший их; об этом Савве еще в древности ничего определенного не знали, почему его считали то автором, то переводчиком этих статеек, то опуская его имя, то заменяя иным (между прочим — Леонтия) в разных списках.

В конце статьи издан недостающий у Чоровича конец «Устава» по русскому тексту XIV в. б. Новгородско-Софийской библиотеки, а также — для сравнения — «Устав Феодора Студита» по сербоболгарскому тексту XVI в. из рукоп. Гильфердинга № 42.

À PROPOS DE LA NOUVELLE ÉDITION DES OEUVRES DE S. SAVVA.

(Résumé.)

L'auteur de l'article résume le plan adopté par le professeur *V. Ćorović* pour l'édition des ouvrages de Savva. Il parle ensuite en détail du groupe (2e) des ouvrages attribués seulement à Savva, et (groupe 3e) des ouvrages auxquels Savva est censé avoir collaboré. Il aborde, à ce propos, le problème

des rapports de Savva avec les autres littératures, et maintient l'explication qu'il a donnée précédemment des russismes existants dans les écrits originaux de Savva (Tipik Chilandarski) ainsi que dans ses traductions (Kormčaja): il suppose que Savva comptait, parmi ses collaborateurs, des Russes de naissance. *Ćorović,* au contraire, tend à expliquer ces russismes en les rapportant à l'évolution de la langue serbe, en les considérant également comme résultant de relations étroites entre Savva et ses collaborateurs, d'une part, et les moines russes, d'autre part (au Mont Athos ou à Constantinople). Ćorović a promis de donner la preuve de ses affirmations dans le grand ouvrage qu'il prépare maintenant sur le serbe littéraire. Mais tant que cet ouvrage n'aura pas paru, l'auteur de l'article considère comme non encore résolu le problème des russismes chez Savva.

Une importante partie de l'article est consacrée à l'ouvrage « Ustav o psaltiri », que *Ćorović* attribue sans hésiter à Savva. L'auteur de l'article observe que la documentation employée par Ćorović est incomplète: elle se réduit, en somme, à un seul manuscrit serbe — manuscrit défectueux du XVe ou du XVIe siècle (Académie serbe des sciences, no 51). Les preuves alléguées par *Ćorović* sont insuffisantes. L'auteur, se référant à plusieurs textes russes anciens de « Ustav », propose une autre explication: le Savva, nommé dans le « Ustav », ne peut être indentifié avec le Savva serbe. Ce fut un compilateur et traducteur obscur, qui recueillit ou bien trouva tout réuni déjà, un ensemble d'articles grecs servant d'instructions pour l'usage du psautier, et les traduisit; on ne savait rien de précis, même jadis, sur ce Savva. Les différentes copies le présentent tantôt comme l'auteur de l'ouvrage, tantôt comme le traducteur des articles, ou bien omettent a citer son nom; parfois encore, ce nom est remplacé par un autre nom (Leontij, par ex.).

À la fin de l'article est reproduite, d'après le texte russe du XVIe siècle de Novgorod (conservé à la bibliothèque de Sofia), la dernière partie de « Ustav », qui manque dans l'ouvrage de *Ćorović.* On y a reproduit aussi, pour faciliter la comporaison, « Ustav » de Théodore Studite, d'après le texte serbo-bulgare du XVIe siècle des manuscrits de Hil'ferding, no 42.

A. V. SOLOV'EV (Beograd):

ГРЕЧЕСКІЕ АРХОНТЫ В СЕРБСКОМ ЦАРСТВѢ XIV ВѢКА.

Сербское государство охватывало в самую блестящую пору своего развитія, в серединѣ XIV вѣка, большое количество греческих областей. Великій завоеватель и законодатель СТЕФАН ДУШАН недаром всегда титуловался **царь и самодрьжьць срьблемь и грькомь**, βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Σερβίας καὶ Ῥωμανίας. Есть даже указанія, что он номинально раздѣлил свое государство на двѣ равныя части: сѣверную — «Сербскую землю», гдѣ должен был властвовать сын его, юный краль Урош, и южную — «Греческую землю», которою царь управлял непосредственно.[1] Слѣды этого дѣленія можно найти в отдѣльных грамотах той эпохи.[2]

Конечно, это царство было создано и спаяно чисто-сербскими элементами: могучей личностью самого царя[3] и многочисленным сербским дворянством, «властелями великими и малыми», которым царь поручал суд и управленіе; они составляли главную часть его войска.

Какова же была роль не-сербских элементов в государствѣ (особенно роль греков) и их правовое положеніе?

Этот вопрос в литературѣ мало разработан. Больше всего на нем останавливался Т. Д. ФЛОРИНСКІЙ. На основаніи анализа меникейских грамот, он пришел к убѣжденію о полном равноправіи сербов и греков при Душанѣ. В южных областях «всѣ должности городских и областных правителей были предоставлены мѣстным знатным грекам, вѣроятно тѣм, которые и прежде их занимали». Он перечисляет длинный ряд имен греческих аристократов, занимавших служебныя и придворныя мѣста при царѣ Душанѣ:

> «В Сересѣ первым кефаліей послѣ сербскаго завоеванія был, вѣроятно, М. АВРАМБЕК, имя котораго упоминается в грамотѣ

[1] Свидѣтельство Никифора Григоры (ed. Bonn. I, p. 746–747) использованное *Т. Д. Флоринским*, Южные Славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка, вып. 2-й, СПБ. 1882, стр. 106.

[2] Напр. в Хиландарской грамотѣ 1348 г. различаются метохіи **по Срьблѣхъ и по Романіи, села по земли Срьбьскои, и землы Гречечска.** *P. Šafařík*, Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův, vyd. 2, v Praze 1873, стр. 101—102; в договорѣ с Дубровником 20 сентября 1349 различаются **землы царева и краљева**, *Miklosich*, Monumenta, p. 146—148; *Ст. Новаковић*, Законски Споменици српских држава среднег века, Београд 1912. стр. 420—422 и 169. Об юридическом значеніи этого дѣленія см. *А. Соловјев*, Законодавство Стефана Душана цара Срба и Грка, Скопље 1928, стр. 71—74.

[3] О роли самого царя Душана в созданіи сложнаго государства см. *St. Novakovitch*, Les problèmes serbes, Archiv für slaw. Philologie, XXXIV (1913), 231–233.

1346 г. Затѣм Серес является подчиненным одному общему правителю над нѣсколькими городами. Быть может при этом оставался и мѣстный кефалія. Так в грамотѣ 1349 г. мы находим имя МАНУИЛА ЛИВЕРІЯ, воеводы над Волером, Сересом и Струмою. Под 1353 г. упоминается великій хартуларій (потом протовестіарій) и кефалія Волера, Мосинополя, Сереса и Струмы АНДРОНИК КАНТАКУЗИН; преемником его в Сересѣ был ДИМИТРІЙ АНГЕЛ МЕТОХИТ. Затѣм, вѣроятно в послѣдніе годы царствованія Душана, правил в Сересѣ и в области Попольѣ великій чаушья АЛЕКСѢЙ ЦАМПЛАКОН. Кромѣ того в меникейских грамотах упоминается ΘЕОДОР ПАЛЕОЛОГ кефалія Волера, Мосинополя и Хрисополя. В сересских грамотах они являются не только с общим именем царских «дворян» или «бояр», но и носят разные почетные титулы, с которыми соединялись высшія должности по управленію краем, или же являются ближайшими довѣренными любыми новаго царя.

Мы видим цѣлый ряд греческих «дворян», носящих титул «доместика», которым Душан поручал рѣшеніе тяжебных дѣл, сбор доходов и управленіе отдѣльными областями. Извѣстны слѣдующія лица: доместик МАКРИН, доместик ІОАНН ТАРХАНІОТА, великій доместик АЛЕКСѢЙ РАУЛЬ. Выше названный серескій кефалія АНДРОНИК КАНТАКУЗИН послѣдовательно носит титулы великаго хартуларія, протовестіарія и протоспаѳарія. Кромѣ того упоминаются: другой великій хартуларій ІОАНН ВАТАЦИ и простые дворяне: МАРГАРИТ, ТРУЛИН, ФОКОПУЛО и родственник царскій протостратор СИНАДИН.»[4]

Но к сожалѣнію эти данныя оказались невѣрными. Болѣе внимательный анализ меникейских грамот, произведенный тѣм же автором в слѣдующем изслѣдованіи,[5] привел его к выводу, что половина этих грамот ошибочно приписана Душану, и что на самом дѣлѣ онѣ принадлежат АНДРОНИКУ II и АНДРОНИКУ III. Впослѣдствіи пришлось и из тѣх грамот, которыя ФЛОРИНСКІЙ считал возможным оставить за сербским царем, уступить еще нѣкоторыя византійским императорам, осо-

[4] *Т. Флоринскій,* «Южные славяне и Византія», II, стр. 112—114.

[5] В своем сочиненіи «Памятники законодательной дѣятельности Душана», Кіев, 1888, *Т. Флоринскій* на стр. 121—145 разбирает меникейскіе акты. Он доказал, что 14 грамот принадлежат византійским императорам; относительно 5 грамот он сомнѣвается, а 10 считает дѣйствительно принадлежащими Душану. В сборникѣ Миклошича и Миллера Acta graeca, V, Vind. 1887, на стр. 108—134 напечатаны лишь 22 грамоты, причем всѣ онѣ приписаны Душану. Остальныя 7 напечатаны Флоринским в приложеніи к его «Памятникам».

бенно послѣ напечатанія многочисленных аѳонских грамот.[6] Именно всѣ тѣ грамоты, в которых упоминаются греки со звучными титулами великих хартуларіев, орфанотрофов, доместиков ѳем и вселенских судей, пришлось признать ошибочно приписанными Душану.

И сейчас положеніе изслѣдователей в данном вопросѣ гораздо труднѣе чѣм 50 лѣт тому назад.

Недаром осторожный К. ИРЕЧЕК, лучшій историк Сербіи, написал в своей исторіи по этому поводу лишь три строчки:

„Griechen waren unter der Beamten Stephan Dušans eine seltene Ausnahme. Die neue Herrschaft war überall verbunden mit der Vertreibung der griechischen Partei aus den Städten."[7]

А в изслѣдованіи о государствѣ и обществѣ в средневѣковой Сербіи, тот же Иречек подробно говорит о сербском дворянствѣ, приводит много интересных данных о нѣмецких и итальянских рыцарях на сербской службѣ, но о греческом дворянствѣ говорит лишь:

„Nach der Besetzung byzantinischen Territorien vermehrte sich der Adel des serbischen Reiches durch die byzantinischen Grundbesitzer, welche in den serbischen Urkunden durch den Titel eines *Kyr* (dominus) hervorgehoben wird. Einzelne von ihnen führen den Beamtentitel eines *Sevast*," и ссылается по этому поводу лишь на Хтѣтовскій практик.[8]

Вот отрицательный результат, к которому пришел К. ИРЕЧЕК и на котором остановилось изслѣдованіе вопроса.

Между тѣм изслѣдованіе законодательства царя Душана убѣждает нас, что оно знает ограниченія лишь по вѣроисповѣдному, но не по національному принципу. Если de facto сербам принадлежит руководящая роль, то de jure греки с ними равноправны. Это видно из всей идеологіи царя. Он хочет быть наслѣдником греческих «православных царей», ссылается на их законы и пожалованія и подтверждает их. Его задача — издать православные законы, потому что он стал «царем во всякую православную вѣру». Роль греческаго духовенства особенно подчеркнута в грамотах о коронаціонном соборѣ 1346 г. и о законодательном соборѣ 1349 г. В сербской передѣлкѣ ВЛАСТАРЕВОЙ Синтагмы, имѣвшей

---

[6] По нашему счету, из 29 грамот приписанных Душану в Меникейском кодексѣ, 20 актов несомнѣнно исходят от византійских императоров, только 7 принадлежат Душану (AGr. V, p. 111 seq, N XVI, XXIII, XXIX, XXXI, XXXIII и XXXIV и *Флоринскій*, Пам. Прил. VIII α'), а 2 сомнительны. Этого вопроса касались еще *Ст. Новаковић*, Струмска област у XIV веку, Глас Српске Кр. Акад. XXXVI (1893) и *К. Иречек* в рец. на указ. соч. в Archiv für slaw. Phil. XVII (1895), s. 266.

[7] При этом примѣчаніе: Die Urkunden von Menoikeion, in denen man eine Reihe byz. Beamten in serb. Diensten zu finden glaubte, stammen meist von Andronikos II und III, nicht von Stephan Dušan. *C. Jireček*, Geschichte der Serben, Bd. I, 1911, s. 386.

[8] *C. Jireček*, Staat und Gesellschaft im mittelalterlichen Serbien, Wien 1912. Denkschriften der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-historische Klasse Band LVI, s. 45.

цѣлью быть основным гражданско-церковным кодексом новаго царства, слово Ῥωμαίος всюду замѣнено словом **православный**; греческіе законы должны быть обязательны для всѣх православных.[9] Наконец в собственно Душановом Законникѣ 1349 г. то же вниманіе к грекам. Нечего и говорить, что статы 1—38 Д З, говорящія о правах и преимуществах православной церкви, одинаково касаются и сербов и греков. А когда со статьи 39 начинается отдѣл о правах служилаго сословія, то она гласит: **Властеле и властеличики иже се обрѣтаю оу дрьжави царства ми, срьбле и грьци**, всѣм им однаково подтверждается неприкосновенность их землевладѣнія. Привелигированное сословіе состоит из сербов и греков. В статьях 1354 года, в числѣ властелей, приходящих на царскій двор, указаны **или грькь или нѣмьць или срьбинь или инь кто любо.**

Примѣнялось ли это равноправіе на дѣлѣ? Нам хорошо извѣстны многія имена сербов, стоящих во главѣ управленія, занимавших мѣста при дворѣ, ставших послѣ смерти Душана полунезависимыми владѣтелями.[10] Послѣ неудачи с меникейскими грамотами изслѣдователи перестали упоминать имена греков. Однако мы можем привести ряд данных, указывающих, что царь Душан дѣйствительно признавал равноправіе греческих властелей, давал им придворные чины и назначал их на отвѣтственныя должности, если они ему вѣрно служили.

1. МИХАИЛ КЕФАЛІЯ ПРОСѢКА.

Вспомним разсказ Кантакузина о том, как его в 1342 г. встрѣтил в Просѣкѣ нѣкій Михаил, управлявшій этой крѣпостью по порученію сербскаго короля (ὑπὸ Μιχαὴλ τινος τοῦ Τριβαλῶν ἄρχοντος παραδόντος, ἐκρατειτο. Cant. I, 257.) Этот Михаил, бывшій дворянин императора Палеолога (τῶν βασιλέως οἰκείων) перебѣжал к королю по какой-то причинѣ. С ним была в Просѣкѣ и цѣлая группа его друзей и пріятелей (τινας τῶν συνήθων καὶ φίλων), очевидно тоже греков. Не есть-ли это Михаил Асѣнь,[11] сын деспота Асѣня, родственник Андроника II, который по разсказу Ник. Григоры передал крѣпость Просѣк сербскому королю и сам к нему перешел во время борьбы между Андрониками? (ἢ τὸ πολίχνιον παραδούς ᾤχετο παρὰ τὸν κράλην καὶ αὐτὸς ἀπιών. Greg. I, 413.)

[9] На это обратил вниманіе еще *Т. Флоринскій*, Памятники, 250.

[10] Они встрѣчаются в подлинных сербских грамотах, в разсказах Кантакузина и Григоры. Интересен подробный список сербских вельмож у *Ханкондила* (ed. Bonn. 29), за которым послѣдовал *Орбини*, Il regno degli Slavi, 267–268. Список членов собора в Душановых грамотах Котору 1351 г. навѣрно поддѣльный, но может основываться на хорошей традиціи, т. к. поддѣлка восходит к XV вѣку.

[11] И раньше Михаил Асѣнь опирался на сербских союзников в борьбѣ с Андроником III около Сереса, Greg. I, 409.

Нѣсколько странно то, что Кантакузен дальше называет Михаила Асѣна среди своих сторонников, перечисляя всѣ его титулы, и разсказывая как его жену сѣкли

2. МИХАИЛ АВРАБАКА КЕФАЛІЯ СЕРЕСА.

Среди многочисленных меникейских грамот несомнѣнно принадлежит царю Душану одна, помѣченная апрѣлем XIV индикта, о правах на мельницу нѣкоего Фокопула.[12] Она относится к апрѣлю 1346 г., когда на коронаціонном соборѣ новый царь охотно подтверждал права и привилегіи своих новых подданых.[13] В этой простагмѣ упоминается «грамота царскаго дворянина, кефаліи богоспасаемаго города Сѣра, кир-Михаила Аврабаки, и других архонтов моего величества и честнѣйших церковных архонтов». Этот первый кефалія недавно завоеваннаго города, конечно грек, судя по имени и по титулу (кир-Михаил).[14] Любопытно отмѣтить, что во главѣ «великаго и прекраснаго города» Сѣра недавно стоял принц королевской крови, сир-Гюи де Люзиньян;[15] царь Душан поставил кефаліей знатнаго грека. Вспомним, что сдачѣ Сѣра предшествовали переговоры Душана с частю граждан, которым он обѣщал управленіе городом; во главѣ этой партіи стоял Мануил Асѣнь, дядя императрицы Ирины. (Cant. II, 535.)

3. ВЕЛИКІЙ ПРИМИКИРІЙ ИСАРИС.

В недавно напечатанной Душановой грамотѣ Ватопеду от апрѣля 1348 г. подтверждается дар, который сдѣлал ὁ οἰκεῖος τῇ βασιλείᾳ μου ἔπαρχος ὁ Ἴσαρης.[16] Ясно, что это придворный на службѣ у царя Душана. Епарх — это придворный чин на 21-м мѣстѣ у Кодина, который считает его только почетным званіем без должности.[17] В каталогѣ Матвѣя Властаря, который мы считает болѣе отвѣчающим условіем середины

в Константинополѣ в 1342 г. за симпатіи к Кантакузену (Cant. II, 299 et 336), между тѣм как кефалію Просѣка он называет глухо «нѣкій Михаил».

[12] Она находится в связи с другими двума несомнѣнно Душановыми: в апрѣлѣ 1348 царь подтверждает дары Фокопула Ватопедскому монастырю, виноградники и мельницы. Ἐπετηρὶς IV p. 236. В маѣ 1352 царь подтверждает тому же Фокопулу право распоряженія купленицами. AGr. V, 132.

[13] В апрѣлѣ 1346 даны жалованныя грамоты мон. Филоѳею, Ксиропотаму, Иверскому, Зографу, Есфигмену, Ватопеду и Св. Стефана Баньскаго. *Новаковић*, Зак. Спом. 533, 543, 551, 553, 556, 561, 565.

[14] AGr. V, 129 (Зак. Спом. 304). В рукописи Бѣлгр. Нар. Библ., содержащей список Меникейских грамот, ясно читается: κυρ-μ̃ (над м вынесено χ), т. е. Михаил, р-сь N 96, стр. 58.

[15] Συργὴ Ντελενουζίαν был в 1342 г. кефаліей Сѣра, затѣм стал королем Арменіи. *Cant*, II, 191, 228, 253, 277, 292. Сохранилось письмо к нему Матвѣя Властаря, изданное архим. *Арсеніем*. Письмо Матѳея Властаря к Гюи де Люзиньяну. Москва 1892.

[16] Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν, IV (1927), p. 236.

[17] Codini ed. Bonn. p. 35. По происхожденію своему, епарх это начальник столичнаго города, praefectus urbis, Comm. Cod. ib. 189.

XIV вѣка, званіе епарха находится на 25-м мѣстѣ, между великим папіей и великим друнгаріем.[18]

В 1366 г. перед сербским судом в Сѣрѣ возникает дѣло о наслѣдствѣ послѣ Исариса, причем он именуется великим примикиріем.[19] По каталогу Властаря, это придворное званіе на 11-м мѣстѣ, во главѣ третьей пентады (по Кодину — на 10-м мѣстѣ). Очевидно, родовитый епарх Исарис значительно поднялся в чинах при дворѣ сербскаго царя. Дочь его была замужем за Георгіем, кефаліей в Іерисѣ, городѣ тоже входившем в состав сербскаго царства.[20]

4. ВЕЛИКІЙ ГЕТЕРІАРХ ІОАНН МАРГАРИТ.

В той же грамотѣ Ватопеду от 1348 г. царь Душан подтверждает дар, который сдѣлал монастырю ὁ οἰκεῖος τῇ βασιλείᾳ μου μέγας ἑταιρειάρχης κῦρ Ἰωάννης ὁ Μαργαρίτης δι΄ὁρισμοῦ τῆς βασιλείας μου. Это крупный землевладѣлец, владѣвшій имѣніями в городах Кесарополѣ и Христополѣ, в Драчовѣ и Малой Неволѣнѣ. Кир-Іоанн Маргарит носит придворное званіе великаго гетеріарха: в каталогѣ Кодина[21] это чин на 25 мѣстѣ, послѣ друнгарія виглы, у М. Властаря — на 27-м. По Кодину, он имѣет значительную должность — принимать изгнанников и перебѣжчиков. Он и называется гетеріархом, потому что принимает союзников и друзей (τοὺς ἑταίρους ἤτοι τοὺς φίλους δεχόμενος.)[22]

Любопытно, что на такую отвѣтственную должность как завѣдываніе эмигрантами (гл. о. греками), царь Душан назначил не серба, а именно грека, вполнѣ ему довѣряя.

5. Ὁ ἘΠΙ ΤΟΥ ΣΤΡΑΤΟΥ КИР-ОРЕСТ.

Давно извѣстна надпись на большой башнѣ в Сѣрѣ («башнѣ сербской царицы Елены»), на которой упоминается строитель Орест.[23] По послѣд-

[18] Ματθαίου μονάχου περὶ τῶν ὀφφικίων, ed. Gretseri in Comm. *Codini* ed. Bonn. p. 214.

[19] Хиланд. грамота N 151. Виз. Временникъ XVII (1911) Прил.

[20] В 1374 мы встрѣчаем в Солуни вдову вел. контоставла Исариса и сыновей ея Михаила Ангела и Ѳеодора Комнена Исариса. Эти имена как-бы указывают на родство с царственными домами. Странно, что глава семьи назван здѣсь вел. контоставлом – это 12-й придворный чин. *Хиланд.* N 154.

[21] *Codini* p. 36 et Comm. p. 190; ср. *М. Андреева*, Очерки по культурѣ византійскаго двора, Прага 1928, стр. 40.

[22] К нѣкоему Маргариту (вѣроятно тому же лицу) обращена грамота, которую *Флоринскій* считал Душановой. AGr. V. 110; *Флор.*, Памятн. 143–144. Однако в ней дѣйствует великій хартуларій Іоанн Ватаци, вѣрно служившій в 1342 году Іоанну Палеологу. Ср. *Cantac.*, II, 180 et 197. Помѣченная октябрем XI индикта, эта грамота должна относиться к 1342 г. и исходить от Іоанна Палеолога. Тот же Маргарит мог через нѣсколько лѣт перейти на службу к Душану и получить при его дворѣ высокое званіе.

[23] *E. Cousinery*, Voyage en Macédoine, Paris 1840, v. I, p. 159.

ним данным эту надпись датируют 1350 годом, т. е. именно временем царствованія Стефана Душана.[24] НИК. ВЕИС считает, что Орест был во время постройки кастрофилаксом гор. Сѣра.[25] В поздѣйших документах Орест появляется дважды: в 1365 г. при царицѣ Еленѣ, вдовѣ Душана, в качествѣ «вселенскаго судьи» и с придворным титулом ὁ ἐπὶ τοῦ στρατοῦ.[26] В 1366 г. при деспотѣ Углешѣ, кир-Орест опять является «вселенским судьей», членом церковно-свѣтскаго судилища в Сѣрѣ и подписался в том же званіи ὁ ἐπὶ τοῦ στρατοῦ.[27] Это придворное званіе — на 29 мѣстѣ у Кодина, на 33-м у Властаря. Обязанность его, по одним данным, заботиться о вооруженіи войск, по другим — о лагерном их расположеніи.[28]

Итак, кир-Орест выступает перед нами одновременно и в придворно-военном званіи и в роли вселенскаго судьи.[29] Вѣроятно он получил оба эти званія еще в царствованіе Душана, при котором он строил сѣрскую башню (может-быть, в 1350 г. он был городским кефалією). Слѣдует отмѣтить, что соединеніе военной или административной должности со званіем судьи и участіем в церковно-свѣтском судилищѣ вполнѣ отвѣчает содержанію 176-й статьи Душанова Законника, предписывающей для горожан суд **прѣдь владалыцн градьскыми и прѣдь цръковнымь клиросомь.**[30]

В недавно напечатанной грамотѣ из Ватопедскаго архива царь Андроник II подтверждает в августѣ 1323 «пансевасту севасту царскому дворянину кир-Іоанну Оресту» в баштину благопріобрѣтенныя его имѣнія в гор. Мельникѣ и полученныя за женой от тестя, севаста Палата. Дальше в текстѣ грамоты дворянин называется просто Орестом. Очевидно, это то же лицо.[31] Женившись в началѣ 1320-х годов, кир-Орест легко мог дожить до 1366 г. и повышаться в чинах при сербском дворѣ.[32]

---

[24] Реферат *А. Ксингопулоса*, напеч. в Comptes-rendus du Deuxième Congrès International des Etudes Byzantines, Belgrade 1929, p. 189.

[25] N. Βέης, Οἱ κτίσται ἐν Σέρραις πύργου τῆς αὐγούστης Ἑλένης. Виз. Врем. XX (1914), 302-319.

[26] В заголовкѣ грамоты — ὁ εὐγενεστάτος καὶ καθολικὸς κριτὴς κυρ Ὀρέστης ὁ ἐπὶ τοῦ στρατοῦ; тѣ же званія и в его подписи. Эсфигмен. грам. N 18. Виз. Врем. XII.

[27] Так в подписи; в заголовкѣ акта он назван ὁ ἐπὶ τοῦ κάστρου. На этом основаніи *Н. Веис* считает его кастрофилаксом. Но не есть-ли это просто невѣрное чтеніе издателя вмѣсто ἐπὶ τοῦ στρατοῦ, как Орест назван в трех мѣстах? Хиланд. грам. N 151, Виз. Врем. XVII.

[28] *Codini* p. 36 et 193.

[29] О вселенских судьях, появившихся в Византіи с 1329 г. см. *L. Petit*, La réforme judiciaire d'Andronic II, Echos d'Orient IX, 1906, *И. И. Соколов*, Вселенскіе судьи в Византіи, Казань 1915.

[30] В других списках ДЗ: **прѣдь властели градскыми.** Такое собраніе πολιτικοὶ καὶ ἐκκλησιαστικοὶ ἄρχοντες под предсѣдательством кефаліи мы находим в Сѣрѣ в 1346 г.

[31] Ἐπετηρὶς IV (1927), 226. Надо замѣтить, что имя (или прозвище) Орест очень рѣдко в Византіи. *Н. Веис*, Виз. Врем. XX, 304; ср. *Васильевскій*, Труды I, 208.

[32] В 1369 г. среди вселенских судей в Сѣрѣ уже нѣт Ореста: он замѣнен другим лицом. Зограф. грам. N 43, Виз. Врем. XIII.

6. ВЕЛИКІЙ ПАПІЯ НЕСТОНГ ДУКА.

В судебном протоколѣ от ноября 1360 г. упоминается в Сѣрѣ среди церковных и свѣтских судей «великій папія Дука Нестонг», подписавшійся на актѣ по-гречески.[33] Это ученый мѣстный аристократ, составившій утраченную для нас историческую хронику от сотворенія міра до своего времени.[34] Вспомним, что в іюнѣ 1354 г. великое посольство царя Душана к папѣ в Авиньон состоит из трех лиц: Bossidarius judex generalis, Nestegus cephalia Serenus et Damianus de Catara civis Catarensis.[35] Несомнѣнно, сѣрскій кефалія Nestegus и есть позднѣйшій великій папія и судья в Сѣрѣ Νεστόγγος.[36] Итак, в 1354 г. Дука Нестонг занимал отвѣтственное мѣсто кефаліи в столицѣ Душановой «Греческой земли». Когда царь отправил посольство к римскому папѣ, он составил его из одного серба, одного грека и одного далматинца-католика. Получив впослѣдствіи придворный чин великаго папіи (на 24-м мѣстѣ у Властаря), Нестонг как бывшій кефалія судит в Сѣрѣ вмѣстѣ с церковным клиром.

7. СУДЬЯ ФОССАТА МАВРОФОР.

В грамотѣ от апрѣля 1348 г. царь Душан подтверждает Ватопеду дары, данные его дворянином судьей фоссата Маврофором (ὅσα ἀφιερωσεν οἰκεῖος τῇ βασιλείᾳ μου κριτὴς τοῦ φοσσάτου ὁ Μαυροφόρος. Ἐπετ. IV, 236), — прикіи, баштины и купленицы внѣ Христополя и в самом градѣ Христополѣ. Что Маврофор уже нѣсколько лѣт служил Душану, это видно из того, что еще в ноябрѣ 1344 г. царь Іоанн Палеолог жалует стратопедарху монокаваллов Іоанну Хумно конфискованную землю в области Зихны, которою владѣл отступник невѣрный Маврофор (ὁ ἀποστάτης καὶ ἄπιστος Μαυροφόρος, Виз. Вр. XX, Прил. № 8). А послѣ смерти Душана, когда область Христополя вернулась к грекам, тот же Іоанн IV, подтверждая в 1356 Ватопеду пожалованія Душана, упоминает и дары Маврофора, но глухо говорит: ὅπερ δέδωκεν ὁ Μαυροφόρος, отказывая ему в при-

---

[33] + ὁ δοῦλος τοῦ αὐθέντου μου Δούκας Νεστόγγος μέγας παπίας. Хиланд. N 146, Виз. Вр. XVII.

[34] Le grand pappias de Serrhès, Nestongos Doukas, fit une chronique abrégée allant du commencement du monde à son époque, – d'après un catalogue de mss. conservé autrefois dans la bibliothèque du grand Colbert. *L. Petit,* Виз. Врем. XVII, Прил, Пред. стр. 2; ср. *Du Cange,* Gloss. graec. s. voce παπίας.

[35] *Theiner,* Monum. Hung. II, 8; *Ljubić,* Monum. Slav. Merid. III, 264.

[36] Знатная семья Нестонгов должно быть славянскаго происхожденія: Νεστόγγος = Нєстѫгъ, Нєстагъ (средне-болг. смѣшеніе юсов) = Нєстєгь, Nestegus (по сербскому произн.). Извѣстна с XIII вѣка: Андроник Нестонг — двоюродный брат царя Іоанна III Дуки в 1224 г. Кефаліей Солуни был в 1267 Алексій Дука Нестонг, двоюр. брат царя Михаила Палеолога. Виз. Вр. XII, N 7. Придворные чины имѣли в 1291 г. Константин и Іоанн Дука Нестонги. AGr. IV, 257; ср. *М. Андреева,* Очерки, 91, 38, 40.

дворном чинѣ.[37] Очевидно, Маврофор до смерти продолжал служить сербам, и чин «судьи фоссата» был дан ему именно Душаном. Этот чин находится у Кодина на 52-м мѣстѣ, между протонотаріем и протала-гатором и имѣл реальныя обязанности — быть верховным военным судьей.[38]

8. ВСЕЛЕНСКІЙ СУДЬЯ ДИМИТРІЙ КОМНИН ЕВДЕМОНОІОАНН.

В упомянутом уже судебном протоколѣ 1360 г. перечислен весь состав суда в г. Сѣрѣ при царѣ Урошѣ. В него входят: митрополит Іаков, шесть членов церковнаго клира («церковные архонты», οἱ ἐξωκατάκοιλοι) и двое свѣтских судей: бывшій кефалія Дука Нестонг и новый кефалія сѣрскій ДИМИТРІЙ КОМНИН ЕВДЕМОНОІОАНН. В подобном же составѣ суда в 1365 и 1366 г. ДИМИТРІЙ КОМНИН назван «вселенским судьей».[39] Еще один грек со звучной аристократической фамиліей является кефаліей и вмѣстѣ с тѣм судьей, главным представителем сербской власти в крупном греческом городѣ. Фамилія Евдемоноіоаннов встрѣчается в XV вѣкѣ среди родственников послѣдняго византійскаго царя.[40]

9. ВЕЛИКІЙ ЧАУШ КИР-КАРДАМИ ПАЛЕОЛОГ.

Еще один грек, ὁ μέγας τσαούσιος кир-Кардами Палеолот входит в состав судилища 1365 г. в Сѣрѣ при царицѣ Еленѣ, вдовѣ Душана. Это 37-й придворный чин у Кодина, 40-й у Властаря.[41] Турецкое слово: «чауш» обозначает разсыльнаго, вѣстовщика (в Москвѣ XVII вѣка «сеунчи»). Великій чауш — это начальник гонцов, прежній протокурсор.

10. ВСЕЛЕНСКІЙ СУДЬЯ НИКИТА ПЕДІАСИМ.

В сѣрских судебных рѣшеніях 1366 и 1369 г. упоминается и подписывается послѣ членов клира вселенскій судья οἰκεῖος τῇ βασιλείᾳ μου, со-

---

[37] Ἐπετηρὶς IV, 270.

[38] τὰς ὑποθέσεις τοῖς στρατιώταις εἴτε περὶ ἀλόγων εἴτε ἁρμάτων εἴτε καὶ κούρσων ἢ περὶ τοιούτου τινὸς καθιστᾷ καὶ ἐξετάζει. *Codini*, p. 40. Нѣсколько военных судей (τῶν τοῦ στρατοπέδου κριτῶν, τῶν δικαστῶν) в походѣ Никифора Вотаніата упоминает *Attaliota*, p. 128. В 1338 г. царь Андроник III жалует имѣніями кир-Алексія Дипловатаца, κριτὴν τοῦ θεοφρουρήτου φοσσάτου, AGr. V, 107. В каталогѣ Властаря этот чин на 61-м мѣстѣ.

[39] Хиланд. N 146; Эсфигм. N 18; Хиланд. N 151.

[40] Племянник послѣдняго Палеолога, Матвѣй Асѣнь был женат на дочери τοῦ εὐδαίμονος Ἰωάννου (Historia politica Cplis, ed. Bonn. 33). Очевидно, это описка, и надо читать как фамилію τοῦ Ἐυδαιμονοϊωάννου. Так это понял и переводчик, проф. Мартин Крузій, напечатавшій: Ioannis Eudaemonis seu Felicis. Среди архонтов Монемвасіи Морейская хроника называет Δαιμονογιάννης; *Buchon*, Recherches, II, p. 110. Не есть-ли это искаженіе той же фамиліи?

[41] *Codini*, p. 39 et 195; *М. Андреева*, Очерки, 42—43.

φώτατος καθολικὸς κριτὴς Νικήτα ὁ Πεδιάσιμος.[42] Когда деспот Іоанн Углеша послал его в мартѣ 1369 г. по судебным дѣлам в Солунь, то греческія власти величают его дивным и мудрым мужем ромеев, τὸν θαυμαστὸν καὶ σόφον ἄνδρα Ῥωμαίων. Педіасимы — извѣстная ученая семья в Македоніи. В концѣ XIII вѣка жил писатель, хартофилакс Охридской митрополіи σοφώτατος κῦρ Ἰωάννης Πεδιασιμος, ὕπατος τῶν φιλοσόφων.[43] В серединѣ XIV вѣка нѣкій Θеодор Педіасим, вѣроятно член сѣрскаго клира, описывает святыни города Сѣра.[44] Никита Педіасим должен принадлежать к той же семьѣ: он живет в Сѣрѣ как Θеодор, и носит званіе «мудрѣйшаго» как Іоанн. Но в качествѣ вселенскаго судьи он вышел в свѣтское сословіе и считается царским «дворянином». Не обозначает-ли его эпитет »σοφώτατος« того, что и он был в званіи ипата философов при сербском дворѣ (29-й придворный чин у Властаря)?

11. КИР-ГЕОРГІЙ ФОКОПУЛ.

Сѣрскій архонт Георгій Фокопул упоминается в трех сербско-греческих грамотах. В апрѣлѣ 1346 г., через нѣсколько мѣсяцев послѣ завоеванія Сѣра, Стефан Душан подтверждает своему дворянину (οἰκεῖος) кир-Георгію Фокопулу права на мельницу, признанные за ним церковно-свѣтским судилищем. В апрѣлѣ 1348 г. царь подтверждает Ватопеду дары Фокопула, виноградники и мельницы. В маѣ 1352 г. особою простагмою царь Душан подтверждает права собственности кир-Георгія Фокопула на его недвижимыя имущества.[45]

*

Вот нѣкоторое количество греческих архонтов, данныя о которых можно извлечь из опубликованных в послѣднее время памятников. Можно указать еще нѣсколько имен, упоминающихся лишь по одному разу, без подробностей: в 1348 г. ὁ οἰκεῖος τῇ βασιλείᾳ μου κῦρ Μάρκος ὁ Ἄγγελος,[46] в мартѣ 1355 г. в Зихнѣ кефалія кир-Михаил, доместик кир-Мануил и кир-Константин Комитопул (Хил. № 143), в Іерисѣ — кефалія Георгій (Хил. № 151), в іюнѣ 1355 в Мельникѣ — севаст Тетрагонит, кир-Ласкарис, кир-Никифор Силимури, кир-Василій Воронтрицас (Хил.

[42] Хиланд. N 151; Зограф. N 43 и 44.

[43] Іоанн Педіасим писал схоліи к Аристотелю и Гезіоду, стихи о добрых и злых женах и т. под. *Krumbacher*, Geschichte, 477.

[44] В его перепискѣ (неизданной) упоминаются лица, бывшія членами сѣрскаго клира в 1340—60-х годах. *Krumbacher*, 557.

[45] AGr. V, 129; Ἐπετηρὶς IV, 237; AGr. V, 132.

[46] Ἐπετ. IV, 236. Упоминаемаго в той же Ватопедской грамотѣ 1348 г. ἐπὶ τῆς τραπέζης Ласкариса мы не рѣшаемся признать Душановым стольником, равно как и великаго папію Цамблака. Это лишь подтвержденіе даров византійских придворных, как и в Трескавацких грамотах.

№ 144). Всѣ они пользуются полными политическими и гражданскими правами и совершают сдѣлки по «святым и божественным законам» греческим.

Такое равноправіе сербских и греческих властелей можно усмотрѣть и в сѣверных областях. Напримѣр в Призрѣнской области наряду с сербскими властелями выступает достаточное количество греческих архонтов, сохранивших свое землевладѣніе: кир-Калиник из Модрича, севаст кир-Маноило, зять его севаст Рунзер, кир-Андроник, кир-Алекса брат епископа и другіе «боляре».[47]

Таким образом, мы приходим к любопытному выводу. Флоринскій основывался на невѣрных данных: перечисленные им чины двора, доместики и кефаліи никогда не служили Душану. От данных меникейских грамот надо отказаться. Однако, интуиція вела Флоринскаго по вѣрному пути. На мѣсто вычеркнутых появляются новыя лица из новых, подлинных сербско-греческих грамот. Мы видим, что двор царя Душана был устроен вполнѣ по византійскому образцу. В своем изслѣдованіи о сербском дворѣ СТ. НОВАКОВИЧ перечислил только десять высших придворных званій, и тѣх сербов, которые их носили.[48] Теперь же мы можем прибавить к ним придворные чины на 10, 12, 21, 25, 29, 37 и 52 мѣстѣ при дворѣ, и эти мѣста всѣ заняты греками. Мы можем даже указать грека среди высших чинов, в званіи севастократора.[49] Нѣт теперь основаній отрицать, что царь Душан завел полный византійскій двор в 80 чинов (по Кодину) или 90 (по каталогу Властаря) и что эти мѣста были занимаемы в перемежку сербами и греками.

Очень любопытно, что если верховное управленіе областями поручено сербам, то должности мѣстных кефалій оставлены по преимуществу в руках греков.[50] Эти же кефаліи (бывшіе и настоящіе) вмѣстѣ с греческим церковным клиром судят по всѣм дѣлам и иногда носят чисто византійскій титул «вселенских судей». Большой рѣдкостью в составѣ таких церковно-свѣтских судилищ являются отдѣльные сербы.[51]

---

[47] Судебный протокол, писанный при королѣ (вѣроятно Душанѣ) номиком призрѣнским Николой; *Ѳ. Успенскій*, Матеріалы для ист. землевл. стр. 34; *А. Соловјев*, Одабр. споменици српског права, Б. 1926, стр. 130. Тот же номик Никола писал купчую в Призрѣнѣ при царѣ Душанѣ, Гласник XXXV—119; *А. Соловјев*, ib. 148.

[48] *Ст. Новаковић*, Византијски чинови и титуле у српским земљама XI—XV века, Глас Српске Краљ. Академије, LXXVIII (1908), стр. 178—279.

[49] Запись монаха Іакова писана в албанском Бѣлградѣ в 1343 году, ἐν τῷ πρώτῳ ἔτῳ τῆς εἰς τὰ Βελλάγραδα εἰσελεύσεως τοῦ σεβαστοκράτορος Σερβείας κῦρ Νικηφόρω τὸ Ἰσαακίω. *Spyr. P. Lambros*, Catalogue of the Greek manuscripts on Mount Athos. Vol. I, Cambridge 1895, ms. N 3750 (Dionisiat 216).

[50] Единственный кефалія в Сѣрской области с сербским именем — это Райко, кефалія Трилиса и Вронта в 1345 г. *Флоринскій*, Пам. Прил. VIII α'.

[51] Митрополиты сѣрскіе Іаков и Сава, дикей Никола Милац (мильць) и кир-Радослав Торнико, брат Душанова логоѳета Георгія Повича.

Эти данныя, извлеченныя нами из греческих актов Сѣрской области, являются наилучшим реальным комментаріем к статьям Душанова Законника 1349 года: к статьям 39 и 40 о неприкосновенности имѣній властелей, сербов и греков, к статьѣ 124 о неприкосновенности привилегій греческих городов, подчинившихся сербскому царю, — и особенно к дополнительной статьѣ 1354 года, статьѣ 176, предписывающей, чтобы всѣ горожане судились перед церковным клиром и городскими властелями. В своем законодательствѣ, как и в своей реальной политикѣ, царь Душан преслѣдовал опредѣленную цѣль — равноправіе обоих народов православнаго «царства Сербіи и Романіи».

LES ARCHONTES GRECS DANS L'EMPIRE SERBE.

(Résumé.)

Quel était le rôle de la noblesse grecque dans l'empire serbe en 1346—1371?

Il est connu que le Code Douchan proclame l'égalité de droits entre Serbes et Grecs et confirme les anciens privilèges des Grecs. Mais les archontes grecs étaient-ils admis *de facto* à l'administration et à la cour de l'empereur serbe?

Les chrysobulles de Menoikeios (publiés dans les *Acta Graeca,* V) donnèrent à Mr Florinskij l'impression qu'une quantité de Grecs occupait les premières places au service de la cour serbe ainsi que dans l'administration provinciale. Mais une analyse plus détaillée de ces actes démontra qu'ils avaient été pour la plupart (22 sur 29) faussement attribués par le copiste à Douchan et ne sont en réalité que des chrysobulles d'Andronic II et III. C'est pourquoi Mr Jireček parvint à une opinion presque complètement négative sur le sujet en question: « Griechen waren unter den Beamten Stephan Dušans eine seltene Ausnahme » (Gesch. der Serben I, 386).

Cependant les actes du Mont-Athos, publiés dans les dernières années, nous donnent des renseignements plus précis. Nous trouvons assez de Grecs parmi les dignitaires de la cour serbe: le grand primicier et grand connéstable Isaris, le grand pappias Nestongos Doukas, le grand tzaoucéos Kardami Paléologue. Quelquefois leurs titres indiquent des charges sérieuses: ce sont le héteriarque Jean Margaritos, l'épi tou stratou Oreste, le kritês tou phossatou Maurophos. Le Grec Doukas Nestongos est membre de l'ambassade, envoyée par Douchan au pape à Avignon en 1354; il y est mentionné comme « cephalia Serrenus ». On voit que la place de kephalé de Serrès est toujours occupée par des Grecs: kyr Michel Avrambakas en 1346, kyr-Orestes en 1350, Nestongos en 1354, Démétrios Comnène Eudaimonoïoannes en 1360.

Grecs sont aussi les kephalai de Prosek (en 1342), de Zichna (en 1355) et de Hierissos. Les actes de Serrès nous montrent que les mêmes kephalai et archontes grecs sont membres du tribunal sous la domination serbe, quelquefois même avec le titre de « katholikoi kritai » (en 1365 et 1366).

On voit donc que Douchan et ses successeurs donnaient réellement un rôle actif à la noblesse grecque dans leur « empire des Serbes et des Grecs ».

LINOS POLITIS (Athen):

GRIECHISCHE HANDSCHRIFTEN DER SERBISCHEN KAISERIN ELISABETH.

Unter den neuen Erwerbungen der Handschriften-Abteilung der National-Bibliothek in Athen befinden sich auch die Handschriften, die früher teils der Metropolitan-Kirche, teils dem griechischen Gymnasium in Saloniki gehörten und im Jahre 1875 dort im Gymnasium durch die Fürsorge des damaligen Metropoliten, nachherigen Patriarchen von Konstantinopel JOACHIM III. gesammelt wurden. In die National-Bibliothek wurden sie überführt gleichzeitig mit Drucksachen desselben Gymnasiums im Jahre 1913 von dem damaligen Kustos der Handschriften-Abteilung Herrn TH. BOLIDES. Einen Katalog aller dieser Handschriften, ungefähr 150, veröffentlichte im Jahre 1903 DANIEL SERRUYS.[1]

Mit Ausnahme von einigen späteren literarischen, sind diese Handschriften sämtlich theologisch, darunter ein erheblicher Teil liturgischen (Menaia, Synaxaria) und kirchenmusikalischen Inhalts. Nicht alle diese Handschriften sind von SERRUYS in gleicher Weise beschrieben. Ausführlich beschreibt er nur 79 Handschriften, während er 67 liturgische am Schlusse des Katalogs auf 3 Seiten (S. 71—73) in aller Kürze erledigt, indem er nur die zufällig vorhandenen Notizen über Schreiber oder Besitzer anführt. Aber auch diese kurzen Beschreibungen sind leider nicht genau: oft sind Menaia als Sticheraria, Triodia u. dgl. bezeichnet.[2]

Drei von diesen liturgischen Handschriften sind Gegenstand der vorliegenden Abhandlung. In der kurzen Beschreibung von Serruys haben sie die Nummern 4, 35, 49, und sind heute in der National-Bibliothek vorläufig unter den Nr. Suppl. 4, 35, 49 eingereiht.[3]

Die erste Handschrift (Nr. 4 = Suppl. 4 = cod. A) wird von SERRUYS

---

[1] Catalogue des manuscrits conservés au Gymnase grec de Salonique in der Revue des Bibliothèques 13 (1903), S. 12— 89. Vgl. die Besprechung von *Sp. Lambros* in Νέος Ἑλληνομνήμων 1 (1904), S. 378 ff.

[2] *Serruys'* Katalog zeichnet sich im ganzen nicht durch Genauigkeit aus, er enthält sogar einige ganz unbegreifliche Mißverständnisse. Vgl. die oben erwähnte Besprechung von *Sp. Lambros*.

[3] Die Handschriften der National-Bibliothek von Griechenland sind beschrieben von *I. Sakkelion:* Κατάλογος τῶν χειρογράφων τῆς Ἐθνικῆς Βιβλιοθήκης τῆς Ἑλλάδος ὑπὸ Ἰ. Σακκελίωνος, ἐπιμελητοῦ καὶ Α. Ι. Σακκελίωνος, ἐκτάκτου ἀναπληρωτοῦ. Ἐν Ἀθήναις 1892. S. V, 339. Es werden hier 1856 Hss. beschrieben. Seither wurde die Bibliothek besonders durch die Handschriftenschätze aus den Klöstern der neuen Provinzen bereichert; sie besitzt jetzt mehr als 3000. Herr *S. Kougéas*, Professor an der Universität Athen und seit 1923 Direktor der Handschriften-Abteilung der National-Bibliothek, bereitet unter Mitwirkung des Verfassers vorliegenden Aufsatzes einen neuen Katalog sämtlicher Hss. der National-Bibliothek vor. Von den nach der Ausgabe des Katalogs von Sakkelion erworbenen Hss. ist ein Teil numeriert

als: *Synaxarion, XV*^{e} *s.* beschrieben und ist auch tatsächlich ein Synaxarion, welches Heiligenleben von März bis August enthält. Sie ist im XIV. Jahrhundert[4] äußerst sorgfältig geschrieben. Die Schrift ist steil, etwas eckig nach dem Vorbild älterer Schrift. Die Überschriften sind rot geschrieben, desgleichen die Anfangsbuchstaben und die Zierstriche. Die Handschrift ist ziemlich umfangreich (300×203 mm.), besteht aus 440 Blättern + 2 Schutzblättern, enthält 52 Quaternionen, deren Numerierung in Rot an den untern Rändern sich befindet. Der Schreiber gefällt sich darin, die Nummer mehrerer Quaternionen in Buchstaben, die in einem Zuge geschrieben sind, zu setzen, besonders wo die Zahlen 3 und 6 vorkommen. Der Codex ist in gepreßtem Leder gebunden.

Die zweite Handschrift (Nr. 49 = Suppl. 49 = cod. B) wird zwar von SERRUYS als: *Typicon, XV*^{e} *s.* beschrieben, ist jedoch wirklich ein *Menaion vom April.* Sie besteht aus 156 Blättern, doch fehlt der Anfang. Die Hs. wurde erst in der National-Bibliothek gebunden. Schriftart und Dimension sind dieselben wie in der vorigen Hs.; auch hier gefällt sich der Schreiber die Quaternionzahlen in einzügiger Buchstabenschrift auszuführen.

Die dritte Handschrift (Nr. 35 = Suppl. 35 = cod. C) wird von SERRUYS als: *Menologion, XV*^{e} *s.* bezeichnet und ist ein *Menaion vom Februar.* Sie ist am Anfang verstümmelt und besteht aus 160 Blättern. Sie hat unter Mottenfraß und Feuchtigkeit sehr gelitten und wurde ebenfalls erst von uns gebunden. Auch dieser Codex ist von derselben Hand, wie die obigen, geschrieben.

Trotz ihres unbedeutenden Inhalts gewinnen diese liturgischen Handschriften an Interesse, dank einiger Notizen, die der Schreiber entweder am unteren Rand[5] oder auch dort, wo ihm der Abschluß eines Kapitels einige Zeilen bis zum unteren Rand übrig ließ, beigefügt hat. Diese Notizen, die SERRUYS gar nicht bemerkt oder vielleicht für unbedeutend gehalten hat, werden untenstehend veröffentlicht. Nur wenige sind in derselben Schriftart geschrieben wie der Text, bei welchem der Schreiber sich befleißigte, eine ältere Schriftart nachzuahmen. Die meisten weisen die gewöhnliche, ungezwungene Schriftart des XIV. Jhts auf, die besonders bei Urkunden und literarischen Texten in Gebrauch war. Jeder Notiz werden je ein, bzw. mehrere, Kreuze voran- und nachgestellt.[6]

(bis Nr. 2340); bei den nicht numerierten, wie z. B. den Hss. aus dem Gymnasium von Saloniki, wurde es aus praktischen Gründen zweckmäßig erachtet, sie vorläufig mit Ergänzungs-Nummern zu versehen, so daß sie ihre bleibende Nummer erst nach Abschluß des ganzen Werkes erhalten werden.

[4] *Serruys* irrt sich oft in der Datierung der Hss.; aber bei der vorliegenden Hs. ist der Irrtum verzeihlich, da die Schriftart große Ähnlichkeit mit der des XV. Jahrhunderts aufweist.

[5] In zwei Fällen ist die Notiz am oberen Rande geschrieben.

[6] Die Abkürzungen werden in ( ) vervollständigt; durch Beschädigung fehlende Buchstaben in [ ] ergänzt; | bezeichnet Zeilenschluß; die Eigennamen werden mit großem Anfangsbuchstaben geschrieben.

CODEX A.

1. — f. 206. Am Schlusse des Textes, rot geschrieben.

᾽Ιδοὺ δέσποινά μου προσέθηκας ὡς εὐσεβὴς ξένος[7] | θησαυροὺς πν(ευματ)ικοὺς ἐν τῇ ἐκκλη(σί)α.

2. — f. 206ᵛ. Am Kopfrand, rot geschrieben.

᾽Ι(ησο)ῦ μου, βοήθει μοι· πρε(σβεί)(αις) ᾽Ελισάβετ.

3. — f. 272ᵛ. Am Kopfrand, rot geschrieben.

᾽Ω Χ(ριστ)ὲ βοήθει μοι πρεσβείαις ᾽Αποστόλων.

4. — f. 285ᵛ. Am Schlusse des Textes, rot.

Δέσποτά μου ἅγ(ιε) ἱερομόναχε κῦρι Δωρόθ(εε): ὡς ἐν πᾶσ(ιν) ἔχ(ων) ἐπαινεῖν σε· | ἔν τε τῇ εὐλαβεία· τὸ τῶν ἠθ(ῶν) εὖ κεκραμ(έν)ον· τῇ μακαρία ἁπλότ(η)τ(ι) μ(ε)τ(ὰ) τ(ῆς) ἁγιο|πρεπ(οῦς) κ(α)ταστάσ(εως)· (καὶ) τἆλλα· εἰς δὲ τὸν ἄλευρον (καὶ) πάνυ γε (καὶ) εὖ σοι γέ|νοιτο ἐν α′ τοῦ μ(ην)(ὸς)·[8] ἡμέτερε ἄγγελε (καὶ) οὐράνιε ἄν(θρωπ)ε· τροφεῦ (καὶ) κηδεμών.

5. — f. 352. Am Schlusse des Textes mit schwarzer Tinte geschrieben. (Der Anfangsbuchstabe und das Kreuz rot).

Δέσποινά μου ἁγία εὐσεβεστάτη ἄνασα αὐγούστα· | πηγὴ (καὶ) ῥίζα τῆς ἐλεημοσύνης· (καὶ) ἀρετὴ πάση | (καὶ) σοφία κεκοσμημένη· εἴ γε[9] πατρὶς μὲν σὴ ἡ ἄνω | μητρόπολις· ἡ δὲ νῦν ξένη, ἐν ἧ πάντες καὶ πάροικοι | τῆς ἰδί(ας) ἀπελαθέντες· εἰς τὰ γραφόμ(εν)α· (καὶ) πλέον τ(ῆς) | χρεί(ας) εἰς τροφ(ὴν) (καὶ) ἑτέραν κυβέρνησιν βοηθεῖ ἡμῖν, ὁ | κ(α)τ(ὰ) πν(εῦμ)α σὸς, ἱερομόναχος κῦρ(ις) Δωρόθ(εος)· τ(ὴν) (δὲ) σ(ὴν) εὐλογί(αν) οὐκ ἐδεξάμ(ε)θα.

6. — f. 384. Unterer Rand; rot.

᾽Αλλ᾽ ὦ παρθένε κράτυνον τοὺς ἄνακτας ῾Ρωμαίους· Στέφανον | Οὔρεσιν, (καὶ) τ(ὴν) μ(ητέ)ρα τούτου ἁγί(αν) ᾽Ελισάβετ.

7. — f. 440ᵛ (letztes Blatt); mit schwarzer Tinte.

Δέσποινά μου ἁγία εὐσεβεστάτη αὐγούστα· ἁγία ᾽Ε|λισάβετ· ἐγὼ ὁ πτωχὸς ξένος· (καὶ) γρα|[φ]εὺς τῶν βιβ[λί]ων σου, μετάνοιαν δου|[λ]ικήν· (καὶ) γίνω|[σκ]ε ὅτι πάντες ἀγαπῶσ[ι] [τὴν] | ἁγίαν βασιλείαν σου· ὁ μὲν· διὰ τὸ· καὶ τὸ· | [πνευμ]ατικὸν· ἢ ψυχικὸν: ὁ δὲ κ(α)τ(ὰ) πν(εῦμ)α σὸς | [διά]πυρος εὐχέ-

[7] ξένος: am Ende der zweiten Zeile geschrieben.

[8] ἐν α′ τοῦ μηνὸς: die Lesung zweifelhaft, der Text unklar. Am Anfang ein oder zwei Buchstaben verblichen, dann ā τοῦ μ᾽; das ου mit dem Zirkumflex in einem Zuge geschrieben, könnte vielleicht als ein anderer Buchstabe entziffert werden; über dem μ das gewöhnliche Zeichen für ους, es kann aber auch als Abkürzung von ην gelesen werden.

[9] ἴεγε : augenscheinlich ein Fehler; lies: ἥ γε.

της ἱερομόναχος κῦρ(ις) Δωρόθεος | [εἷς] τὰ πν(ευματ)ικὰ πάντα λίθον κινεῖ· (καὶ) ἰδοὺ | ἔγραψα ἐγὼ ὁ ξένος τὰ ἓξ μηναῖα (καὶ) τὸ παρ(ὸν) | ἑξαμηνιαῖον συναξάριν· (καὶ) ἐκυβέρνησέ | με ὅσον αὐτὸν ὁδήγησεν ὁ Θ(εὸ)ς· γράψον δὲ | (καὶ) τὰ τρία τριώδια τῆς ἁγί(ας) Λαύρας· καὶ πέμ|ψον (καὶ) ἡμῖν τὸ ἔλ[ε]ός σου ὡς (καὶ) εἰς πάντας διά τε | τ(ὴν) σ(ὴν) ψυχ(ὴν) (καὶ) τοῦ ἁγίου βασιλέως.

CODEX B.

8. — f. 14^{v}. Unterer Rand; rot.

Οἱ τυχόντες μέμνησθε κἀμοῦ τοῦ ξένου.

9. — f. 24^{v}. Am Schlusse des Textes; rot.

Μέμνησο κἀμοὶ τῶ γεγραφότι | θύτα.

10. — f. 66^{v}. Am Schlusse des Textes; rot.

Βίβλος ἥδ' ὠφέλιμος· ἐγὼ δὲ ξένος | ἔρημος· ἢ μαθέτω διδάσκειν, | ἢ πειθέτω με γράφειν.

11. — f. 76. Am Schlusse des Textes; rot.

Γράψον καὶ τὰ τρία τριώδια.

und dann am unteren Rande:

Αἰωνία σου ἡ μνήμη εὐσεβεστάτη αὐγούστα κυρὰ | Ἐλισάβετ· ὅτι ἐχόρτασαν αἱ χεῖρες μου γρά | ψιμον.

12. — f. 125^{v}. Am Schlusse des Textes; schwarz.

Δέσποτά μου ἅγιε ἱερομόναχε κῦρι Δω|ρόθεε· γίνωσκε ὅτι ἔφερέ μοι ὁ Πι|σσαρᾶς, ἀλεύρου μόδια δύο· καὶ δουκά|τον ἕν· τὸ δὲ ἕτερον ἁπῆρε ναῦλον. |

und etwas weiter unten:

διὰ τὸν Ἀπρίλλιον.

CODEX C.

13. — f. 22. Unterer Rand; rot.

Μέμνησο κἀμοὶ τῶ γεγραφότι π(άτ)ερ.

Außer diesen Notizen des Schreibers ist am untern Rand von f. 209^{v} des Cod. A die folgende serbische Notiz kursiv geschrieben:

вьторн дьнь памѣ҇ сѵ̑ѣтѣга ѡ҃ц҃а нашега никифо҇ патріар҇ кѡ҇ѣадн҇ града[10]

[10] Nach der Lesung von Herrn *M. Lascaris*, Professor an der Universität Saloniki, der mich auch sonst durch wertvolle Hinweise zu besonderem Dank verpflichtet hat.

nur Federprobe, welche Wörter des griechischen Textes übersetzt, was jedoch beweist, daß sich die Handschrift einmal in slavischen Händen befand.

*

Diese Notizen, mit Ausnahme einiger ganz unwichtigen (z. B. Nr. 3, 8, 9, 13) beziehen sich auf den Schreiber und auf verschiedene andere Personen, unter denen der Name der KAISERIN ELISABETH oft wiederkehrt (direkt: Nr. 2, 6, 7, 11 und indirekt: Nr. 1, 5), angeführt sogar mit den Ehren-Bezeichnungen δέσποινα, αὐγούστα, εὐσεβεστάτη, ἁγία. Die Notiz Nr. 6 läßt keinen Zweifel darüber zu, daß es die Kaiserin HELENE ist, die Gemahlin des STEPHAN DUŠAN und Mutter des STEPHAN UROŠ oder Οὔρεσις, wie ihn die byzantinischen Geschichtsschreiber nennen, und die nach dem Tode ihres Gemahls den Schleier unter dem Namen Elisabeth nahm.

Vor jeder Behandlung dieser Notizen ist es also nötig, ein möglichst klares Bild über das Leben dieser Kaiserin zu geben, die nach den zeitgenössischen Quellen als eine der interessantesten Gestalten des XIV. Jahrhunderts auf der Balkanhalbinsel erscheint.[11]

[11] Diese flüchtige Skizze ist weit davon entfernt, eine ausführliche Biographie, deren Elisabeth gewiß nicht unwürdig wäre, sein zu wollen. Es ist mir leider unmöglich, die slavischen Quellen zu benützen, auch sind mir in Athen nur wenige spezielle Hilfswerke zugänglich. Von den griechischen Quellen kommt als die wichtigste die Geschichte des *Johannes Kantakuzenos* in Frage, der sich aktiv an den Ereignissen dieser Epoche beteiligt und Elisabeth auch persönlich gekannt hatte. In zweiter Linie sind das Ἱστορικὸν Κομνηνοῦ καὶ Πρόκλου τῶν μοναχῶν (ed. *G. Destunis,* St. Petersburg 1858) und das Geschichtswerk des *Nikephoros Gregoras* zu nennen. Eine wichtige Quelle sind auch die Urkunden aus den Athos-Klöstern (Actes de l'Athos), veröffentlicht als Beilage des Vizantijskij Vremennik. Von modernen wissenschaftlichen Hilfswerken ist sehr wertvoll das Buch von *K. Jireček,* Geschichte der Serben, Bd. I—II, (Gotha 1911—18) besonders Bd. I, Buch 4, Kap. 3—4. Es diente mir als Grundlage zu allen meinen Darlegungen, so daß es mir überflüssig scheint, in allen Einzelheiten darauf zu verweisen. Wertvolle Angaben bietet auch *dessen* Werk: Staat und Gesellschaft im mittelalterlichen Serbien in den Denkschriften der Akad. der Wissensch. in Wien, I (56. Bd., 1912), II (ebd.), III (58. Bd., 1914), IV (64. Bd., 1919) — Eine Spezialmonographie über Helene: N. A. Βέης, Οἱ κτίσται ἐν Σέρραις πύργου τῆς αὐγούστης Ἑλένης im Vizant. Vremennik, 20 (1913), 3. Teil, S. 302—319. Es handelt sich in dieser Abhandlung vorwiegend um die Inschrift auf dem Turme der Akropolis von Serrai, die verschieden entziffert worden ist, und welche Bees: Πύργος αὐγούστης Ἑλένης, ὃν ἔκτησεν (= ἔκτισεν) Ὀρέστης liest; aus diesem Anlaß spricht der Verfasser auch ausführlich über die Kaiserin. Ich darf hinzufügen, daß es Herrn A. Xyngopulos, Ephoros der byzantinischen Altertümer, wie er mir freundlichst mitteilt, bei den Ausgrabungen, die er in Serrai machte, gelungen ist, eine genaue zeichnerische Abschrift der wegen ihrer hohen Stelle von unten nicht gut lesbaren Inschrift zu machen. Nach dieser neuen Lesung, die man als vollkommen sicher ansehen darf, lautet die Inschrift folgenderweise Πύργος Ἁγίου Βασιλείου, ὃν ἔκτισεν Ὀρέστης. Die vermeintliche slavische Inschrift ist weiter nichts als das Datum: Αὐγού(στου) Δ′(Ι)νδ(ικτιῶνος Γ′) . . ϚΩΝΗ (6858 = 1350), was mit den von Prof. N. A. Bees veröffentlichten Resultaten über den καστροφύλαξ Ὀρέστης vollkommen übereinstimmt. Die Ergebnisse des Herrn *A. Xyngopulos* sollen in einem der folgenden Bände der Ἀρχαιολογικὴ Ἐφημερὶς veröffentlicht werden. Ich spreche ihm meinen besten Dank für diese Mitteilungen aus.

HELENE war die Schwester des bulgarischen Zaren JOHANN ALEXANDER, dessen lange Regierung (1331—1365) in diese Zeit fällt. Ihr Geburtsjahr ist unbekannt, sie muß aber sehr jung gewesen sein, als sie 1332 den 22jährigen serbischen König STEPHAN DUŠAN heiratete, der vor kaum einem Jahre den Thron bestiegen hatte. Das junge Paar erhielt nicht sofort einen Thronfolger und dies ist wahrscheinlich der Grund dafür, daß im Jahre 1336 Unterhandlungen wegen einer beabsichtigten Vermählung des serbischen Königs mit ELISABETH, der Nichte des österreichischen Herzogs OTTO, der Tochter des deutschen Kaisers FRIEDRICH DES SCHÖNEN, stattfanden. Der Thronfolger und spätere Kaiser STEPHAN UROŠ wurde ein Jahr nach diesem Vorfall, d. i. im Jahre 1337 (Weltjahr 6845), geboren. Seitdem steigt die Königin im Ansehen bei ihrem Gemahl, bekommt Sitz und Stimme im Rate, und als sich Dušan zu Ostern 1346 zum Kaiser der Griechen und Serben erhob, wurde auch sie zur Kaiserin ernannt.

Mehr Licht fällt auf die Person der Kaiserin im Geschichtswerk von KANTAKUZENOS, der 1342 bei dem serbischen König Zuflucht nahm, um dessen Beistand gegen den Kaiser JOHANN V. zu erbitten, und Gelegenheit hatte, sie näher kennen zu lernen. Er zeigt uns die Königin, wie sie die wegen der Bedingungen des Beistandes sich erhebenden Streitigkeiten zwischen dem serbischen und dem griechischen Herrscher auszugleichen suchte, sich für Kantakuzenos' Forderung einer Beistandsleistung ohne Entschädigungen einsetzte, und wie es ihr gelang, ihren Gemahl zu überreden, indem sie den daraus für Dušan erwachsenden Gewinn an Ruhm und Prestige hervorhob.[12]

Auch in anderen Fällen erkennt Kantakuzenos die Gerechtigkeit und Gastfreundschaft der Königin an, so z. B. als ANNA VON SAVOYEN, Witwe des verstorbenen ANDRONIKOS III., welche die Vormundschaft über den unmündigen Kaiser Johann V. ausübte, eine Gesandtschaft an den serbischen König wegen Auslieferung oder Gefangensetzung des byzantinischen Gegenkaisers schickte;[13] oder auch als ihr eigener Bruder, der Zar, die Rückkehr des Kantakuzenos nach Didymoteichon auf jede Weise zu vereiteln suchte, um selbst die Stadt einnehmen zu können, gemäß der Übereinkunft, die zwischen ihm und der in Didymoteichon weilenden Gemahlin des Kantakuzenos, Irene, getroffen worden war (um 1342).[14]

Es ist klar, daß die Kaiserin, die bei Lebzeiten ihres großen und gewaltigen Gemahls eine politische Rolle spielte, nach dessen frühzeitigem Tode (1355) unmöglich dem politischen Leben fernbleiben konnte, umsomehr als die

[12] *Kantakuzenos,* Bd. II, 226 ff. Bonn.

[13] Ἑλένη δὲ ἡ τούτου γαμετὴ καὶ καθήψατο πικρῶς καὶ ἀπέπεμπε (die Gesandten) πρὸς ὀργήν, ὡς ἄδικα πρεσβεύοντας καὶ πολλὴν αὐτοῖς τὴν ἀδοξίαν οἴσοντα (*Kant.,* Bd. II, 306, 15 ff).

[14] Κράλης μὲν οὖν αὐτοῦ τὰς παραινέσεις φαύλας ἡγούμενος οὐ παρεδέξατο, μάλιστα εἰς τοῦτο ἐναγούσης καὶ τῆς γυναικός (*Kant.,* Bd. II, 338, 9).

beiden Bewerber um die Herrschaft, ihr kaum 20jähriger Sohn STEPHAN UROŠ und der 28jährige Halbbruder des Dušan, SYMEON, sich nicht durch Stärke auszeichneten. Ohne an den Streitigkeiten teilzunehmen, beherrschte sie, von serbischen und griechischen Adeligen und Geistlichen umgeben, die Provinzen Ost-Mazedoniens und vor allem Serrai. Da nahm sie den klösterlichen Schleier unter dem Namen Elisabeth. Die Zeit ist nicht genau zu bestimmen. Zum ersten Mal wird sie als ELISABETH angeführt in einer Urkunde aus dem Weltjahre 6868 (1. Sept. 1359 — 31. Aug. 1360).[15]

Aber die Kaiserin war sicherlich nicht berufen, den Verfall des serbischen Reiches nach dem Tode Dušans aufzuhalten, noch war sie fähig, der tatsächlichen Besitzergreifung der Herrschaft durch die Adeligen VOJISLAV VOJNOVIĆ († 1363) und später durch die Brüder VLKAŠIN (Βελικασῖνος) und UGLJEŠA (Οὐγκλέσης) zu widerstehen. Sie wurde sogar gezwungen, bei der Einnahme von Serrai durch den Letzteren (1365) die Stadt zu verlassen. Im Jahre 1366 führte schon VLKAŠIN den Königstitel (Kral). Er und sein Bruder hatten eigentlich die Herrschaft in Händen bis zu ihrem kurz darauf erfolgtem Tode, als beide Brüder in der mörderischen Schlacht an der Marizza (bei Černomên, griech. Τζερνομιάνον; 26. Sept. 1371) fielen.

Bald nach dieser Katastrophe, im Dezember desselben Jahres, starb auch STEPHAN UROŠ, erst 35 Jahre alt und Elisabeth hatte das Unglück, ihren Sohn um einige Jahre zu überleben. Ihr genaues Todesjahr ist uns unbekannt. Jedenfalls ist sie nicht vor 1375 gestorben.[16]

Nie sonst hat Byzanz in engeren Beziehungen zu den Bewohnern der nördlichen Balkanhalbinsel und besonders zu den Serben gestanden, wie im XIV. Jahrhundert; bezeichnend dafür sind auch die aus politischen Gründen geschlossenen Ehen unter den herrschenden Familien dieser Völker. Auch in der Familie der Königin Elisabeth wurden mehrere Ehen mit Gliedern kaiserlicher und fürstlicher griechischer Familien geschlossen, die zu untersuchen von großem Interesse wäre.

[15] *Jireček*, I. 414. 2. Vgl. auch eine andere Urkunde von 6869 in den Actes de l'Athos, V B (Chilandar) Nr. 53. 8.

[16] Sie beteiligte sich an dem Reichstag, in dem die Versöhnung der serbischen Kirche mit dem Patriarchaten von Konstantinopel beschlossen wurde (1374—1375; s. *Jireček* II 115—6). Außerdem wird sie in einer Athos-Urkunde vom Januar 1375 erwähnt: Actes de l'Athos, V (Chilandar) Nr. 156. Aus einer Stelle der Urkunde, nach der der Unterzeichnete Protos von Athos die Anerkennung von einigen Rechten an die Mönche von Chilandar mit den Worten begründet: »τοῦτο μὲν καὶ διὰ μνημόσυνον τοῦ ἁγίου ἐκείνου βασιλέως (d. i. Stephan Dušans) καὶ διὰ θεραπείαν καὶ εὐφροσύνην τῆς εὐσεβεστάτης κυρίας καὶ δεσποίνης ἡμῶν, ἵνα μὴ παραλυπῇ ἀκούσασα τὴν ἀπόσπασιν τοῦ τοιούτου κελλίου« wird klar, daß Elisabeth zu jener Zeit noch lebte. Vgl. *Jireček*, Staat und Gesellschaft IV 13, Geschichte I, 442. — *Du Cange*, Familiae byzantinae (Venet. 1729) S. 229 setzt ohne irgendeinen Beleg ihr Todesjahr auf 1371. Charakteristisch ist seine Abneigung gegen dieselbe (tot scelerum vix poenitens miserandam efflavit animam), wie auch die des Orbini (bei *Jireček*, I 370. 2), die sich aus ihrer angenommenen unversöhnlichen Haltung gegen die katholische Kirche erklärt.

Daß DUŠAN 1343, nach der Auflösung seines Bündnisses mit KANTAKUZENOS, sein Übereinkommen mit ANNA VON SAVOYEN durch die Verlobung seines kaum 6jährigen Sohnes UROŠ mit deren Tochter zu befestigen versucht hat, kann man nicht als gesichert betrachten.[17]

Es fehlte nicht viel, so hätte ein engeres Familienband Elisabeth mit JOHANN V. PALAIOLOGOS verbunden. Um 1352 versuchte DUŠAN, in der Absicht, unter den Byzantinern eine Spaltung hervorzurufen, die wiederhergestellte Freundschaft zwischen dem Kaiser und Kantakuzenos, die durch die Ehe des Ersteren mit Helene, der Tochter des Letzteren, zustande gekommen war, aufzulösen, indem er den in Saloniki weilenden jungen Kaiser bewegte, gegen Kantakuzenos vorzugehen, und auch dessen Tochter, seine eigene Gemahlin, zu verstoßen und eine neue Ehe mit einer jüngeren Schwester der Elisabeth, namens THEODORA, zu schließen. Um die drohende Gefahr abzulenken, mußte sich die Kaiserin-Mutter, von Kantakuzenos aufgefordert, nach Saloniki zu ihrem Sohn begeben.[18]

Ein Bruder der Elisabeth, der Despot JOHANNES KOMNENOS ASĚN, Verwalter von Albanien, heiratete eine Griechin, die ANNA PALAIOLOGINA, Witwe des Despoten von Epirus JOHANNES. Ihr Sohn aus erster Ehe, NIKEPHOROS II., ist derjenige, der nach Dušans Tode den Kampf gegen die Albanesen aufnahm, zu welchem Zwecke er die Unterstützung der Serben gesucht hat. Elisabeth wiederholte beim Despoten, was sie beim Kaiser von Byzanz versucht hatte, d. h., ihn von seiner legitimen Gemahlin, durch einen seltsamen Zufall ebenfalls einer Tochter von Kantakuzenos, zu scheiden, um ihn mit einer ihrer jüngeren Schwestern, vermutlich derselben THEODORA, zu vermählen. Die Sache wurde durch die Reue des Nikephoros vereitelt, der jedoch seine legitime Gattin nicht wiedersehen sollte, da er bei Acheloos von den Albanesen besiegt und getötet wurde (1358).[19]

Mit den PALAIOLOGEN trat Elisabeth auch durch die geschlossenen Ehen der kaiserlichen Familienglieder mit den Kindern ihres Bruders, des Zaren JOHANN ALEXANDER, in Familienverbindung. Schon 1333 schloß der Zar von Bulgarien Frieden mit dem Kaiser ANDRONIKOS III., der 4 Jahre später (1337) durch die Ehe seines erstgeborenen, damals erst 15jährigen, Sohnes MICHAEL mit der Tochter des Andronikos, die kaum 9 Jahre zählte, befestigt wurde.[20] Die byzantinische Prinzessin verwitwete frühzeitig und war kinderlos. Aus Anlaß einer neuen Ehe zwischen den beiden Häusern kehrte sie 1355 nach Konstantinopel zurück. In diesem Jahre

[17] *Jireček*, I, 384. 2; einziger Beleg eine Urkunde von Venedig.

[18] *Kant.* IV. Kap. 27 erzählt die Ereignisse ohne die Ehe zu erwähnen; das bei *Gregoras*, XXVII Kap. 27 (Bd. III, 148. 20 Bonn). Vgl. *Jireček*, I, 403—4.

[19] *Kant.*, Bd. III, 317. 7 ff. Bonn. Vgl. *Jireček*, I, 416.

[20] *Gregoras*, Bd. II, 546. 18 Bonn, ohne Namen. Derselbe, III, 557. 20 nennt sie Irene. Nach anderen Quellen Maria: *Jireček*, Geschichte der Bulgaren (Prag 1876) S. 299.

wurde nämlich eine Ehe zwischen dem 9jährigen Sohne des Kaisers Johann V., ANDRONIKOS, der später seinen Vater entthronte und kurze Zeit regierte (1376—1379), und MARIA, der gleichalten Tochter des bulgarischen Zaren aus seiner zweiten Ehe mit der Jüdin, geschlossen.[21]

In viel engere Beziehungen zu den Griechen — und aus diesem Grunde den Serben verhaßt — trat Dušans Halbbruder SYMEON. Seine Mutter war eine Griechin, Maria Palaiologina. Er selbst verheiratete sich mit THOMAÏS, der Schwester des Despoten von Epirus Nikephoros II. und Tochter der Anna Palaiologina. Symeons Kinder waren JOHANN UROŠ PALAIOLOGOS, der sich in Meteorenklöster zurückzog und als Mönch Joasaph bekannt ist, und MARIA ANGELINA KOMNENA Dukaina Palaiologina, die sich mit dem Sohne des PRELJUB (Πρελοῦμπος), dem Despoten von Epirus Thomas vermählte, der in der Chronik der Mönche Komnenos und Proklos als grausamer Tyrann in düsteren Farben dargestellt wird, während sie im Gegenteil als eine fromme, vom Volke sehr geliebte Person geschildert wird.[22]

*

Halten wir nun das Gesagte vor Augen, so wird es uns leicht sein, die Zeit, zu welcher unsere Handschriften ausgeführt wurden, genauer zu bestimmen. Da die Kaiserin stets als ELISABETH erwähnt wird, so sind sie jedenfalls nach 1360 und vor 1371 geschrieben, da in den Notizen Nr. 6 und 7 der in diesem Jahre gestorbene Kaiser Uroš angeführt wird. Obwohl der Schreiber die ganze Handschrift mit Notizen überfüllt hat, schien es ihm doch überflüssig, selbst die Jahreszahl jeder einzelnen Handschrift anzugeben, wie er auch für unnötig erachtete, seinen eigenen Namen mitzuteilen, indem er sich darauf beschränkte, sich selbst nach Klosterbrauch beständig mit dem demütigenden Beinamen ξένος zu bezeichnen (Nr. 7: πτωχὸς ξένος, ἐγὼ ὁ ξένος, Nr. 8: μέμνησθε κἀμοῦ τοῦ ξένου, Nr. 10: ἐγὼ δὲ ξένος ἔρημος).

Aus den Notizen, die in allen Einzelheiten nicht immer klar sind (siehe unten), geht jedoch hervor, daß der Schreiber im Auftrag der Kaiserin-Nonne gearbeitet hat.[23] Als er den Cod. A vollendete, hatte er noch 6 andere Menaien abgeschrieben und beabsichtigte »τὰ τρία τριῴδια τῆς ἁγίας Λαύρας«[24] zu schreiben. Von diesen sechs Menaien sind uns zwei erhalten.

---

[21] *Gregoras,* Bd. III, 557. 15 ff. Bonn. Der Familienvertrag, unterschrieben vom Patriarchen Kallistos bei *Miklosich-Müller,* Acta et diplomata, I, 432 (17. Aug. 1355). Vgl. *Jireček,* Gesch. d. Bulgaren, S. 321, wo auch der ganze Stammbaum des bulgarischen Zaren.

[22] Siehe Kap. 37 (ed. Destunis S. 33) die Trauer des Volkes bei ihrem Tode. Über dieselbe siehe auch die besondere Monographie von Prof. *Bees* in der Ἀρχαιολογικὴ Ἐφημερὶς 1911, S. 177—185.

[23] S. besonders Nr. 7: ἐγὼ ὁ πτωχὸς ξένος καὶ γραφεὺς τῶν βιβλίων σου.

[24] Nr. 7, 11.

Wir haben es also seitens unseres Schreibers mit einer Übernahme systematischer Abschreibung liturgischer Handschriften für die serbische Kaiserin zu tun. Die übrigen Handschriften gingen verloren, oder befinden sich möglicherweise, sei es unbeschrieben, oder auch katalogisiert, unter den zahllosen liturgischen Hss. jener Zeit, von denen uns die Katalog-Verfasser keine nähere Nachricht geben.

Zwischen dem Schreiber und Elisabeth scheint eine andere Person gestanden zu haben, der Hieromonach DOROTHEOS, an den auch mehrere Notizen gerichtet sind. Wer war das? Trotz des auf zehn Jahre beschränkten Zeitraumes, ist dies gewiß schwer festzustellen, besonders weil sein Name ein gebräuchlicher Geistlichername ist. Es sei erwähnt, daß es in diesen Jahren (1371—1379) einen Erzbischof von Saloniki dieses Namens gab.[25] Jedoch ist es meines Erachtens wahrscheinlicher, daß unser Dorotheos mit jenem Dorotheos identisch ist, der in zahlreichen Athos-Urkunden genau in diesen Jahren als »Protos des Athos« erwähnt wird. So erscheint er z. B. in einer Urkunde aus dem Kloster Chilandar vom Jahre 1356,[26] einer aus dem Kloster Pantokrator 1357,[27] aus Chilandar 1364 und 1366,[28] Pantokrator 1384.[29] Charakteristisch ist es, daß er auf den Urkunden von 1364 und 1366 slavisch unterzeichnet.

Sind die fünf Urkunden von ein und demselben unterschrieben? Es kann jedenfalls kein Zufall sein, daß gerade in diesen Jahren der Name des Protos Dorotheos so häufig angeführt wird, während wir ihn späterhin nicht mehr erwähnt finden. Seine slavische Unterschrift ist vielleicht ein Beweis für seine vermuteten Beziehungen zur serbischen Kaiserin.[30]

Der unbekannte Schreiber arbeitet nicht ohne Entgelt. Dies geht aus vielen Notizen hervor, wo der Schreiber, sei es direkt, sei es indirekt, von seiner Belohnung spricht. Eine solche Anspielung macht er am Schlusse der Notiz Nr. 7, wo er die Kaiserin bittet, ihr ἔλεος zu schicken,[31] und der Segen, den

---

[25] *O. Tafrali:* Thessalonique des origines au XIVe s. (Paris 1919), S. 301. Vgl. eine Urkunde von 1374 in den Actes de l'Athos V (Chilandar), 154, 25, 59.

[26] Actes de l'Athos, V (Chilandar), 145. 60.

[27] ebd. II 2. 4.

[28] ebd. V 148. 35, 152. 2.

[29] ebd. II 6. 175.

[30] Eigentümlich ist jedenfalls, daß Dorotheos nirgends vom Schreiber »Protos« genannt wird, sondern immer ἱερομόναχος bzw. auch δεσπότης u. ἅγιος, welche Ehrentitel für eine Person mit der Macht eines damaligen Protos gar nicht genügend erscheinen. Wäre das vielleicht ein Beweis gegen die obige Annahme, daß Dorotheos Protos vom Athos war?

[31] Vgl. Notiz Nr. 5: »τὴν σὴν εὐλογίαν οὐκ ἐδεξάμεθα«. Ἔλεος und vielmehr das Verb ἐλεῶ in der Bedeutung: Almosen geben, ist noch heutzutage im Gebrauch; aber auch im Mittelalter: s. *Trinchera,* Syllabus S. 222. Und das Wort εὐλογία bedeutet Nutzen, Beistand, Beihilfe. Im Pontos z. B.: »τὴν εὐλογίαν σ' κὶ θέλω« = Deiner Hilfe bedarf ich nicht (Archiv des neugr. Thesaurus). Für das Mittelalter s. das Glossarium Graecitatis von *Du Cange,* s. v. εὐλογία.

der Mönch in der Notiz Nr. 11 auf die Kaiserin herabfleht, »weil sich seine Hände sattgeschrieben haben«, kann sich unmöglich nur auf die berufliche Freude über die glücklich erledigte Abschreibung so vieler Handschriften beziehen.

Die Anspielung wird klarer in der Notiz Nr. 5: »εἰς τὰ γραφόμενα καὶ πλέον τῆς χρείας εἰς τροφὴν καὶ ἑτέραν κυβέρνησιν βοηθεῖ ἡμῖν ὁ κατὰ πνεῦμα σὸς ἱερομόναχος κῦρις Δωρόθεος· τὴν δὲ σὴν εὐλογίαν οὐκ ἐδεξάμεθα«. Wie die meisten Notizen, so ist auch diese unklar, vor allem wegen des nachlässigen Stils des Schreibers. Der Ausdruck »εἰς τὰ γραφόμενα« muß, meiner Ansicht nach, in dem Sinne verstanden werden, daß Dorotheos ihm im technischen Teil seiner Arbeit zu helfen pflegte. Er trug nämlich Sorge dafür, ihm gute Handschriften als Vorlagen, sowie alles zum Schreiben Nötige, besonders Papier, das in allen Handschriften das gleiche und bester Sorte ist, und das der arme Schreiber schwerlich sich selbst verschaffen konnte, zur Verfügung zu stellen.

Außerdem hilft Dorotheos dem Schreiber »πλέον τῆς χρείας εἰς τροφὴν καὶ ἑτέραν κυβέρνησιν«; er hilft ihm nämlich zu seinem Lebensunterhalt, indem er ihm Mehl gibt, wie dies deutlich hervorgeht aus der Notiz Nr. 12 (s. unten), und zwar »πλέον τῆς χρείας«, also mehr als das Nötige, das der Schreiber selbst sich verschaffen zu können vorgibt. Wahrscheinlich will aber der Schreiber mit dem Ausdruck »πλέον τῆς χρείας« dem Dorotheos nur schmeicheln, weil er ihm nicht nur das Nötige, sondern viel mehr als das, gibt.

Sein Gönner unterstützt den Schreiber nicht nur mit Lebensmitteln, sondern auch »εἰς ἑτέραν κυβέρνησιν«; das Wort κυβέρνησις bedeutet hier Verpflegung und ist in diesem Sinne noch heute volkstümlich.[32] Dieselbe Bedeutung hat das Verb κυβερνῶ in der Notiz Nr. 7: »καὶ ἐκυβέρνησέ με ὅσον αὐτὸν ὡδήγησεν ὁ Θεός«, was zu übersetzen ist: und mir das zu meinem Unterhalt Nötige verschaffte, mich ernährte.[33]

Mehr als jede andere spricht die Notiz Nr. 12 von einer Vergütung des Schreibers: »γίνωσκε ὅτι ἔφερέ μοι ὁ Πισσαρᾶς ἀλεύρου μόδια δύο καὶ δουκᾶτον ἕν· τὸ δὲ ἕτερον ἀπῆρε ναῦλον. Διὰ τὸν Ἀπρίλιον«. In derselben wird die Höhe der Vergütung in Geld und in Lebensmitteln, wie auch die Begründung der Zahlungsleistung angegeben: διὰ τὸν Απρίλιον. Handelt es sich um den Lohn für den Monat April? In diesem Falle ist die Annahme berechtigt, daß der Schreiber ein festes Monatsgehalt erhielt. Oder ist διὰ τὸν Ἀπρίλιον als: für

---

[32] »αὐτὸς ἔχει τὴν κυβέρνησή του, δὲ θέλει κλάψιμο« (Zagora), »ἐπῆρε γυναῖκαν μὲ καλὴν τζυβέρνηση« (Zypern). Auch in Thrazien und Bithynien = Verpflegung, Lebensunterhalt (Archiv des neugr. Thesaurus).

[33] Auch das Verb κυβερνῶ hat diesen Sinn bis heute behalten: »κυβερνᾷ τοὺς γονεῖς του καὶ τὴ γυναῖκά του« = er unterstützt (Sisanion in Mazedonien), »σὺ νὰ κυβερνᾷς με;« (Oinoe in Pontos). Gebräuchlich im Peloponnes im Sinne von Almosen geben: »δὲν τζυβερνάει φτωχὸ« (Sikya bei Korinth), »κυβέρνησέ με« = er hat mir Almosen gegeben (Kastoria) (Archiv des neugr. Thesaurus).

das Menaion vom April aufzufassen, weil der Cod. B, worin diese Notiz steht, eben ein Menaion vom April ist? Und dann ist sicher anzunehmen, daß der Schreiber im Stücklohn arbeitete. Nach Erwägung des in der Notiz Nr. 4 Gesagten: »εἰς δὲ τὸν ἄλευρον καὶ πάνυ γε καὶ εὖ σοι γένοιτο ἐν α' τοῦ μηνός, ἡμέτερε ἄγγελε καὶ οὐράνιε ἄνθρωπε, τροφεῦ καὶ κηδεμών« dünkt mich die erstere Annahme wahrscheinlicher. Hinter den Sinn dieser Sprachwidrigkeit zu kommen ist gewiß unmöglich. Auf jeden Fall ist die Rede von Mehl und vom 1. des Monats (vorausgesetzt, daß meine Lesung: ἐν α' τοῦ μηνὸς richtig ist); und daraus geht für mich klar genug hervor, daß der Schreiber monatlich, und zwar am 1. des Monats entlohnt wurde. Durch den Satz: »καὶ πάνυ γε καὶ εὖ σοι γένοιτο« wird möglicherweise der Dank für diese Leistung ausgesprochen oder daran gemahnt; eigentümlich ist es, daß Dorotheos τροφεύς, Ernährer, Brotherr genannt wird.

Ohne übermäßig hoch zu sein, ist der Lohn des Schreibers immerhin nicht gering. Zwei Modien Mehl, was 17 Litern oder 13 kg. gleichkommt und auf den Tag mehr als ein halbes Kilogramm Brot macht, entsprach genau dem »täglichen Brote« des Schreibers. Der Dukaten, den er als Monatslohn bezieht, ist gewiß der venezianische, der zu jener Zeit die stabile Währung war. Er ist einem byzantinischen Nomisma (oder Hyperpyron) gleichwertig, wog 3,5 gr, ist also gleich 15 Goldfranken. Da die Kaufkraft des Geldes in jener Epoche 1 : 15 war, entsprach das Gehalt des Schreibers 225 heutigen Goldfranken.[34]

Leider ist die Notiz zu kurz und unklar, wodurch es geradezu unmöglich wird, ein sicheres Ergebnis betreffs der Belohnung des Schreibers zu erhalten, ein Gebiet in dem uns überhaupt auch sonst die Nachrichten fehlen.

Außerordentlich hoch erscheint das für die Zufuhr des Mehls an den Kapitän bezahlte Frachtgeld; doch fehlen nähere Nachrichten, so daß man weder ein sicheres Ergebnis erlangen, noch irgendwelche Vermutung betreffs der ungefähren Entfernung des Absenders vom Schreiber aufstellen kann.

*

Wie die Gruppe dieser drei Handschriften in die Metropolitan-Kirche von Saloniki kam, ist ein Rätsel, das zu lösen vielleicht nur einem eingehenden Studium der Geschichte dieser Bibliothek gelingen dürfte. Vor allem anderen sollten sich diese Handschriften in der Residenz der serbischen Kaiserin, also in einer Stadt Ost-Mazedoniens und in erster Linie in Serrai befinden. Dies brachte mich auf den Gedanken, die aus Serrai in die National-Bibliothek

[34] Prof. *A. Andreades* Ἱστορία τῆς ἑλληνικῆς δημοσίας οἰκονομίας A 2 (1918) S. 409 gibt die ältere Berechnung mit 1 : 5—6, was er jedoch nicht hinreichend gerechtfertigt findet. Die neueren Forscher nehmen das Verhältnis von 1 : 15 an. Es ist jedenfalls unmöglich, den damaligen Geldwert festzustellen.

überführten Handschriften, nach anderen Stücken dieser Gruppe zu durchforschen.[35] Das Ergebnis meiner Nachforschung war die *Auffindung noch einer Handschrift,* die von derselben Hand, wie die der Kaiserin Elisabeth geschrieben ist. Sie ist ein, den anderen in der Form ganz gleiches, *Menaion vom August.* Die darin zahlreich enthaltenen Ergänzungsblätter stammen von einer Hand aus dem XVI. Jht., desgleichen auch das letzte Blatt. Sie trägt die Nr. 120 der Bibliothek von Serrai.[36]

Seiner ihm lieb gewordenen Gewohnheit treu, streute der Schreiber verschiedene Notizen, fünf im ganzen, ein, wovon nur drei von Wichtigkeit sind. Mit einigen leichten Änderungen wiederholen alle[37] das in f. 91 Gesagte:

Τὸν ἐξαγοράσαντα ἐμοὶ τῶ ξένω, μέμνησθε φιλόχριστοι μητροπολίτην Ὄρους.[38]

Auch hier verbirgt sich der Schreiber hinter dem demütigenden Beinamen ξένος, während seines wahren Namens nirgends Erwähnung geschieht. Ebenso wird der Elisabeth und des Dorotheos nirgends gedacht, während eine neue Persönlichkeit auftaucht, der Metropolit von Ὄρος; doch auch er ohne Namensangabe. Eine Metropolis von Ὄρος ist sonst unbekannt. Es muß unbedingt der Metropolit von Ἱερισσὸς καὶ Ἅγιον Ὄρος gemeint sein. Diese neue Handschrift, die vierte der bibliographischen Gruppe, zeigt also, daß der Schreiber für den Metropoliten vom Heiligen Berge gegen Bezahlung arbeitete.[39]

Wir haben also ein blühendes bibliographisches Zentrum vor uns, das Arbeiten für angesehene Persönlichkeiten, wie Elisabeth und der Metropolit von Hierissos, übernimmt. Obwohl es nirgends ausdrücklich vermerkt ist, bezeugen uns doch die Bezeichnungen ξένος, πτωχὸς ξένος u. dgl. hinlänglich,

---

[35] Die Hss., wie auch die heiligen Geräte der Klöster von Serrai und anderen Städten Ost-Mazedoniens wurden von den Bulgaren im J. 1916 weggenommen, die aber vom Neuilly-Vertrag verpflichtet wurden, sie wieder zurückzugeben. Von den Hss. ist jedoch nur ein Teil zurückgegeben, der sich jetzt in der National-Bibliothek Athen befindet. Näheres s. bei *Kougeas* Byz.-neugr. Jahrbücher, 5 (1926) S. 198 ff.

[36] In der National-Bibliothek noch unnumeriert. Sie wird weder in dem kurzen Katalog von *Papageorgiou,* Byz. Zeitschrift, 3 (1894) S. 260—88, noch in der Beschreibung von *Germanos* Bischof von Seleukeia, Νέος Ποιμήν, 2 (1920) 3 (1921) 4 (1922), der nur Pergament-Hss. beschreibt, erwähnt. Diese Kataloge geben uns auch keine andere darauf bezügliche Nachricht.

[37] f. 69^{v}: Τ. ἐ. ἐ. τ. ξ. εὔχεσθε φ. μ. Ὄ.–f. 41: Μέμνησθε πάντες ὑπὲρ τοῦ ἐξαγοράσαντός με.

[38] Es sind meiner Ansicht nach zwei jambische Verse, obwohl der zweite überzählig ist, weil der Schreiber durch die Ähnlichkeit der beiden Verse mit betonten Trochäen, irregeführt wurde.

[39] Prof. *N. A. Bees,* dem ich die Hs. vorlegte und dessen wertvollen Rat ich erbat, ist jedoch der Ansicht, in dieser Notiz sei nicht die Rede von ἐξαγορά, d. i. ἀγορά (Kauf) von Hss. seitens des Metropoliten von Ὄρος, sondern von ἐξαγορά, d. i. ξαγορά (Lösegeld), das der Metropolit für die Befreiung des Schreibers, der wahrscheinlich in einem der unzähligen Kriege jener Zeit in Gefangenschaft geraten war, bezahlt hatte; man könne demnach annehmen, der Schreiber habe die Hs. in der Absicht geschrieben, sie seinem Wohltäter als Zeichen seiner Dankbarkeit zu verehren.

daß der ungenannte Schreiber ganz gewiß ein Mönch ist,[40] wofür auch die Tatsache spricht, daß im XIV. Jht. Schreiber die nicht Mönche sind, selten waren.

Viele Andeutungen lassen sogar den Schluß zu, daß der Schreiber ein *Athos-Mönch* war. Der in der Serrai-Hs. erwähnte Metropolit von Ὄρος, sowie die Annahme, daß Dorotheos Protos vom Athos war, dürften diesen Schluß bereits rechtfertigen. Dieselbe Vermutung begründen in sehr wahrscheinlicher Weise die in den Notizen Nr. 7 u. 11 angeführten »τριῴδια τῆς ἁγίας Λαύρας«, die der Schreiber abzuschreiben beabsichtigt. Diese Triodia kann ich nur als Vorlagen auffassen, die in der Bibliothek des bekannten Athos-Klosters Laura zu finden waren. Aber glaubwürdiger noch wird diese Vermutung durch die engen Beziehungen der serbischen Könige zu dem Heiligen Berg. Schon DUŠANS Vorfahren waren Stifter des Klosters Chilandar, und seither nahmen die serbischen Könige sowohl aus Pietät gegen ihre Vorfahren, als aus politischen Gründen nicht nur Chilandar, sondern auch andere Klöster unter ihren Schutz. Besonders mit Stephan Dušan treten die Athos-Mönche in nahe Beziehung, denn seit der Eroberung von Serrai durch die Serben waren sie in ein Untertanenverhältnis zu ihm gekommen. Anläßlich seiner Krönung zum Kaiser besuchte Dušan den hl. Berg mit der Kaiserin HELENE, der zu Ehren das Abaton, d. i. das Verbot für Weiber, den hl. Berg zu betreten, ausnahmsweise aufgehoben wurde. Zahlreich sind die Chrysobullen des Stephan Dušan, Stephan Uroš, Uglješa zum Schutze des hl. Berges, sowie auch die Urkunden, in denen die serbischen Herrscher erwähnt sind. Besonders Elisabeth dürfte bis zu ihrem Tode in Beziehung mit dem hl. Berge geblieben sein, da sie zum letzten Mal in einer Athosurkunde erwähnt wird. Es ist also nicht im geringsten unglaublich, daß sie sich bei ihrem Verlangen nach griechischen liturgischen Büchern an die Athos-Mönche wendete.

Wenn es richtig ist, daß der Schreiber ein Athos-Mönch war, dann ist allerdings auch gewiß, daß er nicht in einem cönobischen Kloster, wohl aber in einer σκήτη, oder in einem κελλίον gelebt hat, da er als Lohn Mehl für sein Brot erhielt.

Die Annahme, daß der Schreiber ein Athos-Mönch war, würde jedenfalls an Wahrscheinlichkeit gewinnen, wenn man in Athos andere Handschriften derselben Gruppe finden könnte, die leicht an der schönen und eigentümlichen Schrift unseres Schreibers zu erkennen wären.

Noch ist die Frage nach dem Zwecke unserer Hss. nicht beantwortet. Daß

[40] Ich glaube nicht, daß man ξένος als: Fremder, Ausländer, hier also als: Grieche, im Gegensatz zur serbischen Kaiserin nehmen darf. Daß der Schreiber ein Grieche war, ist außer Zweifel (er nennt auch Elisabeth und Uroš ἄνακτας Ρωμαίους); aber ξένος im Sinne von πτωχός, arm (vgl. ξενοδοχεῖον = Armenhaus) ist ein bei den byzantinischen Mönchen sehr beliebter Beiname. Außerdem ist in den Notizen, wo ξένος (sogar mit πτωχὸς verbunden) vorkommt, eine Neigung nach klösterlicher Demütigung zu erkennen.

sie für ELISABETH geschrieben waren, sowie, daß diese für die Schreibarbeit bezahlte, ist außer Zweifel. Doch welchem Zwecke waren sie bestimmt? Daß alle diese Hss. liturgisch sind, kann unmöglich blinder Zufall sein. Es ist jedoch nicht möglich, daß griechische liturgische Bücher in serbischen Kirchen benützt werden. Vielleicht wäre hier, wenn sich die obige Annahme, daß der Schreiber ein Athos-Mönch ist, bewahrheitet, die Vermutung am Platze, daß die Kaiserin sie bestellt habe, um sie einem griechischen Kloster, und zwar auf dem hl. Berge, zu spenden. Die an die Kaiserin gerichteten Notizen setzen jedoch voraus, daß diese Hss. in ihre Hände gelangen werden; man kann diese Anreden auch nicht als rein rhetorische betrachten, da sie ἔλεος und εὐλογία heischen. Die Handschriften gelangten also gewiß an Elisabeth; daß sie außerdem auch in slavische Hände gerieten, geht aus der späteren slavischen Randnotiz hervor. Sie wurden also im Auftrag der serbischen Kaiserin geschrieben, aller Wahrscheinlichkeit nach, um sie einem der zahlreichen griechischen Klöster, die sich in den damals von den Serben beherrschten griechischen Provinzen befanden, wie z. B. dem Johannes-Kloster in Serrai, zu spenden. Es ist jedoch auch nicht ausgeschlossen, daß diese Hss. für die Privat-Bibliothek der kaiserlichen Nonne bestimmt waren. Büchersammlungen im Besitz von serbischen Herrschern sind nicht etwas Ungewöhnliches: so ist z. B. die Familien-Bibliothek des Königs VLADISLAV bekannt, wie auch, daß Kirchenbücher am Hofe und im Auftrage der Königin HELENE, der Witwe des Uroš I., abgeschrieben wurden und zu Geschenken bestimmt waren.[41] Außerdem ist nicht zu vergessen, daß unsere Kaiserin die Schwester des Zaren Johann Alexander war, der als Bücherfreund bekannt ist, und in dessen Auftrag das berühmte Evangelium der Sammlung Curzon (jetzt British Museum Nr. Add. 39.627), wie auch die Manasses-Hs. des Vatican (Cod. Vat. slav. II), beide mit wertvollen Miniaturen geschmückt, ausgeführt wurden.[42]

Die serbische Kaiserin bestellte also aller Vermutung nach zu ihrer eigenen Benützung oder vielmehr, um sie an ein griechisches Kloster zu verschenken, griechische liturgische Bücher auf dem Athos. Die Bestellung der Kaiserin übernahm der Hieromonach Dorotheos, den Elisabeth möglicherweise schon von früher her kannte. Dieser übertrug die Arbeit einem Athos-Mönch, dessen Name uns unbekannt geblieben ist, und verschaffte ihm das zum Schreiben Notwendige, gab ihm ein monatliches Gehalt oder bezahlte ihn nach Ablieferung jedes Buches. Nähere Aufschlüsse aus den Notizen zu ziehen, die leider die einzige Quelle für diese bis jetzt nicht bekannten Beziehungen der Elisabeth zu den Griechen sind, ist unmöglich.

[41] *Jireček,* Staat und Gesellschaft, III, 64.

[42] Die Miniaturen der Manasses-Hs. sind von *B. Filow* Les miniatures de la Chronique de Manasses, Sofia 1927, herausgegeben. Vgl. die Besprechung von P. Graindor in Byzantion IV (1927—8) S. 669 f. Über die andere Hs. s. *B. Filow* Die Miniaturen des Evangeliums Iwan Alexanders in London, in Byzantion IV, S. 313 ff.

Es bleibt noch die Erläuterung einiger oben unbesprochen gebliebenen Notizen übrig. Diese sind, wie schon gesagt, nicht immer klar. Die Ursache dafür liegt in der mangelhaften Bildung des Schreibers, der, indem er sich bemüht, ein reines Griechisch zu schreiben — wovon er jedoch weit entfernt bleibt — in der Klarheit des Ausdrucks viel zu wünschen übrig läßt.

In der Notiz Nr. 1 wird die Kaiserin gepriesen, weil sie: »προσέθηκεν ὡς εὐσεβὴς ξένος θησαυροὺς πνευματικοὺς ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ«. Es dürfte unrichtig sein, das Gesagte buchstäblich zu nehmen. Der Schreiber schmeichelt der Kaiserin, er vergrößert ihre Spenden und nennt die von ihm geschriebenen Handschriften »geistige Schätze«. Charakteristisch ist es, daß die serbische Kaiserin »fromme Fremde« genannt wird.

Von der Notiz Nr. 5 sind oben nur die letzten Sätze erklärt. Am Anfang überschüttet der Schreiber Elisabeth mit einer Unzahl Schmeicheleien und Ehrentiteln, nennt sie »πηγὴ καὶ ῥίζα τῆς ἐλεημοσύνης« usw., und fügt dann hinzu: »ἥ γε πατρὶς μὲν σὴ ἡ ἄνω μητρόπολις· ἡ δὲ νῦν ξένη, ἐν ᾗ πάντες καὶ πάροικοι τῆς ἰδίας ἀπελαθέντες«. Aus diesem Satze darf man keine historischen Schlüsse auf das Vaterland der Kaiserin ziehen. Der Schreiber fährt nur weiterhin fort, seine hohe Gönnerin zu preisen: ihr Vaterland könne unmöglich die Erde sein, sondern ἡ ἄνω μητρόπολις, das Himmelreich;[43] während ihre jetzige irdische Heimat, eigentlich die Fremde ist. Die auf ihr Weilenden sind nicht die wirklichen Bewohner, sondern πάροικοι, Fremde, die aus ihrem Vaterland vertrieben sind, sicherlich in Auswirkung der Erbsünde.

Auch der Schluß der Notiz Nr. 7 ist syntaktisch falsch und dadurch unklar. Zweifellos wendet sich der Schreiber mit γράψον an sich selbst, während er sich mit dem folgenden πέμψον an die Kaiserin wendet, obgleich dieser Wechsel des Subjekts zweier aufeinander folgender Imperative auf unser Sprachgefühl befremdend wirkt.

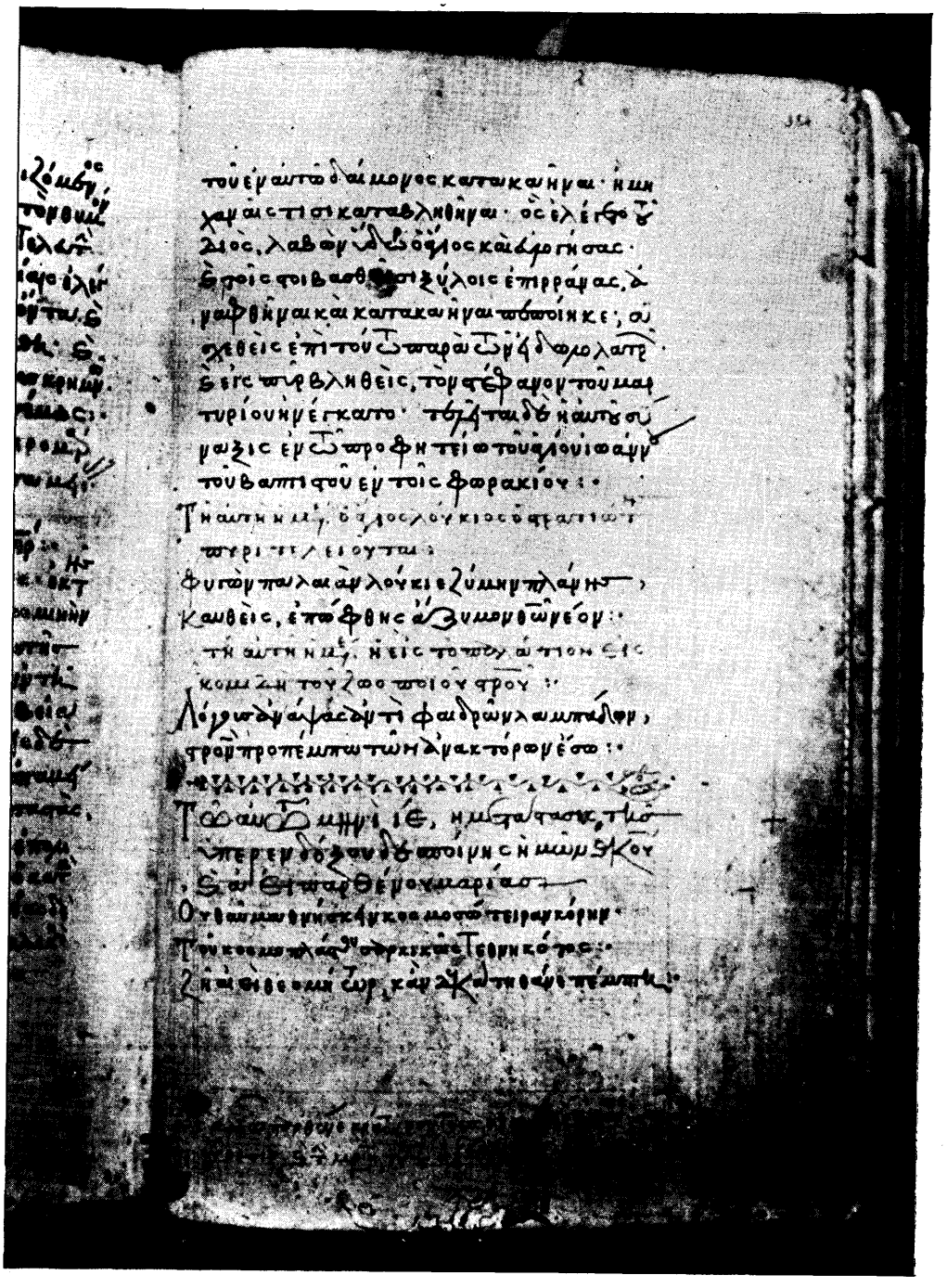
Die im Cod. B enthaltene Notiz Nr. 10 ist dadurch bemerkenswert, daß sie aus vier akzentuierten Versen besteht. Die zwei ersten sind 7silbige Trochäen, deren zweiter mit dem ersten durch eine überzählige Silbe, eine sogenannte Proanakrousis, verbunden ist. Die beiden letzten sind hingegen 7silbige Anapäste. Sowohl das erste Verspaar, wie auch das zweite ist in Halbreimen:

Βίβλος ἥδ' ὠφέλιμος, — ∪ — ∪ — ∪ ∪̄
ἐγὼ δὲ ξένος, ἔρημος· (∪) — ∪ — ∪ — ∪ ∪̄
ἢ μαθέτω διδάσκειν, ∪́ ∪ — ∪ ∪ — ∪
ἢ πειθέτω με γράφειν. ∪́ ∪ — ∪ ∪ — ∪

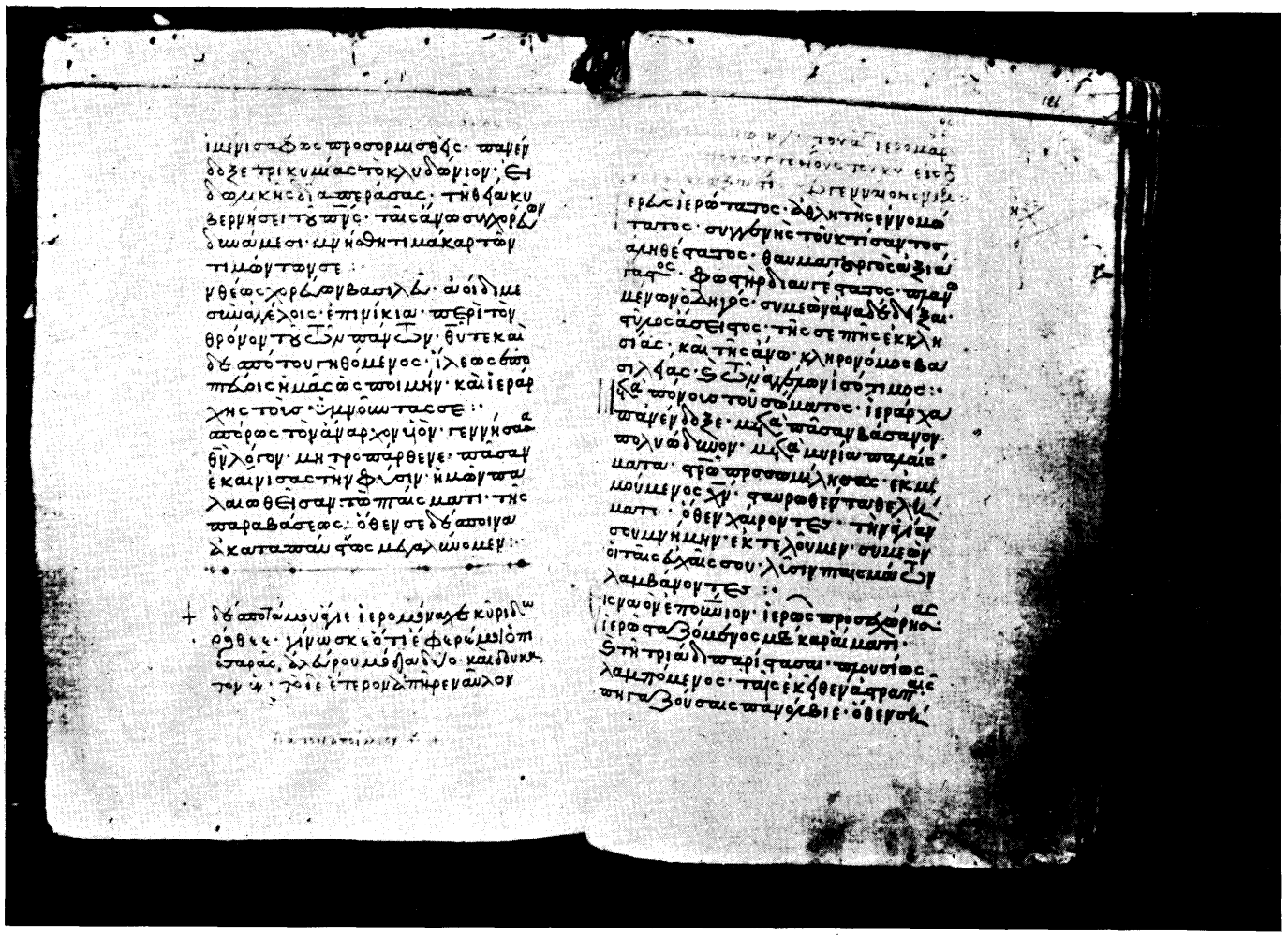
Die zwei letzten Verse scheinen ein Bruchstück eines Schülergedichts zu sein, gleich dem bekannten: »Ὁ θέλων γράμματα μαθεῖν, καὶ ὁ θέλων ἐπαι-

[43] Gewöhnlich wird in den Kirchengesängen der Ausdruck ἄνω Ἰερουσαλήμ mit der Bedeutung »Himmel« gebraucht. Vgl. auch *Paulus*, Gal., IV 26.

νεῖσθαι...« usw., oder irgend eines anderen; doch sind sie mir sonst unbekannt. Die zwei ersten sind gewiß von dem Schreiber verfaßt, der hingerissen von der Gleichheit des Rhythmus mit dem Schülergedicht, die zwei folgenden Verse, ganz ohne Zusammenhang mit dem vorhergehenden, hinzufügte. Nur so kann ich die sonst unverständliche Notiz erklären.



Codex A, f. 384 (Notiz Nr 6).



Codex B, ff. 125^{v}–126 (Notiz Nr 12).

ROBERT EISLER (Paris):

DIE SLAVISCHE UEBERSETZUNG DER ʽΑΛΩΣΙΣ ΤΗΣ ʽΙΕΡΟΥΣΑΛΗΜ DES FLAVIUS JOSEPHUS.

Unter den zahlreichen Übersetzungen griechischer Schriftdenkmäler ins Slavische dürfte es keine geben, die die Aufmerksamkeit der gelehrten Welt in solchem Maß auf sich gezogen hätte, wie die altrussische

»JOSIFA EVREJA O PLENENII IERUSALIMA«.

Die Ursache dieses ungewöhnlichen Aufsehens ist bekanntlich die, daß die fraglichen Hss. u. a. sieben Druckseiten voll höchst merkwürdiger, sonst unbekannter Nachrichten über Johannes den Täufer, Jesus[1] und seine Jünger enthalten, deren Interesse man daran messen kann, daß alle übrigen, außerchristlichen Zeugnisse über die genannten Persönlichkeiten — wie Harnack an einer viel angeführten Stelle seiner Vorlesungen über das »Wesen des Christentums« bemerkt hat — »auf eine Quartseite geschrieben werden können«. Die Literatur über dieses in jeder Hinsicht merkwürdige Schriftwerk ist heute schon so umfangreich und zum Teil an so entlegenen Stellen veröffentlicht, daß ein Überblick über den letzten Stand der Forschung den Lesern dieser Zeitschrift nicht unerwünscht sein dürfte.

I.

Die erste Nachricht über Hss. eines altrussischen Josephustextes, der sich in wesentlichen Stücken von dem der erhaltenen griechischen Codices unterscheidet, gab der auch durch die Entdeckung des slavischen Henochbuches rühmlich bekannte ANDREI NIKOLAJEVIČ POPOV, a. o. Professor am Lazarev-Institut für Orientalische Sprachen in Moskau (geb. in Tambov am 27./X. 1841, gest. 30./V. 1881 im Krimgebiet) 1866, in seinem обзоръ хронографовъ русской редакцій (выпускъ первый), Moskau 1860.

Bei ihm findet man (S. 130) die Erstausgabe des altrussischen Textes der im Griechischen fehlenden Berichte über Johannes den Täufer und Jesus, »den Wundertäter vom Ölberg«, die ein halbes Jahrhundert später solches Aufsehen zu erregen bestimmt waren, aber damals kaum beachtet wurden.

Erst zehn Jahre nach dem Erscheinen des zweiten Bandes des Popov'schen Werkes (1869) kam IZMAIL SREZNJEVSKIJ in Nr. LXXXIV und LXXXV seiner Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памят-

[1] Vgl. die Textprobe u. S. 370.

никахъ, Bd. XX, No 4 der Сборник отдѣленія русскаго языка, ss. 140 bis 144, etc. (Denkschriften der Petersburger Akademie der Wissenschaften von 1879) auf die Frage zurück und veröffentlichte einige weitere Proben dieser Übersetzung, u. a. die wegen ihrer auffallenden Übereinstimmung mit eine Parallelstelle bei TACITUS wichtige Beschreibung des von VESPASIAN beobachteten Asphaltvorkommens im Toten Meer.

Weitere wichtige Mitteilungen über wesentliche Abweichungen des slavischen Textes von der griechischen Vulgata gaben im Jahr 1886 GORSKIJ und NESTRUJEV in ihrer Beschreibung der u. S. erwähnten beiden Menäen des Metropoliten MAKARIUS in den »Vorlesungen der kaiserlichen Gesellschaft der Geschichte und Altertümer Rußlands«, Bd. I, S. 111—114.

Wie es sich für diese Zeit von selbst versteht, beschäftigen sich die Arbeiten der beiden russischen Gelehrten ausschließlich mit der literar- und sprachgeschichtlichen Erörterung dieser z. T. ungewöhnlich guten und flüssigen Übersetzung. Eine öffentliche Erörterung der Bedeutung des wichtigen Fundes für die Geschichte des Urchristentums verbot sich von selbst durch die Rücksicht auf die in dieser Hinsicht höchst wachsame Zensur durch den Prokurator des hl. Synod. Es ist übrigens fraglich, inwiefern den russischen Gelehrten dieser Zeit derartige Probleme überhaupt zum Bewußtsein kommen konnten. Ich wußte mir keinen Aufschluß darüber zu verschaffen, inwiefern die großen Leistungen der deutschen, französischen und englischen Leben-Jesu-Forschung auf das Denken der russischen Gesellschaft eingewirkt haben, insbesondere ob dort jemals LESSING's Veröffentlichung der sog. »Wolfenbütteler Fragmente« des Reimarus, oder die Arbeiten von DAVID FRIEDRICH STRAUSS oder ERNEST RENAN irgend einen Einfluß geübt haben. Das müßte man wissen, um auch nur eine Vermutung darüber wagen zu können, ob POPOV, SREZNEVSKIJ und ihre Zeitgenossen sich über diesen Fund Gedanken gemacht haben mögen, die in den angeführten Schriften nicht zum Ausdruck kommen konnten, oder ob sie die Tragweite des neuen Problems überhaupt nicht ahnten. Bei LEO NIKOLAJEVIČ TOLSTOJ z. B. findet sich m. W. nicht die leistete Spur, daß er von der Existenz dieser merkwürdigen Urkunde über einen Plan der »Knechte«[2] Jesu, in Jerusalem einzuziehen, die römischen Truppen und den Pilatus niederzumachen und ihren Meister zum König über die Juden aus zu rufen, je etwas gewußt hätte.

Noch weniger wie in Rußland sind die genannten russischen Arbeiten über den slavischen Josephus in Mittel- und Westeuropa beachtet worden. N. BONWETSCH erwähnt zwar 1893 in seinem Anhang »Die christliche vornicänische Literatur in slavischen Hss.« zu Harnack-Preuschen, »Geschichte der altchristlichen Literatur bis Eusebius«, Bd. I, S. 917, kurz die Existenz eines

[2] *slug* = ὑπηρέται, u. S. 372₄₈.

slavischen Josephus, aber ohne den leisesten Hinweis darauf, daß er wichtige, im Griechischen fehlende Abschnitte zur urchristlichen Geschichte enthält, und daß diese Abschnitte damals im altrussischen Urtext schon im Druck vorlagen. E. KOZAK, »Bibliographische Übersicht der biblisch-apokryphen Literatur bei den Slaven« (Jahrbücher für protestantische Theologie, Bd. XVIII, J. 1892) kennt den slavischen Josephus nicht. Den Herausgebern der großen kritischen Flavius-Josephusausgabe, BENEDICTUS NIESE und E. DESTINON ist sogar der kurze Hinweis bei Bonwetsch entgangen, in der *praefatio* zum »*Bellum Judaicum*« seiner Josephusausgabe (vol. VI, Berlin 1893, p. XXII) erwähnt Destinon die slavische Josephusübersetzung nur nach brieflichen, z. T. irrigen Mitteilungen von C. E. GLEYE: *Denique Moscoviae extare dicitur Josephi et »Antiquitatum«* (dieser Irrtum kehrt auch bei Vacher Burch, u. S. 317_{35} wieder) *et »Belli Judaici« versio Slavica, de qua litteris Niesio missis scripsit C. E. Gleye, qui »Bellum Judaicum« rettulit paene totum superstes esse, Antiquitates autem et excerptas esse et interpolatas. Plura de hac versione non innotuerunt, et apparet eam ante saeculum undecimum confectam esse non posse. Aliquando hac versione evulgata sperandum est nos fore edoctos, qualem Josephum habuerit.«*

Daß die slavische Übersetzung des Josephus für Destinon's Ausgabe des »Jüdischen Kriegs des Josephus nicht verglichen werden konnte, ist zweifellos durch die Haltung der damaligen Verwaltung des Moskauer Hauptarchivs des kaiserlichen Ministeriums der Auswärtigen Angelegenheiten verschuldet worden, das keinem Geringeren als THEODOR MOMMSEN die Übersendung des Cod. Misc. 279/648 nach Berlin verweigert hat, als er 1880 wegen der in dieser Hss. enthaltenen Malalasübersetzung um diese Vergünstigung nachsuchte. Angeblich war ein — nicht genannter — russischer Gelehrter, von dessen Ergebnissen man nie etwas gehört hat, damals mit der Bearbeitung dieser gleich zu erörternden grundwichtigen Hs. beschäftigt.[3] Es wäre nicht uninteressant, aus den Akten festzustellen, ob überhaupt jemand und wer damals über dieser Hs. gesessen ist und dadurch verhindert hat, daß der größte Kenner der Geschichte der römischen Provinz Judaea, der selbst vom römisch-rechtlichen Standpunkt aus über den Prozeß Jesu vor Pilatus geschrieben hat,[4] auf den slavischen Josephus aufmerksam geworden wäre. Hätte Mommsen diese Hs. — die nun endlich heuer im Sommer 1930 *post tot discrimina rerum* auf meine Veranlassung und auf Kosten des allezeit hilfsbereiten Mäzens derartiger Studien Dr. JAMES LOEB auf Hochried bei Murnau durch Prof. ANDRÉ VAILLANT für das Pariser *Institut des Etudes Slaves* photographiert werden wird —, damals erhalten können, so besäße man sicher seit vierzig Jahren eine wissenschaftliche Ausgabe des altslavischen

[3] Vgl. über diesen Vorfall *Jagić* im *Hermes* XV, 1880, S. 235.
[4] Zeitschrift f. neutest. Wiss. III, 1904, S. 199 ff.

Malalas, und vor allem wäre eine kritische, unter Mommsen's scharfen Augen bearbeitete, über den Stand der Überlieferung, die Interpolationen u. a. m. genau Rechenschaft gebende Edition des altrussischen Josephus für die große Ausgabe des »Polemos« von NIESE-DESTINON rechtzeitig verfügbar gewesen. Eine derartige, von einem geschulten Philologen bearbeitete Ausgabe — die uns heute trotz VAS. ISTRIN's bald fünfzehnjähriger, hoffentlich bald der Vollendung entgegensehender Arbeit immer noch fehlt — hätte die ganze Entwicklung der Wissenschaft vom Urchristentum entscheidend beeinflussen können. Jedenfalls hätte man die Frage schwerlich beim verkehrten Ende der Johannes- und Jesusabschnitte angepackt, wie es — unglücklicherweise — ALEXANDER BERENDTS getan hat.

Diesem baltischen Theologen[5] verdankt die westliche Geschichtsforschung die Bekanntschaft mit dieser merkwürdigen, von A. N. POPOV entdeckten, bis auf Berendts Eingreifen aber von der Wissenschaft — selbst von den Slavisten — fast gar nicht beachteten Josephusübersetzung. Dem liebenswürdigen und fleißigen Gelehrten, der die ganze Muße seiner letzten Jahre diesen Untersuchungen gewidmet und für die nötigen Bibliotheksreisen nach Kazaň, Moskau und Petersburg ein kleines Vermögen aufgeopfert hatte, ist wenig Dank zuteil geworden.

Man kann freilich nicht übersehen, daß er den tragischen Mißerfolg seiner Veröffentlichung, die einen Wendepunkt in der Erforschung der neutestamentlichen Zeitgeschichte bedeutet und der deutschen Wissenschaft das beschämende Zwischenspiel des Streites um die »Christusmythe« hätte ersparen können, zu einem gewissen Teil selbst verschuldet hat. Als er 1906 seine deutsche Übersetzung der auf die urchristliche Zeitgeschichte bezüglichen Stellen herausgab — für die er unvorsichtigerweise, wenn auch in Anführungszeichen, die seither unausrottbar immer wiederkehrende, von Popov eingeführte Bezeichnung »Zusätze« gebraucht und dadurch seinen Benützern einen von Grund auf verfehlten Standpunkt suggeriert hat —, mußte er gestehen: »es ist mir leider noch nicht möglich gewesen, eine Untersuchung des *ganzen* slavischen Josephustextes in seinem Verhältnis zum griechischen Original

[5] Geb. 2./IX. 1863 in St. Petersburg als dritter Sohn des aus Lübeck stammenden Kaufmanns erster Gilde, Heinrich B., in den Petersburger deutschen Schulen erzogen, 1881 an der dortigen Universität immatrikuliert, 1884 als stud. theol. nach Dorpat übersiedelt, studiert 1891/2 drei Semester in Berlin bei A. v. Harnack, N. Müller, P. Scheffer-Boichorst, W. Wattenbach, R. v. Treitschke, H. Delbrück u. Th. Schiemann. Seit 1893 Dozent der historischen Theologie in Dorpat und zusammen mit F. v. Dobschütz an der Vorbereitung der von Harnack geplanten Ausgabe der neutestamentlichen Apokryphen beteiligt, machte er mehrere Bibliotheksreisen nach Moskau, in die Troize Sergiev'sche Lavra nach Kiev, und nach Patmos und studierte überdies die einschlägigen Hss. in Deutschland, Dänemark, Frankreich, Italien und Griechenland. Seit Juli 1911 a. o. Professor der Kirchengeschichte in Dorpat, starb er — verbittert durch die ungerechte Beurteilung seines Lebenswerkes in Deutschland — den 28./II. in Dorpat an Herzschwäche infolge eines Magenleidens. Er ist am Smolenskijfriedhof in St. Petersburg in der B.'schen Familiengruft beigesetzt.

vorzunehmen«. Man kann wohl sagen, daß selten oder nie eine grundlegende Entdeckung in so übereilter und ungenügender Gestalt veröffentlicht worden ist, wie die im vierten Heft des XIV. Bandes der Neuen Folge von O. v. GEBHARDT und A. v. HARNACK's »Texten und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur«, Leipzig 1906, von BERENDTS herausgegebenen »Zeugnisse vom Christentum im slavischen *„De bello Judaico"* des Josephus«.

Die Schuld an dieser unseligen Überstürzung hat — wie heute gesagt werden kann und muß — zu einem großen Teil Berendts' Dorpater Kollege, der damalige Privatdozent für neutestamentliche Wissenschaft und Magister der Theologie, JOHANNES FREY, zu verantworten. Durch ein Gespräch mit dem arglosen Berendts zur Kenntnis der von A. N. Popov edierten Josephusabschnitte über Jesus gelangt, hat Frey sie — gegen Berendts ausgesprochenen Willen — für eine, angeblich schon vor dem Erscheinen von Berendts' eben angeführter Abhandlung »im Manuscript vollendete«, aber erst 1907 in Leipzig »unverändert« erschienene Arbeit »Die Probleme der Leidensgeschichte Jesu«, Teil. I, S. 38 ff., verwertet. Die Besorgnis, durch diese Veröffentlichung um die Priorität seiner Entdeckung — allerdings nicht etwa der slavischen Josephushss., sondern der religionsgeschichtlichen Bedeutung der von A. N. Popov herausgegebenen, von russischen Gelehrten russisch schon mehrfach besprochenen Abschnitte — gebracht zu werden, ist es gewesen, die Berendts veranlaßt hat, mit seiner Arbeit hervorzutreten, ohne die fraglichen Hss. auch nur gesehen, geschweige denn ihren Text im ganzen mit dem des griechischen Josephus verglichen zu haben! An einer einzigen Stelle von sechs Zeilen auf S. 29 gab BERENDTS — ohne sich und den Lesern auch nur die Bedeutung dieser grundwichtigen Abweichung klarzumachen — *eine einzige rein profangeschichtliche Stelle* an, in der sich die slavische Fassung stark und in bezeichnender Absicht von der griechischen unterscheidet. Unmittelbar vor dem ersten Johannesstück fand er nämlich die Geschichte vom falschen Alexander. In diesem Abschnitt berichtet der altrussische Josephus, daß die Juden von Melos, welche den Prätendenten auf Händen getragen, mit einem Thronsessel versehen und mit königlichen Ehren empfangen hatten, dafür auf Befehl des Kaisers gekreuzigt worden seien, während es im griechischen Text heißt, — wie man jetzt sehr deutlich sieht, um die *»clementia Augusti«* zu feiern, — der Prinzeps habe die unnütz aufgewendeten Kosten des fürstlichen Empfangs für eine genügende Strafe der einfältigen Melier gehalten.

Für sich betrachtet, kann diese Stelle wenig oder nichts beweisen. P. J. M. LAGRANGE,[6] der nicht weiß, daß der slavische Übersetzer nach dem maßgebenden Urteil VAILLANT's ganz vorzüglich gearbeitet hat, möchte die

[6] Revue Biblique XXXIX, 1930, p. 33, Note 4 *»le slave a la patte lourde«.*

Abweichung zwischen dem griechischen und dem altrussischen Text[7] auf einen plumpen Mißgriff des Slaven zurückführen. Ich selbst habe eine Zeitlang vermutet, daß er den griechischen Ausdruck ἀναλώματα fälschlich mit ἀναλόω, ἀναλίσκω »aufreiben«, »vernichten« zusammengebracht haben könnte. Sicher würde man, wenn es sich um einen vereinzelten Fall handelte, nach einer solchen Erklärung zu suchen haben. Seit man jedoch weiß, daß derartige sachliche Abweichungen durch den ganzen Text hindurch immer wieder auftreten, wird man sich nicht mehr mit solchen Vermutungen begnügen, sondern zu einer ganz andern Erklärung greifen müssen (u. S. 349).

BERENDTS selbst wußte damals nicht das mindeste von diesen zahlreichen für die Beurteilung der Vorlage des Slaven so wichtigen *Abweichungen der beiden Texte in Abschnitten, die mit der urchristlichen Geschichte gar nichts zu tun haben und daher dem Verdacht absichtlicher Verfälschung nicht unterworfen sind.* Nichts spricht dafür, daß seine Kritiker auch nur jenes eine von ihm mitgeteilte Beispiel eingehend erwogen hätten. Als er dann zwei Jahre später[8] diese verhängnisvolle Unterlassung auszugleichen versuchte, indem er die nur slavisch erhaltenen, ebenfalls rein profangeschichtlichen, vom glühendsten Römerhaß zeugenden Stellen über den römischen Aufenthalt des Antipater abdruckte und entsprechend erläuterte, hatten sich die für die deutsche Gelehrtenwelt maßgebenden Fachleute bereits entgültig geäußert und sahen sich durch diesen, außer von V. USSANI und GOETHALS (u. S. 315_{29}) m. W. von niemand je besprochenen oder auch nur angeführten nachträglichen Aufsatz zu keiner Wiederaufnahme der Untersuchung oder Berichtigung ihres ersten Urteils veranlaßt.

Freilich muß zugegeben werden, daß gerade diese zwei heftigen Invectiven gegen die Römer, weit entfernt davon, für Berendts' These der Echtheit der slavischen Überschußstücke und ihrer Herkunft aus der von Josephus im Vorwort seines »Jüdischen Krieges« erwähnten semitischen Urausgabe für »die Barbaren des Orients« zu sprechen, vielmehr eine große Schwierigkeit für diese Behauptung darstellen, da ja nichts sicherer feststeht, als daß Josephus *beide Ausgaben,* die griechische wie die »in der väterlichen Sprache« verfaßte, *im Dienst der römischen Propaganda* verfaßt hat, um die Parther — und die Juden des Partherreiches — davon abzuhalten, weiterhin römerfeindlichen Aufständen der Juden im Römerreich ihre Unterstützung zu leihen. Mit einer

[7] Slav. »*Halōsis*« (*Berendts-Grass,* Seite 247 f.):

»Cäsar aber lächelte, da er ihn ansah, und befahl ihm, daß er unter seinen Ruderknechten bleibe. Die Melier aber, weil sie ihn auf den Händen getragen und mit königlicher Ehre geehrt hatten, wurden *niedergemetzelt*«.

»*Polemos*« II, § 110:

»Γελάσας δέ Καῖσαρ ἐπὶ τούτοις, τὸν μὲν Ψευδαλέξανδρον δι' εὐεξίαν σώματος ἐγκατέταξε τοῖς ἐρέταις, τὸν ἀναπείσαντα δὲ ἐκέλευσεν ἀναιρεθῆναι. Μηλίοις δὲ ἤρκεσεν ἐπιτίμιον τῆς ἀνοίας τὰ ἀναλώματα.«

[8] In einem Aufsatz in Preuschen's »Zeitschrift für neutestamentliche Wissenschaft« 1908, S. 47 ff. (»Analecta zum slavischen Josephus«).

solchen Absicht, ja mit der einfachsten Rücksicht auf die Clientenstellung des Josephus am Hof der Flavier sind solche Äußerungen, die nicht mehr und nicht minder als das furchtbar schwer bestrafte Verbrechen gegen die *maiestas populi Romani* begründen, unmöglich zu vereinigen. Ich habe daher selbst in den ersten zwei Ausgaben meines Buches — der deutschen und der englischen[9] — angenommen, daß diese Stellen von den griechischen Hilfsarbeitern des Josephus achtlos aus einer auch sonst[10] nachweisbaren Herodeer- und somit römerfeindlichen Quelle der Geschichte Herodes d. Gr. abgeschrieben, von Josephus zwar in den seinen römischen Gönnern überreichten Exemplaren sorgfältig getilgt worden, aber in einigen, an Juden verkauften Abschriften durch Unachtsamkeit oder Böswilligkeit seiner *servi litterati* trotzdem stehen geblieben wären.

Die auffallende, bei Josephus undenkbare, sichtlich auf die Zeit des Hasses der Oströmer gegen die italienischen Eindringlinge zur Zeit des lateinischen Kaisertums hinweisende Bezeichnung der Römer als »Italer, die Lateiner genannt werden« in der ersten dieser zwei römerfeindlichen Stellen habe ich mit Berendts als eine für die Geschichte der Hs. lehrreiche Glosse erklärt. Seither bin ich aber durch eine, im übrigen wertlose und leicht zu widerlegende Kritik[11] meines deutschen Buches darauf aufmerksam geworden, daß nicht nur diese paar Worte, sondern die ganzen fraglichen Abschnitte[12] R a n d-

[9] u. S. 322_{49}.

[10] *H. Hoelscher* in Pauly-Wissowa's Realenzyklopädie d. klass. Altertums IX c. 1945 42 ff.

[11] *Hans Lewy,* Deutsche Literaturzeitung, 15./III. 1930, Sp. 490 vergleicht die fraglichen Stellen zutreffend mit gewissen typischen Anwürfen spätbyzantinischer Schriftsteller gegen die »Lateiner« und »Franken«. Lewy hat freilich übersehen, daß die beiden Glossen unmöglich von »byzantinisch-rhomäischen Patrioten« herrühren können — die eine schimpft ganz uneingeschränkt auf die Rhomäer schlechthin — sondern ganz unverkennbar von einem Juden geschrieben sind.

[12] Halōsis I, 30, § 601, *Berendts-Grass,* ss. 201 ff.; *Eisler* I, S. 324. ». . . die Italer, die Lateiner genannt werden . . . Denn also sind die Lateiner, sie laufen, um Geschenke zu empfangen, und übertreten ihren Eid wegen der Geschenke. Und in der Verleumdung sehen sie keine Sünde, sagend: »Mit Worten haben wir gesprochen, aber selbst haben wir nicht getötet«, indem die Verfluchten (!) meinen, daß der ein Mörder ist, der mit der Hand tötet, Verleumdung aber und Angeberei und Aufreizung gegen den Nächsten sei nicht Mord. Wenn sie erkannt hätten das Gesetz Gottes, so hätte es ihnen vor alters gezeigt, was ein Mörder ist. Doch sie sind Fremdstämmige und unsere Lehre berührt sie nicht«. Ebenda I. § 609, Berendts-Grass, S. 208, Eisler I, S. 325_{6}, »*den Römern,* die ihm durch Schmeichelei dreihundert Talente abgenommen hatten. Denn unersättlich sind sie im Nehmen; aber wenn heute jemand ihnen mehr gibt, so wollen sie am andern Morgen (noch) mehr. Und gleichwie das Meer nicht ausgefüllt werden kann, noch die Hölle satt wird, noch die weibliche Begierde, ebenso sind auch *die Römer* unersättlich im Nehmen. In Wahrheit sind sie Salomonische Blutegel, solche, die ihren Leib und ihre Seele hingeben für Lohn. Sie vermögen aber auch ihre Glieder hinzugeben und die ihrer Brüder und Kinder, die einen, indem sie durch (Abrichtung natürliche) Keckheit (und) Tollheit in Mannhaftigkeit verwandeln, die andern aber, indem sie (so) gierig sind, Gold zu nehmen, wie Raben auf einen Leichnam. Viele aber sind auch um irgend eines Geringen willen imstande, sowohl die Kleidung als Städte zu übergeben, als auch ihre Feldherrn. Aber (ihr) Tun werden wir im Bevorstehenden beschreiben, aber nun erzählen wir vom Vorliegenden«.

glossen byzantinischer Juden *des 13. Jahrhunderts* darstellen.

Auch hier hat sich BERENDTS also in verhängnisvoller Weise geirit — ein Fehlgriff, der übrigens seinerzeit von niemandem, auch nicht von dem damaligen Herausgeber der ZNTW erkannt worden zu sein scheint. Gegen seine Kritiker konnte Berendts übrigens in Deutschland überhaupt nicht mehr zu Wort kommen.[13] Eine Fußnote zu seinem Aufsatz[14] lautet: »die Einleitung ist von dem Herausgeber der Zeitschrift mit Einwilligung des Verfassers gekürzt worden«. Die Bedeutung des Satzes wird jedem klar sein, der einmal eine Antikritik in einer Fachzeitschrift, besonderes in der ZNTW, unterzubringen versucht hat.

Noch trauriger ist der Umstand, daß der von Berendts[15] angekündigte Aufsatz über die slavische Fassung von Bell. Jud. II, 8 — d. i. der Abschnitt über die Essener,[16] Pharisäer, Sadduzäer, der deshalb so wichtig ist, weil ihn HIPPOLYTUS VON ROM in ähnlicher Gestalt benützt zu haben scheint — dort überhaupt nie erschienen ist. Das fertige, 38 Quartseiten umfassende, von E. PREUSCHEN abgelehnte Manuskript ist in Berendt's Nachlaß gefunden worden.[17]

Die Hauptschwäche der Arbeit lag freilich noch tiefer. Durch seine Erziehung und seine eigene Lehrtätigkeit an der Dorpater, höchst »positiv« und traditionsfreundlich eingestellten theologischen Fakultät, gegen die drei Semester oberflächlicher Bekanntschaft mit der historischen Methode seiner Berliner Lehrer kein genügendes Gegengewicht in die Wagschale werfen konnte, fehlte BERENDTS ein genügend geschulter kritischer Blick und der Sinn für das geschichtlich Wahrscheinliche oder auch nur Denkbare. Wer wie Berendts a. a. O. S. 50 im Ernst auch nur die Möglichkeit erörtern konnte, die Sätze über die von Jesus geheilte Frau des Pilatus, über die vom Neid auf Jesus vergifteten Gesetzeslehrer und über die Kreuzigung Jesu »*durch die Juden*«

[13] Seine Aufsätze »Die ältesten außerchristlichen Nachrichten über die Entstehung des Christentums, Vortrag gehalten auf der Mitauer Jubelsynode, den 26./VIII. 1910« und »Spuren des slavischen Josephus in der altkirchlichen Literatur« sind in den »Mitteilungen und Nachrichten für die evangelische Kirche in Rußland«, Theol.-Past. Beihefte, Bd. 63, 1910, Nov., S. 137—175; Bd. 64, Sept.—Nov. 1911, S. 127—170 mehr begraben als veröffentlicht. Man findet jetzt eine Inhaltsangabe mit allem Wichtigen bei *A. Berendts* † und *Konr. Grass,* Flavius Josephus »Vom jüdischen Krieg«, Bd. I—IV, nach der slavischen Übersetzung deutsch herausgegeben, Dorpat 1924 ff. (*Acta Universitatis Dorpatensis,* vol. V, 3 ff.).

[14] ZNTW, 1908, S. 47.

[15] ZNTW, 1908, S. 70.

[16] Über diese bietet der Slave an der dem § 136 der *Niese*'schen Ausgabe entsprechenden Stelle den folgenden, für die außerjüdischen Grundlagen des Essenismus — die immer wieder behauptet, immer wieder bestritten worden sind — endgültig entscheidenden Satz: »*sie suchen aber sehr nach alten Büchern und lesen sie, erforschend, was in fremden Ländern getan wird,* Verständnis aus ihnen empfangend und aufmerkend auf das, was dem Leib und der Seele zum Nutzen ist« (Berendts-Grass, S. 256).

[17] *K. Grass,* Acta Univ. Dorp. 1924, Bd. V 5, S. 31.

seien von Josephus geschrieben,[18] mußte es sich schließlich selbst zuschreiben, wenn seine Arbeit von Forschern wie E. SCHÜRER,[19] O. HOLTZMANN,[20] W. BOUSSET,[21] und JEAN REVILLE,[22] anscheinend auch von B. NIESE[23] und EDUARD MEYER aufs schärfste abgelehnt worden ist.

Man darf nicht sagen, daß umgekehrt diejenigen, die einem *christlichen* Interpolator Ausdrücke wie »jener gekreuzigte Wundertäter«, »er selbst tat zwar nichts Schändliches« oder »Verbrecherisches, aber durch seine Worte bereitete er all das vor« zuschreiben wollten, auch nicht viel mehr geschichtliches Feingefühl bewiesen haben. Denn von diesem vermeintlichen christlichen Fälscher wird ja *ex hypothesi* vorausgesetzt, daß er bemüht gewesen sei, sich in die Gesinnung eines christenfeindlichen jüdischen Erzählers einzufühlen, um seine Einschiebungen glaubwürdig erscheinen zu lassen — eine Voraussetzung, die zwar als unhaltbar erwiesen werden kann, aber doch erst auf Grund eingehender Untersuchungen, zu denen BERENDTS' Kritiker[24] nach flüchtiger

[18] Ebenso allerdings neuerdings wieder *J. P. Arendzen* »The Russian Josephus«, Dublin Review, July—August—Sept. 1926, p. 93.

[19] Theol. Lit. Zeit. XXXI, 1906, S. 262 ff.

[20] Deutsche Lit.-Zeit. 1907, Sp. 588: »Um sich von der gänzlichen Wertlosigkeit dieser Zusätze zu überzeugen, genügt schon der erste Blick auf deren abenteuerlichen Inhalt«. Mehr als diesen »ersten Blick« hat der Rezensent der ganzen Arbeit auch offensichtlich nicht gewidmet.

[21] Theol. Rundschau X 1907, S. 297.

[22] Revue de l'histoire des religions LIV 1906, p. 151: »*l'inauthenticité de ces passages saute aux yeux; sur plusieurs points ils sont en contradiction avec les renseignements fournis ailleurs par Josèphe lui-même*«. »*Leur principal interêt nous parait être justement de pouvoir servir d'exemple de la facilité avec laquelle des auteurs chrétiens se sont permis d'interpoler le texte de l'historien juif*«. Kurz erwähnt sind die Berendts'schen Fragmente noch von *Mgr. Battifol,* »Orpheus et l'Evangile«, Paris 1910, p. 22 n. l.; »On the credibility of the Gospels«, London 1910, S. 17 note und bei *A. Tricot,* Revue Apologétique 1922, p. 132 note.

[23] Ich schließe das daraus, daß er in seinem erst nach seinem Tod erschienenem Artikel »Josephus« in Bd. VII der *Encycl. of Religion and Ethics,* Edinburgh 1913, p. 651, § 2a erklärt, von der aramäischen Fassung sei keine Spur erhalten, »*as some have supposed*«. Das scheint auf Kottek und Berendts zu gehen, deren Arbeiten in der Bibliographie, p. 79 richtig angeführt sind.

[24] Vgl. noch *H. Jordan,* Theol. Lit. Bl. 1907, Sp. 511: »daß diese Stücke aus *christlicher Tradition des zweiten oder dritten Jahrhunderts stammen* und infolgedessen *nicht mehr Wert haben als unsere sonstigen apokryphen Evangelien.* Was sie berichten, ist zum allergrößten Teil aus den Evangelien geflossen(!), anderntеils aus der Überliefertes und phantastische Ausschmückung mischenden Tradition«. Etwas zurückhaltender *G. Hoennicke,* Deutsch. Lit. Zeit. 1907, Sp. 1037.

Weit freundlicher ist Berendts von katholischer Seite beurteilt worden. Vgl. den Aufsatz des Abbé *Lejay* in der Revue Critique d'Histoire et de Litterature, II, 1906, p. 147: »*Ces additions ne sont pas comparables aux interpolations surement chrétiennes des manuscrits de Josèphe. Un juif seul peut en être l'auteur... l'accord s'etend à Tacite, de sorte qu'il faut supporser une source antérieure a la fin du premier siècle...* La brochure curieuse de M. Berendts nous fait désirer une publication integrale dans une langue de l'Occident ou du moins une collation soignée avec notre texte de Josèphe«. Zustimmend soll sich nach Berendts-Grass, S. 24, der bekannte Bollandist P. *Hippolyte Delehaye* geäußert haben. *Analecta Bollandiana* 1906—1911 enthalten jedoch auffallenderweise keine Besprechung des B.'schen Buches. Vielleicht bezieht sich B. auf eine briefliche

Durchsicht seines Buches offenbar keine Lust empfanden.

Der Herausgeber der »Texte und Untersuchungen« hat seine Meinung über diese Arbeit von Berendts niemals geäußert. Es ist undenkbar, daß ein Historiker und Philologe von der durchdringenden Geistesschärfe A. v. HARNACKS die Schwächen dieser Untersuchung nicht durchschaut haben sollte. Er hat sie trotzdem unverändert ohne ein Wort der Warnung an seinen Dorpater Kollegen — der sich später darüber in Briefen an seinen Freund und Nachfolger Konrad Grass, aufs bitterste beklagt hat — zum Druck befördert. In dem Streit um Berendts' These hat A. v. HARNACK sein Leben lang ein unverbrüchliches Stillschweigen bewahrt.

REINHOLD SEEBERG[25] war der erste, der — viel zu zaghaft und nicht immer glücklich — versuchte, aus den von Berendts' übersetzten Abschnitten, deren jüdischer Ursprung offenkundig ist, christliche Interpolationen auszuscheiden. Was übrig blieb, wagte er nicht, dem Josephus selbst, sondern nur einem zeitgenössischen jüdischen Interpolator zuzuschreiben. Dieselbe These vertrat der bereits genannte Magister theol. JOHANNES FREY in einem eigenen Buch.[26] Beide Theologen wurden zu dieser Meinung dadurch veranlaßt, daß sie zwischen diesen nur slavisch erhaltenen Berichten und denen im griechischen »Polemos« gewisse Widersprüche bemerkt hatten, wobei diese eingestandenermaßen mit den Schriften des Josephus nicht näher bekannten Kritiker vollkommen übersahen, daß sich ebenso schwerwiegende Unstimmigkeiten auch innerhalb der einzelnen griechisch erhaltenen Werke dieses sehr flüchtigen, ganz von seinen jeweiligen Quellen abhängigen Schriftstellers, noch mehr aber zwischen seinen aufeinanderfolgenden Werken — *Polemos, Archaiologia* und *Bios* — nachweisen lassen.[27]

Der hier zugrunde liegende Fehlschluß ist typisch und z. B. von F. BLASS in seinen immer noch lesenswerten Ausführungen über die Feststellung und Ausscheidung von Interpolationen[28] richtig gekennzeichnet worden.

Äußerung, an die sich aber P. Hippolyte nicht mehr erinnert. Eine beachtenswerte Besprechung hat endlich P. *Adhémar d'Alès* in den »Études«, Revue fondée par des pères de la Compagnie de Jésus (vol. 112, p. 663) veröffentlicht.

[25] Eine neue Quelle zur Geschichte des Urchristentums in der Zeitschrift »Reformation« 1906, Nr. 19 und 20. Wiederabgedruckt in dem Sammelbändchen »Von Christus und dem Christentum«, Gr. Lichterfelde-Berlin 1908.

[26] Der slavische Josephusbericht über die urchristliche Geschichte nebst seinen Parallelen kritisch untersucht. Dorpat 1908. Separatabdruck aus den *Acta et Commentationes Universitatis Jurjeviensis* (= Dorpatensis) 1908. Rezensiert von A. Steinmann, Theolog. Revue X 1910; S. 510. Bousset, Theolog. Rundschau X, 1907, S. 297; XIII, 1910, S. 438. Theologie und Glaube II, 1910, S. 414 f.; Revue Internationale de Théologie XVIII, 1910.

[27] Einzelheiten darüber in meinem u. S. 322_{49} a. Buch, Bd. I, S. 99—110.

[28] »Wie sorgfältig aber die Erwägung sein muß, ehe man den Zweifel für berechtigt erklärt, leuchtet von selber ein. In außerordentlich vielen Fälllen ist der Grund des Anstoßes lediglich in dem Anstoßenden selbst ... in sehr vielen anderen wird an den Schriftsteller *eine zu hohe Forderung strenger Logik* gestellt, so daß der Tadel berechtigt sein mag, der Zweifel nicht. Es handelt

Zum Unterschied von SEEBERG, der christliche Interpolationen von einem jüdischen Kern der fraglichen Berichte über den Täufer, Jesus und seine Jünger zu scheiden versuchte, glaubte FREY den sichtlich zwiespältigen Charakter dieser Texte psychologisch auf das unentschiedene Schwanken einer halb und halb dem Christentum zuneigenden jüdischen »Nikodemusnatur« zurückführen zu können — eine Hypothese, die sich bei eingehender Untersuchung der Texte als vollkommen absurd erweist und auch nie jemanden zu überzeugen vermochte.

Einen wesentlichen Fortschrittt über FREY und SEEBERG bedeutet die kleine Schrift *Josèphe témoin de Jésus* (Paris 1909) des Brüsseler Privatgelehrten AUGUSTIN GOETHALS, der — überall auf dem richtigen Weg — mit Berendts einen Josephus herrührenden echten Kern der fraglichen Stücke anerkannte, den er — freilich ebenso wie Seeberg nicht kräftig genug zugreifend, — von christlichen Zusätzen zu befreien versuchte.

Durch die ablehnende Kritik von W. SOLTAU, (Wochenschr. f. klass. Philologie XXVII, 1910, Nr. 24, S. 662 ff.) und die nachträgliche Kenntnis des FREY'schen Buches ist GOETHALS leider an seinen richtigen Ergebnissen irre geworden. Seine spätere Theorie,[29] daß die acht, auf das Urchristentum bezüglichen Überschußstücke des Slaven aus den *Hypomnemata* des echten HEGESIPPOS geschöpft seien,[30] ist u. a. deshalb unmöglich, weil dem Christen Hegesippos nicht die offensichtlich jüdisch-christenfeindlichen Kernstücke dieser Abschnitte zugeschrieben werden können.

Die von Berendts übersetzten Texte sind 1911 von ERICH KLOSTERMANN in dem »Apokrypha« betitelten Heft Nr. 11 der Lietzmann'schen Kleinen Texte für Vorlesungen etc. mit einigen eigenen Anmerkungen nachgedruckt worden.

---

sich eben immer neben dem Allgemeingültigen um das Individuelle, und man wird bei einem Autor oft nicht anstoßen, wo wir bei dem andern es unbedingt tun würden«. In *Iwan Müllers* Hdb. d. klass. Altertumswissenschaft im Abschnitt »Kritik« I, 2, S. 276. S. 293 ebenda wird treffend auf die zahlreichen nachgewiesenen Widersprüche in Platon's »Politeia«, auf die Selbstwidersprüche bei Aischines, auf die durch die Entwicklung des Schriftstellers bedingten Widersprüche zwischen dem »Dialogus« und den »Annalen« des Tacitus verwiesen. Vgl. neuerdings Sal. Reinach, Amalthée II, Paris 1930, pp. 83 ff. über die Widersprüche im 1. Buch von Caesar's »*De bello Gallico*«.

[29] *Goethals* hat noch drei weitere Hefte von »*Mélanges d'Histoire du Christianisme*« bei Fischbacher (Paris) erscheinen lassen. *Jean précurseur de Jésus* (1911), *Jésus à Jérusalem* (1912) und *Le Pseudo-Josèphe* (1914). Sie enthalten alle eine Anzahl richtiger und wertvoller Einzelbeobachtungen, die in meinem unten S. 322_{49} erwähnten Buch I, SS. 122 ff. genau verzeichnet sind.

[30] In der Tat findet sich in der um 370 verfaßten lateinischen Paraphrase der »Eroberung Jerusalems« des Josephus, des sog. Egesippus — d. h. des von Erasmus *Ambrosiaster* genannten, von Jos. Wittig entlarvten, getauften, als Christ Hilarius oder Gaudentius genannten Juden Isaak — an Stelle eines heute fehlenden echten Josephusabschnittes, den noch Orosius gelesen hat, ein Stück über den Konflikt des Simon Petrus mit Simon Magus aus Hegesippos eingeschoben. Diese von *Ussani* erwiesene wichtige Tatsache war *Goethals* noch nicht bekannt.

Nach den Kriegsjahren 1914—1918 hat der im Juli 1930 verstorbene ausgezeichnete Josephuskenner, Herausgeber und Übersetzer H. St.-J. THACKERAY in einem der Bändchen der Society for the Promotion of Christian Knowledge seine trefflichen »*Selections from Josephus*« (London u. New York 1919) erscheinen lassen, in denen zum erstenmal die Berendts'schen Bruchstücke ins Englische übersetzt worden sind.

Wiederum ganz unbeachtet von der westeuropäischen Wissenschaft blieb ein wichtiger russischer Aufsatz des Petersburger Akademikers VASILIJ N. ISTRIN über den slavischen Josephus, von dem der Genannte seit Jahren eine kritische Ausgabe vorbereitet und im Ms. nahezu vollendet hat, in der Festschrift für LJAPUNOV in den Učenje Zapiski der städtischen Hochschule von Odessa, Sect. sc. hum. et soc. Bd. II (1921) SS. 27—40, in denen zum erstenmal eine Reihe wichtiger Abweichungen des slavischen Textes vom griechischen in Abschnitten, die mit der urchristlichen Geschichte gar nichts zu tun haben, im Urtext mitgeteilt und erörtert werden.

Durch die aufgezählten Veröffentlichungen war der als Handschriftensammler und Erforscher der samaritanischen und jüdischen Apokryphen- und Midraschliteratur, sowie des jüdischen und rumänischen Folklore rühmlichst bekannte *Ḥakham* der Sepharden in London Dr. MOSES GASTER darauf aufmerksam geworden, daß eine rumänische Fassung der von Berendts ins Deutsche übersetzen altrussischen Texte in der Hs. Nr. 89 seiner eigenen Sammlung mit den gefälschten Pilatusakten und andern Apokryphen zusammengeklittert enthalten war.[31]

Von Dr. GASTER gesprächsweise auf die altrussischen Josephusstücke hingewiesen, veröffentlichte G. R. S. MEAD in der religionswissenschaftlichen Zeitschrift *The Quest* vol. XV (July 1924) pp. 457—479 einen Aufsatz *The Slavonic Josephus' Account of the Baptist and Jesus*«. Für diesen Aufsatz bat mich der befreundete Verfasser, ihm die seit Berendts and Frey, bzw. über ihre Arbeiten erschienene deutsche Literatur zusammenzustellen. Dieser Aufgabe unterzog ich mich mit umso größerer Bereitwilligkeit, als mir die Bedeutung dieser Texte für das seit Herm. Sam. REIMARUS (1694—1768) immer wieder auftauchende Problem der *Zusammenhänge des Urchristentums mit dem politischen Messianismus und den sozialrevolutionären Bewegungen im Judentum,* das mich seit den Erlebnissen des Jahres 1919 stark beschäftigte, auf den ersten Blick klar geworden war. Das unerwartet magere Ergebnis meiner Nachsuche und der deutliche Eindruck, daß Berendts von seinen Kritikern Unrecht geschehen war, veranlaßte mich, die Untersuchung selbst neuerlich aufzunehmen und in einem Umfang durchzuführen, den keiner meiner Vorgänger für erforderlich gehalten hatte.

Ich begann damit, mich zunächst in die umfangreiche Literatur über Jo-

[31] Übersetzt Bd. I, S. 430 ff. meines u. S. 322[49] erwähnten Buches.

sephus und das griechische *Testimonium Flavianum de Jesu Christo*[32] einzuarbeiten, sodann als Grundlage zu einem zuverlässigen eigenen Urteil die sechs Bände der großen Niese'schen Josephusausgabe von Anfang bis zum Ende durchzuackern und dabei auf das anderweitige Vorkommen der in den fraglichen Jesus- und Johannesabschnitten des griechischen wie des slavischen Textes vorkommenden Worte und Wendungen zu achten.

Der Vortrag, den ich in Erlangen am 29. September 1925 auf der 55. Tagung deutscher Philologen und Schulmänner über die ersten Ergebnisse dieser Untersuchung gehalten habe,[33] hat nicht nur die vergessene Entdeckung A. N. Popov's und Berendts' Bemühungen, die abendländischen Forscher auf die neuerschlossenen Quellen hinzuweisen, wieder in den Blickpunkt des allgemeinen Interesses gerückt, sondern mich auch durch einen freundlichen Hinweis E. VON DOBSCHÜTZ' in Verbindung gebracht mit Berendts' Freund und Nachfolger KONRAD GRASS in Dorpat (gest. 25. XI. 1927), der mir nicht nur die Druckbogen des seit 1924 in den *Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis* im Erscheinen begriffenen großen Nachlaßwerkes seines Vorgängers,[34] sondern auch dessen Apographa der slavischen Josephushss. mit der großmütigsten Liberalität zugänglich machte.

Nun konnte die Untersuchung ganz anders in die Tiefe eindringen, als ich es in einer vorläufigen englischen Veröffentlichung[35] zu hoffen gewagt hatte,

[32] Unschätzbares Material, Sammlung patristischer Zitate u. dgl., in einem eigenen Anhang der alten Haverkamp'schen Josephusausgabe, Amsterdam 1726.

[33] »*Das wiederentdeckte echte Josephuszeugnis über Jesus*« (vgl. die bei Teubner 1925 erschienenen Sitzungsberichte der Versammlung S. 58). Ein Einblattdruck mit den neu aufgespaltenen Texten in parallelen Kolonnen wurde an die Teilnehmer verteilt (vorhanden Staatsbibl. München, Deutsche Bücherei Leipzig). Kritische Berichte über diesen Vortrag — den *Maier-Leonhard* in einem freundlichen Bericht der Frkf. Zeitung vom 6./10. 1925 als »die Sensation der Fachbesprechungen« bezeichnet hat, ein Ausdruck, der seither in den einschlägigen Kritiken immer wieder in der Form auftaucht, daß den ernstesten philologisch-kritischen Untersuchungen über diese a n s i c h in der Tat auffallenden Texte »Sensationshascherei« oder 'Sensationsmache« vorgeworfen wird — erschienen in der Sonntagsbeilage der Münchener N. Nachr., Jg. VI, 14./10. 1925 (von Franz Kampers-Breslau, zustimmend, ebenso ders. Histor. Jahrbuch d. Görresgesell. XLV, 4, SS. 558 bis 565). C. F. Lehmann-Haupt, Frkf. Zeit. vom 15., 16. und 17./XII. 1925; frz. Übersetz. v. Salom. Reinach, *Revue Archéol.* 1926, pp. 322—328. Vgl. Sal. Reinach, *Revue Critique d'Histoire et de Littérature* 15./XII. 1925, pp. 434 ff. Dietlef Nielsen, *Politiken* 21./XII. 1925, Leo Wohleb, *Germania* 31./III. 1926. P. Hermann Dieckmann, Zeitschr. f. kath. Theologie, Innsbruck 1926, S. 463—475. Edgar Salin, *Civitas Dei*, Tübingen 1926, S. 224.

[34] *Alexander Berendts*, Flavius Josephus vom jüdischen Krieg, Buch I—IV nach der slavischen Übersetzung, deutsch herausgegeben und mit dem griechischen Text verglichen von Mag. theol. Konrad Grass: Dorpat 1924 (letzte Lieferung ebenda 1927).

[35] *Eisler*, The Newly Rediscovered Witness of Josephus to Jesus, The Quest, vol. XVI, No. 1 Oct. 1925, pp. 1—16. Vgl. *A. Marmorstein*, Some remarks on the Slavonic Josephus, ebenda vol. XVII, 1926. Durch diese Aufsätze ist ein angeblicher Dr. theol. *Vacher Burch* auf die Frage aufmerksam geworden und hat vergebens versucht, durch die erfundene Behauptung, alt*süd*slavische Josephushss. entdeckt zu haben, den klaren Tatbestand zu verwirren (Diocese of Liverpool-Review Nr. 1, April 1926, angez. v. *G. A. Box*, The Observer, London 11./VIII. 1926; *V. Burch*, Times 14./IV. 1926, 14./IV.1926;

zumal ich auch von Prof. *Vasilij Istrin* durch Überlassung seines o. S. 316 angeführten russischen Aufsatzes und seiner eigenen Abschriften wichtiger Stellen (u. S. 359) aufs wirksamste gefördert wurde. Endlich verdanke ich Mrs. ALICE CHALMERS in London und Dr. JAMES LOEB in Hochried bei Murnau die Mittel zur Anfertigung zahlreicher Schwarzweißaufnahmen, u. a. des ganzen von Berendts nicht verglichenen Codex Kyrillo-Bjelozerskij Nr. 63/1302, den Berendts gekannt, aber nicht ganz kollationiert hatte.

In Paris, wo ich Gelegenheit hatte, in weiteren Vorträgen[36] u. a. vor der *Académie des Inscriptions et Belles Lettres* über die Fortschritte der Untersuchung zu berichten, ist es mir schließlich noch gelungen, eine von BERENDTS[37] ein Stück weit verfolgte Spur aufzunehmen und dadurch zu einem für mich unendlich belehrenden Fund zu gelangen. Schon Berendts war auf die Bedeutung gewisser früherer Nachrichten (12. u. 16. Jhrdt.) über Hss. des hebräischen Josephus (des sog. JOSIPPON oder JOSEPHUS GORIONIDES) aufmerksam geworden, in denen sich *durch Rasur getilgte Stellen über Jesus* befunden haben sollen. Eine genaue Untersuchung der seltenen EDITIO PRINCEPS (Mantua 1460) und der erhaltenen hebräischen Josephushss. ergab zu meiner größten Überraschung — denn seit Schürer war allgemein behauptet worden, der hebräische Josephus enthalte nichts über Jesus — daß der sog. JOSIPPON tatsächlich einen von der Zensur getilgten Bericht über Jesus enthalten hat, und daß sich sogar von einem Abschnitt über seine Anhänger, die dort genau wie in der christenfeindlichen Schrift des Procurators von Arabia Libanitis SOSSIANUS HIEROCLES[38] als »Räuber« *(parisîm-latrones)* bezeichnet werden, und ihre Kämpfe mit den Pharisäern zur Zeit des

P. *Herbert Thurston* S. J. ebenda 14./IV., *Sal. Reinach* u. *Rob. Eisler,* ebenda 17./IV. 1926; P. *Herb. Thurston,* Ecclesiast. Review LXX, pp. 6—16, Philadelphia, July 1926; *V. Burch,* Dioc. of Liverpool Review, No. 2, June 1926; ders. *Jesus Christ and his Revelation. Fresh evidence from Christian sources and Josephus,* London 1927, S. 153 ff.).

[36] *Eisler,* Jésus d'après la version Slave de Flavius Josèphe, Revue de l'Histoire des Religions, erschienen in der *Revue de l'Histoire des Réligions,* 1926, SS. 22—34 und 44—84. Meine ausParis 1926, pp. 1—21. (Deutsch Neue Freie Presse, 20./V.; 16. u. 17./V. 1926). Vgl. *Rob. Eisler,* »Wie hat Jesus ausgesehen?« Frkf. Zeit. 1./VII. 1926. Dazu *Hans Lietzmann,* »Wie hat Jesus ausgesehen?«, Deutsche Allgemeine Zeitung, 18./VII. 1928; *Paul Schmiedel,* »Ein neuer Beweis für die geschichtliche Existenz Jesu?«, Neue Züricher Zeitung 22./VIII. 1926; *Rob. Eisler,* »Nochmals das Josephuszeugnis über Jesus«, ebenda 16./IX. 1926. Antwort von Schmiedel daselbst. *H. v. Soden,* Christliche Welt 21./X. 1926, Sp. 103 f. Monseign. *Pierre Battifol* »Un prétendu texte nouveau de Josèphe sur Jésus«, *Vie Catholique* (suppl. »*Vie scientifique*«) 30./X. 1926. *L. Wohleb,* »Zum literarischen Portrait Jesu«, Frkf. Zeitung 29./VII. 1926. »Zum slavischen Bellum Judaicum des Flavius Josephus«, Philolog. Wochenschrift 18./XII. 1926, Sp. 1401—3. Einwendungen von *Paul-Louis Couchoud,* »Les textes relatifs à Jésus dans la version Slave de Josèphe« und von Prof. *Maurice Goguel,* »Le témoignage de la version Slave et la Guerre Juive«, führliche Antwort auf diese Einwendungen steht in der deutschen Ausgabe meines Buches, SS. 165—95.

[37] a. o. S. 5 Z. 4 f. a. O. S. 76 f.

[38] *Lactantius, div. inst.* V, 3, 4.

Kaisers Caligula sechs in den späteren Ausgaben fehlende Zeilen in der seltenen *editio princeps* und in gewissen Hss. erhalten haben. Dieser Abschnitt — unversehrt in einem Pariser Codex hebr. No. 1280 f^{0}. 123 r^{0} u. v^{0} ist in einem Codex Vaticanus (Borgianus hebr. Nr. 1 fol. 128 v^{0}) vom Zensor schwarz überklext worden.[39]

Durch diese Funde war meine Aufmerksamkeit auf einen bisher von der philologischen Kritik, insbesondere bei der Untersuchung des heiß umstrittenen *Testimonium Flavianum,* vollkommen vernachlässigten Faktor — *die kirchliche Zensur christenfeindlicher Schriften* — gelenkt worden. Es ließ sich die überraschende Tatsache feststellen, daß *eine solche Bücherzensur seit Konstantin d. Gr.,* dann wieder nach der heidnischen Episode unter Julian dem Apostaten, endgültig aber seit Theodosius II. und Valentinian III. (477) nachweisbar und *im Codex Justinianus des römischen Rechts gesetzlich festgelegt* ist. Sichere Beispiele dieser christlichen Zensur antiker Hss. bieten für das 9. Jhrdt. — also offenbar für die Zeit LUDWIGS DES FROMMEN — ein karolingischer Codex der *Historia Augusta,* für das 12. Jhrdt. (spätestens) das bereits erwähnte Zeugnis des ROBERT VON CRICKLADE im angiovinischen England. Seit dem 13. Jhrdt. kennt man spanische Bücherzensoren mit Namen, vom 14. Jhrdt. an sind schwarze Zensurflecken in jüdischen Hss. nachweisbar, in frühen und späteren Drucken sind sie so häufig, daß unzensurierte Exemplare als Seltenheit gelten dürfen. Da die Verheimlichung unzensurierter »blasphemischer« Bücher schwer bestraft wurde, ist bei Hss., die keinen amtlichen Zensurvermerk tragen, auch mit der begreiflichen Selbstzensur geängstigter Besitzer der Hss. zu rechnen.

Mit diesen Feststellungen war die Lage gegenüber den zur Zeit Berendts' herrschenden Anschauungen von Grund auf verändert. Während der baltische Gelehrte noch mit dem Vorurteil rechnen mußte, daß das Fehlen der fraglichen Johannes- und Jesusabschnitte des Slaven im griechischen Text von vornherein gegen ihre Echtheit und für ihre späte Interpolation spreche, kann nunmehr jedem, der sehen will, *ad oculos* demonstriert werden, daß christenfeindliche Abschnitte über Jesus, seinen Vorläufer und seine ersten Jünger der Tilgung verfallen m u ß t e n, wenn sie der kirchlichen Zensur zu Gesicht kamen, oder die Hss. im Besitz ängstlicher Eigentümer waren, und daß sie nur durch eine besondere Gunst des Zufalls diesem Schicksal entgehen konnten.

Es muß also von vornherein als e r w i e s e n betrachtet werden, daß bei der Überlieferungsgeschichte solcher Texte, wie die Schriften des Flavius Josephus es sind, an und für sich s o w o h l m i t c h r i s t l i c h e n, w i e m i t j ü d i s c h e n E i n s c h i e b u n g e n (o. S. 311$_{11}$), aber auch m i t e r h e b l i c h e n T i l g u n g e n d u r c h Z e n s u r u n d S e l b s t z e n s u r gerechnet werden muß.

[39] Vgl. a. u. S. 322$_{49}$ a. O. Bd. I, S. 461—621 u. Taf. Ia. Dazu die hier beigegebene Taf. 1.

Hieraus ergibt sich für die Methodik der Untersuchung, daß das Fehlen einer Stelle, die nur durch jüngere Hss. bezeugt ist, in älteren Hss. oder Hss.-klassen nichts gegen ihre Echtheit beweist, umgekehrt aber das Vorkommen einer Stelle in allen Hss. oder in ganzen Gruppen die Möglichkeit ihrer Einschiebung durch eine frühe Hand nicht ausschließt. Jede fragliche Stelle muß daher mit aller Unbefangenheit ausschließlich danach beurteilt werden, ob *a)* ihre Tendenz mit der des nach dem unverdächtigen Zeugnis des ORIGENES *nicht Jesusgläubigen* Josephus vereinbar ist, oder nicht; ob *b)* ihre sprachliche Eigenart mit der des Josephus, bezw. seiner Mitarbeiter übereinstimmt. Sachliche Unstimmigkeiten mit anderweitigen Angaben des Josephus beweisen nichts gegen die Echtheit eines bestimmten Abschnitts, da auch die von niemandem je angezweifelten, den Interessen allfälliger jüdischer oder christlicher Interpolatoren ganz fernliegenden Teile des Josephus mehr oder minder auffällige Widersprüche in erheblicher Zahl aufweisen.

Nach den allgemeinen Grundsätzen der historischen Kritik obliegt die Beweislast demjenigen, der die Unechtheit einer gegebenen Quelle oder eines einzelnen Abschnittes in einer bestimmten Quelle behauptet. Hieraus ergibt sich ferner, daß *Athetesen auf das geringstmögliche Maß zu beschränken* sind. Wer diese einfachen Grundsätze nicht anerkennt und vom Historiker den — durchaus unmöglichen! — Beweis der Echtheit verlangt, verliert sich in einem unfruchtbaren Skeptizismus und vergißt, daß die Vergangenheit nur mittelbar erkannt werden kann. Die Geschichte ist nichts als das Kollektivgedächtnis der Menschheit. Die geschichtliche Kritik versucht aus dieser gemeinsamen Erinnerung die bewußten oder unbewußten Gedächtnistäuschungen auszuschließen. Soweit die Überlieferung dieser rein negativen Kritik keinen Angriffspunkt darbietet, muß sie bis auf weiteres als wahr und zuverlässig unterstellt werden. Mit Kritikern, die diese Grundsätze nicht anerkennen, kann man über Echtheitsfragen nicht diskutieren, denn einen logischen Zwang, eine bestimmte Quelle als echt anzuerkennen, kann niemand ausüben.

Die Untersuchung der kirchenslavischen Überlieferung der hebräischen Josephusübersetzung lieferte überdies noch einen weiteren ganz unerwarteten Nebenertrag.

Durch das Zeugnis einer von den Herausgebern des griechischen Josephus naturgemäß übersehenen hebräischen Hs. eines mitttelalterlichen Chronisten JERAḤMEL b. SCHELOMO ergab sich, daß die Juden des neunten Jahrhunderts noch ein heute verlorenes Werk des Josephus besaßen, u. zw. die von ihm selbst am Ende seiner »Altertümer« im dreizehnten Jahr des DOMITIAN (93/94) für das folgende Jahr angekündigte *Neubearbeitung des »Jüdischen Krieges« mit einer Fortsetzung der jüdischen Geschichte bis zum vierzehnten Jahr (94/95) des Kaisers Domitian.*[40] Während man bisher nicht wußte, ob

[40] S. a. u. S. 322[40] a. O. Bd. I, S. 469.

Josephus — der nachweislich den 100 n. Chr. verstorbenen HERODES AGRIPPA II. überlebt hat — seine im Jahr 93 angekündigte Absicht wirklich ausgeführt hat oder nicht, ergibt sich nun, daß er es in der Tat gethan hat, u. zw. in der Art, daß er die 93 in 20 Büchern erschienenen ‘Altertümer« mit den 73 verfaßten, mehrfach — besonders eingreifend unter Domitian — neubearbeiteten sieben Büchern des »Jüdischen Krieges« zu einer vierundzwanzig Bücher umfassenden »*Geschichte der Juden*« unter vielfachen Retouchen zusammengearbeitet hat.

Es läßt sich ferner erkennen, daß die im Mittelalter umlaufenden Hss. — oder Auszüge — dieses Riesenwerkes mit Benützung der »christlichen Literaturgeschichte« *de viris illustribus* des HIERONYMUS durchgehend christlich interpoliert worden waren. Die Benützung dieses interpolierten Josephustextes bei JACOBUS DE VORAGINE[41] beweißt, daß er im Abendland in lateinischer Fassung gelesen wurde. Aller Wahrscheinlichkeit nach existieren derartige lateinische Josephushss. heute noch in unsern Bibliotheken, die, nach freundlicher Mitteilung VINCENTE USSANI'S, der überall nach Hss. der als »Egesippus« bekannten lateinischen Josephusparaphrase gefahndet hat, den lateinischen, gewöhnlich dem Rufin zugeschriebenen Josephus in einer Unmenge von Abschriften — sicher weit mehr als tausend — enthalten. NIESE hat bekanntlich diese Übersetzung nur nach der humanistischen *editio princeps* verglichen, die ein Abdruck eines einzigen Codex ist. Die wissenschaftliche für das *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum* von der Wiener Akademie geplante Ausgabe steckt noch in den ersten Anfängen. Hier erwarten die Forschung noch ganz bedeutende Überraschungen. Vorläufig ist es möglich gewesen, elf an sich ganz unverdächtige Josephuszitate byzantinischer Chronographen, die die Zeit von der Weltschöpfung bis zu den Patriarchen und die Jugend Mosis betreffen,[42] aber in den »*Antiquitates*« nicht nachweisbar sind und deshalb von H. GELZER ganz willkürlich und grundlos als Fälschungen des PANODOROS erklärt wurden, dieser verlorenen »von der Erschaffung der Welt bis auf Domitian« reichenden »Geschichte der Juden« zuzuweisen. Die bei W. CAVE[43] erhaltene Mitteilungen des GALÄUS an Cave, er bewahre bei sich recht lange handschriftliche griechische Bruchstücke des Josephus, die man in den gewöhnlichen Hss. des Josephus vergebens suchen würde, — eine Nachricht, die BERENDTS[44] auf das verschollene griechische Original der von ihm übersetzten slavischen Abschnitte beziehen wollte — passen ausgezeichnet auf jene harmlosen Agrapha des Josephus bei den Byzantinern, von denen die ersten zehn bei mir 32 Druckzeilen umfassen, während das elfte, das ich wegen seiner Länge und weitgehenden Berührung

[41] a. u. S. 322_{49} a. O., Bd. II, S. 786 zu S. 470, Z. 5.
[42] a. u. S. 322_{49} a. O., Bd. I, S. 522 ff.
[43] *Historia Literaria,* Basel 1741, vol. I, p. 33.
[44] TU XIV 1, S. 77 Anm.

mit Antiqq. II 9 und 10 nicht abgedruckt habe, in der Bonner Synkellosausgabe die drei Druckseiten 225_{20}—228_{10} ausfüllt.

Im übrigen ließ sich nun an der Hand der aus BERENDTS' Nachlaß von KONRAD GRASS herausgegebenen Übersetzung der Bücher I—IV ohneweiters feststellen, daß gewisse, bisher in unseren Josephushss. unauffindbare Josephuszitate des EUSEBIUS,[45] des Armeniers MOSES VON KHORNI[46] und des Patriarchen PHOTIOS[47] — die sämtlich den Josephus als Zeugen für den bethlehemitischen Kindermord anführen — sich tatsächlich als auf den ersten Blick erkennbare christliche Interpolationen im altrussischen Josephus finden, also schon *vor* Eusebius in der griechischen Vorlage des Slaven gestanden haben müssen.

Damit war eine tragfähige Grundlage für eine durchgreifende Neuuntersuchung der slavischen Josephusfrage gegeben, bei der ich von hervorragenden Slavisten[48] in der freundlichsten Weise unterstützt worden bin, und deren Ergebnisse ich in den Jahren 1927—29 in verschiedenen Veröffentlichungen[49] darzustellen versucht habe. Sie sind im Folgenden kurz zusammengefaßt.

II.

Der slavische Josephus ist in zweierlei Hss. überliefert. Die der ersten Gattung, von BERENDTS als »die eigentlichen Josephushss.« bezeichnet, sind alle am Anfang und in der Mitte in gleicher Weise verstümmelt. Was fehlt, läßt sich durch die Hss. der zweiten Klasse ergänzen, die den Josephustext

[45] *Hist. eccl.* I, 8, 2; GCS IX (1 ed. Schwartz II 1, p. 64, Z. 9 ff.). Ebenso in der Übersetzung des Rufin I, 8.

[46] *Müller* FHG V II, p. 326 trad. Langlois (8. Jhrdt.).

[47] Biblioth. cod. 238 (geschrieben vor 858).

[48] Ich bin den Herrn *Vasilij N. Istrin, V. Benešević, André Mazon, Antoine Martel, Boris Unbegaun, Nik. van Wijk, Berndt v. Arnim, N. Bubnow, E. Sljosberg* u. a. zu dauernder Dankbarkeit verpflichtet.

[49] »*L'état présent de la question du Josèphe slave*«. Vortrag vom 21./4. 1927 auf dem *Congrès d'Histoire du Christianisme (Jubilé Alfr. Loisy)*, gedr. franz. in Bd. I der *Annales d'Histoire du Christianisme*, Paris u .Amsterdam 1927, pp. 99—113. Engl. *The Quest*, vol. XIX, Oct. 1928, pp. 1—19. »*Les origines de la traduction Slave de Flavius Josèphe et l'hérèsie judaisante*«, Vortr. vom 22./IV. 1927 auf dem *Congrès Français des Sciences Historiques*, gedr. frz. *Revue des Études Slaves* vol. VII. 1./II. 1927, pp. 63—74, engl. *The Quest*, vol. XX, Jan. 1929, pp. 148—160, endlich mein Buch ΙΗΣΟΥΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣΑΣ, die messianische Unabhängigkeitsbewegung vom Auftreten Johannes des Täufers bis zum Untergang Jakobs des Gerechten nach der neuerschlossenen »Eroberung von Jerusalem« des Flavius Josephus und den christlichen Quellen, Winter, Heidelberg 1929/30, 2. Bd. (X, 842 und VIII, 884 s.) mit 54 Abbildungen und Tafeln. Englisch: *The Messiah Jesus and John the Baptist according to Flavius Josephus' recently rediscovered »Capture of Jerusalem« and the other Jewish and Christian Sources*, Methuen & Co., London 1930. Frz.: *Le Messianisme Politique de Jean le Baptiste et de Jésus*, Paris, Bibliothèque des Idées (Gallimard 1931).

nach Berendts zusammengeklittert mit verschiedenen byzantinischen Chronographen wie Malalas, Georgios Hamartolos u. dgl. enthalten sollen. Dazu kommen jetzt noch von Prof. BENEŠEVIČ entdeckte Hss., die nur in Gestalt von Auszügen die Bruchstücke über Jesus und seine Jünger enthalten.[50] Nicht zugehörig sind die von mir in Kopenhagen,[51] von SOLOMON ZEITLIN in Leningrad[52] und Moskau[53] nachgewiesenen Hss. verschiedener Fassungen des hebräischen JOSIPPON in altrussischer Übersetzung.

Um zu weiteren Nachforschungen, insbesondere in außerrussischen Bibliotheken, anzuregen, gebe ich hier die vollständige Liste der bisher bekannten Hss.:

Klasse A.

1. COD. MOSQU. ACAD. 651 (= Cod. 227 Monast. Volokolamskij), 40 saec. XVI[2] fol. 1/264 v[0], 16. Jhrdt., jetzt in der Biblioth. Academ. in Sergiev Possad.

2. CODEX DER FLORIČEV'SCHEN EINSIEDELEI 93/110 (Datum mir unbekannt), jetzt wahrscheinlich in Verwahrung d. Commission der wissenschaftl. Archivisten i. d. Stadt Vladimir (Kljazma).

3. CODEX DER KAZANER GEISTL. AKADEMIE 444/322, 16. Jhrdt., fol. 277—?.

4. CODEX DER KAZANER GEISTL. AKADEMIE, 445/325, fast ganz gleich wie Nr. 3, 16. Jhrdt.

5. und 6. (Von Cod. 4 ABGESCHRIEBENE HSS.) Cod. Kazan 446/323 und 447/324, 16. Jhrdt.

7. DER CODEX DER MOSKAUER SYNODALBIBLIOTHEK 770, 16. Jhrdt., 415 Folien.

8. COD. BARSOV Nr. 633, im historischen Museum in Moskau, war Berendts unbekannt, nach gütigen Mitteilungen von Direktor N. Popov, ein Apographon desselben Exemplares wie Nr. 7.

9. CODEX MOSQU. SYNODAL BIBLIOTHEK 991 (= Cod. Uspenskij), eine vollständige *Četji-Minei* des Metropoliten Makarius (1542 bis 1563), fol. 771—890, Februarbd.

10. CODEX SYNOD. MOSQU. 178 (Cod. des Czaren) ders. *Četji-Minei,* Januarbd. fol. 797—917.

11. CODEX MOSQU. SYNODALBIBLIOTHEK 182, ein Werk der-

[50] Z. B. Leningrad Софійск. Nr. 1428. Vgl. *Д. И. Абрамовичъ,* Софійская Библіотека III 142 f.

[51] *Ny kongelig. Samling* 1476 fol. 548—575.

[52] *Petrogradskaja Duchovnaja Acad.* Nr. 262. Vgl. *Jew. Quarterly Rev.* N. S. XIX 1929, pp. 1, 6—7.

[53] *Mosqu. Synod.* 745, Moskau, Histor. Mus. Vgl. *Eisler,* Jew. Quarterly Review, July 1930.

selben Klasse, Julibd. fol. 856—953. Die Nrn. 7—11 sind im historischen Museum Moskau.

12.—13. DREI MSS. DES KYRILLO-BJELOZERSKISCHEN KLOSTERS, jetzt in der öffentl. Bibliothek in Leningrad, zu Berendts' Zeiten in der Bibliothek d. »St. Petersburger Geistlichen Akademie«, u. sw. 63—1302 (15. Jhrdt.), 64/1303 (16.Jhrdt.), 65/1304 (15. oder 16. Jhrdt.). Wurden von Berendts nicht abgeschrieben, ich besitze jedoch durch die Güte von Dr. James Loeb, Murnau, Photographien der ganzen Hs. 63/1302 und Proben aus 1303 und 1304.[54]

Zu diesen eigentlichen Josephushss. ist noch eine von A. N. POPOV a. a. O. p. 116 *nota* erwähnte serbische Josephusübersetzung aus dem Jahre 1585 zu rechnen, die sich in der Lavra Chilandar befinden soll,[55] aber nach freundlicher Feststellung Prof. Miloš Weingarts' in dem von Sava Chilandarec verfaßten Katalog dieser Bibliothek[56] nicht vorkommt. Prof. Laskaris von der Universität Saloniki und Prof. Gabriel Millet haben mir freundlichst zugestgt, ehestens nach dem Verbleib dieser Hs. zu forschen. Prof. Jordan Ivanov von Sofia hat eine serbische Josephushs. — vermutlich derselben Version wie die vom Berg Athos — in einem der Klöster in der Fruška Gora in Syrmien gesehen. Prof. Pavle Popovič von Belgrad hat mir freundlichst versprochen, dieser Spur nachzugehen.

Klasse B.

Die zweite Gruppe bilden drei Hss. der sog. russischen CHRONOGRAPHEN, die den altrussischen Josephustext *genau in derselben Übersetzung* wie die vorerwähnten Hss., aber zerstückelt und eingeschoben zwischen Abschnitte der Chronik des Johannes Malalas bzw. des Georgios Hamartolos und andrer Chroniken, in einem Fall (Nr. 16) im Anschluß an »die biblischen historischen Bücher« darbieten.

Die fraglichen Handschriften sind:

14. Der berühmte COD. MISC. 279/658 des HAUPTARCHIVS DES MINISTERIUMS DER AUSWÄRTIGEN ANGELEGENHEITEN, jetzt im Zentro-Archiv Moskau, Vagankov pereoulok, saec. XV, enthaltend den Josephustext von fol. 343 v^0, kol. 2—271 v^0 kol. 2, fol. 406 v^0 kol. 1—410 v^0 kol. 2, fol. 477 v^0 col. 1—478 r^0 kol. 2, eingesprengt in die Chronik des Malalas, an die sich hinten der bis zum Jahr 1214 reichende sog. »Chronograph von Perejaslaw Suzdalski« anschließt. Nach einer von BERENDTS

[54] Vgl. die Tafeln XVI, XXII ., XXIV f., XXIX f., XXIX f., XLIV, XLVIII f. meines Buches. O. S. 322_{49}.

[55] Berendts a. a. O. S. 4, Berendts-Grass, S. 22.

[56] *Rukopisy a starotisky, Věstník kr. čes. Spol. Nauk,* Praha 1896.

leider nicht im Wortlaut wiedergegebenen Eintragung ist die Hs. von einer im Jahre 1261 begonnenen Vorlage abgeschrieben.

15. Dieser Hs. nächst verwandt war der CODEX Nr. 109 (147) DER WILNA'SCHEN öffentlichen, jetzt UNIVERSITÄTS-BIBLIOTHEK, den Berendts nicht verwertet hat, und den ich auf freundliche Empfehlung meines Pariser Amtskollegen Prof. O. von Halecki von der Universität Warschau durch Vermittlung des Vilnaer Univ.-Profs. Dr. K. Chodynicki hierher nach Paris geschickt zu bekommen gehofft hatte. Er ist aber leider, wie die Nachforschungen der genannten Herrn ergeben haben, 1915 von den Russen beim Rückzug mitgenommen worden und nach den von Prof. Beneševic freundlichst eingezogenen Erkundigungen in Jaroslavl während der Unruhen der Jahre 1919—21 verbrannt. Er enthielt den Josephus verquickt mit Stücken aus Malalas, Georgios Hamartolos, dem Evangelium und verschiedenen Apokryphen.

16. Endlich befand sich in der Bibliothek des Grafen Uvarov (Codex 3/18), jetzt im Historischen Museum in Moskau, eine Semiuncial-Hs. des XV. Jhrdts., die den Josephus auf fol. 409—533 »*hinter den biblischen historischen Büchern*« darbietet, dazu »Entlehnungen aus irgend welchen Chroniken« (sic!). Seit man weiß, daß Josephus selbst aus seiner ersten Bibelparaphrase in den »Altertümern« und dem »Jüdischen Krieg« eine heute verlorene Weltgeschichte von Adam bis auf Kaiser Domitian zusammengeklittert hat, ist eine Neuuntersuchung all dieser altrussischen Chronographentexte daraufhin, ob nicht die vermeintlich aus Malalas u. dgl. Quellen geschöpften Teile in Wirklichkeit, zum Teil wenigstens, aus den verlorenen, von diesen Byzantinern ausgeschriebenen »Historien« des Josephus stammen, dringend notwendig geworden.

Zu dieser Gruppe sind endlich noch die *rumänischen* Josephusbruchstücke über Johannes d. Täufer und Jesus zu nennen, die sich in einem rumänischen Apokryphon Codex Gaster Nr. 89 in eine merkwürdige Compilation[57] eingesprengt vorfinden. Die rumänische Übersetzung ist durch Vermittlung einer *polnischen* Vorlage aus dem Russischen geflossen.

Dieser Hss.-bestand spiegelt in höchst bezeichnender Weise die geschichtlichen Verhältnisse wieder, unter denen die altrussische Josephusübersetzung entstanden ist und in der orthodoxen Kirche ihren merkwürdigen Einfluß ausgeübt hat.

BERENDTS hatte mit Sorgfalt alles zusammengetragen, was sich aus den Eigenheiten der Hss. für diese Frage entnehmen ließ, ohne daß es ihm jedoch gelungen wäre, die Zusammenhänge herauszufinden.

Keiner der Codices ist älter als die Wende des 15. und 16. Jhrdts., aber der von dem Metropoliten MAKARIUS — einem treuen Jünger des JOSEPH

[57] In meinem Buch Bd I, S. 430—461 in deutscher Übersetzung von Moses Gaster herausgegeben.

VON VOLOKOLAMSK, des fanatischen Gegners der judaisierenden Haeresie — in seine Četji-Minei aufgenommene Text enthält eine Eintragung,[58] wonach die von Konstantinopel nach Rußland gebrachte Hs. von einem Mönch namens JOHANNES in Konstantinopel im Jahre 6907 (der Welt) — 1399 n. Ch., dann in Novgorod 6976 = 1468, schließlich wieder 1711 und 1714 abgeschrieben worden ist.

Da russische Kaufleute und Kleriker in Byzanz schon im 10. Jhrdt. zahlreich nachweisbar sind, ist diese Angabe glaubwürdig, und man würde sogar gern bereit sein, die Entstehung dieser Übersetzung nach Byzanz und in das Zeitalter jenes Mönchs JOHANNES zu verlegen, wenn dagegen nicht der von SREZNEWSKIJ[59] erkannte altrussische d. h. nordslavische Sprachcharakter, vor allem aber eine Eintragung in dem Moskauer mit dem Josephustext verschmolzenen Chronographen von Perejaslav Suzdalski (o. S. 324) spräche. Die Vorlage dieser Hs. ist nämlich bereits im Jahr 1261 begonnen worden[60] und zwar nach VAS. N. ISTRIN *in Litauen,* wo sich ja bis 1916 die zweite wichtige Hs. dieser Gruppe, der Codex von Vilna, erhalten hat.

Schon V. N. ISTRIN[61] hat sehr richtig erkannt, daß der Verfasser des Sammelwerkes, auf das der Moskauer und der Vilnaer Codex zurückgehen, *eine Geschichte des jüdischen Volkes* schreiben wollte, und daß er diese Arbeit in Litauen um 1261 begonnen hat. Da die ganze Hs. einheitlichen Sprachcharakter trägt und schon die mühsame Übersetzung der ganzen »Halōsis« — von der nur ganz wenige und kurze, wie das Beispiel der o. S. 323_{50} a. Hs. zeigt, leicht einzeln verwendbare Abschnitte überhaupt für christliche Leser Interesse haben konnten, — eine in dieser Zeit und Umwelt auffallende Anteilnahme an der Geschichte der Juden verraten, so liegt m. E. kein Grund vor, in dem Verfasser dieses litauischen »*Chronographen von 1262*« eine andere Persönlichkeit zu suchen, als den geduldigen Josephusübersetzer selbst, von dem man zeigen kann, wie er unermüdlich immer wieder andere Josephushss. heranzog,[62] um seine erste unvollständige Ausgabe ergänzen zu können.[63] Bei dieser Handschriftensuche, wird er endlich auf eine griechische

---

[58] Abgedruckt von P. *M. Stroev,* Bibliologisches Wörterbuch, hg. v. A. Th. Byčkov, St. Petersburg 1882, S. 339 f. Berendts-Grass S. 19 f.

[59] a. o. S. 5 Z. 4 f. a. O. S. 133 f. u. 138 f.; *Berendts-Grass* S. 11, *Berendts* S. 16 f.

[60] Berendts-Grass SS. 11 und 22.

[61] »Die Alexandreis der russischen Chronographen«, Vorlesungen der Moskauer Gesellschaft für Geschichte und Altertümer Rußlands, 1894, I. Bd., Abt. »Untersuchungen«, S. 339—348, auch als Sonderdruck Moskau 1893. Rez. v. Jagić, Arch. f. slav. Philol. XVI, S. 224 f.

[62] Ganz in derselben Art hat im XII. Jhrdt. der Abt von St. Fridiswida bei Oxford Robert von Cricklade Josipponhss. gesammelt und im XIII. Jhrdt. R. Juda b. Leon b. Moše Mosconi aus fünf, z. T. unvollständigen Hss. seine Josipponausgabe zusammengeschrieben.

[63] Wenn somit die Entstehung der slavischen Josephusübersetzung mit höchster Wahrscheinlichkeit um 1250 anzusetzen ist, so stimmt das genau dazu, daß eine Glossierung der griechischen Vorlage durch byzantinische Juden (o. S. 311_{11}) noch zur Zeit des lateinischen Kaiserreiches (1204

ἐκλογή gestoßen sein, die die von ihm ins Altrussische übersetzte Verbindung des Georgios, Monachos, Malalas etc. und des Josephus enthielt,[64] und sich über diese Vermehrung seines Stoffes recht gefreut habe.

Das scheint mir die einfachste Erklärung der Sachlage zu sein. In dem noch halbheidnischen Litauen, dessen König MINDOWE (ermordet 1263) eben erst (1251) zum Katholizismus übergetreten war, dessen Sohn VOJSCHELK der griechischen Kirche anhing, kann die Zahl von Schriftgelehrten, die des Griechischen und des Russischen[65] kundig waren, die ein so ungewöhnliches, im ganzen europäischen Mittelalter beispielloses Interesse für jüdische Geschichte hatten[66] und als Verfasser so ausgedehnter Übersetzungen

---

bis 1260) stattgefunden hat. Die griechische »Halōsis«-Hs. war also in byzantinischer Hand bis um die Zeit herum, wo die Übersetzung ins Altrussische erfolgt ist. Die Daten schließen vortrefflich aneinander an. Wenn *E. Barsov,* Slovo o polku Igoreve kak chudožestvennyj pamjatnik Kievskoj Družinnoj Rusi, Bd. I, 1887, SS. 100, 102, 268 erklärt, daß der russische (slavische) Josephus schon am Ende des XI. oder am Anfang des XII. Jhrdts. entstanden sei, so ist das eine bloße Behauptung, die durch die von Barsov erkannte Benützung der belagerungstechnischen Schilderung Josephus B. J. III, 7, 8 und 9 in den Annalen Vladimir des Heiligen nicht gestützt werden kann, da dieses Zitat mit dem Wortlaut der slavischen Josephusübersetzung nicht übereinstimmt und daher unmittelbar aus dem griechischen Text geflossen sein muß. Daß die russischen Chronographen von den byzantinischen abhängen, und daß diese gelegentlich ganze Stücke aus Josephus enthalten, steht ja ohnedies fest. Berendts (B.-Grass, S. 341 Anm. *) hat einen ganz ähnlichen Fall in der sog. Ipatievschen Hs. der alten russischen Chronik (hgg. von der Archaeographischen Kommission »Die Chronik nach der Ipatskischen Hs.« Petersburg 1871, S. 499) entdeckt, wo in dem 1261 abschließenden Teil der sog. galizisch-wolhynischen Chronik die Charakteristik des Johannes von Gišhalabh aus Josephus, B. J. III, 21, § 585—7 auf einen gewissen Žiroslav übertragen ist. Der slavische Wortlaut der Stelle in der Chronik stimmt durchaus nicht mit der nur im Codex des Moskauer Hauptarchivs erhaltenen Stelle des altrussischen Josephus überein, wie Berendts a. a. O. ausdrücklich hervorhebt. Wenn er aber sagt: »Auch läßt sich aus den Textverschiedenheiten im Vergleich mit Cod. Archiv. schließen, daß nicht etwa dieser benutzt worden ist, sondern eine andere Hs., sei es ein historisches Sammelwerk, sei es eine vollständige Ausgabe des slavischen Josephus«, so übersieht er die nächstliegende Schlußfolgerung aus diesem Tatbestand: daß nämlich der Verfasser der galizisch-wolhynischen Chronik diese kurze Stelle selbständig aus dem griechischen Josephus übersetzt haben kann. Für die frühe Existenz der hier erörterten altrussischen Josephusübersetzung würden nur Zitate beweisend sein, die den slavischen Wortlaut ganz genau in allen oder allen wesentlichen Besonderheiten wiedergeben.

[64] *C. E. Gleye,* »Zum slavischen Malalas«, Arch. f. slav. Philol. XVI, 1894, S. 579 f. hat zuerst die Existenz einer solchen byzantinischen ἐκλογή angenommen, gegen *V. Jagić* ebenda II 1877 S. 5 f., der noch meinte, diese Kombination sei erst auf slavischem Boden vollzogen worden — was die Sachlage unnötig komplizieren würde.

[65] Die meisten erhaltenen Urkunden der litauischen großfürstlichen Kanzlei dieser Zeit sind in dem zeitgenössischen Russisch von Kiev abgefaßt, das Kiever Russisch war die Sprache des litauischen Hofes, der Kirche und des Adels (Vladimir Milkowitz, Helmolts Weltgeschichte VI², Leipzig 1921, S. 143). Litauische Schriftdenkmäler gibt es nicht vor dem XVI. Jahrhundert.

[66] Beachtenswert ist aber, daß in Rußland im XIII. Jahrhdt. die hebräische Estherrolle ins Russische übersetzt worden ist (Archimandrit Leonid, System. Beschr. der slav. u. russ. Hss. des Grafen A. S. Uvarov, Moskau 1893 Bd. I, p. 5 f. Berendts-Grass S. 21). Das Buch ist bekanntlich eine Tendenzschrift *»de fine persecutorum«,* die von Judenverfolgungen abschrecken sollte und wohl auch zu diesem Zwecke ins Slavische übersetzt wurde.

in Betracht kommen können, nicht klein genug gedacht werden. Rechtgläubige Juden kommen — von andern Gründen abgesehen — deshalb nicht in Betracht, weil sie sicher nicht verfehlt haben würden, die ihnen unangenehmsten christlichen Einschiebungen[67] der griechischen Vorlage oder doch wenigstens die zweifellos christlichen Rubriken der Kapitel wegzulassen. Den Kreis, in dem die slavische Josephusübersetzung gelesen wurde — und damit auch mittelbar der Kreis, in dem allein man sich die ungeheure Mühe dieser Übersetzung gemacht haben kann — konnte ich erst bestimmen, nachdem ich erkannt hatte, daß sich innerhalb der groben und kindischen Einschiebung[68] über das Wunder des zerrissenen Tempelvorhangs in der Beschreibung des Heiligtums von Jerusalem (hinter Buch V 5, 4 § 214)[69] eine Leserglosse von ganz anderer Tendenz unterscheiden läßt.

Zur Bequemlichkeit des Lesers wird der Wortlaut dieser Einschiebung hier wiederholt: Cod. Mosqu. 651 fol. 156r[3]:

Сиже катапетазма прѣ сим рóдом бы цѣла зане бл҃очт҃ви бѣша людіе. (f. 156 v). йнѣ же жалостно бы зрѣти на ню, раздра бо сѧ (in marg. rubr. а кѵстоди) внезапѹ wт врѣхѵ и до долѹ. егда добродѣиць[69a] мѹжа и не мѹжа дѣлом предаша на оу҃бої мъздою. и на мнóга знаменїа страшна[b] скажет[c] бывшѧ тогда. и того оу҃бієна.[d] по погребении не ѳбрѣтоша[e] в гробѣ гл҃хѵ. ѳви бо творѧхѵ въставша его. ѳви же оукрадена его своими дрѹгы не кѣм же которіи правѣше глютъ. въстати бо м҃ртвыи собою не может. нѳ м҃лтвою иного праведника поспѣшаем. развѣ аще аг҃лъ бѹдет или инъ wт нѣкыих силъ.

---

[67] Z. B. die Interpolation »[von den Juden] gekreuzigt« in der Jesusinschrift im Tempel.

[68] Sie verrät sich zunächst durch die jedem Juden jener Zeit bekannte Tatsache, daß der Vorhang des Allerheiligsten alljährlich erneuert wurde. Ein zur Zeit der Kreuzigung Jesu zerissener Vorhang konnte also zur Zeit des Josephus nicht mehr an Ort und Stelle hängen, wäre vielmehr sofort entfernt und zeitweilig durch den hinter dem ersten aufgehängten Reservevorhang ersetzt worden. Dazu kommt, daß der Interpolator schon das Stück über Jesus in seinem heutigen, durch christliche Streichungen und christliche Einschiebungen veränderten Zustand voraussetzt, so z. B., wenn er geflissentlich, aber ohne ersichtlichen Grund den Namen Jesu vermeidet, weil dieser Eigenname infolge einer Zensurstreichung auch im Jesuskapitel fehlt. Ebenso sind die umschreibenden Bezeichnungen »der Wohltäter« = εὐεργέτης und »der Mensch, der durch sein Tun (d. h. seine göttlichen Werke) kein Mensch war« deutliche Rückverweise auf die leicht als christliche Marginaladversarien erweislichen bezeichnenden Worte: »(Pilatus) erkannte, er ist [ein Wohltäter, nicht] ein Übeltäter« und vorher »[seine Werke jedoch waren göttlich] .. deshalb ist es mir nicht möglich, ihn einen Menschen zu nennen.« Schließlich bezieht sich das »als sie ihn durch Bestechung dem Tode auslieferten« auf die zweifellos christliche Einschaltung in dem Abschnitt über das römische Gerichtsverfahren gegen Jesus zurück.

Das Stück über den Riß im Tempelvorhang ist also entweder von derselben Hand, die die christlichen Streichungen und Einschiebungen in den Abschnitt über Jesus und Pilatus vornahm, oder von einem noch späteren Leser bzw. Abschreiber.

[69] Der altrussische Text mit allen Varianten bei mir Bd. I, S. 370.

[69a] Kyr.-Bjel. 64/1303 добродѣица. [b] deest. [c] Kyr.-Bjel. 64/1303 скажютъ. [d] н. [e] Kyr.-Bjel 64/1303 окрѣтома. [f] авитсѧ. [g] ѣстъ. [h] ѫ Kyr.-Bjel.+а. [i] Kyr.-Bjel. ѩ. [j] глаголемыа / раздранїи /.

йлй самъ ѣ҃ъ ꙗвитъ сѧ[f] ꙗко[g] члкъ. и сътворитъ елико хощетъ. и ходитъ с людьми и падетъ и лежетъ и востанет ꙗ[k] емоу волѧ. ѡви же рекоша. їако не мощно бы[c] ѡукрасти его. понеже ѡкр[c]тъ гроба его посадиша стражѣ. ⁄ā[h] рнмлнъ. а р̄[i] юдеи. таковаꙗ о тои катапетазмѣ.

глглема сут. и противоу вину раздраниа ем е[c].[j]

„DIESES KATAPETASMA WAR VOR DIESER GENERATION GANZ, WEIL DAS VOLK FROMM WAR: JETZT ABER WAR ES JAMMERVOLL ANZUSEHEN. ES WAR NÄMLICH PLÖTZLICH ZERRISSEN VON OBEN AN BIS ZUM BODEN: ALS SIE DEN WOHLTÄTER, DEN MENSCHEN UND (ZWAR) DEN, DER DURCH SEIN TUN KEIN MENSCH WAR, DURCH BESTECHUNG DEM TODE AUSLIEFERTEN.

Und von andern vielen schrecklichen Zeichen wird man erzählen können,* die damals geschahen. Und man sagte, daß jener, nachdem er getötet war,** nach der Bestattung im Grabe nicht gefunden wurde! Die einen nun gaben vor, er sei auferstanden, die andern aber, daß er gestohlen sei von seinen Freunden. Ich weiß aber selbst nicht, welche richtiger sprechen. Denn auferstehen kann ein Toter von sich selbst nicht, wohl aber mit Hilfe des Gebets eines andern Gerechten, außer wenn es ein Engel sein wird oder ein anderer von den himmlischen Gewaltigen, oder wenn Gott selbst erscheint*** wie ein Mensch und wandelt mit den Menschen und fällt und sich legt und aufersteht, wie es seinem Willen gemäß ist. Andere aber sagten, daß es nicht möglich war, ihn zu stehlen, weil man rund um sein Grab Wächter gesetzt hatte, 30 Römer, aber 100(0) Juden.

SOLCHES (WIRD) VON JENEM KATAPETASMA (ERZÄHLT).
Auch gegen (diese Ursache) sein(es) Zerreißen(s) gibt es (Zeugnisse)."

Durch Einrückung und verschiedenen Satz habe ich verdeutlicht, daß hier zweifellos eine »Einschiebung in eine Einschiebung« vorliegt.[70] Das ergibt sich klar aus der Stellung der zusammenfassenden Bemerkung, »solches von jenem Katapetasma,[71] auch gegen die(se) Ursache des Zerreißens gibt es

---

* = könnte man erzählen.

** Cod. Arch.: »daß jener getötet und nach« usw.

*** Cod. Arch.: »erschienen ist«.

[70] So schon *Frey* a. a. O. S. 180, aber nur um den Gedanken wieder abzuweisen, wie denn der ganze Abschnitt über dieses Bruchstück bei ihm ein Musterbeispiel quellenkritischer Unzulänglichkeit darstellt; »*une interpolation dans une interpolation*« nimmt auch *M. Goguel,* Rev. hist. rel. 1926 p. 39 in diesem Abschnitt an, allerdings in anderer Abgrenzung, wobei ich ihm nicht beistimmen kann.

[71] *Frey* S. 175 »eine Notiz, die umso auffallender ist, als sie nichts Neues über den Vorhang beibringt«. Sie ist aber formell notwendig, um nach der Einschiebung über die Auferstehung wieder

(Zeugnisse)«, die ursprünglich hinter den Sätzen gestanden haben muß, die wirklich vom Vorhang handeln, nicht hinter der Aufzählung der »andern vielen schrecklichen Zeichen«. Somit ist alles, was dazwischen steht eine Einschiebung zweiter Hand, wahrscheinlich die späteste aller christlichen Einschiebungen in dem ganzen Werk — eine Einsicht, die ich erreicht und auch schon veröffentlicht hatte,[72] bevor Dr. MOSES GASTER unter seinen Hss. die rumänischen Josephusbruchstücke wieder aufgefunden und mir zugesandt hatte. Umso erfreulicher ist mir die Bestätigung dieser Athetese durch die Tatsache, daß die aus dem Russischen geflossene rumänische Übersetzung den oben durch Einrückung herausgehobenen Abschnitt nicht enthält. Er stand also nicht einmal in allen russischen Handschriften.

Die Einschaltung zweiter Hand — die demnach in den Archetyp der erhaltenen russischen Hss. nachträglich eingeführt worden zu sein scheint — unterscheidet sich ihrer Tendenz nach vollkommen von allen andern, bisher erörterten christlichen Einschiebungen, einschließlich der Interpolationen über das Katapetasma. Während diese ausnahmslos von gläubigen, ja rechtgläubigen Christen herrühren, spricht hier fraglos ein Zweifler. Ich sehe nicht, wie man bestreiten könnte, daß jemand ein Skeptiker sein muß, der von den Gläubiger sagt, sie »geben vor,[73] er sei auferstanden«, das vermag ich wirklich nicht einzusehen. Der Glossator betont aber seine vollständige Skepsis noch ganz ausdrücklich: »ich weiß nicht«, sagt er, »welche richtiger sprechen, die die vorgeben (!), er sei auferstanden, oder die andern, die vorgeben, er sei gestohlen worden von seinen Freunden.« Wenn die Behauptung, Jesus sei auferstanden, ihm nur als etwas »Vorgegebenes«, *mala fide* Erdichtetes erscheint, dann ist der Ausdruck »ich weiß nicht, welche richtiger sprechen« mehr als skeptisch, er ist ironisch und bedeutet: ich weiß nicht, welche »weniger falsch« reden. Über den Sinn dieser Worte kann für den unbefangenen Leser wohl keinerlei Unklarheit bestehen. Wer so spricht, bezweifelt ganz deutlich beide Angaben, sowohl die Zeugnisse von der Auferstehung als die bei dem Christen Matthäus 27_{64}; $28_{13, 15}$ berichtete Behauptung der Gegner, der Leichnam sei beiseite gebracht worden. Die dritte Möglichkeit, die er zuläßt, ist deutlich im Eingang des Zusatzes ausgedrückt: daß der Leichnam Jesu im Grab nicht gefunden wurde, ist für ihn durchaus nicht der tatsächliche, geschichtlich feststehende Ausgangspunkt der folgenden vergleichenden Abwägung aller Möglichkeiten, sondern eine bloße Sage: »man sagte, daß er

an die Beschreibung des Tempels anzuknüpfen, die mit den Worten anfängt »die ins Innere Eintretenden nahm der ebenerdige Teil des Tempels auf.« Jeder, der in diesen Dingen Bescheid weiß, nennt das eine »Redaktionsklammer«.

[72] Vgl. meinen o. S. 322_{49} angeführten Aufsatz in der *Revue des Études Slaves*.

[73] Die Richtigkeit der Berendtsschen Übersetzung des Ausdrucks *tvorechu* (= ἐποίουν, *fingebant)* kann nicht bezweifelt werden und ist nie bestritten worden. Man könnte sogar geradezu »erfinden« übersetzen. Gemeint ist die »schöpferische« Tätigkeit des Dichters.

nach dem Tod und der Bestattung im Grabe nicht gefunden wurde«. »Auch von vielen andern damals geschehenen schrecklichen Zeichen wird man erzählen können«. Ihm ist also durchaus fraglich, ja mehr als fraglich, ob diese »Erzählungen«, diese »man sagts« auch wahr sind.[74]

Soweit die Auferstehung in Betracht kommt, begründet er seinen Zweifel mit geschicktester Dialektik und richtet sich dabei gegen ganz bestimmte Lehrmeinungen. Zunächst polemisiert er — was bisher ganz übersehen worden ist — gegen MARKION. »Denn auferstehen kann ein Toter von sich selbst nicht«. Rechtgläubige Christen hatten das auch tatsächlich nie von Jesus behauptet, sondern mit PAULUS[75] gelehrt, Gott selbst habe ihn durch Seine Wunderkraft vom Tode auferweckt. MARKION aber hat — um seiner dem Modalismus nahekommenden Auffassung des Verhältnisses von Gottvater und Gottsohn willen — im Galaterbrief[76] den Text so geändert und zusammengestrichen, daß er daraus die Aussage gewann, Jesus habe sich selbst vom Tode erweckt. Ebenso hat er im 2. Korintherbrief 6, 9 das passive ἐγερθείς »auferweckt worden« durch das aktive ἀναστάς »selbst aufgestanden« ersetzt, umgekehrt aber 4_{10} für νέκρωσιν τοῦ Ἰησοῦ das unglaubliche νέκρωσιν τοῦ θεοῦ gesetzt.[77] Diese Auffassung MARKIONS ist es, die der unbekannte Glossator rundweg ablehnt.[78] Dagegen gibt er — was sehr bezeichnend ist — bereitwillig zu, daß ein (gerechter) Toter »mit Hilfe des Gebets eines andern Gerechten«[79] auferweckt werden kann. ORIGENES

---

[74] Wie in dem Streit zwischen Origenes und Celsus (II 54) im Hinblick auf die Auferstehungsgeschichte an die Angaben Deut. 34, 5, 6 erinnert wird, wonach niemand das Grab des in Moab bei *Beth-Pe'or* beigesetzten Moses kenne, so nimmt dieser Skeptiker, der sich an die alttestamentlichen Vorbilder hält, ganz einfach an, daß man wahrscheinlich nicht genau wußte, wo Jesus begraben worden war. Alles übrige, meint er, sei Sage und das von dem Christen Joseph von Arimathia gestiftete Grab wohl von Anfang an ein Kenotaph gewesen.

[75] Cor. 6_{14} »ὁ .. Θεὸς .. τὸν Κύριον ἤγειρε καὶ ἡμᾶς ἐξεγερεῖ διὰ τῆς δυνάμεως αὐτοῦ«.

[76] 1,1: ».. διὰ Ἰησοῦ Χριστοῦ [καὶ Θεοῦ πατρὸς] τοῦ ἐγείραντος αὐτὸν ἐκ νεκρῶν. Die [eingeklammerten] Worte hat er gestrichen, und für αὐτόν — αὐτόν gelesen. Vgl. Origenes ap. Hieronym. comm. in Gal. 1, 1: »Sciendum quoque in Marcionis Apostolico non esse scriptum „Et per deum patrem" volentis exponere, Christum non a Deo patre sed per semet ipsum suscitatum«. Vgl. A. v. *Harnack,* Marcion², Leipzig 1924, S. 67 f. Anm.

[77] *Tertull.* adv. Marc. V 11, *Harnack* a. a. O. S. 98* f. Anm., u. S. 48. Im übrigen spricht Tertullian selbst (de carne Chr. 5) von den »passiones Dei«, bzw. vom »sanguine Dei« (uxor. II 3). Ähnlich Ignat. Ephes. 1, 1: »αἷμα θεοῦ«, id. Röm. 6, 3: »τὸ πάθος τοῦ θεοῦ μου«. Meliton Sard. (Routh, Rel. Sacr. I¹ 122) »ὁ θεὸς πέπονθε ὑπὸ δεξιᾶς Ἰσραηλιτίδος«.

[78] Gegen Markions Lehre von der νέκρωσις θεοῦ wendet sich der Glossator an der u. S. 376 Anm. 4.5 erörterten Stelle »wenn Gott selbst fällt«.

[79] Man beachte hier den eigentümlichen, typisch jüdischen Begriff des »Gerechten« (S. A. *Horodezky,* Der Zaddik, Arch. f. Rel. Wiss. XVI 1913 S. 147 ff.), dessen Gebet Wunder wirkt, weil Gott einem »vollkommen Gerechten« *(ṣaddiq tamim* oder *gamur)* nichts abschlägt. Vgl. Sukk. 45 b; Git. 57 a; Genes. r. sect. 35, 34 c die Lehre von den dreißig, bzw. sechsunddreißig »vollkommenen *Ṣaddiqim*«, ohne die Gott die Welt nicht fortbestehen lassen würde. Um den Ausdruck »mit Hilfe ... eines andern Gerechten« zu verstehen, muß man wissen, daß nach

hatte seinerzeit dem Celsus entgegengehalten, ein bibelgläubiger Jude müsse als möglich anerkennen, was »im dritten und vierten Königsbuch« über die Totenerweckungen durch das Gebet der Propheten Eliah und Eliša berichtet wird.[80] Gerade so weit geht tatsächlich der skeptische Josephusglossator. Er ist also kein »Epikureer«, sondern geht soweit, als das Zeugnis des Alten Testaments reicht, steht also ganz auf jüdischem Standpunkt. Man würde jedoch die Absicht des Schreibers ganz verkennen, wenn man nicht einsehen wollte, daß er zwar diese Möglichkeit als solche zugibt, ihr aber im Fall Jesu keinerlei geschichtliche Bedeutung zuschreibt. Warum, sagt er in dieser gedrängten Glosse nicht, weil es auch so klar ist: nie hat eine christliche Quelle gelehrt, Jesus sei durch das Gebet Jakobus des Gerechten oder eines seiner Jünger auferweckt worden, diese Annahme kommt also für den Kritiker wie für die Christen gar nicht in Betracht.

Die nächste Möglichkeit einer »Auferstehung«, die er erwägt, wäre die, daß es sich um »einen Engel oder einen andern der himmlischen Gewalten« handelte: was »ein Toter« nicht kann, vermöchte an sich recht wohl ein — nur scheinbar gestorbener — Engel, Erzengel, Seraph, Kherub o. dgl. mehr zu vollbringen. Daß der wunderbare Vorgang so zu erklären ist, lehrten tatsächlich gewisse frühe Gnostiker, sowie die kleinasiatischen Paulikianer, mit deren Irrtümern sich eine Streitschrift eines nicht näher bekannten Hegumenen (d. h. Abtes) Petros[81] und nach diesem der Patriarch Photios von Konstantinopel u. a. herumschlagen, ebenso die von ihnen abhängigen Bogomilen.[82] Nach diesen, vielleicht schon dem sechsten, sicher aber dem siebenten und achten Jahrhundert zuzuweisenden doketisch markionitischen Ketzern war Jesus kein Mensch, sondern ein vom guten Gott zur Aufklärung der Menschen herabgesandter Engel, der sich — scheinbar — von einem Weibe

---

jüdischer Überlieferung (Midr. Ps. 26 § 7 [110 b], Pirqē di R. Eliezer 33; vgl. Gen. r. 98 (62 a) bei Strack-Billerbeck I S. 642 f.), übernommen von Ps.-Epiphanius, de Vit. Prophet., Migne PG XLIII c. 408 C der von Elias auferweckte Sohn der Witwe von Sarepta der Prophet Jonas gewesen ist. Es wurde also ein *Ṣaddiq* von einem andern auferweckt.

[80] c. Cels. II 57: »ὁ Ἰουδαῖος πιστεύων τοῖς ἐν τῇ τρίτῃ τῶν Βασιλειῶν ἀναγεγραμμένοις καὶ τῇ τετάρτῃ περὶ παιδαρίων ὧν τὸ μὲν ἕτερον Ἠλίας ἀνέστησεν, τὸ δὲ λοιπὸν Ἐλισαῖος«.

[81] Näheres dazu siehe in meinem Buche ΙΗΣΟΥΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ I s. 396₄.

[82] Euthymius von Zygabene, Panoplia dogmat., PG CXXX c. XXVII § 8. Hiernach hätte Gott im Jahre 5500 der Schöpfung ein πνεῦμα, genannt Ἰησοῦς, υἱὸς ὡς θεοῦ πᾶσαν νόσον ἰώμενος, Logos, Erzengel Michael, μεγάλης βουλῆς ἄγγελος (Jes. 9, 7) emaniert (ἐξερεύξατο, wegen ψ 44, 1), der durch das rechte Ohr der Jungfrau Maria einströmend und durch ihren Mund wieder austretend (altheidnische, von der Stoa kommentierte Mysterienvorstellung; Zeugnisse bei Eisler, Weltenmantel S. 190, 2 u. Nachtr. S. 761) empfangen und scheinbar geboren wurde, »περιτιθείς σάρκα τῷ φαινομένῳ . . ὑλικὴν καὶ ὁμοίαν ἀνθρώπου σώματος«. Satan versucht ihn zu töten, da er aber als unkörperliches Wesen nicht leiden kann, zeigt der »Engel« sich ihm nach dem Scheintod am Kreuz triumphierend in seiner wahren Gestalt und steigt wieder zum Himmel auf »ἀποθέμενος προσώπειον, λύσας σκηνὴν καὶ γυμνώσας τὸ δρᾶμα» — »die Maske abwerfend, die Bühne abbrechend und das Schauspiel enthüllend«.

gebären, von Sündern mißhandeln, am Kreuz hinrichten und begraben lassen mußte, dann aber wieder aufstehen und zum Himmel zurückkehren durfte.

Aber auch diese Möglichkeit wird nur aufgezählt, weil sie schon widerlegt ist durch die Stelle in dem vorangehenden Abschnitt über Jesus, auf den dieser ganze Einschub so deutlich zurückverweist, und wo es ausdrücklich heißt, Jesus könne »im Hinblick auf seine gewöhnliche Natur«[83] nicht als Engel[84] bezeichnet werden. Es bleibt für den Zweifler also nur die letzte Möglichkeit daß »Gott selbst erschienen ist wie ein Mensch«[85] und »vollbringt was er will und wandelt mit den Menschen und fällt[86] und sich legt,[87] und auferstehen, wie es seinem Willen gemäß ist«. Diese letzte Möglichkeit ist — wie EMIL SCHÜRER[88] zuerst richtig erkannt hat, die Christologie der sog. Monarchianisten,[89] Patripassianisten oder Theopaschiten.[90] Aber weder Schürer noch COUCHOUD, der ihn in dieser Richtung noch überboten hat, haben gesehen, daß der skeptische Glossator durchaus nicht selbst Patripassianer oder Modalist ist, sondern diesen Gedanken genau so *a limine* abweist, wie die vorher aufgezählten. Hier hat FREY offenkundig das Rechte gesehen, wenn er sagt: »die Vorstellung, daß Gott selbst... das Schicksal jenes erfahren habe, erscheint dem Verfasser so unvollziehbar, daß er das nur aussprechen zu müssen meint, um jede Anwendung dieser Möglichkeit auf den Fall Jesus abzuweisen«. Wenn der Skeptiker diese Möglichkeit nicht genau so entschlossen und ohne Umschweife abwiese, wie alle vorausgehenden, brauchte er doch nicht fortzufahren, und auch die Möglichkeit des Leichendiebstahls noch abweisend zu erledigen: fährt er doch unmittelbar danach fort: »andre aber sagen, daß es nicht möglich war, ihn zu stehlen«, muß also vorher stillschweigend zu der Schlußfolgerung gelangt sein: da Gott selbst so nicht gehandelt, bzw. gelitten

[83] *obščee estestvo* κοινὴ φύσις; vgl. dazu nach Thackeray, Josephus vol. III p. 649 note BJ III § 369.

[84] Die Bogomilen stellen sich den »Sohn Gottes« und »hl. Geist« genannten Engel als einen ὑπηνήτης ἀνήρ bzw. λειοπρόσωπος νεανίας vor, d. h. in einer Gestalt, zu der die Beschreibung Jesu bei Josephus (bei Eisler, Bd. II s. 382 f.) eben durchaus nicht paßt.

[85] d. h. in Gestalt eines Menschen. Cod. Archiv. »als wenn er ein Mensch ist« (d. h. »wäre«).

[86] Der sonderbare Ausdruck ist absichtlich gewählt als Gegensatz zu »aufgestanden« (ἀναστάς). Der Glossator will sagen »als ob Gott fallen könnte!« Vgl. dazu J. *P. Arendzen,* The Russian Josephus, Dublin Rev. July-Sept. 1926, p. 95: »even the phraseology of the last sentence is unchristian in tone because it shows obvious embarassement in allowing the possibility of death in such case; he falls and lies down and rises. It would be only a pageant not reality. Would a Christian at any time have expressed himself in that way?« (Vgl. zu diesen treffenden Worten o. Anm. 82 die letzte Zeile.)

[87] Wahrscheinlich von einem Abschreiber als Korrektur des »und fällt« eingefügt.

[88] Theol. Lit. Zeit. 28./4. 1906. p. 256.

[89] *Harnack,* Art. Monarchianismus in Prot. Realencycl.[3]; Dogmengesch. II, III s. v. Modalismus.

[90] Vgl. über diese Photius cod. 229 Migne PG 103 c. 1008: »αἵρεσις Θεοπασχιτῶν«, dazu G. *Krüger* in Herzog-Hauck PRE[3], XIX S. 658. Theopaschiten sind für Bulgarien durch einen Zusatz zu Georgios Monachos bezeugt, über den *J. Friedrich,* Sitz.-Berichte d. Münchn. Akad. d. Wiss., phil. hist. Kl. 1890, S. 110, 1 zu vergleichen ist.

haben kann, so kann der εὐεργέτης auch nicht Gott selbst gewesen sein. Also wäre doch der Leichnam gestohlen worden? »Die andern aber sagen, er kann nicht gestohlen worden sein, weil Tausende von Juden und Römern das Grab bewachten.« Somit kann die Frage überhaupt nicht entschieden werden und man weiß in der Sache — schließlich nichts!, wie es sich denn von Anfang an nur um ein »man sagt« ... »andre sagen«, »man könnte erzählen« — kurz um Sage und Erzählung handelt.[91]

Der Fall ist also ganz eigentümlich gelagert: der gelehrte Glossator, der nach der sehr bezeichnenden polemischen Zusammenkuppelung markionitischer und sabellianischer Lehren[92] kaum älter sein kann, als das Ende des vierten Jahrhunderts, nach seiner Ablehnung paulikianischer Vorstellung sogar kaum älter als die Mitte des 6. Jahrhunderts, wohl aber — wenn er aus literarischer Überlieferung schöpft — beliebig jünger, kennt nicht nur genau die Christologien verschiedener Haeretiker, sondern folgt auch bei seinen Ausführungen ganz deutlich festzustellenden kanonischen und apokryphen Evangelienüberlieferungen. Bei der ursprünglichen Interpolation über den Tempelvorhang kann man noch schwanken, ob Marcus 15,38 oder Matthäus 27,5 als Vorbild gedient haben, weil beide die Worte ἐσχίσθη ἀπ' ἄνωθεν ἕως κάτω = »zerriß von oben an bis zum Boden« des Slaven darbieten. Was aber die Einschiebung zweiter Hand anlangt, so kann ihre Abhängigkeit vom Matthäusbericht auch von dem Blindesten nicht übersehen werden.[93] Nur bei Matthäus 27 folgt auf v. 51, der das Zerreißen des Vorhangs erzählt v. 52 mit den »andern vielen schrecklichen Zeichen, die damals geschahen« (o. S. 329*): »die Erde erbebte, die Felsen zerrissen, die Gräber taten sich auf« usw. Nur bei Matth. (27_{64} und $28_{13,15}$) folgt auf die Auffindung des leeren Grabes die Erwähnung der gegnerischen Behauptung, der Leichnam sei gestohlen worden, mitsamt der zur Widerlegung dieser Beschuldigung bestimmten Legende von der Bewachung des Grabes. Die tatsächlichen Angaben dieses Abschnittes sind also der Reihe nach ganz einfach aus dem Matthäusevangelium übernommen, der nachklappende Zusatz »30 (bzw. 1000) Römer, aber 1000 Juden« zu dem Satz »rund um sein Grab Wächter gesetzt hatte«, stammt aus den apokryphen Pilatusakten,[94] bzw. dem Petrusevangelium.[95] Der Glossator verrät also ge-

[91] Diesen klaren Sinn hat der Verfasser des russischen Chronographen von 1512 (*Popov* a. o. S. 305 a. O. p. 139; *Berendts* Tv XIV, 1 S. 13 unten; *Goethals* I p. 20) sehr richtig erkannt, wenn er an diese agnostische Einschiebung die Worte anhängt »dieses aber schreibt Josephus der Hebräer. Da er von den Wundern unseres Heilands gehört, spricht er mit Verwunderung, den wahren Glauben aber hat er sich nicht bemüht zu erwerben. Denn in Wahrheit ist Gott im Fleisch erschienen und da er mit den Menschen gelebt, vollbrachte er Hochherrliches und erstand am dritten Tag kraft seines Willens.«

[92] Vgl. *Harnack,* Marcion, 2, S. 391*, 353*.

[93] Das Wesentliche schon bei *Berendts* S. 66_1; *Frey* S. 184_{11}.

[94] Acta Pilati Rec. B. c. XII; C. v. *Tischendorf,* Ev. apocr.[2] Lips. 1876 p. 316; E. v. *Dobschütz* bei Berendts S. 67. Die Zahl der dort erwähnten 500 Soldaten mag in andern Hss. verdoppelt

naueste Kenntnis rechtgläubiger und ketzerischer Anschauungen über die Auferstehung, lehnt sie aber durchwegs ab, teils als unmöglich, teils als von Anfang bis zu Ende unsicher und nur auf »Sage« beruhend, und beharrt auf seinem jüdisch-alttestamentlichen Standpunkt.

Eine solche Einschiebung läßt sich gewiß nicht erklären durch die Annahme einer überaus schlauen Fälschung, die den Josephus nichts sagen lassen will, was ein Jude nicht hätte schreiben können.[96] Der vermeintlich so überaus vorsichtige und dabei doch in jeder Zeile seine Kenntnis christlicher Quellen verratende Fälscher[97] des sekundären Einschubs, — dessengleichen sonst nirgends am Werk zu beobachten ist — müßte einem rein novellistischen Spiel- und Erfindungstrieb zur Fabelei um ihrer selbst willen gehorcht haben. Denn als christliches *testimonium veritatis* ist ein Abschnitt doch offenkundig wertlos, der »als letzten Eindruck nur Zweifel und Unsicherheit«[98] hinterläßt; der die Auferstehung für erdichtet erklärt, ja sogar die Auffindung des leeren Grabes nicht als Tatsache, sondern als ein »man sagt« gelten und selbst die Möglichkeit des Leichendiebstahls noch offen läßt,[99] da ja die Bewachung des Grabes nur durch ein »andre sagten« verbürgt erscheine, und der schließlich nicht nur die Gleichsetzung Jesu mit Gottvater, sondern auch die Göttlichkeit des εὐεργέτης überhaupt zu leugnen scheint. Welchen Zweck sollte ein Christ mit dieser agnostisch-skeptischen Einschiebung in eine vom christlichen Standpunkt ursprünglich recht brauchbare, angeblich von Josephus herrührende, an sich viel schwerer als Fälschung zu erkennende Bestätigung des Wunders vom zerrissenen Vorhang verfolgt haben?

FREY hat ganz recht, wenn er die Annahme einer einerseits höchst schlauen, andrerseits ganz zweckwidrigen christlichen Fälschung hier ausschließt. Er hat auch schon richtig gesehen, daß der Verfasser ganz auf jüdischem Standpunkt steht:[100] was mit den Totenerweckungswundern des Eliah und Eliša im Alten

worden sein. Vier Soldaten als Grabeswächter in dem Bericht des Ps. Gamaliel, Patrol. Or II, 2 p. Nr. 15, 170. In Konr. Grass' Abschrift nach Berendts Kopie der o. S. 328 f. abgedruckten Moskauer Hs. steht statt »1000« (ιΔ) Römer nur »1« (Δ) d. h. einer, und 100 (ρ) Juden. Vielleicht ist das eine Spur einer ursprünglichen plausibleren Lesart (»30 Römer und 100 Juden«) und die eine ganze Kohorte starke Wache erst durch übertreibende Schreiber in den Text geraten.

[95] Jüdische πρεσβύτεροι καὶ γραμματεῖς schlagen beim Grab ein Zelt auf, um es zu bewachen, Ev. Petri v. 31, 33, 38, ed. O. v. *Gebhardt,* Leipzig, 1893, S. 44 f.; *Hennecke,* NTl. Apocr.[2] Tübingen 1924, S. 62. Auch da können einzelne Hss. die in solchen Erfindungen üblichen übertreibenden Zahlenangaben dargeboten haben.

[96] Vgl. dazu *Frey* S. 186, dazu S. 199: »ein Mann von ganz raffinierter Schlauheit, ein Meister in der Fälschungskunst.«

[97] Über die methodische Unzulässigkeit der Annahme derartiger Fälscher siehe *F. Blaß,* a. o. S. 314_{28} a. O.

[98] *Frey* S. 189.

[99] *Frey* S. 188: »Damit ist völlig offen gelassen, ob nach seiner eigenen Meinung nicht doch ein Diebstahl möglich gewesen wäre.«

[100] Die äußere Form dieser abwägenden Erörterungen mit ihrem »die einen sagen«, »andre sagen«, »es gibt welche« wird jeden Kenner unmittelbar an den Talmud erinnern.

Testament übereinstimmt, gilt ihm als möglich — er ist also kein »epikureischer« Skeptiker! — aber der Gedanke einer Incarnation, eines Leidens und Sterbens Gottes ist ihm ganz unvollziehbar, er vermeidet selbst den Ausdruck »wenn Gott stürbe« als lästerlich und redet nur von einem »sich Legen« Gottes. An die Auferstehung Jesu glaubt er nicht, er bezeichnet sie als »erdichtet« bzw. »vorgegeben«, schon die Erzählung vom leer aufgefundenen Grab ist und bleibt ihm zweifelhaft.

Hier spricht also jemand, der den Josephus schon von christlicher Hand interpoliert vorfand, der das Matthäusevangelium, das Petrusevangelium und die christlichen Pilatusakten kannte, aber doch im Grund auf einem vollkommen jüdischen Standpunkt verharrt. Wo und wann kann eine derartige Persönlichkeit ihre Gedanken an den Rand einer in christlichem Besitz gewesenen, bzw. befindlichen Josephushandschrift geschrieben haben?

Auf diese Frage ist m. E. nur eine Antwort möglich, die zugleich überraschend einfach die oben erörterte, für die Entstehung einer slavischen Josephusübersetzung und des »Chronographen von 1262« gleich notwendige, auffallend starke Anteilnahme an der Geschichte der Juden zu erklären vermag.

Gerade in Rußland und gerade im 15. Jahrhundert, d. h. in der Zeit, aus der alle erhaltenen Hss. des altrussischen Josephus stammen, ist eine mächtige judaisierende Bewegung — die sog. *Židovstvujuščaja eres'* — nachweisbar, die bis in den höchsten Klerus und selbst in die Zarenfamilie von Moskau vordrang und die pravoslavische Kirche an den Rand des Untergangs brachte.

Über die Anfänge der Bewegung ist nichts bekannt. LEROY-BEAULIEU[101] vermutet, daß die Sabbatarier (russ. *Subbotniki*), die heute noch, besonders in Südrußland und im Kaukasus[102] unter der Leitung jüdischer Rabbiner fortleben[103] und nach den schweren Verfolgungen der Zarenzeit endlich Religionsfreiheit genießen, ähnlich wie die Marannen von Spanien und Portugal von zwangsweise zu einem Scheinchristentum bekehrten Juden abstammen. Diese Annahme hat eine große Wahrscheinlichkeit für sich, weil bekanntlich zur Zeit der Herrschaft der westtürkischen Khazaren und ihrer Khagane, die das ganze Gebiet zwischen dem kaspischen und dem schwarzen Meer, zwischen Don und Wolga, zeitweilig sogar zwischen Dnieper und Ural, im Süden bis zum Kaukasus und zu Zeiten darüber hinaus, im Norden bis zum Unterlauf

---

[101] L'empire des Tsars, Paris 1889, t. III., p. 515.

[102] Dort nennen sie sich selbst *ghery*, d. h. hebr. *gerim* »Proselyten«, *Leroy-Beaulieu*, a. a. O. p. 518.

[103] † *Konrad Grass*, der beste deutsche Kenner des russischen Sektenwesens, schrieb mir am 19. 2. 1927: »Daß es in Rußland vermutlich einige hunderttausend russische Bauern gibt, die mehr oder weniger zu Juden geworden sind, dieser Sachverhalt ist dem Weltjudentum bis heute entgangen. Vor dem Krieg hätte es die volle Kraft eines Mannes beansprucht, sie zu erforschen, heute ist es überhaupt unmöglich.«

der Oka und zur Moskva besaßen,[104] das Judentum die Staatsreligion dieses Reiches gewesen ist, seit der Khagen BULAN im 8. Jahrhundert — offenkundig aus politischen Gründen, um die geistige Unabhängigkeit des zwischen dem christlichen Byzanz und dem islamischen Abbasidenreich liegenden Staates zu sichern — nach vorübergehender Bekehrung des Volkes zum Christentum unter dem Einfluß der aus Konstantinopel vertriebenen Juden zur mosaischen Religion übergetreten war.[105] Zu diesem Reich — in dem zur Zeit MASUDI'S Mohamedaner, Christen und Heiden friedfertig nebeneinander mit den Juden lebten, — hat zeitweise Kiev[106] und bis zuletzt das Gebiet der späteren Großfürstentümer Moskau und Perejaslavl' Suzdalskij gehört.[106] Als die Russen unter SVJATOSLAV im Jahr 967 oder 968 das Chazarenreich unterwarfen, dürften sich die Verhältnisse für die dortigen Juden und Judenkhasaren tatsächlich ganz ähnlich gestaltet haben, wie in Spanien nach dem Fall von Granada. Massenübertritte zur griechischen Kirche müssen bei vielen ein Scheinchristentum[107] zur Folge gehabt haben, das sich sogar viel leichter verbergen konnte, als das Marannentum im katholischen Spanien, weil die altrussische Kirche selbst — vielleicht durch übergetretene Juden beeinflußt — die von den Rabbinern auch für »Proselyten des Tores« als verbindlich angesehenen sog. noachischen Verbote des Blutgenusses und des »Erstickten« und »Zerrissenen« streng beobachtete.[108]

Genaue Nachrichten liegen dagegen über den Höhepunkt der »judaisierenden Ketzerei« aus dem letzten Drittel des 15. Jahrhunderts vor, und zwar in der unter dem Namen »Prosvětitel« etc. (= »Beleuchter« oder »Enthüller« scil. der judaisierenden Haeresie) bekannten zeitgenössischen Schrift

[104] Vgl. die Karte zu S. 64 von *Ch. Schiemanns* »Rußland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert«, Berlin 1886 (Oncken, Allg. Gesch. II, 10, 1).

[105] *Schiemann* S. 40. Wichtigste Quelle für das chazarische Judentum der Briefwechsel des R. Chasdai ibn Schafrut von Cordova mit dem Khagan Joseph b. Aaron aus dem Jahr 960, hrsg. v. *A. Harkavy,* Russ. Revue IV, 1874 p. 69—97. Dazu Klaproth, »Mem. sur les Khazars«, in Journ. As., Ière série, vol. III; id., Tableaux hist. de l'Asie (Paris 1823); id., Tabl. hist. du Caucase, 1827); Memoirs on the Khazars by Harkavy and by Howorth (Congrès intern. des orientalistes vol. II); *Latham,* Russian and Turk, pp. 209—217; *Vivien de St. Martin,* Etudes de géogr. ancienne (Paris 1850); id., »Sur les Khazars«, in Nouvelles ann. des voyages (1857); *D'Ohsson,* Peuples du Caucase (Paris 1828); *S. Krauss,* »Zur Geschichte der Chazaren«, in Revue orientale pour les études Ouralo-altaiques (1900). *S. Schechter,* An unknown Khazar document, Jew. Quart. Rev., N. S., vol. III (1912), pp. 181 ff.

[106] S. o. S. 326 und S. 327 Anm. 65.

[107] Als erster Ketzer wird in der russischen Kirchengeschichte (Gehring a. u. Anm. 124 a. O. S. 4), regelmäßig ein »beschnittener« Mönch Adrian (Andreas) von Kiev angeführt, der gegen die Bilderverehrung gekämpft und den russischen Klerus als götzendienerisch hart angegriffen haben soll, also typisch judenchristliche Tendenzen vertrat. Vollkommen an die Marannen der iberischen Länder erinnert der »Prosvětitel« (u. Anm. 109) angeführte Rat des Zacharias von Kiev (u. Anm. 110 f.), der den Novgoroder Judaisten vorschrieb: »Vermeidet entdeckt zu werden. Haltet Euch öffentlich zum Christentum, heimlich aber in Euren Herzen bleibet treue Israeliten« (Gehring a. a. O. Seite 11).

[108] Leroy-Beaulieu a. o. Anm. 101 a. O. p. 518.

des Abtes JOSIF VOLOCKIJ von Volokolamsk († 1516).[109] Nach seiner Darstellung ist die große und entscheidende Krise von der reichen, aber gerade damals von politischen, religiösen und sozialen Unruhen durchtobten Kaufmannsrepublik Novgorod ausgegangen, die über die Neva und den Volchov Rußlands Verbindung mit der Ostsee und dadurch mit den Hansestädten und Westeuropa vermittelte und beherrschte. Daher haben russische Historiker wie ILOVAJSKIJ die russische Kirchenkrise am Ende des 15. Jahrhunderts irgendwie mit der deutschen Reformation zu verknüpfen versucht, was aber sowohl dogmengeschichtlich wie chronologisch vollkommen verfehlt ist.

Groß-Novgorod, das seit jeher ein günstiger Nährboden für häretische Bewegungen gewesen und schon von den Strigolniken des KARP schwer beunruhigt worden war, befand sich damals in höchst schwieriger Lage. Die Pestjahre von 1465—67 hatten den Transithandel mit den Hanseaten fast lahmgelegt, ein tiefgehender Gegensatz zwischen den reichen, patrizischen Kaufherrn und den durch die Handelsstockung schwer getroffenen kleinen Leuten die Wehrmacht der Stadt entscheidend geschwächt. Gegen die Bedrohung der Unabhängigkeit des Freistaates durch den Großfürsten von Moskau IVAN III. VASILEVIČ suchte der Rat politische Anlehnung bei König KAZIMIR IV. von Litauen und Polen, der seinerseits die katholisierenden Bestrebungen des unionsfreundlichen Metropoliten GREGOR von Kiev aus kluger Berechnung begünstigt und eine ganze Reihe russischer Fürsten dazu gebracht hatte, zugleich mit der litauischen Oberhoheit auch die geistliche Obergewalt von Kiev anzuerkennen. Ein Teil des Novgoroder Klerus und des Volkes, der an der Unabhängigkeit und strengen Observanz der griechischen Kirche zäher festhielt, betrachtete daher die politisch notwendige Anlehnung an Litauen vom religiösen Standpunkt aus mit größter Abneigung und wurde darin durch die Parteigänger Moskaus geflissentlich bestärkt: IVAN selbst erklärte in einem Schreiben an den Erzbischof JONAS von Novgorod den Unionsfreund GREGOR von Kiev geradezu als Ketzer und ermahnte zum Festhalten am pravoslavischen Glauben. Als die Novgoroder offen mit Moskau brachen und einen litauischen, übrigens griechisch-orthodoxen Fürsten MICHAEL OLELKOVIČ aus der Hand Kazimirs entgegennahmen (8. November 1470), trafen in dessen Gefolge — wahrscheinlich als Finanzagenten des großlitauischen Hofes — eine Anzahl litauischer Juden ein. Genannt werden: ein Osif, ein Šmoilo, ein Skharyei, ein Moisei und ein Chanuš. Ihr Führer war ein gewisser Skharia (= Zacharias) von Kiev, der

[109] Deutsch: »Des sündigen Mönches Josef Erzählung von der neuerstandenen Sekte der Novgoroder Ketzer und Abtrünnigen, der Protopopen Alexis, Dionys, Joseph und Theodor Kurycin und anderer, die die gleiche Weisheit lehren.« (Ms. von 1491). Im Druck sind — nach freundlicher Mitteilung von Prof. *K. Grass* — verschiedene Ausgaben erschienen, u. a. eine der Kazaner geistl. Akademie von 1857, neu aufgelegt 1882.

ein Karäer[110] und Adept der Astrologie,[111] der Nekromantik und der magischen Künste, d. h. vielleicht einfach ein Arzt, gewesen sein soll. Das ist nicht unwahrscheinlich, da WITOLD, Großfürst von Litauen tatsächlich im 14. Jahrhundert aus der Krim, wohin die Karäer zur Khazarenzeit gekommen sein dürften und wo sie seit dem 13. Jahrhundert nachweisbar sind, eine Anzahl Karäer verschleppt und in Troki bei Wilna angesiedelt hatte. Überdies ist es bekannt, daß die Karäer zwar das Paulinische Christentum als unverzeihlichen Abfall vom Judentum betrachteten, manche von ihnen aber Jesus selbst als einen frommen, gerechten und gottbegnadeten Mann gelten ließen,[112] — ein Standpunkt, der genau den gleich einzeln anzuführenden Lehren des Kievers entspricht.

Dieser SKHARIA predigte nämlich seinen Jüngern — nach den ausführlichen und glaubwürdigen Ausführungen des JOSIF VOLOKOLAMSKIJ — daß der Glaube an einen dreieinigen Gott eitel sei, daß es nur einen einzigen einigen Gott gebe, daß Jesus nicht Gottes Sohn und nicht der Messias gewesen sei, sondern nur ein Prophet wie Moses,[113] der daher auch nicht von den Toten auferstanden sein könne, daß der Messias überhaupt noch nicht erschienen sei, sondern erst am Ende der Zeiten kommen würde, und zwar auch dann nicht als ein Sohn Gottes, nach seinem Wesen, sondern nur nach seinen Werken, »so wie einst Moses[114] und die Propheten«.

Daher sei bis dahin das Gesetz Mosis verbindlich, weshalb der Sabbath und die Speisegesetze weiter zu halten, die Beschneidung zu üben, die Verehrung der Ikone und der Heiligen als götzendienerisch zu vermeiden sei. Die Schriften des Neuen Testaments seien voller Irrtümer und Unglaubwürdigkeiten,[115]

---

[110] Über die Karäer — eine Art jüdischer Protestanten, die die mündliche Überlieferung und rabbinische Exegese verwarfen und nur das AT als Offenbarungsquelle anerkannten, vgl. den ausgezeichneten Artikel von *Samuel Poznanský* in Hastings, Encycl. of Rel. & Ethics VII, 662 bis 672 (1914).

[111] Die Karäer legen — im Gegensatz zu den Rabbaniten — Wert auf die astronomische Bestimmung der Kalenderelemente. Die Osterrechnung nach jüdischer Art war einer der Differenzpunkte zwischen Judaisten und Griechisch-Orthodoxen (s. d. im Text). Viele Karäer waren als Ärzte berühmt.

[112] Poznansky a. a. O. S. 665$_4$. Eine der berühmtesten und wirksamsten antichristlichen Streitschriften, deren Gelehrsamkeit und Scharfsinn selbst einem Voltaire Bewunderung abnötigte, stammt von einem, ein Jahrhundert nach Zacharias von Kiev lebenden litauischen Karäer R. Isaak b. Abraham von Troki (*Hizzuk Emunah,* hebr.-lat. Erstausgabe in Wagenseils *Tela ignea Satani,* Altdorf 1681 pars V^a).

[113] »Ein gottbegeisterter Mann wie Jesaias, der Wunder vollbringen konnte« — lehren die späteren Anhänger der Sekte, die sog. Sabbatiasten *(Subbotniki), Gehring* a. Anm. 124 a. O. Seite 19.

[114] Nach den Erwartungen der Subbotniki wird der Messias »ein großer Philosoph und Sittenlehrer sein und erscheinen, sobald alle Menschen das Gesetz Mosis angenommen haben werden.« Gehring a. Anm. 124 a. O. Seite 19.

[115] Vgl. hierzu die Überschriften der 16 Abschnitte des »Prosvětitel« (o. Anm. 109) besonders »1. Gegen die Leugner der Dreieinigkeit.« »2. Gegen die Behauptung, Christus sei noch nicht

das Abendmahl nur eine Gleichnishandlung, Ostern nach dem jüdischen Kalender zu feiern, das Mittwoch- und Freitagfasten unnütz usw.

So erstaunlich es klingt, so wenig ist nach dem Zeugnis seiner Gegner zu bezweifeln, daß ZACHARIAS mit dieser Lehre unglaublichen Erfolg bei einem Teil des hohen Klerus von Novgorod hatte. Es gelang ihm, den Protopopen Gabriel der Kirche der Hagia Sophia von Novgorod, die Protopopen Alexis und Dionys,[116] den Sohn des Novgoroder Bojaren Gregor Michailovič Tučin und viele andere Kleriker von Novgorod und Pškov zu seiner Meinung zu bekehren. Man fragt sich, ob nicht von vornherein mit einer politischen Ränke IVANS III. von Moskau zu rechnen ist, der zwischen dem Volk und Klerus von Novgorod und vielleicht von ganz Rußland einerseits, dem katholisierenden, unionsfreundlichen Metropoliten von Kiev, und damit dem litauisch-polnischen Reich andererseits einen möglichst tiefen und breiten Graben aufzureißen bestrebt sein mußte.[117] Fest steht, daß der für Moskau arbeitende neue Erzbischof THEOPHILUS, — der alte, Jonas, war zwei Tage vor Eintreffen des Michael Olelkovič gestorben — nichts gegen die Judaisten tat, und daß IVAN III., als er 1480 in dem mittlerweile ganz unter seine Botmäßigkeit geratenen Novgorod weilte, die judaisierenden Protopopen Dionys und Alexěj mit Auszeichnung behandelte, ja sie nachher mit sich nach Moskau nahm, wo er sie an die Spitze der Geistlichkeit der Himmelfahrts- und der Michael-Kirche stellte. Hier entfalteten sie eine rege, wie es scheint, ganz ungehinderte Werbetätigkeit, begünstigt durch den Umstand, daß der Hof wegen eines Zwischenfalles bei der feierlichen Einweihung einer Kirche mit dem Metropoliten Gerontios von Moskau (1472—1489) auf sehr schlechtem Fuß stand. Unter den von ihnen Bekehrten waren die wichtigsten Feodor Kurycin, der als Geheimschreiber des Zaren sein unbegrenztes Vertrauen genoß, Zosima, der Archimandrit des Moskauer Simeonsklosters und ein Mönch Skharjah.

Selbst die Schwiegertochter des Zaren Helena und ihr Sohn, der Thronfolger Dmitrij waren für die judaistische Richtung gewonnen, der Zar selbst begünstigte sie im Stillen, aber nachdrücklich. Als der beim Hof mißliebige Metropolit Gerontios am 28. Mai 1489 gestorben war, wurde nach achtzehn-

---

geboren.« »3. Wider das Halten des Gesetzes Mosis, die Opfer und die Beschneidung«; dann noch 8—10: »Gegen die Behauptung, die Schriften der Apostel enthalten Unwahrheiten«, »Christus sei noch nicht erschienen.« »11. Vom Mönchtum« (dieses hatte Zacharias besonders schwer angegriffen).

[116] Auch diese beiden nennt Josef von Volokolamsk »Astrologen«. Alexěj ging in seinem Eifer soweit, seinen Namen in Abraham zu ändern.

[117] Die Großfürsten von Moskau waren von jeher unionsfeindlich, seit der Moskauer Metropolit Isidor, der 1439 am Florentiner Konzil teilgenommen hatte, die Florentiner Union für Rußland durchzuführen versuchte. Großfürst Vasilij inthronisierte den ersten autokephalen Metropoliten von Rußland, den Bischof Jonas von Rjazaň (1448).

monatlicher Sedisvakanz — ein Symptom der langwierigen Intrigen und Gegenintrigen, die der Ernennung eines Nachfolgers vorangingen — der Judaist ZOSIMA zum Metropoliten von Moskau ernannt. Alexis — den Josif Volokolamskij den rechten »Hölleneber« und »Verwüster des Gartens Christi« nennt, — war zwar im gleichen Jahr gestorben, aber nach der Besetzung des Moskauer Metropolitensitzes mit einem Judaïsten, nach der Bekehrung Feodor Kurycins, des Kanzlers des Zaren und des Thronfolgers Dmitrij konnten die Anhänger der Sekte recht wohl auf einen durchschlagenden Erfolg hoffen, zumal der Zar anscheidend alles gern geschehen ließ, was die Unionsbestrebungen von Kiev erschwerte und damit dem politischen Einfluß des katholischen Königs von Litauen und Polen entgegenarbeitete.

Es versteht sich von selbst, daß die griechisch rechtgläubige Geistlichkeit diesem zynisch berechnenden Gewährenlassen des persönlich von religiösen Hemmungen kaum berührten, dafür wahrscheinlich den Gedankengängen der italienischen Renaissance zugeneigten Gossudars aller Russen[118] nicht stillschweigend zusah.

Der Führer der Gegenbewegung war der Erzbischof GENNADIOS des nunmehr seiner alten Freiheit und seines patrizischen Adels ganz beraubten, vom Zaren mit »schnöden Völkern« aus dem Innern des Reiches neu besiedelten, politisch ganz bedeutungslos gewordenen Novgorod. Er betrieb beim Zaren in immer dringlicheren Vorstellungen die Einleitung einer Untersuchung gegen die Judaïsten, die ihre Werbetätigkeit anfänglich im Stillen und wie es scheint, nur in einem engen esoterischen Kreis betrieben hatten. Eine amtliche Anklage konnte erst erhoben werden, als 1487 einige Geistliche von Novgorod in der Trunkenheit »blasphemische« Äußerungen ausstießen und dafür vor dem Erzbischof von Novgorod zur Verantwortung gezogen worden waren. Einer der Beschuldigten, ein Mönch namens Nahum, hatte »bereut« und nicht nur selbst gestanden, sondern auch alle andern Gesinnungsgenossen angegeben, um sich zu retten. Es kam heraus, daß zwei Moskauer Großkaufleute Ivaška Černoj und Ignaška Zubov eigens nach Litauen gereist waren, um sich dort heimlich beschneiden zu lassen. Darauf berief Gennadios ein Bischofskonzil (1488), das die Ketzer verurteilte und in den Bann tat. Die in Novgorod Ergriffenen wurden ins Kloster gesperrt, gegen ihre Moskauer Gesinnungsgenossen eine Untersuchung gefordert.

[118] Aristotile Fioravanti aus Bologna, den ihm die Venezianer gesandt hatten, war sein Festungsarchitekt und Zeugmeister und Geschützgießer, der Begründer der russischen Artillerie, zugleich Lehrer seiner Kinder, neben ihm und mit ihm wirkten die beiden Fresini. Pietro Antonio baute ihm seinen Moskauer Palast — genau wie am Hof Kazimirs IV. der Humanist Pilippo Buonaccorsi (= *Callimachus experiens*) den König beriet und die Prinzen erzog. Der Kanzler Kurycin hatte sich bezeichnenderweise öffentlich geäußert, die Kenntnis der Astrologie sei wertvoller für einen Fürsten als die Theologie (*Gehring* S. 14), und sein Herr wird — wie nachmals Macchiavelli — gedacht haben *»non requiri in principe veram pietatem, sed sufficere illius quandam umbram et simulationem externam«.*

Der Zar ließ das Verfahren zu, aber nur drei unbedeutende Personen, denen öffentliche Lästerungen nachgewiesen werden konnten, wurden nach Sibirien abgeschoben, eine ganz freigesprochen. Dem Erzbischof Gennadios, der die Verbrennung der Erzketzer verlangte, antwortete der finstere Gewaltherrscher, der unbeirrt über Berge von Leichen seinen Zielen zuzustreben gewohnt war, damals noch mit höhnischer Höflichkeit, er halte es für »Sünde, einen Menschen wegen seiner Irrtümer im Glauben mit dem Tode zu bestrafen.«[119]

GENNADIOS ruhte jedoch nicht und berief — schwer gereizt durch die Erhebung des judaïsierenden Archimandriten ZOSIMA, auf den Stuhl des Metropoliten von Moskau und des judaïsierenden Archimandriten KASSIAN von Jurjev (= Dorpat, Tartu) zum Archimandriten von Novgorod — zusammen mit dem Stellvertreter des Metropoliten, Bischof PROKOP von Moskau, den Bischöfen NIPHONT von Suzdal' und PHILOTHEOS von Perm *eine allgemeine Synode,* die am 17. Oktober *1491* die verstorbenen Protopopen Gabriel und Alexej von Novgorod feierlich verfluchte. Gegen den Metropoliten Zosima, der — ohne sich selbst bloßzustellen — öffentliche Disputationen über die hl. Dreieinigkeit und die Person des Christos veranstaltete, bei der die Gegner der Neuerer schlecht abschnitten, sodaß »das Volk in große Verwirrung geriet«, konnten sie zur Zeit nichts ausrichten, nicht nur weil er am Hof zu viel Rückhalt hatte, sondern vor allem, weil das Jahr 1492 der griechisch-orthodoxen Kirche eine schwere Vertrauenserschütterung eingetragen hatte. Nach altchristlichen, durch Julius Africanus[120] in der byzantinischen Kirche zu Ansehen gekommenen chiliastischen Vorstellungen[121] erwarteten weite Kreise in Rußland[122] das Weltende für das Jahr 7000. Nach der byzantinischen Aera »seit der Erschaffung der Welt«,[123] die der ältesten russischen »Chronik des Nestor« und der vom »Chronographen von 1261« benutzten Weltchronik des Georgios Monachos Hamartolos (9. Jhrdt.) zugrunde liegt und von der russischen Kirche von der Einsetzung des ersten Patriarchen von Kiev durch Photios an bis zur Reform Peters d. Gr. (1700) gebraucht wurde, fiel dieses Jahr 7000 auf das

[119] Derselbe Ivan schreibt an seine mit dem Großfürsten Alexander von Litauen verheiratete schöne Lieblingstochter Helena — durch die Hand des heimlich zum Judentum übergegangenen Geheimkanzlers Feodor Kurycin! — sie möge lieber das Martyrium »bis zu Blut und Tod erdulden«, als zur römischen Kirche übertreten.

[120] *H. Gelzer,* Sextus Julius Africanus und die byzantinische Chronographie, Leipzig 1880—98, I, 24 ff. *Lagarde,* Mitt. IV, 313 ff.

[121] *Epist. Barnabae,* c. 15, cf. *Sanhedrin* 97 a; *Didascalia* 26, p. 137; Iren. *haeres.* 28, 3; Hippolyt. *comm. in Dan.* IV, 23.

[122] *Leroy-Beaulieu,* l. c. p. 517. Auch die bulgarischen Bogomilen erwarten das Ende des dem Satan überantworteten Aeons für das Jahr 7000 der Schöpfung (F. J. *Powicke,* Enc. Rel. Eth. vol. II, 785 a_{14}).

[123] *F. K. Ginzel,* Math. und techn. Chronologie, Leipzig 1914, Bd. III S. 292 ff.

im übrigen nur durch die Austreibung der Juden aus Spanien und die Entdeckung Amerikas merkwürdige Jahr 1492. Durch das Ausbleiben des von so vielen Gläubigen angstvoll erwarteten Weltendes schienen den Judaïsten das Evangelium, das Apostolikon und die Kirchenväter der Lüge überwiesen. »Wenn Christus der Messias ist, warum erscheint er nicht in seiner Herrlichkeit nach Eurer Erwartung?« riefen sie triumphierend ihren Gegnern zu.[124]

Den Umschwung führte einerseits die Tätigkeit des von Gennadios zu Hilfe gerufenen Abtes JOSIF VOLOKOLAMSKIJ — der schon am 17. Mai 1494 durch seine öffentlichen Anklagen den freiwilligen Rücktritt des Metropoliten Zosima bewirkte — andrerseits aber eine schicksalshafte Wendung der Verhältnisse am Hofe IVANS III. herbei. Der Zar ist zweimal verheiratet gewesen. Seine erste Frau Maria, eine Großfürstin von Tver, war früh (1467) gestorben, von ihr hatte er einen als Thronfolger ausersehenen Sohn Ivan Ivanovič († 1490). Auf Vorschlag des berühmten unionsfreundlichen Kardinals BESSARION hatte 1469 Papst SIXTUS IV. dem verwitweten Zaren Zoja bzw. SOPHIA, die verwaiste, in Rom erzogene Nichte des letzten Palaeologen, der auf dem byzantinischen Kaiserthron gesessen hatte, Konstantin Dragases († 25. V. 1453), die Tochter Thomas des Despoten von Morea († 1465), an der Paul II. und Sixtus IV. bisher Vaterstelle vertreten hatten, zur Ehe angetragen. Ivan nahm an, im vollen Bewußtsein aller Vorteile, die ihm die Verbindung mit dem in seinen und aller Russen Augen den Inbegriff kaiserlicher Legitimität und »höchste Staffel menschlicher Vornehmheit« darstellenden Kaiserhaus bieten konnte, wußte aber mit gewohnter Schlauheit jedes Entgegenkommen gegenüber den Unionsplänen, die die Kurie durch diese Verbindung zu fördern hoffte, sorgfältig zu vermeiden.

Die griechische Zarin war übrigens in Moskau unbeliebt, man traute ihr das Schlimmste zu und beschuldigte sie, die Hände im Spiel gehabt zu haben, als des Kaisers Sohn aus erster Ehe, der Thronfolger Ivan Ivanovič 1490 plötzlich starb. Die der Palaeologentochter feindlichen Fürsten und Bojaren verstanden es, Ivan III. zu bewegen, die Thronfolge dem Sohn des Ivan Ivanovič und seiner Gattin Helena, Dmitrij zuzusagen. Bevor dessen feierliche Krönung zum Großfürsten-Thronfolger erfolgte (4. II. 1498), hatte der Sohn Ivans und der Sophia, Vasilij, sich in eine Verschwörung gegen Dmitrij und seinen Vater eingelassen. Er wurde verhaftet, sechs von seinen Anhängern grausam hingerichtet, seine Mutter Sophia bewacht, die als Wahrsagerinnen und Giftmischerinnen verdächtigen alten Weiber ihrer Umgebung in der Moskva ertränkt.

Aber auch Helena und der Thronfolger Dmitrij, sowie die ihnen ergebenen Patrikejevs und Rjepolovskis vermochten sich in der Gunst des mißtrauischen Zaren nicht behaupten, und fielen im Januar 1499 in Ungnade. Vasilij und

[124] *Gehring*, Die Sekten der russischen Kirche (1003—1879) Leipzig 1898 S. 15.

Sophie hatten mittlerweile die Gnade Ivans III. so weitgehend wiederzugewinnen verstanden, daß am 5. April 1502 Dmitrij der Großfürstentitel genommen, ja er und seine Mutter in einem Kloster eingekerkert wurden, während VASILIJ als Großfürst von Vladimir, Moskau und ganz Rußland endgültig die Thronfolge zugesichert erhielt.

Damit war denn auch der Sturz aller Anhänger der beiden Beschützer der Judaïsten, HELENA und DMITRIJ, entschieden. Der Zar entließ den Kanzler Feodor Kurycin in tiefster Ungnade und sah ruhig zu, als ein Bischofskonzil am 27. Dezember 1504 gegen die judaïstisch Gesinnten mit drakonischer Strenge vorging. Die Hauptstützen der Bewegung, darunter der Diakon Volk Kurycin, der Bruder des Kanzlers Feodor, Ivan Maximov, Dmitrij Konopljov, und der Archimandrit Kassian von Novgorod wurden, nachdem man ihnen die Zungen herausgerissen hatte, in Eisenkäfigen auf dem Scheiterhaufen verbrannt. Die weniger schwer belasteten Kleriker wurden in entlegene Klöster verbannt, von den Laien retteten sich viele durch Flucht auf litauisch-polnisches Gebiet, wo der spätere starke Erfolg der von Socin angeregten unitarischen Bewegung zweifellos durch die versprengten Anhänger der russischen *židovstvujuščaja eres'* wesentlich gefördert wurde.

Es mag der Erwähnung nicht unwert sein, daß der russische Botschafter am spanischen Hof in diese Kämpfe eingriff, indem er dem Erzbischof Gennadios einen Bericht über das Verfahren zur Verfügung stellte, das in Spanien zur Ausrottung der Ketzer angewendet wurde.[125] Das bestätigt die weiter oben ausgesprochene Vermutung einer genauen Analogie zwischen der »judaïsierenden Haeresie« in Rußland und dem Marañentum in Spanien. In demselben Bericht meldet der Gesandte, daß nach der Aussage eines jüdischen Reisenden bei den Juden von Kiev offen gesagt werde, der Zar beschütze die Judaïsten und würde in kurzem in Moskau alle Kirchen schließen lassen. Um die Bekämpfung der Haeresie zu erleichtern, ließ er durch seinen Gesandtschaftsdragoman des Nicolaus de Lyra »*De convictione Judaeorum*« und einen Tractat des getauften Juden Joseph von Mogador über »Die Bekehrung der afrikanischen Juden« ins Russische übersetzen.

Wer sich die Ergebnisse des vorangehenden Abschnittes vergegenwärtigt, wird über die Umwelt, in der allein die altrussische Übersetzung des Josephus und die altrussische, in Litauen zur Zeit Königs Mindowes verfaßte, den Josephus enthaltende Geschichte der Juden entstanden sein kann, nicht lange mehr im unklaren sein. Die genaue Entsprechung der Ansichten, die der skeptische Glossator der christlichen Einschiebung vom zerrissenen Tempelvorhang über die Auferstehung Jesu äußert mit den Ansichten der von JOSIF VOLOKOLAMSKIJ bekämpften Judaïsten, die die Auferstehung leugnen, liegt klar zu Tage. Ebenso vollständig — dem Sinn wie den Worten nach — stimmt die

[125] *Rosenthal,* Judaizing Heresy, Jew. Encycl. vol. VII p. 380$_1$.

für die Novgoroder und Moskauer Haeretiker bezeugte Auffassung Jesu, und des künftigen Messias, als eines »Propheten wie Moses«, als eines Gottessohnes, »nicht nach dem Wesen, sondern nach den Werken« mit den Angaben des Abschnitte über Jesus im slavischen Josephus überein.

Man wird nicht fehlgehen, wenn man die altrussische »*Halōsis*« und den »*Chronographen von 1261*« geradezu als die Werbeschriften der *židovstvujuščaja eres'* bezeichnet. Der unglaubliche Erfolg dieser unitaristischen Sekte ist nur erklärlich, wenn sie für die Leugnung der Göttlichkeit und der Messianität Jesu einen vielen Zeitgenossen unwiderlegbar einleuchtenden Beweis besaß. Einen solchen kann sie jedoch nach dem heutigen Stand des geschichtlichen Wissens nirgends anders gefunden haben als in dem Jesusbericht des mehr oder minder unverkürzten Josephus. Was die Juden selbst an einfältigen *Toldoth Ješu* u. dgl. besaßen, konnte nie einen derartigen Eindruck auf den Leser machen und ist auch tatsächlich nie zu Propagandazwecken in irgend eine europäische Volkssprache übersetzt worden. Ganz anders der slavische Josephus, der gerade *mit* seinen christlichen Einschiebungen, die die Schärfe der christenfeindlichen Einstellung des Verfassers mildern und verdecken, und mit seiner Fülle von Einzelheiten, die die Berichte der Evangelien geschichtlich teils ergänzen, teils berichtigen, gerade bei christlichen Lesern Vertrauen erwecken mußte. Wer diesen Bericht über Johannes d. T., Jesus und die Urapostel mit seinen christlichen Einschiebungen schlicht und einfach als die Wahrheit annimmt, kann zu keiner andern Auffassung als der unitarisch-judaïsierenden der oben beschriebenen Haeretiker gelangen.

Genau so wie die Gegner der Judaïsten den Nicolaus de Lyra ins Russische übersetzen ließen, um der jüdischen Haeresie entgegenzutreten, ebenso müssen die Judaïsten ihrerseits für Zwecke ihrer religiösen Werbung zwei Jahrhunderte früher den Josephus ins Slavische übersetzt haben. Daß das gerade in Litauen und gerade zu der Zeit geschah, als von katholischer und griechisch-orthodoxer Seite zugleich um die Seele des bis dahin heidnischen Königs MINDOWE geworben wurde, erklärt sich nun leicht genug. Wie der Fall des ketzerischen Mönches ADRIAN beweist, gab es selbst im griechisch-orthodoxen weißen Klerus Kryptojuden. In Gebieten wie Litauen, wo das Christentum noch nicht die herrschende Religion war, mögen sie freier also sonstwo mit ihren ungetauften Stammesgenossen Verbindung gehalten und kühne Hoffnungen gehegt haben, das Christentum auf dem Boden einer unitarischen Auffassung wieder zum Judentum zurückzuführen, oder doch wenigstens den litauischen Großfürsten in der Art von den Vorzügen der mosaischen Religion zu überzeugen, wie es seiner Zeit — der Sage nach durch ein öffentliches Religionsgespräch — mit dem Khazarenkhagan Bulan gelungen war. Die Verwendung des bis zum Jahre 1214 reichenden Chronographen von Perejaslavl Suzdalskij zeigt, daß der oder die Übersetzer des Josephus auch im Suzdalischen — im nördlichsten Zipfel des alten, einst dem Khazarenreich

tributpflichtigen Vjatičengebietes — Gesinnungsgenossen hatten, die sie bei der Arbeit unterstützten.

Alle Einzelheiten der handschriftlichen Überlieferung stimmen in der Tat aufs beste zu den bisherigen Ergebnissen. Der Codex von Vilna — nach ISTRIN in Litauen entstanden — lag bis 1915 dort, von wo Fürst Michael Olelkovič mit den fünf litauischen Juden und dem Karäer Zacharias von Kiev nach Novgorod gekommen war und wohin sich nachmals die zwei Moskauer Kaufleute begeben hatten, um sich im Geheimen beschneiden zu lassen — offenbar also an dem Ausgangspunkt der ganzen Bewegung. ZACHARIAS von Kiev, der Karäer, muß in Verbindung mit dem Karäern von *Troki bei Vilna* gestanden haben. Die Vorlage der Josephushs. des Metropoliten Makarius ist *in Novgorod* geschrieben, also dort, wo Zacharias die Protopopen Alexej und Dionys, den Gabriel und den Bojarensohn Tučin zum Judaismus bekehrt hat, und zwar schon 1468, — drei Jahre bevor er selbst mit Michail Olelkovič dort eintraf — ein Beweis, daß der Karäer damals entweder nicht zum erstenmal in Novgorod war, oder daß er die Werbeschrift seiner Sekte schon vorher durch Gesinnungsgenossen, die geschäftlich in die große Kaufmannsstadt am Volchov reisten, an geeignete Empfänger vorausgesandt hatte. Die höchst bemerkenswerte Tatsache, daß die 1468 in Novgorod abgeschriebene Hs. selbst schon 1399 in Konstantinopel angefertigt worden war, erklärt sich leicht durch Beziehungen der Karäers ZACHARIAS zu der blühenden Karäergemeinde von Konstantinopel.[126] Die Hs. 651 der Moskauer geistlichen Akademie, die BERENDTS zur Hauptgrundlage seiner Übersetzung wählte, stammt aus dem Volokolamskij-Kloster,[127] dessen Abt JOSEPH, der rührigste Kämpfer gegen die »jüdische Ketzerei« gewesen ist und das Zeugnis des Josephus im zweiten Kapitel seines *Prosvětitel'* ausdrücklich erwähnt. Man wird nicht zu kühn sein, wenn man in ihr das Handexemplar des Abtes Josif Volokolamskij vermutet. Der Erzbischof Makarius, der den — christlich interpolierten — Josephus in seine *Četji-Minei* aufnahm, war der getreueste Jünger des Josiph Volokolamskij.[128]

Der Josephuscodex 445 von Kazan trägt auf einem leeren Blatt oben den Vermerk[129] »es schenkte dieses Buch der Zar und Herrscher und Großfürst Ivan Vasilevič von ganz Rußland« — der große Beschützer und spätere Henker Fedor Kurycins und der übrigen Judaisten. Gern wüßte man, wem der Großfürst das merkwürdige Buch geschenkt hat, in dessen Schilderung des dämonischen Herodes, seiner streitenden Frauen und seiner aufrührerischen

[126] Über die Karäer von Konstantinopel vgl. *Poznansky* in Hastings *Encycl. of Relig. & Ethics* VII (1914) p. 668 f.

[127] *Berendts-Grass* S. 10.

[128] *Hildegard Schaeder,* Moskau, Das dritte Rom, Hamburg 1929. S. 46.

[129] *Porfyrjev,* Beschreibung der Hss. des Soloveckij-Klosters, die sich in der Bibliothek der Kazaner geistlichen Akademie befindet, Kazan 1883, Teil II, S. 133. *Berendts-Grass* S. 20.

Söhne er sich selbst, seine Frauen Maria und Zoe-Sophia, seine Schwiegertochter Helena, seine treulosen Erben Basilios und Demetrios wie in einem gespenstischen Spiegel der Geschichte gesehen haben muß. Wie der fast genau gleiche Codex Kazan 444 und die beiden von ihm abgeschriebenen Codices Kazan 445 und 446 stammt er aus dem Solovezkij Kloster auf jener öden Insel im Weißen Meer, die — heute noch von der russischen Regierung als berüchtigter Verschickungsort für politische »Verbrecher« benutzt — schon den Zaren so lange als Verbannungsplatz für die altgläubigen Ketzer gedient hat,[130] bis das Kloster infolge dieser vielen Verschickungen vorübergehend in die Gewalt der exilierten Raskolniki geriet und durch wiederholte militärische Expeditionen nach kräftiger Gegenwehr eingenommen und — am 22./I. 1676 — zerstört werden mußte.[131]

Die vier Hss. müssen ebensovielen der zur Verschickung in entlegene Klöster verurteilten judaisierenden Klerikern gehört haben. Genauere Nachforschungen in den mir bisher unzugänglich gebliebenen Akten und Quellen über den Ketzerprozeß des Jahres 1504 würden vielleicht festzustellen gestatten, in welche Klöster die dem Feuertod entgangenen Judaisten verbannt wurden. Aber schon jetzt darf man vermuten, daß die Hs. der Floričevschen Einsiedelei und die drei Codices des Kyrillosklosters von Beloe Ozero, so wie die vier aus dem Soloveckij-Kloster aus dem Besitz internierter Judaisten stammen.

Die aus dem Polnischen übersetzte *rumänische* Hs. des Right Rev. Ḥakham Dr. Moses Gaster ist dagegen, nach ihrem Inhalt zu urteilen, offenbar von orthodoxer Hand zur Bekämpfung der Judaisten verbreitet worden, und bezeugt demnach, daß die in Rußland unterdrückte Bewegung von Litauen auch auf Polen und schließlich auf die Moldau und Walachei übergegriffen haben muß.

In der Tat kann kaum bezweifelt werden, daß die Flüchtlinge, die ihre Josephus-Hss. aus dem Zusammenbruch ihrer Hoffnungen ins Königreich Polen-Litauen gerettet hatten, von wo die Bewegung ihren Ausgangspunkt genommen hatte, in Polen den Grund bereiteten für die Entwicklung des nachmals durch den piemontesischen Arzt GEORGIO BLANDRATA[132] und den sienischen Humanisten FAUSTO SOCINO zu einer gelehrten theologischen Richtung ausgebildeten Unitarismus. Dort, wo schon 1539 die achtzigjährige Goldschmiedemeistersgattin Katharina Vogel verbrannt worden war, weil sie den ausschließlichen Glauben an »einen einig-einzigen, menschlicher Einsicht

---

[130] Vgl. *Konrad Grass,* Die russischen Sekten, Leipzig 1907 und 1914, II. Bd. S. 388 ff.

[131] Gehring a. Anm. 124 a. O. S. 49a.

[132] 1558 nach Polen eingewandert. Über ihn und Socino, der 1578 nach Polen kam, sowie über die Katharina Vogel von Krakau vgl. die entsprechenden Abschnitte in Wallace, *Antitrinitarian Biography,* London 1850 (3. Bd.).

unfaßbaren Gott, den Schöpfer der sichtbaren und unsichtbaren Welt« bekannt hatte, wurde *der russische Josephus ins Polnische übersetzt.*

Durch Blandrata, der 1563 von der Königin ISABELLA an den Hof des Fürsten Johann SIGISMUND VON SIEBENBÜRGEN berufen worden war und 1587 den Socino nach Klausenburg eingeladen hatte, um ihn gegen den Bischof Franciscus David der ungarischen Kirchen von Siebenbürgen disputieren zu lassen, der jede Anbetung Christi verwarf, wurde die Bewegung nach Siebenbürgen verpflanzt, wo sie durch die aus Polen vertriebenen Socinianer verstärkt wurde, und bis 1793 als selbständige Kirche weiterbestand.

Dadurch erklärt sich ohne weiteres, daß nunmehr *der polnische Josephus auch ins Rumänische übersetzt* worden ist. Von dieser Übertragung sind m. W. nur die Bruchstücke über Johannes den Täufer und Jesus erhalten, eingebettet in ein seltsam zusammengeklittertes Apokryphon polnisch-katholischen Ursprungs, das die Anfertigung von Bildern Jesu gegen die Angriffe der Haeretiker rechtfertigen will. Wohl durch Vermittlung der siebenbürgerischen Unitarier gelangten Hss. des altrussischen Josephus auch auf südslavisches Gebiet, wo im Jahre *1585 eine serbische Übersetzung hergestellt* wurde, von der sich eine Hs. im Chilandarikloster auf dem Berg Athos, eine in den Fruška Gora-Klöstern von Syrmien erhalten hat.

In Rußland selbst, wo das Kryptojudentum der Sabbathiasten *(Subbotniki)* nie ausgestorben ist, und als Denkmal fortdauernder Berührung der Judaisten mit den Juden auch noch eine russische, in der kgl. Bibliothek von Kopenhagen, in Moskau und in Leningrad erhaltene Übersetzung des hebräischen »Josippon« entstanden ist, hat die rechtgläubige Kirche den durch orthodoxe Einschaltungen harmlos gemachten Josephus gar nicht zu unterdrücken versucht. Nachdem die Judaisten — scheinbar wenigstens — ausgerottet waren, trug der gelehrte Erzbischof MAKARIOS (1542—1563), der Jünger des Josif Sanin von Volokolamskij (o. S. 346_{128}), kein Bedenken, die »Eroberung von Jerusalem« vollständig in sein Menäum — eine Sammlung erbaulicher, zum Vorlesen in kirchlichen Kreisen geeigneter und bestimmter Schriften — aufzunehmen. So besaß die russisch-orthodoxe Kirche nur den altrussischen Josephus der Judaisten, bis MICHAELOV SAMUELOVIČ, in den Jahren 1787—1804 in St. Petersburg für die russische Akademie der Wissenschaften eine neurussische Übersetzung des Josephus nach der gelehrten lateinischen Wiedergabe des erhaltenen griechischen Wortlauts der expurgierten Komnenenhandschriften in der Havercamp'schen Ausgabe drucken ließ.

III.

Ist so die Geschichte der slavischen Übersetzung des Josephus bis ins letzte aufgeklärt, so erübrigen sich nur noch einige kurze Angaben *über das Verhältnis der griechischen Vorlage des Slaven zum Text des in den erhaltenen griechi-*

schen Hss. vorliegenden »Jüdischen Krieges«. Über dieses Problem, das nicht so sehr in das Arbeitsgebiet der »Byzantino-Slavistik« als in das der klassischen Altertumswissenschaft und der Josephusphilologie gehört, habe ich ausführlich in dem o. Anm. 49 a. Buch gehandelt. Die einzelnen — ganz abgesehen von den umstrittenen Johannes-, Jesus- und »Apostel«abschnitten — sehr zahlreichen Abweichungen zwischen beiden Fassungen (s. u. S. 351) lassen sich für die Bücher I—IV bequem in dem o. S. a. Werk von BERENDTS-GRASS studieren, das wesentlichste ist jezt auch in dem von mir bearbeiteten »Appendix« zur Josephus-Ausgabe der Loeb Classical Library vol. III meines verstorbenen Freundes THACKERAY zu finden.

Wer sich unbefangen und mit ehrlichem Bemühen in dieses umfangreiche Material hineinarbeitet, wird sich unschwer überzeugen, daß diese Abweichungen sich auf keine Art durch eine willkürlich-freie Übersetzungsmethode des Slaven erklären lassen. Es ist vielmehr ganz klar, daß dem Slaven ein ganz andrer Text vorgelegen ist, als er in unseren Hss. steht. Seine Vorlage hat zunächst schon *einen andern Titel* und *ein andres Vorwort* gehabt. Berendts hatte noch geglaubt und das im Titel seines Werkes zum Ausdruck gebracht, daß der Slave die Bücher des Josephus »Vom jüdischen Krieg« übersetzt habe. In Wirklichkeit lautet der slavische Titel in allen Hss. *»o plenenii Jerusalima«,* das ist die griechische, durch patristische Zeugnisse vielfach belegte Überschrift Ἅλωσις τῆς Ἰερουσαλημ bezw. περὶ τῆς Ἁλώσεως τ. Ἰ. Auf Grund der Beobachtung von Richard LAQUEUR,[133] daß der Titel Ἰουδαικὸς Πόλεμος genau wie *»bellum Gallicum«, »Punicum«* usw. durchaus vom römischen Standpunkt aus verstanden ist, ergibt sich ohne weiters, daß »Der Jüdische Krieg die Überschrift ist, die Josephus den für seine römischen Gönner bestimmten Hss. gegeben hat, Josephus den für seine römischen Gönner bestimmten Hss. gegeben hat, während der neben diesem Titel überlieferte »Von der Einnahme« bzw. »Gefangenschaft Jerusalems« der Titel ist, den die an seine jüdischen Glaubensgenossen verkauften Exemplare trugen, wie denn er selbst in der Vorrede der erhaltenen griechischen Hss. von solchen den Römern gewidmeten und von andern den Juden verkauften Exemplaren spricht. In derselben Vorrede spricht er von einer ersten semitischen — in der πάτριος γλῶσσα — abgefaßten Orientausgabe für die Fremden im Morgenland außerhalb des Römerreiches, der nun die griechische für die Untertanen der Kaiser innerhalb des Imperiums nachfolgen soll. Für die erste, nichtrömischen Lesern zugedachtet Ausgabe ist der Titel »der Jüdische Krieg« ebenso unmöglich, wie der andre περὶ τῆς Ἁλώσεος τῆς Ἰηρουσαλήμ passend ist. Dazu stimmt die Tatsache, daß *das griechische Prooemium,* in dem Josephus von jener vorangegangenen Orientausgabe spricht und gegen andere rhetorische griechische Darstellungen des Jüdischen Krieges polemisiert, *beim Slaven fehlt!* Dort finden sich dafür kärgliche Reste

[133] a. u. Anm. 136 a. O. S. 255.

und schlecht erhaltene, aber immer noch verständliche Reste einer Vorrede,[134] in der Josephus gegen die jüdischen Zeloten wettert, die ihn mit »stinkenden Verleumdungen« verfolgen.

Da eine Reihe von ganz eindeutigen Spuren beweist, daß der Slave aus dem Griechischen und nicht etwa unmittelbar aus einem semitischen Original übersetzt hat, muß jene erste Orientausgabe schon vorher ins Griechische übersetzt worden sein. Das muß aber wiederum geschehen sein, b e v o r Josephus die erhaltene verbesserte Ausgabe für die Bewohner des Römerreiches herausbrachte, da später keinerlei Motiv für diese mühselige Arbeit mehr denkbar ist. Es können also nur die eigenen griechischen, von ihm selbst erwähnten συνεργοί des Josephus gewesen sein, die diese erste griechische Übersetzung besorgt haben. Was wir in den erhaltenen griechischen Hss. besitzen, ist — wie LAQUEUR längst gezeigt hat — eine sehr späte Neubearbeitung der ersten Ausgabe, die Josephus erst in den letzten Jahren des Domitian auf den Markt gebracht hat, und die — insbesondere bei den Juden, denen der römischen Gesichtspunkten noch weniger geschickt angepaßte ältere Text besser gefallen mußte, als der spätere und denen die stilistischen Vorzüge der Neubearbeitung wenig bedeuteten — die ältere Auflage nicht vom Markt verdrängen konnte.

Der Zufall hat es gewollt, daß dem russischen Übersetzer lauter Hss. dieser *älteren* Ausgabe in die Hände fielen. Der Umstand, daß eine der russischen Hss. (Mosqu. Acad. 651/227) die echte Schlußformel vor § 419 des VII. Buches darbietet, also von der 73 n. Chr. erfolgten Zerstörung des Judentempels von Heliopolis in Ägypten nichts erwähnt, läßt sich nur so erklären, daß der Slave zuerst eine Abschrift einer Fassung des Buches des Josephus in die Hand bekam, die die nach 73 vom Verfasser angehängten Nachträge über die Ereignisse von Heliopolis und den Aufstand in der Kyrenaika noch nicht enthielt. Nur weil diese Hs. vorn und in der Mitte unvollständig war, hat der Slave nach weiteren Hss. gesucht und aus diesen allmählich ergänzt, was in seiner ersten Vorlage fehlte, wobei — wie es in der Natur der Dinge liegt, und auch sonst zu geschehen pflegt[135] — diese Nachträge nicht in alle Hss. gleichmäßig und ausnahmslos eingefügt wurden. Dadurch erklärt sich einerseits die merkwürdige Tatsache, daß die verschiedenen russischen Hss. die Erzählung zu verschiedenen Zeitpunkten abschliessen, andrerseits aber bestätigt dieser Tatbestand aufs glänzendste die Theorie RICHARD LAQUEURS,[136] daß die Varianten der griechischen Hss. die Wandlungen wiederspiegeln, die

[134] a. Anm. 49 a. O. Bd. I. S. 245.

[135] Auch heute noch passiert es häufig, daß man beim Korrigieren der Maschinendurchschläge eigener Manuskripte nachträglich mit der Hand Eingefügtes nicht ganz gleichmäßig und vollständig in die Kopien überträgt. Erst nachträglich merkt man z. B., daß die den verschiedenen Übersetzern ausgehändigten Abschriften des eigenen Ms. nicht identisch waren.

[136] Der jüdische Historiker Flavius Josephus, Giessen 1920, p. 79.

das Hand- und Diktierexemplar des Josephus, bzw. die Hand- und Diktierexemplare der aufeinanderfolgenden Ausgaben in seiner eigenen Schreibstube erfahren haben.

Schon ALEXANDER BERENDTS hat im Lauf seiner von KONRAD GRASS aus dem Nachlaß des Verfassers herausgegebenen Übersetzung der ersten vier Bücher gezeigt, daß *die griechische Vorlage des slavischen Übersetzers* der von NIESE als »*codices deteriores*« bezeichneten Handschriftenklasse L, V, R, C nahesteht.[137] Da das die Handschriftenklasse ist, deren Text sich auch in den Zitaten des Porphyrios[138] nachweisen läßt, und den man meistens auch in den Anführungen des Euseb,[139] bei Johannes Damascenus und Syncellus[140] erkennen kann, so ist diese Tatsache nicht im geringsten überraschend oder erstaunlich. Ich selbst hatte nun — anknüpfend an die Ergebnisse Richard Laqueurs,[141] der schon erkannt hatte, daß die zwei Handschriftenklassen die *deteriores* L, V, R, C und die *meliores* P, M, N zwei aufeinanderfolgenden »Zuständen« des Handexemplares des Verfassers darstellen, ganz ähnlich wie Eduard Schwartz dasselbe für die Eusebhandschriften gezeigt hat — erwiesen, daß die »*schlechteren*« Josephushss. L, V, R, C *einen älteren, weniger sorgfältig revidierten,* von Porphyr, Euseb, Johannes Damascenus, Syncellus und dem altrussischen Übersetzer benützten *Text* darstellen, währen die besseren Kopien einer verbesserten Auflage sind, die unseres Wissens nur (um 370) vom sog. Egesippus, d. h. dem getauften Juden Isaak-Gaudentius-Hilarius benützt worden sind. Offenbar hat die »verbesserte und vom Verfasser neu durchgesehene Ausgabe« die ältere, schlechtere nicht vom Markt verdrängen können, wie denn auch heute noch viele Bibliotheken und einzelne Bücherleser sich selten zum Kauf der Neuauflage eines Buches entschließen, von dem sie schon ein Exemplar besitzen. Genau so schrieben die antiken Buchhändler und Bücherschreiber immer wieder die schlechte Vorlage ab, die sie besaßen, statt eine neue anzuschaffen.

Von dieser meiner von einem Kenner der Josephusüberlieferung vom Range THACKERAY'S vollständig übernommenen These behauptet nun HANS LEWY in seiner o. S. 311_{11} erwähnten Rezension meines Buches, sie »widerspräche den sichern Ergebnissen der Hss.-Kritik. Aus Niese's Vorrede zu seiner Josephusausgabe hätte Eisler ersehen können (!), daß die Handschriften der beiden Klassen sich nicht reinlich in zwei voneinander unabhängige Gruppen scheiden lassen, sondern daß die einzelnen »besseren« Hss. sich an

[137] Außerdem hatte *Berendts* (a. o. O. S. 31) auf vielfache Übereinstimmungen des slavischen Josephus II, §§ 119—166, mit dem vom Hippolyt, ref. IX 18—29 benützten Text hingewiesen.
[138] *Niese,* ed. maior vol. VI p. LIII, Eisler I S. XXVII_1.
[139] *Niese* a. a. O. LXIV.
[140] Ebenda LV.
[141] a. o. Anm. 136 a. O.

vielen Stellen ohne erkennbare ratio von ihrer »Familie« trennen und mit den »schlechteren« zusammengehen, und umgekehrt. (Das gleiche Bild bieten die Lesarten der späteren Zitate.) Alle Hss. führen, wie gemeinsame Fehler zeigen, auf ein- und denselben Archetypus zurück. Der handschriftliche Befund schließt also die Annahme einer doppelten Textfassung aus, er spiegelt keine schrittweise Verbesserung des hypothetischen Handexemplars, sondern eine allmähliche Verschlechterung der späteren Kopien wieder. In Wahrheit ergibt sich aus der Zugehörigkeit der Vorlage des Russen zur Klasse der »*deteriores*« also nur, daß der schwer verderbte Text[142] dieser griechischen Handschrift erst jüngern Ursprungs ist. Weiter folgt aber aus dem Fehlen der umstrittenen Zusätze in allen anderen Hss. dieser Gattung, daß diese Zusätze späte Interpolationen sein müssen.

Dieses Ergebnis der Handschriftenprüfung, das um so unerschütterlicher dasteht, als es auf Grund rein mechanischer Fakten gewonnen ist, wirft aber die gesamte Eisler'sche Konstruktion von einer griechischen Urfassung des »Krieges« als Vorlage des Russen über den Haufen«.

In Wirklichkeit beweist diese Argumentation nur, daß LEWY einerseits keine Ahnung hat von den heute maßgebenden Anschauungen über die Entwicklung der Handschriftenüberlieferung eines vielgelesenen und vielkopierten Textes, andrerseits nicht einmal über die Ergebnisse von Niese's Untersuchung der Josephushandschriften genügend unterrichtet ist.

Zunächst ist es vollkommen unrichtig, daß die ganze Überlieferung des »Jüdischen Krieges« auf eine einzige Musterhandschrift zurückgeht. Wenn Lewy, der mich darüber belehren möchte, was ich bei Niese »hätte finden können«, auch nur das richtig verstanden hätte, was ich Bd. I, S. 234 Anm. aus Niese anführe, so müßte er wissen, daß zwar in der Tat alle Hss. einen gemeinsamen, sehr bezeichnenden Fehler aufweisen — alle haben eine ganze, 38 Zeichen des Archetyps umfassende Zeile übersprungen — daß aber diese in allen bekannten Hss. fehlende Zeile in den zwei MSS. von Paris und Mailand d. h. aber in zwei der »*codices meliores*« am Rande nachgetragen ist.[143] Das beweist, daß es noch im 11. Jhrdt. im byzantinischen Reich Hss. gegeben hat, die diesen Fehler des Archetyps

[142] Wenn Herr *Lewy* das von ihm so überheblich kritisierte Buch etwas genauer studiert hätte, so hätte er bei mir I S. 238₁ finden können, daß der Slave sehr oft eine richtige Lesart hat, die in allen griechischen Hss. fehlt, aber von Niese und Destinon durch scharfsinnige Korrektur eines offenbaren Fehlers schon wieder hergestellt worden war (z. B. Tharckeray Bd. II p. 582 n. 1: gerettet ἐκ τοῦ πύργου, was natürlich ἐκ τοῦ πυρὸς = slav. *ot ognija* heißen muß). Bei Berendts und Grass sind eine Reihe weiterer Beispiele zu finden — für die, die die Frage ehrlich studieren und nicht bloß von oben her über schwierige Probleme aburteilen wollen.

[143] Das ist kein vereinzelter Fall. Der Herausgeber der βίοι des Plutarch *Konrad Ziegler,* teilt mir mit, daß eine große Lücke im Leben des Aemelius Paullus nur in gewissen Hss. des 15. Jhrdts. ausgefüllt ist.

aller erhaltenen Hss. nicht aufwiesen, also einem andern Archetyp angehörten, d. h. aber eben jener zweiten, von Josephus selbst für das auf die Herausgabe der »Altertümer« folgende Jahr 94 angekündigten vermehrten und verbesserten Ausgabe des »Jüdischen Krieges«, von der ich Bd I, S. 469 und 521 ff. als erster nicht nur eine mittelalterliche Erwähnung, sondern auch in verschiedenen byzantinischen Chronographen elf, in allen erhaltenen Josephushss. fehlende Bruchstücke aufgefunden habe.

Daß die Hss. der beiden Klassen sich nicht reinlich in zwei von einander unabhängige (!) Gruppen scheiden lassen, sondern daß die einzelnen „besseren" Hss. sich an vielen Stellen ohne erkennbare ratio von ihrer „Familie" trennen und mit den „schlechteren" zusammengehen und umgekehrt«, kommt bei allen Autoren vor. Das ist der Grund, weshalb kein moderner Herausgeber sich mehr ängstlich an eine mechanische Anwendung der Methode der Hss.-Stammbäume klammert. Die Ursache dieser Erscheinung ist — wenn Herr Lewy sie auch nicht kennt — doch allen Sachverständigen wohl vertraut. In Wirklichkeit sind nämlich die meisten byzantinischen Hss. durchaus keine mechanischen Abschriften einer Vorlage, sondern vielmehr ganz ähnlich wie unsere heutigen Ausgaben Versuche eines Schreibers, durch Vergleich mehrer Hss. — besserer und schlechterer — zu einer zuverlässigen »*recensio*« zu gelangen![144] Im hier zu erörtenden Fall des »Polemos« des Josephus, ist dieser Tatbestand für gewisse Hss. bewiesen durch den Codex M, der am Rande von Buch I, § 90, mit Beziehung auf einen in L. V. N. βονδα, in C aber ὀβωδη geschriebenen Namen die Bemerkung aufweist: ἔν τισιν εὕρεται βόνδα, ἐν ἐνίοις γρ οβέδα (d. h. γρ. οβεδα, lies γράφεται οβεδα). Diese Randnotiz ist mechanisch übernommen aus einer Vorlage, in der ein intelligenter Schreiber notiert hat, daß er mehrere Hss. verglichen und daraus nach bester Einsicht eine Lesart gewählt hat. Ebenso vermerkt der Codex L, der im Text βόνδα darbietet, am Rande: γρ(άφεται) καὶ ὀβόδα.

Die fortschreitende Verschlechterung, auf die Herr Lewy in schülerhafter Weise die Entstehung der Familie L V R N C zurückführen möchte, wirkt sich natürlich in allen Hss.-Stämmen aus, da ja jeder Kopist, ohne es zu wollen, auf eigene Faust Fehler macht und diese Fehler wieder — durch eigene vermehrt — von andern unaufmerksamen Abschreibern in neuen Abschriften weitergeschleppt werden. Es ist jedoch vollkommen ausgeschlossen, auf diese unbeabsichtigten und zufälligen Fehler jene Abweichungen zurückzuführen, die moderne Herausgeber als »echte Varianten« zu bezeichnen

[144] Für den hebräischen »Josippon« ist dieser Tatbestand erwiesen durch die Vorrede des R. Jehuda B. Moše Mosconi (13. Jhrdt.), der erklärt, seinen Text aus fünf mehr oder minder vollständigen Hss. zusammengestellt zu haben. Ganz so hat — ebenfalls im 13. Jhrdt. — der slavische Josephusübersetzer gehandelt.

pflegen, und die nichts andres sind, als Änderungen, die der Autor selbst in seinem Handexemplar vorgenommen hat.

Von diesen »echten Varianten« habe ich a. a. O. ein sehr bezeichnendes Beispiel hervorgehoben, das Niese l. c. p. XXIV zu 561_{12} noch für ein sehr altes Glossem gehalten hatte. Die höchst barocke Phrase τόπος τ' ἐπὶ τῆς πόλεως οὐδεὶς γυμνὸς ἦν ἀλλὰ πᾶς λιμοῦ νεκρὸν εἶχε ἢ στάσεως ist verbessert worden, indem der geschraubte Satz von den »Hunger- oder Aufstandsleichen« ersetzt wurde durch die einfachere und klarere Fassung desselben Gedankens καὶ πεπλήρωτο νεκρῶν ἢ διὰ στάσιν ἢ διὰ λιμὸν ἀπολωλότων. Dem Zufall, daß der Korrektor versäumt hat, die zu tilgenden Worte im Diktierexemplar oder oder unter der Zeile zu punktieren, verdanken wir die Erhaltung der beiden Fassungen — der besseren und der schlechteren — in seltsamem Nebeneinander.

In andern Fällen stehen die ursprüngliche Leseart und die nachträgliche Verbesserung in verschiedenen Hss. unseres griechischen Textes. Ein lehrreiches Beispiel findet sich im § 639 des ersten Buches: der römische Procurator Varus gebietet dem Antipater sich zu verteidigen. Dieser antwortet: »Gott ist mein Zeuge, daß ich nichts übles getan habe.« Darauf befiehlt, in der altrussischen Fassung und in einigen griechischen Codices (P A und V C!) H e r o d e s einen zum Tod verurteilten Gefangenen herbeizuführen, und ihm den Trank einzugeben, den Antipater beschuldigt ist, für seinen Vater vorbereitet zu haben. Das Opfer stirbt daran und beweist dadurch, daß es sich wirklich um einen Gifttrank gehandelt hat.

In den andern Hss. des »Krieges«, insbesondere dem Vossianus von Leiden ist es der R ö m e r V a r u s, der den grausamen Versuch anordnet, und diese Fassung ist es auch, die man in den »Jüdischen Altertümern« des Josephus liest (XVII, § 131). Es liegt somit auf der Hand, daß die eine Lesart aus einer dem Herodes feindlichen Quelle stammt, während die spätere, die sich in den »Antiquitäten« findet, das Ergebnis einer Änderung darstellt, die Josephus vorgenommen hat, um den Wünschen der herodeischen Familie, insbesondere seines Gönners Agrippa II. zu entsprechen. Wollte man mit Herrn Lewy die eine der zwei Varianten durch Abschreibfehler erklären — etwa durch zufälligen Ausfall der zwei Worte Ἡρώδης δὲ nach αἰτήσας, so müßte gerade die Vorlage des Russen die richtige Lesart bewahrt und Josephus selbst unachtsamerweise für seine »Altertümer« ein fehlerhaftes Exemplar seines »Jüdischen Krieges« benützt haben, ohne die Lücke in seinem eigenen Text zu bemerken!

Selbst wenn Herrn Lewy der — offenbar unmögliche! — Nachweis gelänge, daß die *praeter propter* durch die »schlechteren« Codices L, R, V, N, C vertretene Fassung jünger sei als die »bessere«, die den Hss. P, A, M (den »*meliores*« bei Niese) zugrundeliegt, so würde das immer noch in keiner Weise meine Schlußfolgerungen umstoßen, da ich die Ἅλωσις τῆς Ἱερού-

σαλήμ betitelte verlorene griechische Vorlage der slavischen *Plenenie Jerusalima* von dem Text der griechischen Hss. des von Josephus selbst[145] »Der Jüdische Krieg«[146] genannten Werkes nicht so sehr durch die stilistischen, im Grunde genommen eher geringfügigen Varianten zwischen L, V, R, N, C und P, A, M unterscheiden will, als vielmehr durch *die zahlreichen und wesentlichen sachlichen Abweichungen* im Inhalt der aufeinanderfolgenden »Ausgaben«, deren erste im Jahre 73 — vor der Zerstörung des Tempels von Heliopolis —, deren letzte im Jahre 94/5 erschienen ist.

In einer wirklich durchaus unfairen Weise hat Herr Lewy seinen Lesern die für die Lösiung des Problems entscheidenden Tatbestände unterschlagen, die Berendts, und ihm folgend ich selbst durch eine ganz genaue Untersuchung der zahlreichen sachlichen Verschiedenheiten zwischen dem griechischen und dem slavischen Text in Abschnitten festgestellt haben, die mit der Urgeschichte des Christentums auch nicht das mindeste zu tun haben und daher einer Verfälschung durch absichtsvolle Korrekturen in keiner Weise verdächtig sind.

Herr Lewy erwähnt z. B. mit keinem Wort, daß die altrussische Fassung eine Reihe für Josephus sehr belastende Zugeständnisse enthält — vor allem über die Betrügereien beim Auslosen, die er sich in der Zisterne von Jotapata zuschulden kommen ließ u. a. m. Es wäre ihm in der Tat schwer gefallen, auch dem ahnungslosesten Leser einzureden, daß die späten Byzantiner, für die der Historiker Josephus ein wertvoller »Wahrheitszeuge wider Willen« war, oder gar der slavische Übersetzer eine Geschichte erfunden haben sollten, die die frömmelnde Heuchelei des feigen Überläufers in so drastischer Weise enthüllt! Oder meint Herr Lewy vielleicht, diese höchst aufschlußreiche Variante auf eine zufällige Textverderbnis zurückführen zu können?

Natürlich hütet sich Herr Lewy ebenso sorgfältig, vor einer Erwähnung des von SALOMON REINACH[147] nach Gebühr gewürdigten, für sich allein schon entscheidenden, nur beim Slaven erhaltenen Einzelzuges von den Fußangeln (*tribuli*), die Vitellius in der Schlacht von Bedriacum gegen die Reiterei des Othon verwendete. Wem wollte man einreden, daß ein später Byzantiner imstande gewesen wäre oder irgend einen Anlaß gehabt hätte, eine solche merkwürdige Einzelheit zu erfinden? Umgekehrt erklärt sich dieser dem Slaven eigentümliche Zug sehr einfach daraus, daß Josephus diese Angabe, die ihn interessierte,[147a] in den *commentarii* d. h. in den Depeschenbüchern

[145] Antiqq. XVIII § 11; XX § 258; Vita § 74. Dieser Titel findet sich im Parisinus, gehört also zu der *recensio,* die durch die *codices meliores* P. A. M. vertreten wird. Er wird überdies zitiert von Theophilus, ad Autolyc. 23 und Euseb, h. eccl. I, 5, 6; II 6, 4.

[146] Die meisten unserer Hss. sind περὶ Ἁλώσεως überschrieben. Dieser Titel wird von Origenes, Hieronymus, Cassiodor, Isidor von Pelusium, dem Chronicon Paschale und Suidas zitiert.

[147] Amalthée vol. II. Paris (Levoux) 1930 p. 336 ss.

[147a] Behauptet doch der angebliche Feldherr Josephus, selbst gewisse Stratagemata erfunden zu haben!

des Vespasian gefunden hat, der sich natürlich über alle militärisch wichtigen Wechselfälle im Kampf seiner zwei Rivalen genau berichten ließ. Josephus hat diesen schlauen taktischen Kunstgriff des Vitellius in der ersten Auflage ganz naiv erwähnt, ohne zu erwägen, wie taktlos es war, in einem der Verherrlichung der Flavier gewidmeten Werk die militärische Tüchtigkeit des dicken, verdientermassen unterlegenen Rivalen des Vespasian zu rühmen. Natürlich hat er nicht lange gezögert, diesen Taktfehler in einer folgenden Ausgabe des Werkes schleunigst zu verbessen. Man versuche es, wenn man kann, sich das unvermittelte Auftreten einer so auserlesenen militärischen Nachricht im slavischen Text des Josephus, sei es durch Herrn Lewy's »fortschreitende Verderbnis der Hss.«, sei es durch eine Interpolation eines um die Verherrlichung des Fressers Vitellius besorgten byzantinischen Abschreibers zu erklären!

Weder diese, noch irgend eine andre der z. T. für die eigene Lebensgeschichte des Josephus und die Entlarvung seiner Doppelzügigkeit, Verräterei und Prahlerei höchst wichtigen sachlichen Abweichungen zwischen dem griechischen und dem slavischen Text[148] läßt sich anders erklären, als durch die höchst einfache, durch die Fortschritte der Hss.-erforschung immer mehr bestätigte, schon von Berendts aufgestellte Hypothese, daß dem Slaven Hss. einer älteren griechischen Fassung vorgelegen sind, die der semitischen Orientausgabe der »Eroberung von Jerusalem« näher standen als unsere Hss. des »Jüdischen Krieges«, die eine spätere Bearbeitung jener im griechischen Urtext verloren, vor 73 n. Ch. herausgegebenen Fassung darbieten.

Daraus ergibt sich für die Geschichte der schriftstellerischen Tätigkeit des JOSEPHUS das folgende

GESAMTERGEBNIS:

Sein ältestes, teilweise in seiner späteren Selbstbiographie aufgegangenes, Werk war ein *Rechenschaftsbericht an die Machthaber in Jerusalem,* in dem er seine Tätigkeit in Galiläa zu verteidigen versuchte.

Diesen hat der feige Überläufer dann durch eine Darstellung seiner Erlebnisse bis zu seiner »Gefangenennahme« in der Zisterne von Jotapata zu einer Rechtfertigungsschrift ergänzt, die er — wie Silvio Pellico sein Buch »*I miei prigioni*« — »*Josephus über (seine) Gefangenschaft*« oder »*Gefangennahme*« nannte. Nach deutlichen Spuren polysyndetischer, nicht wie im Aramäischen vorwiegend asydetischer Satzverbindung und des Gebrauchs des bestimmten, im Aramäischen fehlenden Artikels »*ha*« vor gewissen Eigennamen (z. B. Ἀγαβαωθ = *haggabaoth* »die Höhen«) war diese autobiographische Skizze und vielleicht der Entwurf der ganzen Kriegsgeschichte *hebräisch* geschrieben.

[148] Vgl. darüber die Abschnitte III 7—10 im ersten Band meines o. Anm. 39 a. Buches.

Für die »Barbaren« des Partherreichs, in dem das Aramäische die Staatssprache war, hat er dann diesen »Roman seines Lebens« — durch reichliche Auszüge aus den »commentarii principum« im kaiserlichen Archiv zu einer vollständigen *Geschichte und Vorgeschichte des jüdischen Aufstandes* ergänzt — in der πάτριος γλώσσα, d. h. *Aramäisch* herausgegeben.

Griechische συνεργοί d. h. entweder bezahlte »*graeculi esurientes*« oder noch wahrscheinlicher »*servi litterati*« haben dann diese Orientausgabe eilig *ins Griechische übersetzt.*

Aus der κεφαλαίωσις im προοίμιον, geht deutlich hervor, daß die erste Auflage des Werkes als Gelegenheitsschrift für den Triumphzug des TITUS bestimmt war und mit der Schilderung des — heute noch auf dem Titusbogen im Bild zu sehenden — Festzugs abschloß. Dem Sieger und seinen Feldherrn wurden eine Reihe von Widmungsabschriften überreicht von dem beflissenen Verfasser, der sich nunmehr als freigelassener, römischer Bürger und Klient der Flavier »Flavius Josephus« nannte, im alten Privatpalast des Vespasian untergebracht war, aus dem vom Kaiser für gefügige, der Verbreitung seines Ruhmes dienende Rhetoren und Literaten geschaffenen Reptilienfonds eine Rente bezog und überdies enteignete Ländereien seiner von ihm verratenen Volksgenossen steuerfrei geschenkt bekommen hatte.

Diese Ausgabe trug die ganz vom römischen Standpunkt aus empfundene Überschrift: »*Der jüdische Krieg*«, während die weniger sorfältig *ad usum delphini* durchgesehenen Abschriften, die ihm seine jüdischen Landsleute abkauften, den für die Juden bestimmten Titel περὶ τῆς ἁλώσεως Ἱερουσαλήμ trugen.

Das Diktierexemplar des Jahres 72, das alle Spuren rascher und schleuderhafter Abfassung trug, hat der geschmeidige Publizist fortlaufend verbessert, überarbeitet und durch kleine Fortsetzungen bezw. Einschiebungen über Ereignisse der Jahre 73, 75 usw. ergänzt, endlich im Anfang der Regierung des DOMITIAN nochmals von einem guten Stilisten in besseres Griechisch übertragen lassen, wobei er stets ängstlich darauf bedacht war, sich selbst von allen immer wieder auftauchenden Anklagen reinzuwaschen und alle Schuld auf die von ihm — in den Ausdrücken der amtlichen römischen Rechtssprache — als »Banditen« (λησταί) bezeichneten messiasgläubigen Aufständischen zu schieben, deren Propheten als »Gaukler« (γόητες) und Irrlehrer (σοφισταί) zu brandmarken und in jeder Weise von seinen früheren Gesinnungsgenossen abzurücken. Das war um so nötiger, als Aussagen des Führers des Aufstandes der Juden von Kyrene ihn in die Geschichte der nicht abzuleugnenden Versuche, die ganze Diaspora in die Bewegung hineinzuziehen, verwickelt hatten und er sich diesmal, wie bei einer zweiten vom Erzieher seines Sohnes gegen ihn erstatteten Anzeige, gewiß nur mit Mühe hatte herauslügen können.

Zu einer besonderen Anstrengung zwang ihn eine Darstellung des Aufstandes aus der Feder seines leidenschaftlichen Gegners und Rivalen JUSTUS

VON TIBERIAS. Mit Benützung seiner alten Tagebücher und Rechtfertigungsschriften klittert er nun eine neue, noch lügenhaftere Beschreibung seines eigenen Lebens zusammen, die er als Anhang zu einer mittlerweile vollendeten, als ausführliche Vorgeschichte des »Jüdischen Kriegs« gedachten Darstellung der »*Jüdischen Altertümer*« — in zwanzig Büchern zuerst im 13. Jahr Domitians = 93/94 erschienen — bei seinem Verleger M. METTIUS EPAPHRODITUS herausgegeben hat. In die »Altertümer« — griechisch Ἰουδαϊκὴ Ἀρχαιολογία genannt — sind eine Unzahl kleiner Nachträge und Berichtigungen verarbeitet, die ihm aus dem Leserkreis des »*Polemos*« zugegangen waren, insbesondere zweiundsechzig Briefe seines Gönners, des Judenkönigs AGRIPPA II. Während er in dem älteren Werk keinerlei Kenntnis christlicher Quellen verrät, polemisiert er in den »Altertümern« sichtlich gegen die auch dem Samaritaner Thallus (52 n. Chr.) schon bekannte, heute verlorene Sammlung von messianischen Prophetenstellen (Λόγια κυριακά) die im Leben Jesu ihre Erfüllung gefunden hätten, die von Papias wohl mit Recht auf den Apostel Matthäus zurückgeführt wird.

Es scheint, daß die Schriftstellerei mit Hilfe seiner συνεργοί d. h. *servi litterati* oder auch freigeborener *graeculi esurientes,* ihm zusagte und sich auch gut lohnte. Denn schon im nächsten Jahr 14 des Domitian gab er eine Neubearbeitung des »*Jüdischen Krieges*« mit einer bis zur Erschaffung der Welt zurückreichenden Vorgeschichte und einer Fortsetzung bis zum Erscheinungsjahr des Werkes in vierundzwanzig Büchern — also im wesentlichen eine Verschmelzung des »Krieges« mit den »Altertümern« — heraus, von der nur Bruchstücke bei byzantinischen Chronographen erhalten sind. Auch gekürzte, billige Volksausgaben dieser bis zu 60- bezw. 72.000 Stichen langen und daher sehr teuren Werke — von denen nur die sog. *Epitomē* der »Altertümer« erhalten ist — ließ er durch einen guten Attizisten anfertigen. HIERONYMUS kannte eine Neuauflage der »Altertümer« aus dem Jahr 14 des Domitian = 94/95 n. Chr., der erhaltene Text des Werkes ist sogar eine Überarbeitung aus der Zeit nach dem Tod Agrippas II. (100 n. Chr.). Ebenfalls nach der ersten Ausgabe der »Altertümer« schrieb er das seit Hieronymus »*contra Apionem*« genannte Werk περὶ τῆς τῶν Ἰουδαίων ἀρχαιότητος πρὸς τοὺς Ἕλληνας gegen die verschiedenen antijüdischen Schriften hellenistischer Historiker und Rhetoren.

Ob er seinen Plan, je ein Buch über die Vernunftgründe der jüdischen Gesetze und über das Wesen Gottes herauszugeben, noch ausgeführt hat, ist unsicher. Die Schrift über die Gesetze könnte der *Mosaicarum et Romanarum legum collatio* des Josephusbearbeiters Isaac-Hilarius-Gaudentius, des von Erasmus sog. Ambrosiaster zugrundeliegen oder doch zum Vorbild gedient haben.

IV.

DER ALTRUSSISCHE WORTLAUT EINIGER WICHTIGER IM GRIECHISCHEN »POLEMOS« FEHLENDEN STELLEN DER »HALOSIS«.

Umschrift von Vladimir N. Istrin.

Übersetzung von † Alexander Berendts.

Niese I. X. 2—3, § 198—199. 279—658, f. 354. Cod. Archiv.

Berendts-Grass S. 87 f.

но дабы разратилъ июдѣѧ с Римлѧны и бы въсталъ на в'давшаго.

. . . »damit er die Juden mit den Römern entzweie und sich wider den erhebe, der die Gewalt gegeben.«

[Мирфидатъ же прѣ= Кесаремъ послоушествоваше w моужествѣ Ѧнтипатровѣ.

Mithridates aber zeugte vor Cäsar von der Tapferkeit des Antipater.

(§ 199) Кесарь же, слышавъ рѣчи wбоихъ и видѣвъ ѕвы телеси его, ѕаже прим въ брани, и почѣ=ти его великымъ саномъ Римьскымъ и ѿчѣствоу его ѿпоустити дань.

(199) Cäsar aber, da er die Reden der beiden gehört und die Wunden an seinem Leibe gesehen, die er im Kriege empfangen, so ehrte er ihn durch einen hohen römischen Rang und seinem Vaterlande erließ er die Steuer.

архиерѣискыи санъ притверди ирканови его ради],

Die hohepriesterliche Würde bestätigte er dem Hyrkanus um seinetwillen.

Оуркана болшею честию почтѣ.

Den Hyrkanus ehrte er mit noch größerer Ehre«.

Niese I. XIII. 3—5; § 253—260. Cod. Archiv.

Berendts-Grass S. 101 f.

наставшѹ же праѕ=никоу, еже наричетсѧ пѧтикостиѧ,

»Da aber das Fest angebrochen war, welches *Pentēkostē* genannt wird,

по wбычаю вси людие съвокоупилисѧ бѧхоу, wво wроужници, wво же простїи.

hatte der Sitte gemäß alles Volk sich versammelt, teils Bewaffnete, teils aber Einfache.

и тогда ирод, поимъ wстанокъ вои, кыиде в'неѕапоу изъ двора и оуби ѿ людии. к. тысѧщь.

Und damals nahm Herodes den Rest der Truppen mit sich und ging plötzlich aus dem Hof heraus. Und er tötete vom Volk zwanzigtausend.

а прочии затворишасѧ въ цр҃кви.

Aber die übrigen schlossen sich im Tempel ein.

и того ради Ѧнтигонъ и с Пакоромъ оумолиста и оумиритисѧ.

Und deswegen bewogen Antigonus mit Pakorus ihn durch Bitten, Frieden zu schließen.

Фасаилъ же оумирившесѧ с нима и wбѣдъ силенъ оучинивъ, и възва ѭ съ кои своими, и почести ихъ добре съ великыми дарми ѿпоусти ѧ (§ 255).

Phasael aber, der mit ihnen Frieden geschlossen und ein prunkvolles Gastmahl angerichtet hatte, berief sie mit ihren Truppen, und, nachdem er sie sehr geehrt, entließ er sie mit großen Geschenken.

Пакоръ же искаше, коею лестию иметь Фасаила съ Ирканомъ и оучинивъ wбѣдъ възва ѧ.

(255) Pakorus aber suchte mit seiner Schlauheit den Phasael mitsamt Hyrkanus zu haben. Und da er ein Gastmahl angerichtet hatte, berief er sie.

Иродъ же посла къ Фасаилови, казаше блюстисѧ ѿ Пакора и не датисѧ жажоущимъ оубити его ни ѭти вѣры варваромъ, аще и кленоутсѧ.

Herodes aber sandte zu Phasael, mahnte ihn, sich vor Pakorus zu hüten und sich nicht denen auszuliefern, die darnach dürsten, ihn zu töten, noch Glauben Barbaren zu schenken, wenn sie auch schwören.

Фасаилъ же, надѣѧсѧ на свою правдоу и на простосердие и на клатвоу, поимъ Иркана, и иде безъ блюдениѧ.

Phasael aber, vertrauend auf sein Recht und auf die Geradheit und auf den Eid, nahm den Hyrkanus mit und ging ohne Vorsicht.

и къ wбѣдоу лезшаа и та быста кающасѧ и кленоущасѧ невѣр'ства его.

Und da sie zum Gastmahl gingen, so waren die beiden voll Reue und verfluchend seine (d. h. des Pakorus) Treulosigkeit.

и възскочивъ Ѧнтигонъ и оугрызѣ оуши wбѣ Иркановы зѳбы, молѧщюсѧ не моужескы w животѣ.

Und Antigonus sprang auf und biß mit den Zähnen dem Hyrkanus beide Ohren ab, als er in unmännlicher Weise um das Leben bat.

сътвори же емоу се Ѧнтигонъ, да аще потомъ живъ боудеть, да не можеть архиерѣиствовати.

Es tat ihm aber das Antigonus an, damit er später am Leben sein würde, damit er (dann) nicht Hohepriester sein könne.

законъ бо велить архиерѣwмъ безъ порока быти.

Denn das Gesetz gebietet, daß die Hohenpriester ohne Gebrechen seien.

Фасаилъ же, много поносивъ Покора на жестосердие и на лоукав'ство и на

Phasael aber, der den Pakorus viel gescholten hatte um der Herzens-

лихоимание, ѿ того оумре, ничтоже слабо изрекъ.

härtigkeit willen und um der Hinterlist und der Habsucht willen, starb infolgedessen, ohne etwas Kleinmütiges gesagt zu haben.

Niese I. XIV. 4; § 285.
Cod. Archiv. f. 357.

Berendts-Grass S. 107.

идоста .... оупати на капитолию жрети и написати w иродовѣ цр҃ткѣ.

»Da aber die Senatoren auseinandergegangen waren, gingen Cäsar und Antonius, zwischen sich den Herodes haltend, in den Palast, die römischen Priester aber, die Fürsten und Konsuln auf das Kapitol,

zu opfern und eine Niederschrift zu machen in betreff des Königstums des Herodes.

[такъ бо в нихъ wбычаи, аще Кесарь санъ комѹ дасть, не твръдо есть, донде же не напишеть в Капетолии,

Denn also ist bei ihnen die Sitte: wenn der Cäsar jemandem eine Würde verleiht, so ist es nicht fest, solange er es nicht auf dem Kapitol niederschreibt. Wenn es verkündigt

еже протлъкоуетсѧ «цр҃ьскы жрѣть», и тѣмъ твердо боудеть].

wird, so opfert man königlich und dadurch wird es fest sein.

въ пръвыи же дн҃ь цр҃твиѧ Антонии же wбѣдъ емоу оустрои.

Am ersten Tage aber des Königtums richtete Antonius ihm ein Gastmahl aus.

Niese I. XVII. 3; § 328.
Cod. Archiv. f. 359.

Berendts-Grass S. 117f.

выв'шоу же Иродови въ Антиwхии, и видѣ сонъ, проꙗвлѧющи емѹ братию смрътъ.

Als aber Herodes in Antiochia war, so sah er einen Traum, der ihm des Bruders Tod vorausoffenbarte. [Der Traum aber war ein solcher:

[сонъ же бысть такъ:

Es waren 4 Ähren.

быша ·Д· : класи,

Die erste war trocken durch Frost, aber die zweite stand aufrecht, aber die dritte überfielen Wölfe und fällten (sie) und schleppten (sie) hinter sich her.

пръвыи сѣхъ бысть мразомъ, а второꙑ стоꙗше,

а на трет҃ии влъци припадоша и посѣкоша и волокоша по собѣ.

а сказанїе его тако бысть: пръвыи бысть класъ Фасаилъ,

его же оусоуши отравление.

вторыи же класъ самъ бысть, еже есть цѣлъ.

третїи же Иосифъ, братъ его,

его же вои посѣкоша и волокоша безъ погребениа.]

и дша его маташется въ немъ. единою же оужасися и вынидѣ ѿ ждра полоуночи тако бѣсоуема,

[дша бо прежде разумѣвши тако дх̃ъ страховаашеся]

и абие прїиде емоу вѣсть печална.

Aber seine Erklärung war eine solche: Die erste Ähre war Phasael, welchen die Vergiftung vertrocknet hatte.

Die zweite Ähre war er selbst, sofern er unversehrt ist.

Die dritte (Ähre) aber war sein Bruder Joseph,

welchen die Krieger fällten und dahinschleppten ohne Bestattung.]

Und seine Seele ward erregt in ihm. Mit einem Male aber ergriff ihn Entsetzen und er ging hinaus aus dem Schlafgemach um Mitternacht wie besessen.

[Die Seele nämlich, die früher verstanden hatte, als der Geist, fürchtete sich.]

Und sofort kam zu ihm die traurige Kunde.

Niese I. XXIX. 2; § 571—572.

S. 194f.

. . . . . .

Cod. Volokolamskij.

. . . гла, тако вдала е[г] Фарїсеѡм

на мя дары великы, и моя слгы наоустила, и всако чароваанїе встронла [и въ

брашно и въ ждежѕ и въ обѹвь и въ ездъ.

Und er sprach: »Du hast den Pharisäern

gegen mich große Geschenke gegeben und hast meine Diener angestiftet und jegliche Zauberei zubereitet [sowohl für die Speise, als auch für die Kleidung, als auch für das Schuhwerk, als auch für das Fuhrwerk.

въспомани, о Ферора,

какѕ смр̃ть прїалъ е[г] песїа

игеменъ. егда ѿ твои[х] брашенъ въсхотѣ[х] ясти и, бѕ застѹпившѕ мя, не м[х] и посла[х] пеїа

Erinnere dich, o Pheroras,

welch einen Tod davongetragen hat Pesias (lies: Phasael[1])

der Fürst, als ich von deinen Speisen zu essen begehrte und, da Gott für mich eingetreten war, nicht (davon) nahm und des Pesias

[1] פסיאה für פַּסָיאֵל auch im hebräischen Josippon IV, 17 ed.[2] Breithaupt, Gotha 1710 p. 315[24]. Zur Vergiftung des Phasael vgl. das vorangehende Bruchstück.

имъ же wкѕси, выскочиста емѕ очи

sandte. Weil er (davon) kostete, sprangen ihm beide Augen hervor

и оудеса его по членѕ расѣдоша҃, и рикающѕ емѕ третии дн҃ь издъше.

und seine Glieder zerfielen Gelenk für Gelenk und heulend gab er am dritten Tage den Geist auf.

иногда же имшѕ҃ мнѣ за ѕѕа҃ѕ, по томъ часѣ оусше рѕка,

Einst aber, als ich den Zügel ergriffen hatte, vertrocknete nach dieser Zeit die Hand.

да аще бы сѧ не wбрѣлъ в то врема

Wenn sich nicht zu der Zeit

Соурянинъ ѕміеногы и, прободь конь живъ, и вложи рѕкѫ мою в конь скоро,

ein schlangenbändigender Syrer gefunden hätte und das lebendige Pferd durchbohrt hätte und meine Hand rasch in das Pferd

то бы мѧ оуморила неличною смр҃тію и чюдною.

hineingelegt hätte, so hätte mich (die Hand?) durch heimlichen (?) und wunderbaren Tod getötet.

и мѕчи҃ конедръжителѧ моего

Und ich folterte meinen Stallknecht.

и изведе винѕ на нѧ и на҃ всѣ҃ тѣ҃ и въ тѧ. толико въсложила вражьство на мѧ, ꙗ҃ѕ забы҃ еси и бр҃а и е҃ства и братства и любовь горѧщѕ и санъ и честь, юже ти вда мои потъ и глава.

Und er leitete die Schuld auf sie. Und zu alledem hat sie auch auf dich solch eine große Feindschaft gegen mich gelegt, daß du sowohl Gott, als auch die Natur vergessen hast, als auch die Bruderschaft und die brennende Liebe und die Würde und die Ehre, welche dir meine Arbeit und dieser Kopf gegeben hat.

си и нн҃ѣ еси ратенъ на мѧ и ищеши см҃рти мнѣ (§ 572).

Und jetzt bist du feindlich gegen mich und suchst für mich den Tod.«

Ферорꙋ же не смѣющѕ ни слово изрещи противѕ и трепещѕщѕ сѣло w женѣ], ирод҃ рече:

§ 572. Da Pheroras aber auch nicht ein Wort zur Antwort auszusprechen wagte und heftig um sein Weib zitterte, sprach Herodes:

«двою ти колю даю, да которѕю пр҃іими: любо мене лишисѧ, а женѕ держи, любо мене имѣи братомъ, а тѕ женоу ѿрини.»

»Zwei Möglichkeiten gebe ich dir und eine (von ihnen) nimm. Entweder sage dich von mir los, die Frau aber behalte, oder habe mich zum Bruder, diese Frau aber verstoße.«

Niese I. XXXII. 6—7; § 641—644.
Cod. Volokolamskij.

Berendts-Grass S. 220.

тѣм достоино дивити҃ бж҃твномѹ
смотрѣнїю,

како въздаваетъ противѹ злѫ зло̀,
а противоу҃
добрѹ добро.
и не мощно чл҃ѣ

оукрыти҃ вседръжителѣи е҃ѩ десницѣ, ни законномѫ ни безаконномѫ,

но̀ паче призирает око е҃ѩ преславное на законныѧ.

и Аврам бо, прадѣдъ рода нашег҃, ѿ своеѧ землѧ выведен. бы҃, зане пренебрѣгъ врата своего в расѣленїе предѣлъ своих҃,

а имже съгрѣши, тѣмже и прїа казнь.

а паки за послѹшанїе его вда емѹ землю ѡбѣтованѹю.

Deshalb ist es geziemend, sich über die göttliche Vorsehung zu verwundern,

wie sie wiedervergilt Böses für Böses,

aber Gutes für Gutes.

Und unmöglich ist es dem Menschen,

sich vor seiner allmächtigen Rechten zu verbergen, weder dem Gerechten, noch dem Ungerechten.

Aber mehr noch sieht sein hochherrliches Auge auf die Gerechten.

Und es wurde ja Abraham, der Urvater unseres Volkes, aus seinem Lande herausgeführt, weil er seinen Bruder beleidigt hatte bei der Teilung ihrer Gebiete.

Und wodurch er gesündigt, eben dadurch erhielt er auch die Strafe.

Und wiederum für seinen Gehorsam gab er ihm das verheißene Land.

Niese I. XXXIII. 2; § 650.
Cod. Volokol.

S. 222.

грѧдете, мѫжи Іюденстїи,
нн̃ѣ времѧ мѫжьствовати, да покажем, како бл̃гоч҃тїе имѣем на законъ Моусеовъ,

да не постыдитсѧ родъ нашь, да не посрамим законадавца и҃ѩго.

имѣим ѡбразъ на подвиженїе Єлеазарѧ пръвагѡ
и седми братїа Маковеи

Vorwärts, ihr jüdischen Männer,

jetzt ist es Zeit, mannhaft zu handeln! Wollen wir zeigen, welch eine Ehrfurcht wir vor dem Gesetz Mosis haben,

damit sich unser Volk nicht schäme, damit wir nicht unseren Gesetzgeber beleidigen.

Wir haben als Beispiel für die Heldenhaftigkeit Eleazar als Ersten

und die sieben Brüder, die Makkabäer,

и мт҃и и҃х мѫжьствующи.

Ѧнтиѡх҃ бо, побѣ҃дивъ и попленивъ землю нашѫ и цр҃твѹѭ над҃ нами, тѣми сед҃мїю отрокъ побѣжд҃енъ бы҃ и оучителем старом и женою старицею.

им же да спод҃обимсѧ и мы, да не шавимсѧ немощнеише жены.

аще҄ и мѫчими бѫдем ѡ бж҃твенѣи ревности, но вѣнець нашь болми исплетет҃ь҃.

аще҄ и оубиют҃ ны, то дша҄ йша, тъмнѫю храминѫ ѡставивши, къ прадѣдомъ ѿидет҃, иде҄ Ѧврамъ и иже ѿ него.

und ihre Mutter, die mannhaft handelnde.

Denn Antiochus, der unser Land besiegt und eingenommen hatte und über uns herrschte, ward durch jene sieben Jünglinge besiegt, und durch den alten Lehrer, und durch die greise Frau.

Ihnen wollen auch wir gleich werden, damit wir nicht schwächer erscheinen als die(se) Frau.

Wenn wir aber auch um des göttlichen Eifers willen gepeinigt werden sollten, so wird unser Kranz umso besser geflochten werden.

Wenn sie aber auch uns töten werden, so wird unsere Seele, nachdem sie das dunkle Haus verlassen, zu den Vorvätern hinübergehen, wo Abraham (ist) und die von ihm (herstammen)«.

Niese I. XXXIII. 5; § 656—7.
Cod. Volokol.

Berendts-Grass S. 224.

и вси оуди его бесп҃рестани съдрыгахѫ҃.

[ѡко бо бж҃їе невидимо приѩрѣ на грѣхы его.

ѡсквернивъ бо цр҃тво кровопролитїемь и блѫ҃ствомъ съ чюжими женами,

и шко беща҃ствова инѣх҃, и тѣм своѭ чада своима ржкама изби.

и ѩане не щадѧше своего тѣла на блѫ҃ство, прїа такѫ болѣсть ѩавю.]

он же, борѧсѧ с тацѣми стр҃тьми, но ѡбаче живота чаа҄ше . . .

Und alle seine Glieder zuckten unaufhörlich,

denn das göttliche Auge blickte unsichtbar auf seine Sünden.

Er hatte ja die Herrschaft durch Blutvergießen befleckt und durch Buhlerei mit fremden Frauen.

Und weil er andere kinderlos gemacht hatte, so tötete er deshalb auch seine Kinder mit seinen Händen, und,

weil er seines Leibes nicht schonte zur Buhlerei, bekam er eine solche böse Krankheit.

Jener aber, mit solchen Leiden kämpfend, hoffte dennoch auf Leben . . .

Niese II. VII. 3—4; § 113—114.
Cod. Volokol.

Berendts-Grass S. 250.

и абїе по пѧтемъ дни сѣна къзва и кесарь на сѣ̑ще.

Und alsbald, fünf Tage nach dem Traum, berief ihn Cäsar zum Gericht.

[послаша бо прежь Іюдеи и Саморяне

Denn es hatten vorher die Juden und Samaritaner

к Кесареви, жалующе на насильство его.

zu Cäsar gesandt, klagend über seine Gewalttätigkeit.

испытавъ Кесарь и осѣмствова и в Галатинскыи гра̑ Вионъ,

Da Cäsar (es) untersucht hatte, so verbannte er ihn in die Gallische Stadt Vienna.

и имѣнїа же его в Кесаревы полаты привезена быша.]

Und seine Reichtümer jedoch wurden nach dem Palast Cäsars gebracht.

и потомъ жена его Глафюръ, дщи Ѩрхелаева...

Und darnach seine Frau Glaphyra — die Tochter des Archelaus.

Niese IV. III. 8—9; § 157—8.
Cod. Volokol.

Berendts-Grass S. 440.

(Die Priester aber alle, als sie aus der Ferne sahen, wie das göttliche Gesetz beschimpft wurde, so weinten sie)

...и стенаҳѫ горко,

und stöhnten bitter,

зане разрушиша и попраша сѵ̑тскїи образъ

weil sie vernichtet und mit Füßen getreten hätten die priesterliche Weihe

[и завѣтъ бж̑їи ѡ̑ма̑ша.

und den Bund Gottes zunichte gemacht hätten,

и всѧкое дѣло погибелное и скверное приспѣ ѹ̑ ни̑х,

und weil jegliches verderbliche und schändliche Werk bei ihnen herangereift sei.

и опѫстѣнїе града пристигнеть, и прⷪрчⷭтво кончаетсѧ,

Und es würde die Verödung der Stadt hereinbrechen

еж бы̾ мрѣзости на мѣстѣ сѵ̑мь.]

und das Prophetentum höre auf, wenn Greuel sich an der heiligen Stätte befinden würde.

§ 158 тѫ шатанїю ни̑х не сътрѣпѣ народ.

§ 158. Diesen ihren Übermut ertrug die Volksmenge nicht.

Niese IV. III. 12—13; § 207—8.
Cod. Volokol.

Berendts-Grass S. 448.

богатїи же и домовитїи наимающе хⷭдиѧны на стражбⷭ.

Ѩнан же посла к нимъ Iѡана с мирнымъ словомъ,

да бышаⷱ оумирили
и не wкрⷭовили сѣмъ,
прежⷣ ѕаклен҃ъ его,

да прїатъ емⷭ и людемъ

и не проꙗвитⷮ ревнителемъ ни дⷭмы ни дѣла ни слова] (§ 208).

сѣ бо Iѡанъ быⷱ, иже . . .

Die Reichen aber und Hausbesitzer nahmen Geringe auf für die Wache.

Ananus aber sandte zu ihnen Johannes mit friedlicher Rede,

damit sie sich beruhigen

und nicht das Heilige mit Blut beflecken möchten, nachdem er ihn zuerst beeidet hatte,

daß er ergeben sein solle ihm und dem Volke

und den Zeloten weder die Absichten, noch die Werke, noch die Worte verrate.

§ 208. Dieser Johannes nämlich war der . . . . .

Niese IV. VI. I.; § 361—364.
Cod. Volokol.

Berendts-Grass S. 464 f.

оубиваемъ же Нигеръ прокла҃ мъ,
да бⷭдетⷮ на нихⷯ гла҃

и осыпы и оусобици и страхⷯ и непокои,

[ѕане побиша своⷯ ѕаствпникы и добродѣтелемъ ѕло ѿдоваⷯ.

ѩже всѧ на вещественыѧ оутвердиⷠ бъ

не Нигера ра҃и единаго,
нѡ инѣхⷯ дѣла правед҃никъ оубїенныихⷯ при Iродѣ

и прї Ѩрхелаи
и прї Ѩнтипѣ
и при Пилатѣ
и прї Ѩгрипѣ
и доселѣ].

Als aber Niger getötet wurde,

verfluchte er sie: es möge über ihnen Hunger

und Seuche sein und Bürgerkriege und Furcht und Unruhen,

weil sie ihre Verteidiger erschlagen hätten und Wohltätern mit Bösem vergälten.

Was alles Gott auf das Wirkliche bestätigte

nicht um Nigers willen allein,

sondern wegen anderer Gerechter, die getötet worden waren zur Zeit des Herodes

und des Archelaus
und des Antipas
und des Pilatus
und des Agrippa und bis jetzt.

всѧ бо кровь та съвокꙋплѣшесѧ погрꙋзи градꙋ . . . .

Denn alles dieses Blut vereinigt ertränkt die Stadt.

Niese IV. VII. 2; § 407—9.
Cod. Volokol.

понеж митрополїа обдержїма бы мѧтежемъ и разбоиникы.

тѣм и злодеи, времѧ обрѣтше на свою похот, [и свою волю исполниша

и по строптивым пꙋтем ходꙋша,

не восхотѣвше разꙋмѣти
ни законъ бжїи
ни Давꙋво наказанїе ни Соломоново,
ни прⷪорчскїа гросы ни прⷪбныих
мжж словеса, иж словомъ и писанїемъ

съставиша славꙋ и похвахꙋ добродѣтелїем, а злодѣем хꙋлꙋ и порꙋганїе и мжкꙋ,

да быша поревновали им слышаще и въсꙋдвигнꙋти на бл̃го,

а злыих сѧ быша гнꙋшали и ѿ дѣла их въскратит лице свое.

сїи же наказанїа тѣх развергоша за сѧ, ꙗко времѧ тѧшко, по хотѣнїю сⷪца их ходиша,

не поминающе, ꙗже приаша по Ковоходоносорѣ плененїе,

ни ꙗже дозадѣѧ им Ѧнтїѡх

ни Єгꙋпетскаа работа ни избавленїе бжїе

Berendts-Grass S. 407.

§ 407. Weil die Metropole von Aufruhr und Räubern ergriffen war,

deswegen erfüllten auch die Bösewichte, welche für ihre Begierde gelegene Zeit gefunden hatten ihren Willen

und gingen auf unredlichen Wegen.

. . . .

weder das Gesetz Gottes, noch Davids Unterweisung, noch Salomons,

noch die prophetischen Drohungen, noch die Worte der heiligen Männer erkennen wollend, welche in Wort und Schrift

Ruhm und Preis den Tugenden, aber den Bösewichten Schimpf und Schmach und Pein dargestellt haben,

damit eifrig werden möchten, die ihnen zuhören, und zum Guten erhoben,

daß sie die Bösen aber verabscheuen und von ihrem Werke ihr Antlitz abwenden möchten.

Diese aber haben die Unterweisungen jener hinter sich geworfen wie eine schwere Last, nach dem Willen ihres Herzens sind sie gewandelt

nicht gedenkend, was sie erduldet haben, nach Nabukadnezar die Gefangenschaft,

noch auch was ihnen Antiochus auferlegt (?),

noch auch der ägyptischen Knechtschaft, noch auch der göttlichen Befreiung.

и абїе праѕ҃никъ wпрѣсночныи,

иж праѕнꙋю҄т Іюдеи на поминанїе
исхода и свобожена҃ї҃а ѿ Єгꙋпетскїа работы,

нощию шеѣше разбоѥваша окр҃тнаа
веси иждѣгоша, и оꙋбиша .ѕ҃. ѕемець,

възвратиша҃, выюще ꙗко волци радощеми, ѕане мѫжество свое показаша
оканнꙋ҃ї҃и]. л о всем томъ възвѣсти҃
Єоꙋспасїанꙋ.

Und alsbald (war da) das Fest der ungesäuerten (Brote),

welches die Juden zum Gedächtnis des Auszuges und der Befreiung von der ägyptischen Knechtschaft feiern.

(Da) zogen sie nachts und verheerten die Umgegend, die Dörfer verbrannten sie und töteten 7000 Eingeborene.

Sie kehrten zurück, wie Wölfe vor Freude heulend, weil sie ihre Tapferkeit bewiesen hätten, die Verfluchten! Aber von alledem ward dem Vespasian Nachricht gebracht durch Flüchtlinge.

Niese IV. IX. 9; § 548—550.
Cod. Volokol.

Berendts-Grass S. 49_3:

въ пръвыи же дн҃ь wдолѣ Ѳдонъ,
а въ вторыи Оꙋитилиꙋ
[помета бо на нощь трн҃ рожнаа желѣза
и на оꙋтрїа изполчивше҃ творѧсѧ
вѣжати Оꙋитилїи. и Одонъ погна с кои по них҃.

Am ersten Tag aber siegte Otho, am zweiten aber Vitellius.

Er hatte nämlich in der Nacht dreigehörnte Eisen ausgestreut.

Und nachdem sie sich am Morgen in Schlachtordnung aufgestellt, (und) während Vitellius sich stellte, als flöhe er, jagte Othon mit den Truppen hinter ihnen her.

и догнаша мѣста, на нем же желѣза
wсыпана,
охромиша҃ кони,
и не бы лзѣ ни конемъ вынити

ни самѣмъ.

Und sie erreichten den Platz, auf welchem die Eisen gestreut waren.

Es wurden die Rosse lahm

und es ward nicht möglich, weder den Rossen herauszukommen,

noch ihnen selbst. Und des Vitellius Krieger,

и възвративше҃ Оꙋитилїеви воини
оꙋбиша всѣх҃ лежащих҃.
Одон же видѣ бывшее рѣсасѧ].

die umgekehrt waren, erschlugen alle, die (da) lagen.

Othon aber sah das Geschehene, tötete sich.

Оꙋеспасїан же оꙋстремисѧ на оставшамсѧ грады,
и всѧ всю Гоѳнитьскꙋ . . .

Vespasian aber rückte gegen die übrig gebliebenen Städte

und eroberte die ganze Gophnitis

. . . .

Die christliche Interpolation über die Auferweckung des Lazarus lautet im Codex Kyrillo-Bjeloz. 64/103 Kap. 114, fol. 308 v.:

... Якоже Иосипъ Евреинъ пишеть: В ты, рече, дни Маней, Лазаревъ братоничь, егоже Ісусъ изгнивша воскреси ото гроба, той Маней прибѣгъ к Титу (f. 309 r.), рече, яко единими враты, ихже поручиша ему стрѣщи, изнесоша мертвыхъ сто тысящь и пятьнадесять тысящь и осмьсотъ отъ того дне, вонже обьступи градъ, съ 14 апрѣля до 1 июля.

*

DER ABSCHNITT ÜBER JESUS

(die christlichen Einschiebungen kursiv).

II. § 174a. »[1]Damals[2] erschien[3] ein Mann,[4] wenn es auch erlaubt ist,[5] ihn einen Mann[6] zu nennen.[7] § 174b. Seine Natur [8], [9] und Gestalt[10] war menschlich,[11] § 174c nur das Aussehen[12] dieses[13] mehr als von Menschen,[14] [*doch seine Werke göttlich*].[15], [16] Er wirkte[17] Schaustücke,[18] wunderbare [*und starke*].[19], [20] [*Deswegen ist es mir unmöglich, ihn einen Menschen zu nennen.*]

---

[1] Kas. (444) (oben am Rande): Von dem Herrn unserem Erlöser Jesus Christus, dem Sohne Gottes, und von der göttlichen Gestalt (fehlerhaft *obraza* statt *obrazě*) seines Aussehens und von seinen Wundern. Sy. 991 (unten am Rande): »Seelenheilsame Erzählung von unserem Herrn Jesu Christo, wie er viele Wunder tat.« Darunter in Kursiv: »*dies mehr aus andern Büchern und (als) dem Evangelium und Apostolos.*« Der Text ist nach Sn. 182 geboten.

[2] Acad: »Damals auch ...«

[3] *Togda javi sja* = τότε δὲ ἐφάνη

[4] Genauer »ein gewisser Mann« *muž někij* = ἀνήρ τις

[5] *Dostoino est* = προσῆκόν ἐστι.

[6] *Mužem* = ἄνδρα.

[7] Rumän.: »ob zwar man ihn seiner Natur und Gestalt nach einen Mann nennen konnte«.

[8] Acad.: »Und seine Natur ...«

[9] *Estestvo* = φύσις vel οὐσία.

[10] *I obraz ego* = καὶ μορφὴ αὐτοῦ.

[11] *Čelověčesk* = ἀνθρωπίνη.

[12] *zrak ego* = ἰδέα vel ὅρασις vel εἶδος vel ὄψις αὐτοῦ.

[13] Acad.: Sy. 770; Sy. 991; Kas.: »sein Aussehen ...«

[14] *Pače čelověk* = ὑπὲρ ἄνθρωπον.

[15] Acad.: Sy. 770; Sy. 991; Kas.: »und er wirkte ...« Rumän.: »seinem Aussehen nach übermenschlich und in seiner Handlung göttlich« war und viele Wunder verrichtete und andere mächtige Taten vollbracht hat. Aus diesem Grund sollte man ihn nicht Mensch nennen.«

[16] *A děla ego božestvenaja* = ἀλλὰ πράξεις αὐτοῦ θεῖαι.

[17] *Tvorjaše* = ἐποίει, ἠργάζετο.

[18] *Čjudesa* = τέρατα vel θαύματα.

[19] *Divna i silna* = παράδοξα καὶ δυνατά (= *silna*) bzw. *sijanna* = λαμπρά vel ἐπιφανῆ.

[20] Kas. »durchleuchtete« (*sijanna* statt *silna*).

Hinwiederum aber, wenn ich auf (die) gewöhnliche Natur[21] sehe, werde ich ihn nicht einen Engel nennen«.[22], [23]

»Und alles, so vieles[24] er wirkte[25], [26] durch eine[27] unsichtbare Kraft,[28] wirkte er durch Wort[29] und Befehl.[30] § 174d. Die einen sagten von ihm: »Unser[31] erster Gesetzgeber ist auferstanden von den Toten[32] und hat viele Heilungen und Künste erwiesen«.[33] Die andern aber meinten, daß er von Gott gesandt sei.[34] § 174e. Aber er widersetzte sich in[35] vielem dem Gesetz und den Sabbath hielt er nicht nach väterlichem Brauche. § 174f. Doch wiederum[36] tat er[37] nichts Schändliches,[38] noch (wirkte er) mit Hilfe der Hände,[39] sondern nur durch(s) Wort bereitete er alles vor.[40] § 174g. Und viele aus der Volksmasse[41], [42] folgten ihm nach und hörten auf seine Lehre. Und viele Seelen gerieten in Bewegung,[43] meinend, daß dadurch sich befreien könnten die jüdischen Stämme aus den römischen Händen.[44] § 174h. Es war aber seine Gewohnheit, vor der Stadt auf dem Ölberge sich mehr aufzuhalten. Dort aber spendete er auch die Heilungen dem Volk. Und es versammelten sich bei ihm

---

[21] *Na obščee estestvo zrja* = »εἰς τὴν κοινὴν φύσιν (οὐσίαν) βλέπων«, σκοπῶν, ἀπίδων.

[22] Rumän.: »da er aber menschliche Natur besaß, so kann inch ihn auch nicht Engel nennen.«

[23] »*Ne nareku i angelom*« = οὔτε καλέσω [αὐτὸν] ἄγγελον.

[24] *jelika Neutr. Acc. plur.* Acad.; *jeliko* Sing.

[25] Kas. hat infolge von Homoioteleuton eine Lücke (»durch eine — Befehl«). Sy. 991: »durch keine« ... (*nikojeju*) usw.

[26] *Tvorjaše.*

[27] Wörtlich »irgend eine«, »eine gewisse« *siloju nekojeju* = δυνάμει τινί.

[28] »Durch eine unsichtbare Kraft« fehlt im Rum.

[29] *Slovom* = λόγῳ.

[30] *I poveleniem* = καὶ προστάγματι.

[31] Acad. > Unser (ebenso Ky.-Bj. und Mosq. 651).

[32] *vsta ot mertvych* = ἀνέστη ἐκ νεκρῶν.

[33] Acad.; Sy. 770, 991. Kas.; erwies (imperf. *pokazase*).

[34] *ot boga poslan est'* = ὑπὸ θεοῦ ἀπεσταλμένος ἐστί. Rumän.: »von göttlicher Herkunft«.

[35] Kas. *po* (statt *wo*) etwa = wegen, auf Grund (von vielen).

[36] Acad. S. 770: + auch.

[37] S. 991: Dieser (? sy).

[38] αἰσχρὸν, μιαρόν οὐδὲν ἐποίησε οὐδ' ἐπεχείρησεν = ἐπιχειρήματα.

[39] (Durch diesen Satz hat Berendts das sl. »*ni rukodělania*« wiedergegeben, das noch Objekt zu »tat er« ist, eig. »noch Handtaten«. K. Grass.) Rumän.: »er tat zwar nichts Schlechtes, auch tat er nichts, was als unrein erklärt war«. Da man nicht wohl sagen kann, jemand »tut« unreines, so wird der Satz wohl geheißen haben: »er tat nichts Schändliches mit der Hand und *berührte* nichts, was unrein erklärt war«.

[40] »ἡτοίμασεν«.

[41] Acad. S. 770, 991; aus den Volksmassen (*narod* oder *narodow*). Van »folgten« — »Bewegung« fehlt alles im Rum.

[42] *Narod* oder *narodow* = ὄχλος (bei Josephus belegt oder ὄχλοι.

[43] *Podvizachusja* = ἠρθησαν.

[44] »*Mnjašče jako těm svobodjatsja kolěna ijudeiskaja ot rimljan'skich ruk.*«

von Anhängern[45] 150,[46] aber vom Volk eine Menge. Da sie aber seine Kraft[47] sahen, daß er alles, so viel er wolle, durch(s) Wort[48] vollbringe, und da sie ihm ihren Willen kundtaten,[49] daß er in die Stadt hereinkomme und niedermache die römischen Truppen[50] und den Pilatus und herrsche über uns,[51] verachtete er uns nicht.[52], [53] § 174i. Und als in der Folge Kunde von dem den jüdischen Führern geworden war, so versammelten sie sich mit dem Hohepriester und sprachen: »Wir sind machtlos und schwach, den Römern zu widerstehen.[54] Weil auch der Bogen gespannt ist,[55] so wollen wir gehen und dem Pilatus mitteilen, was wir gehört haben,[56] und wir werden ohne Betrübnis[57] sein: damit er (es) nicht von andern hört und[58] wir werden des Vermögens beraubt werden und selbst niedergehauen und (die) Kinder zerstreut werden«.[59] Und sie gingen hin und teilten (es) dem Pilatus mit. § 174k. Und dieser sandte hin und brachte viele von der Volksmasse[60] um. § 174l. Und jenen Wundertäter[61] führte er herbei und, nachdem er in betreff seiner eine Untersuchung angestellt hatte, so erkannte er:[62] er ist [*ein Wohltäter*],[63] [*aber nicht*] ein Übeltäter[64] [*noch*[65]] ein Aufrührer, [*noch*] ein nach der Herrschaft

---

[45] *Slug* = ὑπερέται. Rum. »Schüler« = μαθηταὶ.

[46] Acad. S. 77, 991. Kas.: hundert und fünfzig.

[47] Rum. »seine Taten«.

[48] *Slovom* = λόγῳ.

[49] Acad. S. 770, 991. taten sie ihren Willen kund.

[50] Acad. *vsja* statt *voja,* also: alles Römische.

[51] Acad. sie (*nimi* statt *nami*).

[52] οὐ κατεφρόνησε ἡμᾶς *nas ne nebreža.* Rum. »sein Sinn war aber nicht darauf gerichtet«.

[53] Acad. S. 770. 991. Kas.: aber dieser beachtete(es) nicht.

[54] *Thackeray* verweist hierzu sehr treffend auf ἀσθενής *cum infinitivo* für »zu schwach, um etwas zu tun bei Josephus Antiqq. X § 215; XIV, § 317 (Josephus-Ausgabe der Loeb Classical Library, London 1928, vol. III Appendix p. 649 note c).

[55] Fehlt im Rum.

[56] S. 991: was sie hörten (*slyšachu*).

[57] Wörtlich »gesichert« = ἀσφαλεῖς.

[58] Acad. > und (vorher ist dann zu übersetzen: damit wenn = *jegda kogda,* was sprachlich eigentlich nicht möglich ist).

[59] Rum.: »und unsere Kinder als Sklaven verkaufen«. Syn. 991 unten am Rande: »Von der Vorführung Jesu Christi vor Pilatus.« Auf der nächsten Seite (verso) ist die Überschrift oben fast ganz abgeschnitten. — Neben dem folgenden (links am Rande) findet sich die Bemerkung in Kursiv: »*Aber dieses ist im Evangelium nicht geschrieben.*«

[60] S. 770. Kas.: von den Volksmassen (*ot narod*). Der ganze Satz fehlt im rumänischen Josephus.

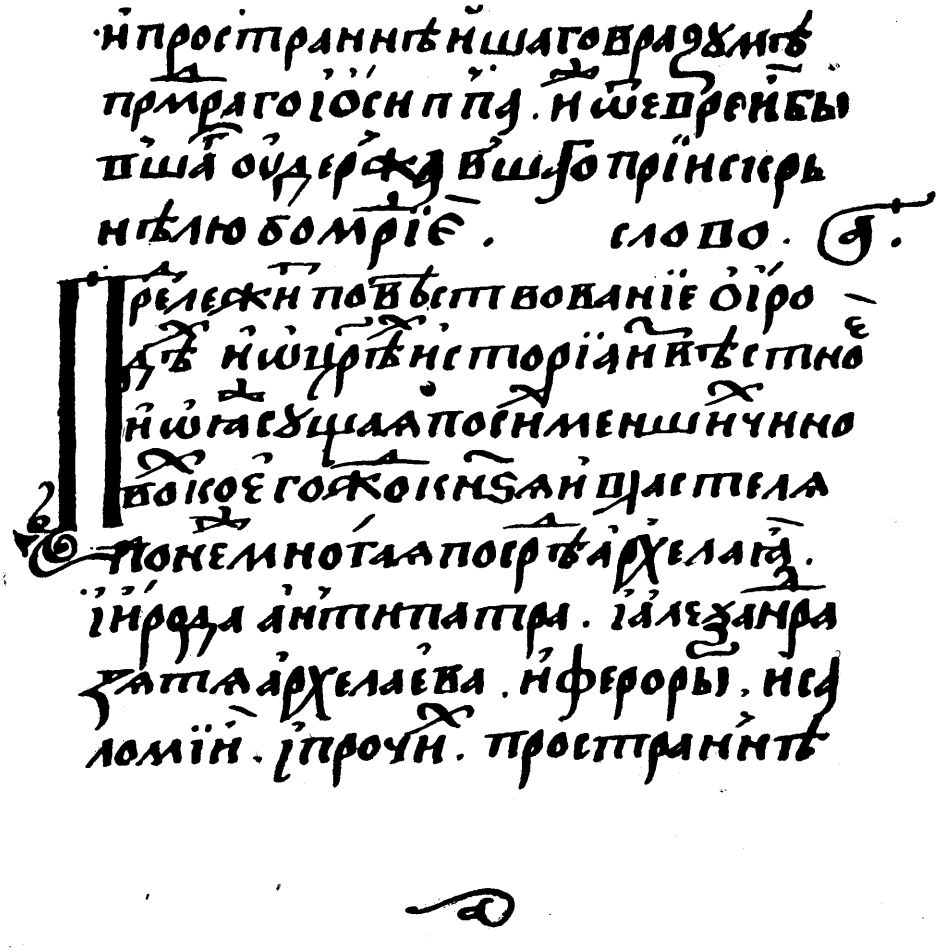
[61] *čjudoděica* = θαυματοῦργον.

[62] *Razumě* »erkennen« im juristischen Sinn = cognovit (gr. καταγιγνώσκειν).

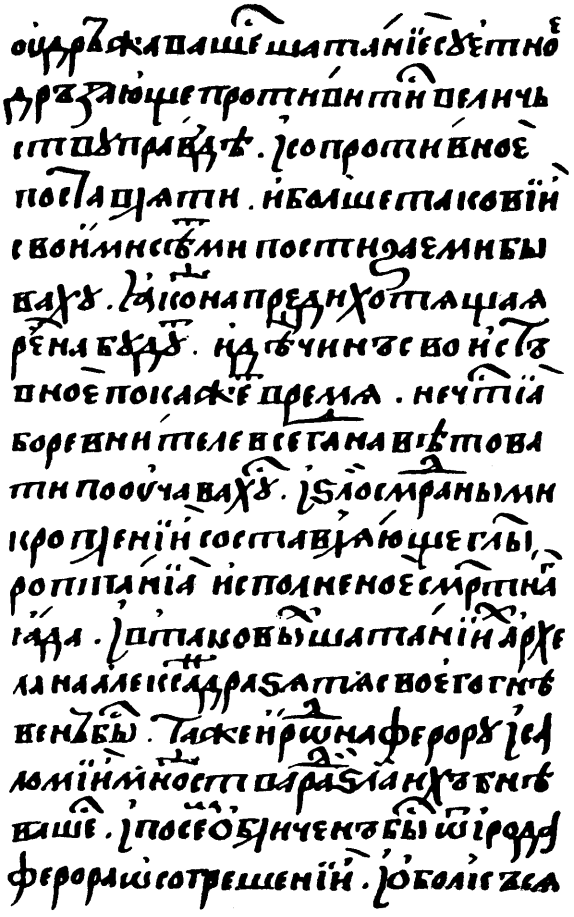
[63] Acad. S. 770, 991. Kas.: daß er ... sei.

[64] S. 770. Kas. + sei. Die rumänische Übersetzung hat »weder ein Räuber (= λῃστής) noch ein Übeltäter«.

[65] S. 991: und.

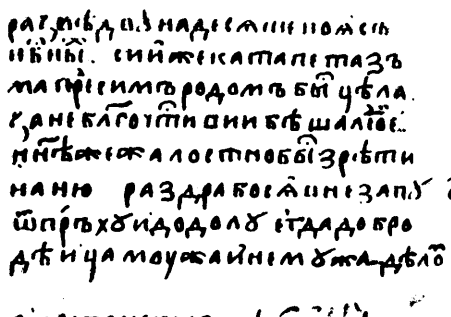


Fol. 1r des Codex Kyrillo-Bělozerskij Nr. 64/1303.
Überschrift und Anfang des Vorworts der Ἅλωσις.

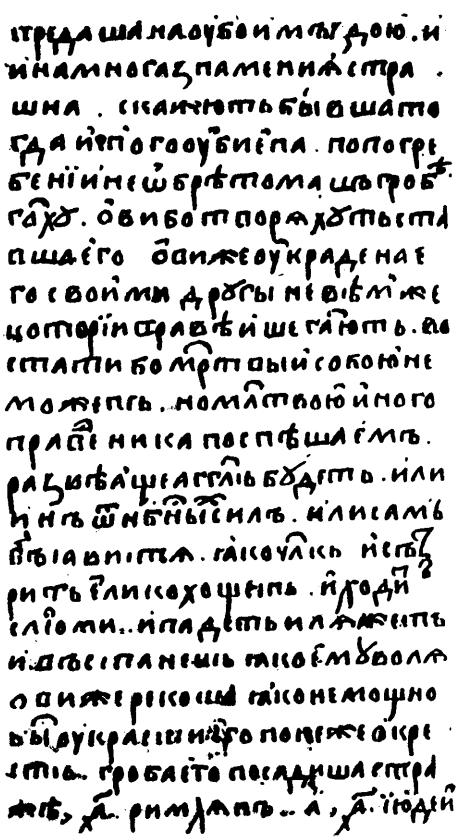


Fol. 1v° des Codex Kyrillo-Bělozerskij 63/1302.
Schluß der Vorrede der Ἅλωσις.

Fol. 173r°.



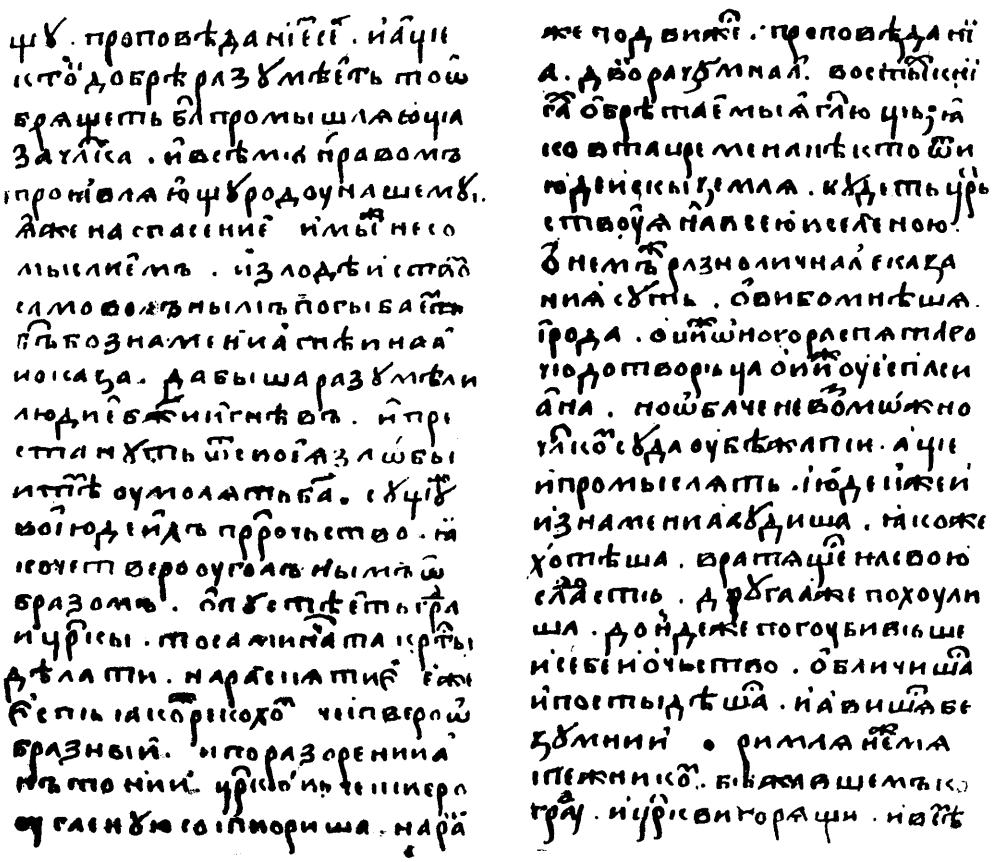
Fol. 173v°.



Fol. 173r° und v° des Codex Kyrillo-Bělozerskij 63/1302.
Die christliche Einschiebung über den zerrissenen Vorhang des Tempels von Jerusalem.

Fol. 250r°.

Fol. 250v°.



Fol. 250r° u. v° des Codex Kyrillo-Bělozerskij 64/1303.
Josephus über die Auslegung des Šilo-Orakels Gen. 49$_{10}$.

NB. Die Clichés zu Abb. I—IV wurden von dem Verlage Carl Winter in Heidelberg freundlichst zur Verfügung gestellt.

Begieriger.[66] § 174m. [*Und er entließ ihn; denn sein sterbendes Weib*[67] *hatte er geheilt.*[68] *Und nachdem er an den gewohnten Ort gegangen, tat er die gewohnten Werke:*[69] *Und da wiederum mehr Volk sich um ihn versammelte, so verherrlichte er sich*[70] *durch sein Tun mehr als alle. Von Neid wurden verwundet die Gesetzesgelehrten*[71] *und gaben dem Pilatus 30 Talente, damit er ihn töte. Und jener nahm (es) und gab ihnen Freiheit, damit sie selbst ihren Willen ausführen möchten.*] § 174n. Und jene ergriffen ihn und kreuzigten ihn *gegen* das väterliche Gesetz.

---

[66] Wörtlich ein »königsdurstender«, »königslüsterner«, ein »Kronprätendent«. Prof. *Bubnov* macht mich frdl. aufmerksam, daß deutlich *cri* = καίσαρι dasteht, nicht *carstvo* = βασιλεία »Herrschaft«. Also *crižadec* = »königslüstern«. Das Wort *crižadec* fehlt bei *Sreznevskij*, ist also in altruss. Übersetzungen griechischer Texte nicht nachweisbar. Es könnte für griechisch φίλαρχος »herrschsüchtig« stehen, das seit Platon häufig belegt ist. Bei der Wortwörtlichkeit der russischen Übersetzung möchte man aber eher an ein Wort denken, das den dem *cari* entsprechenden Bestandteil βασιλεύς (oder Καῖσαρ) enthält: βασιλειάω »gern König sein wollen« ist erst bei byzantinischen Scholiasten nachweisbar, würde auch keine Entsprechung für — *žadec* darbieten. Ich vermute, daß *crižadec* das inschriftlich (Dittenberger Or. Gr. Inscr. Sel. II Index S. 719) bezeugte φιλοκαῖσαρ oder das weniger barbarische bei Plutarch bezeugte φιλοβασιλεύς oder φιλοβασίλειος wiedergeben soll.

[67] Acad. > sein.

[68] *i ženu bo umirajušču iscěli* »καὶ τὴν γυνὴν θανοῦσαν ἰάσατο«. Der Satz fehlt in der rumänischen Übersetzung!

[69] Kas. > Werke (also: das Gewohnte).

[70] Kas. S. 770 > sich.

[71] *črez oč'skij zakon* = παρὰ τὸν πάτριον νόμον.

V. RŽIGA (Moskva):

НОВАЯ ВЕРСИЯ ЛЕГЕНДЫ О ЗЕМНОМ РАЕ.

Новая обработка легенды о земном рае, которая будет предметом данной статьи, очень мало напоминает собою ту версию легенды, которая известна из послания новгородского архиепископа Василия. Сходство между ними состоит главным образом в том, что обе легенды новгородские и что героями той и другой являются два новгородца, но в остальном новая легенда существенно отличается от Васильевской и стоит ближе не к ней, а к известному апокрифическому сказанию о пустыннике Макарии Римском, которого три чернеца нашли в 20 поприщах от рая. Но прежде, чем говорить о характерных чертах новой легенды, познакомимся с ее содержанием по единственному тексту, который читается в рукописи Публичной Библиотеки в Ленинграде, Q, XVII, № 309, в сборнике слов и сказаний, писанном скорописью XVIII века.[1]

Легенда озаглавлена: «*Повѣсть о двою монахахъ в' Новѣградѣ*» и занимает листы с 68 по 74. «Живяста два монаха в великомъ Новѣградѣ, пребываста въ нѣкоемъ манастырѣ многа лѣта», так начинается рассказ. И вот эти два монаха, долго не выходившие из монастыря и ничего не видавшие, задумали отправиться в путь, чтобы доити до того места, где небо сходится с землею. Тайно покинув монастырь, они прошли много городов и земель, но никак не могли доити до места, где небо лежит на земле. Куда ни придут, «вездѣ небо над ними равно, яко же и в великом Новѣградѣ».[2] Попробовали они вернуться обратно, но и это неудалось: никак не могли они разыскать великого Новгорода. Тогда решили снова отправиться в дальнейший путь — искать, где небо лежит на земле. Плыли они морями на судах, и здесь небо было такое же, как в Новгороде. Переплыв море, опять пошли и пришли к какому-то необыкновенному морю, «к морю пещáному»: «и то море проити не можно, восходятъ волны от того моря на триста верстъ и никто за тѣмъ моремъ не вѣдаетъ ничто же, что там есть». От песчаного моря повернули монахи в сторону и, чем дальше шли, тем чудеснее было то, что приходилось видеть: «и обрѣтоша многия звѣри, индры и туры златорогия и дремадары и слонове и велбуды и всякія звѣри лютые, и на Россіи тѣхъ звѣрей нѣтъ... и проидоша людей двоеглавныхъ и треногихъ,

[1] Библиотечное Обозрение, кн. первая, Петр. 1919 г., стр. 136.
[2] Ркп. Публ. Библ. в Ленинграде Q, XVII, N° 309, л. 68 об.

у оныхъ людей по шести рукъ, и у оныхъ же людей верхъ главъ ртове, а ини люди крилати, а у (и)ныхъ людей песіи главы, и видѣша многия птицы, и на Россіи тѣхъ птицъ нѣту, и проидоша рѣки многия и озеры болшыя, аки моря, и пріидоша озеръ и болотъ полны гадовъ».[3] Далее видели они человека, прикованного к столбу, который стонал и вопил: «Согрѣших, Господи, согрѣших.» С одной стороны палил его огонь, с другой была темнота, с третьей находились «пристрашныя мѣста, вертепы, яко тлубоны, а в техъ мѣстѣхъ великое вищаніе и верещаніе и стонаніе, и, наконец, с четвертой стороны поднимались «горы высокія и вертепы каменныи и в тех горах — ох, ох!» Прошли монахи эти страшные места, но и здесь небо было такое же, как везде. Тяжело стало странникам: идут они, «не вѣдаютъ куды, в скорбѣхъ велицѣхъ, зашли, и сами себе не ради, куды идутъ, и не вѣдаютъ, куды вытти, стали, не вѣдома куды, ни назад, ни напередъ».[4] Но вот показался большой лес, полный необыкновенных деревьев: «на Россіи древія такова нѣтъ, и всякія в том лесу виноградия и гроздове, рожди, и орехъ грѣцкой и яблоки разны, сливы, груши, и в том лесу древія свидъ, кипарисъ, кедръ, певга, сандал».[5] Много дней шли они по этому лесу без всякой дороги; наконец, увидали тропинку и очень обрадовались. Тропинка привела их к хижине, которая стояла на берегу реки. Старцы отдохнули и, полагая, что здесь живет пустынник, решили поселиться вместе с ним, так как надежды вернуться в Новгород уже не было. Через некоторое время пришел из лесу и пустынник Макарий, внешность которого и встреча с монахами описывается так: «И по времени пріиде из лѣсу пустынникъ, имя ему Макарій, а брада его собрана в мешекъ и завязана, и пришедъ, Макарій развязя мешекъ и браду свою распусти до земли. И два монаха, оба брата, пад, поклонишась до земли Макарию и Макарій, пад, поклонися до земли обѣма братома, и лежали на земли вси три и восташа вси троя и братъ брату даста благословение».[6] Макарий спрашивает монахов, откуда они и зачем пришли сюда. Узнав, что они ищут места, где небо сходится с землей, Макарий заявляет: «судьбы божіи несказанныи никому и никто того не вѣдаетъ, гдѣ небо з землею столкнулося».[7] После этого вместе с монахами он входит в хижину и все трое садятся за трапезу, причем вместо одного блюда чудесным образом появляются

[3] Ibid., л. 69 об.
[4] Ibid., л. 70 об., 71.
[5] Ibid., л. 70 об.
[6] Ibid., л. 71, 71 об.
[7] Ibid., л. 72.

три, что вызывает удивление Макария, заключающего, что пища для гостей принесена была ангелом. На следующий день пустынник проявляет еще больше расположения к странникам. Он берет их с собой в лес и приводит к раю, находящемуся в 20 поприщах (километрах). Повесть так рассказывает об этом: «въ утрій день Макарій собра свою браду в мешек завязанъ и поиде лѣсомъ по своей тропинѣ и взявъ Макарій двоих монаховъ с собою и пошли лѣсомъ и перешли лѣсом двадесять поприщь, и пришли к рѣкѣ большой, ажъ за рекою стоитъ градъ златъ, а в том граде сад и виногради, и какъ о половинѣ дни пріиде солнце из града вонъ, и в томъ саду многия птицы райскія, и показа Макари рай на востоцѣ двоим монахомъ».[8] На этом описание рая и кончается. Затем все втроем вернулись в хижину и легли спать, а ночью ангелы взяли спящих монахов и перенесли в великий Новгород в их келию в монастыре. Изображением утреннего пробуждения монахов в их собственной келии и заканчивается повесть: «И услыша монаси в великом Новѣградѣ благовѣстъ и звонъ и рѣкоша монаси межъ собою братъ брату: «брате, что есть звонъ сей, аки в великом Новѣградѣ»; и рѣша другій братъ брату: «и мнѣ, брате, тоже кажется, что же и в Новѣградѣ». И рекоша монаси межъ себя: «востанем еси». И учели монаси вставати и рекоша: «братъ нашъ Макарий молитъ болше, крепко спитъ, не слышитъ». И учели монахи два брата кликати Макарія, и не откликнется Макарій. И рекоша монаси: «болшое Макаріе нѣсть в хижицы сей, вышелъ, а мы не слыхали». И восташа монаси и учели меж собою глаголати братъ брату: «что ми ся мнится, что наша келія и постели, что в нашей келіи». И рече второй братъ брату: «и мнѣ, брате, мнится, что наша келія, и постеля у меня такожъ, что в нашей келлiи». И открыли монахи в келлiи оконца, и посмотривши ис келлiи: ажъ их монастырь! И учели в монастыре в тяшкой колоколъ благовѣстить, и потом во вся звонить и поидоша монаси к заутрени.»[9] На вопросы монастырских властей монахи рассказали все о своем необыкновенном путешествии и чудесном возвращении. Их рассказ записали в монастыре и за них отслужили молебен.

Если сопоставить изложенную новгородскую легенду с апокрифом о Макарии Римском,[10] то легко заметить между ними ряд сходных

[8] Ibid., л. 72, 72 об.

[9] Ibid., л. 73, 73 об.

[10] Из переводов апокрифа возьмем первый перевод с первой греческой полной редакции в списке XVII в., изданном Тихонравовым. Перевод этот, болгарский по происхождению, восходит ко времени не позднее нач. XIV в. и получил здесь русскую обра-

черт. В апокрифе рассказывается,[11] как в одном сирийском монастыре 3 монаха задумали отправиться в путь, чтобы найти место, «гдѣ пріележитъ небо ко земли». Затем подробно описывается их путешествие: они посетили Иерусалим, Елеонскую гору, перешли через реку Тигр, побывали в городе Ктисифоне, где погребены 3 библейских отрока: Анания, Азария и Мисаил, и из Персии прошли в Индию. Здесь стали попадаться им всякие диковинки: «И оттуду пріидохомъ во псоглавые люди; они же зряху на насъ, а пакости намъ не творятъ: жівутъ же въ каменныхъ щелинахъ и съ роды своими. И идохомъ сквозь землю ихъ сто дней...» Потом они поднимаются на высокую гору, «на ней же солнце не сияеть, ні древа не ростутъ, развѣе зміинъ свистъ слышети и скрежетъ зубы ихъ: ехидны и аспіды, увалы, василиски...» Среди свиста змей они проходят, заткнув уши воском. Далее 60-ти дневный путь шел по земле совершенно пустой. Чудесно появившийся олень провел их через пропасть и вывел опять на ровное место. «И оттуду идохомъ 70 дней и пріидохомъ въ мѣсто равно, и древа многа на мѣсте томъ, имущи плоды сладки: и не бѣша сіянія солночного на мѣсте томъ, но мъгла темна.» Тут монахи поплакали, так как дорога исчезла и неизвестно было, куда идти. Но вот появился голубь, который вывел их к тому месту, до которого некогда дошел Александр Македонский. Далее они шли мимо озер, в которых мучились грешники, и видели великана, прикованного веригами к горам. Он страшно стонал и голос его был слышен за 30 поприщ. Встречались и другие грешники и из глубокой пропасти доносились голоса: «Помилуй ны, Господи! Помилуй ны, сыне Бога вышняго.» Затем монахи видели «древа смоквіиные» с множеством птиц, певших человеческими голосами, встретили четырех небесных мужей с венцами на голове и золотыми палицами в руках. После дальнейшего 40-дневного пути стало доноситься до них мелодичное пение множества народа и благоухание фимиама. Они увидели церковь белую, словно ледяную, в которой текла вода белая, как молоко — источник бессмертия праведных — и раздавались ангельские песни. Монахи ничего не вкушали, но уста их усладились от этой воды и три дня слипались как от меда. Пришлось проходить и через необык-

ботку. О различных переводах апокрифа см.: А. И. Никифоров. Минейные и проложные тексты апокрифа о Макарии Римском в славяно-русской письменности (Известия Общества Истории, Археологии и Этнографии при Казанском унив., т. XXXII, вып. 2. Казань. 1922).

[11] Памятники отреченной русской литературы, собраны и изданы Н. Тихонравовым II, М. 1863, стр. 66—77.

новенную страну, в которой дули удивительные цветные ветры: зеленый, рыжый, кроваво-красный и белый, и солнце светило в семь раз светлее и теплее обычного: «и древа болши сѣхъ и горы высущия; земля 2 ліца имаша, червлена и бела, и птицы всѣми лицы инокою тварью». После нового пути в 100 дней они приходят в страну, где их с угрозами окружает множество низкорослых людей. Чтобы спастись от них, монахи растрепали себе волосы на голове и уставились на толпу: все разбежались. Наконец, странники пришли в пещеру, убранную человеческими руками, и, переночевав в ней, на другой день увидели пустынника Макария с седой бородой до земли, с ногтями в виде серпов. Монахи сообщают Макарию о цели своего странствования. Он отвечает, что смертный не может видеть того места, о котором они говорят, и рассказывает все, что знает о земном рае со слов явившегося ему ангела: «яко отъ сего мѣста есть 20 попріщь градъ желѣзенъ, а другій мѣденъ; да за тѣми ес грады рай, гдѣ ж былъ Адамъ съ Евгою; да вышедъ убо на востокъ за раемъ, ту прилежитъ небо къ земли, и поставилъ Господь стрещи херувимъ и сераѳимъ, тіи ж(е) имуще въ рукахъ оружіе пламенное, и учінени суть въ раи древѣса животные; суть ж(е) та херувими отъ ногу до пояса человѣци, а перси львовы, а главы иною тварью, а руцѣ ж(е) аки ледени, вне стѣнѣ градныхъ, да не можеть нихъто ж(е) внити тамо: суть бо ту силы страшны зело, ангельстіи вои отвсюду пребывають и поясы небесные ту суть». Выслушав рассказ о рае, монахи возрадовались и прославили Бога. Затем Макарий подробно рассказал им о своей жизни в миру и в пустыне, о соблазнах и борьбе с ними. Отпуская монахов в обратный путь, Макарий велел двум ручным львам проводить их до столпа Александра Македонского. Достигнув этого столпа, монахи перешли снова реку Тигр, опять побывали в Иерусалиме, поклонились святым местам и, вернувшись в свой монастырь, рассказали игумену и братии обо всем, что видели и слышали.

Сопоставляя апокриф о Макарии Римском с новгородской повестью, нельзя не признать, что они тесно связаны между собою общей сюжетной схемой: тут и там речь идет о монахах, отправившихся искать, где небо сходится с землей; тут и там монахи после продолжительного странствования встречают пустынника Макария Римского, живущего в 20 поприщах от земного рая. Сюжетное сходство касается и отдельных эпизодов того и другого рассказа, в роде встречи с песьеглавыми людьми, прохождения мимо закованного великана и страшных пропастей, где мучатся грешники. При всем сходстве сюжетов, свидетель-

ствующем о непосредственной зависимости новгородской повести от данного апокрифа, нельзя не отметить и существенных различий. В новгородской легенде совершенно опущена вся географическая номенклатура и много отдельных эпизодов из странствования монахов; опущен также рассказ Макария об его жизни в миру и пустыне.

Но зато, с другой стороны, рассказ осложнен новыми подробностями, каковы, напр., описание песчаного моря, перечисление диковинных людей, зверей и южных растений, не встречающихся в России, описание уродливых людей, чудесное появление пищи в хижине Макария. Источником некоторых из этих добавлений послужило Сказание об Индейском царстве, откуда взято и «песчаное море» и перечисление диковинных людей и зверей. Сопоставим соответствующие места повести и сказания по списку Ундольского XVII в.

Сказание.

«Есть же у меня море песчаное, да николи же не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а въ вѣтръ валы ходятъ на 30 верстъ, а около его пути нѣтъ; того же моря не перейдетъ никаковъ человѣкъ, и не вѣдаетъ никто, что есть тамо . . .»

«А родятся и водятся въ моемъ царствѣ звѣри слонове и дремо-(да)ри и водятся верблюды колмолые и звѣри лютые . . .»

«а иные люди четвероручные, иные люди половина пса, а другая человѣка; а иные люди есть у меня, рты у них вверху.»[12]

Повесть.

«И пріидоша к морю пещаному, и то море проити не можно, восходят волны от того моря на триста верстъ и никто за тѣмъ морем не вѣдаетъ ничто же, что там есть . . .» (л. 69, 69 об.).

«. . . и обрѣтоша многия звѣри, индри и тури златорогия и дремадары, слонове и велбуды и всякія звѣри лютые . . .» (л. 69 об.).

«и проидоша людей двоеглавных и треногих, у оных людей по шести рукъ, и у оныхъ же людей верхъ главъ ртове, а ини люди крилати, а у (и)ныхъ людей песіи главы . . .» (л. 69 об.).

В отличие от апокрифа героями повести стали не три монаха, а два, и, что интересно, в повести им удалось самим увидеть земной рай, между тем как в апокрифе они узнают о нем только из рассказа Макария.

Апокрифический сюжет повести, упрощенный и освобожденный от

[12] *Н. Баталин.* Сказание об Индейском царстве. Воронеж. 1876. (Из «Филологических Записок»). Приложения, стр. 120, 121.

многих подробностей своего первоисточника, но в то же время разукрашенный новыми деталями, интересными для русского читателя, получил весьма оригинальную обработку и занимательное словесное оформление. Он оправлен был в реалистическую рамку Новгородского монастырского быта, и заключительная часть этой рамки была разработана с особым уменьем: в описании утреннего пробуждения монахов в своей собственной келии чувствуется рука искусного мастера, умевшего пользоватся реалистическими красками слова. Вместе с тем речевая форма повести не лишена фольклорных элементов, которые можно наблюдать и в упоминании «туров златорогих» и в использовании приемов сказочной изобразительности в виде повторения одних и тех же формул: «поидемъ, брате, потрудимся, провѣдаемъ, *гдѣ лежитъ небо на земли*». И поидоста два брата черноризца из монастыря, не сказавси никому. И идоста многа множество и не могоша доити, *гдѣ лежитъ небо на земли. Гдѣ пріидутъ, небо над ними равно;* и проидоша много царствъ и многия грады и многия земли и нигдѣ не доидутъ, *гдѣ небо на земли: гдѣ не пріидутъ, вездѣ небо над ними равно*, яко же и в великом Новѣградѣ».[13] Отмеченные формулы не раз повторяются и далее на всем протяжении рассказа о странствовании.[14]

Общий характер новгородской повести заставляет предполагать ее сложение в конце XVII в. или начале XVIII и видеть в ней новый любопытный факт, характерный для глубокого процесса зарождения русской оригинальной повести в недрах самых различных агиографических форм, к каким следует относить не только житие, рассказ о чуде, сказание, но и апокриф.

ПОВѢСТЬ О ДВОЮ МОНАХАХЪ В' НОВѢГРАДѢ.

Живяста два монаха в великомъ Новѣградѣ, пребываста въ нѣкоемъ манастырѣ многа лѣта и бѣда им въ келліи своей и глаголаста между собою оба брата и рѣкоста къ братъ брату: «брате, много мы лѣтъ с тобою живше в семъ манастыре въ келліи сей и ничего мы из манастыря сего не видали, развѣ ли толко на молитвѣ стоимъ и молимся Богу, иного ничего не знаемъ». И рѣкоста еще (л. 68 об.): «брате, поидемъ мы из монастыря сего и повѣдаемъ, гдѣ стол(кнулось) небо з землею». И послуша брат брата:

[13] Ркп. Публ. Библ. в Ленинграде, Q, XVII, N° 309, л. 68 об.
[14] Ibid., лл. 69, 70, 71 об., 72.

«поидемъ, брате, потрудимся, провѣдаемъ, гдѣ лежитъ небо на земли». И поидоста два брата черноризца из монастыря, не сказавси никому. И идоста многа множество и не могоша доити, где лежит небо на земли. Гдѣ пріидутъ, небо над ними равно; и проидоша много царствъ и многия грады и многия земли и нигдѣ не доидутъ, гдѣ небо на земли: гдѣ не пріидутъ, вездѣ небо над ними равно, яко же и в великом Новѣградѣ; и сколко не идутъ и хотятъ возвратится в великій Новъ-град и начаются блиско великій Новъ град — и великаго (л. 69) Новаграда не обрѣтутъ и земли с небом не обрѣтутъ же. И рекоста старцы промежду собою: «согрѣшили есмы, что пошли мы из монастыря своего из великаго Новаграда, и нигде мы великаго Новаграда не найдемъ и земли с небомъ не дойдем же, согрѣшили мы есть, согрѣшили, и поидем, брате, еще потрудимся, либо доидемъ, гдѣ небо лежитъ на земли. И проидоша моря и тѣми морями плыша в судах, и небо с морем тако же, яко же и в Новѣградѣ. И преплыша море и поидоша путем и пріидоша к морю пещаному, и то море проити не можно: восходятъ волны от того моря на триста верстъ и никто за тѣмъ морем не вѣдаетъ ничто же (л. 69 об.), что там есть. И поидоша от того моря пещанаго и обрѣтоша многия звѣри, индри и туры златорогия и драмадары, слонове и велбуды и всякія звѣри лютые, и на Россіи тѣхъ звѣрей нѣтъ, и тех звѣрей великих устрашившись и Богъ ихъ старцевъ от тѣхъ звѣрей пронес невидимо — и небо такожде над ними. И проидоша людей двоеглавныхъ и треногихъ, у оныхъ людей по шести рукъ, и у оныхъ же людей верхъ главъ ртове, а ини люди крилаты, а у (и)ныхъ людей песіи главы, и видѣша многия птицы, и на Россіи тѣхъ птицъ нѣту. И проидоша рѣки многия и озеры болшыя, аки моря, и пріидоша озеръ и болотъ полны гадовъ двизаніи (л. 70), свиваючи, ползаютъ по обоим странам, и велми страшно проидоша. И пріидоша, ажъ стоитъ столпъ и у того столпа человѣкъ прикованъ, съ единыя страны огнь на него палитъ, а з другую страну ошуюю темно мѣсто, и той человѣкъ прикованный стонетъ и вопіетъ: «согрѣших, Господи, согрѣших и имя твое святое», а с третію страну пристрашныя мѣста, вертепы, яко тлубоны (?), а в техъ мѣстѣхъ великое вищаніе и верещаніе и стонаніе, а с четвертыя страны горы высокія и вертепы каменныи, и в тех горах — охъ, охъ! И проидоша черноризцы тѣ мѣста страшныя — и небо такожде над ними. И идут тѣ монаси, не вѣдаютъ куды, в скорбѣхъ (л. 70 об.) в велицѣхъ, зашли и сами себе не ради, куды

идутъ, и не вѣдаютъ, куды вытти, стали, невѣдома, куды, ни назад, ни напередъ. І еще два брата иноки поидоша, ажъ пришелъ лесъ великой, болшой. На Россіи древія такова нѣтъ, всякія в том лесу виноградия и гроздове, рожди, и орехъ грѣцкой и яблоки разны, сливы, груши, и в том лесу древія свидъ, кипарисъ, кедръ, певга, сандал. Идутъ тѣм лѣсом же монаси много множество дней бездорожно с молитвами Іисусовыми, ажъ пришла стежка в том лесу. И те чернцы той стежки велми ради бысть и мало той стежки монаси пошедше, ажъ у рѣки стоитъ хижица. И пришли старцы к хижи, ажъ у хижи (л. 71) много множества иконъ господскихъ праздниковъ и пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ. И тѣ старцы поклоняся святымъ иконам и опочи ту у хижицы. И какъ опочили старцы и стали себѣ глаголати: «нѣкій пустынникъ здѣ жительствуетъ, и мы с нимъ же здѣся учнемъ пребывати въ покои мѣстѣ; уже нам Новаграда не видати». И по времени пріиде из лѣсу пустынникъ, имя ему Макарій, и брада его собрана в мешекъ и завязана. И пришедъ Макарий развязя мешекъ и браду свою распусти до земли. И два монаха, оба брата, пад, поклонишась до земли Макарию, и Макарій, пад, поклонися до земли обѣма братома, и лежали на земли вси три и просяща благословения (л. 71 об.) брат у брата, и восташа[15] вси троя и братъ брату даста благословение. И вопроси Макарій у дву братовъ, откуду еси сѣмо пріидоста и что дѣла есть здѣсь ваша. И рекоша два монаха Макарію: «мы монаси из Россіи, великаго Новаграда.» И вопроси Макарій монаховъ: «какъ россійское христіанство живутъ, царь и благовѣрныи князи?» И рекоша монаси: «в россійскомъ государствѣ вси здравъствуютъ и долголѣтствуютъ твоим святым умолениемъ и благословениемъ». И вопроси Макарій иноковъ: «и что ваше пришествіе сѣмо?» И рѣкоша монаси: «обѣщалися потрудитися.» Да и то исповѣдаста: «гдѣ лежитъ небо на земли, и не можемъ доити, гдѣ столкнуся (л. 72) небо з землею, и, гдѣ не пріидемъ, и небо над нами такожъ.» И рече Макарій к монахом: «судьбы божіи несказанныи никому и никто того не вѣдает, гдѣ небо з землею столкнулося. И внидоша Макарій в хижицу свою кушати, и до тѣхъ монаховъ в хижи бывала едина пища, и как пришли два монаха, въ хижи устроена стала три пищи божіим повелѣніемъ. И учели два монаха с Макаріемъ за трапезою пищу кушати. И, кушавъ, Макарій поди-

[15] Испр., в ркп.: восташаша.

вися дву пищам: конечно, принесе пищу ангелъ Господень. И во утрій день Макарій собра свою браду в мешекъ завязанъ и поиде лѣсомъ по своей тропинѣ и взявъ Макарій двоих монаховъ с собою и пошли лѣсомъ и перешли лѣсом (л. 72 об.) двадесять поприщь, и пришли к рѣкѣ болшой. Ажъ за рекою стоитъ градъ златъ, и в том граде сад и виногради. И какъ о половинѣ дни пріиде солнце среди граду, и с полудни поиде солнце из града вонъ, и в томъ саду многия птицы райскія. И показа Макари рай на востоцѣ двоим монахомъ. И поиде Макарій в свою хижу, и пришли в хижу, и в хижи устроена божіимъ повелѣніемъ три пищи, и Макарій подивись пищамъ о принесеніи божія ангела: конечно, сіи монахи угодили. И легли монахи два брата в хижи опочинути. И божіим повелѣніемъ в той нощи ангели Господни пришедъ въ хижицу Макаріеву, и взяша дву монаховъ, понесоша ангели спящих монаховъ въ великой Новъград въ их манастырь, и в келлію их внесоша и положиша их на мѣстѣ тѣм, гдѣ опочиша. И услыша монаси в великом Новѣградѣ благовѣстъ и звонъ, и рѣкоша монаси межъ собою братъ брату: «брате, что есть звонъ сей аки в великом Новѣградѣ». И рѣша другій братъ брату: «и мнѣ, брате, тоже кажется, что же и в Новѣградѣ». И рекоша монаси межъ себя: «востанемъ еси». И учели монаси вставати и рекоша: «братъ нашъ Макарій молитъ болше, крепко спитъ, не слышитъ». И учели монахи два брата кликати Макарія, не откликнется Макарій. И рекоша монаси: «болшое Макаріе нѣсть в хижицы сей, вышелъ, а мы не слыхали». И восташа монаси и учели (л. 73 об.) меж собою глаголати братъ брату: «что ми ся мнится, что наша келія и постели, что в нашей келіи. И рече вторый братъ брату: «и мнѣ, брате, мнится, что наша келія и постеля у меня такожъ, что в нашей келліи». И открыли монахи в келліи оконца и посмотривши ис келліи — аж их монастырь! И учели в монастыре в тяшкой колоколъ благовѣстить и потом во вся звонить. И поидоша монаси к заутрени и взя у власти благословения монахи и распроси власть при братіи монаховъ, гдѣ были. И монаси расказаша все, где есть были и како божіим повелѣніемъ в сію нощь спящихъ из Макаріевой пустыни Римлянина от раю за двадесять поприщь (л. 74) сюды Богъ принесъ. И о томъ исписавше вся и власть з братиею молебная воспевше о двою монасехъ. Аминь.

РЕЗЮМЕ.

Предметом статьи В. Ф. Ржиги служит «Повѣсть о двою монахахъ в' Новѣградѣ», находящаяся в ркп. XVIII в. Ленинградской Публичной Библиотеки и теперь впервые публикуемая. Автор доказывает, что повесть эта представляет собою позднюю версию легенды о земном рае, восходящую к известному византийскому апокрифу о Макарии Римском и подвергшуюся влиянию Сказания об Индейском царстве. Апокрифический сюжет повести, упрощенный и освобожденный от многих подробностей своего оригинала, получил здесь весьма оригинальную обработку и занимательное словесное оформление. В приемах письма чувствуется рука мастера, умевшего пользоваться реалистическими красками слова. Вместе с тем речевая форма повести не лишена фольклорных элементов, которые можно наблюдать и в упоминании «туров златорогих» и в использовании приемов сказочной изобразительности в виде повторения одних и тех же формул. Общий характер новгородской повести заставляет предполагать ее сложение в конце XVII в. или в начале XVIII.

RÉCIT DE DEUX MOINES DE NOVGOROD.

(Résumé.)

L'article de V. F. RŽIGA a pour sujet le «Récit de deux moines de Novgorod» qui se trouve dans un manuscrit slave daté du XVIIIe s., conservé dans la bibliothèque de Leningrad. Ce Récit est aujourd'hui publié pour la première fois.

L'auteur prouve que ce Récit est une version tardive de la légende du paradis terrestre due au célèbre apocryphe byzantin qui se trouve dans le MACARIUS ROMAIN. Cette légende a été modifiée sous l'influence des «Contes du royaume de l'Inde». La matière apocryphe du Récit, simplifiée et dans laquelle de nombreux détails de l'original ont été supprimés, a été traitée d'une façon très originale et a reçu une forme verbale fort intéressante.

En ce qui concerne les moyens d'expression, la maîtrise de l'auteur se révèle surtout dans l'habileté avec laquelle il se sert du coloris réaliste d'un mot. En outre la langue du récit n'est pas sans contenir des éléments de folklore qu'on relève aussi dans la mention faite par l'auteur des «ures aux cornes d'or», de même que dans l'emploi qu'il fait du style des contes, en répétant les mêmes formules.

Le caractère général du «Récit de Novgorod» nous fait supposer qu'il date de la fin du XVIIe ou du début du XVIIIe siècle. Il constitue un nouveau document fort intéressant et caractéristique de l'évolution intime d'où le conte russe a pris naissance et à laquelle ont contribué les formes hagiographiques les plus diverses, parmi lesquelles il faut compter non seulement les «vies des saints», «récits des miracles», contes, mais aussi les apocryphes.

NIKOLAJ BĚLJAEV (Praha):

ОБРАЗЪ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ ПЕЛАГОНИТИСЫ.

Переводъ иконы Божьей Матери Взыграніе Младенца изъ Кіевскихъ листовъ Подлинника.

Въ русской иконографіи хорошо извѣстенъ типъ Богородичной иконы «Взыграніе Младенца» (рис. въ текстѣ). Это одинъ изъ усложненныхъ типовъ Умиленія, характеризующійся сильнымъ движеніемъ Младенца-Христа, иногда обнимающаго Мать и какъ бы играющаго у Нея на колѣняхъ. Типъ извѣстенъ хорошо, но о происхожденіи его знаемъ мы мало, почти ничего.

Н. П. КОНДАКОВЪ вмѣстѣ съ другими варіантами Умиленія считалъ и эту разновидность происходящей отъ Мадонны итальянскаго треченто. Однимъ изъ основаній такого предположенія являлось большое распространеніе типа въ такъ называемой итало-критской иконописи.[1] Н. П. ЛИХАЧЕВЪ попытался разыскать источники типа «Взыграніе» русской иконописи. Удалось найти какъ бы предшествующую ступень, отразившуюся въ старинныхъ прорисяхъ и гравюрахъ на сопровождающемъ эпитетѣ «образъ Пресвятыя Богородицы Молдавскія». На этомъ основаніи Н. П. ЛИХАЧЕВЪ заключилъ, что образецъ былъ принесенъ черезъ Балканскій полуостровъ. Однако эти памятники не даютъ указаній на время до XVII вѣка. Первоначальное происхожденіе оказывается все-таки неизвѣстнымъ.[2]

Въ настоящее время новый матеріалъ, неизвѣстный обоимъ столпамъ русской иконографической науки, даетъ возможность, если не разрѣшить вопросъ о первоначальномъ происхожденіи типа, то хоть прослѣдить его нѣсколько дальше вглубь вѣковъ. Въ вопросѣ о заимствованіи отъ итальянскаго искусства матеріалъ этотъ является пожалуй рѣшаю-

---

[1] *Н. П. Кондаковъ.* Иконографія Богоматери. Связи греческой и русской иконописи съ итальянской живописью ранняго Возрожденія. Спб. 1911, стр. 182 и слѣд.

[2] *Н. П. Лихачевъ.* Историческое значеніе итало-греческой иконописи. Изображенія Богоматери въ произведеніяхъ итало-греческихъ иконописцевъ и ихъ вліяніе на композиціи нѣкоторыхъ прославленныхъ русскихъ иконъ. Спб. 1911, стр. 209—213.

щимъ. Не лишенъ онъ интереса и для общей постановки вопроса о происхожденіи типа Умиленіе и времени его появленія въ иконописи. Врядъ ли можно будетъ въ дальнѣйшемъ рѣшать тѣ или иные вопросы въ этой области игнорируя матеріалъ, послужившій темой настоящихъ замѣтокъ. Объ этомъ, впрочемъ, намъ уже приходилось упоминать.[3]

Въ церкви св. Георгія въ с. Старо-Нагоричино, перестроенной и расписанной при сербскомъ королѣ СТЕФАНѢ УРОШѢ II МИЛУТИНѢ въ 1318 году[4] сохранился древній иконостасъ. Представляя собой низкую преграду,[5] онъ имѣетъ всего только двѣ мѣстныхъ иконы, написанныя также фреской по штукатуркѣ (рис. 1). Иконостасъ состоитъ изъ двухъ коллонокъ и антаблемана, опирающагося на коллонки и упирающагося концами въ столбы. Между этими коллонками и столбами и оставлены пространства для постановки иконъ. Въ данномъ случаѣ они съ обѣихъ сторонъ заложены кирпичемъ (или камнемъ) и заштукатурены.[6] Заложены они несомнѣнно послѣ постановки и устройства самого иконостаса однако до или одновременно съ росписью церкви, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія. Иконы (рис. 2—3), написанныя фреской по штукатуркѣ заложенныхъ пространствъ въ иконостасѣ, несомнѣнно одновременны со всей остальной росписью храма. Въ пользу этого говорятъ: 1. одинъ и тотъ же составъ штукатурки, 2. тождественный характеръ самой живописи, какъ со стороны технической и консистенціи красокъ, такъ и съ художественной и стилистической, 3. одна и та же палеографія надписей. Наконецъ, иконы по верхнему краю окаймлены орнаментомъ, который мы встрѣчаемъ повсюду на карнизахъ въ той же церкви. Все перечисленное вполнѣ прочно удостовѣряетъ единовременность иконъ, или лучше иконостасныхъ фресокъ, и остальной росписи церкви. Мы не стали бы столь упорно настаивать на этомъ (ибо каждому, кто подробнѣе разсматривалъ наши иконы и обратилъ вниманіе на указанныя черты, это бросается въ глаза), если бы эта одновременность не была подвергнута сомнѣнію.[7] Изображаютъ иконы: южная — Богоматерь съ

[3] См. предисловіе отъ редакціи къ работѣ *А. И. Анисимова:* Владимірская икона Божіей Матери. ΖΩΓΡΑΦΙΚΑ. A', Прага, 1928, стр. 7, 43.

[4] См. *проф. Н. Окуневъ:* Грађа за историју српске уметности. I. Црква Св. Ђорђа у Старом Нагоричину. Гласник Скопског Научног Друштва, кн. V. 87—120. Архитектурную исторію памятника разбираетъ Ђ. Бошковић въ Mélanges-Uspenskij. - *Georges Bošković.* Deux églises de Milutin: Staro Nagoričino et Gračanica. I Staro Nagoričino. L'art byzantin chez les slaves. Les Balkans. Premier recueil dédié à la memoire de Théodore Uspenskij. 1e partie. Paris 1930, p. p. 195—206.

[5] См. объ иконостасѣ — низкой преградѣ: *Н. П. Кондаковъ.* Русская икона, III (текстъ часть I). Прага 1930, стр. 27 и *Н. Л. Окуневъ.* Алтарная преграда XII в. въ Нерезѣ. Seminarium Kondakovianum, III, 1929, стр. 5—7 и слѣд.

[6] Это видно съ задней стороны иконостаса, въ алтарѣ.

[7] Это сомнѣніе исходитъ отъ извѣстнаго изслѣдователя византійскаго искусства на Балканахъ и иконографіи проф. G. Millet, о чемъ намъ сообщилъ въ личной бесѣдѣ г-на Ђ. Бошковић. См. указанную выше статью въ Mélanges-Uspenskij.

Младенцемъ въ типѣ т. н. «Взыгранія» (рис. 2) и сѣверная — Св. великомученика Георгія, патрона церкви (рис. 3).

Иконы сильно закопчены и попорчены — часть ликовъ съ глазами уничтожена. Говорить о художественной цѣнности ихъ поэтому въ настоящее время трудно, хоть и видна сразу умѣлая и искусная рука мастера, писавшаго фрески церкви. Кромѣ того сразу же производитъ впечатлѣніе монументальность композицій (размѣръ фигуръ много больше, чѣмъ въ остальной росписи). Богоматерь представлена склонившей голову налѣво и придерживающей Младенца спереди лѣвой рукой (рис. 2). Младенецъ находится на правой рукѣ Богоматери. Онъ сильно извернулся и повернутъ спиной къ зрителю. Голова Его сильно запрокинута назадъ, лѣвая рука обнимаетъ или вѣрнѣе хватаетъ Мать за щеку. Объяснить такую позу дѣйствительно легче всего тѣмъ, что Божественный Младенецъ, играя на рукахъ у Матери, прижался къ Ней въ порывѣ нѣжности или цѣлуетъ Ее. Интересъ описаннаго изображенія заключается въ сопровождающемъ его эпитетѣ. Надписи по сторонамъ нимба гласятъ:

МР ѲЖІЯ и ниже въ двѣ строки слѣва **ИЄЛАГО | НИТИСЯ**,

справа же виднѣются еще остатки неразборчивой надписи. Типъ изображенія Божьей Матери вполнѣ соотвѣтствуетъ упомянутому выше «Взыгранію Младенца» русскихъ иконъ.

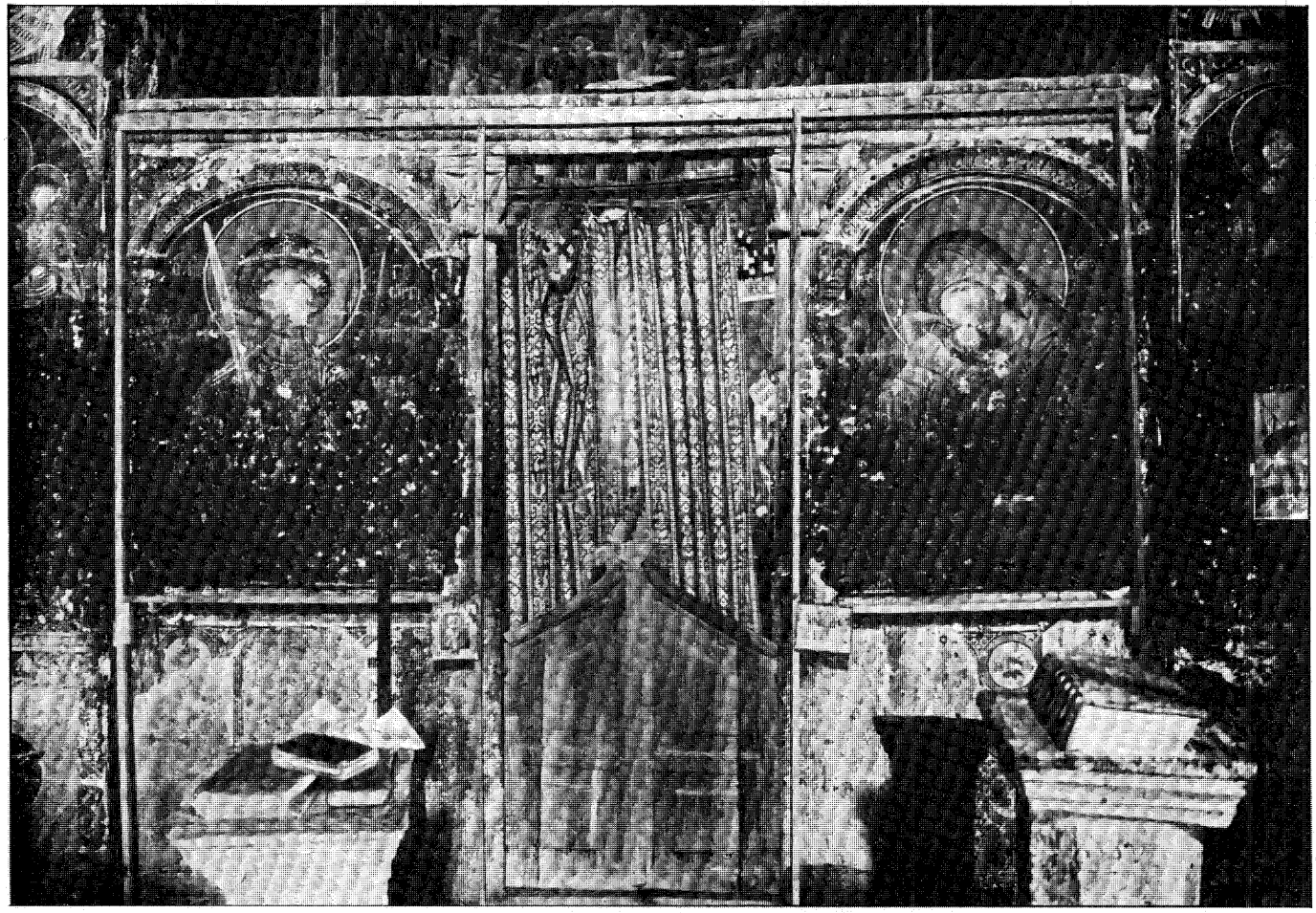
Сѣверная мѣстная икона представляетъ, какъ уже говорилось, патрона церкви — Св. великомученика Георгія въ прямоличномъ положеніи съ обнаженнымъ мечомъ въ правой рукѣ (рис. 3). Надписи:

ОѦ ГЄ | ѠРГІ | ОС О ҬОПАІ | ОФОРОС | ОДИПСО | РИТІСІ

Кромѣ этого изображенія Св. Георгія въ церкви имѣется еще нѣсколько его изображеній. Мы воспроизводимъ здѣсь одно изъ нихъ, находящееся на сѣверо-западномъ столбѣ и сопровождающееся надписью

ОѦ ГЄѠГІОС О ГОРГОС

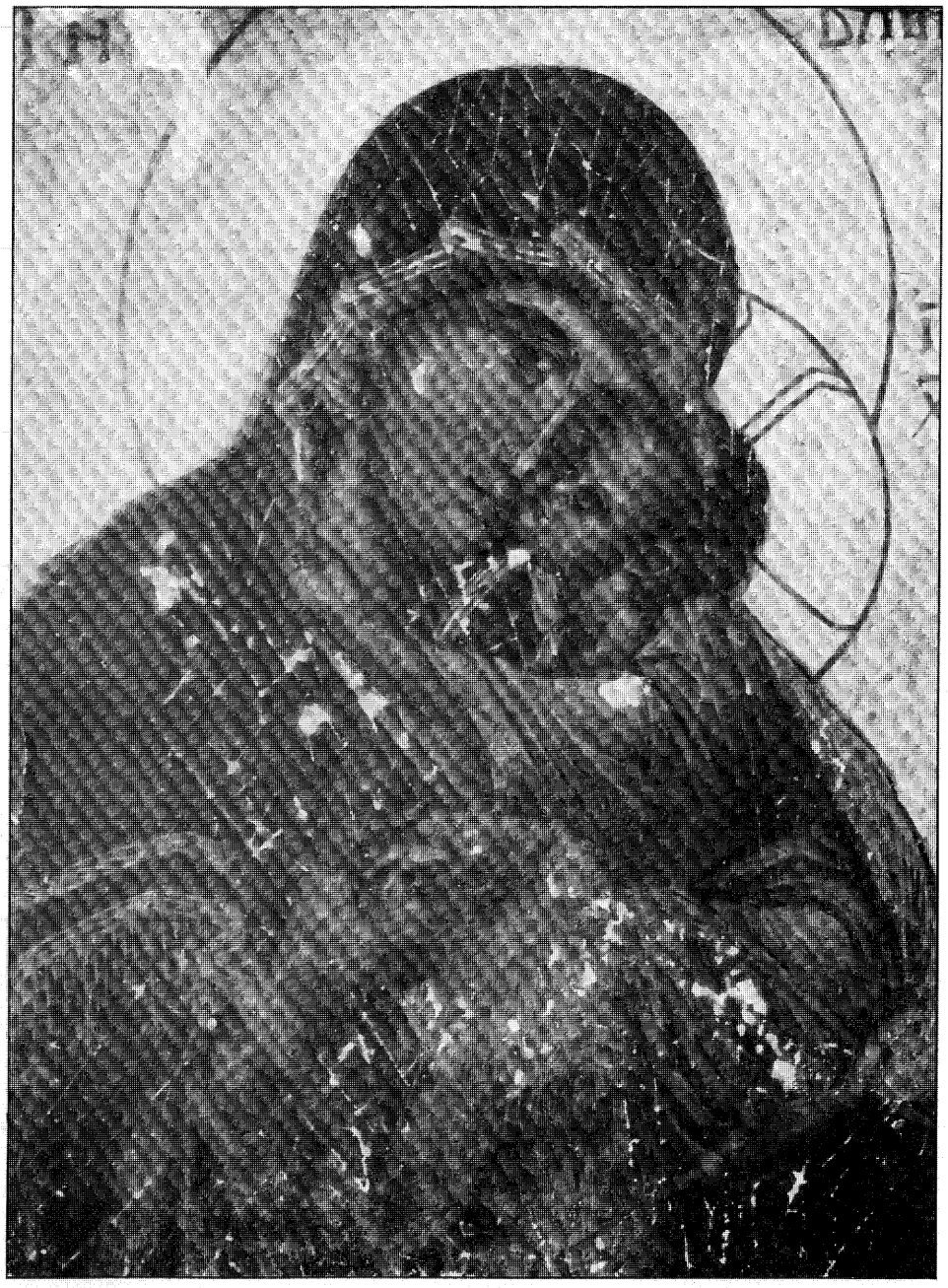
(рис. 4). При сравненіи обоихъ изображеній Святого Георгія сразу бросается въ глаза ихъ полная аналогичность. Овалъ лица, пышная шапка курчавыхъ волосъ, охваченная на мѣстной иконѣ жемчужной діадемой съ очельемъ, конецъ плаща, перехваченный круглой фибулой и переброшенный черезъ лѣвое плечо — вотъ черты общія обоимъ изображеніямъ. Но особенно характерны въ данномъ случаѣ мелкія детали рисунка — ушей, шеи, кудрей, складокъ плаща, фибулъ и т. п. Укажемъ здѣсь же на обиліе и разнообразіе благочестивыхъ эпитетовъ и даже нѣкоторую ихъ изощренность — какъ бы игру словъ — и въ иконахъ



1. Иконостасъ Георгіевской церкви въ с. Старо-Нагоричино.
Iconostase de l'église St Georges à Staro-Nagoričino.

3. Мѣстная икона Св. вмч. Георгія.
Icone de St Georges dans la même iconostase.

4. Изображеніе Св. вмч. Георгія на с. з. столбѣ въ той же церкви.
Image de St Georges sur le pilier nord-ouest de la même église.



5. Икона Божьей Матери Умиленіе изъ иконостаса Дечанской Лавры (деталь).
Icone de la Sainte Vierge Eleousa provenant de l'iconostase de Dečany (détail).

6. Икона Божьей Матери Одигитріи съ надписью Елеуса, Дечаны.
Icone de Ste Vierge Hodigitria avec l'inscription «Eleousa» à Dečany.

7. Икона Божьей Матери Пелагонитисы, Дечаны.
Icone de la Ste Vierge Pelagonitisa, Dečany.

и въ росписи самой церкви. Такъ на столбѣ рядомъ съ южной мѣстной иконой около изображенія Христа мы находимъ надпись

ІС ХС Ὁ ἐΛЄИМОН

на симметричномъ столбѣ рядомъ съ сѣверной мѣстной иконой у изображенія Божьей Матери въ типѣ Одигитріи — надпись

МР [ΘУ] И КЄ | ХАРІТЄѠ | МЄНІ.

Въ западной части храма опять повторены Христосъ и Божья Матерь, здѣсь надписи:

ІС ХС Ὁ ЄѠ ТЍР (ю. з. столбъ) и МР ΘУ ИПРѦЛИ | СИС (с. з. столбъ).

Мы останавливаемся на этихъ чертахъ, т. к. онѣ неопровержимо свидѣтельствуютъ о томъ, что наши мѣстныя иконы и остальная роспись храма одно цѣлое. Тутъ не только одна техника, одна манера, одинъ стиль, тутъ и одно настроеніе мыслей, одна склонность къ использованію извѣстныхъ богословскихъ терминовъ и благочестивыхъ — «молебныхъ» — навыковъ въ эпитетахъ. Въ противоположность остальнымъ эпитетъ южной мѣстной иконы не содержитъ никакого молебнаго обращенія (оно было, повидимому, въ стертой части надписи), а лишь указаніе на мѣстное почитаніе образа Божьей Матери этого типа. Пелагонія, какъ извѣстно, — часть Македоніи, центромъ которой является городъ Монастырь — Битоль.[8] Названіе это до сихъ поръ сохраняется въ наименованіи мѣстнаго епархіальнаго епископа.

До сихъ поръ въ научной литературѣ было извѣстно только одно упоминаніе иконы съ терминомъ Пелагонитисы. По указанію Brockhaus'a въ апсидѣ церкви въ монастырѣ Павлу на Аѳонѣ имѣется икона Богоматери съ надписью Ἐλεοῦσα Πελαγονητήσα.[9] Къ сожалѣнію о датѣ этой иконы мы ничего не знаемъ, какъ и самой иконы не видѣли. Brockhaus добавляетъ, что греческая церковь празднуетъ 11 августа день Божьей Матери Елеусы.

Здѣсь приходится остановиться на смежномъ вопросѣ о типѣ изображенія Божьей Матери Елеусы. Обычно принимается, что это и есть русское «Умиленіе». Больше того, на этомъ основаніи строятся предположенія о томъ, что «Умиленіе» было извѣстно и въ ранней греческой иконографіи, а значитъ и въ византійскомъ искусствѣ XI—XII вв. Соединеніе терминовъ Елеуса и Пелагонитиса (даже въ позднее время) доводъ въ пользу такого отождествленія, ибо послѣдняя лишь варіантъ

[8] См. объ упоминаніяхъ Пелагоніи у Страбона, Зосимы, Стефана Византія въ большомъ словарѣ греческаго языка Thesaurus linguae graecae, ed. Didot Paris 1865, t. VI, col. 685—6 s. v.

[9] *H. Brockhaus*, Die Kunst in den Athos-Klöstern. Zweite Auflage. Leipzig, 1924, S. 83.

Умиленія и слѣдовательно такое совмѣщеніе и понятно и естественно. Однако приходится тутъ же указать, что иконъ типа Умиленіе съ надписью Елеуса извѣстно сравнительно немного. Наоборотъ иконъ съ надписью Елеуса и типа не Умиленіе, т. е. съ Младенцемъ не прижавшимся къ щекѣ Божьей Матери, или иконъ Умиленіе, но безъ надписи Елеуса за послѣднее время пришлось встрѣтить нѣсколько. Такъ какъ объ изображеніи Божьей Матери Милостивой (слав. переводъ греч. Елеуса) въ Дечанской лаврѣ мы намѣрены говорить особо, упомянемъ здѣсь только примѣры, гдѣ термина этого нѣтъ или онъ примѣненъ «неправильно». Въ той же Дечанской лаврѣ сохранилась, въ числѣ четырехъ мѣстныхъ иконъ, оставшихся отъ стараго, современнаго росписи храма (1348), иконостаса, икона Божьей Матери Умиленіе въ ростъ съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ, на которой кромѣ надписи

МЙ БЖИЙ

ничего другого не находимъ (рис. 5). Тамъ же, наконецъ, имѣются иконы Божьей Матери, одна въ типѣ Одигитріи, другая (мѣстная) съ Младенцемъ на лѣвой рукѣ въ нѣкоторомъ отстраненіи, обѣ съ надписью

ЄЛЄѠСЙ (ІЄЛЄѠСЙ —

во 2-мъ случаѣ). Правда первая врядъ ли старше XVI в. (рис. 6), вторая же принадлежитъ къ иконостасу, одна изъ иконъ котораго имѣетъ дату 1620 г., а другая — надпись съ упоминаніемъ архіепископа Печскаго и игумена Дечанскаго, занимавшихъ эти посты въ началѣ XVII в. Тѣмъ не менѣе все это приходится принять во вниманіе.

Выводы дѣлать рано, но весьма вѣроятно, что эпитетъ Елеуса примѣнялся весьма широко (въ особенности въ позднее время) и сопровождалъ изображенія не только типа Умиленіе. Кромѣ того, по всей вѣроятности, древнѣйшій типъ Умиленія, въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ по Владимірской иконѣ Божьей Матери, т. е. съ Младенцемъ на правой рукѣ, сопровождался обычно терминомъ не Елеуса, а «Гликофилуса», въ славянскомъ переводѣ «Сладкое Лобзаніе». Однако прочныхъ данныхъ для установленія этого мы еще не имѣемъ и вопросъ этотъ, выводящій насъ за предѣлы нашей темы, оставляемъ пока что открытымъ.

Но вернемся къ иконамъ Божьей Матери Пелагонитисы. Намъ удалось видѣть цѣлый рядъ такихъ иконъ, правда большей частью не старше XVI в. въ церквахъ Призрѣна, Прилепа (ц. Св. Николая въ селѣ Маркова Варош), наконецъ въ Дечанахъ. Воспроизведеніе послѣдней иконы приводимъ (рис. 7). Икона входила, повидимому, въ иконостасъ 1620 г., но возможно, не избѣгла поновленій.

Выше приходилось говорить о сомнѣніяхъ въ единовременности Нагоричинской мѣстной иконы съ росписью церкви 1317 г. Пищу сомнѣ-

ніямъ дало, видимо, то обстоятельство, что дѣйствительно иконъ этого типа ранѣе XVII, въ лучшемъ случаѣ XVI в., до сихъ поръ не было извѣстно. Мы уже указывали на несостоятельность сомнѣній, становящуюся очевидной при внимательномъ разсмотрѣніи нашихъ иконъ. Но въ настоящее время есть возможность уничтожить и самый источникъ сомнѣній. Нагоричинское изображеніе неодиноко. Среди изданныхъ недавно А. Н. ГРАБАРОМЪ миніатюръ рукописи Евангелія Національной Библіотеки въ Бѣлградѣ (Cod. 297) одна изъ миніатюръ несомнѣнно передаетъ типъ изображенія Божьей Матери Пелагонитисы. Рукопись относятъ обычно къ XIII в., происходитъ она изъ окрестностей Призрѣна. Миніатюра эта тѣмъ интереснѣе, что воспроизводитъ не только аналогичное разбираемому нами изображеніе, но именно икону, такъ какъ заключено оно въ четыреугольную раму. Наличіе подобнаго изображенія въ рукописи, при томъ довольно кустарнаго характера, особенно цѣнно, т. к. показываетъ насколько почитаніе образа было распространено, а его композиція общеизвѣстна. Не лишено интереса и то обстоятельство, что данная рукопись, какъ то показалъ въ своей книгѣ А. Н. ГРАБАРЪ, пропитана, такъ сказать, греко-восточными вліяніями.[10]

Этимъ мы закончимъ наши бѣглыя замѣтки о типѣ Божьей Матери Пелагонитисы. Пріоткрываются нѣсколько древнѣйшія судьбы русскаго иконографическаго типа «Взыграніе Младенца». Выводъ напрашивается самъ собой. До 1318 г. (роспись Нагоричина), а значитъ не позднѣе XIII в., несомнѣнно долженъ былъ существовать почитаемый въ Македоніи образъ Божьей Матери Пелагонитисы. Гдѣ находилась чтимая святыня, въ какомъ монастырѣ или храмѣ намъ пока ничего неизвѣстно. Къ сожалѣнію Битоль ничего не сохранилъ изъ своихъ древнихъ святынь. Во всякомъ случаѣ существованіе мѣстной чтимой иконы Божьей Матери для древней Пелагоніи удостовѣрено исторіей. Трудно предположить для XIII вѣка заимствованіе съ Запада (изъ Италіи) типа чтимой святыни. Да и композиція нашего типа такъ цѣльна и выдержана въ стилѣ византійскаго искусства, причемъ не изысканнаго — придворнаго, а того что погрубѣй, народнаго, окрашеннаго греко-восточнымъ вліяніемъ. Къ тому же типы «Умиленія» въ итальянскихъ иконахъ XIII—нач. XIV вв. совершенно иные. Такимъ образомъ предположеніе о приносѣ этого типа изъ Италіи повидимому должно отпасть. Въ италокритскую иконопись попалъ этотъ типъ тоже повидимому не съ Запада, а съ Востока. Наконецъ, и для исторіи типа Умиленіе упомянутыя изображенія даютъ возможность перестать сомнѣваться въ его древности. Если мы имѣемъ дѣло на порогѣ XIV в. съ варіантомъ Умиленія, если

[10] *A. Grabar*, Recherches sur les influences orientales dans l'art balkanique (Publications de la Faculté des lettres de l'Université de Strasbourg, fasc. 43) Paris 1928, p. p. 57—91, 76; pl. VII, 1.

мы вынуждены принять существованіе этого варіанта и для XIII в., то самый прототипъ, вѣроятно, долженъ быть еще древнѣе. Всякому ясно, что въ художественной эволюціи конечно типъ Умиленіе, такой какъ мы его знаемъ, напр., изъ Владимірской иконы, древнѣе и первоначальнѣе варіанта Взыграніе Младенца, иначе Божьей Матери Пелагонитисы.

Рисунки на таблицахъ:

1. Иконостасъ Георгіевской церкви въ с. Старо-Нагоричино. Общій видъ.
2. Мѣстная икона Божьей Матери Пелагонитисы. С. Старо-Нагоричино.
3. Мѣстная икона св. великомуч. Георгія. С. Старо-Нагоричино.
4. Изображеніе св. вмч. Георгія на сѣверо-зап. столбѣ въ той же церкви.
5. Икона Божьей Матери Умиленіе изъ иконостаса Дечанской Лавры (деталь).
6. Икона Божьей Матери Одигитріи съ надписью Елеуса, тамъ же.
7. Икона Божьей Матери Пелагонитисы, тамъ же.

Рисунокъ въ текстѣ: переводъ иконы Божьей Матери Взыграніе Младенца (по Кондакову).

L'IMAGE DE LA SAINTE VIERGE PELAGONITISA.

(Résumé.)

Le type iconographique de la Ste Vierge, nommé « L'enjouement de l'Enfant » (« Vzygranie Mladenca ») est bien connu dans la peinture religieuse russe. C'est une variation du type Eléousa, caractérisée par le geste accentué de l'Enfant, qui enlace la Ste Mère et paraît jouer sur ses genoux (fig. p. 386).

Une ancienne iconostase s'est conservée à Staro-Nagoričino, dans l'église St Georges, reconstruite et décorée de peinture en 1318, au temps du roi de Serbie Stefan Uroš II Milutin. L'iconostase n'a que deux icones, également peintes sur mortier (figure 1). L'iconostase est formée d'un entablement, soutenu par deux colonnes, et appuyé aux deux bouts par des piliers. Les espaces, réservés aux icones entre les colonnes et les piliers, sont remplis de briques, ou pierre, et recouverts de mortier. Le maçonnage, bien que postérieur à la construction de l'iconostase est contemporain, ou même antérieur à la peinture des murs. Les fresques de l'iconostase (figures 2 et 3) avaient été peintes en même temps que les fresques des murs, ainsi que l'indiquent: 1. la même composition du mortier, 2. l'identité de la peinture, en fait de style, technique et consistence des couleurs, 3. la paléographie des inscriptions, 4. le dessin de la bordure des icones, qui se retrouve sur toutes les corniches de l'église.

L'icone méridionale de l'iconostase représente la Ste Vièrge avec l'Enfant Jésus, du type « Enjouement de l'Enfant » (figure 2).

L'icone septentrionale — le St Mégalomartyre Georges, patron de l'église (figure 3).

La Ste Vierge a la tête inclinée à gauche et soutient l'Enfant, en passant le bras gauche devant lui (figure 2). L'Enfant, assis sur le bras droit, a un mouvement très accentué qui le fait tourner le dos au spectateur. La tête de Jésus est renversée en arrière, sa main gauche saisit la joue de la Ste Vierge. Ce geste peut être interprêté par un élan de tendresse de l'Enfant, qui se serre à la Mère pour l'embrasser.

L'intérêt de cette icone est dans l'épithète qui l'accompagne. L'inscription, des deux côtés du nimbe, est: мр҃ бжіа; plus bas, à gauche — пелаго|нитиса; le mot en bas, à droite, est indéchiffrable. Le type de l'icone correspond entièrement au type des icones russes, mentionné plus haut — « Enjouement de l'Enfant ».

L'épithète de l'icone indique que ce type iconographique de la Ste Vierge était particulièrement vénéré dans le pays. La Pélagonie, partie de la Macédoine, a pour centre la ville Monastyr-Bitol.

Jusqu'à présent, la littérature scientifique n'avait eu qu'une seule indication au terme de Pelagonitisa — Brockhaus cite l'icone de la Ste Vierge du couvent Pavlu, au Mont-Athos, portant l'inscription Ἐλεοῦσα Πελαγονητήσα.

Nous avons vu plusieurs icones de ce type à Prizren, Prilep (dans l'église St Nicolas du village Markova Varoš) et à Dečany. Cette dernière image paraît appartenir à l'iconostase de l'an 1620, mais la possibilité de retouches postérieures n'est pas exclue (fig. 7).

L'image de Nagoričino n'est pas unique. A. N. Grabar a récemment publié les miniatures de l'Evangile manuscrit, se trouvant dans la Bibliothèque Nationale à Belgrad; une de ces miniatures reproduit incontestablement le type de la Ste Vierge Pelagonitisa. Le manuscrit, attribué au XIIIème siècle, provient des environs de Prizren.

La conclusion est claire — au XIIIème siècle, au plus tard (les fresques de Nagoričino datent de 1318) il devait exister, en Macédoine, une image vénérée de la Ste Vierge Pelagonitisa. Nous ne savons pas où cette relique se trouvait. Malheureusement Bitol n'a rien conservé de ses anciennes reliques. En tout cas, l'existence en Pelagonie d'une icone vénérée de la Ste Vierge est un fait historique. Il est peu probable, qu'au XIIIème siècle on ait emprunté d'Italie le type d'une image vénérée. En outre, toute la composition de ce type est empreinte du style byzantin; ce n'est pas l'art raffiné de la cour byzantine, mais plutôt l'art populaire, d'un caractère greco-oriental. Le type Eléousa des images italiennes des XIIIème — commencement du XIVème siècles est tout différent.

Ainsi la provenance d'Italie du type Pelagonitisa paraît exclue. La pré-

sence de ce type dans la peinture crétoise doit être expliquée également par l'influence orientale. Les images mentionnées mettent hors de doute l'ancienneté du type Eléousa: l'existence au XIIIème — commencement du XIVème siècles d'une variation du type Eléousa fait admettre que le type même est encore plus ancien. Au point de vue de l'évolution historique, le type Eléousa (tel que nous le connaissons dans l'image de Notre Dame de Vladimir) est évidemment plus ancien que la variation, ainsi nommée Pelagonitisa.

Illustrations.

Planches:

1. Iconostase de l'église St Georges à Staro-Nagoričino.
2. Icone de la Ste Vierge Pelagonitisa dans l'iconostase à Staro-Nagoričino.
3. Icone de St Georges dans la même iconostase.
4. St Georges sur le pilier nord-ouest de la même église.
5. Icone de la Ste Vierge Eléousa provenant de l'iconostase de Dečany (XIVe s.) — détail.
6. Icone de la Ste Vierge Hodigitria avec l'inscription Eléousa à Dečany (XVIe s.).
7. Icone de Ste Vierge Pelagonitisa à Dečany (XVIIe s.).

Dans le texte (p. 386). Dessin (« perevod ») d'une icone russe de la Ste Vierge « Enjouement de l'Enfant », d'après Kondakov.

M. A. ANDREEVA (Praha):

ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ ВИЗАНТІЙСКО-СЛАВЯНСКИХ ГАДАТЕЛЬНЫХ КНИГ.

ГЛАВА II.

Византійскія гадательныя книги VI вѣка.

При чтеніи сочиненія Іоанна Лида «о знаменіях» перед глазами читателя постепенно вырисовывается картина политической и общественной жизни того времени — опасеній и надежд, радостных событій, и ужасных бѣдствій, с которыми приходилось сталкиваться гражданину поздне-римской или ромейской имперіи.[1] Всѣ важнѣйшіе вопросы политической, общественной и экономической жизни VI вѣка затронуты. Именно, на эти вопросы ищут отвѣтов византійскіе обыватели в хрониках того времени. Поэтому лучшей иллюстраціей для предсказываемых Лидом событій может послужить лѣтопись Іоанна Малалы, которая, по словам одного ученаго, вполнѣ замѣняет ея чита-

[1] См. Byzantinoslavica, II₁, p. 47—73. Отдѣл о позднегреческих гадательных книгах будет мною значительно дополнен в слѣдующей III главѣ по Catalogus codicum astrologorum graecorum; p. 56—65. Сочиненіе Лида »περὶ διοσημείων« представляет из себя собраніе гадательных книг, по всей вѣроятности, идущих еще от римскаго времени, но переведенных на греческій и сильно видоизмененных сообразно с обстоятельствами эпохи, в которую онѣ должны были консультироваться. В состав коллекціи Лида входят: Лунник, Сейсмологій, нѣсколько Громников, Молніянник и статьи о гаданіи по солнцу, нѣкоторым планетам и кометам. Всѣ эти книги различаются по характеру своих предсказаній, то кратких то пространных. Главнѣйшую роль в измѣненіи состава предсказаній этих книг играет их географическое происхожденіе. Напр. Бронтологій римской редакціи касается главным образом вопросов столичной жизни, гдѣ основной тон дается попытками захватить власть и революціями. Joannis Laurentii Lydi, Liber de ostentis et calendaria graeca omnia iterum ed. *Curtius Wachsmuth.* Lipsiae. 1897, p. 63—88, c. 27—38. Гадательныя книги египетско-александрійской редакціи: Бронтологій (c. 23—26, p. 57—62) и Сейсмологій (c. 54 sq p. 110 sq) охватывают своими предсказаніями всѣ провинціи имперіи и сосѣднія страны, но кромѣ того особо касаются и своих локальных проишествій. Наконец, книги восточной редакціи, один из Громников, приписываемый Фотину Римлянину, и в особенности Лунник, останавливаются на восточных войнах и связанных с ними бѣдствіях, хотя не забывают помянуть и Запад. Нѣсколько особняком стоит IV Громник Лабеона (c. 42. p. 93—95), чисто сельскохозяйственный, и Молніянник (c. 43—52. p. 95—107), дающій своеобразныя предсказанія и совѣты. Что же касается хронологіи этих книг, то очень трудно придти к каким либо положительным результатам относительно времени их составленія, т. к. первоначальная редакція подвергалась многочисленным передѣлкам. Нѣсколько моложе по времени своего возникновенія, менѣе ретушированным, представляется мнѣ вышеупомянутый Сейсмологій, возникшій в одном из восточных городов имперіи, м. б. в Антіохіи.

заботы: он может относиться только к общественной жизни, наконец, он может сопровождаться другими благами, напр. мир городам, урожай полям и хвала царствующим в государствѣ.[9]

Наряду с благопріятными предзнаменованіями встрѣчаются не менѣе многочисленныя неблагопріятныя. Напр. предсказаніе об ухудшеніи положеніи вещей, иногда незначительном; медленное улучшеніе при очень плохих обстоятельствах.[10] Предсказывается несчастіе вообще всѣх людей, — эта общая форма долго сохраняется в позднѣйших греческих и славянских гадательных книгах; великія тягости от злых дѣл, наконец, ряд несчастій, тѣсно связанных с общественными дѣлами. Напр., если молнія при извѣстных обстоятельствах ударит в храм, то этой мѣстности угрожает общественныя бѣдствія, предлагается служителям храма принять мѣры для отвращенія бѣдствія. Ясно, что здѣсь мы имѣем дѣло с остатками языческаго культа.[11] В нѣкоторых случаях характер грядущих бѣдствій уточняется: напр. невезеніе в дѣлах сопровождается голодом, угрожают великія бѣдствія, т. к. подданные от страха теряют головы (сознаніе). Иногда указываются страны, которым угрожают бѣдствія.[12] Из приведенных примѣров явствует, что даже в предсказаніях общаго характера значительное мѣсто, если не первенствующее, удѣлено интересам государства и общества, как цѣлаго.

Прежде чѣм перейти к предсказаніям о войнах, необходимо остановиться на употребляемой в коллекціи гадательных книг Лида географической терминологіи. Основой всѣх географических познаній, в особенности в гадательных сочиненіях египетско-александрійскаго цикла, является список стран, расположенных под отдѣльными знаками зодіака, приводимый в астрологіи Птоломея. Он приводится мною по списку, помѣщенному в концѣ сочиненія Лида «о знаменіях».[13]

«Под знаком Овна: Бретанія, Галатія, Германія, бастарны, Койлесирія, Идумея; под знаком Тельца: Циклады, побережіе Малой Азіи, Кипр, парѳяне, мидяне, Персія; под знаком Близнецов: Гирканія, обѣ Арменіи, (Амадіана), Киринея, Мармарика, Нижній Египет; под знаком Рака: Виѳинія, обѣ Фригіи, Колхида, Нумидія, Карѳаген, Африка; под знаком Льва: Италія, Апулія, Галлія, Сицилія, Финикія, Орхинея и Авторхинея;

---

[9] Ibidem, c. 37. p. 86$_3$; c. 19. p. 53$_1$; c. 29. p. 68$_{26}$; c 17. p. 48$_{16}$; c. 28. p. 66$_5$ εἰρήνην μὲν τοῖς κοινοῖς; c. 52. p. 106$_{15}$.

[10] Ibidem, c. 29. p. 68$_{25}$; c. 38. p. 86$_{17}$; c. 31. p. 72$_{25}$ εἰ βροντήσῃ, καλὰ τὰ συναλλάγματα, καὶ εὐθηνία πρὸς αὐτοῖς. ὁ δὲ ἐπὶ τῇ πολιτείᾳ βαρὺς οὐκ ἐπὶ πλέον ἰσχύσει; c. 38. p. 87$_{26}$.

[11] Ibidem, c. 39. p. 89$_7$ δυσδαίμονες δὲ ἔσονται οἱ τῶν ἀνθρώπων πλείους; c. 48. p. 102$_{28}$ εἰ δὲ κατὰ τὸν καιρὸν τοῦτον ἐπὶ ἱερὸν ὁ κεραυνὸς κατενεχθείη, χωρίων δημοσίας ζημίας ἀπειλεῖ. δεῖ δὲ ὅμως τοὺς ἐφόρους τῶν τοιούτων ἱερῶν θεραπεύειν εἰς τὸ ἀποστρέψαι τὰ ἀπειλούμενα.

[12] Ibidem, c. 36. p. 82$_{15}$; c. 38. p. 87$_{24}$ μεγάλα κακά, ὡς ἐξ ἀθυμίας λειποθυμῆσαι τοὺς ὑπηκόους; c. 56. p. 113$_1$.

[13] *Андреева*, l. c. p. 63.

подъ знакомъ Дѣвы: Эллада, Ахайя, Критъ, Вавилонъ, Месопотамія, Сирія; подъ знакомъ Скорпіона: Средняя Сирія или Коммагена, Каппадокія, Мавританія, Гетулія; подъ знакомъ Ярма: Бактрія, Каспія, Серика (Китай), Θивы, Оазисъ, Троголдитика; подъ знакомъ Стрѣльца: Тирринея или Кельтика, Испанія, Счастливая или Великая Аравія; подъ знакомъ Козерога: Македонія, Θракія, Иллирія, Индія, Аріана, Гедросія; подъ знакомъ Водолея: Савроматія, Оксіана, Согдіана, Малая Аравія, Средняя Адзіана, Эθіопія; подъ знакомъ Рыбъ: Лидія, Киликія, Памфилія, Насамонія, Германтика.»[14]

Географическая терминологія I-го Громника[15] почти тождественна с приведеннымъ списком; есть нѣкоторыя незначительныя измѣненія: напр., из странъ и народовъ подъ знакомъ Тельца выпущены устарѣвшіе парθяне. Шаблонъ, установленный в II-ом вѣкѣ по Р. Х., остается в силѣ и в VI, хотя на самомъ дѣлѣ географическая номенклатура, как и административное дѣленіе имперіи и состав, граничящих с имперіей, государств, значительно измѣнился. Нѣсколько болѣе сознательно подошел к номенклатурѣ Птоломея составитель Сейсмологія. В Сейсмологіи встрѣчаются попытки объясненія устарѣвших терминов. Так напр., о Колхидѣ упоминается, как о называемой нынѣ Лазикой, — странѣ очень хорошо дѣ упоминается, как о называемой нынѣ Лазикой-странѣ очень хорошо извѣстной ромеям V и VI вѣка из-за войн, которыя велись в ней;[16] вмѣсто Іудумеи-Іудея и Палестина. Встрѣчаются также поясненія, напр. Иллирія до рѣки Истра, т. е. Дуная. Различается побережіе и верхняя Азія; подробнѣе говорится о Либіи, ея границах и сосѣдях. Сама Либія причисляется к Европѣ. На положеніи дѣл в Либіи особо останавливается в своей Тайной Исторіи Прокопій (Procopii, hist. arcana. c. 18, p. 113_{15}). Составитель Сейсмологія вообще охотно указывает на соотношеніе различных стран с Европой.[17]

Эти комплексы отдѣльных стран, соединенных вмѣстѣ по признаку нахожденія подъ одним зодіаком, приводятся, как мѣсто, гдѣ должно исполнится предсказаніе, напр. о вражеском нашествіи, смутѣ, землетрясеніи, голодѣ и т. д.

---

[14] *Lydi*, de ostentis, c. 71. p. 158_{15} sq.

[15] Ibidem, c. 23—6; p. 57—61.

[16] Ibidem, c. 56. p. 112 ἡ Κολχική, ἣν νῦν προσαγορεύουσι Λαζική. См. E. Stein, Geschichte des spätrömischen Reiches. I Bd. Vom römischen zum byzantinischen Staate. (284—476 N. Chr.) Wien 1928, p. 532; Ш. Диль, Юстиніан и византійская цивилизація в VI вѣкѣ. СПбг. 1908, p. 223 sq.; J. B. Bury, History of the Later Roman Empire from the death of Theodosius I to the Death of Justinian (AD. 395 to A. D. 565). London 1923, v. I. p. 113 sq.

[17] *Lydi*, de ostentis, c. 58. p. 115_{17}. ἐπὶ δὲ τῆς Εὐρώπης Μακεδονία καὶ Θράκη πρὸς τῷ Ἰλλυρικῷ ἕως Ἴστρου ποταμοῦ; c. 55. p. 111_{11} ἐπὶ δὲ Λιβύης ἢ μᾶλλον Εὐρώπης (ὅτι μέρος Εὐρώπης Λιβύη) Μαρμαρικὴν καὶ Νασαμωντίδα καὶ ἁπλῶς τὴν παρατεταμένην ταῖς μεγάλαις Σύρτεσι ξηρὰν ἔσχατος περιστήσεται λιμός; c. 56. p. 112_{14}.

Кромѣ того встрѣчаются географическія названія, стоящія внѣ таких комплексов. Обычно они имѣют болѣе общій характер; рѣдки предсказанія, имѣющія силу для какой либо опредѣленной страны или мѣстности. Исключеніем является гадательныя книги прямо ограничивающія район дѣйствія предсказаній на опредѣленную заранѣе мѣстность. Бронтологій Нигидія Фигулы дает предсказанія только для Рима; Молніянник же для той мѣстности, гдѣ ударила молнія.

Самое общее географическое подраздѣленіе — на Восток и Запад: т. е. на восточную и западную римскую имперію. Напр., указывается, что изобиліе и благодать будут только на Востокѣ, но не на Западѣ. Упоминается и запад Европы.[18] Запад иногда противопоставляется Египту, т. к. Египту вообще посвящается довольно много мѣста. Александріец не забывает особо помянуть Нил и сообщить предсказанія о Либіи и сосѣдних племенах.[19] Из других стран упоминается Азія (напр. с. 39, p. 89_{21}), Ассирія (с. 39, p. 89_{2}» и чаще всего приморскіе города, в связи с частыми нападеніями пиратов и войнами. Отдѣльно упоминаются города малоазійскаго побережія и тѣ, которые лежат на Понтѣ (πρὸς τῷ Πόντῳ κείμενοι πόλεις, с. 58, p. 116_{11}).

Из народов приводятся арабы (с. 41, p. 90_{7}) эѳіопы, парѳяне[20] и, главным образом, персы — самые страшные враги обитателей восточной имперіи.

Предсказанія о войнах многочисленны, что вполнѣ соотвѣтствует положенію дѣл в имперіи. Большая часть этих предсказаній общаго характера: указаніе на войну без опредѣленія фронта. Другая категорія предсказаній поясняет с каким народом или категоріей народов предстоит сражаться. Иногда опредѣляется направленіе свѣта, гдѣ произойдет война, и приводятся детали. Особо отмѣчены в предсказаніях войны морскія и борьба с пиратами.

Обратимся сначала к самым общим опредѣленіям. Встрѣчаются предсказанія просто о войнѣ (с. 30, p. 70_{2}) или с небольшими поясненіями, напр., война немалая (с. 49, p. 104_{7} πόλεμος οὐ μικρός), тяжелая, неожиданная, опасная (с. 33, p. 77_{18} βαρύς, с. 34, p. 78_{13} ἀδόκητος, с. 32, p. 76_{1} ἐπικίνδυνος). Иногда предсказанія о войнѣ сопровождаются другими, могущими стоять в связи с первыми предсказаніями, напр. война и измѣна, война и тысяча зол, или голод, наконец, война и паденіе могущих или богатых людей.[21]

---

[18] Ibidem, c. 38. p. 87_{18} τοὶς μὲν περὶ τὴν ἀνατολὴν εὐθηνία, τοῖς δὲ ἐπὶ δύσιν οὐχ οὕτως; c. 39. p. 88_{19} οἱ τῆς Εὐρώπης τὸ δυτικὸν ἔχοντες; c. 40. p. 334_{14}.

[19] Ibidem, c. 39. p. 88_{17} ὑπονοστήσει δὲ καὶ ὁ Νείλος; c. 40. p. 91_{6}.

[20] Ibidem, c. 4. p. 10_{12} τῶν Παρθυαίων [ἔφο]δον μαν[τευόμενος . . .

[21] Ibidem, c. 29. p. 69_{18} πολέμους ἅμα καὶ δόλους ἀπειλεῖ; c. 27. p. 65_{7}; c. 30. p. 71_{2}; c. 28. p. 67_{1} πόλεμον δηλοῖ καὶ ἀπώλειαν δυνατῶν; c. 35. p. 80_{8} πόλεμον καὶ πτῶσιν ἀνδρῶν εὐπόρων.

Вмѣсто войны в одном случаѣ встрѣчается выраженіе рѣзни.[22] Насколько кровопролитны были войны, в особенности, когда онѣ принимали форму варварских набѣгов, и насколько от них страдало населеніе, можно судить по извѣстному мѣсту из Тайной Исторіи Прокопія: «Иллирія, вся Ѳракія, вся страна, простирающаяся от Іоническаго моря до предмѣстій Константинополя, Грецiя, Херсонес, были почти ежегодно опустошаемы гуннами, славянами, антами; начиная с того времени, как Юстиніан пріял римское царство, жители ея подвергались самым жестоким истязаніям. Я полагаю, что число римлян, которые в каждое из этих нашествій были умерщевлены, либо уведены в рабство, можно опредѣлить в 200.000, так что названныя провинціи походили на пустыни Скиѳіи.»[23] Эти ужасные варварскіе набѣги знают и особо отмѣчают Громники и прочія гадательныя книги.

Существует спеціальная севѣрная война (πόλεμον ἀρκτῷον, c. 30, p. 88_5), т. е. на линіи Дуная. Иногда война захватывает всю Европу (это выраженіе употребляется, то в болѣе широком, то в болѣе узком смыслѣ слова), случается, что даже больше всего страдает Македонія[24] — вспоминается Прокопій и Агаѳій. Для опредѣленія этих войн имѣется спеціальный термин — варварскіе набѣги или нападеніе новаго народа (c. 17, p. 48_9, c. 51, p. 105_{25}». Византіец V—VI вѣка уже не пытается точнѣе опредѣлить эти народы, которые в теченіе столѣтій тѣснились у границ его царства, внезапно появлялись и столь же внезапно исчезали, заплавив западную часть имперіи и пограбив восточную. Всякое названіе неминуемо должно было в кратчайшій срок устарѣть или смѣниться и стать ефимерным. М. б. в этом отчасти лежит объясненіе пристрастія византійцев того времени к классическим географическим именам, как напр. скиѳы, прикрывающим собою массу разноплеменных народов.

Итак предсказывается: «новый народ возьмется за оружіе и погибнет во время войны; у варваров произойдут раздоры, и из-за различія в мнѣніях они нарушат мир с имперіей и в скором времени силой захватят нѣкоторыя мѣстности; предстоит нападеніе язычников», т. е. тоже одного из варварских народов. Предусматривается случай захвата ромейской территоріи, как результат алчности византійских стратигов.[25]

[22] Ibidem, c. 20. p. 54_{12} εἰ κατὰ τὸν αὐτὸν καιρὸν ἡ σελήνη αἱματώδης φανῇ, σφαγὰς ἀπειλεῖ.

[23] *Procopii*, Historia arcana, p. 114_{15}; *Ш. Диль*, Юстиніан, p. 228—229; ужасы нашествій гуннов к стѣнам Константинополя описывает Агаѳій. Agathiae Myrinae historiarum libri quinque. Script. hist. Byzant. Bonnae. 1828, p. 303—305; 308.

[24] *Lydi*, de ostentis, c. 40. p. 90_8; c. 58. p. 116_8 πόλεμοι γὰρ βαρεῖς ἐπιπεσοῦνται ταῖς χώραις, τῇ δὲ Μακεδόνων χώρᾳ τὰ χείριστα συμβήσεται, ὡς ἐγγὺς ἀφανισμοῦ γενέσθαι.

[25] Ibidem, c. 40. p. 92_7 ἡ μὲν νεολαία ἐν ὅπλοις τελέσει καὶ ἐν πολέμοις φθαρήσεται; c. 49. p. 89_2 ἔθνη βάρβαρα κατ' ἀλλήλων ἐξενεχθήσεται, καὶ δογμάτων ἕνεκα τὰ τῆς Ῥωμαϊκῆς εἰρήνης σαλευθήσεται, καὶ τόπους δέ τινας τοῦ πολιτεύματος πολέμιοι πρὸς βραχὺ καθέξουσιν; c. 39. p. 89_{19} καὶ ἐθνικῶν ἔσται ἐπὶ τῆς πολιτείας πάροδος; c. 57. p. 114_{19} πόλεμοί τε ἔσονται ἀτυχεῖς

Западу удѣлено значительно меньше вниманія, чѣм Востоку, что вполнѣ естественно в VI вѣкѣ. Всеже говорится и о владѣющих западом Европы; о том, что на Западѣ нарушают мир, что западные властители вмѣстѣ с персами начинают успокаиваться — вспоминаются войны Юстиніана одновременно в Италіи и в Персіи.[26]

На Востокѣ главныя предсказанія относятся к персам, с которыми ромейская имперія ведет в эту эпоху безконечныя и очень важныя для нея войны, по опредѣленію Диля — оборонительныя. Припомним двѣ войны при Юстиніанѣ 527—532 и 540—5 годов и тѣ, которыя велись при Анастасіи I и позднѣе при преемниках Юстиніана.[27] В смыслѣ географическом чаще говорится о Востокѣ вообще (μέρος τῆς ἀνατολῆς, c. 40, p. 91_{16}) или о войнах в верхней Азіи (τῆς ἄνω Ἀσίας. c. 56. p. 112_{6}). Как анахронизм упоминается царь восточной имперіи (ὁ τῆς ἀνατολῆς βασιλεύς, c. 28, p. 66_{21}). Встрѣчаются арабы и эѳіопы-абиссинцы, которых необходимо отличать от других эѳіопов, извѣстных в VI вѣкѣ, благодаря торговли с Индіей и сочиненію Косьмы Индикоплова, «тѣх, которые живут на рѣкѣ Индѣ».[28]

Предсказанія о персах дѣлятся на двѣ группы. В одной из них сообщается, о предстоящем персидском нашествіи в имперію. Во второй о бѣдствіях, которыя ожидают персов; на послѣдних с особой любовью останавливается предсказывающій. Персам угрожает исчезновеніе, а царю их предстоит быть измѣнчески убитым, царю персидскому и его народу угрожает опасность. Наконец, дается схема похода, сначала удачнаго для персов; затѣм ромеи собираются силами, преслѣдуют персов, отбирая у них отнятые ими города. Иногда предсказаніе кончается полным торжеством ромеев — персидскій царь гибнет от рук своих подданных а богатство страны разграбляется.[29] Всѣ эти предсказанія отвѣчают дѣйствительности, так обычно протекали персидскіе походы. Вспомним хотя бы походы при Кавадѣ, а также Хозроя против Антіохіи, которую он разграбив, оставил сам. Революціи в Персіи были часты и цари нерѣдко бывали измѣнчески убиты. Предсказывающій — реалист;

τῇ νεολαίᾳ, ἐπικερδεῖς δὲ τοῖς στρατηγοῖς; βάρβαροι δὲ καθέξουσι Ῥωμαίοις ἀνήκοντα χωρία.

[26] Ibidem, c. 39. p. 88_{10} Πέρσαι δὲ καὶ οἱ τῆς Εὐρωπῆς τὸ δυτικὸν ἔχοντες ἠρεμήσουσιν; c. 39. p. 89_{20} ἀπολεγέτω μὲν τῇ εἰρήνῃ τὸ δυτικόν . . .

[27] *Диль*, Юстиніан, p. 215—224; Bury, History of the Later Empire, v. II. p. 79—123. Персидскія войны на столько часты, что даже выдѣлены из ряда остальных, c. 11. p. 36_{4} εἰδὲ (комета) ὠχρός, πολέμους μέν τινας, ἀλλ' οὐ Περσικούς σημαίνει . . .

[28] *Lydi*, de ostentis, c. 41. p. 90_{7}; c. 40. p. 91_{6} Αἰθίοψι καὶ Πέρσαις ὅλεθρον ἐνσκήψει; c. 55. p. 111_{1} — καὶ Αἰθιόψι τοῖς παρ' Ἰνδὸν ποταμὸν . . .

[29] Ibidem, c. 41. p. 90_{20} Πέρσαις ἀφανισμὸν ἀπειλεῖ, καὶ ὁ βασιλεὺς δὲ αὐτῶν δολοφονηθήσεται; c. 28. p. 61_{18}; c. 11. p. 36_{13} ἀλλ' οὐ μέχρι παντὸς τὰ Περσῶν εὐτυχήσει· μεγάλης γὰρ συντρεχούσης κατ' αὐτῶν παρασκευῆς φεύξανται, καὶ οἱ ληφθεῖσαι παρ' αὐτῶν πολεῖς ἀφεθήσονται, ὁ δὲ βασιλεὺς αὐτῶν φεύγων ἀπολεῖται ταῖς τῶν ἰδίαν χερσῖν· εἶτα καὶ διαρπαγήσεται ὁ πλοῦτος Περσῶν; c. 11. p. 36_{4} упоминается, как мѣсто набѣга Сирія.

он не увлекается несбыточными мечтами о полной побѣдѣ ромеев над персами собствеными силами.

Остановимся еще на предсказаніях о ходѣ войны и различных деталях походов. Такія предсказанія часто попадаются наряду с ранѣе разобранными общаго характера, отличавшихся односложностью. Напр. о сѣверной войнѣ говорится, что она будет безопасна. Отмѣчается напряженность войны или ослабленіе ея. О набѣгах сообщается будут ли они легко отразимы или нѣт, тоже о походах, предпринятых ромеями.[30]

Встрѣчаются предсказанія на чей территоріи будет война, о захватѣ врагами укрѣпленія — как извѣстно, система укрѣпленій была особенно развита при Юстиніанѣ; об измѣнѣ союзников.[31]

Есть и мрачные предсказанія о том, что многіе отправятся в поход, но мало, кто вернется; что царю угрожают опасности; цари поведут войну неудачно, и произойдет это по винѣ бездѣйствующих полководцев. Если ко времени Лида царь уже сам не отправлялся в поход, то эти предсказанія свободно могли быть приложимы к положенію главнокомандающаго на любом византійском фронтѣ (Велизарій и Нарзес в Италіи, событія на персидском фронтѣ).[32]

По отношенію к морским сраженіям предсказанія различают войну и нападеніе пиратов, этого бича Средиземнаго моря в поздне-римское и ранне-византійское время. В особенности много вниманія удѣлено пиратам в Молніянникѣ, который знает ряд предсказаній в связи с ударом молніи в море или в рѣку. «Если при прохожденіи солнца через созвѣздіе Рака, ударит молнія в море, то появится враждебный флот и морской бой будет свирѣпствовать в этом районѣ (κλίμα), но он не будет долго продолжаться, нападающіе будут побѣждены и флот их потоплен.»[33]

Часто паденіе молніи в воду означает явленіе пиратов в районѣ удара молніи, иногда же ослабленіе дѣятельности пиратов. Наконец, встрѣчается предсказаніе как будто навѣянное опредѣленным событіем — о благородном юношѣ, который побѣдит пиратов и этим прославится.[34]

---

[30] *Lydi*, de ostentis, c. 38. p. 88$_5$; c. 33. p. 77$_{19}$; c. 31. p. 74$_6$; c. 48. p. 102$_{24}$; c. 49. p. 103$_{19}$; c. 40. p. 90$_{21}$; c. 33. p. 78$_1$ ἐκστρατείας κίνησεις ἐπὶ πόλεμον, ἀλλ' εὐτυχήσει.

[31] Ibidem, c. 19. p. 52$_1$ στράτευμα ἀλλότριον ἐπελεύ[σεται τῇ τοῦ βασι]λέως χώρᾳ; c. 32. p. 75$_{24}$ φρούριον τῇ πολιτείᾳ χρηστὸν ὑπὸ πολεμίοις τελέσει; *Диль*, Юстиніан, p. 239 sq; c. 19. p. 52$_{17}$ εἰ ὁ ἥλιος ἐρυθρὸς γένηται, [σύμ]μαχοι ἀποστήσονται.

[32] Ibidem, c. 33. p. 77$_{12}$ πολλοὶ ἐπὶ πόλεμον πορεύσονται, ὀλίγοι δὲ ἀναστρέψουσιν; c. 27. p. 65$_{10}$; c. 55. p. 110$_{15}$ οἱ δὲ βασιλεῖς στρατεύσονται κατὰ τῶν πολεμίων, ἀλλ' οὐκ εὐτυχῶς· ἐλαττωθέντων γὰρ αὐτοῖς τῶν στρατευμάτων οἱ στρατηγοὶ ἄπρακτοι ἀναζεύξουσι; *Диль*, Юстиніан, p. 193 sq.; 218.

[33] *Lydi*, de ostent., c. 49. p. 103$_{24}$ εἰ δὲ ἐπὶ θαλάσσης κατενεχθείη, στόλοις πολεμίων καὶ ναυμαχίαις ταραχθήσεται τὸ κλίμα, ἀλλ' οὐκ ἐπιμενεῖ χρόνῳ, ἔσται δὲ κρείττονα τὰ πράγματα, καὶ οἱ πολέμιοι ἡττηθήσονται, καὶ ὁ στόλος αὐτῶν καταβυθισθήσεται; c. 20. p. 54$_{10}$; c. 51. p. 106$_3$.

[34] Ibidem, c. 47. p. 101$_{17}$; c. 48. p. 102$_{19}$ ἀγαθὰ σημαίνει τοῖς πλησιοχώροις· οἱ γὰρ πειρα-

Довольно точно описан район, особенно сильно пострадавшій от нападенія пиратов, в особенности в IV и в V вѣках — это приморскіе города по Понту (Черноморскому побережію) и в восточном бассейнѣ Середиземнаго моря — Малоазійскому побережію; также подвергались опасности Циклады и Кипр. Именно, этот район Килликіи, Палестины и Финикіи, готѳ Фравитта очистил от пиратов, что ставилось ему в особую заслугу.[35]

Предсказаній, посвященных внутренней жизни страны, значительно больше. Они поражают своим количеством. Касаются они, главным образом: 1. лиц, имѣющих власть в руках, как цари, царицы, тираны и правители, выдающіеся государственные дѣятели, персоны, стоящія близко у власти; содержаніе этих предсказаній: возвышеніе и паденіе вышеприведенных особ; 2. смут в государствѣ, в особенности в больших городах; эти предсказанія почти всегда даются с точки зрѣнія интереса народа, а не высших классов общества. Таким образом в гадательных книгах мы встрѣчаемся со слѣдующими тремя факторами государственной жизни, принимающими в ней дѣятельное участіе — царь или правитель, высшій класс, поставляющій из среды своей государственных дѣятелей и чинов, иногда выступающій и, как цѣлое, народ — демос, главным образом городской, раздѣленный на партіи. О войскѣ отдѣльно почти не упоминается. Дѣйствительно, захват высшей власти в V и VI вѣкѣ происходит обычно в столицѣ, путем дворцовых переворотов или предварительных соглашеній. Из других слоев населенія упоминаются кліенты и рабы. Иногда говорится отдѣльно о крестьянах, но обычно в связи с экономическими вопросами. Небольшое количество предсказаній касается вопроса реформ и правосудія.

Разказами о чудесных знаменіях, предвѣщавших избранникам царское величіе, полна византійская литература. Среди них находим вѣщательные сны, как напр. в случаѣ императора Юстина I, и парящих орлов,

---

τεύοντες χείρω πράξουσιν; c. 52. p. 106$_{27}$· νέος δέ τις εὐγενὴς στρατευσάμενος ἀπολέσει τὸ πειρατικὸν καὶ ἔνδοξος ἐπὶ τὴν νικὴν γενήσεται. Из молодых полководцев, командовавших в районѣ наибольшаго распространенія пиратства, слѣдует упомянуть magister per militium Ардабура, успѣшно отбившаго нападеніе арабов. *E. Stein*, Geschichte d. spätröm. Reiches. I Bd. p. 522.

[35] *Lydi*, de ostentis, c. 58. p. 116$_{15}$. αἱ δὲ πρὸς τῷ Πόντῳ κείμεναι πόλεις καὶ ἐπίνεια πειρατικαῖς ἐφόδοις ταραχθήσονται; c. 24. p. 59$_{3}$ οὐδὲν δὲ ἧττον καὶ πόλεις αἱ πρὸς τῇ θαλάττῃ πολεμίοις παραστήσονται, ἐπὶ τε τῶν Κυκλάδων καὶ τῶν παραλίων τῆς μικρᾶς Ἀσίας (καὶ γὰρ Ἀφροδίτης ἡ θάλαττα), Κυπροῦ, Μηδίας τε καὶ Περσίδος αὐτῆς; Zosimus, ed. Bonnensis. lib. V. cap. 20. p. 273$_{16}$ ὄντος δὲ ἐν τούτοις αὐτοῦ, κοινῇ ψήφῳ βασιλεύς τε καὶ ἡ γερουσία στρατηγὸν ἐπὶ τῷ κατὰ Γαΐνην αἱροῦνται πολέμῳ Φραουΐτον, ἄνδρα βάρβαρον μὲν τὸ γένος, Ἕλληνα δὲ ἄλλως οὐ τρόπῳ μόνον ἀλλὰ καὶ τῇ προαιρέσει καὶ τῇ περὶ τὰ θεῖα θρησκείᾳ· τοῦτῳ τοίνυν ἤδη πολλαῖς διαπρέψαντι στρατηγίαις, καὶ τὴν ἑῴαν ἅπασαν ἀπὸ Κιλικίας ἄχρι Φοινίκης καὶ Παλαιστίνης τῆς ἀπὸ τῶν ληστῶν λυμῆς ἐλευθερῶσαντι, παραδεδώκασι τὰς δυνάμεις; Bury, History, v. I. p. 135.

каких видѣли друзья и враги над будущим императором Маркіаном.[36] Позднѣе, когда христіанство все болѣе утверждалось и искореняло остатки языческих вѣрованій, предсказывают великое будущее святые отшельники и получают откровенія о грядущем величіи избранников благочестивые игумены. В VI вѣкѣ языческія предзнаменованія еще преобладают. Разсказы о них многочисленны, т. к. не раз случалось человѣку, вышедшему из народа, достичь царскаго престола. Громник помнит, что достигает избранный судьбой высшую власть не сразу, а сначала возвышается на царских службах и, что гадать о царской власти не безопасно — за это грозят ссылки и казнь. Приведем для примѣра случай с кружком лиц, гадавших о будущем царѣ и узнавших, что имя его начинется на Θеод. Между ними был нѣкій Θеодор, нотарій царской канцеляріи, который за это поплатился своим положеніем и понес наказаніе. Царем же, дѣйствительно, стал позднѣе Θеодосій Великій.[37] Поэтому, Громник дает только одно крайне осторожно составленное предсказаніе на 30 марта: «если в этот день будет гром, то нѣкій вельможа или могущій человѣк завладѣет царским престолом, благодаря чему будет радость.»[38]

Зато гадательныя книги не скупятся на предсказанія о грозящих царю опасностях. Только один раз в году гром приносит царю много пользы, а другой раз прекращаются злые умыслы против царя. Обычно царям грозят опасности, дурное положеніе дѣл, паденіе и гибель. Царь, сдѣлавшій много зла измѣнчески убивается, иногда упоминается об предательском убійствѣ царя, не указывая сам ли он дал к тому повод. В одном из Бронтологіев имѣется предсказаніе о гибели царицы и ея дѣтей.[39] К частой смѣнѣ власти и к кровавым переворотам византійцы привыкли — это входило в порядок вещей.

Кромѣ царей гадательныя книги знают правителей, династов и игемонов. Династ иногда отожествляется с царем (с. 50, p. 104_{14}) своим или чужеземным. Из чужеземных властителей только персидскій — царь. Им тоже угрожают опасности от своего народа, смѣна и паденіе; тоже и мелким правителям.[40]

---

[36] *Procopii*, hist. arc. c. VI. p. 38_4–39_{18} — сон видит начальник Юстина Іоанн Кирта; *Ю. Кулаковскій*, Исторія Византіи. т. I. 2 изд. Кіев. 1913. p. 325—326.

[37] *Zosimus*, l. IV. c. 13. p. 187_{18} sq.; *Stein*, Geschichte d. sp.-röm. Reiches. p. 273.

[38] *Lydi*, de ostentis, c. 36. p. 84_{13}. λ΄. εἰ βροντήσῃ, δυνατός τις τῆς βασιλείας ἐγκρατὴς ἔσται, δι' οὗ εὐφροσύνη.

[39] Ibidem, c. 33. p. 78_4; c. 32. p. 74_{24} πέρας ἔχει τὰ κακῶς βουλευθέντα τοῖς κρατοῦσιν: c. 34. p. 78_{23}; c. 18. p. 50_{25}; c. 31. p. 73_{10}; c. 50. p. 104_{10}; c. 34. p. 79_{17} ὁ βασιλεὺς πολλοῖς ἐπι βουλεύσας τέλος ἐπιβουλεύεται; c. 18. p. 49_{14}; c. 50. p. 104_{28} φθορὰν γυναικῶν ἀπειλεῖ σωφρόνων, πτῶσιν δὲ καὶ αὐτῇ τῇ βασιλίδι καὶ τοῖς αὐτῆς τέκνοις...

[40] Ibidem, c. 34. p. 78_{21}; c. 30. p. 71_{18} ὁ κακὸς δυνάστης βουλῇ θεοῦ πεσεῖται; c. 19. p. 52_9 μεταλλάξει δὲ καὶ ὁ ἡγούμενος τῆς χώρας; c. 20. p. 53_{18}.

Особую категорію составляют тираны, т. е. претенденты на царскій престол, в конечном результатѣ своих дѣйствій, не достигших его, а поднявших смуту в государствѣ. Самым знаменитым в началѣ VI-го вѣка был Виталіан, о котором упоминает Лид в своем сочиненіи. При самом Юстиніанѣ были только незначительныя попытки, напр. Артабана в 562 году свергнуть царя; народом во время возстанія Ники был выдвинут Ипатій, племянник Анастасія I.[41] Так одно предсказаніе говорит, что из-за распри в государствѣ появится тиран, но что он погибнет. Иногда указывается захватываемая тираном территорія: от Стеноса (Босфора) до Нила; восточный тиран, т. е. восточно-римской имперіи, Громник Нигидія Фигулы знает еще и восточнаго царя. Приводятся отрицательныя качества тирана — дурной, свирѣпый, нарушитель законов.[42]

Еще больше предсказаній посвящено паденію и возвышенію вліятельных лиц. Дѣйствительно хроники того времени полны извѣстіями этого рода. Лѣтописцы с любовью останавливаются на деталях. Тут префект столицы Кир, возстановитель стѣн Константинополя, выслушивающій в Ипподромѣ в теченіи цѣлаго дня славословія димов, приличествующія только царям: «Константин создал, Кир возстановил». Сѣтуя на черезмѣрную благосклонность судьбы, Кир принужден уйти в монастырь, чтобы избѣжать худшей участи. Велизарій в опалѣ, заключенный у себя в дворцѣ — герой средневѣковой легенды, сдѣлавшій из великаго полководца нищаго, просящаго милостыню. И не только они, но и менѣе знаменитыя лица, быстро возвышались и столь же быстро падали, заслуженно и не заслуженно. При Юстиніанѣ это Приск, алчный Іоанн Капподокіец, Петр Магистр, Бусса, Петр Варсимес и многіе другіе — знатные и незнатные, полководцы и сановники, стоящіе во главѣ гражданскаго управленія.[43]

Предсказанія о славных, великих, могущих и прославляемых мужах почти всегда касаются их паденія. Рѣже встрѣчаются предсказанія о возвышеніи их, напр., о нѣком мужѣ имѣющим достигнуть, благодаря народному благоволенію вершин счастія; великій архонт-сановник, получит преемника; вся власть перейдет к одному, но он будет беззаконен. Варіантов предсказаній паденія славных мужей немного, — они однообразны. Напр., великому мужу грозит великое бѣдствіе. Иногда отмѣчается, что муж велик в государственных дѣлах. Появленіе такого мужа

---

[41] *Диль,* Юстиніан, p. 120 sq.; 472-5; Lydi, de ost. c. 6. p. 13$_{19}$ sq.

[42] *Lydi,* de ost. c. 30. p. 71$_{15}$; c. 39. p. 88$_{14}$ τύραννον ἐπαναστῆσεσθαι ἀπειλεῖ τοῖς ἀπὸ τῆς στενῆς θαλάσσης ἄχρι Νείλου χωρίοις . .; c. 40. p. 90$_{21}$; c. 31. p. 72$_{2}$; c. 55. p. 112$_{1}$ τύραννος πρὸς ταύτοις ὠμότατος ταράξει τοὺς νόμους, ὡς μηδὲ αὐτῶν τῶν ἱερῶν φείσασθαι.

[43] *Malalae,* hist. l. XIV. p. 361$_{14}$ sq. — о дѣятелях эпохи Юстиніана: *Диль,* Юстиніан, p. 102-120; 174.

можетъ поставить в опасное положеніе государство, в особенности, если онъ полководецъ, т. к. грозитъ междоусобная война.[44]

Наряду с предсказаніями о великих мужах встрѣчаются и предсказанія, правда единичныя, посвященныя выдающимся женщинам. Онѣ будут пребывать в прекрасной славѣ или к ним перейдет власть в государствѣ или к лицам, угодным им. Дѣйствительно для V и VI вѣка нам извѣстны имена нѣсколько выдающихся женщин, сыгравших крупную роль в жизни имперіи: Пульхерія, сестра Θеодосія Младшаго или супруга Юстиніана — знаменитая Θеодора; из некоронованных особ большим вліяніем пользовалась Антонина, жена Велизарія. Т. к. возвышеніе жен представлялось чѣм то исключительным, а карріера их скорѣе кончалась благополучно, то гадательныя книги и знают только возвышеніе, а не паденіе их как мужей.[45]

Кромѣ отдѣльных персон упоминается и правящее сословіе, под названіем δυνατοί, властелей, архонтов и входящих в сенат. Касающіяся его предсказанія неблагопріятны для сословія а также для государства: в особенности когда в средѣ его начинаются волненія. Как извѣстно из Тайной Исторіи Прокопія, Юстиніан вел энергичную борьбу с сенаторским сословіем и его привилегіями. Это положеніе сословія отразилось в предсказаніях. Только одно сулит имперіи побѣду, а им радость, остальные говорят об опасностях, паденіи и уничтоженіи. Многіе из сената должны погибнуть в безчестіи; угрожает гибель первым лицам и опасность в связи с государственным положеніем.[46] Само сословіе синклитиков вносит смуту и раздоры в общественную жизнь. То они злоумышляют друг против друга, то пребывают в враждѣ. От этого иногда страдают подданные, иногда же, благодаря этому, народ пребывает в радости. Особенно отмѣчены беззаконія архонтов на Западѣ.[47] Возможно, что послѣднее предсказаніе осталось от болѣе ранняго вре-

[44] *Lydi*, de ostentis, c. 30. p. 71$_{5}$ ἀπώλειαν κλεινοῦ ἀνθρώπου καὶ πόλεμον ἀπειλεῖ; c. 19. p. 51$_{26}$ μέγας ἀνὴρ; c. 20. p. 53$_{16}$ ἀνὴρ δυνατὸς; c. 31. p. 72$_{20}$ ἀνδρὸς ἐπαινουμένου πτῶσιν; c. 27. p. 64$_{12}$ εὐτυχῆς; c. 38. p. 87$_{16}$ εὐνοίᾳ τοῦ δήμου ἀνήρ τις εἰς ἄκραν εὐδαιμονίας ἀρθήσεται; c. 28. p. 66$_{23}$; c. 28. p. 66$_{16}$; c. 28. p. 67$_{11}$ δυνατοῦ ἀνθρώπου δηλοῖ δυνατὸν ἀτύχημα; c. 36. p. 83$_{4}$ δυνατὸς τοῦ πολιτεύματος ἢ στρατηγὸς κινδυνεύσει, διὸ μάχαι συρραγήσονται.

[45] Ibidem, c. 36. p. 84$_{11}$ αἱ γυναῖκες τῆς κρείττονος δόξης ἀνέξονται; c. 30. p. 70$_{7}$ δύναμις ἔσται ταῖς γυναιξὶ κρείττων ἢ κατ' αὐτάς; *Bury*, History L. Emp. v. I. p. 214 sq. О Θеодорѣ: Bury l. c. p. 27–35; *Панченко*, О Тайной исторіи Прокопія. Виз. Вр. т. III. 1896. p. 105—117; *Диль*, Юстиніан, p. 37—75.

[46] *Procopii*, hist. arc. c. 26. p. 159$_{9}$ ἐπεὶ δὲ τῶν τε ἀπὸ τῆς συγκλήτου βουλῆς καὶ τῶν ἄλλων εὐδαιμόνων εἶναι ἐν τε Βυζαντίῳ καὶ πάσῃ τῇ Ρωμαίων ἀρχῇ πάσας, ὥσπερ ἐρρήθη, καὶ οὐσίας ἀφείλετο, ἀργεῖν τὸ λοιπὸν τῷ ἐπιτηδεύματι τοῦτῳ ἐλέλειπτο... Bury, l. c. t. II. p. 42, 48; Панченко, l. c. III. p. 300–302; p. 421; Lydi, de ost. c. 37. p. 85$_{4}$ νικὴν τῇ βασιλείᾳ δηλοῖ καὶ τοῖς δυνατοῖς εὐφροσύνην; c. 32. p. 76$_{6}$ τῆς συγκλήτος πολλοὶ ἀθυμίᾳ φθαρήσονται; c. 47. p. 102$_{5}$,

[47] *Lydi*, de ost. c. 36. p. 71$_{20}$; c. 39. p. 88$_{19}$; c. 39. p. 89$_{21}$; c. 35. p. 81$_{12}$ τῷ μέν δήμῳ αἴσιον. τοῖς δὲ δυνατοῖς ἐκ διχονοίας κακόν; c. 39. p. 89$_{5}$ ἄρχοντες ἐκ τῶν δυτικῶν ὁρμώμενοι ἡγήσοντα παρανόμως τῶν κοινῶν.

мени, но и сам Юстиніан своими завоеваніями в Италіи и Африкѣ дал возможность им реализоваться и в VI вѣкѣ.

Незначительное количество предсказаній касается попыток измѣнить положеніе вещей и правительственных реформ. Вообще к реформам византійцы питали извѣстный страх. Слово новшество не только у лѣтописцев, но и у историков, как Прокопія, носит в себѣ оттѣнок неодобренія. Так одно предсказаніе говорит о волненіях в общественных дѣлах и новшествах, которыя ведут к худшему. Правосудію удѣлено мало мѣста: «гнѣв сильных угрожает заслужившим его, добрым воздастся добро, злым зло. Неумѣренность законов ведет к нарушенію мира.»[48] О несправедливости упоминается в длинном предсказаніи о грядущем тяжелом положеніи государства. «Солнце в Ярмѣ. Если, когда солнце находится в Ярмѣ, случится увидѣть молнію, то в дѣлах возьмут верх несправедливость, жадность и властолюбіе, т. ч. и в священных дѣлах навлекут на себя гнѣв. Достойные люди государства будут отвержены царями, несправедливо будет отвѣшиваться и отсчитываться по мѣрѣ и по вѣсам. Всего же тяжелѣе — это заботы правительства о собираніи податей; законы будут нарушаться; димы по неразумѣнію своему заволнуются, и во всѣх видах проявится Божій гнѣв.» В этом предсказаніи собраны всѣ бѣды, проистекающія от дурного управленія, на которое всегда жалуются ромеи. Тут неудачный выбор царем людей, недостойные чиновники, занятые исключительно личными дѣлами. Личные мотивы проникают и в церковную жизнь; введеніе монеты с болѣе легким вѣсом, строгое взиманіе податей, беззаконія судей и, наконец, безсмысленыя волненія партій ипподрома.[49]

Этому послѣднему бѣдствію — смутам внутри государства, гадательныя книги удѣляют особое мѣсто. На димотов, как на виновников смут, указывается лишь изрѣдка, напр. в вышеприведенном предсказаніи. Так, «димы без всякой видимой причины возстанут друг на друга, а иногда

---

[48] *Procopii*, hist. arc. p. 70$_{16}$ τοὺς τε νόμους καὶ τῶν στρατιωτῶν τοὺς καταλόγους ταῦτα τοῦτο ἔποιει, οὐ τῷ δικαίῳ εἴκων οὐδὲ τῷ ξυμφόρῳ ἐς τοῦτο ἡγμένος, ἀλλ᾽ ὅπως δὴ ἅπαντα νεώτερά τε καὶ ἐπώνυμα εἴη; c. 21. p. 132$_{7}$, Панченко, l. c. Визв. Вр. t. III. p. 431; Lydi, de magistratibus, ed. Bonn. l. II. c. 15. p. 180$_{16}$ sq.; Lydi, de ost. c. 40. p. 90$_{26}$ ταραχαὶ τοῖς κοινοῖς πράγμασιν ἔσονται καινοτομίαι τε τοις πράγμασιν ἐπὶ τὸ χεῖρον; c. 33. p. 77$_{14}$; c. 37. p. 84$_{22}$ δ΄. εἰ βροντήσῃ, ὀργὴν τῶν κρειττόνων ἀπειλεῖ, τοῖς ἀξίοις; c, 37. p. 84$_{78}$ δίκης σημεῖον, ἐσθλοῖς ἐσθλὰ φερούσης καὶ φαύλοις φαῦλα; c. 39. p. 89$_{18}$ ἀμετρία τε τῶν νόμων τὴν εἰρήνην ταράξει.

[49] *Lydi*, de ost. c. 50. p. 105$_{6}$ Ἥλιος ⟨ἐν⟩ ζυγῷ· ἐὰν δὲ ⟨ἐν⟩ ζυγῷ ὁ ἥλιος γένηται, εἰ συμβῇ κεραυνὸν καταβληθῆναι, πᾶσα ἀδικία καὶ ἁπληστία καὶ φιλαρχία κατακρατήσει τῶν πραγμάτων, ὡς καὶ περὶ τὰ θεῖα αὐτὰ τὰ τῆς ὕβρεως ἀνενεχθῆναι· ἀπορριφήσονται δὲ ὑπὸ τῶν βασιλέων οἱ χρηστοὶ τοῦ πολιτεύματος· τὰ δὲ μέτρῳ ἢ σταθμῷ ἀποδιδόμενα οὐκ ἔξει τὸ δίκαιον· πάντων δὲ βαρυτέρα ἔσται ἡ περὶ τὰ δημόσια τελέσματα σπουδή, οἵ τε νόμοι καταφρονηθήσονται, καὶ οἱ δήμοι ἐξ ἀλογίας ταραχθήσονται, καὶ ἐκ παντὸς τρόπου καὶ ἡ τοῦ θεοῦ δειχθήσεται ὀργή. О порчѣ монеты при Юстиніанѣ: Procopii, hist. arc. c. 22. p. 140$_{10}$; c. 25. p. 155$_{3}$; *Панченко*, III. p. 519-520; Bury, l. c. t. II p. 357 — относится к извѣстію Прокопія отрицательно.

кому либо от этого будет хорошо». Юстиніан при подавленіи возстанія Ники сумѣл отдѣлить голубых от зеленых и благодаря этому побѣдил. Не только предсказываются возстанія димов, но и казни провинившихся димотов.[50]

Кромѣ того приходится относить за счет городского населенія и, в частности партій ипподрома, большую часть предсказаній о смутах, столь же многочисленных, как о паденіи славных мужей. Встрѣчаются всевозможные оттѣнки от простого буйства и волненія к распри, возстанію и гражданской войнѣ. Сопровождаются возстанія голодом, бѣгством и паденіем участников, казнями и новшествами, всякими бѣдствіями. Иногда всѣ эти волненія имѣют мѣсто при полном экономическом благополучіи. Народ в конечном результатѣ в политическом отношеніи не всегда страдает, случается ему против ожиданій восторжествовать, если среди правителей несогласіе, и радоваться. Иногда же цари вводят порядок в городах, побѣдив возставших. Даже раза два в год бывают счастливые дни, когда, если гром грянет, то народ единомысленно начнет стремиться к миру.[51]

Для иллюстраціи привожу два, слѣдующих одно за другим предсказанія, о разыгрывающейся революціи: Сентябрь «25: если прогремит, из-за смуты в государствѣ возстанет тиран, и он погибнет, могущіе же примут на себя нестерпимыя наказанія. 26. Если прогремит, дурной династ (царь) Божіей волей падет». Т. е. предусмотрены оба возможных исхода.[52] О том, как часты были возстанія при Юстиніанѣ, когда этот Громник был в ходу, можно получить представленіе по списку главнѣйших из них. Послѣ возстанія Ники в январѣ 532 года, жестоко подавленнаго, на нѣкоторое время водворяется спокойствіе, но с конца 40-ых годов волненія учащаются. В маѣ 547 г. сталкиваются прасины и венеты;

---

[50] *Lydi*, de ost. c. 58. p. 116$_{17}$ οἱ δὲ δῆμοι τῶν εἰρημένων χωρῶν μηδεμιᾶς ὑποκειμένης αἰτίας κατ' ἀλλήλων ἐξενεχθήσονται; c. 32. p. 82$_{9}$ ἀγαθὰ σημαίνει μετὰ μικρᾶς τινὸς τοῦ δήμου διχοστασίας; c. 30. p. 71$_{3}$; c. 32. p. 74$_{22}$ δημοτῶν ἀνασκολπισμοι ἔσονται. О партіях ипподрома см. *Ѳ. Успенскій*, Партіи цирка и димы в Константинополѣ. Виз. Вр. т. I. 1894. p. 1—16; *Ю. Кулаковскій*, Исторія Византіи, т. II. Кіев. 1912. p. 321—326; Диль, Юстиніан, p. 448—475; *Bury*, op. cit. t. II. p. 39 sq.

[51] *Lydi*, de ostentis. c. 20. p. 54$_{4}$ θόρυβοι ἔσονται; c. 36. p. 82$_{12}$ ἅπαν τὸ ἔτος ἀψιμαχίαι καὶ διχόνοια ἔσονται; c. 19. p. 52$_{12}$ σημαίνει μὲν ταραχὰς καὶ φυγάς; о бѣгствѣ: Procopii, hist. arc. c. 25. p. 157$_{18}$; *Диль*, Юстиніан, p. 569 — о бѣгствѣ философов в Персію: c. 35. p. 80$_{13}$ ἐμφύλιος ἔσται στάσις; c. 33. p. 76$_{3}$ πόλεμον ἐμφύλιον καὶ πτῶσιν πολλῶν δηλοῖ; c. 58. p. 116$_{1}$; c. 37. p. 86$_{7}$ ὅπλοις ὁ δῆμος ἀναζώσεται; c. 30. p. 71$_{7}$; c. 40. p. 91$_{11}$ καὶ θάνατοι τοῦ πλήθους ἐκτιμωριῶν; c. 38. p. 86$_{11}$; c. 29. p. 69$_{8}$ εὐθηνίαν ἅμα καὶ διχόνοιαν τῷ δήμῳ δηλοῖ; c. 31. p. 73$_{21}$ ἐκ διχονοίας τῶν κρατούντων ὁ δῆμος περιέσται; c. 31. p. 73$_{19}$; c. 34. p. 79$_{19}$ καὶ ὁ βασιλεὺς νικήσει καὶ ὁ δῆμος τὴν κρείττονα ἕξει τάξιν; c. 34. p. 78$_{16}$ (Январь) δ'· εἰ βροντήσῃ, ὁμονοήσει ὁ δῆμος πρὸς εἰρήνην; c. 33, p. 76$_{13}$ εὐετηρίαν μεθ' ὁμονοίας δηλοῖ.

[52] *Lydi*, de ostentis, c. 30. p. 315$_{12}$ · κέ· εἰ βροντήσῃ, ἐκ διχονοίας τοῦ πολιτεύματος τύραννος ἀναστήσεται, καὶ αὐτὸς μὲν ἀπολεῖται, ζημίαις δὲ ἀφορήτοις οἱ δυνατοὶ ὑποστήσονται· κς'. εἰ βροντήσῃ, ὁ κακὸς δυνάστης βουλῇ θεοῦ πεσεῖται.

в іюлѣ 548 г. безпорядки сопровождаются пожаром; в апрѣлѣ 549 г. в Ипподромѣ венеты нападают на прасинов; в маѣ 556 г. волненія вызваны голодом — разграблен дом городского епарха; в маѣ 559 г. венеты нападают на прасинов — страшное побоище на главной улицѣ столицы, Месѣ; в ноябрѣ 561 г. прасины в свою очередь нападают на венетов — грабеж Месы; 562 г. побоище венетов у Питтакія; ноябрь 562 г. — безпорядки у городских водоемов, апрѣлъ 563 г. — зачинщики прасины — бросают камни в епарха Левса; 565 опять бунт прасинов в кварталѣ Менціола.[53] Эти возстанія разыгрываются не в одной столицѣ, а распространяются по всей странѣ. В особенности отличается Антіохія. По мнѣнію Прокопія, м. б. нѣсколько преувеличенному, при Юстиніанѣ от возстаній погибло столько же народу, как и от войн.[54]

Гадательныя книги особо останавливаются на городах, отмѣчая напр., благополучіе для царицы городов или междоусобную войну. Они также знают, что если западные города подвергаются плѣненію и опустошенію, то приморскіе страдают от пиратов, войн и потопленій, а восточные от происходящих в них смут.[55]

Нѣсколько предсказаній касаются положенія других классов населенія, в особенности розни между привилегированным классом и низшим, т. е. между сенаторами, землевладѣльцами и народом. Напр., говорится, что «судьба меньших людей улучшится, вящих же ухудшится; худшіе превзойдут лучших, вслѣдствіе новаго положенія дѣл, пострадают от возстанія люди имущіе». В то же время встрѣчаются предсказанія, что власть имущіе будут притѣснять подданных, или, что счастіе выпадет на долю богатых и знатных.[56] Момент соціальной борьбы на протяженіи всей византійской исторіи может быть отмѣчен наряду с недовольством населеніем нестоящей на должной высотѣ администраціей. Одно предсказаніе касается розни между отцами и дѣтьми.[57]

Из других классов населенія упоминаются кліенты лиц благородных,

---

[53] Кулаковскій, Исторія Византіи. т. II. p. 321—6.

[54] *Procopii*, hist. arc. c. 8. p. 50$_{20}$ Ταῦτα μὲν οὖν ἐν τε Βυζαντίῳ ἐπράττετο καὶ πόλει ἑκάστῃ· ὥσπερ γὰρ ἄλλο τι νόσημα ἐνθένδε ἀρξάμενον τὸ κακὸν πανταχῆ ἐπέσκηψε τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς; c. 18; p. 117$_{5}$ τὰ δὲ κατὰ στάσιν ἐν τε Βυζαντίῳ καὶ πόλει ἑκάστῃ ξυνενεχθέντα διαριθμούμενος οὐκ ἐλάσσω ἀνθρώπων φόνον ταύτη ξυμβῆναι ἢ κατὰ τὸν πόλεμον οἴομαι; об Антіохіи: Malalae, hist. lib. XV. p. 389$_{15}$ etc.

[55] *Lydi*, de ostentis, c. 27. p. 65$_{13}$ τὰ τῆς βασιλίδος πόλεως ἔσται κρείττονα; c. 33. p. 77$_{27}$ ἐμφυλίους πολέμους τῇ πόλει; c. 20. p. 53$_{12}$ δυτικαὶ πόλεις αἰχμαλωτισθήσονται; c. 41. p. 92$_{15}$ πτώσεις δὲ πόλεων παραλίων; c. 58. p. 116$_{12}$ ἐνιαχοῦ δὲ καὶ πόλεις ἀθρόως καταποντισθήσονται; c. 18. p. 50$_{18}$ ἐὰν πρηστὴρ πέσῃ, θόρυβος ἔσται ταῖς πόλεσι ταῖς πρὸς τὴν ἀνατολήν.

[56] Ibidem, c. 32. p. 74$_{12}$ πράγματα ἀναφύεται, δι' ὧν οἱ ἐλάττονες περιέσονται τῶν μειζόνων; c. 39. p. 89$_{16}$; c. 37. p. 84$_{16}$ ἐμφύλιον στάσιν καὶ ἀποπτώσεις οὐσιῶν ἀπειλεῖ; c. 40. p. 91$_{14}$ καταισχύσουσί τε καὶ ἀδικήσουσιν οἱ ὑπερέχοντες τὸ ὑπήκοον; c. 31. p. 73$_{7}$ πλουσίου ἀνδρός καὶ ἀνδρῶν εὐγενῶν εὐτυχήματα.

[57] *Lydi*, de ost. c. 39. p. 88$_{18}$ καὶ διχόνοια ἔσται τέκνοις πρὸς γονεῖς.

строящіе планы о новшествах в общественных дѣлах. В эпоху Юстиніана вельможи имѣли свои свиты и даже собственные вооруженные отряды букелларіев. Велизарій первоначально состоял на частной службѣ Юстиніана, перед его воцареніем.[58] О крестьянах говорится совсѣм мало. В одном случаѣ: о вредѣ приносимом им, в другом о волненіях в мѣстечках и деревнях. Возстаніе самаритян при Юстиніанѣ поддерживалось в значительной мѣрѣ крестьянским населеніем.[59]

Совершенно неожиданно встрѣчается ряд предсказаній о дерзости рабов, возстаніях их, подавленіи и сраженіях с рабами. Рабы в эпоху Юстиніана существовали, как и долгое время потом, но они не играют роли в общественной жизни и о них мало слышно.[60] Повидимому, эти предсказанія возникли в болѣе раннее время, м. б. даже восходят к первым вѣкам по Р. Х. Они сохранились в одном Громникѣ Нигидія Фигулы. Впрочем могли быть мелкія возстанія среди сельских рабов и в эпоху Юстиніана; услугами их пользовались для домашних услуг и сельских работ. Нѣсколько предсказаній касаются смертности, болѣзней и пріобрѣтенія вновь рабов.[61]

Вообще вопросам смертности и эпидемическим болѣзням удѣляется особое вниманіе. Обычно отмѣчается отдѣльно смертность мужчин и женщин, в связи с предполагаемой зависимости каждаго пола от различных знаков зодіака; выше была отмѣчена смертность рабов. Есть предсказанія о смертности благородных юношей. Вмѣстѣ с тѣм иногда предсказывается добрая рождаемость. Вопрос о уменьшеніи населенія стоял довольно остро и в раннею эпоху византійской имперіи, а в особенности в поздне-римскую. Кромѣ вопроса смертности предсказанія также знают бѣгство населенія.[62]

Естественно, что много мѣста удѣлено стихійным бѣдствіям: землетрясеніям, наводненіям, пожарам, которыми эта эпоха изобилует. До-

---

[58] Ibidem, c. 30. p. 70$_{17}$ οἱ ὑπεξούσιοι τῶν εὐγενῶν σκέψονταί τε καινὸν ἐν τοῖς κοινοῖς; Bury, l. c. t. II, p. 77—78. Едва ли возможно примѣнить здѣсь чисто юридическій смысл слова — ὑπεξούσιος — находящійся под властью отца. *Zachariä von Lingenthal,* Geschichte d. griechisch-römischen Rechts, 2 Aufl. Berlin, p. 84. Du-Cange, Glossarium infimae et mediae graecitatis.

[59] *Lydi,* de ostentis, c. 29. p. 69$_{4}$ φόνους αἱ γυναῖκες καὶ τὸ δουλικὸν τολμήσει; c. 34. p. 79$_{6}$ στάσιν δουλικὴν καὶ τιμωρίαν αὐτοῖς καὶ εὐθηνίαν καρπῶν; c. 34. p. 79$_{23}$ δουλομαχία ἔσται; c. 34. p. 78$_{20}$.

[60] *Lydi,* de ostentis, c. 51. p. 105$_{17}$ τὸ δὲ γεωργικὸν ἐλαττωθήσεται; c. 49. p. 103$_{8}$ βλάψει τοὺς γεωργικούς; c. 27. p. 63$_{14}$ οἱ δὲ χωρίος ἢ πολίχναις ἐφεστῶτες ταραχθησόνται; о самаритянах: Procopii, hist. arc. c. 11. p. 75$_{1}$ οἱ δὲ γεωργοὶ ξύμπαντες ἀθρόοι γεγενημένοι ὅπλα ἀνταίρειν βασιλεῖ ἔγνωσαν...

[61] *Lydi,* de ostentis, c. 36. p. 84$_{7}$ κτῆσιν ἐπείσακτων ἀνδραπόδων δηλοῖ; c. 36. p. 70$_{9}$ νόσον καὶ πτῶσιν τῷ δουλικῷ ἐξ αὐτῆς ἀπειλεῖ; c. 28. p. 66$_{1}$; c. 25. p. 60$_{19}$.

[62] Ibidem, c. 35. p. 80$_{20}$; c. 41. p. 91$_{25}$; c. 29. p. 69$_{14}$ ἀπωλείαν εὐγενῶν νέων ἀπειλεῖ; c. 20. p. 54$_{9}$ εἰ ἦχος ἐκ τῆς γῆς γένηται, ἀνθρώπων φυγὴ ἔσται.

статочно показательно уже то обстоятельство, что существует цѣлая система гаданій по этим явленіям. Затрагиваются и вопросы чисто экономическіе. Эта группа предсказаній столь же богата, если не богаче предыдущей. На первом мѣстѣ стоит вопрос урожая и голода, столь важный для жизни государства.[63] Он часто стоял в связи с вражеским нашествіем. Затѣм идут детальныя предсказанія, интересныя для сельскаго хозяина; о добром урожаѣ или неурожаѣ различных пород растеній, о приростѣ скота, наконец, о диких звѣрях. Разбор этих многочисленных предсказаній отвел бы нас слишком далеко в сторону. Ограничусь приведеніем нѣкоторых из них, стоящих ближе к нашей темѣ, а именно касающихся торговли и морского пути. Предсказанія говорят о барышѣ или неудачѣ торговаго предпріятія; предсказывают усиленное общеніе людей между собой [64]

Значительное количество их касается мореплаванія. Морская торговля в Византіи была сильно развита, в частности и при Юстиніанѣ. Предсказанія этой группы имѣют мрачный смысл. Плаваніе будет опасно, плавающіе не находятся внѣ опасности; сулятся огорченія для бодрствующаго на морских путях — предостереженіе о грозящих бурях и пиратах. Буря, почти полная невозможность плыть дальше, кораблекрушенія, обильныя и тяжелыя.[65]

Осталось еще коснуться предсказаній религіозно-нравственнаго характера. Из них надо выдѣлить два предсказанія явно языческих: о Тихе, покидающей мѣсто, куда ударила молнія, и о явленіи богов. Остальныя предсказанія рекомендуют молиться и благодарить Бога; указывают на Божій гнѣв или на богоугодность грядущих событій и праведную жизнь людей. В видѣ исключенія попадаются предсказанія, касающіяся церковной жизни и мѣста культа: о пожарѣ церквей, о безчестіи еретиков и гибели их книг.[66] Послѣдняго рода предсказанія могли

[63] Ibidem, c. 35. p. 80$_{16}$ ἄμητος πολὺς; c. 41. p. 92$_{6}$ ἀφθονία γε μὴν τῶν καρπῶν ἔσται, ὑπὸ δὲ βαρβάρων δαπανηθήσεται; c. 48. p. 102$_{22}$ οὐ καλὸν τοῖς βοσκήμασιν· ἢ γὰρ διαφθαρήσονται ἢ ὑπὸ πολεμίων διαρπαγήσονται.

[64] Ibidem, c. 37. p. 84$_{20}$ κέρδη ἐξ ἐπεισάκτου εὐθηνίας δηλοῖ; c. 17. p. 49$_{4}$ εἰ δὲ σ[εισ]μὸς γένηται ἀπορίαν σημαίνει τοῖς συναλλάγμασιν; c. 41. p. 92$_{12}$ καὶ οἱ ἄνθρωποι κατ' ἀλλήλων χωρήσουσιν.

[65] *Диль*, Юстиніан, p. 540—552; *Heyd*, Geschichte des Levanthandels im Mittelalter. I. Bd., Stuttgart, 1879, p. 5—19; *Lydi*, de ost. c. 51. p. 105$_{20}$ ἐπικύνδυνος δὲ καὶ ὁ πλοῦς ἔσται; c. 40. p. 90$_{9}$; c. 58, p. 117$_{1}$ ἡ δὲ θάλασσα ταραχώδης καὶ ἐγγὺς ἄπλους; c. 52, p. 106$_{13}$; c. 40. p. 90$_{15}$ οἱ δὲ περὶ τοὺς θαλαττίους πόρους ἀγραπνοῦντες λυπηρότατοι.

[66] *Lydi*, de ost. c. 47 p. 101$_{22}$ αὐτὸν δὲ τὸν τόπον, καθ' οὗ ἐξαιρέτως φέρεται, οὐκ ἀλλοιώσι μόνον, ἀλλὰ καὶ τὴν ἐν αὐτῷ τύχην παντελῶς ἀναβάλῃ; c. 28. p. 66$_{7}$ ἐποψίαν θεῶν καὶ ἀγαθῶν πολλῶν πρόοδον δηλοῖ; c. 38. p. 87$_{12}$; c. 32. p. 75$_{3}$; c. 37. p. 85$_{22}$ θεωχολωσίαν σημαίνει; c. 40. p. 90$_{23}$ θεοσεβέστατα ἔσται τὰ κοινά; c. 32. p. 76$_{10}$; c. 51. p. 106$_{1}$ Ἥλιος <ἐν> τοξότῃ· ὅταν δὲ ἥλιος ἐπὶ τοξότην γένηται, εἰ κατενεχθείη κεραυνὸς ἐπὶ ὕλην, ἐμπρησμοὺς ταῖς ναυσῖν ἀπειλεῖ; c. 19. p. 51$_{21}$ εἰ δὲ ἀπὸ πρώτης φυλάκῆς τῆς νυκτὸς ἕως τρίτης ἀρχομένης σείσμος γένηται, τοῖς μὲν διὰ λόγων ὀφθεῖσιν ἀτιμίαν ἀπειλεῖ, τοῖς δὲ βιβλίοις φθοράν...

бы в согласіи с своей эпохой войти в гадательныя книги в гораздо большем количествѣ, но христіанскій элемент медленно и недовѣрчиво проникает в них и окрашиваєт по своему остатки языческой мантики.

Наряду с предсказаніями о праведной жизни людей, добрых мужах, ведущих достойную жизнь, готовых исправиться злодѣев, ряд других говорит об увеличивающейся преступности и наклонности людей к паденію.[67] Конечно преступленія изобиловали в больших городских центрах при плохо поставленной полиціи и постоянных смутах.

Итак перед нами прошел ряд предсказаній на всѣ важнѣйшіе политическіе вопросы времени Юстиніана. В них мы не находим мечтаній о несбыточном. Осторожный византіец не предсказывает, что побѣдоносные ромейскія войска войдут в Ктезофон. Он удовлетворяется надеждой, что ушедшіе под давленіем ромейских войск с имперской территоріи персы свергнут своего царя и затѣют безконечную смуту, которая даст желанный покой восточным провинціям. Ему хорошо извѣстно, что с сѣвера грозят варварскія нашествія и в связи с ними голод, что западным городам грозит плѣненіе, морским раззореніе, а восточным смута. С этими смутами — дворцовыми переворотами, возвышеніем и паденіем государственных дѣятелей и фаворитов, волненіями народа, происходящими по серьезным причинам и без всяких, рознью народа с высшими классами, открытыми возстаніями, гражданской войной и появленіем претендентов на царскій престол, он знаком до тонкостей.

Предвидя эти проишествія и наблюдая сочетанія их с природными явленіями, он создает свой личный опыт и присовокупляет его к вѣковому опыту своих предков.[68] Поэтому он и дает вполнѣ отвѣчающія реальной дѣйствительности предсказанія.

Составитель гадательной книги и гадающій прежде всего чувствуют себя гражданами ромейской имперіи. Болѣе чѣм личными вопросами интересуются они ея судьбами. Благодаря этому, политическій и общественный элемент настолько же сильно представлен, как экономическій, в тѣх гадательных книгах, к которым прибѣгают в VI вѣкѣ. Этот элемент не только сильно представлен, но и кромѣ того систематически за-

---

[67] Ibidem, c. 37. p. 85$_6$ ἀνδρῶν ἀγαθῶν προκοπαὶ ἔσονται; c. 32. p. 75$_{18}$ γυναικῶν εὐπραγίας; c. 32. p. 76$_1$ οἱ μὲν χείρους κάλλιον πράξουσι; c. 29. p. 69$_1$ οἱ χείρους τῶν ἀνθρώπων στύγνασουσαν; c. 28. p. 67$_{21}$ οἱ ἄνθρωποι ἐκ ποινηλασίας ἐπὶ τὰ χείριστα τῶν πταισμάτων ὀλισθήσουσιν.

[68] Ibidem, c. 6. p. 13$_{19}$ εἶτα τῆς ἐπιούσης νυκτὸς πῦρ ἀνεφλέχθη τοσοῦτον ὥστε σπινθήρων τὸν ἀέρα γενέσθαι μεστόν· ἐδηλοῦντο δὲ ἄρα ὁ μὲν δῆμος ἐπαναστήσομενος τῷ βασιλεύοντι, ἡ δὲ πρὸς τῇ Μυσίᾳ στρατιὰ ἔργον τῆς Βιταλιανοῦ γενησομένη χειρός· αὐτὸς δὲ μέχρι τῶν τῆς πόλεως τειχῶν ἐλάσας παρὰ μικρὸν ἦλθε τῶν πραγμάτων κρατῆσαι· καὶ τὸ δὴ πέρας, οὕτως ἀτιμοτάτης βαρβάρων γενομένης ἐφόδου, μικροῦ προήκετο καὶ τὴν βασιλείαν ἑκὼν Ἀναστάσιος, καὶ φαῦλα δὲ συνέβη πάντα, ὅσα ἐν εἴδοσι λέγειν ἀδολεσχίας ἐστίν. В I-ой главѣ этой статьи (Byz. II$_1$. p. 57) это событіе передано не вполнѣ точно — полное солнечное затменіе предвѣщало смерть Анастасія; возстаніе Виталіана — необыкновенный багрянец неба ночью.

трагивает все важнѣйшее в государственой и общественной жизни. Если Лид не касается церкви, то он знает уже преслѣдованіе еретиков. Ереси же с точки зрѣнія государственной только одна из причин смут, так же, как борьба партій ипподрома. Гадающій не стремится узнать об успѣхѣ партіи или любимаго геніоха при ристаніи, а только знает вред, приносимый от раскола государству и пользу единенія и порядка. Конечно, сохранилось в гадательной книги много устарѣвшаго, напр., географическая номенклатура, но это не столько вина компилятора, как послѣдствіе извѣстных тенденцій византійской литературы.

Упадок политическаго и общественнаго элемента в гадательных книгах зависит не только от перемѣны в религіозных вѣрованіях и постепенной побѣды христіанства над остатками языческаго культа, т. е. и над обычаем гадать, но также от измѣненія психики гадающих, превращающихся из римских граждан в вѣрноподданных христіанскаго царя. Послѣдніе имѣют свои несомнѣнные достоинства, но утратили в значительной мѣрѣ свой прежній интерес к судьбам имперіи: их политическій горизонт значительно сузился. Соотвѣтственно с этим мѣняется и состав предсказаній позднѣйших гадательных книг, и сами они переходят в болѣе широкіе слои общества и в народ.

L'ÉLÉMENT POLITIQUE ET SOCIAL DANS LES LIVRES DE MANTIQUE BYZANTINO-SLAVES.

Chapitre II. Les livres byzantins de mantique du VIème siècle.

(Résumé.)

La collection des livres de mantique rassemblée par *Jean Lydos* (περὶ διοσημείων) nous fournit un tableau surprenant des intérêts politiques et sociaux, craintes et espoirs d'un byzantin des premiers siècles du Bas Empire. Ce tableau est en pleine concordance avec les sources historiques contemporaines. Les livres de mantique de cette collection du cycle astrologique — ces Brontologes, ces Seismologes et ces traités prognostiques sur la lune et l'éclaire, d'origine payenne, sont d'une date intérieure. Cependant ils ont été retouchés et remaniés pour pouvoir mieux s'adapter à la situation politique de l'Empire byzantin au Ve et VIe siècles.

Nous y trouvons des prognostics favorables ou défavorables sur l'état et futur de tout l'Empire, sur les guerres et relations des Byzantins avec les peuples voisins, entre autres les Perses; sur la situation politique dans la vie intérieure de l'Empire, surtout des tumultes, émeutes et révolutions futurs et sur le sort des personnes qui ont le pouvoir en main; sur la vie économique du pays et enfin des prognostics d'un genre moral et religieux.

Tous ces prognostics sont imbus d'un réalisme parfait et surprennent le

lecteur par leur véracité. Ceci s'explique par le fait, que ces livres circulaient principalement dans la haute société, qui s'intéressait vivement à la vie politique de sa patrie.

Le chapitre suivant sera consacré à l'examen des livres de mantique grecque d'une époque postérieure. Je serai obligée d'y reparler encore une fois des sources. Un certain nombre d'elles a été publié dans le beau catalogue des manuscrits athéniens de Mr. Armand Delatte, ainsi que dans quelques autres volumes de la collection «Catalogus codicum astrologorum graecorum». Au moment de la publication du premier chapitre de mon ouvrage cette collection ne m'était pas accessible.

POSUDKY.

HISTORY OF THE BYZANTINE EMPIRE BY A. A. VASILIEV. *In two volumes. Volume II. From the Crusades to the Fall of the Empire (A. D. 1453). University of Wisconsin Studies in the social sciences and history. Number 14, Madison 1929. Pages 502 in 8°.*

Недавно появившійся II-й том капитальнаго труда по исторіи Византіи извѣстнаго русскаго византолога А. А. ВАСИЛЬЕВА, завершает его изложеніе тысячелѣтней жизни Византійской имперіи — от Константина Великаго до захвата Константинополя турками. Первый том охватывал событія от Константина Великаго до крестовых походов, т. е. до 1080 г. (History of the Byzantine Empire. v. I. Madison. 1928. University of Wisconsin Studies in the Social Sciences and History. N° 13). II-й том начинается с династіи Комнинов, при которых начались крестовые походы, и доведен до 1453 г.

Таким образом сочиненіе А. А. Васильева является новѣйшим, болѣе пространным, общим сочиненіем, охватывающим исторію Византіи на всем ея протяженіи; и поэтому представляет из себя в особенности цѣнное руководство, необходимость в котором была просто насущной. Вообще исторіи поздней Византіи удѣлено в научной литературѣ значительно меньше мѣста чѣм ранней, и еще много работы предстоит по изученію этого отдѣла. Книга А. А. Васильева дает в кратких чертах все важнѣйшее из до сих пор извѣстнаго и создает у читателя общую картину эпохи; в то же время она затрагивает и ряд важнѣйших проблем, как напр., вопрос Возрожденія.

II-ой том Исторіи Византіи Васильева, как и первый, является переработкой русскаго изданія. Оно вышло в видѣ трех отдѣльных монографій; «Византия и крестоносцы. Петербург. 1923; Латинское владычество на Востоке. Петроград. 1923. Паденіе Византии. Ленинград. 1925». Автор, как он на это сам указывает в предисловіи, не только пересмотрѣл и дополнил прежній текст, но мѣстами написал его вновь. Как и при изданіи I-го тома, англійскій текст сопровожден многочисленными подстрочными примѣчаніями. Внѣшній план сочиненія, за нѣкоторыми исключеніями, остался прежним. Отдѣльным монографіям соотвѣтствуют главы. Подобный план II-й части не стоит в противорѣчіи с планом I тома, гдѣ за подраздѣленіе взяты царствованія отдѣльных династій, т. к. и здѣсь 3 главы соотвѣтствуют эпохам династій Комнинов-Ангелов, Ласкарей и Палеологов.

В небольшом предисловіи Васильев дает краткую характеристику поздней эпохи Византійской Имперіи, начинающейся со времени крестовых походов: «Это была эпоха постепеннаго упадка политической и экономической мощи Византіи и постепеннаго же роста византійской культуры. Эпоха крестовых походов... была в политическом и экономическом отношеніи фатальной для Византіи»... благодаря безсилію имперіи в концѣ XII в. произошло ограбленіе столицы крестоносцами. Спасеніе и возстановленіе имперіи началось из Никеи и было проведено Ласкарями. Но имперія 1261 года была уже только второклассным государством, не могущим успѣшно сопротивляться против молодых и сильных противников.»

«ГЛАВА VII. ВИЗАНТІЯ И КРЕСТОНОСЦЫ: — I. ВНѢШНЯЯ ИСТОРІЯ ВРЕМЕНИ КОМНИНОВ». Васильев начинает с краткой характеристики государей династіи Комнинов, затѣм переходит к внѣшней политикѣ при отдѣльных царях; к Алексѣю I, его сношеніям с Западом и норманнами, турецкой и печенѣжской опасности и сношеніям с Западом; вопросы о просьбѣ помощи Алексѣя I и о письмѣ Роберту Фландрскому разобраны подробнѣе, чѣм в русском изданіи. Много мѣста удѣлено вопросу о I. крестовом походѣ; Васильев останавливается на изученіи вопроса и историческом

значеніи крестовых походов, широком участіи в них христіанских стран. Подробнѣе также разработаны отношенія к Палестинѣ византійцев и франков. Васильев считает невозможным положительно утверждать о существованіи византійскаго протектората в Палестинѣ. Особое вниманіе удѣлено роли Алексѣя I в I-ом крестовом походѣ и отношенію к этому событію византійцев; послѣдніе, естественно, усматривали в нем предпріятіе чисто западное. Эта часть книги значительно измѣнена и дополнена цитатами из греческих, арабских и латинских писателей, служащими для иллюстраціи эпохи и подтвержденія мысли автора. Незначительныя измѣненія внесены в часть, посвященную внѣшней политикѣ Іоанна Комнина.

«*Внѣшняя политика Мануила I. Внѣшнія отношенія имперіи до II-го Крестоваго похода*». Подробнѣе, чѣм прежде, Васильев излагает столкновенія Мануила с латинскими и армянскими государями на Востокѣ, посѣщенія Константинополя восточными государями. Вставлено о впечатлѣніях о битвѣ у Мріокефал у писателей византійских и западных, о сношеніях Мануила с Генрихом II Плантагенетом. «*Послѣдніе два Комнина Алексѣй II и Андроник I*». Добавлено к характеристикѣ Андроника II и обстановкѣ его царствованія, о дипломатических переговорах которые велись на Западѣ и на Востокѣ (о Венеціи, Саладинѣ).

II. «*Внѣшняя исторія времени Ангелов*» начинается с характеристики отдѣльных государей династіи Ангелов; нѣсколько дополнены следующія части: «*Отношенія с норманнами и турками. Образованіе II-го Болгарского Царства*». Пересмотрѣн вопрос об участіи в возстаніи румынскаго элемента. «*III Крестовый поход и Византія. Генрих VI и его восточные планы*». Васильев не соглашается с новѣйшими историками, отрицающими завоевательные планы Генриха VI, направленные против Византіи. «*IV Крестовый поход и Византія*»; внесен ряд небольших измѣненій, сокращеній и дополненій; напр., вставлены свидѣтельства о разгромѣ Константинополя (Никиты Хоніата и Николая Месарита).

III. «*Внутреннее состояніе имперіи Комнинов и Ангелов*». Первая часть посвящена церковным отношеніям. Васильев дополняет о богомилѣ Нифонѣ и диспутѣ с латинянами в 1136 году; в результатѣ разбора Васильев выводит общее заключеніе об интенсивности религіозной жизни этой эпохи. Слѣдующая часть: «*Внутреннее управленіе имперіи. Финансы. Войско и флот. Провинціи. Торговля*». Послѣдній отдѣл расширен по сравненію с русским изданіем; отмѣчена потеря Византіей роли посредницы, разбирается значеніе отдѣльных городов; внесены цитаты из Веніамина Тудельскаго, Аль-Аравы, Цецы, характеризующія благосостояніе страны. Особое вниманіе удѣлено росту феодальной знати; строительной дѣятельности Михаила Комнина. Болѣе детально разобрана организація өем. «*Просвѣщеніе, наука, литература и искусство в эпоху Комнинов и Ангелов*». Васильев внес ряд интересных деталей, напримѣр о посылкѣ Мануилом Алмагесты к сицилійскому двору, о письмах Өеофилакта Болгарскаго, как об историческом источникѣ; говорится о Михаилѣ Өессалоникійском, Тимаріонѣ и Константинѣ Стибліи. В смыслѣ искусства эпоха Комнинов является продолженіем II-го Золотого вѣка Македонской династіи, хотя и замѣчается нѣкоторое застываніе форм. Перечислены замѣчательные памятники архитектуры. Особое вниманіе Васильев удѣляет вопросу о вліяніи Византіи на Запад и разбору теорій DUTHUIT и HASKIN'a. В концѣ главы приложена библіографія главнѣйших сочиненій, необходимых для изученія эпохи, даются также заглавія сочиненій об отдѣльных авторах.

«ГЛАВА VIII. НИКЕЙСКАЯ ИМПЕРІЯ (1204—1261)» соотвѣтствует второй из вышепереименованных монографій: «Латинское владычество на Востокѣ»; к сожалѣнію, выпущена особенно интересная и цѣнная глава о возникновеніи феодализма в

Византіи, что, повидимому, вызвано желаніем автора сохранить стройность плана сочиненія.

VIII глава состоит из отдѣлов: «*Государства, образовавшіяся в XIII вѣкѣ на территоріи Византіи; начало Никейской Имперіи. Ласкари. Роль Болгаріи*». Васильев в этой части сдѣлал ряд небольших добавленій, напр., к характеристикѣ Калояна, о современном состояніи никейских церквей; приводятся тексты Ал-Арави и Влеммида. «*Внѣшняя политика Ѳеодора I. Сельджуки. Латинская имперія*», — дополненія о Генрихѣ Фландрском, цитаты из его писем. «*Іоанн III Дука-Ватац (1222—1254). Исторія Эпирскаго деспотата до основанія Ѳессалоникійской имперіи и отношенія его к Никейской имперіи. Три имперіи на Востокѣ*»; год основанія Ѳессалоникійской имперіи переправлен на 1222. «*Солунь и Никея. Роль Болгаріи при Іоаннѣ Асѣнѣ II*» — вставлено о привилегіи Іоанна Асѣни II Дубровнику. «*Союз Іоанна Ватаца с Фридрихом II Гогенштауфеном. Монгольское нашествіе и вызванный им союз малоазіатских государей. Завоеванія Іоанна Ватаца на Западѣ. Значеніе внѣшней политики Іоанна Ватаца*». Этот отдѣл нѣсколько видоизмѣнен: перенесено в другое мѣсто о внутренней политикѣ Іоанна III и канонизаціи его; важнѣйшія дополненія — о бракѣ Анны Констанціи с Іоанном III Ватацом; извѣстія Матѳея Парижскаго о татарах, разбор их; сужденія современников о личности Іоанна III Ватаца. «*Послѣдніе Ласкари. Возстановленіе Византійской имперіи*». Васильев подробно останавливается на Ѳеодорѣ II, его внѣшней политикѣ и характеристикѣ его личности; больше мѣста удѣлено договору Михаила Палеолога с генуэзцами; измѣнены и дополнены нѣкоторыя детали, напр., о пребываніи Балдуина в Аѳинах, об опасеніях между греками по поводу отвоеванія Константинополя. «*Церковныя отношенія в эпоху Никейской и Латинской имперіи*» — эта часть значительно дополнена сообщеніями о событіях 1204, 1205-6, 1208 и 1214 годов, также о посольствах 1232, 4, 5 и т. д. годов; особое мѣсто удѣлено взаимоотношеніям Ѳеодора II и папскаго престола. «*Соціальное и экономическое положеніе Никейской имперіи*» — в русской монографіи особая глава отсутствовала — в этот отдѣл вошло выпущенное ранѣе о внутренней политикѣ Іоанна III Ватаца. «*Просвѣщеніе, литература, наука, и искусство в эпоху Никейской Имперіи*» — ряд небольших дополненій и измѣненій, напр., о библіотеках при Ѳеодорѣ II, о цѣнности сочиненія Влеммида» Образ царя»; Васильев отмѣчает діаспору византійских артистов, способствовавшую оживленію искусства в Венеціи и у балканских славян. Библіографія вопроса также, как и в предыдущей главѣ, значительно дополнена.

Кончая обзор этой главы, нельзя не пожалѣть, что автор сочиненія совершенно оставил в сторонѣ исторію Трапезунтской имперіи (p. 207. № 60). Правда, роль ея в судьбах Ромейской имперіи была незначительна; она была за рѣдкими исключеніями почти всегда независима от Константинополя, но все же, по своей культурѣ и внутреннему строю, она настолько близка к Византіи, что изученіе ея дает много поучительнаго для лучшаго пониманія исторіи Византіи, в особенности послѣ изданія Успенским и Бенешевичем актов Вазелонскаго монастыря. Также из-за постоянных мирных и военных сношеній Трапезунта с другими греческими государствами, ему, мнѣ кажется, слѣдовало бы удѣлить больше мѣста в двух послѣдних главах (VIII и IX).

«ГЛАВА IX. ПАДЕНІЕ ВИЗАНТІИ» (1261—1453). I. «*Внѣшняя исторія времени Палеологов. Общее положеніе имперіи в эпоху Палеологов. Малая изслѣдованность эпохи.*» Характеристика императоров. Измѣненія незначительны; Васильев упоминает о новой монографіи CHAPMAN'a; вставляет также текст Филоѳея о Москвѣ — третьем Римѣ. «*Западная политика Михаила VIII. Королевство обѣих Сицилій. Взаимоотношеніе Генуи с Венеціей. Карл Анжуйскій*

и его замыслы против Византіи. Сицилійская вечерня и ея значеніе для Византіи.» Васильев, дополняя этот отдѣл, отмѣчает дружественныя отношенія Венеціи к Карлу Анжуйскому, что еще болѣе дѣлало опасным положеніе Византіи. «*Восточная политика Михаила VIII*». Васильев удѣляет вниманіе сношеніям Михаила Палеолога с монголами и также сношеніям между Золотой Ордой и государством мамелюков в Египтѣ, очень важными и для Византійской имперіи. «*Восточная политика Византіи при Андроникѣ II и Андроникѣ III. Усиленіе турок-осман. Испанскія (каталонскія) дружины на Востокѣ. Успѣх турок в Малой Азіи*» — дополнена часть о каталонской дружинѣ. Васильев отмѣчает наряду с прежде отмѣченными отрицательными, также и положительные результаты владычества каталонцев в средней Греціи. «*Западная политика Византіи при тѣх же государях. Положеніе Византіи на Балканском полуостровѣ в концѣ XIII вѣка. Возвышеніе Сербіи и начало правленія Стефана Душана. Движеніе албанцев на юг. Венеція и Генуя*» — особый отдѣл посвящен албанцам, как народности сыгравшей значительную роль в событіях, происходивших в первой половинѣ XIV столѣтіи на Балканском полуостровѣ.

«*Іоанн V (1341—1391) и Іоанн VI Кантакузин (1341—1354). Развитіе сербскаго государства при Стефанѣ Душанѣ и значеніе послѣдняго в исторіи Византіи*» — небольшія сокращенія и измѣненія. «*Византія и турки во второй половинѣ XIV вѣка. Турецкія завоеванія на Балканском полуостровѣ. Паденіе Сербіи и Болгаріи. Положеніе Византіи в концѣ 14 вѣка*» — добавлено о Генуѣ и отношеніях ея с Византіей и Венеціей; вставлено описаніе Тенедоса одним испанским путешественником, указывающее на стратегическое и торговое значеніе этого острова. «*Мануил II. Константинополь и турки. Крестовый поход Сигизмунда Венгерскаго. Никопольская битва. Экспедиція маршала Бусико.*» Васильев сообщает о греко-турецком походѣ 1392 года на Синоп и сношеніях Мануила II с Венеціей. «*Путешествіе Мануила II по Западной Европѣ. Ангорская битва и ея значеніе для Византіи.*» «*Положеніе дѣл в Пелопонесѣ и проэкт реформ Гемиста Плевона. Осада Константинополя турками в 1422 г.*» Оба отдѣла имѣют лишь незначительныя измѣненія. «*Іоанн VIII (1425—1448). Территорія государства. Взятіе Солуни турками. Положеніе Константинополя. Пораженіе христіан под Варной. Успѣхи грековъ в Пелопонесѣ*» — нѣсколько дополненій, напр., о отголосках в литературѣ взятія Солуни, о восточных планах Альфонса V Великодушнаго. «*Константин XI (1449—1453). Осада и взятіе Константинополя турками*». Приводится разсказ GROSVENOR'a о могилѣ Константина Драгаса; извѣстія грузинской хроники о паденіи Византіи. Васильев отрицает легенду о появленіи флота с Запада два дня спустя послѣ паденія Константинополя.

II. *Очерк внутренняго состоянія имперіи в эпоху Палеологов*». «*Церковныя отношенія. Ліонская унія. Арсениты. Исихастское движеніе. Римская унія. Флорентійская унія. Вопрос о Софійском Соборѣ 1450 г. Церковь при турецком владычествѣ*» — важнѣйшія дополненія о 5 папских посольствах 1247—1280 г. и арсенитском соборѣ 1278 г.

«*Внутреннее состояніе имперіи при Палеологах*» — значительно дополнена часть о рукописных памятниках эпохи Палеологов; напр., приводятся акты Вазелонскаго монастыря; больше мѣста удѣлено путешествіям на Аѳон. Для характеристики экономической и культурной жизни страны приводятся извѣстія западных и восточных путешественников: Клавихо (Clavijo) — из него приводился болѣе краткій отрывок в русском изданіи — Buondelmonti, Rabban Sauma, Ghilbert de Lannoy, Pero Tafur. Житницей Константинополя при послѣдних Палеологах становится Лемнос. Особо отмѣчено опустошеніе городов. Немного рас-

ширена часть о флотѣ, войскѣ и ѳемах; послѣднія постепенно превращаются в деспотаты. Значительно больше мѣста удѣлено соціальному вопросу и столкновеніям между высшими и низшими классами — крупными землевладѣльцами и крестьянами. Также дополнен отдѣл о торговлѣ, напримѣр, извѣстія флорентійца Pegobotti и Bertrandon de la Broquière. Торговля совершенно переходит в руки итальянских городов. Вставлена замѣтка о новой монетной системѣ при Палеологах. «*Просвѣщеніе, литература, наука и искусство в эпоху Палеологов*». Васильев отмѣчает два литературных центра, кромѣ столицы, в Мистрѣ и Солуни. Добавлены извѣстія об отдѣльных писателях и новѣйшіе взгляды на них, напр., о Пахимерѣ, Григорѣ, Франдзѣ, Дукѣ, Халкондилѣ (приводятся извѣстія послѣдняго о сосѣдних народах). Значительно больше мѣста удѣлено Кидону, Хумну, Метохиту. Вниманіе удѣлено также нѣскольким романам, напр., византійской Ахилліадѣ. В отдѣлѣ об искусствѣ Васильев остановливается на разборѣ вопроса о возрожденіи византійскаго искусства при Палеологах; в концѣ главы он дает краткую характеристику византійской культуры, которая слишком связана традиціей, чтобы дать возможность проявиться в тѣни ея генію, подобному Данте. «*Византія и итальянское Возрожденіе*» — разбор вопроса о вліяніи Византіи на итальянскій Ренессанс — нѣсколько измѣнено начало.

К II-му тому приложены: 1. список византійских императоров; 2. генеалогическая таблица византійских династій; 3. библіографическія дополненія к I-му тому, 4. Errata; 5. Index к I-му и II-му тому.

Англійское изданіе книги Васильева значительно дополнено со стороны фактическаго матеріала, в особенности в области взаимоотношеній с западом; приводится много иллюстрацій излагаемых событій и жизни эпохи цитатами из писателей византійских и западных; использована вся новѣйшая литература по отдѣльным вопросам.

Курс исторіи Византіи А. А. Васильева является в частности очень полезным и для историков славянских народов Балканскаго полуострова, как дающій наглядную картину взаимоотношеній этих народов с Византіей, в особенности, в области политической исторіи. *М. А. Андреева.*

OSKAR HALECKI, UN EMPEREUR DE BYZANCE À ROME. *Vingt ans de travail pour l'union des églises et pour la défense de l'Empire d'Orient. 1355—1375. Rozprawy historyczne Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. Tom VIII. Warszawa. 1930. 1—417 in 8°.*

Содержаніе сочиненія Галецкого значительно шире, чѣм его главное заглавіе. Подзаголовок точнѣе опредѣляет содержаніе книги. Она охватывает двадцатилѣтіе то 1355 до 1375 года. Автор в ней разрабатывает сложную политическую коньюнктуру того времени. Само путешествіе в Рим Іоанна V-Палеолога, который в Римѣ заключил Унію или, как это трактует Галецкій, просто перешел в католичество (p. 198), совершилось в 1369 г. Оно представляется нам только занимательным эпизодом в богатой фактами исторіи второй половины XIV вѣка. Для Галецкаго это путешествіе представляется с одной стороны кульминаціонным пунктом в исторіи сношеній католической и православной церкви в промежуток между Ліонской и Флорентійской Уніей — торжеством с точки зрѣнія католицизма. С другой стороны — это попытка спасти Константинополь от грозящей турецкой опасности, гдѣ иниціативу переговоров берет в свои руки византійскій царь, отправившійся с этой цѣлью на Запад. Если ради вопроса религіознаго, Іоанн V отправляется в Рим, то для переговоров по второму вопросу, он останавливается в Венеціи. Галецкій считает, что переговоры велись с необыкновенной искренностью с обѣих сторон, т. е. царя и папы и даже венеціанцов (дѣлается попытка опровергнуть исторію об унизительной задержки царя в Венеціи). Они искренно хотят помочь Византіи, а Іоанн V

обратиться в католичество.

При чтеніи источников и разборѣ фактов у читателя не вполнѣ создается соотвѣтственное впечатлѣніе, скорѣе даже наоборот. В переговорах Іоанна V красной нитью проходит желаніе получить матеріальную помощь, В Константинополѣ царь продолжает держаться обрядов православной церкви, вопреки подписанному акту и требованію папы ввести в Константинополѣ католическій обряд. Это желаніе полнаго подчиненія римской церкви достаточно показательно для невдумчиваго отношенія к вопросу Урбана V. Впрочем помощь его Іоанну V ограничивается одними обѣщаніями, хотя послѣдній готов с радостью принять хотя бы нѣсколько галер. Венеціанцы же ведут двойственную политику. Позднѣе они даже отгаваривают папу оказать немедленную помощь Константинополю и сами вооружают свой флот против Іоанна V (№ 27. p. 390, при Григоріи XI). Во время же прибыванія царя в Венеціи ведутся переговоры об уступкѣ имперіей Тенедоса за извѣсную сумму.

ГАЛЕЦКІЙ, вскрывая нѣкоторыя неточности греческих историков, на основаніи западных источников, отвергает извѣстный эпизод о задержаніи Іоанна V в Венеціи за неуплату долгов. Всеже остается неясным, почему деспот Мануил поспѣшил к своему отцу в Венецію и остался заложником. Прибытіе же его туда отмѣчено в Хрисовуллѣ 1371 г., передающем ему в награду за многіе труды управленіе Македоніей и Солунью. (ZACHARIAS v. LINGENTHAL, Prömien zu Chrysobullen von Demetrios Cydones.) (Sitzungsber. d. königl. preus. Akad. 1888, p. 1417—1422; Halecki, p. 234—343, p. 227—234). Вообще Галецкій основывается главным образом на западных источниках. Нѣкоторые из них он издает впервые; напр. венеціанскія извѣстія о посольствѣ царю Іоанну V в Рим; переписку Урбана V, касающуюся восточных дѣл и сношеній с принявшими Унію царем, іерархами и сановниками, и также византійскаго авантюриста Іоанна Калофера, производящаго себя из царскаго рода Ласкарей. Кал. участвует в переговорах об Уніи и попытках создать подобіе крестоваго похода. Источники эти цѣнны, как дополненіе к греческим, небогатым для того времени. Галецкій же вполнѣ усвоилсебѣ точку зрѣнія на создавшееся положеніе западных источников и в связи с этим дает освѣщеніе событій. Это придает его книгѣ одностороннее освѣщеніе.

В двѣнадцати главах Галецкій детально останавливается на событіях разбираемаго двадцатилѣтія и рисует международное положеніе. Он особо отмѣчает участіе сосѣдей Византіи и ближайших к ней государств: Польши, Венгріи, Германіи, во главѣ которой в то время стоял Карл IV, Сербіи Стефана Душана и позднѣйшей, в момент ея политическаго упадка, Болгаріи и отчасти великаго княжества Московскаго. Получается очень полная картина политической обстановки того времени и отношенія различных стран к турецкой опасности и к Византіи. В этом большая цѣнность интересной работы Галецкаго.

Кромѣ приложеній из неизданных актов французских и итальянских архивов, Галецкій прилагает еще главу, посвященную разбору источников и в частности вопроса об обстоятельствах пребыванія Іоанна V в Венеціи. В концѣ книги помѣщена очень полная библіографія вопроса. *М. А. Андреева.*

К. МИЯТЕВЪ: НОВООТКРИТИЯТЪ ОЛОВЕНЪ ПЕЧАТЪ НА БЪЛГАРСКИ АРХИЕПИСКОПЪ, *Известия на Българския Археологически Институтъ, V (1928–1929), pp. 249—262.*

Les conclusions de ce bref travail dépassent de beaucoup en ampleur et en importance ce que son titre semblerait promettre. Il s'agit pour l'auteur de rien moins que d'établir à quelle époque et de quelle manière le slave a remplacé en Bulgarie le grec comme langue officielle de l'Église et de l'état; c'est là une question d'une importance capitale non seulement pour l'his-

toire bulgare mais aussi pour toute la philologie slave.

Le sceau de plomb qui constitue le point de départ du travail de M. Miatev a été trouvé pendant les fouilles entreprises dans les ruines du grand édifice (probablement un monastère) près de Madara. Il représente la Vierge avec la légende: ΘΚΕ ΒΟΗΘ. ΤΩ CΩ ΔΔΛ.. Le revers porte une inscription que M. Miatev lit et restitue: [Λ]ΕΩ|(Ν)[ΤΙ](Ω) ΑΡΧ|ΙΕΠΙCΚΟΠ|Ω ΡΟΥΛ-ΓΑ|ΡΙΑC. Le nom de cèt archevêque de Bulgarie n'est plus lisible en entier; les seules lettres sûres sont la deuxième et la troisième: ΕΩ. De la quatrième lettre il ne s'est conservée qu'une barre verticale, qui peut, mais pas nécessairement, être la trace d'un N. Enfin la septième lettre représente très probablement la dernière moitié d'un Ω. La restitution de M. Miatev n'est donc, on le voit, nullement certaine. Elle reste extrêmement problématique, même si l'on admet, comme le fait M. Miatev, la possibilité d'une orthographe Λεωντίῳ pour la forme régulière Λεοντίῳ.

On sait que ce sont les archevêques d'Achris (Ochrida) qui portaient le titre d'»archevêques de Bulgarie«. Toutefois le fait que ce molybdobulle a été trouvé dans une région qui était le centre du premier empire bulgare, nous oblige à conclure qu'il se rapporte non pas à un titulaire du siège d'Achris mais à un archevêque du premier empire bulgare et qu'il est, par conséquent, antérieur à la conquête de la Bulgarie par Tzimiscès.

M. Miatev n'hésite pas à attribuer ce sceau de plomb à l'archevêque Léontios, mentionné comme »patriarche de Přeslav« dans le celèbre Synodikon du tsar Boril. Ceci donne à l'auteur l'occasion de discuter les conclusions de M. Zlatarski au sujet de la plus ancienne période de l'histoire de l'Église bulgare, période pour laquelle les sources sont extrêmement obscures et contradictoires.

M. Zlatarski, pour ne rappeler que l'essentiel de sa thèse, croit que la Bulgarie, qui depuis 870 avait à la tête de son Église un archevêque dépendant du patriarcat de Constantinople, aurait adopté en 893 comme langue officielle de l'Église et de l'état le slave à la place du grec; en 918 Syméon aurait rendu l'Église bulgare complètement indépendante de Constantinople en proclamant le patriarcat bulgare; le premier patriarche aurait été Léontios; en 927 Constantinople reconnut au chef de l'Église bulgare le titre de patriarche.[1]

Il est évident que si l'on accepte les conclusions de M. Zlatarski, on s'attendrait à ce que Léontios s'intitulât patriarche et non pas archevêque; on s'attendrait aussi à ce que son sceau portât une inscription non pas grecque mais slave.

M. Miatev, se basant sur son molybdobulle et après une nouvelle interprétation des sources, formule des conclusions diamétralement opposées à celles de M. Zlatarski.

Selon M. Miatev, l'Église bulgare continua après 870 à dépendre de Constantinople et ses chefs qui étaient des Grecs ou des Slaves grécisés continuèrent à porter le titre d'archevêque. Syméon n'a sûrement pas établi un patriarcat autocéphale en 917 ou en 918; ce n'est que plus tard lorsqu'il a vu s'effondrer son rêve de conquérir Constantinople, que Syméon, vers la fin de son règne, songea à rendre l'Église bulgare complètement indépendante de Constantinople en la transformant en patriarcat, lequel fut reconnu par les Grecs après la mort de Syméon, en 927. Le premier patriarche a été Damien, qui occupa son siège pendant 45 ans et n'en fut chassé que par Tzimiscès en 972. »Pendant qu'avaient lieu tous ces événements, «continue M. Miatev,» l'Église bulgare employait les deux langues (le grec

[1] Voir *Zlatarski*, История на българската държава, tome I, 2, pp. 253—261, 399—401, 507—508, 529—531 et l'article du même auteur Български архиепископи-патриарси презъ първото царство dans Известия на Истор. Друж., VI (1924) pp. 49—76.

et le slave) en même temps. Le slave a été introduit dans l'Église et dans l'administration non point par des décrets et des lois, mais peu a peu grâce aux rangs inférieurs du clergé. Au début les postes les plus élevés dans l'Église étaient occupés par des Grecs ou des Slaves grécisés, lesquels, comme il était naturel, conservèrent le grec comme langue officielle. Mais peu a peu ces Grecs étaient remplacés par des Bulgares, dont le recrutement avait déjà été préparé par Boris et Syméon« (pp. 259–260).

M. Miatev est un archéologue de mérite dont les fouilles à Přeslav ont eu un retentissement considérable et très légitime. Mais la monographie dont nous nous occupons ici constitue son premier travail purement historique. Faut-il donc s'étonner si elle fait preuve de manque de méthode, défaut dans lequel ne serait pas tombé un historien de profession?

La base de toute l'argumentation de M. Miatev est l'attribution du sceau à ce Léontios du Synodikon. Or c'est justement cette base qui n'est rien moins que solide. Nous avons déjà signalé que la restitution de M. Miatev Λεωντίῳ est non seulement arbitraire mais qu'elle se heurte encore à l'orthographe traditionnelle. De plus, s'il avait consulté les ouvrages sur l'histoire de l'Église bulgare de Golubinskij, Drinov ou Cuchlev, notre auteur aurait rencontré un archevêque bulgare Georges qui est mentionné dans une lettre du pape Jean VIII adressée à Boris le 16 Avril 878: »Caeterum, «écrit le pape, »gloria vestra sciat Sergium eunuchum, qui, cum genere Sclavus esset et multis pravitatibus irretitus, sacerdotium per subreptionem obtinuit et post etiam super aliis detectus et convictus excessibus ab episcopo tunc suo depositus fuisse dignoscitur et post indigne satis a Georgio, qui falso sibi nomen usurpat ad episcopatum Belogradensem provectus est« (MIGNE, P. L., tome CXXVI, col. 760).

Golubinskij,[2] Drinov[3] et Cuchlev[4] croient que ce Georges était archevêque de Bulgarie, puisque, selon les paroles du pape, c'est lui qui avait nommé Serge au siège de Belgrade.

Dans ces conditions on s'étonne vraiment pourquoi M. Miatev n'ait pas restitué [Γ]ΕΩ(Ρ)[ΓΙ](Ω) au lieu de [Λ]ΕΩ(Ν)-[ΤΙ](Ω), restitution qui ne se heurte à aucune difficulté et qui lui aurait épargné la peine d'échafauder des hypothèses aussi arbitraires.

Il est vrai que M. Zlatarski ne croit pas que ce Georges de la lettre du pape Jean VIII était un archevêque de Bulgarie, car, dit-il, »il est difficile d'admettre, que le pape Jean VIII malgré toute l'inimitié qu'il nourrissait à l'égard du clergé grec de la Bulgarie, se fût permis d'écrire à Boris que l'archevêque de Bulgarie *falso sibi nomen usurpat*; du reste un métropolite assisté d'un autre prélat avait également le droit de nommer des évêques «(p. 216). Mais, comme selon M. Zlatarski lui-même (p. 211), le siège de Belgrade faisait partie de l'éparchie de la Morava (Μοράβων) dont le titulaire Agathon figure parmi les signataires des actes du synode de 879, l'éminent historien bulgare est obligé de recourir à l'hypothèse, par trop invraisemblable, que Georges ne faisait que remplacer Agathon pendant l'absence de ce dernier (p. 217).

Au surplus un hasard heureux arrive fort à propos pour dissiper les moindres doutes qui pourraient encore subsister au sujet de l'archevêque Georges. M. Constantopoulos vient de publier dans son travail Βυζαντιακὰ μολυβδόβουλλα, Athènes 1930, No 77, p. 15 le molybdobulle d'un archevêque de Bulgarie Georges que l'éditeur ne chercha pas à identifier. Bien que l'on ne connaisse pas d'archevêque de ce nom à Achris pendant l'époque byzantine, on eût sans doute attribué ce sceau à un archevêque d'Achris,

[2] Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, p. 34.

[3] Съчинения publiés par l'Acad. bulgare, tome II, p. 33.

[4] История на българската църква, tome I, pp. 363–364.

si, par une circonstance inattendue, le sceau publié par Constantopoulos n'était pas exactement identique à celui découvert à Madara. On n'a qu'à comparer les reproductions publiées par Constantopoulos et Miatev pour se convaincre qu'il s'agit de *deux exemplaires du même sceau.*

La publication de M. Constantopoulos ruine toutes les hypothèses et combinaisons de M. Miatev; mais, ce qui est plus important, elle montre d'une manière évidente que ce Georges de la lettre du pape Jean VIII était archevêque de Bulgarie; elle rend donc nécessaire un nouvel examen des sources concernant les premiers archevêques bulgares, car il semble bien que pour établir la liste de ces derniers on avait jusqu'ici surestimé la valeur de cette source tardive qu'est le Synodikon du tsar Boril.

P. S. Ce compte rendu était déjà imprimé lorsque nous avons eu l'occasion de demander l'avis de M. Constantopoulos sur la date de ce molybdobulle. M. Constantopoulos ne croit pas que ce molybdobulle soit antérieur au XIe siècle; il exclut la possibilité qu'il puisse être de la fin du IXe siècle. Dans ce cas on serait obligé d'attribuer ce molybdobulle à un archevêque d'Achris, ce qui constituerait un argument de plus contre les théories de M. Miatev et donnerait plutôt raison à M. Zlatarski, qui croit que «Georges», mentionné dans la lettre du pape Jean VIII n'a pas été archevêque de Bulgarie. *M. Lascaris.*

Κ. Μ. ΚΩΝΣΤΑΝΤΟΠΟΥΛΟΣ: ΒΥΖΑΝΤΙΑΚΑ ΜΟΛΥΒΔΟΒΟΥΛΛΑ, ΣΥΛΛΟΓΗ ΑΝΑΣΤΑΣΙΟΥ Κ. Π. ΣΤΑΜΟΥΛΗ, *Athènes 1930, pp. VII, 36 in 4° avec quatre planches hors texte.*

M. C. Constantopoulos, directeur du Musée numismatique d'Athènes, est un des meilleurs connaisseurs de la sigillographie byzantine. L'ouvrage qu'il vient de faire paraître contient la publication de 139 sceaux de plomb (molybdobulles) byzantins qui font partie de la collection de M. Anastase K. P. Stamoulis.

L'auteur donne la description et la reproduction en phototypie de ces molybdobulles, sans toutefois en indiquer la provenance; il s'abstient de tout commentaire historique et n'essaie presque jamais d'identifier les personnages auxquelles se rapportent ces molybdobulles.

Le but de ce compte-rendu n'est pas de combler cette lacune; il nous a cependant paru utile de nous arrêter sur deux parmi ces molybdobulles, que nous avons réussi à identifier et qui présentent un interêt de premier ordre pour l'histoire des relations de Byzance avec la Bulgarie.

Le premier de ces deux molybdobulles est celui décrit par M. Constantopoulos à la p. 15 (reprod. table III, N° 1), et dont nous nous sommes occupés plus haut à propos du travail de M. Miatev.

L'autre molybdobulle a été décrit par M. Constantopoulos à la p. 23 et reproduit sur la table III, N° 21. Il représente l'archange Michel et porte sur le revers la légende:

† Συν|εστράτευ(ε) | κ(αὶ) προμάχ(ου)| Ἀλυσι|άνῳ.

Le personnage est fort connu. Fils du tsar Ivan Vladislav (1015–1018), Alousianos, après la conquête de sa patrie (1018) entra au service byzantin, mais essaya en 1040 de se mettre à la tête de la révolte des Bulgares organisée par Pierre Děljan en aveuglant ce dernier, puis n'hésita pas à faire sa soumission à l'empereur Michel IV le Paphlagonien, lequel lui accorda le titre de magistre. Les nombreux renseignements fournis par les sources byzantines sur cette vie si mouvementée ont été admirablement réunis par M. Zlatarski dans un travail où l'illustre historien bulgare a publié un molybdobulle du fils de notre personnage, le »proèdre et duc« Samuel Alousianos. Voir ZLATARSKI, Моливдовулъ на Самуила Алусиана, Известия на Българския Археологически Институтъ, I (1921–1922), pp. 86–101. *M. Lascaris.*

V. GRECU, ORIGINA CRONICELOR ROMÂNEȘTI dans OMAGIU LUI I. BIANU, Bucureşti 1927, pp. 217–223; publié aussi en allemand sous le titre *Ursprung der altrumänischen Chroniken* dans le volume *Deuxième Congrès international des études byzantines*, Belgrade 1929, pp. 176–184.

Il s'agit en réalité des chroniques *moldaves*, qui constituent la partie la plus intéressante de la littérature slavo-roumaine. L'auteur en cherche l'origine dans les χρονογραφικὰ σύντομα byzantins dont le plus connu est celui du patriarche Nicéphore. Selon M. Grecu ces χρονογραφικὰ σύντομα auraient été traduits en «serbe» et ce sont ces traductions serbes, qui, transportées et copiées en Moldavie, auraient servi de modèle aux premières chroniques moldaves.

Au fond la thèse de M. Grecu est assez juste; seulement son argumentation est dépourvue de base solide; tout ce qu'il dit des traductions vieux-slaves de chroniques byzantines s'appuie sur le travail, vieux d'un demi-siècle, de JAGIĆ, *Ein Beitrag zur serbischen Annalistik*, dans *l'Archiv für slav. Philologie*, II, 1877. M. Grecu ignore non seulement l'ouvrage fondamental de M. WEINGART, *Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské*, Bratislava 1922-1925, mais aussi la récente édition des chroniques serbes par le regretté STOJANOVIĆ, Стари српски родослови и летописи, Belgrade 1927. Justement Stojanović cherchait lui-aussi dans la littérature byzantine l'origine des chroniques serbes et croyait l'avoir trouvée non pas dans les χρονογραφικὰ σύντομα mais dans la chronique de Georges le Moine (Hamartolos), traduite à deux reprises en vieux-slave (cf. pp. LXI–LXVI de l'édition de Stojanović). Voilà pourquoi le problème posé par M. Grecu a besoin d'être étudié de nouveau et par un savant mieux préparé que ne l'est le professeur de Czernowitz pour une étude de ce genre. Il faut pourtant reconnaître que malgré ces graves imperfections le travail de M. Grecu constitue un progrès par rapport à la théorie antérieurement admise qui cherchait l'origine des chroniques moldaves dans les diptychons (poměniks) des monastères.

Michel Lascaris.

Ν. Π. ΑΝΔΡΙΩΤΗΣ, ΚΡΙΤΟΒΟΥΛΟΣ Ο ΙΜΒΡΙΟΣ ΚΑΙ ΤΟ ΙΣΤΟΡΙΚΟ ΤΟΥ ΕΡΓΟ, dans la revue ΕΛΛΗΝΙΚΑ, II (1929), pp. 167–200.

Sur Critobule d'Imbros, l'historien de Mahomet II, on ne possédait jusqu'ici que la préface et les commentaires de son éditeur C. MÜLLER (1870) ainsi qu'une brève étude, vieille de soixante ans, d'Ubicini dans l'Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques, V, 1871. Dernièrement ont apparu deux monographies sur cet historien byzantin, écrites indépendamment l'une de l'autre.

Le travail de M. Andriotis est divisé en deux parties; dans la première (pp. 167–181), l'auteur donne une abondante biographie de Critobule. Les renseignements que Critobule donne sur lui-même dans son ouvrage historique sont complétés à l'aide de quelques détails fournis par Cyriaque d'Ancône, par Zaviras, ainsi que par deux poèmes religieux, dont l'auteur, le moine imbriote Michel Critobule, n'est autre, selon M. Andriotis que l'historien de Mahomet II.

La seconde partie du travail de M. Andriotis (pp. 182–200), est consacrée à Critobule historien. Fort justes sont les observations de l'auteur sur la langue et le style de Critobule, qui s'est efforcé d'imiter Thucydide. Par contre ce qu'il dit de la méthode historique de Critobule manque quelque peu de précision. Trop souvent M. Andriotis est entraîné à des considérations qui ne sont pas en rapport direct avec son sujet (p. ex. pp. 191, 192–193, 200). En particulier il aurait dû pousser plus à fond la critique des renseignements donnés par Critobule, et qui se laissent contrôler par d'autres sources. C'est sans doute par mégarde que M. ANDRIOTIS

parle à la p. 194 d'une incursion de Mahomet II en Bulgarie (1454). Enfin les fautes d'impression sont assez nombreuses et l'on en trouve de particulièrement agaçantes comme celle qui place en 1567 (p. 197) la peste dont Critobule a donné une description si vivante.

D'une manière générale le travail de ANDRIOTIS constitue une monographie intéressante et soignée qui laisse à peine entrevoir que l'auteur est à son premier travail historique. *Michel Lascaris.*

LA TECHNIQUE D'ÉDITION DANS DEUX COLLECTIONS DE TEXTES LITURGIQUES GRECS.

А. ДМИТРІЕВСКІЙ: *Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго востока.* Т. II. Εὐχολόγια. Кіевъ 1901. XII + 1058 pp. + XXVII pp. des »Errata et corrigenda«.

А. АЛМАЗОВЪ: *Тайная исповѣдь въ православной восточной церкви.* Т. III. Приложенія. Одесса 1894. V + 296 pp. + 89 pp. + XVII.

On sait que, dans l'*Euchologion sive Rituale Graecorum* de J. GOAR, les études de la liturgie et des textes liturgiques grecs disposent, depuis 1647, d'une œuvre d'ensemble monumentale restée capitale malgré l'injure des temps et malgré les réserves qui n'ont été prononcées à son égard que deux siècles après sa publication. Les matériaux qui y sont reproduits, commentés et analysés et qui ont été, depuis, réédités en partie dans des travaux plus récents mais aussi plus limités, n'ont été vraiment renouvelés, dans leur ensemble, que beaucoup plus tard, en 1901, par les Εὐχολόγια de A. DMITRIEVSKIJ, deuxième volume de sa monumentale *Description des manuscrits liturgiques conservés dans les bibliothèques de l'Orient orthodoxe* et, sur un point particulier, en 1894 par le travail de A. ALMAZOV: *La confession secrète dans l'Eglise orthodoxe orientale.*

Malgré son titre, la *Description* de M. DMITRIEVSKIJ est en réalité un gros dépouillement et un très riche répertoire d'extraits des manuscrits liturgiques allant du IXe au XIXe siècles, répertoire précieux surtout par ce qu'il nous fait entrevoir des trésors jusqu'alors inconnus et, de nos jours, parfois, hélas! presque inaccessibles, conservés dans les bibliothèques de l'Orient orthodoxe; à ceux-ci, M. DMITRIEVSKIJ ajoute des extraits de l'un des plus vénérables euchologes des bibliothèques d'Occident, du célèbre Coislin 213 de la Bibliothèque Nationale de Paris et d'une partie du Codex Bessarionis du XIe s. de la Bibliothèque de Grotta Ferrata. Mais ce dépouillement, qui est l'œuvre étonnante d'un seul travailleur, n'a pas été constitué dans toute son étendue d'une manière unique ni d'après un critère rigoureusement un. M. DMITRIEVSKIJ nous en prévient d'ailleurs lui-même dans sa préface, pp. VII–VIII, où il avoue que ses extraits »sont loin d'avoir été tous faits aussi minutieusement et aussi complètement les uns que les autres. L'intérêt des cérémonies et des prières contenues dans les euchologes étudiés, les possibilités de travail dans telle ou telle autre bibliothèque et le temps disponible ont eu, sous ce rapport, une influence importante sur la présente description«. Nous nous trouvons donc, on le voit, devant un dépouillement essentiellement inégal. Il n'est, de plus, que partiel, car M. DMITRIEVSKIJ n'a pas eu entre les mains tous les euchologes conservés dans les bibliothèques où il a travaillé: ainsi à la Bibliothèque de l'Université Nationale d'Athènes, dont il a consulté les manuscrits avant la rédaction du catalogue de I. et A. Σακκελίων, il n'a pas dépouillé, faute d'un inventaire complet, tous les euchologes manuscrits qui s'y trouvent. La *Description* ne constitue donc, à vrai dire, qu'un aperçu des richesses dont il soulève le voile. Mais il est un point par rapport auquel il importe d'examiner particulièrement la technique d'édition de M. DMITRIEVSKIJ: ce sont ses renvois. En effet, pour alléger son ouvrage,

M. Dmitrievskij s'est servi de l'*Euchologion* de GOAR (2e éd.) comme d'une sorte de texte de base ou de départ, auquel il renvoie partout où le texte dépouillé lui semble le permettre, se contentant de simples *incipits* des prières rapportées par celui-ci. Or, ces renvois, qui sont très fréquents et qui ne mentionnent que très rarement les variantes du texte rapporté de celui de Goar, portent sur des prières qui accusent, quand on les regarde de plus près dans d'autres manuscrits, certaines variantes d'un haut intérêt pour l'étude philologique, pour l'histoire et même pour l'étude liturgique de ces textes. Tous ces renvois posent donc la question de savoir jusqu'à quel point les textes éliminés correspondent à ceux de Goar. Ce point, comme en général l'exactitude de l'édition de M. Dmitrievskij, n'a pas été relevé dans les analyses des Εὐχολόγια, analyses d'ailleurs brèves et toutes descriptives (BZ XI, 592–593; EO VI, 219 s.; RHE VI, 76; Визз. Врем.; Journ. of Th. St. VI, 133–135; réserve faite de Rassegna Gregoriana que je n'ai pas pu consulter).

La même question des limites de l'exactitude de l'édition se pose, beaucoup plus fortement encore, devant certaines fautes évidentes de langue et certains endroits obscurs dans les textes de *La confession secrète* d'ALMAZOV, fautes qui cependant déroutent dans une édition de textes où pas une note de commentaire ne vient en aide au lecteur.

Le collationnement que les vérifications dans ces deux séries de cas auraient supposé n'était pas facile, il est vrai, les manuscrits se trouvant, dans la majorité des cas, dans des bibliothèques plus ou moins lointaines. Mais il y a les manuscrits de la Bibliothèque Nationale de Paris. Ayant eu l'occasion de manier ceux des manuscrits de cette bibliothèque, dont se sont servis les deux éditeurs, j'ai essayé de définir les limites de l'exactitude de leurs techniques d'édition. Voici les résultats essentiels de mon enquête[1].

*

A. DMITRIEVSKIJ, Εὐχολόγια.

Les renvois de DMITRIEVSKIJ, dans son édition des extraits du Coislin 213, à GOAR ne correspondent qu'à une concordance partielle des deux textes encore qu'ils ne sont pas entièrement dépourvus de certaines erreurs matérielles.

Pp. 993–994 Dmitrievskij renvoie, pour la prière dite à l'occasion de la fondation d'une église, à Goar. Or, le texte de Goar ne correspond pas exactement à celui du Coislin 213.

Goar p. 486 a p. ex.: καὶ τῇ λοιπῇ λατρείᾳ τῆς δόξης σου.

Cois. 213, φ. 8 r. v.: καὶ τῇ λοιπῇ καὶ θεραπείᾳ τῆς δ. σ.

Ou bien:

Goar l. c.: καὶ σῶμα συμφερόντων αὐτῶν.

Cois. l. c.: καὶ σῶμα συμφερόντων αἰτημάτων αὐτῶν.

P. 997. Le ms. ne dit pas: Εὐχὴ ἐπὶ προχειρίσει κηροφόρου καὶ δεποτάτου comme l'affirme Dm., mais il dit: Τάξις γινομένη ἐπὶ etc. Pour le reste, Dmitrievskij renvoie à sa page 436 où nous trouvons, après un *incipit*, un nouveau renvoi à Goar 198. Mais là encore une divergence entre le texte de Goar et celui du Coislin 213:

Cois. 213, φ. 35 r.:

ὁ πᾶσαν κτίσιν τῇ αἴγλῃ λαμπρύνας τῶν θαυμασίων σου κύριε· ὁ καὶ πρὶν γενέσθαι τὰς τῶν ἀνθρώπων γνώμας

Goar 198:

ὁ πᾶσαν κτίσιν τῇ αἴγλῃ λαμπρύνας τῶν θαυμασίων σου κύριε· ὁ πρὶν γενέσθαι τὰς ἑκάστου προθέσεις παρα-

[1] Je tiens à remercier ici vivement mon ami M. D. A. Zakythinos des précieux avis qu'il à bien voulu me donner pour la présente notule. Son concours m'a été d'un grand prix notamment à la correction des épreuves sur les manuscrits après mon départ de Paris.

εἰδὼς· καὶ μετὰ τὸ γενέσθαι τὰς προθέσεις ἑκάστου παραμετρῶν καὶ τοὺς ἐξυπηρετεῖσθαί σοι βουλομένους ἐνισχύων etc.

P. 1022 (Cois. 213, φ. 113v.–114r.)

Là, d'abord, le manuscrit ne dit pas εὐχὴ οἴκῳ περιεργαζομένῳ mais il dit εὐχὴ ἐπὶ οἴκῳ κατεργαζομένῳ

Dm. 836:

ὁ τὸν δράκοντα τὸν μέγαν, τὸν σκολιόν, τῷ ἀγκίστρῳ τῆς ἐνανθρωπήσεως ἑλκύσας...

.....

καὶ ἀλάλου ἀνεπιστρόφως ἔξοδον ἐπιτάξας, ὁ φήσας τοὺς ἐπεγνωκότας σε πατεῖν

.....

Κύριος ἡμῶν βοηθὸς

P. 1022 Dmitrievskij renvoie, pour εὐχὴ ἐπὶ τῶν ἐξ ἐπιτιμίων λυομένων (Cois. 213, φ. 116v.–117r.), à Goar 531 qui cependant

Goar 531:

τὸ καθ' ἡμῶν χειρόγραφον τῶν πλημμελημάτων...

.....

Καὶ τὸν δοῦλόν σου, τὸν δεῖνα,...

.....

συνειδότος αἰτεῖν τὸ παρὰ σοῦ πλούσιον ἔλεος. Ὅτι ἐλεήμων καὶ φιλάνθρωπος Θεὸς ὑπάρχεις, καὶ σοὶ τὴν δόξαν ἀναπ. etc.

μετρῶν, καὶ τοὺς ἐξυπηρ. etc.

Dmitrievskij renvoie, après l'*incipit*, à sa page 836, où nous trouvons p. ex. les divergences suivantes avec le Cois. 213:

Cois. 213:

ὁ τὸν δράκοντα τῷ ἀγκίστρῳ τῆς ἐνανθρωπήσεώς σου ἑλκύσας

καὶ ἄλαλον ἀνεπίστροφον ἔξοδον ἐπιτάξας, ὁ φήσας τοῖς ἐπεγνωκόσι σε πατεῖν

Κύριος ἡμῖν βοηθὸς

accuse les divergences suivantes avec le Cois. 213:

Cois. 213, 116v.–117r.

τὸ καθ' ἡμῶν τῶν πλημμελημάτων χειρόγραφον...

.....

Καὶ τὸν παρόντα δοῦλόν σου...

.....

συνειδότος καὶ αἰτεῖσθαι τὸ παρὰ σοῦ πλούσιον ἔλεος· Ἔκφώνησις· Ὅτι ἐλεήμων καὶ φιλάνθρωπος εἶ ὁ Θεὸς ἡμῶν καὶ ὁ μονογενής σου υἱὸς καὶ τὸ πνεῦμά σου τὸ πανάγιον καὶ εἰς τοὺς.

Inexactitudes et ommissions.

P. 1025, ligne 4. Le ms. ne dit pas θανεῖν ἄνθρωπον βίαις mais il dit plus naturellement θ. ἄ. βιαίως.

P. 1014, ommission de la prière Εὐχὴ πρὸ ἀρίστου ἐν τῇ κατ' οἶκον εὐωχίᾳ qui se trouve dans notre manuscrit φ. 98r.

P. 1017, à la dernière ligne de la page, après le mot ἀκολουθία ommission de γίνεται κατὰ τὸν καιρὸν τῆς θείας λειτουργίας.

P. 1028, ligne 25, après τῷ παναγίῳ ommission de καὶ ἀγαθῷ.

P. 1012, Εὐχὴ προσφερομένη τῷ καιρῷ τῆς μεταλήψεως τῶν θείων μυστηρίων ne se trouve pas φ. 84, mais φ. 85r.

P. 1013 Εὐχὴ ἀπολυτικὴ ne se trouve pas φ. 92(r), mais φ. 93r. Εὐχὴ ἑτέρα ὁμοίως ne se trouve pas φ. 92(r.) mais φ. 93r. Εὐχὴ ἑτέρα ὁμοίως (une autre) ne se trouve pas φ. 92(r), mais φ. 93v.

Etc.

Ce bref aperçu, qui ne donne pas, d'ail-

leurs, toutes les défaillances des quelques pages des Εὐχολόγια sur lesquelles il porte, est peut-être suffisant pour montrer jusqu'à quel point les renvois de DMITRIEVSKIJ ne peuvent être compris que comme indications générales des prières notées par lui; on voit que très souvent Dmitrievskij laisse de côté trop de variantes intéressantes. Si l'on ajoute à ceci d'autres inexactitudes —ommissions de phrases ou de prières entières et les erreurs de pagination des prières—on aperçoit quelques points autres que de simples erreurs d'impression remarquées en dehors des 27 pages des errata et corrigenda par des comptes-rendus cités plus haut, points sur lesquels cet ouvrage considérable laisse à désirer. Ces points, les renvois mis à part, ne sont pas d'une fréquence telle qu'ils puissent présenter un caractère de gravité spéciale. Si, néanmoins, ils ont été relevés ici, c'est que l'exactitude de l'édition, si souhaitable en général, importe particulièrement pour l'étude des traductions slaves de ces textes liturgiques grecs, étude qui n'a sa portée véritable qu'à coudition d'être faite avec la plus entière précision.

*

A. ALMAZOV: *La confession secrète.*[1]

I. P. 4, dans le Κανὼν σὺν Θεῷ τοῦ ἁγιωτάτου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Νηστευτοῦ περὶ ἐξαγορεύσεως διάφορα περὶ ἁμαρτημάτων (Bibl. Nat. de Paris, ms. no 1318 du f., φ. 28v. et suiv.):

dans le titre ligne 1; le ms. ne dit pas Κανών, mais il dit Νομοκάνων; après Θεῷ Almazov a omis ἁγίῳ;

dans le texte, ligne 1, après ἁμαρτήματα ommission de τῷ πνευματικῷ αὐτοῦ; ligne 3 le ms. ne dit pas μέλλοντα, mais il dit θέλοντα;

l. 4 après ἕτερον ommission de ταύτας ἀκροᾶσθαι;

l. 7 après Πῶς Κύριε le ms. n'a pas [ἤ] Κυρία, mais il a ἀδελφὲ ἢ τέκνον ἢ Κυρία ἀδελφή;

l. c. après ἐφθάρη ἡ παρθενία σου ommission de διὰ πορνει (=πορνείαν) ἢ δι'ἀνόμημα (γάμου etc.). Le διὰ qui chez Almazov précède le mot γάμου n'existe pas dans le ms.

l. 10 le ms. ne dit pas καὶ ἦσαν ἄρα ἐν αὐταῖς ὕπανδραι etc. comme A. le fait croire, mais il dit καὶ εἰ ἦσαν ἄρα ἐξ αὐτοῦ ὕπανδρ.

P. 5, l. 3 dans la phrase ἐρωτῆσαι τοὺς ἐξομολογουμένους.... εἴπερ εἴλη[?] οἶδα le ms. a non pas l'incompréhensible εἴλη, mais εἴπῃ qui, tout en redressant cette phrase, rend inutile le point d'interrogation d'Almazov;

l. 4 dans l'expression ἑτέρους ὑποδεικνύουν τὸ ἐλεεινὸν τοῦτο πάθος qui ne donne pas de sens le ms. ne dit pas ἑτέρους, mais il dit ἑτέροις;

l. 28 après συγχωρήσει, qu'il faut lire à la place de συγγωρήσει d'Almazov, ommission de σοι;

P. 6 l. 2 après ἐν λόγῳ ommission de ἐν ἔργῳ;

l. 8–9 les mots (Βασιλείου) τοῦ μεγάλου, Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου, καὶ Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου n'existent pas dans le manuscrit;

l. 18 après θῦσον αὐτῷ ommission de τὸν μόσχον;

l. c. à la place de σύνταξον le ms. a σημείωσον;

l. 20–22 le ms. n'a rien de la fin de la formule finale, donnée par Almazov: τῷ Πατρὶ, καὶ τῷ Υἱῷ, καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι, νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν.

P. 7, l. 19 après les mots γίνωσκε, υἱέ μου ommission de ὅτι θεὸς ἐλεήμων ἐστὶν καὶ μακρόθυμος καὶ πολυέλεος. ἀλλὰ ἤξευρε πάλιν ὅτι δίκαιος κριτής ἐστιν· καὶ ἑκάστῳ

[1] J'aurais pu adopter ici, comme dans le cas du livre de *Dmitrievskij*, la disposition d'après les genres de défaillances de l'édition. Il m'a semblé plus indiqué, pour faire mieux ressortir la fréquence de ces défaillances, de les rapporter telles qu'elles se suivent dans le texte.

ἀποδίδει κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ. γίνωσκε υἱέ μου (saut de plusieurs lignes d'un υἱέ μου à l'autre;

l. 31 le ms. ne dit pas (κατὰ τὴν δύναμιν) ὅποῦ ἔχει, mais il dit τὴν ἔχει;

l. 38 le ms. ne dit pas ἄδειαν, mais il dit φύσιν.

P. 8, l. 1–3 dans la phrase (ὁ πόρνος...) εὐλογηθήτω παρὰ τῶν ἹΙερέων, εἶτα καὶ οὕτως μετὰ συντριβῆς καρδίας καὶ καλῆς κατανύξεως ἀξιωθήσεται καὶ οὗτος...

le ms. ne dit pas εἶτα mais il dit ἑξ^{ον} (= ἕβδομον?);

le ms. ne dit pas καλῆς mais il dit πολλῆς;

le ms. ne dit pas οὗτος mais il dit αὐτός;

l. 12: ce qu'Almazov donne à partir d'ici ne se trouve pas, comme il l'indique, sur les φφ. 19r. – 28v., mais sur les φφ. 19r. à 22r. seulement;

l. 24 devant Ἀγγέλους ommission de ἁγίους;

l. 28 après εἶναι ommission de γεγραμμένα τὰ ἁμαρτήματά σου οὐ σχίζεται ἀλλὰ εἶναι (saut de deux lignes d'un εἶναι à l'autre).

P. 12 Κανονάριον, διαγορεῦον περὶ πάντων λεπτομερῶς καὶ τούτοις προσφόρων ἐπιτιμίων, περί τε τῆς ἁγίας κοινωνίας βρωμάτων τε καὶ ποτάτων, καὶ εὐχῶν λίαν συμπαθές (BN de Paris, no 1152 du f., φ. 23v. – 28r.).

Ce titre est incompréhensible à cause de l'ommission du complément d'objet indirect après λεπτομερῶς: τῶν παθῶν; dans le même titre une autre ommission de τῶν après καὶ et de τε après περὶ;

l. 11 de la même page: le ms. ne dit pas ἄρχομαι mais il dit ἄρξομαι;

l. 13 devant τῶν ommission de τὴν;

l. 14 après ὀφείλει ommission de ἕκαστον τῶν ταῦτα ἀναδεχομένων ἐρευνᾶν καὶ;

l. 15 le ms. ne dit pas αὐτοῖς ἀναδεχομένων mais il dit αὐτοὺς ἀναδ.;

l. 20 le ms. ne dit pas πραγμάτων mais il dit πνευμάτων.

P. 13, l. 4 le ms. n'a pas le mot ἑτέρα;

l. 22 après Θεοτόκου ommission de τῶν ἁγίων καὶ ἐνδόξων ἀποστόλων;

l. 22 Almazov dit dans une note que l'Εὐχὴ Γρηγορίου Μοναχοῦ est suivie dans le ms. φ. 25v. par un passage sans importance consistant en 6 règles sous le titre d'Ἀπὸ τῆς πρώτης συνόδου τῶν ἁγίων πατέρων et qui traite de la réunion de la qualité de moine à celle de prêtre.

Or, quant au folio, ce passage commence déjà φ. 25r. et φ. 25v. il ne fait que se terminer. Mais tout d'abord, il y a encore une note intéressant l'esprit dans lequel les épitimies doivent être imposées et qu'Almazov écarte sans le dire: Ὅτι οὐ πρὸς τὴν ἀναλογίαν τῶν ἁμαρτημάτων κρίνονται τὰ τούτων ἐπιτίμια, ἀλλὰ πρὸς τοὺς οἰκτιρμοὺς τοῦ φιλανθρώπου Θεοῦ. Quant au passage lui-même, il contient également d'autres extraits (:τῆς δύ (= δ′ = 4^{e}) συνόδου et τῆς ἐν Ἀγκύρᾳ συνόδου) et traite aussi d'autres questions que celle mentionnée par Almazov.

Dans Ἐπιτίμια τῶν ἁγίων Ἀποστόλων:

la règle 4: le manuscrit n'impose pas au meurtrier par imprudence la pénitence de 6 ans (ς′), comme le dit Almazov, mais celle de 7 *ans (ζ′);*

la règle 5: de même pour la luxure ce n'est pas 6 ans (ς′) que notre ms. impose, mais 7 *ans (ζ′);*

la règle 9: pour le sodomisme le ms. n'impose pas 12 ans (ιβ′), mais 8 *ans (η′);*

la règle 12: avant ἔτη γ′ ommission de ἔστω ἀκοινώνητος.

P. 14, la règle 14: à la place de [εἰς] οἰκίαν le ms. dit οἴκοι;

entre la règle 14 et 15 ommission de la règle suivante: Ὁ ἀναβαπτίζων τὸν ὄντως βεβαπτισμένον καὶ μὴ ἀναβαπτίζων τὸν μεμολυσμένον ἀσεβῶθεν(!) ἀνίερος;

la règle 16: le ms. ne dit pas κυριακὴν

καὶ σάββατον mais il dit: κυριακὴν ἢ σάββατον;

la règle 20: le ms. ne dit pas οὐ κληροῦται mais il dit: ἀκλήρωτος;

Κανόνες τῶν ἁγίων Πατέρων sont précédés de la phrase suivante, dont Almazov ne mentionne pas l'existence: Σεβάσμιος ἑξηντάβιβλος (pour ἑξηκοντάβιβλος: ἑξήντα en grec mod.) μόνη;

la règle 3 impose l'épitimie non pas de 3 ans (γ′) comme le dit Almazov, mais de *8 ans* (η′);

la règle 16 impose l'épitimie non pas de 6 ans (ς′), mais de *7 ans* (ζ′);

la règle 23 impose comme épitimie, chez Almazov, ποιείτω μετανοίας μ′. Mais le ms. ne dit rien de pareil. Nous y lisons clairement: ἔχει ἡμέρας μ′.

la règle 44 ne parle pas, dans le ms., de 3 années de pénitence (γ′) comme le dit Almazov, mais de *6 ans* (ς′).

*

Les mêmes défauts apparaissent dans les autres extraits de manuscrits de la Bibliothèque Nationale de Paris qu'il publie dans le même volume. A titre d'exemples seulement quelques cas pris au hasard.

II, p. 5 (Coislin 213, φ. 123r.—φ. 136v.)

Dans Μεθοδίου τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου διάταξις ἐπὶ τῶν διαφόρῳ τρόπῳ καὶ ἡλικίᾳ ἐπιστρεφόντων

l. 1 le ms. ne dit pas παῖς ὢν mais il dit παιδίον;

l. 2 le ms. ne dit pas βαπτιζόμενοι mais il dit φωτιζόμενοι;

l. 6 dans la phrase ποιοῦντες γονυκλισίας, εἰ μὲν νέοι εἰσὶ καὶ ἰσχυροί, καθ' ἑκάστην ἡμέραν καὶ τὸ κύριε ἐλέησον(?), εἰ δὲ ἀδύνατοι etc. ommission de ρ′ après ἡμέραν et de σ′ après καὶ, ce qui rend à la phrase son véritable sens et supprime le point d'interrogation d'Almazov.

P. 50 (324 du f., φφ. 194v. à 195v.) dans εὐχὴ ἐπὶ συγχωρήσεως ἁμαρτιῶν·

l. 4 le ms. ne dit pas: καὶ λησταῖς καὶ τελώναις αὐτὸς ὁ ὑπεράγαθος, mais il dit: καὶ τελώναις καὶ λῃσταῖς ὁ αὐτὸς ὑπεράγαθος;

l. 6—7 après les mots τῆς παναχράντου ommission de καὶ ἐνδόξου (Δεσποίνης);

l. 7 après καὶ πάντων ommission de σου.

Etc., etc.

On voit donc qu'à côté de défauts relativement légers—ponctuation et disposition douteuses ou inexactes, fautes évidentes de leçon ou d'impression—nous trouvons chez ALMAZOV de véritables erreurs et de graves et étonnantes inexactitudes dans la reproduction du texte édité: ommission d'un ou de plusieurs mots ou même de tout un passage, ou bien, par contre, affirmation de choses qui n'existent pas dans le manuscrit, enfin altération complète de certaines expressions (comme, p. ex., quand p. 7 l. 31 à la place de τὴν ἔχει il met ὁποῦ ἔχει, ou p. 7, l. 38 à la place de φύσις le mot ἄδεια) ou de certains chiffres de pénitence. Tout ceci est loin des exigences de la critique philologique si indispensable cependant là où il s'agit de l'histoire des textes; mais ces défaillances rendent incompréhensibles des passages entiers, mutilent et faussent le sens de tout un texte. De plus, chez Almazov pas de notes marquant ses conjectures, aucune indication qu'il ne donne qu'un choix de ce que dit le texte.

On ne saurait utiliser pareille édition qu'avec une extrême prudence. Le large usage que V. VONDRÁK a fait, dans ses *Studie z oboru církevněslovanského písemnictví*, de *Тайная исповѣдь* d'A. ALMAZOV montre l'utilité que cet ouvrage pourrait avoir pour l'étude de la confession vieux-slave de l'Euchologe du Sinaï, confession si importante pour l'histoire de l'ancienne littérature et de l'ancienne liturgie slaves et, par conséquent, pour l'histoire tout court. Le petit coup de sonde dont le résultat vient d'être rapporté nous impose malheureusement une grande réserve autant à l'égard de ce travail d'Almazov qu'à l'égard des conclusions qui ne seraient basées que sur lui.

Jan Frček.

НИКОЛЬСКИЙ Н., ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИИ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ. К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШЕМ РУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ. *Вып. первый. I—IX Ленинград 1930 (Сборник по русс. языку и словесности, т. II, вып. 1), 1—106 стр.*

В обширной литературе о русской Первоначальной Летописи не много можно указать работ, которые блистали бы таким обилием новых и свежих мыслей, как труд, заглавие которого переписано выше. Я скажу даже больше: в проблеме о начале русского летописания исследование акад. НИКОЛЬСКОГО производит настоящую революцию. В самом деле: до последнего времени все исследователи были убеждены, что древнейшая русская летопись, как, впрочем, и вся древне-русская письменность, представляет всецело продукт византийской культуры, первые семена которой были перенесены на русскую почву из Болгарии после крещения Владимира Святославича (988 г.). Такого взгляда держался даже ШАХМАТОВ, потративший столько необ'ятной эрудиции, труда и таланта как на реконструкцию Первоначальной летописи, так и на исследование ее дальнейших судеб. Только в одном пункте ШАХМАТОВ допускал непосредственное западнославянское влияние, а именно в случайной вставке «Сказания о преложении книг» (под 6406 = 898 г), будто бы включенного в летопись только в начале XII в. и будто бы составлявшего первоначально одно целое со вступительным рассказом «Повести временных лет» о расселении славян.

И акад. НИКОЛЬСКИИ не сомневается в том, что указанные партии «Повести» суть membra disjecta одного какого-то обширного недошедшего до нас произведения, но, в отличие от ШАХМАТОВА, он полагает, что это произведение представляло нечто гораздо большее и обширное, чем простой рассказ о начале славянской письменности на Руси. А именно он видит в «Сказании о преложении книг» и в вводных статьях Летописи лишь составные, хотя и главные элементы утраченного первоисточника ее легендарной части, повествовавшего 1. о начале русской земли, 2. о первых русских князьях и 3. об устроении русской земли. Все три задачи ясно формулированы в уцелевшем заглавии первоисточника: «Повесть временных лет, откуда есть пошла русская земля, и кто в ней начал первое княжити и откуда русская земля стала есть». Что касается содержания «Повести», то оно почти до неузнаваемости изменено позднейшим редактором Летописного свода, который, как горячий норманист и грекофил, не мог помириться со славянофильским или даже с панславистическим направлением «Повести». Последняя, точнее ее основная часть — «Сказание о преложении книг» — имела в виду судьбы не всего восточного славянства, а только полян, с которыми прежде всего и соединялось название Руси; главной задачей неизвестного автора было доказать, что прошлое полян связано с судьбою западных славян не только единством происхождения, но и общностью грамоты и веры. О кровном родстве полян с западными славянами летописец категорически свидетельствует на первых строках рассказа о преложении книг: «Словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, ихже прияша Угри, и Морава, и Чеси, и Ляхове, и Поляне, яже ныне зовомая Русь»; о других восточнославянских племенах он не говорит здесь ни слова. Культурное единство всех перечисленных племен было будто бы обусловлено единством письменности, «так как грамота, существовавшая на Руси и в «Болгарѣх Дунайских» и прозванная грамотою словенскою, появилась в Мораве, где «первое» были преложены книги» (стр. 37). Наконец, полян об'единяла с западными славянами и религия. Ведь, по словам «Сказания», славян учил апостол Павел еще в то время, когда они жили на своей иллирийской прародине; преемником и наместником Павла был апостол Андроник, посетивший Моравию, почему и

Мефодий является прямым настольником Андрониковым. А так как «словѣньскый языкъ и Рускый одно есть», то и поляне являются учениками апостола Павла. Все эти идеи не были самостоятельным домыслом редактора «Повести временных лет», но были им заимствованы из какого-то западнославянского, точнее моравско-паннонского историографического произведения. На это указывает уже то особенное внимание, которое уделяет летописец мораво-паннонцам. Конечно, не случайно с Моравы начинает он свой рассказ о расселений славянских племен с Дуная; еще менее напрасно он распространяет поле деятельности апостола Павла на Моравию, хотя он доходил только до Иллирика; не пустою обмолвкою является и то, что славянская грамота появилась прежде всего в Моравии. Окруженная ореолом политической об'единительницы значительной части славян и просветительницы чуть не всего славянского мира, Великая Моравия представляла почву, на которой идея племенного единства могла пустить особенно буйные ростки. Здесь же, а также на территории паннонского княжества Коцела скорее всего могло возникнуть убеждение, что «Норици... суть словѣне». Этот тезис был выставлен в жару спора между Мефодием и немецким духовенством по вопросу о границах Зальцбургской церковной провинции и только что учрежденной мораво-паннонской архиепископии. Оспаривая притязания баварских епископов, которые и после смерти Мефодия (напр., в письме к папе Иоанну IX 900 г.) не переставали утверждать, что Норик называется Баварией, приверженцы славянской церкви Мефодия ссылались на то, что последний занял престол одного из 70 апостолов Андроника, епископа г. Срема, находившегося в пределах подвластного папам Иллирика. Как часть Иллирика, и Норик был об'явлен тогда же наследием Андроника. Для вящшей убедительности этой исторической спекуляции была придумана фикция, что славяне являются аборигенами спорной области. Но мало того, по тем же самым мотивам, это положение было скоро распространено и на Иллирик в широком смысле слова, где «бѣша словѣне первое», а также и на всю среднедунайскую низменность, т. е. приблизительно на пределы древней Паннонии. Так и возникла летописная теория о древнейшем поселении славян в Европе, выраженная знаменитой формулой «По мнозѣх же времянѣх сѣли суть словѣне по Дунаеви», дополненной впоследствии пояснительной глоссой «где есть ныне Угорьска земля и болгарьска». Наконец, к числу моравско-паннонских реминисценций искомого источника о Полянской Руси относится вышеприведенное свидетельство летописца об ее особенно близком родстве с моравами, чехами и ляхами. Акад. Никольский слышит в этом свидетельстве отголосок какого-то утраченного западнославянского сказания, в котором «находила себе историческое об'яснение группировка этих племен в одну семью или союз, к которому не принадлежали остальные ветви славянства» (стр. 70). Некоторое подтверждение такого сказания автор видит в статейке, приписанной как дополнение к некоторым спискам пространного Жития Кирилла: в ней рассказывается, как бог открыл грамоту одному русину, у которого усвоил ее Константин Философ в Корсуни, и затем распространил среди мораван, чехов, ляхов и других славянских народов: и здесь, следовательно, Русь мыслится как нечто нераздельное с чехо-моравами и ляхами. Аналогичная племенная триада —, напоминает НИКОЛЬСКИЙ —, обнаруживается в записанной у Богухвала легенде о Пане и трех его сыновьях, извлеченной им из vetustissimis codicibus, без сомнения, моравских или чешских.

Открытый акад. НИКОЛЬСКИМ слой моравско-паннонских преданий в утраченном первоисточнике «Повести» резко расходился с варяжской легендой о начале русской государственности, а также с корсунской легендой о происхождении русской веры. Поэтому последний редактор «По-

вести», как сторонник греко-норманской теории, многое, что не подходило под аршин его предвзятых взглядов, вовсе исключил из летописи; по отношению к другому (напр., о начале письменности на Руси) применял фигуру умолчания, а остальное перекроил в духе византийского религиозного ригоризма и исключительности и варяжского централизма. В результате, первоначальная версия, по которой поляне, как и прочие славяне приняли христианство непосредственно от апостола Павла, когда их предки жили еще вместе в Иллирике, была заменена новой, по которой крещение полян было всецело делом Владимира и его греко-норманской среды. Но что истина лежала скорее на стороне первоначальной (утраченной) редакции Повести, это, по мнению акад. НИКОЛЬСКОГО, доказывают те недомолвки, передержки и противоречия, которые в таком изобилии встречаются в летописных рассказах о нравах и обычаях полян и об их крещении. Если же исключить из них позднейшие добавки и тенденциозные амплификации, то окажется, что в 988 г. киевляне уже давно были христианами: «при Владимире над ними был совершен только обряд крещения по греческому ритуалу (или же обряд перекрещивания)» (стр. 93).

Нельзя не признать изложенные тезисы новой книги акад. НИКОЛЬСКОГО в высшей степени интересными и оригинальными: они переворачивают, так сказать, вверх дном не только наши обычные представления о начале русского летописания, но и такую общепризнанную историческую аксиому, что русский народ обязан своей христианизацией Византии. То обстоятельство, что автор так смело порвал с традиционным взглядом на истоки русской культуры, могло бы внушить читателю мысль, что почтенному академику посчастливилось открыть какие-нибудь неизвестные до сих пор документы, содержащие в себе новые, но вполне достоверные *факты*. К сожалению (как видно даже из предшествующего изложения), мы не находим в труде ак. НИКОЛЬСКОГО ничего подобного: его красивая теория носит чисто-конструктивный характер, основываясь, главным образом, на указанной выше предпосылке, что «Сказание о преложении книг» и рассказ Летописи о расселении славян составляют две части недошедшего до нас произведения какого-то западнославянского клирика.

Что такое произведение действительно некогда существовало, в этом нет ничего невероятного. Я скажу даже более: после высокоталантливых исследований проф. РЕКАЙ'я о Христиановой легенде (которые, кстати сказать, акад. НИКОЛЬСКИЙ почему-то игнорирует), нельзя сомневаться, что среди мораван, а, может быть, и словенцев циркулировала какая-то повесть о деятельности Кирилла и Мефодия и притом нелишенная достоверных фактов. Другой вопрос, в какой степени этот источник Христиана (»Epilogus Moraviae et Bohemiae«?) можно признать идентичным с тем «Хиландарским сказанием», из которого, по наблюдениям ТУНИЦКОГО, почерпнули столько важных данных мораво-паннонские жития солунских братьев, а также с тем «Сказанием о письменах черноризца Грозняты-Храбра», извлечение из которого представляет известный южнославянский грамматический трактат. Хотя о взаимоотношении перечисленных x, y и z древнейшей славянской письменности возможны только гадания, факт остается фактом: еще во второй половине IX в. на западнославянской почве возникло какое-то повествование о жизни и трудах Кирилла и Мефодия. Нет ничего невероятного в предположении, что оно очень рано стало известно и на Руси, куда оно могло проникнуть обычным путем — через Болгарию. Из этого утраченного источника составитель мог извлечь данные, которые он не нашел в других своих источниках — пространном житии Мефодия и проложных житиях обоих солунских братьев. Таковы были сведения о деятельности апостола Павла в Иллирике, о дунайской прародине славян, о том, что «норици суть

словѣне», о первенствующей роли мораван, т. е. как раз те сообщения, анализу которых посвящены наиболее блестящие страницы трактата акад. НИКОЛЬСКОГО. После его исследования должны исчезнуть всякие сомнения, что перечисленные данные перешли на Русь со славянского Запада.

К сожалению, ак. НИКОЛЬСКИЙ не ограничился этими замечательно меткими и остроумными наблюдениями, но, увлекшись своей предвзятой идеей о западнославянских истоках древнейшей русской культуры, построил здание гораздо более оригинальное, чем прочное. А именно он утверждает, что не только перечисленные подробности о нориках, дунайской прародине и пр., но и почти все Сказание о преложении книг вместе с вводными и некоторыми другими статьями Летописи представляют *остатки не Жития Кирилла и Мефодия, а какого-то утраченного западнославянского историографического произведения, повествовавшего о древнейших судьбах славян.* Но при этом НИКОЛЬСКИЙ не сделал самого главного, — не указал среди дошедших до нас славянских хроник ни одной, содержание которой хотя бы в слабой степени напоминало то, что мы читаем в начальной части русской летописи. А между тем, если бы такая Хроника существовала, то ее данными, без сомнения, не преминул бы воспользоваться если не Козьма Пражский, то, во всяком случае, современник составителя древнейшей части Киевского начального свода — Христиан.[1] Однако ак. НИКОЛЬСКИЙ ничего не хочет знать об этом весьма солидном писателе, но зато не брезгает таким мутным источником, как Богухвал с его фантастической легендой о Пане и его трех сыновьях: Чехе, Лехе и Русе и почти насильственно привлекает к славянскому Западу «благочестивого русина» и его «богооткровенную грамоту», хотя Сказание о нем представляет нечто иное, как простую амплификацию и подробный комментарий к известию пространного жития Кирилла об открытии ее героем в Корсуни «русских письмен».

Таким образом, «западнославянская хроника», под сильнейшим влиянием которой находился будто бы утраченный первоисточник «Повести», остается пока миражем. Но ак. НИКОЛЬСКИЙ не только принимает этот мираж за действительность, но и различает в нем такие предметы, которые делали бы большую честь его проницательности, если не были основаны... на недоразумении. Так, НИКОЛЬСКИЙ утверждает, что в протографе «Сказания о преложении книг» поляне объединялись кровным родством с мораванами, чехами и поляками; в доказательство он ссылается на уже приведенную выше фразу: «Словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, ихже прияша угри, и *Поляне, яже ныне зовомая Русь.*[2] Но так как и в другом месте Летописи ляхи вообще отличаются от полян, т. е. поляков, в собственном смысле слова, то вероятнее думать, что Поляне здесь означают не киевских полян, а их привислинских собратий, т. е. поляков; слова же *яже ныне зовомая Русь* представляют вставку позднейшего редактора, смешавшего bona fide одних полян с другими.[3] Еще более произвольно из простого сообщения Летописи, что на Руси употребляется та же грамота, что̀ у болгар

[1] Впрочем, в легенде Христиана, действительно, есть несколько известий, напоминающих некоторые сообщения русской летописи. Так, в обоих памятниках имя Кирилла связывается с крещением болгар; в обоих произведениях славянская грамота изобретается в Моравии; характеристика Христиана быта древних чехов (они жили sine ullo principe vel rectore vel urbe: uti bruti animalia sparsim vagantes, terram solam incolebant) очень напоминает «эринский образ жизни» древлян (Pekař, Die Wenzels- und Ludmila-Legenden Prag. 1906 I 177 ff.). Но эти точки соприкосновения очень немногочисленны, и в лучшем случае доказывают только то, что оба писателя пользовались общим источником, вышедшим из школы Мефодия.

[2] Курсив наш.

[3] Другой пример подобной глоссы указывает сам НИКОЛЬСКИЙ во фразе: «По мнозѣх же времянѣх сѣли суть Словѣни на Дунаеви, *где есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска*». С полным основанием он видит в подчеркнутых словах позднейшую вставку (стр. 71).

дунайских, и что эта грамота появилась в Моравии, автор заключает об *особенно* тесных культурных связях полянской Руси с Моравией. Конечно, грамота служила связующей нитью между обеими странами, но нисколько не в большей степени, чем, напр., с Болгарией! Но самое смелое утверждение ак. НИКОЛЬСКОГО это, конечно, то, что русских полян задолго до 988 г. объединяла с западными славянами религия, которую они будто бы получили не от кого другого, как самого апостола Павла!!! Но не говоря уже о том, что в I в. по Р. Х. в Иллирике, куда ходил по преданию ап. Павел, наверное не было ни одного славянина, самая легенда о Павле как о западнославянском (а, по мнению ак. НИКОЛЬСКОГО, даже всеславянском) учителе есть не более как pia fraus, вызванная суровыми велениями политического момента. Это видно из фактов, собранных самим же НИКОЛЬСКИМ на стр. 61 и слл. его книги.

Итак, ни один из аргументов, которыми акад. НИКОЛЬСКИЙ пытается доказать, что поляне вместе с моравanами, чехами и ляхами составляли некогда «одну семью или союз», не выдерживает критики. Можно с уверенностью утверждать, что в протографе «Повести» об этом союзе не было ни звука. Но и сам «утраченный первоисточник», — *по крайней мере, в том виде, какой дает ему НИКОЛЬСКИЙ*, — едва-ли когда существовал. Вслед за ШАХМАТОВЫМ, акад. НИКОЛЬСКИЙ видит в «Сказании о преложении книг» и во вступительных страницах Летописи две части одного произведения, главным доказательством чего у обоих ученых служат некоторые совпадения во фразеологии той и другой части, но эти сходные черты очень малочисленны и могут быть гораздо проще объяснены влиянием одной части Летописи на другую.

Таким образом, и композиция прототипа «Сказания о преложении книг» и его содержание остаются иксами и после талантливого исследования ак. НИКОЛЬСКОГО. Но если так, то теряет под собою почву и учение его о борьбе в киевских литературных кругах XI в. двух историографических направлений: славянофильского и греконорманского и о вызванной этой борьбой фальсификации приверженцами второй партии всего древнейшего периода русской истории. Как ни заманчива эта гипотеза, мы должны признать, что нет *ни одного* факта, который говорил бы в ее пользу. А если так, то и о рассуждениях акад. НИКОЛЬСКОГО о событии 988 г. ничего нельзя сказать, кроме самого решительного «non liquet»! *Г. Ильинский.*

Е. Ф. КАРСКИЙ, РУССКАЯ ПРАВДА ПО ДРЕВНЕЙШЕМУ СПИСКУ. *Введение, текст, снимки, указатели авторов и словарного состава. Ленинград 1930, IV+114 ст.*

Появление этой книги нельзя не признать в высшей степени своевременным. Прежние издания древнейшего памятника русского законодательства: БОЛТИНА (1799 г.), КАЛАЙДОВИЧА (1815), EWERS'a (1826), КУХАРСКОГО (1838), ДУБЕНСКОГО (1843), TOBIEN'a (1844), КАЛАЧОВА (1846), МРОЧКО-ДРОЗДОВСКОГО (1885), СРЕЗНЕВСКОГО (1888) и МАРКСА (1910) уже давно вышли из продажи и могут быть приобретены лишь антикварным путем. Но если бы даже они были более доступны, и в таком случае они едва-ли могли бы принести существенную пользу науке, так как не только их техническая сторона, но и степень их акрибии и в особенности их приемы текстуальной критики уже давно отстали от повышенных требований нашего времени. Кроме того, почти все перечисленные издания «Русской Правды» вышли испод пера историков или юристов, не прошедших строгой филологической школы. Поэтому в отношении палеографическом и лингвистическом они мало удовлетворяли уже в момент своего появления в свет. Даже СРЕЗНЕВСКИЙ, который так много сделал для изучения и опубликования древнерусских памятников, не удосужился издать «Русскую Правду», хотя вышедший после

его смерти «Палеографический список текста Русской Правды и Новгородской Кормчей книги XII в.», скопированный его университетскими слушателями и изданный литографским способом, показывает, что первый шаг для этого он сделал.

Таким образом, труд акад. КАРСКОГО является первым изданием «Русской Правды», вышедшим из лаборатории *специалиста-филолога* и *лингвиста* и притом с очень звучным именем. Уже одно это обстоятельство является гарантией его высокого научного значения. И действительно даже при первом, самом поверхностном просмотре труда КАРСКОГО мы убеждаемся, что он далеко оставляет за собой все предшествующие опыты публикаций знаменитого памятника.

Прежде всего в работе акад. КАРСКОГО мы впервые находим самое точное фотомеханическое воспроизведение древнѣйшего списка «Русской Правды» (1282 г). Хотя снимки письма несколько уменьшены, все же они вышли настолько удачно, что могут почти во всех случаях заменять оригинал: отныне исследователи «Русской Правды» будут иметь прочную базу для дальнейших изысканий.

Во-вторых, снимкам предпослана совершенно точная транскрипция текста, сделанная почти по всем правилам русской палеографической школы: оригинал воспроизводится «строка в строку, знак в знак». Жаль только, что автор не счел нужным передать и надстрочные знаки: они не лишены значения при изучении scriptura continua и, кроме того, сообщают тексту колорит эпохи. Впрочем, в виду того, что рядом с текстом находятся упомянутые фотографические снимки, указанный недостаток не существен.

В третьих, текст древнейшего списка иллюстрирован богатой коллекцией вариантов. Хотя об абсолютной полноте последних не может быть и речи, все же, взятые в совокупности, они дают наглядное представление о месте списка 1282 года в ряду других копий памятника.

В четвертых, кроме разночтений, издатель приводит под строкой основного текста многочисленные примечания, более подробно отмечающие внешние особенности текста: описки, надписки, перестановки, ошибки в заглавиях, пропуски отдельных слов, а иногда даже целых статей, и отдельные грамматические аномалии.

В пятых, к двуликому изданию текста присоединен ряд исторических и историко-юридических комментариев. Этот отдел книги ак. КАРСКОГО следует признать наименее удачным: можно было бы ожидать здесь более обильные и свежие объяснения многочисленных realia, встречающихся в памятнике, чем те, которые мы находим в его книге. Но, в оправдание автора, следует сказать, что центр тяжести его работы, как и указано в предисловии к его книге, находится в изучении палеографической, лингвистической и отчасти литературной стороны памятника.

В шестых, к изданному тексту присоединен в конце книги и словарик. В виду особой важности памятника, по нашему мнению, следовало бы дать не перечень важнейших слов, а *полный список всех встречающихся в памятнике слов и форм.* Но мир человеческих желаний безграничен! Будем же благодарны автору и за то, что он не мало облегчил понимание текста памятника объяснением значения хотя бы его важнейших лексикальных особенностей.

Наконец, в седьмых, глубокоуважаемый автор предпослал своему изданию довольно обширное введение, в котором сжато, но точно отметил главные моменты изучения «Русской Правды», выяснил ее происхождение, определил взаимоотношение обеих ее редакций, краткой и полной, а также древнейшего списка к позднейшим, охарактеризовал письмо и язык старейшего списка и, в заключение, представил обзор важнейших списков. Хотя все это сделано очень кратко, особенно на тех

страницах, которые посвящены вопросу о происхождении памятника, а также проблеме скандинавских и столь интересных для читателей настоящего журнала *византийских элементов* в его законоположениях[1], все-таки, вводная часть работы акад. КАРСКОГО удовлетворительно ориентирует читателя в главных проблемах «Русской Правды».

Так как труд ак. КАРСКОГО, по всей вероятности, быстро разойдется и потребует своего повторения, то, может быть, будут не излишни следующие замечания на отдельные части и пункты его изложения.

В краткой, но в общем очень точной характеристике языка Р. П. автор, между прочим, утверждает, что форма ѥмати фонетически возникла из *jьmati* (стр. 14). Но так как последняя на р. почве дала бы, в зависимости от места ударения, *imati* или *mati*, то вернее было бы видеть в ѥмати образование от высшей ступени корня *em-*, ср. цсл. ѥмлѭ, лат. *emere*.

В числе примеров цоканья ак. КАРСКИЙ приводит наречие двонци (стр. 15), но эта форма может представлять собой окаменелую форму (м. ед. или вин. дв.) от сущ. двонца, а двончи является такой же формой (вин. дв.?) от прилаг. двончь (ср. *двоичь* в жит. Бор. и Глеба).

Во фразе аче боудеть княжь моужь или тивоуна княжа (строки 15—17 текста) ак. КАРСКИЙ предполагает пропуск имени голова перед словом тивоуна; но надо думать скорее, что составитель «Правды» подразумевал перед указанным словом моужь: «если будет княжеский мужь или мужь (т. е. советник или помощник) княжеского тиуна». Следовательно мы наблюдаем здесь синтаксический оборот, подобный которому сам КАРСКИЙ отметил на первых строках памятника: соуд ярославль володимирица.

Имя вьрвь «община» (строка 24 и др., а также стр. 23) ак. КАРСКИЙ отожествляет с именем вьрвь «веревка»: «как бы отмеренный веревкой округ». Он ссылается при этом на лат. *urvum* «quod bubulcus tenet in aratro»; но вернее было бы сопоставить вьрвь с лат. *urvus* »circuitus civitatis», *(amb)urvare* «проводить пограничную борозду», которые происходят от иде. корня **u̯ru̯o-* «борозда» (при **u̯ oros* > гр. ὄρος «граница, пограничная борозда»); первоначальное значение р. вьрвь было бы в таком случае «селение, окруженное пограничной бороздой», отсюда потом легко могло развиться знач. «сельской общины».

Союз тъ (строка 77) Карский объясняет из тѣ, изменившего ѣ в ъ по аналогии нъ, но вернее думать, что тъ отражает праслав. нар. *tъ* «тогда» и лат. *tum* (иначе ЛЯПУНОВ, Изв. III, 4, 1178).

Следующие за этим союзом слова тако ему платіти по вьрвинынѣ · иже сѧ прикладываетъ вирою автор оставляет без исправления, хотя они явно испорчены. Я полагаю, что смысл фразы получится удовлетворительный, если ее прочитать таким образом: тако ему платіти по вьрвинѣ (дат. п. от вьрвина), нѣйже (ней же, дат. п. ед. ч. ж. р. от мест. иже) прикладываетъ сѧ вирою, т. е. «таким образом ему следует платить согласно тому общинному капиталу, в который он делает вклад (своею) вирою».

Говоря о ногатѣ (строка 102—103, стр. 95), не мешало бы сослаться на подробное исследование этого слова МЕЛИОРАНСКОГО (Изв. VII, 2, 293), также как по поводу оукорокъ были бы не лишни ссылки на этимологию этого слова МЛАДЕНОВА (РФВ LXIII 318, Студии 164).

Относительно загадочного мательникъ или метельникъ (строки 117 и 728) акад. КАРСКИЙ замечает: «трудно сказать, какие функции были приурочены этой древнерусской должности» (стр. 95). Но мне кажется, на этот вопрос можно будет дать удовлетворительный ответ, если сопоставить корень мат- загадочного слова с др.-исл. *mund*

[1] Здесь следовало бы сослаться, кроме упомянутой автором работы ЧЕРНОУСОВА, на исследование ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА «Русская Правда и Византия» Ирк. 1913.

«рука», двн. *munt* «рука, охрана», нвн. *Vormund;* в основе этих слов лежит иде. **mṇtós* (Johansson Beitr. 118), откуда правильно возникло праслав. *męt-* > р. мят(ельникъ). А если так, то основное значение р. имени было или «телохранитель князя» или, — что еще вероятнее, — «чиновник, охраняющий внешний порядок во время судебного разбирательства».

Имени вѣкъша «белка» (строка 117, стр. 95) КАРСКИЙ приписывает восточное происхождение (перс. *vešek* «род лисицы»), но, как указал в свое время СОБОЛЕВСКИЙ (РФВ LXVI 343), это слово представляет т. н. свободное ум. образование от вѣверица.

В строках, посвященных кощиноу (стр. 96), желательны были бы ссылки на новейшие исследования об этом слове МЛАДЕНОВА (Сб. Бобчева 115) и в особенности ТРИФОНОВА (САН XXVI 2), который особенно точно проследил генезис этого несомненно тюркского слова; точно также следовало бы освежить литературу о холопѣ (стр. 97), о котором ср. наш. «Звук ch» § 156.

К данным о смердѣхъ (строка 142, стр. 97) следовало бы прибавить, что они были известны у полабских славян и лужицких сербов; именно их имеют в виду ср.-лат. *smirdones, smerdones;* ср. об этом новейшие замечания SCHWARZ'a VZ II 116.

Имя тылѣснию (строка 184, стр. 98) акад. КАРСКИЙ, вслед за СОБОЛЕВСКИМ, связывает с тылъ, толкуя его основное значение как «тупая сторона оружия, точнее меча». Но если бы это было так, то составитель устава упомянул бы об этом орудии 10 строками выше, где речь идет об ударах мечом или его рукояткой. В виду этого, я бы скорее сблизил тылѣснь с др.-исл. *þollr* «дерево, деревянный гвоздь, клин» и др.-инд. *tūlam* «пучок»; первоначальное значение имени в таком случае было бы «дубинка», «метла» и т. п.

Имя вѣкъ (строка 196) КАРСКИЙ объясняет как «увечье» (стр. 98), но, согласно с общеизвестной этимологией этого слова, лучше было бы перевести это слово как «здоровье»: «за здоровье (точнее за нанесение ущерба здоровью) 10 гривен».

Одно из самых трудных мест Русской Правды представляет след. статья о закупе: «Оже роль҃ный закоупъ оу гн҃а коудеть. а погоубить вонскыи конь. то не платїти имоу. но иже далъ имоу гр҃ъ плоугъ и корону. ѡ него же ковоу имлетъ. тъ то погоубивъши имоу платити». Что означает здесь ковоу? Принимая во внимание, что другие списки на месте этого слова пишут копу, куп҃у, КАРСКИЙ и в основном тексте готов предположить одно из этих слов; он напоминает, что и в Западной Руси деньги считались копами (стр. 103). Но мне кажется, что смысл данного места раскроется еще лучше, если мы допустим, что кова обозначало «выкованные», т. е. металлические части плуга и бороны; при тогдашней дороговизне металла утрата или порча обоих земледельческих орудий с такими частями для хозяина была чувствительнее, чем даже потеря боевого коня, которая сходила виновнику безнаказанно. Так как имя кова очень рано вышло в русс. языке из употребления, то позднейшие писцы и осмысливали его то как копа, то как куп҃а, то как копна.

Слова не джи (строка 1070) ак. КАРСКИЙ объясняет чисто графически из недѕжи, точнее из недѕжи, но уже ШАХМАТОВ (Очерк § 356) с полным правом видел в джи форму им. п. мн. ч. от прилаг. дъжь (с этимологическим ъ), от которого он не отделяет и и совр. влр. *уджать* «быть в состоянии что-либо сделать». Корень этих слов *dъg-* относится к *dug-* в п. *duży*, лт. *daũg* «много» как низшая ступень к высшей. Подробности см. УЗОВШ, т. II, стр. 8.

Таким образом, в чтениях ак. КАРСКОГО не все одинаково бесспорно, и его об ı ясне-ния не всегда одинаково убедительны. Но это обстоятельство нисколько не уменьшает высокого научного значения его труда. При всех своих недочетах (совершенно неизбежных и извинительных при современном состоянии научной разработки памятника), *книга акад. Карского должна быть при-*

знана самым точным и самым научным из всех существующих изданий отдельных списков «Русской Правды».

Москва. *Г. Ильинский.*

А. М. СЕЛИЩЕВ, ПОЛОГ И ЕГО БОЛГАРСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ. *Исторические, этнографические и диалектологические очерки северозападной Македонии (с этнографической картой Пологa) София. 1929. Стр. VIII + 439.*

Предметом новой монографии проф. А. М. СЕЛИЩЕВА является одна из живописнейших и вместе с тем интереснейших областей Балканского полуострова — *Полог* в обеих своих частях, Верхней и Нижней. Расположенная на самом стыке трех народностей: болгарской, сербской и албанской и находившаяся в течение многих веков под культурным и политическим влиянием греческой и турецкой наций, эта «роща Божия», — так назвал ее еще в XIII в. восхищенный ее красотой византийский писатель ПАХИМЕР —, представляет богатейшее поле не только для наблюдений над языком ее пестрого населения, но и для исследования трагических перипетий ее бурного прошлого и для поисков разнообразных пережитков старины в ее все еще патриархальных нравах и обычаях. В виду этого, нельзя не порадоваться, что проф. СЕЛИЩЕВ, имевший случай еще в 1914 г. лично посетить этот уголок Македонии, не удовлетворился той богатой жатвой, которую он снял с нивы языка ее болгарского населения, и которую он так умело потом использовал в своих превосходных «Очерках по македонской диалектологии» (I, Каз. 1918), но и посвятил целую книгу ее всестороннему описанию. Мы находим здесь и обстоятельный географический очерк страны, украшенный фотографическими снимками ее пейзажей и поселений, и живую картину ее этнических отношений, иллюстрированную прекрасной этнографической картой, и обзор исторических событий, разыгравшихся на ее территории со времени появления болгарских славян в VI—VII в. до момента окончательного присоединения к Сербии, и взгляд на литературно-просветительную деятельность передовой интеллигенции края, особенно же обоих незабвенных будителей болгарского народа, Иоакима Кърчовского и Кирилла Пейчиновича, и рассказ о нравах и об обычаях коренного болгарского населения и, наконец, обширное исследование говоров последнего, являющееся желанным дополнением того, что мы уже знаем о них из упомянутых «Очерков». Все перечисленные отделы книги, не смотря на разнообразие их тем, не механически сцеплены друг с другом, а составляют единое стройное целое, спаянное не только общностью метода, всегда осторожного и всегда строго обоснованного *фактами*, но и чувством горячей симпатии к славянскому населению края, непереставшему сознавать себя болгарским даже в самые мрачные периоды своей истории. А история эта никогда особенно его не баловала. Лучшим доказательством этого может служить тот факт, что болгары, которые еще в середине прошлого столетия составляли преобладающий процент всего населения края, уже в 1912 г. спустились на второе место (почти 33000 душ) после албанцев (43000). В настоящее же время, когда Полог сделался лишь одной из провинций Югославии, их национальные позиции стали еще более безотрадными...

Хотя труд проф. А. СЕЛИЩЕВА имеет задачею дать общую картину жизни Пологa как в далеком прошлом, так и в недавнем (до 1918 г.), однако нельзя сказать, чтобы все части ее вышли одинаково удачными: в географическом очерке, напр., мы могли бы ожидать более детальной характеристики устройства поверхности почвы и, во всяком случае, хотя бы краткого описания растительного и животного мира, а также климата края. Слишком бегло рассмотрен автором также древнейший период истории Пологa: не говоря уже о том, что в книге отсутствуют сведения о судьбах страны в

античную эпоху (для чего, может быть, могли бы послужить данные классической археологии), в книге СЕЛИЩЕВА очень бледно и неполно освещена эпоха *византийского господства*, столь интересная для читателей настоящего журнала. Более обстоятельно исследованы автором позднейшие периоды истории Полога, причем особенно ценные и самостоятельные наблюдения удалось автору сделать на тех страницах своей книги, которые посвящены рассказу о постепенной албанизации края: здесь автору сослужили большую службу не только показания исторических документов, но и данные топонимики, анализируемые им с большим мастерством.[1] То же еще в большей степени следует сказать об очерке литературной деятельности одной из самых светлых личностей болгарского национального возрождения — КИРИЛЛА ПЕЙЧИНОВИЧА. Не довольствуясь печатными сведениями об этом достойном ученике и последователе ПАИСИЯ, автор тщательно изучил как неизданные документы об его жизни, так и собственные его писания «на препростейшем и некнижном языке болгарском Дольней Мизии скопьском и тетовском», не пренебрегая даже случайными пометками на полях рукописей и надгробными надписями. Зато это и дало возможность СЕЛИЩЕВУ ярко охарактеризовать значение трудов о. Кирилла не только в истории болгарской литературной мысли, но для истории и этнографии Полога и даже диалектологии.

С сравнительно узкой почвы болгарской культуры СЕЛИЩЕВ переходит на широкий простор общебалканской этнографии в главе о бытовой жизни Полога. В центре этой главы справедливо поставлен оригинальнейший обычай болгарского населения Полога, как, впрочем, и всей этнографической Болгарии вообще, — *курбан*. Так называется торжественное и справляемое всей общиной кровавое жертвоприношение теленка, барана или быка в честь какого нибудь святого. Оперируя методами сравнительного фольклора, СЕЛИЩЕВ пришел к весьма вероятному выводу, что в основе этого обряда лежит общеславянский культ предков; перейдя на балканскую почву, он впитал в себя не мало элементов из однородных обычаев фракийских, греческих и римских, но в общем подвергся меньшей степени христианизации, чем аналогичный обычай у сербов — «Слава».

Последняя часть книги, как уже указывалось, посвящена описанию говоров Полога. Хотя она не лишена спорных, а иногда, может быть, даже неверных положений,[2] все-таки, нельзя не признать, что по полноте и точности матерьяла (отчасти лично записанного автором), а также стройности и систематичности изложения, очерк СЕЛИЩЕВА далеко оставляет за собой все, что было сделано в этом отношении болгарской диалектологией. Между прочим, в числе многих ценных наблюдений и комбинаций автора, мы находим здесь новую этимологию названия области *Полог*. Он читает ее (стр. 317) как *Po-lǫgъ*, т. е. видит в *о* фонетический рефлекс *ъ* из *ǫ* согласно дебрскому произношению этого слова. Но так как трудно допустить, чтобы область получила свое название через посредство такого

[1] Лишь в сравнительно немногих случаях толкования автора возбуждают сомнения. Так, напр., на стр. 116 он производит название нивы *Лъжовица* от имени лжгъ, но так как основа **lǫgj-* почти никогда не распространяется суфф. *-ов-*, то, по нашему мнению, вернее видеть в нем одно из образований имени *лъжь*; ср. подобное название нивы *Зловадица*.

[2] Напр., на стр. 312 автор об'ясняет форму *лозγе*, как и вост.-макед. *лозѣе*, фонетически из *лозје*, но вероятнее думать, что эти слова образованы от основы **lozd-*, ср. лт. *lazdà* «прут»; следов. *lozγe* представляет явление, параллельное *мег'а* (= межда); прилаг. *малово* (стр. 342) автор расчленяет на *мало* + *во*, хотя р. диал. *малов* «малый» указывает нам, что мы имеем дело с родной сестрой праслав. прилаг. типа *jalovъ*, *golovъ* и пр. (Јф V 62); в мест. формах р. п. *штого* и дат. *штому* автор видит сложения *што* + *го*, *што* + *му* (стр. 348), но, по моему мнению, оне являются прямыми потомками сб. форм чьтого, чьтомоу, известных уже в макед. Добром. Ев. XII в. и являющихся нормальными косв. падежами чьто как *сложного* мест. (ср. Сложные местоим.[2] 56, 153, П Г. 420). И т. д.

глухого и заброшенного края, как Дибра, хотя бы и через албанское посредство,[3] то я бы скорее сравнил имя *Полог* с соврем. болг. *полог* «крутизна, круть» и русс. диал. (пск.) *полог* «пологость, покатость»; вторая часть этого слова несомненно тождественна с тем р. *лог*, которое имеет значение «травянистой низменности, окруженной уступами, почему склон в одну сторону» (Даль). Кто ознакомится хотя бы по книге самого СЕЛИЩЕВА с местоположением Полога, раскинувшегося *уступами* у подножия Шарпланины, тот сразу убедится, что значение русс. слова как нельзя лучше определяет смысл болгарского имени. В виду этого едва-ли есть необходимость вспоминать, — СЕЛИЩЕВ, действительно, далек от этого, — о старом об'яснении слова *Полог* как народно-этимологической переделки классической Pelagonia.

Москва. *Г. Ильинский.*

МАТЕРІЯЛЫ З ІСТОРІЇ ВИЗАНТІЙСЬКО-СЛОВ'ЯНСКОЇ ЛІТЕРАТУРЫ ТА МОВИ. *Підготовив до друку проф.* А. В. РИСТЕНКО. *Передне слово проф. П. О. Потапова. Одесса 1928.* Центральна-наукова бібліотека м. Одеси. Str. 16 a 545 vel. 8°.

Již za války tiskl prof. A. V. RYSTENKO nákladem Novorosijské university v Odesse »Žitie Nifonta« a na důležitost této edice upozornil již tehdy akademik B. M. LJAPUNOV pojednáním »Профессоръ А. В. Рыстенко и напечатанные имъ тексты Житія Нифонта« (v Odesse 1916). Ale k vydání knihy již vytištěné tehdy nedošlo. Přes bouřlivé doby, které Odessa prožila, zůstaly vytištěné archy neporušeny, a zbývalo je pouze zbrožovati a knihu dáti na veřejnost. To vykonala r. 1928 centrální nauková knihovna m. Odessy; ředitel knihovny, prof. S. RUBINŠTEJN, se v předmluvě omlouvá, že sice vydávání takovýchto materiálů nepatří k přímým úkolům jeho knihovny, ale na doporučení odborníků knihovny správa přece se ujala tohoto vydání, pokládajíc to za svou vědeckou povinnost, a předeslala textům úvodní studii prof. P. O. POTAPOVA Де-килька слів про значіння текстів Життя Нифонта (st. 6—16), v níž Potapov podává paleografický a linguistický popis nejstaršího slovanského rukopisu. Kniha vyšla v nákladu pouze 500 ex.

Vydání se rozpadá ve dvě části: texty řecké a církevněslovanské. Řecké texty jsou zachovány ve dvojí redakci; plné a zkrácené. *Plná* řecká redakce má nadpis: Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Νήφοντος ἐν Κωνσταντινουπόλει μὲν ἀσκήσαντος, ἐπισκόπου δὲ γενομένου Κωνσταντιανῆς τῆς κατὰ Ἀλεξάνδρειαν. Za základ textu plné řecké redakce vzal RYSTENKO rukopis athonského kláštera sv. Pantelejmona č. 5585 (79), ze XII. věku, o 161 listech. Jeho vydání je kritické; pod čarou otiskuje varianty z ostatních rukopisů, kteréžto jsou: 1) Moskevský synodální č. 401, z r. 1126 o 178 l. (*M*); 2) Pařížské Národní knihovny č. 1195, ze XIV.—XV. věku, l. 444—545 (P^1); Pařížské Národní knihovny Coisl. č. 301, XIV. v., l. 3—98 (P^2). Text je upraven velmi přehledně, rozdělen ve 159 kapitol, na každé straně jsou číslovány řádky. Plná řecká redakce zaujímá 186 stran.

Krátká řecká redakce je otištěna podle rukopisu téhož athonského kláštera sv. Pantelejmona č. 801 (Lambr. 6308), ze XVII. stol., l. 312—345^b (a^1); pod čarou jsou připojeny varianty z téže rukopisné sbírky č. 631 (Lambr. 6138), ze XVII. v., l. 1—25^b (a^2) a z č. 570 (Lamb. 6077), též ze XVII. v., l. 2—24^b (a^3). Krátká řecká redakce má nadpis skoro stejný jako úplná: Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Νήφοντος ἐν Κωνσταντινουπόλει μὲν ἀσκήσαν-

[3] В доказательство возможности такого влияния Селищев ссылается на назв. села *Глобочица*, но его *о* могло возникнуть не только из ъ < ǫ, но и из этимологического *ъ*, чередовавшегося в праслав. языке не только с ǫ (<-ит-), но и с у, ср. р. диал. *глыбкий, глыбокий*, п. диал. *głyboćki* (ср Berneker I 307). На помощь такой вокализации в группе *lъ-* могла придти нар. этимология, ср. б. *сглобя* «прилаживаю», сх *uglòbiti* «втыхать» и пр.

τος, ἐπισκόπου δὲ γενομένου Κωνσταντιανῆς τῆς κατὰ Ἀλεξάνδρειαν. Εὐλόγησον, πάτηρ. Krátká redakce je rozdělena v LXXV paragrafů; ke každému připojil RYSTENKO odkaz na číslo, stránku a řádky příslušné kapitoly plné redakce. Text krátké redakce zaujal 28 stran (187—215), tedy méně nežli šestinu rozsahu plné redakce. Při textu krátké i plné redakce určil RYSTENKO in margine citáty z biblických knih.

Pro úplnost připojil ještě řecké výňatky z Života Nifontova 1. z rukopisu athonského kláštera sv. Pantelejmona č. 631 (Lambr. 6138), l. 25^b — 48; 2. z rkpu. moskevské Synodální bibliothéky č. 429, ze XVII. st., l. 1—8 (str. 216—238).

Druhá polovina vydání obsahuje texty *církevněslovanské*, a to první úplnou a druhou úplnou redakci prvního církevněslovanského překladu.

První úplná redakce je otištěna podle svého nejstaršího člena, rukopisu Trojicko-Sergievské lavry č. 35, z roku 1219, o 175 listech; pod čarou jsou poznámky paleografické a varianty ze sedmi ostatních rukopisů této redakce. Avšak začátek textu byl v nejstarším rukopise ztracen a teprve později doplněn. Skutečně starobylý text se v Trojicko-Sergievském rukopise začíná 12. listem, těsně na konci 34. kapitoly originálu; tato stará redakce je u RYSTENKA vhodně vyznačena kyrilskými typy, kdežto mladší je tištěna graždankou. Text první církevněslovanské redakce zaujal 131 stranu (252—383).

Druhá úplná redakce je otištěna podle rukopisu Kazaňské Duchovní akademie č. 525 (212), ze XVII.—XVIII. stol., o 320 l.; jsou připojeny varianty z devíti jiných rukopisů (str. 384—544). Také slovanské texty jsou přehledně uspořádány, a opatřeny číslováním kapitol i řádků. Ale při čtení textu Trojicko-Sergievského vadí vyznačování konce řádků svislými čarami. Rukopis je totiž psán ve dvou sloupcích, a to sestavem dosti velkým a řídkým, takže jeho řádky jsou krátké a málo vydatné (sám jsem jej prohlížel r. 1911 při své návštěvě Trojicko-Sergievského kláštera). Proto rozdělující svislé čáry nalézáme v tištěném textu průměrně v každém třetím slově, a to ovšem ruší plynulost četby. Jinak prof. Rystenko zaslouží všecku chválu za svou důkladnost a vytrvalost, s jakou toto objemné kritické vydání uspořádal.

V popředí zájmu stojí ovšem text Trojicko-Sergievský, jehož původ je výslovně zjištěn *subskripcí* na l. 175. Její začátek, v němž se jmenují dva písaři rukopisu, je porušen; dále se praví: **Къ лѣ ≠ ѓфкз кончанъı бъıша книгъı сиа м҃ца маа въ .к҃а. дн҃ь на пм҃ѧ с҃тго м҃ченика иѳремиа въ градѣ ростовѣ при кнѧзи при василцѣ при с҃ноу костѧнтиновѣ а внуцѣ всеѳ҃жи** . . . . . Je to tedy rukopis původu jihoruského, psaný r. 1219 v Rostově na Donu, tedy památka velmi starobylá, rozsáhlá a dobře zachovaná, a při tom v dějinách literatury téměř neznámá, a také pro dějiny jazyka dosud nezužitkovaná. Krátký paleografický popis a jazykovou charakteristiku tohoto vzácného rukopisu podal POTAPOV v cit. úvodní stati. Podle jeho slov rukopis byl psán dosti nepozorně; některé hláskové rysy prý ukazují na to, že Rostovský rukopis je jen opis a že byl přepsán z originálu *srbsko*-církevněslovanského. RYSTENKO zejména upozorňuje na part. praes. act. **бънемлѫ** (místo rus. -ю) a na inf. **wттрьгноути** místo **wттръгноути**, ale sám uznává, že tyto ojedinělé případy mohou býti prostě písařské chyby, protože rukopis vůbec není psán pečlivě; více prý váží důvody lexikální. RYSTENKO uvádí 16 slov, která prý svědčí pro jihoslovanský, a možná přímo srbský původ první církevněslovanské redakce. Mezi těmito slovy čteme také **комъкати, камъıкъ, желѣти, мотъıла** (n. pl., κόπρος), která jistě nemůžeme pokládati za výhradně jihoslovanská či dokonce jen srbská; a také ostatní slova, Potapovem uvedená, jsou pochybná. Není také správné tvrzení Potapovovo, že slovo

pastvina není v žádném současném slovanském jazyce! Vůbec úvodní studie Potapovova není zdařilá a jeho domněnka o srbském či vůbec jihoslovanském původu prvního překladu Nifontova života není dokázána.

Pokládám naopak za pravděpodobné, že překlad vznikl až na půdě ruské, ovšem dříve než roku 1219. Ztracený původní rukopis církevněslovanského Života Nifontova patřil zajisté mezi nejstarobylejší památky církevněslovanského písemnictví. I lexikální složení i četné gramatické rysy připomínají dokonce památky staroslověnské. Z tvaroslovných zvláštností sem patří zejména: důsledné zachování duálu, zachování starobylých nom. sg. любъı, црькъı, плаmъı, дъıшти, zachování lok. sg. konsonantických kmenů дне, тѣлесе; starobylé nom. pl. родителе a j.; starobylé tvary deklinace *i*- kmenové, jako dat. sg. мирови, nom. pl. домове, lok. sg. домъхъ; nestažené tvary složené deklinace adjektiv, jako създанаго, благıихъ, злıихъ a mn. j.; v časování vzbuzují pozornost 1. sg. вѣдѣ, повѣдѣ, исповѣдѣ, aoristy asigmatické wтидоу, придоу, wтпадоу, срѣтоу a původní tvary aoristu sigmatického kratšího, jako 1. sg. прıпасъ, 3. pl. съвѣсѧ; tu a tam ještě, ovsem zřídka, nestažené formy imperfekta, jako възвъıшлаше, троужлаше, къкоушлаше a j.; starobylá participia praet. act. I. sloves IV. třídy na *-i-*, jako размъıшлъ, обращтьсѧ, побѣжьше (inf. *poběditi*). S těmito starobylými, a přímo staroslověnskými rysy Života Nifontova souvisí, že ani v tvarosloví ani v hláskosloví nenalézáme stejný počet rysů ruských vůbec nebo specielně ukrajinských. Je tu ovšem *u, ja* za stslov. *ǫ, ę, ž* za prasl. *-dj-* (nikoli však *č* za *-tj-*, nýbrž *-št-!*), ba na plnohlasí našel Potapov jediný případ голокъı, (kdežto ve skupinách **tьrt, *tьlt *tъrt, *tъlt*, se často píše jer před sonantou, v čemž vidíme rusismus) a na vokalisaci jerů příkladů poměrně velmi málo; co do zachovávání jerů není Život Nifontův horší nežli ku př. Savvina kniga. Jako v jiných ruských rukopisech píše se zpravidla ь místo stslov. ъ v 3. sg. i pl. praes.

Trojicko-Sergievský rukopis svým jazykovým charakterem patří mezi ty ruské rukopisy XI.–XII. věku, které N. DURNOVO pokládá za památky staroslověnského jazyka, resp. za prameny jeho poznání (DURNOVO, Južnoslov. Fil. IV, V, VI. necituje Život Nifontův a POTAPOV nepřihlédl k důležité studii N. Durnovo). Tento zdánlivý paradox, že *ruské* rukopisy lze pokládati za prameny staroslověnské, tedy *jihoslovanského* jazyka, DURNOVO vykládá ze známých faktů kulturní historie: písaři překladatelé a spisovatelé kyjevské doby se učili z církevních knih, donesených jihoslovanskými kleriky. Jazyk těchto přinesených posvátných knih byl pokládán nikoli za lokální jihoslovanský dialekt, nýbrž za knižní a vůbec církevní jazyk, jehož vnitřní složky i pravopis měniti se nepokládalo za vhodné ani dovolené ani potřebné. Ruští písaři se řídili většinou »tradiční orthografií a knižní čili církevní výslovností« (Južnoslov. Fil. IV, 73). Takovýchto tradičních rysů pravopisných a jazykových, obrážejících stav staroslověnský, je ovšem více v těch ruských rukopisech, které byly opsány z jihoslovanských předloh, a hlavně v těch, které sloužily k předčítání či zpívání při církevních obřadech (j. evangelia, žaltáře, minei, kondakar'); ale i v těch rukopisech, které obsahují ruský překlad z řečtiny, nebo opis z překladu, pořízeného ruským překladatelem, nebo i původní ruský spis, nalézáme složky tradiční orthografie a knižního jazyka církevněslovanského, ovšem ne v té míře jako v rukopisech, přepsaných z jihoslovanských předloh.

Pro posouzení jazyka a poměru překladu k originálu kladu sem kap. 101. ve znění řeckém i slovanském. Je to začátek části *eschatologické*, velmi důležité pro dějiny lidových náboženských představ:

Ἐν ὅσῳ οὖν προσηύχετο ὁ ἅγιος, ὁρᾷ καὶ ἰδοὺ ἦσαν ἀνεῳγμέναι αἱ πύλαι τοῦ οὐρανοῦ καὶ οἱ ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ ὥσπερ μέλισσαι ἀπὸ βαραδίου, οὕτω οἱ μὲν εἰσήρχοντο, οἱ δὲ ἐξήρχοντο τὰς ψυχὰς τῶν ἀνθρώπων ἀναφέροντες· τινὲς δὲ μέλανες ἐν τῷ ἀέρι εἶχον πολὺν περισπασμὸν τοῦ ἁρπάσαι καὶ κατασπᾶσαι τὰς ψυχὰς τῶν ἀνθρώπων· οἱ δὲ ἄγγελοι ἀνθίσταντο ἰσχυρῶς καὶ ἐκραταιοῦντο σφόδρα μαστίζοντες αὐτοὺς, καὶ σώζοντες τὰς ψυχὰς.

Βλέπει δὲ πάλιν ὁ δίκαιος καὶ ἰδοὺ δύο ἄγγελοι ἀνέβαινον ψυχὴν ἀνθρώπου φέροντες εἰς τὸ ὕψος τοῦ οὐρανοῦ· ὡς οὖν προσήγγισαν τῷ τελωνίῳ τῆς πορνείας (τοῦτο γὰρ ὑπεράνω πάντων ἵσταται,) ἐν ὅσῳ οὖν πρὸς τὰ πρόσω ἤγγιζον κατέχοντες τὴν ψυχὴν, ἤρξατο ὁ ἄρχων τοῦ τελωνίου ταράττεσθαι δεινῶς καὶ ἀλλοιοῦσθαι καὶ λέγειν οὕτως· Ποίῳ τρόπῳ ὑμεῖς τὴν ψυχὴν ταύτην ἕλκετε, ἡμετέραν ὑπάρχουσαν; λέγουσιν οἱ ἄγγελοι πρὸς αὐτὸν· Τί σου τὸ γνώρισμα ἐν αὐτῇ, εἰπὲ ἡμῖν; λέγει καὶ αὐτὸς· Ἕως τῆς τελευτῆς ἐπόρνευεν, πολλάκις καὶ τὴν σοδομιτικὴν ἀσωτίαν ἰδίᾳ προαιρέσει εἰργάζετο, οὐ μόνον δὲ ἀλλὰ καὶ ἔκρινεν τὸν πλησίον αὐτοῦ λοιδορῶν αὐτὸν. Τί οὖν δεινότερον παρὰ τούτων τῶν ἐγκλημάτων ἔχετε εὑρεῖν ἐν αὐτῇ; λέγουσιν οἱ ἄγγελοι·

Ναί, ἦν δεδουλωμένη ἡ ψυχὴ αὕτη τοῖς τοιούτοις πάθεσιν, ἀλλὰ ἐξέκοψεν ταῦτα ἐξ ἑαυτῆς πρὶν τὸ τέλος καταλαβεῖν αὐτὴν. Λέγει ὁ διάβολος· Οὐχὶ, οὐκ ἔστιν ὡς λέγετε, ἀλλὰ ἀμετανόητος ἐτελεύτησεν, ἕως ἐσχάτης ἀναπνοῆς τελέσασα καὶ τὴν ἀνομίαν, οὐδαμοῦ δὲ εὑρέθη ἢ ἐξαγορεύσας τὰς ἁμαρτίας αὐτοῦ, ἢ ἀποχὴν τοῦ πονηροῦ ποιησάμενος, ἀλλ᾽ οὕτως ἐτελεύτησεν δοῦλος ὢν τῆς ἁμαρτίας καὶ ἔστιν ἐμὸς συνεργάτης καὶ κατὰ πάντα γενόμενος. Τότε λέγει εἷς τῶν ἀγγέλων· Ἀληθῶς σοι τῷ ἐχθρῷ τοῦ Θεοῦ οὐ πιστεύομεν, ὅλος γὰρ ψεῦδος ὑπάρχεις, ἀκάθαρτε, ἀλλὰ κληθήτω ὁ ἄγγελος ὁ ἐπὶ τοῦ ἁγίου βαπτίσματος δοθεὶς αὐτῷ εἰς παραφυλακὴν αὐτοῦ, κἀκεῖνος φράσει τὴν ἀλήθειαν ὡς ἔστι πρέ-

и нгда же молѧше сѧ стꙑи, видѣ ѿвръста врата небесная и аньгѣли бии схожахѫ множьство бещисльно, иже дша чловѣчьскꙑ възношахѫ, инии же чьрни на въздоусѣ стоѧхѫ, подвигъ имоуще и вьрьстѣние, иже въсхꙑтити и оудьржати дша чловча.

видѣ же прⷪбнꙑ, и се, два аггла възнесосте дшю на нбо, и ꙗко же приближистасѧ къ мꙑтоимьствоу и блоужению, начаша внѧзи мꙑтоимьци възмоущати и гнѣватисѧ, глюще· како вꙑ дьрзаете нести дшю тоу мимо нꙑ, а нашю соущю; гласта аггла к нимъ: да како ѥсть ваша; и знамение на нем рьцѣте нама. глаша они; до съмьрти блоудъ створи, многаждꙑ же и содомьскꙑи, сквьрньною похотию осквьрнисѧ, не тъкма же се, нъ и ближнѧго осоужаше· да что оубо сихъ злѣе на осоужение;

глете аггла ни: ѥсть ⷣа си порабощена страстьмъ, нъ и ѿсѣче ю, дажѣ ѥи конець не постиже,..... (om. λέγει ὁ διάβολος· Οὐχὶ, οὐκ ἔστιν ὡς λέγετε, ἀλλὰ) и бес покаꙗниꙗ ѥсть оумьрла. и никакоже не остасѧ зла, даже оумре рабъ грѣхоу, и ѥсть нашь дѣлатель бꙑлъ. и тъгда глаа единъ ѿ аггло бию: поисти⟨нѣ⟩ мꙑ ни вамъ ни оцю вашемоу вѣрꙑ имемъ, всꙗкоꙗ ⟨б⟩о лъжа испълнени ѥсте, лоукавии. нч да боудѣ призванъ аггль, иже въ стѣмь крщении данъ бⷭ҃и емоу на съблюдение, и тъ повѣсть истиноу. и прⷪзванъ бⷭ҃и тоу и глаа емоу аггль: рци нама, дша си покаꙗла ли сѧ ѥсть безаконии сконхъ, или въ грѣсѣхъ оумьрла; ѿвѣщавъ же

πον· ὡς δὲ ἐκλήθη ἐκεῖσε, ἦν γὰρ ἀσχολούμενος περὶ τῆς ταφῆς τοῦ σώματος τῆς ψυχῆς· ὡς οὖν παρεγένετο, λέγουσιν αὐτῷ οἱ ἄγγελοι· Εἰπὲ, ἡμέτερε, ἡ ψυχὴ αὕτη μετέγνω ἐπὶ ταῖς ἀνομίαις αὐτῆς ἢ συναπέθανεν τῇ ἁμαρτίᾳ· φράσον ἡμῖν πᾶσαν τὴν ἀλήθειαν. Τότε ἀπεκρίθη ὁ ἄγγελος καὶ λέγει· Ἐγὼ ἄνθρωπος οὐκ εἰμὶ ἢ πνεῦμα αἰσχρὸν ἵνα λέγω τὸ ψεῦδος ὥσπερ οἱ πονηροὶ δαίμονες, ἀλλὰ κατὰ τῆς δόξης Κυρίου λέγω ὑμῖν, Ὡς ὅτι ἓν ᾗ ὥρᾳ ἐν τῇ νόσῳ κατέπεσεν, πρὶν βαρηθῆναι αὐτὸν εἰς μνείαν οὐκ οἶδ᾽ ὅπως ἐλθὼν τοῦ θανάτου, ἤρξατο δακρύειν καὶ ἐξομολογεῖσθαι τῷ Κυρίῳ τὰς ἁμαρτίας αὐτοῦ, ἐκτείνων τὰς χεῖρας αὐτοῦ πρὸς τὸν οὐρανὸν πυκνῶς καὶ πρὸς τὸν Ὕψιστον Θεὸν, εἰ οὖν συνεχώρησεν αὐτῷ ὁ Θεὸς τῇ ἐξουσίᾳ αὐτοῦ, καὶ μᾶλλον δύναται γὰρ, εἰ δὲ οὐχὶ,δόξα τῇ δικαιοκρισίᾳ αὐτοῦ.

Ταῦτα ἀκούσαντες οἱ τοῦ φωτὸς ἄγγελοι, κατεγέλασαν τοῦ διαβόλου ἐμπτύσαντες αὐτὸν τῷ θεϊκῷ φυσήματι αὐτῶν, καὶ οὕτως παρῆλθον τῶν ἐκεῖ, καὶ οὕτως εἰσῆλθον εἰς τὴν πύλην τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἠλευθερώθη ἡ τεταπεινωμένη ψυχὴ ἐκείνη ἐκ τῆς παγίδος τῶν θηρευτῶν ἐν τῇ ὥρᾳ ἐκείνῃ.

Tato ukázka svou rozmanitostí tvarů i větových konstrukcí dobře charakterisuje jazyk řeckého originálu i církevněslovanského překladu. Ona také ukazuje poměr překladu k originálu. Základem překladu byla vskutku úplná řecká redakce, nikoli zkrácená. Překlad sleduje svou předlohu většinou věrně, slovo za slovem, nemění ani slovosledu, a je při tom plynulý a dosti obratný. Ale překladatel si usnadňoval práci tím, že některá stilisticky rozvitá místa řeckého originálu zkracoval nebo přímo vypouštěl (jako hned v prvním odstavci naší ukázky charakteristické a pěkné přirovnání o včelách, které jest i v krátké řecké redakci!); celkem tedy proti předloze zjednodušoval. Zdá se, že při tomto zjednodušování byl veden nejen snahou po stručnosti a po brzkém ukončení práce, nýbrž také neznalostí některých méně

аггла рече: азъ чѧвкъ нѣсмь ни дх҃ъ лоукавыи скврьнѧнъ, да хощю лъжю рещи ꙗко же и вси бѣси, нъ въ славѣ ѓа нашего їса хр҃а гл҃ю вама ꙗко въньже ча҃ болѣти нача, нача сльзит'и исповѣдаꙗ грѣхы своꙗ къ бо҃у, простьръ роуцѣ свои къ въышнемоу бо҃у, аще оубо простилъ и естъ бъ, владѣетъ бо, и слава правьдьномоу соудоу его.

си же слышавше свѣтоносции аггли, нароугашасѧ дияволѹ и бѣсомъ его, плюноувше ꙗко и доуноувше на нѫ бжствьнымь доуновениемь, и тако ꙗ миноуша и видоша въ врата нб҃сная. и свобожена же бъıе бл҃ию бл҃годатию оубогаꙗ та дша ѿ сѣти лоукавъıхъ къ тъча҃.

obvyklých řeckých slovíček. Toto zkracování originálního znění padá na vrub jen vlastní činnosti překladatelově, a nebylo způsobeno vlivem krátké řecké redakce, neboť v překladu chybějí i ty obraty, které v krátké řecké redakci jsou. Rovněž nemůžeme předpokládati, že by bylo toto zkracování způsobeno nějakou jinou versí úplné řecké předlohy, neboť zachované rukopisy úplné řecké redakce se vespolek liší jen velmi nepatrně, a výpustky jednotlivých slov a frazí jsou v řeckých rukopisech této redakce celkem nečetné a neveliké; rozhodně jsou poměrně menší, než na začátku redakce krátké. Poznání poměru slovanského překladu k řeckému originálu je ovšem ztíženo tím, že rukopis Trojicko-Sergievský, jak řečeno, byl psán nepozorně, takže písař místy přeskočil řádek své předlohy a tím některá místa zko-

molil, jako v naší ukázce: vynechal uvozovací větu poslední námitky ďáblovy. Je velmi charakteristické, že totéž přehlédnutí, které se v Trojicko-Sergievském rkpe. může pochopiti omylem při přechodu z listu 91. na 92., je i ve všech ostatních rukopisech úplného prvního slovanského překladu! To znamená, že buď bylo toto přehlédnutí již ve ztracené předloze Trojicko-Sergievského rukopisu, a z ní byly opisovány i ostatní cslov. rukopisy, nebo ještě pravděpodobněji, že ostatní slov. rukopisy byly opsány přímo z Trojicko-Serg. rukopisu. Ostatní slov. rukopisy této třídy — o nichž se POTAPOV ve své úvodní studii vůbec nezmiňuje — mají pranepatrné rozdíly od znění Trojicko-Sergievského rukopisu a lze tudíž bezpečně souditi, že byla jediná recense tohoto prvního překladu. Překlad sám vznikl ne později než v XI. věku, a snad na půdě Kyjevské Rusi, prací duchovní osoby, která byla dobře obeznámena s dikcí staroslověnských památek, a slušně znala řecky.

Druhá úplná redakce slovanského překladu je úplně samostatné literární dílo, které má docela jinou řeč, často jinou slovní zásobu a jinou stavbu vět. Není kratší než první, je naopak mnohomluvnější, a je také mnohem volnější v poměru k řecké úplné redakci. Je to spíše parafrase než doslovný překlad, která je i proti znění originálu zabarvena více retoricky. Její původce snad znal první slovanskou redakci, neboť zachoval některé její charakteristické obraty. Bohužel, o všech těchto otázkách se v přítomném vydání nedočítáme nic. Ale ono může býti východiskem četným analytickým studiím linguistickým i literárněhistorickým: i dějiny ruského jazyka, i mluvnice staroslověnská, zvl. syntax. slovník, a stilistika, mohou mnoho získati rozborem slovanského překladu, a dějiny literární a náboženské budou vydatně obohaceny studiem tohoto duchovního románu, který měl zajisté mocný vliv na náboženské představy slovanské i na původní skladby apokryfní a eschatologické. *M. Weingart.*

ROMAN JAKOBSON: NEJSTARŠÍ ČESKÉ PÍSNĚ DUCHOVNÍ. *V Praze, Lad. Kuncíř, 1929 (Národní Knihovna VI). Stran 49 m. 8°.*

Malá knížka Jakobsonova má zásadní význam pro ocenění počátků české poesie. Ve shodě s nejnovějšími archeologickými nálezy a uměleckohistorickými studiemi, které proti dřívějším názorům silně zvýšily architektonický význam Prahy románské, Jakobson přesvědčivě ukazuje, že také v dějinách literárních je třeba vyhraditi více místa době před koncem XIII. století: v dějinách české kultury dlužno zařaditi před dobu gótickou, která je uznaným obdobím rozkvětu literatury i výtvarných umění (XIV. století), neméně důležitou dobu románskou. »Není důvodů pro tvrzení o básnické neplodnosti prvních století českého křesťanství. Bylo by nepřirozené domnívati se, že mistrná epická škola počátků XIV. stol. neměla předchůdců, neopírala se o tradice, To, co je nepochybné pro dějiny českého stavitelství, musíme rozšířit i na vývoj českého básnictví. Nikoli neplodnost doby, nýbrž krutá, ničivá práce příštích století způsobila mizivý počet památek, skutečně zachovaných« (str. 9). Z české poesie do XIII. stol. máme totiž zachovány jen tři duchovní písně, a to ještě v pozdějších opisech, totiž oba hymny »Hospodine, pomiluj ny!«, »Svatý Václave«, a »Slovo do světa stvořenie« (shoduji se se SPINOU a JAKOBSONEM proti Zd. Nejedlému v názoru, že tato »Ostrovská píseň« je vskutku píseň, a nikoli jen veršovaná modlitba) a mimo to veršovanou modlitbu »Vítaj, kráľu všemohúcí«. Do programu tohoto časopisu náleží jen promluviti o písni »*Hospodine, pomilui ny*«, a to tím spíše, že se Jakobson m. j. dovolává dvakráte také mých zmínek o této věci.

Jakobson vychází z jazykového rozboru písně a zastává názor, že píseň »Hospodine, pomiluj ny« není čistě česká, nýbrž že obsahuje »několik rázovitých církevněslovanských prvků« proti pochybnostem A. KRAU-

SF a ZD. NEJEDLÉHO; a v tom má jistě pravdu. Slova *»pomiluj«*, *»spase«*, *»mira«* = světa, *»žizn«* = život, nejsou česká, nýbrž církevněslovanská. Píseň »Hospodine, pomiluj ny« je nám tedy drahocenným svědkem, ač ne prvním ani jediným, oné doby počátků české křesťanské kultury, kdy se literární jazyk český tvořil pod vlivem jazyka církevněslovanského, čili jsme tu v periodě česko-církevněslovanské. V dějinách českého typu církevněslovanského jazyka musíme rozeznávati jednak skupinu církevněslovanských památek s bohemismy, začínající se již v IX. stol., jejímž nejvýznačnějším členem jsou Kyjevské listy, jednak skupinu památek se smíšenými složkami českými a církevněslovanskými, t. j. texty, kde sice čeští písaři a autoři usilují psáti vlastním jazykem, ale podléhají vlivu církevněslovanskému, jak dokazují zejména »Glossy vídeňské« a »Glossy svatořehořské«. Do této skupiny patří i píseň »Hospodine, pomiluj ny«. Rozumí se, že plným hodnocením těchto památek stoupne podstatně význam českého typu církevné slovanštiny; proti předcházející skepsi bohemistů k síle české periody církevněslovanské JAKUBEC v Děj. čes. lit. I. 1929 uznává její význam.

Dějiny tohoto typu jsou komplikovány tím, že zbývá vymeziti přesněji podíl latinské a podíl byzantské sféry v české církevní slovanštině. Že původně, v IX. století, se na půdě československé uplatňovaly obě sféry, latinská i byzantská, je nepochybné; že po vypuzení Methodějových žáků, po pádu velkomoravské říše a po vzrůstu mocenského postavení kmene Čechů stoupl vliv latinské sféry v české církevní slovanštině, je snadno pochopitelné; do jaké míry však lze v pozdější části epochy české církevní slovanštiny (od poč. X. století) uznávati vliv byzantský, není dnes ještě docela jasné. Nejznámější svědek tohoto byzantského vlivu na českou církevní slovanštinu, »Pražské zlomky hlaholské« spojované VONDRÁKEM s klášterem Sázavským (XI. v.), nedávají na tuto otázku jasnou odpověď, jako vůbec řecká předloha Praž. zlomků není dobře známa: od dob ŠAFAŘÍKOVÝCH se spokojujeme s nejasným tušením, a neznáme přesně řeckého originálu. Pokud jde o píseň »Hospodine, pomiluj ny«, ta ovšem *není* svědectvím pro byzantský vliv, neboť invokace *»Krleš«*, vzniklá zkomolením řec. κύριε ἐλέησον, pochází ovšem z římské liturgie, nikoli z byzantské; také hudební stránka písně neukazuje na byzantský vliv.

Zařadění nejstarší české písně do latinské sféry české církevní slovanštiny nedává ovšem odpovědi na otázku po stáří této písně. V posledních desetiletích se obyčejně traduje názor ZD. NEJEDLÉHO (Dějiny předhusitského zpěvu v Čechách, v Praze 1904, 244), že píseň »Hospodine, pomiluj ny« vznikla až ve XII. století. Pro toto datování neuvedl NEJEDLÝ žádného přímého důvodu, nýbrž jen důkaz ex silentio, že Kosmas († 1125), tuto píseň nepřipomíná, nýbrž jen invokaci *»Krlešu«*, a tedy prý jí neznal. Podobně skepticky, ale ne tak určitě, se vyslovil V. FLAJŠHANS (Nejstarší památky, 1903, s. 44), který se pohybuje při datování od konce X. stol. do druhé polovice XII. stol. JAKOBSON sice myslí, že píseň, nasycená slovy církevněslovanskými, mohla vzniknouti na české půdě i dosti pozdě, možná i do XII. století, ale přesto nepřijímá tak pozdního datování naší písně: »Aby se taková píseň ujala v lidovém zpěvu a přežila církevněslovanské písemnictví, ba nedosti na tom, aby se zakotvila i v kostele, musela tato píseň vzniknouti v prostředí, schopném kulturní expanse, ozbrojeném jistou autoritou. Proto je naprosto pochybné, že by Hosp. vznikla po definitivním vypuzení zastánců slovanské liturgie ze sázavského kláštera... Domníváme se tedy, že tato píseň byla složena ne později konce XI. století« (strana 20). Také VONDRÁK (AfslPh XX, 1898, 468) a V. NOVOTNÝ (České děj. I., č. 2, 1913, s. 333) se klonili k uznání staršího původu písně a nejno- JAKUBEC (Děj. č. lit. I. 1929, 48) při-

pouští, že jazykozpytci a literární historikové mají pádné námitky proti datování Hosp. do XII. století.

Soudím rovněž, že jazykový ráz písně Hosp. a také její veršová forma jsou rozhodující důvody jejího stáří, které vyváží mlčení Kosmovo. Připustíme-li, že píseň existovala již v době Kosmově, musíme chápati toto mlčení jako úmyslné, t. j. jako projev Kosmovy zaujatosti proti slovanské liturgii a proti církevněslovanskému jazyku; tato zaujatost je patrná v Kosmově mlčení o díle Konstantina-Cyrilla a v jeho opomíjení Sázavského kláštera. Kosmas je tedy jeden z hlavních svědků kulturního boje mezi církevněslovanskou tradicí a recepcí latinského jazyka. Kosmas jako představitel definitivního přiklonění pražského kléru k západní orientaci (řečeno moderní terminologií) nezaznamenal písně, která vycházela z jiného ovzduší.

Ale tím stojíme před další otázkou, zdali píseň Hosp. vznikla až v XI. století, či ještě dříve. A. KRAUS ve svém pozoruhodném rozboru »Christe ginâdô a Hospodine pomiluj ny« (Věstník KČSN 1897, č. XIII., s. 17) kladl její vznik ve smyslu starší tradice do doby biskupa Vojtěcha, okolo konce století desátého, pozměňuje starší výklad v ten smysl, že Vojtěch sám píseň nesložil, nýbrž složiti dal. VONDRÁK postoupil ještě dále (AfslPh XX, 1898, 468) a připouštěl, že píseň existovala již před Vojtěchem, a možná ještě před r. 973, před založením pražského biskupství. To jsou ovšem jen dohady. Přesnější datování písně není možné. Ale lze přece nepřímo usuzovati z jejího jazyka a z básnické formy.

Upozornil bych tu na některé drobnosti, dosud nezdůrazněné při otázce datování. Všimněme si především rozdílů písně Hosp. proti písni Svatováclavské, tím nápadnějších, že píseň Svatováclavská je nám zachována v zápise starším (v Kronice Beneše Krabice z Veitmile z l. 1372—1375) nežli píseň Hosp. (první zmínka o ní je sice z r. 1249, ale první zápis textu je ve sborníku modliteb a legend z r. 1389). Nuže, jazyk písně Svatováclavské jo docela jiný než jazyk Hosp. Je čistě český, prost církevněslovanských prvků. Slovní zásoba je nejen větší, což je u delšího textu samozřejmé, ale také mnohostrannější, pestřejší: proti přísné jednoduchosti holých výrazů substantivních, slovesných a zájmenných v Hosp. je v písni Svatováclavské nápadná poměrná hojnost adjektiv, tedy členů rozvíjecích a odstiňujících. V Hosp. není ani jedno adjektivum; je tam jediný souřadný přívlastek — zájmenný — »hlasy naše«, a jeden podřadný — substantivum se zájmenem — »spase všeho mira«. Naproti tomu v písni Svatováclavské kromě adj. »svatý« (4×) nalézáme adj. přívlastky: *»české země«*, *»nebeské dvorstvo«*, *»život věčný«*, *»oheň jasný«*; a mimo to adj. *»krásné«*, *»smutné«*, *»zlé«*.

V souladu s tímto smyslem pro odstíňování kvality je také větší rozmanitost syntaktická, zvláště větoslovná. V písni Hosp. jsou *jenom* věty zvolací a rozkazovací. Tyto věty jsou v písni Svatováclavské ve strofě první a třetí (za *třetí* strofu pokládám »Pomoci tvé žádámy«); naproti tomu druhá strofa má souvětí podřadné »blazě tomu, ktož tam pójde«, a velmi výmluvné asyndeton »Nebeskéť jest dvorstvo krásné. Blazě tomu, ktož tam pójde«. Při tom právě položení této druhé strofy mezi první (invokaci) a závěrečnou prosbu pokládám za projev velké jemnosti a umělosti stavby, a tedy za znak poměrně vysokého umění stilistického. Také syntakticky, položením druhé strofy, s jejím odchylným a rozmanitým charakterem větoslovným, mezi zvolací strofy první a třetí je vytvořena třídílná stavba přísné souměrnosti. Také píseň Hosp. je sice stavěna třídílně (2 verše oslovení, 3 verše obecné prosby, 2 verše prosby za pokoj v zemi), ale mnohem jednodušeji a méně rozmanitě. Tak tedy i svým jazykem i svým stilem ukazuje Hosp. na docela jinou dobu než píseň Svatováclavská, která je zřejmě plodem vyspělejšího ovládání jazyka a vyššího stilistického umění. Píseň Hosp. musí

tedy býti mnohem starší než píseň Svatováclavská. K témuž závěru vede ovšem strofická forma Svatováclavské písně.

Snad by se zdálo, že vytčené jazykové rozdíly se dobře snášejí s dosavadním datováním, kterému učí zejména ZD. NEJEDLÝ: Hosp. ze XII. věku, píseň Svatováclavská ze XIII. století; tím by byla časová mezera mezi oběma písněmi, potřebná pro pochopení jejich jazykových rozdílů, zajisté dostatečná. Ale také datování písně Svatováclavské je problémem, a neváhám říci, že názor nyní vládnoucí, jakoby Svatováclavská píseň pocházela ze XIII. století, opakovaný i u JAKUBCE (Děj. č. lit. I, 1929, 59), pokládám za nedokázaný a přímo za mylný. FLAJŠHANS (Nejst. pam. 86) došel k tomuto datu jen srovnáváním s písní Hosp., kterou kladl nejspíše do XII. stol., a obecnými úvahami, že prý sice úcta k sv. Václavu »nabyla zvláštního rozšíření, upevnění a organisace teprve v 2. pol. stol. XI.; ježto však tehdejší poměry kulturní nebyly příznivy květu literarury českého jazyka, a ježto tyto poměry nezměnily se ani ve století XII., nemůžeme píseň naši klásti výše než do stol. XIII.« Ale dohady FLAJŠHANSOVY o tehdejších kulturních poměrech jsou právě jen dohady a vycházejí z podceňování nejstarších českých gloss a bohemik. Přímého důkazu nedávají. Rovněž nikoli výklad ZD. NEJEDLÉHO (Děj. předhus. zp. 247, pozn., podle KONRÁDA), že prý Svatováclavská píseň vznikla nejspíše v době braniborské zvůle v letech 1278—1283; v této pohnuté době prý mohla vzniknouti píseň s prosbou »utěš smutné, otžeň (nikoli »odveď!«) vše zlé«. Ale tato prosba je tak obecná, že její souvislost s dobou interregna z jejího obsahu nijak nevyplývá; naopak, smysl této prosby je náboženský a nikoli politický. Kdyby se tak mělo interpretovati, pak by se spíše píseň Hosp. se svou prosbou o mír mohla datovati do oné pohnuté doby, ačkoli ovšem toto datování je nemožné, poněvadž Hosp. je dosvědčena již k r. 1249.

Jsem přesvědčen, že doba XIII. století je příliš pozdní pro datování písně Svatováclavské. To cítil i JAKOBSON a připustil (s. 34), že tato píseň mohla vzniknout i koncem stol. XII. Pomáhá si však domněnkou, že původně píseň Svatováclavská měla jen první strofu, čímž by se co do jednoduchosti více podobala písni Hosp., a druhá a třetí strofa prý byly přidány nejspíše v XIII. stol. nebo snad na začátku XIV. století. Tuto domněnku nepokládám za pravděpodobnou. Podle mého mínění je píseň Svatováclavská ve své nejstarší redakci jednotné umělecké dílo třídílné stavby, které nevznikalo po vrstvách, nýbrž jako jednolitý celek. Ostatní strofy kromě oněch tří základních byly ovšem postupně přidávány později. Ale je to na nich na první pohled znáti, neboť původní obsahová uzavřenost a formální důslednost se jimi porušuje. Nuže, klásti celou třístrofovou píseň Svatováclavskou až do XIII. století, a dokonce do jeho poslední čtvrtiny, je mi nemožné, a to opět z důvodů jazykových.

Do XIII. století, a sice do jeho druhé polovice, se nesporně kladou »Slovo do světa stvořenie« a »Vítaj, králu všemohúcí«. Píseň Svatováclavská nemůže býti s nimi současná, nýbrž musí býti mnohem starší. »Slovo do světa stvořenie« hromadí verbální abstrakta (*stvořenie, zhřešenie, porozenie, pokolenie, krščenie, spasenie, vykúpenie, vzkřiešenie*); klade tato abstrakta vesměs do rýmu, a tím na ně zvláště upozorňuje, a zároveň vyzdvihuje rým, kladouc do něho obsahové těžiště (podmět) každého dvojverší. Mimo to však »Slovo« — ve shodě se zálibou pro verbální abstrakta — hromadí v sudých verších všech dvojverší passivní participia (*schováno, posláno, zvěstováno, vychováno, nazváno, prodáno* (2×), *dáno*). Celá skladba je psána v passivu, ani jedna věta není aktivní! Všecka tato passiva až na jediné: »jest *zvěstováno*« jsou bezesponová, kdežto přece jinak ve XIII. stol. vynechávání spony u opisných praeterit je celkem vzácností. Jazyk »Slova« je tedy zřejmě na docela jiném

vývojovém stupni než jazyk písně Svatováclavské a prozrazuje vliv delšího školení latinského.

Docela jiný, nežli v písni Svatováclavské, je také jazyk básně »Vítaj, kráľu všemohúcí« (parafrase »Lauda Sion, Salvatorem«), kterou JAKUBEC (l. c. 61) dobře označuje jako pravý opak »Ostrovské písně« (»Slova«) po stránce formální. Proti Ostrovské písni je »Kunhutina píseň« (Vítaj, kráľu«) mnohem delší (38 čtyrveršových strof proti 4); proti jejím oznamovacím větám je Kunhutina píseň syntakticky daleko rozmanitější; má ještě větší bohatství abstraktních substantiv i sloves, ma mnoho participií, zejm. part. praes. activi, mnoho rozvitých výrazů. Celkem proti jednoduché Ostrovské písni je Kunhutina retoricky vyzdobená. Kunhutina píseň je tedy ještě vzdálenější po jazykové stránce Svatováclavské písně než Ostrovská; také její verš a rým je zcela jiný než v písni Svatováclavské.

U Ostrovské i Kunhutiny písně je rukopisným podáním dosvědčeno jejich stáří, totiž druhá polovina, po případě poslední čtvrtina století XIII. Podle mého mínění je tedy vyloučeno, aby píseň Svatováclavská byla kladena do téže doby nebo do doby jen o málo starší. Vzhledem k tehdejšímu pomalejšímu vývoji literárního jazyka musí býti časový rozdíl mezi písní Svatováclavskou a oběma vyspělými skladbami XIII. věku dosti velký. Svatováclavská píseň patrně vznikla v době, kdy ani vliv latiny ani vliv německé poesie na český literární jazyk se ještě tolik neuplatňoval. Domnívám se, že takovou dobu nutno hledati nikoli v době královské, nýbrž v době knížecí, která právě mohla vzývati »knížete našeho«, svatého Václava. Proto nejpozdějším možným datem pro vznik písně Svatováclavské jeví se mi *konec století dvanáctého*. To je terminus ad quem. Terminus a quo lze stanoviti s určitostí ještě menší, a to opět jenom srovnávacím rozborem jazykovým. Nejstarší české glossy, totiž Vídeňské a Svatořehořské, se kladou do doby kolem r. 1100. Obojí glossy, jak řečeno, obsahují prvky církevněslovanské. Jejich jazyk je jiný než jazyk písně Svatováclavské a ony náleží jiné kulturní sféře. Píseň Svatováclavská je tedy patrně mladší než tyto glossy, a proto terminus a quo pro ni je asi *začátek století dvanáctého.*

Tím se vracíme k datování písně »Hospodine, pomiluj ny«. Řekli jsme, že tato píseň je jazykově i básnickou formou docela jiná než píseň Svatováclavská a rozhodně mnohem starobylejší. Časový rozdíl mezi Hosp. a »Svatý Václave« byl jistě značný, a soudíc podle rozsahu jejich vnitřních rozdílů, asi ne menší, nežli mezi písní Svatováclavskou a oběma básnickými skladbami XIII. století. Terminus ad quem pro Hosp. by tedy byl konec století XI. S tím by se dobře shodoval její smíšený církevněslovansko-český ráz, neboť po té stránce není nesouladu mezi Hosp. a Vídeňskými i Svatořehořskými glossami.

Terminus a quo pro Hosp. lze také najíti s jakousi pravidelností: píseň »Hospodine, pomiluj ny« vznikla zajisté nikoli v době, kdy čeští (a moravští) duchovní psali jazykem církevněslovanským české redakce, nýbrž když už církevní slovanština ustupovala snahám o vlastní spisovný jazyk, který ovšem byl ještě pod jejím vlivem. Ještě v polovině X. století se na českém území literárně tvořilo jazykem církevněslovanským (první staroslověnská legenda o sv. Václavu!), sice s bohemismy, ale přece ne ještě česky: procento bohemismů v těchto církslov. skladbách je menší než poměr palaeoslovenismů k českým prvkům v písni »Hospodine, pomiluj ny!« Jiný důležitý bod jazykového srovnání nám poskytují Kyjevské listy, t. j. jejich ztracená předloha, staroslověnský sakramentář latinského ritu a českého typu. Mezi bohemismy Kyjevských listů je nejnápadnější imperativ *dazь*, který je v nich kladen důsledně a vyskytuje se tu celkem desetkrát. Je obecně známo, že tento původní český imperativ, shodný s dosavadními imper. *věz, viz, jez*, je doložen jediné v Kyjevských listech, kdežto

všecky české památky od nejstarších dob mají analogický tvar *daj* (podobně dosud slovenština má *daj* proti *jedz, vedz*). A také píseň »Hospodine, pomiluj ny« má *daj*, a nikoli *daz*, a projevuje tím tedy základní rozdíl proti jazykovému stavu Kyjevských listů a to zřejmě období pozdější. Datování Kyjevských listů a jejich ztracené předlohy je sice problémem, ale jistě by nepřekročilo X. století. Tak tedy tímto srovnáním docházíme k názoru, že vznik písně »Hospodine, pomiluj ny« třeba klásti do *doby mezi druhou polovicí X. a koncem XI. století.*

Tím tedy poněkud modifikuji datování JAKOBSONOVO (»ne později konce XI. stol.«, str. 20). Liším se však od Jakobsona v důležité věci. Jakobson myslí (a to z důvodů metrických), že původně byla tato píseň složena církevněslovansky, a navrhl také její církevněslovanskou rekonstrukci; ostatně rekonstrukce domnělé původní podoby této písně byla podána již r. 1845 ve Výboru z literatury české, vyd. musejním Sborem (d. I., str. 27), ovšem chybně. Ve shodě s touto starou rekonstrukcí pokládá Jakobson[1] za původní znění prvního verše »*Gospodi, pomiluj ny*« (podobně i v předposl. verši klade »Gospodi«), místo »*hlasy naše*« klade »*glagoly naše*« a docela libovolně odstraňuje zájmena »*ty*« a »*nám*«. Zbytečně zaměňuje »**v** *zemi*« za »**na** *zemli*«. Těmito změnami dosahuje přísně sylabického (osmislabičného) metra, ovšem se zachováním všech staroslověnských jerů. Teprve prý po oněmění slabých jerů byla píseň přerytmována do dochované podoby. Ale soudím, že to všecko jsou mylné domněnky. Pro tak smělou rekonstrukci nemáme žádného podkladu; odstraníme-li z veršů »**ty** *spase všeho mira*« a »*daj* **nám** *všem, Hospodine*« zájmenné tvary, ochudíme píseň stilisticky, zbavíme ji jejího citového přízvuku, který jí právě dodává básnického kouzla. Jaký rozdíl je mezi prosbou »*všem*« a »**nám** *všem*«! Mimo to, počítá-li Jakobson v metrickém schematě písně se slabými jery jakožto hodnotami slabikotvornými, pak se těžko shodne se svým vlastním předpokladem, že Hosp. mohla vzniknouti po případě až před koncem XI. století, neboť sám ví, že slabé jery byly v té době v češtině »už nepochybně ztracené« (str. 24). Jestliže byly ještě psány, nebo lze-li jejich ohlas viděti i v grafice Vídeňských gloss, tedy jsou to právě jenom rysy *grafické* tradice církevněslovanské, nikoli známky skutečné výslovnosti; že by verše v té době byly v Čechách skládány podle grafické tradice a nikoli podle skutečných zvukových hodnot tehdejšího mluveného jazyka, nota bene verše, určené nikoli ke čtení, nýbrž ke zpěvu, pokládám za vyloučené. Mimo to, připustíme-li, že naše nejstarší píseň byla složena původně čistou církevní slovanštinou, pak ji zbavíme podstaty jejího kulturněhistorického významu, neboť pak se z ní stane jen jedna z četných církevněslovanských skladeb, vzniklých na české (event. československé) půdě; naproti tomu ponecháme-li Hosp. v její skutečně doložené podobě, máme v ní nesmírně zajímavého svědka období počátků českého literárního jazyka, stojících pod vlivem církevní slovanštiny a promíšených jejími prvky, a to jedinou básnickou skladbu toho druhu.

Vůbec pak není potřeba uchylovati se k této palaeoslovenisaci naší písně z důvodů metrických. Metrické schema písně »Hospodine, pomiluj ny« je jiné, než se domnívá JAKOBSON i jeho předchůdci. Není to »nesylabický verš se sylabickým koncem« (str. 22), ani dvojslabičné či trojslabičné stopy, nýbrž je to přízvučný verš o čtyřech iktech s volným počtem slabik nepřízvučných, které po příp. mohou i chyběti; vždy dva ikty tvoří jedno kólon s jedním hlavním a jedním vedlejším přízvukem; za každým kólem je přerývka. Tedy takto:

[1] Pochybuji, že by bylo třeba předpokládati vok. *Gospodi*. Tvar »*Hospodin*« místo »*Hospodine*«, uvedený již v XIII. stol., mohl býti pod vlivem lat. vokativu »*Deus*«.

Hŏspodìne, | pŏmilùj ny!
Jĕzu Krìste, | pŏmilùj ny!
Tỹ Spàse | všĕho mìra
Spàsíž nỹ | i ŭslyšìž
Hŏspodìne, | hlàsy nàšĕ;
Dăj nám všĕm | Hŏspodìne
žĭzn a mìr | v zĕmì.

Rytmickým základem tohoto metrického schematu je *přízvuk*, a to ovšem nikoli přízvuk systému praslovanského, nýbrž přízvuk *český*, t. j. hlavní přízvuk na první slabice slova. Že v době, do níž klademe vznik písně »Hospodine, pomiluj ny«, byl přízvuk český již shodný s nynějším, t. j. ustrnulý, nebude tuším vyvráceno, a uznává i Jakobson.

Celkem tedy shoduji se s Jakobsonem ve zdůraznění důležitosti církevněslovanského období českého. »Církevněslovanskému období musí být konečně vytčeno v dějinách české kultury, zejména literatury, příslušné místo. Jednostranně západnická koncepce, která se zhusta projevovala během posledních desetiletí v české vědě, nebyla s to, aby vysvětlila ani rozmanitost zbytků církevněslovanské literární tvořivosti v českých zemích od IX. až do začátku XII. století, ani množství historických svědectví o církevněslovanské vzdělanosti u Čechů, ani prudkost politických bojů, které se vedly během více než dvou století o právo na slovanskou literaturu . . . Ale stačí, abychom se pokusili podle zachovaných střepin rekonstruovati třeba v nejhrubších rysech dějiny staroslověnského písemnictví v českých zemích, a nezbytně nabudeme dojmu, že zde se tvořil a zakotvoval zvláštní variant církevněslovanské tradice, že zde se vyhraňovala osobitá redakce staroslověnského jazyka a pravopisu, osobitá technika překladatelská atd., stačí, abychom nepředpojatě přečtli si výmluvné papežské bully z let 885 a 1080, abychom se přesvědčili, že církevněslovanská vrstva v dějinách staročeské kultury nesmí se podceňovati« (JAKOBSON, str. 25—27). Shoduji se s Jakobsonem také v uznávání církevněslovanských prvků v písni »Hospodine, pomiluj ny«, i v pošinutí jejího datování nazad proti domněnce o XII. století. Doplňuji toto datování srovnávací jazykovou charakteristikou staročeských básní a hledám vznik Hosp. mezi druhou polovinou X. a koncem XI. století, a to v kulturním prostředí latinsko-slovanském, nikoli byzantsko-slovanském. Liším se od Jakobsona v názoru o původní jazykové a metrické podobě písně »Hospodine, pomiluj ny« a jeho výklad v těchto bodech nepokládám za správný.

M. Weingart.

SBORNÍK STAROSLOVANSKÝCH LITERÁRNÍCH PAMÁTEK O SV. VÁCLAVU A SV. LUDMILE. *Uspořádal* JOS. VAJS. *V Praze 1929 nákl. Čes. akademie věd a umění.* Stran 150 vel. 8^0 a 7 tabulek snímků s rukopisů.

Millenium svatováclavské bylo opravdu důstojně oslaveno tímto sborníkem, jehož uspořádání je velkou zásluhou předního znalce chorvatskohlaholské literatury, prof. VAJSE. Církevněslovanské prameny k době svatováclavské jsou tu shromážděny v pohodlném souboru, texty otištěny s kritickým aparátem a opatřeny instruktivními úvody, takže další badání o této historicky i slovesně důležité skupině církevněslovanských památek je tímto pečlivým vydáním podstatně usnadněno.

Vydání je rozděleno na šestero částí. *První* obsahuje ruské redakce původní stslov. legendy svatováclavské, a to jihoruskou čili vostokovskou (rumjancevskou) a severoruskou čili minejní. Tuto část obstaral prof. N. J. SEREBRJANSKIJ v Moskvě. *Druhá* přináší kriticky uspořádaný text redakce chorvatskohlaholské péčí prof. J. VAJSE. Ve *třetí* části vydává opět Serebrjanskij t. zv. legendy proložní, ve *čtvrté* J. VAŠICA druhou staroslov. legendu, přeloženou z latinské legendy Gumpoldovy, konečně krátký oddíl *pátý* přináší kanon ke cti sv. Václava a *šestý* jména sv. Ludmily a Václava v Kalendariích,

obé péčí prof. Vajse. Texty legend jsou otištěny v originálech se souběžným českým překladem, který pořídil většinou rovněž prof. Vajs. Překlad druhé stslov. legendy je od prof. Vašice, který také připojil otisk příslušného latinského textu Gumpoldova.

Prohlížíme-li znovu celou literaturu o církevněslovanských legendách svatováclavských od objevení t. zv. jihoruské redakce A. CH. VOSTOKOVEM r. 1827, jak ji sebral prof. FR. PASTRNEK r. 1903 úvodem ke své editio princeps redakce chorvatskohlaholské, a přihlížíme-li k diskusím, které se o vzájemném poměru jednotlivých slovanských textů rozvinuly počátkem XX. století, hlavně účastí VATROSLAVA JAGIĆE a JOSEFA PEKAŘE (tuto novější literaturu zaznamenává právě Vajsovo vydání), nemůžeme býti na pochybnostech o tom, že první, původní staroslověnská legenda svatováclavská je jedno z nejvýznamnějších děl staroslověnského písemnictví. Byla to skladba původní, nikoli překlad, byla psána jazykem staroslověnským; její vznik třeba hledati v době blízké smrti sv. Václava, tedy asi *kolem polovice X. věku*, ještě za života Boleslava I., a to *na půdě české*, která zde zanechala viditelné stopy v bohemismech. První slovanská legenda o sv. Václavu je tedy významný památník periody českocírkevněslovanského písemnictví, a domnívám se, že její skladatel byl Čech, ovšem duchovní, znalý církevněslovanského jazyka, slovanské liturgie a písma hlaholského, neboť legenda byla nepochybně původně napsána hlaholsky. Důkazy těchto tvrzení, které VAJS jednak ze starší literatury cituje, jednak nově uvádí, jsou nesporné. Přirozeným důsledkem těchto názorů je také silnější zdůraznění církevněslovanské periody v počátcích české kultury, v němž se Vajs stýká s výše citovaným Jakobsonem. S plným souhlasem třeba citovati významný VAJSŮV odstavec (str. 5): »O slovanské liturgii v Čechách, rázovité to stopě, kterou u nás zanechalo působení slovanských apoštolů Cyrila a Metoděje, mluvívalo se jako o »útlé květině pokojové«, která českému podnebí nikdy nepřivykla (V. JAGIĆ), a zatím znova a znova přicházíme na doklady, že myšlenka cyrilometodějská zapustila i v Čechách hlubší kořeny, nežli se myslilo nebo než jsme zvyklí se domnívat. Starobylé rysy hlaholského textu původní legendy svatováclavské vedle bohemismů, příbuznost této legendy s nejstaršími církevněslovanskými památkami, druhá legenda slovanská o sv. Václavu, přeložená z pramenů latinských, ospravedlněný (rehabilitovaný) Kristián, který vypráví o slovanských apoštolech (Cyrilu) a jejich působení a snad si vypůjčuje myšlenku a rčení ze staroslověnské legendy svatováclavské, Kosmas usvědčený ze stranictví a nepřízně k liturgii slovanské, který zamlčuje události, předělává historii a snad i padělá listiny — to vše nutí, abychom si opravili dosavadní mínění a zprávy o prvním období slovanské liturgie v Čechách, názory, které pocházely dílem z nedostatečné znalosti pramenů, dílem snad měly kořen v stranické vášni.«

První legendu svatováclavskou nemáme ovšem zachovánu v původní podobě, nýbrž v pozdějších redakcích, a tyto zase v několika rukopisech, poměrně mladých. Jak známo, jsou to: 1. cyrilská jihoruská redakce t. zv. Vostokovská zachovaná *v jediném* rukopise Toržestvenniku, teprve ze XVI. stol.; 2. cyrilská severoruská redakce v Makariových Velikých Minejích, zachovaná v několika rukopisech XVI.—XVII. stol. (Serebrjanskij jich prohlédl sedm); 3. chorvatskohlaholská redakce, zachovaná ve čtyřech breviářích XIV.—XV. století. Žádná z těchto redakcí nám nezachovává původní znění neporušené, a je tedy otázkou, která jest mu nejbližší, resp. na kterém základě by bylo lze rekonstruovati původní znění. Rozřešení této otázky leží na cestě, kterou naznačil již r. 1903 prof. PASTRNEK a kterou podrobněji zpracoval nyní prof. VAJS: žádný ze zachovaných rukopisů sice nereprodukuje prvotní českocírkevněslovanskou legendu svatováclavskou beze změny, ale nejbližší jí jest *redakce chorvatskohlaholská*, zvláště její

nejlepší člen, t. j. rukopis novljanský[1]. Je třeba si povšimnouti také toho, že rukopisy této redakce, ačkoli jsou také poměrně pozdní a vzdáleny od doby vzniku prvotní redakce asi 450 let, jsou přece jenom nejstaršími zápisy této legendy, a jsou rozhodně starší, nežli zachované rukopisy redakcí ruských. Uvážíme-li, že nejstarší člen chorvatskohlaholské redakce, totiž breviář římský, pochází z r. 1379, tedy z doby, v níž latinskočeské legendy svatováclavské měly za sebou již velmi složitý vývoj, v době Karla IV. v podstatě ukončený, musíme se dokonce podivovati starožitnosti legendy chorvatskohlaholské, která zachovala ještě staroslověnský ráz jazyka, jasně prosvítající skrze dialektické roucho pozdějších opisovačů, a při tom ani nesetřela původní charakter obsahu, pojetí osob a událostí.

Legenda vostokovská obsahuje již několik obsahových odchylek, z nichž některé pokládám za vsuvky proti ztracené původní předloze. Domnívámť se, že původní redakce byla jednak opisována hlaholsky a dostala se, neznámo kdy, na jih cestou tehdejších česko-chorvatských církevních styků (doložených m. j. Vídeňskými listy Jagićovými asi z poč. XII. stol.), jednak byla přenesena, a to přímo z českého území, nikoli chorvatskohlaholským prostředím, na území ruské, tam opisována cyrilsky a poněkud pozměňována, až došla v XVI. věku podoby nám zachované v citovaném Toržestvenniku. Kdy se dostala svatováclavská legenda na Rus, nelze sice přesně určiti, ale stalo se to jistě ne později než v první polovině XI. věku, neboť již syn kyjevského knížete Jaroslava byl r. 1036 křtěn jménem sv. Václava, jak dosvědčuje kyjevský letopis. A pro tehdejší styky česko-ruské svědčí stejně závažně kanon k sv. Václavu, obsažený již v nejstarších ruskocírkevněslovanských Minejích z let 1095—1097 (viz JAGIĆ, Carminum Christianorum versio palaeoslovenico-rossica. Menaea septembris, octobris, novembris, Petropoli 1886, str. 213—222, otiskl VAJS v přítomném souboru, str. 139 n.), jako skutečnost, že r. 1095 byly v sázavském klášteře uloženy ostatky kyjevských svatých Borise a Gleba.[2]

Při přesazení na půdu ruskou byla původní legenda měněna také po stránce jazykové: byla rusisována. A domnívám se, že teprve při tomto rusisování se do ní dostaly také četné termíny řeckoslovanské, tedy výrazy ukazující na *sféru byzantskou*, jichž v redakci chorvatskohlaholské ovšem není; soudím, že ani v ztracené původní redakci jich nebylo. Srovnejme aspoň těchto několik míst:

text Vostokovský:

и пѣвшимъ литꙋргию въ цр҃кви ст҃ыѧ мр҃иѧ

к недѣлю же бѣ литꙋргиѧ козмы и дамьꙗна и слышавъ литꙋргию

text Novljanský:

вспѣвшимь же имь машоу

в' недѣлю же бив'шоу праз'д'никоу коуз'ми и дом'кна, послоушавь маше...

Z takovýchto příkladů vyvozuji, že český skladatel prvotní církevněslovanské legendy svatováclavské náležel tomu směru církevněslovanského písemnictví, jemuž přičítám též Kyjevské listy a některé jiné památky latinskoslovanské, na něž upozornil SOBOLEVSKIJ (viz můj nekrolog o něm v Almanachu Čes. akademie za rok 1929), t. j. *ritu římskému*.

Přes tuto různost ducha, která se jeví mezi prvotní legendou a její chorvatskohlaholskou redakcí na straně jedné a legen-

[1] Význam rukopisu novljanského zdůraznil také *J. Slavík* v článku Svatý Václav a slovanské legendy, ve sborníku k 70. narozeninám P. N. Miljukova (v Praze 1929), ale dal se strhnouti k tendenčnímu zkreslování, zvl. v pochybnostech o slovanské liturgii v Čechách v X. století.

[2] Viz čl. *Jos. Vašica*, Význam svatého Borise a Gleba v tradici svatováclavské, ve Svatováci. sborníku Akordu, v Praze u Kuncíře 1929, str. 59—76.

dou vostokovskou na straně druhé, obě tyto redakce, t. j. chorvatskohlaholská a vostokovská, patří těsně k sobě a tvoří vlastně spolu jednu třídu, třídu staršího stadia církslov. svatováclavských legend. Naproti tomu texty minejní čili redakce severoruská jsou jazykem (stilem) i obsahem stadium mladší a jsou slovesně i historicky významu sekundárního. Tím zřejmě odporujeme prof. PEKAŘOVI, který hlásal opak; ale námitky, jimiž VAJS (str. 6 n.) vyvrátil mínění Pekařovo, jsou přesvědčující, a mohly by ještě býti rozhojněny. Nemá tedy býti redakce severoruská spojována s jihoruskou, jako se stalo i v tomto vydání: mají společný ovšem vnější rys, totiž ruské jazykové roucho; ale vnitřně patří jihoruská k chorvatskohlaholské. Severoruská není ani přímou obměnou jihoruské ani chorvatskohlaholské: shodných míst textu chorv.-hlah. s vostokovským je podle VAJSE 45, vostokov. s minejním 29, chorvatskohlah. s minejním 13. Text minejní je tedy výsledkem samostatného vývoje, na jehož začátku byla patrně verse, odvozená rovněž přímo z některého opisu redakce původní, ale ta byla pozměňována pozdějšími vsuvkami a přídavky, z nichž některé, možná, lze vyvoditi z ruského opisu druhé církslov. legendy, t. j. Nikolského.

Tato t. zv. druhá církslov. legenda náleží rovněž české větvi církevněslovanské literatury, a to ritu římského. Také ona vznikla na české půdě, prací českého duchovního, znalého církevněslovanského jazyka, a to poměrně nedlouho po první legendě, totiž koncem X. nebo na samém začátku XI. století. Také ona byla napsána původně písmem hlaholským, jak VAŠICA (str. 73 n.) přesvědčivě ukázal. Náležela tedy celkem témuž literárnímu prostředí, jako legenda první. Tím zajímavější jest, že mezi první a druhou legendou není těsného vztahu; první byla ovšem dílo původní, kdežto druhá — překlad z latiny.[1] Tento překlad byl velmi nesnadný, neboť šlo o sloh zhusta rhétoricky umělkovaný a květnatě vyzdobený. Na umělých pasážích Gumpoldova slohu umění českého překladatele často selhávalo; překladatel se dopouštěl častých anakoluthů, místy zjednodušoval a jen parafrasoval předlohu; naproti tomu části prostě vypravovací a dialogické se mu dařily slušně. Celkem překladatelská hodnota druhé církslov. legendy stojí značně níže než hodnota Kyjevských listů, přeložených rovněž z latiny, jejichž větosloví i copia verborum jsou ovšem mnohem jednodušší, ale také než technika jiných překladů církevněslovanských z téže doby. Tento rozdíl v technice překladu je jeden z důvodů (nikoli jediný!), proč musíme odmítnouti domněnku SOBOLEVSKÉHO, jako by překlady Kyjevských listů a legendy Nikolského byly dílem jedné a téže osoby. Práce překladatele této legendy byla ovšem znesnadněna ještě tím, že neměl před sebou původní text Gumpoldův, nýbrž opis místy vadný, a mimoto ještě přepracovaný; jeví ť slovanský text poměrně četné odchylky od originálu Gumpoldova, a naproti tomu má shody s leg. Crescente fide, a jak ukázal VAŠICA (s. 76 n.), také s leg. Ut annuntietur.

Proložní legendy o sv. Václavu a Ludmile představují podle mého mínění třetí stadium církslov. svatováclavských legend a jsou zajisté značně mladší než první i druhá církslov. legenda. Od těchto obou se liší podstatně také svým vznikem, neboť jistě vznikly nikoli na půdě české, nýbrž až na Rusi. Jejich místní i časovou vzdálenost od událostí v nich vypravovaných prozrazuje zvláště komolení osobních i místních jmen českých. SEREBRJANSKIJ (str. 57) se domnívá, že proložní legendy byly ve formě nám zachované upraveny ne dříve nežli na konci XII. stol., a možná že až začátkem XIII. stol., a to na území jiho-

[1] Ohlas první legendy v leg. Nikolského spatřuje *Serebrianskij* (s. 61) v tom, že na rozdíl od Gumpolda a ve shodě s původní stslov. legendou legenda Nikolského zmírňuje vinu Boleslavovu při zavraždění bratrově a větší část viny svaluje na jeho zlé rádce.

ruském (kyjevském). Nejstarší zachovaný text nalézáme v rkp. Prologu ze XIII.–XIV. století. Hlavním pramenem byla jihoruská redakce první církslov. svatováclavské legendy ve znění blízkém textu Vostokovovu; ale autor proložních legend o sv. Václavu i sv. Ludmile (obě legendy složil asi týž autor) znal asi také církslov. překlad leg. Gumpoldovy, jak SEREBRJANSKIJ (str. 59) pravděpodobně ukazuje. Naproti tomu podle mého mínění odvážný je dohad téhož badatele, že proložní legenda o sv. Ludmile byla vzdělána podle nezachované původní stslov. legendy o sv. Ludmile, kterou prý by bylo lze rekonstruovati (str. 57 pozn.). Naproti tomuto mínění se totiž zarážím nad tím, že v chorvatskohlaholské redakci se Ludmila vůbec nepřipomíná, že první staroslověnská legenda nemluví o Ludmilině zavraždění, a její snachu (a podle pozdějších legend vražednici) Drahomíru líčí jako dobrou matku a pečlivou panovnici, což jsou také hlavní rozdíly první slov. legendy od Kristiána. Domnívám se, že rozvinutí kultu sv. Ludmily spadá do doby pozdější nežli byl rozkvět církevněslovanské literatury v Čechách, t. j. až po konci XI. století, a že tedy rekonstrukce českocírkevněslovanské legendy o sv. Ludmile, která by měla patřiti do tohoto období, není s dostatek pravděpodobná.

Pokládáme-li za pravděpodobné, že vznik proložních legend spadá až na rozhraní XII. a XIII. věku, ke konci doby Kyjevské, pak ovšem nemůžeme s nimi spojovati vznik církslov. kánonu ke cti sv. Václava, který vznikl zajisté před koncem XI. století. Musili bychom tedy přijmouti mínění, ke kterému se přiklonil i prof. VAJS (str. 137), že tento kánon byl sestaven již podle *první* stslov. legendy. Bohužel, historie Minejí není dosud vůbec natolik zpracována, aby dovolovala závěr docela určitý.

Jak vidět, ani vzájemný poměr všech církevněslovanských versí svatováclavských není ještě docela jasný. V jednotlivostech pak toto souborné vydání ukazuje, že nemůže býti ukončením studia těchto památek, nýbrž teprve východiskem jejich kritického zkoumání. Podrobný filologický rozbor všech těchto památek je především nutný; podle jeho výsledků bude možná nutno měniti i jednotlivé úsudky historické. Tolik však je jisto, že tímto dalším zkoumáním význam církevněslovanských svatováclavských památek a s nimi celé periody českocírkevněslovanského písemnictví jen poroste. Zejména *první* staroslověnská legenda je památka prvního řádu, neboť i když přijmeme PEKAŘŮV obraz filiace latinských legend svatováclavských, je zřejmé, že první legenda staroslověnská je *starší* než Kristián, a jistě pojetím osob i událostí bližší poměrům za doby Boleslava I. nežli Kristián. Je to také vynikající dílo slovesné, podávající skvělé svědectví o spisovatelském umění v Čechách v X. věku. Ale i ostatní, méně rozhodující církevněslovanské památky svatováclavského kultu mají filologicky i historicky cenu vynikající.

Miloš Weingart.

ACTA CONVENTUS PRAGENSIS PRO STUDIIS ORIENTALIBUS ANNO 1929 CELEBRATI. *Olomucii 1930. Sumptibus Academiae Velehradensis 257 p.*

On sait que Velehrad en Moravie a été depuis la fin du XIXe siècle un centre religieux important pour les catholiques slaves. C'est là que, d'après la tradition populaire, se trouvait, au IXe siècle, le siège de Saint Méthode. Le millénaire de l'arrivée en Moravie des frères de Salonique, Cyrille et Méthode, célébré avec éclat en 1863, accrut considérablement le prestige de cette bourgade même aux yeux des Slaves orthodoxes. C'est ce qui explique que quelques idéalistes – l'Abbé STOJAN, archevêque d'Olomouc, depuis la guerre, en tête – aient conçu l'idée d'organiser à Velehrad même des congrès dits «unionistes», pour y discuter le problème de l'union des Églises orthodoxes et de l'église romaine. Trois

de ces congrès avaient déjà eu lieu quand éclata la guerre. La tradition a été reprise, la tourmente passée, en 1924 et en 1927. Le dernier congrès a notamment décidé la périodicité de ces assemblées qui devront être tenues tous les trois ans. Dans l'intervalle des réunions d'études ayant un caractère moins solennel, doivent être organisées dans les différentes villes slaves pour encourager les études relatives à l'Orient chrétien en général et à l'histoire des Églises slaves en particulier. Le congrès «oriental» tenu à Prague en août 1929 résulte donc des décisions prises à Velehrad en 1927. Les «Actes» du congrès, qui viennent de paraître, contiennent plusieurs communications présentant un certain intérêt et répondant au but de notre revue. Nous avons donc cru utile d'en parler, nous limitant, bien entendu, aux rapports nettement scientifiques et laissant de côté les communications d'importance secondaire.

La première communication fut celle de Mgr. D'HERBIGNY, recteur de l'Institut pontifical des études orientales à Rome, sur l'idée de «catholicité» dans l'Église et la vie de prière. (*De catholicitatis idea et vita orationis*). C'est un petit traité théologique, dans lequel l'auteur s'efforce de prouver que le signe de la véritable Église est son universalité.

Ce sujet dépasse le cadre de notre revue. On trouvera d'ailleurs des renseignements beaucoup plus complets sur cette question dans le livre que l'auteur lui-même a publié en 1927 sous le titre «Theologica de Ecclesia». Sa communication au congrès n'est guère qu'un résumé de quelques passages de son livre. On y trouvera pourrant une remarque intéressante pour les historiens de l'Église russe. Mgr. d'Herbigny attire l'attention des théologiens sur le fait que la traduction russe du Symbole de Nicée a subi un changement au XIVe siècle. (Cf. p. 2q). Le mot каѳолическую qui figurait dans la traduction primitive a été changé en соборную. Le fait est significatif du changement de doctrine des théologiens russes en ce qui concerne l'Église. L'auteur prétend que ces théologiens ont, depuis lors, interprêté ce passage du Symbole dans le sens de la doctrine «conciliaire». L'auteur promet du reste à ce sujet une étude spéciale qui doit paraître sous peu dans les «Orientalia Christiana».

L'étude de Mgr. GRIVEC, professeur à l'Université de Ljubljana, sur l'idée d'Église chez les Orientaux *(De orientali conceptu Ecclesiae)*, est aussi du domaine théologique. Ce n'est d'ailleurs qu'un raccourci d'idées que l'auteur a exprimées dans ses livres sur l'Église et surtout dans sa «*Doctrina byzantina de primatu et unitate Ecclesiae*», publiée en 1922 en tchèque et en latin dans la collection de l'Académie de Velehrad. On trouvera dans sa communication (pp. 34–35) un intéressant résumé des idées des théologiens russes modernes sur la constitution de l'Église. A la fin il recommande aux théologiens catholiques de tenir davantage compte dans leurs études de la doctrine de Saint Paul sur le corps mystique de l'Église. C'est ici, dit-il, que les doctrines des deux Églises devraient se rencontrer et aboutir à un accord. Il est curieux de noter que c'est un théologien slave qui fait cette critique de la théologie occidentale.

On trouvera plus de suggestions intéressant notre revue dans la communication de M. J. VAŠICA, professeur à la Faculté de Théologie d'Olomouc: «*De sancto Venceslao in documentis litterarum paleoslovenicis*». Sa conférence peut être regardée comme un supplément à sa publication de la seconde légende slave de St. Venceslas, dans le «Sborník staroslov. literárních památek o sv. Václavu a sv. Ludmile», ouvrage paru à Prague en 1929 sous la direction du professeur Vajs (voir plus haut, p. 453 la recension de ce travail). Dans la communication qu'il a présentée au congrès de Prague, M. Vašica tire certaines conséquences des quelques données nouvelles apportées par cette seconde légende slave. C'est ainsi qu'il accepte l'af-

firmation des légendes slaves suivant lesquelles St. Venceslas avait appris non seulement le slave et le latin mais également le grec et il attribue ce haut degré de civilisation de la Bohême du Xe siècle commençant à l'influence de la culture byzantine apportée en Moravie par Saint Cyrille et Saint Méthode et répandue de là jusqu'en Bohême. La chose a quelque vraisemblance, car on commence à constater, et de plus en plus, que l'influence byzantine sur ces pays, au IXe siècle au moins, a été plus grande qu'on ne le croyait naguère. Autre passage très intéressant, celui que M^r Vašica consacre à la diffusion de la liturgie slave en Bohême au Xe siècle. L'auteur en voit une preuve entre plusieurs autres dans la traduction slave de la légende de Venceslas composée en latin par l'évêque Gumpold de Mantoue. Cette traduction, connue sous le nom de seconde légende slave, mérite une place d'honneur à côté d'autres traductions slaves de textes latins faites en Bohême au cours des IXe et Xe siècles. Ces documents slaves sur St. Venceslas ont été naturellement écrits en caractères glagolitiques mais transcrits en caractères cyrilliques dans le couvent slave de Sázava, au XIe siècle. Le couvent de Sázava semble avoir été alors en contact avec l'Église russe; c'est du reste par cet intermédiaire que quelques Saints occidentaux ont pu passer dans le calendrier russe (St Venceslas, St Guy, St Adalbert) et que deux Saints orientaux — St Boris et S^t Glěb — ont trouvé place dans le calendrier de l'Église tchèque (pp. 50—53). Il est également très intéressant de noter les rapports des prêtres slavisants tchèques avec les prêtres croates. M. Vašica va jusqu'à prétendre qu'il serait bon de modifier notre opinion quant à la pénétration de la liturgie slave en Pologne, au Xe siècle. L'opinion contraire s'appuyait surtout sur l'hypothèse, désormais insoutenable, que la liturgie slave n'avait pas à cette époque de racines assez profondes en Bohême pour pouvoir, de là, pénétrer en Pologne.

Somme toute, l'étude de M. Vašica est une des meilleures communications qui aient été faites au congrès. On regrette presque que l'auteur n'ait pas exposé ses idées d'une façon plus ample. Ce qu'il dit en particulier de la diffusion de la liturgie slave en Bohême au Xe siècle est à reprendre et à approfondir encore. Notons que dans la bibliographie relative à Saint Venceslas l'auteur a omis le travail de Stejskal publié à Prague en 1924 (Život sv. Václava). Cet ouvrage est, il est vrai, un peu lourd mais il n'en est pas moins riche en renseignements se rapportant, par exemple, aux problèmes mêmes dont M. Vašica s'occupe tout particulièrement. Mon petit livre sur Saint Venceslas, d'ailleurs cité par la suite, aurait pu être également mentionné; il s'agit en effet d'un travail destiné surtout aux étrangers pour qui la littérature tchèque est inaccessible et publié, pour cette raison, en plusieurs langues, notamment en français, en anglais, en allemand et en italien.

Succédant à M^r Vašica, le Père DAMIEN GHIULOV a parlé des relations entre les Bulgares et le Saint Siège *(De relationibus inter Bulgaros et S. Sedem)*. Son travail ne présente pas beaucoup d'intérêt au point de vue scientifique et constitue une compilation qui rendra peut être néanmoins quelques services à ceux qui n'ont aucune idée du sujet traité. L'auteur y laisse trop apercevoir sa tendance qui est de prouver que les Bulgares ont souvent, dans leur histoire, manifesté des sympathies à l'égard de Rome et que par suite quelques espoirs semblent autorisés pour l'évolution future de la question de l'Union. Ce qu'il dit de Boris est un peu osé. Il va jusqu'à prétendre que ce fameux khagan avait l'intention, aussi tôt après sa conversion, d'introduire dans son pays la liturgie slave et que s'il n'a pas répondu aux invitations de Jean VIII relatives à l'union avec Rome, c'est qu'il craignait un refus catégorique de la part du pape quant à ce projet. Il n'y a dans tout cela que de simples affirmations à l'appui desquelles l'auteur

ne peut évidemment apporter de preuves.

Mgr. VAJS, professeur à l'Université Charles, a fait une courte et intéressante communication sur l'Union de Brest *(De Unione Brestensi a. 1595)*. Il est à regretter que cet illustre savant n'ait pas connu la publication de M. Šmurlo sur «Le Saint Siège et l'Orient orthodoxe russe 1609–1654», Prague, 1928. Il aurait pu y trouver d'abondants documents, tirés pour la plupart des Archives du Vatican et montrant de façon plus que claire – comment des catholiques romains, par leur manière d'agir, ont fait sombrer l'Union.

M. HENRI CICHOVSKI, professeur à l'Université de Lvov, a étudié de son côté les fondements philosophiques de la Théologie de l'Orient orthodoxe *(De fundamento philosophico theologiae orientalium separatorum)*. La base de la théologie orientale est, d'après lui, la philosophie néoplatonicienne. L'Orient serait resté fidèle à l'esprit de la célèbre école alexandrine, l'occident, au contraire, s'en étant rapidement affranchi, non sans avoir, du reste, subi lui-même une certaine influence (cf. influence des écrits de l'Aréopagite; St. Augustin). M. Cichovski voit dans le «bogoiskatielstwo» des théologiens modernes russes, la «γνῶσις» de Clément d'Alexandrie. Cette idée philosophique fondamentale n'a évolué que très peu. On peut remarquer l'influence de la théologie catholique dans la doctrine de la célèbre école théologique russe de Kijev. Quelques théologiens orientaux ont en outre subi celle du protestantisme (Cyrille Lascaris, Métrophanès Critopulos, Théophane Prokopovič). Plus profonde est d'ailleurs l'influence du protestantisme moderne. Fichte et Schelling attirent avant tout les théologiens orientaux modernes, parce que, dit l'auteur, ce sont leurs doctrines qui se rapprochent le plus du néoplatonisme. M. Cichovski conseille à tous les théologiens d'étudier surtout les travaux des penseurs orientaux qui se sont affranchis d'une certaine façon du néoplatonisme ou qui ont su en éviter les dangers, St. Chrysostome et St. Basile le Grand avant tous autres. Il énumère ensuite tous les écrivains byzantins qui ont propagé la philosophie d'Aristote contre celle de Platon et il attire en particulier l'attention sur l'école théologique de Kyjev qui, malgré son hostilité à la théologie occidentale a été largement influencée par les idées catholiques.

Notons ensuite les deux conférences prononcées par les représentants de l'Abbaye d'Amay en Belgique dont les membres veulent se spécialiser dans l'étude de la liturgie orientale. Le Prieur de l'Abbaye, DOM L. BEAUDOIN, a voulu prouver l'importance que peuvent présenter pour le rapprochement entre les Églises orientale et occidentale les études sur l'organisation ancienne de l'Église *(Utilitas scientiae de antiqua Ecclesiae disciplina)*. Prenant comme exemple le problème de la concélébration de la Messe dans l'Église orientale, il a prouvé dans sa courte communication que cet usage a existé dans l'Église primitive et qu'on en trouve des traces assez remarquables dans l'évolution de la liturgie occidentale. L'Église grecque, en conservant la concélébration est donc restée fidèle à l'usage qui a été autrefois commune aux deux Églises.

La conférence de DOM PL. DE MEESTER sur les cérémonies et les prières par lesquelles les Églises de rite byzantin bénissent et sanctifient les personnes et les objets, témoigne d'un grand amour et d'une estime profonde pour l'Église orientale *(De precibus et caeremoniis, quibus in ecclesiis ritus byzantini personae, loca et res benedicantur atque sanctificentur)*. Par une analyse minutieuse de ces différentes prières et cérémonies, l'auteur a prouvé que l'Église byzantine connaît presque toutes les bénédictions dont abonde le rituel de l'Église romaine. Certains rites qui semblent tout à fait particuliers à l'Église orientale peuvent même trouver leur pendant dans quelques usages locaux de l'Église romaine, par exemple la béné-

diction de l'eau par simple immersion de la Croix comme la pratique l'Église russe et l'immersion des reliques de Saint Pantaléon pratiquée à Rome dans l'église vouée à ce saint. Il serait à souhaiter que la liturgie de l'Église byzantine soit étudiée d'une façon plus approfondie par les théologiens occidentaux. Il y a encore beaucoup à faire dans ce domaine et nous espérons que les Bénédictins d'Amay s'y spécialiseront.

Le professeur J. SLIPYJ, de Lvov, a donné quelques directives pratiques en ce qui concerne le développement des études théologiques dans l'Église orientale *(Disceptationes quaedam progressum theologicum in Oriente spectantes)*. Il se trouve sur bien des points en accord avec M. Cichovski, surtout lorsqu'il recommande les écrits des théologiens byzantins à tendances aristotéliciennes.

Qu'il me soit permis, en terminant, de citer ma propre communication (FR. DVORNÍK: *Quomodo incrementum influxus orientalis in imperio byzantino s. VII–IX dissensionem inter ecclesiam romanam et orientalem promoverit)*. J'y ai étudié l'orientalisation de l'Église byzantine et l'influence de ce fait sur la séparation des Églises. L'orientalisation de l'Empire byzantin est un fait très connu et on est également d'accord, en général, sur les conséquences de ce fait pour les destinées de l'Empire. Mais les influences orientales ont pénétré aussi l'Église byzantine et les querelles iconoclastes montrent bien quelle a été leur importance. Le génie grec est resté victorieux, c'est vrai, mais il a dû accorder quelques concessions au génie oriental. On sait, par exemple, quelle tournure a prise, depuis, l'évolution de l'art religieux. Une autre conséquence a été le renforcement du pouvoir absolu de l'empereur. Ici aussi, les orthodoxes vaincus ont été obligés de se contenter d'un compromis: l'Empereur garde pour toujours un certain «jus circa sacra» malgré l'effort des moines qui réclament une liberté absolue de l'Église, mais il ne permet pas au clergé de se mêler des affaires de l'État. Mettons en parallèle l'évolution toute différente de l'Occident où le pape devient petit à petit l'arbitre incontestable entre les rois et où le clergé, représentant presque exclusivement la classe intellectuelle, commence à jouer un rôle prééminent dans les affaires publiques. Il faut attirer surtout l'attention sur un fait qui n'a pas été suffisamment souligné par les historiens de l'Église. Pendant la période qui va du VIIe au IXe siècles, l'élément oriental prédomine dans l'Église byzantine. Les invasions slaves ont eu une importance immense sur son évolution ultérieure et sur le sort de l'Église universelle. Les provinces occidentales de l'Empire ont été dévastées par elles et sont devenues pour la plupart pays de missions. Ce sont les prélats des éparchies de l'Asie Mineure qui ont dirigé les affaires de l'Église lors des conciles œcuméniques, car le nombre des représentants des provinces occidentales était minime, ainsi que le prouvent les listes de signatures qu'il faut examiner minutieusement et l'état nominatif des prélats des provinces européennes participant aux conciles de cette époque, état que j'ai joint à ma communication en essayant de le dresser aussi complet que possible. Il est surtout à regretter que l'ancien Illyricum ait disparu. Les deux parties de l'Illyricum ecclésiastique auraient pu former la transition entre l'Occident latin et l'Orient. En amenant sa destruction, les invasions slaves ont porté un immense préjudice à l'évolution ultérieure de l'Église considérée dans son ensemble.

Telles sont les communications présentant un caractère scientifique. En dehors d'elles, les «Acta» contiennent encore le texte de plusieurs conférences destinées à un public plus large. Notons d'abord la conférence du Père BOURGEOIS *(Psychologica Russorum ad occidentalem culturam relatio quomodo influat in eorum conceptum de ecclesia)* qui contient quelques remarques très justes sur la psychologie des Russes et

sur leur manière de juger les choses occidentales. L'auteur, un Français de rite oriental, a acquis une grande expérience pratique par ses séjours prolongés au milieu de la population russe de Pologne et de Russie Subcarpathique.

D'autres conférences de ce genre méritent également une citation: celle du Père Spáčil, professeur à l'Institut pontifical oriental, sur l'orthodoxie et le principe de l'Unité dans l'Église (Pravoslaví a princip jednoty církevní), celle de Mgr. Vykoukal sur la tradition des Saints Cyrille et Méthode en Bohême (Cyrillomethodějská tradice v Čechách), celle du Père de Belloy sur «Pie XI et le retour de l'Orient à l'Unité», celle enfin de M. V. Vilinskij sur la religiosité russe (O ruské náboženskosti). Pour compléter la publication, on a donné quelques comptes-rendus relatifs aux efforts faits dans les différents pays pour le rapprochement des Églises et la lettre du pape Pie XI autorisant la convocation du congrès figure en première page.

Comme on le voit, les «Acta» contiennent un certain nombre de communications de valeur très différente. Qu'on nous permette une petite critique: L'ensemble donne une fâcheuse impression de confusion, les sujets traités au congrès étant vraiment trop variés. On recommanderait volontiers aux congrès «unionistes» un peu plus d'unité dans leur programme de travail. L'idéal serait de choisir un problème particulièrement brûlant et de le faire étudier sous plusieurs aspects par un certain nombre de savants. Les rédacteurs des «Acta» ont d'ailleurs contribué par eux-mêmes à augmenter l'impression de confusion en publiant les communications pêle-mêle, sans chercher à introduire un peu de cohésion et de logique. Il aurait été pourtant facile de les grouper sous des rubriques générales: études théologiques, études historiques, généralités. L'ensemble de la publication y aurait énormément gagné. Il faut d'ailleurs se féliciter de ce que les études orientales exercent tant d'attraction sur les membres du clergé et souhaiter que le nombre des ecclésiastiques qu'attirent ces problèmes aille toujours grandissant.

Fr. Dvornik.

ZPRÁVY.

NOVOU SBÍRKU PRACÍ VĚNOVANÝCH OTÁZKÁM BYZANTINOLOGICKÝM A NOVOŘECKÝM ohlašují v posledním čísle za duben-červen 1930 *Echos d'Orient*. Sbírka se bude jmenovati *Collection d'Etudes Byzantines et Néo-Grecques* (pod slovem »byzantin« je zahrnuta zde i sféra byzantsko-slovanská) a bude mít stejný program jako *Echos d'Orient:* bude totiž chtíti přispívati jednak k pokroku studií byzantinologických, jednak k pokroku myšlenky sjednocení církví. Je známo, že *Echos d'Orient* byla založena L. PETITEM, který byl jich prvním vedoucím redaktorem a jsou nyní ve svém 33. roce a 29. ročníku; vydávají je francouzští augustiniáni de l'Assomption v Cařihradě, kde mají svoji *Maison d'Etudes Byzantines*, založenou r. 1895 na přání papeže LVA XIII. Ti také budou vydávat novou sbírku.

Ohlašovaný program této nové sbírky zásadně zdůrazňuje zřetele církevní, ale nehodlá vylučovat ani otázky laické. Budou tam tedy díla z dějin politických a náboženských, theologie, filosofie a vědy o náboženství, práva občanského a kanonického, archeologie a liturgie, topografie, dějin umění, dějin písemnictví, filologie a o byzantských institucích.

Tyto práce budou rozděleny na *řadu studií* a *řadu textovou*. První má začíti vycházeti ještě letos, druhá za nějaký čas. *Echos d'Orient* podávají již první publikační seznam a program.

V tisku jsou již tyto práce:

Un éducateur byzantin: Jean, métropolite d'Héraclée du Pont, oncle et maître de Nicéphore Grégoras. Par le R. P. V. LAURENT. Studie a text, 100 stran.

Un médecin byzantin: Alexandre de Tralles, sa vie et ses oeuvres. La médecine byzantine et la pharmacopée byzantine au VIe siècle. Par le Dr. F. BRUNET. Studie, 360 stran

Budou následovati:

Histoire du monothélisme. Par le R. P. GRUMEL. Studie, 300 str.

Introduction à l'étude des listes épiscopales des cinq premiers conciles oecuméniques: Essai de géographie ecclésiastique prébyzantine. Par le prof. Dr. E. GERLAND. Studie, 300 stran.

Les Eglises latines de Constantinople: Essai de nomenclature et de topographie. Par E. DALLEGGIO D'ALESSIO. Studie s obrazovými přílohami, 120 stran.

Un patriarche catholique à Byzance: Jean XI Beccos (1275—1282). Par le R. P. V. LAURENT. Studie, 520 stran.

L'épiclèse eucharistique: Etude de théologie et de liturgie. Par le R. P. S. SALAVILLE. Studie, 350 stran.

Mélanges d'histoire et de topographie byzantines. Par le P. J. PARGOIRE. Studie s obrazovými přílohami, 300 stran.

Vycházeti budou tyto publikace nepravidelně (v Paříži u Geuthnera), ale tak, že ročně vyjde celkem 600—700 stran in 8°.

J. Frček.

LE QUIENŮV »ORIENS CHRISTIANUS« V NOVÉM ZPRACOVÁNÍ. Již před třiceti lety ohlásil v třetím ročníku *Echos d'Orient* L. PETIT v článku věnovaném LE QUIENOVU »*Oriens Christianus*« (str. 326—333), že *Echos d'Orient* vezmou na sebe část úkolu svěřeného Francouzské škole v Athénách při jejím založení a že provedou pro kraje užívající řečtiny přepracování monumentálního díla LE QUIENOVA,[1] jež přes své stáří, své mezery a nedostatky zůstalo stále ještě nejlepším informátorem o dějinách východních katolických patriarchátů. Pro tento úmysl získala

[1] Michael Le Quien, O. F. P.: Oriens christianus, in quatuor patriarchatus digestus, quo exhibentur Ecclesiae patriarchae, caeterique praesules totius orientis. (I. VIII str., 1450 sloupců, L str. indexů. II. IV str., 1606 sloupců, L str. indexů. III. II str., 1416 sloupců, XXVIII str. indexů.) Parisiis 1740.

tehdy *Echos d'Orient* oporu i 2. sjezdu křesťanské archeologie v Římě (r. 1900). Přepracování to však až dosud vydáno nebylo. Až teď ohlašuje V. LAURENT v *Echos d'Orient* v čísle za duben-červen 1930, že se o díle pracuje a že práce pokračuje, a slibuje, že vbrzku zvláštní pojednání úplně vyloží výsledky dosud dosažené, pracovní podmínky a užívanou metodu, rozsah proponované excerpce, dosavadní stav a systém různých lístkových katalogů a podrobný plán budoucí publikace, z níž vydavatelé hodlají podat ukázku na byzantinologickém sjezdu v Sofii r. 1933. Po tom všem, co bylo až dosud vykonáno, je však vidět — praví V. LAURENT, — že jakoukoliv vážnou a trvalou práci nebude v tomto směru možno vydati dříve, dokud nebudou pořízeny dvě řady předběžných prací, z nichž jedna řada bude věnována kritickému vydání *Notitiarum episcopatum* a druhá podá inventář oficielních listin čtyř velkých řeckých patriarchátů. První tedy podá přesný rámec zeměpisný, druhá umožní zejména pořídíti moderní historii institucí a těch, kdož je řídili. Autor hodlá pořídíti obojí sám.

J. F.

JAZYKOZPYTNÝ ROZBOR NOVOZÁKONNÍ ŘEČTINY je velmi důležitý pro studium staroslověnských a vůbec církevněslovanských evangelských textů. Správné ocenění překladatelských hodnot církevněslovanských památek a také řešení jejich textověkritických problémů, zvláště otázky o redakcích církevněslovanských textů, nejsou možné beze správného chápání řeckého jazykového základu, ať již tímto základem je koiné, jako v bibli, nebo řečtina byzantská. Proto s potěšením zaznamenáváme nový a cenný příspěvek české literatury vědecké, rozsáhlou a podrobnou monografii brněnského klasického filologa FERDINANDA STIEBITZE: *Studie o slovesném vidu v řečtině novozákonní.* (Věstník král. čes. Společnosti nauk, za r. 1929, v Praze 1930, č. IV., stran 182) = *Etude sur l'aspect verbal dans le grec du Nouveau Testament,* en tchèque, avec résumé en français dans les Mémoires de la Société R. des sciences de Bohême, classe des lettres, année 1929, Prague 1930. Stiebitz se soustředil na jeden ze základních problémů řecké koiné, který má také rozhodující důležitost pro staroslověnskou syntaxi, totiž problém vidu slovesného. Jde mu o starou otázku, již od dob Curtiových řešenou, lze-li v novozákonní řečtině uznávati perfektivaci sloves předponami. Opatřiv si důkladný rozhled po příslušné jazykozpytné literatuře a správně vybrav studované texty, podnikl jinou cestou práci, kterou nedávno vedle něho vykonal a před ním ukončil polský filolog A. RAPAPORT. Jako on, i STIEBITZ dospěl k záporným výsledkům; oběma badatelům, polskému i českému, zajisté na podporu jejich zkoumání byl vrozený cit pro slovesný vid, vlastní jen Slovanovi, a zřetel ke slavistické literatuře. Po stránce methodické má Stiebitzova práce širší význam pro linguisty vůbec, protože přispívá k vyjasnění některých pojmů v theorii slovesných vidů, jíž se STIEBITZ již dříve zabýval, a zdůrazňuje zejména rozlišování momentu subjektivního a objektivního. Ale těžiště jeho studie leží v podrobném ohledání všech sloves sem hledících, doprovázené hojnými citáty z evangelií, vždy s českým překladem. Materiál je rozdělen do dvou částí: v první STIEBITZ zkoumá formální platnost předpon v kompositech novozákonních, a to jednak u sloves s jednou předponou, jednak u sloves se dvěma předponami. Dochází k výsledku, že »předpony mají, ne-li vždy, tedy dozajista většinou platnost formální... Ve své formální platnosti předpony určují sloveso terminačně, to jest naznačují uskutečňování děje, jeho začátek nebo ukončení...« »Z toho ještě nevyplývá, že musely slovesa perfektivovati, měniti slovesa nedokonavá v dokonavá. Formální platnost má v češtině předpona i v nedokonavých terminativech, na př. *ožívám.* Ale tím, že řecké předpony formální platnost měly, je dána možnost, že perfektivovaly. Je tedy třeba vyšetřovati

dále, zda slovesné předpony v řečtině novozákonní perfektivovaly čili nic« (str. 78—81). To je předmětem druhé části Stiebitzovy práce. Zde zase jsou zvláště probrána novozákonní komposita ve tvarech kmene praesentního, při čemž jsou vždy všecka komposita seskupena k svému základnímu slovesu, opět s hojnými doklady, doprovázenými dobrým překladem. Výsledkem této analysy jest, že se STIEBITZ »nesetkal ani s jediným příkladem, kde by bylo nutno uznávati, že předpona změnila nedokonavé sloveso ve tvarech tvořených od kmene praesentního ve sloveso nedokonavé« (str. 151). Stiebitz pak dotvrzuje tento výsledek ještě opačnou zkouškou, shledávaje ty rysy novozákonní řecké syntaxe, které jsou svědectvím proti uznávání perfektivace (některé vazby infinitivní, praesens gnómické a j.). STIEBITZOVA studie bude nutnou pomůckou slovanským syntaktikům, zejména pokud jde o vliv řeckých slovesných sémantických rozdílů a o rozlišování řeckého imperfekta a aoristu v textech církevněslovanských. *M. W.*

VALERIJ POGORĚLOV: НАПИСАНІЯ ГРЕЧЕСКИХ СЛОВ В КИРИЛЛО-МЕѲОДІЕВСКОМ ПЕРЕВОДѢ ЕВАНГЕЛІЯ. *(Из наблюденій в области древне-славянской переводной литературы. V.)* Slavia VII, 1929, 871—884.

Autor probírá jednotlivé hlásky řecké abecedy a ukazuje, jak se vyjadřují v psaní řeckých slov v nejstarším slovanském překladě evangelním (Zogr., Mar., Assem., Sav., Ostr.).[1] Nehledíme-li k některým slovům, která byla přijata již dávno před dobou cyrilometodějskou a která podlehla zvláštním změnám, zachovává se psaní řecké beze změny, pokud jsou v slovanštině příslušné hlásky; jinak je snaha přizpůsobit psaní řeckých slov slovanské výslovnosti, takže se některá z nich objevují nakonec v slov. překladě se značnými změnами.

[1] Otázka řeckých slov v stslov. památkách (nejen v evangeliích) zasluhuje podrobného a všestranného rozboru, nejen hláskového neb orthografického.

K článku budiž dovoleno několik poznámek. Především by si bylo přáti větší přesnosti v citování příkladů, srv. na př. z materiálu pro ѥ, ѣ za ř. αι (str. 876—7), který jsem zkontroloval: галилеискъ v Zogr. a Mar. není v Mr. 1. 18, nýbrž 1. 28, июдеискъ v Zogr. a Mar. jest i v Lk. 5. 17, июдеѣмъ je též v J. 4. 3, июдеи nikoliv v J. 2. 8, nýbrž 2. 18, též 7. 1 a 7. 3, v J. 19. 9 je v Zogr. приторъ, ne преторъ a nenáleží tedy k případům s -ѥ- v obou tetroevangeliích (при- lidovým spojením s předložkou при), галилеаннинъ není v Zogr. Mr. 14. 17, ale 14. 70, іюдеи je též v Zogr. J. 9. 22 (Mar. má -ѣ-, Ass. -ѥ-), v J. 7. 45 je v Zogr. podobně фарисеомъ (Mar. -ѣ-, Ass. -ѥ-), v Mar. je елисеи Lk. 4. 27, ne 4. 37 (v Jagićově indexu je chybně 288. 15 m. 208. 15), июдѣи se neprávem uvádí z Jana 1. 19, 18. 14 a 18. 20 jako společné Zogr. a Mar., v Mar. je mezera a ve vydání je otištěn text ze Zogr., июдѣи je však v obou textech též v J. 19. 20, фарисѣи též v J. 7. 32 a 7. 47, галилѣѣмъ Mt. 19. 1 nelze s Mar. dobře srovnávati, protože jde o Zogr. b a j.

Třeba dále uvésti, že P. necituje starších pojednání o věci, ač by mu byla, jak se zdá, znalost starší odborné literatury někdy prospěla. Myslím zvláště na studie VASMEROVY v Изв. XI, 2, 1906, 386—413 a XII, 2, 1907, 197—289, dále na příležitostné stati a poznámky MEILLETOVY, na př. Lettoslavica, MSL. XI, 1899, 173—186, Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave I, 1902, 187—190, Les premiers termes religieux empruntés par le slave au grec, MSL. 20, 1918, 58—60 a j., pro ѳ na R. NAHTIGALA, Razprave I, 1923, 135 sl., nebo na MARGULIÉSA, AslPh. 41, 1927, 87 sl., 168 sl. a j. Alespoň by bylo potřebí k některým starším výkladům zaujmouti stanovisko.

Velmi opatrní musíme být při srovnávání řeckých slov se slovanskými. Jak je známo, výpůjčky se dály v dobách různých a cestou rozličnou (knižní i lidovou) neb i prostřednictvím jiného jazyka; není správ-

né (ani se statického stanoviska), že na tyto okolnosti nehledí POGORĚLOV vůbec nebo pramálo. Nesmíme tedy beze všeho srovnávati řecké znění prvotné neb klasické se slovem slovanským, protože by se mohlo státi, že bychom vydávali za změnu slovanskou změnu vlastně řeckou. Tak prof. POGORĚLOV uvádí na str. 878 sl., že za skupinu -ευι-, -ευη- máme -ѥвьѣ- a odtud -ѥвѣ-, -ѥвѣ-, srv. левьѣитъ — λευείτης, též ἀλόης — алгоуино, олъгоуино atd., a cituje VOSTOKOVA, aby vyložil, proč máme v slov. o hlásku více. Ale VASMER ukázal (Изв. 12, 2, 212), že se spirant γ jeví už na půdě helenské, není tedy левѣина, левьгина za λευεί, nýbrž za λευγεί, левьѣитъ je z λευγίτης, нинивѣитъ z νινεβγίτης, параскевѣина z παρασκευγή (tu je i vznik sufixu zajímavý), k алъгоуи srv. Vasmer l. c. 219. Nebo čteme u P. (881) výklad, že se п před т proměňuje ve ѳ neb ve к ve slově Σάρεπτα: сарефтѫ, сарептѫ, po с že se ѳ zaměňuje hláskou к (власвимисаетъ), ale πτ > φτ je opět změna řecká; o osudu πτ, σφ v stslov. by byl autor nalezl buď výklad MEILLETŮV (MSL. XI, 173 sl.) nebo u VASMERA (Изв. 12, 2, 216), který předpokládá pro změnu φ > β a ϑ > δ prostředí makedonské. Podobně asi керинѣискъ není z κυρηναῖος (str. 874 sl.), nýbrž z *κερηναῖος, vzniklého změnou ιϱ > ερ (VASMER l. c. 209). Leckdy bychom si též přáli výklad, proč rozličné hlásky slov. odpovídají jediné hlásce řecké a p., jen někdy je výklad podán.

Několik jednotlivostí. Na dvou místech snaží se P. dovoditi, že rozdíly ve psaní řeckých slov mají původ v rozdílnosti překladatelů evangeliáře a částí doplněných. Jde o střídání ѥ a ѣ za ř. ε a αι. P. chce vykládati ѣ čistě graficky. Bylo prý zavedeno teprve v tetrech k vyjádření ř. αι k odlišení od ε; je-li ѣ i za ѥ, je to tím, že se v řeckém originále mísilo ε a αι. V evangeliářích bývá za ε i αι ѥ, ale v Zogr. a Mar. je vedle ѥ též ѣ. Původně bylo i v tetrech v částech evangeliářních jen ѥ, v částech doplněných ѥ i ѣ, teprve později nastalo pomíšení obojího způsobu psaní, prvotního i novotářského. Ale to jsou jenom hypothesy, kterým věřiti nemusíme. Ass. nevyniká starobylostí pravopisnou nad Zogr. a Mar.; vzhledem k zachování v evangeliářních kodexech není podle mého přesvědčení nutné viděti ve výlučném ѥ stav starší než v mísení ѥ i ѣ. Mohl se již v původním překladě evangeliářním jeviti jistý rozdíl ve psaní ѥ a ѣ za ε a αι nebo i za ε v určité posici (srv. Vasmer, Изв. 12, 2, 203[1] a 207). Nebyl by jej v tom případě Konstantin — jemný fonetik — vyjádřil? Nebylo snad jen v částech kompletorních mísení ѥ a ѣ pokročilejší než v evangeliáři? Ale i kdybychom připustili, že bylo původně jen ѥ za ε i αι, nemusilo ѣ vzniknouti při doplňování, mohlo se objeviti teprve v pozdějším opisu, Zogr. a Mar. společném to originálu. Materiál POGORĚLOVŮV ze Zogr. a Mar. totiž nevede k jistějším závěrům. Při málo trvanlivé grafické tradici je ovšem těžko něco dokazovati, ale právě proto také nelze — není-li potřebného svědectví — něco tvrdit. Tak všechna místa s -ѣ- v slově мосѣа a d. jsou obsažena v částech evangeliářních, slovo аньдрѣа (v Mar. vždy s -ѣ-) je pětkrát v částech evangeliářních a pětkrát v částech doplněných, ефимѣриѭ Lk. 1. 5 je v evangeliáři též (srv. také Vasmer l. c.). Naopak z dokladů s -ѥ-, jako мосеови v Mar. (celkem osmi) nejsou 4 v Ass. doložena a dvakrát má Ass. jiné čtení. O něco lépe je při αι, počítáme-li jen doklady společné (v aprak. částech je podle mého výpočtu ѣ asi v 28%, ѥ v 72%, v komplet. ѣ asi 35%, ѥ 65%), ale i tu je věc nejistá. Kromě toho myslím, že případy společné za měřítko stavu evangeliáře a komplet. částí brány býti nemohou; původně musila býti shoda v případech všech, to se však později změnilo a my tedy nevíme, jaký byl přesně původní stav; dokonce si můžeme představit i to, že případy shodné v Zogr. a Mar. nebyly shodné v společném originálu. V Zogr. je celkem 281 případů

s -ѥ- i -ѣ- za αι, z toho je 160 dokladů v evangeliáři a tu 41% ѣ, 59% ѥ, v částech doplněných je ze 121 případů 60% (72) s -ѥ- a 40% (49) s -ѣ-, tedy téměř totéž. Atd. O domněnce prof. POGORĚLOVA tedy pochybujeme.

Autor neuvádí vedle psaní диѣколъ tvaru дьѣколъ (srv. MEILLET, MSL. 20, 58 sl., KUL'BAKIN, JФ. 5, 328); není uvedeno лазарь, лазоръ, tvary s -ѣи za -ευς, назарѣтъ vedle назаретъ, nezmiňuje se o *sc* v tvaru пасцѣ, o *d* v издранию atd. Jak si spisovatel představuje «сходство начертанія» hlah. ѵ a оу (875)? вельзѣколъ (875) vzniklo asi přikloněním k domácímu колъ. Nelze klásti do jedné řady s καὶσαρος — кесарѣ *i*- kmeny jako ѿ тамари (Θαμάρ), елисаветъ (Ἐλισάβετ) (880). Nemohu souhlasiti s výkladem o vlivu cyr. písma při zavádění ѧ nebo o působení cyr. textu při opravě Ass. (882). Záměně ѧ a ѩ měla být věnována větší pozornost. A j.

Cena článku Pogorělovova je zvláště v materiálu z evangelií, ale výklady autorovy a zčásti i materiál, jak je vidět, třeba ještě revidovat. *Jos. Kurz.*

DAS EUGENIUS PSALTERFRAGMENT. Mit Erläuterungen herausgegeben von Dr. O. GRÜNENTHAL, a. o. Professor an der Universität Breslau. Sammlung slav. Lehr- u. Handbücher III. 6. Heidelberg, Winter 1930. St. 47.

Tento zlomek žaltáře s výkladem Athanasia Vel. o 20 listech našel počátkem XIX. stol. metropolita Evgenij v jistém novgorodském klášteře. První, avšak nepřesné vydání pořídil J. J. SREZNEVSKIJ r. 1863 v akademických Izvěstijích. Je to staroruský rukopis XI. věku, o málo mladší než nejstarší rusko- církevněslovanská památka, Ostromirovo evangelium. Byl zajisté přepsán s hlaholské předlohy, jak dokazují jednotlivá hlaholská písmena zachovaná v cyrilském textu. Také jazykově je to text velmi starobylý: jery jsou tu zachovávány právě tak přesně jako v Ostromir. evangeliu; za nosovky bývají již často ruské střídnice. Textově se Evgeniův žaltář shoduje nejvíce s Tolstovským, o něco mladším, a snad se oba vztahují na jednu společnou předlohu.

Vydání prof. GRÜNENTHALA je upraveno k účelům seminárním a pro potřebu začátečníků. Proto jsou nosovky restitutovány v biblických verších (nikoli v Athanasiově Komentáři) a jsou všecky nadřádkové značky vypuštěny. Na str. 28—46 jsou připojeny jazykové vysvětlivky, které mají studenta uváděti do proseminární linguistické interpretace staroslověnských textů a celkem vyhoví svému účelu. *M. W.*

СТ. РОМАНСКИ, ИМЕНА НА НѢКОИ МАКЕДОНСКИ ГРАДОВЕ. 1. *Солунъ*. 2. *Охридъ*. 3. *Битоля*. Макед. Преглед. Год V (1929), кн. 2, 78—84, кн. 3, 71—76, кн. 4, 63—70.

В трех очерках известный болгарский славист последовательно рассматривает происхождение названий трех важнейших македонских городов: *Солуня, Охриды* и *Битоля*.

Вопреки MAZON'y, который пытался вывести имя *Солунъ* из недошедшего гр. названия города *Σαλώνη, и VAILLANT'y, который производил его непосредственно из балк.-романского *Salona* (преобразованной из Θεσσαλονίκη будто бы под влиянием далматинской *Salona*), проф. РОМАНСКИ отстаивает чисто греческое происхождение славянского наименования. Он указывает, что гр. Σαλονίκη или даже Σαλονίκ (так звучит теперь имя города в устах местного греческого населения) должно было перейти в язык македонских болгар как *Солуньць*. Так как это имя воспринималось народным сознанием как «житель Солуня» (ср. *Тръновьць* и пр.), то к нему было очень рано образовано «основное имя» в виде *Солунъ*; краткое греч. *о* перешло в *у* по тому же правилу, по которому, напр., гр. δρόμος дало на славянской почве *друмъ*. Нельзя не признать, что гипотеза софийского слависта как нельзя лучше объясняет все

трудности истории слова; из него, в частности, вытекает, что сокращение Θεσσαλονίκη > Σαλονίκη произошло не на славянской, а на греческой почве. По какой же причине? Я бы предложил такое объяснение: в форме род. п. ед. τῆς Θεσσαλονίκης, еще в то сравнительно очень старое время, когда η не совпало окончательно с ι, слог Θεσ- подвергся гаплологической диссимиляции с τῆς; в результате возникло сочетание τῆς Σαλονίκης, откуда уже не трудно было вывести Σαλονίκη.

Не менее удачно РОМАНСКИ объясняет генезис имени *Охрида*. Обращая внимание, что этот город расположен на скале, спускающейся к северному берегу одноименного озера, и припоминая свидетельства византийских писателей Анны Комниной и Дмитрия Хоматиана, что Λυχνιδός был переименован в Ἀχρίδα болгарами, РОМАНСКИ всецело присоединяется к гипотезе МИЛЕТИЧА, что в имени *Охрид* скрывается слав., точнее болг. имя *хрид* «скала», сложенное с предлогом *о-*. Формально *Охрид* представляет образование того же типа, что сх. *О-бреж*, *О-gorje*, с. *О-polje* и — прибавил бы я — с. *о-skâlje* «группа скал», р. *о-скалина* «голое место». В пользу гипотезы МИЛЕТИЧА-РОМАНСКОГО особенно говорило бы то обстоятельство, что имя *Охрид* повторяется (напр., близ Врацы) и некогда слышалось (напр., в Родопах) далеко от классической Λυχνίς. А если так, то придется после исследования РОМАНСКОГО навсегда распроститься с догадкой ТОМАШКА, так поспешно подхваченной ИОРД. ИВАНОВЫМ и СТ. МЛАДЕНОВЫМ, что *Охрид* возникло фонетически из Λυχνίς через албанское посредство.

Мы должны почти всецело согласиться и с третьей этимологией нашего ученого — имени *Битоль*. Автор поддерживает известное толкование этого слова как декомпозицию слав. *Обитѣль*, resp. **Обитоль*, которое само представляет не что иное, как буквальный перевод греческого названия города Μοναστήριον — *Манастир*. Камень преткновения на пути такого объяснения — ср. - гр. Βουτέλις и ср. - лат. *Butella* автор старается устранить предположением, что звук *ου*, resp. *и* отражает в слав. *Битоль*, *ы*, которое заменило не позже XI в. исконное *и*, вследствие народно-этимологического сближения этого имени с *быти*. Но едва-ли в столь раннее время могла порваться ассоциативная связь имени **Битоль* с *обитѣль*. Поэтому я бы склонялся более к гипотезе VAILLANT'а, что в гр. Βουτέλις ου заменило і своего славянского источника по правилам новогреческого произношения неударенного ι; ср. ξουράφι <ξυράφιον «бритва», φουμιστός <φημιστός «известный» и т. п.[1] Что касается неожиданной флексии *-я* в *Битоля*, то РОМАНСКИЙ объясняет ее несколько искусственно: при замене суфф. *-ѣль* суфф. *-оль*, «вследствие чувства рода первой формы, была предпочтена форма ж. р. для нового суфф. *-оля*». Но я бы скорее предпочел видеть в форме *Битоля* субстантивированную форму им. п. ед. ч. ж. р. притяж. прилаг. *Bitoljь*, так что первоначально *Битоля* обозначала «монастырская (земля)». Аналогичные субстантивированные прилагательные представляют вероятно, и сх. *sòpolj* и р. *сóпля* при б. имени *сопол* «mucus».

Не смотря на отдельные спорные пункты, все три этимологических этюда РОМАНСКОГО представляют весьма ценное обогащение славянской Ortsnamenkunde.

Г. Ильинский.

М. ЛАСКАРИСЬ: ВАТОПЕДСКАТА ГРАМОТА НА ЦАРЬ ИВАНЪ АСѢНЯ II. Български Старини, кн. XI. София 1930. Стр. 63 б. 8° и 1 таб. = Diplôme du tzar Ivan Asěn II., découvert et publié par M. Lascaris, professeur à l'université de Thessalonique (résumé en français p. 57—61).

[1] Если эта гипотеза верна, то придется Βουτέλι-скы пѫ в Вирп. грам. 1277 года (наше изд., стр. 15) объяснять влиянием греческого (или албанского) произношения этого слова.

Prof. LASKARIS vykonal na podzim 1929 studijní cestu do klášterů athonských a ve Vatopedu objevil listinu, kterou zde vydává. Je to darovací listina kláštera Vatopedu, vydaná carem Ivanem Asěnem II. r. 1230. Laskaris podává podrobný rozbor diplomatický, v němž jsou zejména vítány parallely s jinými bulharskými listinami XIII. a XIV. století a rozbírá listinu paleograficky i jazykově. Jazykově je listina silně konservativní a jeví se jednou z *raných* středobulharských památek. Poté podává Laskaris komentář historický v širokém rámci soudobých dějin bulharských a srbských. Nejvíce však čtenáře upoutá druhá část vydání (od str. 35), kde LASKARIS rozbírá terminologii listin, a to termíny správní (praktorъ, sevastъ, duka, katepanъ, desętkarь, apokrisiěrь, psarь, apodochatorъ), termíny z fiskálního práva (ni pisati, komodь, mitata, apodochia, ni vino ni chlěbъ, zobь, desętъkъ, ariko, engaria), vždy s hojným zřetelem k příslušné literatuře. Tato část, jakož i závěrečný index verborum, jsou vítaným příspěvkem církevněslovanské lexikologii. *M. W.*

POPIS RUKOPISŮ RUSKÉ AKADEMIE NAUK byl po delší přestávce obnoven ve svazku nedávno vyšlém: *Описаніе рукописного отделенія библіотеки Академии наук СССР. I. Рукописи. Том 3., вып. 1. Отд. VI. История.* Составили В. И. СРЕЗНЕВСКИЙ и Ф. И. ПОКРОВСКИЙ. Ленинград 1930. Str. 4 + 233, bohužel jen v nákladu 500 ex. Většinu svazku zaujímá popis mladších rukopisů (od XV. věku) ruských letopisů. Nás však zde zajímá první oddíl svazku (až po str. 70), který obsahuje rukopisy byzantsko-slovanské. Je tu zaznamenána Paleja XV. věku, Uvarovský rukopis Vremenniku Georgia Hamartola, po jednom mladším rukopise Zonary a Konstantina Manasse, dále Ellinskij letopisec XV. věku, četné chronografy a chronografické sborníky XVI. až XVIII. věku a chronografické sborníky mladšího data. Popis sice u chronografů a sborníků podrobně zaznamenává začátky a konce jednotlivých statí, ale bohužel vůbec necharakterisuje jazyk rukopisů a nezabývá se problémy textově kritickými. *M. W.*

POLÉMIQUE DE THÉODORE II. LASCARIS AVEC NICÉPHORE BLEMMYDES est sujet d'une étude de Mlle M. N. ANDREEVA, qui est parue en russe avec un résumé en français, dans les Mémoires de la société royale des sciences de Bohême, classe des lettres, année 1929, N° I.: *Полемика Θеодора II. Ласкаря съ Никифоромъ Влеммидомъ* (Věstník Král. čes. Společnosti nauk, za r. 1929, v Praze 1929, str. 36).

LE COMMERCE BYZANTIN AVEC LES PAYS TCHÈQUES AUX IXe et Xe SIÈCLES. M. LUBOR NIEDERLE, le meilleur spécialiste de l'archéologie slave a publié dans le «*Pekařův Sborník, Od pravěku k dnešku*», paru à Prague en 1930 à l'occasion du 60e anniversaire du célèbre historien tchèque, M. J. PEKAŘ, une étude sur les relations commerciales entre Byzance et les pays tchèques aux IXe et Xe siècles: «*Byzantský obchod a země české v IX. a X. století*», pp. 33–37. Ce petit travail est d'autant plus important que c'est la première étude de ce genre. En quelques pages, M. NIEDERLE nous apprend bien des choses nouvelles et presque surprenantes. Jusqu'à ce jour, on admettait que les rapports entre Byzance et les Tchèques à cette époque reculée avaient été assez limités. Les documents susceptibles de nous laisser supposer une certaine intensité dans ces relations faisaient défaut et la grande distance qui séparait les deux pays semblait en exclure même la possibilité. De plus, les trouvailles archéologiques faites dans les pays tchèques et dont l'origine byzantine ne pouvait pas être contestée étaient très pauvres. M. Niederle mentionne surtout un tombeau renfermant des articles importés par des commerçants byzantins (boucles d'oreilles, collier,

petite croix en argent) et découvert à Želenky près de Duchcov (Bohême) en 1850, quelques découvertes du même genre faites à Levý Hradec, également en Bohême, et les tombeaux de Ryběšovice, de Předmostí près de Přerov et de Náměšť, tous lieux sis en Moravie. C'était à la vérité bien peu de chose. Mais un grand changement s'est produit au cours de ces dernières années. D'autres découvertes ont été faites en Moravie, notamment à Količín, Židenice, Těmice et Staré Město. Elles ont été publiées par M. J. ČERVINKA dans son étude d'ensemble sur les Slaves moraves (*«Slované na Moravě a říše Velkomoravská.» Brno, 1928).* Un immense cimetière slave a été en outre mis au jour en 1927–28 à Staré Město dans la vallée de la Morava, près de l'endroit où, d'après la tradition populaire, se trouvait le centre de la Grande Moravie. Là surtout les objets de provenance byzantine sont si nombreux qu'il est permis d'en tirer quelques conclusions. M. NIEDERLE pense que les relations commerciales entre Byzance et la Grande Moravie étaient beaucoup plus intenses que ce qu' on imaginait jusqu'à présent. Les marchands qui amenaient, en Moravie, les objets d' exportation byzantins, suivaient les vieilles routes commerciales à travers la Pannonie et traversaient le Danube près de Komárno ou de Bratislava, ou encore un peu plus au Nord. Les trouvailles archéologiques qui ont été faites jusqu'à maintenant sont concentrées dans la valée de la Morava. D'après M. NIEDERLE les objets en question datent des IXe et Xe siècles. On sait que la Grande Moravie fut détruite par l'invasion hongroise entre 905 et 906 à la suite de la bataille de Bratislava, mais, chose curieuse, cet évènement d'importance ne semble pas avoir supprimé les échanges commerciaux entre la Moravie et Byzance, puisqu'une grande partie des objets de provenance byzantine trouvés en Moravie doivent être, d'après M. NIEDERLE, datés du Xe siècle. Il s'ensuit, dit l'auteur, que le grand choc hongrois a eu plutôt son effet du côté de la Pannonie, d'où l'élément slave a été presque complètement chassé, tandis que la Moravie proprement dite n'a pas été trop profondément bouleversée. L'incursion hongroise n'a interrompu que temporairement l'importation des produits byzantins, les relations commerciales ont été reprises par la suite et ont même été assez grandes durant le Xe siècle. Il faut donc croire que les renseignements contemporains relatifs à la destruction de la Moravie par les Hongrois se rapportent à la Grande Moravie qui comprenait également la Slovaquie actuelle et une partie de la Pannonie. Le terme de Moravie n'a été pris dans un sens restreint qu'à la suite de l'invasion et a été dès lors réservé à la partie qui avait été le moins touchée.

Les objets archéologiques trouvés à Staré Město ont été décrits par M. NIEDERLE et M. ZELNITIUS dans les *«Zprávy čs. státního archeologického ústavu», Praha, 1929.* M. Zelnitius y donne l'inventaire de plus de 200 tombeaux qui ont été mis au jour jusqu'à maintenant et tous les objets sont ensuite classés par M. Niederle. Il s'agit surtout de bracelets, de bagues, de boutons et de boucles d'oreille. Quelques-uns de ces objets, notamment des colliers, sont nettement de provenance orientale et ont été importés en Moravie par l'intermédiaire des marchands byzantins. Un des meilleurs exemplaires de ce genre est un diadème orné de camées. Son ornementation semble indiquer qu'il provienne d'un atelier où la technique byzantine s'alliait à l'art oriental.

Les trouvailles faites dans ces dernières années semblent permettre d'espérer qu'on en fera encore d'autres du même genre. Dès maintenant, on peut en tirer quelques conclusions pour l'histoire des relations byzantino-slaves à cette époque. Nous nous limitons à attirer seulement l'attention des spécialistes sur ces faits, en réservant la description détaillée de ces trouvailles archéologiques à un spécialiste qui en parlera dans

un des prochains numéros de notre revue. Mais mentionnons aussi comme complément un court article que M. JOS. SCHRÁNIL, chargé de cours à l'Université Charles et auteur d'une sérieuse étude sur la culture préhistorique en Bohême et en Moravie *(Vorgeschichte Böhmens und Mährens, Berlin-Leipzig, 1927)*, a publié dans le Sborník en l'honneur du professeur Šimák, de l'Université de Prague *(Přátelé čsl. starožitností svému učiteli. K šedesátinám univ. prof. Dra J. V. Šimáka.* Édition spéciale du Časopis společnosti přátel starožitností čsl., Prague, 1930). L'auteur y étudie une balance de bronze trouvée à Hanín en 1912 et conservée au musée de Kolín en Bohême. (*Drobný příspěvek k poznání obchodu v Čechách v X. věku, pp. 50—53).* Il est d'accord avec M. NIEDERLE en ce qui concerne la provenance des objets archéologiques se rapportant au IXe siècle et trouvés surtout en Moravie. Cette région a joué un rôle de premier plan jusqu'au début du Xe siècle, époque à laquelle le commerce, placé surtout entre les mains de marchands juifs, commence à se concentrer en Bohême et, d'une façon plus précise, dans la partie Nord du pays. La balance en question est un témoignage de ces échanges commerciaux. Elle n'est d'ailleurs pas de provenance orientale, mais occidentale. *F. Dvorník.*

LE CONGRÈS POUR L'ÉTUDE DE L'ORIENT CHRÉTIEN – congrès pour l'Union des Églises qui devait avoir lieu en Juillet-Août 1931 à Velehrad, en Moravie, à été, suivant des renseignements de source autorisée, remis à l'année 1932. On devait y étudier surtout la doctrine des théologiens orientaux sur le corps mystique du Christ et les conciles oecuméniques. *F. D.*

BYZANTSKÉ EMAILY ZÁVIŠOVA KŘÍŽE VE VYŠŠÍM BRODĚ. Praha. Seminarium Kondakovianum. 1930.

Изящное изданіе византійских эмалей Завишева креста Высшебродскаго монастыря посвящено президенту республики Т. Г. Масарику к его 80 лѣтію Seminarium Kondakovianum. Десять прекрасно исполненных в красках таблиц и два изображенія самого креста сопровождаются статьей профессора К. ХИТИЛА: «Эмали Завишева креста в ризницѣ монастыря в Высшем Бродѣ в Чехіи». Проф. Хитил подробно описывает издаваемый памятник и сравнивает его с другими крестами, как полоцкій крест св. Евфросиніи и намурскій. Исполненія Завишева креста, отдѣльныя части котораго относятся к болѣе раннему времени — так эмали к X—XI вѣкам, Хитил относит к 1225—1250 гг. Жертвователем его, вѣроятно, был извѣстный в чешской исторіи Завиш, из рода Витковичей, отчим Вацлава II. Мать Вацлава II-го, Кунгута, была дочерью кн. Ростислава Михайловича, дѣятельность котораго протекала в Венгріи и Болгаріи. При посредствѣ ея могли быть получены в Чехіи византійскія и, быть может, и русскія, эмали, с изображеніем святых и апостолов, а также серьги. Описаніе отдѣльных таблиц составлено Н. М. БѢЛЯЕВЫМ. *M. A.*

LA SAINTE FACE DE LAON. À la fin du mois de novembre 1930 apparaît à Prague l'étude de Mr ANDRÉ GRABAR (Strasbourg) sur l'image de la Sainte Face de Laon. Cet ouvrage est publié par le «Seminarium Kondakovianum» de Prague comme 3e fascicule de la série «ΖΩΓΡΑΦΙΚΑ» consacrée spécialement aux études sur les monuments de la peinture sur bois (icones).

La cathédrale de Laon possède une remarquable icone de la Sainte Face, avec une inscription slave. Cette très ancienne image s'élève au-dessus de l'autel d'une chapelle latérale installée dans l'ancienne sacristie. Elle fait l'objet d'une dévotion spéciale. C'est actuellement la plus grande curiosité de la célèbre cathédrale.

La Sainte Face de Laon est une vraie œuvre d'art. Son intérêt archéologique est considérable. Le sort particulier de cette

œuvre slave qui s'illustra dans le lointain Occident mérite une attention spéciale.

L'image de Laon appartient au petit nombre des icones orthodoxes dont on peut suivre l'histoire pendant plusieurs siècles. On est généralement d'accord pour reconnaître que la Sainte Face fut envoyée dans le diocèse de Laon de Rome, en 1249, par Jacobus Pantaleo Tricassinus (c'est-à-dire de Troyes en Champagne), ancien archidiacre de la cathédrale de Laon et futur pape URBAIN IV (1260—1264). Les relations entre le siège apostolique et l'Orient slave orthodoxe étaient particulièrement animées dans la première moitié du XIIIe siècle. La date de l'envoi de l'icone que nous trouvons dans la lettre de Jacques de Troyes se trouve ainsi appuyée par les considérations d'ordre historique.

Le type iconographique de l'image de Laon représente précisément la relique vénérée à Byzance — la Sainte Face (ἅγιον μανδήλιον) d'Édesse, apportée à Constantinople en 944. Ce type ne se retrouve que dans les monuments du XIIe et du XIIIe siècle (icone de la cathédrale «Uspenskij» à Moscou, peintures murales etc.). De même le style et le caractère technique du modelé de l'icone de Laon obligent de la classer parmis les monuments de la même époque.

Mr A. GRABAR donne une description detaillée du monument, trace son histoire d'après les documents et fait une étude de l'icone du point de vue artistique. Enfin un essai sur les représentations de la Sainte Face dans l'art byzantin et leurs rapports à l'iconographie du Christ complète l'étude très intéressante de Mr Grabar et en fait un nouvel et important châpitre de l'histoire générale de l'art byzantin.

L'ouvrage est accompagné de reproductions en couleurs et en phototypie de l'icone de Laon, ainsi que d'autres images de la Sainte Face. Le texte est publié en français et en russe.

N. B.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ КЪ РЕЦЕНЗІИ М. А. АНДРЕЕВОЙ НА КНИГУ: *Н. П. Кондаковъ, Очерки и замѣтки по исторіи средневѣковаго искусства и культуры (= N. P. Kondakov. Příspěvky k dějinám středověkého umění a kultury), Изд. Чешской Академіи наукъ и искусствъ. Прага 1929.*

Въ этой рецензіи (Byz.-slav., II. 1, s. 118—121) я читаю нижеслѣдующее: «Наконец совершенно уже ненужным является примѣчаніе 2 на стр. 186 самаго (sic) Н. М. Бѣляева, в котором дается разъясненіе о дѣленіи чинов на 7 классов, тѣм болѣе, что автор примѣчанія не только не вполнѣ удачно переводит отдѣльные термины, но и допускает неточности в наименованіи одного из вида (?) чинов οἱ ἐκ προσώπου τῶν σχολῶν вмѣсто τῶν θεμάτων.» Я не намѣренъ спорить съ М. А. Андреевой о нужности или ненужности упомянутаго примѣчанія и о степени удачности переводовъ названій чиновъ, укажу только, что упрекъ, брошенный мнѣ въ томъ, что мною допущена неточность въ наименованіи чина οἱ ἐκ προσώπου τῶν σχολῶν вмѣсто якобы τῶν θεμάτων, основанъ на небрежномъ чтеніи М. А. Андреевой моего примѣчанія и невѣрной справкѣ съ текстомъ Константина Порфиророднаго. Въ моемъ примѣчаніи сказано: «Въ число 26 стратиговъ входили также представители схолъ (гвардейскихъ отрядовъ) — οἱ ἐκ προσώπου τῶν σχολῶν.» Для доказательства, что все это совершенно соотвѣтствуетъ тексту Константина Порфиророднаго (вѣрнѣе Клиторологія Филоѳея) выписываю его цѣликомъ*: ὅσαι ἐν ταῖς τῶν στρατηγῶν κατατάττονται τάξεις εἰσὶ τὸν ἀριθμὸν κς' · ὁ στρατηγὸς τῶν Ἀνατολικῶν · ὁ στρατηγὸς τῶν Ἀρμενιάκων · ὁ στρατηγὸς τῶν Θρᾳκησίων · ὁ κόμης τοῦ Ὀψικίου · ὁ στρατηγὸς τῶν βουκελλαρίων · ὁ στρατηγὸς Καππαδοκίας · ὁ στρατηγὸς Χαρσιανοῦ · ὁ στρατηγὸς Κολωνείας · ὁ στρατηγὸς Παφλαγωνίας · ὁ στρατηγὸς τῆς Θρᾴκης · ὁ στρατηγὸς Μακεδονίας · ὁ στρατηγὸς Χαλδίας.

* Constantini Porphyrogeniti: de cerimoniis aulae byzantinae, II, 52, p. p. 714₁₅—715₇.

αὗται οὖν αἱ στρατηγίαι τοῖς Ἀνατολικοῖς θέμασιν ἀριθμοῦνται. αἱ δὲ τῆς δύσεώς εἰσιν αὗται· ὁ στρατηγὸς Πελοποννήσου· ὁ στρατηγὸς Νικοπόλεως· ὁ στρατηγὸς Κιβυρραιωτῶν· ὁ στρατηγὸς Ἑλλάδος· ὁ στρατηγὸς Σικελλίας· ὁ στρατηγὸς Στρυμόνος· ὁ στρατηγὸς Κεφαληνίας· ὁ στρατηγὸς Θεσσαλονίκης· ὁ στρατηγὸς τοῦ Δυρραχίου· ὁ στρατηγὸς τῆς Σάμου· ὁ στρατηγὸς τοῦ Αἰγαίου πελάγους· ὁ στρατηγὸς Δαλματίας· ὁ στρατηγὸς Χερσῶνος καὶ οἱ ἐκ προσώπου εἰσὶ τῶν σχολῶν.

Такимъ образомъ тутъ идетъ рѣчь именно о «οἱ ἐκ προσώπου τῶν σχολῶν», а не о «οἱ ἐκ προσώπου τῶν θεμάτων», наличіе которыхъ тутъ было бы неумѣстно, ибо послѣдніе были чинами гражданскими, а стратиги, въ число которыхъ и входятъ предста-вители схолъ, какъ извѣстно, были военными. М. А. Андрееву ввело въ заблужденіе то обстоятельство, что на той же страницѣ (714,6) Боннскаго изданія Константина она нашла въ спискѣ гражданскихъ чиновъ (подъ № 50): ν' ἡ [ἀξία] τοῦ ἐκ προσώπου τῶν θεμάτων. Если бы М. А. Андреева дала себѣ трудъ прочесть контекстъ этого упоминанія, то ей не пришлось бы и упрекать меня въ несуществующей ошибкѣ.

Насколько вообще М. А. Андреева небрежно и невнимательно (не хочу говорить недобросовѣстно) обращается съ реферируемымъ ею текстомъ (не только моихъ примѣчаній, но и самого Н. П. Кондакова) видно изъ двухъ приводимыхъ ниже примѣровъ.

Очерки, стр. 184.

«Протоспаѳаріи дѣлились на «бородатыхъ» (изъ варваровъ) и евнуховъ; молодежь, которая со временемъ получала всѣ привилегіи заслуженныхъ спаѳаріевъ, имѣла чинъ спаѳарокандидатовъ; наконецъ, чинъ спаѳаріевъ имѣлъ тоже соотвѣтствующій ему — спаѳарокувикуларіевъ — изъ евнуховъ».

Рецензія М. А. Андреевой, стр. 120 (I-й столб.) «стр. 184, гдѣ, повидимому, должно было стоять о спаѳарокандидатахъ, что они со временемъ получали всѣ привелегіи (sic) протоспаѳаріев, а не спаѳаріев (спаѳаріи рангом ниже спаѳарокандидатов)»*;

стр. 207.

«При Михаилѣ, сынѣ Ѳеофила, бывали столь жестокія зимы и глубокіе снѣга, что фіала становилась недоступна, и собирались въ триклинѣ Лавзіака (боковой дворецъ[4]); уходили же безъ свѣчей изъ-за бури[5] [При Романѣ Лекапинѣ празднества Врумалій не соблюдались, какъ это указано въ небольшой замѣткѣ, повидимому служащей указаніемъ на принадлежность главы перу самого Константина Багрянороднаго, отнесшаюся къ такому нарушенію традицій неодобрительно.[6]]»

Тамъ же, 2-й столбецъ.

«Излишним нам также кажется внесеніе в текст К. [Кондакова] разсужденія Д. Ѳ. Бѣляева о Врумаліяхъ, лучше бы его оставить в примѣчаніи».

[4] [См. Д. Ѳ. Бѣляевъ, Byzantina I, 46–54.]
[5] II, 18, 605.
[6] Ibidem, 606.
* Не пропусти М. А. Андреева слова «*заслуженныхъ*», ей не пришлось бы упрекать Н. П. Кондакова въ неточности. Для Кондакова, повидимому, «протоспаѳарій» и «заслуженный спаѳарій» были синонимами. У меня это мѣсто не вызвало (не вызываетъ и теперь) недоумѣнія.

По поводу второго изъ приводимыхъ примѣровъ могу только сказать, что если бы М. А. Андреева потрудилась поискать то мѣсто, за вставку котораго она упрекаетъ, въ сочиненіи Д. Ѳ. Бѣляева, она бы его тамъ не нашла Ссылка на сочиненіе Д. Ѳ. Бѣляева относится только къ словамъ «въ триклинѣ Лавзіака (боковой дворецъ)», такъ какъ въ указанномъ мѣстѣ о немъ трактуется.* Это впрочемъ вполнѣ ясно при внимательномъ чтеніи этого мѣста. Вставка, обозначенная прямыми скобками, передаетъ содержаніе особой замѣтки въ 18-й главѣ II книги (стр. 606) Константина Порфиророднаго. Объ этой замѣткѣ здѣсь и говорилось въ текстѣ Н. П. Кондакова, но въ трудной стилистически формѣ и невполнѣ правильно передавая ея содержаніе. Ввиду того что фразу пришлось передѣлать совершенно, она и была поставлена въ прямыя скобки.

Такъ какъ подобныя неточности не способствуютъ, на мой взглядъ, созданію правильнаго впечатлѣнія о рецензированной книгѣ, я и счелъ своимъ долгомъ указать на нихъ читателямъ Byzantinoslavica.

Николай Бѣляевъ.

Vient de paraître: NIKOLAJ OKUNEV: MONUMENTA ARTIS SERBICAE. II. Edidit Institutum Slavicum Pragae 1930. P. 8 de texte français, allemand et russe et 13 tables.

Le premier fascicule de l'ouvrage du Professeur Nikolaj Okunev »Monumenta artis serbicae« a été édité aux frais de M. le Dr. IVO STERN, avocat à Zagreb, agissant à titre privé. L'Institut Slave de Prague, désireux d'assurer au plus tôt la continuation et l'achèvement d'un ouvrage aussi important à tous les points de vue, a décidé de racheter à M. le Dr. Stern tous ses droits sur l'œuvre du Professeur Okunev, de prendre à son compte le reliquat d'édition du premier fascicule, et d'éditer l'ouvrage à ses frais, à partir du second fascicule. M. Okunev publie dans ce fascicule une reproduction en couleurs (de M. V. Predaevič) de la tête d'un ange qui fait partie de la scène des Saintes Femmes au tombeau, de la décoration de Mileševo (peinture serbe de XIIIe siècle). Autres 12 tables en néotypie contiennent: 1. Sopočani, vers 1265. L'apôtre S. Pierre. 2. Mileševo. S. Constantin le Grand (un détail). 3. Gradac, deuxième moitié du XIIIe s. Juge judaïque Gédéon. 4. Studenica, 1314, Communion des apôtres (église des St. Joachim et Anne). 5. La même. Présentation au temple de la Vierge. 6. Staro Nagoričino, 1317. S. Jacques le Perse. 7. Gračanica, vers 1320. S. Mercure le guerrier. 8. Dečani, 1348. Arbre généalogique du Christ. 9. Ravanica, 1381. S. martyre Maxime. 10. Ljubostinja, fin du XIV. s. Guérison du paralytique. 11. Manasija, 1406–1418. L'archange Michel (un détail). 12. Kalenič, premier quart du XVe s. S. Jean l'Aumônier. Le fascicule IIIe du même ouvrage paraîtra en été 1931. *M. W.*

Vient de paraître:

ORIENT ET BYZANCE. Études d'art médiéval publiées sous la direction de GABRIEL MILLET. – *Tome IV*: L'ART BYZANTIN CHEZ LES SLAVES. Les Balkans. – Premier recueil dédié à la mémoire de THÉODORE USPENSKIJ. – Un volume, en deux tomes, de 52 planches hors texte en phototypie et 21 planches hors texte en simili gravure comprenant 45 figures, 262 figures dans le texte, XV-504 pages, in-4° raisin. – Paris. Librairie orientaliste Paul Geuthner. 1930.

Table des Matières: Préface, par M. GAB-

* Система сносокъ на этой страницѣ примѣнена та же, что и повсюду во всемъ очеркѣ о византійскихъ одеждахъ. Т. к. ссылки на текстъ Константина имѣются на каждой страницѣ, то онѣ и дѣлались безъ постояннаго повторенія заглавія книги о церемоніяхъ. На данной страницѣ это тѣмъ труднѣе спутать, что прим. 4, какъ непринадлежащее Кондакову, поставлено въ прямыя скобки, а слѣдующія два въ скобки непоставлены. Все это въ своемъ мѣстѣ оговорено.

RIEL MILLET. – L'oeuvre de THÉODORE USPENSKIJ, par M. CHARLES DIEHL. – Liste des collaborateurs. – Transcription des caractères cyrilliques.

Introduction: Les Slaves et Byzance dans l'histoire: Le titre des khans bulgares, d'après l'inscription du cavalier de Madara, par M. GÉZA FEHÉR. – La Russie primitive et Byzance, par M. A. A. VASIL'EV. – L'hypothèse de la Bulgarie occidentale, par M. DRAGUTIN N. ANASTASIJEVIĆ. – Les Serbes au moyen âge et les Grecs, par M. ÉMILE HAUMANT. – Entre Slaves et Roumains, par M. NICOLAS IORGA. – Les chroniques byzantines dans la littérature slave ecclésiastique, par M. MILOŠ WEINGART. – *Les Slaves dans l'histoire de l'art:* Zur Mittlerrolle Osteuropas in der bildenden Kunst Nord- und Westeuropas, von PROF. JOSEF STRZYGOWSKI.

Chapitre premier: Les Balkans. *Ancienne architecture chrétienne:* La basilique de la mer à Mésemvrie et sa dénomination, par M. IVAN VELKOV. — *Premier empire bulgare, architecture et sculpture:* Les palais vieux-bulgares et les palais sassanides, par M. BOGDAN FILOV. – Notes sur la sculpture rupestre de Madara, par M. GABRIEL KACAROV. – *Second empire bulgare, peinture murale:* Le style de l'école de peinture murale de Tirnovo, au XIIIe et au XIVe siècle, par M. ANDRÉ PROTIĆ. – Les «Quarante Martyrs», fragment de fresque à Vodoča (Macédoine), par M. KRSTO MIJATEV. – *Serbie, influence des doctrines sur l'art:* L'hésychasme dans l'Église et l'Art des Serbes du moyen âge, par M. MILOJE M. VASIĆ. – *Serbie, architecture:* La cellule de jeûne de Saint-Sava, à Karyès, par M. ŽARKO TATIĆ. – Les deux églises des environs de Ras, par M. ALEXANDRE DEROCCO. – Étude sur les églises de Rascie, par M. GABRIEL MILLET. – Deux églises de Milutin: Staro Nagoričino et Gračanica, par M. GEORGES BOŠKOVIĆ. – Le mur occidental de l'église de Ravanica, par M. PIERRE POPOVIĆ. – *Serbie, peintures murales:* La mort de la reine Anne à Sopoćani, par M. VLADIMIR R. PETKOVIĆ. – Lesnovo, par M. A. L. OKUNEV. – *Serbie, miniatures:* Deux images de la Vierge dans un manuscrit serbe, par M. ANDRÉ GRABAR. – *Roumanie, architecture:* Influence du plan serbe sur le plan des églises roumaines, par M. GEORGES BALȘ. – Les principes de l'architecture serbe et l'école moldave, par M. PAUL HENRY. – *Roumanie, arts mineurs:* Le voile de calice brodé du monastère de Vatra Moldoviței, par M. I. D. ȘTEFĂNESCU. – Le trésor de Putna et les peintures de Cappadoce, par le R. P. GUILLAUME DE JERPHANION. – *Balkans, iconographie:* La figuration de «l'Arche d'Alliance» dans la peinture balkanique du XIVe siècle, par M. N. BÊLJAEV. – *Histoire du costume:* Le costume des anciens Bulgares, par M. JORDAN IVANOV.

Chapitre II: Le problème des influences. *Les Barbares et l'art oriental:* Le porte-épée des Iraniens et des Chinois, par M. MICHEL ROSTOVCEV. – *Miniatures arméniennes en Crimée:* Arménie et Crimée, note d'histoire, notice de manuscrits, par M. FRÉDÉRIC MACLER. — *Pénétration des motifs:* La question des fibules byzantines en Russie, par M. A. KALITINSKIJ. – La broderie populaire russe et les tissus du moyen âge, par M. N. TOLL. – *Pénétration des doctrines:* Les décisions du «Stoglav» au sujet de la peinture d'images et les principes de l'iconographie byzantine, par M. GEORGES OSTROGORSKIJ. – Note sur les vêtements sacerdotaux du patriarche Nikon, par M. G. VERNADSKIJ.

Appendice. Bibliographie de l'art byzantin chez les Bulgares, les Serbes et les Roumains: Bulgarie, par MM. ANDRÉ GRABAR et KRSTO MIJATEV. – Serbie, par M. GABRIEL MILLET, Mme ELISABETH POPOVIĆ-IBROVAC et M. MILAN KASANIN. – Roumanie, par MM. PAUL HENRY et I. D. ȘTEFĂNESCU. – *Répertoires et tables.*

Sous presse, pour paraître prochainement: Tome V^e^ de la série «*Orient et*

Byzance»: L'ART BYZANTIN CHEZ LES SLAVES. L'ancienne Russie, les Slaves catholiques. Second recueil dédié à la mémoire de THÉODORE USPENSKIJ. Un volume, en deux tomes, de 62 planches hors texte, 140 figures dans le texte, et δ', XLVIII-520 pp., in-4° raisin. — *Table des matières du second Recueil:* Préface, par GABRIEL MILLET. — Théodore Uspenskij, essai de biographie, par V.N. BENEŠEVIČ. — Liste des travaux de Théodore Uspenskij, par V. N. BENEŠEVIČ. — Répertoire de la liste des travaux de Théodore Uspenskij, par GABRIEL MILLET. — Liste des collaborateurs. — Liste des souscripteurs. — *Chapitre Ier:* Monuments byzantins de Chersonèse. — *Églises byzantines.* Les chapiteaux de l'église Saint-Jean-le-Précurseur, à Kerč, par Mme M. TICHANOV-KLIMENKO. — Une église byzantine à Chersonèse, par N. BRUNOV. — *Objets d'art byzantins.* Une stéatite byzantine du Musée de Chersonèse, par Mlle NATALIE ISMAJLOV. — *Chap. II:* L'ancienne Russie. — *Découvertes et restaurations.* Les «Ateliers de restauration», par GABRIEL MILLET. — *Sculpture monumentale.* La colonnade du pourtour de la cathédrale de Saint-Georges à Jur'ev-Pol'skij, par K. K. ROMANOV. — *Peintures murales.* Les fresques de la cathédrale Saint-Dmitrij, à Vladimir, par LOUIS RÉAU. — Sur l'histoire de l'église du Sauveur à Neredicy, près Novgorod, par N. P. SYCEV. — Quelques remarques sur l'origine des procédés, dans les fresques de Neredicy, par CHALVA AMIRANACHVILI. — Les fresques du monastère de Thérapon: étude de deux thèmes iconographiques, par Mme E. GEORGIEV-SKIJ-DRUZININ. — Les portraits des fondateurs dans les peintures murales de Svjazsk, par M. K. KARGER. — *Icones.* Les icones dans l'histoire de l'art, Byzance et la Russie, par LOUIS BRÉHIER. - L'icone du «Sauveur à l'œil courroucé» de la cathédrale de la Dormition, à Moscou, par HERMAN ZIDKOV. — L'icone byzantine du Crucifiement, de la cathédrale de la Dormition, à Moscou, et les emprunts faits à Byzance dans les icones russes, par M. MICHEL ALPATOV. — The place of four ikons in the history of Russian art, par THOMAS WHITTEMORE. — Ein byzantinischer Ikonentypus in nordrussischer Nachbildung, par O. WULFF. — *Miniatures.* Le Psautier byzantin à illustrations marginales du type Chludov est-il de provenance monastique? par NICOLAS MALICKIJ. — Trois manuscrits du XIVe siècle à l'Exposition de l'ancienne Laure de la Trinité, à Sergiev, par D. AJNALOV. — Les frontispices architecturaux dans les manuscrits russes avant l'époque de l'imprimerie, par A. I. NEKRASOV. — *Broderies.* Une broderie du XVe siècle, de style pittoresque représentant le «Čin», au musée de Sergiev (ancienne Laure de la Trinité), par A. N. SVIRIN. - *Orfèvrerie.* Argenterie byzantine en Russie, par L. MACULEVIČ. — *Iconographie.* Le thème iconographique du Pokrov de la Vierge, par le R.P.D. LATHOUD. — *Chap. III:* Les Slaves Catholiques. *Dalmatie, Croatie et Slovénie.* — Sur quelques bas-reliefs byzantines en Dalmatie, par MICHEL ABRAMIĆ. — Notes sur l'art byzantin et les Slaves catholiques de la Dalmatie, par LJUBO KARAMAN. — L'art en Slovénie et le Byzantinisme, par FRANÇOIS STELÉ. — *Tchécoslovaquie.* Les émaux byzantins de la croix dite de Záviš, dans le couvent de Vyšší Brod en Bohême, par CHARLES CHYTIL et ANTOINE FRIEDL. — L'antiphonaire de Sedlec de la bibliothèque de l'Université de Prague, par JEAN KVĚT. — *Pologne.* Les miniatures de l'évangéliaire de Lawryszew, par WOJSLAV MOLÉ. — *Appendice.* Bibliographie de l'art byzantin chez les Russes. *Répertoires et tables.* Répertoire général. — Répertoire des monuments. — Répertoire iconographique. — Répertoire des auteurs du recueil. — Table des gravures. — Table des planches. — Additions et corrections. — Table des matières.

BYZANTOLOGICKÉHO KONGRESU V ATHÉNÁCH v říjnu 1930 účastnili

se za Slovanský ústav pražský univ. prof. JOSEF VAJS a FR. DVORNÍK, za byzantologickou komisi Slovanského ústavu univ. prof. NIKOLAJ OKUNEV; s podporou Slovanského ústavu se zúčastnili sjezdu také Dr. NIK. BĚLJAEV a docentka M. N. ANDREEVA. Mimo to za Československo byli členy kongresu Dr. ANT. SALAČ, prof. řeckých a římských starožitností na Karlově universitě, delegovaný ministerstvem školství a nár. osv., a Dr. A. SAN-NICOLO, prof. právnické fakulty německé university v Praze. O vědeckých pracích kongresu přineseme podrobnější zprávu v III. ročníku.

Po uzávěrce svazku musíme zaznamenati truchlivou zprávu, že člen byzantologické komise Dr. NIKOLAJ BĚLJAEV zemřel dne 23. prosince 1930, byv toho dne večer přejet nákladním autem na pražské ulici. Běljaev se narodil 11. IX. 1899 v Petrohradě, byl z posledních přímých žáků prof. Kondakova, jenž si ho velmi vážil, byl v posledních letech života prof. Kondakova za jeho pobytu v Praze nápomocen ve vědecké práci svému učiteli, a po jeho smrti (1925) byl jedním z nejhorlivějších členů Seminaria Kondakoviana, které v Praze zřídili pietně ruští učenci, pracující ve šlépějích Mistrových. Dr. Běljaev byl jednatelem tohoto ústavu a měl velkou zásluhu zejména o jeho publikační činnost (viz o ní v Ročence S. Ú. II, za r. 1929, str. 240 n.). Vědecká činnost Běljaevova se v letech jeho pražského pobytu soustřeďovala na dějiny balkánského nástěnného malířství, a za tím účelem, přemáhaje své chatrné zdraví, podnikl také několik studijních cest zvláště po jižním Srbsku. Speciální obor, o němž nejvíce pracoval v poslední době, byla ikonografie Bohorodičky, jak o tom také svědčí jeho poslední článek, uveřejněný právě v tomto svazku; serie dalších článků tohoto směru měla následovati. Dr. Běljaev se těšil pro své vědecké nadšení a svědomitost práce opravdové vážnosti v pražském vědeckém světě českém i ruském. Byl proto již r. 1929 kooptován za člena byzantologické komise; dne 4. března 1930 byl zvolen za činného člena Slovanského ústavu a byl jeho nejmladším členem. Universitní kariéra by ho byla neminula. Tím větší je bolest, že tyto naděje byly neočekávaně zmařeny nešťastnou náhodou a spoluvinou šoféra — bohužel nezjištěného —, který spáchav svůj čin rychle ujel. Pohřeb zesnulého se konal dne 31. prosince 1930 na pravoslavném hřbitově pražském; za byzantologickou komisi, která položila věnec k rakvi zesnulého člena, byli přítomni prof. Okunev a Weingart; mimo to z členů Slovanského ústavu vzdali poslední poctu mladému učenci prof. Francev a jiní. Věčnaja pamjať!

M. W.

VÝTAHY Z ČASOPISŮ.

Zpracovali *Jan Frček* a *D. A. Zakythinos* (Paris).

BULLETIN DE CORRESPONDANCE HELLÉNIQUE. *Année 1929. Janvier-Juin. Paris 1929.*

A. Andréadès: Antimène de Rhodes et Cléomène de Naucratis. (Str. 1—18.)

P. Roussel: Note sur une inscription d'Olynthe. (Str. 18.)

R. Flacelière: Dédicaces de l'époque aitolienne à Delphes. (Str. 19—33.)

L. Robert: Décrets de Delphes. (Str. 34—41.)

F. Chapouthier: Déesse entre cavaliers formant pied de miroir. (Str. 42—69.)

P. Collart: Le sanctuaire des dieux égyptiens à Philippes. (Str. 70—100.)

Y. Béquignon: Études thessaliennes. III. (Str. 101—116.)

P. Demargne: A propos d'une représentation de centaure. (Str. 117—128). Autor studuje rytý chalcedon z konce VII. nebo poč. VI. st. př. Kr., představující zkratku boje lukostřelce Herakla se smečkou kentaurů, kteří se brání kamením a větvemi. Autor hledá prototyp řeckého kentaura vůbec v Asii, kde jej nachází s některými charakterovými odchylkami v Babylonii XIV. až XIII. st. Prostředníkem přenosu tohoto východního vlivu byl Kypr a zejména Rhodos, přes nějž šla cesta kulturních vlivů do Řecka. Na Peloponesu se tento motiv rozšířil a obohatil o námět boje s Heraklem; attické umění ustálilo od poč. VI. st. kentaurovský typ a reprodukovalo jej pak vytrvale.

A. Oguse: Notes d'épigraphie. (Str. 129—150.)

L. Robert: Notes d'épigraphie hellénistique. (Str. 151—165.)

P. Roussel: Deux familles athéniennes à Délos. (Str. 166—184.)

R. Vallois: Topographie délienne. II. (Str. 185—315.)

ECHOS D'ORIENT. *XXIX. Janvier-Mars 1930.*

J. Deslandes: Le prêtre oriental ministre de la Confirmation. Au nom de quelle autorité le prêtre oriental confère-t-il la Confirmation. (Str. 5—15.)

V. Grumel: Recherches sur l'histoire du monothélisme. III. Du monénergisme au monothélisme (suite). (Str. 16—28.)

V. Laurent: Une princesse byzantine au cloître. Irène-Eulogie Choumnos Paléologine, fondatrice du couvent de femmes. (Str. 29—60.)

R. Janin: Les Francs au service des »Byzantins«. (Str. 61—72.)

K. Strannik: Quelques figures de byzantinistes. (I. Sp. Lambros, 2. X. Sidéridès, 3. Th. I. Ouspenskij.) (Str. 73—91.)

V. Grumel: Recherches récentes sur l'iconoclasme. (Str. 92—100.)

J. Lacombe: Chronique des Églises Orientales. (Str. 101—117.)

L. Serraz: Le patriarche défunt Basile III. (Str. 118—121.)

Bibliographie. (Str. 122—128).

ECHOS D'ORIENT. *XXIX. Avril-Juin 1930.*

V. Laurent: Une nouvelle collection d'études byzantines et néo-grecques. (Str. 129—131.) Viz zvláštní zprávu.

S. Salaville: Philosophie et Théologie ou Épisodes scolastiques à Byzance de 1059 à 1117. (Str. 132—156.) Tato krajní data jsou dána obviněním Cerularia před synodem a procesem Eustratia Nicejského. Kapitoly této studie jsou: Le réquisitoire de Michel Psellos contre Michel Cérullaire et sa discussion avec Jean Xiphilin (je to »nejúplnější známý doklad o platonských a aristotelovských tendencích XI. st.«). Le procès de Jean Italos (herese, jež mu byla vytýkána) a ostatní herese té doby:

L'affaire de Léon de Chalcédoine et le culte des images. L'affaire de Nilos le Moine et les discussions avec les Arméniens sur l'Union hypostatique. L'affaire d'Eustratios de Nicée.

V. Grumel: La mosaïque du »Dieu Sauveur« au monastère du »Latome« à Salonique (découverte en août 1927). (Str. 157—175.)

V. Laurent: A propos de l'»Oriens christianus«. (Str. 176—192.) Viz zvláštní zprávu.

Bulletin d'Art et d'Archéologie. (Str. 193—211.) Referuje m. j. o knihách: *Bogdan D. Filow:* Les miniatures de la Chronique Manassès à la Bibliothèque du Vatican (cod. vat., slav. II). Sofia 1927. (Ref. *V. Grumel.*) F. Cabrol et H. Leclercq: Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie (Latran-Léonien). Paris 1928. (Ref. *L. Thomas.*)

K. Strannik: Le jubilé de la science bulgare. II. Bulletin bibliographique. (1. Répertoires bibliographiques. 2. Littérature et histoire de la littérature. 3. Histoire et sciences auxiliaires.) (Str. 212—234.)

Le troisième congrès international des études byzantines à Athènes (12—18 octobre 1930). (Str. 235—236.) Informace.

Bibliografie. (Str. 237—256.) M. j. *E. Šmurlo:* Le Saint-Siège et l'Orient orthodoxe russe, 1609—1654. Praha. (Ref. *K. V.*)

ИЗВЕСТИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И СЛОВЕСНОСТИ 1929. *Том II, книга 2. Ленинград 1929.*

В. П. Адрианова-Перец: Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII века. (Str. 377—400.)

К. Я. Грот: Братья П. А. и Н. А. Лавровские как деятели науки и просвещения. (Str. 401—443.)

В. Ф. Ржига: Микула Селянинович. (Str. 444—456.)

К. К. Истомин: «Губернские очерки» Щедрина. Стилистические наблюдения. (Str. 457—492.)

А. Н. Филиппов: И. П. Пнин и его непропущенный цензурою «Опыт о просвещении относительно к России». (Str. 493—527.)

П. А. Лавров: Ученая деятельность Иосифа Добровского. К столетию со дня его кончины. (Str. 528—620.)

А. Д. Седельников: Литературная история повести о Дракуле. (Str. 621 — 659.)

В. А. Богородицкий: К учению о гласных в общерусском произношении. (Str. 660—665.)

Н. Н. Бахтин: Славянские географические имена в России. (Str. 666 — 674.)

С. А. Еремин: Бумаги акад. А. А. Шахматова. (Str. 675—686.)

Е. Ф. Карский: Е. Ф. Будде. Некролог. (Str. 687—689.)

В. Г. Чернобаев: Научная и преподавательская деятельность И. Л. Лося в России. (Str. 690—697.)

Recense a bibliografie. (Str. 698—748.) *M.* j. o: Л. В. Стојановић: Стари српски родослови и летописи. (Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. Књ. XVI. Беогр.-Карловци, 1927.) (Ref. *М. Н. Сперански,* str. 708—710.)

В. Јагић и В. Моле: Козма Индикоплов. (Споменик, други разред, књ. 38. Београд, 1912.) (Ref. *М. Н. Сперански,* str. 711—713.)

Nové knihy a brožury obdržené redakcí ИРЯС. (Str. 748—751.) *Jan Frček.*

ΕΛΛΗΝΙΚΑ. Ἱστορικὸν περιοδικὸν δημοσίευμα, ἐκδιδόμενον καθ' ἑξάμηνον. Διευθυνταὶ τῆς συντάξεως Κωνστ. Ἀμαντος—Σωκρ. Κουγέας. Athènes, Année 1928 et suiv.

Ce périodique a été fondé par »l'Association pour la propagation de livres utiles« à Athènes. Il est consacré aux études historiques concernant la Grèce depuis l'antiquité jusqu'à nos jours. La publication des sources inédites, inscriptions, chartes, sour-

ces narratives etc. y tient une place prépondérante. Il est à noter que les relations entre les Grecs et leurs voisins, notamment les Turcs, les Bulgares, les Roumains, les Slaves et les Albanais, sont aussi examinées dans les pages de ce périodique. Un chapitre spécial est consacré à la bibliographie, grecque et étrangère, et à des renseignements scientifiques relatifs aux études grecques.

Tome Ier. Fascicule 1. (Année 1928.)

Kouguéas, S. B. Ἐπιγραφικαὶ ἐκ Γυθείου συμβολαὶ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς Λακωνικῆς κατὰ τοὺς χρόνους τῆς Ρωμαϊκῆς Αὐτοκρατορίας, p. 7–44.

Amantos, C. J. Τρεῖς ἄγνωστοι κώδικες τοῦ Χρονογράφου p. 45–70. Mémoire sur trois manuscrits de la Chronographie populaire qui est connue sous les noms de Ἔκθεσις Χρονικὴ ou Πολιτικὴ Ἱστορία τῆς Κωνσταντινουπόλεως et qui est très intéressante en ce qui concerne surtont la partie se rapportont aux événements postérieurs à la prise de Constantinople (1453–1570).

Romaios, C. Οἱ Κᾶρες τῆς Δήλου καὶ ἡ ἀρχαιολογικὴ ἔρευνα τοῦ Θουκυδίδου, p. 71–77.

Eustratiadès, S. Ὁ πατριάρχης Ἀρσένιος ὁ Αὐτωρειανός. (1255–1260 καὶ 1261–1267), p. 78–94.

Sotiriou, G. Die Byzantinische Malerei des XIV. Jahr. in Griechenland, p. 95–117.

Kontoiannis, P. M. Ἔγγραφα Δωδεκανησιακά, p. 118–137.

Sigalas, A. Ἐπιστολὴ Παύλου Νεστερῶφ πρὸς τοὺς κατοίκους τῆς Σύρου (1η Αὐγούστου 1772), p. 138–143.

Kobler, Franz, Ὁ Joseph Görres καὶ ὁ ὑπὲρ τῆς Ἐλευθερίας ἀγὼν τῶν Ἑλλήνων, p. 144–151.

Kouguéas, S. B. Προσθήκη εἰς τὰς Ἐπιγραφικὰς ἐκ Γυθείου συμβολάς, p. 152–157.

Βιβλιογραφία, p. 159–219.

Εἰδήσεις, p. 221–230.

Νέα βιβλία p. 231–232.

Tome Ier, fascicule 2.

Romaios, C. Ἱερὸν ἐν Ραμνοῦντι τῆς Ἀγδίστεως, p. 233–243.

Amantos, C. Κατωτικὰ=Ἑλλάς, p. 244.

Eustratiadès, S. Τυπικὸν τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει μονῆς τῶν ἁγίου μεγαλομάρτυρος Μάμαντος, p. 245 à 314.

Pappas, Sp. Un Napoléonide mort pour la Grèce. Paul-Marie Bonaparte, p. 315–336.

Bées N. Αἱ ἐπιδρομαὶ τοῦ Βουλγάρων ὑπὸ τὸν Τζάρον Συμεὼν καὶ τὰ σχετικὰ σχόλια τοῦ Ἀρέθα Καισαρείας, p. 337–370.

Bées, N. étudie dans cet intéressant article deux scolies du philologue Byzantin Arethas, évêque de Césarée, relatives aux invasions en Grèce du tzar des Bulgares Syméon. La première de ces annotations se rapporte à Dion Chrysostome, 7, 121, la deuxième à Aristide le Rhéteur, Περὶ τοῦ Παραφθέγματος, XXVIII § 149. Les deux passages d'Arethas sont les plus anciens témoignages, malheureusement trop brefs et incomplets, des invasions de Syméon en Grèce continentale. D'autres documents, un peu postérieurs, complètent les témoignages d'Arethas. Parmi ces documents la Vie de Saint Luc de Steiris (Phocide) tient une place prépondérante. M. Bées discute longuement sur la question de la date de la naissance et de la mort du Saint, aussi bien que sur la question de l'époque de la rédaction de sa biographie. Il est porté à croire que Saint-Luc naquit en été de l'année 896 et mourut le 7 février 953. Quant à la Biographie, M. Bées est d'avis qu'elle ne doit pas être beaucoup postérieure à la mort du Saint, à savoir qu'elle fut rédigée durant la deuxième moitié du Xe ou le commencement du XIe siècle. D'après, donc, ce document, Saint-Luc aurait prédit l'invasion de Syméon et le saccagement de la Grèce continentale et

du Péloponnèse par les Bulgares. (Ἑλλὰς ἐλαθήσεται καὶ Πελοπόννησος πολεμηθήσεται). Un autre passage de cette même Vie est encore plus significatif. L'auteur inconnu de cette biographie raconte que, pendant l'invasion de Syméon, Saint-Luc se réfugia en Morée, notamment à Corinthe. M. Bées étudie très soigneusement les différentes versions de la Vie, après quoi il aborde l'épineuse question de la date de cet événement. D'après son opinion, les dates données par le document sont erronées; au contraire, d'autres indications permirent à l'auteur de former l'opinion que les événements exposés dans la Vie de Saint-Luc se seraient passés en 917.

Un autre document hagiologique de cette époque fait mention d'une incursion de Syméon en Grèce et dans le Péloponnèse. Il s'agit de la Vie de Saint-Pierre, évêque d'Argos (mort entre 922 et 924), rédigée par un de ses élèves peu après sa mort. D'après ce document, les Bulgares se seraient emparés de Morée et auraient pendant trois années mis à sac le pays. Un texte postérieur à cette Vie, la Chronique de Galaxidi, dont la valeur historique à été plus d'une fois mise en doute, mais qui, d'après l'opinion de M. Bées, ne doit pas être à propos de cet événement négligée, semble confirmer et compléter le témoignage de l'auteur de la Vie de Saint-Pierre d'Argos. Cette deuxième invasion ne peut pas être identifiée avec celle de l'année 917, et, selon les calculs de M. Bées, elle doit être placée entre les années 924 et 927.

Dans la scolie déjà mentionnée à Dion Chrysostome Arethas semble redouter que la ville de Thèbes ne soit tombée aux mains des Bulgares. La question se pose si en effet cette célèbre ville de Béotie fut prise et saccagée par Syméon. Les sources n'en disent rien, mais M. Bées, se basant surtout sur les renseignements que nous avons à propos de l'histoire écclésiastique de cette ville, conclut qu'elle a pu résister aux attaques de l'ennemi.

A la fin de cet article, M. Bées parle d'autres passages de l'œuvre de l'évêque de Césarée où il est question des relations des Byzantins avec les Bulgares.

Kouguéas, S. B. Χρυσόβουλλον Κωνσταντίνου τοῦ Παλαιολόγου πρωτότυπον καὶ ἀνέκδοτον δι' οὗ ἐπικυροῦνται δωρεαὶ εἰς τοὺς υἱοὺς τοῦ Γεμιστοῦ (1449), p. 371—400.

Σύμμεικτα, p. 401—405.

Βιβλιογραφία, p. 407—461.

Εἰδήσεις, p. 463—469.

Νέα βιβλία, p. 470—476.

Πίναξ Περιεχομένων, p. 477—480.

Tome II, fascicule 1. (Année 1929).

Kourouniotis, C. Αἱ διαλύσεις τῶν ἐν ἄστει πρὸς τοὺς ἐν Ἐλευσῖνι μετὰ τὴν κατάλυσιν τῶν τριάκοντα (;) p. 5—10.

Sigalas, A. Ἐπιστολαὶ τῶν ἐν Κωνπόλει Καπουκεχαγιάδων τῆς Σύρου ἐπὶ Τουρκοκρατίας, p. 11—96.

Amantos, C. Τὰ ἐθνολογικὰ ὀνόματα εἰς τοὺς Βυζαντινοὺς συγγραφεῖς, p. 97—104. M. Amantos examine dans cet article les noms par lesquels les historiens et, en général, les auteurs Byzantins désignent les peuples voisins. Comme presque tous ces auteurs employaient une langue plus ou moins archaïque, les noms ethniques sont souvent empruntés à l'histoire de l'antiquité. Ainsi, par exemple, les Turcs sont parfois appelés Ἀχαιμενίδαι du nom de la dynastie persane. M. Amantos dit que pour la plupart les Byzantins donnaient aux peuples voisins le nom du peuple qui habitait le pays avant que ces derniers s'y établissent. Ainsi les Bulgares sont souvent appelés Μυσοὶ ou Ὀδρύσαι, les Hong rois Παίονες; ce dernier nom était parfois employé pour désigner les Serbes qui sont d'habitude appelés Τριβαλλοί. L'auteur de cet article parle, incidemment, du nom «Ἀρμένιοι» qui était souvent employé pour désigner des Grecs originaires du thème des Arméniaques.

Kéramopoulos, A. Οἱ Ἀχαιοὶ καὶ Δωριεῖς ἐν Μακεδονία, p. 105–115.

Kouguéas, S. B. Αἱ διαλύσεις τοῦ Ἐλευσινίου λίθου, p. 116–118.

Moravsik, Gyula. Ἄγνωστος κῶδιξ τῆς Ἐκθέσεως Χρονικῆς, p. 119–123. Note sur le Vaticanus gr. 1759 qui contient l'Ἔκθεσις Χρονικὴ dont nous avons parlé plus haut à propos d'un article de M. Amantos.

Amantos C. Βολερὸν, p. 124–126, M. Amantos a rassemblé dans ce bref article les différents passages des historiens Byzantins et des documents où figure le nom du thème de Βολερόν. Il croit que le nom est dérivé du mot grec βόλος et que par conséquent Βολερὸν = endroit poissonneux. Les divers passages permettent de conclure que le thème de Voléron était situé à l'est de Nestos.

Zakythinos, D. A. Ἀνέκδοτα πατριαρχικὰ ἔγγραφα τῶν χρόνων τῆς Τουρκοκρατίας. Μέρος πρῶτον, p. 127–166.

Andriotis, N. P. Κριτόβουλος ὁ Ἴμβριος καὶ τὸ ἱστορικό του ἔργο, p. 167–200. Mémoire sur la vie et l'oeuvre de l'historien grec du XVe siècle Critobule d'Imbros, auteur d'un intéressant ouvrage sur le règne de Mahomet II, de 1450 à 1467. L'oeuvre de Critobule est d'un intérêt capital pour l'histoire des peuples des Balkans.

Σύμμεικτα, p. 201–205.

Βιβλιογραφία, p. 207–244.

Εἰδήσεις, p. 245–253.

Νέα βιβλία, p. 254–256.

Tome II, fascicule 2.

Andréadès, A. Ἡ δημοσιονομικὴ πολιτικὴ τοῦ βασιλέως Λυσιμάχου, p. 257–266.

Sykoutris, J. Περὶ τὸ σχίσμα τῶν Ἀρσενιατῶν, p. 267–332.

Eustratiadès, S. Ἱστορικὰ μνημεῖα τοῦ Ἄθω, p. 333–384.

Zakythinos, D. A. Ἀνέκδοτα πατριαρχικὰ ἔγγραφα τῶν χρόνων τῆς Τουρκοκρατίας. Μέρος δεύτερον, p. 385–434.

Σύμμεικτα, p. 435–443.

Βιβλιογραφία, p. 445–480.

Εἰδήσεις, p. 481–489.

Νέα βιβλία, p. 491–500.

Πίναξ περιεχομένων, p. 501–503.

D. A. Zakythinos.

VÝMĚNOU DOŠLY
V DOBĚ OD 1. KVĚTNA 1930 DO 31. PROSINCE 1930
TYTO ČASOPISY:

Arhiva, organul Societaţii Istoricofilologice din Jaşi 37 (1930), 3—4.
Blgarski pregled I. (1929), 1, 2.
Bratislava, Časopis Učené Společnosti Šafaříkovy v Bratislavě I. (1927), II. (1928), III. (1929), IV. (1930), 1, 2—3.
Bulletin of the New York Public Library 34 (1930), 10, 11.
Byzantion V. (1930), 1, 2.
Časopis Muzeálnej Slovenskej Spoločnosti XXII. (1930), 1—3.
Časopis Národního musea CIV. (1930), 1—2.
Časopis za zgodovino in narodopisje XXV. (1930), 3, 4.
Československo-jihoslovanská revue I. (1930), 1—5.
Český časopis historický XXXVI. (1930), 2, 3—4.
Dom in svet XXXXIII. (1930), 1—8.
Échos d'Orient XXXIII. (1930), 158, 159, 160.
Eurasia Septentrionalis antiqua V. (1930).
L'Europa Orientale X. (1930), 1—10.
Glas Kralj. Srpske Akademije 136.
Glasnik Skopskog Naučnog Društva I. (1925), 1, I. (1926), 2, II. (1927), III. (1928), IV. (1928), V. (1929), VI. (1929), VII.—VIII. (1930), 3—4.
Glasnik Zemaljskog Muzeja u Sarajevu XL. (1928), XLI. (1929).
Irénikon VII. (1930), 2—5.
Izvestija na seminara na slavjanskata filologia pri univerziteta v Sofia VI. (1929).
Izvestija po russkomu jazyku i slovesnosti III. (1930), 1.
Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven V. (1929), 2, 3, 4, VI. (1930), 1.
Letopis Matice Srpske CIIII. (1930), 323, 324, 325, 326.
Listy filologické 58 (1930), 4—5.
Lud Słowiański I. (1929), 2.
Le Monde Slave II. (1925), III. (1926), IV. (1927), V. (1928), VI. (1929), VII. (1930), 1—4.
Národopisný věstník československý XXIII. (1930), 1, 2, 3.
Naše řeč XIV. (1930).
Naše věda XI. (1930), 4, 5, 6, 7.
Nauka Polska IV. (1923), V. (1925), VI. (1927), VII. (1928), VIII. (1927), IX. (1928), X. (1929), XI. (1929), XII. (1930), XIII. (1930).
Naukovyj zbornik Tovarystva »Prosvita« v Užhorodě VI. (1929).
Prilozi za književnost, jezik, istoriju i folklor V. (1925), VI. (1926), VII. (1927), VIII. (1928), IX. (1929), X. (1930).
Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti 233 (1927), 235 (1928), 237 (1929), 239 (1930).
Revue des études slaves IX. (1929), X. (1930), 1—2.
Rivista de letterature Slave V. (1930), 1—5.
Rodna reč IV. (1930), 1, 2.

Ruch literacki V. (1930), 7—10.
Sborník Muzeálnej Slovenskej Spoločnosti XXIII. (1929), 1, 2.
Sbornik ne Blgarskata akademija na naukitě, kniga XXV. (1929).
Seminarium Kondakovianum III. (1929).
Slavia IX. (1930), 1, 2, 3.
Slavia occidentalis IX. (1930).
Slavische Rundschau II. (1930), 8, 9, 10, III. (1931), 1.
Slovanský přehled XXII. (1930), 1—10.
Slovenské Pohľady XLVI. (1930).
Sprawozdania Polskiej Akademji Umiejętności XXXV. (1930), 1—6.
Ungarische Jahrbücher X. (1930), 1—4.
Věstník České akademie 39 (1930), 4.
Věstník Královské České Společnosti nauk, tř. fil.-hist.-jazykozpytná 1929.
Zapysky Naukovoho Tovarystva im. Ševčenka CL. (1929).
Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena XXVII., 1 (1929), 2 (1930).
Zeitschrift für slavische Philologie VI. (1929), VII. (1930), 1—2.

Str. – Page

K. Konstantopulos: Byzantiaka molybdobula. Athènes 1930 (M. LASKARIS) 424
V. Grecu: Origina chronicelor românești (M. LASKARIS) 425
A. Andriotis: Kritobulos o Imbrios (M. LASKARIS) 425
La technique d'édition dans deux collections de textes liturgiques grecques (J. FRČEK) 426–431
N. Nikolskij: Povest' vremennych let. Leningrad 1930 (G. IL'INSKIJ) 432–436
E. Karskij: Russkaja pravda. Leningrad 1930 (G. IL'INSKIJ) 436–440
A. Selišev: Polog i ego bolgarskoe naselenie. Sofija 1929. (G. IL'INSKIJ) 440–442
Materijaly z istorii vizant.-slov'janskoi literatury ta movy. Vyd. A. Rystenko (»Žitie Nifonta«). Odessa 1929 (M. WEINGART) 442–447
Roman Jakobson: Nejstarší české písně duchovní. V Praze 1929 (MILOŠ WEINGART) 447–453
Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Ludmile. Uspořádal Josef Vajs. V Praze 1929 (MILOŠ WEINGART) . . 453–457
Acta conventus Pragensis pro studiis orientalibus anno 1929 celebrati. Olomucii 1930 (FR. DVORNÍK) 457–462

ZPRÁVY – BIBLIOGRAPHIE ET CHRONIQUE 463–477

podávají: par:

M. A. ANDREEVA, N. BĚLJAEV, FR. DVORNÍK, J. FRČEK, G. IL'INSKIJ, J. KURZ, M. WEINGART.

Collection d'études byzantines et néo-grecques – Oriens Christianus – F. Stiebitz: Studie o slovesném vidu v řečtině novozákonní – V. Pogorělov: Napisanija grečeskich slov v kir.-meth. perevodě evangelija – O. Grünenthal: Das Eugenius – Psalterfragment – St. Romanski: Imena na někoi makedonski gradove – M. Laskaris: Vatopedskata gramota na car' Ivan Asěnja II. – Opisanie rukopisnogo otdelenija bibl. Akademii nauk SSSR – Polémique de Théodore II. Laskaris avec Nicéphore Blemmydes – Le commerce byzantin avec les pays tchèques aux IXe et Xe siècles – Le congrès pour l'étude de l'Orient chrétien – Byzantské emaily Závišova kříže ve Vyšším Brodě – La sainte face de Laon («Zografika») – Několik zaměčanij k rec. na knigu N. P. Kondakov, Očerki i zamětki – N. Okunev: Monumenta artis serbicae – L'art byzantin chez les Slaves, recueil dédié à la mémoire de Th. Uspenskij, sous la direction de G. Millet – Účast ČSR na byzantologickém kongrese v Athénách – † Nik. Běljaev.

VÝTAHY Z ČASOPISŮ – EXTRAITS DES PÉRIODIQUES 478–482

(JAN FRČEK et D. A. ZAKYTHINOS)

Bulletin de correspondance hellénique – Échos d'Orient – Izvestija po russkomu jazyku i slovesnosti – Ellenika.

Časopisy došlé výměnou 483

16 příloh — 16 tables.

ZPRÁVA Z REDAKCE

1. »Byzantinoslavica« vycházejí pololetně, v červnu a v prosinci, ve svazcích asi po 10 tisk. arších vel. 8°. Dva půlletní svazky tvoří ročník.

2. Každý svazek přináší články, posudky a bibliografické i jiné odborné zprávy.

3. Příspěvky budou uveřejňovány ve všech slovanských jazycích nebo francouzsky nebo německy. Články slovanské budou opatřeny výtahem francouzským nebo německým.

4. Páni autoři se *mažně* žádají, aby resumé zaslali *současně* se svým článkem.

5. Páni autoři se žádají, aby se *předem* dohodli s redakcí o themattu i rozsahu svých článků i ostatních příspěvků.

6. Páni autoři se žádají, aby posílali rukopisy psané pokud možno na stroji nebo aspoň dobře čitelně.

7. Všecky zásilky redakční (korespondenci, rukopisy, recensní výtisky) račte adresovati:

AVIS DE LA RÉDACTION

1° Les »Byzantinoslavica« paraîtront deux fois par an en un volume d'environ 160 p. in 8° (en juin et en décembre). L'année sera composée de ces deux numéros semestriels.

2° Chaque volume contiendra des articles, des compte-rendus critiques, une bibliographie et des notes sur des sujets spéciaux.

3° Les articles, les compte-rendus et les notes seront publiés dans l'une ou l'autre des langues slaves, ou en français ou en allemand. Les articles parus en langue slave seront accompagnés d'un résumé français ou allemand.

4° MM. les auteurs sont *instamment* priés de bien vouloir envoyer le résumé *en même temps* que le manuscrit de l'article.

5° MM. les auteurs sont priés de bien vouloir se mettre d'accord au préalable avec la rédaction en ce qui concerne le sujet et l'étendue des articles et d'autres manuscrits.

6° MM. les auteurs sont priés de bien vouloir envoyer des manuscrits autant que possible dactylographiés, ou au moins lisibles.

7° Tous les envois à la rédaction (correspondance, manuscrits, ouvrages pour compte-rendus), doivent être adressés à:

PROF. MILOŠ WEINGART, PRAHA VII, ŠTERNBERKOVA 1350

nebo — ou

Kancelář Slovanského ústavu — Direction de l'Institut Slave

Praha-III, Vlašská 19.

Roční předplatné Kč 80·— přijímá komisionář

Prix de l'abonnement annuel Kč 80·—, en commission à

»ORBIS«, PRAHA-XII, FOCHOVA 62,

nebo každé knihkupectví.

ou dans chaque librairie.

NB. **REJSTŘÍK bude (pro nepřítomnost sl. doc. M. Andreevé) připojen k 1. sv. III. roč.**

NB. **LES TABLES ANALYTIQUES seront annexées au vol. 1. du IIIe tome.**